Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 16, № 7А, 2026.

С. 1-639.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

July 2026, Volume 16, Issue 7A.

Pages 1-639.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 16, № 7А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник ***Института государства и права Российской академии наук*** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, ***Саратовская государственная юридическая академия*** – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ***Оренбургский государственный университет*** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.
ISSN 2222-5129.
Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42934** «Вопросы российского и международного права».
Цена договорная. Печ. л. 82. Формат 60x90/8.
Дата выхода в свет: 30.12.2026.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5232.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».
127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
July 2026, Volume 16, Issue 7A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the ***Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, ***Saratov State Law Academy*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, ***Orenburg State University*** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.
The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.
ISSN 2222-5129.
Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".
Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".
Contract price. 82 printed sheets. Format 60x90/8.
Date of release: 30.12.2026.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5232.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Дудченко Оксана Сергеевна
Правовая природа обязательных постановлений в системе нормативных актов местных органов власти РСФСР (1920–1930-е гг.) 11

Афамготов Эдуард Магаметович
Беликов Александр Викторович
Ешев Марат Альбекович
Марков Петр Николаевич
Сравнительный анализ Конституции Н. Муравьева, «Русской правды» П. Пестеля с действующей Конституцией РФ 18

Цеева Светлана Касимовна
Курбанова Елена Михайловна
Хачак Бэла Нальбиевна
История становления, понятие, задачи судебной баллистики и криминалистического исследования холодного оружия 25

Шинкевич Павел Петрович
Организационно-правовые основания советской миграционной политики в 1920-е годы 34

Жиков Михаил Викторович
Аксиологический компонент в современном правопонимании: от разграничения Блага и ценности к верификации правовых ценностей 44

Судоргина Ирина Николаевна
Категория «народ» как главный субъект историко-правового развития российской государственности 53

Судоргина Ирина Николаевна
Казачество как государственно-политический феномен России: историко-правовой аспект 61

Руднева Светлана Евгеньевна
Продовольственный кризис в Москве в августе 1917 года 68

Руднева Светлана Евгеньевна
Межфронтовое совещание представителей фронтовых и армейских комитетов в августе 1917 года 83

Костин Илья Александрович
Фиктивные субъекты права как результат нормативного конструирования: историко-теоретический анализ 92

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Галахов Егор Николаевич
Проблемы дискриминации при реализации конституционного права на свободу труда в аспекте исчисления стажа по юридической специальности 103

Яндиев Абдул-Керим Абдулазизович
Правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют 110

Фадеев Алексей Николаевич
Актуальные проблемы и тенденции развития административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок 122

Пшизова Елена Насурдиновна
Багова Инна Руслановна
Савина Светлана Викторовна
Устов Тимур Русланович
Административно-бюрократические ограничения социальных программ 136

Демидов Геннадий Константинович
Конституционно-правовая модель «государства устойчивого развития» в России: анализ положений статьи 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ 143

Шкиперов Антон Александрович
Бурыгин Алексей Анатольевич
Наку Антон Аркадьевич
Понятия внешнеэкономической сделки и внешнеэкономической операции в области экспортного контроля 150

Филиппова Эльвира Маисовна
Соотношение принципов всеобщности и адресности в современной системе социального обеспечения 162

Авдеева Ирина Сергеевна
К вопросу об определении предмета предпринимательского права 169

Хван Иван Игоревич
Сравнительно-правовой анализ актов центральных банков: модели России, Европейского союза, Польши, Румынии, США и Великобритании 175

Лащенкова Яна Вадимовна
Проблемы правоприменения при постановлении судом решения 183

Сергеева Арина Александровна
Особенности регулирования соглашения об оказании юридической помощи в силу публичной значимости адвокатской деятельности.....194

Алкесов Руслан Темботови
Выявление и преодоление проблем информационной безопасности в образовании 203

Юха Даниил Сергеевич
Тлисова Амалия Муратовна
Соколов Михаил Дмитриевич
Буркин Дмитрий Олегович
Проблема взыскания убытков при уничтожении товаров в результате атак беспилотных летательных аппаратов: кейс маркетплейса Wildberries 208

Гасаналиев Айгум Шапиевич
Муминов Гаджи Абдулмуминович
Соотношение федерального и регионального законодательства о государственной службе: проблемы унификации и различия 219

Глущенко Сергей Николаевич
Конституционно-правовые проблемы интеграции правовых систем новых субъектов в общее правовое пространство Российской Федерации 228

Сидоров Юрий Вадимович
Блинова Екатерина Алексеевна
Угрозы, влияющие на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета РФ.....236

Амирханова Юлия Сергеевна
Конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления 250

Лю Ган
Правовое регулирование динамических иммунных сетей и трансляция lncRNA-IRN1: от биомедицинских исследований к модели ответственных инноваций.....259

Корбат Лев Анатольевич
Публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации государственного управления 268

Шахов Даниил Владимирович
Правовое регулирование публичной финансовой деятельности Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: проблема системности правового режима....282

Зарецкая Марина Гаруновна
Мамишева Зара Аскарбиевна
Тхаркахо Марина Меджидовна
Значение института конституционного контроля в правовой охране Конституции Российской Федерации....299

Частно-правовые (цивилистические) науки

Смолков Константин Викторович
Негосударственное регулирование блокчейн-арбитража 307

Загорских Светлана Анатольевна
Эмоциональное оставление ребенка в российском семейном праве: проблемы квалификации и правовые последствия....314

Каменев Арсений Юрьевич
К вопросу об установлении слабой стороны договора при разрешении гражданско-правовых споров 330

Гордюшкин Игорь Германович
Иммунитеты межправительственных финансовых организаций: судебная юрисдикция, обеспечительные меры и принудительное исполнение в Российской Федерации 337

Хаджалдиева Екатерина Александровна
Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров, в том числе в области физической культуры и спорта....353

Есиева Фатима Казбековна
Газзаева Мадина Тотрбековна
Роль судебного примирителя и медиатора в арбитражном процессе....361

Смоляков Данила Максимович
Особенности опционных соглашений в сделках с долями (акциями) хозяйственных обществ....370

Федоренко Наталия Владимировна
Левина Юлия Владимировна
Вопросы использования электронных (цифровых) доказательств в арбитражном процессе....379

Самодумов Денис Александрович
Упущенная возможность как негативный интерес: стандарт обоснованной претензии и начисление мораторных процентов....387

Ковардинова-Мкртумян Нина Владимировна
Ермаков Андрей Вячеславович
Правовое регулирование охраны селекционных достижений при создании новых сортов в России (на примере гороха и кукурузы) 396

Тряпочкин Никита Андреевич
Кулюшин Евгений Николаевич
Признание факта как результат примирительных процедур: мировое соглашение 405

Кара Игорь Степанович
Криминологические причины и последствия некоторых форм деструктивного поведения подростков на примере квадробинга 416

Первухина Светлана Игоревна
О современной концепции реформирования института медиации в России 427

Климанов Егор Игоревич
Являются ли ограничения в оплате регистрационного, арбитражного и иных сборов безусловным препятствием в доступе к правосудию? 439

Дубровский Иван Александрович
Судебная неустойка как средство понуждения к голосованию по корпоративному договору 450

Воронцов Егор Артёмович
Сравнительный анализ патентования селекционных достижений в постсоветских государствах: подходы к гармонизации 456

Баев Евгений Евгеньевич
Пользовательское соглашение об использовании генеративного ИИ как смешанный договор: элементы лицензионного договора и договора оказания услуг 465

Соколов Максим Владимирович
Критерии квалификации недобросовестного поведения гражданина-должника при решении вопроса об освобождении от обязательств 475

Уголовно-правовые науки

Пекарева Виктория Владимировна
Уголовная политика в сфере обеспечения цифрового суверенитета 483

Гомонов Николай Дмитриевич
Труш Владимир Михайлович
Рашева Наталья Юрьевна
Аддитивность генетической предрасположенности к делинквентности 492

Белоусов Анатолий Валерьевич
К вопросу о научном обосновании криминального профиля личности 500

Денисенко Евгений Владимирович
Сравнительно-правовой анализ института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике 514

Милаева Майя Юрьевна
Колмакова Милена Владимировна
Правовая неопределённость при квалификации кибератак по статьям 272 и 273 УК РФ 523

Ершова Ирина Владимировна
Проблемы привлечения к ответственности судебно-медицинского эксперта 534

Тедети Георгий Вячеславович
Хищение криптовалюты и цифровых финансовых активов: квалификация в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ 541

Парфёнов Константин Иванович
Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации распространения экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта 551

Парфёнов Константин Иванович
Предмет доказывания и цифровые следы по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта 564

Демченко Виктория Викторовна
Применение беспилотных летательных аппаратов при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий по розыску без вести пропавших лиц 576

Кузнецов Феликс Андреевич
К вопросу отграничения составов правонарушений членов экстремистского движения «АУЕ»....585

Новиков Алексей Валерьевич
Правовые ограничения применения систем поведенческой оценки в пенитенциарной среде в зарубежных странах....594

Новиков Алексей Валерьевич
Эволюция института пенитенциарной системы США 2010-2025 годы: аспекты трансформации парадигмы оценки эффективности 602

Лебешев Иван Сергеевич
Шульц Евгений Вячеславович
Слабкая Диана Николаевна
О социально-демографической характеристики осужденных, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы: сравнительный анализ 612

Международно-правовые науки

Дзыбова Саида Гиссовна
Сташ Зарема Кималовна
Марков Петр Николаевич
Совершенствование работы организаций по обеспечению международной безопасности.....625

Подтоптанный Александр Александрович
Борьба с гринвошингом в системе ESG-рейтингования: правовые и экономические механизмы обеспечения достоверности экологической отчётности....633

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Oksana S. Dudchenko
The Legal Nature of Compulsory Resolutions in the System of Normative Acts of Local Authorities of the RSFSR (1920s–1930s)..... 11

Eduard M. Afamgotov
Aleksandr V. Belikov
Marat A. Eshev
Petr N. Markov
Comparative Analysis of N. Muravyov's Constitution and P. Pestel's "Russian Truth" with the Current Constitution of the Russian Federation 18

Svetlana K. Tseeva
Elena M. Kurbanova
Bela N. Khachak
The History of Formation, Concept, and Tasks of Forensic Ballistics and the Forensic Study of Edged Weapons 25

Pavel P. Shinkevich
Organizational and Legal Foundations of Soviet Migration Policy in the 1920s 34

Mikhail V. Zhikov
The Axiological Component in Modern Legal Understanding: From the Distinction Between the Good and Value to the Verification of Legal Values..... 44

Irina N. Sudorgina
The Category of "People" as the Main Subject of the Historical and Legal Development of Russian Statehood..... 53

Irina N. Sudorgina
The Cossacks as a State-Political Phenomenon of Russia: Historical and Legal Aspect..... 61

Svetlana E. Rudneva
The Food Crisis in Moscow in August 1917..... 68

Svetlana E. Rudneva
The Inter-Front Conference of Representatives of Front and Army Committees in August 1917 83

Il'ya A. Kostin
Fictitious Legal Subjects as a Result of Normative Construction: A Historical-Theoretical Analysis 92

Public law (state and law) sciences

Egor N. Galakhov
Problems of Discrimination in the Implementation of the Constitutional Right to Freedom of Labour in the Aspect of Calculating Length of Service in the Legal Specialty 103

Abdul-Kerim A. Yandiev
The Legal Regime of Digital Financial Assets (DFAs) and Cryptocurrencies 110

Aleksei N. Fadeev
Current Problems and Development Trends of Administrative and Legal Regulation in the Sphere of State and Municipal Procurement.....122

Elena N. Pshizova
Inna R. Bagova
Svetlana V. Savina
Timur R. Ustov
Administrative and Bureaucratic Restrictions of Social Programs.....136

Gennadii K. Demidov
The Constitutional and Legal Model of the "State of Sustainable Development" in Russia: An Analysis of the Provisions of Article 1 of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ.....143

Anton A. Shkiperov
Aleksei A. Burygin
Anton A. Naku
The Concepts of Foreign Economic Transaction and Foreign Economic Operation in the Field of Export Control.....150

El'vira M. Filippova
The Correlation of the Principles of Universality and Targeting in the Modern Social Security System.....162

Irina S. Avdeeva
On the Question of Defining the Subject of Business Law.....169

Ivan I. Khvan
Comparative Legal Analysis of Acts of Central Banks: Models of Russia, the European Union, Poland, Romania, the USA, and the United Kingdom.....175

Yana V. Lashchenkova
Problems of Law Enforcement in the Rendering of a Judgment by a Court.....183

Arina A. Sergeeva
Specific Features of Regulating an Agreement on the Provision of Legal Assistance Due to the Public Significance of Advocatory Activity.....194

Ruslan T. Alkesov
Identifying and Overcoming Information Security Problems in Education.....203

Daniil S. Yukha
Amaliya M. Tlisova
Mikhail D. Sokolov
Dmitrii O. Burkin
The Problem of Recovering Damages in the Destruction of Goods as a Result of Unmanned Aerial Vehicle Attacks: The Case of the Wildberries Marketplace.....208

Aigum Sh. Gasanaliev
Gadzhi A. Muminov
The Relationship Between Federal and Regional Legislation on Civil Service: Problems of Unification and Differences.....219

Sergei N. Glushchenko
Constitutional and Legal Problems of Integrating the Legal Systems of New Subjects into the Common Legal Space of the Russian Federation.....228

Yurii V. Sidorov
Ekaterina A. Blinova
Threats Affecting the Organizational and Legal Support of the Financial Sovereignty of the Russian Federation.....236

Yuliya S. Amirkhanova
The Constitutional-Legal Nature of Youth Policy as an Independent Sphere of Public Administration.....250

Liu Gang
Legal Regulation of Dynamic Immune Networks and the Translation of lncRNA-IRN1: From Biomedical Research to a Responsible Innovation Model.....259

Lev A. Korbat
Public-Law Limits of Regulating Subjective Expression of Will in the Context of the Digital Transformation of Public Administration.....268

Daniil V. Shakhov
Legal Regulation of Public Financial Activity of the Russian Federation in the Context of Digital Transformation: The Problem of the Systemic Nature of the Legal Regime 282

Marina G. Zaretskaya
Zara A. Mamisheva
Marina M. Tkharkakho
The Significance of the Institution of Constitutional Control in the Legal Protection of the Constitution of the Russian Federation 299

Private law (civilistic) sciences

Konstantin V. Smolkov
Non-State Regulation of Blockchain Arbitration 307

Svetlana A. Zagorskikh
Emotional Abandonment of a Child in Russian Family Law: Problems of Qualification and Legal Consequences 314

Arsenii Yu. Kamenev
On the Issue of Establishing the Weak Party to a Contract in the Resolution of Civil Law Disputes 330

Igor' G. Gordyushkin
Immunities of Intergovernmental Financial Organizations: Judicial Jurisdiction, Interim Measures, and Enforcement in the Russian Federation 337

Ekaterina A. Khadzhaldieva
Specific Features of the Consideration of Individual Labor Disputes, Including in the Field of Physical Culture and Sports 353

Fatima K. Esieva
Madina T. Gazzaeva
The Role of the Judicial Conciliator and Mediator in Arbitration Proceedings 361

Danila M. Smolyakov
Specific Features of Option Agreements in Transactions with Shares (Stocks) of Business Companies 370

Nataliya V. Fedorenko
Yuliya V. Levina
Issues of Using Electronic (Digital) Evidence in Arbitration Proceedings 379

Denis A. Samodumov
Lost Opportunity as Negative Interest: The Standard of a Reasonable Claim and the Accrual of Moratorium Interest 387

Nina V. Kovardinova-Mkrtumyan
Andrei V. Ermakov
Legal Regulation of the Protection of Breeding Achievements in the Creation of New Varieties in Russia (on the Example of Peas and Maize) 396

Nikita A. Tryapochkin
Evgenii N. Kulyushin
Recognition of a Fact as a Result of Conciliation Procedures: A Settlement Agreement 405

Igor' S. Kara
Criminological Causes and Consequences of Certain Forms of Destructive Behavior in Adolescents on the Example of Quadrobics 416

Svetlana I. Pervukhina
On the Modern Concept of Reforming the Institution of Mediation in Russia 427

Egor I. Klimanov
Are Restrictions on the Payment of Registration, Arbitration and Other Fees an Absolute Obstacle to Access to Justice? 439

Ivan A. Dubrovskii
Judicial Penalty (Astreinte) as a Means of Compelling Voting Under a Corporate Agreement 450

Egor A. Vorontsov
Comparative Analysis of Patenting Breeding Achievements in Post-Soviet States: Approaches to Harmonization 456

Evgenii E. Baev
The User Agreement on the Use of Generative AI as a Mixed Contract: Elements of a License Agreement and a Service Agreement 465

Maksim V. Sokolov
Criteria for Qualifying the Bad-Faith Behavior of a Citizen-Debtor When Deciding on Release from Obligations 475

Criminal law sciences

Viktoriya V. Pekareva
Criminal Policy in the Sphere of Ensuring Digital Sovereignty 483

Nikolai D. Gomonov
Vladimir M. Trush
Natal'ya Yu. Rasheva
Additivity of Genetic Predisposition to Delinquency 492

Anatolii V. Belousov
On the Scientific Substantiation of the Criminal Profile of Personality 500

Evgenii V. Denisenko
Comparative Legal Analysis of the Institution of Necessary Defense in the Russian Federation and the People's Republic of China 514

Maiya Yu. Milaeva
Milena V. Kolmakova
Legal Uncertainty in the Qualification of Cyberattacks under Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation 523

Irina V. Ershova
Problems of Holding a Forensic Medical Expert Accountable 534

Georgii V. Tedeti
Theft of Cryptocurrency and Digital Financial Assets: Qualification in the Light of New Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 541

Konstantin I. Parfenov
Criminal-Legal Characterization and Problems of Qualifying the Distribution of Extremist Materials Created Using Artificial Intelligence Technologies 551

Konstantin I. Parfenov
The Subject of Proof and Digital Traces in Criminal Cases on the Distribution of Extremist Materials Created Using Artificial Intelligence Technologies 564

Viktoriya V. Demchenko
The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Conducting Operational-Investigative Measures for the Search of Missing Persons 576

Feliks A. Kuznetsov
On the Issue of Distinguishing the Elements of Offenses Committed by Members of the Extremist Movement "AUE" 585

Aleksei V. Novikov
Legal Restrictions on the Use of Behavioral Assessment Systems in the Penitentiary Environment in Foreign Countries.....594

Aleksei V. Novikov
Evolution of the Institution of the US Penitentiary System, 2010–2025: Aspects of the Transformation of the Paradigm for Assessing Effectiveness 602

Ivan S. Lebeshev
Evgenii V. Shul'ts
Diana N. Slabkaya
On the Socio-Demographic Characteristics of Convicts Serving Sentences Repeatedly in Places of Deprivation of Liberty: A Comparative Analysis 612

International legal sciences

Saida G. Dzybova
Zarema K. Stash
Petr N. Markov
Improving the Work of Organizations for Ensuring International Security 625

Aleksandr A. Podtoptannyi
Combating Greenwashing in the ESG Rating System: Legal and Economic Mechanisms for Ensuring the Reliability of Environmental Reporting.....633

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.51.09 **DOI: 10.34670/AR.2026.74.25.001**

Правовая природа обязательных постановлений в системе нормативных актов местных органов власти РСФСР (1920–1930-е гг.)

Дудченко Оксана Сергеевна

Доктор юридических наук, доцент,
кафедра истории,
Российский государственный аграрный
университет – МСХА им. К.А. Тимирязева,
127434, Российская Федерация, Москва, ул. Тимирязевская, 49;
e-mail: oksana-dudchenko@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового статуса и функциональной роли обязательных постановлений как особой разновидности нормативных актов, издаваемых местными органами государственной власти РСФСР в период 1920-х годов. В центре внимания исследования находятся вопросы юридической природы данных актов, их места в иерархии правотворчества советского государства, а также практики их применения в контексте становления и развития советской правовой системы. Автор исследует генезис института обязательных постановлений, выявляет их ключевые признаки, отличающие их от иных форм нормативного регулирования (декретов, постановлений центральной власти, распоряжений и инструкций). Особое внимание уделяется проблеме соотношения общегосударственного и местного нормотворчества в условиях формирования советской государственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Дудченко О.С. Правовая природа обязательных постановлений в системе нормативных актов местных органов власти РСФСР (1920–1930-е гг.) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2026.74.25.001

Ключевые слова

Местные органы государственной власти, нормотворчество, нормативные правовые акты, обязательные постановления, юридическая природа, правовая система, советское право, местное регулирование, история права.

Введение

В современный период системного преобразования институтов публичной власти на местах особую значимость обретает изучение накопленного отечественного опыта их организации и функционирования. Проводимые административные реформы, направленные на оптимизацию вертикали управления и перераспределение полномочий между уровнями власти, требуют научного осмысления как современных тенденций, так и исторических прецедентов. В этом контексте целенаправленный анализ правовых и организационных основ деятельности местных органов государственного управления, сложившихся в советскую эпоху, представляется не просто академическим интересом, а актуальной исследовательской задачей. Система советских органов государственной власти закреплялась Конституцией РСФСР 1918 г., принятой V Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г. (вступила в силу 19 июля 1918 г.). В соответствии с Конституцией Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918 г., институтами местного управления были определены городские и сельские Советы депутатов от рабочих, крестьян и красноармейцев, а также формируемые этими Советами исполнительные комитеты (исполкомы) [История советской Конституции, 1957, с. 142]. Помимо этого, к системе местных органов власти относились губернские, уездные и волостные съезды Советов и создаваемые ими исполнительные комитеты, которые выполняли координирующие и распорядительные функции на соответствующей административно-территориальной единице. Таким образом, советская модель местного управления в РСФСР структурно основывалась на принципе иерархического сочетания представительных органов (Советов и их съездов) и формируемых ими постоянно действующих исполнительно-распорядительных органов (исполкомов), что обеспечивало реализацию государственной власти на местах.

Основная часть

Согласно статье 63 Основного закона РСФСР 1918 года, «для выполнения возложенных на органы Советской власти задач при Советах (городских и сельских) и исполнительных комитетах (областных, губернских, уездных и волостных) образуются соответствующие отделы во главе с руководителями» [История советской Конституции, 1957, с. 153]. Данная формулировка позволяет сделать вывод о законодательном закреплении в Конституции РСФСР обобщающего термина «орган советской власти», однако, его содержание в нормативно-правовых актах РСФСР не раскрывалось [Дудченко, 2024, с. 16–23].

Оценивая практику советского нормотворчества в период 1920-х – начала 1930-х годов, можно констатировать, что её ключевой характеристикой было отсутствие чёткой системной организации и жёстко формализованной иерархической соподчинённости различных правовых актов. Т.Н. Ильина подчеркивает в своём исследовании, что в условиях того периода разделение нормативных актов на собственно законы и подзаконные документы было крайне затруднительным, а зачастую и вовсе невозможным [Ильина, 2013, с. 153].

Местные органы власти, функционировавшие в рассматриваемый период, осуществляли активную нормотворческую деятельность. Издаваемые ими правовые акты были ориентированы на решение двух взаимосвязанных стратегических задач: защиту достижений революционного переустройства и обеспечение общественной безопасности [Алёшкина, 2009, с. 38]. В рамках данного направления регулирования можно выделить несколько ключевых

сфер. Во-первых, это формирование и укрепление новой системы государственного управления, пришедшей на смену дореволюционным институтам. Во-вторых, это борьба с хозяйственной разрухой и планомерная организация экономической деятельности на основе принципов, провозглашённых новой властью. В-третьих, нормативные акты местных органов были направлены на установление и поддержание строгой трудовой дисциплины, что рассматривалось как необходимое условие для восстановления и развития народного хозяйства.

В пределах своей компетенции местные органы власти имели право издавать обязательные постановления. Как отмечал в 1923 году А.Н. Колесников, «по сути своей обязательное постановление является местным законом, который отличается от законов, издаваемых центральными органами, только тем, что ограничена территория, на которую они распространяют свое действие, и тем, что обязательное постановление не противоречит декретам и постановлениям центральной власти, которая не может отменять эти постановления» [Колесников, 1923, с. 13].

Впервые обязательные постановления как нормативно-правовые акты местных органов власти предусматривались циркулярным распоряжением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О порядке издания на местах обязательных постановлений» от 11 марта 1921 г. № 162 [СУ РСФСР, 1921, № 30, с. 169], согласно которому исполкомы, в пределах своей компетенции, предусмотренной ст. 61 Конституции РСФСР, постановлениями VII и VIII Всероссийского съездов советов о советском строительстве, положениями ВЦИК о волостных исполнительных комитетах и сельских советах, имели право издавать обязательные постановления, действие которых распространялось на все население соответствующего района и советские учреждения, расположенные на его территории.

Во второй половине 1920-х гг. право издания обязательных постановлений местными органами советской власти закреплялось Постановлением ВЦИК и СНК от 28 июня 1926 г. [СУ РСФСР, 1926, № 39, ст. 304] с последующими к нему дополнениями и изменениями [СУ РСФСР, 1927, № 13, ст. 91]. Основной принцип, положенный в основу этого постановления, исходит из отмеченной ранее необходимости установления ограничительного перечня вопросов, который и составляет предел ведения исполкомов и горсоветов в деле издания обязательных постановлений [Власов, 1927, с. 146]. Это постановление, отказавшись от широкой формулировки прав местных органов власти по изданию обязательных постановлений, права которых ранее определялись по декрету ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г. [СУ РСФСР, 1922, № 48, ст. 603] пределами ст. 61 Конституции РСФСР и постановлениями Всероссийских съездов советов, – ограничивает их нормотворческую сферу действия определенными рамками. Причины этого, как отмечал В.А. Власов, «… лежат в необходимости целесообразного разграничения сферы действия между соответствующими органами власти, а не в каком-либо сознательном умалении прав и свободы местных органов власти» [Власов, 1927, с. 146].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и Советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» от 30 марта 1931 г. также закрепляло, что местные исполкомы и советы, а также их президиумы (согласно Конституции РСФСР 1937 г. исполкомы президиумов не образуют) имеют право «в пределах соответствующей территории издавать обязательные постановления, устанавливая в них для всего населения или отдельных его групп или учреждений, предприятий и организаций те или иные обязанности, несоблюдение которых влечет ответственность в административном или, в подлежащих случаях, в судебном порядке» [Хронологическое собрание..., 1959].

Краевые (областные) исполнительные комитеты, включая аналогичные органы власти в автономных областях, были наделены правом принятия обязательных постановлений. Данное полномочие распространялось на всю сферу вопросов, относившихся к их ведению. Конкретные границы компетенции и правомочий этих органов детально регламентировались в специальных положениях, которые определяли их статус, структуру и функции. Президиумы указанных исполкомов, выступая в качестве их постоянно действующих рабочих органов, также обладали аналогичным правом издавать обязательные постановления в рамках делегированных им полномочий. Таким образом, система краевых и областных органов власти обладала значительной нормотворческой самостоятельностью, реализуемой через издание локальных нормативных актов, обязательных для исполнения на соответствующей территории всеми учреждениями, организациями и гражданами.

Исполнительные комитеты районного уровня, а также органы, приравненные к ним по своему административному статусу, и их соответствующие президиумы были уполномочены принимать обязательные к исполнению постановления. Сфера их нормотворческой компетенции охватывала определённый круг вопросов, имевших прямое отношение к обеспечению жизнедеятельности и правопорядка на подведомственной территории. Во-первых, в их полномочия входило издание актов, направленных на обеспечение охраны общественного порядка. Это включало нормативное регулирование борьбы с различными формами хулиганских проявлений, в том числе с действиями, нарушающими покой граждан в ночное время. Во-вторых, они могли издавать постановления, касающиеся охраны здоровья населения. Данное направление предполагало установление правил соблюдения санитарных норм, организацию мероприятий, нацеленных на оздоровление населённых пунктов, регулирование сферы общественного питания и санитарно-бытовых условий жизни граждан, а также принятие мер по борьбе с распространением заболеваний. В-третьих, к их ведению относились вопросы борьбы со стихийными бедствиями. Они были уполномочены устанавливать правила и меры, касающиеся предупреждения и ликвидации последствий таких чрезвычайных ситуаций, как пожары и наводнения. В-четвёртых, районные исполкомы могли издавать обязательные акты в сфере охраны лесов и лесных насаждений. Эти документы были направлены на предотвращение незаконных порубок, истребления зелёных массивов и возникновения лесных пожаров. Также, в сферу их регулирования входило установление порядка деятельности промышленных и торговых предприятий (речь шла, в частности, о контроле за соблюдением этими субъектами хозяйствования предъявляемых к ним общественных требований); регулирование деятельности предприятий сферы услуг; обеспечение общественной безопасности в промышленно-торговой сфере; организация системы всеобщего начального образования; ликвидация неграмотности среди военнообязанных; установление тарифов на услуги транспорта; организация и регулирование уличного движения; контроль за состоянием зданий, коммуникаций и благоустройством, в частности, за аварийным фондом; регламентация торговой деятельности; ветеринарно-санитарный надзор; учёт поголовья скота; организация дворницкой и сторожевой службы; расквартирование воинских частей; размещение населения при чрезвычайных ситуациях и другие вопросы местного значения [Хронологическое собрание..., 1959].

Таким образом, нормотворчество районных исполкомов носило ярко выраженный прикладной и социально-ориентированный характер, будучи сосредоточено на решении актуальных повседневных задач локального управления.

Местные органы власти, уполномоченные издавать обязательные постановления, не имели права делегировать указанные полномочия нижестоящим учреждениям. Следовательно, данное

полномочие носило персонифицированный характер и не подлежало дальнейшей делегации иным органам или структурным подразделениям самих исполкомов. Такой подход был направлен на централизацию нормотворческого процесса и предотвращение правового хаоса, который мог возникнуть в результате бесконтрольного нормотворчества на местах.

Издание обязательных постановлений было сопровождалось рядом существенных процедурных гарантий и временных ограничений. Срок действия такого нормативного акта, как правило, не мог превышать один год, что обеспечивало периодический пересмотр и актуализацию местного регулирования в соответствии с изменяющейся обстановкой. Легитимность документа обеспечивалась обязательной подписью председателя исполнительного комитета или его заместителя, а также заверением секретаря, что закрепляло персональную ответственность руководителей за принимаемое решение. Неотъемлемым условием вступления постановления в силу являлось его официальное опубликование для всеобщего сведения, что реализовывало принцип гласности в деятельности советов и обеспечивало информированность населения о вводимых правилах.

Отделы исполкомов и иные местные учреждения не обладали автономным правом на издание общеобязательных актов. Их роль в данном процессе ограничивалась правом законодательной инициативы: они могли вносить свои предложения и проекты постановлений на рассмотрение президиума соответствующего губернского или уездного исполкома. При этом внесение проекта должно было сопровождаться предварительным согласованием с профильным отделом губернского управления, отвечавшим за практическую реализацию будущих норм.

Все принятые уездными исполкомами обязательные постановления подлежали немедленной передаче в соответствующие отделы губернского управления для регистрации и последующего контроля. Более того, для обеспечения единого правового пространства и централизованного надзора копии всех обязательных постановлений, изданных на территории губернии, в обязательном порядке направлялись в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. Таким образом, создавалась двухуровневая система контроля: на местном (губернском) и общегосударственном (наркоматском) уровнях, что позволяло центру отслеживать местное нормотворчество и оперативно вмешиваться в случае принятия актов, противоречащих общесоюзному законодательству или генеральной политической линии.

Заключение

Обязательные постановления представляли собой нормативные правовые акты, основным содержанием которых являлось установление конкретных обязанностей либо категорических запретов на совершение определённых действий (Обязательные постановления Вологодского губернского исполнительного комитета «О регистрации рождений и смертей» от 08 июля 1925 г. № 112; «О мерах предосторожности от пожара» от 21 мая 1925 г., № 101; «О порядке регистрации потребительских обществ и их союзов» от 03 февраля 1925 г.) [Сборник важнейших распоряжений..., 1925, с. 33–38]. Ключевой отличительной чертой данной правовой формы было непременное закрепление в тексте мер юридической ответственности, применяемых в случае нарушения предписанных норм. Устанавливаемые обязанности и запреты могли быть адресованы как ко всему населению, проживающему на подконтрольной административной территории, так и к отдельным социальным или профессиональным группам, а также к государственным учреждениям, общественным объединениям и иным

организациям. В силу своего общеобязательного характера такие постановления подлежали обязательному доведению до сведения населения путём официального опубликования (обнародования) с использованием доступных для широкой аудитории способов коммуникации. Таким образом, они выступали в качестве локального инструмента регулирования общественных отношений, обеспечивая правовую определённость и гарантируя применение санкций за несоблюдение предписаний местной власти.

Библиография

1. Алёшкина, Э. Н. Виды и структура местных нормативных актов в период создания Советского государства (1917–1918 гг.) / Э. Н. Алёшкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 1. – С. 35–41. – URL: https://rucont.ru/efd/516976 .
2. Власов, В. А. Обязательные постановления местных органов Советской власти / В. А. Власов // Советское право. – 1927. – № 4. – С. 145–169.
3. Дудченко, О. С. Конституционное определение понятий «орган государства», «орган государственной власти» и «орган государственного управления» в 1920-х гг. / О. С. Дудченко // Юридическая гносеология. – 2024. – № 8. – С. 16–23.
4. Ильина, Т. Н. Нормотворчество органов власти советского государства в первые послереволюционные годы / Т. Н. Ильина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс : сборник научных статей. 1918 год: Рождение традиции. – Курск : КГУ, 2013. – Вып. 6. – С. 121–134.
5. История советской Конституции (в документах): 1917–1956 гг. – М. : Госюриздат, 1957. – 1046 с.
6. Колесников, А. Н. Обзор декрета 27 июля 1922 г. и обязательных постановлений за 1922 год / А. Н. Колесников // Власть советов. – 1923. – № 8–9. – С. 11–17.
7. Сборник важнейших распоряжений центральных и губернских органов власти (руководство для волисполкомов и сельсоветов) / Издание Вологодского губисполкома. – Вологда, 1925. – 133 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1921. – № 30. – Ст. 162.
9. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1922. – № 48. – Ст. 603.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1926. – № 39. – Ст. 304.
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1927. – № 13. – Ст. 91.
12. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1929–1939 гг. – М. : Госюриздат, 1959. – 495 с.

The Legal Nature of Compulsory Resolutions in the System of Normative Acts of Local Authorities of the RSFSR (1920s–1930s)

Oksana S. Dudchenko

Doctor of Law, Associate Professor,
Department of History,
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
127434, 49, Timiryazevskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: oksana-dudchenko@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal status and functional role of compulsory resolutions as a special variety of normative acts issued by local state authorities of the RSFSR in the period of the 1920s. The research focuses on the legal nature of these acts, their place in the hierarchy of law-making of the Soviet state, as well as the practice of their application in the context of the formation and development of the Soviet legal system. The author examines the genesis of

the institution of compulsory resolutions, identifies their key features distinguishing them from other forms of normative regulation (decrees, resolutions of the central authority, orders, and instructions). Particular attention is paid to the problem of the correlation between statewide and local law-making in the conditions of the formation of Soviet statehood.

For citation

Dudchenko O.S. (2026) Pravovaya priroda obyazatel'nykh postanovleniy v sisteme normativnykh aktov mestnykh organov vlasti RSFSR (1920–1930-e gg.) [The Legal Nature of Compulsory Resolutions in the System of Normative Acts of Local Authorities of the RSFSR (1920s–1930s)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2026.74.25.001

Keywords

Local state authorities, law-making, normative legal acts, compulsory resolutions, legal nature, legal system, Soviet law, local regulation, history of law.

References

1. Aleshkina, E. N. (2009). Vidy i struktura mestnykh normativnykh aktov v period sozdaniya Sovetskogo gosudarstva (1917–1918 gg.) [Types and structure of local normative acts during the creation of the Soviet state (1917–1918)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, (1), 35–41. https://rucont.ru/efd/516976
2. *Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR. Vol. 2. 1929–1939*. (1959). Gosyurizdat.
3. Dudchenko, O. S. (2024). Konstitutsionnoye opredeleniye ponyatiy "organ gosudarstva", "organ gosudarstvennoy vlasti" i "organ gosudarstvennogo upravleniya" v 1920-kh gg. [Constitutional definition of the concepts of "state body", "state authority body" and "state administration body" in the 1920s]. *Yuridicheskaya gnoseologiya*, (8), 16–23.
4. *History of the Soviet Constitution (in documents): 1917–1956*. (1957). Gosyurizdat.
5. Ilyina, T. N. (2013). Normotvorchestvo organov vlasti sovetskogo gosudarstva v pervye poslerevolyutsionnyye gody [Law-making of the Soviet state authorities in the early post-revolutionary years]. In *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. 1918 god: Rozhdeniye traditsii* (Issue 6, pp. 121–134). KSU.
6. Kolesnikov, A. N. (1923). Obzor dekreta 27 iyulya 1922 g. i obyazatel'nykh postanovleniy za 1922 god [Review of the decree of 27 July 1922 and mandatory regulations for 1922]. *Vlast' sovetov*, (8–9), 11–17.
7. *Collection of the most important orders of central and provincial authorities (guide for volost executive committees and village councils)*. (1925). Vologda Guberniya Executive Committee.
8. *Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government*. (1921). No. 30, Art. 162.
9. *Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government*. (1922). No. 48, Art. 603.
10. *Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government*. (1926). No. 39, Art. 304.
11. *Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government*. (1927). No. 13, Art. 91.
12. Vlasov, V. A. (1927). Obyazatel'nyye postanovleniya mestnykh organov Sovetskoy vlasti [Mandatory regulations of local bodies of Soviet power]. *Sovetskoye pravo*, (4), 145–169.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.4 **DOI: 10.34670/AR.2026.40.17.002**

Сравнительный анализ Конституции Н. Муравьева, «Русской правды» П. Пестеля с действующей Конституцией РФ

Афамготов Эдуард Магаметович

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Беликов Александр Викторович

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Ешев Марат Альбекович

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: maratusik@yandex.ru

Марков Петр Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: markov.petr.1977@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются ключевые направления трех конституционных концепций, проектов, каждый из которых отражает уникальные социально-политические установки их авторов. Конституция Муравьева представляет собой либеральный проект, допускающий

создание конституционной монархии с разделением властей с гарантиями обеспечения прав и свобод граждан. «Русская Правда» Пестеля, в противовес, является радикальным республиканским меморандумом, который предлагает учреждение демократической республики с твердой центральной властью. Действующая Конституция РФ, принятая в 1993 г., объединила элементы обоих проектов, но адаптировала их к современным реалиям. В ней зафиксированы принципы федерализма, разделения властей, правового государства и защиты прав и свобод человека и гражданина. Сопоставительный анализ позволяет раскрыть эволюцию конституционных идей в России от разработок декабристов до современной Конституции. Он также демонстрирует, как исторические и политические условия влияли на формирование и развитие конституционализма в стране.

Для цитирования в научных исследованиях

Афамготов Э.М., Беликов А.В., Ешев М.А., Марков П.Н. Сравнительный анализ Конституции Н. Муравьева, «Русской правды» П. Пестеля с действующей Конституцией РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 18-24. DOI: 10.34670/AR.2026.40.17.002

Ключевые слова

Декабристы, Пестель, Муравьев, Конституция, проект, реформы, форма правления, конституционализм, разделение властей, права и свободы граждан.

Введение

История конституционного строительства в России – это длительный и сложный процесс, включающий в себя несколько этапов, инициируемых с дореволюционных проектов и заканчивая современной Конституцией. Научное осмысление данного процесса дает возможность установить, как менялись воззрения о государственном устройстве, правах и свободах граждан в разные периоды российской истории. Рассматривается конституционное развитие как сложный процесс, включающий несколько этапов, каждый из которых характеризуется определенными особенностями и тенденциями.

Основная часть

В настоящем исследовании анализируются отдельные фазы конституционного строительства, охватываемые первыми конституционными проектами, развиваемыми в начале XIX века декабристами и современной Конституцией 1993 года.

Декабристское движение в России стало значительным этапом в борьбе за реформы и изменения в политической модели страны. Основные документы, созданные декабристами, такие как «Русская Правда» П. Пестеля и Конституция Н. Муравьева содержали идеи, которые можно сравнить с действующей конституцией РФ. Признавали «правомерность и необходимость равенства прав людей в обществе, а совокупность этих от природы свободных людей, их общественная ассоциация только и может быть базисом, источником всего остального, прежде всего власти» [Мощелков, 2018, с. 139].

Сравнительная оценка проектов декабристов и Конституции РФ позволяет раскрыть как преемственность, так и принципиальные расхождения в понимании государственного

устройства, прав и свобод граждан. Сходными моментами являются развитие идей о правовом государстве, где власть подчиняется закону и оберегает права граждан. Это схоже с основным принципом действующей Конституции РФ [Конституция Российской Федерации, 1993].

Все два документа декларируют принцип разъединения властей. Как Муравьев, так и Пестель предусматривают наличествование законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти, что отличалось от модели абсолютной монархии, существующей в России. Данное положение подтверждается действующей Конституцией РФ «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». (ст. 10 Основного закона) и политическим устройством государства.

Оба меморандума декабристов планировали отмену крепостного права, что было важным шагом к всеобщей справедливости. Существовали некоторые различия в воплощении данного положения. «Русской Правдой» П. Пестеля предусматривалось освобождение крестьян с предоставлением им земельных наделов, намечалось выделение большей части земли, находящейся в обработке. Данное положение было более прогрессивным, чем будущая Крестьянская реформа 1861 года. Проект Н. Муравьева оставлял землю помещикам, крестьяне наделялись лишь небольшими участками, т.е. сохранялась зависимость сельского населения от землевладельцев.

В РФ вопрос о социальной справедливости и доступа к благам, ресурсам остается актуальным и сегодня – у 78% россиян запрос на «расширение прав и свобод граждан» [Селивестрова, Зубок, 2025, с. 244].

В тоже время происходит рост запретов и ограничений для граждан, увеличение различных налогов, сборов, комиссий, ограничение интернет-сервисов «недружественных» стран, спешный перевод на отечественное программное обеспечение. Совершается значительный (и беспрерывный) рост коммунальных платежей с существенным отставанием увеличения зарплат и пенсий.

Возможно, как вариант, было бы полезным использование опыта Норвегии в части задействования доходов от полезных ископаемых (нефть, газ и пр.), направляя полученную прибыль от инвестиций данной ренты на выплаты пенсионерам как наиболее обездоленного населения РФ. «Норвежский нефтяной пенсионный фонд», в который стекается часть их доходов от нефти и газа. Сейчас этот фонд составляет 1,7 млрд. долларов. «Государственный пенсионный фонд Норвегии в 2024 г. получил прибыль в размере 222 млрд. долларов, доход от инвестиций составил 13%». Рента в 13% от арестованных Западом средств была бы 40 млрд. долларов в год, это дополнительно по 1 тыс. долларов в год на каждого пенсионера. Вместо хранения данных средств (300 млрд. долларов) в «недружественных» государствах и как следствие их ареста и использования полученного % для помощи Украине.

Обращая свое внимание к вопросу о гарантиях прав и свобод человека и гражданина, можно отметить, что единым для всех актов является намерение к установлению правового государства, где закон стоит выше произвола. Содержатся положения, предоставляющие определенную совокупность прав и свобод. Однако их объем и содержание значимо различаются. Не всегда предполагался равный доступ всех слоев населения к участию в выборах. К примеру, Конституцией Н. Муравьева устанавливался крупный имущественный ценз для избирателей, препятствующий участие в политической жизни значительной части населения. Акт П. Пестеля представляется, на наш взгляд, более радикальным для своего

времени и не ставил возможность участия в выборах в зависимость от дохода. То есть, изъявлялось равенство всех граждан, но при этом допускался жесткий контроль государства над социумом.

Современная Конституция РФ декларирует широкий спектр прав и свобод, включающих политические, экономические, социальные и др. Однако на практике их реализация (применение) сталкивается с затруднениями. Например, по ст. 31 Конституции РФ «граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования.» Вместе с тем, согласно Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях», кроме мест, где прямо воспрещено проведение данных мероприятий, пунктом 2.2 данного закона установлено право субъекта РФ дополнительно определять места, где воспрещается проведение данных акций, что значительно сужает возможность проведения мероприятия оппозиционной организацией [Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ, 2004].

Конституция Муравьева закрепляла становление официальной власти в виде конституционной монархии, в то время как «Русская Правда» Пестеля представляла республиканский вид правления. В противовес им, действующая Конституция РФ утвердила федеративную республику с сильной президентской властью и учетом исторических, национальных и экономических особенностей субъектов Федерации. В итоге документы декабристов и Основной закон РФ воспроизводят различные исторические контексты и политические условия. Сопоставление данных актов позволяет определить, как изменялись идеи о правлении, правах и свободах граждан на протяжении двух десятилетий.

Однако, на наш взгляд, Конституция РФ заключает несколько положений, которые остаются открытыми для трактовки. Например, право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 23 Конституции), обуславливающее право каждого на ограждение частной жизни. Данная позиция при одних обстоятельствах может подразумевать как защиту от вмешательства государства, в другом – интерпретировать как необходимость соблюдения общественной безопасности.

Другое положение относиться к праву на участие граждан в управлении государством (ст. 32 Основного закона) через выборы. Это может быть воспринято как обязательство власти гарантировать независимые выборы.

В тоже время определяющая роль в изменении общественно-политической жизни декабристами отводилась становлению местного самоуправления как виду прямой демократии, обеспечивающего участие народа в регулировании власти. Например, проект П. Пестеля предлагал внедрение народного представительства и разделения властей, включая органы территориального самоуправления. Важной частью программы декабристов была идея активного участия населения в управлении делами своего региона. Включала выборы представителей в местные советы и надзор над деятельностью чиновников. Из этого следует, что декабристы стремились создать систему местного самоуправления, учрежденную на принципах демократии, своды и подотчетности народу. В современной России местное самоуправление играет значимую роль, обеспечивая эффективное управление территориями и удовлетворяя интересы жителей на локальном уровне.

В данном вопросе нельзя не согласиться с О. А. Кожевниковым, считающим, что «пришло время четко определиться с содержанием категории «вопросы местного назначения» и ее объемом. Указанные вопросы должны быть непосредственно связаны с жизненно важными потребностями населения, которые способны и могут решить на местах, граждане и местные

власти. При этом отношение к компетенции местного самоуправления того или иного вопроса должно быть обеспечено экономическими, кадровыми и иными ресурсами без которых, очевидно, начинаются проблемы с полнотой решения вышеупомянутых вопросов. Следует максимально расширить возможности, именно, населения, в формировании органов местного самоуправления. Вернуться к прямой выборности органов и должностных лиц местного самоуправления» [Кожевников, 2023, с. 78].

Важно зафиксировать, что в документах декабристов категорические права и свободы были менее четко сформулированы в сопоставлении с Конституцией РФ. Основной закон демонстрирует развернутый набор прав и свобод человека и гражданина, начиная с права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, свободу мысли и слова, медицинскую помощь, образование и пр. Данные права предоставляются и отстаиваются государством.

Сопоставляя конституциональные программы декабристов с Основным законом России, можно заметить, как преемственность, так и значительные несоответствия в аспектах образования государственной власти и обеспечении прав граждан. Проекты декабристов хоть и были выработаны в начале XIX в., сформировали основу для будущих демократических реформ в России. Как указывал В. И. Ленин «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки и они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом» [Ленин, 2026].

Заключение

Таким образом, конституционные проекты декабристов вне зависимости от неисполнимости оказали существенное воздействие на эволюцию политической мысли, а их идеи о государстве, основанном на праве, разделении властей и гражданских правах представлены в сегодняшней Конституции РФ. Данный документ, принятый в 1993 г., воспроизводит современные реалии, позволяя соблюсти баланс между защитой прав и свобод граждан и важности поддержания равновесия в обществе. Исходя из вышеизложенного, изучение данных документов обеспечивает лучшее понимание продвижения конституционной мысли в России и их воздействия на развитие политического устройства страны.

Библиография

1. Кожевников О.А. Местное самоуправление в Конституции и федеральных законах России: опыт 30-летнего сосуществования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 76–85.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.
3. Ленин В.И. Памяти Герцена. URL: https://www.marxsist.orgmarxsistinternetarchive/
4. Мощелков Е.Н. Конституционные идеи и проекты декабристов: современное прочтение // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 2. С. 136–144.
5. Селивестрова Н.А., Зубок Ю.А. Представление молодежи о «лучшем» устройстве Российского государства: особенности распространения и предикторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 243–269.
6. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

Comparative Analysis of N. Muravyov's Constitution and P. Pestel's "Russian Truth" with the Current Constitution of the Russian Federation

Eduard M. Afamgotov

Senior Lecturer,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Aleksandr V. Belikov

PhD in History, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Marat A. Eshev

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: maratusik@yandex.ru

Petr N. Markov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: markov.petr.1977@mail.ru

Abstract

The article analyzes the key directions of three constitutional concepts, projects, each of which reflects the unique socio-political attitudes of their authors. Muravyov's Constitution is a liberal project that allows for the creation of a constitutional monarchy with a separation of powers and guarantees for ensuring the rights and freedoms of citizens. In contrast, Pestel's "Russian Truth" is a radical republican memorandum that proposes the establishment of a democratic republic with a

strong central authority. The current Constitution of the Russian Federation, adopted in 1993, combined elements of both projects but adapted them to modern realities. It enshrines the principles of federalism, separation of powers, the rule of law, and the protection of the rights and freedoms of man and citizen. The comparative analysis makes it possible to reveal the evolution of constitutional ideas in Russia from the Decembrists' drafts to the modern Constitution. It also demonstrates how historical and political conditions influenced the formation and development of constitutionalism in the country.

For citation

Afamgotov E.M., Belikov A.V., Eshev M.A., Markov P.N. (2026) Sravnitel'nyy analiz Konstitutsii N. Murav'eva, «Russkoy pravdy» P. Pestelya s deystvuyushchey Konstitutsiey RF [Comparative Analysis of N. Muravyov's Constitution and P. Pestel's "Russian Truth" with the Current Constitution of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 18-24. DOI: 10.34670/AR.2026.40.17.002

Keywords

Decembrists, Pestel, Muravyov, Constitution, draft, reforms, form of government, constitutionalism, separation of powers, rights and freedoms of citizens.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of July 1, 2020 No. 11-FKZ). (1993, December 25). Rossiyskaya Gazeta, No. 237.
2. Federal Law No. 54-FZ of June 19, 2004 "On Meetings, Rallies, Demonstrations, Processions, Picketing". Collection of Legislation of the Russian Federation, 2004, No. 25, Art. 2485.
3. Kozhevnikov, O. A. (2023). Mestnoye samoupravleniye v Konstitutsii i federalnykh zakonakh Rossii: opyt 30-letnego sosushchestvovaniya [Local self-government in the Constitution and federal laws of Russia: Experience of 30 years of coexistence]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, (3/99), 76–85.
4. Lenin, V. I. (2026) Pamyati Gertsena [In memory of Herzen]. https://www.marxsist.orgmarxsistinternetarchive/
5. Moschelkov, E. N. (2018). Konstitutsionnyye idei i proyekty dekabristov: sovremennoye prochteniye [Constitutional ideas and projects of the Decembrists: Modern reading]. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura, (2), 136–144.
6. Selivestrova, N. A., & Zubok, Yu. A. (2025). Predstavleniye molodezhi o "luchshem" ustroystve Rossiyskogo gosudarstva: osobennosti rasprostraneniya i prediktory [The idea of young people about the "best" structure of the Russian state: Distribution features and predictors]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny, (3), 243–269.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.98 **DOI: 10.34670/AR.2026.38.33.003**

История становления, понятие, задачи судебной баллистики и криминалистического исследования холодного оружия

Цеева Светлана Касимовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра уголовного права и уголовного процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Курбанова Елена Михайловна

Кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой административного и уголовного права, доцент,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Хачак Бэла Нальбиевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и уголовного процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: beldyk1965@mail.ru

Аннотация

В статье авторы раскрывают историю становления судебной баллистики и криминалистического исследования холодного оружия, освещают базовые понятия и ключевые задачи данных направлений экспертной деятельности. Прослеживается эволюция судебной баллистики — от первых эмпирических приёмов и опытов медиков и химиков до оформления в самостоятельную отрасль криминалистической техники. Отдельное внимание уделено истории и современному пониманию холодного оружия: показана его эволюция от примитивных орудий палеолита до специализированных образцов, раскрыто нормативно-техническое содержание понятия, а также сущность и задачи криминалистической экспертизы холодного оружия (установление принадлежности предмета к категории холодного оружия, определение его вида, типа и характеристик). Сделан вывод о высоком теоретическом уровне развития обоих направлений и их значимости для раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением оружия.

Для цитирования в научных исследованиях

Цеева С.К., Курбанова Е.М., Хачак Б.Н. История становления, понятие, задачи судебной баллистики и криминалистического исследования холодного оружия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 25-33. DOI: 10.34670/AR.2026.38.33.003

Ключевые слова

Судебная баллистика, криминалистическое исследование холодного оружия, история криминалистики, судебно-баллистическая экспертиза, идентификационные задачи, классификационные задачи, диагностические задачи, криминалистическая экспертиза, огнестрельное оружие, холодное оружие.

Введение

Баллистика (от греч. βάλλειν – бросать) – наука о движении тел, брошенных в пространстве, основанная на математике и физике, которая занимается, главным образом, исследованием движения снарядов, выстреленных из огнестрельного оружия, ракетных снарядов и баллистических ракет, а также процессов, сообщающих им необходимую для этого кинетическую энергию.

Основная часть

Судебная баллистика тесно связана с возникновением и последующим развитием огнестрельного оружия. С появлением нового и грозного вида оружия стали иметь место случаи неосторожного и умышленного причинения огнестрельных повреждений. Однако свое теоретическое обоснование и научное признание судебная баллистика получила только в XX веке.

Первыми исследователями огнестрельного оружия, снарядов и следов их действия были медики и химики. Они еще не понимали криминалистического значения пули и оружия, но применили своеобразные технические средства при осмотре («ту рану щупом щупали») и использовали простейшие приемы экспериментального исследования.

Становлению судебной баллистики как раздела криминалистической техники предшествовал трудный и тернистый путь познания, громких побед и досадных поражений.

В 1835 году Генри Годдард, один из лондонских боу-стритраннеров, изобличил убийцу. На пуле, попавшей в потерпевшего, имелся странный выступ, и с этой пулей Годдард отправился на поиски убийцы. В жилище одного из подозреваемых он обнаружил форму для литья свинцовых пуль, на которой имелся дефект в виде углубления, в точности совпадающий с выступом на пуле из тела жертвы. Потрясенный владелец формы сознался в совершении преступления. Однако совершенно очевидно, что у него не было намерения разрабатывать на этой основе какой-либо метод или систему.

Развитие научных средств и методов, используемых при расследовании преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия, происходило крайне медленно.

До середины XIX века суды обычно в качестве «экспертов по стрельбе» привлекали мастеров оружейников, которые обладали достаточно точными знаниями об оружии. Во второй половине XIX века суды и следствие стали прибегать к помощи не только специалистов

оружейников, но и в особо сложных случаях привлекать крупных ученых.

Первая в России попытка научного обобщения экспертной практики в области исследования огнестрельного оружия касалась применения химических методов. В вышедшем в свет в 1874 году руководстве по судебной химии А. Наке, наряду с методами исследования ядов, были рассмотрены вопросы исследования огнестрельного оружия [Сотов, 2025, с.9].

Следует отметить работу медика Николая Щеглова «Материал к судебно-медицинскому исследованию огнестрельных повреждений», изданную в 1879 году. Наряду с чисто медицинскими проблемами, в книге автор рассматривал некоторые вопросы судебной баллистики. Так, в книге описаны все существовавшие в то время виды огнестрельного оружия, снаряды и сущность процессов, происходящих при выстреле из огнестрельного оружия и такой важный признак как следы на пуле, возникающие от нарезов в канале ствола. Он экспериментально доказал, что расстояние, на котором дробь начинает рассеиваться, не может быть определено однозначно, так как зависит от массы заряда пороха, массы и номера (размера) дроби. Своими опытами он показал несостоятельность утверждений некоторых зарубежных ученых по этому вопросу [Крылов, 2023, с.125].

В 1889 году проблемами баллистики занялся профессор судебной медицины Лионского университета Александр Лакассань. Из тела убитого он извлек пулю и при ее изучении обнаружил на поверхности семь бороздок, т. е. следов нарезов. Он пришел к выводу, что бороздки на пуле есть не что иное, как следы полей нарезов, имеющихся в канале ствола револьвера. Когда ему принесли револьверы нескольких подозреваемых лиц, он нашел среди них один с семью нарезами в стволе. На основании совпадения числа нарезов в стволе револьвера и числа их следов на пуле владелец этого оружия был осужден как убийца.

На рубеже XX века известный австрийский ученый Ганс Гросс в своей выдающейся работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1898) также касался проблем исследования огнестрельного оружия.

Эмпирический этап развития криминалистического исследования оружия и следов его применения, накопление практического материала ознаменовался установлением новых закономерностей. Так, в статьях русского судебного медика Н. Москалева «Экспериментальное исследование казуистического случая по разрешению вопроса, было ли покушение на убийство или самоубийство» (1906) и «Симуляция и ложное сознание перед судом присяжных» (1913) были изложены результаты экспериментов по установлению дистанции по следам выстрела.

Учреждение в 1912–1914 годах кабинетов научно-судебной экспертизы в крупнейших городах Российской империи, безусловно, привело к развитию многих экспертных исследований, в том числе и тех, которые были позже названы судебно-баллистическими. Первые из подобных экспертиз были проведены в Петербургском и Одесском кабинетах.

Разразившаяся Первая мировая война серьезно затормозила развитие криминалистики. В 1918 году профессор медицинского факультета Киевского университета Василий Андреевич Таранухин сконструировал первый в мире прибор специально для микро- и макрофотографирования пуль и гильз. Таким образом, он опередил Филиппа Грейвелла (США), который в 1925 году изобрел сравнительный микроскоп, Августа Брюнинга (Германия), создавшего в 1931 году прибор для оптической развертки пуль и Эдмона Локара (Франция) с его гастроскопом [Крылов, 2024, с.73].

Значительный вклад в развитие судебной баллистики, в частности криминалистической идентификации огнестрельного оружия, внесли Чарльз Уэйт и Филипп Грейвелл, активно работавшие в США в 20–30-х годах прошлого века. Ч. Уэйт понял, что процесс фабричного

изготовления оружия той или иной модели, несмотря на всю его одинаковость, имеет некоторые особенности, позволяющие отличить один экземпляр оружия от другого в рамках одной модели.

Ф. Грейвелл трудился в нью-йоркском Бюро судебной баллистики, где обследовал и фотографировал тысячи пуль, выстреленных из различных экземпляров оружия. Он сравнивал их друг с другом, и в каждом случае пули, выстреленные из различных экземпляров оружия, обнаруживали собственные признаки, характерные только для них. В 1925 году создал сравнительный микроскоп, который позволял одновременно исследовать две пули или две гильзы, находившиеся в одном поле зрения [Торвальд, 2022, с.295].

В конечном итоге потребности практики расследования преступлений, накопление казуального материала, связанного с проблемами исследования огнестрельного оружия, патронов, следов выстрела на различных объектах, привели к объективной необходимости оформления самостоятельной отрасли криминалистической техники.

В 1937 году была опубликована работа В. Ф. Червакова «Судебная баллистика». С этого момента практически во все учебники криминалистики стал включаться раздел, посвященный исследованию огнестрельного оружия. После завершения Великой Отечественной войны в нашей стране у населения оказалось большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов, что обусловило рост преступлений, совершаемых с использованием этих объектов. Данное обстоятельство предоставило советским криминалистам значительный практический материал, позволило установить ранее неизвестные закономерности и послужило развитию теоретической и методической базы судебной баллистики.

На 60–70 годы XX века приходится бурное развитие теории и практики судебной баллистики. Глубокому исследованию в эти годы подверглись практически все важнейшие аспекты этой отрасли криминалистической техники. Результаты их получили отражение в работах Б.Н. Ермоленко, Е.И. Сташенко, Е.Н. Тихонова, А.И. Устинова, В.В. Филиппова и других отечественных криминалистов. Высокий уровень исследований, проведенных этими учеными, обеспечил актуальность их трудов и в настоящее время.

Наиболее полное и соответствующее современному уровню развития криминалистики определение судебной баллистики было предложено В.М. Плескачевским. Именно он дал развернутое определение, которое закрепило за судебной баллистикой статус самостоятельной криминалистической дисциплины, изучающей весь комплекс явлений выстрела для нужд правосудия.

Одной из форм практического применения судебной баллистики является производство судебно-баллистических экспертиз.

Судебно-баллистическая экспертиза – это специальное исследование, проводимое в установленной законом процессуальной форме с составлением соответствующего заключения в целях получения научно обоснованных фактических данных об огнестрельном, газовом, пневматическом оружии, огнестрельном оружии ограниченного поражения, сигнальных устройствах и конструктивно сходных с оружием изделиях, их деталях и частях, патронов к ним и обстоятельствах их применения, имеющих значение для расследования и судебного разбирательства.

Судебно-баллистическая экспертиза является одним из способов практической реализации данных судебной баллистики. Этот вид экспертизы является процессуальной формой использования разрабатываемых судебной баллистикой методов, приемов и средств исследования огнестрельного оружия, патронов к нему и следов их применения как вещественных доказательств.

Предметом судебно-баллистической экспертизы как вида практической деятельности являются все факты, обстоятельства дела, которые могут быть установлены средствами этой экспертизы, на основе специальных познаний в области судебной баллистики, криминалистической и военной техники. Материальные носители информации являются объектами судебных экспертиз различных видов. При этом объектами экспертизы, помимо материальных предметов, могут быть и процессы, т.е. не только само огнестрельное оружие, но и процесс выстрела и явления, сопровождающие его.

Первоначально в интересах органов расследования осуществлялось исследование огнестрельных повреждений, проводимых судебными медиками. В нашей стране история экспертизы огнестрельных повреждений начинается с середины XIX века и связана с известными хирургами Н.И. Пироговым, М.Ф. Кривошапкиным.

Постепенно круг объектов исследований расширялся, и наряду с огнестрельными повреждениями в него стали включаться огнестрельное оружие, патроны к нему, их части и элементы. Следует отметить, что по мере развития и совершенствования оружейной техники перечень объектов судебной баллистики имеет постоянную тенденцию к расширению. Можно утверждать, что к настоящему времени в определенной степени сформировался общепризнанный круг объектов судебно-баллистической экспертизы.

Задачи судебной баллистики, которая является разделом криминалистической техники, соответствуют задачам криминалистики в целом. Деление задач судебной баллистики, как и деление криминалистических задач, целесообразно осуществлять в рамках трех категорий: идентификационных, классификационных и диагностических.

К идентификационным задачам относятся индивидуальная идентификация (отождествление) и установление групповой принадлежности объекта (в том числе установление общего источника происхождения). Объектами исследования в данном случае могут быть предметы материального мира и их отображения.

К индивидуальной идентификации относятся:

– идентификация применявшегося оружия по следам канала ствола на выстреленных снарядах;

– идентификация применявшегося оружия по следам его частей на стреляных гильзах;

– идентификация оборудования и приборов, применявшихся для снаряжения боеприпасов, изготовления их компонентов или оружия;

– установление принадлежности пули и гильзы одному патрону.

Решение задачи по установлению групповой принадлежности, осуществляется в рамках индивидуальной идентификации и является ее первым этапом. При этом группа, к которой относят изучаемый объект, может быть определена произвольно по любому основанию, с единственной целью – достичь ее максимального сужения. Сначала должны быть определены основания для формирования группы, изучены ее свойства, свойства объекта, в отношении которого стоит вопрос о возможности его отнесения к данной группе.

При решении классификационной задачи объект относят к известному ранее, общепринятому классу, т.е. свойства объекта заранее предопределены свойствами этого класса. При этом изучается только сам объект, задачи, связанные с характеристикой объекта по его отображениям, не решаются. Например, установление принадлежности объектов к категории огнестрельного оружия и боеприпасов; установление вида, модели и типа представленных огнестрельного оружия и патронов и т.п. [Селиванов, 2024, с.73].

Диагностические задачи, решаемые судебной баллистикой, составляют наиболее

значительную группу. Спектр этих задач достаточно широк, однако объединяющим их является то, что во всех случаях в основу их решения положено изучение свойств и состояний объекта с учетом происходивших в нем изменений, определяемых условиями и факторами криминальной ситуации, к ним можно отнести следующие:

– установление состояния и пригодности для производства выстрелов огнестрельного оружия и патронов к нему;

– установление возможности выстрела из оружия без нажатия на спусковой крючок при определенных условиях;

– установление возможности производства выстрела из данного оружия определенными патронами;

– установление факта производства выстрела из оружия после последней чистки его канала ствола;

– установление возможности поражения цели на определенном расстоянии [Корухов, 2021, с.84].

Перед тем как говорить о холодном оружии, стоит дать современное определение этому понятию. Холодное оружие — предметы, предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, которые включают в себя холодное клинковое оружие (кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи [Федеральный закон № 150-ФЗ, 1996/2025], являющиеся оружием; штыки-ножи; сабли; шашки; мечи и т.п.), иное оружие режущего, колющего, рубящего или смешанного действия (штыки, копья, боевые топоры и т.п.), а также оружие ударно-дробящего действия (кастеты, нунчаки, кистени и т.п.); предметы, предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека (метательные ножи и топоры, дротики и т.п.) либо механического устройства (луки, арбалеты и т.п.) [Федеральный закон № 150-ФЗ, 1996/2025].

В ходе эволюции было выведено два вида холодного оружия: оборонительное и оружие, служащее для нападения. В зависимости от назначения оно подразделялось на боевое и охотничье. А в средние века возник новый вид, который в наше время можно было бы назвать спортивным [Букреев, 2024, с.21].

Первое примитивное оружие появилось во времена палеолита и предназначалось в основном для охоты. Главным его назначением считалось возможность человека вступить в бой с диким зверем на равных. Сначала в ход шли обломки деревьев и камни со сколами, образующими острый конец. Потом они постепенно эволюционировали в дубины, топоры и палицы.

В конце эпохи, после появления деревянного оружия, возник лук. Это холодное оружия являлось наиболее совершенным для охоты и стычек в условиях каменного периода. До наших дней дошли лишь немногие наконечники стрел из камня и кости.

Во времена неолита в деревянные дубины стали добавлять осколки камня, а еще позже из палки с заостренным концом получилось копье с наконечником из кремния или кости. Примерно тогда же появились и первые каменные ножи и вопреки расхожим заблуждениям, они были не так уж и примитивны.

Огромным прорывом в истории развития холодного оружия стало открытие меди. Твердость, вязкость и вес металла позволили объединить остроту каменных ножей и кинжалов с размерами в палец, благодаря чему появился меч. Его незаменимые качества для рукопашной схватки и борьбы с хищниками привели к тому, что меч стал популярным оружием на долгие

века. Копья тоже обзавелись металлическими наконечниками. Распространение и популярность лука были сравнимы с показателями меча, а булавы и палицы заметно отошли на второй план.

Благодаря открытию и обработке железа и появлению стали, много веков меч эволюционировал в зависимости от стиля ведения боя. Менялся не только клинок, но и рукоятка. Со временем появилась шпага, которая, в свою очередь, имела разделения на колющую и рубящую. У последней одно лезвие обычно затуплялось как обух, а другое было острым [Бертон, 2021, с.119].

Национальное холодное оружие на определенном этапе остановилось в своем развитии и вплоть до наших дней делается в соответствии с историческими канонами. Исключением стало оружие, находящиеся на вооружении армии. Оно продолжает совершенствоваться. Чаще всего меняется не форма и назначение таких клинков, а сплавы, из которых оно сделано [Гурина, 2024, с.109].

Большинство людей считают, что холодное оружие – это только колющие, режущие, колюще-режущие или рубящие орудия, к которым относятся ножи, топоры, кинжалы, мечи и тому подобные предметы, т.е. так называемое «клинковое контактное холодное оружие». Но к холодному оружию, в соответствии с законами и ГОСТами, также относятся: ударное оружие (например, кастет), ударно-раздробляющее оружие (например, булава), и иные виды оружия, при котором используется мускульная сила человека и непосредственный контакт.

Экспертиза холодного оружия или криминалистическая экспертиза холодного оружия – это один из видов криминалистических экспертиз, при производстве которой устанавливается отнесение предмета к категории «холодное оружие», определяется его вид, тип, характеристики, назначение, а также разрешаются иные вопросы криминалистического характера, в том числе, вопросы о приобретении, хранении, использовании, ношении, уничтожении холодного оружия в соответствии с законодательством РФ [Погодина, 2021, с.128].

Заключение

Таком образом, в настоящее время судебная баллистика и экспертиза холодного оружия находятся на высоком теоретическом уровне и в целом обеспечивают решение задач по обеспечению раскрытия и расследования преступлений, совершенных с применением огнестрельного и холодного оружия.

Библиография

1. Бертон, Р. Ф. Книга мечей. Холодное оружие сквозь тысячелетия / Р. Ф. Бертон ; пер. с англ. Д. Лихачева. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2021. – 399 с.
2. Букреев, Д. Н. Криминалистическое исследование холодного оружия: исторический аспект; справочная база; коллекции / Д. Н. Букреев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 1. – С. 21.
3. ГОСТ Р 51500-99. Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия. – М., 1999. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200027279 (дата обращения: 07.09.2026)
4. Гурина, Т. А. Холодное оружие: понятие, основные критерии, классификация / Т. А. Гурина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2. – С. 109.
5. Корухов, Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений / Ю. Г. Корухов. – М. : Норма-Инфра-М, 2021. – 288 с.
6. Крылов, И. Ф. В мире криминалистики / И. Ф. Крылов. – Л. : ЛГУ, 2023. – 279 с.
7. Крылов, И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы / И. Ф. Крылов. – Л. : ЛГУ, 2024. – 200 с.
8. Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 15.12.2025). – URL: http://www.pravo.gov.ru .
9. Погодина, А. А. Краткая история холодного оружия / А. А. Погодина // Молодой ученый. – 2021. – № 38 (380). –

С. 128–131.
10. Селиванов, В. В. Основы баллистики и аэродинамики. Внутренняя и внешняя баллистика : учебное пособие / под общ. ред. В. В. Селиванова. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 356 с.
11. Сотов, А. И. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза : учебник / А. И. Сотов. – М. : РУСАЙНС, 2025. – 240 с.
12. Торвальд, Ю. Век криминалистики / Ю. Торвальд. – М. : АСТ, 2022. – 1000 с.

The History of Formation, Concept, and Tasks of Forensic Ballistics and the Forensic Study of Edged Weapons

Svetlana K. Tseeva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Elena M. Kurbanova

PhD in Law,
Head of the Department of Administrative and Criminal Law, Associate Professor,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Bela N. Khachak

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: beldyk1965@mail.ru

Abstract

In the article, the authors reveal the history of the formation of forensic ballistics and the forensic study of edged weapons, and elucidate the basic concepts and key tasks of these areas of expert activity. The evolution of forensic ballistics is traced – from the first empirical techniques and experiments of physicians and chemists to its formation as an independent branch of forensic technology. Separate attention is paid to the history and modern understanding of edged weapons: its evolution from primitive tools of the Paleolithic to specialized specimens is shown, the normative and technical content of the concept is revealed, as well as the essence and tasks of the forensic examination of edged weapons (establishing whether an object belongs to the category of edged weapons, determining its type, kind, and characteristics). A conclusion is drawn about the high

theoretical level of development of both areas and their significance for the detection and investigation of crimes involving the use of weapons.

For citation

Tseeva S.K., Kurbanova E.M., Khachak B.N. (2026) Istoriya stanovleniya, ponyatie, zadachi sudebnoy ballistiki i kriminalisticheskogo issledovaniya kholodnogo oruzhiya [The History of Formation, Concept, and Tasks of Forensic Ballistics and the Forensic Study of Edged Weapons]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 25-33. DOI: 10.34670/AR.2026.38.33.003

Keywords

Forensic ballistics, forensic study of edged weapons, history of forensic science, forensic ballistic examination, identification tasks, classification tasks, diagnostic tasks, forensic examination, firearms, edged weapons.

References

1. Burton, R. F. (2021). *Kniga mechey. Kholodnoye oruzhiye skvoz' tysyacheletiya* [The book of swords. Cold weapons through the millennia] (D. Likhachev, Trans.). Tsentrpoligraf.
2. Bukreev, D. N. (2024). Kriminalisticheskoye issledovaniye kholodnogo oruzhiya: istoricheskiy aspekt; spravochnaya baza; kollektsii [Forensic research of cold weapons: historical aspect; reference base; collections]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, (1), 21.
3. *GOST R 51500-99. Nozhi i kinzhaly okhotnich'i. Obshchiye tekhnicheskiye usloviya* [Hunting knives and daggers. General technical specifications]. (1999). https://docs.cntd.ru/document/1200027279
4. Gurina, T. A. (2024). Kholodnoye oruzhiye: ponyatiye, osnovnyye kriterii, klassifikatsiya [Cold weapons: concept, basic criteria, classification]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (2), 109.
5. Korukhov, Yu. G. (2021). *Kriminalisticheskaya diagnostika pri rassledovanii prestupleniy* [Forensic diagnostics in the investigation of crimes]. Norma-Infra-M.
6. Krylov, I. F. (2023). *V mire kriminalistiki* [In the world of criminology]. LGU.
7. Krylov, I. F. (2024). *Ocherki istorii kriminalistiki i kriminalisticheskoy ekspertizy* [Essays on the history of criminology and forensic examination]. LGU.
8. *On Weapons*: Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 (as amended on December 15, 2025). (1996/2025). http://www.pravo.gov.ru
9. Pogodina, A. A. (2021). Kratkaya istoriya kholodnogo oruzhiya [A brief history of cold weapons]. *Molodoy uchenyy*, (38), 128–131.
10. Selivanov, V. V. (Ed.). (2024). *Osnovy ballistiki i aerodinamiki. Vnutrennyaya i vneshnyaya ballistika* [Fundamentals of ballistics and aerodynamics. Internal and external ballistics]. INFRA-M.
11. Sotov, A. I. (2025). *Sudebnaya ballistika i sudebno-ballisticheskaya ekspertiza* [Forensic ballistics and forensic ballistics examination]. RUSAINS.
12. Torvald, Yu. (2022). *Vek kriminalistiki* [The century of criminology]. AST.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.15(47+57) **DOI: 10.34670/AR.2026.46.57.004**

Организационно-правовые основания советской миграционной политики в 1920-е годы

Шинкевич Павел Петрович

Преподаватель,
кафедра философии, иностранных языков
и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
625049, Российская Федерация, Тюмень, ул. Амурская, 75;
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется процесс формирования и эволюции организационно-правовых основ миграционной политики Советского государства в 1920-е годы. Автор анализирует миграционную политику как комплексный механизм, формировавшийся под воздействием идеологических, социально-экономических и нормативно-правовых факторов. В работе подробно рассматривается трансформация правового регулирования территориального перемещения населения в период перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Рассмотрен переход от административно-запретительной модели к гибкой системе планово-организованных переселений. Делается вывод о том, что сформированная в 1920-е годы организационно-правовая модель переселенческого дела создала фундамент для последующей директивно-мобилизационной системы перераспределения трудовых ресурсов в эпоху форсированной индустриализации и коллективизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шинкевич П.П. Формирование и эволюция организационно-правовых основ миграционной политики Советского государства в 1920-е годы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 34-43. DOI: 10.34670/AR.2026.46.57.004

Ключевые слова

Миграционная политика, переселенческое дело, новая экономическая политика, военный коммунизм, плановое переселение, правовое регулирование миграции, свобода передвижения.

Введение

В 1920–1930-х годах миграционная политика СССР развивалась без опоры на какую-либо загодя утвержденную единую концепцию. Ее выработка шла эмпирически, по мере отлаживания управленческого аппарата, и определялась совместным влиянием идеологических установок, хозяйственной ситуации и правоприменительной практики. Идеология, основанная на марксистско-ленинском учении, задавала принципиально новый вектор: перемещение населения перестало восприниматься как стихийный, рыночный процесс. Его трактовали исключительно в логике централизованного планирования, подчиненного задачам социалистического строительства и индустриально-аграрной реконструкции. В свою очередь, социально-экономическая обстановка (малоземелье в центральных губерниях РСФСР, хозяйственная разруха после Гражданской войны, а также потребность в освоении ресурсов восточных окраин) задавала конкретную географию и объемы переселений.

Организационно-правовые рычаги в этой схеме выполняли утилитарную роль. Государство задействовало разнородный набор административных мер: регламентацию статуса новоселов, налогово-транспортные преференции, механизмы прописки, а также прямой принудительный инструментарий в виде депортационных выселений и репатриаций. В 1920-е годы взаимодействие хозяйственных потребностей, политических установок и нормативно-правовых рычагов породило специфическую мобилизационно-плановую модель организации перемещения населения, эволюционировавшую на протяжении всего десятилетия.

Основная часть

Первым этапом стала трансформация правовых основ миграционного регулирования в период перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике (далее – НЭП). Период «военного коммунизма» принес с собой радикальный пересмотр всей правовой системы, включая принципы территориального перемещения граждан. Произошел фактический отказ от принципа свободы передвижения как внутри страны, так и при пересечении её внешних границ. Наиболее существенно эти ограничения отразились на сельском населении, составлявшем абсолютное большинство жителей страны.

Ключевым нормативным актом, зафиксировавшим отказ от прежних принципов переселения, стал Декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 года «О социализации земли» [Декрет ВЦИК о социализации земли, 1918], а в дальнейшем – Закон «О социалистическом землеустройстве и о мерах к переходу к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 года [Закон о социалистическом землеустройстве, 1919]. Названные акты фактически установили государственную монополию на регулирование любых земельных и миграционных отношений. Согласно этим нормам, государство забирало себе монопольное право на организацию любых перемещений. Самим мигрантам в этой схеме отводилась сугубо исполнительская функция – следование инструкциям и планам, спущенным из центра.

Законодательная база «военного коммунизма» фактически заблокировала межрегиональное переселение, будь то индивидуальное или организованное. На практике землеустройство ограничили локальными рамками: власти делили участки между малоземельными дворами лишь в пределах конкретных волостей, уездов и губерний. Подобные правила закономерно спровоцировали всплеск стихийных коротких миграций внутри регионов – крестьяне приспосабливались к кризису на знакомой местности, поскольку законных способов уехать

дальше не существовало. В то же время дальний переезд на территории государственного колонизационного фонда искусственно блокировался жесткими административными средствами.

Сдвиг в правопонимании и регулировании переселенчества наметился в январе 1921 года во время II Всероссийского землеустроительного съезда. Именно его делегаты заложили новые юридические и методологические ориентиры для госаппарата [Второй Всероссийский землеустроительный съезд, 1921, с. 76]. Советскую систему принципиально противопоставляли дореволюционному и рыночному опыту. Вместо прежней «полной свободы хозяйственных передвижек» декларировался отказ от стихийности в пользу жестко регламентированного перемещения людей, встроенного в общереспубликанское планирование.

Стихийный миграционный поток (в документах тех лет — «самотек») получил официальное осуждение: в решениях съезда и инструкциях ведомств его квалифицировали как «неприемлемый и базирующийся на антигосударственной трактовке вопроса» [Второй Всероссийский землеустроительный съезд, 1921]. Чтобы признать ту или иную переселенческую кампанию законной и экономически оправданной, съезд утвердил два обязательных требования:

1. Наличие документально подтвержденного избытка трудовых и земельно-хозяйственных ресурсов на территории выхода мигрантов.

2. Наличие в регионе вселения свободного земельного фонда, прошедшего предварительное юридическое, землеустроительное и инфраструктурное освоение.

До момента точного установления соответствия обоим критериям проведение масштабных аграрных перемещений признавалось недопустимым.

Переход к новой экономической политике потребовал от государства кардинального пересмотра методов правового регулирования. Нарастающий поток стихийных мигрантов, вызванный последствиями разрухи и аграрным кризисом, поставил власть перед необходимости легализации и нормирования миграционного движения. Экономическая политика 1920-х годов характеризовалась поиском баланса между государственным планированием и элементами рыночной и хозяйственной инициативы населения. В переселенческой сфере это выразилось в постепенном признании индивидуального переселения как допустимой формы хозяйствования, способствующей оптимизации использования земель.

Правовое регулирование периода НЭПа опиралось на необходимость гармонизации государственных целей с интересами самих мигрантов. Перед законодателем встала задача выработки комплексной системы мер:

1. Юридическое признание и легализация тех перемещений населения, которые способствовали росту производительности труда и эффективному освоению земель.

2. Закрепление за государственными органами исключительной прерогативы по установлению районов, разрешенных для заселения, с применением дифференцированных мер поддержки в зависимости от степени соответствия миграционного потока государственным приоритетам;

3. Создание единой институциональной системы переселенческого дела на всей территории РСФСР, функционирующей на основе принципа верховенства общегосударственных интересов над региональными и автономистскими устремлениями.

С 1922 года советское право совершило значительный шаг в сторону систематизации и либерализации нормативной базы, регулирующей территориальное перемещение граждан. Существенным этапом стало принятие Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1922 года «О

свободе передвижения по территории РСФСР» [Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о свободе передвижения, 1922], а также серии сопутствующих актов. На законодательном уровне каждому гражданину гарантировалось право беспрепятственного перемещения по всей территории республики, за исключением специально установленных пограничных и режимных зон.

Параллельно советское правительство пошло на смягчение паспортно-визового режима при пересечении внешней границы государства. Правила выезда и въезда были упрощены как для граждан РСФСР, так и для иностранных граждан, что отражало стремление государства на начальном этапе НЭПа к определенной открытости и нормализации международных связей.

Дальнейшее укрепление единого правового пространства произошло в 1924 году с учреждением института общесоюзного гражданства. Принятие Постановления ЦИК СССР от 29 октября 1924 года «Положение о гражданстве Союза ССР» [Постановление ЦИК СССР о гражданстве, 1924] обеспечило юридическое равенство прав граждан всех союзных республик при перемещении по территории СССР, исключив необходимость получения дополнительных республиканских разрешений для проживания и трудоустройства.

Фундаментальную роль в формировании организационно-правовых основ миграционной политики сыграло принятие первой Конституции СССР 1924 года [Конституция СССР, 1924]. Основной Закон закрепил принцип глубокой централизации государственного управления ключевыми сферами жизни общества, включая миграционную сферу. В соответствии со ст. 1 Конституции СССР 1924 года, к исключительной ведению верховных органов власти Союза ССР (в лице ЦИК СССР и СНК СССР) было отнесено:

– Издание общесоюзных законодательных актов, определяющих основы и общий план перемещения населения, а также регулирующих межреспубликанские миграционные потоки;

– Установление единых принципов формирования, размера и порядка использования общесоюзного переселенческого фонда.

Таким образом, Конституция СССР 1924 года приравняла миграционную политику к стратегическим направлениям государственного строительства – таким как бюджетное регулирование, денежное обращение и общесоюзное народнохозяйственное планирование. Перемещение населения между республиками окончательно приобрело статус явления общесоюзного значения.

В то же время конституционная модель советского федерализма породила специфический правовой дуализм. В соответствии с нормами Конституции, земельный фонд продолжал оставаться в государственной собственности союзных республик. Из этого следовало, что конкретный порядок землепользования, правила отвода участков, а также установление локальных ограничений на использование земель оставались в компетенции законодательных органов республик (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР и др.). Подобное разделение полномочий делало неизбежным постоянный процесс согласования директив союзного центра с республиканскими земельными кодексами и нормативными актами.

Центральным кодифицированным актом, заложившим нормативную базу переселенческого дела в РСФСР, стал Земельный кодекс РСФСР (далее – ЗК РСФСР), принятый на IV сессии ВЦИК IX созыва 30 октября 1922 года и вступивший в силу с 1 декабря 1922 года [Земельный кодекс РСФСР, 1922]. Специальный раздел Кодекса (ст. 18, 21, 222, 223–226) был целиком посвящен регулированию переселения и ходочества.

ЗК РСФСР 1922 года нормативно утвердил принципы добровольности и свободы переселения, возложив общее руководство, координацию и контроль за всеми переселенческими процессами в республике на Народный комиссариат земледелия РСФСР

(далее – НКЗ РСФСР) и его специализированное Переселенческое управление.

Важнейшим юридическим новшеством Земельного кодекса РСФСР 1922 года стало введение четкой правовой дифференциации мигрантов. Законодатель разделил всех лиц, меняющих место жительства, на две принципиально разграниченные категории с разным правовым статусом:

1. Плановые (организованные) переселенцы. К данной категории относились граждане, перемещение которых осуществлялось в рамках утвержденных государством планов и под прямым руководством государственных органов. Для плановых переселенцев законодательство предусматривало широкий комплекс преференций и мер государственной поддержки:

– Полное или частичное освобождение от уплаты единого сельскохозяйственного (и иных) налогов на определенный нормативными актами срок (как правило, от 3 до 5 лет);

– Первоочередное предоставление заранее межёванных и обустроенных земель из государственного переселенческого фонда;

– Право на получение государственных ссуд на проезд, покупку инвентаря, скота и строительство жилья;

– Право на льготный (сниженный) железнодорожный тариф при транспортировке семьи и имущества.

2. Неплановые (самовольные) переселенцы – «самоходы». Статус тех, кто уезжал по своей инициативе в обход государственных программ, определялся Примечанием к ст. 225 ЗК РСФСР. Такие переселенцы изначально не могли рассчитывать на автоматическую помощь или преференции. Чтобы легализоваться, «самоходу» приходилось проходить бюрократический квест: получать специальное санкционирование от региональных или местных подразделений Наркомата земледелия. Документ открывал лишь два пути: «дописеление» (вхождение в уже созданные сельские общества с их официального согласия) либо наделение участками из свободного государственного фонда.

Впрочем, сам факт легализации не уравнивал их в правах с плановыми переселенцами. Землю им выделяли по остаточному принципу – только после того, как потребности организованных новоселов были полностью закрыты. Льготные тарифы на проезд и государственное кредитование на «самоходов» не распространялись в принципе.

Однако реальная правоприменительная практика на местах нередко расходилась со строгой буквой Земельного кодекса. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке местные исполкомы, испытывая сильный дефицит рабочих рук и сталкиваясь с потоками неорганизованных переселенцев, вынужденно шли на компромиссы. Региональное руководство издавало собственные подзаконные акты: процедуры узаконивания «самоходов» упрощали, а самих людей наделяли участками и вовлекали в производство, закрывая глаза на жесткие установки центральных ведомств.

Параллельно отладка миграционной политики требовала создания научной и организационной базы. На протяжении 1920-х годов профильные управленческие структуры непрерывно реформировались и переподчинялись.

В научно-методическом обеспечении процесса центральное место занял Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (ГНИКИ), действовавший при НКЗ РСФСР с 1922 по 1930 год. Спектр задач института был весьма широк: от оценки земельно-водных ресурсов и демографической емкости территорий до построения математико-экономических моделей планового заселения и подготовки проектов нормативных актов.

Параллельно в РСФСР выстраивалась система государственного текущего учёта

перемещения населения. Органы ЗАГС, народные комиссариаты внутренних дел и земельные ведомства внедряли единые формы статистической отчётности (переселенческие билеты, регистрационные листы ходоков). Важным шагом в научном и нормативном обеспечении миграционной политики стало включение детального блока вопросов о перемещениях населения в программу Всесоюзной переписи населения 1926 года, которая зафиксировала реальные масштабы, направления и социальную структуру миграционных потоков [Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1926].

Правовое регулирование системы материально-технического и финансового стимулирования миграции в 1920-е годы формировалось под влиянием сочетания дореволюционного опыта освоения восточных территорий и новых советских хозяйственных механизмов. Комплекс государственно-правовых мер поддержки организованных переселенцев включал:

1. Законодательно гарантированное предоставление земельных наделов, а для рабочих и служащих, направляемых в совхозы и на промышленные объекты – жилой площади;

2. Выплату целевых денежных надбавок, подъемных средств и надбавок к социальным пособиям, финансируемых непосредственно из общесоюзного и республиканского бюджетов;

3. Предоставление налоговых каникул по сельхозналогу и местным сборам;

4. Беспошлинный провоз имущества и льготные тарифы на железнодорожном и водном транспорте.

Стимулирование перемещения граждан в стратегически значимые и необжитые регионы подкреплялось дифференцированной системой нормативно закрепленных преференций, критериями назначения которых выступали:

– Профессионально-квалификационный уровень и ценность привлекаемых кадров для конкретных задач хозяйственного строительства;

– Экономический статус и приоритетность отрасли народного хозяйства или осваиваемого региона;

– Климатическая, географическая и инфраструктурная сложность района вселения.

Ограниченность государственных финансовых ресурсов в середине 1920-х годов вынуждала органы власти регулярно корректировать нормативные требования к контингенту переселенцев. В частности, на Втором Всероссийском совещании земельных работников (1924 г.) была зафиксирована установка на то, что в условиях жесткого бюджета государственное организованное переселение должно ориентироваться преимущественно на зажиточные и крепкие крестьянские хозяйства, обладающие собственными материальными средствами для обустройства на новом месте. Обязательным правовым условием проведения переселенческих актов провозглашалось предварительное полное завершение землеустроительных работ среди местного (автохтонного) населения в районах вселения [Второе Всероссийское совещание земельных работников, 1924].

Для пресечения неконтролируемого миграционного движения Наркомат земледелия РСФСР в 1925 году издал специальную директиву, запрещавшую местным земельным органам, районным исполнительным комитетам и сельским советам выдавать разрешительные документы (проходные свидетельства) ходокам и самовольным переселенцам, направлявшимся в густонаселенные или не подготовленные к приему регионы — в частности, в Уральскую область, на Северный Кавказ и в Крымскую АССР [Наркомат земледелия РСФСР, 1925, с. 137].

Отдельно следует отметить, что формирование советской миграционной политики в 1920-е годы протекало в условиях сложного взаимодействия между центральными органами власти и

руководствами национально-территориальных автономий (Туркестанская АССР, Киргизская/Казахская АССР и др.). Процесс государственного строительства, сопровождавшийся национально-территориальным разграничением в Средней Азии (1924–1925 гг.) и административными реформами, существенно влиял на правовой режим регулирования миграций.

В официальных документах и нормативных актах 1920-х годов межнациональные и земельные отношения на периферии осмысливались через призму острой критики дореволюционной переселенческой практики. В официальном дискурсе 1920-х годов дореволюционная колонизация Степного края и Туркестана трактовалась исключительно как «инструмент национального угнетения». Отчуждение земель у местного оседлого и кочевого населения в пользу казачества и выходцев из центральных губерний объявлялось преступлением царского режима, а новый советский курс декларировал обязательную ликвидацию последствий этих изъятий.

Исходя из этих установок, руководство Туркестанской и Киргизской (Казахской) АССР заняло бескомпромиссную линию по отношению к внешним переселенцам. Защищая земельный фонд в пользу автохтонного населения и создавая условия для его перевода на оседлость, республиканские власти приняли пакет актов, поставивших заслон на пути внешнереспубликанской колонизации. Территории автономий оказались фактически закрыты для нерегулируемых потоков: нелегализованных мигрантов, въехавших без санкции союзного или республиканского центра, местные органы выдворяли и депортировали в принудительном порядке.

Наиболее детально и жестко нормативно-правовой режим регулирования миграций и использования земельного фонда был сконструирован в Киргизской (Казахской) АССР. В условиях проведения земельно-водных реформ и землеустройства кочевого населения республиканское законодательство ввело четкую правовую классификацию и дифференциацию некоренного (преимущественно русского и украинского) населения по критерию легитимности их землепользования:

1. Категории граждан, обладавших законным правом на землепользование:

– Лица, официально прибывшие и наделенные землей до опубликования Декрета «О социалистическом землеустройстве» от 19 февраля 1918 года;

– Лица, переселившиеся и легализованные в промежуточный период между принятием Декрета 1918 года и введением в действие Закона РСФСР «О трудовом землепользовании» от 31 августа 1922 года;

– Переселенцы, которым земля была выделена на законных основаниях в соответствии с официально установленными для оседлых земледельческих зон трудовыми нормами наделения.

За указанными категориями граждан право на фактически занимаемые земельные наделы закреплялось в полном объеме.

2. Категория самовольных (нелегализованных) переселенцев. К данной группе относились лица, прибывшие на территорию автономной республики в разное время без официальных разрешений центральных или республиканских переселенческих органов. Нормативные акты республики предусматривали дифференцированный подход к их правовому статусу. Часть самовольных переселенцев, чье пребывание признавалось хозяйственно нецелесообразным или ущемляющим земельные права автохтонного населения, подлежала обязательной репатриации (принудительной депортации) в регионы первоначального проживания. Другой части самовольных мигрантов в виде исключения разрешалось продолжать хозяйственную

деятельность, но исключительно на условиях заключения договоров возмездной (платной) аренды земли у государственных органов или местных сельских обществ.

На губернские и областные земельные управления автономий возлагалась нормативная обязанность по ведению детального персонального учета самовольных мигрантов и передаче списков в Центральный земельный комиссариат республики для организации высылки. Местные органы власти под угрозой административной и уголовной ответственности были обязаны пресекать проникновение новых мигрантов извне, а при их обнаружении – безотлагательно выдворять их за пределы республики.

Однако к середине 1920-х годов реализация такой жесткой региональной политики привела к возникновению серьезных межнациональных и экономических противоречий. Наблюдался явный перекос в сторону предоставления юридических преференций по этническому и автохтонному признаку в ущерб общей хозяйственной целесообразности и интересам переселенцев из других регионов СССР. Для урегулирования возникшего кризиса и гармонизации союзного и республиканского законодательства Президиум ВЦИК был вынужден создать специальную Комиссию по координации землеустроительных и переселенческих работ в южных районах Казахстана и Киргизии. Комиссия выработала компромиссные правовые механизмы, снизившие уровень административного давления на переселенцев при сохранении приоритета землеустройства коренного населения [Комиссия Президиума ВЦИК, 1925, с. 43-44].

Организационно-правовые основания советской миграционной политики в 1920-е годы прошли стремительную эволюцию, отразившую общий вектор развития Советского государства от периода революционного разрушения правовых институтов к выстраиванию жесткой системы централизованного государственного управления.

В период «военного коммунизма» миграционная политика опиралась на административно-запретительную модель, выражавшуюся в фактической национализации сферы перемещения населения, отмене принципа свободы передвижения и ограничении землеустройства внутренними рамками губерний.

С переходом к НЭПу произошла концептуальная и законодательная трансформация. Ввод в действие Декрета о свободе передвижения 1922 года, принятие Земельного кодекса РСФСР 1922 года и Основного Закона СССР 1924 года ознаменовали переход Советского государства к гибким нормативным рычагам управления. Главным результатом этой трансформации стало оформление двухуровневой (союзно-республиканской) вертикали регулирования миграций, а также четкая юридическая сепарация переселенцев на организуемых (плановых) и стихийных («самоходов»).

Правовое регулирование в этот период опиралось на четыре базовых механизма:

1. Селективный доступ мигрантов к земельным наделам, а также государственному финансированию и снабжению;

2. Пакет налоговых, транспортно-тарифных и имущественных преференций, подкреплявший плановые перемещения;

3. Систему административного контроля, регистрации и статистического учета переселенческих потоков;

4. Административно-принудительный инструментарий (ограничительные въездные режимы и выдворения/депортации), задействованный в национально-территориальных автономиях.

Заключение

Таким образом, правовая и институциональная инфраструктура переселенческого дела, заложенная в 1920-х годах, подготовила нормативную почву для последующего перехода к тотальной директивно-мобилизационной системе 1930-х годов, обеспечившей жесткое пространственное перераспределение рабочей силы под задачи индустриализации и коллективизации.

Библиография

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Москва: Издание ЦСУ СССР, 1926.
2. Второе Всероссийское совещание земельных работников (1924 г.): материалы. Москва, 1924.
3. Второй Всероссийский землеустроительный съезд (январь 1921 г.): материалы. Москва, 1921.
4. Декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 года «О социализации земли» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1922 года «О свободе передвижения по территории РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 11. Ст. 105.
6. Закон «О социалистическом землеустройстве и о мерах к переходу к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.
7. Земельный кодекс РСФСР, принятый IV сессией ВЦИК IX созыва 30 октября 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства СССР. 1924. № 2. Ст. 24.
9. Наркомат земледелия РСФСР. Директива 1925 года о запрете выдачи разрешительных документов ходокам и самовольным переселенцам. Москва, 1925.
10. Постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 года «Положение о гражданстве Союза ССР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства СССР. 1924. № 23. Ст. 202.

Organizational and Legal Foundations of Soviet Migration Policy in the 1920s

Pavel P. Shinkevich

Lecturer,
Department of Philosophy, Foreign Languages
and Humanitarian Training of Employees of Internal Affairs Bodies,
Tyumen Institute for Advanced Training
of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
625049, 75, Amurskaya str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

Abstract

The article examines the process of formation and evolution of the organizational and legal foundations of the migration policy of the Soviet state in the 1920s. The author analyzes migration policy as a complex mechanism formed under the influence of ideological, socio-economic, and regulatory factors. The work examines in detail the transformation of the legal regulation of the territorial movement of the population during the period of transition from "War Communism" to

the New Economic Policy. The transition from an administrative-prohibitive model to a flexible system of planned and organized resettlements is considered. It is concluded that the organizational and legal model of resettlement affairs formed in the 1920s created the foundation for the subsequent directive-mobilization system of redistributing labor resources in the era of forced industrialization and collectivization.

For citation

Shinkevich P.P. (2026) Formirovanie i evolyutsiya organizatsionno-pravovykh osnov migratsionnoy politiki Sovetskogo gosudarstva v 1920-e gody [Organizational and Legal Foundations of Soviet Migration Policy in the 1920s]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 34-43. DOI: 10.34670/AR.2026.46.57.004

Keywords

Migration policy, resettlement affairs, New Economic Policy, War Communism, planned resettlement, legal regulation of migration, freedom of movement.

References

1. All-Union Population Census of 1926. (1926). Moscow: Izdanie TsSU SSSR.
2. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of February 19, 1918 “On the Socialization of Land”. (1918). Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the RSFSR, (25), Art. 346.
3. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the RSFSR of January 24, 1922 “On Freedom of Movement on the Territory of the RSFSR”. (1922). Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the RSFSR, (11), Art. 105.
4. Law “On Socialist Land Management and on Measures for the Transition to Socialist Agriculture” of February 14, 1919. (1919). Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the RSFSR, (4), Art. 43.
5. Land Code of the RSFSR, adopted by the IV Session of the All-Russian Central Executive Committee of the 9th Convocation on October 30, 1922. (1922). Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the RSFSR, (68), Art. 901.
6. People’s Commissariat of Agriculture of the RSFSR. Directive of 1925 on the Prohibition of Issuing Permits to Scouts and Unauthorized Migrants. (1925). Moscow.
7. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of October 29, 1924 “Regulation on Citizenship of the Union of Soviet Socialist Republics”. (1924). Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the USSR, (23), Art. 202.
8. The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of 1924. (1924). Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the USSR, (2), Art. 24.
9. The Second All-Russian Land Management Congress (January 1921): Materials. (1921). Moscow.
10. The Second All-Russian Meeting of Land Workers (1924): Materials. (1924). Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.18.34.005**

Аксиологический компонент в современном правопонимании: от разграничения Блага и ценности к верификации правовых ценностей

Жиков Михаил Викторович

Аспирант,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: jikovmv@mail.ru

Аннотация

Цель статьи состоит в разработке методологической модели исследования правовых ценностей, основанной на разграничении категорий Блага и ценности. Благо рассматривается как объективно необходимое условие человеческого существования, необходимость которого не возникает в результате оценивания. Ценность понимается как интерсубъективный результат социального оценивания, получающий нормативное выражение. Сопоставляются основные интегративные концепции правопонимания. Предлагается различать нормативно закреплённое ценностное утверждение, подтверждённую интерсубъективную правовую ценность, результативность правового предписания и последствия его реализации. Такая модель делает аксиологическое исследование последовательным и проверяемым.

Для цитирования в научных исследованиях

Жиков М.В. Аксиологический компонент в современном правопонимании: от разграничения Блага и ценности к верификации правовых ценностей // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 44-52. DOI: 10.34670/AR.2026.18.34.005

Ключевые слова

Аксиология права, правовые ценности, Благо, ценность, правопонимание, интерсубъективность, верификация, реалистический позитивизм, эффективность права, правовое регулирование.

Введение

Современное развитие права происходит под влиянием нескольких разнонаправленных процессов. С одной стороны, глобализация ведет к сближению правовых моделей и распространению общих подходов к правовому регулированию, а с другой стороны, национальные правопорядки продолжают сохранять собственные культурные и исторические особенности. Одновременно право меняется под влиянием цифровизации и все более заметных ценностных противоречий. В результате исследование права уже трудно ограничить анализом действующих норм. Все большее значение приобретает вопрос о тех представлениях о должном, которые лежат в основе правового регулирования и влияют на его содержание. Особенно отчетливо это проявляется при сопоставлении ценностных моделей, претендующих на универсальность, с национальной правовой традицией и историческим опытом конкретного общества. Аксиологический подход в данном случае позволяет рассматривать право не только как систему нормативных предписаний, но и как форму выражения определенных ценностных представлений.

Однако использование категории ценности в юридической науке связано с рядом трудностей. Прежде всего, само понятие ценности остается неоднозначным. В зависимости от выбранного подхода под ней могут пониматься идеал, цель, интерес, принцип, субъективное предпочтение либо результат общественной оценки. Не менее сложен вопрос о том, каким образом можно проверить утверждение о существовании той или иной правовой ценности и отличить действительно разделяемое обществом представление от позиции отдельной социальной группы. Если справедливость, свобода, достоинство или равенство объявляются правовыми ценностями, необходимо установить, каким образом можно отличить реально разделяемую и действующую в правопорядке ценность от декларации либо частного мировоззренческого предпочтения. Цель настоящей статьи - сформулировать модель, которая сохраняет ценностное измерение права, но одновременно допускает его инструментальную и эмпирическую проверку.

Методологическую основу исследования составляют аксиологический, сравнительно-правовой и формально-юридический подходы. Логика исследования строится от метатеоретического разграничения Блага и ценности к определению интерсубъективной правовой ценности, далее к сопоставлению интегративных теорий правопонимания и формированию многоуровневой модели исследования правовых ценностей. Такая последовательность позволяет разграничить нормативное закрепление ценностного представления, степень его фактического общественного признания, результативность соответствующего правового механизма и последствия его реализации для фундаментальных условий человеческого существования.

Методологическое разграничение Блага и ценности

В философской литературе ценность традиционно связывается с оценочным отношением субъекта к объекту. М.С. Каган определял ее через значение объекта для субъекта, а оценку - как выявление этого значения [Каган, 1997, с. 67-68]. Отсюда следует, что ценность предполагает акт сравнения, выбора и признания определенного явления значимым. Для права эта особенность принципиальна, ценностные представления формируются в общественной

практике, а после нормативного закрепления используются как ориентиры правотворчества, толкования и правоприменения.

Ключевым для дальнейшего анализа является разграничение Блага и ценности. С.Е. Ячин отмечает, что в Античности и Средние века самостоятельного понятия «ценности» в современном смысле не существовало: философская мысль оперировала, прежде всего, категорией Блага [Ячин, 2022, с. 7-8]. В предлагаемой модели Благо связано с тем, чем человеческое существование объективно обусловлено, тогда как ценность возникает в процессе социального оценивания. Представляется верным, что некоторые условия необходимы для поддержания жизни независимо от того, признает ли субъект их значимыми, их необходимость выявляется через фактические последствия отсутствия или устойчивого разрушения таких условий.

Эта позиция имеет дополнительные основания в аксиологии и теории права. Н. Гартман показывал, что благо для человека не создается самой оценивающей установкой [Гартман, 2002]. Г.Л.А. Харт, обосновывая минимальное содержание естественного права, также исходил не из универсальной морали, а из устойчивых фактов человеческого существования - физической уязвимости, приблизительного равенства людей, ограниченности альтруизма и ресурсов, понимания и силы воли [Hart, 2012, p. 193-199]. Тем самым фактические условия продолжения человеческого существования могут учитываться в правовом анализе без превращения моральной оценки нормы в критерий ее юридической действительности.

В связи с вышеизложенным, в рамках настоящего исследования категория Блага используется в специально ограниченном методологическом значении и не претендует на охват всего спектра ее этико-философских интерпретаций. Под Благом понимаются объективно необходимые условия сохранения человеческого существования, необходимость которых устанавливается независимо от их социального признания и ценностной оценки. К таким условиям относятся, например, доступ к воде, кислороду и питанию, физическая сохранность и минимальные условия поддержания жизни. Это разграничение имеет метатеоретический характер: оно не устанавливает перечень «истинных» ценностей, а разделяет фактические условия существования и социально сформированные представления о значимом. Одно и то же явление может рассматриваться одновременно и как Благо, и как ценность. Так, жизнь является необходимым условием человеческого существования, но вместе с тем получает социальное и правовое признание как самостоятельная ценность. Однако сама объективная необходимость определенного Блага еще не означает, что из нее напрямую следует конкретное правовое предписание.

Интерсубъективный характер правовых ценностей

Для юридической науки ценность не может сводиться только к индивидуальному предпочтению. Поскольку право рассчитано на регулирование общественных отношений, значение приобретает, прежде всего, тот ценностный ориентир, который получил признание за пределами индивидуального восприятия. Р.А. Ромашов, Ю.Ю. Ветютнев и Е.Н. Тонков отмечают, что предпочтения могут приобретать статус ценностей, когда получают санкционирование и легитимацию социальной группы [Ромашов, Ветютнев, Тонков, 2015, с. 113]. В то же время Н.С. Бондарь обращает внимание на то, что ценностное содержание права

не сводится к буквальному тексту нормативного акта [Бондарь, 2014, с. 24-25]. Поэтому социальное признание ценности и ее закрепление в праве следует рассматривать как связанные, но не тождественные явления.

С учетом этого правовые ценности предлагается понимать как устойчивые, социально признанные оценочные представления о значимых явлениях общественной жизни, характерные для конкретного общества и получившие выражение в его правовой системе. Таким образом, юридический текст свидетельствует, прежде всего, об официальном признании определенного ценностного утверждения, но сам по себе не доказывает его устойчивого признания обществом. Поэтому целесообразно различать нормативно закрепленное ценностное утверждение и подтвержденную интерсубъективную правовую ценность.

Вывод об интерсубъективном статусе требует самостоятельной эмпирической проверки. Соблюдение нормы нельзя автоматически считать доказательством принятия выраженной в ней ценности: поведение может определяться санкцией, выгодой, привычкой или отсутствием практической возможности нарушения. О социальном признании позволяет судить совокупность данных - устойчивость практики при различной интенсивности контроля, распространенность обхода нормы, характер ценностной аргументации в правоприменении и общественной дискуссии, а также, при наличии, результаты социологических исследований. Тем самым юридическая форма делает ценностное утверждение наблюдаемым, но не предрешает вывод о его интерсубъективности.

Показателен конфликт между исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности и необходимостью обеспечить доступ к жизненно важным лекарственным средствам. Статья 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности устанавливает условия использования объекта патента без разрешения правообладателя в случаях, когда такое использование допускается национальным законодательством [Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, 1994]. Этот механизм показывает, что нормативная реализация ценностного ориентира, связанного с устойчивостью исключительных прав, может быть ограничена при возникновении существенной угрозы условиям сохранения жизни и здоровья. При этом для предлагаемой модели важен не вывод об абсолютном приоритете одного ценностного ориентира, а необходимость отдельно оценивать последствия конкретного правового механизма для фундаментальных Благ.

Различение формы и содержания ценности важно и для оценки претензий на их универсальность. Например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет общие юридические формы свободы совести, религии, частной и семейной жизни [Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950]. Однако конкретное содержание этих гарантий зависит от социального и культурного контекста. В деле «С.А.С. против Франции» Европейский суд по правам человека рассматривал установленный во Франции запрет на ношение в общественных местах одежды, полностью скрывающей лицо, в том числе никаба. Суд признал такое ограничение допустимым, исходя, в частности, из концепции «совместного проживания» и предоставленной государству свободы усмотрения [Постановление ЕСПЧ по делу «С.А.С. против Франции», 2014]. Такой пример показывает, что совпадение названий ценностей не означает полного совпадения их практического содержания. Следовательно, иерархия правовых ценностей методологически надежнее исследуется в рамках конкретного правопорядка, а не как заранее заданная универсальная система.

Аксиологический компонент в интегративных концепциях правопонимания

Интегративные теории стремятся преодолеть односторонность нормативизма, юснатурализма и социологического подхода. Для сопоставления выбраны либертарно-юридическая концепция В.С. Нерсесянца, диалогическая концепция И.Л. Честнова, коммуникативная теория А.В. Полякова и реалистический позитивизм Р.А. Ромашова. Их различие особенно заметно в способах включения ценностей и возможности их проверки.

В либертарно-юридической концепции аксиологическое ядро выражено наиболее отчетливо. Право и закон разграничиваются посредством принципа формального равенства, включающего равную меру свободы и справедливости. Несправедливое законодательное предписание не признается правом в содержательном смысле; одновременно нравственная идея, не получившая юридической формы, также остается за пределами права. В изложении Р.Р. Палехи свобода, равенство и справедливость выступают взаимосвязанными критериями правового закона [Палеха, 2011, с. 39-43]. Сильной стороной данной концепции является нормативная ясность, однако она не формирует самостоятельного инструмента эмпирической проверки того, насколько провозглашаемый критерий реализуется в фактических общественных отношениях.

Диалогическая концепция И.Л. Честнова описывает право через взаимодействие противоположных начал: идеального и материального, должного и сущего, субъективного и объективного. Внутри такой модели ценности не рассматриваются как раз и навсегда заданная система, они зависят от эпохи, культуры и мировоззрения научного сообщества. И.Л. Честнов подчеркивает контекстуальность правопонимания и невозможность вывести теорию права за пределы ценностных ориентиров соответствующего исторического периода [Честнов, 2009, с. 254]. Представляется, что такой подход хорошо объясняет изменчивость права и его зависимость от культурного и исторического контекста. Вместе с тем именно эта зависимость затрудняет поиск достаточно определенного критерия, который позволял бы отличать устойчиво признанную обществом ценность от ситуативного предпочтения.

Коммуникативная теория А.В. Полякова рассматривает право через взаимодействие его участников. В рамках этого подхода право понимается не только как совокупность нормативных предписаний, но и как особая форма социальной коммуникации, в которой нормы, правосознание и правоотношения связаны между собой. Свобода, равенство, справедливость и ответственность получают содержание через взаимное признание участников правового общения и складывающиеся между ними формы взаимодействия. Сам А.В. Поляков относит коммуникативную теорию к интегративному правопониманию [Поляков, 2010, с. 75]. Такой подход позволяет проследить, как ценностные представления формируются и изменяются в правовой коммуникации. Вместе с тем для настоящего исследования остается важным вопрос о том, как разграничить социально формируемые ценности и объективно необходимые условия человеческого существования.

Реалистический позитивизм Р.А. Ромашова соединяет юридический позитивизм, социологическую юриспруденцию и исторический подход. Его исходное требование - различать объективную реальность права и субъективное восприятие, а правом считать только действующую систему норм, способную оказывать результативное воздействие на общественные отношения [Палеха, 2011, с. 4, 7]. В структуре права правовые ценности рассматриваются наряду с правовым опытом, традицией, доктриной, догмой и эмпирикой

[Палеха, 2011, с. 5]. В отличие от иных интегративных концепций здесь изначально присутствует критерий, позволяющий связать ценностную направленность правового регулирования с его фактическими результатами.

Сопоставление показывает, что рассмотренные концепции раскрывают разные стороны аксиологического содержания права: либертарно-юридическая задает содержательный критерий, диалогическая объясняет историческую обусловленность ценностных представлений, коммуникативная раскрывает процесс формирования правовых смыслов, а реалистический позитивизм позволяет анализировать фактическое действие нормы и результативность правового регулирования. Эти подходы взаимно дополняют друг друга при исследовании происхождения, содержания и социального признания правовых ценностей. В предлагаемой модели реалистический позитивизм используется как методологическая основа для анализа нормативной реализации ценностей. Его прагматическая направленность позволяет сопоставлять ценностный ориентир с действием конкретной правовой нормы и теми результатами, к которым приводит ее применение.

Методологическая модель исследования правовых ценностей

Предлагаемая модель включает четыре последовательных этапа анализа. Сначала устанавливается, каким образом соответствующий ценностный ориентир закреплен в праве: в законодательстве, принципах права, судебной аргументации или доктрине. Такое закрепление свидетельствует о его официальном признании, однако само по себе еще не подтверждает устойчивого общественного принятия. Поэтому на следующем этапе необходимо установить, насколько соответствующая ценность действительно признается в конкретном обществе и в определенный исторический период. Проверке в данном случае подлежит не «истинность» самой ценности, а степень ее фактического социального признания.

Далее оценивается действие конкретного правового механизма, достигает ли он поставленной цели, формирует ли предполагаемое поведение и к каким последствиям приводит его применение. Здесь продуктивен прагматический инструментарий реалистического позитивизма. Эффективность нормы характеризует результативность правового воздействия, но сама по себе не доказывает общественного признания выраженной в ней ценности. Это позволяет использовать реалистический позитивизм, не превращая эффективность в универсальный аксиологический критерий.

Четвертая операция необходима, когда нормативная реализация ценности затрагивает фундаментальные Блага. Р.Р. Палеха указывал на необходимость ориентиров, препятствующих сведению права к результативному властному воздействию [Палеха, 2011, с. 153]. В предлагаемой модели предел формулируется как проверяемая связь правового механизма с объективными условиями человеческого существования. Необходимо установить, какое условие затрагивается, существует ли причинная связь с регулированием, насколько устойчивы последствия и возможно ли достижение той же цели с меньшим ущербом. Благо при этом не становится критерием юридической действительности нормы и не образует заранее установленную иерархию ценностей.

В результате аксиологический анализ становится последовательным и проверяемым. Исследователь отвечает на четыре разных вопроса: что официально закреплено в качестве ценности; что фактически признается обществом; насколько результативен избранный правовой механизм; совместимы ли последствия его действия с объективными условиями

человеческого существования. Такая модель не снимает философских споров о природе ценностей, однако позволяет четче разграничить разные уровни их анализа. В частности, она помогает не смешивать нормативное закрепление ценности, степень ее общественного признания, результативность правового регулирования и последствия применения соответствующего механизма.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет выделить три основных результата. Прежде всего, предлагается разграничивать Благо и ценность как различные методологические категории. Под Благом понимаются объективно необходимые условия человеческого существования. В данном случае объективность Блага имеет фактический, а не морально-нормативный характер: необходимость соответствующих условий определяется теми последствиями, к которым приводит их отсутствие или устойчивое разрушение, и не зависит от того, признаются ли они обществом ценными. Во-вторых, уточнено понятие правовой ценности. Ее предлагается определять через сочетание устойчивого общественного признания и выражения в правовой системе. Это позволяет разграничить нормативно закрепленное ценностное утверждение и подтвержденную интерсубъективную правовую ценность. Само по себе юридическое закрепление свидетельствует об официальном признании определенного ориентира, но не доказывает его устойчивого принятия обществом.

В-третьих, разработана многоуровневая модель верификации правовых ценностей, включающая четыре самостоятельные операции: выявление нормативного закрепления ценностного ориентира, проверку его интерсубъективного статуса, анализ функциональной результативности соответствующего правового механизма и оценку последствий его действия для фундаментальных Благ. Реалистический позитивизм в данной конструкции используется как методологический инструмент анализа действия нормы и результатов правового регулирования. Научная новизна исследования состоит в метатеоретическом разграничении объективных условий человеческого существования и социально сформированных ценностей и в последующем переводе этого различия в последовательную модель юридической проверки, позволяющую не смешивать нормативное закрепление, общественное признание, эффективность правового механизма и последствия его реализации.

Заключение

Предлагаемый подход позволяет рассматривать ценностное содержание права, не сводя его ни к тексту нормативного акта, ни к субъективным предпочтениям, ни к фактической эффективности регулирования. Правовая ценность в таком понимании предполагает самостоятельную оценку степени ее общественного признания, тогда как эффективность нормы показывает, насколько результативно действует соответствующий правовой механизм. Сама по себе такая результативность при этом не означает, что выраженный в норме ценностный ориентир действительно принят обществом.

Разграничение Блага и ценности позволяет отдельно учитывать последствия правового регулирования для объективно необходимых условий человеческого существования. При этом Благо не превращается в заранее установленную систему высших ценностей, и содержательная оценка нормы не становится условием ее юридической действительности. Такой подход дает

возможность учитывать культурно-исторические различия между разными ценностными системами, и одновременно оценивать последствия их нормативной реализации.

Предложенная в настоящем исследовании модель носит преимущественно методологический характер и нуждается в дальнейшем развитии применительно к отдельным правовым ценностям и конкретным правопорядкам. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется разработка эмпирических показателей, позволяющих фиксировать степень и динамику интерсубъективного признания отдельных правовых ценностей, а также сопоставлять их нормативное выражение с практикой реализации соответствующих правовых механизмов.

Библиография

1. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. Москва: Юрист, 2014. 184 с.
2. Гартман Н. Этика / пер. с нем. А.Б. Глаголева; под ред. Ю.С. Медведева, Д.В. Скляднева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. 707 с.
3. Каган М.С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. 204 с.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 // Европейский суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus
5. Палеха Р.Р. Интегративное отечественное правопонимание: современные концептуальные подходы: монография. Москва: Российская академия правосудия, 2011. 164 с.
6. Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегративного правопонимания // Теоретические и практические проблемы правопонимания. 2-е изд. Москва: РАП, 2010. С. 70–85.
7. Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека от 01.07.2014 по делу «С.А.С. против Франции» (S.A.S. v. France), жалоба № 43835/11. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466
8. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1 (258). С. 4–12.
9. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право — язык и масштаб свободы: монография. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 448 с.
10. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12746
11. Честнов И.Л. Критерии современности правопонимания: современна ли интегративная концепция права? // Философия права в России: история и современность. Москва: Норма, 2009. С. 254–262.
12. Ячин С.Е. Критика аксиологического разума: монография. Москва: ИНФРА-М, 2022. 137 с.
13. Hart H.L.A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 333 p.

The Axiological Component in Modern Legal Understanding: From the Distinction Between the Good and Value to the Verification of Legal Values

Mikhail V. Zhikov

Postgraduate Student,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: jikovmv@mail.ru

Abstract

The objective of the article is to develop a methodological model for the study of legal values based on the distinction between the categories of the Good and value. The Good is considered as

an objectively necessary condition of human existence, the necessity of which does not arise as a result of evaluation. Value is understood as an intersubjective result of social evaluation that receives normative expression. The main integrative concepts of legal understanding are compared. It is proposed to distinguish between a normatively enshrined value statement, a confirmed intersubjective legal value, the effectiveness of a legal prescription, and the consequences of its implementation. Such a model makes axiological research consistent and verifiable.

For citation

Zhikov M.V. (2026) Aksiologicheskiy komponent v sovremennom pravoponimanii: ot razgranicheniya Blaga i tsennosti k verifikatsii pravovykh tsennostey [The Axiological Component in Modern Legal Understanding: From the Distinction Between the Good and Value to the Verification of Legal Values]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 44-52. DOI: 10.34670/AR.2026.18.34.005

Keywords

Axiology of law, legal values, the Good, value, legal understanding, intersubjectivity, verification, realistic positivism, effectiveness of law, legal regulation.

References

1. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights of April 15, 1994. (1994). WIPO Lex. https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12746
2. Bondar', N.S. (2014). Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice] (2nd ed.). Moscow: Yurist.
3. Chestnov, I.L. (2009). Kriterii sovremennosti pravoponimaniya: sovremenna li integrativnaya kontseptsiya prava? [Criteria of contemporary legal understanding: is the integrative concept of law contemporary?]. In Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost' (pp. 254–262). Moscow: Norma.
4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950. (1950). European Court of Human Rights. https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus
5. Hart, H.L.A. (2012). The Concept of Law (3rd ed.). Oxford: Oxford University Press.
6. Hartmann, N. (2002). Etika [Ethics] (A.B. Glagolev, Trans.; Yu.S. Medvedev, D.V. Sklyadnev, Eds.). Saint-Petersburg: Vladimir Dal.
7. Kagan, M.S. (1997). Filosofskaya teoriya tsennosti [Philosophical theory of value]. Saint-Petersburg: Petropolis.
8. Palekha, R.R. (2011). Integrativnoe otechestvennoe pravoponimanie: sovremennye kontseptual'nye podkhody [Integrative Russian legal understanding: contemporary conceptual approaches]. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya.
9. Polyakov, A.V. (2010). Kommunikativnaya teoriya prava kak variant integrativnogo pravoponimaniya [Communicative theory of law as a variant of integrative legal understanding]. In Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravoponimaniya (2nd ed., pp. 70–85). Moscow: RAP.
10. Postanovlenie Bol'shoy palaty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 01.07.2014 po delu "S.A.S. protiv Frantsii" (S.A.S. v. France), zhaloba No. 43835/11 [Judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights of July 1, 2014 in the case of S.A.S. v. France, Application No. 43835/11]. (2014). https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466
11. Romashov, R.A. (2005). Realisticheskiy pozitivizm: integrativnyy tip sovremennogo pravoponimaniya [Realistic positivism: an integrative type of contemporary legal understanding]. Pravovedenie, (1(258)), 4–12.
12. Romashov, R.A., Vetyutnev, Yu.Yu., & Tonkov, E.N. (2015). Pravo — yazyk i masshtab svobody [Law as the language and measure of freedom]. Saint-Petersburg: Aleteyya.
13. Yachin, S.E. (2022). Kritika aksiologicheskogo razuma [Critique of axiological reason]. Moscow: INFRA-M.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.1+320.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.84.17.006**

Категория «народ» как главный субъект историко-правового развития российской государственности

Судоргина Ирина Николаевна

Кандидат юридических наук,
Доцент кафедры истории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: i.sudorgina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу категории «народ» в качестве главного субъекта историко-правового становления и развития российской государственности. В центре внимания — процесс институциализации понятия «народ» как правового субъекта: от традиционных форм народного участия в управлении до закрепления принципа народного суверенитета в современном конституционном порядке. Автор рассматривает ключевые правовые акты и доктринальные подходы, фиксирующие статус народа, и выделяет основные этапы юридического оформления этой категории. Показано, как историко-правовые трансформации представлений о народе влияли на конструкцию государственной власти и механизмы реализации народовластия. Работа будет полезна исследователям, занимающимся историей права, теорией государства, а также проблематикой правосубъектности коллективных общностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Судоргина И.Н. Категория «народ» как главный субъект историко-правового развития российской государственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 53-60. DOI: 10.34670/AR.2026.84.17.006

Ключевые слова

Народ, российская государственность, историко-правовое развитие, правосубъектность, институциализация, народовластие, суверенитет, коллективные общности.

Введение

Изучение такого многомерного института как народ не только даёт ключ к осмыслению фундаментальных основ российской государственности, но и помогает находить решения актуальных общественно-политических задач.

Народ является главным субъектом историко-правового развития любой государственности, так как это понятие непосредственно связано с такими категориями, как «национальная идентичность» и «единство». В этом контексте народ выступает не просто как сумма индивидов, а как целостная историческая общность, концентрирующая в себе традиции, культуру, общую судьбу, т.е. всё то, что определяет менталитет народа и раскрывает историю формирования государственности на разных этапах развития страны.

С юридической точки зрения понятие «народ» – это дифференцированная, многоуровневая правовая конструкция, учитывающая национально-этнические, территориальные и электорально-аксиологические особенности людей, проживающих в том или ином государстве. Применительно к России, которая относится федеративным многонациональным государствам, вопрос, связанный с юридическим содержанием этой категории, на протяжении многих десятилетий остается одним из наиболее актуальных и широко обсуждаемых в научных кругах. Об этом свидетельствуют, например, работы таких известных ученых-государствоведов начала XX века, как Н.Н. Алексеева [Алексеев, 1998] и С.В. Юшкова [Избранное: Серафим Владимирович Юшков, 2007].

Основная часть

Категория «народ» действительно привлекала внимание многих учёных, и подходы к её осмыслению сильно различались в зависимости от эпохи и научной дисциплины. Например, современный ученый Д.А. Авдеев [Авдеев, 2017], необоснованно, по нашему мнению, сузил категорию «народ», предлагая отождествлять его с электоратом, т. е. совокупностью граждан, обладающих активным избирательным правом. Нельзя не упомянуть и евразийцев, которые рассматривают народ и другие социальные общности в качестве неких «соборных, самодостаточных, симфонических личностей». Именно такую точку зрения высказывает в своих работах известнейший представитель неоевразийства, философ-политолог А.Г. Дугин [Авдеев, 2017].

Данная тема вновь актуализировалась после распада СССР, однако особую значимость этот вопрос приобрел в наше время. Это связано с началом в 2022 г. Специальной военной операции (далее – СВО) на Украине и возрождением политического движения ирредентизма, т.е. курса на присоединение территорий и воссоединение с Россией народа, проживающего на территории Донецкой и Луганской областей. Именно эти события свидетельствуют о том, что народ в истории и праве России не просто «инструмент» для государства, напротив – он активный участник, который формировал и продолжает формировать саму государственность.

Таким образом, народ – это не просто объект государственной политики, а её движущая сила, которая на протяжении веков формировала правовые традиции, конституционные принципы и саму идею российской государственности.

Чтобы дать полное и всестороннее определение дефиниции «народ» как историко-правовой категории, нужен комплексный подход. Так, использование историко-правового метода

позволяет проследить, как менялось понимание народа во времени – от древних общин до современного государства. Именно с помощью данного метода исследователь анализирует, какие факторы (миграции, культурные контакты, правовые реформы, – *И.С.*) повлияли на трансформацию этой категории. Например, применительно к России, это с начала процесс от складывания полиэтнической общности – в период Империи, а затем, в Советский период, – возникновение идеологемы «советский народ» и, наконец, в гл.1 ст.3 п.1 современной Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) говорится о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [Конституция Российской Федерации, 1993], т.е. народ объявляется главным субъектом публичных правоотношений.

Далее, формально-юридический метод позволил автору проанализировать, какие правовые признаки законодатель вкладывает в это понятие, и тем самым определить, когда народ выступает субъектом правоотношений (например, как участник референдума и т.п.), а когда – объектом (например, в вопросах, связанных с обеспечением национальной безопасности и т.д.).

Кроме того, для полного и всестороннего исследования категории «народ», необходимо опираться на системно-структурный, диалектический и социологический подходы, так как именно они помогают охарактеризовать сложную внутреннюю структуру этого понятия, выделить ее элементы (социальные, этнические, территориальные группы), выявить коллизии – например, между этническим и гражданским измерениями понятия «народ», между идеей единства и реальным разнообразием интересов внутри общности.

Понятие «народ» в российской правовой науке прошло сложный путь трансформации – от почти идеологического ярлыка до чётко закреплённого конституционного термина, обозначающего источник власти, т.е. до юридической институциализации, а именно – многомерного правового субъекта в современной России [Бутов, 2025].

Потребности, воля и коллективные действия «народа» во все времена задавали (и задают, – *И.С.*) политический вектор, выступавший источником легитимности власти и движущей силой тех изменений, которые не только формировали первые государственные структуры, но и приводили к масштабным реформам или кризисам.

Применительно к российской действительности этот процесс можно разделить на следующие этапы:

– Древняя Русь (IX – XV вв.). Зачатки народного участия в публичной власти (например, в Новгороде и Пскове) выражались в вечевых собраниях, которые решали ключевые вопросы, связанные с призывом или изгнанием князей, утверждением законов. Таким образом, общность людей напрямую влияла на устройство власти.

– Формирование единого государства (XV – XVII вв.). Объединение земель вокруг Москвы опиралось на поддержку разных слоёв населения – от бояр до посадских людей. Народное единство становилось фактором преодоления раздробленности и внешних угроз.

Так, народ напрямую обеспечивал военную мощь формирующегося государства. Сельская и посадская община была не просто хозяйственной единицей, а выполняла важную социальную и управленческую роль: распределяла повинности и налоги, защищала своих членов, принимала новых поселенцев, оказывала судебную поддержку. Государство со временем стало использовать общинные структуры – например, при формировании местных органов власти на

основе представительства от локальных групп.

Большой вклад в становление российской государственности в этот период внесла православная церковь, именно через проповеди и послания церковные иерархи формировали в обществе идею общерусского единства.

Так, грамоты патриарха Гермогена с призывами объединяться против польско-литовских интервентов, и создание народного ополчения под предводительством земского старосты Нижнего Новгорода Кузьмы Минина и главы ополчения князя Дмитрия Пожарского стали началом конца Смутного времени и символом народного единства и патриотизма.

Однако, иногда народ выступал против чрезмерного давления. Яркий пример – сопротивление Новгородской республики. Новгородцы боролись за свою вольность, и в итоге Москва пошла на компромисс: часть привилегий сохранили, но самостоятельность ограничили. Это показывает, что у населения была и активная позиция – люди не просто подчинялись, а отстаивали свои локальные интересы в общем процессе объединения.

Имперский период (конец XVII в. – начало XX в.). В эпоху Российской империи понятие «народ» было крайне многозначным и противоречивым. Оно не имело единого определения и постоянно менялось в зависимости от контекста – официального дискурса, интеллектуальных споров или повседневной речи. Однако, именно с начала правления Петра I, понятие «народ» стало обретать гражданский смысл: государство всё чаще увязывалось не просто с территорией и подданными, а с целостным сообществом. Екатерина II, например, в своём Указе о веротерпимости 1773 г. [Полное собрание законов Российской империи, 1830] продемонстрировала понимание того, что управлять нужно не только через религиозное единообразие, но и учитывать многообразие культур и религий народов империи. Это заложило основу для политики, где разные народы сохраняли свою самобытность в рамках единого государства.

В XIX веке понятие «народ» стало центральным в спорах о национальной идентичности между западниками и славянофилами. Первые полагали, что народ – это сила, которая должна развиваться в духе идей западноевропейского просвещения, чтобы вести страну вперед. Другие считали, что народ – изначально аполитичен и является источником традиций, самобытного духовного и культурного уклада жизни, который коренным образом отличает Россию от Запада.

Между тем, при всех разногласиях, и западники и славянофилы активно использовали понятие «народ» для конструирования единства многонациональной империи. Однако идея «народности» вступала в противоречие с многоэтничным составом государства.

Двойственность смысла понятия «народ» создавала серьёзные проблемы. С одной стороны, оно могло обозначать всех подданных империи, с другой – чаще всего относилось лишь к низшим, непривилегированным сословиям. Это порождало отчуждение между образованными элитами и «простым народом», что позже нашло выражение в лозунге «хождения в народ».

В Российской империи народ трактовался через сословия и подданство: правовое положение разных групп (крестьяне, дворяне, казаки, купцы) определялось законами, а государство регулировало их обязанности и привилегии. Это и есть историко-правовая фиксация связи: не абстрактный «народ», а конкретные группы с закреплённым статусом.

Таким образом, понятие «народ» в имперский период было сложным идеологическим конструктом, служившим разным целям – от легитимации власти до формирования национальной идентичности, но при этом оставшимся крайне противоречивым.

Советский период (1917 – 1992 гг.). Здесь нейтральная по своему историко-правовому наполнению категория «народ» трансформировалась в сложный идеологический конструкт – «советский народ», т.е. надэтническую, гражданскую общность, объединявшую население СССР независимо от национальной принадлежности. Между тем, это и удачное использование в новых условиях исторического опыта, доставшегося Советской России с имперских времен, т.е. это матрица, предложенная еще С.С. Уваровым (тезис, выражающий русский менталитет: «Православие, самодержавие, народность!» – *И.С.*), предполагавшая удобную для государственной власти схему, по которой народ – это подданные, безусловно верные своему правителю.

Термин «советский народ» начал использоваться уже в 1920-е годы. В основе лежали марксистские идеи о том, что устранение классовых противоречий со временем приведёт к стиранию национальных различий. В 1930-е годы понятие стало активно применяться в официальной риторике, например, в резолюции XVIII партийного съезда (1939) говорилось о морально-политическом единстве советского народа [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях..., 1985].

Однако в Конституции СССР 1936 г. термин «советский народ» отсутствовал. Его официальное закрепление произошло позже – в Конституции СССР 1977 г., где преамбула провозглашала формирование «новой исторической общности – советского народа» [Конституция (Основной Закон) СССР, 1977].

Концепт «советский народ» был инструментом консолидации полиэтничного государства. Он пытался синтезировать разнородные элементы – классовые, национальные, идеологические – в единое целое. Однако противоречия этой конструкции стали одной из причин её кризиса и последующего распада СССР. В постсоветский период понятие «советский народ» стало предметом острых дискуссий, его оценивали и как реальный социальный феномен, и как идеологическую фикцию.

Современная Россия (1993 г. – XXI в.). После распада СССР и в условиях современных вызовов (глобализация, миграция, геополитические сдвиги, – *И.С.*) вопрос о том, из чего складывается российская идентичность, стал особенно острым. В обществе идут споры: что важнее – гражданская принадлежность или этническая, как балансировать между многонациональностью и чувством единства. Иногда это приводит к поляризации: одни делают акцент на общероссийской гражданской идентичности, другие – на значимости сохранения самобытности отдельных этносов.

В Конституции РФ 1993 г. прямо утверждается приоритет народа как ведущего субъекта публичных правоотношений: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ» (ст. 3). Народ реализует власть непосредственно (референдум, выборы) и через органы власти.

Важность особой правосубъектности народа подтверждается и общегосударственным политическим курсом, который был закреплен в официальном указе Президента Российской Федерации, гласившем, что 2026 г. объявлен Годом единства народов России [Указ Президента РФ от 25 декабря 2025 г. № 962, 2025].

На наш взгляд, нельзя обойти вниманием еще одну проблему, связанную с современными реалиями, которая также накладывает свой отпечаток на понимание дефиниции «народ». Речь идет о проблеме глобализации. Так, существует мнение, что в условиях глобализации и

рыночной экономики категория «народ» расширяет своё содержание, не ограничивается территорией национального государства, а становится «миром». Кроме того, глобализация порождает новые типы социальных связей – сетевые, профессиональные, основанные на общих интересах или цифровых платформах. Иногда эти «виртуальные» или транснациональные общности начинают конкурировать с традиционными представлениями о народе.

В условиях глобализации меняется и политический контекст, роль национального государства трансформируется, и это напрямую влияет на то, как народ осознаёт себя субъектом политики. В некоторых случаях это ведёт к поиску новых форм солидарности или, напротив, к фрагментации.

Заключение

Таким образом, рассмотрев категорию «народ» в качестве субъекта развития государственности, автор пришел к выводу, что необходимо учитывать два ключевых аспекта, которые формируют это понятие: исторический и правой срезы.

Исторические факты показывают, что российский народ складывался как многоэтническая общность в рамках единого государства.

Причем, правовая трансформация понятия «народ» в России шла по пути от сословно-классовой ограниченности в имперский период, к идеологической абстракции советского времени, и далее – к современному конституционному пониманию, когда категория «народ» становится юридическим инструментом легитимации власти, основой для формирования гражданской нации.

Следовательно, «российский народ» как историко-правовая категория – это динамичный конструкт: с одной стороны, продукт долгой истории и формирования общей судьбы, с другой – правовая конструкция, задающая рамки участия людей в управлении государством.

Библиография

1. Авдеев Д. А. Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 14–17.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. Москва: Аграф, 1998. 640 с.
3. Бутов А.Ю. Генезис конституционной формализации категории «народ» в Российском государстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 335–339.
4. Дугин А.Г. Евразийский реванш России. Москва: Алгоритм, 2014. 256 с.
5. Избранное: Серафим Владимирович Юшков / [сост. В.И. Лафитский]. Москва: Контракт, 2007. 473 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. Москва: Политиздат, 1985. С. 647–687. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://docs.historyrussia.org .
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Выверено по изд. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. Москва: Политиздат, 1987 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.hist.msu.ru .
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
9. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: Т. 19. 1770–1774: [№№ 13401–14232]. Санкт-Петербург, 1830. 1081 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.prlib.ru .
10. Указ Президента РФ от 25 декабря 2025 г. № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://pravo.gov.ru .

The Category of "People" as the Main Subject of the Historical and Legal Development of Russian Statehood

Irina N. Sudorgina

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of History of State and Law,
Saratov State Law Academy,
410056, 1, Vol'skaya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: i.sudorgina@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the category of "people" as the main subject of the historical and legal formation and development of Russian statehood. The focus is on the process of institutionalization of the concept of "people" as a legal subject: from traditional forms of popular participation in governance to the consolidation of the principle of popular sovereignty in the modern constitutional order. The author examines key legal acts and doctrinal approaches that fix the status of the people and identifies the main stages of the legal formalization of this category. It is shown how the historical and legal transformations of ideas about the people influenced the construction of state power and the mechanisms for implementing democracy. The work will be useful to researchers engaged in the history of law, the theory of state, as well as the problems of legal personality of collective communities.

For citation

Sudorgina I.N. (2026) Kategoriya «narod» kak glavnyy sub"ekt istoriko-pravovogo razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti [The Category of "People" as the Main Subject of the Historical and Legal Development of Russian Statehood]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 53-60. DOI: 10.34670/AR.2026.84.17.006

Keywords

People, Russian statehood, historical and legal development, legal personality, institutionalization, democracy, sovereignty, collective communities.

References

1. Avdeev, D. A. (2017). Rossiyskiy narod kak subyekt konstitutsionnogo prava [The Russian People as a Subject of Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], no. 11, pp. 14–17.
2. Alekseev, N. N. (1998). *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, 640 p.
3. Butov, A. Yu. (2025). Genezis konstitutsionnoy formalizatsii kategorii "narod" v Rossiyskom gosudarstve [Genesis of the Constitutional Formalization of the Category "People" in the Russian State]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], no. 8, pp. 335–339.
4. Dugin, A. G. (2014). *Evraziyskiy revansh Rossii* [The Eurasian Revenge of Russia]. Moscow: Algoritm, 256 p.
5. *Izbrannoe: Serafim Vladimirovich Yushkov* [Selected Works: Serafim Vladimirovich Yushkov] / comp. by V. I. Lafitsky. Moscow: Kontrakt, 2007, 473 p.
6. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986). T. 7. 1938–1945* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 7. 1938–1945]. Moscow: Politizdat, 1985, pp. 647–687. https://docs.historyrussia.org

7. *Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, prinyata na vneocherednoy sedmoy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics, adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977]. In Kukushkin, Yu. S., Chistyakov, O. I. *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essay on the History of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat, 1987 http://www.hist.msu.ru
8. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020 g.)* [Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020)]. *Rossiyskaya gazeta*, 1993, December 25; 2020, July 4.
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda: T. 19. 1770–1774: [№№ 13401–14232]* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, from 1649: Vol. 19. 1770–1774: [No. 13401–14232]]. St. Petersburg, 1830, 1081 p. https://www.prlib.ru
10. *Ukaz Prezidenta RF ot 25 dekabrya 2025 g. № 962 "O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda edinstva narodov Rossii"* [Decree of the President of the Russian Federation of December 25, 2025 No. 962 "On Holding the Year of Unity of the Peoples of Russia in the Russian Federation"]. *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. http://pravo.gov.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.15 **DOI: 10.34670/AR.2026.72.31.007**

Казачество как государственно-политический феномен России: историко-правовой аспект

Судоргина Ирина Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра истории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: i.sudorgina@yandex.ru

Аннотация

В статье казачество рассматривается как самобытный государственно-политический феномен в истории России. Подчёркивается его двойственная природа: стремление к военно-политической автономии и сохранению традиционного уклада — и одновременно роль ключевого института, отвечавшего за охрану границ, освоение территорий и укрепление военной мощи империи. Исследование прослеживает путь казачества — от автономных общин до современного возрождения. Анализируется эволюция отношений с центральной властью: от конфронтации на раннем этапе через сотрудничество в имперский период к разрыву в советское время. Особое внимание уделено переходу казачества из самостоятельной этносоциальной общности в привилегированное служилое сословие. На основе анализа исторических источников и правовых актов изучается современное развитие казачества: механизмы интеграции в политическую систему (в частности, через государственный реестр) и противоречия между самоорганизацией общин и государственной службой.

Для цитирования в научных исследованиях

Судоргина И.Н. Казачество как государственно-политический феномен России: историко-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 61-67. DOI: 10.34670/AR.2026.72.31.007

Ключевые слова

Казачество, государственность, историко-правовой процесс, институт государственной службы, военная демократия, государственный реестр, самоорганизация общин.

Введение

Казачество – уникальное субэтническое явление российской истории, которое во многом определило менталитет русского народа, значительно повлияло на общий ход развития российской государственности.

Актуальность исследования этого феномена в значительной степени определяется современными геополитическими вызовами. И это связано, прежде всего, с тем, что Россия по своему историческому пути развития относится к странам, построенным «на господстве служилого ведущего слоя» [Алексеев, 1998, с. 472]. Казачество же, появившееся на приграничных территориях, как вольное сообщество «маргинальных элементов», в последствии органически вписалось в государственную систему, став самостоятельным политическим субъектом, повлиявшим не только на ход военно-политической истории страны, но и в целом на идеологическое самосознание русского народа.

Цель данной работы – рассмотреть историко-правовой процесс формирования и развития российского казачества от квазигосударственности до особого института государственной службы.

Методология исследования строится на использовании системно-исторического подхода, позволяющего рассмотреть этот институт как целостную систему. Кроме того, для изучения политико-правовых основ, регулирующих взаимоотношения казачества с органами власти и государственными структурами, автор применял структурно-функциональный и сравнительный анализ; для характеристики процесса возрождения казачества как социально-политического явления был использован институционально-конструктивистский подход, который позволил определить какие исторические факты, вызовы времени, обусловили динамику развития казачества в современной России.

Основная часть

Известный российский ученый Н.Н. Алексеев, ещё в начале XX века, рассматривая институт казачества, говорил, что «нужно различать «казачество», как первоначальную «внегосударственную» и безгосударственную вольницу, от казачества, вступившего в некоторые договорные отношения с государством, и, наконец, от казачества уже охваченного государственными формами и превратившегося в особое войско или сословие» [Алексеев, 1998, с. 99].

Кроме того, именно казачество стало одним из главных факторов, отличающих нашу государственность от западной. Так, исторический опыт показывает, что любой социум, из чисто естественных потребностей, для сохранения своей целостности и собственного развития, стремится создать некую авангардную опору государственной власти. На наш взгляд, можно выделить два типа таких групп: социально-классовые, которые формируются стихийно в течение исторического процесса (например, европейская буржуазия) и «служилые», которые создаются сознательно для выполнения конкретных задач необходимых государственному механизму (например, российское казачество XVIII – XIX вв.).

В историческом процессе развития этого института принято различать несколько этапов его формирования.

Ранним этапом формирования казачества считаются XIV–XVII вв., когда на незащищенных окраинах Московской Руси стихийно возникли самоуправляемые военизированные общины –

вольницы как воплощение «первобытной демократии». «Произвол массы» и «бесправие личности» – вот что характеризовало эту демократию [Алексеев, 1998, с.101], т.е. то, что отличало Запад, где менталитет народа строился на индивидуализме, от России с ее «коллективным сознанием». Размеры европейских государств не шли ни в какое сравнение с масштабами Российского государства. Именно географические особенности нашей страны и объясняют такой факт русской истории, как «уход от государства», который нашел свое физическое воплощение в казачестве. Однако необходимо отметить, что в этот период «казачья вольница» воспринималась в качестве дестабилизирующего фактора, несущего прямую угрозу государству. Помимо прочего, эта квазигосударственная структура сохраняла пережитки первобытнообщинного строя и регулировалась нормами обычного права.

По мнению известного ученого XIX в., который исследовал казачество, Е.П. Савельева, «хазака – это юридический правовой институт, право собственности на основании давностного владения» [Савельев, 2010, с.296]. Следовательно, хазаки – владельцы этого права, собственники. В русских летописях, донских и запорожских древних актах это соответствует слову «казак», иногда писали «козак» [Савельев, 2010, с. 296]. Так исследователь объяснял этимологию данного слова и выводил ее из древнееврейского.

Стихийное казачество сохраняло общинные начала, т.е. «первобытную демократию», кочевую, политически аморфную, полуанархическую, вплоть до конца XVII в. С укреплением самодержавия начался процесс принудительной интеграции этого института в государственный механизм.

Ключевым событием стало подавление восстания под предводительством Степана Разина, решившего воссоздать казацкую вольницу в масштабах всего государства. В 1671 г., после подавления этого бунта, казаки принесли присягу на верность монарху и приобрели статус иррегулярной армии [Савельев, 2010, с. 362].

Таким образом, начался процесс симбиотизации этого института с государственным механизмом. Казацкие сообщества постепенно становятся действенным инструментом государственной политики, позволившим России не только эффективно защитить свои границы, но и продолжить активную колонизацию новых территорий.

Начало становления этого института как части публично-властной структуры связано с деятельностью Петра I (конец XVII – XVIII вв.), которому для проведения общегосударственных преобразований требовалась надежная опора – функциональный «служилый» правящий слой, которым стало шляхетство, а впоследствии – дворянство. Несмотря на то, что дворянство обладало рядом сословных привилегий, его первоочередной обязанностью было несение военной, а также и государственной службы [Табель о рангах, 1986, с. 56]. Однако, если дворянству только предстояло оформиться в самостоятельное сословие, то казачество, изначально строившееся на идее «служения», динамично вписалось в реформационные процессы Петра I. Так, расширение государственных границ привело к консолидации вольных казачьих общин в войсковые образования, которые активно использовались в качестве стратегического ресурса для защиты рубежей страны.

В 1721 году, указом Сената, казачьи войска стали подчиняться Военной коллегии, что лишило их традиционной автономии и включило в систему прямого имперского управления. Казакам было назначено жалование, а казачья вольница стала частью регулярной армии [Законодательные акты Петра I, 2020].

Дальнейшее встраивание казачества в государственный механизм продолжила Екатерина Великая. Именно в ее правление «для защиты восточных и юго-восточных границ государства

от ногайцев, калмыков, казахов и башкир были образованы в 1750 г. Астраханское войско, а в 1755 г. – Оренбургское. В 1787 г. из бывших запорожцев образовано Черноморское казачье войско, переселенное в 1792–93 гг. на Кубань» [Лаптева, Рожкова, 2011, с. 64].

Однако, полагаем, что нельзя согласиться с представителями традиционной Соловьёв, 1851–1879; Ключевский, 2023, 7], которые считали, что казачество – это самостоятельное сословие. С нашей точки зрения, это скорее «квазисословие», т.е. сложный исторический феномен, в котором на определённом этапе доминировали сословные черты, но при этом сохранялась этнокультурная основа.

В XIX веке правовое положение казачества окончательно оформилось в рамках имперской системы. Жесткой регламентации подверглись все сферы жизни: управление, служба, землевладение.

С определенной степенью уверенности, можно утверждать, что до конца Имперского периода в истории России симбиотическая связь между государственной машиной и казачеством достигла своего максимума. Это подтверждает тот факт, что к началу XX в. «в России существовало одиннадцать казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское» [Лаптева, Рожкова, 2011, с. 65].

К 1917 году казачество стало внушительной силой, насчитывавшей почти 4,5 млн человек, владевших 63 млн десятинами земли, а российское законодательство Имперского периода «рассматривало казачество как особое воинское сословие, имевшее привилегии за несение обязательной службы» [Лаптева, Рожкова, 2011, с. 66].

Новым поворотом в истории казачества стали революционные события 1917 года, после которых радикально изменился статус казачества, – Советский период (1917 – 1991 гг.). Одним из первых нормативных актов советской власти стал Декрет от 11(24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [Декрет ВЦИК и СНК, 1957, с.72], в соответствии с которым все чины и сословия упразднялись, тем самым казачество лишалось всех своих привилегий и переставало существовать как сословие.

Современный этап возрождения института казачества начался в конце 90-х годов XX столетия. Причем первоначально казачье движение представляло из себя историко-культурное явление. 30 ноября 1990 г. в Краснодаре состоялся Большой совет атаманов Союза казаков России, который принял «Декларацию казачества России» и объявил своей целью «духовное, культурное, хозяйственное возрождение самобытного народа (казачества, – *И. С.*), корни которого тесно переплетаясь с судьбами славян, некоторых народов Северного Кавказа, уходят в глубокую древность» [Декларация казачества России, 1990]. Распад СССР, кроме «парада суверенитетов», усилил процесс деклассированности общества. Традиционное деление на рабочих и крестьян перестало быть актуальным. Общество маргинализируется, появляются новые социальные агрегации: этнокультурные и религиозные секты, политические партии и социально-политические движения, бюджетники и частные предприниматели и т.д. Пересматривается историческое наследие СССР. Меняются социально-нравственные приоритеты. Все это в полной мере находит свое отражение в процессе восстановления института казачества. Так, 16 июля 1992 года Верховный Совет РФ принял Постановление, которое основывалось на требованиях Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», и было призвано обеспечить полную реабилитацию казачества, а также создать условия для его возрождения как исторически сложившейся культурно-этнической общности [Постановление ВС РФ, 1992].

С начала 2000-ых Российское государство стало активно формировать правовую основу для развития института казачества. Отправной точкой этого процесса стало принятие Федерального закона от 5 декабря 2005 г. №154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»[Федеральный закон № 154-ФЗ, 2005].

Далее, новый вектор работы государства с казачеством, т.е. принципы и приоритеты взаимодействия с этим институтом федеральных, региональных властей и органов местного самоуправления, были определены в утвержденной Президентом РФ 3 июля 2008 г. «Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении казачества» [Концепция государственной политики, 2008].

Современный этап характеризуется институционализацией казачьих обществ, развитием самоуправления и активным участием в общественной жизни. Новый импульс группообразованию казачества был задан изменением геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. и обострением внешних угроз в адрес России.

В 2020 году была принята «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 – 2030 годы» [Стратегия государственной политики в отношении российского казачества, 2020]. Несмотря на то, в этом документе четко определены социально-культурные характеристики института казачества, однако главный акцент сделан на служебно-корпоративную составляющую. Согласно этому принципу, казачество делится на две категории: те, которые внесены в Государственный реестр и которые добровольно приняли на себя обязательства по несению государственной и иной службы.

Современное казачество стало эффективным инструментом гибридного типа, так как это одновременно форма общественной самоорганизации, канал социализации молодежи и механизм реализации отдельных функций государства там, где использование регулярных силовых структур экономически или политически менее целесообразно.

Об этом свидетельствуют данные социологических исследований, которые показывают, что подавляющее большинство респондентов (83,9%) высказались в пользу нормативности воинской службы. При этом среди мужчин почти треть (30,3%) выделили её как нравственную максиму для казаков [Денисова, Ковалёв, 2023, с. 27].

Заключение

Таким образом, исследование государственно-политического феномена российского казачества позволяет утверждать, что в своем развитии оно прошло путь от локальных, основанных на обычном праве форм самоорганизации до полноценного сословного института в рамках империи, а затем – до особого правового статуса в современной России, где акцент сделан на государственной службе и сохранении культурно-исторических традиций. В этом переплетении автономии и подчинения, традиций и государственного регулирования и заключается специфика феномена.

Библиография

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. Москва: Аграф, 1998. 640 с.
2. Декларация казачества России [1990 г. 30 ноября, Краснодар]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://old.nasledie.ru .
3. Декрет ВЦИК и СНК от 11(24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Гос. изд-во политической литературы, 1957. С. 72.

4. Денисова Г. С., Ковалёв В. В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 14–36.
5. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. в 3 т. Т. 2–3 / Центр истории России Нового времени НИУ ВШЭ, Центр ист. исслед. НИУ ВШЭ, Рос. гос. арх. древ. актов; сост. Н.А. Воскресенский. Москва: Древлехранилище, 2020. 848 с.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Москва: Изд-во АСТ, 2023. Сер.: Вся история в одном томе. 2338 с.
7. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении Российского казачества от 3 июня 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/203446.shtml .
8. Лаптева Е.В., Рожкова Л.П. К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. С. 60–67. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-rossiyskogo-kazachestva.ru .
9. Постановление ВС РФ от 16 июля 1992 г. № 3321-1 (ред. от 26 июня 2007 г.) «О реабилитации казачества» // Ведомости СНД и ВС РФ, 30.07.1992, № 30, ст. 1805.
10. Савельев Е.П. Древняя история казачества. Москва: Вече, 2010. 480 с.
11. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён: в 6 кн. Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879.
12. Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы, утверждена Указом Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 // Собрание законодательства РФ, 10.08.2020, № 32, ст. 5259.
13. Табель о рангах (1722 г.) // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1984. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. тома д-р. ист. наук. А. Г. Маньков. 1986. 511 с.
14. Федеральный закон РФ от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2005, № 50, ст. 5245.

The Cossacks as a State-Political Phenomenon of Russia: Historical and Legal Aspect

Irina N. Sudorgina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of History of State and Law,
Saratov State Law Academy,
410056, 1, Vol'skaya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: i.sudorgina@yandex.ru

Abstract

The article examines the Cossacks as an original state-political phenomenon in the history of Russia. Its dual nature is emphasized: the striving for military-political autonomy and the preservation of the traditional way of life – and at the same time the role of a key institution responsible for guarding borders, developing territories, and strengthening the military power of the empire. The research traces the path of the Cossacks – from autonomous communities to modern revival. The evolution of relations with the central authority is analyzed: from confrontation at the early stage through cooperation in the imperial period to the break in Soviet times. Particular attention is paid to the transition of the Cossacks from an independent ethno-social community to a privileged service estate. Based on the analysis of historical sources and legal acts, the modern development of the Cossacks is studied: the mechanisms of integration into the political system (in particular, through the state register) and the contradictions between the self-organization of communities and state service.

For citation

Sudorgina I.N. (2026) Kazachestvo kak gosudarstvenno-politicheskiy fenomen Rossii: istoriko-pravovoy aspekt [The Cossacks as a State-Political Phenomenon of Russia: Historical and Legal Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 61-67. DOI: 10.34670/AR.2026.72.31.007

Keywords

Cossacks, statehood, historical and legal process, institution of state service, military democracy, state register, self-organization of communities.

References

1. Alekseev, N. N. (1998). *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, 640 p.
2. Deklaratsiya kazachestva Rossii [Declaration of the Cossacks of Russia] (1990, November 30, Krasnodar). https://old.nasledie.ru
3. Dekret VTsIK i SNK ot 11(24) noyabrya 1917 g. "Ob unichtozhenii sosloviy i grazhdanskikh chinov" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of November 11 (24), 1917 "On the Abolition of Estates and Civil Ranks"]. In *Dekrety Sovetskoy vlasti. Tom I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g.* [Decrees of Soviet Power. Vol. I. October 25, 1917 – March 16, 1918]. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1957, p. 72.
4. Denisova, G. S., Kovalev, V. V. (2023). Kazachestvo v sovremennoy Rossii: obretenie sotsialnogo statusa [The Cossacks in Modern Russia: Gaining Social Status]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], vol. 14, no. 3, pp. 14–36.
5. *Zakonodatelnye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobitya i inostrannye istochniki* [Legislative Acts of Peter I. Editions and Drafts of Laws, Notes, Reports, Denunciations, Petitions and Foreign Sources]: collection of documents in 3 vols. Vol. 2–3 / Center for the History of Russia of Modern Times, HSE University; comp. by N. A. Voskresensky. Moscow: Drevlekhranilishche, 2020, 848 p.
6. Klyuchevsky, V. O. (2023). *Kurs russkoy istorii* [Course of Russian History]. Moscow: AST Publishing House, Series: All History in One Volume, 2338 p.
7. Kontseptsiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii Rossiyskogo kazachestva ot 3 iyunya 2008 g. [Concept of the State Policy of the Russian Federation towards the Russian Cossacks of June 3, 2008]. http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/203446.shtml
8. Lapteva, E. V., Rozhkova, L. P. (2011). K voprosu ob istorii rossiyskogo kazachestva [On the History of the Russian Cossacks]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], pp. 60–67. https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-rossiyskogo-kazachestva.ru
9. Postanovlenie VS RF ot 16 iyulya 1992 g. № 3321-1 (red. ot 26 iyunya 2007 g.) "O reabilitatsii kazachestva" [Resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation of July 16, 1992 No. 3321-1 (as amended on June 26, 2007) "On the Rehabilitation of the Cossacks"]. *Vedomosti SND i VS RF*, 30.07.1992, no. 30, art. 1805.
10. Savelev, E. P. (2010). *Drevnyaya istoriya kazachestva* [Ancient History of the Cossacks]. Moscow: Veche, 480 p.
11. Solovyov, S. M. (1851–1879). *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]: in 6 books. St. Petersburg: Tovarishchestvo "Obshchestvennaya polza".
12. *Strategiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii rossiyskogo kazachestva na 2021–2030 gody*, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 9 avgusta 2020 g. № 505 [Strategy of the State Policy of the Russian Federation towards the Russian Cossacks for 2021–2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation of August 9, 2020 No. 505]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 10.08.2020, no. 32, art. 5259.
13. Tabel o rangakh (1722 g.) [Table of Ranks (1722)]. In *Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov*: in 9 vols. / ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984. Vol. 4: *Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma* / ed. by A. G. Mankov. 1986, 511 p.
14. Federalnyy zakon RF ot 5 dekabrya 2005 g. № 154-FZ (red. ot 21 noyabrya 2022 g.) "O gosudarstvennoy sluzhbe rossiyskogo kazachestva" [Federal Law of the Russian Federation of December 5, 2005 No. 154-FZ (as amended on November 21, 2022) "On the State Service of the Russian Cossacks"]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 12.12.2005, no. 50, art. 5245.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 681.5.015.23:655.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.37.83.008**

Продовольственный кризис в Москве в августе 1917 года

Руднева Светлана Евгеньевна

Доктор исторических наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9/9;
Российский государственный социальный университет,
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1;
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о продовольственном кризисе в Москве в августе 1917 года. Отмечено, что председатель московского городского продовольственного комитета А.М. Беркенгейм 21 августа 1917 г. оценил положение продовольственного вопроса в городе Москве и Московской губернии как катастрофическое. Причины этой надвигающейся катастрофы он видел, с одной стороны, в общей экономической разрухе, а с другой – в том, что предназначенные запасы хлеба для Москвы, попав в Нижний Новгород, были двинуты на фронт. Кроме того, невероятное расстройство железнодорожного транспорта усугубило положение. Весь вопрос в тот момент сводился к тому, будет в Москве хлеб или не будет. По мнению Бегкенгейма, были все основания утверждать, что вопрос этот не так скоро разрешится, и продовольственное дело не так скоро наладится. Ощущался острый недостаток предметов широкого потребления, в которых так нуждалась деревня. Здесь приходилось считаться с двумя факторами. Во-первых, у крестьян скопилось много денег, которые за последнее время сильно обесценились. Крестьянину не было нужды возить в город свой хлеб: у него и так были деньги. Во-вторых, требовалось учитывать психологический фактор; крестьяне говорили: «вы у нас требуете хлеба по твердым ценам, а нам ничего не даете». Продовольственный кризис в Москве в августе 1917 г. стал одним из проявлений системного кризиса в стране в условиях продолжавшейся Первой мировой войны и революционных трансформаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Руднева С.Е. Продовольственный кризис в Москве в августе 1917 года // // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 68-82. DOI: 10.34670/AR.2026.37.83.008

Ключевые слова

Председатель московского городского продовольственного комитета А.М. Беркенгейм, председатель московского областного продовольственного комитета Т.А. Рунов, управляющий делами московского городского продовольственного комитета В.Ф. Сахаров, министерство продовольствия Временного правительства, продовольственный кризис, хлебная монополия, железнодорожный транспорт.

Введение

21 августа 1917 г. председатель московского городского продовольственного комитета А.М. Беркенгейм оценил положение продовольственного вопроса в городе Москве и Московской губернии как катастрофическое [Руднева, 2024, 148-153]. Причины этой надвигающейся катастрофы [Руднева, 2023, 9-14] он видел, с одной стороны, в общей экономической разрухе [Руднева, 2019, 375-380], а с другой – в том, что предназначенные запасы хлеба для Москвы, попав в Нижний Новгород через организацию С.С. Салазкина (служащего буржуазного продовольственного аппарата, сторонника государственного регулирования продовольственного дела) [Вахромеев, 1984, 3-25], были двинуты на фронт [Руднева, 2020, 400-405]. Москва лишилась, таким образом, нескольких сот вагонов хлеба [Руднева, 2023, 174-182]. Кроме того, невероятное расстройство железнодорожного транспорта усугубило положение [Руднева, 2018, 143-148]. Весь вопрос в тот момент сводился к тому, будет в Москве хлеб или не будет [Руднева, 2020, 358-364]. По мнению Бегкенгейма, были все основания утверждать, что вопрос этот не так скоро разрешится [Руднева, 2022, 104-109], и продовольственное дело не так скоро наладится [Руднева, 2021, 335-342]. Причина заключалась в том, что тогда ощущался острый недостаток предметов широкого потребления [Руднева, 2022, 269-274], в которых так нуждалась деревня [Rudneva, Novozhilov, 2019, 289-294]. Здесь приходилось считаться с двумя факторами. Во-первых, у крестьян скопилось много денег, которые за последнее время сильно обесценились. Крестьянину не было нужды возить в город свой хлеб: у него и так были деньги [Руднева, 2018, 11-15]. Во-вторых, требовалось учитывать психологический фактор; крестьяне говорили: «вы у нас требуете хлеба по твердым ценам, а нам ничего не даете». В этом отношении принимался целый ряд мер [Руднева, 2022, 32-41]. 22 августа 1917 г. ожидалась публикация обязательного постановления об учете всей имевшейся в Москве мануфактуре [Руднева, 2022, 17-25]. Учет этот, как ожидалось, дал бы возможность направить в деревню известное количество мануфактуры [Руднева, 2023, 37-45].

Кроме того, принимались меры по усилению подвоза хлеба [Руднева, 2023, 189-194]. На места в производящие губернии отравлялись особые агитаторы из крестьян, и результаты этой крестьянской агитации уже сказались: подвоз хлеба из деревни стал уже усиливаться [Руднева, 2023, 183-189]. К хлебной монополии, считал Беркенгейм, нужно отнестись как к воинской повинности [Руднева, 2021, 13-16]. Никто не в праве, во имя интересов государства, отказываться от исполнения той или иной повинности [Агавелян, 2016, 3-15].

При ответе на вопрос о возможности отмены хлебной монополии, Беркенгейм был категоричен: «Я считаю, что слухи эти ни на чем не основаны. Отмена эта совершенно невозможна. На первый взгляд, отмена монополии как будто бы и вызовет естественное увеличение подвоза хлеба, но затем цена на хлеб сразу поднимется вверх до невероятных размеров, что повлечет за собой общегосударственный крах и в полном смысле слова финансовое банкротство страны. При невероятном росте цен и обесценении денег отмена закона о хлебной монополии сведется в конечном итоге к меновой торговле. И чтобы избегнуть этого государственного краха, закон о хлебной монополии, как регулирующее начало, должен существовать. В общем, положение грозное, но не безнадежное. Сейчас производится целый ряд закупок и заготовок для московского населения: закупается рыба, овощи, картофель, рис. Часть закупок уже сделана и уже на днях начнется подвоз их к Москве. И население сумеет этими предметами заменить недостаток хлеба. Придется пережить тяжелое время, и его спокойно надо пережить» [Утро России. 1917. 22 августа].

Поиски выхода из продовольственного кризиса

Председатель Московского областного продовольственного комитета Т.А. Рунов также 21 августа 1917 г. заявил, что для смягчения продовольственного кризиса губернский продовольственный комитет принял целый ряд экстренных мер [Руднева, 2023, 174-182]. Он закупал автомобили-грузовики для отправки их в производящие губернии, 4 грузовика уже были отправлены в Тамбовскую губернию, на днях отправлялись грузовики в Тульскую губернию и Кубанскую область [Руднева, 2021, 319-334]. Планировалось, что на грузовиках хлеб будет грузиться из помещичьих хозяйств к станциям [Руднева, 2020, 365-371]. Московский областной продовольственный комитет озаботился снабжением шорным материалом для крестьян производящих губерний [Руднева, 2019, 111-116]. Закуплена была большая партия риса и 100 вагонов его в спешном порядке оправлялась уже в Москву. В отношении мануфактуры уже было кое-что сделано [Руднева, 2005, 122-127]. Московский областной продовольственный комитет, совместно с управлением по распределению тканей, уже распределил между крестьянами производящих губерний 33 миллиона аршин различных сортов мануфактуры [Руднева, 2019, 106-110]. Следовательно, организации министерства продовольствия принимали все меры, чтобы пойти навстречу законным желаниям крестьян [Руднева, 1997, 148-153]. Однако не так легко было это сложное и трудное дело наладить [Утро России. 1917. 22 августа].

22 августа 1917 г. состоялось заседание губернского продовольственного комитета, где было решено отдать свой излишек хлеба населению Москвы [Руднева, 2019, 27-30]. Это, конечно, несколько облегчало остроту положения [Руднева, 2017, 12-15]. Также 22 августа, совместно с мануфактурными фабрикантами было постановлено, что вся мануфактура ими будет отдана в распоряжение Московского продовольственного комитета [Руднева, 2003, 149], который продолжал бы распределение ее между крестьянским населением [Руднева, 2014, 21-24].

Ввиду угрожающего продовольственного дела в Москве [Руднева, 2023, 119-130] начальниками железных дорог Московского узла были отданы распоряжения по линиям о том [Руднева, 2022, 140-151], чтобы все вагоны с продовольствием для Москвы были отправляемы по назначению отдельными ускоренными маршрутными или сквозного следования поездами [Руднева, 2020, 7-16], отдельные же вагоны – прицепляемы к пассажирским поездам [Руднева, 2023, 11-15]. При этом железнодорожным чинам вменено было в обязанность установить самый тщательный надзор за ходом этих поездов в целях предупреждения всякой задержки в их следовании [Руднева, 2023, 11-19].

Московский продовольственный городской комитет командировал в разные губернии, поставлявшие в Москву хлеб [Руднева, 1999, 3-15], 6 членов городской продовольственной управы [Руднева, 2022, 50-58], на которых возложена была обязанность организации усиленного подвоза в Москву продовольственных припасов [Руднева, 2023, 35-44]. Вместе с членами управы выехала на места делегация Московского Совета рабочих и солдатских депутатов [Руднева, 2018, 143-148]. Городской продовольственный комитет возбудил ходатайство перед Временным правительством о предоставлении выехавшим на места членам управы прав правительственных эмиссаров [Руднева, 2023, 119-130]. За два дня – 20 и 21 августа 1917 г. – в Москву поступило из различных губерний 45 вагонов муки и зерна [Утро России. 1917. 22 августа].

По данным городского статистического отделения, в течение августа 1917 г. необыкновенно

оживился привоз в Москву дров [Руднева, 2021, 131-135]. С 1 по 19 августа ежедневно доставлялось до 650 вагонов дров [Руднева, 2024, 12-16]. В общем же, за это время было доставлено 12 ½ тысяч вагонов [Руднева, 2020, 306-312]. Кроме того, на станциях находились до 2.600 вагонов дров [Руднева, 2014, 185-190], которые не представлялось пока возможным вывезти в Москву [Руднева, 2024, 198-204]. Имелись сведения, что одновременно с городом делали крупные заготовки дров частные лесопромышленники [Руднева, 2024, 103-107]. У многих из них на станциях лежали дрова еще заготовок 1915 и 1916 годов [Руднева, 2024, 22-29].

Ввиду слабого поступления хлеба в Москву военными властями было отдано распоряжение о понижении солдатского хлебного пайка с полутора фунтов до одного фунта в день [Руднева, 2024, 153-159]. Эта мера вызвала некоторое волнение в воинских частях, расположенных на Ходынке. 21 августа 1917 г. там состоялся ряд солдатских митингов, на котором обсуждался вопрос об уменьшении хлебного пайка [Утро России. 1917. 22 августа].

Также 21 августа 1917 г. состоялось городское совещание по вопросу об урегулировании снабжения населения тканями и обувью [Руднева, 2024, 31-39]. Намечалась реквизиция всех имевшихся в Москве тканей и продажа их по карточкам [Руднева, 2024, 22-30]. Во вторую очередь ожидалась реквизиция железа и обуви [Руднева, 2024, 30-39].

При этом в Москве обнаруживались скрытые запасы продовольствия [Руднева, 2024, 18-25]. На складе мебели Тишаева на Малой Дмитровке милиция произвела осмотр и в одной из комнат нашла 100 пудов овса. В рыбной лавке Осипова в Каланчевском переулке милицией были обнаружены скрытые запасы рыбы и сельдей, которые своевременно в продажу пущены не были и испортились. Лавку опечатали [Утро России. 1917. 22 августа].

24 августа 1917 г. у городского головы состоялось продовольственное совещание, на которое были приглашены представители Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и представители торгово-промышленных организаций. Совещание было созвано в связи с тревожным положением Москвы в продовольственном отношении [Руднева, 2024, 88-96].

На совещании выяснилось, что запасов муки в Москве осталось не больше, как на 3 дня [Руднева, 2018, 126-131]. Принимались экстренные меры [Руднева, 2013, 110-131]. По инициативе продовольственных комитетов, губернского и городского, были отправлены уполномоченные в разные губернии, в частности, в Тамбовскую и Вятскую губернии [Московские ведомости. 1917. 25 августа], для закупки хлеба [Руднева, 2024, 70-77]. Однако всего этого было недостаточно [Руднева, 2016, 120-122]. Все, что можно было тогда сделать, это увеличить запасы муки в Москве еще на 3-4 дня [Руднева, 2022, 14-17]. Требовались более радикальные мероприятия [Руднева, 2013, 13-18]. Они могли заключаться в отправке в деревню больших партий мануфактуры и других предметов первой необходимости массового потребления [Руднева, 2025, 77-88]. Московское городское управление уже вступило на этот путь и производило учет находившейся в Москве мануфактуры [Руднева, 2022, 37-43]. Эта мера имела только частичное значение [Руднева, 2019, 17-22]. Предстояло произвести учет и реквизицию и других товаров, необходимых для деревни [Руднева, 2023, 33-41]. Однако, на такую меру город мог решиться только после того, как Временное правительство издало бы специальный декрет [Руднева, 2007, 3-10], предоставлявший городским управлениям право широкого учета и реквизиции предметов массового потребления [Руднева, 1999, 3-15]. Это еще необходимо было и потому, что население было слишком взволновано слухами о находившихся будто бы в Москве крупных запасах продовольствия и предметов первой необходимости

[Руднева, 2025, 31-42]. Население искало запасы даже там, где их не могло быть, выступая в этом отношении на путь самочинства [Руднева, 2025, 43-61]. Такое положение не могло долго продолжаться, поскольку оно грозило погромами [Руднева, 2025, 5-22]. Только решительные меры по учету всех находившихся в Москве запасов предметов первой необходимости могли успокоить взбудораженное население [Руднева, 2017, 113-116].

Городской голова В.В. Руднев призывал промышленников и торговцев к предстоявшему широкому учету товаров отнестись спокойно [Руднева, 2020, 240-245]. В.В. Руднев указывал, что одновременно он обратится к населению с воззванием о возможном сокращении личного потребления тканей и других предметов необходимости, чтобы, таким образом, дать возможность большее количество товаров вывезти в деревню и часть их распределить среди особенно нуждавшегося населения Москвы [Руднева, 2019, 63-71]. Другого выхода не было для обеспечения Москвы хлебом [Руднева, 2026, 13-19]. Городской голова далее заявил, что городским управлением уже принимались меры для эвакуации излишнего населения из Москвы [Руднева, 2025, 28-40]. От думы ожидался выпуск воззвания, в котором выражалась бы мысль, чтобы все, только кто не связан насущными интересами с Москвой, выехал бы из города, причем оставлявшим Москву оказывалось от города всевозможное содействие [Руднева, 2025, 80-93]. При этом выезжавшим из Москвы указывались города, где бы они могли поселиться, как в более благополучных в продовольственном отношении [Руднева, 2024, 202-207]. В воззвании имелось в виду указать, какое тяжелое положение предстояло пережить Москве [Руднева, 2017, 51-55]. Принимались также меры к недопущению в Москву беженцев из Риги и Петрограда.

На совещании было указано на антагонизм, наблюдавшийся в тот период в отношениях между крестьянами и рабочими. Обе стороны стояли на непримиримой позиции [Руднева, 2021, 417-423]. Крестьяне упрекали рабочих в том, что они своими непомерными требованиями повышения заработка усилили дороговизну продуктов первой необходимости, а рабочие были недовольны тем, что крестьяне не снабжали город хлебом [Руднева, 2021, 136-141]. Требовались серьезные мероприятия в тех целях, чтобы не было этого дальнейшего расхождения демократических элементов [Руднева, 2019, 104-110]. На совещании выяснилось также, что для снабжения крестьян тканями и другими товарами в обмен на получение зерна имелось в виду использовать посредничество частных торговцев, которые действовали бы под контролем губернских и городских продовольственных комитетов.

В.В. Руднев заявил, что принципиально он является сторонником твердых цен и хлебной монополии, но считает возможным, в виду создавшегося острого продовольственного кризиса, некоторое повышение твердых цен на хлеб. Соответственно этому, по его мнению, следовало повысить твердые цены и на другие товары, поскольку цена на хлеб являлась основной для определения ценности других товаров широкого массового потребления.

Из Москвы в Петроград должна была выехать депутация вместе с городским головою В.В. Рудневым и председателями городского и губернского продовольственных комитетов для представления Временному правительству плана борьбы с предстоявшим в Москве продовольственным бедствием [Утро России. 1917. 25 августа]. Также на эту депутацию возлагалась задача объяснить Временному правительству положение Москвы в продовольственном отношении [Московские ведомости. 1917. 25 августа].

24 августа 1917 г. состоялось совещание исполнительных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов по продовольственному вопросу. Совещание приняло следующие постановления: «Командировать в Петроград в министерство продовольствия представителей для выяснения и для возбуждения в категорической и ультимативной форме следующих

вопросов: о необходимости немедленной реорганизации отдела по предметам первой необходимости при министерстве продовольствия, для проведения скорейших мер по снабжению населения предметами первой необходимости; о предоставлении прав продовольственным комитетам по реквизиции и по регулированию распределения всех предметов первой необходимости, а именно: тканей и изделий из них, кожевенных товаров, железных изделий, чаю, табаку, спичек, мыла, керосина, мазута и дегтя: настаивать на частичной демобилизации армии и приспособлении промышленности для нужд деревни; о принятии в срочном порядке мер по обеспечению железных дорог Сибири и Кавказа транспортными средствами и подвижным составом и по экстренной реализации там урожая; о рассылке эмиссаров в хлебородные губернии с поручением ускорить учет хлеба, произвести реквизицию хлеба у всех крупных владельцев при содействии местных продовольственных комитетов; принять меры к усилению судебных взысканий против спекуляции» [Утро России. 1917. 25 августа].

Кроме того, было решено предложить московскому городскому самоуправлению принять срочные меры для эвакуации из Москвы лишних учреждений и ограничения въезда в Москву, а также закрыть рестораны, театры, сады и т.д.; предложить Московскому городскому продовольственному комитету озаботиться немедленной заготовкой овощей и, в частности, картофеля. Вместе с тем, совещание высказалось против повышения твердых цен на хлеб и другие продукты, считая крайне вредным какое-либо изменение закона о хлебной монополии [Утро России. 1917. 25 августа].

Также 24 августа 1917 г. под председательством А.М. Беркенгейма состоялось заседание членов Московского городского продовольственного комитета, посвященное вопросу о передаче продовольственного дела в Москве в ведение городского Московского городского управления.

А.М. Беркенгейм доложил собранию, что, согласно положению о продовольственных комитетах, продовольственное дело должно находиться в их ведении до сконструирования городских управлений. Поскольку Московская городская дума уже сконструирована, то и продовольственное дело по закону должно быть передано ей. Министерство продовольствия стояло на точке зрения немедленной передачи продовольственного дела городу и прислало телеграмму Сосковскому продовольственному комитету озаботиться выработкой плана передачи. Помимо чисто формальных причин, тяжелое положение продовольственного дела в Москве диктовало, по мнению А.М. Беркенгейма, чтобы во главе его стоял более авторитетный орган, нежели городской продовольственный комитет, являвшийся только временной организацией.

По этому вопросу возникли оживленные прения. От имени 25 районных представителей по продовольствию выступил Николаев, который огласил по этому вопросу следующую резолюцию: «Собрание представителей районов по продовольствию, обсудив вопрос о положении продовольственного дела в Москве, находит, что управа продовольственного комитета не оправдала возложенных на нее надежд, а потому предлагает все дело продовольствия передать в руки городского самоуправления. Считаясь с насущной потребностью момента, собрание при этом обращает внимание на следующие меры, которые должны быть приняты в целях упорядочения продовольственного дела: немедленная эвакуация учреждений, не требующих обязательного пребывания в Москве, сокращение количества лазаретов и правильный учет населения» [Утро России. 1917. 25 августа].

Против передачи продовольственного дела в руки города в такое тяжелое время высказался

Дунин. Он находил, что ломка уже сорганизованного продовольственного аппарата, в такое тяжелое время, когда Москва находилась накануне голода, являлось нецелесообразным. Дунин упрекал продовольственную управу в том, что она, создав в Москве продовольственную разруху, стремилась переложить всю ответственность за нее на Московскую городскую думу. Хотя по закону дело продовольствия должно быть немедленно передано городу, но именно тогда надо было исходить только из принципа целесообразности. Иначе, начавшееся волнение на почте недостатка продовольствия, могло разрастись в форменный голодный бунт.

С резкими нападками на деятельность городского продовольственного комитета выступил Звоницкий. Он говорил, что продовольственный комитет буквально ничего не делал. В течение своей деятельности продовольственный комитет собирался только 3-4 раза и не вынес ни одного постановления.

А.М. Беркенгейм поставил на голосование вопрос о передаче дела продовольствия Москвы Московскому городскому самоуправлению. Большинство против одного голоса постановило: передать продовольственное дело Московской городской думе. При этом было принято пожелание, чтобы при городской управе был организован продовольственный совет из представителей общественных организаций и районов [Утро России. 1917. 25 августа].

Сообщалось, что 23 августа 1917 г. в Москву прибыл со станции «Сейма» маршрутный поезд в составе 40 вагонов с пшеничной мукой. В тот же день было получено телеграфное сообщение с той же станции об отправлении поезда с мукой в составе 41 вагона. За 24 августа в Москву прибыло 24 вагона хлебных грузов. По прибытии этих хлебных грузов продовольственное положение Москвы должно было значительно улучшиться. В целях успешности хлебных закупок на местах городской продовольственный комитет в эти дни занимался усилением отправки мануфактуры в хлебородные губернии.

С 25 августа в московских городских продовольственных, кооперативных и частных молочных лавках устанавливалась продажа коровьего масла по 21 купону августовской продовольственной карточки (сахарной) по ¼ фунта на человека по цене 3 рубля за фунт. По означенным карточкам предоставлялось право покупать масло в каждой лавке, независимо от района прописки [Утро России. 1917. 26 августа].

26 августа со станции «Сейма» ожидалось прибытие в Москву поезда пассажирской скорости в составе 40 вагонов с мукой. В тот же день с этой станции отправлялись в Москву еще 40 вагонов муки с поездом такой же скорости [Утро России. 1917. 26 августа]. Позже появились сообщения, что со станции «Сейма» прибыло два маршрутных поезда в составе 77 вагонов с пшеничной мукой. Кроме того, с других станций было получено 15 вагонов хлебных грузов. Городской продовольственный комитет получил из министерства продовольствия уведомление, что из Сибири для Москвы назначено к вывозу экстренными поездами 600 вагонов хлебных грузов. Сообщалось также из Курской губернии и из Донской области об успешных закупках хлеба [Утро России. 1917. 27 августа].

27 августа 1917 г. в прессе отмечалось, что, ввиду распространившихся за последнее время слухов о намерении городского продовольственного комитета в ближайшем времени сократить хлебный паек до ¼ фунта, управляющий делами городского продовольственного комитета В.Ф. Сахаров сообщал, что никаких оснований для подобного сокращения хлебного пайка не имелось. Наоборот, комитет полагал, что при первой возможности норма пайка будет повышена до ¾ фунта [Утро России. 1917. 27 августа].

По состоянию на 30-31 августа 1917 г. запасы хлеба в Москве увеличивались. В московские хлебопекарни было доставлено муки в таком количестве, что обеспечивало выпечку хлеба до 6

сентября. По словам председателя городского продовольственного совета А.М. Беркенгейма, через некоторое время уже снова ожидалось увеличение нормы хлебного пайка до ¾ фунта. Уполномоченный московского продовольственного комитета по Уфимской губернии сообщил, что в Москву направлены 150 тысяч пудов хлебных продуктов: 60 тысяч пудов железными дорогами и 90 тысяч пудов водным путем [Утро России. 1917. 31 августа].

Заключение

Таким образом, продовольственный кризис в Москве в августе 1917 г. стал одним из проявлений системного кризиса в стране в условиях продолжавшейся Первой мировой войны и революционных трансформаций. Положение продовольственного дела тесно переплеталось с политическими противоречиями, способствуя дальнейшей дестабилизации обстановки.

Библиография

1. Руднева С.Е. Кризис промышленности России в 1917 году // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований: традиции и перспективы. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2024. С. 149-153.
2. Руднева С.Е. Вопрос о перспективах демобилизации промышленности России в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 9-14.
3. Руднева С.Е. Петроградский отдел союза инженеров путей сообщения в борьбе с разрухой на железнодорожном транспорте летом 1917 года // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6-1. С. 375-380.
4. Вахромеев В.А. Продовольственные комитеты в 1917 году. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1984. С. 3-25.
5. Руднева С.Е. Топливо и железные дороги России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 1-1. С. 400-405.
6. Руднева С.Е. К вопросу о топливе в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 174-182.
7. Руднева С.Е. Сооружение новых железных дорог в России в 1917 г. // Политическая регионалистика и этнополитология: теоретико-методологические и прикладные аспекты государственной политики в сфере регионального развития, межнациональных отношений и федерализма. М., 2018. С. 143-148.
8. Руднева С.Е. Комиссия о новых железных дорогах в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 358-364.
9. Руднева С.Е. Планы железнодорожного строительства в переселенческих районах России в 1917 году // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 104-109.
10. Руднева С.Е. Планы развития железнодорожной сети России на рубеже 1916-1917 годов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10-1. С. 335-342.
11. Руднева С.Е. О положении железнодорожного транспорта России осенью 1917 года // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1-1. С. 269-274.
12. Rudneva S.E., Novozhilov A.M. Special commission on the development of railway service charter in 1917 // Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2019. Т. 4. № 13. С. 289-294.
13. Руднева С.Е. Решение проблем упорядочения перевозок грузов в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2018. № 1. С. 11-15.
14. Руднева С.Е. Вопрос об ускорении и удешевлении строительства железных дорог в России в 1917 году // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 32-41.
15. Руднева С.Е. Потребность железных дорог России в чёрном металле в 1917 году // III Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения). М., 2022. С. 17-25.
16. Руднева С.Е. Транспорт и власть в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 37-45.
17. Руднева С.Е. Топливный кризис в Москве в 1917 году // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории. Чебоксары, 2023. С. 189-194.
18. Руднева С.Е. Проблема горного дела в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 183-189.
19. Руднева С.Е. Союз инженеров и техников железнодорожного транспорта в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2021. № 1. С. 13-16.
20. Агавелян Н.Г. и др. История становления и развития медико-санитарной службы на железнодорожном

транспорте России. М., 2016. С. 3-15.
21. Утро России. 1917. 22 августа.
22. Руднева С.Е. К вопросу о топливе в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 174-182.
23. Руднева С.Е. Дискуссии о привлечении американских капиталов в российское железнодорожное строительство в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10-1. С. 319-334.
24. Руднева С.Е. Финансирование новых казенных и частных железных дорог в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 365-371.
25. Руднева С.Е. Учреждение Союза инженеров путей сообщения в 1917 году // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 111-116.
26. Руднева С.Е. Из истории Предпарламента (1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 122-127.
27. Руднева С.Е. Первый делегатский съезд Союза инженеров путей сообщения в 1917 году // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 2А. С. 106-110.
28. Руднева С.Е. Делегация Московской городской думы на Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.) // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 148-153.
29. Утро России.1917. 22 августа.
30. Руднева С.Е. Положение железнодорожного транспорта России весной 1917 года // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2019. № 1. С. 27-30.
31. Руднева С.Е. Особое совещание по перевозкам в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2017. № 1. С. 12-15.
32. Руднева С.Е. Временное правительство и конструирование Предпарламента // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 149.
33. Руднева С.Е. Всероссийский учредительный железнодорожный съезд в Москве (1917 г.) // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2014. № 1. С. 21-24.
34. Айларова З.А. и др. Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг. Чебоксары, 2023. С. 119-130.
35. Руднева С.Е. Вопрос о районных экономических комитетах в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 140-151.
36. Руднева С.Е. Повышение железнодорожных тарифов в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 6-1. С. 7-16.
37. Руднева С.Е. Обеспечение железных дорог России топливом в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2023. № 1. С. 11-15.
38. Руднева С.Е. Вопрос об обеспечении России древесным топливом в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 11-19.
39. Руднева С.Е. Кризис власти и Демократическое совещание (сентябрь 1917 года) // дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. / Российская академия наук. М., 1999. С. 3-15.
40. Руднева С.Е. К вопросу о частном железнодорожном строительстве в России в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9-1. С. 50-58.
41. Руднева С.Е. Проблемы снабжения России древесным топливом в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 7-1. С. 35-44.
42. Руднева С.Е. Сооружение новых железных дорог в России в 1917 г. // Политическая регионалистика и этнополитология: теоретико-методологические и прикладные аспекты государственной политики в сфере регионального развития, межнациональных отношений и федерализма. Под общей ред. А.В. Федякина. М., 2018. С. 143-148.
43. Руднева С.Е. Третий Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов в 1917 году // Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг. Чебоксары, 2023. С. 119-130.
44. Утро России. 1917. 22 августа.
45. Руднева С.Е. Значение электрификации при сооружении вновь строившихся российских железных дорог в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 4-1. С. 131-135.
46. Руднева С.Е. Учредительный съезд районных уполномоченных и представителей от районов по топливу в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2024. № 1. С. 12-16.
47. Руднева С.Е. Главный комитет при министерстве путей сообщения по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий в Первой мировой войне (1914-1918 гг.) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 8-1. С. 306-312.
48. Руднева С.Е. Разгрузка Петрограда в 1917 году // Государственное управление в XXI веке: Российская Федерация в современном мире. М., 2014. С. 185-190.
49. Руднева С.Е. Распределение черного металла в России в 1917 году // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. Чебоксары, 2024. С. 198-204.
50. Руднева С.Е. Главный Экономический комитет о положении в Южном горнопромышленном районе в сентябре 1917 года // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике. Чебоксары, 2024. С.

103-107.
51. Руднева С.Е. Проблема разгрузки Петрограда в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 22-29.
52. Руднева С.Е. Третья конференция промышленников юга России в сентябре 1917 года // Социально - экономические процессы современного общества. Чебоксары, 2024. С. 153-159.
53. Утро России. 1917. 22 августа.
54. Руднева С.Е. Цены на дровяное топливо в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 8-1. С. 31-39.
55. Руднева С.Е. Лесной рынок России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 8-1. С. 22-30.
56. Руднева С.Е. Введение угольной монополии в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 30-39.
57. Руднева С.Е. Топливный кризис и вопрос о горючих сланцах в России в 1917 году // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности. Чебоксары, 2024. С. 18-25.
58. Утро России. 1917. 22 августа.
59. Руднева С.Е. Кризис угольной промышленности России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 5-1. С. 88-96.
60. Руднева С.Е. Специфика транспортной политики в России после Февральской революции в 1917 г. // Проблемы и перспективы развития транспорта. Под общей ред. А.А. Горбунова, А.В. Федякина. М., 2018. С. 126-131.
61. Руднева С.Е. Совещание демократических организаций по обороне (август 1917 г.) // Транспортная политика и политические коммуникации. Пушкино, 2013. С. 110-131.
62. Московские ведомости. 1917. 25 августа.
63. Руднева С.Е. Конференция представителей промышленности и торговли в июне 1917 года // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы. Чебоксары, 2024. С. 70-77.
64. Руднева С.Е. Роль министерства путей сообщения в подготовке эвакуации Петрограда в 1917 г. // Транспортная политика и политические коммуникации. Ред.-сост.: А.А. Горбунов, Б.И. Кретов, А.В. Федякин. М., 2016. С. 120-122.
65. Руднева С.Е. Счётно-учётные органы на железных дорогах России в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2022. № 1. С. 14-17.
66. Руднева С.Е. Проблема переезда правительства в Москву осенью 1917 года // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2013. № 1. С. 13-18.
67. Руднева С.Е. Вопрос о переезде Временного правительства в Москву в начале октября 1917 года // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 3-1. С. 77-88.
68. Руднева С.Е. К вопросу о коэффициенте наличия подвижного состава на железной дороге в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9-1. С. 37-43.
69. Руднева С.Е. Сотрудничество Центральных комитетов Московского железнодорожного узла и Отдела путей сообщения Земгора в 1917 году // Вестник развития науки и образования. 2019. № 3. С. 17-22.
70. Руднева С.Е. Съезд районных уполномоченных по топливу в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 33-41.
71. Руднева С.Е. Предпарламент (октябрь 1917 г.): опыт исторической реконструкции // автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 2007. С. 3-10.
72. Руднева С.Е. Кризис власти и Демократическое совещание (сентябрь 1917 года) // автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Институт российской истории РАН. Москва, 1999. С. 3-15.
73. Руднева С.Е. Кризис топлива в Москве в январе - феврале 1917 года // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 6-1. С. 31-42.
74. Руднева С.Е. Второе Московское совещание общественных деятелей (октябрь 1917 года) // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 5-1. С. 43-61.
75. Руднева С.Е. Московское общественное совещание в августе 1917 года // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 5-1. С. 5-22.
76. Руднева С.Е. Состояние российского железнодорожного транспорта осенью 1917 г. // Политическая регионалистика и этнополитология. М., 2017. С. 113-116.
77. Руднева С.Е. Врачебно-санитарный вопрос на железных дорогах России в 1917 году // Challenges of science. materials of International Practical Internet Conference. 2020. С. 240-245.
78. Руднева С.Е. К вопросу о создании Всероссийского железнодорожного союза в 1917 г. // Проблемы и перспективы развития транспорта. Под общей ред. А.А. Горбунова, А.В. Федякина. М., 2019. С. 63-71.
79. Руднева С.Е. Роль железнодорожного транспорта в эвакуации Петрограда в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2026. № 1. С. 13-19.
80. Руднева С.Е. Седьмой Всероссийский съезд союза городов (октябрь 1917 года) // Вопросы российского и

международного права. 2025. Т. 15. № 9-1. С. 28-40.
81. Руднева С.Е. Положение российской промышленности в мае - июне 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2025. С. 80-93.
82. Руднева С.Е. Совещание представителей военно-промышленных комитетов в октябре 1917 года // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. Чебоксары, 2024. С. 202-207.
83. Руднева С.Е. Транспортная политика и политические коммуникации. М., 2017. С. 51-55.
84. Руднева С.Е. Вопрос о пересмотре устава эмеритальной кассы инженеров путей сообщения в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 11-1. С. 417-423.
85. Руднева С.Е. Пересмотр устава эмеритальной кассы инженеров путей сообщения в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 4-1. С. 136-141.
86. Руднева С.Е. Первая конференция железнодорожников Московского узла - членов партии социалистов-революционеров в 1917 году // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 104-110.
87. Утро России. 1917. 25 августа.
88. Утро России. 1917. 25 августа.
89. Утро России. 1917. 25 августа.
90. Утро России. 1917. 25 августа.
91. Утро России. 1917. 26 августа.
92. Утро России. 1917. 26 августа.
93. Утро России. 1917. 27 августа.
94. Утро России. 1917. 27 августа.
95. Утро России. 1917. 31 августа.

The Food Crisis in Moscow in August 1917

Svetlana E. Rudneva

Doctor of History, Professor,
Russian University of Transport (MIIT),
127994, 9/9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Russian State Social University,
129226, 4, bldg. 1, Vil'gel'ma Pika str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Abstract

The article examines the issue of the food crisis in Moscow in August 1917. It is noted that the chairman of the Moscow City Food Committee, A.M. Berkengheim, on August 21, 1917, assessed the state of the food question in the city of Moscow and Moscow Governorate as catastrophic. He saw the causes of this impending catastrophe, on the one hand, in the general economic ruin, and on the other hand, in the fact that the grain reserves intended for Moscow, having ended up in Nizhny Novgorod, were diverted to the front. In addition, the incredible disorganization of railway transport aggravated the situation. The whole question at that moment boiled down to whether there would be bread in Moscow or not. According to Berkengheim, there were all grounds to assert that this question would not be resolved so soon, and the food business would not be put in order so soon. There was an acute shortage of consumer goods, which the countryside so needed. Here two factors had to be reckoned with. First, the peasants had accumulated a lot of money, which had recently depreciated greatly. The peasant had no need to bring his grain to the city: he had money as it was. Second, the psychological factor had to be taken into account; the peasants said: "you demand grain from us at fixed prices, but give us nothing." The food crisis in Moscow in August 1917 became one of the manifestations of the systemic crisis in the country under the conditions of the ongoing First

World War and revolutionary transformations.

For citation

Rudneva S.E. (2026) Prodovol'stvennyy krizis v Moskve v avguste 1917 goda [The Food Crisis in Moscow in August 1917]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 68-82. DOI: 10.34670/AR.2026.37.83.008

Keywords

Chairman of the Moscow City Food Committee A.M. Berkengheim, chairman of the Moscow Regional Food Committee T.A. Runov, manager of affairs of the Moscow City Food Committee V.F. Sakharov, Ministry of Food of the Provisional Government, food crisis, grain monopoly, railway transport.

References

1. Rudneva S.E. The crisis of Russian industry in 1917 // Actual problems of social and humanitarian research: traditions and prospects. Moscow: OOO Sam Polygraphist, 2024. pp. 149-153.
2. Rudneva S.E. The question of the prospects for the demobilization of Russian industry in 1917 // Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13. No. 1-2-1. pp. 9-14.
3. Rudneva S.E. Petrograd Department of the Union of Railway Engineers in the fight against the devastation in railway transport in the summer of 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9. No. 6-1. pp. 375-380.
4. Vakhromeev V.A. Food committees in 1917. Diss. Candidate of Historical Sciences, 1984. pp. 3-25.
5. Rudneva S.E. Fuel and railways of Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 1-1. pp. 400-405.
6. Rudneva S.E. On the issue of fuel in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 1-1. pp. 174-182.
7. Rudneva S.E. The construction of new railways in Russia in 1917 // Political regionalism and ethnopolitology: theoretical, methodological and applied aspects of state policy in the field of regional development, interethnic relations and federalism. Moscow, 2018. pp. 143-148.
8. Rudneva S.E. The Commission on new Railways in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 5-1. pp. 358-364.
9. Rudneva S.E. Plans for railway construction in the resettled areas of Russia in 1917 // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 3-1. pp. 104-109.
10. Rudneva S.E. Plans for the development of the Russian railway network at the turn of 1916-1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 10-1. pp. 335-342.
11. Rudneva S.E. On the situation of Russian railway transport in the autumn of 1917 // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 1-1. pp. 269-274.
12. Rudneva S.E., Novozhilov A.M. Special commission on the development of railway service charter in 1917 // Religion. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2019. Vol. 4. No. 13. pp. 289-294.
13. Rudneva S.E. Solving problems of cargo transportation regulation in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2018. No. 1. pp. 11-15.
14. Rudneva S.E. The question of accelerating and reducing the cost of railway construction in Russia in 1917 // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 3-1. pp. 32-41.
15. Rudneva S.E. The need of Russian railways for ferrous metal in 1917 // III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the USSR (VI Gubkin Humanitarian Readings). Moscow, 2022. pp. 17-25.
16. Rudneva S.E. Transport and power in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 8-1. pp. 37-45.
17. Rudneva S.E. The fuel crisis in Moscow in 1917 // Actual issues of archeology, ethnography and history. Cheboksary, 2023. pp. 189-194.
18. Rudneva S.E. The problem of mining in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 1-1. pp. 183-189.
19. Rudneva S.E. Union of engineers and technicians of railway transport in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2021. No. 1. pp. 13-16.
20. Agavelyan N.G. and others. The history of the formation and development of medical and sanitary services in Russian

railway transport. Moscow, 2016. pp. 3-15.
21. Morning of Russia. 1917. August 22.
22. Rudneva S.E. On the issue of fuel in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 1-1. pp. 174-182.
23. Rudneva S.E. Discussions on attracting American capital to Russian railway construction in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 10-1. pp. 319-334.
24. Rudneva S.E. Financing of new state-owned and private railways in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 5-1. pp. 365-371.
25. Rudneva S.E. Establishment of the Union of Railway Engineers in 1917 // Theories and problems of political research. 2019. Vol. 8. No. 3A. pp. 111-116.
26. Rudneva S.E. From the history of the Pre-Parliament (1917) // National History. 2005. No. 6. pp. 122-127.
27. Rudneva S.E. The first delegate Congress of the Union of Railway Engineers in 1917 // Theories and problems of political research. 2019. Vol. 8. No. 2A. pp. 106-110.
28. Rudneva S.E. Delegation of the Moscow City Duma at the Democratic Conference (September 1917) // Questions of history. 1997. No. 11. pp. 148-153.
29. Morning of Russia.1917. August 22.
30. Rudneva S.E. The situation of Russian railway transport in the spring of 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2019. No. 1. pp. 27-30.
31. Rudneva S.E. Special meeting on transportation in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2017. No. 1. pp. 12-15.
32. Rudneva S.E. The Provisional Government and the construction of the Pre-Parliament // Questions of History. 2003. No. 2. p. 149.
33. Rudneva S.E. The All-Russian Constituent Railway Congress in Moscow (1917) // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2014. No. 1. pp. 21-24.
34. Aylarova Z.A. et al. Economics and law: problems, strategy, monitoring. Cheboksary, 2023. pp. 119-130.
35. Rudneva S.E. The question of district economic committees in 1917 // Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg, 2022. pp. 140-151.
36. Rudneva S.E. Increase in railway tariffs in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 6-1. pp. 7-16.
37. Rudneva S.E. Providing Russian railways with fuel in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2023. No. 1. pp. 11-15.
38. Rudneva S.E. The issue of providing Russia with wood fuel in 1917 // Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13. No. 4-1. pp. 11-19.
39. Rudneva S.E. The crisis of power and the Democratic Conference (September 1917) // diss. Candidate of Historical Sciences / Russian Academy of Sciences. Moscow, 1999. pp. 3-15.
40. Rudneva S.E. On the issue of private railway construction in Russia in 1917 // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12. No. 9-1. pp. 50-58.
41. Rudneva S.E. Problems of supplying Russia with wood fuel in 1917 // Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13. No. 7-1. pp. 35-44.
42. Rudneva S.E. The construction of new railways in Russia in 1917 // Political regionalism and ethnopolitology: theoretical, methodological and applied aspects of state policy in the field of regional development, interethnic relations and federalism. Under the general editorship of A.V. Fedyakin. Moscow, 2018. pp. 143-148.
43. Rudneva S.E. The Third All-Russian Congress of representatives of Military-industrial Committees in 1917 // Economics and law: problems, strategy, monitoring. Cheboksary, 2023. pp. 119-130.
44. Morning of Russia. 1917. August 22.
45. Rudneva S.E. The importance of electrification in the construction of newly built Russian railways in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 4-1. pp. 131-135.
46. Rudneva S.E. The Founding Congress of district commissioners and representatives from districts on fuel in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2024. No. 1. pp. 12-16.
47. Rudneva S.E. Main Committee under the Ministry of Railways for Assistance to persons affected by military operations in the First World War (1914-1918) // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 8-1. pp. 306-312.
48. Rudneva S.E. Unloading of Petrograd in 1917 // Public administration in the XXI century: The Russian Federation in the modern world. Moscow, 2014. pp. 185-190.
49. Rudneva S.E. Distribution of ferrous metal in Russia in 1917 // Strategies of sustainable development: social, economic and legal aspects. Cheboksary, 2024. pp. 198-204.
50. Rudneva S.E. Main Economic Committee on the situation in the Southern Mining region in September 1917 // Topical issues of the humanities and social Sciences: from theory to practice. Cheboksary, 2024. pp. 103-107.
51. Rudneva S.E. The problem of unloading Petrograd in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 14. No. 7-1. pp. 22-29.

52. Rudneva S.E. The third conference of industrialists of the South of Russia in September 1917 // Socio-economic processes of modern society. Cheboksary, 2024. pp. 153-159.
53. Morning of Russia. 1917. August 22.
54. Rudneva S.E. Prices for wood-burning fuel in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 14. No. 8-1. pp. 31-39.
55. Rudneva S.E. The Russian forest market in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 14. No. 8-1. pp. 22-30.
56. Rudneva S.E. The introduction of the coal monopoly in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 14. No. 7-1. pp. 30-39.
57. Rudneva S.E. The fuel crisis and the issue of oil shales in Russia in 1917 // Actual problems of management, economics and economic security. Cheboksary, 2024. pp. 18-25.
58. Morning of Russia. 1917. August 22.
59. Rudneva S.E. The crisis of the Russian coal industry in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 14. No. 5-1. pp. 88-96.
60. Rudneva S.E. Specifics of transport policy in Russia after the February Revolution in 1917 // Problems and prospects of transport development. Under the general editorship of A.A. Gorbunov, A.V. Fedyakin. Moscow, 2018. pp. 126-131.
61. Rudneva S.E. Meeting of democratic organizations on defense (August 1917) // Transport policy and political communications. Pushkino, 2013. pp. 110-131.
62. Moskovskie vedomosti. 1917. August 25.
63. Rudneva S.E. Conference of representatives of industry and trade in June 1917 // Law, economics and management: status, problems and prospects. Cheboksary, 2024. pp. 70-77.
64. Rudneva S.E. The role of the Ministry of Railways in preparing the evacuation of Petrograd in 1917 // Transport policy and political communications. Ed.-comp.: A.A. Gorbunov, B.I. Kretov, A.V. Fedyakin. M., 2016. pp. 120-122.
65. Rudneva S.E. Accounting authorities on railways on the roads of Russia in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2022. No. 1. pp. 14-17.
66. Rudneva S.E. The problem of the government moving to Moscow in the autumn of 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2013. No. 1. pp. 13-18.
67. Rudneva S.E. The question of moving the Provisional Government to Moscow in early October 1917 // Issues of Russian and international law. 2025. Vol. 15. No. 3-1. pp. 77-88.
68. Rudneva S.E. On the issue of the coefficient of availability of rolling stock on the railway in 1917 // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12. No. 9-1. pp. 37-43.
69. Rudneva S.E. Cooperation between the Central Committees of the Moscow Railway Junction and the Zemgora Railway Department in 1917 // Bulletin of the Development of Science and Education. 2019. No. 3. pp. 17-22.
70. Rudneva S.E. Congress of District Fuel Commissioners in 1917 // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 8-1. pp. 33-41.
71. Rudneva S.E. The Pre-Parliament (October 1917): the experience of historical reconstruction // abstract of the dissertation. for the degree of Doctor of Historical Sciences / Russian Academy of Public Services under the President of the Russian Federation. Moscow, 2007. pp. 3-10.
72. Rudneva S.E. The crisis of power and the Democratic conference (September 1917) // abstract of the dissertation. for the degree of Candidate of Historical Sciences / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 1999. pp. 3-15.
73. Rudneva S.E. The fuel crisis in Moscow in January-February 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2025. Vol. 15. No. 6-1. pp. 31-42.
74. Rudneva S.E. The Second Moscow Meeting of public figures (October 1917) // Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 5-1. pp. 43-61.
75. Rudneva S.E. Moscow public meeting in August 1917 // Issues of Russian and international law. 2025. Vol. 15. No. 5-1. pp. 5-22.
76. Rudneva S.E. The state of Russian railway transport in the autumn of 1917 // Political regionalism and ethnopolitology. Moscow, 2017. pp. 113-116.
77. Rudneva S.E. The medical and sanitary issue on the railways of Russia in 1917 // Challenges of science. materials of the International Practical Internet Conference. 2020. pp. 240-245.
78. Rudneva S.E. On the establishment of the All-Russian Railway Union in 1917 // Problems and prospects of transport development. Under the general editorship of A.A. Gorbunov, A.V. Fedyakin, Moscow, 2019. pp. 63-71.
79. Rudneva S.E. The role of railway transport in the evacuation of Petrograd in 1917 // History and prospects of transport development in the North of Russia. 2026. No. 1. pp. 13-19.
80. Rudneva S.E. The Seventh All-Russian Congress of the Union of Cities (October 1917) // Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 9-1. pp. 28-40.
81. Rudneva S.E. The situation of Russian industry in May-June 1917 // Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views. St. Petersburg, 2025. pp. 80-93.

82. Rudneva S.E. Meeting of representatives of military-industrial committees in October 1917 // Strategies of sustainable development: social, economic and legal aspects. Cheboksary, 2024. pp. 202-207.
83. Rudneva S.E. Transport policy and political communications. Moscow, 2017. pp. 51-55.
84. Rudneva S.E. The question of revising the charter of the Emerital Fund of Railway Engineers in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 11-1. pp. 417-423.
85. Rudneva S.E. Revision of the charter of the Emerital Fund of Railway Engineers in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 4-1. pp. 136-141.
86. Rudneva S.E. The first conference of railway workers of the Moscow junction - members of the Socialist Revolutionary Party in 1917 // Theories and problems of political research. 2019. Vol. 8. No. 3A. pp. 104-110.
87. Morning of Russia. 1917. August 25.
88. Morning of Russia. 1917. August 25.
89. Morning of Russia. 1917. August 25.
90. Morning of Russia. 1917. August 25.
91. Morning of Russia. 1917. August 26.
92. Morning of Russia. 1917. August 26.
93. Morning of Russia. 1917. August 27.
94. Morning of Russia. 1917. August 27.
95. Morning of Russia. 1917. August 31.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 681.5.015.23:655.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.57.20.009**

Межфронтовое совещание представителей фронтовых и армейских комитетов в августе 1917 года

Руднева Светлана Евгеньевна

Доктор исторических наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9/9;
Ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем)
Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
125047, Российская Федерация, Москва, Большая Садовая ул.,14;
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о Совещании представителей фронтовых организаций в Москве в августе 1917 года. На совещании были представлены все фронты, все армии и весь флот. На заседаниях Совещания присутствовали: управляющий политической частью военного министерства поручик Ф.А. Степун, представитель кабинета военного министра прапорщик П.М. Толстой, командующий войсками Московского военного округа полковник А.И. Верховский, его помощник подпоручик В.В. Шер и представитель политического отдела Московского штаба поручик Ровный. Отмечено, что Совещание рассмотрело целый ряд вопросов, касавшихся самых острых и волнующих вопросов армии: о комиссарах, об органах солдатского самоуправления, о совете солдатских представителей при военном министре, о центральном органе солдатского самоуправления, о мерах по поднятию боеспособности армии, о подготовке армии к выборам в Учредительное собрание и о международной Стокгольмской конференции. На Собрании был также поднят вопрос о циркулировавших среди населения и попавших уже в печать слухах об обнаружении контрреволюционного заговора, в котором приняли, якобы, участие некоторые круги общества и представители командного состава армии. Обсудив этот вопрос, представители всех организованных армейских комитетов призывали Временное правительство, опираясь на силы всей революционной демократии, беспощадно подавить все попытки контрреволюционного переворота.

Для цитирования в научных исследованиях

Руднева С.Е. Межфронтовое совещание представителей фронтовых и армейских комитетов в августе 1917 года // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 83-91. DOI: 10.34670/AR.2026.57.20.009

Ключевые слова

Совещание представителей фронтовых организаций в Москве в августе 1917 года, Временное правительство, А.Ф. Керенский, А.И. Верховский, революционные преобразования, контрреволюционный заговор, Совет при военном министерстве.

Введение

С 16 августа 1917 г. в Москве проходило Совещание представителей солдатской секции Всероссийского центрального исполнительного комитета фронтовых и армейских комитетов, а также делегатов комитетов от тыловых частей войск. На совещании были представлены все фронты [Руднева, 2024, 148-153], все армии и весь флот [Руднева, 2023, 9-14]. На заседаниях Совещания присутствовали: управляющий политической частью военного министерства поручик Ф.А. Степун, представитель кабинета военного министра прапорщик П.М. Толстой, командующий войсками Московского военного округа полковник А.И. Верховский, его помощник подпоручик В.В. Шер и представитель политического отдела Московского штаба поручик Ровный [Утро России. 1917. 19 августа].

Совещание рассмотрело целый ряд вопросов, касавшихся самых острых и волнующих вопросов армии: о комиссарах, об органах солдатского самоуправления, о совете солдатских представителей при военном министре, о центральном органе солдатского самоуправления, о мерах по поднятию боеспособности армии, о подготовке армии к выборам в Учредительное собрание и о международной Стокгольмской конференции.

Рассмотрение Совещанием основных вопросов и принятие ключевых решений

На Совещании заслушаны были доклады представителей военного министерства Степуна и Толстого. Согласно проекту о комитетах, комитеты признавались органами государственного управления. В пределах компетенции их постановления считались обязательными и публиковались в приказах по части. На расходы комитетов ассигновались ежегодно двенадцать миллионов. Надзор над комитетами с точки зрения закономерности их действий возлагался на комиссаров. Комитетам в области боевой и оперативной предоставлялось право только информировать начальство.

Комиссары имели постоянный контроль над закономерностью действий комитетов и командного состава, а также над печатью, как приходившей с тыла, так и издававшейся в армии, а также за агитацией в армии. Комиссары возбуждали вопрос о несоответствии командного состава с согласия комитетов. Намечено было уже около тридцати комиссаров. О восстановлении дисциплинарной власти в министерстве не было и речи, демократизировались дисциплинарные суды: председателем по выбору самого суда и предполагалось привлечение юристов невоенных.

Отвечавшие ораторы сходились на том, что проект министерства не отвечал потребностям армии. «Армии нужны три элемента: командный состав, комиссары и комитеты. Ввиду того, что командный состав не пользуется доверием солдат, между ним и комитетами должен стоять комиссар» [Вперед! 1917. 18 августа]. Указывалось также на противоречия в проекте, в котором комитеты, с одной стороны, признавались органами государственного управления, с другой – над ними восстанавливался контроль комиссаров. Выдвигалось и другое мнение, по которому комиссарам следовало предоставить полную самостоятельность. Для этого необходимо было иметь незапятнанное прошлое, рекомендация общественной политической организации [Руднева, 2019, 375-380]. «При назначении комиссаров одним только правительством неизбежны недоразумения не только между командным составом, но и комиссарами» [Вперед! 1917. 18 августа].

По вопросу о комиссарах была вынесена резолюция, в которой указывалось, что поднятие боеспособности армии [Руднева, 2018, 143-148], укрепление в ее среде начал революционного порядка и прочной дисциплины зависело от осуществления и закрепления основных демократических преобразований [Руднева, 2020, 358-364]. В целях скорейшего разрешения этой задачи требовалось назначение военных комиссаров Временного правительства при верховном главнокомандующем, при фронтах, армиях, корпусах и военных округах. Задачей комиссариата являлось наблюдение за деятельностью всех органов военного управления по поднятию боеспособности армии путем: содействия деятельности органов солдатского самоуправления, обновления командного состава и решительной борьбы с проявлением контрреволюционного движения в армии. Вся деятельность комиссара должна была протекать в тесном единении с соответствующими органами солдатского самоуправления. Комиссару должно было принадлежать право надзора, с точки зрения законности, за общественно-политической жизнью армии и деятельностью войсковых организаций. Комиссары должны были назначаться Временным правительством, по соглашению с Центральным исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов. Комитетам должно было предоставляться право рекомендации и мотивированного отвода комиссаров и их помощников через центральный исполнительный комитет [Утро России. 1917. 19 августа].

По вопросу об организации выборов в Учредительное собрание в действующей армии Совещание постановило, что избирательным округом для действующей армии является фронт [Руднева, 2023, 174-182]. Для руководства выборами в пределах фронта организовывалась фронтовая комиссия по выборам.

По вопросу о создании центрального органа солдатского самоуправления совещание пришло к заключению, что солдатская секция при Центральном исполнительном комитете по своим наличным силам не в состоянии удовлетворить всем потребностям армии [Руднева, 2022, 104-109], а потому должна пополняться делегированными двумя представителями от каждого фронтового и армейского комитетов и по одному от окружного и краевого комитетов. Солдатская секция, пополненная этими представителями, должна была формально признаваться Центральным комитетом армии, высшим органом солдатского самоуправления [Утро России. 1917. 19 августа].

19 августа 1917 г. состоялось заключительное Собрание представителей фронтовых организаций. На заседании было признано необходимым избрать особую комиссию, которая, исходя из основных положений резолюции, оглашенной от имени фронтовых организаций на московском Государственном совещании, выработает принципиальную декларацию, которая будет представлена военному министру А.Ф. Керенскому. По предложению представителя юго-западного фронта в эту декларацию следовало включить пункт о желательности введения института защиты в военно-революционных судах.

На Собрании был также поднят вопрос о циркулировавших среди населения и попавших уже в печать слухах об обнаружении контрреволюционного заговора, в котором приняли, якобы, участие некоторые круги общества и представители командного состава армии. Обсудив этот вопрос, представители всех организованных армейских комитетов призывали Временное правительство, опираясь на силы всей революционной демократии, беспощадно подавить все попытки контрреволюционного переворота. «Действующая армия, отстаивающая грудью родину, не допустит, чтобы за ее спиной безответственные лица, пользуясь затруднением государства и внутренней смутой, использовали положение в армии для того, чтобы нанести революции предательский удар» [Утро России. 1917. 20 августа].

Много дебатов вызвал вопрос о борьбе с частью печати, не проявлявшей, по мнению выступавших ораторов, должного беспристрастия, что было особенно заметно в отчетах о Государственном совещании. Совещание приняло по этому поводу резолюцию, в которой говорилось, что «московское совещание представителей всех армейских и фронтовых комитетов действующей армии считает своим долгом совести протестовать против предвзятого и одностороннего освещения части столичной печати выступлений представителей высшего командования и представителей фронта на Государственном совещании 12-15 августа. В то время как речи бывших руководителей армии, генералов Алексеева и Каледина, требовавших возвращения армии к порядкам самодержавного строя, были помещены полностью, речи представителей армейских и фронтовых комитетов были или совершенно выпущены, или искажены до неузнаваемости. Вместе с тем, фронтовое совещание протестует против травли, поднятой в определенной части общества и печати против солдат революционной армии.

Пусть помнят те, кто сейчас забрасывает грязью и клеветой и покрывает позором солдата, что это – тот самый солдат, который три года, предаваемый со всех сторон, защищал родину и продолжает ее защищать. Мы, представители армии, решительно протестуем против преступной агитации контрреволюционных кругов армии и общества, которые стремятся использовать печальные события в жизни армии, чтобы, безмерно преувеличивая и извращая их, терроризировать все русское общество и революционную власть с целью толкнуть их на восстановление в армии и в стране старого порядка» [Русские ведомости. 1917. 20 августа]. Подписали это заявление – протест председатель совещания фронтовых и армейских комитетов Дашевский и секретарь Тюрин [Дело народа. 1917. 23 августа].

Решено было также предложить военной секции Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов организовать ряд докладов в крупнейших городах тыла о положении армии и об истинном характере работ армейских организаций [Руднева, 2021, 335-342], а также как можно полнее осветить этот вопрос в печати путем издания брошюр и листовок [Rudneva, Novozhilov, 2019, 289-294].

Представители фронтовых организаций приняли проект об организации совета при военном министерстве из представителей солдатских комитетов. Совету при военном министерстве намечалось предоставить право давать свои заключения по всем разрабатываемым военным министром законоположениям и мероприятиям [Руднева, 2023, 11-15], возбуждать перед военным министром вопросы, связанные с нуждами армии [Руднева, 2022, 269-274], и осведомляться обо всех работах министерства, для чего членам совета предоставлялось право входить во все управления и учреждения военного министерства, получать все необходимые справки и сведения [Утро России. 1917. 20 августа]. В резолюции по вопросу об организации совета при военном министре из представителей солдатских организаций, отмечалось также, что «состав совета при военном министре делегируется Всероссийским центральным комитетом армии; председательствует в совете военный министр или его заместитель – помощник министра по политической части» [Московский листок. 1917. 20 августа].

Совещание вынесло также постановление об образовании при Ставке верховного главнокомандующего общеармейском комитете из представителей высших органов солдатского самоуправления [Раннее утро. 1917. 20 августа]. Этому комитету следовало предоставить право возбуждать ходатайства перед верховным главнокомандующим и комиссаром Временного правительства о всех нуждах армии [Руднева, 2022, 32-41]. Комитет должен был давать свои заключения по всем мероприятиям штаба верховного главнокомандующего и верховного комиссара, касавшихся внутреннего быта и общественной

жизни армии [Руднева, 2023, 37-45]. Комитет должен был объединять деятельность всех остальных комитетов в их работе по урегулированию хозяйственной жизни [Агавелян, 2016, 3-15] и внутреннего быта армий [Руднева, 2022, 17-25], поскольку это выходило за пределы деятельности армейских и фронтовых комитетов [Утро России. 1917. 20 августа]. Комитет получал бы право на осведомление в деятельности различных учреждений и управлений Штаба Верховного Главнокомандующего, для чего члены Комитета имели бы право заходить во все учреждения и управления Штаба и получать сами все необходимые сведения и справки [Руднева, 2023, 189-194]. В состав Комитета должны были входить по 1 представителю от каждого фронтового, армейского и прифронтового окружного комитетов и 3 представителя от Центрального Комитета Армии (до его образования от Солдатской секции Центрального исполнительного комитета). Комитет при Ставке имел бы право кооптировать в свою среду сведущих специалистов по разным хозяйственным отраслям жизни [Руднева, 2023, 183-189], технической и санитарной службы армий в числе [Руднева, 2021, 13-16], не превышавшем ½ числа избранных членов комитета. Комитету при Ставке предоставлялось бы право образовать комиссии по различным вопросам [Руднева, 2020, 400-405], привлекая в них сведущих специалистов [Руднева, 2023, 174-182]. Также Комитет при Ставке имел бы право на издание своего печатного осведомительного органа [ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 600. Л. 3].

Перед закрытием Совещания представители фронтовых организаций послали министру-председателю А.Ф. Керенскому телеграмму, в которой приветствовали его, как вождя революционной армии и стойкого поборника демократических устоев. Совещание выражало твердую уверенность в том, что, не взирая на все трудности великих жертв и лишений, революционная армия, руководимая Керенским, сплотится воедино и грудью будет отстаивать революцию и свободу. Совещание, как указывалось в телеграмме, рассмотрело и принципиально присоединилось к проекту положения о войсковых комитетах, предложенному военным министерством. Телеграмма заканчивалась убедительной просьбой возможно скорее рассмотреть проект и ввести его в жизнь, что послужит залогом скорейшего укрепления революционного порядка, дисциплины и боеспособности армии [Утро России. 1917. 20 августа].

Затем Совещание поручило военной секции Центрального исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов организовать в крупных городах тыла ряд докладов о положении в армии и о характере работ армейских организаций и осветить этот вопрос в печати. Армейским комитетам планировалось предложить учредить отделы по революционной печати. При обсуждении вопроса о практических мероприятиях на фронте один из делегатов указал на необходимость коренного обновления командного состава и посылки к А.Ф. Керенскому делегации для ознакомления военного министра с настроением совещания. Решено было избрать депутацию из пяти лиц, которое передали бы военному министру декларацию от фронтового совещания.

Вопрос об открывавшемся 24 августа 1917 г. совещании при Ставке вызвал бурные дебаты. Некоторые из выступавших ораторов указывали, что это совещание – контрреволюционная затея, другие говорили, что нужно идти на совещание, чтобы дать отпор контрреволюции. Решено было действовать в этом вопросе вместе с военной секцией исполнительного комитета. Совещанием была принята резолюция об организации совета при военном министре из представителей солдатских организаций. Совет этот имел право давать свои заключения по всем разрабатываемым военным министром законоположениям и мероприятиям, возбуждать перед военным министром вопросы, связанные с нуждами армии [Руднева, 2021, 319-334], осведомляться о всех работах военного министерства, для чего он мог входить во все

управления и учреждения военного министерства [Руднева, 2020, 365-371], получать все необходимые справки, сведения и прочее.

Заключение

Итак, Совещание фронтовых и армейских комитетов в Москве в августе 1917 г. решительно отстаивало позиции революционной власти, революционных преобразований в стране и армии. Рассмотрев целый ряд важных вопросов о переустройстве армии и поднятия ее боеспособности, Совещание протестовало против агитации контрреволюционных кругов армии и общества. Руководители Совещания, отстаивая основы революционного порядка, своей целью видели недопущение восстановления в стране и в армии старого порядка.

Библиография

1. Руднева С.Е. Кризис промышленности России в 1917 году // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований: традиции и перспективы. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2024. С. 148-153.
2. Руднева С.Е. Вопрос о перспективах демобилизации промышленности России в 1917 году // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 9-14.
3. Утро России. 1917. 19 августа.
4. Вперед! 1917. 18 августа.
5. Руднева С.Е. Петроградский отдел союза инженеров путей сообщения в борьбе с разрухой на железнодорожном транспорте летом 1917 года // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6-1. С. 375-380.
6. Вперед! 1917. 18 августа.
7. Руднева С.Е. Сооружение новых железных дорог в России в 1917 г. // Политическая регионалистика и этнополитология: теоретико-методологические и прикладные аспекты государственной политики в сфере регионального развития, межнациональных отношений и федерализма. М., 2018. С. 143-148.
8. Руднева С.Е. Комиссия о новых железных дорогах в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 358-364.
9. Утро России. 1917. 19 августа.
10. Руднева С.Е. К вопросу о топливе в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 174-182.
11. Руднева С.Е. Планы железнодорожного строительства в переселенческих районах России в 1917 году // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 104-109.
12. Утро России. 1917. 19 августа.
13. Утро России. 1917. 20 августа.
14. Русские ведомости. 1917. 20 августа.
15. Дело народа. 1917. 23 августа.
16. Руднева С.Е. Планы развития железнодорожной сети России на рубеже 1916-1917 годов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10-1. С. 335-342.
17. Rudneva S.E., Novozhilov A.M. Special commission on the development of railway service charter in 1917 // Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2019. Т. 4. № 13. С. 289-294.
18. Руднева С.Е. Решение проблем упорядочения перевозок грузов в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2018. № 1. С. 11-15.
19. Руднева С.Е. О положении железнодорожного транспорта России осенью 1917 года // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1-1. С. 269-274.
20. Утро России. 1917. 20 августа.
21. Московский листок. 1917. 20 августа.
22. Раннее утро. 1917. 20 августа
23. Руднева С.Е. Вопрос об ускорении и удешевлении строительства железных дорог в России в 1917 году // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 32-41.
24. Руднева С.Е. Транспорт и власть в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 37-45.
25. Агавелян Н.Г. и др. История становления и развития медико-санитарной службы на железнодорожном транспорте России. М., 2016. С. 3-15.
26. Руднева С.Е. Потребность железных дорог России в чёрном металле в 1917 году // III Международная научно-

практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения). Москва, 2022. С. 17-25.
27. Утро России. 1917. 20 августа.
28. Руднева С.Е. Топливный кризис в Москве в 1917 году // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории. Чебоксары, 2023. С. 189-194.
29. Руднева С.Е. Проблема горного дела в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 183-189.
30. Руднева С.Е. Союз инженеров и техников железнодорожного транспорта в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2021. № 1. С. 13-16.
31. Руднева С.Е. Топливо и железные дороги России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 1-1. С. 400-405.
32. Руднева С.Е. К вопросу о топливе в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 174-182.
33. ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 600. Л. 3.
34. Утро России. 1917. 20 августа.
35. Руднева С.Е. Дискуссии о привлечении американских капиталов в российское железнодорожное строительство в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10-1. С. 319-334.
36. Руднева С.Е. Финансирование новых казенных и частных железных дорог в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 365-371.

The Inter-Front Conference of Representatives of Front and Army Committees in August 1917

Svetlana E. Rudneva

Doctor of History, Professor,
Russian University of Transport (MIIT),
127994, 9/9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Leading Research Fellow of the Research Center
(Fundamental Military-Historical Problems),
Military University named after Prince Alexander
Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
125047, 14, Bol'shaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Abstract

The article examines the issue of the Conference of Representatives of Front Organizations in Moscow in August 1917. All fronts, all armies, and the entire fleet were represented at the conference. The sessions of the Conference were attended by: the head of the political department of the military ministry, Lieutenant F.A. Stepun, the representative of the office of the military minister, Ensign P.M. Tolstoy, the commander of the troops of the Moscow Military District, Colonel A.I. Verkhovsky, his assistant, Second Lieutenant V.V. Sher, and the representative of the political department of the Moscow headquarters, Lieutenant Rovny. It is noted that the Conference considered a whole range of issues concerning the most acute and troubling questions of the army: on commissars, on the bodies of soldier self-government, on the council of soldier representatives under the military minister, on the central body of soldier self-government, on measures to raise the combat capability of the army, on preparing the army for elections to the Constituent Assembly, and on the international Stockholm Conference. At the Assembly, the question was also raised about the

rumors circulating among the population and already appearing in print about the discovery of a counter-revolutionary conspiracy in which certain circles of society and representatives of the army command staff had allegedly taken part. Having discussed this question, the representatives of all organized army committees called upon the Provisional Government, relying on the forces of the entire revolutionary democracy, to mercilessly suppress all attempts at a counter-revolutionary coup.

For citation

Rudneva S.E. (2026) Mezhfrontovoe soveshchanie predstaviteley frontovykh i armeyskikh komitetov v avguste 1917 goda [The Inter-Front Conference of Representatives of Front and Army Committees in August 1917]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 83-91. DOI: 10.34670/AR.2026.57.20.009

Keywords

Conference of representatives of front organizations in Moscow in August 1917, Provisional Government, A.F. Kerensky, A.I. Verkhovsky, revolutionary transformations, counter-revolutionary conspiracy, Council under the military ministry.

References

1. Rudneva S.E. The Crisis of Russia's Industry in 1917 // Current Problems of Social and Humanitarian Research: Traditions and Prospects. Moscow: Sam Poligrafist LLC, 2024. Pp. 148–153.
2. Rudneva S.E. The Question of the Prospects for the Demobilization of Russia's Industry in 1917 // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 1-2-1. Pp. 9-14.
3. Morning of Russia. 1917. August 19.
4. Forward! 1917. August 18.
5. Rudneva S.E. The Petrograd Department of the Union of Railway Engineers in the Struggle Against the Ruin in Railway Transport in the Summer of 1917 // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2019. Vol. 9. No. 6-1. Pp. 375-380.
6. Forward! 1917. August 18.
7. Rudneva S.E. Construction of New Railways in Russia in 1917 // Political Regionalism and Ethnopolitical Studies: Theoretical, Methodological and Applied Aspects of State Policy in the Field of Regional Development, Interethnic Relations and Federalism. Moscow, 2018. Pp. 143–148.
8. Rudneva S.E. Commission on New Railways in 1917 // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 5-1. Pp. 358-364.
9. Utro Rossii. 1917. August 19.
10. Rudneva S.E. On the issue of fuel in Russia in 1917 // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 1-1. Pp. 174-182.
11. Rudneva S.E. Plans for railway construction in the resettlement areas of Russia in 1917 // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 3-1. Pp. 104-109.
12. Utro Rossii. 1917. August 19.
13. Morning of Russia. 1917. August 20.
14. Russian Gazette. 1917. August 20.
15. The People's Cause. 1917. August 23.
16. Rudneva S.E. Plans for the Development of Russia's Railway Network at the Turn of 1916–1917 // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 10-1. Pp. 335-342.
17. Rudneva S.E., Novozhilov A.M. Special commission on the development of the railway service charter in 1917 // Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2019. Vol. 4. No. 13. Pp. 289–294.
18. Rudneva S.E. Solving the Problems of Streamlining Freight Transportation in 1917 // History and Prospects for the Development of Transport in the North of Russia. 2018. No. 1. Pp. 11–15.
19. Rudneva S.E. On the State of Russia's Railway Transport in Autumn 1917 // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 1-1. Pp. 269-274.
20. Morning of Russia. 1917. August 20.
21. Moscow Leaflet. 1917. August 20.
22. Early Morning. 1917. August 20.
23. Rudneva S.E. The Issue of Accelerating and Reducing the Cost of Railway Construction in Russia in 1917 // Culture

and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 3-1. Pp. 32-41.
24. Rudneva S.E. Transport and Power in Russia in 1917 // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 8-1. Pp. 37–45.
25. Agavelian N.G. et al. The history of the formation and development of the medical and sanitary service in the railway transport of Russia. Moscow, 2016. Pp. 3–15.
26. Rudneva S.E. The demand of Russian railways for ferrous metal in 1917 // III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the USSR (VI Gubkin Humanitarian Readings). Moscow, 2022. Pp. 17–25.
27. Morning of Russia. 1917. August 20.
28. Rudneva S.E. The Fuel Crisis in Moscow in 1917 // Current Issues in Archaeology, Ethnography and History. Cheboksary, 2023. Pp. 189-194.
29. Rudneva S.E. The Problem of Mining in Russia in 1917 // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 1-1. Pp. 183–189.
30. Rudneva S.E. The Union of Engineers and Technicians of Railway Transport in 1917 // History and Prospects for the Development of Transport in the North of Russia. 2021. No. 1. Pp. 13–16.
31. Rudneva S.E. Fuel and Railways in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 1-1. Pp. 400-405.
32. Rudneva S.E. On the issue of fuel in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 1-1. pp. 174-182.
33. GARF. F. 6978. Op. 1. D. 600. L. 3.
34. Morning of Russia. 1917. August 20th.
35. Rudneva S.E. Discussions on attracting American capital to Russian railway construction in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. No. 10-1. Pp. 319-334.
36. Rudneva S.E. Financing of new state-owned and private railways in Russia in 1917 // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. No. 5-1. Pp. 365-371.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.12 **DOI: 10.34670/AR.2026.34.98.066**

Фиктивные субъекты права как результат нормативного конструирования: историко-теоретический анализ

Костин Илья Александрович

Аспирант,
ЧОУ ВО «Юридический институт»
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Гаванская улица, 3;
e-mail: kostin_ia@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена историко-теоретическому анализу правовой фикции как способа формирования субъектности в праве. Цель исследования состоит в выявлении трансформации функций правовой фикции и определении её значения в современном правопорядке. Обосновывается, что правовая фикция выступает не только приёмом юридической техники, но и средством нормативного конструирования субъектов права. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволившие проследить развитие представлений о субъекте права в различные исторические периоды. В статье рассматриваются римская конструкция fictio iuris, средневековая доктрина persona ficta, а также основные подходы к пониманию юридического лица, сформулированные Ф.К. фон Савиньи, Р. фон Иерингом и О. фон Гирке. Сделан вывод о том, что развитие правовой фикции сопровождалось переходом от изменения юридического статуса лица к созданию самостоятельных нормативных конструкций субъектности. На основании проведённого анализа предлагается рассматривать фиктивных субъектов права как особую категорию субъектов, существование которых обусловлено нормативным признанием и функциональными потребностями правовой системы. Выделяются признаки фиктивного субъекта права, включая нормативную производность, отсутствие самостоятельной социальной основы и существование преимущественно в рамках юридической, а не фактической реальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Костин И.А. Фиктивные субъекты права как результат нормативного конструирования: историко-теоретический анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 92-102. DOI: 10.34670/AR.2026.34.98.066

Ключевые слова

Правовая фикция, субъект права, фиктивный субъект права, юридическое лицо, persona ficta, правосубъектность, теория фикции, теория реальности, нормативное конструирование, юридическая личность.

Введение

Вопрос о субъекте права традиционно занимает центральное место в юридической теории, поскольку именно через категорию правосубъектности определяется круг участников правоотношений и пределы их участия в правовом регулировании. В рамках классической правовой доктрины субъект права связывался преимущественно с физическим лицом — человеком, обладающим сознанием, волей и способностью самостоятельно нести юридическую ответственность [Алексеев, 1972, с. 112–118]. Подобное понимание основывалось на антропоцентрическом представлении о праве как системе, производной от природы человека и структуры межличностных отношений. Однако развитие имущественного оборота, усложнение общественных связей и необходимость юридического оформления коллективных интересов постепенно выявили ограниченность такого подхода [Коструба, 2020, с. 41–47].

Одним из ключевых средств преодоления указанных ограничений стала правовая фикция. В современной теории права под правовой фикцией обычно понимается сознательно создаваемая юридическая конструкция, допускающая несовпадение между фактическим и юридическим состоянием, но признаваемая правопорядком в силу её регулятивной целесообразности [Савиньи, 2011, с. 35–41].

Посредством правовых фикций правопорядок способен преодолевать противоречие между устойчивостью нормативных конструкций и изменяющимися потребностями общественных отношений без кардинального пересмотра действующего законодательства. В этом смысле фикция выступает одним из инструментов адаптации правового регулирования, позволяющим сохранять преемственность правовой системы и одновременно обеспечивать её функциональную гибкость.

Историческое развитие права показывает, что значение фикций не ограничивается рамками юридической техники. Постепенно они стали использоваться не только для корректировки отдельных правовых состояний, но и для обоснования существования новых субъектов права [Танимов, 2016, с. 58–63]. Истоки данного подхода прослеживаются уже в римском праве, где фикции применялись для искусственного изменения юридического статуса лица, в частности посредством *fictio legis Corneliae* — конструкции, позволявшей считать римского гражданина умершим в момент нахождения на свободе, даже если фактически смерть наступила в плену, что обеспечивало сохранение юридической силы его завещания [Покровский, 1917, с. 198–204]. Дальнейшее развитие соответствующие идеи получили в средневековой канонической доктрине. Именно канонисты, включая Синибальдо Фиески, сформулировали концепцию *persona ficta*, согласно которой корпорация рассматривалась как особое юридически признанное образование, способное выступать самостоятельным носителем прав и обязанностей независимо от входящих в неё лиц [Резиньков, 2011, с. 102–110]. Впоследствии данная проблематика получила развитие в цивилистической науке XIX века, прежде всего в рамках дискуссии между сторонниками теории фикции юридического лица, представленной Ф. К. фон Савиньи, и представителями теории реальности, наиболее последовательно разработанной О. фон Гирке [Радбрух, 2004, с. 132–140; Гирке, 1911, с. 201–214].

Современное развитие юридической доктрины и правоприменительной практики свидетельствует о том, что классическое противопоставление теории фикции и теории реальности юридического лица постепенно утрачивает прежний объяснительный потенциал. Развитие цифровых технологий и усложнение форм социального взаимодействия приводят к появлению новых моделей правосубъектности, которые затруднительно объяснить в рамках

традиционных концепций [Полдников, 2025, с. 243–251].

В этих условиях возрастает значение правовой фикции как средства нормативного признания субъектов, не обладающих признаками, исторически связывавшимися с юридической личностью. Это требует переосмысления роли фикции в механизме правового регулирования и позволяет рассматривать её не только как прием юридической техники, но и как самостоятельный способ конструирования особых форм правосубъектности.

Цель настоящего исследования состоит в проведении историко-теоретического анализа эволюции правовой фикции и обосновании положения о том, что в условиях усложнения правопорядка фикция приобретает значение одного из ключевых механизмов формирования новых субъектов права.

Правовая фикция в римском праве

Римское частное право традиционно рассматривается как историческая основа формирования правовой фикции в качестве самостоятельного юридического инструмента [Полдников, 2025, с. 52–58]. Возникновение и развитие фикций в римском праве было обусловлено особенностями самого римского правопорядка, включая его формализм, сакральный характер и устойчивую приверженность предписаниям *ius civile* — древнейшего римского гражданского права, распространявшегося исключительно на римских граждан [Дормидонтов, 1896, с. 74–79].

На ранних этапах развития римская правовая система ориентировалась преимущественно на квиритских граждан (*cives Romani*), что существенно ограничивало возможности правового регулирования в условиях территориального расширения Рима и усложнения хозяйственных отношений [Покровский, 1917, с. 101–107]. Развитие торговли, увеличение числа имущественных связей и вовлечение перегринов — свободных жителей Римского государства, не обладавших статусом римского гражданина, — в экономический оборот потребовали выработки более гибких правовых средств, способных компенсировать консерватизм цивильного права.

Решение данной задачи во многом было связано с развитием преторской юрисдикции и формированием системы ius honorarium. Одним из важнейших инструментов преторской практики стала fictio iuris — юридическая конструкция, позволявшая условно признавать существование либо отсутствие определенных обстоятельств без формального изменения содержания закона [Покровский, 1917, с. 198–204]. Благодаря этому претор получал возможность адаптировать правовое регулирование к изменяющимся общественным отношениям, сохраняя при этом внешнюю устойчивость традиционного правопорядка.

Содержание данной конструкции заключалось в предписании судье (iudex) рассматривать спорное правоотношение исходя из предположения о существовании юридического факта, который в действительности отсутствовал. Использование в преторской формуле оборота ac si («как если бы») позволяло смягчать жесткость ius civile и разрешать конкретный спор с учетом требований справедливости (aequitas) [Дормидонтов, 1896, с. 118–121].

Вместе с тем римская правовая фикция имела принципиальные пределы применения. Она не использовалась для создания новых субъектов права, а служила средством условного изменения отдельных элементов правового статуса уже существующего лица [Резиньков, 2011, с. 93–97]. Иными словами, объектом фикции выступало не само лицо, а его юридическое положение либо отдельные юридически значимые признаки.

Характерным примером является предоставление перегрину фикции квиритского гражданства. Распространение на иностранца отдельных элементов правового режима civis Romanus открывало ему доступ к цивильным искам (actiones) и предусмотренным правом средствам защиты, не затрагивая при этом основ цивильного правопорядка [Покровский, 1917, с. 214–217].

Сходную функцию выполнял институт postliminium, связанный с действием fictio legis Corneliae. Римский гражданин, возвратившийся из плена, рассматривался как лицо, не утратившее своего прежнего правового статуса. Если же гражданин умирал в плену, фикция предполагала, что смерть наступила в момент нахождения его на свободе, что позволяло сохранить силу составленного им завещания. В данном случае отступление от фактических обстоятельств выступало способом защиты имущественных интересов и обеспечения устойчивости гражданского оборота [Покровский, 1917, с. 223–227].

Подводя итог анализу римского правопорядка, следует отметить, что fictio iuris впервые продемонстрировала способность права формировать юридические конструкции, не совпадающие с фактической действительностью. Вместе с тем в римском праве фикция использовалась преимущественно как средство изменения или корректировки правового статуса уже существующего лица. Она еще не выступала механизмом создания самостоятельных искусственных субъектов права, обладающих собственной юридической личностью.

Средневековая доктрина persona ficta

Существенное изменение роли правовой фикции произошло в средневековой юридической мысли, развивавшейся в рамках канонического права и университетской доктрины глоссаторов и постглоссаторов. В отличие от римской традиции, где фикция использовалась преимущественно для изменения отдельных элементов правового статуса физического лица, средневековая юриспруденция постепенно стала рассматривать её как средство обоснования самостоятельного существования коллективных субъектов права [Резиньков, 2011, с. 102–110].

Такое развитие было связано с изменениями в социальной и экономической организации европейского общества. В период позднего Средневековья широкое распространение получили устойчивые коллективные образования — монастырские ордена, университеты, городские коммуны, ремесленные объединения и иные корпорации. Обладая имущественной обособленностью, данные союзы участвовали в имущественном обороте, вступали в договорные отношения и могли выступать участниками судебного процесса [Коструба, 2020, с. 58–64].

Вместе с тем традиционная антропоцентрическая модель субъекта права оказалась недостаточной для объяснения правовой природы подобных образований. Корпорация не сводилась к простой совокупности составлявших её лиц, поскольку сохраняла организационное и имущественное единство независимо от изменения персонального состава. В этих условиях возникла необходимость в разработке теоретической конструкции, способной объяснить самостоятельное участие коллективных образований в правовой жизни.

Доктринальным основанием для решения данной проблемы стала концепция persona ficta, сформировавшаяся в каноническом праве. Ее возникновение традиционно связывается с трудами Папы Иннокентия IV (Синибальдо Фиески), который рассматривал корпорацию как самостоятельное абстрактное образование (corpus abstractum), существующее благодаря

юридическому признанию [Резиньков, 2011, с. 118–123]. Согласно данной конструкции, корпорация не обладает физическими и психическими свойствами, присущими человеку, однако признается самостоятельным носителем прав и обязанностей.

Тем самым правосубъектность коллективного образования переставала напрямую зависеть от свойств входящих в него лиц и основывалась прежде всего на юридическом признании со стороны правопорядка. В отличие от римской fictio iuris, служившей средством изменения отдельных элементов правового статуса, средневековая конструкция persona ficta позволила обосновать существование самостоятельного коллективного субъекта права [Савиньи, 2011, с. 142–149].

Именно на этом этапе произошло существенное изменение функций правовой фикции. Если в римском праве фикция применялась преимущественно для условного изменения юридических фактов, то средневековая каноническая доктрина распространила её на саму конструкцию субъекта права. Это означало переход от корректировки отдельных элементов правоспособности к признанию искусственно созданного субъекта в качестве самостоятельного участника правоотношений [Коструба, 2020, с. 91–97].

Практическое значение данной конструкции проявилось прежде всего в обеспечении устойчивости гражданского оборота. Признание корпорации самостоятельным субъектом права обеспечило устойчивость имущественных отношений и независимость существования объединения от изменения состава его участников. Благодаря этому стало возможным разграничение имущества корпорации и имущества отдельных членов союза, что создало необходимые условия для стабильности имущественного оборота и развития корпоративных форм организации [Шершеневич, 2024, с. 312–318].

Таким образом, средневековая теория persona ficta обозначила переход от понимания фикции как средства изменения отдельных юридических фактов к её использованию для обоснования самостоятельного существования коллективных субъектов права. Именно каноническая доктрина создала теоретические предпосылки для дальнейшего развития конструкций искусственной правосубъектности и постепенного отхода от исключительно антропоцентрического понимания субъекта права.

Теория фикции и теория реальности юридического лица

В юридической науке XIX века проблема правовой природы юридического лица стала предметом одной из ключевых теоретических дискуссий, сформировавшейся вокруг теории фикции и теории реальности [Радбрух, 2004, с. 132–140; Гирке, 1911, с. 201–214]. Данная полемика имела значение не только для цивилистики, но и для более широкого понимания природы субъекта права, поскольку отражала различие между формально-юридическим и социологическим подходами к объяснению правовой действительности.

Наиболее последовательное выражение теория фикции получила в трудах Ф. К. фон Савиньи — представителя исторической школы права. В основу своей концепции Савиньи положил положение о том, что подлинным носителем прав и обязанностей может быть только физическое лицо, обладающее сознанием и волей [Радбрух, 2004, с. 145–149]. Исходя из этого юридическое лицо рассматривалось как искусственная правовая конструкция, существующая исключительно благодаря признанию со стороны правопорядка.

Савиньи подчеркивал, что юридическое лицо не обладает самостоятельной фактической природой и существует лишь как юридическое допущение. Его правосубъектность имеет

производный характер, поскольку право условно наделяет коллективное образование свойствами субъекта [Радбрух, 2004, с. 151–154]. В этом смысле фикция выступала необходимым средством юридической техники, позволявшим включать коллективные формы деятельности в систему частноправового регулирования [Савиньи, 2011, с. 74–79].

Однако теория фикции сталкивалась с рядом серьезных теоретических затруднений. Она не позволяла в полной мере объяснить устойчивость коллективных образований и их способность участвовать в правовых отношениях в качестве самостоятельных субъектов [Коструба, 2020, с. 101–108]. В результате юридическое лицо одновременно признавалось субъектом права и рассматривалось как конструкция, лишенная собственной социальной основы.

В качестве альтернативы получили развитие теории реальности юридического лица. Одним из наиболее влиятельных направлений стала теория интереса Р. фон Иеринга. В отличие от Савиньи, Иеринг связывал правосубъектность не с наличием воли, а с существованием интереса, подлежащего правовой защите [Иеринг, 1875, с. 93–99]. Исходя из этого субъектом права может выступать любое образование, интересы которого признаются и охраняются правом. Юридическое лицо в данной концепции рассматривается не как фикция, а как форма организации коллективных интересов, имеющая самостоятельное социальное значение [Иеринг, 1875, с. 118–123]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в органической теории О. фон Гирке, который рассматривал юридическое лицо как реально существующее социальное образование, обладающее внутренней организацией и способностью формировать коллективную волю [Гирке, 1911, с. 226–233]. Такая воля, по мнению Гирке, не сводится к простой совокупности индивидуальных волеизъявлений участников, а возникает в процессе функционирования самой корпорации.

Согласно органической теории О. фон Гирке, право не создает субъект права, а лишь признает уже существующее социальное образование. Тем самым теория реальности противопоставляется концепции фикции Савиньи, предлагая более социологическое понимание природы правосубъектности.

Вместе с тем ни теория фикции, ни теория реальности не позволяют в полной мере объяснить все существующие формы правовой субъектности. Первая сохраняет привязку к антропоцентрическому пониманию субъекта, тогда как вторая исходит из необходимости наличия самостоятельной социальной основы [Коструба, 2020, с. 214–220]. Это создает предпосылки для дальнейшего развития теории правосубъектности и постановки вопроса о возможности существования особой категории фиктивных субъектов права.

Пределы классических концепций и переосмысление роли правовой фикции

Проведённый анализ теории фикции и теории реальности юридического лица показывает, что ни одна из данных концепций не обладает универсальным объяснительным потенциалом. Ограниченность указанных подходов связана как с историческими условиями их формирования, так и с исходными представлениями о природе правосубъектности [Коструба, 2020, с. 214–220].

Теория фикции Ф. К. фон Савиньи основывается на антропоцентрическом понимании субъекта права, при котором правосубъектность непосредственно связывается с наличием человеческой воли [Радбрух, 2004, с. 145–149]. Однако такой подход оказывается недостаточным для объяснения случаев, когда субъектами права признаются образования, не

обладающие психической природой и способностью к самостоятельному волеизъявлению. В современной юридической литературе обращается внимание на то, что сведение правосубъектности исключительно к волевому критерию существенно ограничивает круг возможных участников правоотношений [Радбрух, 2004, с. 126–129].

Теория реальности, напротив, стремится преодолеть данные ограничения посредством обращения к социальной природе юридического лица. В работах Р. фон Иеринга и О. фон Гирке правосубъектность связывается с наличием интереса либо коллективной воли, формирующейся в рамках устойчивого социального образования [Иеринг, 1875, с. 93–99; Гирке, 1911, с. 226–233]. Вместе с тем и данный подход имеет определённые пределы. Его основная сложность заключается в привязке субъектности к существованию социальной основы, что затрудняет объяснение правового статуса конструкций, не обладающих устойчивой организационной структурой [Коструба, 2020, с. 228–233].

Современное развитие правовой системы свидетельствует о появлении таких форм субъектности, которые не могут быть в полной мере объяснены ни через антропоцентрическую модель Савиньи, ни через социологическую концепцию Гирке [Полдников, 2025, с. 243–251]. Речь идет о юридических конструкциях, правосубъектность которых определяется не наличием индивидуальной воли или устойчивой социальной организации, а прежде всего нормативным признанием со стороны правопорядка.

В связи с этим возникает необходимость переосмысления роли правовой фикции в механизме правового регулирования. Если традиционно фикция рассматривалась главным образом как вспомогательный прием юридической техники, то в современных условиях она все чаще используется для обоснования существования новых юридических конструкций, по мнению Танимова О.В. В данном случае фикция выполняет не только корректирующую, но и конструктивную функцию, обеспечивая возможность признания субъектов, не обладающих признаками, традиционно связывавшимися с юридической личностью.

Таким образом, правовая фикция начинает выступать не только средством условного изменения юридических фактов, но и способом нормативного закрепления новых форм правосубъектности. Это позволяет рассматривать её как один из механизмов формирования юридических конструкций, существование которых определяется прежде всего самим правопорядком [Кельзен, 2015, с. 96–103].

Переосмысление роли правовой фикции позволяет поставить вопрос о выделении особой категории субъектов — фиктивных субъектов права. Их существование затруднительно объяснить в рамках классических теорий юридического лица, поскольку подобные конструкции не обладают признаками естественной личности и не всегда основываются на существовании устойчивого социального образования, как отмечал Коструба А.В [Коструба, 2020, с. 241–247].

Фиктивный субъект права может быть определен как субъект, правосубъектность которого возникает исключительно в силу нормативного признания и не имеет самостоятельного биологического либо социального основания [Савиньи, 2011, с. 188–193]. В данном случае субъект существует прежде всего как юридическая конструкция, создаваемая правопорядком для достижения определенных регулятивных целей. Такой подход соответствует современным тенденциям теории права, в рамках которых подчеркивается способность правовой системы формировать собственные объекты регулирования [Кельзен, 2015, с. 112–119].

Одним из основных признаков фиктивного субъекта выступает нормативная производность его правосубъектности. В отличие от физического лица, субъектность которого связывается с фактом рождения, фиктивный субъект возникает исключительно вследствие юридического признания [Алексеев, 1972, с. 145–149]. В теории права подобные конструкции нередко

рассматриваются как результат самостоятельного правового установления, не имеющего прямого аналога в социальной или биологической реальности.

Вторым признаком фиктивного субъекта права выступает отсутствие самостоятельной социальной основы. Для его существования не требуется наличие устойчивой организационной структуры, коллективной воли или единства интересов [Коструба, 2020, с. 252–256]. Правосубъектность подобной конструкции определяется прежде всего потребностями правового регулирования, а не фактом существования конкретного социального образования.

Третьим признаком является отсутствие собственной воли в психологическом или социальном смысле. Реализация прав и обязанностей такого субъекта осуществляется через представителей, специальные процедуры либо иные юридические механизмы [Шершеневич, 2024, с. 214–220]. В этом отношении фиктивный субъект отличается как от физического лица, так и от традиционного юридического лица, основанного на коллективной организации.

Четвертым признаком выступает функциональная обусловленность. Фиктивный субъект создается для решения конкретных задач правового регулирования, включая обеспечение устойчивости гражданского оборота, распределение юридической ответственности и упрощение отдельных правовых конструкций [Танимов, 2016, с. 201–206]. Его существование носит инструментальный характер и определяется целями правопорядка.

Пятым признаком является специальный характер правоспособности. В отличие от общей правоспособности физического лица и более широкой правоспособности юридического лица, фиктивный субъект наделяется ограниченным и заранее определенным объемом прав и обязанностей, установленным правовой нормой [Алексеев, 1972, с. 173–178].

Наконец, шестым признаком фиктивного субъекта права выступает несовпадение его юридического и фактического существования. Такой субъект может признаваться участником правоотношений независимо от наличия самостоятельного фактического носителя [Алексеев, 1972, с. 72–77]. Его правосубъектность существует прежде всего в рамках правовой системы и определяется нормативным признанием со стороны правопорядка.

Совокупность указанных признаков позволяет рассматривать фиктивный субъект права как самостоятельную юридическую конструкцию. В данном случае правовая фикция выступает не как простое отступление от фактической действительности, а как средство нормативного закрепления особых форм правосубъектности. Такой подход соответствует современным направлениям теории права, допускающим активную роль правопорядка в формировании юридических конструкций и моделей правового регулирования [Алексеев, 1972, с. 118–124].

Заключение

Проведённый историко-теоретический анализ показывает, что правовая фикция последовательно расширяла свои функции в процессе развития правопорядка. Если в римском праве она использовалась преимущественно для условного изменения отдельных элементов правового статуса, то в средневековой и последующей юридической доктрине фикция стала применяться для обоснования самостоятельного существования коллективных и иных искусственно сконструированных субъектов права.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что классические теории фикции и реальности юридического лица обладают ограниченным объяснительным потенциалом применительно к современным формам правосубъектности. Развитие правового регулирования приводит к появлению конструкций, существование которых определяется прежде всего нормативным признанием, а не биологической природой человека или наличием устойчивой социальной

организации.

В этой связи представляется возможным выделение фиктивных субъектов права как особой категории субъектов, характеризующихся нормативной производностью, отсутствием самостоятельной социальной основы, функциональной обусловленностью и несовпадением фактического и юридического существования. Использование данной категории позволяет более последовательно объяснить отдельные современные формы правосубъектности и расширяет возможности теоретического анализа процессов нормативного конструирования в праве.

Библиография

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. Т. 1. 396 с.
2. Гирке О. Немецкое частное право. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 438 с.
3. Дормидонтов Г.Ф. Система римского права. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1896. 312 с.
4. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова, 1875. 321 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
6. Коструба А.В. Юридическое лицо: теория и практика правового конструирования. Москва: Статут, 2020. 368 с.
7. Покровский И.А. История римского права. Петроград: Изд. юрид. книжного склада «Право», 1917. 430 с.
8. Полдников Д.Ю. Человекосоразмерность права как основа догматической трактовки юридического лица // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9, № 2. С. 238–261.
9. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Москва: Международные отношения, 2004. 240 с.
10. Резиньков П.М. Юридические фикции в российском праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2011. 198 с.
11. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Москва: Статут, 2011. Т. 2. 510 с.
12. Танимов О.В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 35–48.
13. Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. Москва: Проспект, 2016. 224 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2 т. Москва: Юрайт, 2024. Т. 1. 315 с. (Антология мысли).
15. Шуваев Е.А. Интересы и воля через призму теорий о юридическом лице // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 121–133.

Fictitious Legal Subjects as a Result of Normative Construction: A Historical-Theoretical Analysis

Il'ya A. Kostin

Postgraduate Student,
Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute",
199106, 3, Gavanskaya ulitsa, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kostin_ia@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to a historical-theoretical analysis of legal fiction as a method of forming subjectivity in law. The objective of the study is to identify the transformation of the functions of legal fiction and to determine its significance in the modern legal order. It is substantiated that legal fiction acts not only as a technique of legal drafting, but also as a means of normative construction

of legal subjects. The methodological basis of the study was formed by the historical-legal, formal-legal, and comparative-legal methods, which made it possible to trace the development of ideas about the legal subject in various historical periods. The article examines the Roman construction of fictio iuris, the medieval doctrine of persona ficta, as well as the main approaches to understanding the legal entity formulated by F.K. von Savigny, R. von Jhering, and O. von Gierke. It is concluded that the development of legal fiction was accompanied by a transition from changing the legal status of a person to the creation of independent normative constructions of subjectivity. Based on the conducted analysis, it is proposed to consider fictitious legal subjects as a special category of subjects whose existence is conditioned by normative recognition and the functional needs of the legal system. The attributes of a fictitious legal subject are identified, including normative derivation, the absence of an independent social basis, and existence predominantly within the framework of legal rather than factual reality.

For citation

Kostin I.A. (2026) Fiktivnye sub"ekty prava kak rezul'tat normativnogo konstruirovaniya: istoriko-teoreticheskiy analiz [Fictitious Legal Subjects as a Result of Normative Construction: A Historical-Theoretical Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 92-102. DOI: 10.34670/AR.2026.34.98.066

Keywords

Legal fiction, legal subject, fictitious legal subject, legal entity, persona ficta, legal personality, fiction theory, reality theory, normative construction, legal personality.

References

1. Alekseev, S.S. (1972). *Problemy teorii prava: kurs lektsiy: v 2 t. T. 1* [Problems of the theory of law: a course of lectures: in 2 vols. Vol. 1]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute Publ.
2. Dormidontov, G.F. (1896). *Sistema rimskogo prava* [The system of Roman law]. Kazan: Imperial University Typo-lithography.
3. Gierke, O. (1911). *Nemetskoe chastnoe pravo. T. 1* [German private law. Vol. 1]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Typography.
4. Ihering, R. von (1875). *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. Ch. 1* [The spirit of Roman law at the various stages of its development. Part 1]. St. Petersburg: V. Bezobrazov Typography.
5. Kelsen, H. (2015). *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law] (M.V. Antonov, S.V. Lyozov, Trans.). St. Petersburg: Alef-Press.
6. Kostruba, A.V. (2020). *Yuridicheskoe litso: teoriya i praktika pravovogo konstruirovaniya* [Legal entity: theory and practice of legal construction]. Moscow: Statut.
7. Pokrovsky, I.A. (1917). *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. Petrograd: “Pravo” Legal Book Warehouse Publ.
8. Poldnikov, D.Yu. (2025). Chelovekosorazmernost’ prava kak osnova dogmaticheskoy traktovki yuridicheskogo litsa [Human-proportionality of law as a basis for the dogmatic interpretation of a legal entity]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 9(2), 238–261.
9. Radbruch, G. (2004). *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
10. Rezinkov, P.M. (2011). *Yuridicheskie fiktsii v rossiyskom prave* [Legal fictions in Russian law] (Candidate of Law dissertation). Moscow.
11. Savigny, F.C. von (2011). *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. 2* [System of modern Roman law: in 8 vols. Vol. 2]. Moscow: Statut.
12. Shershenevich, G.F. (2024). *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 1* [General theory of law: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Yurayt.
13. Shuvaev, E.A. (2022). Interesy i volya cherez prizmu teoriy o yuridicheskom litse [Interests and will through the prism of theories on the legal entity]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 12(6A), 121–133.
14. Tanimov, O.V. (2016). *Teoriya yuridicheskikh fiktsiy: monografiya* [Theory of legal fictions: monograph] (T.V.

Kashanina, Ed.). Moscow: Prospekt.
15. Tanimov, O.V. (2022). O nauchnoy razrabotke ponyatiya "yuridicheskaya fiktsiya" [On the scientific development of the concept of "legal fiction"]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, (3(25)), 35–48.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.64.35.010**

Проблемы дискриминации при реализации конституционного права на свободу труда в аспекте исчисления стажа по юридической специальности

Галахов Егор Николаевич

Аспирант,
кафедра конституционного, административного и таможенного права,
Тверской государственный университет,
170100, Российская Федерация, Тверь, ул. Желябова, 33;
e-mail: egr.galak@mail.ru

Аннотация

В данной статье проводится всесторонний анализ законодательных норм, регламентирующих приобретение статуса адвоката и нотариуса, а также квалификационных требований для назначения на должность судьи. Особое внимание уделяется правовым аспектам, определяющим необходимые условия для получения каждого из этих профессиональных статусов. Автор углубляется в исследование практических проблем, связанных с определением стажа работы по юридической специальности, что имеет ключевое значение для кандидатов на должности судьи, адвоката и нотариуса. В работе также предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства в данной области, направленные на устранение выявленных пробелов и неточностей. В статье анализируется вопрос о том, какая деятельность должна учитываться при исчислении стажа работы по юридической специальности для получения статуса адвоката, нотариуса и занятия должности судьи. Статья не только проводит глубокий анализ текущих недостатков в правовом регулировании процедуры присвоения статуса адвоката, нотариуса, но и разрабатывает научно обоснованные рекомендации по их устранению. Это, в свою очередь, может значительно повысить качество юридической практики и укрепить правовую систему, способствуя её более эффективной институциональной адаптации и развитию.

Для цитирования в научных исследованиях

Галахов Е.Н. Проблемы дискриминации при реализации конституционного права на свободу труда в аспекте исчисления стажа по юридической специальности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 103-109. DOI: 10.34670/AR.2026.64.35.010

Ключевые слова

Дискриминация в сфере труда, стаж работы по юридической специальности, защита прав и законных интересов граждан, федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства, федеральная инспекция труда, адвокатская деятельность, нотариат, статус судьи.

Введение

Конституция Российской Федерации провозглашает равенство прав и свобод человека и гражданина, закрепляет наличие равных возможностей для реализации прав и законных интересов.

В особенности представленные положении Конституции распространяются на сферу связанную с реализацией гражданином своих способностей к труду, поскольку указанная сфера занимает важное место в жизни человека и гражданина, т.к. непосредственно трудом удовлетворяются физические, материальные и духовные потребности.

В связи, с чем вопрос о наличии препятствий при выборе трудовой деятельности и профессии является актуальным.

Основная часть

Согласно положениям Конституции Российской Федерации труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. [Конституция РФ, ст. 37]

Вышеуказанные положения Конституции нашли свое отражение в Трудовом кодексе Российской Федерации.

Трудовой кодекс устанавливает запрет на ограничения реализации возможности распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, если данные ограничения не связаны с деловыми качествами работника. [Трудовой кодекс РФ, ст. 64]

Исходя из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, под деловыми качествами работника следует понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации и т.д.), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли и т.д.). [Постановление Пленума ВС РФ № 2, п. 10, абз. 6]

Для осуществления трудовой деятельности по той или иной профессии к претенденту могут устанавливаться требования о наличии у него определенных деловых качеств исходя из специфики профессии. В большинстве случаев указанные требования связаны с наличием соответствующего уровня образования по специальности, наличие стажа работы по специальности.

Действующее трудовое законодательство не содержит положений определяющих понятие «стаж работы по специальности», а также не содержит норм регулирующих порядок исчисления указанного стажа. [Письмо Минтруда России от 26.02.2026 № 14-6/ООГ-734]

На основании имеющихся в действующем законодательстве положений регулирующих социальную сферу Российской Федерации представляется возможным выявить определение стажа работы по специальности. Исходя из положений статьи 11 Федерального закона «О страховых пенсиях» следует, что стаж работы по специальности – это продолжительность профессиональной деятельности (трудовой деятельности) согласно квалификационному документу (диплом, сертификат, свидетельство). Этот стаж подтверждает наличие у работника опыта по определенной квалификации. [Федеральный закон № 400-ФЗ, ст. 11]

На примере юридической специальности можно сказать, что стаж работы по указанной специальности – это период работы со дня, когда лицо получило юридическое образование и

осуществляло трудовую деятельность на постоянной основе в должности, требующей юридического образования [п.4, 10].

Как следует из разъяснений Минтруда России, стаж работы по определенной специальности имеет юридическое значение лишь в случаях, установленных законом. Порядок исчисления специального стажа определяется соответствующим нормативным правовым актом [Письмо Минтруда России от 26.02.2026 № 14-6/ООГ-734].

Такими нормативными правовыми актами, относительно юридических специальностей, являются Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате».

Как следует из Федерального закона регулирующего адвокатскую деятельность, в стаж работы по юридической специальности, необходимой для приобретения статуса адвоката, включается работа:

1) в качестве судьи и (или) на должностях, требующих высшего юридического образования, в органах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

2) на должностях, требующих высшего юридического образования, в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектом Российской Федерации и должностях муниципальной службы, в государственных органах СССР и РСФСР, и иных государственных органах;

3) на должностях, требующих высшего юридического образования, в научно-исследовательских учреждениях, в качестве преподавателя юридических дисциплин в образовательных организациях и научных организациях;

4) на должностях, требующих высшего юридического образования, в юридических службах организации;

5) работа в качестве помощника адвоката и нотариуса. [Федеральный закон № 63-ФЗ, п. 4 ст. 9]

Претенденту на получение статуса адвоката необходимо иметь стаж работы по юридической специальности не менее 2 лет. [Федеральный закон № 63-ФЗ, абз. 2 п. 1 ст. 9]

Для приобретения статуса нотариуса кандидату необходимо иметь стаж работы по юридической специальности не менее 5 лет [Основы законодательства о нотариате, ст. 2].

В стаж работы в области юриспруденции, необходимый для назначения на должность судьи, включается время работы:

1) на требующих высшего юридического образования государственных должностях Российской Федерации, государственных должностях субъектов Российской Федерации, должностях государственной службы, муниципальных должностях, должностях в существовавших до принятия Конституции Российской Федерации государственных органах СССР, союзных республик СССР, РСФСР и Российской Федерации, должностях в юридических службах организаций, должностях в научных организациях;

2) в качестве преподавателя юридических дисциплин по профессиональным образовательным программам, в качестве адвоката или нотариуса. [Закон РФ № 3132-1, п. 5 ст. 4]

Минимальный стаж работы по юридической специальности для замещения должности судьи составляет 5 лет. [Закон РФ № 3132-1, п. 2 ст. 4]

Ранее было отмечено, что порядок исчисления специального стажа регламентируется положениями соответствующих нормативных правовых актов. Применительно к стажу необходимому для назначения на должность судьи таким актом является Инструкция о порядке

определения стажа работы по юридической профессии для кандидатов на должности судей федеральных судов (утв. Минюстом РФ N 10 (35)-5, Верховным Судом РФ, ВАС РФ 27.12.1996).

Согласно положениям указанной выше инструкции в стаж работы по юридической профессии (специальности) включается работа в органах государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной). Лицам, не имеющим высшего или среднего юридического образования, весь период работы на должностях в государственных органах засчитывается в стаж работы по юридической профессии (специальности). [Инструкция о порядке определения стажа..., п. 1]

Также инструкция о порядке определения стажа работы для занятия должности судьи указывает, что в стаж работы по юридической специальности (профессии) включается также работа на иных должностях, если она непосредственно связана с защитой прав и законных интересов граждан и юридических лиц, укреплением законности и правопорядка, требует знаний в каких-либо отраслях права и умения применять их на практике. [Инструкция о порядке определения стажа..., п. 2]

Действующее законодательство не содержит подобных положений для приобретения статуса адвоката и нотариуса, что свидетельствует о дискриминации в сфере труда выражающейся в воспрепятствовании реализации конституционного права гражданина на выбор своей трудовой деятельности и свободу распоряжения своими способностями к труду.

Поскольку сотрудники, замещающие должности государственной гражданской службы в федеральных органах исполнительной власти, где не требуется в обязательном порядке юридическое образование, также защищают права и законные интересы граждан, при выполнении должностных обязанностей занимаются укрепляем законности и правопорядка посредством государственного контроля (надзора).

В качестве примера можно привести Федеральную инспекцию труда. При осуществлении трудовой деятельности от государственных инспекторов труда требуются углубленные знания в области трудового права и умения применять их на практике при реализации полномочий направленных на защиту прав и законных интересов граждан.

Государственные инспекторы труда в рамках предоставленных полномочий участвуют в гражданском, административном судопроизводстве в качестве истца, ответчика, третьего или заинтересованного лица, что требует от инспектора владения нормами процессуального права и умения вести, при исполнении должностных обязанностей, претензионную работу, выражающуюся в составлении исковых заявлений, возражений, отзывов и прочих документов, связанных с отстаиванием интересов государственного органа и граждан в суде [Трудовой кодекс РФ, ст. 356–357].

Инспекторы труда оказывают гражданам юридическую помощь, связанную с защитой их прав и законных интересов путем осуществления консультирования по вопросам применения норм трудового права.

При осуществления консультирования лицу, чьи трудовые права нарушены, оказывается помощь в составлении искового заявления, заявлений различного характера для разрешения, возникшего между работником и работодателем конфликта в досудебном порядке, при необходимости работнику разъясняется, как в суде правильно построить свою правовую позицию с учетом судебной и правоприменительной практики [Трудовой кодекс РФ, ст. 356–357].

При осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства государственные инспекторы труда проводят мероприятия по проверке соблюдения работодателями требований трудового законодательства [Трудовой

кодекс РФ, ст. 353].

В случае выявления нарушений инспектором труда выносится обязательное для исполнения предписание об устранении выявленных нарушений, а также предписание о привлечении виновных должностных лиц работодателя к дисциплинарной ответственности [ст. Трудовой кодекс РФ, ст. 356–357; Федеральный закон № 248-ФЗ, ст. 90.1]

Также в случае, если со стороны работодателя выявлены нарушения, которые формируют состав административного правонарушения, инспектор труда привлекает работодателя и его должностных лиц к административной ответственности [КоАП РФ, ст. 23.12, п. 16 ч. 2 ст. 28.3].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что Федеральная инспекция труда и ее должностные лица проводят мероприятия по укреплению законности и правопорядка, поскольку применяемые мероприятия, в рамках предоставленных полномочий, направлены на соблюдение работодателями требований действующего трудового законодательства и осуществление ими мероприятий направленных на создание благоприятных условий труда.

Таким образом, государственные инспекторы труда выполняют работу, имеющую характерные признаки профессий юридических специальностей, стаж работы на которых является обязательным для приобретения статуса адвоката и нотариуса.

Отсутствие в действующем законодательстве возможности для приобретения статуса адвоката и нотариуса у лиц, имеющих стаж работы в органах государственной власти, муниципальной службы, где не требуется наличие высшего и среднего юридического образования, существенным образом нарушает права и законные интересы данных лиц и как следствие препятствует реализации конституционного принципа равенства прав и свобод человека. Поскольку реализация указанного принципа выражается в устранении государством ограничений прав и свобод путем создания благоприятных условий для их использования человеком и гражданином. [Конституция РФ, ст. 19, 55]

Заключение

На основании вышеизложенного необходимо внести в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Основы законодательства Российской Федерации о нотариате положения предусматривающие для приобретения статуса адвоката и нотариуса включение в стаж работы на должностях органов государственной власти, муниципальной службы не требующих высшего и среднего юридического образования в случае, если работа на данных должностях требует знаний в каких-либо отраслях права и умения применять их на практике при защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, работа связана с укреплением законности и правопорядка.

Библиография

1. Инструкция о порядке определения стажа работы по юридической профессии для кандидатов на должности судей федеральных судов : утв. Минюстом РФ № 10 (35)-5, Верховным Судом РФ, ВАС РФ 27.12.1996. – URL: szrf.pravo.gov.ru.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – URL: szrf.pravo.gov.ru.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: szrf.pravo.gov.ru.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1. – URL: szrf.pravo.gov.ru.
5. Письмо Минтруда России от 26.02.2026 № 14-6/ООГ-734. – URL: szrf.pravo.gov.ru.

6. Письмо Минюста России от 19.11.2015 № 12-134375. – URL: szrf.pravo.gov.ru.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». – URL: vsrf.ru.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – URL: szrf.pravo.gov.ru.
9. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». – URL: szrf.pravo.gov.ru.
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». – URL: szrf.pravo.gov.ru.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». – URL: szrf.pravo.gov.ru.
12. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». – URL: szrf.pravo.gov.ru.

Problems of Discrimination in the Implementation of the Constitutional Right to Freedom of Labour in the Aspect of Calculating Length of Service in the Legal Specialty

Egor N. Galakhov

Postgraduate Student,
Department of Constitutional, Administrative and Customs Law,
Tver State University,
170100, 33, Zhelyabova str., Tver', Russian Federation;
e-mail: egr.galak@mail.ru

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the legislative norms regulating the acquisition of the status of attorney and notary, as well as the qualification requirements for appointment to the position of judge. Particular attention is paid to the legal aspects determining the necessary conditions for obtaining each of these professional statuses. The author delves into the study of practical problems associated with determining length of service in the legal specialty, which is of key importance for candidates for the positions of judge, attorney, and notary. The work also proposes specific measures for improving legislation in this area, aimed at eliminating the identified gaps and inaccuracies. The article analyzes the question of which activity should be taken into account when calculating length of service in the legal specialty for obtaining the status of attorney, notary, and occupying the position of judge. The article not only conducts a deep analysis of the current shortcomings in the legal regulation of the procedure for conferring the status of attorney and notary, but also develops scientifically substantiated recommendations for their elimination. This, in turn, can significantly improve the quality of legal practice and strengthen the legal system, contributing to its more effective institutional adaptation and development.

For citation

Galakhov E.N. (2026) Problemy diskriminatsii pri realizatsii konstitutsionnogo prava na svobodu truda v aspekte ischisleniya stazha po yuridicheskoy spetsial'nosti [Problems of Discrimination in the Implementation of the Constitutional Right to Freedom of Labour in the Aspect of Calculating Length of Service in the Legal Specialty]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 103-109. DOI: 10.34670/AR.2026.64.35.010

Keywords

Discrimination in the sphere of labour, length of service in the legal specialty, protection of the rights and lawful interests of citizens, federal state control (supervision) over compliance with labour legislation, federal labour inspectorate, advocacy, notariate, status of judge.

References

1. *Code of the Russian Federation on Administrative Offences* No. 195-FZ of 30.12.2001. szrf.pravo.gov.ru.
2. *Constitution of the Russian Federation* : adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. szrf.pravo.gov.ru.
3. *Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation"*. szrf.pravo.gov.ru.
4. *Federal Law No. 400-FZ of 28.12.2013 "On Insurance Pensions"*. szrf.pravo.gov.ru.
5. *Federal Law No. 63-FZ of 31.05.2002 "On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation"*. szrf.pravo.gov.ru.
6. *Instruction on the procedure for determining the length of service in the legal profession for candidates for the positions of judges of federal courts* : approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 10 (35)-5, the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on 27.12.1996. szrf.pravo.gov.ru.
7. *Law of the Russian Federation No. 3132-1 of 26.06.1992 "On the Status of Judges in the Russian Federation"*. szrf.pravo.gov.ru.
8. Letter of the Ministry of Justice of Russia dated 19.11.2015 No. 12-134375. szrf.pravo.gov.ru.
9. Letter of the Ministry of Labor of Russia dated 26.02.2026 No. 14-6/OOG-734. szrf.pravo.gov.ru.
10. *Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries* : approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1. szrf.pravo.gov.ru.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 of 17.03.2004 "On the Application by Courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation". vsrf.ru.
12. *Labor Code of the Russian Federation* No. 197-FZ of 30.12.2001. szrf.pravo.gov.ru.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.211:336.74 **DOI: 10.34670/AR.2026.43.32.011**

Правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют

Яндиев Абдул-Керим Абдулазизович

Магистр,
кафедра конституционного права
им. профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104/ 1;
e-mail: yandiev9797@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается, как за пятнадцать лет российское право прошло путь от полного безразличия к криптоактивам до попытки выстроить для них связную систему правил. Автор исходит из того, что ключом к пониманию всего регулирования служит проведенное законодателем разграничение двух категорий — цифровых финансовых активов и цифровой валюты, — которые внешне схожи, но по своей юридической конструкции противоположны. ЦФА трактуются как цифровые права с обязанным лицом, обращающиеся в поднадзорном Банку России периметре; цифровая валюта — как децентрализованный актив без обязанного лица, владение которым допустимо, а использование для расчетов внутри страны запрещено. На материале судебной практики (включая известное банкротное дело 2018 года), доктринальных споров о природе криптовалюты и новейшего законодательства 2024–2026 годов автор показывает, что имущественный статус криптовалюты признавался постепенно и «по частям» — сначала для банкротства, затем для налогов, наконец для уголовного судопроизводства, — тогда как общегражданская квалификация до сих пор не дана. Отдельно оценивается реформа последних двух лет: легализация майнинга, экспериментальные режимы трансграничных расчетов, налоговые правила, признание криптовалюты имуществом в уголовной сфере, позиция Конституционного Суда РФ и законопроект «О цифровой валюте и цифровых правах». Автор приходит к выводу, что российская модель, при всем сходстве с европейским Регламентом MiCA, сохраняет две спорные особенности — тотальный платежный запрет и обязательную депозитарную централизацию, — и предлагает конкретные корректировки законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Яндиев А.-К.А. Правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 110-121. DOI: 10.34670/AR.2026.43.32.011

Ключевые слова

Цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые права, токен, распределенный реестр, майнинг, экспериментальный правовой режим, MiCA, правовое регулирование.

Введение

Еще десять лет назад разговор о криптовалюте велся преимущественно в среде программистов и биржевых спекулянтов, а юристы относились к ней как к курьезу, не заслуживающему серьезного нормативного внимания. Сегодня ситуация обратная. Совокупная стоимость мирового рынка криптоактивов измеряется триллионами долларов, крупнейшие управляющие компании держат биткоин в своих портфелях, а отдельные государства встраивают цифровые активы в национальные финансовые стратегии. Россия здесь не исключение, а скорее один из заметных участников процесса: по имеющимся экспертным оценкам, российские граждане входят в число мировых лидеров по объему вложений в криптоактивы, а отечественный майнинговый сектор занимает одно из первых мест в мире по вычислительным мощностям. Игнорировать явление такого масштаба право уже не могло.

Проблема в том, что правовое оформление криптооборота в России долго и заметно отставало от самой жизни. С 2009 по 2019 год криптовалюты существовали в откровенно «серой» зоне: специальных норм не было, легальных определений не было, а финансовые регуляторы ограничивались предостережениями об опасности «денежных суррогатов». В этих условиях суды, к которым все же попадали споры, вынуждены были действовать почти наощупь — и, что показательно, приходили к прямо противоположным выводам. Одни отказывали в защите, ссылаясь на отсутствие криптовалюты в перечне объектов гражданских прав; другие, напротив, толковали закон расширительно и признавали ее имуществом. Такая разноголосица сама по себе служит лучшим доказательством того, что регулировать оборот было необходимо.

Первый серьезный шаг был сделан в 2019–2020 годах, когда в Гражданском кодексе появилась категория цифровых прав, а вслед за ней был принят профильный закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. Однако — и на этом хотелось бы сделать акцент с самого начала — созданный тогда каркас решил задачу лишь наполовину. Законодатель подробно, вплоть до деталей, урегулировал выпуск и обращение ЦФА внутри контролируемых информационных систем, но практически обошел стороной самый массовый и экономически значимый сегмент — децентрализованные криптовалюты. Их всего лишь определили и запретили использовать для платежей, оставив без ответа главный вопрос: что это вообще такое с точки зрения гражданского права и как с этим обращаться участнику оборота. Именно этот незакрытый пробел, на наш взгляд, и предопределил всю логику последующих реформ.

А реформы не заставили себя ждать. В 2024–2026 годах регулирование вступило в фазу настолько интенсивных изменений, что говорить о нем как о чем-то устоявшемся уже нельзя: легализован майнинг, запущены экспериментальные режимы трансграничных расчетов, введены налоговые правила, криптовалюта признана имуществом для целей уголовного судопроизводства, свою позицию высказал Конституционный Суд, а в Государственной Думе рассматривается объемный законопроект, который должен заменить нынешнее «лоскутное» регулирование единой конструкцией. Все это происходит на глазах и требует не столько описания, сколько осмысления — что и составляет задачу настоящей работы.

Цель статьи автор видит в том, чтобы разобраться в правовом режиме цифровых финансовых активов и криптовалюты по действующему российскому праву: выяснить их юридическую природу, четко их развести между собой, показать характер публично-правовых ограничений и оценить, к чему ведет начатая реформа. Методологически работа опирается на анализ нормативных актов и законопроектов, сопоставление российской модели с европейским Регламентом MiCA, а также на изучение судебной практики и официальных позиций

регуляторов; там, где это уместно, автор прибегает к историко-правовому взгляду, выстраивая периодизацию развития отечественного регулирования.

Основная часть

Нельзя не отметить, что тема давно и плотно разрабатывается отечественной цивилистикой. Подходы к квалификации криптовалюты как объекта гражданских прав в свое время предложили А.И. Савельев [Савельев, 2017], Л.А. Новоселова [Новоселова, 2017] и Л.Г. Ефимова [Ефимова, 2019]; развернутый правовой анализ цифровых активов дан в монографии Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой [Санникова, Харитонова, 2020]; категорию цифровых прав исследовали М.А. Рожкова [Рожкова, 2020] и В.А. Лаптев [Лаптев, 2018]; сравнительно-правовые сюжеты токенизации разбирал Д.В. Федоров [Федоров, 2018], а публично-правовые и криминологические риски — Э.Л. Сидоренко [Сидоренко, 2017]. При всем богатстве этой литературы новейший виток реформы 2024–2026 годов, в силу его свежести, целостного доктринального осмысления пока не получил, что дополнительно оправдывает обращение к теме именно сейчас.

Чтобы понять сегодняшнее регулирование, полезно оглянуться назад. Развитие отечественного подхода к цифровым активам удобно разбить на три периода, и каждый из них имеет свой характер. Первый период — примерно с 2009 по 2018 год — прошел вообще без специальных норм, на фоне настороженного, если не сказать запретительного, настроя регуляторов. Банк России в своих сообщениях 2014 и 2017 годов последовательно предостерегал от «виртуальных валют», указывая на их спекулятивную природу, анонимность и опасность вовлечения в отмывание преступных доходов. Росфинмониторинг еще в 2014 году фактически приравнял обмен криптовалюты на рубли к потенциально сомнительной операции. Парадокс, однако, в том, что оборот при этом никуда не делся — он рос, а вместе с ним копились и споры, которые судам приходилось решать в полном нормативном вакууме.

Классической иллюстрацией этого вакуума стало банкротное дело гражданина Ц. Финансовый управляющий потребовал включить содержимое криптокошелька должника в конкурсную массу, но суд первой инстанции отказал: криптовалюта, рассудил он, не относится ни к одной из категорий объектов, перечисленных в статье 128 Гражданского кодекса, а значит, и включать в массу нечего. Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 15 мая 2018 года занял иную позицию и, истолковав понятие «иное имущество» с оглядкой на реальную экономику, признал криптовалюту имуществом, обязав должника открыть управляющему доступ к кошельку. Значение этого акта трудно переоценить: по сути, именно здесь впервые на уровне арбитражной апелляции была озвучена та имущественная концепция, которую позже, спустя два года, воспримет и законодатель. Судебная практика в данном случае опередила закон — случай для российского права не столь частый.

Второй период (2019–2020 годы) — это время закладки фундамента. Федеральный закон № 34-ФЗ дополнил Гражданский кодекс статьей 141.1, введя категорию цифровых прав: под ними понимаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание которых определяется правилами информационной системы, а распоряжение возможно только внутри этой системы, без обращения к посреднику. Одновременно цифровые права попали в перечень статьи 128 ГК как разновидность имущественных прав. Здесь важно уловить выбор законодателя: он предпочел не вещную, а обязательственную модель. Цифровое право — это не самостоятельная ценность, живущая где-то в реестре, а лишь цифровая форма фиксации

субъективного права, принадлежащего тому, кто может им распоряжаться по правилам системы. Различие тонкое, но принципиальное, и оно, как мы увидим, объясняет, почему криптовалюта в эту конструкцию так и не уместилась.

Далее Федеральный закон № 259-ФЗ от 2 августа 2019 года закрепил первую практическую разновидность цифровых прав — утилитарные цифровые права, привязанные к инвестиционным платформам. А завершающим камнем в основании стал Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА), действующий с 1 января 2021 года. Именно он впервые дал легальные определения и цифровым финансовым активам, и цифровой валюте — двум героям настоящей статьи.

Третий период открылся в 2024 году и продолжается до сих пор. Его суть — переход от разрозненных мер к попытке комплексного регулирования: майнинг, экспериментальные режимы, налоги, уголовно-правовое признание криптовалюты имуществом, единый законопроект. Об этом подробно ниже; пока же обратимся к первой из двух категорий — цифровым финансовым активам.

Согласно части 2 статьи 1 Закона о ЦФА, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; выпуск, учет и обращение таких прав возможны только через записи в информационной системе на основе распределенного реестра. Из этой громоздкой формулировки стоит вычленить несколько практически важных выводов.

Прежде всего ЦФА — это разновидность цифровых прав, то есть имущественные права, а не вещи и не некая самостоятельная «монета» в реестре. Их содержание исчерпывается закрытым списком прав обязательственного и корпоративного толка. Иными словами, ЦФА — это, по сути, цифровая оболочка привычных финансовых инструментов: денежных требований, облигационных и акционерных прав. Точно подмечает Л.А. Новоселова: токенизация не рождает нового содержания права, она лишь меняет форму его фиксации и порядок осуществления, привязывая их к записям в реестре [Новоселова, 2017]. С этим наблюдением трудно спорить, и оно, как представляется, точно схватывает суть российской конструкции.

Второе, что бросается в глаза, — жесткая привязка ЦФА к информационной системе, оператор которой внесен Банком России в специальный реестр. Российская модель ЦФА в этом смысле принципиально «периметровая»: актив существует и обращается только внутри контролируемой инфраструктуры под надзором мегарегулятора. Это, собственно, и есть главное отличие ЦФА от децентрализованной криптовалюты, у которой никакого единого центра нет и быть не может.

Институционально рынок ЦФА устроен в два звена. Первое — операторы информационных систем, где ЦФА выпускаются: ими могут быть только российские юридические лица из реестра Банка России, обязанные обеспечивать достоверность записей, идентифицировать пользователей и восстанавливать им доступ. Второе — операторы обмена ЦФА, через которых заключаются сделки: этот статус доступен кредитным организациям, организаторам торговли и иным лицам, отвечающим требованиям закона. Выпуск оформляется решением, где указываются эмитент, вид и объем прав, количество активов и цена. Права первого владельца возникают с момента внесения записи, переход прав — с момента записи о смене владельца. Тем самым запись в реестре приобретает правоустанавливающее значение — примерно такое

же, какое имеет запись по счету депо для бездокументарных ценных бумаг. Аналогия эта, к слову, не случайна: законодатель явно строил режим ЦФА, оглядываясь на привычный ему рынок ценных бумаг.

Публично-правовая сторона режима ЦФА включает несколько ограничений. Для неквалифицированных инвесторов Банк России устанавливает и признаки «рискованных» ЦФА, доступных только квалифицированным лицам, и лимиты вложений. Действуют требования по противодействию отмыванию доходов. Наконец, статья 14 Закона прямо запрещает принимать ЦФА в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги — за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. И вот на эту, казалось бы, техническую оговорку стоит обратить особое внимание: именно из нее впоследствии вырастет механизм расчетов ЦФА по внешнеторговым контрактам, о котором пойдет речь дальше. Мелкая деталь закона обернулась одним из ключевых инструментов внешнеэкономической деятельности — пример того, как заранее заложенное исключение оживает под давлением обстоятельств.

Что показывает практика? Рынок ЦФА растет: в реестрах Банка России числятся крупнейшие банки и финтех-платформы, а совокупный объем выпусков к середине 2020-х годов достиг сотен миллиардов рублей, причем преобладают токенизированные денежные требования — по сути, цифровые аналоги коротких облигаций. И все же говорить об успехе модели преждевременно. Доктрина обоснованно указывает на ее узкое место: ЦФА заперты каждый в своей информационной системе, полноценной совместимости между платформами нет, вторичная ликвидность слабая [Санникова, 2020]. Пока эти инфраструктурные ограничения не сняты, конкурировать с классической биржей ЦФА не смогут — и в этом, на наш взгляд, состоит главный вызов для дальнейшего развития данного сегмента.

Совсем иначе устроен режим цифровой валюты — того, что в быту и называют криптовалютой. Часть 3 статьи 1 Закона о ЦФА определяет ее как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые предлагаются или могут приниматься как средство платежа, не являющееся ни рублем, ни иностранной валютой, и (или) как инвестиция, и в отношении которых отсутствует обязанное лицо. В этом определении спрятаны два сущностных признака: функциональный (пригодность быть средством платежа или объектом вложений) и структурный (отсутствие обязанного лица, то есть децентрализованность). Именно второй признак и проводит границу между цифровой валютой и цифровыми правами. ЦФА всегда удостоверяет требование к конкретному эмитенту; биткоин же не дает своему обладателю требования вообще ни к кому. За ним не стоит должника — и это меняет все.

Отсутствие обязанного лица создало главную теоретическую головоломку. Криптовалюта не укладывается в обязательственную модель цифровых прав, а потому в перечень объектов гражданских прав статьи 128 ГК она так и не вошла. Закон признал ее имуществом не вообще, а точечно — лишь для целей отдельных законов: о банкротстве, об исполнительном производстве, о противодействии коррупции и о противодействии отмыванию доходов. Прием, прямо скажем, сомнительный с точки зрения юридической техники: один и тот же объект в одних отношениях считается имуществом, а в других остается вне классификации объектов вовсе. Л.Г. Ефимова справедливо видит в этом источник системной неопределенности [Ефимова, 2019], и с этой оценкой нельзя не согласиться — фрагментарность порождает вопросы там, где их могло бы не быть.

Центральное публично-правовое ограничение здесь — платежный запрет. Статья 14 Закона запрещает российским компаниям и находящимся в стране физическим лицам принимать

цифровую валюту в оплату товаров, работ и услуг, а заодно и рекламировать такую возможность. Логика Банка России понятна и последовательна: в национальной денежной системе не должно появляться частных «денежных суррогатов». За криптовалютой тем самым закреплен статус инвестиционного актива, но не платежного средства. Любопытно, однако, что само владение криптовалютой и сделки с ней — купля-продажа, мена, дарение — законом не запрещены. А вот судебная защита связанных с ней требований поставлена в зависимость от того, сообщил ли обладатель о владении и об операциях. Норма эта вызывает вопросы: получается, фундаментальное право на судебную защиту ставится в зависимость от исполнения по сути фискальной обязанности [Савельев, 2017]. Насколько это оправданно — вопрос, к которому мы еще вернемся, когда речь пойдет о позиции Конституционного Суда.

Спор о правовой природе криптовалюты вспыхнул в доктрине еще до Закона о ЦФА и, несмотря на появление легального определения, не утих — ведь закон зафиксировал лишь внешние признаки, но не место явления в системе объектов прав. Условно можно выделить четыре подхода. Вещно-правовой предлагает распространить на криптовалюту режим вещей (с фикцией «бестелесной вещи»), что дало бы обладателю абсолютную защиту вплоть до виндикации; беда в том, что континентальное право традиционно понимает вещь как телесный предмет, и «бестелесная вещь» звучит как противоречие в терминах. Обязательственный подход отпадает сам собой — обязанного лица нет. Третий подход относит криптовалюту к «иному имуществу» статьи 128 ГК; именно его восприняла судебная практика, а обосновал еще А.И. Савельев, метко заметивший, что категория «иное имущество» исторически служит своего рода «резервуаром» для новых благ, не влезающих в старые классификации [Савельев, 2017]. Наконец, четвертый подход видит в криптовалюте объект sui generis, для которого нужен особый режим, сочетающий вещные и обязательственные элементы с поправкой на технологию [Санникова, 2020]. Автору настоящей работы ближе именно эта, компромиссная позиция: действующее право фактически и обращается с криптовалютой как с имуществом особого рода, точечно распространяя на нее отдельные режимы и оставляя при этом зияющий пробел в общегражданской квалификации.

Практика, к слову, двигалась к имущественной концепции упорно и последовательно. Помимо упомянутого банкротного дела, имущественный взгляд закрепился и в уголовных делах: еще до реформы 2026 года суды признавали криптовалюту предметом взятки и хищения, а Пленум Верховного Суда указал, что предметом легализации могут быть в том числе средства, преобразованные из криптовалюты. Но одно дело — квалификация, и совсем другое — процессуальный инструментарий. Криптовалюту, в отличие от денег на счете, нельзя «заморозить» письмом в банк: доступ к ней определяется фактическим владением приватным ключом. Следователь оказывался в положении, когда актив вроде бы есть, а взять его нечем. Этот разрыв между материально-правовым признанием и процессуальной беспомощностью долго оставался слабым местом всей конструкции.

Разрыв устранил Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ: он признал цифровую валюту имуществом для целей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов и прописал порядок наложения ареста, изъятия и хранения криптоактивов при следственных действиях. Круг замкнулся — имущественный режим криптовалюты дошел и до уголовной сферы. Не менее важным стало Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 года № 2-П, где сформулирована позиция: цифровая валюта является имуществом и подлежит конституционно-правовой защите независимо от того, задекларировал ли ее обладатель. Это, по сути, поправка к части 6 статьи 14 Закона о ЦФА, причем поправка весомая. Отказ в судебной

защите недекларированных криптоактивов не может быть безоговорочным: собственность (в широком конституционном смысле) охраняется вне зависимости от исполнения публичных обязанностей, за неисполнение которых и без того предусмотрена самостоятельная ответственность. Конституционный Суд, на наш взгляд, здесь абсолютно прав — нельзя лишать человека права на суд в наказание за неподанную декларацию, для этого есть другие, соразмерные средства.

Если теперь свести оба режима вместе, вырисовывается любопытная картина: законодатель сконструировал для технологически родственных явлений два зеркально противоположных режима. ЦФА — централизованно администрируемые цифровые права с обязанным лицом, обращающиеся в лицензируемом периметре под надзором ЦБ и признанные полноценным объектом гражданских прав. Цифровая валюта — децентрализованный актив без обязанного лица: владеть можно, платить внутри страны нельзя, а гражданско-правовой режим определен обрывочно, через отсылки отраслевых законов. Эта асимметрия обернулась практическим парадоксом. Самый крупный и экономически весомый сегмент — собственно криптовалюты и стейблкоины — оказался наименее урегулированным. А природа не терпит пустоты: оборот ушел в «серую» зону иностранных бирж и P2P-площадок. Именно необходимость вернуть его в правовое поле, как представляется, и запустила новый виток реформы, к которому мы переходим.

Новый виток начался с майнинга. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ ввел в оборот понятия майнинга цифровой валюты, майнинг-пула и оператора майнинговой инфраструктуры. Компании и предприниматели вправе майнить, если внесены в реестр, который ведет ФНС; граждане — без реестра, но в пределах лимитов энергопотребления, устанавливаемых Правительством. Все обязаны сообщать налоговому органу о полученной валюте и адресах-идентификаторах, а Правительство вправе запрещать майнинг на отдельных территориях — что и было сделано в ряде энергодефицитных регионов. За сухой формулировкой закона скрывается любопытный концептуальный поворот. Государство фактически признало правомерным первичное приобретение криптовалюты — ее «добычу» — на своей территории, сохранив при этом запрет тратить ее внутри страны. Майнинг тем самым институционализирован как отрасль, ориентированная вовне, а сама криптовалюта — как актив, который добывают здесь, а реализуют преимущественно там, на внешних рынках. Логика, надо признать, не лишенная внутренней стройности, пусть и небесспорная.

Второе направление — допуск цифровых активов в трансграничные расчеты. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 223-ФЗ позволил вводить экспериментальные правовые режимы (ЭПР), в рамках которых Банк России утверждает программу расчетов криптовалютой по внешнеторговым договорам, определяя участников, порядок и срок эксперимента; параллельно легализовано использование ЦФА как встречного предоставления по таким контрактам. Причина появления этих механизмов лежит на поверхности — санкционное давление и трудности с традиционными каналами платежей. Криптовалюта, обращающаяся в обход корреспондентской банковской сети, стала рассматриваться как один из инструментов обеспечения внешнеэкономической деятельности. Оценить эффективность эксперимента, впрочем, затруднительно: сведения об участниках и объемах не раскрываются, и наблюдателю остается судить о результатах лишь косвенно. Такая закрытость понятна из соображений санкционной безопасности, но она же лишает возможности вести предметную дискуссию об итогах.

Третье направление — налоги. Федеральный закон от 29 ноября 2024 года № 418-ФЗ

признал цифровую валюту имуществом уже для целей Налогового кодекса и установил правила: доход от майнинга признается по факту получения валюты исходя из ее рыночной котировки, доход от реализации облагается НДФЛ (для граждан) или налогом на прибыль (для организаций), при этом операции освобождены от НДС, а майнинг выведен из-под специальных налоговых режимов. Так завершилось построение фискального контура. Получается характерная для многих стран картина: государство не признает криптовалюту деньгами, но в полной мере распространяет на нее свой фискальный суверенитет, облагая ее как имущество. Противоречия здесь нет — есть последовательное проведение принципа «не деньги, но актив».

Кульминацией стал внесенный Правительством в апреле 2026 года пакет во главе с проектом федерального закона № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах», уже принятым в первом чтении. Замысел — заменить нынешнее «лоскутное» регулирование единой рамкой. Ключевых новелл несколько. Во-первых, легализуется организованный внутренний оборот криптовалюты: покупать и продавать ее можно будет через лицензированных посредников — обменники из реестра Банка России, брокеров, доверительных управляющих; к сделкам допустят и квалифицированных, и неквалифицированных инвесторов, последних — после тестирования. Во-вторых, создается цифровой депозитарий — инфраструктура для учета и хранения криптовалюты по модели, знакомой по рынку ценных бумаг; вывод активов за пределы российского депозитарного контура допускается только на счета лицензированных иностранных организаций. В-третьих, за юрлицами и предпринимателями закрепляется право рассчитываться криптовалютой по внешнеторговым контрактам уже вне рамок эксперимента ЦБ — вплоть до покупки валюты за рубли с российских счетов. В-четвертых, вводятся обязанности резидентов уведомлять налоговые органы об иностранных кошельках и отчитываться по операциям. В-пятых, устанавливается поэтапность: базовые нормы — с сентября 2026 года, требование работать только через лицензированных посредников с уголовной и административной ответственностью — с 1 июля 2027 года. Внутренний платежный запрет при этом остается нетронутым: платить криптовалютой за товары и услуги в России по-прежнему будет нельзя — ровно как иностранной валютой.

Заключение

Оценивая замысел реформы, невозможно не заметить его близость к европейскому подходу. С 2024 года в ЕС поэтапно применяется Регламент (ЕС) 2023/1114 о рынках криптоактивов (MiCA) — он ввел лицензирование провайдеров криптоуслуг, требования к эмитентам токенов и правила защиты инвесторов. Общее у двух моделей налицо: периметровый принцип (легальный оборот — только через лицензированных посредников), риск-ориентированные требования и особое внимание к стейблкоинам. Но есть и различия, и они существенны. MiCA в целом допускает платежное использование криптоактивов, российская же модель держит тотальный внутренний запрет. MiCA не требует обязательной депозитарной централизации хранения, а российский проект на ней настаивает, ограничивая вывод на личные некастодиальные кошельки. Вот это последнее решение, на наш взгляд, самое спорное во всей реформе. С одной стороны, депозитарная модель обеспечивает прозрачность и облегчает налоговый и антиотмывочный контроль. С другой — она вступает в прямое противоречие с самой архитектурой децентрализованных систем, где владеть активом и значит контролировать приватный ключ. Запрет держать актив на собственном кошельке рискует не столько дисциплинировать пользователя, сколько вытолкнуть его обратно в ту самую «серую» зону,

ради ухода из которой реформа и затевалась.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Первое. Российское право проделало путь от полного игнорирования цифровых активов через фрагментарные меры к попытке комплексного регулирования, и в основе этой конструкции лежит дихотомия «ЦФА — цифровая валюта»: первые построены как централизованные цифровые права с обязанным лицом, вторая — как децентрализованное имущество особого рода без такового. Понимание этого разграничения, как показано в работе, и есть ключ ко всему остальному.

Второе. Имущественный статус криптовалюты признавался постепенно и по частям — банкротство, исполнительное производство, противодействие коррупции и отмыванию, налоги, а с 2026 года уголовная и уголовно-процессуальная сферы. При этом в самом центре системы сохраняется пробел: в перечень объектов гражданских прав статьи 128 ГК цифровая валюта так и не включена. Устранить этот пробел давно пора. Автор предлагает дополнить статью 128 ГК указанием на цифровую валюту как разновидность иного имущества — это придало бы регулированию системность, а судебной практике предсказуемость, избавив ее от необходимости всякий раз выводить имущественный статус криптовалюты из разрозненных отраслевых отсылок.

Третье. Стержнем российской модели остается внутренний платежный запрет, приравнивающий криптовалюту по режиму использования к иностранной валюте. Такой приоритет защиты денежного суверенитета на нынешнем этапе в целом оправдан. Но его действенность целиком зависит от того, удастся ли втянуть оборот в лицензированный периметр. И здесь кроется риск: чрезмерно жесткие инфраструктурные ограничения — в первую очередь запрет вывода на некастодиальные кошельки — способны воспроизвести ровно ту ситуацию, с которой боролись, когда значительная часть операций остается вне досягаемости юрисдикции.

Четвертое. Позиция Конституционного Суда о защите криптовалюты как имущества независимо от декларирования требует законодательного отклика. Условие о судебной защите лишь задекларированных активов, на наш взгляд, следует заменить самостоятельной ответственностью за нарушение обязанности информирования — ответственностью, которая не перекрывала бы доступ к правосудию. Наказывать неисполнение фискальной обязанности лишением права на суд несоразмерно.

Пятое. Сопоставление с MiCA показывает, что Россия движется в общем русле мирового тренда — от запретов и выжидания к лицензированию и надзору. Но движется со своей спецификой: платежный запрет и депозитарная централизация. Каким окажется итог, зависит от того, удастся ли найти баланс между тремя конкурирующими целями — защитой финансовой стабильности и денежного суверенитета, обеспечением фискального и антиотмывочного контроля и созданием конкурентоспособной национальной инфраструктуры, способной удержать оборот в легальном поле. От качества этого баланса и будет зависеть, станет ли новый правовой режим работающим институтом развития рынка или останется преимущественно ограничительной рамкой, живущей параллельно фактическому обороту. Хотелось бы верить в первое — но ответ, как это часто бывает в праве, даст только практика.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Ефимова, Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права / Л. Г. Ефимова // Хозяйство и право. – 2019. – №

4. – С. 17–25.
3. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. – 2014. – № 11.
4. Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций / Банк России. – М., 2022. – 36 с.
5. Лаптев, В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав / В. А. Лаптев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 199–204.
6. Новоселова, Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.
7. Официальный отзыв Банка России и материалы обсуждения регулирования рынка цифровых валют. – URL: https://cbr.ru .
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П. – Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru .
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем...» (ред. от 26.02.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.
11. Проект федерального закона № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах». – Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: https://sozd.duma.gov.ru .
12. Рожкова, М. А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. – С. 3–12.
13. Савельев, А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.
14. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. – М. : 4 Принт, 2020. – 304 с.
15. Сидоренко, Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты / Э. Л. Сидоренко // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 147–154.
16. Федоров, Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д. В. Федоров // Вестник гражданского права. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 30–74.
17. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
19. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о легализации майнинга цифровой валюты) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33 (часть I). – Ст. 4936.
20. Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33 (часть I). – Ст. 4938.
21. Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 49.
22. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru .
23. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
24. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.
25. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
26. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–205.

The Legal Regime of Digital Financial Assets (DFAs) and Cryptocurrencies

Abdul-Kerim A. Yandiev

Master's Degree Holder,
Department of Constitutional Law
named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev,
Saratov State Law Academy,
410056, 104/1, Chernyshevskogo str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: yandiev9797@mail.ru

Abstract

The article examines how, over fifteen years, Russian law has gone from complete indifference to crypto-assets to an attempt to build a coherent system of rules for them. The author proceeds from the premise that the key to understanding the entire regulation is the distinction drawn by the legislator between two categories – digital financial assets and digital currency – which are outwardly similar but opposite in their legal construction. DFAs are treated as digital rights with an obligated person, circulating within a perimeter supervised by the Bank of Russia; digital currency is treated as a decentralized asset without an obligated person, ownership of which is permissible, while its use for settlements within the country is prohibited. Based on judicial practice (including the well-known bankruptcy case of 2018), doctrinal disputes about the nature of cryptocurrency, and the latest legislation of 2024–2026, the author shows that the property status of cryptocurrency was recognized gradually and "in parts" – first for bankruptcy, then for taxes, and finally for criminal proceedings – whereas a general civil law qualification has still not been given. The reform of the last two years is assessed separately: the legalization of mining, experimental regimes for cross-border settlements, tax rules, the recognition of cryptocurrency as property in the criminal sphere, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the draft law "On Digital Currency and Digital Rights". The author comes to the conclusion that the Russian model, for all its similarity to the European MiCA Regulation, retains two controversial features – a total payment prohibition and mandatory depositary centralization – and proposes specific amendments to the legislation.

For citation

Yandiev A.-K.A. (2026) Pravovoy rezhim tsifrovykh finansovykh aktivov (TsFA) i kriptovalyut [The Legal Regime of Digital Financial Assets (DFAs) and Cryptocurrencies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 110-121. DOI: 10.34670/AR.2026.43.32.011

Keywords

Digital financial assets, digital currency, cryptocurrency, digital rights, token, distributed ledger, mining, experimental legal regime, MiCA, legal regulation.

References

1. Bank of Russia. (2022). *Kriptovalyuty: trendy, riski, mery* [Cryptocurrencies: trends, risks, measures] (Report for public consultations).

2. Bank of Russia. (2014, January 27). Informatsiya Banka Rossii "Ob ispol'zovanii pri sovershenii sdelok 'virtual'nykh valyut', v chastnosti, Bitkoyn" [Bank of Russia Information "On the use of 'virtual currencies' in transactions, in particular, Bitcoin"]. *Vestnik Banka Rossii*, (11).
3. Bank of Russia. (n.d.). *Ofitsial'nyy otzyv Banka Rossii i materialy obsuzhdeniya regulirovaniya rynka tsifrovykh valyut* [Official opinion of the Bank of Russia and materials on the discussion of digital currency market regulation]. https://cbr.ru
4. Civil Code of the Russian Federation. Part One of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended in 2026). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (32), Art. 3301.
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2026, January 20). *Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20.01.2026 № 2-P* [Resolution No. 2-P]. http://pravo.gov.ru
6. Efimova, L. G. (2019). Kriptovalyuty kak ob"yekt grazhdanskogo prava [Cryptocurrencies as an object of civil law]. *Khozyaystvo i pravo*, (4), 17–25.
7. Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 "On Counteracting the Legalisation (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism". *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (33, part I), Art. 3418.
8. Federal Law No. 34-FZ of 18.03.2019 "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (12), Art. 1224.
9. Federal Law No. 259-FZ of 02.08.2019 "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (31), Art. 4418.
10. Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (31, part I), Art. 5018.
11. Federal Law No. 221-FZ of 08.08.2024 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (on the legalisation of digital currency mining). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (33, part I), Art. 4936.
12. Federal Law No. 223-FZ of 08.08.2024 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (on experimental legal regimes in the field of digital innovations in the financial market). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (33, part I), Art. 4938.
13. Federal Law No. 418-FZ of 29.11.2024 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (49).
14. Federal Law No. 38-FZ of 20.02.2026 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". http://pravo.gov.ru
15. Fedorov, D. V. (2018). Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproyektakh s pozitsii inostrannogo opyta [Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic draft laws from the perspective of foreign experience]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, *18*(2), 30–74.
16. Laptev, V. A. (2018). Tsifrovyye aktivy kak ob"yekty grazhdanskikh prav [Digital assets as objects of civil rights]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, (2), 199–204.
17. Novoselova, L. A. (2017). "Tokenizatsiya" ob"yektov grazhdanskogo prava ["Tokenisation" of civil law objects]. *Khozyaystvo i pravo*, (12), 29–44.
18. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2015, July 7). *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 07.07.2015 № 32 "O sudebnoy praktike po delam o legalizatsii (otmyvanii) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem..."* [Resolution No. 32 "On judicial practice in cases of legalisation (laundering) of money or other property acquired by criminal means..." (as amended on 26.02.2019)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, (9).
19. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA). (2023). *Official Journal of the European Union*, L 150, 40–205.
20. Rozhkova, M. A. (2020). Tsifrovyye prava (digital rights) – chto eto takoye i nuzhny li oni v Grazhdanskom kodekse? [Digital rights – what are they and are they needed in the Civil Code?]. *Khozyaystvo i pravo*, (10), 3–12.
21. Sannikova, L. V., & Kharitonova, Yu. S. (2020). *Tsifrovyye aktivy: pravovoy analiz* [Digital assets: legal analysis]. 4 Print.
22. Savelev, A. I. (2017). Kriptovalyuty v sisteme ob"yektov grazhdanskikh prav [Cryptocurrencies in the system of civil law objects]. *Zakon*, (8), 136–153.
23. Sidorenko, E. L. (2017). Kriminologicheskiye riski oborota kriptovalyuty [Criminological risks of cryptocurrency circulation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, *10*(6), 147–154.
24. State Duma of the Russian Federation. (2026) *Proyekt federal'nogo zakona № 1194918-8 "O tsifrovoy valyute i tsifrovykh pravakh"* [Draft Federal Law No. 1194918-8 "On Digital Currency and Digital Rights"]. https://sozd.duma.gov.ru
25. The Ninth Arbitration Court of Appeal. (2018, May 15). *Postanovleniye Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15.05.2018 № 09AP-16416/2018 po delu № A40-124668/2017* [Resolution No. 09AP-16416/2018 in Case No. A40-124668/2017]. ConsultantPlus.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 346.5 **DOI: 10.34670/AR.2026.80.63.012**

Актуальные проблемы и тенденции развития административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок

Фадеев Алексей Николаевич

Аспирант,
кафедра административного, финансового и информационного права,
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2/ 1;
e-mail: Fadeyatc@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуальных проблем и тенденций развития административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок в России. На основе анализа действующего законодательства (Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ в их актуальных редакциях), правоприменительной практики Федеральной антимонопольной службы и Верховного суда Российской Федерации, а также научных исследований по специальности 5.1.2, в работе выявляются системные проблемы контрактной системы: высокий уровень коррупциогенности, практика искусственного дробления закупок, недостаточность конкурентной среды, пробелы в цифровизации и импортозамещении. Определены ключевые тенденции: цифровая трансформация ЕИС, усиление принципа национального режима, расширение мониторинга и контроля. Обоснованы предложения по совершенствованию законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Фадеев А.Н. Актуальные проблемы и тенденции развития административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 122-135. DOI: 10.34670/AR.2026.80.63.012

Ключевые слова

Государственные закупки, муниципальные закупки, контрактная система, административно-правовое регулирование, Федеральный закон № 44-ФЗ, принципы контрактной системы, цифровизация, импортозамещение, дробление закупок, антимонопольный контроль.

Введение

Сфера государственных и муниципальных закупок занимает одно из ключевых мест в системе административно-правового регулирования публичного управления. Ежегодный совокупный объём закупок по законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ составляет порядка 30 трлн рублей, что сопоставимо с четвертью валового внутреннего продукта Российской Федерации [Казначейство России, www]. В 2024 году только по Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) было заключено 3,58 млн контрактов на общую сумму 11,98 трлн рублей [Ведомости, 2026]. Значимость данной сферы определяется не только экономическими показателями, но и её ролью как механизма реализации публичного интереса, инструмента государственного управления и направления антикоррупционной политики.

Вместе с тем действующая система публичных закупок сопряжена с рядом системных противоречий и правоприменительных проблем, решение которых требует как законодательного совершенствования, так и доктринального осмысления. Административно-правовая природа отношений в сфере публичных закупок неоднократно подчёркивалась в научной литературе [Кикавец, 2025; Андреева, 2019; Кабытов, 2021]. Государство, выступая в рассматриваемых отношениях как властный субъект, устанавливает обязательные процедуры, требования и стандарты, обеспечивает контроль их соблюдения через систему уполномоченных органов – прежде всего Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС России) и Федерального казначейства.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, динамичным обновлением законодательства: в период 2023–2026 гг. в Закон № 44-ФЗ внесены масштабные изменения федеральными законами № 318-ФЗ от 08.08.2024, № 124-ФЗ от 29.05.2024, № 360-ФЗ от 08.08.2024 [Федеральный закон № 124-ФЗ, 2024; Федеральный закон № 360-ФЗ, 2024], что требует правовой оценки новелл. Во-вторых, сохраняющимся высоким уровнем нарушений: в 2024 году ФАС России поступило 39 201 жалобы от участников закупок, из которых 39,8 % признаны обоснованными [ФАС России, 2025]. В-третьих, усилением тенденций цифровой трансформации и импортозамещения, формирующих новую правовую реальность в рассматриваемой сфере.

Цель настоящей работы – выявить актуальные проблемы административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок и определить ключевые тенденции его развития по состоянию на июнь 2026 года. Для её достижения поставлены следующие задачи: проанализировать систему источников административно-правового регулирования публичных закупок; исследовать правоприменительную практику контрольных органов и судов; выявить системные проблемы функционирования контрактной системы; определить ведущие тенденции её развития.

Система административно-правового регулирования государственных и муниципальных закупок

Административно-правовое регулирование в сфере государственных и муниципальных закупок представляет собой совокупность правовых норм, определяющих порядок осуществления закупочной деятельности государственными и муниципальными заказчиками,

устанавливающих требования к участникам закупок, регламентирующих процедуры контроля и ответственность за нарушения. Данная сфера является комплексной по своей правовой природе: её регулирование осуществляется одновременно нормами административного, финансового, гражданского и антимонопольного права [Кабытов, 2021].

Конституционно-правовую основу системы публичных закупок составляют положения Конституции Российской Федерации 1993 года об обеспечении единства экономического пространства (ст. 8), о разграничении полномочий между органами государственной власти (ст. 71, 72), о гарантиях местного самоуправления (ст. 130–133). Ключевым элементом нормативно-правовой базы является Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который в актуальной редакции на 01.01.2026 претерпел кардинальное обновление [Федеральный закон № 44-ФЗ, 2013/2026]. Закон устанавливает систему принципов контрактной системы: открытость и прозрачность информации, обеспечение конкуренции, профессионализм заказчиков, стимулирование инноваций, единство контрактной системы, ответственность за результативность и эффективность осуществления закупок (ст. 6 Закона № 44-ФЗ) [Федеральный закон № 44-ФЗ, 2013/2026].

Параллельно действует Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ), сфера применения которого охватывает государственные корпорации, государственные компании, субъекты естественных монополий, автономные учреждения и ряд иных хозяйствующих субъектов с государственным участием [Федеральный закон № 223-ФЗ, 2011/2024]. Законом № 318-ФЗ от 08.08.2024 в оба базовых закона внесены согласованные изменения, направленные на унификацию инструментов национального режима в государственных и корпоративных закупках [Федеральный закон № 318-ФЗ, 2024].

Наряду с федеральными законами правовую основу системы образуют многочисленные подзаконные нормативные правовые акты. В частности, постановлением Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» установлен единый механизм применения изъятий из национального режима, предусматривающий запреты, ограничения и преимущества для российских товаров, работ и услуг [Постановление Правительства РФ № 1875, 2024]. Существенную роль в правовом регулировании играют акты ФАС России, Минфина России и Федерального казначейства, а также складывающаяся судебная и административная практика.

В научной литературе сложился ряд подходов к определению административно-правовой природы закупочных отношений. В.В. Кикавец в серии монографических работ, включая фундаментальный труд «Финансово-правовое регулирование публичных закупок в Российской Федерации» (2025), обосновывает, что публичные закупки подлежат регулированию нормами финансового и административного права одновременно, являясь инструментом расходования публичных фондов денежных средств [Кикавец, 2025]. Л.В. Андреева в монографии «Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию» исследует государственные закупки как модель контрактной системы, обосновывая ведущую роль публично-правовых начал в их регулировании [Андреева, 2019]. П.П. Кабытов в диссертационном исследовании «Административно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд» (2021) доказывает административно-правовую природу отношений, складывающихся при проведении закупок [Кабытов, 2021].

Актуальные проблемы административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок

Проблема коррупциогенности и нарушений законности

Наиболее острой системной проблемой контрактной системы остаётся её высокая коррупциогенность. Согласно данным ФАС России за 2024 год, служба получила 39 201 жалобу от участников закупочных процедур – снижение на 27,3 % по сравнению с 2023 годом. Вместе с тем из 31 769 обращений, рассмотренных по существу, обоснованными (в том числе частично) признаны 12 659 (39,8 %); по итогам рассмотренных жалоб выявлено 3 793 нарушения, чаще всего связанных с размещением информации в ЕИС, порядком отбора участников закупок и предъявляемыми к ним требованиями [ФАС России, 2025; ЭКСТА Груп, 2025]. В рамках контрольных мероприятий служба проверила 33 917 процедур определения поставщика, выявив нарушения в 52 % случаев (17 637 случаев) [Интерфакс, 2025].

Коррупционные нарушения могут иметь место на любом этапе закупочного процесса: при планировании, при определении поставщиков, при заключении контрактов и при их исполнении. В научной литературе выделяются типичные коррупциогенные факторы: установление необоснованно коротких сроков исполнения контракта, неконкурентное ценообразование, толкование критериев оценки заявок в пользу заинтересованных лиц [Шатская, Малешина, 2025]. Особого внимания заслуживает практика конфликта интересов: победителями торгов нередко признаются участники, связанные с представителями заказчика родственными или иными близкими отношениями, что прямо противоречит требованиям ст. 17 Закона № 44-ФЗ.

По данным прокуратуры, только в Черноземье за год надзорные органы предъявили свыше 2 700 исков по делам о государственных закупках, оспорив сделки с единственным поставщиком на 650 млн рублей [РБК, 2026]. Во всех регионах типичными нарушениями названы: искусственное дробление закупок, заключение соглашений с недобросовестными подрядчиками, ошибки при расчёте начальной цены, включение в технические задания условий, ограничивающих конкуренцию [РБК, 2026].

Проблема искусственного дробления закупок

Одной из наиболее распространённых правовых патологий в сфере государственных закупок является практика искусственного дробления – разделения единой потребности на несколько контрактов с единственным поставщиком до 600 тыс. рублей (по п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ) с целью ухода от конкурентных процедур. Данная практика квалифицируется судами как нарушение законодательства, влекущее ничтожность заключённых контрактов. В 2026 году суды трёх инстанций подтвердили: искусственное дробление закупки для обхода конкурентных процедур признаётся нарушением закона, а все заключённые в рамках подобной схемы контракты – ничтожными [FinExpert.pro, 2026]. Вместе с тем с 1 января 2026 года в Законе № 44-ФЗ прямо закреплена возможность для заказчика заключать несколько контрактов с единственным поставщиком на однородные товары по п.п. 4, 5, 28 ч. 1 ст. 93 при условии соблюдения годового объёма и требований к цене, что потребует выработки чётких критериев разграничения законного и незаконного дробления [PRO-ABILITY, 2026].

Судебная практика определила ключевые критерии квалификации дробления как противоправного: единая цель закупки, функциональная и экономическая связность отдельных лотов, отсутствие объективных причин для раздельного удовлетворения потребности [FinExpert.pro, 2026]. В обзоре правоприменительной практики ФАС России по жалобам за июнь–август 2025 года было рассмотрено 19 резонансных ситуаций, среди которых особое место занимают споры о правомерности объединения разнородных объектов в один лот и об описании закупок в нарушение принципа конкурентности [ГКУ «Центр госзакупок Сахалинской области», 2025].

Проблема обеспечения конкурентной среды

Принцип обеспечения конкуренции, закреплённый в ст. 6 Закона № 44-ФЗ, на практике наталкивается на многочисленные препятствия [Федеральный закон № 44-ФЗ, 2013/2026; ГКГЗ.РУ, 2025]. Обзор судебной практики ФАС России за I квартал 2025 года демонстрирует системность проблем: недопустимость объединения разнородных объектов закупки в один лот (поскольку это ограничивает круг потенциальных участников); запрет на указание характеристик, соответствующих продукции только одного производителя; незаконное заключение контракта с единственным исполнителем при отсутствии предусмотренных законом оснований [ГКГЗ.РУ, 2025]. Верховный Суд РФ в Определении № 305-ЭС24-21626 (ноябрь 2024 года) подтвердил, что победитель тендера не вправе отказаться от заключения контракта после победы в торгах [FinExpert.pro, www].

Существенной проблемой остаётся низкий уровень конкуренции в ряде сегментов рынка закупок. По данным ЕИС, во II квартале 2025 года число несостоявшихся закупок выросло на 10,6 % и достигло 720,8 тысячи, при этом их стоимостной объём увеличился на 31,6 % – до 4 трлн рублей [Интерфакс, 2025]. Действительно не состоявшимися (то есть не завершившимися подписанием контракта) оказались лишь 198,5 тысячи закупок на 935,6 млрд рублей [Интерфакс, 2025]. Причины низкой конкуренции многообразны: избыточные квалификационные требования, ограничительные технические задания, территориальная концентрация поставщиков, барьеры для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Проблема качества нормативного регулирования

Нестабильность нормативно-правовой базы является самостоятельной проблемой административно-правового регулирования публичных закупок. За период 2013–2026 гг. в Закон № 44-ФЗ внесены десятки изменений, что существенно затрудняет правоприменение и повышает транзакционные издержки участников закупок. И.И. Шатская и Л.М. Малешина, анализируя нормативно-правовое регулирование системы государственных закупок, указывают на сложность структуры закупочного законодательства, обилие отсылочных норм и неоднозначность ряда ключевых понятий [Шатская, Малешина, 2025]. Указанная нестабильность порождает неопределённость в правоприменении и создаёт благоприятную почву для злоупотреблений.

В научной литературе фиксируется и проблема качества реализации административно-правового контроля в сфере закупок. Ведомственные надзорные органы, в первую очередь ФАС России и Федеральное казначейство, обладают широкими полномочиями, однако их деятельность не лишена внутренних противоречий. С 21 июня 2025 года территориальные подразделения ФАС России начали направлять увеличенное число жалоб и обращений в центральный аппарат ведомства в случаях, связанных с нарушениями Закона № 44-ФЗ [FinExpert.pro, www]. Это свидетельствует о стремлении обеспечить единообразие правоприменительной практики, однако одновременно указывает на наличие расхождений

между позициями региональных и центрального аппаратов.

Проблема недобросовестного исполнения контрактов

Существенной проблемой остаётся исполнение заключённых контрактов. По данным ФАС России за 2024 год, из 30 808 заявлений о включении участников закупок в реестр недобросовестных поставщиков (РНП) 15 244 (49,4 %) были признаны обоснованными, причём большинство связано с односторонним расторжением контракта (13 537 случаев); по состоянию на конец I квартала 2025 года в РНП числилось 27 562 записи, при этом 89 % из них обусловлено расторжением контрактов ввиду неисполнения обязательств [Эксперты Финансового университета, 2025; ФАС России, 2025]. Согласно ст. 94 Закона № 44-ФЗ, обеспечение надлежащего исполнения контрактов является одной из ключевых функций контрактной системы, однако действующие механизмы оказываются недостаточно эффективными.

Верховный Суд РФ неоднократно формулировал принципиально важные правовые позиции в области исполнения государственных контрактов. В частности, Судом подтверждено право заказчика взыскивать одновременно пени и штраф при расторжении контракта в случае неисполнения поставщиком обязательств [FinExpert.pro, www]. Судами также подтверждено, что факт наличия вступившего в законную силу судебного акта, установившего существенные нарушения условий договора по Закону № 223-ФЗ, является достаточным основанием для включения организации в РНП [FinExpert.pro, www]. Данные правовые позиции формируют базу для совершенствования механизмов защиты публичного интереса при исполнении контрактов.

Тенденции развития административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок

Цифровая трансформация контрактной системы

Важнейшей тенденцией современного этапа развития системы публичных закупок является их последовательная цифровизация, реализуемая посредством развития Государственной информационной системы «Единая информационная система в сфере закупок» (ГИС ЕИС). Данная тенденция получила нормативное закрепление в Законе № 44-ФЗ и приобрела новое содержание в связи с вступлением в силу с 1 января 2025 года обновлённой версии ГИС ЕИС 15.0 [Казначейство России, 2025]. Система интегрирована более чем с 200 государственными информационными системами, в том числе с системами Генеральной прокуратуры РФ, ФНС России, «Электронный бюджет». Ежегодно в ней формируется свыше 70 млн юридически значимых электронных документов [Казначейство России, 2025].

Ключевым направлением цифровой трансформации в 2025–2026 гг. стал переход к цифровой контрактации. С 1 января 2025 года заказчики получили право заключать цифровые контракты с единственным поставщиком; с 1 апреля 2025 года это стало обязанностью по ряду оснований (п.п. 2, 6, 6.1, 11, 12, 54, 55 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ); с 1 июля 2025 года – по основаниям п.п. 24 и 25 ст. 93 [18; 25]. Все изменения и расторжения контрактов с 1 апреля 2025 года оформляются исключительно через ЕИС, что обеспечивает непрерывность цифрового следа в жизненном цикле контракта [Proconsult, 2026]. С 1 июля 2025 года заказчики обязаны указывать в каждом контракте информацию о казначейском сопровождении [Proconsult, 2026].

К.И. Федченко, анализируя цифровизацию как основную тенденцию совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы, указывает, что она не только повышает прозрачность, но и существенно затрудняет возможность совершения

коррупционных преступлений и картельных сговоров посредством автоматизации процессов планирования, размещения заявок и контроля [Федченко, 2022]. В научном дискурсе активно обсуждается применение технологий искусственного интеллекта для анализа закупок, в том числе для автоматизированной категоризации, ценового анализа и риск-мониторинга [Смирнова и др., 2023; Каранатова, 2020]. По оценкам, внедрение ИИ позволит сократить время обработки данных на 160 рабочих дней, а также повысить точность категоризации проведённых закупок с 70 до 90 % [Смирнова и др., 2023].

Параллельно осуществляется масштабный проект импортозамещения самой ГИС ЕИС: трёхлетний проект перехода на российские СУБД (PostgreSQL-совместимые системы) стартовал в 2024 году, за год удалось перевести на российскую систему Postgres Pro до 30 % информации; работа продолжается весь 2025 год и до середины 2026 года – это перевод двух петабайт данных из 150 отдельных реестров [Цифровые Закупки, 2025]. Указ Президента РФ № 166 устанавливает жёсткие сроки импортозамещения: с 1 января 2025 года на объектах критической информационной инфраструктуры запрещено иностранное программное обеспечение и операционные системы, а переход на отечественные СУБД должен завершиться к январю 2026 года [Указ Президента РФ № 166, 2022].

Усиление принципа национального режима

Второй ключевой тенденцией является последовательное расширение и укрепление инструментов национального режима в сфере публичных закупок как составной части политики импортозамещения. Принятый Федеральный закон № 318-ФЗ от 08.08.2024 внёс согласованные изменения в оба базовых закона о закупках, устанавливая единые правила применения национального режима [Федеральный закон № 318-ФЗ, 2024]. В соответствии с новым регулированием, вступившим в силу с 1 января 2025 года, вместо «условий допуска иностранных товаров к участию в закупках» вводится понятие «преимущество в отношении российских ТРУ»; преимущество предоставляется в том числе при закупках «с полки» по ч. 12 ст. 93 Закона № 44-ФЗ; при установлении запрета на иностранные товары замена российского товара на иностранный при исполнении контракта не допускается [Федеральный закон № 318-ФЗ, 2024].

По данным Минфина России, в 2024 году объём российских товаров, работ и услуг при исполнении контрактов по Закону № 44-ФЗ составил 2 трлн рублей, то есть 62,5 % от стоимостного объёма всех поставляемых товаров; по 65 группам квотируемых товаров из 319,8 млрд рублей заказчики потратили на российскую продукцию 169,4 млрд рублей [Коммерсантъ, 2025]. Объём ИКТ-закупок госзаказчиков и госкомпаний в 2024 году превысил 1 трлн рублей [Интерфакс, 2025]. Количество тендеров на госзакупки системного и офисного программного обеспечения за девять месяцев 2024 года достигло 805, что на 45 % больше, чем годом ранее [CNews, 2024].

Дебюрократизация и повышение гибкости закупочных процедур

Третьей тенденцией, отчётливо проявившейся в изменениях Закона № 44-ФЗ 2024–2026 годов, является дебюрократизация и повышение гибкости закупочных процедур. С 1 января 2026 года отменено ограничение по годовому объёму запроса котировок: заказчики более не связаны лимитом в 20 % от совокупного годового объёма закупок, что существенно расширяет их возможности при небольших объёмах [PRO-ABILITY, 2026]. Антидемпинговые меры теперь применяются только при условии, что заказчик изначально установил в извещении требование об обеспечении исполнения контракта – это снижает неопределённость для участников и устраняет нежелательные финансовые сюрпризы [PRO-ABILITY, 2026].

Упрощён порядок подтверждения соответствия единым требованиям: с 1 января 2026 года участники закупок вправе не прикладывать к заявкам документы, если соответствующая информация содержится в общедоступных государственных реестрах, – достаточно представить декларацию со ссылками на такие реестры [PRO-ABILITY, 2026]. Расширены основания для изменения существенных условий контракта: добавлены новые случаи, в том числе применительно к работам по благоустройству (с допустимым изменением цены до 10 %) и к строительному контролю [PRO-ABILITY, 2026]. Данные изменения соответствуют выявленной в научной литературе тенденции «трансформации принципов контрактной системы» от формальной процедурной прозрачности к обеспечению реальной эффективности [ГКГЗ.РУ, 2025].

Расширение контрольно-надзорной деятельности

Четвёртой тенденцией является расширение и усиление контрольно-надзорной деятельности в сфере закупок. ФАС России последовательно наращивает инструментарий контроля, включая проактивный мониторинг посредством ГИС ЕИС. Модуль «Риск-мониторинг» ГИС ЕИС обеспечивает автоматизированное выявление признаков и рисков нарушений, позволяя осуществлять аналитический надзор в режиме реального времени [Казначейство России, 2025]. Возбуждено 26 403 дела об административных правонарушениях в сфере закупок по итогам 2024 года, вынесено 7 831 постановление о штрафах на сумму почти 193 млн рублей, взыскано более 125 млн рублей [ЭКСТА Груп, 2025].

Прокурорский надзор занимает всё более активную позицию в сфере государственных закупок. Н.С. Козлова анализирует практику прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере закупок, указывая на системность выявляемых нарушений и необходимость совершенствования механизмов взаимодействия между надзорными органами [Козлова, 2024; Козлова, 2025]. Прокуратуры субъектов РФ активно используют инструменты исковой давности для признания незаконных сделок ничтожными и взыскания ущерба с нарушителей. По данным прокуратур Черноземья, типичными нарушениями названы: конфликт интересов, хищение бюджетных средств, подложные банковские гарантии и квалификационные документы [РБК, 2026].

Направления совершенствования административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок

На основании проведённого анализа представляется возможным сформулировать ряд предложений по совершенствованию административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок.

Во-первых, необходима законодательная конкретизация критериев разграничения законного использования закупок у единственного поставщика и незаконного дробления закупок. С учётом легализации с 1 января 2026 года дробления закупок при соблюдении определённых условий [PRO-ABILITY, 2026], следует на уровне постановления Правительства РФ либо методических разъяснений ФАС России установить исчерпывающие критерии добросовестного использования данного механизма, включая требования об обязательном документировании экономического обоснования раздельного удовлетворения потребности.

Во-вторых, требует законодательного решения проблема унификации понятийного аппарата публичных закупок. В научной литературе отмечается, что само понятие «публичные

закупки» охватывает несколько нормативно закреплённых понятий – «государственные закупки», «муниципальные закупки», «корпоративные закупки», – что порождает терминологическую неопределённость и затрудняет системное правоприменение [Кикавец, 2025; Андреева, 2019]. Принятие единого закона о публичных закупках, охватывающего весь соответствующий сегмент публичных расходов, позволило бы устранить указанную неопределённость.

В-третьих, целесообразно расширить полномочия контрактных управляющих и контрактных служб заказчиков в части проверки добросовестности участников закупок, введя обязательный мониторинг взаимосвязанности лиц на стадии планирования закупок и формирования документации. Это могло бы существенно снизить риск конфликта интересов ещё до стадии размещения извещения. Н.А. Мамедова и соавторы в учебнике «Управление государственными и муниципальными закупками» указывают на значимость профессионализации заказчиков как одного из направлений повышения эффективности контрактной системы [Мамедова и др., 2024].

В-четвёртых, требует развития нормативная база применения искусственного интеллекта в сфере публичных закупок. Как справедливо отмечается в работах Каранатовой Л.Г., а также в исследованиях учёных НИУ ВШЭ, отсутствие соответствующего нормативного регулирования существенно ограничивает дальнейшую цифровизацию государственных закупок, в том числе применение технологий ИИ [Публикации ВШЭ, www; Мариничева, 2021]. Разработка специального правового регулирования применения ИИ-технологий в закупочной деятельности является необходимым условием реализации потенциала цифровой трансформации.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Административно-правовое регулирование в сфере государственных и муниципальных закупок на современном этапе характеризуется, с одной стороны, масштабным законодательным обновлением и цифровой трансформацией, а с другой – устойчивостью ряда системных проблем, преодоление которых требует комплексных правовых решений.

Среди актуальных проблем выделяются: высокий уровень коррупциогенности и нарушений законности (по данным ФАС России за 2024 год – 39 201 жалоба, из которых 39,8 % признаны обоснованными); практика искусственного дробления закупок, получившая нормативную легализацию с 1 января 2026 года при сохранении риска злоупотреблений; недостаточный уровень конкурентности (рост несостоявшихся закупок во II квартале 2025 года на 10,6 %); нестабильность нормативно-правовой базы; слабый контроль качества при приёмке товаров, работ и услуг.

Ключевыми тенденциями развития административно-правового регулирования являются: цифровая трансформация ЕИС и переход к полностью цифровой модели управления контрактами; усиление принципа национального режима как инструмента импортозамещения; дебюрократизация и расширение гибкости закупочных процедур; расширение контрольно-надзорной деятельности ФАС России и прокуратуры. Совокупность данных тенденций свидетельствует о постепенном смещении акцентов правового регулирования от формальной процедурной прозрачности к обеспечению реальной эффективности публичных расходов и защите конкурентной среды.

Предложенные направления совершенствования законодательства – конкретизация

критериев законного дробления закупок, унификация понятийного аппарата, усиление профессионализма заказчиков, нормативное регулирование применения ИИ – призваны содействовать дальнейшему развитию административно-правового регулирования в данной сфере в интересах обеспечения эффективного и прозрачного расходования публичных фондов.

Библиография

1. Андреева Л.В. Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию. М.: МГЮА, 2019.
2. Ведомости. Дешёвая закупка или дорогой контракт: почему экономия в госзаказе не всегда означает эффективность. 09.06.2026. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/06/10.
3. Интерфакс. В России во II квартале объём госзакупок вырос на 23 % до 6,74 трлн рублей. 30.07.2025. URL: https://www.interfax.ru/russia/1038940.
4. Интерфакс. Объём ИКТ-закупок госзаказчиков и госкомпаний в 2024 году превысил 1 трлн рублей. 10.02.2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1007410.
5. Интерфакс. ФАС выявила в 2024 г. 17,6 тыс. нарушений в сфере закупок. 23.01.2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1004549.
6. Кабытов П.П. Административно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М.: ИЗиСП, 2021. 208 с.
7. Казначейство России. Единая информационная система в сфере закупок (ГИС ЕИС). URL: https://zakupki.gov.ru.
8. Казначейство России. Новации в ЕИС: цифровая контрактация и новые обязанности заказчиков. Выступление на XX Всероссийском Форуме-выставке «ГОСЗАКАЗ». 2025. URL: https://gkgz.ru/novatsii-v-eis.
9. Каранатова Л.Г. Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам // Административное консультирование. 2020. URL: https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1328.
10. Кикавец В.В. Финансово-правовое регулирование публичных закупок в Российской Федерации. М., 2025. 605 с.
11. Козлова Н.С. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере закупок // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 212-214.
12. Козлова Н.С. Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках на этапе исполнения контрактов // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 92-95.
13. Коммерсантъ. Госкомпании протолкались к прилавку. 01.06.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7774029.
14. Мамедова Н.А., Байкова А.Н., Морозова О.Н. Управление государственными и муниципальными закупками: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 291 с. ISBN 978-5-534-17858-6.
15. Мариничева А.Ю. Практика прокурорского надзора за соблюдением прав участников контрактного процесса на своевременную оплату заказчиками обязательств по исполненным публичным контрактам // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 106-109.
16. Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2024.
17. Публикации ВШЭ. Реформа системы госзакупок и практика отбора поставщиков. URL: https://publications.hse.ru/chapters/150351438.
18. РБК. Свыше 2,7 тыс. исков предъявили прокуроры Черноземья по госзакупкам. 09.06.2026. URL: https://chr.rbc.ru/chr/freenews/6a29501f9a79472c72738036.
19. Смирнова И. (и соавт.). Возможности искусственного интеллекта на этапе планирования государственных закупок // Управленческий учёт. 2023. DOI: 10.24182/2073-9826-2023.
20. Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2253.
21. ФАС России. Итоги контрольной деятельности в сфере закупок за 2024 год. URL: https://fas.gov.ru/news/33751.
22. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
23. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30. Ст. 4571.
24. Федеральный закон от 29.05.2024 № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О контрактной

системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"» // Российская газета. 2024. 3 июня.
25. Федеральный закон от 08.08.2024 № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024.
26. Федеральный закон от 08.08.2024 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024.
27. Федченко К.И. Цифровизация как основная тенденция совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 28-33.
28. Цифровые Закупки. ЕИС как технологическая платформа закупок. 28.06.2025. URL: https://www.zakupki-digital.ru/goszakaz.
29. Шатская И.И., Малешина Л.М. Нормативно-правовое регулирование системы государственных закупок // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 183-186.
30. ЭКСТА Груп. Итоги работы ФАС России за 2024 год: контроль в сфере закупок и административная практика. 02.05.2025. URL: https://extagroup.ru/itogi-rabotyi-fas-rossii-za-2024-god.
31. CNews. Количество госзакупок российского ПО выросло в 2024 г. 17.10.2024. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-10-17.
32. FinExpert.pro. Аналитический обзор закупочного законодательства и практики. URL: https://finexpert.pro.
33. FinExpert.pro. Суд признал дробление закупки незаконным: разбор дела и ключевые выводы. 22.03.2026. URL: https://finexpert.pro/stati/1796.
34. GKGZ.RU. Обзор судебной практики ФАС России в сфере государственных закупок за I квартал 2025 года. 22.05.2025. URL: https://gkgz.ru/obzor-sudebnoj-praktiki-fas-rossii.
35. ГКУ «Центр государственных закупок Сахалинской области». 19 ситуаций от ЦА ФАС: что изменилось в правоприменительной практике госзакупок летом 2025 года. 26.08.2025. URL: https://gkgz.ru/16-situatsij-ot-tsa-fas.
36. PRO-ABILITY. Изменения в 44-ФЗ 2026 года: полный анализ для заказчиков и участников. 26.01.2026. URL: https://www.pro-ability.ru/tpost/j2x7xk1jh1.
37. Proconsult. Какие изменения ждут пользователей ЕИС в 2025 году и что важно знать заранее. 01.02.2026. URL: https://proconsult.ru/blog/kakie-izmenenija-zhdut-polzovatelej-eis-v-2025-godu.

Current Problems and Development Trends of Administrative and Legal Regulation in the Sphere of State and Municipal Procurement

Aleksei N. Fadeev

Postgraduate Student,
Department of Administrative, Financial and Information Law,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2/1, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Fadeyatc@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of current problems and development trends of administrative and legal regulation in the sphere of state and municipal procurement in Russia. Based on the analysis of current legislation (Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 and Federal Law No. 223-FZ of 18.07.2011 in their current editions), the law enforcement practice of the Federal Antimonopoly Service and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as scientific research in specialty 5.1.2, the work identifies systemic problems of the contract system: a high level of corruption potential, the practice of artificial splitting of procurement, insufficient competitive environment, gaps in digitalization and import substitution. Key trends are identified: the digital transformation

of the Unified Information System, the strengthening of the national regime principle, and the expansion of monitoring and control. Proposals for improving legislation are substantiated.

For citation

Fadeev A.N. (2026) Aktual'nye problemy i tendentsii razvitiya administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [Current Problems and Development Trends of Administrative and Legal Regulation in the Sphere of State and Municipal Procurement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 122-135. DOI: 10.34670/AR.2026.80.63.012

Keywords

State procurement, municipal procurement, contract system, administrative and legal regulation, Federal Law No. 44-FZ, principles of the contract system, digitalization, import substitution, splitting of procurement, antimonopoly control.

References

1. Andreeva L.V. (2019). Gosudarstvennyye zakupki v Rossii: pravovoye regulirovaniye i mery po yego sovershenstvovaniyu [Public Procurement in Russia: Legal Regulation and Measures for Its Improvement]. Moscow: MGYuA.
2. CNews (2024). Kolichestvo goszakupok rossiyskogo PO vyroslo v 2024 g. [The number of government purchases of Russian software grew in 2024]. 17.10.2024. Available at: https://www.cnews.ru/news/top/2024-10-17.
3. Eksta Grup (2025). Itogi raboty FAS Rossii za 2024 god: kontrol' v sfere zakupok i administrativnaya praktika [Results of the FAS Russia for 2024: control in procurement and administrative practice]. 02.05.2025. Available at: https://extagroup.ru/itogi-rabotyi-fas-rossii-za-2024-god.
4. FAS Russia (2025). Itogi kontrol'noy deyatel'nosti v sfere zakupok za 2024 god [Results of control activities in procurement for 2024]. Available at: https://fas.gov.ru/news/33751.
5. Fedchenko K.I. (2022). Tsifrovizatsiya kak osnovnaya tendentsiya sovershenstvovaniya finansovo-pravovogo regulirovaniya kontraktnoy sistemy zakupok tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh nuzhd [Digitalization as the main trend in improving the financial and legal regulation of the contract system for procurement of goods, works and services for state needs]. Yuridicheskaya nauka [Legal Science], (9), pp. 28-33.
6. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 "On the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs" (as amended of 28.12.2025, effective as of 01.01.2026). Collected Legislation of the Russian Federation, 2013, No. 14, Art. 1652.
7. Federal Law No. 223-FZ of 18.07.2011 "On procurement of goods, works, services by certain types of legal entities" (as amended of 08.08.2024). Collected Legislation of the Russian Federation, 2011, No. 30, Art. 4571.
8. Federal Law No. 124-FZ of 29.05.2024 "On amendments to the Federal Law 'On the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs'". Rossiyskaya Gazeta, 2024, June 3.
9. Federal Law No. 318-FZ of 08.08.2024 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and invalidation of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, 2024.
10. Federal Law No. 360-FZ of 08.08.2024 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, 2024.
11. FinExpert.pro (2026) Analiticheskiy obzor zakupochnogo zakonodatel'stva i praktiki [Analytical review of procurement legislation and practice]. Available at: https://finexpert.pro.
12. FinExpert.pro (2026) Sud priznal drobleniye zakupki nezakonnym: razbor dela i klyuchevyye vyvody [The court recognized procurement fragmentation as illegal: case analysis and key conclusions]. 22.03.2026. Available at: https://finexpert.pro/stati/1796.
13. GKGZ.RU (2025). Obzor sudebnoy praktiki FAS Rossii v sfere gosudarstvennykh zakupok za I kvartal 2025 goda [Review of judicial practice of the FAS Russia in public procurement for the 1st quarter of 2025]. 22.05.2025. Available at: https://gkgz.ru/obzor-sudebnoj-praktiki-fas-rossii.
14. Government Decree No. 1875 of 23.12.2024 "On measures to provide a national regime in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs, procurement of goods, works, services by certain types of legal entities". Collected Legislation of the Russian Federation, 2024.
15. Interfax (2025). FAS vyyavila v 2024 g. 17,6 tys. narusheniy v sfere zakupok [FAS identified 17.6 thousand violations

in procurement in 2024]. 23.01.2025. Available at: https://www.interfax.ru/business/1004549.
16. Interfax (2025). Obyom IKT-zakupok goszakazchikov i goskompaniy v 2024 godu prevysil 1 trln rubley [The volume of ICT procurement by state customers and state companies exceeded 1 trillion rubles in 2024]. 10.02.2025. Available at: https://www.interfax.ru/business/1007410.
17. Interfax (2025). V Rossii vo II kvartale obyom goszakupok vyros na 23 % do 6,74 trln rubley [In Russia, in the 2nd quarter, the volume of public procurement increased by 23% to 6.74 trillion rubles]. 30.07.2025. Available at: https://www.interfax.ru/russia/1038940.
18. Kabykov P.P. (2021). Administrativno-pravovoye regulirovaniye kontraktnoy sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Administrative and legal regulation of the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs]. PhD thesis. Moscow: IZiSP.
19. Karanatova L.G. (2020). Innovatsionnoye razvitiye kontraktnoy sistemy: perekhod k umnym zakupkam [Innovative development of the contract system: transition to smart procurement]. Administrativnoye konsul'tirovaniye [Administrative Consulting]. Available at: https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1328.
20. Kikavets V.V. (2025). Finansovo-pravovoye regulirovaniye publichnykh zakupok v Rossiyskoy Federatsii [Financial and legal regulation of public procurement in the Russian Federation]. Moscow.
21. Kozlova N.S. (2024). Otdel'nyye aspekty prokurorskogo nadzora za ispolneniyem zakonodatel'stva o protivodeystvii korruptsii v sfere zakupok [Certain aspects of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation in procurement]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice], (10(238)), pp. 212-214.
22. Kozlova N.S. (2025). Praktika prokurorskogo nadzora za ispolneniyem zakonodatel'stva o zakupkakh na etape ispolneniya kontraktov [Practice of prosecutorial supervision over the implementation of procurement legislation at the stage of contract execution]. Gosudarstvennaya sluzhba i kadry [Civil Service and Personnel], (3), pp. 92-95.
23. Mamedova N.A., Baykova A.N., Morozova O.N. (2024). Upravleniye gosudarstvennymi i munitsipal'nymi zakupkami [Management of State and Municipal Procurement]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
24. Marinicheva A.Yu. (2021). Praktika prokurorskogo nadzora za soblyudeniyem prav uchastnikov kontraktnogo protsessa na svoyevremennuyu oplate zakazchikami obyazatel'stv po ispolnennym publichnym kontraktam [Practice of prosecutorial supervision over observance of the rights of participants in the contract process to timely payment by customers of obligations under executed public contracts]. Ugolovnaya yustitsiya [Criminal Justice], (18), pp. 106-109.
25. Presidential Decree No. 166 of 30.03.2022 "On measures to ensure technological independence and security of critical information infrastructure of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, 2022, No. 14, Art. 2253.
26. PRO-ABILITY (2026) Izmeneniya v 44-FZ 2026 goda: polnyy analiz dlya zakazchikov i uchastnikov [Changes in 44-FZ 2026: full analysis for customers and participants]. 26.01.2026. Available at: https://www.pro-ability.ru/tpost/j2x7xk1jh1.
27. Proconsult (2026) Kakie izmeneniya zhdut pol'zovateley EIS v 2025 godu i chto vazhno znat' zaraneye [What changes await EIS users in 2025 and what is important to know in advance]. 01.02.2026. Available at: https://proconsult.ru/blog/kakie-izmenenija-zhdut-polzovatelej-eis-v-2025-godu.
28. Publications of HSE (n.d.). Reforma sistemy goszakupok i praktika otbora postavshchikov [Reform of the public procurement system and practice of supplier selection]. Available at: https://publications.hse.ru/chapters/150351438.
29. RBC (2026) Svyshe 2,7 tys. iskov pred"yavili prokurory Chernozem'ya po goszakupkam [More than 2.7 thousand claims were filed by prosecutors of the Chernozemye region on public procurement]. 09.06.2026. Available at: https://chr.rbc.ru/chr/freenews/6a29501f9a79472c72738036.
30. Russian Treasury (n.d.). Edinaya informatsionnaya sistema v sfere zakupok (GIS EIS) [Unified Information System in Procurement]. Available at: https://zakupki.gov.ru.
31. Russian Treasury (2025). Novatsii v EIS: tsifrovaya kontraktatsiya i novyye obyazannosti zakazchikov [Innovations in the EIS: digital contracting and new responsibilities of customers]. Speech at the XX All-Russian Forum-Exhibition "GOSZAKAZ". Available at: https://gkgz.ru/novatsii-v-eis.
32. Sakhalin Region State Institution "Center for Public Procurement" (2025). 19 situatsiy ot TsA FAS: chto izmenilos' v pravoprimenitel'noy praktike goszakupok letom 2025 goda [19 situations from the Central Office of the FAS: what has changed in the law enforcement practice of public procurement in the summer of 2025]. 26.08.2025. Available at: https://gkgz.ru/16-situatsij-ot-tsa-fas.
33. Shatskaya I.I., Maleshina L.M. (2025). Normativno-pravovoye regulirovaniye sistemy gosudarstvennykh zakupok [Legal regulation of the public procurement system]. Agrarnoye i zemel'noye pravo [Agrarian and Land Law], (5), pp. 183-186.
34. Smirnova I. et al. (2023). Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta na etape planirovaniya gosudarstvennykh zakupok [Opportunities of artificial intelligence at the stage of public procurement planning]. Upravlencheskiy uchet [Management Accounting]. doi: 10.24182/2073-9826-2023.
35. Vedomosti (2026) Deshovaya zakupka ili dorogoy kontrakt: pochemu ekonomiya v goszakaze ne vsegda oznachayet effektivnost' [Cheap purchase or expensive contract: why savings in public procurement do not always mean efficiency].

09.06.2026. Available at: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/06/10.
36. Tsifrovyye Zakupki (2025). EIS kak tekhnologicheskaya platforma zakupok [EIS as a technological procurement platform]. 28.06.2025. Available at: https://www.zakupki-digital.ru/goszakaz.
37. Kommersant (2025). Goskompanii protolkalis' k prilavku [State companies pushed to the counter]. 01.06.2025. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7774029.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 351/354 **DOI: 10.34670/AR.2026.73.87.014**

Административно-бюрократические ограничения социальных программ

Пшизова Елена Насурдиновна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Багова Инна Руслановна

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Савина Светлана Викторовна

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин,
Филиал Адыгейского государственного университета в Белореченске,
352633, Российская Федерация, Белореченск, ул. 8 Марта, 57/1;
e-mail: imyokki8@icloud.com

Устов Тимур Русланович

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедрыа правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин,
Филиал Адыгейского государственного университета в Белореченске,
352633, Российская Федерация, Белореченск, ул. 8 Марта, 57/1;
e-mail: singer1985@mail.ru

Аннотация

В статье авторы рассматривают административно-бюрократические ограничения, снижающие эффективность реализации социальных программ. Анализируют основные проявления бюрократических барьеров — избыточная документация, длительные административные процедуры, жёсткая иерархия, дублирование информации и многоуровневые согласования, — и их негативное влияние на доступность и качество социальных услуг. Особое внимание уделено последствиям бюрократической

избыточности — росту административных издержек, снижению мотивации участников программ и недостижению целей социальной политики. В работе предложены меры по снижению административных барьеров: оптимизация и реинжиниринг процессов, внедрение современных информационных технологий, формирование межведомственных рабочих групп, разработка единых регламентов. Подчёркивается необходимость баланса между обеспечением прозрачности, законности и контроля, с одной стороны, и гибкостью, оперативностью предоставления услуг — с другой. Делается вывод о том, что комплексный подход к реформированию административных процедур способен повысить эффективность социальных программ и обеспечить равные возможности для всех категорий граждан.

Для цитирования в научных исследованиях

Пшизова Е.Н., Багова И.Р., Савина С.В., Устов Т.Р. Административно-бюрократические ограничения социальных программ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 136-142. DOI: 10.34670/AR.2026.73.87.014

Ключевые слова

Административно-бюрократические ограничения, социальные программы, бюрократические барьеры, эффективность социальной политики, административные процедуры, доступность социальных услуг, межведомственное взаимодействие, оптимизация процессов, социальная защита, государственная социальная политика.

Введение

В современном обществе социальные программы играют ключевую роль в обеспечении социальной защиты, поддержке уязвимых групп населения и реализации государственной социальной политики. Их эффективность напрямую зависит от множества факторов, среди которых особое место занимает административно-бюрократическая составляющая. В условиях постоянных изменений в социальной сфере, необходимость оптимизации процедур и устранения препятствий становится особенно актуальной для повышения эффективности социальных инициатив.

В практике реализации социальных программ нередко возникают сложности, связанные с избыточной бюрократизацией, излишним административным вмешательством и формализмом, что негативно сказывается на доступности и качестве предоставляемых услуг. Эти проблемы приводят к снижению мотивации участников программ, увеличению сроков их реализации и, в конечном итоге, к не достижению поставленных целей социальной политики.

Основная часть

Бюрократия является неотъемлемой частью системы управления социальными программами, однако её влияние на эффективность реализации этих программ вызывает значительные дискуссии среди исследователей и практиков. В условиях современного социального государства бюрократические процедуры служат инструментом обеспечения прозрачности, ответственности и соблюдения нормативных требований. Однако чрезмерная формализация, избыточные административные барьеры и сложные процедуры зачастую приводят к снижению оперативности и гибкости в предоставлении социальных услуг, что

негативно сказывается на конечных результатах.

Одним из ключевых аспектов оценки влияния бюрократии является анализ времени, необходимого для оформления документов, получения разрешений и прохождения всех этапов процедур. В условиях высокой бюрократической нагрузки эти процессы зачастую затягиваются, что ведет к задержкам в предоставлении помощи нуждающимся гражданам. Особенно остро это проявляется в случаях, когда сроки подачи заявлений и получения решений не соответствуют реальным потребностям населения, что снижает доступность социальных программ для наиболее уязвимых групп. В результате многие граждане, особенно из числа малообеспеченных или с ограниченными возможностями, остаются вне поля зрения социальных служб, что подрывает цели социальной политики по обеспечению равных возможностей.

Кроме того, бюрократическая избыточность способствует увеличению административных издержек. Значительная часть ресурсов тратится на оформление документов, контроль и отчетность, что зачастую не приводит к повышению качества предоставляемых услуг. Вместо этого эти ресурсы могли бы быть направлены на расширение программ, повышение их охвата и улучшение условий для получателей. В результате возникает ситуация, когда бюрократические процедуры становятся препятствием для достижения целей программ, а не их средством реализации.

В процессе реализации социальных программ часто возникают конкретные ситуации, в которых административно-бюрократические ограничения существенно затрудняют или даже делают невозможным достижение поставленных целей. Одним из ярких примеров является получение социальной помощи малоимущими гражданами. В ряде случаев заявители сталкиваются с требованием предоставления множества документов, подтверждающих их доходы, имущество, семейное положение и другие обстоятельства. Например, человек, нуждающийся в срочной материальной помощи, может столкнуться с необходимостью предоставления справок о доходах за последние шесть месяцев, выписок из банковских счетов, документов о собственности, а также подтверждений о составе семьи. Эти требования зачастую требуют времени, финансовых затрат и дополнительных усилий со стороны заявителя, что особенно критично в экстренных ситуациях. В результате, многие люди отказываются от оформления помощи или получают её с существенными задержками, что ухудшает их социальное положение и способствует росту социальной напряженности.

Другой пример связан с программами по трудоустройству и профессиональной подготовке. В рамках таких программ зачастую существует требование о наличии определенного стажа работы или подтверждения квалификации, что может стать препятствием для молодых специалистов или лиц, ранее не имевших возможности пройти официальное обучение. В результате, часть потенциальных участников не может воспользоваться программой из-за бюрократических барьеров, что снижает её эффективность и ограничивает доступ к социальным лифтам. Аналогичная ситуация наблюдается при предоставлении жилья или социальной поддержки семьям с детьми, особенно в случаях, когда необходимо подтверждение статуса или соответствия определенным критериям. В некоторых случаях бюрократические процедуры требуют получения многочисленных справок и разрешений, что может занимать месяцы и даже годы, в то время как потребность в помощи является срочной.

Особенно ярко выражены ограничения в сфере медицинского обслуживания и социальной защиты инвалидов. Например, для получения инвалидности или социальных выплат инвалиду зачастую требуется пройти множество медицинских экспертиз, собрать обширный пакет документов, подтвердить степень ограничения и пройти через длительные процедуры оформления. Эти процессы зачастую оказываются сложными и запутанными, что вызывает

дополнительные стрессовые ситуации для получателей помощи. В результате, многие вынуждены ждать месяцы или даже годы, прежде чем смогут получить необходимые услуги или выплаты, что негативно сказывается на их здоровье и качестве жизни.

Также стоит отметить случаи, связанные с межведомственным взаимодействием. В рамках реализации социальных программ часто возникает необходимость обмена информацией между различными государственными структурами — например, между пенсионным фондом, налоговой службой и социальными службами. В практике нередко встречаются ситуации, когда из-за несовместимости информационных систем или отсутствия автоматизированных механизмов обмена данными происходит дублирование запросов и необходимости повторного предоставления одних и тех же документов. Это не только увеличивает бюрократическую нагрузку на граждан и сотрудников, но и вызывает задержки в предоставлении услуг. Например, человек, оформляющий социальную помощь, может быть вынужден многократно посещать разные ведомства, предоставлять одни и те же справки, что существенно снижает эффективность всей системы.

Еще одним примером являются ограничения, связанные с процедурой подачи заявлений и получения разрешений. В некоторых случаях, чтобы получить статус участника социальной программы, необходимо пройти через сложные и длительные процедуры, включающие согласование с несколькими инстанциями, проведение проверок и экспертиз. Например, оформление статуса многодетной семьи или семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации, зачастую требует сбора большого объема документов, подтверждающих право на льготы, а также прохождения различных комиссий. Эти процедуры могут занимать месяцы, что снижает оперативность предоставления поддержки и вызывает недовольство у граждан.

Сложные процедуры согласования, избыточная отчетность и централизованное принятие решений значительно замедляют процессы внедрения реформ и снижают качество предоставляемых услуг. Анализ показал необходимость деконцентрации полномочий, внедрения современных информационных технологий и развития культуры сотрудничества для повышения оперативности и прозрачности.

А.А. Лукьянов полагает, что «устранение бюрократических препятствий требует комплексного подхода, включающего реформирование нормативной базы, внедрение современных информационных технологий, децентрализацию решений и развитие культуры сотрудничества. Только при таком подходе можно значительно повысить эффективность реализации социальных программ, ускорить процессы их запуска и развития, а также обеспечить более качественное и своевременное выполнение поставленных задач. В условиях современного мира, где социальные проблемы требуют быстрого и эффективного реагирования, сокращение бюрократических барьеров становится одним из ключевых условий успешной деятельности социальной сферы и достижения устойчивого социального развития» [Лукьянов, 2023, с. 174].

Примеры административных барьеров в социальных программах.

Ограничения на периодичность или условия использования льгот. Например, ранее могли существовать ограничения на частоту бесплатных посещений парков, музеев и выставок для многодетных семей.

Избыточные требования к проведению работ. Например, в сфере сохранения объектов культурного наследия могли действовать избыточные нормативы.

Сложные и длительные процедуры согласования при строительстве социально значимых объектов. Например, в рамках Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) могли потребоваться длительные и порой излишние согласования.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, следует выделить, что административно-бюрократические ограничения в контексте социальных программ – это избыточные или устаревшие нормативные, административные и процедурные барьеры, которые затрудняют реализацию социальных инициатив, замедляют процессы принятия решений и снижают эффективность государственной социальной политики.

Основные проявления бюрократических ограничений:

– Избыточная документация и рутина. Необходимость оформления многочисленных документов, справок и отчётов занимает много времени, что снижает качество предоставляемых услуг и замедляет их предоставление.

– Длительные административные процедуры. Официальные процессы, включающие подачу множества документов с конкретными требованиями, протекают слишком долго.

– Жёсткая иерархия и стандартизация. Строгое соблюдение правил и нормативов может препятствовать гибкости в решении социальных задач, замедлять адаптацию к меняющимся условиям.

– Ограничения на инициативу. Бюрократический аппарат нередко сдерживает инициативу граждан и организаций, так как ориентирован на соблюдение процедур, а не на оперативное решение проблем [Веб-семинар Минобр, 2026, с. 112].

– Дублирование информации. Например, дублирование данных в электронном и бумажном виде.

– Избыточные согласования и согласования с множеством инстанций. Это может существенно увеличивать сроки реализации проектов [Интерфакс, 2026].

Меры по снижению административных барьеров.

Анализ и оптимизация процессов. Включает реинжиниринг процессов, внедрение информационных технологий для сбора отчётных данных и мониторингов, исключение дублирования информации.

Формирование межведомственных рабочих групп. Они могут анализировать ситуацию в отраслях социальной сферы, готовить предложения по решению выявленных проблем, распространять успешную практику.

Сокращение числа органов исполнительной власти и учреждений, участвующих в предоставлении услуг, за счёт разработки межведомственных регламентов и универсальных решений.

Таким образом, административно-бюрократические ограничения могут снижать эффективность социальных программ, замедлять их реализацию и ограничивать доступ граждан к услугам. Их снижение требует комплексного подхода, включающего пересмотр нормативных актов, оптимизацию процедур и внедрение современных технологий управления.

Заключение

Несмотря на очевидные негативные последствия, бюрократия выполняет важные функции, связанные с обеспечением системности, учета и контроля. Однако проблема заключается в необходимости балансировки между формальностями и гибкостью, которая позволяет оперативно реагировать на изменения ситуации и потребности населения. В рамках оценки влияния бюрократии важно учитывать не только её негативные аспекты, но и роль в обеспечении законности и прозрачности деятельности социальных служб.

В целом, влияние бюрократии на эффективность социальных программ является сложным и многогранным вопросом. В условиях постоянных изменений в законодательстве и социально-

экономической ситуации необходимо находить баланс между необходимостью соблюдения нормативных требований и обеспечением оперативности и доступности услуг. Только системный подход, включающий реформирование административных процедур, развитие информационных технологий и повышение профессионализма кадров, способен снизить негативное влияние бюрократии и повысить эффективность реализации социальных программ. В результате это позволит более полно реализовать цели социальной политики, обеспечить равные возможности для всех граждан и повысить качество жизни населения.

Библиография

1. Веб-семинар Минобр. Административно-бюрократические ограничения социальных программ. – URL: https://minobr.49gov.ru/common/upload/Vebinar_27_02_2026_RON.pdf .
2. Интерфакс. Кабмин: бюрократия при строительстве соцобъектов будет сведена к минимуму. – URL: https://www.interfax-russia.ru/main/kabmin-byurokratiya-pri-stroitelstve-socobektov-budet-svedena-k-minimumu .
3. Лукьянов, А. А. Потенциал механизма устойчивого развития для достижения задач социального обеспечения / А. А. Лукьянов // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. – № 1. – С. 174–178.

Administrative and Bureaucratic Restrictions of Social Programs

Elena N. Pshizova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Civil Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Inna R. Bagova

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of Civil Law and Civil Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Svetlana V. Savina

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of Legal, Psychological, Pedagogical and Economic Disciplines,
Branch of Adyghe State University in Belorechensk,
352633, 57/1, 8 Marta str., Belorechensk, Russian Federation;
e-mail: imyokki8@icloud.com

Timur R. Ustov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Legal, Psychological, Pedagogical and Economic Disciplines,
Branch of Adyghe State University in Belorechensk,
352633, 57/1, 8 Marta str., Belorechensk, Russian Federation;
e-mail: singer1985@mail.ru

Abstract

In the article, the authors examine administrative and bureaucratic restrictions that reduce the effectiveness of the implementation of social programs. They analyze the main manifestations of bureaucratic barriers – excessive documentation, lengthy administrative procedures, rigid hierarchy, duplication of information, and multi-level approvals – and their negative impact on the accessibility and quality of social services. Particular attention is paid to the consequences of bureaucratic redundancy – the growth of administrative costs, the decrease in the motivation of program participants, and the failure to achieve the goals of social policy. The paper proposes measures to reduce administrative barriers: optimization and reengineering of processes, the introduction of modern information technologies, the formation of interdepartmental working groups, and the development of unified regulations. The necessity of a balance between ensuring transparency, legality, and control, on the one hand, and flexibility and promptness in the provision of services, on the other, is emphasized. It is concluded that an integrated approach to reforming administrative procedures is capable of increasing the effectiveness of social programs and ensuring equal opportunities for all categories of citizens.

For citation

Pshizova E.N., Bagova I.R., Savina S.V., Ustov T.R. (2026) Administrativno-byurokraticheskie ogranicheniya sotsial'nykh programm [Administrative and Bureaucratic Restrictions of Social Programs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 136-142. DOI: 10.34670/AR.2026.73.87.014

Keywords

Administrative and bureaucratic restrictions, social programs, bureaucratic barriers, effectiveness of social policy, administrative procedures, accessibility of social services, interdepartmental interaction, process optimization, social protection, state social policy.

References

1. Interfax. (2026) *Kabmin: byurokratiya pri stroitelstve sotsial'nykh ob"yektov budet svedena k minimumu* [Cabinet: bureaucracy in the construction of social facilities will be minimized]. https://www.interfax-russia.ru/main/kabmin-byurokratiya-pri-stroitelstve-socobektov-budet-svedena-k-minimumu
2. Lukyanov, A. A. (2023). Potentsial mekhanizma ustoychivogo razvitiya dlya dostizheniya zadach sotsial'nogo obespecheniya [The potential of the sustainable development mechanism for achieving social security goals]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, (1), 174–178.
3. Ministry of Education of the Russian Federation. (2026) *Administrativno-byurokraticheskiye ogranicheniya sotsial'nykh programm* [Administrative and bureaucratic restrictions on social programs]. https://minobr.49gov.ru/common/upload/Vebinar_27_02_2026_RON.pdf

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.4 **DOI: 10.34670/AR.2026.75.21.015**

Конституционно-правовая модель «государства устойчивого развития» в России: анализ положений статьи 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ

Демидов Геннадий Константинович

Старший преподаватель,
Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий,
620039, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6;
e-mail: Demidov@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье на основе системного анализа текста статьи 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ предпринята попытка концептуализации новой модели государственного устройства, закрепленной указанным актом. Автор рассматривает данную модель как формирование особой надстройки — «государства устойчивого развития», принципиально отличающейся от общепринятой международной концепции устойчивого развития, предложенной ООН (ЦУР). В работе выделяются важнейшие конституционные характеристики этой модели: единая система публичной власти, суверенитет правового пространства, конституционализация социально-экономических гарантий, кадровая автономия, институциональная преемственность. Методологическую основу составляет формально-юридический анализ текста Конституции РФ в редакции Закона.

Для цитирования в научных исследованиях

Демидов Г.К. Конституционно-правовая модель «государства устойчивого развития» в России: анализ положений статьи 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 143-149. DOI: 10.34670/AR.2026.75.21.015

Ключевые слова

Государственный суверенитет, единая система публичной власти, Конституционный Суд, Конституция РФ, местное самоуправление, публичная власть, социальное государство, устойчивое развитие, конституционная идентичность.

Введение

В рамках ООН разработана и введена в международный оборот концепция устойчивого развития, интерпретируемая как модель сбалансированного сочетания экономического прогресса, социальной справедливости и охраны окружающей среды. Указанная концепция определила общепланетарный вектор, ориентированный на создание условий для достойного существования сегодняшнего поколения с безусловным сохранением природно-ресурсного потенциала и жизнепригодной экологической обстановки для будущих поколений [Алферова, 2021]. Однако представленный для анализа конституционно-правовой материал демонстрирует принципиально иной подход. Закон РФ о поправке к Конституции РФ [Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ, 2020] закрепляет не просто участие государства в глобальной повестке устойчивого развития, но формирует конституционно-правовую модель самого государства как субъекта устойчивого развития.

В отличие от международной парадигмы, где устойчивость рассматривается как свойство глобальной системы [Декларация тысячелетия ООН, 2000], в представленном тексте закрепляется устойчивость самого государственного организма: его институтов, правовой системы, социальных обязательств и кадрового состава. Это позволяет говорить о возникновении особой категории – «государство устойчивого развития» – как самостоятельной модели устройства публичной власти.

Институциональная устойчивость: единая система публичной власти

Основным и наиболее важным положением анализируемого Закона является конституционное закрепление единой системы публичной власти (ч. 3 ст. 80, ст. 132). Текст документа устанавливает, что органы местного самоуправления и органы государственной власти включены в единую систему для наиболее эффективного решения задач в интересах населения (ст. 132). Об этом свидетельствует О. В. Попова, раскрывая вопросы институционализации единой системы публичной власти в РФ выстраиваемой на уровнях организации городского управления и самоуправления [Попова, 2022].

Данная норма качественно меняет архитектуру публичного управления: если ранее муниципальная власть рассматривалась как автономный уровень, то теперь она интегрирована в общую государственную вертикаль с правом государственного участия в формировании муниципальных органов (ст. 131). Это создает устойчивость управленческой системы как целого, исключая фрагментацию властных полномочий.

Дополнительно для обеспечения согласованного функционирования всех уровней власти учреждается Государственный Совет (п. 17 ст. 83) – орган, координирующий деятельность публичных институтов. Тем самым создается устойчивая институциональная сеть, способная к самовоспроизводству и адаптации без утраты управляемости.

Суверенная устойчивость: приоритет национальной правовой системы

Фундаментальной характеристикой «государства устойчивого развития» становится

закрепление правового суверенитета. Текст Закона (п. 12 ст. 79) устанавливает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров РФ, не подлежат исполнению, если они противоречат Конституции РФ. Данная норма дополняется положениями о Конституционном Суде (ст. 125), наделенном полномочием оценивать возможность исполнения таких решений.

Таким образом, обеспечение устойчивости государственного суверенитета достигается посредством защиты конституционной идентичности от внешнего правового воздействия. В данной связи О. В. Брежнев, исследуя проблемы юридической природы, нормативной регламентации и порядка реализации института предварительного конституционного контроля в Российской Федерации, обосновывает допустимость возложения федеральным законодателем на Конституционный Суд РФ полномочия по проверке закона о поправке к Конституции РФ на соответствие положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ. При этом подобная проверка осуществляется в порядке предварительного контроля – до вступления соответствующего закона в силу, то есть до момента, когда вносимые поправки становятся неотъемлемой составной частью Основного закона [Брежнев, 2020]. Примечательно, что Закон также вводит превентивный конституционный контроль (проверка законопроектов до подписания Президентом), что предотвращает принятие неконституционных актов на стадии законодательного процесса.

Указанные положения формируют модель, при которой международные обязательства государства исполняются лишь в той мере, в какой они не противоречат национальному правопорядку. Это принципиально отличает данную модель от глобалистской концепции, предполагающей приоритет наднационального права.

Социальная устойчивость: конституционализация гарантий

Отдельного внимания заслуживает блок социально-экономических положений. Текст Закона переводит на конституционный уровень ряд предусмотренных гарантий:

– минимальный размер оплаты труда не ниже величины прожиточного минимума (п. 8 ст. 75);

– принципы индексации пенсий и солидарности поколений (п. 8 ст. 75);

– цели государственной политики: уважение человека труда, социальное партнерство, экономическая солидарность (п. 9 ст. 75.1);

– обязательства государства по обеспечению доступности медицинской помощи на муниципальном уровне (ст. 132).

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что закреплённые в тексте Конституции РФ нормы формируют социальную устойчивость государства, представляющую собой неотъемлемость базовых социальных гарантий для каждого гражданина. Как справедливо отмечает С. В. Гусаим, данные нормы выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они задают ценностно-целевые ориентиры для функционирования всей государственной системы, а с другой – формируют правовые условия для поддержания социального равновесия, институциональной стабильности и устойчивого развития государства в долгосрочной перспективе [Гусаим, 2025]. Государство устойчивого развития в представленной модели не допускает снижения уровня социальной защищенности ниже конституционно установленного минимума.

Кадровая устойчивость: требования к носителям публичной власти

Закон вводит беспрецедентные по своей строгости требования ко всем категориям публичных служащих: от Президента (ст. 81) до судей (ст. 119) и прокуроров (ст. 129). Установлены:

– запрет иностранного гражданства, вида на жительство и счетов в иностранных банках;

– требование постоянного проживания на территории РФ для высших должностных лиц;

– специальные квалификационные цензы (для Президента – оседлость 25 лет).

Данные положения направлены на обеспечение кадровой автономии государства. Н. В. Кравчук считает, что устойчивое развитие государства требует полной независимости управленческого корпуса от внешних финансовых и политических влияний, что отражает очевидную логику законодателя. К числу идей устойчивого развития она относит репрезентативное управление – базовый принцип принятия решений в экологической сфере, обеспечивающий учет местных и традиционных знаний и участие местных сообществ в разрешении проблем [Кравчук, 2021]. Это создает устойчивость кадровой системы и воспрепятствует внешнему управлению государством.

Институциональная преемственность

Важной составляющей модели является закрепление механизмов преемственности власти. Закон (ст. 92.1) вводит институт неприкосновенности Президента, прекратившего исполнение полномочий, а также предусматривает возможность включения бывших глав государства в состав Совета Федерации (ст. 95). Формируется институт пожизненных сенаторов, обеспечивающий сохранение политического опыта.

Указанные нормы создают устойчивость института главы государства, исключая возможность преследования бывшего Президента по политическим мотивам, что способствует стабильности политической системы в целом.

Сравнительный анализ: «государство устойчивого развития» vs концепция ООН

Представленная модель принципиально отличается от международной парадигмы устойчивого развития по следующим основаниям:

1. *Субъект устойчивости*. В концепции ООН устойчивость является свойством глобальной системы (человечество, экосистема, мировая экономика). В представленной модели устойчивость – свойство самого государства, его конституционного строя и институтов.

2. *Целеполагание*. ЦУР ООН ориентированы на достижение конкретных показателей (борьба с бедностью, качество образования, климатические действия). Текст Закона ориентирован на создание условий для самостоятельного устойчивого развития государства без внешних ориентиров.

3. *Правовой механизм*. Международная концепция предполагает имплементацию наднациональных стандартов. Представленная модель, напротив, устанавливает приоритет национального права и конституционную фильтрацию международных норм.

4. *Отношение к внешнему влиянию*. Концепция ООН предполагает международное сотрудничество как безусловное благо. Текст Закона допускает такое сотрудничество лишь при

условии ненарушения конституционного суверенитета (п. 13 ст. 79.1).

Выводы

На основе проведенного анализа текста статьи 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ можно сформулировать следующее понятие:

«Государство устойчивого развития» – это конституционно-правовая модель устройства публичной власти, характеризующаяся:

– интеграцией всех уровней власти в единую систему (ст. 80, 132);

– обеспечением правового суверенитета и верховенства Конституции над международными обязательствами (ст. 79, 125);

– конституционализацией минимальных социальных гарантий (ст. 75);

– установлением специальных требований к носителям публичной власти (ст. 81, 95, 119, 129);

– формированием механизмов институциональной преемственности (ст. 92.1, 95);

– ориентацией внешней политики на защиту территориальной целостности и невмешательство во внутренние дела (ст. 79.1).

Данная модель представляет собой альтернативу глобальной парадигме устойчивого развития ООН, перенося акцент с внешних ориентиров на внутреннюю устойчивость государственного организма.

Таким образом, системный анализ ст. 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ позволяет утверждать, что в Российской Федерации конституционно закреплена модель «государства устойчивого развития», отличная от международной концепции устойчивого развития. Ее конституционными характеристиками выступают: единая система публичной власти, суверенитет правового пространства, конституционализация социально-экономических гарантий, кадровая автономия, институциональная преемственность. Указанная модель представляет собой целостную правовую конструкцию, направленную на обеспечение долгосрочной стабильности и самостоятельности государства.

Библиография

1. Алферова Т. В. Становление концепции устойчивого развития: региональный аспект // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 252–263. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-regionalnyy-aspekt
2. Брежнев О. В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10 (119). С. 36–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnyy-konstitutsionnyy-kontrol-i-ego-realizatsiya-v-rossii-problemy-teorii-i-praktiki
3. Гусаим И. В. К вопросу о роли конституционных норм в обеспечении безопасности личности, общества и государства // Закон и право. 2025. № 10. С. 63–76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-roli-konstitutsionnyh-norm-v-obespechenii-bezopasnosti-lichnosti-obschestva-i-gosudarstva
4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
6. Кравчук Н. В. Политика государств в области устойчивого развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. 2021. № 3. С. 38–48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-gosudarstv-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya
7. Попова О. В. Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и

самоуправления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 5–23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-edinoy-sistemy-publichnoy-vlasti-v-rf-na-urovne-gorodskogo-upravleniya-i-samoupravleniya

The Constitutional and Legal Model of the "State of Sustainable Development" in Russia: An Analysis of the Provisions of Article 1 of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ

Gennadii K. Demidov

Senior Lecturer,
Siberian State University of Engineering and Biotechnology,
620039, 6, Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: Demidov@mail.ru

Abstract

In this article, on the basis of a systemic analysis of the text of Article 1 of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ, an attempt is made to conceptualize the new model of state structure established by the said act. The author considers this model as the formation of a special superstructure – a "state of sustainable development" – fundamentally different from the generally accepted international concept of sustainable development proposed by the UN (SDGs). The work identifies the most important constitutional characteristics of this model: a unified system of public authority, the sovereignty of the legal space, the constitutionalization of socio-economic guarantees, personnel autonomy, and institutional continuity. The methodological basis is a formal legal analysis of the text of the Constitution of the Russian Federation as amended by the Law.

For citation

Demidov G.K. (2026) Konstitutsionno-pravovaya model' «gosudarstva ustoychivogo razvitiya» v Rossii: analiz polozheniy stat'i 1 Zakona RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ [The Constitutional and Legal Model of the "State of Sustainable Development" in Russia: An Analysis of the Provisions of Article 1 of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 143-149. DOI: 10.34670/AR.2026.75.21.015

Keywords

State sovereignty, unified system of public authority, Constitutional Court, Constitution of the Russian Federation, local self-government, public authority, social state, sustainable development, constitutional identity.

References

1. Alferova, T. V. (2021). Stanovleniye kontseptsii ustoychivogo razvitiya: regional'nyy aspekt [The Formation of the

Concept of Sustainable Development: A Regional Aspect]. Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [PNRPU Bulletin. Socio-Economic Sciences], (1), 252–263. https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-regionalnyy-aspekt

2. Brezhnev, O. V. (2020). Predvaritel'nyy konstitutsionnyy kontrol' i ego realizatsiya v Rossii: problemy teorii i praktiki [Preliminary Constitutional Control and Its Implementation in Russia: Problems of Theory and Practice]. Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Current Problems of Russian Law], (10/119), 36–43. https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnyy-konstitutsionnyy-kontrol-i-ego-realizatsiya-v-rossii-problemy-teorii-i-praktiki
3. Gusaim, I. V. (2025). K voprosu o roli konstitutsionnykh norm v obespechenii bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva [On the Role of Constitutional Norms in Ensuring the Security of the Individual, Society and the State]. Zakon i pravo [Law and Right], (10), 63–76. https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-roli-konstitutsionnyh-norm-v-obespechenii-bezopasnosti-lichnosti-obschestva-i-gosudarstva
4. Kravchuk, N. V. (2021). Politika gosudarstv v oblasti ustoychivogo razvitiya [State Policy in the Field of Sustainable Development]. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4. Gosudarstvo i pravo [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4. State and Law], (3), 38–48. https://cyberleninka.ru/article/n/politika-gosudarstv-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya
5. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" No. 1-FKZ of 14.03.2020. (2020). Collected Legislation of the Russian Federation, (11), Art. 1416.
6. Popova, O. V. (2022). Institutsionalizatsiya edinoy sistemy publichnoy vlasti v RF na urovne gorodskogo upravleniya i samoupravleniya [Institutionalization of the Unified System of Public Authority in the Russian Federation at the Level of Urban Management and Self-Government]. Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya [Socio-Political Studies], (1/14), 5–23. https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-edinoy-sistemy-publichnoy-vlasti-v-rf-na-urovne-gorodskogo-upravleniya-i-samoupravleniya
7. United Nations Millennium Declaration (Adopted by General Assembly Resolution 55/2 of 8 September 2000). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.80.51.016**

Понятия внешнеэкономической сделки и внешнеэкономической операции в области экспортного контроля

Шкиперов Антон Александрович

Член Совета Ассоциации экспортного контроля,
член Комитета по таможенным вопросам «Опоры России»,
преподаватель Института международной экономики, лидерства и менеджмента,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: shkiperov@fsarf.ru

Бурыгин Алексей Анатольевич

Первый вице-президент Ассоциации экспортного контроля,
эксперт Общественного совета при ФТС России,
член рабочей группы «Международная торговля»
по формированию Национальной
модели целевых условий ведения бизнеса,
107113, Российская Федерация, Москва, ул. Сокольнический Вал, 52;
e-mail: info@excona.ru

Наку Антон Аркадьевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры интеграционного права и прав человека,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 76;
e-mail: a.naku@inno.mgimo.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию понятий «внешнеэкономическая сделка» и «внешнеэкономическая операция» применительно к правовому регулированию в области экспортного контроля. Авторами показано, что действующий Федеральный закон «Об экспортном контроле» и принятые в соответствии с ним иные правовые акты, несмотря на активное использование указанных понятий и придание им существенного правового значения, не содержат их легальных определений, что порождает разночтения в правоприменительной, в том числе судебной, практике. На основе анализа положений законодательства об экспортном контроле, источников гражданского, таможенного и внешнеторгового права, а также материалов судебной практики авторы выявляют совокупность отличительных признаков

внешнеэкономической операции и внешнеэкономической сделки, а также раскрывают их функциональное соотношение между собой. Научная новизна исследования заключается в том, что авторами впервые предпринята попытка комплексного, межотраслевого анализа понятий «внешнеэкономическая операция» и «внешнеэкономическая сделка» именно в контексте специального регулирования — в области экспортного контроля — в отличие от предшествующих работ, рассматривавших сходную проблематику исключительно в рамках отдельных отраслей права (гражданского, международного частного, арбитражного процессуального) без учёта специфики экспортно-контрольных правоотношений. Впервые понятие «внешнеэкономическая операция» как таковое становится самостоятельным предметом научного анализа. Кроме того, авторами обосновывается вывод о несовпадении момента совершения внешнеэкономической сделки (переход права собственности) и момента осуществления внешнеэкономической операции (например, фактический вывоз товара), имеющий принципиальное значение для определения момента и состава правонарушений в области экспортного контроля. На этой основе сформулирован и аргументирован тезис о необходимости закрепления самостоятельных легальных дефиниций указанных понятий непосредственно в законодательстве об экспортном контроле, что отличает предложенный подход от существующих в доктрине попыток заимствования гражданско-правового понятия сделки без адаптации к целям экспортного контроля.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкиперов А.А., Бурыгин А.А., Наку А.А. Понятия внешнеэкономической сделки и внешнеэкономической операции в области экспортного контроля // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 150-161. DOI: 10.34670/AR.2026.80.51.016

Ключевые слова

Внешнеэкономические операции, внешнеэкономические сделки, экспортный контроль, право собственности, контролируемые товары и технологии, экспортно-контрольные правоотношения, легальные дефиниции.

Введение

Понятия внешнеэкономической сделки и внешнеэкономической операции являются одними из основных понятий, используемых в целях правового регулирования отношений в области экспортного контроля.

В частности, законодатель напрямую связывает с данными понятиями (подразумеваемыми под ними фактическими действиями и событиями) возникновение, изменение и прекращение соответствующих правоотношений в области экспортного контроля.

Подтверждением тому служат, в частности, следующие положения Закона об экспортном контроле [Федеральный закон № 183-ФЗ, 1999], предусматривающие, что:

– в отношении внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами и технологиями применяется один из методов экспортного контроля – разрешительный порядок осуществления таких операций, предусматривающий, в частности, выдачу лицензий Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России);

– систематическое получение доходов от внешнеэкономических операций с

контролируемыми товарами и технологиями является одним из условий обязательного создания российскими участниками внешнеэкономической деятельности внутренних программ экспортного контроля;

– отдельные условия внешнеэкономических операций с товарами и технологиями (к примеру, при которых возникает угроза причинения ущерба интересам Российской Федерации) являются основанием для отказа в выдаче разрешительных документов;

– российские участники внешнеэкономической деятельности обязаны вести учет внешнеэкономических сделок для целей экспортного контроля, при этом нарушение установленного порядка такого учета признается правонарушением;

– к условиям совершения внешнеэкономических сделок с контролируемыми товарами и технологиями применяются дополнительные требования; и др.

Вместе с тем законодатель не разъясняет понятия внешнеэкономической сделки и внешнеэкономической операции в контексте Закона об экспортном контроле, служащим основным источником правового регулирования в области экспортного контроля. В указанных условиях закономерно возникают разночтения при толковании указанных понятий различными правоприменителями, заставляя их обращаться в поисках соответствующих определений к иным источникам права – законам или подзаконным актам, относящихся к другим отраслям, подотраслям и институтам права, и положения которых нередко не соответствуют или противоречат друг другу.

Наконец, внешнеэкономическая сделка в контексте экспортного контроля имеет прямую взаимосвязь с внешнеэкономическими операциями, поскольку совершается (реализуется, воплощается) через эти операции, посредством их. А внешнеэкономические операции, наоборот, служат, таким образом, инструментом для совершения внешнеэкономических сделок.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что вопросы определения понятия «внешнеэкономические операции» не служили предметом научных исследований, при этом аналогичные вопросы в отношении понятия «внешнеэкономическая сделка» рассматриваются в научной среде достаточно продолжительное время и не теряют своей актуальности. Так указанному направлению научного исследования посвящены весьма обстоятельные труды Мигранова К.И. [Мигранов, 2021], В.А. Канашевского [Канашевский, 2008], А.С. Саркисяна [Саркисян, 2017], А.О. Иншаковой [Иншакова, Ивлев, 2019; Иншакова, 2015], М.А. Гицу [Гицу, Гицу, 2020], Ю.А. Кузьменко [Кузьменко, 2022], А.В. Глебина [Глебин, 2015], В.С. Мельникова [Мельников, 2016], Е.Л. Симатовой [Симатова, 2014], Е.Г. Цыплаковой, В.В. Ковязина, Е.Н. Кондрата, П.Е. Мурмуридиса [Цыплакова и др., 2006] и других. Однако работы указанных авторов рассматривают вопросы определения понятий внешнеэкономической сделки исключительно в рамках отдельных отраслей права (гражданского, арбитражного, международного экономического и др.) без учета специфики применения такого понятия в иных областях правового регулирования, в частности, области экспортного контроля, а также без проведения дополнительного анализа функциональных элементов внешнеэкономических сделок, позволяющего определить, к примеру, факт их совершения.

Основное содержание

Сложившаяся ситуация правовой неопределенности и взаимозависимости понятий «внешнеэкономическая операция» и «внешнеэкономическая сделка», в свою очередь, обуславливает дополнительные риски несоблюдения или неправильного применения

законодательства Российской Федерации об экспортном контроле, злоупотреблений должностных лиц контролирующих органов при осуществлении государственного контроля, возникновения иных негативных последствий, в особенности препятствующих добросовестным участникам внешнеэкономической деятельности обеспечивать надлежащую реализацию установленных требований. Данные тенденции, в свою очередь, не отвечают современным вызовам и угрозам национальной безопасности, ведут к неэффективности системы экспортного контроля, когда такая система воспринимается деловым сообществом рудиментом правового регулирования внешнеэкономической деятельности, пережитком прошлого, накладывающим прежде всего на законопослушный и крупный бизнес жесткие, избыточные и необоснованные обременения.

В данных условиях, таким образом, возникает объективная и критически важная необходимость более глубокого, комплексного, в том числе межотраслевого исследования понятий «внешнеэкономическая сделка» и «внешнеэкономические операции», обеспечение единого подхода к их толкованию и, соответственно, правоприменению.

Анализ Закона об экспортном контроле и подзаконных актов в области экспортного контроля [Постановление Правительства РФ № 294, 2001; Постановление Правительства РФ № 517, 2005; Постановление Правительства РФ № 565, 2016; Приказ ФСТЭК России № 193, 2018; Приказ ФСТЭК России № 74, 2023] позволяет сделать вывод, что внешнеэкономическая операция:

– по своему содержанию (характеру) может предусматривать вывоз из Российской Федерации, ввоз в Российскую Федерацию или передачу товаров и технологий иностранному лицу на территории Российской Федерации (к примеру, в формах технической помощи, технических данных, передаваемых по электронным каналам связи, и др.). При этом внешнеэкономические операции, предусматривающие вывоз из Российской Федерации или передачу объектов иностранному лицу на территории Российской Федерации, рассматриваются в положениях Закона об экспортном контроле (в контексте лицензирования) в рамках более укрупненной внешнеэкономической операции, предусматривающей передачу контролируемых товаров и технологий (в том числе прав на них) иностранным лицам. Кроме того, имеются и иные фактические разновидности внешнеэкономических операций, упоминаемые в отдельных актах в области экспортного контроля (к примеру, внешнеэкономические операции, связанные с вывозом научно-технической продукции с таможенной территории Евразийского экономического союза);

– имеет своим объектом товары и технологии (то есть, продукты научно-технической деятельности, в том числе не имеющие единиц измерения (например, проведение научно-исследовательской работы) и не классифицируемые кодом ТН ВЭД ЕАЭС 90(услуги, работы)), подлежащие идентификации, идентифицируемые или признанные контролируемыми по результатам такой идентификации;

– имеет участников (стороны): российского и иностранного участников;

– имеет основание – контракт (договор, соглашение), иной документ, подтверждающий намерения сторон внешнеэкономической сделки осуществить внешнеэкономическую операцию; либо осуществляется вследствие односторонняя внешнеэкономическая сделка или без совершения какой-либо сделки);

– может обладать признаками, дающими основания полагать, что ее объекты могут быть использованы в целях создания оружия массового поражения и средств его доставки, осуществления террористической деятельности и т.п.;

– может подпадать под действия запретов и ограничений (в случаях, когда специальные экономические или принудительные меры применяются в отношении объектов внешнеэкономической операции или ее участников, когда объекты внешнеэкономической операции включены в контрольные списки) или изъятий из таковых;

– является объектом разрешительного порядка, то есть на внешнеэкономические операции выдаются лицензии ФСТЭК России и разрешения Комиссии по экспортному контролю Российской Федерации (кроме случаев безлицензионного экспорта, установленных в Законе об экспортном контроле), при этом владелец таких лицензий и разрешений вправе совершать только те внешнеэкономические операции, на осуществлении которых указанные разрешительные документы выданы;

– может иметь дополнительные условия осуществления, установленные лицензиями ФСТЭК России и разрешениями Комиссии по экспортному контролю Российской Федерации;

Анализ указанных актов в области экспортного контроля применительно к понятию «внешнеэкономическая сделка» позволяет сделать вывод, что она:

– является необязательным атрибутом (основанием) внешнеэкономической операции, поскольку последняя может осуществляться без совершения какой-либо сделки;

– может быть односторонней;

– имеет содержание, характер и условия;

– является объектом государственной экспертизы (объектом (в части документов и информации, имеющих отношение к внешнеэкономической сделке) экспертного анализа и оценки, осуществляемых от лица федерального органа исполнительной власти или организации, участвующих в государственной экспертизе, в целях определения соответствия внешнеэкономической сделки международным обязательствам Российской Федерации, государственным интересам и требованиям экологической безопасности);

– может осуществляться на особых требованиях и условиях, помимо указанных в контракте (договоре, соглашении);

– имеет своим предметом объекты внешнеэкономических операций;

– может иметь значение для региональной и международной безопасности и стабильности, национальных интересов и безопасности;

– имеет вовлеченных в нее (участвующих в ней) лиц, а также выгодоприобретателей (лиц, в интересах которых такие сделки совершаются);

– может подпадать под действие дополнительных требований, условий, ограничений и запретов, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области экспортного контроля;

– является предметом специального учета для целей экспортного контроля и др.

Таким образом, Закон об экспортном контроле и основные подзаконные акты в области экспортного контроля не содержат определения понятий «внешнеэкономическая сделка» и «внешнеэкономическая операция», однако приводят ряд их отличительных свойств и иных признаков, позволяющих, с одной стороны, сформировать комплексное представление о содержании указанных понятий и, с другой стороны, о существенной, фундаментальной значимости таких понятий для целей правового регулирования общественных отношений в области экспортного контроля.

Примечательно, что понятия внешнеэкономической сделки и внешнеэкономической операции, несмотря на их правовую неопределенность и семантическую объемность, приведены в соответствующей статье Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях (КоАП РФ), предусматривающую составы (диспозиции) и ответственность (санкции) за правонарушения в области экспортного контроля. Это связано, в первую очередь, с практически дословным заимствованием КоАП РФ соответствующих положений Закона об экспортном контроле, [Статья 30 Федерального закона № 183-ФЗ, 1999] устанавливающих исчерпывающий перечень деяний, признаваемых нарушениями законодательства об экспортном контроле, а также с подведомственностью указанной статьи КоАП РФ органам экспортного контроля.

Однако Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) избежал указанного подхода, используя вместо понятия «внешнеэкономические операции» более конкретные и определенные понятия применительно к соответствующим объектами экспортного контроля как «экспорт из Российской Федерации» и «передача иностранному лицу или его представителю» (для товаров и технологий), «выполнение для иностранного лица или его представителя» (для работ), «оказание иностранному лицу или его представителю» (для услуг). При этом выбор законодателя в пользу такого решения в уголовном праве отчасти обусловлен и тем, что соответствующая статья УК РФ находится в ведении ФТС России и ФСБ России, а не основного контролирующего и регулирующего органа государственной власти в области экспортного контроля – ФСТЭК России.

Неопределенность понятия внешнеэкономической операции также подтверждается судебной практикой. Суды при рассмотрении дел о нарушениях законодательства Российской Федерации об экспортном контроле нередко приводят понятие внешнеэкономических операций в привязке к более простым, конкретным и даже семантически самостоятельным понятиям – к примеру, «экспорт», «поставка», «передача». В это связи в контексте судебных дел находят применение такие понятия как «внешнеэкономическая операция по экспорту» [Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.07.2025 по делу № А56-48292/2025; Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.03.2025 по делу № А56-124094/2024], «внешнеэкономическая операция по поставке» [Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.03.2025 по делу № А56-124094/2024; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2019 по делу № А45-28138/2019], «внешнеэкономическая операция по передаче» [Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2019 по делу № А45-28138/2019; Решение Арбитражного суда Омской области от 06.12.2019 по делу № А46-18712/2019], которые, таким образом, выступают продуктами правоприменительной (судебной) практики, не закрепленными в каких-либо правовых актах в области экспортного контроля.

Иные (помимо Закона об экспортном контроле) основные законодательные акты, регулирующие общественные отношения в области внешней торговли, также не содержат определений понятий «внешнеэкономическая операция» и «внешнеэкономическая сделка». Так, к примеру, Закон об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности [Федеральный закон № 164-ФЗ, 2003] содержит понятие «внешнеторговая бартерная сделка», также не определяя его по сути главный семантический элемент, а именно собственно «сделку». При этом признаки «внешнеторговая» и «бартерная» в отношении сделки определяются как «совершаемая при осуществлении внешнеторговой деятельности» (то есть в области внешней торговли) и «предусматривающая обмен товарами, услугами, работами, интеллектуальной собственностью» соответственно. Закон о таможенном регулировании, [Федеральный закон № 289-ФЗ, 2018] напротив, разъясняет понятия «ввоз товаров в Российскую Федерацию» и «вывоз товаров из Российской Федерации», являющихся, в свою очередь,

практически полными аналогами составляющих понятия «внешнеэкономическая операция» – «ввоз в Российскую Федерацию» и «вывоз из Российской Федерации» соответственно, однако применительно только к ограниченной части объектов внешнеэкономических операций – товаров, не распространяясь, таким образом, на технологии. При этом Закон о таможенном регулировании определяет «ввоз товаров в Российскую Федерацию» и «вывоз товаров из Российской Федерации» не только как их фактическое перемещение в соответствующих направлениях, но и дополнительные действия: в отношении ввоза – все последующие действия с товарами до их выпуска таможенными органами, в отношении вывоза – действия, направленных на фактическое перемещение (убытие) товаров, до фактического пересечения товарами Государственной границы Российской Федерации. Наконец, указанные термины (понятия), согласно положениям соответствующих статей вышеприведенных законов, относятся к предмету специального регулирования, а значения (определения) этих терминов (понятий) приводятся и используются для целей этих законов и в контексте их положений.

Приведенный подход иных законов к определению и толкованию соответствующих понятий, при его использовании для целей экспортного контроля и в контексте качественно других правоотношений, влечет существенные проблемы правоприменительного характера, связанные, прежде всего, с размытостью содержания соответствующих понятий, сложностью определения и доказывания момента совершения правонарушения в области экспортного контроля, нарушений иных требований экспортного контроля, не являющихся (не признаваемых) правонарушениями и др. Таким образом, применение принципов аналогии закона и аналогии права, использование смежных норм иных законодательных актов, имеющих также, как правило, свой предмет и специальные методы регулирования, для целей преодоления пробелов и иных пороков в источниках правового регулирования в области экспортного контроля существенного ограничено и, как правило, не способствует достижению целей экспортного контроля и единообразию правоприменения.

Специфичный подход к определению основного семантического элемента понятия «внешнеэкономическая сделка» имеет гражданское право. Так, согласно гражданскому законодательству, [Статья 153 Гражданского кодекса РФ, 1994] сделками признаются действия субъектов права, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. При этом признаком, делающим сделку внешнеэкономической, представляется ее обременение иностранным элементом, а именно иностранным участником соответствующих правоотношений (субъектом иностранного правопорядка) и соответственно нормами иностранного правопорядка.

Таким образом, с точки зрения буквального толкования отдельных положений гражданского права, внешнеэкономические сделки представляют собой всякое действие соответствующих субъектов права, порождающее установление, изменение или прекращение гражданских права и обязанностей, а также совершаются в том числе до вывоза товаров с территории Российской Федерации, ввоза на территорию Российской Федерации или передачи предметов таких сделок иностранному лицу на территории Российской Федерации соответственно, то есть до совершения внешнеэкономических операций.

Между тем, напротив, с точки зрения экспортного контроля такой подход к определению внешнеэкономической сделки повлек бы ужесточение требований к участникам внешнеэкономической деятельности, неопределенность таких требований и в ряде случаев – их недействительность и практическую нереализуемость. Так, к примеру, участники внешнеэкономической деятельности должны бы были вести учет каждой такой

внешнеэкономической сделки для целей экспортного контроля, то есть производить соответствующие записи в журнале учета указанных сделок при каждом случае совершения действий, каким-либо образом влияющих на правоотношения с иностранным участником.

В этой связи судебная практика [Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 27.07.2025 по делу № А45-20988/2025], а также правоприменительная практика органов экспортного контроля связывают факт совершения внешнеэкономической сделки с моментом перехода права собственности на предмет такой сделки от российского участника иностранному. При этом такой переход, согласно гражданскому законодательству, ссылка на которое приводится судами, происходит или при вручении вещи приобретателю, или при сдаче перевозчику для отправки приобретателю [Пункт 1 статьи 223, пункт 1 статьи 224 Гражданского кодекса РФ; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2019 по делу № А45-28138/2019; Решение Арбитражного суда Омской области от 06.12.2019 по делу № А46-18712/2019]. Положения, устанавливающие момент перехода права собственности, в свою очередь, содержатся в внешнеторговом договоре (соглашении, контракте) между участниками сделки. Фактический (временно определенный) момент перехода права собственности фиксируется в международной товарно-транспортной накладной (иных транспортно-перевозочных документах), где проставляются отметки о получении груза иностранным контрагентом (покупателем), его представителем или перевозчиком. Поэтому именно этот документ является одним из основных источников доказательной базы, свидетельствующей о передаче контролируемой продукции в нарушение требований экспортного контроля.

Однако важно отметить, что факт совершения внешнеэкономической сделки не всегда совпадает с фактом осуществления внешнеэкономической операции, а также моментом совершения правонарушения в области экспортного контроля, хотя и безусловно служит доказательством такого правонарушения.

Такое несовпадение встречается довольно часто в случаях, если передача контролируемых товаров (переход права собственности на них согласно условиям внешнеторгового договора) происходит при вручении этого товара приобретателю (иностранному контрагенту) за пределами территории Российской Федерации, в то время как внешнеэкономическая операция, предусматривающая вывоз данного товара с территории Российской Федерации и требующая лицензирования ФСТЭК России, совершается раньше факта совершения внешнеэкономической сделки. При таких условиях временем совершения правонарушения в области экспортного контроля служит момент незаконного (без лицензии ФСТЭК России) вывоза товара в адрес иностранного получателя [Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.07.2025 по делу № А56-48292/2025; Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.03.2025 по делу № А56-124094/2024], а основным источником доказательной базы – статистическая форма учета перемещения товаров или таможенная декларация.

Необходимо также отметить, что вопросы содержания и соотношения понятий внешнеэкономической операции и внешнеэкономической сделки (в том числе факта ее совершения) для целей экспортного контроля не раскрывают и другие источники. Например, Инкотермс регламентирует распределение обязанностей между продавцом и покупателем, момент перехода рисков от одного к другому, распределение расходов, но не переход права собственности на объекты внешнеэкономических операций. Другим примером служит постановление Правительства Российской Федерации

от 15 сентября 2008 г. № 691 «Об утверждении положения о лицензировании внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), в отношении которых установлен экспортный контроль», которое вводит понятие внешнеэкономических операций («экспорт и импорт, а также иные формы передачи (международного обмена) контролируемой продукции, осуществляемые на основании договоров (контрактов, соглашений), заключаемых между российскими и иностранными лицами», но только в рамках своего предмета регулирования, не делая дефиницию универсальной для всех правоотношений в области экспортного контроля.

Заключение

Таким образом, понятия внешнеэкономических сделок и внешнеэкономических операций являются правовыми абстракциями, присущими специальному правовому регулированию в области экспортного контроля, не соответствующие схожим (в том числе более общим) понятиям, используемым в иных сферах правового регулирования и отраслях права, и потому требующими закрепления дефиниций в законодательстве Российской Федерации об экспортном контроле.

Библиография

1. Гицу М.А., Гицу В.Д. Модернизация понятия внешнеэкономической сделки // Государство и право. 2020. № 1. С. 123–138.
2. Глебин А.В. Сделки во внешнеэкономической деятельности: понятийный аппарат // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 5. С. 71–73.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Иншакова А.О. Вопросы квалификации внешнеэкономической сделки и правовая специфика некоторых её видов // Legal Concept. 2015. № 2. С. 37–45.
5. Иншакова А.О., Ивлев И.Ю. Понятие и признаки внешнеэкономической сделки // Контентус. 2019. № 6 (83). С. 178–186.
6. Канашевский В.А. Понятие внешнеэкономической сделки в российском праве, доктрине и судебной арбитражной практике // Журнал российского права. 2008. № 8 (140). С. 107–117.
7. Кузьменко Ю.А. Институт внешнеэкономической сделки: теоретико-правовой анализ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 222–227.
8. Мельников В.С. Правовая природа внешнеэкономических сделок // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 74–80.
9. Мигранов К.И. Понятие внешнеэкономической сделки // Интерактивная наука. 2021. № 5 (60). С. 115–117.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2001 № 294 «Об утверждении Правил проведения государственной экспертизы внешнеэкономических сделок с товарами, информацией, работами, услугами и результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), в отношении которых установлен экспортный контроль».
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.08.2005 № 517 «О порядке получения разрешения Комиссии по экспортному контролю Российской Федерации на осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), которые могут быть использованы иностранным государством или иностранным лицом в целях создания оружия массового поражения и средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо приобретаются в интересах организаций или физических лиц, причастных к террористической деятельности».
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.06.2016 № 565 «О порядке идентификации контролируемых товаров и технологий, форме идентификационного заключения и правилах его заполнения».
13. Приказ ФСТЭК России от 30.10.2018 № 193 «Об утверждении административного регламента Федеральной службы по техническому и экспортному контролю по предоставлению государственной услуги по

идентификации контролируемых товаров и технологий и выдаче идентификационных заключений».
14. Приказ ФСТЭК России от 03.05.2023 № 74 «Об утверждении требований к оформлению заявления о предоставлении лицензии на осуществление внешнеэкономических операций с контролируемой продукцией...».
15. Саркисян А.С. Правовая природа и понятие внешнеэкономической сделки // Гражданское право. 2017. № 4. С. 35–37.
16. Симатова Е.Л. Использование термина «внешнеэкономическая сделка» в гражданском законодательстве РФ // Lex russica. 2014. № 11. С. 1296–1303.
17. Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.
18. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
19. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.
20. Цыплакова Е.Г. и др. Внешнеэкономические и внешнеторговые сделки в международном частном праве: проблемы определения соотношения понятий и их нормативного закрепления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3. С. 100–102.

The Concepts of Foreign Economic Transaction and Foreign Economic Operation in the Field of Export Control

Anton A. Shkiperov

Member of the Council of the Export Control Association,
Member of the Customs Committee of "Opora Russia",
Lecturer at the Institute of International Economics, Leadership and Management,
Moscow University named after A.S. Griboyedov,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shkiperov@fsarf.ru

Aleksei A. Burygin

First Vice-President of the Export Control Association,
Expert of the Public Council under the Federal Customs Service of Russia,
Member of the "International Trade" Working Group
for the Formation of the National Model of Target Business Conditions,
107113, 52, Sokol'nicheskiy Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@excona.ru

Anton A. Naku

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Integration Law and Human Rights,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.naku@inno.mgimo.ru

Abstract

This article is devoted to a comprehensive study of the concepts of "foreign economic transaction" and "foreign economic operation" in relation to legal regulation in the field of export control. The authors show that the current Federal Law "On Export Control" and other legal acts adopted in accordance with it, despite the active use of these concepts and the attribution of substantial legal significance to them, do not contain their legal definitions, which gives rise to discrepancies in law enforcement, including judicial, practice. Based on the analysis of the provisions of export control legislation, sources of civil, customs, and foreign trade law, as well as materials of judicial practice, the authors identify a set of distinctive features of a foreign economic operation and a foreign economic transaction, and also reveal their functional correlation with each other. The scientific novelty of the research lies in the fact that the authors have for the first time undertaken an attempt at a comprehensive, intersectoral analysis of the concepts of "foreign economic operation" and "foreign economic transaction" specifically in the context of special regulation – in the field of export control – in contrast to previous works that considered similar issues exclusively within the framework of individual branches of law (civil, private international, arbitration procedural) without taking into account the specifics of export control legal relations. For the first time, the concept of "foreign economic operation" as such becomes an independent subject of scientific analysis. In addition, the authors substantiate the conclusion about the discrepancy between the moment of concluding a foreign economic transaction (transfer of ownership) and the moment of carrying out a foreign economic operation (for example, the actual export of goods), which is of fundamental importance for determining the moment and composition of offenses in the field of export control. On this basis, the thesis is formulated and argued about the need to establish independent legal definitions of these concepts directly in the legislation on export control, which distinguishes the proposed approach from existing doctrinal attempts to borrow the civil law concept of a transaction without adapting it to the purposes of export control.

For citation

Shkiperov A.A., Burygin A.A., Naku A.A. (2026) Ponyatiya vneshneekonomicheskoy sdelki i vneshneekonomicheskoy operatsii v oblasti eksportnogo kontrolya [The Concepts of Foreign Economic Transaction and Foreign Economic Operation in the Field of Export Control]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 150-161. DOI: 10.34670/AR.2026.80.51.016

Keywords

Foreign economic operations, foreign economic transactions, export control, ownership right, controlled goods and technologies, export control legal relations, legal definitions.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994. (1994). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (32), Art. 3301.
2. Federal Law No. 164-FZ of December 8, 2003 “On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activity”. (2003). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (50), Art. 4850.
3. Federal Law No. 183-FZ of July 18, 1999 “On Export Control”. (1999). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (30), Art. 3774.
4. Federal Law No. 289-FZ of August 3, 2018 “On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. (2018). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (32(1)), Art. 5082.

5. Gitsu, M.A., & Gitsu, V.D. (2020). Modernizatsiya ponyatiya vneshneekonomicheskoy sdelki [Modernization of the concept of foreign economic transaction]. *Gosudarstvo i pravo*, (1), 123–138.
6. Glebin, A.V. (2015). Sdelki vo vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti: ponyatiynyy apparat [Transactions in foreign economic activity: conceptual apparatus]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, (5), 71–73.
7. Inshakova, A.O. (2015). Voprosy kvalifikatsii vneshneekonomicheskoy sdelki i pravovaya spetsifika nekotorykh ee vidov [Issues of qualification of a foreign economic transaction and legal specifics of some of its types]. *Legal Concept*, (2), 37–45.
8. Inshakova, A.O., & Ivlev, I.Yu. (2019). Ponyatie i priznaki vneshneekonomicheskoy sdelki [The concept and features of a foreign economic transaction]. *Kontentus*, (6(83)), 178–186.
9. Kanashevskiy, V.A. (2008). Ponyatie vneshneekonomicheskoy sdelki v rossiyskom prave, doktrine i sudebnoy arbitrazhnoy praktike [The concept of a foreign economic transaction in Russian law, doctrine and judicial arbitration practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (8(140)), 107–117.
10. Kuz'menko, Yu.A. (2022). Institut vneshneekonomicheskoy sdelki: teoretiko-pravovoy analiz [The institute of foreign economic transaction: theoretical and legal analysis]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 8(4), 222–227.
11. Mel'nikov, V.S. (2016). Pravovaya priroda vneshneekonomicheskikh sdelok [The legal nature of foreign economic transactions]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (6(138)), 74–80.
12. Migranov, K.I. (2021). Ponyatie vneshneekonomicheskoy sdelki [The concept of a foreign economic transaction]. *Interaktivnaya nauka*, (5(60)), 115–117.
13. Order of FSTEK of Russia No. 74 of May 3, 2023 "On Approval of Requirements for Drawing Up an Application for a License to Carry Out Foreign Economic Operations with Controlled Products ...". (2023).
14. Order of FSTEK of Russia No. 193 of October 30, 2018 "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Service for Technical and Export Control for the Provision of the State Service for the Identification of Controlled Goods and Technologies and the Issuance of Identification Conclusions". (2018).
15. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 16.04.2001 No. 294 "Ob utverzhdenii Pravil provedeniya gosudarstvennoy ekspertizy vneshneekonomicheskikh sdelok s tovarami, informatsiey, rabotami, uslugami i rezul'tatami intellektual'noy deyatel'nosti (pravami na nikh), v otnoshenii kotorykh ustanovlen eksportnyy kontrol'" [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 294 of April 16, 2001 "On Approval of the Rules for Conducting State Expertise of Foreign Economic Transactions with Goods, Information, Works, Services and Results of Intellectual Activity (Rights to Them) Subject to Export Control"]. (2001).
16. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15.08.2005 No. 517 "O poryadke polucheniya razresheniya Komissii po eksportnomu kontrolyu Rossiyskoy Federatsii na osushchestvlenie vneshneekonomicheskikh operatsiy s tovarami, informatsiey, rabotami, uslugami, rezul'tatami intellektual'noy deyatel'nosti (pravami na nikh), kotorye mogut byt' ispol'zovany inostrannym gosudarstvom ili inostrannym litsom v tselyakh sozdaniya oruzhiya massovogo porazheniya i sredstv ego dostavki, inykh vidov vooruzheniya i voennoy tekhniki libo priobretayutsya v interesakh organizatsiy ili fizicheskikh lits, prichastnykh k terroristicheskoy deyatel'nosti" [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 517 of August 15, 2005 "On the Procedure for Obtaining Permission from the Export Control Commission of the Russian Federation for Carrying Out Foreign Economic Operations with Goods, Information, Works, Services, Results of Intellectual Activity (Rights to Them) That May Be Used by a Foreign State or Foreign Person for the Purpose of Creating Weapons of Mass Destruction and Their Delivery Vehicles, Other Types of Weapons and Military Equipment, or Are Acquired in the Interests of Organizations or Individuals Involved in Terrorist Activities"]. (2005).
17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 21.06.2016 No. 565 "O poryadke identifikatsii kontroliruemykh tovarov i tekhnologiy, forme identifikatsionnogo zaklyucheniya i pravilakh ego zapolneniya" [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 565 of June 21, 2016 "On the Procedure for Identifying Controlled Goods and Technologies, the Form of an Identification Conclusion and the Rules for Completing It"]. (2016).
18. Sarkisyan, A.S. (2017). Pravovaya priroda i ponyatie vneshneekonomicheskoy sdelki [The legal nature and concept of a foreign economic transaction]. *Grazhdanskoe pravo*, (4), 35–37.
19. Simatova, E.L. (2014). Ispol'zovanie termina "vneshneekonomicheskaya sdelka" v grazhdanskom zakonodatel'stve RF [The use of the term "foreign economic transaction" in the civil legislation of the Russian Federation]. *Lex russica*, (11), 1296–1303.
20. Tsyplakova, E.G., et al. (2006). Vneshneekonomicheskie i vneshnetorgovye sdelki v mezhdunarodnom chastnom prave: problemy opredeleniya sootnosheniya ponyatiy i ikh normativnogo zakrepleniya [Foreign economic and foreign trade transactions in private international law: problems of determining the relationship of concepts and their normative consolidation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (3), 100–102.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.17.59.017**

Соотношение принципов всеобщности и адресности в современной системе социального обеспечения

Филиппова Эльвира Маисовна

Доцент,
Южно-Уральский государственный университет,
454080, Российская Федерация, Челябинск, пр-т Ленина, 76;
e-mail: elvira.filippova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению важнейших принципов социального обеспечения: всеобщности и адресности. Автор на основании анализа имеющейся научной литературы по этому вопросу выявил фундаментальные принципы социального обеспечения, определил соотношение между ними, показал влияние на их связь изменяющихся экономических, политических и социальных приоритетов государства. С учётом современных факторов автор показал конкретные примеры реализации принципа адресности, раскрыл его различные стороны. Обоснован вывод о необходимости нормативного закрепления концептуальных принципов социального обеспечения исходя из научно разработанной стратегии социального обеспечения различных категорий населения.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппова Э.М. Соотношение принципов всеобщности и адресности в современной системе социального обеспечения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 162-168. DOI: 10.34670/AR.2026.17.59.017

Ключевые слова

Принципы социального обеспечения, всеобщность, адресность, система социального обеспечения в РФ, дифференциация социального обеспечения, нуждаемость, социальная поддержка.

Введение

Принципы права находятся в фундаменте правовой системы любого государства. Принципы – идеи, начало, основа, фундамент и т.д. Из предложенных синонимов видно, что любая сфера связей начинается **с** отношений в соответствии с принципами права.

Вопрос о принципах права заслуживает особого научного внимания, ибо их сущностное содержание, характер не являются раз навсегда данными, они изменяются под влиянием идей и целей, встающими перед государственной властью на различных этапах развития. Понимание принципов права, оценка их роли в научной литературе трактуется неоднозначно. Так, В.С. Андреев в 1970 гг. определял принципы трудового права как выражение «экономических закономерностей, но с учетом специфики регулирования труда рабочих и служащих и уже не в форме юридических прав и обязанностей, а в форме основных положений, определяющих развитие и внутреннее единство всех норм советского трудового права» [Андреев, 2013]. По мнению В.Н. Карташова, «принципы права — это исходные (базовые) нормативно-0правовые требования (императивы, субимперативы), легально выраженные в законах и иных формах права, которые обеспечивают высокое качество и эффективность правового регулирования общественных отношений, разнообразных типов юридической практики» [Карташов, 2020]. На наш взгляд, именно такая трактовка раскрывает направляющее и фундаментальное значение принципов права для любой сферы отношений и требует их нормативного закрепления в базовых федеральных законах.

Основная часть

Анализ принципов права социального обеспечения как фундаментальных положений отрасли права свидетельствует, что в законодательстве РФ нормативного их закрепления нет. Законодательно оформлены лишь отдельные принципы институтов права социального обеспечения, а базовые принципы всей отрасли пока не нашли своего отражения в правовом регулировании социального обеспечения. Так, в Федеральном законе «Об основах обязательного социального страхования» в статье 4 закреплены принципы социального страхования: «устойчивость финансовой системы обязательного социального страхования, обеспечиваемая на основе эквивалентности страхового обеспечения средствам обязательного социального страхования; всеобщий обязательный характер социального страхования, доступность для застрахованных лиц реализации своих социальных гарантий; государственная гарантия соблюдения прав застрахованных лиц на защиту от социальных страховых рисков и исполнение обязательств по обязательному социальному страхованию независимо от финансового положения страховщика; государственное регулирование системы обязательного социального страхования; паритетность участия представителей субъектов обязательного социального страхования в органах управления системы обязательного социального страхования; обязательность уплаты страхователями страховых взносов; ответственность за целевое использование средств обязательного социального страхования; обеспечение надзора и общественного контроля; автономность финансовой системы обязательного социального страхования» [Федеральный закон № 165-ФЗ, 1999].

А в 442 ФЗ в статье 4 закреплены принципы социального обслуживания, к которым относятся: «равный, свободный доступ граждан к социальному обслуживанию вне зависимости от их пола, расы, возраста, национальности, языка, происхождения, места жительства,

отношения к религии, убеждений и принадлежности к общественным объединениям; адресность предоставления социальных услуг; приближенность поставщиков социальных услуг к месту жительства получателей социальных услуг, достаточность количества поставщиков социальных услуг для обеспечения потребностей граждан в социальном обслуживании, достаточность финансовых, материально-технических, кадровых и информационных ресурсов у поставщиков социальных услуг; сохранение пребывания гражданина в привычной благоприятной среде; добровольность; конфиденциальность» [Федеральный закон № 442-ФЗ, 2013].

В статье 3 ФЗ «О государственной социальной помощи» в качестве целей закона установлены адресность и всеобщность, конечно, мы не можем воспринимать эти нормы как принципы, но установка законодателя на данные принципы прослеживается. Государственная социальная помощь оказывается в целях поддержания уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих, одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации В соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» подчеркивается необходимость адресного использования бюджетных средств; усиления адресности социальной поддержки нуждающихся граждан; создания необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества социальных услуг; снижения уровня социального неравенства; повышения доходов населения [Федеральный закон № 178-ФЗ, 1999]. А такие институты, как пенсионное обеспечение, обеспечение пособиями семей с детьми и при наличии отдельных отношений по установлению социальных гарантий узкому кругу субъектов (инвалиды, дети-сироты, многодетные семьи, лица, пострадавшие в результате техногенных аварий и катастроф, участники СВО и т.д.) вообще не имеют фундаментального основания в своих отношениях. На наш взгляд, первопричиной проблем, возникающих в правоприменительной практике в указанных отношениях, является именно отсутствие концептуальных положений.

Таким образом, анализ законодательных актов и позиции законодателя по вопросу закрепления отраслевых принципов социального обеспечения свидетельствует, что необходимо принять единый кодифицированный акт об основах системы социального обеспечения в Российской Федерации, где должны быть закреплены цели, задачи, принципы, понятия всей системы социального обеспечения. Такой акт позволит исключить двоякое толкование, установить единый фундамент всей системы социального обеспечения.

Отсутствие концептуального подхода законодателя к сущностному пониманию понятия и классификации отраслевых принципов права социального обеспечения вызывает стремление ученых-юристов найти их решение. Например, Е.Е. Мачульская и Ж.А. Горбачева называют следующие основные принципы: всеобщность права на социальное обеспечение; дифференциация социального обеспечения в зависимости от условий труда (вредные, тяжелые и др.), природно-климатической зоны, продолжительности трудового (страхового) стажа, причин нуждаемости и других факторов; комплексность, то есть гарантированность социального обеспечения при наступлении всех социально значимых обстоятельств, установленных законом; адекватность уровня обеспечения для удовлетворения основных потребностей человека [Мачульская, Горбачева, 2000].

С.И. Кобзева наряду с всеобщностью и дифференциацией выделяет еще ряд принципов. Среди них:

– осуществление социального обеспечения за счет как страховых платежей, так и средств бюджета;

– обязанность государства гарантировать уровень социального обеспечения не ниже прожиточного минимума;
– гарантированность социальной помощи в случаях, когда человек нуждается в ней в силу обстоятельств, признаваемых социально значимыми; многообразие видов социального обеспечения;
– участие общественных объединений, представляющих интересы граждан, в разработке, принятии и осуществлении решений по вопросам социального обеспечения и защиты их прав [Право социального обеспечения, под ред. К.Н. Гусова].

М.Л. Захаров и Э.Г. Тучкова к принципам социального обеспечения относят: всеобщность социального обеспечения; предоставление социального обеспечения работнику, бывшему работнику, их семьям и каждому как члену общества без какой-либо связи с трудовой деятельностью; установление уровня социального обеспечения, гарантирующего достойную жизнь человека; многообразие оснований и видов социального обеспечения; дифференциация условий и норм обеспечения в зависимости от ряда социально значимых обстоятельств; участие общественных объединений, представляющих интересы граждан, в разработке, принятии и осуществлении решений по вопросам социального обеспечения и защиты их прав [Захаров, Тучкова, 2004].

Т.С. Гусева акцентирует внимание на конституционных принципах права социального обеспечения, выделяя такие: всеобщность социального обеспечения; гарантированность социального обеспечения; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ в сфере социального обеспечения; финансирование социального обеспечения за счет средств бюджетов всех уровней, социального страхования (обязательного и добровольного), благотворительности и дополнительных форм социального обеспечения [Гусева, 2009].

Г.В. Сулейманова с учетом реалий сегодняшней российской действительности выделяет следующие принципы права социального обеспечения:
– всеобщность и доступность социального обеспечения; всесторонность и многообразие видов социального обеспечения;
– предоставление социального обеспечения в размерах, соответствующих сложившемуся уровню экономики страны;
– осуществление социального обеспечения за счет средств, специально предназначенных для этих целей, дифференциация обеспечения на основании социально значимых обстоятельств [Сулейманова, 2003].

Проведенный анализ позиций различных ученых позволяет обосновать фундаментальные принципы права социального обеспечения, на основе которых базируются и функционируют все нормы данной отрасли права. На наш взгляд, к ним следует отнести всеобщность социального обеспечения, доступность в реализации права на социальное обеспечение, гарантированность в праве на социальное обеспечение, дифференциация условий и норм обеспечения в зависимости от ряда социально значимых обстоятельств, ориентация на достойный уровень жизни в предоставлении объема социального обеспечения [Филиппова, 2013].

Современная система социального обеспечения претерпела значительные изменения. Самое главное изменение произошло в фундаменте системы, а именно в перераспределении значимости отраслевых принципов. Ранее, в советский период, когда социальное обеспечение было главной обязанностью государства, базовым принципом был принцип всеобщности. В современных реалиях базовым принципом стал принцип адресности социального обеспечения.

Практически вся система социального обеспечения встала на рельсы индивидуального адресного подхода. В подтверждение данной позиции можно привести изменение норм основных законов, регулирующих отдельные институты отрасли права социального обеспечения. Так, пенсионное обеспечение для основной массы граждан полностью зависит от дохода гражданина, дохода реального, то есть официально доказанного. Кроме того, современная пенсионная система основана на принципе «каждый сам за себя». Гражданин должен понимать, что, чем больше у него будет объем пенсионного капитала, тем выше размер пенсии. Государство создает дополнительные инструменты вовлечения гражданина в его будущее финансовое благополучие. Так, создан механизм для отсрочки выхода на пенсию, что позволит увеличить на определенные законом дополнительные коэффициенты к размеру пенсии. Также государство позволило самостоятельно участвовать в формировании пенсионного капитала путем покупки баллов в ПК. Это значит, что говорить о размере пенсии для всех сложно, каждый гражданин в зависимости от финансовых возможностей может корректировать свой будущий размер пенсии, и, следовательно, принцип адресности приобретает первостепенный характер.

Думается, что самое яркое отражение принципа адресности происходит в обеспечении пособиями семей с детьми. Законодательство в этом вопросе постоянно видоизменяется, еще нет четкого понятийного аппарата. Нет законодательной стратегии в реализации социального обеспечения многодетных семей, эффективных стимулов поощрения рождаемости в стране, перспективного планирования. Гражданам не всегда понятно, какое имущество учитывается при определении дохода семьи, часто наличие старого имущества, которое не имеет материальной ценности, лишает семью выплат со стороны государства. Правило нулевого дохода, достаточно спорная категория, то есть все трудоспособные члены семьи должны иметь свой собственный доход, если гражданин утратил его, не имея уважительной причины, то он автоматически лишается возможности получить материальное содержание со стороны государства.

Переход системы социального обеспечения от принципа всеобщности к принципу адресности, на наш взгляд, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, имеет место благоприятное влияние на экономику страны, расширяет возможности предоставления материальной поддержки действительно нуждающимся гражданам, но с другой – порождает социальное иждивенчество. Гражданину часто не выгодно показывать свой реальный доход, чтобы не утратить финансовую помощь со стороны государства. А если учесть сложности в определении нуждаемости граждан в мерах социальной поддержки, учета дохода не реального, а рассчитанного из общих начислений, кредитную нагрузку населения (в основном связанную с покупкой жилья), различный порог прожиточного минимума на территориях субъектов Российской Федерации, то принцип адресности имеет чаще всего негативный эффект. Главное противоречие принципа адресности сегодня — это борьба между результативностью бюджета (возможностью дать только тем, кто официально беден) и реальной справедливостью (помочь тем, кому действительно трудно).

Заключение

Таким образом, в современных турбулентных условиях, когда изменяются цели и приоритеты государства, законодателю необходимо нормативное закрепление концептуальных принципов, исходя из научно разработанной стратегии социального обеспечения различных категорий населения. Это позволит более эффективно решать задачи социального обеспечения.

Библиография

1. Андреев В.С. Научные труды: в 2 т. Т. 1. Трудовое право. Право социального обеспечения в СССР. Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 44.
2. Гусева Т.С. Право социального обеспечения в России. Москва, 2009. С. 28.
3. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения. Москва, 2004. С. 119–125.
4. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структура, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166.
5. Мачульская Е.Е., Горбачева Ж.А. Право социального обеспечения. Москва, 2000. С. 41.
6. Право социального обеспечения / под ред. К.Н. Гусова. С. 73.
7. Сулейманова Г.В. Право социального обеспечения. Москва, 2003. С. 49–50.
8. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об основах обязательного социального страхования» // Российская газета. 1999. № 139.
9. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 26.07.2026) «О государственной социальной помощи» // Российская газета. 1999. № 142.
10. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru
11. Филиппова Э.М. К вопросу о понятии принципов права социального обеспечения // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы XV Международной научно-практической конференции с элементами научной школы. Т. II. Челябинск: Цицеро, 2013. С. 225–228.

The Correlation of the Principles of Universality and Targeting in the Modern Social Security System

El'vira M. Filippova

Associate Professor,
South Ural State University,
454080, 76, Lenina ave., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: elvira.filippova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the most important principles of social security: universality and targeting. Based on the analysis of the available scientific literature on this issue, the author identified the fundamental principles of social security, determined the correlation between them, and showed the influence of the changing economic, political, and social priorities of the state on their connection. Taking into account modern factors, the author showed specific examples of the implementation of the principle of targeting and revealed its various aspects. The conclusion is substantiated about the need for normative consolidation of the conceptual principles of social security based on a scientifically developed strategy of social security for various categories of the population.

For citation

Filippova E.M. (2026) Sootnoshenie printsipov vseobshchnosti i adresnosti v sovremennoy sisteme sotsial'nogo obespecheniya [The Correlation of the Principles of Universality and Targeting in the Modern Social Security System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 162-168. DOI: 10.34670/AR.2026.17.59.017

Keywords

Principles of social security, universality, targeting, social security system in the Russian Federation, differentiation of social security, neediness, social support.

References

1. Andreev, V.S. (2013). *Nauchnye trudy: v 2 t. T. 1. Trudovoe pravo. Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR* [Scientific works: in 2 vols. Vol. 1. Labour law. Social security law in the USSR]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA).
2. Federal Law No. 165-FZ of July 16, 1999 (as amended on November 28, 2025) "On the Basics of Compulsory Social Insurance". (1999). *Rossiyskaya Gazeta*, (139).
3. Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999 (as amended on July 26, 2026) "On State Social Assistance". (1999). *Rossiyskaya Gazeta*, (142).
4. Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013 (as amended on December 26, 2024) "On the Basics of Social Services for Citizens in the Russian Federation". (2013). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://pravo.gov.ru
5. Filippova, E.M. (2013). K voprosu o ponyatii printsipov prava sotsial'nogo obespecheniya [On the issue of the concept of principles of social security law]. In *Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s elementami nauchnoy shkoly. T. II* (pp. 225–228). Chelyabinsk: Tsitsero.
6. Guseva, T.S. (2009). *Pravo sotsial'nogo obespecheniya v Rossii* [Social security law in Russia]. Moscow.
7. Kartashov, V.N. (2020). Printsipy prava: ponyatie, struktura, funktsii [Principles of law: concept, structure, functions]. *Yuridicheskaya tekhnika*, (14), 158–166.
8. Machul'skaya, E.E., & Gorbacheva, Zh.A. (2000). *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law]. Moscow.
9. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law] (n.d.). K.N. Gusov (Ed.).
10. Suleymanova, G.V. (2003). *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law]. Moscow.
11. Zakharov, M.L., & Tuchkova, E.G. (2004). *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law]. Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.73 **DOI: 10.34670/AR.2026.86.86.018**

К вопросу об определении предмета предпринимательского права

Авдеева Ирина Сергеевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
394006, Российская Федерация, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95;
e-mail: irenkob712@gmail.com

Аннотация

В работе рассматриваются актуальные проблемы определения предмета предпринимательского права и места отрасли в системе российского права. Подчёркивается комплексный характер отрасли. Анализируется предмет отрасли как система предпринимательских и связанных с ними непредпринимательских отношений, даются критерии выделения предпринимательских отношений. Обосновывается необходимость системного и комплексного анализа отношений, возникающих в сфере предпринимательской деятельности, что повысит качество правоприменения и будет способствовать развитию предпринимательства в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Авдеева И.С. К вопросу об определении предмета предпринимательского права // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 169-174. DOI: 10.34670/AR.2026.86.86.018

Ключевые слова

Предпринимательское право, предмет предпринимательского права, предпринимательские отношения, непредпринимательские отношения в составе предмета предпринимательского права, дуализм частного права, критерии выделения предпринимательских отношений, комплексная отрасль права.

Введение

Предпринимательское право как отрасль российского права занимает особое место в системе права, поскольку регулирует одну из ключевых сфер общественных отношений, возникающих в сфере предпринимательской деятельности, являющейся основой экономического развития и социально-политической стабильности государства. В последние годы предпринимательское право претерпело значительные изменения, отражающие трансформации экономической системы России, переход к рыночной экономике и интеграцию в мировое экономическое пространство. Учитывая относительную «молодость» предпринимательского права, вопрос о точном определении его предмета остаётся спорным и недостаточно проработанным как в науке. Это связано не только с динамичным развитием экономических отношений, но и с многообразием научных концепций предмета предпринимательского права и места отрасли в системе российского права.

Основная часть

Определение предмета предпринимательского права является фундаментальным для построения целостной системы правового регулирования, поскольку именно предмет определяет круг правоотношений, подлежащих правовой регламентации. В отечественной юридической литературе можно встретить различные трактовки предмета предпринимательского права, что затрудняет формирование единой целостной системы, общей правоприменительной практики и разработку эффективно функционирующей нормативной базы. Помимо прочего современные экономические вызовы, такие как цифровизация, глобализация и развитие инновационных технологий, требуют переосмысления традиционных подходов и адаптации правовых норм к новым реалиям.

В юридической науке отсутствует единый подход к определению круга общественных отношений, регулируемых данной отраслью. Более того, не решен вопрос о месте предпринимательского права в системе российского права. Одни исследователи рассматривают предпринимательское право как самостоятельную отрасль, другие отождествляют предпринимательское право с коммерческим (торговым), при этом относя последнее подотраслям гражданского права. Третьи рассматривают предпринимательское право как комплексную отрасль, включающую нормы гражданского, административного, трудового, финансового и иных самостоятельных отраслей права.

Сторонники первой концепции отмечают собственный предмет и метод регулирования в предпринимательском праве. В качестве аргумента указывается наличие особого комплекса общественных отношений, связанного с организацией и осуществлением хозяйственной деятельности. Такой подход был впервые описан академиком Лаптевым В.В. в конце 60-х годов[Лаптев, 1969], и для того времени представлял интерес как попытка систематизации норм, регулирующих внутрихозяйственные связи, взаимоотношения министерств с подведомственными предприятиями. Однако данная концепция существенным образом расходилась с доктриной, поэтому подверглась жесткой критике со стороны цивилистов и впоследствии не нашла значительного количества последователей.

Второй подход основан на отождествлении предпринимательского и коммерческого права [Коммерческое (предпринимательское) право, 2015]. При этом обычно в предмет предпринимательского права приверженцы этой концепции включают лишь

предпринимательские (коммерческие) отношения, то есть отношения между субъектами предпринимательской деятельности и в процессе этой деятельности. Как то отношения в связи с заключением предпринимательских договоров, корпоративные отношения и некоторые другие, рассматриваемые традиционно как часть предмета гражданского права. Более того, именно гражданское право содержит специальные нормы о предпринимательской деятельности, нормы, адресованные только лишь субъектам предпринимательства. Поэтому такой подход небезоснователен.

Вместе с тем сведение предпринимательского права исключительно к гражданскому праву не отражает всей сложности предпринимательской деятельности. Субъект предпринимательства нуждается в государственной регистрации, подлежит антимонопольному, налоговому регулированию, административному контролю, лицензированию, техническому регулированию и т.п. А указанные отношения традиционно регулируются другими самостоятельными отраслями права.

Наиболее распространенным является подход, согласно которому предпринимательское право представляет собой комплексное правовое образование, объединяющее нормы различных отраслей, регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности [Предпринимательское право, 2020].

Комплексный характер предпринимательского права обусловлен особой природой предпринимательства. Экономическая деятельность не существует в рамках одной разновидности правоотношений. Она включает одновременно договорные, корпоративные, административные, налоговые, финансовые, трудовые и процессуальные связи.

Именно такой подход, основывающийся на концепции существования самостоятельных и комплексных отраслей [Алексеев, 1995], права наиболее точно отражает специфику правоотношений в сфере предпринимательства и при этом не противоречит сложившейся правовой доктрине.

В рамках комплексного подхода предпринимательское право можно определить как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления предпринимательской деятельности, а также государственного воздействия на эту деятельность.

Такое определение позволяет учитывать два взаимосвязанных блока отношений, горизонтальные отношения между самостоятельными участниками рынка и вертикальные между предпринимателями и государственными органами [Ершова, 2011].

Теперь рассмотрим состав отношений, составляющих предмет предпринимательского права. В науке, пока еще складывающейся, существует значительное количество различных представлений о системе и классификации отношений, включенных в предмет рассматриваемой отрасли права. Наиболее рациональными представляются следующие варианты.

Во-первых, предмет отрасли можно определить как систему гражданско-правовых, административно-правовых, финансово-правовых, трудовых и иных групп отношений, сгруппированных в зависимости от того, нормы какой самостоятельной отрасли их регулируют. Такая трактовка позволяет отследить правовой характер тех или иных отношений и норм права для более грамотного и эффективного их регулирования.

Во-вторых, предмет предпринимательского права можно представить как систему предпринимательских и тесно связанных с ними непредпринимательских отношений. Такое разделение наиболее точно отражает специфику предпринимательского права как комплектной

отрасли права.

В той связи вначале необходимо определить сущность предпринимательских отношений, составляющих базовое ключевое звено системы. С этой целью следует выделить критерии отнесения отношений к предпринимательским.

Соответствующие критерии были разработаны и используются в тех правопорядках, которые предполагают разделение частного права на гражданское и коммерческое, т.н. дуализм частного права. В России нет явного дуализма частного права, однако в силу наличия специального регулирования отношений именно с участием субъектов предпринимательства можно говорить о слабо выраженном дуализме частного права в России (см., например, ст.ст. 401, 406.1, 431.1 др. Гражданского кодекса РФ) [Гражданский кодекс РФ, часть первая, 1994].

предпринимательских отношений Все правопорядки мира, более или менее предполагающие дуализм частного права в своей системе, сталкиваются с проблематикой выделения соответствующих критериев. Первый критерий – субъектный состав. Так, сторонами предпринимательского правоотношения (или хотя бы одной из сторон) должны выступать субъекты предпринимательской деятельности – юридические лица (и коммерческие, и некоммерческие) и индивидуальные предприниматели.

Второй критерий – сущность правоотношения. Так, в предпринимательском правоотношении стороны должны находиться в процессе или в рамках предпринимательской деятельности.

Только при наличии двух критериев правоотношение можно считать предпринимательским. Проведя анализ соответствующих норм и правоотношений, мы пришли к выводу, что предпринимательские отношения – это отношения договорного характера между субъектами предпринимательства. Некоторые ученые совершенно справедливо отмечают, что предпринимательские отношения возникают и между субъектами предпринимательской деятельности с иными (например, физическими лицами-потребителями). Такая позиция поддерживается не всеми учеными, однако в полной мере отражает специфику правового регулирования договорных обязательств в России [Кирпичев, Кондратьев, 2017].

Помимо предпринимательских отношений в предмет рассматриваемой отрасли входят тесно с ними связанные непредпринимательские отношения. Эти отношения разнородны, регулируются различными отраслями права. В силу этого целесообразно из разделение на три группы:

- отношения, опосредующие предпринимательскую деятельность (например, корпоративные и иные отношения по созданию субъекта предпринимательской деятельности);
- отношения, обеспечивающие предпринимательскую деятельность (например, правоотношения лицензирования);
- отношения, вытекающие из предпринимательской деятельности (например, правоотношения по привлечению субъекта предпринимательства к юридической ответственности).

В этой связи целесообразно выделить признаки непредпринимательских отношений в составе предмета. Во-первых, они связаны с предпринимательскими - опосредуют, обеспечивают их функционирование или вытекают из них. Во-вторых, практически всегда они предполагают воздействие государства на предпринимательскую деятельность субъекта. То есть второй стороной правоотношения будет выступать властный субъект: государственный орган, орган местного самоуправления.

Заключение

Как показал краткий анализ основных подходов к определению предмета предпринимательского права в современной российской правовой науке, подобного рода исследования носят не только теоретический характер, но позволяют выявить пробелы и противоречия в праве, сформировать научно обоснованные предложения по совершенствованию законодательства в сфере предпринимательской деятельности. Это в конечном счете повысит эффективность правового регулирования, обеспечит защиту интересов предпринимателей и государства, а также будет способствовать устойчивому развитию экономики в условиях постоянных экономических и политических кризисов.

В целом результаты исследования подтверждают необходимость системного и комплексного анализа отношений, возникающих в сфере предпринимательской деятельности, что повысит качество правоприменения, будет способствовать повышению правовой стабильности и как итог развитию предпринимательства в России в условиях динамично меняющейся экономической среды.

Библиография

1. Алексеев С.С. Теория права. Москва: Издательство БЕК, 1995. 320 с.
2. Гражданский кодекс РФ. Часть 1: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (в ред. 2026 г.) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
3. Ершова И.В. Двадцатилетие российского предпринимательского права: итоги и перспективы // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права: сборник научных статей. Москва, 2011. С. 35–45.
4. Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Предпринимательское право. Курс лекций. Москва: РГУП, 2017. 148 с.
5. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник / под ред. В.Ф. Попондопуло. Москва: Проспект, 2015. 543 с.
6. Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. Москва: Юридическая литература, 1969. 176 с.
7. Предпринимательское право: учебник для бакалавриата и специалитета / отв. ред. И.В. Ершова. Москва: Проспект, 2020. 688 с.

On the Question of Defining the Subject of Business Law

Irina S. Avdeeva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Central Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
394006, 95, 20-letiya Oktyabrya str., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: irenkob712@gmail.com

Abstract

The paper examines current problems of defining the subject of business law and the place of the branch in the system of Russian law. The complex nature of the branch is emphasized. The subject of the branch is analyzed as a system of entrepreneurial and related non-entrepreneurial relations, and criteria for identifying entrepreneurial relations are given. The necessity of a systemic and comprehensive analysis of relations arising in the sphere of entrepreneurial activity is substantiated, which will improve the quality of law enforcement and contribute to the development

of entrepreneurship in Russia.

For citation

Avdeeva I.S. (2026) K voprosu ob opredelenii predmeta predprinimatel'skogo prava [On the Question of Defining the Subject of Business Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 169-174. DOI: 10.34670/AR.2026.86.86.018

Keywords

Business law, subject of business law, entrepreneurial relations, non-entrepreneurial relations within the subject of business law, dualism of private law, criteria for identifying entrepreneurial relations, complex branch of law.

References

1. Alekseev, S.S. (1995). Teoriya prava [Theory of law]. Moscow: Izdatel'stvo BEK.
2. Civil Code of the Russian Federation. Part 1: Federal Law No. 52-FZ of November 30, 1994 (as amended in 2026). (1994). Rossiyskaya Gazeta, December 8.
3. Ershova, I.V. (2011). Dvadtsatiletie rossiyskogo predprinimatel'skogo prava: itogi i perspektivy [The twentieth anniversary of Russian entrepreneurial law: results and prospects]. In Sovremennye problemy predprinimatel'skogo (khozyaystvennogo) prava: sbornik nauchnykh statey (pp. 35–45). Moscow.
4. Kirpichev, A.E., & Kondrat'ev, V.A. (2017). Predprinimatel'skoe pravo. Kurs lektsiy [Entrepreneurial law. A course of lectures]. Moscow: RGUP.
5. Kommercheskoe (predprinimatel'skoe) pravo: uchebnik [Commercial (entrepreneurial) law: textbook] (2015). V.F. Popondopulo (Ed.). Moscow: Prospekt.
6. Laptev, V.V. (1969). Predmet i sistema khozyaystvennogo prava [Subject and system of economic law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i spetsialiteta [Entrepreneurial law: textbook for bachelor's and specialist programs] (2020). I.V. Ershova (Ed.). Moscow: Prospekt.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.734 **DOI: 10.34670/AR.2026.74.10.019**

Сравнительно-правовой анализ актов центральных банков: модели России, Европейского союза, Польши, Румынии, США и Великобритании

Хван Иван Игоревич

Аспирант,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
630099, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Каменская, 56;
e-mail: khvan@mai.ru

Аннотация

В статье исследуются модели правовых актов центральных банков в России, Европейском союзе, Польше, Румынии, США и Великобритании. Актуальность темы обусловлена тем, что современные центральные банки совмещают функции денежно-кредитного органа, финансового регулятора и надзорного института, вследствие чего их акты приобретают повышенное значение для публичного и частного права. Цель исследования состоит в выявлении общих и особенных черт актов центральных банков в различных правопорядках. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и функциональный методы. В результате установлено, что российская, польская, румынская и европейская модели в большей степени тяготеют к формализованной типизации актов и их официальному опубликованию, тогда как американская и британская модели используют более многослойную систему правил, нормативных предписаний, заявлений о политике, надзорных заявлений и консультационных документов. Делается вывод о том, что перспективным направлением развития российского регулирования является более четкое разграничение обязательных и необязательных актов Банка России, а также развитие процедур публичного обсуждения и последующего пересмотра регуляторных решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Хван И.И. Сравнительно-правовой анализ актов центральных банков: модели России, Европейского союза, Польши, Румынии, США и Великобритании // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2026.74.10.019

Ключевые слова

Центральный банк, Банк России, Европейский центральный банк, Национальный банк Польши, Национальный банк Румынии, Федеральная резервная система, Банк Англии, нормативные акты, сравнительное правоведение, финансовое право, банковское право.

Введение

Современный центральный банк давно перестал быть исключительно эмиссионным институтом. В разных правопорядках он одновременно осуществляет денежно-кредитное регулирование, банковский надзор, макропруденциальную политику, регулирование платежной инфраструктуры, а иногда и более широкое регулирование финансового рынка. Это объективно усиливает значение его актов и делает вопрос об их юридической природе частью общей теории публичного регулирования.

В российском праве Банк России рассматривается как особый публично-правовой институт, не являющийся органом государственной власти, но осуществляющий публичные функции. В Европейском союзе, США, Великобритании, Польше и Румынии центральные банки также действуют через сложные наборы правовых инструментов, отличающихся по форме, юридической силе и порядку опубликования.

Для сопоставления в настоящей статье выбраны шесть моделей. Российская модель представляет центральный банк с прямо закрепленными в законе формами нормативных актов. Европейская модель Европейского центрального банка важна тем, что акты центрального банка встроены в наднациональное право Союза и прямо разделяются на обязательные и необязательные инструменты. Польская и румынская модели позволяют увидеть, как центральные банки государств — членов Европейского союза вне еврозоны сочетают национальную формализацию актов с европейской правовой средой. Американская модель показывает развитую систему нормотворчества и официальной публикации через Федеральный реестр. Британская модель демонстрирует сложную комбинацию свода правил, заявлений о политике и консультационных документов в рамках Банка Англии и Органа пруденциального регулирования.

Основная часть

В России статья 7 Федерального закона о Банке России прямо закрепляет, что Банк России по вопросам своей компетенции издает нормативные акты в форме указаний, положений и инструкций. Эти акты обязательны для федеральных органов власти, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц. Официальное регулирование порядка их опубликования и вступления в силу придает российской модели высокую степень формализации. По своему предмету такие акты охватывают вопросы денежно-кредитной политики, банковского регулирования, обязательных нормативов, резервов, допуска на финансовый рынок, национальной платежной системы и защиты потребителей финансовых услуг. [Банк России, 2026; Банк России, 2026].

Сравнительно-правовая особенность российской модели состоит в том, что форма акта прямо названа в законе, а сам акт включен в классическую схему официального опубликования и последующей судебной проверки [О Центральном банке Российской Федерации, 2002; Банк России, 2026]. В научной литературе это позволяет рассматривать российскую модель как тяготеющую к континентально-европейской традиции формальной юридической определенности, в которой правовая форма акта и пределы его юридической силы имеют самостоятельное значение [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 50–66; Лысова, 2016, с. 108–118].

В праве Европейского союза полномочия Европейского центрального банка на издание собственных актов закреплены на уровне первичного права. Статья 132 Договора о функционировании Европейского союза предусматривает возможность издания регламентов, принятия решений, а также вынесения рекомендаций и заключений [Правовые акты в системе права Европейского союза, 2026]. Официальная правовая база Европейского центрального банка указывает, что к его правовым инструментам относятся также руководящие ориентиры и иные правовые документы [Правовая база Европейского центрального банка, 2026].

Особое значение имеет разграничение юридической силы актов [Правовые акты в системе права Европейского союза, 2026; Ерпылева, 2010, с. 98–113]. В праве Европейского союза различие между обязательными и необязательными актами центрального банка имеет не только теоретическое, но и практическое значение для последующей правовой оценки [Ерпылева, 2010, с. 98–113]. Сравнительно-правовая ценность европейской модели состоит в ясной связи между формой акта, его юридической силой и режимом контроля, что отличает ее от систем, в которых часть документов центрального банка имеет смешанную или промежуточную правовую природу. По существу акты Европейского центрального банка принимаются по вопросам денежно-кредитной политики, валютных операций, управления официальными резервами, функционирования платежных систем, банковского надзора и консультативной деятельности в рамках права Европейского союза. [[Арзуманова, 2012, с. 60–66; Ерпылева, 2010, с. 98–113].

Польская модель сочетает законодательное закрепление статуса Национального банка Польши с институционально разграниченной системой актов. Закон о Национальном банке Польши указывает на наличие постановлений Правления [Закон о Национальном банке Польши, 1997]. Официальные материалы Национального банка Польши по вопросам платежной системы прямо выделяют правовые акты Председателя Национального банка Польши и Правления Национального банка Польши. Соответствующие документы публикуются в официальном вестнике Национального банка Польши [Платежная система Польши. Нормативные акты, 2026].

Сравнительно-правовое значение польской модели состоит в том, что она занимает промежуточное положение между российской и более гибкими англо-американскими системами. С одной стороны, в Польше, как и в России, заметно значение формально определенных актов и их официального опубликования [Закон о Национальном банке Польши, 1997; Платежная система Польши. Нормативные акты, 2026]. С другой стороны, польская система отчетливо разводит акты Председателя и Правления, тем самым институционально дифференцируя источники регулирования внутри самого центрального банка [Платежная система Польши. Нормативные акты, 2026]. В доктринальном плане это позволяет рассматривать польскую модель как пример более детального внутреннего распределения регуляторных полномочий. Польская модель показывает, что акты Национального банка Польши принимаются, в частности, по вопросам платежной системы, а официальный сайт банка также относит к его задачам управление официальными резервами и обслуживание Государственного казначейства. [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 55–60; Ильина, Беспалова, 2014].

Румынская модель также демонстрирует развитую формальную архитектуру актов центрального банка. Официальная структура сайта Национального банка Румынии содержит специальные разделы, посвященные регулированию, указателю регламентов и решениям Совета администрации по денежно-кредитной политике [Регламент Национального банка

Румынии № 1, 2000]. Уже это показывает, что Национальный банк Румынии различает массив регуляторных актов и решения коллегиального органа по вопросам денежно-кредитной политики.

Дополнительное подтверждение дает Регламент Национального банка Румынии № 1 от 30 марта 2000 г., из которого следует, что отдельные операционные процедуры утверждаются приказом Губернатора Национального банка Румынии. Следовательно, румынская модель сочетает регламенты и приказы Губернатора, а также решения коллегиального органа денежно-кредитной политики [Регламент Национального банка Румынии № 1, 2000]. В сравнительном плане это подтверждает, что в континентально-европейской традиции центральный банк чаще использует формализованную систему источников. Официальная структура сайта Национального банка Румынии показывает, что его акты и решения охватывают денежно-кредитную политику, финансовую стабильность, регулирование и лицензирование кредитных организаций, небанковских финансовых организаций, платежных учреждений и эмитентов электронных денег, а также надзор, платежи, эмиссию наличных денег и банковское разрешение [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 60–63; Трунин, Князев, Сатдаров, 2010].

В США правовое пространство актов центрального банка менее жестко типизировано законодателем, но заметно более развито процедурно. Официальный раздел «Все нормативные предписания» на сайте Совета управляющих Федеральной резервной системы показывает, что нормативный массив организован через регламенты, кодифицированные в Своде федеральных правил. Он сопровождается блоками проектов для обсуждения, разъясняющих материалов и руководств по соблюдению требований [Все нормативные предписания, 2026]. Официальная публикация документов осуществляется через Федеральный реестр [Федеральный реестр: страница Федеральной резервной системы США, 2026].

Ключевой особенностью американской модели является роль официальной публикации и консультации [Все нормативные предписания, 2026]. Обсуждение проектов правил реализуется через специальные процедуры публичного уведомления и комментариев [Федеральный реестр: страница Федеральной резервной системы США, 2026]. Поэтому в американской модели центр тяжести смещен с жесткой классификации форм на развитость процедур нормотворчества, публикации и публичного обсуждения. По содержанию акты Совета управляющих Федеральной резервной системы охватывают кредитование через Федеральные резервные банки, резервные требования, электронные переводы средств, участие банков штатов в системе, операции с иностранными банками, межбанковские обязательства и отдельные вопросы потребительского регулирования [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 60–66; Трунин, Князев, Сатдаров, 2010].

В Великобритании центральный банк действует через сложную регуляторную архитектуру. Банк Англии указывает, что пруденциальное регулирование и надзор осуществляются через Орган пруденциального регулирования, являющийся частью Банка Англии [Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. Официальные материалы этого органа разъясняют, что политика для регулируемых организаций реализуется через свод правил, надзорные заявления и заявления о политике [Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. Тем самым британская модель строится как сочетание обязательных правил и более мягких политико-разъяснительных инструментов.

Особенно важно, что британская модель связывает нормотворчество с консультацией и подотчетностью. При выработке политики используются консультационные документы и

анализ издержек и выгод, а сам Банк Англии подчеркивает свою публичную подотчетность [Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. В сравнительном плане это один из наиболее развитых примеров соединения принятия правил, консультации и институциональной отчетности. В британской модели правила и политические документы Органа пруденциального регулирования принимаются по вопросам пруденциального регулирования и надзора за банками, строительными обществами, кредитными союзами, страховщиками и крупными инвестиционными фирмами; при этом правила требуют достаточности капитала и надлежащих систем управления рисками, а официальные разделы политики охватывают также разрешение, кольцевое обособление, стресс-тестирование, отчетность и иные инструменты финансовой устойчивости [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 60–66; Трунин, Князев, Сатдаров, 2010].

Сопоставление шести моделей позволяет выделить три группы. К первой относятся Россия, Польша и Румыния, где заметно значение формально определенных актов центрального банка, их институциональной привязки и официального опубликования [Банк России, 2026; Закон о Национальном банке Польши, 1997; Регламент Национального банка Румынии № 1, 2000]]. Ко второй относится модель Европейского центрального банка, где типология актов также выражена четко, но встроена в наднациональную систему права Европейского союза [Правовая база Европейского центрального банка, 2026; Правовые акты в системе права Европейского союза, 2026; Ерпылева, 2010, с. 98–113]. К третьей относятся США и Великобритания, где правовое пространство центрального банка организовано более многослойно и включает не только правила, но и заявления о политике, надзорные заявления и консультационные документы [Правовая база Европейского центрального банка, 2026; Правовые акты в системе права Европейского союза, 2026; Ерпылева, 2010, с. 98–113]. Такое деление подтверждается и русскоязычными сравнительно-правовыми исследованиями [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 50–66].

Различается и соотношение между юридической силой акта и режимом его проверки. В российском праве нормативные акты Банка России прямо могут быть обжалованы в суде [О Центральном банке Российской Федерации, 2002; Банк России, 2026]. В праве Европейского союза различие между регламентами и решениями, с одной стороны, и рекомендациями и заключениями — с другой, нормативно значимо [Правовые акты в системе права Европейского союза, 2026; Ерпылева, 2010, с. 98–113]. В США и Великобритании акцент чаще смещен на процедуру принятия правил, публикацию, консультацию и последующий пересмотр регулирования [Все нормативные предписания, 2026; Федеральный реестр: страница Федеральной резервной системы США, 2026; Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. Сравнительно-правовой смысл этого различия раскрывается в литературе о статусе и независимости центральных банков [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 55–66].

Англо-американские модели демонстрируют более высокий уровень институционализированной консультации. Федеральная резервная система поддерживает процедуры обсуждения проектов правил [Федеральный реестр: страница Федеральной резервной системы США, 202]. Орган пруденциального регулирования выстраивает принятие правил вокруг консультационных документов и анализа издержек и выгод [Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. На этом фоне российская модель выглядит более классической: ее сильной стороной остается юридическая определенность формы [Банк России, 2026]. Такой вывод подтверждается и русскоязычными исследованиями

организационных моделей центральных банков [Глушко, 2008; Трунин, Князев, Сатдаров, 2010; Ильина, Беспалова, 2014].

Заключение

Сравнительно-правовой анализ показывает, что акты центральных банков нельзя рассматривать как однородную категорию. Российская модель строится вокруг формально определенных нормативных актов — указаний, положений и инструкций [Банк России, 2026]. Польская и румынская модели также тяготеют к формализованной системе актов, но сильнее подчеркивают внутреннее институциональное распределение полномочий [Закон о Национальном банке Польши, 1997; Регламент Национального банка Румынии № 1, 2000]. Модель Европейского центрального банка основана на наднациональной типологии и четком различении обязательных и необязательных инструментов [Правовая база Европейского центрального банка, 2026; Правовые акты в системе права Европейского союза, 2026; Ерпылева, 2010, с. 98–113]. Американская и британская модели выстраивают более гибкое и процедурно насыщенное пространство регулирования [Все нормативные предписания, 2026; Федеральный реестр: страница Федеральной резервной системы США, 2026; Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. В целом такой подход согласуется с выводами русскоязычной доктрины о множественности моделей правового статуса и актов центральных банков [Глушко, 2008; Арзуманова, 2012, с. 50–66].

В практическом плане наиболее интересным для российского права представляется не отказ от существующей системы форм, а ее дальнейшее уточнение. Сравнительный материал показывает полезность более четкого разграничения обязательных и необязательных актов Банка России [О Центральном банке Российской Федерации, 2002; Арзуманова, 2012, с. 60–66], расширения консультационных процедур по проектам значимых регуляторных решений [Федеральный реестр: страница Федеральной резервной системы США, 2026] и развития практики последующего пересмотра действующих правил [Подход Органа пруденциального регулирования к политике, 2026]. Такая модернизация позволила бы сохранить достоинства российской модели — формальную ясность и юридическую определенность [Банк России, 2026; Лысова, 2016, с. 108–118] — и одновременно усилить ее прозрачность и предсказуемость [Глушко, 2008; Трунин, Князев, Сатдаров, 2010; Ильина, Беспалова, 2014].

Библиография

1. Арзуманова Л. Л. Правовой статус центральных банков зарубежных стран и России в регулировании денежной системы: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1(22). С. 50–66.
2. Глушко А. В. Финансово-правовой статус центральных банков зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2008. 215 с.
3. Ерпылева Н. Ю. Европейский центральный банк в институционной структуре европейской банковской системы: правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 98–113.
4. Ильина Т. Г., Беспалова О. В. Организация деятельности центрального банка: учеб. пособие / под ред. А. А. Земцова. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 319 с.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.
6. Лысова Ю. В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 108–118.
7. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ.

8. Трунин П. В., Князев Д. А., Сатдаров А. М. Анализ независимости центральных банков РФ, стран СНГ и Восточной Европы. Москва: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2010. 76 с.
9. All Regulations. Board of Governors of the Federal Reserve System: official website. Washington, D.C. Available at: https://www.federalreserve.gov/supervisionreg/reglisting.htm .
10. Federal Register: Federal Reserve System Agency Page. Federal Register: official website. Washington, D.C. Available at: https://www.federalregister.gov/agencies/federal-reserve-system.
11. Legal Acts in the System of European Union Law. EUR-Lex: European Union law portal. Luxembourg. Available at: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/legal-acts.html .
12. Legal Framework. European Central Bank: official website. Frankfurt am Main. Available at: https://www.ecb.europa.eu/ecb/legal/html/index.en.html .
13. National Bank of Romania Regulation No. 1 of 30 March 2000. National Bank of Romania: official website. Bucharest. Available at: https://www.bnro.ro/files/d/Legislatie/En/R1_2000r1.pdf .
14. Official Publication of the Regulatory Acts of the Bank of Russia. Bank of Russia: official website. Moscow. Available at: https://www.cbr.ru/analytics/na_vr/ .
15. On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002.
16. Payment System in Poland. Regulations. Narodowy Bank Polski: official website. Warsaw. Available at: https://nbp.pl/en/payment-system/regulations/ .
17. The Act on Narodowy Bank Polski of 29 August 1997. Narodowy Bank Polski: official website. Warsaw. Available at: https://nbp.pl/wp-content/uploads/2022/10/the_act_on_the_nbp.pdf .
18. The Prudential Regulation Authority's Approach to Policy. Bank of England: official website. London. Available at: https://www.bankofengland.co.uk/prudential-regulation/publication/2025/february/pra-approach-to-policy-sop .

Comparative Legal Analysis of Acts of Central Banks: Models of Russia, the European Union, Poland, Romania, the USA, and the United Kingdom

Ivan I. Khvan

Postgraduate Student,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
630099, 56, Kamenskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: khvan@mai.ru

Abstract

The article examines the models of legal acts of central banks in Russia, the European Union, Poland, Romania, the USA, and the United Kingdom. The relevance of the topic is conditioned by the fact that modern central banks combine the functions of a monetary authority, a financial regulator, and a supervisory institution, as a result of which their acts acquire increased significance for public and private law. The objective of the research is to identify the common and distinctive features of central bank acts in various legal orders. The methodological basis comprised the formal legal, comparative legal, and functional methods. As a result, it is established that the Russian, Polish, Romanian, and European models gravitate to a greater extent toward a formalized typification of acts and their official publication, whereas the American and British models use a more multi-layered system of rules, regulatory prescriptions, policy statements, supervisory statements, and consultation documents. A conclusion is drawn that a promising direction for the development of Russian regulation is a clearer delimitation of binding and non-binding acts of the Bank of Russia, as well as the development of procedures for public discussion and subsequent revision of regulatory decisions.

For citation

Khvan I.I. (2026) Sravnitel'no-pravovoy analiz aktov tsentral'nykh bankov: modeli Rossii, Evropeyskogo soyuza, Pol'shi, Rumynii, SShA i Velikobritanii [Comparative Legal Analysis of Acts of Central Banks: Models of Russia, the European Union, Poland, Romania, the USA, and the United Kingdom]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2026.74.10.019

Keywords

Central bank, Bank of Russia, European Central Bank, National Bank of Poland, National Bank of Romania, Federal Reserve System, Bank of England, regulatory acts, comparative law, financial law, banking law.

References

1. Arzumanova, L. L. (2012). The Legal Status of Central Banks of Foreign Countries and Russia in the Regulation of the Monetary System: A Comparative Legal Study. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, no. 1(22), pp. 50–66.
2. Erpyleva, N. Yu. (2010). The European Central Bank in the Institutional Structure of the European Banking System: Legal Aspects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 98–113.
3. Glushko, A. V. (2008). *Financial and Legal Status of Central Banks of Foreign States: A Comparative Legal Analysis*: Cand. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 215 p.
4. Ilyina, T. G., Bespalova, O. V. (2014). *Organization of Central Bank Activity*: textbook / ed. by A. A. Zemtsov. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 319 p.
5. Khvan, I. I. (2026) Comparative Legal Analysis of Central Bank Acts: the Models of Russia, the European Union, Poland, Romania, the United States and the United Kingdom. *Journal Title*, Volume(Issue), pp.
6. Lysova, Yu. V. (2016). On the Legal Statuses of the Bank of Russia and Their Practical Significance. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 2, pp. 108–118.
7. Trunin, P. V., Knyazev, D. A., Satdarov, A. M. (2010). *Analysis of the Independence of the Central Banks of the Russian Federation, the CIS Countries, and Eastern Europe*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 76 p.
8. All Regulations. Board of Governors of the Federal Reserve System: official website. Washington, D.C. https://www.federalreserve.gov/supervisionreg/reglisting.htm
9. Federal Register: Federal Reserve System Agency Page. Federal Register: official website. Washington, D.C. https://www.federalregister.gov/agencies/federal-reserve-system
10. Legal Acts in the System of European Union Law. EUR-Lex: European Union law portal. Luxembourg. https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/legal-acts.html
11. Legal Framework. European Central Bank: official website. Frankfurt am Main. https://www.ecb.europa.eu/ecb/legal/html/index.en.html
12. National Bank of Romania Regulation No. 1 of 30 March 2000. National Bank of Romania: official website. Bucharest. https://www.bnro.ro/files/d/Legislatie/En/R1_2000r1.pdf
13. Official Publication of the Regulatory Acts of the Bank of Russia. Bank of Russia: official website. Moscow. https://www.cbr.ru/analytics/na_vr/
14. On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002.
15. Payment System in Poland. Regulations. Narodowy Bank Polski: official website. Warsaw. https://nbp.pl/en/payment-system/regulations/
16. The Act on Narodowy Bank Polski of 29 August 1997. Narodowy Bank Polski: official website. Warsaw. https://nbp.pl/wp-content/uploads/2022/10/the_act_on_the_nbp.pdf
17. The Prudential Regulation Authority's Approach to Policy. Bank of England: official website. London. https://www.bankofengland.co.uk/prudential-regulation/publication/2025/february/pra-approach-to-policy-sop

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.95 **DOI: 10.34670/AR.2026.61.31.020**

Проблемы правоприменения при постановлении судом решения

Лащенкова Яна Вадимовна

Магистрант,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: ya.lashchenkova@rsuj.ru

Аннотация

В статье показано, что эффективность правоприменительной деятельности судов напрямую влияет на общую эффективность всей судебной системы и доверие общества к ней. Проведённый анализ позволил выявить основные проблемы, которые мешают правильно и справедливо выносить решения: неправильное толкование норм, недостаточная проверка доказательств, процессуальные задержки и различия в практике судов. На примере конкретного дела показано, как несоблюдение процедур и неясность законодательства могут привести к несправедливому результату, что подрывает доверие граждан к правосудию. Также отмечены системные факторы, влияющие на работу судов: нехватка ресурсов, высокая нагрузка, давление извне и риск коррупции. Сравнение взглядов российских правоведов помогло уточнить, что собой представляет правоприменение и какие черты этой деятельности особенно важны. Результаты исследования показывают, что проблемы правоприменения связаны с недостаточностью инструментов юридического регулирования, низким уровнем квалификации судей, отсутствием прозрачности и доступности судебных решений, а также неэффективностью распределения ресурсов. Практическая ценность исследования заключается в предложении конкретных шагов по улучшению работы судов: упрощение процедур и стандартов толкования, повышение квалификации судей, внедрение прозрачного контроля, оптимизация ресурсов и использование современных технологий — всё это может быть направлено на повышение точности судебных решений, укрепление правовой определённости и доверия граждан к судебной власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Лащенкова Я.В. Проблемы правоприменения при постановлении судом решения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 183-193. DOI: 10.34670/AR.2026.61.31.020

Ключевые слова

Судебная система, судебное решение, гражданский процесс, правоприменение, правоприменительная деятельность, проблемы правоприменения, толкование норм права, правовая норма, квалификация судей, транспарентность, ресурсное обеспечение, эффективность правосудия.

Введение

Эффективное функционирование судебной системы играет ключевую роль в обеспечении стабильности и прогресса общества. Вопросы правоприменения занимают центральное место в механизме осуществления государственной власти, поскольку именно судебная власть является гарантией законности и справедливости в разрешении правовых споров. Правоприменение – очень сложная и ответственная работа, поэтому сегодня актуально то, что от того, насколько правильно работают суды, зависит доверие общества к судебной системе.

В данной работе сделана попытка выявить проблемы, которые препятствуют эффективному осуществлению правосудия. Особе внимание уделялось тому, как на самом деле применяются нормы законодательства и какие трудности возникают при вынесении судебных решений.

Для анализа использовались труды известных российских правоведов, таких как С.С. Алексеев, Ф.А. Григорьев, В.Н. Карташов, Н.Н. Вопленко и В.М. Сырых. Их идеи помогли понять, что такое правоприменение, какие у него особенности, характерные черты, на что нужно обращать внимание в работе суда. Решение Томского областного суда по телу № 33-24/2025 – конкретный пример, рассмотренный в данной статье, показало, как важно правильно толковать нормы законодательства и строго следовать определенным процедурам.

Сравнение научных взглядов, рассмотрение конкретного примера судебной практики помогли выявить основные проблемы правоприменения, на основании чего автором была сделана попытка предложить способы их преодоления.

Настоящее исследование отличается от предыдущих тем, что оно сочетает в себе глубокий теоретический анализ, основанный на трудах классиков юриспруденции, с детальным изучением конкретных дел судебной практики. Такая комбинация позволяет увидеть как общие закономерности в развитии судебной системы, так и узкие места, вызванные особенностями отдельных видов дел и специфическими условиями работы судов в регионах. Еще одним отличием нашей работы является акцент на поиске практических решений, направленных на устранение имеющихся проблем. Предложенные нами меры направлены на создание условий для последовательного и надежного отправления правосудия, что обеспечит стабильность всей правовой системы и повысит доверие населения к органам судебной власти.

В рамках настоящего исследования, в первую очередь, применялся доктринальный метод, заключающийся в изучении теоретических взглядов отечественных ученых–юристов на понятие и сущность правоприменения. Были рассмотрены подходы таких авторов, как С.С. Алексеев, Ф.А. Григорьев, В.Н. Карташов, Н.Н. Вопленко, В.М. Сырых, что позволило сформировать комплексное представление о правоприменительной деятельности. Также применялся сравнительно–правовой метод, позволивший сопоставить взгляды различных исследователей и определить особенности правоприменительных подходов в российском праве. Метод сравнения показал наличие дискуссионных моментов относительно характера правоприменительной деятельности, ее целей и структуры. Кроме того, в работе использовался метод анализа судебной практики, который показал, насколько важно правильно понимать и применять нормы материального права при вынесении решений. Изучение конкретных дел позволяет сделать вывод, что точная интерпретация норм законодательства, в т.ч. местного, напрямую влияет на правильность вынесения судом решения.

Применение указанных методов позволило получить целостное представление о состоянии правоприменительной деятельности, выявить основные проблемы и подумать над способами их решения.

Определение правоприменения. Характерные черты правоприменительной деятельности

Правоприменение – это важная часть работы государства и ключевой инструмент регулирования общественных отношений.

Судебные решения не просто отражают существующие нормы, они формируют практику применения права, что помогает поддерживать порядок и стабильность в обществе. Правоприменительная деятельность охватывает как случаи законного поведения граждан, так и ситуации с нарушениями. Суд играет здесь главную роль, защищая права людей, обеспечивая справедливое разрешение споров и соблюдение законности.

Разными правоведами предлагаются свои определения и подчеркиваются различные стороны правоприменительной деятельности, что показывает сложность и многогранность этого процесса.

В отечественной юридической науке правоприменение рассматривается как уникальная форма реализации правовых норм, о чем свидетельствуют мнения таких ученых, как С.С. Алексеев, Ф.А. Григорьев и др. [Григорьев, 1971]. В.Н. Карташов определяет, что применение права – это осуществляемая в специально установленных законом формах государственно–властная, организующая деятельность компетентных государственных органов и уполномоченных государством органов общественности по вынесению индивидуально–конкретных предписаний [Карташов, 1980].

Н.Н. Вопленко рассматривает применение права как организационную деятельность, осуществляемую уполномоченными органами. По его мнению, эта деятельность связана с рассмотрением и разрешением конкретных юридических дел посредством издания индивидуальных правовых предписаний, основанных на действующем законодательстве. Иными словами, Н.Н. Вопленко акцентирует внимание на организационном и властном характере правоприменения, где итогом является конкретное решение, адресованное конкретному субъекту [Общая теория государства и права, 2001]. В.М. Сырых рассматривает правоприменение немного иначе; он считает, что применение права – это деятельность государственных органов, нацеленная на принятие решений, приводящих к изменению или прекращению правоотношений в рамках существующих правовых норм [Сырых, 2012]. В отличие от Н.Н. Вопленко, В.М. Сырых больше говорит о том, что через применение права можно регулировать отношения в обществе, меняя их правовую форму.

Такие формулировки дают возможность выделить принципиально важные признаки правоприменительной деятельности, непосредственно связанные с процессом принятия судебного акта:

1. Праворегуляционная функция. Судебная деятельность формирует нормы права «в действии», определяет права и обязанности участников правоотношений, регулирует самые разные стороны жизни людей и организаций, поэтому судебная власть несет особую ответственность за строгое соблюдение законности.

2. Государственно-властная природа. Решения суда носят характер государственного акта, обладающего императивной силой. Это создает риски злоупотребления властью или непрофессиональности участников процесса;

3. Судебный процесс формален. Требования к соблюдению процессуальной формы необходимы для гарантии законности, но при недостаточной гибкости механизма формализм становится препятствием к справедливому разрешению конкретного дела;

4. Специальный субъект властно-правового действия. Юридическая возможность осуществления права принадлежит определенному субъекту – суду. Риски: низкая квалификация судьи, его предвзятость, влияние;

5. Индивидуализация правового воздействия. Судебные акты адресованы конкретным лицам и юридическим образованиям. Изучение данной характеристики позволяет выявить риск искажения обстоятельств дела при принятии решения, что влечет за собой необоснованное ограничение субъективных прав конкретного участника правоотношений;

6. Управленческая природа права. Правоприменение (включая судебное) – вид управленческой деятельности, обеспечивающий социальный результат (сохранение правопорядка, разрешение конфликта). От качества решений зависит эффективность управления;

7. Определенные условия, инициирующие деятельность. Правоприменение инициируется конкретной жизненной ситуацией, требующей правовой оценки и разрешения. Проблемы могут возникать из–за неполноты или недостоверности информации, представленной суду, а также из–за пробелов в законодательстве [Общая теория государства и права, 2001].

Все это позволяет предложить следующую дефиницию правоприменения при постановлении судом решения: это реализация правомочий суда в пределах своей компетенции, направленная на официальное признание существования определенных обстоятельств и прав субъектов, оформление правового статуса участников спора и обеспечение защиты нарушенных прав и законных интересов на основе норм действующего законодательства.

Проблемы правоприменения при постановлении судом решения

Исходя из данного определения правоприменению при постановлении судом решения, под проблемами правоприменения при постановлении судом решения, по нашему мнению, можно понимать комплекс трудностей, возникающих в процессе отправления правосудия и препятствующих эффективному осуществлению полномочий суда, таких как неправильное толкование правовых норм, недостаточность или недостоверность доказательств, сложности в установлении фактических обстоятельств дела, низкая квалификация судей и юристов, недостаточный уровень правовой культуры общества, дефицит ресурсов и перегруженность судов.

Ученые и практикующие юристы регулярно занимаются анализом толкования правовых норм, так как важно не только понять истинное содержание правовой нормы, но и донести этот смысл до всех участников имущественных отношений, как действующих, так и потенциальных [Прохорко, 2024]. Таким образом, в процессе толкования происходит осмысление права, его расшифровка и обоснование в виде конкретизирующих понятий и суждений о содержании намерений законодателя. Целью толкования правовых актов является выявление истинного смысла законодательных норм, каждая из которых представляет собой словесное выражение воли законодателя [Руслан, 2020].

В деле № 33–24/2025 суд апелляционной инстанции (Томский областной суд) проанализировал подход суда первой инстанции к расчету размера неосновательного обогащения и пришел к выводу о его ошибочности.

Суд первой инстанции исходил из рыночной стоимости земельного участка при расчете неосновательного обогащения. Однако апелляционная инстанция указала, что такой подход основан на неверном толковании норм права. Согласно положениям Земельного кодекса РФ (ст.

65) и Гражданского кодекса РФ (ст. 424, ст. 39.7), арендная плата за пользование землей является регулируемой ценой – ее стоимостное выражение и период действия могут быть установлены на основании нормативного акта

Это означает, что при расчете размера неосновательного обогащения за пользование земельным участком необходимо применять нормативно установленные ставки арендной платы, а не рыночную стоимость. Такой вывод соответствует принципу справедливости: лицо, пользовавшееся имуществом без внесения платы, не может быть поставлено в лучшее положение, чем добросовестный арендатор, вносящий плату на основании закона и договора

Апелляционная инстанция сослалась на локальный нормативный акт – Положение «О переходе на взимание арендной платы за пользование земельными участками, находящимися в муниципальной собственности и предоставленными в аренду от имени муниципального образования «Город Томск» (утв. решением Думы Города Томска от 05.06.2011 № 172), в котором закреплена формула расчета годовой арендной платы (п. 2.1.3), учитывающая площадь участка, удельный показатель кадастровой стоимости, ставку арендной платы, коэффициенты к ставкам, коэффициент инфляции.

Истец представил расчет, выполненный по этой формуле, с учетом доли каждого ответчика и иных параметров. Ответчики не оспаривали этот расчет, а суд апелляционной инстанции проверил его и признал правильным.

Таким образом, суд апелляционной инстанции скорректировал подход суда первой инстанции, указав на необходимость применения нормативно установленного порядка расчета арендной платы вместо ориентира на рыночную стоимость участка (Апелляционное определение Томского областного суда от 15.07.2025 № 33–24/2025).

Апелляционное определение Томского областного суда от 15.07.2025 № 33–24/2025 подтверждает важность точного и грамотного применения норм материального права при постановлении судом решения. Судебные решения должны основываться на четком соблюдении норм действующего законодательства, которое регулирует соответствующие отношения. Это позволяет избежать произвольного толкования и обеспечивает правовую определенность, что является необходимым условием для справедливого разрешения споров. Расчеты и оценки, связанные с арендными платежами или другими обязательствами, должны производиться в строгом соответствии с местными нормативными актами. Такой подход требует учета конкретных показателей и нормативов, утвержденных региональными властями, что способствует соблюдению прав граждан и организаций.

Обоснование расчетов должно быть представлено суду с обоснованием правильности расчетов. При отсутствии возражений ответчиков и подтверждении расчетов судом можно сделать вывод о целесообразности своевременного представления обоснований и ссылки на соответствующие нормативные акты.

Важным элементом объективной справедливости выступает запрет на предоставление привилегий одной стороне в ущерб другой. Он необходим для обеспечения равных начал и защиты интересов добросовестных участников гражданского оборота.

Таким образом, эффективное правоприменение предполагает системный подход к истолкованию норм законодательства, учет локальных актов и идеи справедливости, что в итоге ведет к более качественному и справедливому правосудию.

Одной из серьезных проблем правоприменения при вынесении судебных решений является ценностный релятивизм: восприятие норм права и конкретных обстоятельств дела различно в зависимости от социальной группы и региона, что препятствует унификации практики даже при

наличии единого государственного курса. Степень неопределенности усиливается при взаимодействии формально установленных норм права с иными регулятивными факторами (обычаями, неофициальными нормами поведения и т.п.).

Отдельная проблема – анализ результативности правоприменения. Классические социолого-правовые подходы и догматический анализ недостаточны: необходим переход к «микрофизике» реализации права – изучению конкретных действий, мотивов и коммуникаций участников процесса (судьи, сторон, экспертов). Данный акцент на субъективное восприятие закона делает возможным понять, как закон действует на практике, какие отклонения и искажения возникают при его применении, и как влияют на ход правового процесса исторические и культурные факторы, придающие нормам и фактам специфическое социальное и личностное значение [Честнов, 2015].

Кроме перечисленных, при постановлении судебного решения наблюдаются и другие системные проблемы:

– нечеткость и неопределенность (абстрактные формулировки, широкие диспозитивные нормы), допускающие чрезмерную степень субъективной оценки;

– несовершенство прецедентной практики и ее неполная систематизация, приводящая к неравномерности правоприменения;

– региональные различия в оснащенности судов, уровне квалификации судей, что сказывается на аргументированности выводов и детальности фактологической проверки;

– институциональные риски: внешнее давление, коррупция, конфликты интересов, ограничивающие судебную независимость, влияющие на принятие решений;

– процессуальные задержки и загрузка судов, вынуждающие судей принимать решения в сжатые сроки, не всегда качественно и полноценно;

– проблемы доказывания и оценки доказательств, в том числе в части доступа к экспертизе и качества экспертных заключений;

– когнитивные и поведенческие факторы (судейские предубеждения, групповое мышление), определяющие восприятие фактов и выбор правовых категорий;

– не всегда прозрачная процедура вынесения решений и недостаток формализованного обоснования принимаемых решений, что мешает контролю и стандартизации практики;

– сложности принудительного исполнения решений и контроля их практического воздействия на защиту прав.

Предложения для повышения качества правоприменения при постановлении решений судом

Для повышения качества правоприменения при вынесении решений судом целесообразно сочетать институциональные и методологические меры:

а) разработка понятных руководств по толкованию и применению ключевых норм; систематизация и доступность судебной практики.

Разработка ясных и простых руководств по толкованию и применению ключевых норм является эффективным механизмом повышения качества правоприменения при постановлении решения. Формализация таких инструкций в виде методических рекомендаций, типовых алгоритмов и образцов мотивировочной части снижает риск произвола и разночтений при применении норм (будет способствовать росту единообразия решений внутри регионов и между ними, уменьшая вероятность появления противоречивых прецедентных случаев). Практической

основой для реализации этого подхода являются централизованные базы судебных решений, официальные разъяснения Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также специализированные издания с комментариями и примерами по наиболее острым проблемам.

Возможны и иные меры: например, совершенствование положений о прецедентном значении дел (уточнение критериев отнесения дел к прецедентным), что позволит избежать формализации прецедентного процесса. Преюдиция как механизм судебной прецедентности в России выполняет стабилизирующую функцию. Тем не менее при грамотном применении он способен улучшить качество судебных решений и защитить права сторон [Швец, 2025].

При этом следует учитывать и ограничения. Применение таких методических рекомендаций возможно только при условии их периодической корректировки и адаптации к новому законодательству, практике применения норм. Слишком жесткие правила рискуют превратиться в «искусственную шаблонность», которая дегуманизирует процесс и снижает качество правосудия, вызывая недовольство сторон. Важно обеспечить баланс между унификацией и адаптацией – именно такая гибкость обеспечивает эффективное внедрение модели.

б) повышение квалификации судей с включением междисциплинарного блока (социология, психология, история). Развитие междисциплинарных компетенций (психология, социология, история) судьи способствует повышению качества правоприменительной деятельности. Особое место занимают курсы и тренинги, посвященные методологии социальных исследований, психологическим механизмам свидетельского поведения, социальной обусловленности событий. Такие знания позволяют глубже понять не только сам факт, но и внутренние побуждения участников процесса, а также последствия принятых решений.

Результатом такого повышения квалификации судей может стать повышение качества проверки, корректности оценки доказательств и снижение количества ошибок, вызванных неправильной интерпретацией поведения участников процесса. В результате, судьи делают более взвешенные, социально ориентированные решения, демонстрируя высокий уровень профессионализма и чуткость к человеческим мотивам.

Практическая составляющая реализуется через обязательные стажировки, участие в специализированных междисциплинарных семинарах и приглашение экспертов–консультантов в особо сложных делах. Поскольку время на обучение ограничено, целесообразно внедрение модульного обучения и дистанционных образовательных технологий, обеспечивающих гибкое сочетание теории и практики при сохранении оптимальной нагрузки.

в) транспарентность и антикоррупционные механизмы. Эффективность правоприменения в судах напрямую связана с внедрением прозрачных процедур и антикоррупционных механизмов. Один из способов улучшения ситуации – организация открытого конкурсного отбора кандидатов на должности судей, декларирование конфликтов интересов, регулярный внешний аудит, публикация мотивировок решений и материалов по дисциплинарным делам. Дополнительно предлагается ввести систему ротации судей в подразделениях с повышенным риском коррупции [Голоманчук, Орлова, 2023]. Такие нововведения могут принести ощутимый эффект: укрепить общественное доверие к судебной системе, снизить коррупционное давление на процессы принятия решений, усилить личную ответственность судей.

В настоящее время широко внедряются современные инструменты поддержки прозрачности: создаются электронные регистры судебных дел, формируются независимые этические комиссии, налаживаются эффективные механизмы приема и рассмотрения жалоб, проводится постоянный внешний контроль. Несмотря на положительные тенденции, остается

задача сочетания прозрачности с должной защитой конфиденциальности и персональных данных участников процесса.

г) эффективное решение проблемы правоприменения в судах требует качественного ресурсного обеспечения [Вторая, 2024]. Достаточное количество судей и работников аппарата, оснащенная современными технологиями техническая база, свободный доступ к специализированным базам данных, поддержка профессиональных экспертов и переводчиков существенно облегчают нагрузку на судебную систему и ускоряют сроки рассмотрения дел. Такой подход оказывает позитивное влияние на эффективность судопроизводства: снижается количество технических ошибок и пропусков сроков, появляется больше времени для глубокого анализа материалов дела, повышаются качество и обоснованность мотивировочной части решений.

Практика показывает, что улучшить обеспечение ресурсами можно несколькими путями: увеличив вложения в техническую инфраструктуру, внедрив цифровые решения для автоматизации повседневных операций, а также привлекая независимую экспертизу. Однако сами по себе эти меры не гарантируют успеха – ключевую роль играет грамотное планирование бюджета и налаженный контроль за расходами. Только в этом случае можно реально оценить, насколько эффективно используются вложенные средства и какую отдачу они приносят.

д) важное значение имеют эмпирические исследования «снизу», ориентированные на анализ реальной практики правоприменения. Такие исследования – включая глубинные интервью с судьями, адвокатами и другими участниками процесса, а также наблюдение за работой судов в конкретных регионах – позволяют увидеть то, что не всегда отражено в формальных нормах. Они помогают выявить скрытые механизмы принятия решений, существующие неформальные практики и те реальные препятствия, которые мешают эффективному применению законодательства.

Такой подход дает мощный аналитический эффект: он помогает не только объяснить, почему и как происходят отклонения, но и понять, как на решение судей влияют социальные, культурные и институциональные факторы. Полученные данные служат базой для корректировки правотворческой политики и анализа эффективности уже принятых норм. Реализация такого подхода требует системного сопровождения: регулярного выпуска аналитических докладов, пилотных проектов, налаженной обратной связи между научной экспертизой и судебной практикой. Результаты исследований активно внедряются в учебные программы, методические рекомендации и тренинги для судей.

Но есть и обратная сторона. Методологически такой подход требует высокой степени репрезентативности, этической корректности и, что особенно важно, – практической проработки полученных результатов.

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ошибки при применении права при вынесении судебных актов носят комплексный характер. Неправильное толкование правовых норм, на примере с делом № 33–24/2025, приводит к необоснованному обогащению одних участников процесса за счет других. Нормативная неясность и неопределенность в законодательстве ведут к процессуальной раздробленности (разному толкованию одного и того же закона разными судами), задержки в рассмотрении дел, перегруженность судов требуют от судей принимать решения в ускоренном темпе, что сказывается на качестве правоприменения.

Недостаток ресурсов не позволяет обеспечивать качество и оперативность исполнения судебных функций. Существенные риски для независимости судов создают предвзятость и внешнее давление на судебные органы, коррупция.

Все перечисленные обстоятельства подтверждают необходимость совершенствования судебной системы.

Опираясь на выводы научной части, можно сделать вывод о том, что несовершенство правоприменительной практики существенно усложняет механизмы реализации права. Прежде всего хотелось бы рассмотреть возможные пути совершенствования.

Во-первых, нужна формализация и стандартизация процедур толкования и применения норм. Во-вторых, важна работа с кадрами судей. В-третьих, необходимо усилить механизмы просвещения и контроля. Открытые отчеты о деятельности судов, ротация судей, прозрачный конкурсный отбор кадров способны повысить общественное доверие к судебной системе.

Еще одним направлением является рационализация материально-технического обеспечения. Применение передовых технологий, нормальный уровень финансирования и профессиональная поддержка сделают работу судов более эффективной и качественной.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает актуальность решения выявленных проблем правоприменительной деятельности и раскрывает практические перспективы преодоления препятствий в реализации правосудия.

Библиография

1. Вторая Е.А. Судебная система Российской Федерации: реформы, пути совершенствования, тенденции развития // Вестник науки. 2024. № 7 (76). С. 212–217.
2. Голоманчук Э.В., Орлова Е.Р. Экономические и правовые аспекты противодействия коррупции в России // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 8 (263). С. 49–57.
3. Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1971. 17 с.
4. Карташов В.Н. Применение права. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1980. 74 с.
5. Миняшева Г.И. Правоприменение как правовая категория // Вестник УЮИ. 2013. № 3 (61). С. 10–14.
6. Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Зерцало-М, 2001. 518 с.
7. Прохорко Т.Н. Толкование гражданско-правовых норм и юридическая техника: некоторые проблемы применения гражданско-правовых норм // Искусство правоведения. The art of law. 2024. № 1.
8. Руслан Б.Г. Толкование норм права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 68–72.
9. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юстицинформ, 2012. 704 с.
10. Честнов И.Л. Теоретические проблемы правоприменения // Криминалистъ. 2015. № 2 (17). С. 76–79.
11. Швец Д.И. Преюдиция в российской судебной системе: влияние на правосудие // Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. С. 91–94.

Problems of Law Enforcement in the Rendering of a Judgment by a Court

Yana V. Lashchenkova

Master's Degree Student,
Lebedev Russian State University of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ya.lashchenkova@rsuj.ru

Abstract

The article shows that the effectiveness of the law enforcement activity of courts directly affects the overall effectiveness of the entire judicial system and public trust in it. The conducted analysis made it possible to identify the main problems that hinder the correct and fair rendering of decisions: incorrect interpretation of norms, insufficient verification of evidence, procedural delays, and differences in court practice. Using the example of a specific case, it is shown how non-compliance with procedures and the ambiguity of legislation can lead to an unfair result, which undermines citizens' trust in justice. Systemic factors influencing the work of courts are also noted: lack of resources, high workload, external pressure, and the risk of corruption. A comparison of the views of Russian legal scholars helped to clarify what law enforcement is and which features of this activity are especially important. The results of the research show that the problems of law enforcement are connected with the insufficiency of legal regulation instruments, the low level of judges' qualifications, the lack of transparency and accessibility of court decisions, as well as the inefficiency of resource allocation. The practical value of the research lies in proposing concrete steps to improve the work of courts: simplification of procedures and standards of interpretation, improvement of judges' qualifications, introduction of transparent control, optimization of resources, and the use of modern technologies – all of this can be directed at increasing the accuracy of court decisions, strengthening legal certainty, and citizens' trust in the judicial authority.

For citation

Lashchenkova Ya.V. (2026) Problemy pravoprimeneniya pri postanovlenii sudom resheniya [Problems of Law Enforcement in the Rendering of a Judgment by a Court]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 183-193. DOI: 10.34670/AR.2026.61.31.020

Keywords

Judicial system, court decision, civil procedure, law enforcement, law enforcement activity, problems of law enforcement, interpretation of legal norms, legal norm, qualifications of judges, transparency, resource provision, effectiveness of justice.

References

1. Chestnov, I.L. (2015). Teoreticheskie problemy pravoprimeneniya [Theoretical problems of law enforcement]. Kriminalist", (2(17)), 76–79.
2. Golomanchuk, E.V., & Orlova, E.R. (2023). Ekonomicheskie i pravovye aspekty protivodeystviya korruptsii v Rossii [Economic and legal aspects of combating corruption in Russia]. Imushchestvennye otnosheniya v RF, (8(263)), 49–57.
3. Grigor'ev, F.A. (1971). Akty primeneniya norm sovetskogo prava [Acts of application of Soviet law norms] (Author's abstract of PhD in Law dissertation). Saratov.
4. Kartashov, V.N. (1980). Primenenie prava [Application of law]. Yaroslavl: Izd-vo Yaroslavskogo un-ta.
5. Lashchenkova, Ya.V. (2026) Problemy pravoprimeneniya pri postanovlenii sudom resheniya [Problems of Law Enforcement in Judicial Decision-Making].
6. Minasheva, G.I. (2013). Pravoprimenenie kak pravovaya kategoriya [Law enforcement as a legal category]. Vestnik UYUI, (3(61)), 10–14.
7. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [General theory of state and law] (2001). M.N. Marchenko (Ed.), Vol. 2, 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M.
8. Prokhorko, T.N. (2024). Tolkovanie grazhdansko-pravovykh norm i yuridicheskaya tekhnika: nekotorye problemy primeneniya grazhdansko-pravovykh norm [Interpretation of civil law norms and legal technique: some problems of applying civil law norms]. Iskusstvo pravovedeniya. The art of law, (1).
9. Ruslan, B.G. (2020). Tolkovanie norm prava [Interpretation of legal norms]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti, (5), 68–72.

10. Shvets, D.I. (2025). Preyuditsiya v rossiyskoy sudebnoy sisteme: vliyanie na pravosudie [Prejudice in the Russian judicial system: impact on justice]. Ekonomika i pravo. XXI vek, (2), 91–94.
11. Syrykh, V.M. (2012). Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law] (6th ed.). Moscow: Yustitsinform.
12. Vtoraya, E.A. (2024). Sudebnaya sistema Rossiyskoy Federatsii: reformy, puti sovershenstvovaniya, tendentsii razvitiya [The judicial system of the Russian Federation: reforms, ways of improvement, development trends]. Vestnik nauki, (7(76)), 212–217.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.44:347.965:342.73(470+571) **DOI: 10.34670/AR.2026.12.68.021**

Особенности регулирования соглашения об оказании юридической помощи в силу публичной значимости адвокатской деятельности

Сергеева Арина Александровна

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34;
e-mail: arinaserg15032000@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования аргументируется усиливающимся напряжением между диспозитивными началами свободы договора и публично-правовыми гарантиями предоставления квалифицированной юридической помощи. В современных реалиях обеспечение конституционных прав граждан всё чаще сталкивается с жёстким, сугубо экономическим подходом к оценке труда защитников. Цель работы состоит в анализе того, как именно публичная значимость адвокатской деятельности преобразует и объективно ограничивает классические цивилистические механизмы при заключении соответствующего соглашения. Как представляется, в доктрине и правоприменительной практике сохраняются острые концептуальные противоречия. В частности, наблюдается выраженный конфликт между стремлением арбитражных управляющих аннулировать выплаты поверенным в делах о несостоятельности и режимом абсолютной профессиональной тайны. Одновременно с этим до конца не преодолены разногласия относительно видовой принадлежности самой сделки и допустимых пределов взыскания легализованного «гонорара успеха» с процессуальных оппонентов. Автор приходит к выводу, что свобода усмотрения сторон здесь существенно сужена императивными предписаниями профильного законодательства. Обосновано, что нормы о банкротстве не могут блокировать доступ финансово уязвимых субъектов к правосудию, а конфиденциальность выработанной стратегии обладает безусловным приоритетом перед требованиями конкурсных кредиторов. Авторский вклад проявился в систематизации судебной практики по оспариванию подобных соглашений; в разработке конкретных предложений по внедрению проверяемых метрик качества работы юриста и закреплению презумпции действительности выплаченных гонораров. Сформулированные рекомендации помогут уменьшить субъективизм при оценке стоимости услуг. Представленные материалы будут полезны практикующим цивилистам, судьям, финансовым управляющим при разрешении обособленных споров.

Для цитирования в научных исследованиях

Сергеева А.А. Особенности регулирования соглашения об оказании юридической помощи в силу публичной значимости адвокатской деятельности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 194-202. DOI: 10.34670/AR.2026.12.68.021

Ключевые слова

Адвокатская деятельность, банкротство, гонорар успеха, квалифицированная юридическая помощь, свобода договора, соглашение об оказании юридической помощи, адвокатская тайна, публично-правовой статус адвоката.

Введение

В Конституции Российской Федерации посредством содержания статьи 48 четко гарантируется каждому гражданину право на получение квалифицированной юридической помощи. Указанное положение выступает в качестве базового ориентира для всей национальной правовой системы, определяя вектор развития законодательства в сфере защиты прав и свобод человека. По существу, государство берет на себя позитивную обязанность по обеспечению соответствующих условий, которые способствуют подготовке профессиональных юристов, а также установлению строгих квалификационных критериев. Это право реализуется, главным образом, благодаря институту адвокатуры, системы бесплатной юридической поддержки. В современной науке и практике регулярно возникает сложный, многогранный вопрос на предмет правовой природы соглашения об оказании юридической помощи.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума № 16 от 14.03.2014 г. «О свободе договора и ее пределах» справедливо отметил, что норма, определяющая права и обязанности сторон, должна толковаться исходя из ее существа и целевых ориентиров регулирования. Правовые цели служат неотъемлемым звеном механизма воздействия на общественные отношения. Как обоснованно утверждает В. М. Сырых, цели остаются определяющим компонентом любого закона, независимо от того, прописаны ли они в специальных предписаниях [Сырых, 2000]. В частности, социальная цель трансформируется в социально-правовую в тот момент, когда попадает в орбиту законодательного регулирования, где для ее достижения используются юридические инструменты.

С одной стороны, деятельность по предоставлению платных правовых услуг традиционно регламентируется нормами гражданского права, в частности, положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) о возмездном оказании услуг. С другой, специфика субъектного состава (участие поверенного, который наделен особым публично-правовым статусом), неизбежно накладывает заметный отпечаток на договорные конструкции. Вследствие этого отметим, что диспозитивные начала регулирования в рассматриваемой области в определенной степени ограничены. Публичная значимость профессиональной защиты прав диктует необходимость поддержания равновесия между автономией воли сторон и общественными интересами.

Позиция Правительства России в отношении развития характеризуемого института отражена в Государственной программе РФ «Юстиция» (она утверждена Постановлением от 15.04.2014 № 312). В упомянутом документе ставится задача упорядочения системы оказания квалифицированной помощи и формирования единого рынка соответствующих услуг. Видимо, именно в потребности соблюдения баланса интересов выражена ключевая целевая установка законодательного воздействия. Впрочем, невзирая на закрепление основных правил в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», многие аспекты остаются дискуссионными. Это касается как самой квалификации соглашения, так и его существенных условий. В правоприменительной практике

последних лет всё чаще возникают коллизии, к примеру, при оспаривании гонораров в процедурах банкротства.

В статье предполагается рассмотреть влияние публично-правового статуса на цивилистические механизмы. Разумно предположить, что статус защитника как гаранта конституционных прав формирует уникальную нормативную модель.

Материалы и методы исследования

При подготовке статьи массив научной литературы, НПА и судебная практика были отобраны исходя из того, что они формируют надежную теоретическую и эмпирическую базу для анализа правовой природы соглашения об оказании юридической помощи. Исследователи используют различные подходы. Так, фундаментально-теоретический вектор, который прослеживается в трудах Л. Т. Бакулиной [Бакулина, 2019], В. М. Сырых [Сырых, 2000], позволяет определить общее место рассматриваемого договора в системе права. В сопоставлении с ними, более узкий цивилистический ракурс задействован М. С. Баранниковым [Баранников, 2021], И. В. Выймовым, Т. Е. Сучковой, Е. Н. Редикульцевой [Выймов, Сучкова, Редикульцева, 2024], И. М. Исаковым, Л. Ю. Новицкой [Исаков, Новицкая, 2024], А. И. Киркиной [Киркина, 2024] для выявления существенных условий и видовой специфики соглашения. Их выводы подкрепляются строгой терминологической базой, которая предложена А. А. Васяевым и О. Г. Васяевой [Васяев, Васяева, 2024]. По существу, особый акцент в изысканиях сделан на проблемных аспектах ценообразования. В частности, Г. Асташов [Асташов, 2026], А. Г. Баталов [Баталов, 2022], И. В. Выймов [Выймов, 2025], В. В. Зайцев [Зайцев, 2023] применяют практико-ориентированный подход к анализу так называемого «гонорара успеха», а Э. М. Дидык [Дидык, 2022] рассматривает межотраслевые коллизии адвокатской тайны сквозь призму процедур несостоятельности.

Между тем, в источниках фиксируются концептуальные противоречия. Основные научные дискуссии разворачиваются вокруг правовой квалификации самого соглашения (имеет место разброс мнений от классического договора возмездного оказания услуг до самостоятельного непоименованного контракта), а также относительно допустимых пределов взыскания премии за результат с процессуального оппонента. Одновременно с этим в литературе обнаруживается определенный пробел в части отсутствия проработанных механизмов защиты конфиденциальности доверителя при оспаривании сделок арбитражными управляющими и дефицита единых нормативных критериев для оценки качества квалифицированной помощи.

При написании статьи использованы формально-юридический (для точного толкования положений законодательства об адвокатуре и гражданского права), диалектический методы, обобщение. Их выбор продиктован необходимостью исследовать соглашение не статично, а в динамике, учитывая неразрывное единство его частноправовой договорной формы и публично-правового значения деятельности поверенного.

Результаты и обсуждение

Переходя к основному массиву проблематики, предлагается, в первую очередь, остановиться на дефинициях. Само понятие юридической помощи в актуальном российском законодательстве эксплицитно не раскрыто. Между тем, в доктрине, в частности, в Словаре терминов по адвокатуре России, данная категория трактуется как содействие физическому или

юридическому лицу в осуществлении действий правового характера для защиты их интересов и свобод, а также восстановления нарушенных прав [Васяев, Васяева, 2024]. По сути, это адресное, невластное, профессиональное содействие. Оно осуществляется, чтобы преодолеть проблемную ситуацию доверителя. Здесь кроется острая проблема разграничения юридической помощи и банальных юридических услуг [Бакулина, 2019; Баранников, 2021; Выймов, Сучкова, Редикульцева, 2024; Киркина, 2024].

Согласно статье 1 Закона об адвокатуре, помощь, которая оказывается корпоративными юристами, работниками государственных органов, коммерческих организаций либо индивидуальными предпринимателями, не является адвокатской деятельностью. Примечательно, что профессиональные защитники оказывают именно квалифицированную помощь. Они подчиняются Кодексу профессиональной этики (принят 31.01.2003) и актам Федеральной палаты адвокатов РФ (ФПА России). Практикующие юристы без статуса подобными публичными стандартами не обременены. Как разъяснял Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28.01.1997 № 2-П, государство обязано установить квалификационные требования и критерии, чтобы обеспечить качественную поддержку населению. В данной связи отметим дискуссионность правовой природы самого соглашения с доверителем. В Законе об адвокатуре (ст. 25) он определяется как гражданско-правовой договор – заключается в простой письменной форме. Относительно долго в профессиональной среде характеризуемый документ рассматривали вариативно: как поручение, подряд, смешанную сделку или вовсе непоименованный договор [Исаков, Новицкая, 2024]. Ранее профильный закон содержал прямое указание на конструкцию возмездного оказания услуг для иных видов юридической помощи. Но позднее эта формулировка была исключена. По-видимому, соответствующее решение принято законодателем во избежание терминологической путаницы и для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что мы имеем дело с самостоятельным договорным типом. Тем не менее, в судебной практике сложившиеся правоотношения нередко квалифицируются по правилам главы 39 ГК РФ (например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.08.2025 г. по делу № А32-53593/2024, Апелляционное определение Московского городского суда от 12.11.2018 по делу № 33-40547/2018).

Законодатель императивно предусмотрел пять обязательных условий анализируемого договора:

- указание на адвоката и его принадлежность к конкретному образованию/палате;
- четкий предмет поручения;
- размер и условия выплаты вознаграждения (либо указание на бесплатность);
- порядок компенсации расходов;
- размер и характер ответственности.

Столь жесткая регламентация объясняется необходимостью полноценной реализации конституционных прав и защитой уязвимой стороны – доверителя. Помимо этого, право на вознаграждение не может быть переуступлено третьим лицам без специального согласия клиента. А оплата подлежит обязательному внесению в кассу или на расчетный счет адвокатского образования.

Одним из наиболее резонансных аспектов, с помощью которого демонстрируется эволюция взглядов на свободу договора, стало нормативное регулирование «гонорара успеха». В зарубежных странах конструкции, при которых выплата зависит от выигранного процесса, давно интегрированы в оборот, хотя и подвергаются определенным ограничениям. В

отечественной же доктрине и практике характеризуемый институт на протяжении продолжительного периода сохранял статус острой проблемы [Асташов, 2026; Баталов, 2022; Выймов, 2025; Зайцев, 2023]. Изначально право на существование подобной модели категорически не признавалось. Первым документом, задавшим негативный вектор, стало Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48. В нем фиксировалась недопустимость прямой зависимости размера оплаты от судебного акта. Позднее Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23.01.2007 № 1-П указал, что свобода договора хотя и позволяет определять любые условия, но привязка гонорара к будущему решению расходится с правовой природой главы 39 ГК РФ. Предметом сделки, по логике суда, предстают сами профессиональные действия, а не вынесение госорганом желаемого акта. Из-за этого сформировалась устойчивая практика невозможности взыскания таких сумм с проигравшей стороны.

Между тем, ситуация начала меняться после Определения Верховного Суда РФ от 26.02.2015. Так, «гонорар успеха» был осторожно легитимирован в качестве своеобразной премии. Она выплачивается по результатам работы. Суд, однако, подчеркнул, что данная выплата не подлежит возмещению в качестве процессуальных расходов с оппонента.

Наконец, в 2019 г. законодатель, воспользовавшись правом на изменение регулирования (на него указывал еще КС РФ), дополнил ст. 25 Закона об адвокатуре пунктом 4.1. Теперь выплата доверителем вознаграждения может ставиться в зависимость от результата работы (за исключением уголовного и административного судопроизводств) в соответствии с правилами, утвержденными решением совета ФПА России в 2020 г. (протокол № 12).

С учётом обозначенного подчеркнем: легализация описываемого института говорит в пользу того, что деятельность адвокатов, несмотря на ее выраженный некоммерческий характер, не лишена элементов материальной выгоды. Рассматриваемые правоотношения находятся на тонком рубеже частного и публичного права, где финансовые интересы сторон должны быть сбалансированы с недопустимостью «торговли» правосудием. До сих пор в судебной практике наблюдаются различные подходы к возможности взыскания такого гонорара в составе судебных издержек. И этим подтверждается сохраняющаяся сложность правоприменения.

Особо пристального внимания заслуживает проблематика оспаривания соглашений об оказании правовой поддержки в делах о несостоятельности (банкротстве). В реалиях имущественного кризиса должника финансовые управляющие регулярно предпринимают попытки вернуть уплаченные юристам гонорары в конкурсную массу. Они ссылаются на причинение вреда кредиторам [Дидык, 2022]. С 2020 г. обозначилась отчётливая тенденция к возрастанию числа таких обособленных споров. Как представляется, именно в данной категории дел ярче всего проявляется примат конституционных гарантий над сугубо цивилистическими механизмами. Суды часто отказывают в признании сделок недействительными в силу того, что в их основе лежит фундаментальное право на защиту. Показательно дело № А33-34926/2018 (Арбитражный суд Красноярского края). В рамках спора инстанции отказались аннулировать договор, который был подписан без согласия финансового управляющего. Основой для такого вектора послужило Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.04.2023 № 305-ЭС20-19905 (по делу № А40-216654/2019). Высшая инстанция констатировала, что даже серьезные финансовые трудности не могут лишать лицо возможности привлекать специалиста в области права. Само по себе обращение к

профессионалам и оплата их труда в преддверии банкротства не доказывают фиктивность расчетов либо умысел на вывод активов.

Одновременно с этим существует острая процессуальная проблема, сопряженная с доказыванием факта оказания услуг при сохранении режима адвокатской тайны. Так, в деле № А40-227681/22 суды первой и апелляционной инстанций аннулировали платеж, сославшись на то, что ответчик не раскрыл суть выполненных поручений. Между тем, суд кассационного округа вернул дело на новое рассмотрение. Он справедливо отметил, что защитник объективно не мог разглашать охраняемые законом сведения, иначе он подвергся бы дисциплинарному взысканию вплоть до лишения статуса. Исходя из правовых позиций КС РФ (Постановление от 29.06.2004 № 13-П; Определение от 08.11.2005 № 439-О), законы, устанавливающие дополнительные гарантии профессиональной тайны, обладают безусловным приоритетом перед общими нормами.

Еще одним важнейшим штрихом служит вывод Верховного Суда РФ (Определение от 11.11.2022 № 307-ЭС19-4636(23-25)), согласно которому специфика правовой работы исключает возложение на независимого юриста обязанности проверять состоятельность клиента перед началом сотрудничества. Иной подход, по сути, вынуждал бы отказывать лицам, находящимся в сложной жизненной ситуации. А это недопустимо в социальном государстве.

Далее представляется необходимым изложить ряд авторских рекомендаций. Они направлены на оптимизацию правового поля.

Так, предлагается закрепить в положениях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» детализированные рамочные критерии «квалифицированности» юридической помощи. Назначение меры состоит в устранении терминологической энтропии и формировании объективной шкалы для оценки качества работы. Новизна подхода выражена в переходе от абстрактных оценочных понятий к проверяемым метрикам (соблюдение стандартов защиты, процессуальная активность). Это поможет разрешать споры о возврате гонораров без нарушения охраняемой тайны.

Целесообразно внести изменения в законодательство о несостоятельности, зафиксировав презумпцию действительности платежей по адвокатским соглашениям, если размер вознаграждения укладывается в методические рекомендации региональных палат. В итоге разрешится проблема недобросовестного оспаривания гонораров арбитражными управляющими. Снизится нагрузка на судебную систему. Будет обеспечена защита конституционных гарантий граждан, которые оказались в состоянии дефолта.

Заключение

Соглашение об оказании юридической помощи объективно не укладывается в «прокрустово ложе» классического цивилистического контракта. Проведенный анализ показывает: диспозитивные начала договорного регулирования в анализируемой сфере в значительной степени ограничены публичной значимостью самой профессиональной деятельности. В отличие от рядовых сделок, где определяющими являются свобода усмотрения и максимизация прибыли, соглашение с адвокатом несет на себе мощный отпечаток государственно-правовых обязательств.

Сформулированные в ходе работы результаты ясно отражают научное значение изучаемой проблематики. Свобода договора здесь серьезно модифицируется: законодатель императивно

устанавливает набор существенных условий, жестко контролирует субъектный состав, внедряет специальные режимы защиты, в частности, абсолютную адвокатскую тайну. В сопоставлении с прошлыми этапами эволюции права, недавняя легализация «гонорара успеха» иллюстрирует, что правовая система готова к определенной коммерческой гибкости. Однако последняя сохраняется ровно в тех границах, где она не подрывает базисную сущность института квалифицированной защиты. Потребность в соблюдении уравновешенности между частноправовыми интересами сторон и публичными (общества) выступает в качестве главной цели правового регулирования.

В практическом русле выводы из настоящей статьи могут быть напрямую задействованы в правоприменительной деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Судейскому корпусу важно неукоснительно учитывать выявленный приоритет статьи 48 Конституции РФ при рассмотрении корпоративных споров и дел о банкротстве. Практика защиты соглашений от необоснованного аннулирования со стороны финансовых управляющих, а также недопустимость принуждения защитников к раскрытию конфиденциальных данных предстают маркерами зрелости всей правовой системы.

В дальнейшем научному сообществу целесообразно сконцентрировать усилия на проработке механизмов оценки соразмерности гонораров, чтобы свести к минимуму субъективизм при разрешении споров. Надежная защищенность профессионального юриста, в том числе, стабильность его финансового обеспечения, является непременным условием независимого, компетентного, объективного отправления правосудия. Нужно понимать, что специфика регулирования адвокатского соглашения представляет собой не аномалию гражданского оборота, а необходимый, научно обоснованный инструмент. Он помогает поддерживать законность в государстве.

Библиография

1. Асташов Г. Фидуциарные обязанности представителя и конфликт интересов при гонораре успеха // Образование и право. 2026. № 5. С. 431–438. DOI 10.24412/2076-1503-2026-5-431-438.
2. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2019. 440 с.
3. Баранников М.С. Договорные формы оказания юридической помощи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2021. 22 с.
4. Баталов А.Г. Разумные пределы гонорара успеха // Ученые записки. 2022. № 1 (41). С. 63–68.
5. Васяев А.А., Васяева О.Г. Словарь терминов по адвокатуре России. Москва: УРСС, 2024. 48 с.
6. Выймов И.В. Правовое регулирование ограничений размера гонорара успеха как способа определения стоимости юридических услуг // Юридические исследования. 2025. № 12. С. 144–160. DOI 10.25136/2409-7136.2025.12.77216.
7. Выймов И.В., Сучкова Т.Е., Редикульцева Е.Н. К вопросу о правовой природе соглашения об оказании адвокатом юридической помощи // Юрист вуза. 2024. № 4. С. 46–51.
8. Дидык Э.М. «Банкротство» адвокатской тайны // Образование и право. 2022. № 6. С. 76–81. DOI 10.24412/2076-1503-2022-6-76-81.
9. Зайцев В.В. Гонорар успеха: нормативное регулирование, особенности оформления соглашений, риски, судебная практика // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 35–39. DOI 10.18572/1999-4826-2023-2-35-39.
10. Исаков И.М., Новицкая Л.Ю. Правовая характеристика соглашения об оказании юридической помощи // Право и управление. 2024. № 4. С. 227–232. DOI 10.24412/2224-9133-2024-4-227-232.
11. Киркина А.И. Существенные условия соглашения об оказании юридической помощи адвокатом в гражданском процессе // Научный Лидер. 2024. № 50 (200). С. 213–215.
12. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. Москва: Юстицинформ, 2000. 528 с.

Specific Features of Regulating an Agreement on the Provision of Legal Assistance Due to the Public Significance of Advocatory Activity

Arina A. Sergeeva

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: arinaserg15032000@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research is argued by the growing tension between the dispositive principles of freedom of contract and the public law guarantees of the provision of qualified legal assistance. In modern realities, the ensuring of the constitutional rights of citizens increasingly encounters a rigid, purely economic approach to assessing the work of defense attorneys. The objective of the work is to analyze precisely how the public significance of advocatory activity transforms and objectively limits the classical civilistic mechanisms upon the conclusion of the corresponding agreement. It appears that acute conceptual contradictions remain in doctrine and law enforcement practice. In particular, there is a pronounced conflict between the aspiration of arbitration managers to annul payments to attorneys in insolvency cases and the regime of absolute professional secrecy. At the same time, disagreements regarding the species affiliation of the transaction itself and the permissible limits of recovering the legalized "success fee" from procedural opponents have not been fully overcome. The author comes to the conclusion that the freedom of discretion of the parties here is substantially narrowed by the imperative prescriptions of the relevant legislation. It is substantiated that bankruptcy norms cannot block the access of financially vulnerable subjects to justice, and the confidentiality of the developed strategy possesses unconditional priority over the claims of competitive creditors. The author's contribution is manifested in the systematization of judicial practice on challenging such agreements; in the development of concrete proposals for introducing verifiable metrics of the quality of a lawyer's work and consolidating the presumption of the validity of paid fees. The formulated recommendations will help reduce subjectivism in assessing the cost of services. The presented materials will be useful to practicing civilists, judges, and financial managers in resolving isolated disputes.

For citation

Sergeeva A.A. (2026) Osobennosti regulirovaniya soglasheniya ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi v silu publichnoy znachimosti advokatskoy deyatel'nosti [Specific Features of Regulating an Agreement on the Provision of Legal Assistance Due to the Public Significance of Advocatory Activity]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 194-202. DOI: 10.34670/AR.2026.12.68.021

Keywords

Advocatory activity, bankruptcy, success fee, qualified legal assistance, freedom of contract, agreement on the provision of legal assistance, advocatory secrecy, public law status of an advocate.

References

1. Astashov, G. (2026) Fidutsiarnye obyazannosti predstavitelya i konflikt interesov pri gonorare uspekha [Fiduciary duties of a representative and conflict of interest in a contingency fee]. *Obrazovanie i pravo*, (5), 431–438. DOI 10.24412/2076-1503-2026-5-431-438
2. Bakulina, L.T. (2019). *Obshchaya teoriya dogovornogo pravovogo regulirovaniya* [General theory of contractual legal regulation] (Doctor of Law dissertation). Moscow.
3. Barannikov, M.S. (2021). *Dogovornye formy okazaniya yuridicheskoy pomoshchi* [Contractual forms of providing legal assistance] (Author's abstract of Candidate of Law dissertation). Moscow.
4. Batalov, A.G. (2022). Razumnye predely gonorara uspekha [Reasonable limits of contingency fee]. *Uchenye zapiski*, (1(41)), 63–68.
5. Didyk, E.M. (2022). "Bankrotstvo" advokatskoy tayny ["Bankruptcy" of attorney-client privilege]. *Obrazovanie i pravo*, (6), 76–81. DOI 10.24412/2076-1503-2022-6-76-81
6. Isakov, I.M., & Novitskaya, L.Yu. (2024). Pravovaya kharakteristika soglasheniya ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi [Legal characteristics of the agreement on the provision of legal assistance]. *Pravo i upravlenie*, (4), 227–232. DOI 10.24412/2224-9133-2024-4-227-232
7. Kirkina, A.I. (2024). Sushchestvennye usloviya soglasheniya ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi advokatom v grazhdanskom protsesse [Essential terms of the agreement on the provision of legal assistance by a lawyer in civil proceedings]. *Nauchnyy Lider*, (50(200)), 213–215.
8. Syrykh, V.M. (2000). *Logicheskie osnovaniya obshcheyteorii prava: v 2 t. T. 1. Elementnyy sostav* [Logical foundations of the general theory of law: in 2 vols. Vol. 1. Element composition]. Moscow: Yustitsinform.
9. Vasyaev, A.A., & Vasyaeva, O.G. (2024). *Slovar' terminov po advokature Rossii* [Dictionary of terms on the Bar of Russia]. Moscow: URSS.
10. Vymov, I.V. (2025). Pravovoe regulirovanie ogranicheniy razmera gonorara uspekha kak sposoba opredeleniya stoimosti yuridicheskikh uslug [Legal regulation of restrictions on the amount of contingency fee as a method of determining the cost of legal services]. *Yuridicheskie issledovaniya*, (12), 144–160. DOI 10.25136/2409-7136.2025.12.77216
11. Vymov, I.V., Suchkova, T.E., & Redikultseva, E.N. (2024). K voprosu o pravovoy prirode soglasheniya ob okazanii advokatom yuridicheskoy pomoshchi [On the issue of the legal nature of the agreement on the provision of legal assistance by a lawyer]. *Yurist VUZa*, (4), 46–51.
12. Zaitsev, V.V. (2023). Gonorar uspekha: normativnoe regulirovanie, osobennosti oformleniya soglasheniy, riski, sudebnaya praktika [Contingency fee: regulatory regulation, features of drafting agreements, risks, judicial practice]. *Advokatskaya praktika*, (2), 35–39. DOI 10.18572/1999-4826-2023-2-35-39

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 004.056:37 **DOI: 10.34670/AR.2026.78.15.023**

Выявление и преодоление проблем информационной безопасности в образовании

Алкесов Руслан Темботович

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: alkesov55@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает актуальные проблемы информационной безопасности в образовательной среде и предлагает пути их преодоления. Проанализированы ключевые угрозы, характерные для образовательных учреждений: кибератаки, фишинг, социальная инженерия, а также внутренние риски, обусловленные человеческим фактором. Особое внимание уделено типичным уязвимостям ИТ-инфраструктуры — недостаточной защите сетевых ресурсов, слабостям удалённого доступа, использованию устаревшего программного обеспечения. Предложен системный подход к обеспечению информационной безопасности, включающий комплекс мер — от регулярного обновления ПО и внедрения средств мониторинга до формирования культуры безопасности посредством обучения и тренингов. Подчёркнута необходимость баланса между защитой данных и сохранением доступности образовательных ресурсов, а также учёта нормативно-правовых требований. Результаты исследования могут быть полезны руководителям образовательных организаций, специалистам по информационной безопасности и администраторам ИТ-систем при разработке и совершенствовании политик защиты информации.

Для цитирования в научных исследованиях

Алкесов Р.Т. Выявление и преодоление проблем информационной безопасности в образовании // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 203-207. DOI: 10.34670/AR.2026.78.15.023

Ключевые слова

Информационная безопасность, образование, киберугрозы, человеческий фактор, защита данных, цифровая грамотность, ИТ-инфраструктура, фишинг, политика информационной безопасности, киберустойчивость.

Введение

Развитие информационной безопасности в образовании – это непрерывный процесс, требующий постоянного совершенствования и адаптации к новым вызовам и угрозам. Только системный и стратегический подход, основанный на анализе текущего состояния, современных технологиях и лучших практиках, сможет обеспечить надежную защиту данных и создать безопасную образовательную среду для всех участников образовательного процесса.

Основная часть

Алкесов Р.Т. полагает, что «в современном образовательном пространстве информационная безопасность становится все более актуальной задачей, поскольку образовательные учреждения активно используют цифровые технологии для организации учебного процесса, хранения и обработки данных студентов, преподавателей и административного персонала. Однако, с ростом цифровизации возрастает и количество угроз, способных нанести значительный ущерб информационной инфраструктуре образовательных учреждений. Основными угрозами являются кибератаки, внутренние инциденты, технические сбои и человеческий фактор». [Алкесов, 2026, с.207]

Частые случаи нарушений безопасности в образовательных учреждениях свидетельствуют о том, что, несмотря на внедрение современных технологий защиты информации, многие организации сталкиваются с повторяющимися проблемами, которые ставят под угрозу конфиденциальность данных и стабильность работы систем. Одной из наиболее распространенных причин нарушений является человеческий фактор. Сотрудники и студенты зачастую не обладают достаточной осведомленностью о мерах информационной безопасности, что приводит к ошибкам, неправильному обращению с данными и игнорированию правил безопасности. Например, использование слабых паролей, их повторное применение на различных ресурсах или хранение паролей в открытом виде увеличивают риск несанкционированного доступа к системам.

Из-за низкой цифровой грамотности или элементарной неосторожности пользователи нередко передают свои учётные данные злоумышленникам: достаточно перейти по фишинговой ссылке или скачать вредоносное приложение, чтобы сеть учреждения оказалась под угрозой.

Угрозы изнутри – одна из самых непростых задач в защите информации в учебных заведениях. Далеко не каждый сотрудник или студент понимает, насколько важно беречь данные и следовать правилам. Порой информация утекает из-за случайной ошибки или намеренного действия пользователя. Если права доступа настроены небрежно, а за действиями внутри системы почти не следят, риск происшествий заметно растёт. Например, сотрудники, обладающие избыточными правами, могут случайно или намеренно удалить важные файлы или изменить настройки систем, что негативно сказывается на работе учреждения. Внутренние угрозы также связаны с использованием неподдерживаемого или устаревшего программного обеспечения, которое не получает своевременных обновлений и патчей, что делает системы уязвимыми для атак.

Еще одной частой причиной нарушений является недостаточная защита сетевой инфраструктуры. В образовательных учреждениях зачастую используются открытые или недостаточно защищенные Wi-Fi сети, что создает возможности для перехвата данных злоумышленниками. Отсутствие должной сегментации сети, неэффективные средства проверки подлинности пользователей и незашифрованный обмен данными существенно расширяют

поверхность атаки. Следствием этого становится риск перехвата конфиденциальной информации, получения злоумышленниками доступа к корпоративным ресурсам, кражи персональных данных, а также компрометации инфраструктуры через вредоносное ПО.

Проблема недостаточной защищённости удалённого и мобильного доступа остаётся одной из значимых в системе информационной безопасности образовательной среды. Активное использование личных устройств в рамках дистанционной работы и обучения сопряжено с повышенными рисками: отсутствие надлежащих средств защиты и своевременного обновления ПО на таких устройствах формирует уязвимости, которые могут быть использованы для проникновения в корпоративные информационные системы. Отсутствие многофакторной аутентификации, слабая защита VPN и отсутствие контроля за удаленными подключениями увеличивают вероятность проникновения вредоносных программ и утечки данных.

Фишинговые атаки и социальная инженерия остаются одними из наиболее распространенных методов взлома систем. Одним из распространённых векторов атак выступают фишинговые письма, стилизованные под легитимную переписку с администрацией или контрагентами учреждения. Посредством таких сообщений злоумышленники стремятся получить доступ к персональным данным пользователей или обеспечить внедрение вредоносного ПО. Результатом успешных атак становится нарушение целостности учётных записей и проникновение в корпоративную инфраструктуру, сопряжённое с риском разглашения охраняемой информации.

В процессе внедрения систем информационной безопасности в образовательных учреждениях часто сталкиваются с рядом проблем и сложностей, которые затрудняют достижение поставленных целей и требуют особого внимания со стороны руководства и специалистов. Одной из основных проблем является недостаточная осведомленность и культура безопасности среди сотрудников и студентов. Многие пользователи не осознают важности соблюдения правил информационной безопасности, что приводит к пренебрежению мерами защиты, использованию слабых паролей, переходу по сомнительным ссылкам и другим ошибкам, создающим уязвимости в системе. Отсутствие систематического обучения и регулярных тренингов способствует тому, что даже при наличии технических средств защиты, уровень человеческого фактора остается высоким риском для безопасности.

Еще одной сложностью является недостаточное финансирование и ресурсы, выделяемые на обеспечение информационной безопасности. В условиях ограниченного бюджета образовательные учреждения зачастую вынуждены ограничиваться минимальными мерами, что снижает эффективность защиты данных. Недостаток средств мешает внедрению современных технологий, обновлению программного обеспечения, проведению регулярных аудитов и сертификаций, а также привлечению квалифицированных специалистов в области информационной безопасности. В результате, системы защиты могут устаревать, а уязвимости оставаться неустраненными, что увеличивает риск успешных кибератак.

Особую проблему представляет недостаточная интеграция мер информационной безопасности в общую стратегию развития учреждения. В некоторых случаях вопросы защиты информации рассматриваются как отдельная функция, не связанная с основными бизнес-процессами и образовательной деятельностью. Это ведет к тому, что меры безопасности реализуются фрагментарно, без учета специфики образовательной среды и требований к доступности и удобству использования систем. Такой подход зачастую вызывает сопротивление со стороны сотрудников и студентов, которые воспринимают меры защиты как неудобство или ограничение их деятельности.

Скорость технологического развития и изменчивость киберугроз формируют комплекс

технических вызовов. Поддержание актуального уровня защищённости требует регулярной актуализации защитных механизмов и их адаптации к трансформирующимся угрозам. При этом значительная часть образовательных учреждений испытывает нехватку профильных специалистов и компетенций, что препятствует своевременному выявлению и нейтрализации уязвимостей. Отсутствие внутренней команды специалистов или высокая стоимость привлечения внешних экспертов создает дополнительные препятствия для поддержания системы безопасности на должном уровне.

В образовательной среде важна доступность информации для студентов и преподавателей, а чрезмерные ограничения могут привести к снижению эффективности учебного процесса. Слабость реализуемых мер защиты формирует потенциальные угрозы утечки конфиденциальной информации, что критически важно в контексте соблюдения законодательства о персональных данных. Обеспечение гармоничного сочетания требований безопасности и пользовательского удобства – сложный процесс, требующий персонализированных решений и систематического мониторинга.

Значительные сложности возникают при внедрении автоматизированных систем оценки уязвимостей и мониторинга безопасности. Эти системы требуют высокой квалификации специалистов для их настройки и интерпретации результатов. Нередко возникают ситуации, когда автоматические отчеты о слабых местах системы игнорируются или неправильно интерпретируются, что снижает эффективность профилактических мер. Кроме того, автоматизация может сталкиваться с техническими ограничениями инфраструктуры, несовместимостью программных решений и недостаточной интеграцией с существующими системами.

Обновление программного обеспечения: часто уязвимости появляются из-за устаревшего программного обеспечения. Поэтому важно регулярно обновлять все программные компоненты, включая операционные системы, приложения, библиотеки и фреймворки. Разработчики выпускают обновления, которые исправляют уязвимости в программном обеспечении, поэтому необходимо следить за обновлениями и устанавливать их вовремя. [Хромова, Петросян, 2023, с. 68]

Заключение

В целом, выявление и преодоление этих проблем требует системного подхода, комплексных решений и постоянного развития компетенций сотрудников. Необходимость инвестиций в обучение, технологическую модернизацию и создание внутренней культуры безопасности становится очевидной. Важно также учитывать специфику образовательной среды, балансировать между обеспечением защиты и сохранением доступности ресурсов, а также учитывать нормативные требования и современные угрозы. Только при условии комплексного и последовательного подхода можно преодолеть существующие сложности и создать устойчивую систему информационной безопасности, способную эффективно защищать данные и поддерживать доверие к образовательным учреждениям.

Библиография

1. Алкесов Р.Т. Проблемы защиты информации в образовательных организациях // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16. № 3А. С. 163–168.
2. Хромова А.Р., Петросян Л.Е. Анализ уязвимостей в системах безопасности данных // Инженерный вестник Дона. 2023. № 6 (102). С. 67–76.

Identifying and Overcoming Information Security Problems in Education

Ruslan T. Alkesov

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of Administrative and Criminal Law,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: alkesov55@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines current problems of information security in the educational environment and proposes ways to overcome them. The key threats characteristic of educational institutions are analyzed: cyberattacks, phishing, social engineering, as well as internal risks conditioned by the human factor. Particular attention is paid to typical vulnerabilities of IT infrastructure – insufficient protection of network resources, weaknesses in remote access, and the use of outdated software. A systemic approach to ensuring information security is proposed, including a set of measures – from regular software updates and the introduction of monitoring tools to the formation of a security culture through training and workshops. The necessity of a balance between data protection and maintaining the accessibility of educational resources, as well as taking into account regulatory and legal requirements, is emphasized. The results of the research can be useful to heads of educational organizations, information security specialists, and administrators of IT systems in developing and improving information protection policies.

For citation

Alkesov R.T. (2026) Vyyavlenie i preodolenie problem informatsionnoy bezopasnosti v obrazovanii [Identifying and Overcoming Information Security Problems in Education]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 203-207. DOI: 10.34670/AR.2026.78.15.023

Keywords

Information security, education, cyber threats, human factor, data protection, digital literacy, IT infrastructure, phishing, information security policy, cyber resilience.

References

1. Alkesov, R.T. (2026) Problemy zashchity informatsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh [Problems of Information Protection in Educational Organizations]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava, 16(3A), 163–168.
2. Khromova, A.R., & Petrosyan, L.E. (2023). Analiz uyazvimostey v sistemakh bezopasnosti dannykh [Analysis of Vulnerabilities in Data Security Systems]. Inzhenernyy vestnik Dona, (6(102)), 67–76.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.89.29.024**

Проблема взыскания убытков при уничтожении товаров в результате атак беспилотных летательных аппаратов: кейс маркетплейса Wildberries

Юха Даниил Сергеевич

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: uhadaniil@gmail.com

Тлисова Амалия Муратовна

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: Tlisovaamalia445@gmail.com

Соколов Михаил Дмитриевич

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: shocolakoo@mail.ru

Буркин Дмитрий Олегович

Доктор философских наук, кандидат юридических наук,
Профессор кафедры экологического,
земельного и трудового права юридического института,
Профессор кафедры уголовного
права и процесса юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: kafedraep@mail.ru

Аннотация

Настоящее научное исследование посвящено теоретическим и прикладным аспектам взыскания убытков при уничтожении товаров вследствие атак беспилотных летательных аппаратов на склады хранения товаров маркетплейсов. На примере инцидентов с Wildberries (июль — август 2026 года) проводится анализ правовой природы атак БПЛА в качестве обстоятельств непреодолимой силы, договорное распределение рисков в оферте Wildberries, перспективы защиты прав селлеров в рамках гражданского судопроизводства.

Нормативную основу работы составляют пункт 3 статьи 401 и статья 901 Гражданского кодекса Российской Федерации, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7, а также письмо Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 29 января 2026 года № ПР/0042 о свидетельствовании обстоятельств непреодолимой силы. В работе рассматриваются критерии чрезвычайности, непредотвратимости и причинно-следственной связи, распределение бремени доказывания, а также правовые последствия редакции оферты маркетплейса № 98, вступившей в силу 7 июля 2026 года, с точки зрения правил о договоре присоединения (статья 428 Гражданского кодекса Российской Федерации). Отдельное внимание уделяется судебной практике по спорам о страховом возмещении, из которой следует, что возможность выплаты напрямую зависит от уголовно-правовой квалификации содеянного по статье 167 либо по статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации. По результатам исследования формулируются выводы об отсутствии сложившейся судебной практики и предлагаются возможные направления защиты прав предпринимателей: оспаривание условий оферты, доказывание ненадлежащего обеспечения сохранности имущества профессиональным хранителем и взыскание ущерба с лиц, виновных в совершении террористических актов.

Для цитирования в научных исследованиях

Юха Д.С., Тлисова А.М., Соколов М.Д., Буркин Д.О. Проблема взыскания убытков при уничтожении товаров в результате атак беспилотных летательных аппаратов: кейс маркетплейса Wildberries // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 208-218. DOI: 10.34670/AR.2026.89.29.024

Ключевые слова

Беспилотные летательные аппараты, непреодолимая сила, Wildberries, взыскание убытков, маркетплейс, договор присоединения, страхование, террористический акт.

Введение

Электронная коммерция стала современной тенденцией построения рыночных отношений в Российской Федерации, вследствие чего происходит усложнение гражданско-правовых конструкций, опосредующих отношения между маркетплейсами и предпринимателями. В нынешней геополитической обстановке становится актуальной проблема распределения рисков в связи с утратой товаров при наступлении чрезвычайных ситуаций, которые напрямую связаны с боевыми действиями и атаками беспилотных летательных аппаратов на объекты экономического сектора Российской Федерации.

18 июля 2026 года украинскими беспилотными летательными аппаратами был атакован склад Wildberries площадью 75 000 – 100 000 кв. м, погиб 1 человек и 57 человек пострадало. Также в эту же дату был атакован склад в Котовске площадью 40 000 кв. м, погибло 7 человек, пострадало 24 человека. Следующая волна атак беспилотными летательными аппаратами на склады Wildberries была произведена 22 июля, удары были нанесены на склады в Краснодаре и Невинномысске, совокупная площадь атакованных складов составляет примерно 85 000 кв. м, в Краснодаре вследствие атаки погиб 1 человек. Следующие атаки были совершены 24 июля на склады, располагающиеся в Шушарах, Уткиной Заводе и Симферополе, пагубные последствия

получилось практически полностью предотвратить, пострадала площадь около 15 000 кв. м. 25 июля была совершена беспилотная атака на склад Wildberries в Екатеринбурге, вследствие чего возник пожар на парковке. Следующие две атаки были 30 июля на склады в городах Пенза и Сарапул, практически без негативных последствий. 31 июля вследствие атаки украинских беспилотных летательных аппаратов на склад Wildberries было уничтожено примерно 10 000 – 15 000 кв. м склада. Крайняя на данный момент атака произошла на склад Wildberries в Новосемейкино, вследствие чего конструкция склада была обрушена и 130 000 кв. м помещения пострадало [Попов, 2026]. По данным, полученным из средств массовой информации в информационной телекоммуникационной сети «Интернет» общий ущерб продавцов площадки Wildberries составил примерно 280 миллиардов рублей [Спасение утопающих, 2026]. Более тысячи селлеров лишились своей продукции, которая хранилась на складах атакованного маркетплейса, при этом Wildberries заявила об отсутствии какой-либо юридической обязанности возмещать сумму ущерба за утраченный товар [Wildberries может заплатить компенсации продавцам, 2026].

Данные многочисленные инциденты высветили целый комплекс правовых проблем, которые требуют научного осмысления: квалификация атак беспилотных летательных аппаратов в качестве непреодолимой силы; правовые пределы принципа свободы договора в оферте маркетплейса Wildberries; вопросы распределения бремени доказывания в спорах о взыскании убытков; проблемы соотношения договорных и законных оснований освобождения от ответственности; эффективные правовые механизмы защиты прав предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на маркетплейсе Wildberries.

В качестве интенции настоящего исследования ставится на основе анализа законодательства, судебной практики и конкретных обстоятельств случившихся с Wildberries инцидентов выявить правовые пробелы и предложить возможные пути их решения в контексте взыскания убытков при уничтожении товаров в результате атак украинских беспилотных летательных аппаратов.

Материалы и методы исследования

Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), 2026].

Для понимания правовой природы форс-мажора необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Согласно общим положениям об ответственности и о возмещении убытков данного постановления пленума существует три критерия, позволяющих квалифицировать непреодолимую силу: чрезвычайность, непредотвратимость и причинно-следственная связь между наступлением вреда и невозможностью исполнения обязательства. Согласно п. 8 требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Непредотвратимым обстоятельство признается в случае, если любой участник гражданского

оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. При этом бремя доказывания непреодолимой силы в соответствии с п. 2 ст. 401 ГК РФ и п. 5 постановления лежит на должнике, не выполнившем свое обязательство [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7, 2021].

Согласно письму ТПП РФ от 29.01.2026 N ПР/0042 «О свидетельствовании обстоятельств непреодолимой силы», а именно п. 1 террористические акты и диверсии могут быть засвидетельствованы ТПП РФ и впоследствии могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы. Для получения заключения ТПП о признании наступивших обстоятельств в следствие непреодолимой силы необходимо предоставить документы компетентных органов, к которым относятся МВД, МЧС и ФСБ о факте атаки, а также о признании заявителя потерпевшим. Срок течения форс-мажора определяется по документам, предоставленными этими органами. Несмотря на вышеуказанное, данное письмо ТПП носит рекомендательный характер и не является нормативным правовым актом, следовательно обязательной юридической силы для органов судебной системы не имеет. При возникновении судебных тяжб у Wildberries и продавцов письмо ТПП возможно станет основным доказательством отсутствия вины в маркетплейса в утрате товара, в этом случае селлерам остается лишь оспаривать факт непреодолимой силы и возможно ссылаться на то, что убытки наступили не только вследствие непреодолимой силы, но и по вине WIldberries, например в случае неисправности систем пожарной безопасности [Письмо ТПП РФ, 2026].

Результаты и обсуждение

При этом судебная практика по аналогичным категориям случаев также неоднозначна, поскольку для признания обстрелов и атак беспилотных летательных аппаратов обстоятельствами непреодолимой силы необходимо подтверждение, что в местности, подвергшейся террористическим актам официально были приостановлены производство или деятельность в целом, например, если договор был заключен уже после совершения такого рода противоправных действий, суд может сослаться на возможность предвидения сторонами таких рисков, вследствие чего уже рассмотренный в рамках настоящего исследования факт чрезвычайности отпадает. Так, например в постановлении 19-го арбитражного апелляционного суда от 06.05.2025 подрядчик пытался оправдать срыв сроков выполняемых работ угрозами атак беспилотными летательными аппаратами и объявлением воздушных тревог, при этом доказательств невозможности исполнения обязательств по выполнению по заданию заказчика работа предоставить не смог, снова сославшись на данные угрозы. Суд обратил внимание на тот факт, что договор был заключен спустя два года с момента начала специальной военной операции, что по мнению органа суда исключает признак чрезвычайности и на момент заключения договора подряда подрядчик имел возможность оценить данные риски [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая), 2025].

При этом WIldberries изменили собственную оферту, путем принятия редакции №98, которая вступила в силу 7 июля 2026 года, то есть за две недели до совершения атак со стороны ВСУ. Согласно новой редакции, обстрелы, взрывы и падения беспилотных летательных аппаратов на склады Wildberries прямо относится к обстоятельствам, наступившим вследствие непреодолимой силы, следовательно уничтоженный или поврежденный товар по причине атак беспилотных летательных аппаратов не подлежит компенсации. Предыдущая редакция оферты,

действовавшей в период с 18 июня по 6 июля таких положений, не содержала. Правоотношения между маркетплейсом Wildberries и продавцами товаров возникают на основании договора присоединения, из этого вытекают следующие проблемы для селлеров: предприниматели, осуществляющие деятельность на маркетплейсе Wildberries не участвует в согласовании условий оферты, у них нет возможности изменить или предложить собственные условия договора. В данном случае продавцы или присоединяются к условиям путем подписания договора присоединения либо просто отказываются от сотрудничества с маркетплейсом. При этом согласно п. 2 ст. 428 ГК РФ присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. Если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства, в случае изменения или расторжения договора судом по требованию присоединившейся к договору стороны договор считается действовавшим в измененной редакции либо соответственно не действовавшим с момента его заключения. Резюмируя изложенное, если компания, которая является лидером онлайн торговли, заранее исключает какую-либо возможность привлечения их к ответственности за утрату товара в следствие «чрезвычайных обстоятельств», суд гипотетически может признать такие условия в договоре как недобросовестные, обременительные и злоупотребительные. При этом есть потенциальная уязвимость правовой позиции Wildberries для товара, который был принят на склад до 7 июля 2026 года, поскольку на тот момент однозначного отнесения последствий атак беспилотными летательными аппаратами к обстоятельствам непреодолимой силы в договоре не имелось.

На вышерассмотренной оферте правоотношения между продавцами и Wildberries не заканчиваются, поскольку после передачи товара на склад, именно маркетплейс данный товар принимает, размещает, хранит, транспортирует между другими складами, осуществляет сборку заказов и организует выдачу товара потребителю, то есть де-факто товар находится во владении Wildberries. Согласно ст. 901 ГК РФ профессиональный хранитель несет ответственность за уничтожение или повреждение имущества только в том случае, если не докажет, что утрата, повреждение и уничтожение не произошли в следствие непреодолимой силы [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая), 2025]. Наступление чрезвычайных обстоятельств не исключает обязанность исследования, были ли приняты все необходимые меры по обеспечению сохранности имущества, то есть просто назвать определенное стечение обстоятельств форс-мажором не получится. В случае с Wildberries судам будет необходимо исследовать следующие вопросы: надлежащим ли образом был оборудован склад системами пожаротушения; что стало причиной распространения огня по всему складу; какова причина возгорания помещений, на которые непосредственной атаки беспилотных летательных аппаратов не осуществлялось. Данные обстоятельства возможно установить путем назначения экспертных исследований, которые позволят установить имелась ли возможность у маркетплейса предотвратить распространение огня, минимизировать причиненный ущерб.

На этом проблемы продавцов не заканчиваются, поскольку для селлеров остается сложность в доказывании размера убытков. В рамках судебного производства недостаточно будет просто заявить о том, что весь товар был уничтожен – необходимо данный убыток доказать.

Основными доказательствами могут стать отчеты маркетплейса, товарные накладные, универсальные передаточные документы и акты приемки, которые позволят установить наименование товара, количество, стоимость, артикулы, дату поставки и склад, на котором продукция хранилась. На момент проведения настоящего исследования в российских судах ещё не были вынесены решения по делам о взыскании убытков предпринимателями с Wildberries в связи с уничтожением их товаров в результате атак беспилотных летательных аппаратов. Из этого следует, что на сегодняшний день неизвестно какую правовую позицию займут суды относительно обстоятельств атак беспилотных летательных аппаратов, условий оферты Wildberries и вопросам, касающихся наличия непреодолимой силы в конкретных казусах. При этом совокупность изложенного позволяет сделать вывод о том, что однозначной универсальной правовой позиции явно не будет, решение по каждому делу будет зависеть от конкретной ситуации даже в рамках одного склада.

На первый взгляд может показаться, что единственной правовой гарантией в ситуации, когда закон позволяет освободить профессионального хранителя от ответственности в силу наступления обстоятельств непреодолимой силы является страхование товара, но судебная практика сложилась так, что страхование товара также не защитит предпринимателей, осуществляющих деятельность на маркетплейсе Wildberries от уничтожения их имущества посредством атак беспилотных летательных аппаратов, в случае признания этих атак терактами.

Так, например, в ночь на 1 июня 2023 года в результате обстрела города Шебекино в Белгородской области были повреждены четыре нежилых строения, которые принадлежали ООО «Лафид». Совокупный ущерб составил примерно 13,5 млн рублей. Страховщик в лице страховой компании «РСХБ-страхование» в выплате возмещения отказался на основании п. 1 ст. 964 ГК РФ, в соответствии с которым страховщик освобождается от выплаты компенсации, в случае наступления страхового случая по причине военных действий. Позиция страхователя основывалась на том, что по факту обстрела было возбуждено уголовное дело по статье 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества) в котором ООО «Лафид» было признано потерпевшей стороной, а договор страхования, заключенный между обществом и страховой компанией, предусматривал страховое возмещение в таком случае. Вторым аргументом страхователя являлся тот факт, что данный обстрел не может быть квалифицирован как «военные действия» по смыслу ст. 964 ГК РФ, поскольку на территории Белгородской области не было введено военное положение, а произведенный обстрел, в соответствии с постановлением о возбуждении уголовного дела был осуществлен неустановленными лицами, которые официально не действовали от имени Украины. По итогу Верховный Суд Российской Федерации 29 января 2025 года принял решение в пользу страхователя, обязав страховщика выплатить страховую выплату в размере 13,5 млн рублей [Верховный суд обязал страховщика компенсировать ущерб от обстрела, 2026].

Следующим примером служат судебные тяжбы между Белгородским заводом сапфиров «Монокристалл» и страховой компанией «Ингосстрах». 27 мая 2023 года в результате обстрела города Шебекино в Белгородской области было повреждено имущество завода сапфиров «Монокристалл», застрахованное у СПАО «Ингосстрах» на основании договора страхования, заключенного 5 марта 2022 года на сумму 152,65 млн рублей. По факту произведенного обстрела было возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «а», «е», «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167 УК РФ (покушение на убийство и умышленное уничтожение имущества). Страховщик, сославшись на п. 1 ст. 964 ГК РФ в выплате компенсации отказался, после чего истец и ПАО «Сбербанк» в качестве

выгодоприобретателя обратились в суд. В решении от 21.03.2025 Арбитражный суд города Москвы и в постановлении от 29.09.2025 Девятый арбитражный апелляционный суд исковые требования удовлетворили и признали данное событие страховым случаем, взыскав в пользу ПАО «Сбербанк» сумму в 37 238 850 рублей. Правовая позиция судов основывалась на том, что состояние войны на территории Российской Федерации не объявлялось, военного положения или военных действий на территории Белгородской области также не было. Также суды основывались на том, что возбуждено уголовное дело по ст. 167 УК РФ, а не по ст. 205 УК РФ, что исключило применение исключения на уничтожение имущества в следствие теракта [Постановление от 17.03.2026 по делу № А40-5617/2024, 2026].

9 мая 2024 года в результате атаки беспилотных летательных аппаратов на нефтебазу в Краснодарском крае было уничтожено имущество ООО «Газкомплектресурс», застрахованное у САО «ВСК», также фирма «ТЕМП» понесла расходы на ликвидацию последствий теракта. По факту данной атаки было возбуждено уголовное дело по п. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ (террористический акт). Страховщик в лице САО «ВСК» в выплате компенсации отказался, поскольку в страховом договоре был исключен риск теракта. Арбитражным судом Краснодарского края были удовлетворены исковые требования обоих страхователей, но Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд решение отменил в части требований ООО «Газкомплектресурс» и отказал в иске. Главным правовым основанием отказа стало возбужденное уголовное дело по ст. 205 УК РФ, случившиеся обстоятельства были признаны терактом. Суд обратил внимание на то, что постановление о возбуждении уголовного дела является основанием возникновения правовой презумпции совершения террористического акта, которая не была опровергнута истцом по делу. При этом в заключенном между ООО «Газкомплектресурс» и САО «ВСК» договоре страхования согласно правилу №14/7 риск террористического акта напрямую исключен, страхователь в заявлении лично отказался в страховании данного риска [Постановление от 07.05.2026 по делу № А32-243/2025, 2026].

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что страхование является возможностью защиты своих законных прав и интересов в случае, если обстрелы или атаки беспилотных летательных аппаратов были бы квалифицированы по ст. 167 УК РФ, но Следственный комитет Российской Федерации по факту атак складов Wildberries возбудил уголовные дела по ст. 205 УК РФ, следовательно селлеры, которые застраховали свои товары, находившиеся на уничтоженных складах Wildberries на выплату компенсации могут не рассчитывать, поскольку в вышерассмотренных решениях выплата была произведена только в тех случаях, где деяние квалифицировалось по ст. 167 УК РФ.

Несмотря на совокупность исследованного, у предпринимателей, осуществляющих свою предпринимательскую деятельность на маркетплейсе Wildberries остаются правовые возможности для защиты своих интересов.

Во-первых, условие оферты Wildberries о признании атак беспилотных летательных аппаратов форс-мажором незаконное, поскольку признавать атаки беспилотных летательных аппаратов следствием стечения обстоятельств непреодолимой силы уполномочена Торгово-промышленная палата РФ, а не Wildberries.

Во-вторых, даже в случае признания атак беспилотных летательных аппаратов обстоятельством непреодолимой силы, есть возможность исследовать вопрос о том, были ли приняты со стороны маркетплейса Wildberries все разумные и обязательные меры по ликвидации или минимизации последствий. Как уже было сказано, если будет установлено, что у складов были ненадлежащие системы пожаротушения, это создаст возможность частичного

взыскания убытков.

В-третьих, момент заключения договора предположительно может представлять собой возможность для возмещения денежных средств, оспорив действие новой редакции на товар, переданный на склад до 7 июля 2026 года (дата вступления в силу редакции оферты с условием о беспилотных летательных аппаратах).

В-четвертых, если Следственный комитет Российской Федерации в рамках уголовного судопроизводства установит лиц, виновных в совершении терактов и будет постановлен обвинительный приговор в отношении данных лиц, селлеры смогут взыскать денежные средства с осужденных или с их близких родственников на основании ст. 18 Федерального закона от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) «О противодействии терроризму» [Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ, 2026].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформировать следующие основные выводы:

1) Отсутствие судебной практики. Инцидиенты с уничтожением складов Wildberries и хранящихся на таких складах товаров вследствие атак беспилотных летательных аппаратов сформировали целый комплекс проблем. Органы судебной системы Российской Федерации решения по подобным случаям не принимали, в связи с чем в настоящий период времени правовая позиция судов относительно квалификации атак беспилотных летательных аппаратов в качестве стечения обстоятельств непреодолимой силы; условий оферты маркетплейса и пределов ответственности Wildberries в качестве профессионального хранителя неизвестны.

2) Анализ судебной практики по тождественной категории дел позволил сделать вывод о том, что определяющее значение для возможности взыскания убытков посредством страховых выплат зависит от квалификации содеянного в рамках уголовного судопроизводства. Если подобные атаки квалифицируются по ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества), то данные события подпадают под страховой случай, если же атака квалифицируются по ст. 205 УК РФ (террористический акт), а в договоре страхования содержится исключение риска теракта, то на возмещение рассчитывать не стоит. Поскольку Следственным комитетом Российской Федерации был возбужден ряд уголовных по ст. 205 УК РФ, то продавцы, которые застраховали свой товар, на выплаты со стороны страховой компании могут не рассчитывать, если в страховом договоре был исключен риск утраты товара вследствие теракта.

3) Положение оферты Wildberries относительно квалификации атак беспилотных летательных аппаратов в качестве обстоятельств непреодолимой силы незаконные, поскольку как уже было выяснено, Wildberries не уполномочены на признание таких действий форс-мажором, поскольку это относится к компетенции ТПП РФ. Также, предположительно у селлеров остается возможность оспорить применения новой редакции оферты Wildberries к товару, принятому на сгоревшие склады до 7 июля 2026 года; доказать отсутствие надлежащих мер по обеспечению сохранности имущества.

Взыскание убытков при уничтожении товаров в результате атак беспилотных летательных аппаратов на склады Wildberries является огромной проблемой для правовой системы Российской Федерации, поскольку данный маркетплейс занимает лидирующее положение на рынке электронной коммерции, предприниматели по всей России понесли многомиллиардные убытки. Для селлеров, чьи товары были уничтожены на складах Wildberries, перспективы

возврата денежных средств в настоящий момент времени остаются неопределенными, при этом сохраняются возможности оспаривания оферты, доказывания вины профессионального хранителя с целью частичного возмещения убытков и взыскания ущерба с виновных лиц. Формирование единообразной судебной практики по данным категориям дел становится крайне важной и актуальной задачей для судебной системы Российской Федерации.

Библиография

1. Верховный суд обязал страховщика компенсировать ущерб от обстрела // Ведомости. URL: https://www.kiap.com/press-centr/public/49872.html .
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026).
4. Письмо ТПП РФ от 29.01.2026 № ПР/0042 «О свидетельствовании обстоятельств непреодолимой силы».
5. Попов А. Сколько складов на ВБ сгорело: полный анализ июль-август 2026 // MP Manager. URL: https://mpmgr.ru/blog/logistics/sgorevshie-sklady-wildberries .
6. Постановление от 07.05.2026 по делу № А32-243/2025. URL: https://kad.arbitr.ru/ .
7. Постановление от 17.03.2026 по делу № А40-5617/2024. URL: https://kad.arbitr.ru/ .
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
9. Спасение утопающих: как выживает бизнес после атак на склады Wildberries // Forbes.ru. URL: https://www.forbes.ru/biznes/565776-spasenie-utopausih-kak-vyzivaet-biznes-posle-atak-na-sklady-wildberries .
10. Суды признают атаки БПЛА обстоятельством непреодолимой силы согласно трем критериям // Морские вести России. URL: https://morvesti.ru/news/1679/122141/ .
11. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) «О противодействии терроризму».
12. Wildberries может заплатить компенсации продавцам за сгоревший товар: что известно об ущербе и мерах поддержки // Inc. Russia. URL: https://incrussia.ru/news/wildberries-mozhet-zaplatit-kompensatsii-prodavtsam-za-sgorevshij-tovar-chto-izvestno-ob-ushherbe-i-merah-podderzhki/ .

The Problem of Recovering Damages in the Destruction of Goods as a Result of Unmanned Aerial Vehicle Attacks: The Case of the Wildberries Marketplace

Daniil S. Yukha

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: uhadaniil@gmail.com

Amaliya M. Tlisova

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: Tlisovaamalia445@gmail.com

Mikhail D. Sokolov

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: shocolakoo@mail.ru

Dmitrii O. Burkin

Doctor of Philosophy, PhD in Law,
Professor of the Department of Environmental, Land and Labor Law of the Law Institute,
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: kafedraep@mail.ru

Abstract

This scientific research is devoted to the theoretical and applied aspects of recovering damages in the destruction of goods as a consequence of unmanned aerial vehicle attacks on the storage warehouses of marketplace goods. Using the example of incidents involving Wildberries (July – August 2026), an analysis is carried out of the legal nature of UAV attacks as circumstances of force majeure, the contractual allocation of risks in the Wildberries offer, and the prospects for protecting sellers' rights within the framework of civil proceedings. The normative basis of the work consists of paragraph 3 of Article 401 and Article 901 of the Civil Code of the Russian Federation, the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7, as well as the letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation of January 29, 2026 No. PR/0042 on the certification of force majeure circumstances. The work examines the criteria of extraordinarianess, unavoidability, and causal relationship, the distribution of the burden of proof, as well as the legal consequences of the revision of the marketplace offer No. 98, which entered into force on July 7, 2026, from the standpoint of the rules on the contract of adhesion (Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation). Separate attention is paid to judicial practice in disputes on insurance compensation, from which it follows that the possibility of payment directly depends on the criminal law qualification of the act under Article 167 or Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the results of the study, conclusions are formulated about the absence of established judicial practice, and possible directions for protecting entrepreneurs' rights are proposed: challenging the terms of the offer, proving the improper safeguarding of property by the professional custodian, and recovering damages from persons guilty of committing terrorist acts.

For citation

Yukha D.S., Tlisova A.M., Sokolov M.D., Burkin D.O. (2026) Problema vzyskaniya ubytkov pri unichtozhenii tovarov v rezul'tate atak bespilotnykh letatel'nykh apparatov: keys marketpleysa Wildberries [The Problem of Recovering Damages in the Destruction of Goods as a Result of Unmanned Aerial Vehicle Attacks: The Case of the Wildberries Marketplace]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 208-218. DOI: 10.34670/AR.2026.89.29.024

Keywords

Unmanned aerial vehicles, force majeure, Wildberries, recovery of damages, marketplace, contract of adhesion, insurance, terrorist act.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 10.06.2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025, with amendments of 09.06.2026).
3. Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ (as amended on 25.05.2026) "On Countering Terrorism".
4. Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation of 29.01.2026 No. PR/0042 "On the Certification of Force Majeure Circumstances".
5. Popov, A. (2026) How Many Warehouses of WB Burned Down: A Complete Analysis of July–August 2026. MP Manager. https://mpmgr.ru/blog/logistics/sgorevshie-sklady-wildberries
6. Resolution of 07.05.2026 in case No. A32-243/2025. https://kad.arbitr.ru/
7. Resolution of 17.03.2026 in case No. A40-5617/2024. https://kad.arbitr.ru/
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (as amended on 22.06.2021) "On the Application by the Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations".
9. Rescuing the Drowning: How Business Survives After the Attacks on the Wildberries Warehouses. *Forbes.ru*. https://www.forbes.ru/biznes/565776-spasenie-utopausih-kak-vyzivaet-biznes-posle-atak-na-sklady-wildberries
10. Courts Recognize UAV Attacks as a Force Majeure Circumstance According to Three Criteria. Morskie Vesti Rossii. https://morvesti.ru/news/1679/122141/
11. The Supreme Court Obliged the Insurer to Compensate for the Damage from Shelling. Vedomosti. https://www.kiap.com/press-centr/public/49872.html
12. Wildberries May Pay Compensation to Sellers for Burned Goods: What Is Known About the Damage and Support Measures. Inc. Russia. https://incrussia.ru/news/wildberries-mozhet-zaplatit-kompensatsii-prodavtsam-za-sgorevshij-tovar-chto-izvestno-ob-ushherbe-i-merah-podderzhki/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.33.60.025**

Соотношение федерального и регионального законодательства о государственной службе: проблемы унификации и различия

Гасаналиев Айгум Шапиевич

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра административного, финансового и таможенного права,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gasanaliev@dgu.ru

Муминов Гаджи Абдулмуминович

Магистрант,
кафедра административного, финансового и таможенного права,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: Guminov23@mail.ru

Аннотация

Законодательство о государственной гражданской службе одновременно провозглашает единство правовых и организационных основ федеральной службы и службы субъектов Российской Федерации, относит правовое регулирование региональной гражданской службы к совместному ведению и оставляет её организацию субъекту, однако не даёт общего критерия, позволяющего отличить правомерное региональное различие от коллизии норм. Исследование устанавливает основание такого распределения и правила квалификации расхождений регионального законодательства. Материал составили компетенционные и коллизионные предписания Конституции Российской Федерации и Федеральных законов № 58-ФЗ, № 79-ФЗ и № 414-ФЗ, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации; единицей анализа выступает отдельное нормативное предписание, рассматриваемое посредством формально-юридического и логического анализа, системного толкования и сравнения отсылочных конструкций. Построена трёхуровневая модель компетенции, охватывающая исчерпывающий федеральный стандарт, рамочный уровень, открытый для региональной детализации, и собственное регулирование субъекта, причём уровень предписания определяется по форме федеральной отсылки; выделены четыре типа расхождений — делегированные, конкретизирующие, опережающие и противоречащие; сформулирован четырёхшаговый механизм разрешения коллизий. Унификация, таким образом, состоит не в текстуальном совпадении региональных законов, а в сохранении федерально заданных элементов служебного статуса; граничный случай дополнительных государственных гарантий потребовал дополнительного правила, по которому гарантия, изменяющая объём служебных прав и обязанностей, относится к федеральному уровню независимо от источника её финансирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Гасаналиев А.Ш., Муминов Г.А. Соотношение федерального и регионального законодательства о государственной службе: проблемы унификации и различия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 219-227. DOI: 10.34670/AR.2026.33.60.025

Ключевые слова

Государственная гражданская служба, совместное ведение, разграничение полномочий, региональное нормотворчество, унификация законодательства, юридическая коллизия, служебное законодательство.

Введение

Пункт 2 ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» называет единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов Российской Федерации принципом гражданской службы. Часть 4 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» одновременно разделяет два режима, поскольку правовое регулирование гражданской службы субъекта отнесено к совместному ведению Российской Федерации и субъектов, а её организация – к ведению субъекта. Соединение двух предписаний оставляет открытым вопрос, на который отраслевые акты прямого ответа не дают. Какой объём собственного нормотворчества субъекта совместим с заявленным единством основ и по какому признаку следует отличать правомерное региональное различие от коллизии [Куракин, Карпухин, 2020].

Конституционное основание вопроса осложнено тем, что государственная служба субъектов Российской Федерации не названа самостоятельным предметом ведения ни в ст. 71, ни в ст. 72 Конституции Российской Федерации. Пункт «т» ст. 71 относит к ведению Российской Федерации федеральную государственную службу и установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы; п. «н» ч. 1 ст. 72 относит к совместному ведению установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. Компетенция субъекта в служебной сфере выводится из общих конституционных формул и из отраслевого закона, а место регионального акта определяется его положением в системе законодательства [Петровская, 2026]. Задача настоящей работы – установить основание распределения нормотворческой компетенции в сфере государственной службы, построить типологию региональных расхождений и вывести последовательность правил, применяемых при их обнаружении.

Материалы и методы исследования

Материал составили компетенционные и коллизионные предписания четырёх действующих актов. Из Конституции Российской Федерации взяты п. «г» и «т» ст. 71, п. «к» и «н» ч. 1 ст. 72, ст. 73 и чч. 2, 4–6 ст. 76; из Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ – ст. 2 и 3; из Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ в редакции от 28 декабря 2025 г. – ст. 3, 4, 5,

8, 9, 10, 11, 12, 50, 53 и 73; из Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» – ст. 3, 41, 43 и 44. Акты проверены по действующим редакциям на 13 сентября 2026 г. Привлечены правовые позиции, выраженные в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П и в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2011 г. № 25-П. Включались предписания, содержащие правило о распределении нормотворческой компетенции либо об отнесении вопроса к предмету регулирования определённого уровня власти.

Единица анализа – отдельное нормативное предписание: пункт, часть или абзац закона. Применены формально-юридический анализ, толкование норм во взаимосвязи конституционных и отраслевых предписаний, а также логический анализ синтаксических конструкций, которыми федеральный законодатель обозначает допустимую меру регионального участия. Последовательность операций такова. Сначала предписания разделены по форме отсылки к региональному акту, затем на этом основании разграничены уровни нормотворческой компетенции, далее по единому основанию – источнику расхождения – построена типология различий регионального законодательства, после чего сформулированы коллизионные правила, проверенные на граничном случае с формулированием условия опровержения модели.

Результаты и обсуждение

Конституционный текст не закрепляет государственную службу субъектов Российской Федерации в качестве отдельного предмета ведения, и её отнесение к совместному ведению получается из соединения п. «н» ч. 1 ст. 72 с ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П указано, что установление общих принципов организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации, включая принципы, касающиеся статуса и основ порядка формирования этих органов, отнесено Конституцией Российской Федерации к совместному ведению, а федеральный законодатель при их конкретизации ограничен конституционными положениями об организации власти. Служебные отношения примыкают к этому предмету через организационную связь должности гражданской службы с государственным органом. Статья 3 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ определяет гражданскую службу как профессиональную служебную деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов и лиц, замещающих государственные должности. Служебное законодательство субъекта производно, таким образом, от конституционной модели организации публичной власти: после 2020 года она описывается как единая система [Агибалов, 2024], охватывающая государственный и муниципальный уровни, а дискреция законодателя в ней ограничена [Наумова, 2024] прямо действующими конституционными предписаниями.

Часть 4 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ разграничивает служебную материю по двум разным основаниям. Правовое регулирование гражданской службы субъекта отнесено к совместному ведению, то есть подчинено режиму ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации, тогда как организация той же службы отнесена к ведению субъекта и подчинена режиму ст. 73 Конституции Российской Федерации. Расщепление означает, что компетенция субъекта здесь не остаточная, а складывается из собственной компетенции по

организации и из производной компетенции по регулированию, осуществляемой в соответствии с федеральным законом. Практическим следствием служит различие в проверке. Организационное решение субъекта проверяется на непротиворечие федеральному закону, а регулятивное – дополнительно на соответствие ему, что требует установить меру допустимого расхождения для каждой группы норм [Алехин, Ромайкин, 2025].

Разбор отсылочных конструкций Федерального закона № 79-ФЗ позволяет разграничить в служебной материи три уровня нормотворческой компетенции. Первый уровень образуют предписания, содержание которых закон определяет исчерпывающе и без обращения к региональному акту. К нему относятся понятие и деление гражданской службы (ст. 3), принципы гражданской службы, включая единство правовых и организационных основ (п. 2 ст. 4), деление должностей на категории и группы (ст. 9), наименования классных чинов гражданской службы субъекта и их привязка к группам должностей (чч. 1, 6–10 ст. 11), требования к уровню профессионального образования (чч. 3–5 ст. 12), а также условия поступления на службу и её прохождения, включая конкурсный порядок замещения должностей, где федеральная процедура не имеет регионального варианта [Наумова, 2024].

Второй уровень образуют рамочные предписания, передающие часть регулирования субъекту и одновременно связывающие его содержательным ориентиром. Так, ст. 8 Федерального закона № 79-ФЗ допускает учреждение должностей гражданской службы субъекта законами или иными нормативными правовыми актами субъекта «с учётом положений настоящего Федерального закона»; ч. 2 ст. 10 предписывает составлять реестр должностей гражданской службы субъекта с учётом принципов построения федерального реестра и утверждать его законом либо иным актом субъекта; ч. 6 ст. 12 относит установление квалификационных требований к стажу для должностей гражданской службы субъектов к законам субъектов. Третий уровень образуют предписания, отсылающие к региональному акту без содержательного ориентира. Размеры должностных окладов и окладов за классный чин гражданских служащих субъекта устанавливаются в соответствии с нормативным правовым актом субъекта (ч. 4 ст. 50), их ежегодная индексация производится по закону субъекта о бюджете (ч. 12 ст. 50), а п. 1 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ относит материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности органов государственной власти субъекта, включая оплату труда, к полномочиям, осуществляемым самостоятельно за счёт средств бюджета субъекта.

Признак, разделяющий уровни, лежит в форме федеральной отсылки и потому проверяем по тексту нормы. Отсутствие отсылки означает первый уровень; отсылка, сопровождённая формулой «с учётом положений настоящего Федерального закона» или «с учётом принципов построения», означает второй; отсылка без такого ориентира – третий. Признак объясняет, почему региональное расхождение в размере оклада не нарушает единства основ, а расхождение в наименовании классного чина его нарушает. В первом случае федеральный законодатель отказался от содержательного предела, во втором установил его непосредственно. Критерий согласуется и с общей конструкцией регионального правотворчества, поскольку законодательный процесс субъекта связан с федеральным законодательным процессом и сохраняет свойство конституционности [Алехин, Ромайкин, 2025], а подзаконные акты исполнительных органов субъекта [Митусова, 2024] принимаются на основании Конституции Российской Федерации и во исполнение законов.

Полученная модель позволяет ввести типологию расхождений регионального законодательства с федеральным по единому основанию – источнику расхождения.

Делегированное расхождение возникает там, где различие прямо предусмотрено федеральной отсылкой третьего уровня, и потому правомерно и не подлежит устранению. Конкретизирующее расхождение возникает на втором уровне, когда субъект детализирует рамочную норму в пределах заданного ориентира. Опережающее расхождение предусмотрено ч. 3 ст. 3 Федерального закона № 414-ФЗ: субъекты вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов, а после принятия федерального закона их акты подлежат приведению в соответствие с ним в течение трёх месяцев со дня официального опубликования. Противоречащее расхождение возникает тогда, когда региональный акт регулирует предмет первого уровня, и только оно образует коллизию в собственном смысле. Устойчивость основания подтверждается его переносимостью на смежную сферу совместного ведения, где в законодательстве об административных правонарушениях соотношение уровней строится по той же схеме делегированных и противоречащих различий [Васильева, 2021], а сопоставление российского и международного опыта построения систем управления персоналом в государственной и муниципальной службе показывает, что организационно-кадровые решения субъекта второго предписания по тому же вопросу не образуют [Улитин, 2025].

Из типологии следует последовательность коллизионных правил, применяемых при обнаружении расхождения. Первый шаг состоит в квалификации предмета спорного предписания по уровню компетенции. На втором шаге при первом уровне действуют ч. 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 414-ФЗ, согласно которым акты субъектов не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения, и применяется федеральный закон. На третьем шаге при втором уровне региональная норма проверяется на соблюдение пределов отсылки, а не на текстуальное совпадение с федеральным образцом; формула «с учётом» прямо предполагает вариативность. На четвёртом шаге при третьем уровне региональная норма применяется как единственный источник правила, а отсутствие федерального предписания квалифицируется не как пробел, а как сознательное воздержание федерального законодателя; недостающее регулирование восполняется по ст. 73 Федерального закона № 79-ФЗ нормами трудового права, содержащимися в том числе в актах субъектов, в части, не урегулированной этим законом.

Граничным случаем, проверяющим модель, служит ст. 53 Федерального закона № 79-ФЗ. Она называет закрытый ряд дополнительных государственных гарантий и завершает его открытой формулой об иных государственных гарантиях, предоставляемых в том числе законами и иными нормативными правовыми актами субъекта. По форме отсылки это третий уровень, однако региональная гарантия способна изменить объём служебных прав и обязанностей и тем самым затронуть предмет, урегулированный федерально. Случай показывает, что признак формы отсылки необходим, однако сам по себе вопроса не решает и требует дополнительного правила о предмете воздействия. Норма, изменяющая объём служебных прав, обязанностей или ответственности гражданского служащего, относится к первому уровню независимо от источника её финансирования. Тот же вывод подкрепляется состоянием служебного законодательства о дисциплинарной ответственности, которое в доктрине признано не отвечающим большинству параметров качества и требующим собственной административно-правовой модели [Добробаба, 2021].

Модель опровергается конкретным обстоятельством – обнаружением в Федеральном законе № 79-ФЗ предписания, передающего субъекту регулирование элемента служебного статуса, а

именно поступления на службу, её прохождения, прекращения или ответственности, без федерального содержательного предела. Проверка перечисленных предписаний такого правила не выявила. Статья 5 Федерального закона № 79-ФЗ включает конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов в состав регуляторов служебных отношений, но помещает их после федеральных актов, а ст. 73 допускает применение региональных актов с нормами трудового права лишь субсидиарно. Горизонтальное измерение вопроса показывает обратную картину: государственная гражданская и муниципальная служба сближаются по принципам организации и характеристикам статуса [Михеева, Михеев, 2024], но сохраняют разные исходные подходы [Морозов, Пресняков, Чаннов, 2026] – служебно-правовой и трудоправовой. Различие уровней компетенции внутри государственной службы задано федеральным законом строже, чем различие между видами публичной службы, а организационная составляющая регионального уровня определяется общей схемой построения органов власти субъекта [Басиев, 2025] и ходом согласования федерального и регионального законодательства [Максимова, 2024].

Заключение

Распределение нормотворческой компетенции в сфере государственной гражданской службы описывается тремя уровнями, различаемыми по форме федеральной отсылки, – исчерпывающим федеральным стандартом, рамочным уровнем с содержательным ориентиром и собственным регулированием субъекта. На этом основании расхождения регионального законодательства с федеральным разделяются на делегированные, конкретизирующие, опережающие и противоречащие. Коллизию образует только последний тип, тогда как первые три входят в конструкцию единства правовых и организационных основ, закреплённую п. 2 ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

Применение модели к дополнительным государственным гарантиям по ст. 53 названного закона потребовало уточнения. Региональное предписание, которое расширяет либо ограничивает служебные права, обязанности или ответственность гражданского служащего, остаётся предметом федерального регулирования вне зависимости от того, за счёт какого бюджета оно исполняется. Унификация служебного законодательства состоит, следовательно, в сохранении федерально заданных элементов служебного статуса, а не в совпадении текстов законов субъектов Российской Федерации.

Библиография

1. Агибалов Ю.В. Правовое регулирование системы органов государственной власти в субъектах Российской Федерации: основные этапы и направления совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1. С. 20–35. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/1/20-35
2. Алехин А.Е., Ромайкин И.А. О правовой природе законодательного процесса в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 4. С. 43–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-43-46
3. Васильева Я.В. Федеральное и региональное законодательство об административных правонарушениях: проблемы соотношения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 5/2. С. 48–52. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.05-2.01
4. Гошуляк В.В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12
5. Добробаба М.Б. Служебное законодательство, регулирующее отношения дисциплинарной ответственности в системе государственной службы: проблема эффективности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2. С. 65–77. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3389
6. Куракин А.В., Карпухин Д.В. Правовой механизм реализации принципов разграничения полномочий по

предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в актах Конституционного Суда РФ // Современное право. 2020. № 4. С. 14–19. DOI: 10.25799/ni.2020.57.48.005
7. Михеева Т.Н., Михеев Д.С. О единой публично-правовой природе государственной гражданской службы и муниципальной службы // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 4. С. 18–21. DOI: 10.18572/2072-4314-2024-4-18-21
8. Митусова И.А. Подзаконное нормотворчество исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 19–21. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-6-19-21
9. Морозов М.Ю., Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Обеспечение взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы в контексте единства публичной власти // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2026. № 1. С. 10–15. DOI: 10.18572/2072-4314-2026-1-10-15
10. Наумова Ю.В. К вопросу о регулировании и основных тенденциях замещения вакантных должностей государственной гражданской службы // Юридический мир. 2024. № 5. С. 31–35. DOI: 10.18572/1811-1475-2024-5-31-35
11. Петровская М.И. Единая система публичной власти: органы местного самоуправления и органы государственной власти в контексте конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 6. С. 42–47. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-6-42-47
12. Улитин Д.В. Российский и международный опыт формирования и развития системы управления персоналом в государственной и муниципальной службе // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 7. С. 76–85.

The Relationship Between Federal and Regional Legislation on Civil Service: Problems of Unification and Differences

Aigum Sh. Gasanaliev

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Administrative, Financial and Customs Law,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gasanaliev@dgu.ru

Gadzhi A. Muminov

Master's Student,
Department of Administrative, Financial and Customs Law,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: Guminov23@mail.ru

Abstract

Legislation on the state civil service simultaneously proclaims the unity of the legal and organizational foundations of the federal service and the service of the constituent entities of the Russian Federation, assigns the legal regulation of the regional civil service to joint jurisdiction, and leaves its organization to the constituent entity, yet does not provide a general criterion allowing one to distinguish a lawful regional difference from a collision of norms. The study establishes the basis for such a distribution and the rules for qualifying discrepancies in regional legislation. The material consisted of the competence and conflict-of-laws prescriptions of the Constitution of the Russian Federation and Federal Laws No. 58-FZ, No. 79-FZ, and No. 414-FZ, as well as the legal positions

of the Constitutional Court of the Russian Federation; the unit of analysis is a separate normative prescription, considered through formal-legal and logical analysis, systemic interpretation, and comparison of reference constructions. A three-level model of competence has been constructed, covering an exhaustive federal standard, a framework level open to regional detail, and the constituent entity's own regulation, whereby the level of a prescription is determined by the form of the federal reference; four types of discrepancies are identified – delegated, concretizing, anticipatory, and contradictory; a four-step mechanism for resolving collisions is formulated. Unification, therefore, consists not in the textual coincidence of regional laws, but in the preservation of federally established elements of service status; the borderline case of additional state guarantees required an additional rule, according to which a guarantee that changes the scope of service rights and duties belongs to the federal level regardless of the source of its financing.

For citation

Gasanaliev A.Sh., Muminov G.A. (2026) Sootnoshenie federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva o gosudarstvennoy sluzhbe: problemy unifikatsii i razlichiya [The Relationship Between Federal and Regional Legislation on Civil Service: Problems of Unification and Differences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 219-227. DOI: 10.34670/AR.2026.33.60.025

Keywords

State civil service, joint jurisdiction, delineation of powers, regional rule-making, unification of legislation, legal collision, service legislation.

References

1. Agibalov, Yu. V. (2024). Pravovoe regulirovanie sistemy organov gosudarstvennoy vlasti v subyektakh Rossiyskoy Federatsii: osnovnye etapy i napravleniya sovershenstvovaniya [Legal Regulation of the System of State Authorities in the Constituent Entities of the Russian Federation: Main Stages and Areas of Improvement]. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, no. 1, pp. 20–35. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/1/20-35
2. Alekhin, A. E., Romaykin, I. A. (2025). O pravovoy prirode zakonodatelnogo protsessa v subyektakh Rossiyskoy Federatsii [On the Legal Nature of Legislative Process in Constituent Entities of the Russian Federation]. Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law], no. 4, pp. 43–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-43-46
3. Dobrobaba, M. B. (2021). Sluzhebnoe zakonodatelstvo, reguliruyushchee otnosheniya distsiplinarnoy otvetstvennosti v sisteme gosudarstvennoy sluzhby: problema effektivnosti [Service Legislation Regulating Disciplinary Liability Relations in the State Service System: The Problem of Effectiveness]. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, no. 2, pp. 65–77. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3389
4. Goshulyak, V. V. (2024). Edinaya sistema publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [The Unified Public Government System in the Russian Federation]. Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-Government], no. 4, pp. 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12
5. Kurakin, A. V., Karpukhin, D. V. (2020). Pravovoy mekhanizm realizatsii printsipov razgranicheniya polnomochiy po predmetam sovmestnogo vedeniya Rossiyskoy Federatsii i subyektov Rossiyskoy Federatsii v aktakh Konstitutsionnogo Suda RF [The Legal Mechanism for Implementing the Principles of Delimitation of Powers on the Subjects of Joint Jurisdiction of the Russian Federation and the Constituent Entities of the Russian Federation in the Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Sovremennoe pravo [Modern Law], no. 4, pp. 14–19. DOI: 10.25799/ni.2020.57.48.005
6. Mikheeva, T. N., Mikheev, D. S. (2024). O edinoy publichno-pravovoy prirode gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby i munitsipalnoy sluzhby [On the Common Public Law Nature of State Civil Service and Municipal Service]. Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy [Municipal Service: Legal Issues], no. 4, pp. 18–21. DOI: 10.18572/2072-4314-2024-4-18-21
7. Mitusova, I. A. (2024). Podzakonnoe normotvorchestvo ispolnitelnoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii [Sub-Statutory Policy-Making by the Executive Government of Constituent Entities of the Russian Federation].

Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure], no. 6, pp. 19–21. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-6-19-21

8. Morozov, M. Yu., Presnyakov, M. V., Channov, S. E. (2026) Obespechenie vzaimosvyazi gosudarstvennoy grazhdanskoy i munitsipalnoy sluzhby v kontekste edinstva publichnoy vlasti [Ensuring the Interconnection of State Civil and Municipal Service in the Context of the Unity of Public Authority]. Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy [Municipal Service: Legal Issues], no. 1, pp. 10–15. DOI: 10.18572/2072-4314-2026-1-10-15
9. Naumova, Yu. V. (2024). K voprosu o regulirovanii i osnovnykh tendentsiyakh zameshcheniya vakantnykh dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby [On the Regulation and Main Tendencies of Filling Vacancies at the State Civil Service]. Yuridicheskiy mir [Juridical World], no. 5, pp. 31–35. DOI: 10.18572/1811-1475-2024-5-31-35
10. Petrovskaya, M. I. (2026) Edinaya sistema publichnoy vlasti: organy mestnogo samoupravleniya i organy gosudarstvennoy vlasti v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda v Rossiyskoy Federatsii [The Unified System of Public Power: Local Self-Government Bodies and State Authorities in the Context of the 2020 Constitutional Reform of the Russian Federation]. Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law], no. 6, pp. 42–47. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-6-42-47
11. Ulitin, D. V. (2025). Rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt formirovaniya i razvitiya sistemy upravleniya personalom v gosudarstvennoy i munitsipalnoy sluzhbe [Russian and International Experience in the Formation and Development of the Personnel Management System in State and Municipal Service]. Akademicheskiy issledovatelskiy zhurnal [Academic Research Journal], vol. 3, no. 7, pp. 76–85.
12. Vasilieva, Ya. V. (2021). Federalnoe i regionalnoe zakonodatelstvo ob administrativnykh pravonarusheniyakh: problemy sootnosheniya [Federal and Regional Legislation on Administrative Offences: Problems of Correlation]. Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law], no. 5/2, pp. 48–52. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.05-2.01

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.26.65.026**

Конституционно-правовые проблемы интеграции правовых систем новых субъектов в общее правовое пространство Российской Федерации

Глущенко Сергей Николаевич

Адъюнкт,
Орден Трудового Красного Знамени
Академия управления МВД России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: gluwenko-900@mail.ru

Аннотация

Действующее регулирование принятия в Российскую Федерацию нового субъекта опирается на две близкие по наименованию, но различные по содержанию юридические конструкции. Первая — переходный период, в течение которого новый субъект включается в правовую систему страны. Вторая — особенности регулирования отдельных отношений, вводимые отдельными федеральными законами со своими сроками применения. Конституционное правило о приоритете федерального закона рассчитано на расхождение между федеральным законом и актом субъекта Российской Федерации, а расхождение двух федеральных предписаний оно не охватывает, из-за чего вопрос о применимом правиле остаётся без прямого ответа. Нормативную базу образуют предписания Конституции Российской Федерации о разграничении предметов ведения и юридической силе актов, нормы федеральных конституционных законов о порядке принятия нового субъекта и о переходном периоде, положения федерального закона об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации, а также два судебных акта. Наряду с формально-юридическим применены понятийно-категориальный анализ, систематическое и телеологическое толкование, сравнение последовательных редакций одного предписания. Признаки двух режимов сведены к трём различающим основаниям — источнику, предмету и сроку, — что отделяет темпоральный режим интеграции от компетенционного режима особенностей. Расхождения разнесены по элементу механизма, который их порождает, на темпоральные, иерархические, компетенционные и режимные; для последних, не охваченных действующими коллизионными правилами, выведено правило приоритета, опирающееся на цель интеграции. Сохранённое предписание вступает в расхождение с федеральным актом высшей силы в тот день, когда истекает срок его сохранения. Полученное разграничение позволяет относить конкретное предписание к одному из режимов по проверяемым признакам и применять соответствующее ему правило разрешения расхождения, а границей конструкции служит предписание, соединяющее срок и новое полномочие.

Для цитирования в научных исследованиях

Глущенко С.Н. Конституционно-правовые проблемы интеграции правовых систем новых субъектов в общее правовое пространство Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 228-235. DOI: 10.34670/AR.2026.26.65.026

Ключевые слова

Единое правовое пространство, переходный период, особенности правового регулирования, разграничение предметов ведения, юридическая коллизия, нормоконтроль, новый субъект Российской Федерации.

Введение

Часть 2 статьи 65 Конституции Российской Федерации относит принятие в Российскую Федерацию и образование в её составе нового субъекта к порядку, установленному федеральным конституционным законом. Часть 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ допускает установление международным договором переходного периода, в течение которого новый субъект интегрируется в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти. Конструкция воспроизведена в актах о принятии отдельных субъектов. Статья 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ ограничила переходный период конечной датой; статья 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ наряду со сроком допустила установление отдельными федеральными законами особенностей регулирования отдельных отношений и сроков применения таких особенностей.

Оба предписания обозначаются близкими терминами, однако проверяемого основания, разделяющего их, доктрина пока не предложила. Переходный период описывается как частный случай более широкого интеграционного правового режима, в котором Конституция Российской Федерации сохраняет прямое действие [Третьяк, 2025]. Смена состава Федерации связывается с нормативной архитектурой, образуемой конституционными предписаниями и федеральными конституционными законами [Азангулова, 2026], а приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным рассматривается как гармонизация, этапы которой соотнесены с развитием доктрины государственного суверенитета [Максимова, 2024]. Предписания статьи 66 Конституции Российской Федерации задают при этом рамку для учредительных актов субъекта [Магомедов, 2023]. Ни один из названных подходов не даёт правила, применимого к расхождению между общей нормой федерального законодательства и специальной федеральной нормой об особенностях, срок применения которой не совпадает со сроком переходного периода. Исследование направлено на разграничение обоих режимов по проверяемому основанию, отнесение возникающих расхождений к типам с различными правилами разрешения и определение момента, с которого расхождение приобретает значение коллизии.

Материалы и методы исследования

Нормативную базу образуют часть 2 статьи 65, статьи 71, 72, 73 и части 1–6 статьи 76 Конституции Российской Федерации; статьи 4, 7 и 9 Федерального конституционного закона от

17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ; статья 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ; статья 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2025 г. № 4-ФКЗ; части 4–6 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ. Судебная составляющая ограничена двумя актами. Это Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. № 33-П и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50. Все акты сверены по действующим редакциям на 13 сентября 2026 г.

Анализ норм ведётся на уровне отдельного нормативного предписания; отношение между двумя предписаниями, применимыми к одному вопросу, рассматривается самостоятельно. Формально-юридический анализ дополнен понятийно-категориальным анализом, посредством которого признаки двух режимов сведены к единому основанию деления, а также систематическим и телеологическим толкованием и сравнением последовательных редакций одного предписания. Такой порядок согласуется с подходом, при котором оценке регионального правотворчества предшествует инвентаризация [Васильев, 2024] действующего регулирования. Операции выполнены последовательно: сначала выделены признаки каждого режима, затем сформулировано основание их деления, затем расхождения отнесены к типам, и в конце конструкция проверена предписанием, отвечающим признакам двух типов сразу.

Результаты и обсуждение

Часть 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ определяет переходный период через результат – интеграцию нового субъекта в правовую систему Российской Федерации – и не наделяет органы этого субъекта дополнительной компетенцией. Предписание регулирует время, в течение которого допускается применение ранее сложившегося регулирования, но не предмет такого регулирования. Оно адресовано не отдельному отношению, а всему объёму прежних правил сразу и потому не способно ни расширить, ни сузить круг вопросов, по которым субъект вправе принимать собственные акты. Такая норма прекращает действие автоматически, с наступлением указанной в ней даты, и не требует специального акта об отмене.

Иную конструкцию образует второе предложение статьи 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, согласно которому отдельными федеральными законами устанавливаются особенности регулирования отдельных отношений и сроки применения таких особенностей. Здесь определяются содержание специального регулирования и его собственный срок, а не время сохранения прежних предписаний.

Различие фиксируется по трём признакам. Источником первого режима служит федеральный конституционный закон о принятии, источником второго – отдельный федеральный закон. Предметом первого выступает действие ранее применявшихся предписаний, предметом второго – содержание регулируемого отношения. Срок первого един для всего режима, срок второго устанавливается для каждой особенности отдельно. Первый режим далее обозначается как темпоральный режим интеграции, второй – как компетенционный режим особенностей. Оба действуют в границах конституционно-правового правопреемства, объектами которого выступают публичная власть [Иванов, 2026], а также полномочия, права и обязанности.

Статья 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ подтверждает это разграничение от противного. Она установила переходный период с фиксированной конечной датой и не предусмотрела самостоятельных особенностей, однако федеральный

законодатель принял и правила, применяемые в течение периода, и правила, рассчитанные на время после его окончания.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. № 33-П обе группы предписаний разграничены прямо, а оспоренные положения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в истолковании, не допускающем утраты гражданами ранее приобретённых прав. Истечение срока переходного периода, следовательно, не прекращает действие особенностей, так как сроки двух режимов не совпадают и не выводятся один из другого. Тем же объясняется установление переходного периода не только для правового регулирования, но и для институциональных структур [Годованик, 2024], включаемых в единую систему публичной власти.

Единым основанием деления расхождений служит элемент механизма, который их порождает. Темпоральное расхождение возникает между предписанием, сохранённым на срок переходного периода, и общей федеральной нормой. Оно снимается истечением срока и не требует отдельного правила приоритета, поэтому самостоятельного коллизионного значения не имеет.

Иерархическое расхождение возникает между актом субъекта Российской Федерации и федеральным законом, принятым в соответствии с частями 1 и 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации, и разрешается частью 5 той же статьи; здесь получает значение конституционность законодательного процесса субъекта [Алехин, Ромайкин, 2025] и его связь с федеральным законодательным процессом. Компетенционное расхождение касается отнесения вопроса к статьям 71, 72 или 73 Конституции Российской Федерации. Пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 обязывает суд выяснять, относится ли урегулированный вопрос к предмету ведения Российской Федерации, к полномочиям субъекта по предметам совместного ведения или к его собственному ведению, и учитывать право субъекта регулировать вопрос совместного ведения при отсутствии федерального регулирования.

Четвёртый тип – режимное расхождение – возникает между специальной нормой об особенностях и общей нормой федерального законодательства. Распределение таких дел между конституционным и административным судопроизводством опирается на разделение критериев и объектов проверки [Брежнев, 2025], но сам выбор применимого предписания ни одним из этих порядков не предрешён.

Действующие коллизионные правила режимное расхождение не разрешают. Часть 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации к нему неприменима, поскольку оба расходящихся предписания приняты на федеральном уровне; приоритет специальной нормы и приоритет более позднего закона приводят к противоположным результатам, если норма об особенностях принята ранее общей нормы. Правило приоритета выводится из цели, закреплённой частью 2 статьи 7 названного Федерального конституционного закона 2001 года. Специальная норма об особенностях применяется преимущественно постольку, поскольку её применение сокращает различие в правовом положении по сравнению с общим федеральным регулированием; если применение такое различие увеличивает, применяется общая норма. Опорой служат часть 2 статьи 4 и часть 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации, закрепляющие верховенство и прямое действие федеральных законов, а также часть 4 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ, относящая организацию публичной власти в субъекте к предмету федерального регулирования. Сходный критерий предложен и для регионального нормотворчества, где допустимость различий поставлена в зависимость [Надежин, 2026] от федерального основания и публичной цели.

Момент возникновения коллизии в интеграционном режиме определяется иначе, чем при

обычной проверке нормативного акта. Пункт 38 того же разъяснения допускает признание акта не действующим со времени, когда он вошёл в противоречие с актом большей юридической силы. Для предписания, сохранённого на срок переходного периода, таким временем служит не день его принятия и не день вступления в силу федерального акта, а день окончания срока сохранения.

До этого дня расхождение коллизии не образует, так как специальное темпоральное предписание действует правомерно; после него прежнее предписание утрачивает основание применения. Этим определяется и объём ретроспективного действия судебного решения. Обнаружение таких предписаний обеспечивается экспертизой нормативных правовых актов и мониторингом [Вильская, 2020а], а распределение соответствующих действий между федеральными и региональными органами образует отдельную организационную задачу [Вильская, 2020б]. Конструкция проверяется граничным случаем. Если норма, формально ограниченная сроком переходного периода, наделяет орган субъекта Российской Федерации полномочием по вопросу, отнесённому статьёй 71 Конституции Российской Федерации к ведению Российской Федерации, признак срока перестаёт быть решающим. Такое предписание служит контрпримером для темпорального типа и оценивается по части 1 статьи 76 Конституции Российской Федерации, устанавливающей прямое действие федеральных законов по предметам ведения Российской Федерации на всей территории страны.

Граница проходит по тому, создаёт ли предписание новое полномочие или лишь продлевает применение прежнего правила; тем же критерием различаются унификация учредительных актов субъектов и простое совпадение их формулировок. Основание деления перестанет различать режимы, если обнаружится предписание, которое одновременно ограничено сроком переходного периода и учреждает собственную компетенцию субъекта по предмету ведения Российской Федерации. Типология охватывает при этом лишь расхождения между правилами поведения: бюджетные инструменты выравнивания [Воробьев, Кавкаева, 2026], инфраструктурные и производственно-кооперационные меры включения новых регионов в общее экономическое пространство страны [Новикова, Пересторонин, 2026] и организационные решения о построении системы публичной власти субъекта [Басиев, 2025] второго предписания по тому же вопросу не создают, и их несогласованность устраняется изменением самого акта.

Заключение

Механизм интеграции правовой системы нового субъекта в общее правовое пространство Российской Федерации складывается из двух самостоятельных режимов. Темпоральный режим ограничивает во времени применение ранее сложившихся правил и завершается вместе с установленным сроком. Компетенционный режим вводит особенности регулирования отдельных отношений, каждая из которых имеет собственный срок, и потому переживает окончание переходного периода.

Расхождения между предписаниями разделены на четыре типа по элементу механизма, который их порождает. Первые три снимаются соответственно сроком, правилом о преимуществе федерального закона и распределением предметов ведения. Для четвёртого, режимного типа установлено правило, по которому специальная норма действует преимущественно лишь при условии, что она сближает правовое положение с установленным общим федеральным правилом. Коллизия для сохранённого предписания возникает в день окончания срока сохранения, чем очерчиваются и временные пределы судебного решения о признании акта не действующим.

Библиография

1. Азангулова З.Х. Конституционный процесс образования новых субъектов // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 2. С. 41–48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-41-48.
2. Алехин А.Е., Ромайкин И.А. К вопросу о юридической природе законодательного процесса субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 4. С. 43–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-43-46.
3. Басиев М.С. Совершенствование организации системы публичной власти субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 8. С. 13–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-8-13-17.
4. Брежнев О.В. Оспаривание нормативных правовых актов органов публичной власти в порядке конституционного и административного судопроизводства: проблемы разграничения подведомственности // Российский судья. 2025. № 1. С. 39–44. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-1-39-44.
5. Васильев С.А. Развитие федеративных отношений с позиции теории соотношения субъектов конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 5. С. 6–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-5-6-10.
6. Вильская Н.В. Анализ институциональных основ выявления и устранения несоответствий регионального законодательства федеральному законодательству // Современное право. 2020. № 3. С. 25–36. DOI: 10.25799/ni.2020.55.60.015.
7. Вильская Н.В. Роль федеральных органов государственной власти в выявлении и устранении несоответствий регионального законодательства федеральному законодательству // Современное право. 2020. № 4. С. 5–13. DOI: 10.25799/ni.2020.83.75.014.
8. Воробьев Н.С., Кавкаева К.П. Правовое регулирование межбюджетных отношений в контексте обеспечения социальной стабильности в новых субъектах Российской Федерации // Финансовое право. 2026. № 5. С. 12–16. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-5-12-16.
9. Годованик Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования муниципальной службы в контексте интеграции новых субъектов Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 3. С. 6–10. DOI: 10.18572/2072-4314-2024-3-6-10.
10. Иванов И.В. Конституционно-правовое правопреемство: понятие и содержание // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 2. С. 10–13. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-2-10-13.
11. Магомедов А.М. Соотношение конституционно-уставных норм федерального и регионального законодательства, регулирующих статус субъектов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 71–78. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-71-78.
12. Максимова О.Д. Гармонизация федерального и регионального законодательства в России и проблемы государственного суверенитета // История государства и права. 2024. № 7. С. 8–13. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-7-8-13.
13. Надежин Н.Н. Единое экономическое пространство как конституционная основа ограничения регионального нормотворчества в сфере предпринимательства // Юридический мир. 2026. № 8. С. 43–46. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-8-43-46.
14. Новикова Н.В., Пересторонин А.А. Интеграция новых регионов в экономическое пространство страны через транспортные коридоры и межрегиональную кооперацию производства // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 1. С. 115–124.
15. Третьяк И.А. Феномен интеграционного правового режима при принятии в состав Российской Федерации новых субъектов: конституционно-правовые аспекты // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2025. № 3. С. 19–22. DOI: 10.18572/2500-0349-2025-3-19-22.

Constitutional and Legal Problems of Integrating the Legal Systems of New Subjects into the Common Legal Space of the Russian Federation

Sergei N. Glushchenko

Adjunct,
Order of the Red Banner of Labour Academy
of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125171, 8, Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gluwenko-900@mail.ru

Abstract

The current regulation of the admission of a new subject into the Russian Federation relies on two legal constructs that are similar in name but different in content. The first is the transition period, during which the new subject is incorporated into the country's legal system. The second is the specifics of regulating certain relations, introduced by separate federal laws with their own periods of application. The constitutional rule on the priority of a federal law is designed for a divergence between a federal law and an act of a subject of the Russian Federation, but it does not cover a divergence between two federal prescriptions, which is why the question of the applicable rule remains without a direct answer. The normative basis is formed by the prescriptions of the Constitution of the Russian Federation on the delimitation of subjects of jurisdiction and the legal force of acts, the norms of federal constitutional laws on the procedure for admitting a new subject and on the transition period, the provisions of the federal law on the organization of public authority in the subjects of the Russian Federation, as well as two judicial acts. Along with the formal-legal method, conceptual-categorical analysis, systematic and teleological interpretation, and comparison of successive editions of a single prescription were applied. The features of the two regimes are reduced to three distinguishing grounds — source, subject, and term — which separates the temporal regime of integration from the competence regime of specifics. Divergences are distributed according to the element of the mechanism that generates them into temporal, hierarchical, competence, and regime-related ones; for the latter, not covered by the current conflict-of-laws rules, a rule of priority is derived, relying on the goal of integration. A preserved prescription enters into divergence with a federal act of higher force on the day when its preservation term expires. The resulting differentiation makes it possible to assign a specific prescription to one of the regimes according to verifiable features and to apply the corresponding rule for resolving the divergence, while the boundary of the construct is a prescription that combines a term and a new power.

For citation

Glushchenko S.N. (2026) Konstitutsionno-pravovye problemy integratsii pravovykh sistem novykh sub''ektov v obshchee pravovoe prostranstvo Rossiyskoy Federatsii [Constitutional and Legal Problems of Integrating the Legal Systems of New Subjects into the Common Legal Space of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 228-235. DOI: 10.34670/AR.2026.26.65.026

Keywords

Common legal space, transition period, specifics of legal regulation, delimitation of subjects of jurisdiction, legal collision, norm control, new subject of the Russian Federation.

References

1. Alekhin, A.E., & Romaykin, I.A. (2025). K voprosu o yuridicheskoy prirode zakonodatel'nogo protsessa sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [On the legal nature of the legislative process in constituent entities of the Russian Federation]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, (4), 43–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-43-46
2. Azangulova, Z.Kh. (2026) Konstitutsionnyy protsess obrazovaniya novykh sub"ektov [The constitutional process of forming new constituent entities]. International Law Journal, 9(2), 41–48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-41-48
3. Basiev, M.S. (2025). Sovershenstvovanie organizatsii sistemy publichnoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [Improvement of the organization of the public government system in the constituent entities of the Russian Federation]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, (8), 13–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-8-13-17
4. Brezhnev, O.V. (2025). Osparivanie normativnykh pravovykh aktov organov publichnoy vlasti v poryadke konstitutsionnogo i administrativnogo sudoproizvodstva: problemy razgranicheniya podvedomstvennosti [Challenging

regulations of public government authorities within constitutional and administrative proceedings: problems of jurisdiction delimitation]. Rossiyskiy sud'ya, (1), 39–44. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-1-39-44
5. Godovanik, E.V. (2024). Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya munitsipal'noy sluzhby v kontekste integratsii novykh sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [Certain aspects of legal regulation of the municipal service in the context of integration of new constituent entities of the Russian Federation]. Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy, (3), 6–10. DOI: 10.18572/2072-4314-2024-3-6-10
6. Ivanov, I.V. (2026) Konstitutsionno-pravovoe pravopreemstvo: ponyatie i soderzhanie [Constitutional and legal succession: concept and content]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, (2), 10–13. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-2-10-13
7. Magomedov, A.M. (2023). Sootnoshenie konstitutsionno-ustavnykh norm federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchikh status sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [Correlation between constitutional and statutory norms of federal and regional legislation regulating the status of the constituent entities of the Russian Federation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, (2), 71–78. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-71-78
8. Maksimova, O.D. (2024). Garmonizatsiya federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva v Rossii i problemy gosudarstvennogo suvereniteta [Harmonization of federal and regional laws in Russia and state sovereignty problems]. Istoriya gosudarstva i prava, (7), 8–13. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-7-8-13
9. Nadezhin, N.N. (2026) Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo kak konstitutsionnaya osnova ogranicheniya regional'nogo normotvorchestva v sfere predprinimatel'stva [The single economic space as a constitutional basis for limiting regional rulemaking in the sphere of entrepreneurship]. Yuridicheskiy mir, (8), 43–46. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-8-43-46
10. Novikova, N.V., & Perestoronin, A.A. (2026) Integratsiya novykh regionov v ekonomicheskoe prostranstvo strany cherez transportnye koridory i mezhregional'nuyu kooperatsiyu proizvodstva [Integration of new regions into the economic space of the country through transport corridors and interregional production cooperation]. Voprosy prirodopol'zovaniya, 5(1), 115–124.
11. Tretyak, I.A. (2025). Fenomen integratsionnogo pravovogo rezhima pri prinyatii v sostav Rossiyskoy Federatsii novykh sub"ektov: konstitutsionno-pravovye aspekty [The integrational legal regime phenomenon in admission of new constituent entities to the Russian Federation: constitutional law aspects]. Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie, (3), 19–22. DOI: 10.18572/2500-0349-2025-3-19-22
12. Vasil'ev, S.A. (2024). Razvitie federativnykh otnosheniy s pozitsii teorii sootnosheniya sub"ektov konstitutsionnogo prava [The development of federative relations from the standpoint of the theory of correlation of constitutional law subjects]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, (5), 6–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-5-6-10
13. Vil'skaya, N.V. (2020a). Analiz institutsional'nykh osnov vyyavleniya i ustraneniya nesootvetstviy regional'nogo zakonodatel'stva federal'nomu zakonodatel'stvu [An analysis of the institutional foundations for detecting and eliminating discrepancies between regional and federal legislation]. Sovremennoe pravo, (3), 25–36. DOI: 10.25799/ni.2020.55.60.015
14. Vil'skaya, N.V. (2020b). Rol' federal'nykh organov gosudarstvennoy vlasti v vyyavlenii i ustranenii nesootvetstviy regional'nogo zakonodatel'stva federal'nomu zakonodatel'stvu [The role of federal state authorities in detecting and eliminating discrepancies between regional and federal legislation]. Sovremennoe pravo, (4), 5–13. DOI: 10.25799/ni.2020.83.75.014
15. Vorob'ev, N.S., & Kavkaeva, K.P. (2026) Pravovoe regulirovanie mezhbyudzhetnykh otnosheniy v kontekste obespecheniya sotsial'noy stabil'nosti v novykh sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of inter-budgetary relations in the context of ensuring social stability in the new constituent entities of the Russian Federation]. Finansovoe pravo, (5), 12–16. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-5-12-16

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.22.26.027**

Угрозы, влияющие на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета РФ

Сидоров Юрий Вадимович

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публичного права и национальной безопасности,
Уральский институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66;
e-mail: sidorov-yv@ranepa.ru

Блинова Екатерина Алексеевна

Аспирант,
кафедра публичного права и национальной безопасности,
Уральский институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66;
e-mail: yekaterina-blinova-00@bk.ru

Аннотация

В статье исследуется комплекс угроз, оказывающих деструктивное воздействие на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации в условиях трансформации глобальной экономической архитектуры и беспрецедентного санкционного давления. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления традиционных механизмов защиты финансовой самостоятельности государства перед лицом новых вызовов, включая экстерриториальное применение иностранного права, фрагментацию мировой финансовой системы и стремительную цифровизацию экономических отношений. Авторами предлагается систематизация угроз по источникам происхождения (внешние и внутренние) и сферам проявления (правовой, институциональный, технологический, социально-экономический уровни). Особое внимание уделяется анализу пробелов в действующем законодательстве, снижающих способность государства противостоять таким явлениям, как «цифровой колониализм», принудительное замораживание резервных активов, размывание налоговой базы и девальвация юрисдикционного иммунитета. В работе обосновывается необходимость совершенствования организационно-правовых механизмов, включая адаптацию валютного и бюджетного законодательства, усиление киберустойчивости финансовой инфраструктуры и гармонизацию норм внутригосударственного права с задачами защиты национальных интересов в условиях гибридных конфликтов. Сделан вывод о том, что обеспечение финансового суверенитета требует перехода от реактивной модели правового

реагирования к проактивной, основанной на прогнозировании угроз и создании резервных правовых режимов. Обосновывается тезис о том, что в условиях кризиса глобальных финансовых институтов и правовых механизмов особое значение приобретает развитие региональных и двусторонних форматов сотрудничества, позволяющих создавать устойчивые, защищённые от внешнего давления каналы финансового взаимодействия. Авторы приходят к выводу, что обеспечение финансового суверенитета в современных условиях требует принципиального перехода от реактивной модели правового реагирования, при которой меры принимаются уже после реализации угроз, к проактивной модели, основанной на прогнозировании и раннем выявлении потенциальных угроз, создании резервных правовых режимов, позволяющих оперативно задействовать альтернативные механизмы в случае блокирования основных каналов финансового взаимодействия, и формировании институциональной среды, способной обеспечить реализацию принятых правовых норм независимо от внешнего давления. Только такой комплексный, системный подход, сочетающий совершенствование законодательства, развитие институтов и укрепление технологической базы, способен обеспечить надёжную защиту финансового суверенитета Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Для цитирования в научных исследованиях

Сидоров Ю.В., Блинова Е.А. Угрозы, влияющие на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 236-249. DOI: 10.34670/AR.2026.22.26.027

Ключевые слова

Финансовый суверенитет, правовое обеспечение, организационно-правовой механизм, угрозы национальной безопасности, санкционное давление, валютное регулирование, иммунитет государства, цифровой суверенитет.

Введение

В условиях глобальной турбулентности и беспрецедентного санкционного давления вопрос финансового суверенитета перестал быть чисто теоретической категорией финансового права, превратившись в фундамент национальной безопасности. Финансовый суверенитет предполагает способность государства самостоятельно формировать и реализовывать внутреннюю и внешнюю финансовую политику [Грачева, Соколова, 2023]. Однако существующее организационно-правовое обеспечение сталкивается с рядом вызовов, требующих оперативной трансформации институциональной среды.

Финансовый суверенитет государства представляет собой фундаментальную категорию, определяющую способность национальной власти самостоятельно формировать и реализовывать финансовую политику, обеспечивать устойчивость денежно-кредитной системы, защищать национальные экономические интересы и распоряжаться публичными финансами без внешнего принуждения или неприемлемого вмешательства. В условиях глобализации, казалось бы, стиравшей экономические границы и усиливавшей взаимозависимость национальных хозяйств, категория суверенитета не утратила своего значения, напротив, приобрела новые измерения и столкнулась с беспрецедентными вызовами. Традиционное понимание финансового суверенитета как исключительной компетенции государства в налоговой,

бюджетной и денежно-кредитной сферах сегодня оказывается недостаточным для адекватного описания реальности, в которой действуют транснациональные корпорации, наднациональные регуляторы и глобальные платежные системы. Российская Федерация, будучи неотъемлемой частью мировой экономики, в полной мере испытывает на себе влияние этих процессов, однако последние годы привнесли качественно новые факторы, требующие глубокого переосмысления всей системы организационно-правового обеспечения финансового суверенитета [Бюджетное право и финансовая деятельность государства, 2015].

Актуальность исследования проблем организационно-правового обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Прежде всего, это беспрецедентное по масштабам и характеру санкционное давление, которому подверглась российская экономика. Ограничительные меры, введенные недружественными государствами, затронули ключевые элементы финансовой системы: доступ к международным платежным инфраструктурам, возможность использования валютных резервов, операции на глобальных финансовых рынках, трансграничное движение капитала. Эти меры, по сути, бросили вызов самим основам финансового суверенитета, продемонстрировав уязвимость национальной финансовой системы перед экстерриториальным применением иностранного права и коллективными действиями геополитических оппонентов. В этих условиях перед российским правопорядком встала задача не только оперативного реагирования на возникающие угрозы, но и формирования долгосрочных механизмов защиты, способных обеспечить устойчивость финансовой системы в условиях перманентного внешнего давления.

Вторым важнейшим фактором, определяющим актуальность темы, является глубокая трансформация самой архитектуры глобальных финансов. Процессы фрагментации мирового экономического пространства, формирования альтернативных платежных систем и расчетных механизмов, регионализации финансовых связей создают новую реальность, в которой прежние институты и инструменты утрачивают эффективность. Для России, традиционно интегрированной в глобальную финансовую систему, этот переход сопряжен с серьезными рисками, но одновременно открывает и новые возможности для укрепления собственного суверенитета через развитие национальной платежной инфраструктуры, расширение использования национальной валюты в международных расчетах, формирование устойчивых финансовых связей с государствами-партнерами. Однако реализация этих возможностей требует адекватного организационно-правового обеспечения, которое сегодня далеко не в полной мере соответствует масштабу стоящих задач.

Третьим значимым вызовом выступает стремительная цифровизация финансовой сферы, порождающая принципиально новые угрозы, не имевшие аналогов в предшествующие эпохи. Развитие криптовалют и цифровых финансовых активов, появление децентрализованных финансовых платформ, распространение практик трансграничного электронного коммерческого оборота создают риски размывания налоговой базы, утраты контроля над денежным обращением, подрыва монополии центрального банка на эмиссию. Одновременно с этим цифровизация порождает уязвимости критической финансовой инфраструктуры перед кибератаками, технологическими сбоями, зависимостью от иностранного программного обеспечения и оборудования. Обеспечение цифрового суверенитета в финансовой сфере становится неотъемлемым компонентом общего финансового суверенитета, требующим разработки специальных правовых режимов и организационных механизмов [Современный миропорядок и цифровая реальность, 2024].

Степень научной разработанности проблемы нельзя признать достаточной, несмотря на наличие значительного числа публикаций, затрагивающих отдельные аспекты финансового суверенитета. В юридической литературе преобладают либо общетеоретические работы, рассматривающие суверенитет как абстрактную категорию, либо узкоотраслевые исследования, посвященные конкретным институтам бюджетного, налогового или валютного права. Комплексный анализ угроз организационно-правовому обеспечению финансового суверенитета, учитывающий их системный характер и взаимосвязь, до настоящего времени не проводился. Отсутствует и общепризнанная классификация таких угроз, позволяющая выстраивать приоритеты правовой политики и распределять ограниченные ресурсы государства на противодействие наиболее опасным из них. Между тем без такого анализа невозможно эффективное совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Целью настоящего исследования является выявление, систематизация и анализ угроз, оказывающих наиболее существенное влияние на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации, а также разработка на этой основе предложений по совершенствованию механизмов их нейтрализации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание категории финансового суверенитета в современных условиях; разработать классификацию угроз организационно-правовому обеспечению финансового суверенитета; проанализировать внешние угрозы, связанные с санкционным давлением и экстерриториальным применением иностранного права; исследовать внутренние угрозы, обусловленные недостатками законодательства и правоприменительной практики; выявить технологические угрозы, порождаемые цифровизацией финансовой сферы; определить основные направления совершенствования организационно-правового механизма защиты финансового суверенитета.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе организационно-правового обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации. Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие эти отношения, практика их применения, а также совокупность факторов, создающих угрозы для эффективного функционирования соответствующего правового механизма.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к познанию социально-правовой действительности, предполагающий рассмотрение явлений в их развитии и взаимосвязи. В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и частнонаучные методы юридического познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). Особое значение для достижения цели исследования имел метод системного анализа, позволивший рассматривать угрозы финансовому суверенитету не как изолированные явления, а как элементы единого комплекса, обладающего внутренними взаимосвязями и эффектами синергии.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области конституционного, финансового, международного права, а также работы по теории государственного управления и экономической безопасности. Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты Центрального банка Российской Федерации, а также международные договоры и соглашения, участником которых является Российская Федерация. Эмпирическую базу составляют материалы судебной практики, данные официальной статистики, аналитические материалы органов государственной

власти и Банка России, публикации в средствах массовой информации и экспертные оценки [Ткаченко, 2022].

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской классификации угроз организационно-правовому обеспечению финансового суверенитета, учитывающей как традиционные, так и новые вызовы; в выявлении системных взаимосвязей между различными видами угроз и эффектов их кумулятивного воздействия; в обосновании необходимости перехода от реактивной модели правового реагирования к проактивной, основанной на прогнозировании и предупреждении угроз; в формулировании конкретных предложений по совершенствованию законодательства и организационных механизмов защиты финансового суверенитета.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении научных представлений о содержании финансового суверенитета как правовой категории, о системе факторов, влияющих на его реализацию, о механизмах правовой защиты суверенных прав государства в финансовой сфере. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов и предложений в законотворческой деятельности, при подготовке стратегических и программных документов в сфере обеспечения финансовой безопасности, а также в правоприменительной практике органов государственной власти и Банка России [Анищенко, 2026].

Теоретическое осмысление финансового суверенитета в российской правовой науке прошло путь от трактовки его как элемента государственного полновластия до понимания как сложной системы технологической и институциональной независимости [Грачева, 2023].

Классический подход: В работах Е. Ю. Грачевой и Н. М. Крохиной финансовый суверенитет традиционно рассматривается через призму бюджетного и налогового права. Основной акцент здесь сделан на способности государства самостоятельно формировать публичные денежные фонды и распределять их без внешнего вмешательства [Грачева, Соколова, 2023; Крохина, 2025].

Трансформация в условиях санкций: Современные исследователи, такие как С. В. Запольский, указывают на эрозию классических институтов международного финансового права. В литературе последних двух лет (2024–2025 гг.) доминирует концепция «правовой самообороны», где суверенитет защищается не только нормами Конституции, но и жесткими административно-правовыми ограничениями на движение капитала [Крохина, 2025].

Цифровой дискурс: Проблематика влияния финтеха на суверенитет активно разрабатывается в трудах Т. Я. Хабриевой. Исследователи подчеркивают, что появление цифрового рубля и децентрализованных финансов (DeFi) создает новую правовую реальность, в которой традиционные механизмы валютного контроля становятся менее эффективными, требуя пересмотра организационных основ надзора [Хабриева, 2018].

Зарубежный контекст: Несмотря на политическую ангажированность, в обзоре нельзя игнорировать доклады МВФ и Банка международных расчетов (BIS), где исследуются риски фрагментации мировой финансовой системы. Однако западная доктрина чаще рассматривает суверенитет через призму «финансовой прозрачности», что в текущих условиях часто вступает в противоречие с национальными интересами РФ по защите данных о транзакциях от экстерриториальных санкций.

Проведенный анализ научной литературы, посвященной проблематике финансового суверенитета, позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих значение для определения направлений дальнейшего исследования.

Прежде всего, следует констатировать, что категория финансового суверенитета прочно вошла в понятийный аппарат отечественной юридической науки и активно разрабатывается представителями различных отраслей права. Фундаментальные исследования Е.Ю. Грачевой, С.В. Запольского и Ю.А. Крохиной заложили теоретический фундамент для понимания финансового суверенитета как неотъемлемого свойства государства, проявляющегося в его исключительной компетенции устанавливать и взимать налоги, формировать и исполнять бюджет, осуществлять денежную эмиссию и регулировать валютные отношения. Эти работы сохраняют свое методологическое значение, формируя понятийный аппарат и систему координат, в рамках которой возможно дальнейшее углубленное исследование [Ильин, 2022].

Важным результатом развития научной мысли стало смещение акцентов с преимущественно внутригосударственного измерения финансового суверенитета к его внешнему, международно-правовому аспекту. Если в работах более раннего периода доминировала проблематика разграничения бюджетных полномочий между федеральным центром и регионами, распределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы, то в последние годы на первый план вышли вопросы, связанные с защитой от экстерриториального применения иностранного права, противодействием неправомерным ограничениям доступа к международным платежным системам, обеспечением сохранности суверенных резервных активов, размещенных за рубежом. Эта эволюция исследовательской повестки отражает реальные изменения в положении Российской Федерации в глобальной финансовой архитектуре и рост значимости внешних факторов, влияющих на реализацию финансового суверенитета [Анищенко, 2026].

Исследователи единодушны в том, что правовая оболочка финансового суверенитета не может оставаться статичной, она должна обладать достаточной адаптивностью, чтобы своевременно реагировать на возникающие вызовы и угрозы. Признается необходимость совершенствования законодательства в таких сферах, как валютное регулирование, контроль за трансграничным движением капитала, защита критической финансовой инфраструктуры, противодействие неправомерному использованию цифровых финансовых активов. При этом подчеркивается, что любые законодательные изменения должны сохранять системность и не вступать в противоречие с базовыми принципами правового регулирования экономики [Ткаченко, 2022].

Вместе с тем анализ литературы позволяет выявить ряд существенных пробелов, обусловливающих актуальность настоящего исследования. Прежде всего, обращает на себя внимание фрагментарность имеющихся разработок: большинство работ посвящены либо отдельным видам угроз, либо конкретным отраслевым механизмам защиты, тогда как системный анализ угроз именно организационно-правового характера, рассматриваемых в их взаимосвязи и взаимообусловленности, до настоящего времени не проводился. Отсутствует общепризнанная классификация таких угроз, позволяющая выстраивать приоритеты правовой политики и оценивать эффективность принимаемых мер.

Особенно заметен дефицит исследований, учитывающих влияние цифровой трансформации на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета. Вопросы о том, как развитие криптовалют и децентрализованных финансовых платформ влияет на монетарный суверенитет, какие правовые инструменты необходимы для защиты налоговой базы в условиях цифровизации экономики, каким образом должно трансформироваться законодательство о платежных системах в ответ на появление новых технологий, остаются недостаточно проработанными. Между тем именно эти вопросы приобретают сегодня ключевое значение для

обеспечения долгосрочной устойчивости финансовой системы [Чернобровкина, 2025].

Не получил достаточного освещения в литературе и вопрос о соотношении правовых и организационных мер в обеспечении финансового суверенитета. Зачастую исследования ограничиваются анализом законодательных новелл, оставляя за скобками проблемы их практической реализации, институционального обеспечения, кадрового и ресурсного сопровождения. Организационно-правовой аспект, подразумевающий единство нормативного регулирования и институциональных механизмов его реализации, остается наименее разработанным сегментом проблематики.

Таким образом, проведенный обзор подтверждает актуальность и своевременность настоящего исследования, направленного на восполнение выявленных пробелов и формирование целостного представления об угрозах, влияющих на организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации, а также о возможных путях их нейтрализации.

Материалы и методы исследования

Методами исследования составили общенаучные (анализ, синтез) и специальные юридические методы. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормы федерального законодательства и указы Президента РФ, направленные на защиту финансовой системы. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления механизмов финансового контроля в РФ и международных практик в условиях санкционных ограничений.

Исследование базируется на комплексном подходе, сочетающем анализ нормативного массива и правоприменительной практики в условиях высокой неопределенности [Соломко, 2020].

Для достижения объективности в работе использовались:

1. Нормативно-правовые акты: Указы Президента РФ «о специальных экономических мерах», ФЗ «О цифровых финансовых активах», а также нормативные акты Банка России.

2. Судебная практика: Материалы арбитражных споров, связанных с блокировкой активов и невозможностью исполнения обязательств в иностранных валютах.

3. Статистические данные: Отчеты ЦБ РФ и Министерства финансов о структуре ФНБ и динамике использования национальных валют в расчетах.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа были выделены три ключевые группы угроз организационно-правовому обеспечению финансового суверенитета:

1. Внешние институционально-правовые угрозы

Сюда относится блокировка государственных активов и отключение ведущих банков от системы SWIFT. Правовая незащищенность российских резервов в иностранных юрисдикциях выявила пробелы в международных соглашениях о защите инвестиций [Экономика. Налоги. Право, 2017]. Организационная зависимость от западных рейтинговых агентств и аудиторских компаний также долгое время подрывала объективность оценки российского финансового сектора.

2. Технологические угрозы и цифровой суверенитет

Стремительное внедрение криптовалют и риск использования стейблкоинов для обхода государственного валютного контроля создают угрозу монополии ЦБ РФ на денежную

эмиссию. Отсутствие единого международного правового стандарта в этой сфере затрудняет трансграничное регулирование [Хабриева, 2018].

3. Внутренние регуляторные лакуны

Наблюдается определенный диссонанс между потребностью в жестком валютном регулировании и необходимостью поддержки экспортеров. Недостаточная детализация правового статуса «цифрового рубля» в контексте международных расчетов также может замедлить процесс дедолларизации [Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты, 2019].

Для нейтрализации указанных угроз необходимо пересмотреть парадигму взаимодействия с международными финансовыми институтами. Организационно-правовое обеспечение должно развиваться по пути создания замкнутых расчетных контуров (например, в рамках БРИКС).

Финансовый суверенитет не означает автаркию. Это право устанавливать правила игры на своей территории и защищать их в глобальном пространстве [Финансовое право, под ред. Н.И. Химичевой, Е.В. Покачаловой, 2020].

Целесообразно расширение полномочий мегарегулятора в части контроля за трансграничными цифровыми платежами и ускорение разработки правовой базы для использования ЦФА (цифровых финансовых активов) в международных контрактах.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют выйти на принципиально новый уровень осмысления проблемы организационно-правового обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации, соединив теоретические построения с эмпирическими данными о реальных угрозах и выявленными закономерностями их развития. Обсуждение этих результатов требует обращения к нескольким взаимосвязанным аспектам, включая интерпретацию выявленных угроз в контексте современных теоретических подходов, сопоставление полученных выводов с результатами предшествующих исследований, оценку пределов применимости предложенных решений и определение направлений для дальнейшей научной разработки проблемы.

Прежде всего, необходимо осмыслить тот факт, что традиционное понимание финансового суверенитета, сложившееся в юридической науке XX века и ориентированное преимущественно на внутригосударственные аспекты бюджетной и налоговой автономии, сегодня обнаруживает свою недостаточность. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что наиболее серьезные угрозы для финансового суверенитета России исходят извне и связаны с использованием экономических и правовых инструментов государствами-конкурентами для достижения геополитических целей. Экстерриториальное применение национального права, замораживание резервных активов, отключение от платежных инфраструктур, вторичные санкции в отношении третьих стран – все эти явления не укладываются в классическую модель международного права, основанную на принципах суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Они представляют собой принципиально новые вызовы, требующие адекватного теоретического осмысления и выработки соответствующих правовых ответов.

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о природе санкционных ограничений и их соотношении с категорией финансового суверенитета. Если исходить из традиционного понимания суверенитета как верховенства государства в пределах своей территории и независимости в международных отношениях, то санкции, будучи односторонними ограничительными мерами, безусловно, представляют собой посягательство на суверенные права. Однако более глубокий анализ показывает, что проблематика сложнее: санкции могут быть легитимным инструментом международно-правового реагирования на нарушения

обязательств, а их воздействие на финансовый суверенитет зависит от множества факторов, включая соответствие нормам международного права, пропорциональность, наличие механизмов обжалования и компенсации. Российская практика столкнулась с ситуацией, когда санкционное давление осуществляется в отсутствие формальных оснований, предусмотренных международным правом, и с грубым нарушением принципов недискриминации и пропорциональности. Это ставит вопрос о необходимости формирования новых правовых подходов к защите суверенитета, основанных не столько на апелляции к существующим международно-правовым нормам, сколько на создании автономных механизмов, способных обеспечить устойчивость финансовой системы независимо от действий внешних игроков.

Важнейшим результатом исследования является выявление системного характера угроз организационно-правовому обеспечению финансового суверенитета. Угрозы не существуют изолированно, они образуют сложные комплексы, в которых одни факторы усиливают действие других, создавая кумулятивные эффекты, существенно превышающие сумму воздействий от каждого из них в отдельности. Так, санкционное давление на финансовый сектор дополняется ограничениями в сфере высоких технологий, что создает риски для цифровой инфраструктуры финансового рынка. Утрата доступа к международным платежным системам стимулирует развитие национальных альтернатив, но одновременно порождает риски технологической зависимости от импортных решений и уязвимости перед кибератаками. Ограничения на внешние заимствования для компаний и банков повышают нагрузку на внутренний финансовый рынок и бюджетную систему. Учет этих системных взаимосвязей имеет принципиальное значение для выработки эффективной стратегии защиты финансового суверенитета, поскольку меры, направленные на нейтрализацию одной угрозы, могут создавать или усиливать другие, если не рассматривать их в комплексе [Печенская-Полищук, 2024].

Обсуждение полученных результатов невозможно без сопоставления с выводами других исследователей, работающих в данной проблемной области. В целом проведенный анализ подтверждает основные положения, сформулированные в трудах Е.Ю. Грачевой, С.В. Запольского и Ю.А. Крохиной, относительно необходимости адаптации правовой оболочки финансового суверенитета к изменяющимся условиям. Вместе с тем настоящее исследование существенно углубляет понимание того, что именно должна представлять собой эта адаптация. Речь идет не просто о внесении точечных изменений в отдельные законодательные акты, а о формировании принципиально новой модели организационно-правового обеспечения, основанной на принципах системности, проактивности и резервирования. Если ранее правовая политика в финансовой сфере строилась преимущественно как реакция на уже возникшие проблемы, то сегодня необходима система, способная прогнозировать угрозы и создавать механизмы их нейтрализации до того, как они реализуются в полном объеме.

Особого обсуждения заслуживает вопрос о соотношении правовых и организационных мер в обеспечении финансового суверенитета. Проведенное исследование показывает, что даже самое совершенное законодательство остается неэффективным, если оно не подкреплено соответствующими институциональными механизмами, кадровыми ресурсами и материально-технической базой. Принятие законов о защите финансовой системы от кибератак мало что дает без создания реально действующей системы мониторинга и реагирования на инциденты. Введение ограничений на трансграничное движение капитала требует наличия эффективных механизмов контроля, способных предотвращать обход установленных правил. Создание национальной платежной инфраструктуры предполагает не только принятие нормативных актов, но и огромную организационную работу по ее развертыванию, тестированию, обеспечению совместимости с международными системами, привлечению участников.

Организационно-правовой подход, последовательно реализованный в настоящем исследовании, позволяет уйти от узконормативного понимания проблемы и рассматривать правовые и организационные меры в их неразрывном единстве.

Важным аспектом обсуждения является определение пределов эффективности предлагаемых мер защиты финансового суверенитета. Необходимо отдавать себе отчет в том, что ни одна страна в современном мире не может быть полностью независимой в финансовой сфере, и определенная степень интеграции в глобальную финансовую систему неизбежна и даже желательна, поскольку открывает доступ к ресурсам, технологиям и рынкам. Задача заключается не в достижении абсолютной автаркии, что в современных условиях невозможно и контрпродуктивно, а в обеспечении такой степени устойчивости, при которой внешние шоки не приводят к катастрофическим последствиям и сохраняется способность к самостоятельному определению траектории развития. Это означает необходимость поиска баланса между открытостью и защищенностью, интеграцией и автономией, использованием преимуществ глобализации и минимизацией связанных с ней рисков. Предложенные в исследовании меры должны оцениваться именно с этой точки зрения – как инструменты достижения разумного баланса, а не построения непроницаемых барьеров [Широв, Белоусов, Блохин и др., 2024].

Обсуждение результатов исследования было бы неполным без рассмотрения возможных возражений и альтернативных интерпретаций. Можно предположить, что критики укажут на определенную преувеличенность оценки угроз, связанных с экстерриториальным применением иностранного права, отметив, что подобная практика существовала и ранее и не приводила к столь драматическим последствиям. Однако представляется, что здесь имеется качественное, а не количественное различие: современные масштабы применения экстерриториальных мер, их системный характер и политическая мотивированность не имеют прецедентов в новейшей истории, что оправдывает повышенное внимание к данной проблеме. Другое возможное возражение может касаться предложений по усилению государственного контроля в финансовой сфере, которые отдельные критики могут интерпретировать как избыточное регулирование, сдерживающее экономическое развитие. В ответ на это следует подчеркнуть, что речь идет не о тотальном контроле, а о селективных мерах в наиболее чувствительных областях, где риски для суверенитета максимальны, при сохранении достаточной степени свободы для добросовестных участников экономической деятельности.

Наконец, обсуждение результатов позволяет наметить направления для дальнейших исследований. Представляется перспективным углубленный анализ опыта других стран, сталкивающихся со сходными вызовами, с целью выявления наиболее эффективных правовых и организационных решений, которые могут быть адаптированы к российским условиям. Особый интерес представляет изучение подходов к защите финансового суверенитета в странах, также подвергающихся санкционному давлению, но обладающих иным институциональным и экономическим контекстом. Важным направлением является разработка конкретных методик оценки эффективности различных мер защиты финансового суверенитета, позволяющих проводить их сравнительный анализ и выбирать оптимальные варианты. Требуют дальнейшего исследования и вопросы международно-правового оформления новых механизмов финансового взаимодействия, включая создание альтернативных платежных систем и расчетных платформ, формирование правовой базы для использования национальных валют в международных расчетах, гармонизацию подходов к регулированию цифровых финансовых активов на пространстве ЕАЭС и БРИКС. Решение этих исследовательских задач позволит существенно продвинуться в понимании того, как может и должно выстраиваться организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета в условиях кардинально меняющегося мирового

порядка [Перекрестова, Дьякова, 2011].

Заключение

Проведенное исследование угроз организационно-правовому обеспечению финансового суверенитета Российской Федерации позволяет сделать ряд системных выводов.

1. Смена парадигмы суверенитета. В современных условиях финансовый суверенитет трансформировался из абстрактного политико-правового принципа в конкретный технологический и регуляторный императив. Основная угроза заключается не только в прямых санкциях, но и в сохраняющейся «институциональной колее» – инерционном следовании международным стандартам, которые используются геополитическими оппонентами как инструмент давления.

2. Ключевые векторы правовой защиты. Организационно-правовое обеспечение должно развиваться по трем направлениям:

– Внутренняя устойчивость: завершение формирования правового режима цифрового рубля и создание стимулов для перевода внутренних расчетов на суверенные платформы.

– Внешняя альтернативность: разработка многосторонних соглашений в рамках БРИКС и ЕАЭС, формирующих наднациональную правовую базу для клиринга и расчетов, независимую от западной юрисдикции.

– Реактивная гибкость: совершенствование механизмов «чрезвычайного» регулирования, позволяющих оперативно вводить контрмеры в ответ на недружественные действия иностранных государств.

3. Необходимость превентивного регулирования. Одной из главных выявленных угроз является правовой вакуум в сфере трансграничного использования цифровых активов. Законодателю необходимо перейти от политики «запретов и ограничений» к созданию конкурентоспособных правовых режимов (регуляторных песочниц), которые сделают российскую юрисдикцию привлекательной для дружественных иностранных инвесторов.

В конечном итоге, организационно-правовое обеспечение финансового суверенитета РФ в 2026 году и далее должно базироваться на принципе «динамической устойчивости». Это предполагает не изоляцию финансовой системы, а создание автономных, защищенных на программном и законодательном уровне контуров взаимодействия, способных обеспечить экономическую безопасность государства в условиях перманентной глобальной нестабильности [Реализация концепции устойчивого развития, 2024].

Библиография

1. Анищенко Е.В. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет Российской Федерации: теория, методология, практика: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 386 с.
2. Бюджетное право и финансовая деятельность государства на современном этапе (к 90-летию со дня рождения М.И. Пискотина): материалы Международной научно-методической конференции. Москва, 28 ноября 2014 г. / под ред. И.А. Цинделиани. Москва: РГУП, 2015. 308 с.
3. Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты достижения финансовой стабильности и обеспечения экономического роста: монография / М.А. Абрамова, Н.Г. Вишневская, Л.И. Гончаренко [и др.]; под ред. М.А. Абрамовой. Москва: КноРус, 2019. 202 с.
4. Грачева Е.Ю. Финансовый суверенитет — миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7. С. 19–26. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.107.7.019-026.
5. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 256 с. DOI: 10.12737/2066409.
6. Ильин И.М. К вопросу о бюджетно-финансовом суверенитете России и формах его реализации: конституционно-

правовые аспекты // Вестник ВУиТ. 2022. № 4 (103).
7. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. 6-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 568 с.
8. Перекрестова Л.В., Дьякова Е.Б. Методика оценки эффективности бюджетного регулирования территориального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 36.
9. Печенская-Полищук М.А. Реализация бюджетного потенциала регионов: новый интегративный подход к исследованию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № 1.
10. Реализация концепции устойчивого развития социально-экономических систем в условиях трансформации: монография / А.Б. Конобеева, Н.Ф. Мельниченко, О.В. Маркова [и др.]; под общ. ред. А.Б. Конобеевой. Москва: Директ-Медиа, 2024. 209 с.
11. Современный миропорядок и цифровая реальность: правовые новации национального денежного обращения и вопросы обеспечения финансового суверенитета России: сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024. 155 с.
12. Соломко М.Н. Развитие теории и методологии бюджетного регулирования // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 1 (90).
13. Ткаченко Р.В. Бюджетное регулирование в системе финансового обеспечения инновационного развития общества: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2022. 553 с.
14. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 800 с.
15. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261).
16. Чернобровкина Е.Б. Правовое регулирование цифровизации финансового рынка и развития платёжной инфраструктуры как направления обеспечения финансового суверенитета // Юридическая наука. 2025. № 7. С. 112–116.
17. Широв А.А., Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Гусев М.С., Клепач А.Н., Узяков М.Н. Россия 2035: новое качество национальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2.
18. Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 2. 158 с.

Threats Affecting the Organizational and Legal Support of the Financial Sovereignty of the Russian Federation

Yurii V. Sidorov

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Public Law and National Security,
Ural Institute of Management — Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
620144, 66, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: sidorov-yv@ranepa.ru

Ekaterina A. Blinova

Postgraduate Student,
Department of Public Law and National Security,
Ural Institute of Management — Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
620144, 66, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: yekaterina-blinova-00@bk.ru

Abstract

The article examines the complex of threats exerting a destructive impact on the organizational and legal support of the financial sovereignty of the Russian Federation in the context of the transformation of the global economic architecture and unprecedented sanctions pressure. The relevance of the topic is due to the need to rethink traditional mechanisms for protecting the financial independence of the state in the face of new challenges, including the extraterritorial application of foreign law, the fragmentation of the global financial system, and the rapid digitalization of economic relations. The authors propose a systematization of threats by source of origin (external and internal) and spheres of manifestation (legal, institutional, technological, and socio-economic levels). Particular attention is paid to the analysis of gaps in current legislation that reduce the state's ability to resist such phenomena as "digital colonialism," the forced freezing of reserve assets, the erosion of the tax base, and the devaluation of jurisdictional immunity. The work substantiates the need to improve organizational and legal mechanisms, including the adaptation of currency and budget legislation, strengthening the cyber resilience of financial infrastructure, and harmonizing the norms of domestic law with the tasks of protecting national interests in the context of hybrid conflicts. A conclusion is drawn that ensuring financial sovereignty requires a transition from a reactive model of legal response to a proactive one, based on forecasting threats and creating reserve legal regimes. The thesis is substantiated that in the context of the crisis of global financial institutions and legal mechanisms, the development of regional and bilateral cooperation formats acquires particular importance, allowing for the creation of stable channels of financial interaction protected from external pressure. The authors come to the conclusion that ensuring financial sovereignty in modern conditions requires a fundamental transition from a reactive model of legal response, in which measures are taken only after threats have materialized, to a proactive model based on forecasting and early identification of potential threats, the creation of reserve legal regimes allowing for the prompt deployment of alternative mechanisms in the event of the blocking of the main channels of financial interaction, and the formation of an institutional environment capable of ensuring the implementation of adopted legal norms regardless of external pressure. Only such a comprehensive, systematic approach, combining the improvement of legislation, the development of institutions, and the strengthening of the technological base, is capable of ensuring reliable protection of the financial sovereignty of the Russian Federation in the long term.

For citation

Sidorov Yu.V., Blinova E.A. (2026) Ugrozy, vliyayushchie na organizatsionno-pravovoe obespechenie finansovogo suvereniteta RF [Threats Affecting the Organizational and Legal Support of the Financial Sovereignty of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 236-249. DOI: 10.34670/AR.2026.22.26.027

Keywords

Financial sovereignty, legal support, organizational and legal mechanism, threats to national security, sanctions pressure, currency regulation, state immunity, digital sovereignty.

References

1. Abramova, M.A., Vishnevskaya, N.G., Goncharenko, L.I., et al. (2019). Byudzhetno-nalogovye i denezhno-kreditnye instrumenty dostizheniya finansovoy stabil'nosti i obespecheniya ekonomicheskogo rosta [Fiscal and monetary

instruments for achieving financial stability and ensuring economic growth]. M.A. Abramova (Ed.). Moscow: KnoRus.
2. Anishchenko, E.V. (2026) Finansovaya bezopasnost' i finansovyy suverenitet Rossiyskoy Federatsii: teoriya, metodologiya, praktika [Financial security and financial sovereignty of the Russian Federation: theory, methodology, practice]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
3. Byudzhetnoe pravo i finansovaya deyatel'nost' gosudarstva na sovremennom etape (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Piskotina) [Budget law and financial activity of the state at the present stage (on the 90th anniversary of the birth of M.I. Piskotin)] (2015). I.A. Tsindeliani (Ed.). Moscow: RGUP.
4. Chernobrovkina, E.B. (2025). Pravovoe regulirovanie tsifrovizatsii finansovogo rynka i razvitiya platezhnoy infrastruktury kak napravleniya obespecheniya finansovogo suvereniteta [Legal regulation of the digitalization of the financial market and the development of payment infrastructure as areas of ensuring financial sovereignty]. Yuridicheskaya nauka, (7), 112–116.
5. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes. Law] (2017), 10(2).
6. Finansovoe pravo [Financial law] (2020). N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova (Eds.), 6th ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
7. Gracheva, E.Yu. (2023). Finansovyy suverenitet — mif ili real'nost'? [Financial sovereignty — myth or reality?]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), (7), 19–26. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.107.7.019-026
8. Gracheva, E.Yu., & Sokolova, E.D. (2023). Finansovoe pravo [Financial law] (6th ed.). Moscow: Norma: INFRA-M. DOI: 10.12737/2066409
9. Ilyin, I.M. (2022). K voprosu o byudzhetno-finansovom suverenitete Rossii i formakh ego realizatsii: konstitutsionno-pravovye aspekty [On the issue of the budgetary and financial sovereignty of Russia and the forms of its implementation: constitutional and legal aspects]. Vestnik VUiT, (4(103)).
10. Khabrieva, T.Ya. (2018). Pravo pered vyzovami tsifrovoy real'nosti [Law facing the challenges of digital reality]. Zhurnal rossiyskogo prava, (9(261)).
11. Krokhina, Yu.A. (2025). Finansovoe pravo Rossii [Financial law of Russia] (6th ed.). Moscow: Norma: INFRA-M.
12. Pechenskaya-Polishchuk, M.A. (2024). Realizatsiya byudzhetnogo potentsiala regionov: novyy integrativnyy podkhod k issledovaniyu [Implementation of the budget potential of regions: a new integrative approach to research]. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz, (1).
13. Perekrestova, L.V., & Dyakova, E.B. (2011). Metodika otsenki effektivnosti byudzhetnogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya [Methodology for assessing the effectiveness of budget regulation of territorial development]. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika, (36).
14. Realizatsiya kontseptsii ustoychivogo razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v usloviyakh transformatsii [Implementation of the concept of sustainable development of socio-economic systems in the context of transformation] (2024). A.B. Konobeeva (Ed.). Moscow: Direkt-Media.
15. Shirov, A.A., Belousov, D.R., Blokhin, A.A., Gusev, M.S., Klepach, A.N., & Uzyakov, M.N. (2024). Rossiya 2035: novoe kachestvo natsional'noy ekonomiki [Russia 2035: a new quality of the national economy]. Problemy prognozirovaniya, (2).
16. Solomko, M.N. (2020). Razvitie teorii i metodologii byudzhetnogo regulirovaniya [Development of the theory and methodology of budget regulation]. Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii, (1(90)).
17. Sovremennyy miroporyadok i tsifrovaya real'nost': pravovye novatsii natsional'nogo denezhnogo obrashcheniya i voprosy obespecheniya finansovogo suvereniteta Rossii [The modern world order and digital reality: legal innovations of national money circulation and issues of ensuring the financial sovereignty of Russia] (2024). Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya.
18. Tkachenko, R.V. (2022). Byudzhetnoe regulirovanie v sisteme finansovogo obespecheniya innovatsionnogo razvitiya obshchestva [Budget regulation in the system of financial support for the innovative development of society] (Doctor of Law dissertation). Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.92.94.028**

Конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления

Амирханова Юлия Сергеевна

Аспирант,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: yuliya.amirhanova@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления в Российской Федерации. Анализируются конституционные основания молодёжной политики, закреплённые после конституционной реформы 2020 года, и положения Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». Рассматриваются доктринальные подходы к конституционализации молодёжной политики, её связи с институтами народовластия, программным управлением и федеративным устройством. Обосновывается, что молодёжная политика относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Её самостоятельность определяется прямым конституционным признанием, комплексным предметом регулирования и многоуровневым характером реализации. При этом молодёжная политика не должна рассматриваться как основание для создания единого специального правового статуса для всех лиц в возрасте от 14 до 35 лет или для неопределённого расширения публичного вмешательства в жизнь молодых людей. Показано, что конституционные основания молодёжной политики образуют трёхуровневую конструкцию: норму о распределении полномочий между уровнями публичной власти, общие социальные гарантии, адресованные гражданам независимо от возраста, и производный от них законодательный критерий определения субъекта регулирования. Отдельно оценивается значение программно-целевого метода: он остаётся актом подзаконного уровня и не может служить самостоятельным источником компетенции публичных органов. Делается вывод, что дальнейшее развитие регулирования должно быть связано с совершенствованием межуровневой координации, финансового обеспечения, механизмов участия молодёжи и прозрачных правил поддержки общественных объединений.

Для цитирования в научных исследованиях

Амирханова Ю.С. Конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 250-258. DOI: 10.34670/AR.2026.92.94.028

Ключевые слова

Молодёжная политика, Конституция Российской Федерации, совместное ведение, публичное управление, молодёжь, права и свободы, федерализм, Федеральный закон № 489-ФЗ.

Введение

Молодёжная политика охватывает широкий круг отношений: образование, занятость, поддержку молодых семей, добровольчество, общественное участие, культуру, физическое развитие и профилактику негативных явлений в молодёжной среде, – поэтому она давно перестала быть лишь совокупностью отдельных социальных программ. Сегодня это самостоятельное направление деятельности публичной власти, которое требует ясного конституционно-правового обоснования.

Вопрос о природе молодёжной политики приобрел новое содержание после конституционной реформы 2020 года. Если первоначальная редакция Конституции Российской Федерации не содержала прямого упоминания молодёжной политики, то действующая редакция относит её общие вопросы к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это изменило не только терминологию, но и правовую основу распределения полномочий между уровнями публичной власти.

Материалы и методы исследования

Цель данной статьи состоит в определении конституционно-правовой природы молодёжной политики, анализе ее места в системе совместного ведения и установлении пределов публичного вмешательства в молодёжную сферу. Для этого используются формально-юридический, системный и сравнительный методы, а также анализ научных подходов к конституционализации молодёжной политики.

Постановка вопроса о конституционных основаниях молодёжной политики требует прежде всего ответа на вопрос о моменте и способе её вхождения в предмет конституционного регулирования. До 2020 года эта сфера существовала в статусе законодательной, но не конституционной категории, что порождало неопределенность относительно объема и характера полномочий Российской Федерации в данной области. Изменение конституционных норм в 2020 году сняло эту неопределенность лишь частично, и именно поэтому анализ следует начинать не с констатации факта включения молодёжной политики в статью 72 Конституции Российской Федерации, а с оценки правовых последствий такого включения.

Результаты и обсуждение

Отнесение общих вопросов молодёжной политики к предметам совместного ведения решает прежде всего компетенционную задачу: оно определяет, кто вправе регулировать данную сферу и в каких пределах, но не отвечает на вопрос о содержательном наполнении молодёжной политики, и именно смешение этих двух аспектов – компетенционного и содержательного – характерно для значительной части научной литературы по рассматриваемой теме, что впоследствии порождает искусственную полемику о степени «самостоятельности» молодёжной политики как отрасли. Показательна в этом отношении позиция С. В. Запольского и Сморчковой Л. Н., которые рассматривают конституционные новеллы 2020 года о совместном ведении как инструмент уточнения статуса целой группы социальных сфер, включая молодёжную политику [Запольский, Сморчкова, 2022]. С этой оценкой можно согласиться в части диагностики самого факта уточнения статуса, однако она не снимает более сложного вопроса – о том, достаточно ли компетенционного распределения полномочий для признания

молодёжной политики самостоятельной сферой публичного управления, или для этого требуется собственный, содержательно обособленный предмет регулирования.

Ответ на этот вопрос предполагает обращение ко второй группе конституционных норм – тем, что закрепляют социальный характер государства, принцип равенства и гарантии в сфере семьи, образования, здравоохранения и социального обеспечения. Эти нормы адресованы гражданам вне зависимости от возраста и сами по себе не образуют специального конституционного статуса молодёжи. Их значение иное: они образуют содержательную рамку, в пределах которой законодатель вправе устанавливать дифференцированное регулирование, если оно отвечает объективным критериям и не приводит к произвольным преимуществам или ограничениям. П. А. Меркулов связывает завершение процесса конституционализации молодёжной политики именно с сочетанием конституционного закрепления полномочий и последующей законодательной конкретизации в отраслевом законе [Меркулов, 2021]. П мнению автора этот вывод верен применительно к формально-юридической стороне вопроса, однако нуждается в уточнении: конституционализация в её содержательном смысле не может считаться завершенной актом принятия одного федерального закона, поскольку сама конституционная рамка носит открытый характер и допускает дальнейшую конкретизацию как на федеральном, так и на региональном уровне.

Третий элемент конституционных оснований связан с определением субъекта молодёжной политики. Отраслевое законодательство вводит возрастной критерий, отсутствующий в конституционном тексте, и это различие принципиально: конституционные нормы о социальных правах не знают понятия «молодёжь» как обособленной категории, тогда как отраслевой закон вынужден вводить такую категорию для целей адресного регулирования. Данное обстоятельство ставит под сомнение распространенную в литературе тенденцию говорить об особом «правовом статусе молодёжи» как о едином правовом феномене. Полагается, что корректнее говорить не о статусе, а о совокупности дифференцированных мер, обоснованность которых должна оцениваться отдельно применительно к каждой группе оснований – возрастной, социальной, профессиональной. Использование в этом контексте категории «позитивная дискриминация», встречающееся в отдельных работах, представляется терминологически неточным для российской конституционно-правовой доктрины, поскольку смешивает специальные меры социальной поддержки, допустимые при условии их объективной обоснованности и соразмерности, с исключениями из принципа формального равенства, требующими куда более строгого обоснования.

Таким образом, конституционные основания молодёжной политики образуют не единую норму, а трехуровневую конструкцию: норму о распределении полномочий между уровнями публичной власти, общие социальные гарантии, адресованные гражданам независимо от возраста, и производный от них законодательный критерий определения субъекта регулирования. Каждый из этих уровней решает собственную задачу, и попытка вывести из них единый и самодостаточный конституционный статус молодёжи, на мой взгляд, не находит достаточной опоры ни в тексте Конституции, ни в логике отраслевого регулирования. Именно это разграничение задает направление дальнейшего анализа доктринальных подходов к конституционализации молодёжной политики.

Если предыдущий раздел был посвящён формально-юридической стороне конституционализации молодёжной политики – распределению полномочий, содержательной рамке социальных прав и субъектному критерию, – то дальнейший доктринальный анализ требует обращения к вопросам иного порядка: каким образом молодёжная политика

соотносится с институтами народовластия, какова её историческая обусловленность и какое значение имеет программно-целевой метод для её практической реализации.

Заслуживает внимания позиция А. В. Григорьева, который рассматривает конституционные основы молодёжной политики через призму институтов народовластия, акцентируя значение участия молодёжи в публичной жизни как самостоятельной конституционной ценности [Григорьев, 2023]. Данный подход представляется продуктивным, поскольку он смещает фокус исследования с перечня социальных гарантий на вопрос о том, в какой мере молодёжная политика способна выполнять не только распределительную, но и представительскую функцию. Вместе с тем следует внести уточнение: молодёжные парламенты, общественные советы и аналогичные консультативные структуры, при всей их полезности, не тождественны конституционным институтам народовластия в собственном смысле слова. Референдум, выборы и публичные слушания представляют собой формы непосредственного волеизъявления граждан, тогда как консультативные молодёжные структуры выполняют вспомогательную функцию – они формируют канал для выражения инициатив и общественной экспертизы, но не заменяют механизмы, посредством которых граждане реализуют принадлежащую им учредительную власть. Смешение этих двух уровней, встречающееся в отдельных работах, на мой взгляд, способно создать иллюзию более широкого участия молодёжи в управлении делами государства, чем это следует из действующего конституционного регулирования.

Иной ракурс предлагает А. В. Бем, обращающийся к конституционно-правовому регулированию молодёжной политики в советский период [Бем, 2024]. Значение этой работы состоит в том, что она позволяет оценить современное регулирование не как результат единовременного нормотворческого решения 2020 года, а как звено более длительной традиции публичного воздействия на молодёжную среду. jднако из этой преемственности не следует делать вывод о содержательной близости советской и современной моделей – советское законодательство исходило из идеологического единообразия и рассматривало молодёжь прежде всего как объект воспитательного воздействия в рамках единой государственной идеологии, тогда как действующая Конституция Российской Федерации закрепляет идеологическое многообразие и приоритет прав личности. Поэтому историческая ретроспектива, предложенная в указанной работе, ценна. скорее, как материал для сравнительного анализа, демонстрирующий изменение самих оснований, на которых строится вмешательство государства в молодёжную сферу, нежели как источник содержательных заимствований для современного регулирования.

Наконец, отдельного рассмотрения заслуживает программно-целевой метод реализации молодёжной политики, значение которого применимо к федеральному и региональному уровням, который раскрывает О. Н. Любина на материалах государственных программ Российской Федерации и города Москвы [Любина, 2017]. Программный подход обладает очевидным организационным преимуществом: он позволяет увязать между собой цели, финансовое обеспечение и измеримые показатели результата, что особенно важно в такой многоаспектной сфере, как молодёжная политика. Тем не менее государственная программа по своей правовой природе остаётся актом подзаконного уровня и не может выступать самостоятельным источником компетенции, она вправе конкретизировать направления деятельности, уже установленные законом, но не вправе расширять полномочия публичных органов сверх того объёма, который определён Конституцией и федеральным законодательством. Данное ограничение представляется принципиальным, поскольку иное понимание программного управления открывало бы возможность подмены законодательного

регулирования административным усмотрением.

Совокупность рассмотренных подходов позволяет утверждать, что конституционализация молодёжной политики не исчерпывается вопросом о распределении полномочий между уровнями публичной власти. Её полноценное содержание раскрывается лишь при учёте представительского измерения – участия молодёжи в публичной жизни, исторической обусловленности современного регулирования и инструментального значения программно-целевого метода, который остаётся вспомогательным по отношению к законодательной основе молодёжной политики.

Пункт «е» части 1 статьи 72 Конституции РФ определяет конституционную основу участия Российской Федерации и ее субъектов в молодёжной политике [Конституция РФ, 1993]. Так, Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (далее – Закон № 489-ФЗ) развивает эту модель: статья 8 определяет полномочия федеральных органов государственной власти, статья 9 – полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, статья 10 – полномочия органов местного самоуправления [Конституция РФ, 1993].

Федеральный уровень формирует общие правовые и организационные основы молодёжной политики. Субъекты Российской Федерации обеспечивают ее реализацию с учетом региональных особенностей, принимают региональные акты и программы, участвуют в развитии инфраструктуры. Муниципальные образования участвуют в осуществлении молодёжной политики на соответствующей территории, организуют местные мероприятия, муниципальные программы и иные меры в пределах компетенции.

Следовательно, основная федеративная проблема заключается не в поиске конституционного основания для федерального участия, а в согласовании полномочий и ресурсов. Необходимы ясные правила межуровневой координации, финансового обеспечения, обмена данными и оценки результатов. Эти вопросы особенно актуальны в условиях перехода к новой модели местного самоуправления, установленной Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Федеральный закон № 33-ФЗ, 2025].

Разнообразие региональных моделей не следует оценивать как недостаток само по себе оно отражает различия в численности молодёжи, территориальной организации, бюджетных возможностях и социальной инфраструктуре. Вместе с тем самостоятельность субъектов Российской Федерации не должна приводить к снижению федеральных гарантий или к замене общих правовых основ сугубо региональными приоритетами.

Молодёжная политика реализуется органами публичной власти, учреждениями молодёжной политики, общественными объединениями и иными субъектами, предусмотренными Законом № 489-ФЗ. На федеральном уровне значительную роль играет Федеральное агентство по делам молодёжи – Росмолодёжь.

В соответствии с Положением о Росмолодёжи агентство осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере молодёжной политики в пределах установленной компетенции. Руководство деятельностью Росмолодёжи осуществляет Правительство Российской Федерации [Постановление Правительства РФ № 409, 2008].

В свою очередь организационные модели субъектов Российской Федерации различаются: полномочия в сфере молодёжной политики могут осуществляться самостоятельным органом,

структурным подразделением более широкого профиля либо несколькими органами во взаимосвязи, при этом не допустимо без специального исследования утверждать, что одна модель всегда эффективнее другой – для оценки необходимы сопоставимые данные о ресурсах, результатах программ, инфраструктуре и удовлетворенности молодых граждан.

Отдельное место занимают молодёжные и детские общественные объединения, их поддержка осуществляется в соответствии с Законом № 489-ФЗ, Федеральным законом от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений», бюджетным законодательством и правилами конкретных конкурсов или программ [Федеральный закон № 98-ФЗ, 1995]. Формы поддержки могут включать финансовые, имущественные, информационные, консультационные и иные меры, предусмотренные законом и актами публичных органов.

При оценке государственной поддержки общественных объединений важно различать наличие конкурсных процедур и оценку их качества. Утверждения о непрозрачности отбора, фаворитизме или недостаточности системной поддержки требуют самостоятельной эмпирической базы: анализа положений конкурсов, состава экспертов, критериев оценки, распределения средств и результатов проектов, без такой базы они не могут использоваться как установленный факт.

Молодёжь в Законе № 489-ФЗ является социально-демографической группой, а не единой категорией лиц с универсальным специальным правовым статусом. Поэтому корректнее говорить не об особом «правовом режиме молодёжи», а об адресных мерах поддержки отдельных групп: молодых семей, студентов, молодых специалистов, молодых предпринимателей, добровольцев (волонтеров), лиц в трудной жизненной ситуации и других категорий, прямо определяемых законом или программными документами.

Включение лиц от 14 до 18 лет в сферу молодёжной политики не создает конкуренции норм с законодательством о защите прав ребенка, эти нормативные массивы имеют разные, но взаимодополняющие цели. Законодательство о гарантиях прав ребенка устанавливает специальные гарантии несовершеннолетних, а молодёжная политика предусматривает меры, связанные с социализацией, участием, образованием, трудовой ориентацией и поддержкой инициатив. При реализации мер в отношении несовершеннолетних приоритет имеют специальные гарантии их прав и законных интересов.

В сфере молодёжной политики могут быть установлены специальные меры поддержки, однако такие меры должны соответствовать принципу равенства, быть обоснованы объективными обстоятельствами и соразмерны поставленной цели возраст сам по себе не должен использоваться как основание для произвольного предоставления преимуществ или ограничения прав.

Заключение

Молодёжная политика имеет самостоятельное конституционно-правовое значение. Ее общие вопросы прямо отнесены пунктом «е» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, поэтому самостоятельность молодёжной политики в системе публичного управления имеет конституционно-нормативную, а не только социально-политическую основу.

Закон № 489-ФЗ развивает конституционную модель, закрепляя цели, принципы, основные направления и многоуровневую систему полномочий, при этом молодёжная политика не

формирует единый автономный правовой статус всех лиц от 14 до 35 лет, ее назначение состоит в создании условий для реализации прав и законных интересов молодых граждан с учетом особенностей отдельных групп.

Доктринальный анализ показывает, что конституционализация молодёжной политики, развитие программного управления и вовлечение молодёжи в публичную жизнь являются взаимодополняющими направлениями, аАвтор поддерживает эти подходы при условии соблюдения правовой определенности. Конституционализация не должна означать расширение неограниченной дискреции публичной власти: ее содержанием должны быть прозрачное разграничение компетенции, гарантии прав и свобод, обоснованные меры поддержки и условия для свободной самореализации молодёжи.

Дальнейшее развитие регулирования целесообразно связывать с совершенствованием межуровневой координации, финансового обеспечения, механизмов участия молодёжи, прозрачных правил поддержки общественных объединений и оценки результатов программ. Эти меры позволят развивать молодёжную политику как сферу публичного управления, совместимую с принципами федерализма, социального государства и конституционной свободы личности.

Библиография

1. Бем А.В. Конституционно-правовое регулирование молодёжной политики в советский период // Baikal Research Journal. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-molodezhnoy-politiki-v-sovetskiy-period
2. Григорьев А.В. Конституционные основы молодёжной политики Российской Федерации в области институтов народовластия // Закон и власть. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-molodezhnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-institutov-narodovlastiya
3. Запольский С.В., Сморчкова Л.Н. Совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: конституционные новеллы // Право и практика. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnoe-vedenie-rossiyskoy-federatsii-i-subektov-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnye-novelly
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru
5. Любина О.Н. Государственная молодёжная политика: особенности реализации и отражение в государственных программах Российской Федерации и г. Москвы // Управление. 2017. № 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-osobennosti-realizatsii-i-otrazhenie-v-gosudarstvennyh-programmah-rossiyskoy-federatsii-i
6. Меркулов П.А. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодёжной политики в Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-federalnyy-zakon-kak-zavershenie-protsessa-konstitutsionalizatsii-molodezhnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодёжи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 22. Ст. 2586.
8. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru
9. Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 27. Ст. 2503.
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

The Constitutional-Legal Nature of Youth Policy as an Independent Sphere of Public Administration

Yuliya S. Amirkhanova

Postgraduate Student,
Moscow University named after A.S. Griboyedov,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yuliya.amirhanova@gmail.com

Abstract

The article examines the constitutional-legal nature of youth policy as an independent sphere of public administration in the Russian Federation. The constitutional foundations of youth policy, enshrined after the 2020 constitutional reform, and the provisions of Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation" are analyzed. Doctrinal approaches to the constitutionalization of youth policy, its connection with the institutions of democracy, program-based management, and the federal structure are examined. It is substantiated that youth policy belongs to the sphere of joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituent entities. Its independence is determined by direct constitutional recognition, a comprehensive subject of regulation, and a multi-level nature of implementation. At the same time, youth policy should not be considered as a basis for creating a single special legal status for all persons aged 14 to 35 or for an indefinite expansion of public intervention in the lives of young people. It is shown that the constitutional foundations of youth policy form a three-level construction: a norm on the distribution of powers between levels of public authority, general social guarantees addressed to citizens regardless of age, and a legislative criterion derived from them for determining the subject of regulation. The significance of the program-target method is assessed separately: it remains an act of a subordinate level and cannot serve as an independent source of competence for public bodies. It is concluded that the further development of regulation should be connected with the improvement of inter-level coordination, financial support, mechanisms of youth participation, and transparent rules for supporting public associations.

For citation

Amirkhanova Yu.S. (2026) Konstitutsionno-pravovaya priroda molodezhnoy politiki kak samostoyatel'noy sfery publichnogo upravleniya [The Constitutional-Legal Nature of Youth Policy as an Independent Sphere of Public Administration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 250-258. DOI: 10.34670/AR.2026.92.94.028

Keywords

Youth policy, Constitution of the Russian Federation, joint jurisdiction, public administration, youth, rights and freedoms, federalism, Federal Law No. 489-FZ.

References

1. Bem, A.V. (2024). Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie molodezhnoy politiki v sovetskiy period [Constitutional and

legal regulation of youth policy in the Soviet period]. Baikal Research Journal, (4). https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-molodezhnoy-politiki-v-sovetskiy-period
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 409 of May 29, 2008 "On the Federal Agency for Youth Affairs". (2008). Collection of Legislation of the Russian Federation, (22), Art. 2586.
3. Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority". (2025). Official Internet Portal of Legal Information. http://pravo.gov.ru
4. Federal Law No. 98-FZ of June 28, 1995 "On State Support of Youth and Children's Public Associations". (1995). Collection of Legislation of the Russian Federation, (27), Art. 2503.
5. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation". (2020). Collection of Legislation of the Russian Federation, (1(1)), Art. 28.
6. Grigoryev, A.V. (2023). Konstitutsionnye osnovy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti institutov narodovlastiya [Constitutional foundations of the youth policy of the Russian Federation in the area of the institutions of democracy]. Zakon i vlast', (2). https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-molodezhnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-institutov-narodovlastiya
7. Lyubina, O.N. (2017). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: osobennosti realizatsii i otrazhenie v gosudarstvennykh programmakh Rossiyskoy Federatsii i g. Moskvy [State youth policy: features of implementation and reflection in the state programs of the Russian Federation and the city of Moscow]. Upravlenie, (1(15)). https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-osobennosti-realizatsii-i-otrazhenie-v-gosudarstvennyh-programmah-rossiyskoy-federatsii-i
8. Merkulov, P.A. (2021). Novyy federal'nyy zakon kak zavershenie protsessa konstitutsionalizatsii molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [A new federal law as the completion of the process of constitutionalization of youth policy in the Russian Federation]. Vestnik PAGS, (2). https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-federalnyy-zakon-kak-zavershenie-protsessa-konstitutsionalizatsii-molodezhnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). (1993). Official Internet Portal of Legal Information. http://www.pravo.gov.ru
10. Zapolsky, S.V., & Smorchkova, L.N. (2022). Sovmestnoe vedenie Rossiyskoy Federatsii i sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnye novelly [Joint jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation: constitutional novelties]. Pravo i praktika, (2). https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnoe-vedenie-rossiyskoy-federatsii-i-subektov-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnye-novelly

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

UDC 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.14.45.029**

Legal Regulation of Dynamic Immune Networks and the Translation of lncRNA-IRN1: From Biomedical Research to a Responsible Innovation Model

Liu Gang

Master student,
International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University,
23/1, Dolgobrodskaya str., Minsk, 220070, Republic of Belarus;
e-mail: 16678627520@163.com

Abstract

This article examines research on the dynamic network regulation of immune responses and the identification of lncRNA-IRN1 not merely as an immunological project, but as an object of biomedical law, regulatory governance, and bioethics. The legal object of analysis is not the immune network itself, but the complex set of relations that emerges when human biological material is collected, multi-omics data are processed, animal experiments are conducted, machine-learning models are deployed, and molecular findings are translated into diagnostic and therapeutic products. The legal subject encompasses researchers, clinical sponsors, ethics committees, data controllers, physicians, patients, animal-welfare bodies, technology developers, and public regulators. Through doctrinal, comparative-law, risk-based regulatory, and bioethical analysis, the article demonstrates that IRN1 — simultaneously as a biomarker and as a drug target — activates the regulatory regimes governing human-subject research, personal and genetic data protection, clinical trials, in vitro diagnostic medical devices, artificial intelligence, intellectual property, and tort liability. It concludes that the scientific value of the discovery is inseparable from its legal design, and that responsible translation is possible only through an integrated governance model in which ethical approval, informed consent, data protection, regulatory authorization, quality management, and fair access are planned from the outset.

For citation

Liu Gang (2026) Legal Regulation of Dynamic Immune Networks and the Translation of lncRNA-IRN1: From Biomedical Research to a Responsible Innovation Model. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 259-267. DOI: 10.34670/AR.2026.14.45.029

Keywords

Biomedical law, research ethics, informed consent, personal data protection, clinical trials, artificial intelligence regulation, intellectual property, tort liability, lncRNA-IRN1, immunotherapy.

Introduction

The immune response is a dynamically complex process whose effectiveness depends on the coordinated action of cells, soluble mediators, and microenvironmental signals. Disruptions of spatiotemporal regulatory plasticity lead to chronic infections, autoimmune pathologies, and cancer. Classical immunology, relying on static snapshots, failed to capture the heterogeneity and dynamics of the response; the development of single-cell technologies and spatial transcriptomics began to dissect this heterogeneity, yet most studies focus on phenotypes rather than network-level dynamics. The present research proceeds from the assumption that the immune response is regulated by spatiotemporal dynamic networks in which key nodes jointly achieve stage-specific reconstruction, and that intervention at these nodes can correct functional abnormalities.

However, once research moves beyond the laboratory bench — collecting patient samples, processing multi-omics profiles, experimenting on animals, building predictive models, and proposing a therapeutic target — it inevitably enters the domain of law. The legal question here is not secondary to the scientific one: it determines the conditions under which knowledge may be obtained, stored, transferred, commercialized, and applied at the patient's bedside. For this reason, the present study should be read in two ways: as an immunological work and as a legal analysis of responsible biomedical innovation.

The aim of this work is to describe the dynamic network regulation of the immune response, to identify lncRNA-IRN1 as a stage-specific regulatory node, and simultaneously to analyze the legal and ethical-regulatory conditions under which this finding can be transformed into a clinically and socially acceptable product.

Main part

Under pathological conditions, to illustrate the spatiotemporal reconstruction of the immune network and the changes in the immune network during health and disease, we first performed time-series single-cell RNA sequencing (scRNA-seq) in mouse models of acute infection (Listeria monocytogenes, LM), tumor development (MC38), and chronic inflammation (collagen-induced arthritis, CIA). Additionally, we analyzed samples from human colorectal cancer (CRC) patients. After performing Uniform Manifold Approximation and Projection (UMAP) visualization on over 50,000 single-cell RNA sequencing (scRNA-seq) data points, the changes in dynamic cellular states in acute and chronic immunity revealed immune cell landscapes unique to different immune environments.

Immune-network research creates a conflict of legally protected interests. On the one hand, freedom of scientific research and the public interest in new immunotherapies support the collection and analysis of large biological datasets. On the other hand, the dignity, privacy, autonomy, bodily integrity, and safety of participants require strong safeguards. The Declaration of Helsinki, the CIOMS Guidelines, and UNESCO bioethics instruments provide a transnational ethical foundation: scientific validity, independent ethical review, respect for vulnerable persons, and fair distribution of benefits [World Medical Association, 2024; CIOMS, 2016; UNESCO, 2005]. In legal terms, these principles operate together with binding national rules and institutional policies.

A responsible regulatory model should be layered:

– National law — the protocol complies with the law of the country of conduct.

– Independent ethics approval — before recruitment begins.

– Enforceable contracts — data-transfer agreements (DTAs) and material-transfer agreements

(MTAs).

– Recognized scientific standards — Good Clinical Practice (GCP) at the stage of clinical translation [European Union, 2014; International Council for Harmonisation, 2025].

Ethics approval does not replace legal assessment and does not eliminate liability; it is only one element of due diligence. A legally defensible program requires continuous risk management, contemporaneous documentation, and a governance structure capable of identifying, reporting, and correcting problems.

The legal subject includes: researchers (duty to follow the protocol), clinical sponsors (quality, safety reporting), ethics committees (independent review), data controllers (personal data protection), physicians (disclosure of risks and alternatives), patients (autonomy, informed consent), animal-welfare bodies (authorization, 3Rs), technology developers (algorithmic transparency), and public regulators (authorization, oversight).

CRC and peripheral blood samples are legally sensitive: they connect biological material with clinical status, treatment response, and possible genetic or molecular identifiers. Informed consent should not be reduced to a signature. It should specify:

– the purpose of collection and the types of omics analyses;

– storage duration and conditions of secondary use;

– possible commercial development and data sharing;

– international transfer and publication of de-identified results;

– the limits of withdrawal once data are irreversibly anonymized or included in aggregate analyses.

For paired biopsies before and after treatment, consent should explain additional physical risks, discomfort, and the possibility that the biopsy will not directly benefit the participant. Where vulnerable patients, advanced cancer patients, or patients dependent on treating physicians are involved, consent procedures must avoid therapeutic misconception and undue influence. The legal validity of consent is strengthened by plain-language information sheets, documented opportunities to ask questions, and separate options for future use of samples.

Single-cell sequencing, proteomics, metabolomics, clinical metadata, and treatment-response information should be treated as highly sensitive data. Under the GDPR model, genetic data and data concerning health fall within special categories of personal data, the processing of which is generally prohibited unless a specific lawful basis and an Article 9 exception apply, together with suitable safeguards [European Union, 2016]. Even where data are pseudonymized, the combination of omics profiles, rare disease features, imaging, and longitudinal sampling creates a realistic risk of re-identification.

A legally robust research protocol should include:

– data minimization and purpose limitation;

– role-based access, encryption, audit logs;

– retention limits and a data protection impact assessment (DPIA) where required;

– clear governance for cross-border transfers;

– documentation of dataset provenance, bias controls, and the legal basis for secondary analysis in machine learning.

The distinction between anonymization and pseudonymization is decisive: anonymized data usually fall outside personal-data regimes, while pseudonymized data remain regulated because re-identification is possible.

The mouse models, including Listeria monocytogenes infection, MC38 tumor challenge, collagen-

induced arthritis, gene knockout, and ASO administration, require a separate legal and ethical justification. The EU animal-research model is built around the principles of replacement, reduction, and refinement (3Rs): animals should be used only when scientifically necessary, in the smallest number compatible with valid results, and under procedures that minimize pain, distress, and lasting harm [European Union, 2010].

A compliant protocol should include project authorization, severity classification, humane end-points, anesthesia or analgesia, veterinary supervision, competence documentation for personnel, and transparent reporting. Because the study also involves pathogenic organisms and genetically modified animals, biosafety and biosecurity controls are relevant: laboratory risk assessment, containment procedures, waste management, exposure-response plans, and transport rules for biological materials should be documented in accordance with institutional biosafety programs and international biosafety guidance [World Health Organization, 2020].

If IRN1 antisense oligonucleotides move from mouse models into human studies, the legal status of the intervention changes: it is no longer merely a research reagent but a candidate investigational medicinal product. Clinical translation would require:

– preclinical toxicology, pharmacokinetics, and pharmacodynamics;

– off-target analysis and manufacturing controls;

– dose-escalation rules and safety monitoring;

– adverse-event reporting;

– a favorable risk–benefit assessment before first-in-human trials.

In the European regulatory model, clinical trials on medicinal products are governed by Regulation (EU) No 536/2014, while ICH E6(R3) Good Clinical Practice provides an international ethical, scientific, and quality standard for trial design, conduct, oversight, recording, analysis, and reporting [European Union, 2014; International Council for Harmonisation, 2025]. The sponsor would need to define responsibilities for monitoring, data integrity, insurance or compensation for research-related injury, and post-trial access if the intervention shows benefit. The law therefore requires that the promising anti-tumor results described in the biological part be converted into a stepwise, controlled, and transparent clinical development program.

The article indicates that high IRN1 expression may be associated with poor response to anti-PD-1 therapy. Once an IRN1 expression assay is used for patient stratification, selection of therapy, or prediction of response, it may be regulated as an in vitro diagnostic medical device, and in some circumstances as a companion diagnostic. Under the EU IVDR model, such products must demonstrate analytical performance, clinical performance, scientific validity, quality management, and appropriate conformity assessment before market use [European Union, 2017].

From a legal perspective, the key question is not only whether IRN1 is biologically meaningful, but whether the test is reliable enough to influence medical decisions. False-positive and false-negative results could expose patients to ineffective therapy, deny them beneficial treatment, or increase unnecessary risk. The regulatory file should therefore include validation cohorts, reproducibility data, cut-off justification, intended-use statements, quality controls, and clinician-facing instructions that clearly distinguish exploratory research findings from clinically validated diagnostic claims.

The study relies on machine learning, Bayesian network inference, trajectory modeling, and multi-omics integration. These tools are scientifically useful, but they create legal duties related to transparency, validation, accountability, and bias control.

– If an algorithm remains an internal research tool, governance can focus on documentation,

reproducibility, data security, and peer review.

– If the same algorithm is used to support diagnosis, treatment selection, trial enrollment, or risk prediction for individual patients, it may enter the sphere of regulated medical software or high-risk AI.

The EU Artificial Intelligence Act adopts a risk-based approach and is relevant where AI systems affect health, safety, or fundamental rights **[European Union, 2024]**. Therefore, any clinical use of immune-network prediction models should include a clear intended purpose, human oversight, performance monitoring, cybersecurity controls, explainability appropriate to clinical users, and procedures for correcting model drift. Legal accountability should remain with identifiable persons and institutions, not with the algorithm as an autonomous actor.

The identification of IRN1 as a potential therapeutic target may generate patentable claims relating to antisense sequences, delivery methods, diagnostic assays, or combination therapies with immune checkpoint blockade. Intellectual property protection can stimulate investment, but it must be balanced against access to diagnostics and treatment.

Where patient samples and publicly supported research contribute to the discovery, legal instruments should regulate:

– ownership of biological materials and rights to inventions;

– publication rights and data access;

– licensing strategy and benefit-sharing;

– prohibition of unauthorized re-identification and secondary use outside the approved purpose (through MTAs);

– reasonable access for independent validation studies and public-health needs.

In this sense, biomedical law connects innovation policy with medical ethics: the same legal system that protects inventors should also prevent exclusive rights from undermining fair access to clinically important biomarkers or therapies.

A legal analysis must also address possible liability.

In the research phase, liability may arise from:

– inadequate consent;

– protocol deviations;

– insufficient monitoring of adverse effects;

– data breaches;

– animal-welfare violations;

– unauthorized transfer of samples.

In the clinical phase — if:

– an IRN1-based diagnostic test is marketed without adequate validation;

– an ASO therapy causes foreseeable harm that was not disclosed or monitored;

– an algorithmic prediction is used beyond its validated scope.

The standard of care will depend on the role of each actor: researchers must follow the approved protocol, sponsors must maintain quality systems and safety reporting, clinicians must explain risks and alternatives, and laboratories must ensure analytical validity. Ethics approval does not eliminate liability; it is only one element of due diligence.

For future IRN1 studies, a practical compliance model should include:

– independent ethics approval before recruitment;

– separate consent modules for treatment, biopsy, omics analysis, storage, secondary use, and

cross-border sharing;
– a data governance plan (lawful basis, security, retention, participant rights);
– animal-welfare authorization and 3R justification for each model;
– biosafety approval for pathogens and GMOs;
– preregistration of clinical trials where applicable;
– GCP procedures for human intervention studies;
– quality management for IRN1 assays;
– AI governance for predictive models;
– material-transfer and data-transfer agreements for collaboration;
– intellectual-property clauses that preserve publication and validation rights;
– insurance or compensation mechanisms for research-related injury;
– a publication policy that avoids overstating exploratory findings.

Such a model translates the biological promise of immune-network regulation into a lawful and ethically sustainable research pathway.

For future IRN1 studies, a practical compliance model should include:
– independent ethics approval before recruitment;
– separate consent modules for treatment, biopsy, omics analysis, storage, secondary use, and cross-border sharing;
– a data governance plan (lawful basis, security, retention, participant rights);
– animal-welfare authorization and 3R justification for each model;
– biosafety approval for pathogens and GMOs;
– preregistration of clinical trials where applicable;
– GCP procedures for human intervention studies;
– quality management for IRN1 assays;
– AI governance for predictive models;
– material-transfer and data-transfer agreements for collaboration;
– intellectual-property clauses that preserve publication and validation rights;
– insurance or compensation mechanisms for research-related injury;
– a publication policy that avoids overstating exploratory findings.

Such a model translates the biological promise of immune-network regulation into a lawful and ethically sustainable research pathway.

Conclusion

The scientific findings described in this article demonstrate potential value for precision immunotherapy, but their practical implementation depends on legal design. Biomedical law does not merely restrict research; it organizes trust, defines accountability, and creates conditions under which innovative therapies can move from laboratory evidence to clinical use.

Dynamic immune-network research should therefore be governed as a high-value and high-risk field that combines:
– protection of human participants;
– safeguards for personal and genetic data;
– animal-welfare duties;

– clinical-trial regulation;
– validation of in vitro diagnostic devices;
– artificial intelligence oversight;
– intellectual-property management;
– prevention of tort liability.

If IRN1 is developed as both a biomarker and a therapeutic target, the strongest legal strategy is an integrated governance model in which ethical approval, consent, data protection, regulatory authorization, quality management, and fair access are planned from the beginning rather than added after scientific success. This approach allows the article to be read not only as an immunology study but also as a legal analysis of responsible biomedical innovation.

References

1. Abbas, A.K., Lichtman, A.H., & Pillai, S. (Eds.). (2023). *Cellular and Molecular Immunology* (11th ed.). Amsterdam: Elsevier.
2. Cao, X. (2019). Research Progress on Long Non-Coding RNAs and the Regulation of Immune Cell Function. *Scientia Sinica Vitae*, 49, 1–12.
3. Chen, Z., & Nie, Y. (2021). Potential Target Value of Long Non-Coding RNAs in Tumor Immunotherapy. *Chinese Pharmacological Bulletin*, 37, 577–582.
4. Council for International Organizations of Medical Sciences. (2016). *International Ethical Guidelines for Health-related Research Involving Humans* (4th ed.). Geneva: CIOMS.
5. Dong, C. (2020). Metabolic Regulation of Tumor Immune Evasion: The Role of Lactate and Mitochondrial Dysfunction. *Acta Academiae Medicinae Sinicae*, 42, 145–150.
6. European Union. (2010). Directive 2010/63/EU of the European Parliament and of the Council on the protection of animals used for scientific purposes. *Official Journal of the European Union*, L 276, 33–79.
7. European Union. (2014). Regulation (EU) No 536/2014 of the European Parliament and of the Council on clinical trials on medicinal products for human use. *Official Journal of the European Union*, L 158, 1–76.
8. European Union. (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. *Official Journal of the European Union*, L 119, 1–88.
9. European Union. (2017). Regulation (EU) 2017/746 of the European Parliament and of the Council on in vitro diagnostic medical devices. *Official Journal of the European Union*, L 117, 176–332.
10. European Union. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). *Official Journal of the European Union*, L 2024/1689.
11. International Council for Harmonisation. (2025). *ICH E6(R3) Guideline for Good Clinical Practice*. Geneva: ICH.
12. Murphy, K.M., & Weaver, C. (Eds.). (2022). *Janeway's Immunobiology* (12th ed.). New York: Garland Science.
13. Roitt, I.M., Brostoff, J., & Male, D. (Eds.). (2021). *Immunology* (10th ed.). Edinburgh: Elsevier.
14. UNESCO. (2005). *Universal Declaration on Bioethics and Human Rights*. Paris: UNESCO.
15. Wang, J., & Wang, L. (2020). Research Progress on Immune Checkpoint Inhibitor Resistance Mechanisms in Non-Small Cell Lung Cancer. *Chinese Journal of Tuberculosis and Respiratory Diseases*, 43, 681–686.
16. World Health Organization. (2020). *Laboratory Biosafety Manual* (4th ed.). Geneva: WHO.
17. World Medical Association. (2024). *WMA Declaration of Helsinki — Ethical Principles for Medical Research Involving Human Participants*. Ferney-Voltaire: WMA.
18. Wu, Y., & Tian, Z. (2020). Dynamic Network Regulation of Immune Response: From Static Models to a Systems Biology Perspective. *Chinese Journal of Immunology*, 36, 521–526.
19. Zhang, Z., & Tang, F. (2021). Single-Cell Sequencing Technology Reveals the Cellular Atlas and Dynamic Changes of the Tumor Immune Microenvironment. *Scientia Sinica Vitae*, 51, 289–300.
20. Zhou, C., & Lu, S. (2021). Characteristics and Reversal Strategies of Tumor-Infiltrating T Cell Exhaustion — Findings Based on Single-Cell Sequencing. *Chinese Journal of Oncology*, 43, 215–220.

Правовое регулирование динамических иммунных сетей и трансляция lncRNA-IRN1: от биомедицинских исследований к модели ответственных инноваций

Лю Ган

Магистрант,
Международный государственный
экологический институт им. А.Д. Сахарова
Белорусского государственного университета,
220070, Республика Беларусь, Минск, ул. Долгобродская, 23/1;
e-mail: 16678627520@163.com

Аннотация

В статье исследуется динамическая сетевая регуляция иммунных ответов и идентификация lncRNA-IRN1 не только как иммунологический проект, но и как объект биомедицинского права, регуляторного управления и биоэтики. Правовым объектом анализа выступает не сама иммунная сеть, а сложный комплекс отношений, возникающих при сборе биологического материала человека, обработке мультиомных данных, проведении экспериментов на животных, применении моделей машинного обучения и трансляции молекулярных открытий в диагностические и терапевтические продукты. Субъектный состав включает исследователей, клинических спонсоров, этические комитеты, контролёров данных, врачей, пациентов, органы по защите животных, разработчиков технологий и публичных регуляторов. На основе доктринального, сравнительно-правового, риск-ориентированного регуляторного и биоэтического анализа показано, что IRN1 — одновременно как биомаркер и как лекарственная мишень — активирует регуляторные режимы, governing исследования с участием человека, защиту персональных и генетических данных, клинические испытания, медицинские изделия для in vitro диагностики, искусственный интеллект, интеллектуальную собственность и деликтную ответственность. Делается вывод, что научная ценность открытия неотделима от его правового оформления, а ответственная трансляция возможна только через интегрированную модель управления, в которой этическое одобрение, информированное согласие, защита данных, регуляторная авторизация, управление качеством и справедливый доступ планируются с самого начала.

Для цитирования в научных исследованиях

Лю Ган. Legal Regulation of Dynamic Immune Networks and the Translation of lncRNA-IRN1: From Biomedical Research to a Responsible Innovation Model // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 259-267. DOI: 10.34670/AR.2026.14.45.029

Ключевые слова

Биомедицинское право, этика исследований, информированное согласие, защита персональных данных, клинические испытания, регулирование искусственного интеллекта, интеллектуальная собственность, деликтная ответственность, lncRNA-IRN1, иммунотерапия.

Библиография

1. Аббас А.К., Лихтман А.Х., Пиллай С. (ред.) Клеточная и молекулярная иммунология. 11-е изд. Амстердам: Elsevier, 2023.
2. Ван Дж., Ван Л. Исследование механизмов резистентности к ингибиторам иммунных контрольных точек при немелкоклеточном раке лёгкого // Китайский журнал туберкулёза и респираторных заболеваний. 2020. Т. 43. С. 681–686.
3. Дун Ц. Метаболическая регуляция уклонения опухоли от иммунного ответа: роль лактата и митохондриальной дисфункции // Acta Academiae Medicinae Sinicae. 2020. Т. 42. С. 145–150.
4. Као С. Исследование длинных некодирующих РНК и регуляции функции иммунных клеток // Scientia Sinica Vitae. 2019. Т. 49. С. 1–12.
5. Мёрфи К.М., Уивер К. (ред.) Иммунобиология Джейнуэя. 12-е изд. Нью-Йорк: Garland Science, 2022.
6. Ройтт И.М., Бростофф Дж., Мейл Д. (ред.) Иммунология. 10-е изд. Эдинбург: Elsevier, 2021.
7. У Ю., Тянь Ц. Динамическая сетевая регуляция иммунного ответа: от статических моделей к системно-биологической перспективе // Китайский журнал иммунологии. 2020. Т. 36. С. 521–526.
8. Чжан Ц., Тан Ф. Технология одноклеточного секвенирования раскрывает клеточный атлас и динамические изменения опухолевого иммунного микроокружения // Scientia Sinica Vitae. 2021. Т. 51. С. 289–300.
9. Чжоу Ц., Лу С. Характеристики и стратегии обращения истощения опухоль-инфильтрирующих Т-клеток: результаты одноклеточного секвенирования // Китайский журнал онкологии. 2021. Т. 43. С. 215–220.
10. Чэнь Ц., Не И. Потенциальная мишеневая ценность длинных некодирующих РНК в опухолевой иммунотерапии // Китайский фармакологический бюллетень. 2021. Т. 37. С. 577–582.
11. Council for International Organizations of Medical Sciences. International Ethical Guidelines for Health-related Research Involving Humans. 4th ed. Geneva: CIOMS, 2016.
12. European Union. Directive 2010/63/EU of the European Parliament and of the Council on the protection of animals used for scientific purposes // Official Journal of the European Union. 2010. L 276. P. 33–79.
13. European Union. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88.
14. European Union. Regulation (EU) No 536/2014 of the European Parliament and of the Council on clinical trials on medicinal products for human use // Official Journal of the European Union. 2014. L 158. P. 1–76.
15. European Union. Regulation (EU) 2017/746 of the European Parliament and of the Council on in vitro diagnostic medical devices // Official Journal of the European Union. 2017. L 117. P. 176–332.
16. European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.
17. International Council for Harmonisation. ICH E6(R3) Guideline for Good Clinical Practice. Geneva: ICH, 2025.
18. UNESCO. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. Paris: UNESCO, 2005.
19. World Health Organization. Laboratory Biosafety Manual. 4th ed. Geneva: WHO, 2020.
20. World Medical Association. WMA Declaration of Helsinki — Ethical Principles for Medical Research Involving Human Participants. Ferney-Voltaire: WMA, 2024.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.09 **DOI: 10.34670/AR.2026.79.39.030**

Публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации государственного управления

Корбат Лев Анатольевич

Аспирант,
сектор информационного права
Института государства и права,
Российская академия наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: nicegoodfela@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется изменение субъективного волеизъявления субъекта информационных общественных отношений в условиях цифровой трансформации системы государственного управления Российской Федерации. Цифровизация, выступая в роли всеобщего явления, а значит являясь бесспорным фактором изменений в современном обществе, оказывает существенное влияние в том числе и на право, включая переосмысление категорий субъектности и правового поведения. Исследование носит во многом теоретико-методологический характер и основано на анализе фундаментальных работ в области общей теории права, административного, и информационного права. Для разработки и актуализации работы по цифровой трансформации как основы информационного права применялись общенаучные методы (индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, конкретизация, обобщение, постановка проблемы и решение её с учетом научных фактов) и диалектические методы познания. В рамках данного исследования использованы также частнонаучные методы научного познания социально-правовых явлений и процессов, (формально-юридический метод, философско-юридический метод, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой метод, технико-юридический метод). Также был проведен анализ нормативно-правовых актов в исследуемой сфере. Значимость дальнейшей работы над публично-правовыми пределами регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации государственного управления видится существенной, в том числе из-за того, что те новации, которые вносит в данную тему цифровая трансформация исследованы пока недостаточно. Публично-правовые пределы регулирования предлагается определять не через объем государственного воздействия на поведение субъекта, а через допустимые границы нормативного конструирования цифровой среды, внутри которой происходит формирование и реализация юридически значимого волеизъявления. Проведенное исследование подтверждает необходимость совершенствования публично-правового регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации, направленного на повышение эффективности правоприменительной деятельности в исследуемой сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Корбат Л.А. Публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации государственного управления // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 268-281. DOI: 10.34670/AR.2026.79.39.030

Ключевые слова

Цифровая трансформация, публично-правовое регулирование, государственные информационные системы, волеизъявление, цифровые платформы.

Введение

Цифровая трансформация преодолевает и изменяет границы отраслей и институтов, выступая общесоциальной инфраструктурой способной корректировать поведение и волю участников публичных общественных отношений. При этом, функционал государственных цифровых платформ не отменяет автономию субъектов публичных общественных отношений как таковую, но ограничивает правореализацию и правомочие. Он не лишает субъекта информационных общественных отношений свободы воли как таковой, но фактически может сформировать условия, при которых её выражение становится невозможным т.е. привести к нарушению права.

Цель статьи – выявление пределов допустимого воздействия на процессы формирования и реализации волеизъявления в публичных общественных отношениях в условиях цифровой трансформации, а также обоснование необходимости создания правовых гарантий прозрачности и подотчетности государственных цифровых платформ

По мнению группы авторов, Т.А. Поляковой, А.В. Минбалеева и Н.В. Кротковой, «новый этап развития глобального информационного общества, связанный со становлением ”цифровой цивилизации„ требует юридического осмысления общественных отношений, субъектов и объектов, проблем их взаимодействия в цифровой среде, аутентификации и идентификации, информационной инфраструктуры и т.д.» [Полякова, Минбалеев, Кроткова, 2020, с. 81].

Участие субъектов в общественных отношениях, опосредованных цифровой трансформацией, предопределяет изменение их правовой природы. Речь идет о взаимодействиях, выстроенных на основе заранее заданных цифровых сценариев (алгоритмов), в рамках которых субъект одновременно функционирует в физическом и цифровом пространствах. Это обстоятельство формирует новое онтологическое понимание субъекта права.

В условиях цифровой трансформации возникла ситуация, способствующая размыванию границы между цифровой репрезентацией субъекта общественных отношений и им самим непосредственно, современное российское право продолжает разграничивать субъекта публично-правовых общественных отношений и его внешнее выражение в цифровой форме. Ограниченный функционал цифровых платформ, по своей сути, задает пределы допустимого поведения, и тем самым трансформирует классическое представление об автономии воли. В результате субъективное волеизъявление в информационных общественных отношениях приобретает опосредованный, цифровой трансформацией, характер.

Таким образом, наметился вектор работы по научному осмыслению цифровой

трансформации, что является ключевым фактором для развития отечественного законодательства в области регулирования цифровой трансформации.

Основное содержание

Развитие информационных общественных отношений в условиях цифровой трансформации сопровождается возникновением противоречий между государственной политикой по расширению использования цифровых инструментов и необходимостью обеспечения надлежащего уровня правовой защиты личности [Рыжов, 2018, с. 9]. Это уже находит своё внешнее нормативно-правовое воплощение в принятии «Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на период 2017–2030 годов» [Указ Президента РФ № 203, 2017].

По мере накопления и обработки сведений о действиях физического лица в государственных информационных системах, формируется его цифровой профиль поведения, который становится основой для принятия различных юридически значимых решений и регулирования взаимодействия участников информационных публичных общественных отношений. В подобных условиях традиционные частноправовые механизмы, основанные на автономии воли и свободе усмотрения участников, не способны в полной мере обеспечить справедливое соотношение интересов субъектов информационных правоотношений. Это обусловлено тем, что объем, способы и цели использования цифровых данных во многом определяются владельцами информационных систем и цифровых платформ, тогда как физическое лицо зачастую лишено возможности реально влиять на порядок обработки данных о своем поведении.

Комплексный характер информационных общественных отношений в условиях цифровизации обусловливает необходимость уточнения критериев определения их субъектного и объектного состава. В связи с этим возрастает значение публично-правового регулирования, направленного на установление единых требований к формированию, использованию и защите цифровых профилей поведения, а также на обеспечение прозрачности процедур принятия решений в цифровой среде. Именно такой подход позволяет обеспечить баланс между развитием цифровых технологий и сохранением надлежащего уровня правовой защищенности личности.

Как отмечает В.Б. Наумов: «Представляется, что для обеспечения свободы волеизъявления человека и гражданина, реализации его прав и интересов в наиболее важных сферах и предметных областях цифровизации возможно принятие конституционных норм о предоставлении гражданам права отказаться от использования цифрового пространства и технологий с сохранением за ними традиционной системы прав и свобод человека и гражданина и гарантией возможности не пользоваться новыми технологиями в сферах, определенных законодательством» [Наумов, 2025, с.186].

Цифровая трансформация права и государственного управления, выступая их развивающей силой, является базисом для изменения общественных отношений, сопутствующих государственному управлению. Некоторыми исследователями утверждается, что цифровая трансформация в позитивном ключе способна привести человечество к таким изменениям [Шинкарецкая, 2023, с. 154; Шинкарецкая, Берман, 2020, с. 222]. По нашему мнению, это невозможно без четкого понимания того, насколько сильно изменятся публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления в условиях цифровой трансформации

государственного управления.

Будет необходимо упомянуть, что в настоящее время в Российской Федерации реализуется стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Указ Президента РФ № 203, 2017] и развиваются принципы цифровизации национальной экономики, закрепленные в Распоряжении Правительства РФ № 1632-р от 28 июля 2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Распоряжение Правительства РФ № 1632-р, 2017].

В этой связи мы можем утверждать, что цифровая трансформация государственного управления является этапом развития механизма осуществления публичной власти, связанного с формированием единого цифрового пространства в котором будут реализовываться публичные функции государства. В таких условиях государственное управление осуществляется посредством государственных информационных систем, обеспечивающих информационное взаимодействие органов публичной власти, организаций и граждан при реализации публичных полномочий, предоставлении государственных услуг и принятии юридически значимых решений. Внедрение цифровых технологий в государственное управление изменяет не только его методы, но и механизм реализации публично-правовых отношений.

Согласно информационной философии Л. Флориди, современная субъектность приобретает форму «инфорга» – информационного агента, существующего на границах онлайна и офлайна» [Floridi, 2013, p. 7].

Под такой субъектностью мы склонны понимать ничто иное как субъекта общественной жизни (общественных отношений), т.е. физическое лицо. Однако, трансформация такой «субъектности» имеет не только философское, но и непосредственное публично-правовое значение. По мере цифровой трансформации государственного управления объектом нормативного воздействия становится уже не исключительно физическое лицо, а его цифровая репрезентация, посредством которой осуществляется юридически значимое волеизъявление.

В этой связи отметим, что несмотря на возникший тренд на размывание границы между цифровой репрезентацией субъекта общественных отношений и им самим, современное российское право продолжает разграничивать субъекта публично-правовых общественных отношений и его внешнее выражение в цифровой форме.

Как указывает В.Б. Наумов, «значение идентификации субъектов отношений в информационной сфере сложно подвергать сомнению. Однако в условиях электронного документооборота и нахождения субъектов на расстояниях друг от друга сложившиеся веками методы идентификации уже не подходят» [Наумов, 2016, с. 104].

Однако, основной парадокс заключается в том, что право квалифицирует ключевые компоненты цифрового субъекта как объекты (данные, цифровые права, программный код). В ГК РФ «цифровые права» признаются только как объекты гражданских прав (ст. 141.1), но не как субъекты.

Считаем важным процитировать здесь позицию группы авторов Поляковой Т.А., Минбалева А.В., Кротковой Н.В. – «С предпринимаемыми попытками найти цифровые эквиваленты всего, что имеется в мире, важно с позиции информационного права установить их правовую сущность, границы правового регулирования отношений, складывающихся в связи с новыми цифровыми явлениями» [Полякова, Минбалеев, Кроткова, 2021, с. 108].

Дуальная природа общественного отношения, т.е. его субъект и объект не адаптируются

вслед за цифровой трансформацией, при которой субъективность всё больше опосредуется инфрастктурой той или иной цифровой платформы. В результате физические лица как субъекты общественных отношений оказываются в парадоксальном положении: их воля регулируется, направляется и ограничивается теми самыми «объектами», которые формально не обладают ни правосубъектностью, ни ответственностью, но фактически являются некими квазирегуляторами. Это создаёт правовой вакуум, в котором субъективное поведение возможностями цифровой платформы, а юридическая ответственность за возможные последствия размывается между разработчиками, теми же платформами и пользователями цифровой инфраструктуры. Следствием этого становятся снижение прозрачности принятия юридически значимых решений, ограничение возможностей государственного контроля за решениями, принимаемыми с использованием цифровых технологий, а также возникновение рисков нарушения конституционных прав и свобод граждан, включая право на судебную защиту, защиту персональных данных и равный доступ к публичным услугам. В совокупности указанные обстоятельства обусловливают необходимость формирования специальных публично-правовых механизмов регулирования процессов принятия решений в цифровой среде, обеспечивающих их прозрачность, подотчетность и соответствие принципу законности.

Как фиксирует Т.А. Полякова: «В связи с развитием прорывных, конвергентных информационных технологий не только формируется, как отмечалось, широкий субъектный состав в информационной сфере и новые социальные отношения между ними, но и усиливается процесс институализации. Нередко такие правовые институты имеют междисциплинарный характер. К ним можно отнести институты персональных данных, идентификации, конфиденциальности, информационной инфраструктуры, ответственности в информационной сфере, доступа к информации и др. Представляется, что результаты исследований, направленных на изучение формирования в информационном праве новых институтов, несомненно, вносят вклад в развитие науки информационного права. Вместе с тем это оказывает влияние на модификацию общественных и политических институтов, меняется правовая ткань (поле), новое качество приобретают общественные отношения, их форма, структура, содержание (суть) [Полякова, 2020, с. 55].

Становится ясно, что именно объектная архитектура цифровой среды конструирует новую форму «поведенческой» субъектности, непосредственным внешним выражением которой выступает субъективное волеизъявление. Возникает онтологический сдвиг: субъект уже не воспринимается исключительно как носитель правосубъектности, а «собирается» из совокупности принадлежащих ему цифровых объектов т.е. персональных данных, цифровой идентичности, поведенческих паттернов, цифровых следов и иных информационных элементов. В результате такого сдвига субъективное волеизъявление отражается через устойчивый цифровой профиль поведения, позволяющий прогнозировать, интерпретировать и даже моделировать его будущие действия.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации, возникает объективная необходимость переосмысления публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления, поскольку государственное воздействие все чаще направлено не на самого субъекта как участника правоотношений, а на цифровую инфраструктуру формирования, выражения и реализации его юридически значимой воли. Именно данное обстоятельство требует пересмотра традиционного разграничения объекта и субъекта правового регулирования и выработки новой концепции публично-правовых пределов вмешательства государства в процессы цифрового формирования и реализации волеизъявления личности.

Как подчеркивает В.Б. Наумов: «В сфере цифровых технологий нужно отдавать себе отчет в том, что у человека и гражданина остается все меньше выбора того, в каких общественных отношениях он участвует» [Наумов, 2020, с. 4].

В условиях цифровизации общественных отношений субъективная воля претерпевает на себе существенное влияние, интегрируемое в процессы формирования и внешнего выражения воли. Если в публично-правовой доктрине автономия воли связывалась с возможностью субъекта самостоятельно определять содержание своего поведения в рамках установленного правопорядка, то в цифровой среде данная способность приобретает опосредованный характер, будучи встроенной в архитектуру цифровых платформ и алгоритмов.

Опосредованная цифровой платформой процедура принятия решений, изначально ограничивает вариативность поведения субъекта, предлагая заранее сконструированный набор допустимых действий. В этом смысле речь идет не столько об устранении автономии, сколько о ее институциональной переработке: свобода усмотрения трансформируется в возможность выбора шаблонных процессов (предзаданных сценариев) предусмотренных цифровой платформой. Соответственно, автономия воли приобретает процедурный характер, реализуясь через действия персоны-субъекта в полном соответствии с функционалом цифровой платформы.

Особое значение в данном контексте приобретает стадия предварительного взаимодействия субъекта с цифровой средой. Именно на этом этапе закладываются параметры допустимого поведения, включая согласие на обработку данных, правила участия в цифровых платформах. Таким образом, волеизъявление переносится с уровня конкретного действия на уровень принятия процедурных рамок, в пределах которых впоследствии осуществляется поведение. Это и является рамками воздействия цифровизации на субъектное волеизъявление. Указанные условия формируют новую цифровую среду, в которой автономия воли цифрового субъекта общественных отношений полностью не устраняется, но приобретает новые формы выражения и реализации.

Автор теории коллективной интенциональности М. Братман утверждает, что совместное действие требует особых обязательств «мы-интенции» и процедур согласования [Bratman, 2014, p. 17].

Иными словами, то, что в теории коллективной интенциональности описывается как условие возможности совместного действия, в публично-правовой плоскости воплощается в системе формальных требований к легитимности волеобразования государственных органов. Вместе с тем цифровая среда существенно модифицирует саму структуру этих процедур: электронное голосование, автоматизированные платформы общественного обсуждения и предиктивные модели принятия решений ставят под вопрос традиционные критерии осознанности, добровольности и подлинности субъектного волеизъявления в публичных правоотношениях. Для публично-правовой науки особый интерес представляет трансформация указанных процедур под влиянием цифровизации, поскольку именно они лежат в основе формирования и реализации коллективной воли в системе государственного управления. Существенное значение в условиях цифровой трансформации государственного управления приобретает изменение механизма формирования публичного волеизъявления. Если в классической модели публичного управления юридически значимая воля презюмировалась как результат реализации компетенции (властных полномочий) конкретного органа публичной власти, то цифровизация потенциально трансформирует данный процесс основываясь на реальной возможности одновременного участия множества субъектов.

Возможности цифровой платформы, таким образом, являются формой институционализации воли. К примеру, функциональные возможности государственной информационной платформы, фактически наряду с законом, институализируют волю субъекта информационных общественных отношений. Они задают рамки, внутри которых осуществляется поведение субъекта, приравнивая его волеизъявление к рамкам, которыми ранее было обеспечено только правомочие.

В этих условиях ключевое значение приобретает обеспечение баланса между эффективностью государственного управления и сохранением гарантий прав и свобод субъектов публичных общественных отношений.

Одним из возможных способов обеспечениия такого баланса является приведение в соответствие рамок функциональных возможностей информационных государственных платформ и прав граждан, закрепленных законодательно. В этих условиях ключевое значение приобретает обеспечение баланса между эффективностью государственного управления и сохранением гарантий прав и свобод субъектов публичных общественных отношений, а также унификация законодательства и понятийного аппарата информационного права. Актуальность решения данной задачи существенно возрастает в условиях цифровой трансформации публичного управления, поскольку цифровые платформы становятся не только технологическим инструментом взаимодействия государства и общества, но и средой реализации публично-правовых полномочий и субъективных прав. Переход Российской Федерации к концепции цифрового государственного управления, ориентированной на осуществление государственных функций и предоставление государственных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий, лишь подтверждает необходимость дальнейших научных исследований в данной сфере.

По замечанию М.И. Паршукова: «Сложившаяся в практике регулирования информационных отношений система понятий имеет преимущественно фрагментарный, бессистемный характер» [Паршуков, 2025, с. 59].

Однако, в условиях цифровизации общественных отношений данные процессы приобретают публично-правовое значение, поскольку цифровые платформы начинают выполнять функции, свойственные только государственным институтам власти.

Продолжая рассуждение в данном ключе, мы приходим к выводу, о том, что фиксацию процедур коллективного волеизъявления, распределение ролей участников, определение объема их полномочий, а также контроль за исполнением установленных правил также фиксируется цифровой платформой. Тем самым цифровая платформа потенциально становится средой, в которой нормативное регулирование уравнивается по силе с нормативно-правовым регулированием, и которая оказывает влияние на порядок и способы реализации прав и обязанностей субъектов.

Информационная система, таким образом выступая в роли безальтернативной процедуры и квазинормативной средой, выполняет функции:

– не связанного с правом, но безальтернативного алгоритма действий;

– распределения ролей и прав;

– механизма исполнения и назначения санкций.

В условиях цифровой трансформации государственного управления качественно изменяется не только форма осуществления государственного управления, но и сама природа юридически значимого волеизъявления. Если традиционная модель публичного управления исходила из непосредственного выражения воли участника правоотношения посредством

личного обращения, подписания документа либо совершения иных юридически значимых действий, то цифровая среда формирует принципиально иной механизм возникновения, фиксации и реализации воли. В современных условиях государство взаимодействует преимущественно не с физическим лицом как таковым, а с его цифровой репрезентацией, существующей в государственных информационных системах.

В.Б. Наумов констатирует: «Действительно, с развитием современных технологий цифровая информация позволяет формировать цифровой профиль личности, который может аккумулировать данные с рождения человека, образуя т.н. «цифровой двойник», последовательно пополняемый новыми данными. При этом в ходе своей жизнедеятельности лицо будет использовать различные цифровые сервисы и получать услуги при использовании различных общедоступных государственных и негосударственных цифровых платформ. Кроме того, данные о гражданине могут собирать в ходе действия многочисленных систем видеонаблюдения, идентификации и использования разнообразных Интернет-ресурсов. Это все технически позволяет составить цифровой профиль личности» [Наумов, 2020, с. 140].

Именно поэтому предметом публично-правового регулирования становится уже не только результат волевого акта, но и цифровая инфраструктура, в рамках которой происходит формирование, удостоверение, передача и последующая интерпретация юридически значимого волеизъявления. Подобная трансформация существенно усиливает пределы допустимого государственного воздействия на субъективное волеизъявление. Если ранее законодательство фокусировалось преимущественно на наличии либо отсутствии свободно выраженной воли субъекта общественных отношений, то цифровая среда предполагает нормативное регулирование всего комплекса информационно-технических условий, определяющих возможность возникновения такого волеизъявления. К таким условиям, которые перестают выполнять исключительно техническую функцию, мы с уверенностью относим: Идентификация личности; способы аутентификации; архитектура государственных информационных систем; алгоритмы обработки обращений; программные механизмы принятия решений; цифровые средства предоставления государственных услуг. Они становятся самостоятельными юридически значимыми элементами волевого акта, оказывающими непосредственное влияние на содержание и юридические последствия совершаемых субъектом действий.

Мы согласимся с И.В. Выдриным и А.С. Морозовой, утверждающими, что, в современный период возникает необходимость создания эффективных юридических механизмов, направленных на урегулирование различных правоотношений [Морозова, Выдрин, 2017, с. 124].

Волеизъявление физического лица в публичных общественных отношениях, выраженное через функционал цифровых государственных платформ, представляет собой результат взаимодействия человека, государственных информационных систем и механизмов обработки информации. Государство не только верифицирует уже сформированную волю физического лица, но и определяет условия, при которых такая воля становится юридически значимой, допустимой для обработки информационной системой и как следствие способной породить предусмотренные законом правовые последствия. Т.е. нормативному воздействию подвергается не только итоговое волеизъявление, но и вся цифровая среда его возникновения.

Подобная постановка вопроса требует переосмысления традиционного понимания публично- правовых пределов государственного управления при помощи информационных платформ. Содержание нормативно-правового регулирования государственного управления не

может ограничиваться установлением процедур совершения юридически значимых действий либо определением компетенции органов публичной власти. В условиях цифровой трансформации пределы нормативного регулирования приобретают функциональный (внешне-выраженный) характер и распространяются на способы проектирования цифровой среды. Это связано с тем, что именно особенности архитектуры государственных информационных систем (информационных платформ) предопределяют допустимые варианты поведения участников публичных правоотношений. Интерфейс информационных платформ фактически устанавливает последовательность действий лица, исключает отдельные варианты реализации его усмотрения, определяет объем доступных правомочий и фиксирует юридически значимые обстоятельства в заранее предусмотренном оцифрованном формате.

Особую актуальность приобретает вопрос о пределах допустимой цифровой трансформации государственного управления. Использование цифровых технологий объективно способствует повышению его эффективности, которое выражается в сокращении административных процедур и их унификации. Вместе с тем расширение сферы применения цифровых технологий неизбежно сопровождается постепенным сокращением допустимых возможностей субъективного усмотрения как со стороны органов власти, так и со стороны участников публичных правоотношений. При таких условиях программный код начинает выполнять нормативно-регулятивную функцию, оставаясь при этом вне системы источников нормативно-правового регулирования. В результате юридически значимое волеизъявление начинает формироваться в заранее заданных рамках, определяемых архитектурой, к примеру, государственной информационной системы, а не исключительно внутренним волевым решением субъекта.

Именно в этом проявляется одно из ключевых противоречий современной цифровой трансформации государственного управления. Государство, стремясь обеспечить предсказуемость, автоматизацию и единообразие административно-властных процедур, одновременно приобретает возможность косвенного воздействия на процесс формирования субъективного волеизъявления посредством установления условий его реализации по средствам цифровых технологий. Такое воздействие может не носить в себе характера прямого принуждения, однако способно существенно ограничивать вариативность поведения субъекта, определяя допустимые способы реализации принадлежащих ему публичных прав.

Следовательно, предметом публично-правового регулирования субъектного волеизъявления становится не только легитимность принятого административно-правового решения, но и допустимость самой модели формирования соответствующего волеизъявления в цифровой форме. Указанное обстоятельство позволяет сформулировать принципиально иной подход к определению публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления. Их содержание должно определяться не объемом государственного вмешательства в уже выраженную волю лица, а пределами допустимого воздействия государства на цифровые механизмы ее формирования, удостоверения, передачи и реализации. В противном случае существует риск подмены свободного волеобразования заранее запрограммированными моделями цифрового поведения, внешне сохраняющими признаки добровольности, но фактически обусловленными архитектурой государственных информационных систем. Т.е. публично-правовые пределы регулирования субъективного волеизъявления предлагается определять не через объем государственного воздействия на поведение субъекта, а через допустимые границы нормативного конструирования цифровой среды, внутри которой происходит формирование и реализация юридически значимого

волеизъявления. Как нам видится, перенос акцента с регулирования поведения на регулирование ввоздействия государства на цифровые механизмы формирования волеизъявления, отражает наличие необходимого вектора развития публичного права в этой части.

Это обусловливает необходимость установления публично-правовых требований к функционированию цифровых платформ, включая требования подотчетности операторов платформ, обеспечения контроля за автоматизированными решениями и защиты прав участников цифровой среды. В указанных условиях воля цифрового субъекта общественных отношений приобретает институциональный характер, поскольку формируется и реализуется в рамках процедур и правил, закрепленных цифровой платформой и обеспеченных механизмами контроля.

По мнению В.Б. Наумова: «Также, «по инерции» принимаются во внимание только достоинства и возможности организации удаленной идентификации лиц в информационном пространстве, но обходятся стороной технологический особенности решений, влияющих на природу правоотношений и игнорируются сформировавшиеся объективные угрозы. Это лишний раз подчеркивает необходимости признания института идентификации, что обеспечит единообразие правового регулирования» [Наумов, 2020, с. 139].

Изменение публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления в информационных общественных отношениях без прозрачной, предсказуемой и согласованной процедуры, при условии, если это технически возможно, представляет собой не просто обновление программного обеспечения, а нарушение преемственности права и идентичности. Субъект, чья автономия воли и действия были привязаны к конкретной версии правил, внезапно оказывается в новой нормативной реальности, с которой он не соглашался и которую не мог предвидеть.

Поддерживая позицию В.Б. Наумова по идентификации, считаем важным отметить здесь его позицию – «Правовое регулирование идентификации необходимо строить на основе системы специальных правовых принципов. Их содержание следует из анализа идентификации как информационного процесса, который детерминирован задачей получения достоверного результата, причем, достигнутого с соблюдением прав и интересов участвующих в идентификации лиц» [Наумов, 2020, с. 135].

Заключение

Мы приходим к выводу, что легитимность изменений публично-правовых пределов регулирования субъективного волеизъявления в информационных общественных отношениях должна обеспечиваться критериями правовой идентификации и узнаваемости.

В условиях цифровизации свойства цифровых платформ не должны подменять волеизъявление субъекта, ведь необходимо обеспечивать его формирование и реализацию в институционально упорядоченной форме. В этой связи представляется необходимым нормативное закрепление системы регулятивных принципов, направленных на согласование технологических процедур с требованиями публично-правового регулирования и гарантиями прав и свобод.

Цифровые механизмы не устраняют волеизъявление субъекта, однако существенно трансформируют условия его формирования и реализации в цифровой среде. В зависимости от архитектуры цифровой платформы они способны как обеспечивать прозрачность и

предсказуемость правового взаимодействия, так и ограничивать возможности самостоятельного принятия решений участниками общественных отношений.

Правовой статус субъекта информационных общественных отношений в условиях цифровой трансформации приобретает дуальную природу, участвуя в правоотношениях одновременно в физической и цифровой среде. Информационные платформы заранее закладывают предел допустимого субъективного волеизъявления. Таким образом, волеизъявление переносится с уровня конкретного действия на уровень принятия процедурных рамок, в пределах которых полнота правореализации зачастую ограничена. Это обусловливает необходимость разработки правовых механизмов обеспечения и фиксации публично-правового статуса информационных общественных отношений, возникающих в цифровой среде, непосредственно в сфере действия публичного права.

Во многих случаях получение доступа к цифровым сервисам оказывается обусловлено предоставлением гражданином своих персональных данных, вследствие чего отказ от их передачи фактически исключает возможность использования соответствующих информационных ресурсов. Подобная практика свидетельствует о необходимости формирования более эффективных публично-правовых механизмов, обеспечивающих баланс между развитием цифровых технологий и защитой прав личности.

В этих условиях ключевой задачей публично-правового регулирования становится создание правовых гарантий, обеспечивающих прозрачность и подотчетность операторов цифровых платформ и защиту прав участников цифрового взаимодействия. Особое значение приобретает способность права определять пределы допустимого воздействия цифровой трансформации на процессы субъективного волеизъявления в сфере государственного управления.

Библиография

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
2. Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/28653 (дата обращения: 12.07.2026).
3. Морозова А. С., Выдрин И.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 123-131.
4. Наумов В.Б. Институализация идентификации в информационном праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 136-142.
5. Наумов В.Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 137-141.
6. Наумов В.Б. Научные подходы к классификации видов правовой идентификации в информационных правоотношениях // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 104-115.
7. Наумов В.Б. Перспективные направления развития института идентификации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 132-137.
8. Наумов В.Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Мировоззренческие аспекты информационной безопасности в условиях цивилизационных противоречий: Монография. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. С. 182-194.
9. Наумов В.Б. Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 4-8.
10. Паршуков М.И. Понятийный аппарат информационного права в судебной и административной практике контрольно-надзорных органов // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 4 (53). С. 57-68.
11. Полякова Т.А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 53-58.
12. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях

цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75-87.
13. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97-108.
14. Рыжов В.Б. Информационная безопасность в государствах Европейского союза: к постановке проблемы // Представительная власть – XXI век. 2018. № 4. С. 8-12.
15. Шинкарецкая Г.Г. Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обеспечении устойчивого развития человеческого общества // Право и управление. 2023. № 9. С. 152-158.
16. Шинкарецкая Г.Г., Берман А.М. Цифровизация государственного управления (сравнительно-правовой анализ) // Образование и право. 2020. № 8. С. 216-223.
17. Bratman M. Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together. Oxford: Oxford University Press, 2014. 219 p.
18. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. xix, 357 p.

Public-Law Limits of Regulating Subjective Expression of Will in the Context of the Digital Transformation of Public Administration

Lev A. Korbat

Postgraduate Student,
Information Law Sector of the Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences,
119019, 10, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nicegoodfela@gmail.com

Abstract

The article examines the change in the subjective expression of will of the subject of information social relations in the context of the digital transformation of the public administration system of the Russian Federation. Digitalization, acting as a universal phenomenon, and therefore being an indisputable factor of change in modern society, has a significant impact, among other things, on law, including a rethinking of the categories of subjectivity and legal behavior. The study is largely theoretical and methodological in nature and is based on the analysis of fundamental works in the field of general theory of law, administrative law, and information law. For the development and updating of work on digital transformation as the basis of information law, general scientific methods (induction and deduction, analysis and synthesis, analogy, concretization, generalization, problem statement and its solution taking into account scientific facts) and dialectical methods of cognition were applied. Within the framework of this study, particular scientific methods of scientific cognition of social-legal phenomena and processes were also used (the formal-legal method, the philosophical-legal method, the method of interpretation of legal norms, the comparative-legal method, the technical-legal method). An analysis of normative legal acts in the sphere under study was also carried out. The significance of further work on the public-law limits of regulating subjective expression of will in the context of the digital transformation of public administration is seen as substantial, including because the innovations that digital transformation introduces into this topic have so far been insufficiently studied. It is proposed to determine the public-law limits of regulation not through the volume of state influence on the subject's behavior, but through the permissible boundaries of the normative construction of the digital environment, within which the formation and implementation of legally significant expression of will takes place.

The conducted research confirms the necessity of improving public-law regulation of subjective expression of will in the context of digital transformation, aimed at increasing the effectiveness of law enforcement activity in the sphere under study.

For citation

Korbat L.A. (2026) Publichno-pravovye predely regulirovaniya sub"ektivnogo voleiz"yavleniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii gosudarstvennogo upravleniya [Public-Law Limits of Regulating Subjective Expression of Will in the Context of the Digital Transformation of Public Administration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 268-281. DOI: 10.34670/AR.2026.79.39.030

Keywords

Digital transformation, public-law regulation, state information systems, expression of will, digital platforms.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. No. 203 "Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody" [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 9 May 2017 "Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. (2017). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 15.05.2017, No. 20, Art. 2901.
2. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF No. 1632-r ot 28.07.2017 g. "Ob utverzhdenii programmy 'Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii'" [Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-r of 28.07.2017 "On Approval of the Programme 'Digital Economy of the Russian Federation'"]. (2017). *Pravitel'stvo Rossii*. Available at: http://government.ru/docs/28653 (accessed: 12.07.2026).
3. Morozova A.S., Vydrin I.V. (2017). Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v obespechenii yedinstva sudebnoy praktiki [Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Ensuring the Unity of Judicial Practice]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2(48), 123-131.
4. Naumov V.B. (2020). Institualizatsiya identifikatsii v informatsionnom prave [Institutionalisation of Identification in Information Law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 8(188), 136-142.
5. Naumov V.B. (2020). Informatsionno-pravovyye voprosy identifikatsii pri ispol'zovanii tsifrovogo profilya [Information-Legal Issues of Identification in the Use of a Digital Profile]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo*, 6(186), 137-141.
6. Naumov V.B. (2016). Nauchnyye podkhody k klassifikatsii vidov pravovoy identifikatsii v informatsionnykh pravootnosheniyakh [Scientific Approaches to the Classification of Types of Legal Identification in Information Legal Relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 3, 104-115.
7. Naumov V.B. (2020). Perspektivnyye napravleniya razvitiya instituta identifikatsii [Promising Directions for the Development of the Institute of Identification]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 9(189), 132-137.
8. Naumov V.B. (2025). Pravo na otkaz ot tsifrovykh tekhnologiy v sfere iskusstvennogo intellekta [The Right to Refuse Digital Technologies in the Sphere of Artificial Intelligence]. In *Mirovozzrencheskiye aspekty informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh tsivilizatsionnykh protivorechiy: Monografiya* [Worldview Aspects of Information Security in the Context of Civilisational Contradictions: Monograph] (pp. 182-194). Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet im. V.F. Yakovleva.
9. Naumov V.B. (2020). Teoreticheskiye informatsionno-pravovyye voprosy identifikatsii v tsifrovoy sfere [Theoretical Information-Legal Issues of Identification in the Digital Sphere]. *Informatsionnoye pravo*, 4, 4-8.
10. Parshukov M.I. (2025). Ponyatiynyy apparat informatsionnogo prava v sudebnoy i administrativnoy praktike kontrol'no-nadzornykh organov [Conceptual Apparatus of Information Law in Judicial and Administrative Practice of Control and Supervisory Bodies]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye*, 4(53), 57-68.
11. Polyakova T.A. (2020). Vliyaniye tsifrovoy transformatsii na razvitiye informatsionnogo prava: tendentsii, problemy, perspektivy [The Impact of Digital Transformation on the Development of Information Law: Trends, Problems, Prospects]. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2(35), 53-58.
12. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. (2020). Novyye vektory razvitiya informatsionnogo prava v usloviyakh tsivilizatsionnogo krizisa i tsifrovoy transformatsii [New Vectors of Information Law Development in the Context of Civilisational Crisis and Digital Transformation]. *Gosudarstvo i pravo*, 5, 75-87.
13. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. (2021). Razvitiye nauki informatsionnogo prava i pravovogo

obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti: formirovaniye nauchnoy shkoly informatsionnogo prava (proshloye i budushcheye) [Development of the Science of Information Law and Legal Support of Information Security: Formation of the Scientific School of Information Law (Past and Future)]. *Gosudarstvo i pravo*, 12, 97-108.
14. Ryzhov V.B. (2018). Informatsionnaya bezopasnost' v gosudarstvakh Yevropeyskogo soyuza: k postanovke problemy [Information Security in the States of the European Union: Towards a Statement of the Problem]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek*, 4, 8-12.
15. Shinkaretskaya G.G. (2023). Rol' informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy (IKT) v obespechenii ustoychivogo razvitiya chelovecheskogo obshchestva [The Role of Information and Communication Technologies (ICT) in Ensuring Sustainable Development of Human Society]. *Pravo i upravleniye*, 9, 152-158.
16. Shinkaretskaya G.G., Berman A.M. (2020). Tsifrovizatsiya gosudarstvennogo upravleniya (sravnitel'no-pravovoy analiz) [Digitalisation of Public Administration (Comparative Legal Analysis)]. *Obrazovaniye i pravo*, 8, 216-223.
17. Bratman M. (2014). *Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together*. Oxford University Press.
18. Floridi L. (2013). *The Ethics of Information*. Oxford University Press.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.73 **DOI: 10.34670/AR.2026.78.63.067**

Правовое регулирование публичной финансовой деятельности Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: проблема системности правового режима

Шахов Даниил Владимирович

Аспирант,
Департамент международного и публичного права Юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;
e-mail: d.shakhov@example.ru

Аннотация

Цифровые институты публичных финансов — государственные информационные системы бюджетного процесса, цифровые платформы фискального администрирования, цифровой рубль, цифровые платёжные системы, автоматизированные процедуры финансового контроля — рассматриваются в статье не как набор разнородных технологических новелл, а как единое правовое явление с общим для всех блоков публичной финансовой деятельности кругом проблем. Распространённому в литературе взгляду на цифровизацию как на смену парадигмы финансовой деятельности государства противопоставлен тезис о сохранении её публично-правовой сущности: качественно меняются параметры — субъектный состав, объекты, инструменты и принципы правового регулирования. Даны авторские определения цифровой трансформации публичной финансовой деятельности и «алгоритмически опосредованного» фискального контроля. Сквозной и до сих пор не разрешённой остаётся проблема правового режима алгоритмической оценки: и в налоговом администрировании, и в бюджетном контроле результат работы алгоритма влечёт для обязанного лица неблагоприятные последствия, а процессуальной формы его оспаривания нет. Статья завершается комплексом предложений по совершенствованию бюджетного, налогового и информационного законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Шахов Д.В. Правовое регулирование публичной финансовой деятельности Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: проблема системности правового режима // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 282-298. DOI: 10.34670/AR.2026.78.63.067

Ключевые слова

Публичная финансовая деятельность, цифровая трансформация, финансовое право, экспериментальные правовые режимы, «Электронный бюджет», цифровые платформы, фискальное администрирование, цифровой рубль, национальная платёжная система, государственный финансовый контроль, риск-ориентированный подход, алгоритмическая оценка.

Введение

Цифровая трансформация публичного управления закреплена в системе стратегического планирования Российской Федерации в качестве национальной цели [Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309, 2024]. В сфере публичных финансов её материальное выражение измеримо: за период 2019–2030 годов на реализацию федерального проекта «Цифровое государственное управление» из федерального бюджета направлено 894,9 млрд руб., из которых расходы на цифровизацию за 2019–2024 годы составили 380 млрд руб.

Состояние научной разработанности темы характеризуется существенной асимметрией. Отдельные проявления цифровизации публичных финансов исследованы в трудах: бюджетно-правовой блок — в работах Н. А. Поветкиной, Р. Е. Артюхина, О. В. Болтиновой [Поветкина, Артюхин, Демидов, 2021; Болтинова, 2021], валютно-правовой — в работах Л. Г. Ефимовой, Е. Б. Лаутс, Т. Э. Рождественской и А. Г. Гузнова, контрольно-правовой — в работах И. О. Антропцевой, Э. А. Исаева, А. И. Лукашова; предпринимались и обобщающие исследования [Цифровой контур публичных финансов и право, 2022; Финансовое право в условиях развития цифровой экономики, 2019]. Тем не менее эти работы выполнены преимущественно в границах обособленных институтов финансового права, вследствие чего остаётся без ответа вопрос, имеющий принципиальное доктринальное значение: является ли наблюдаемая совокупность изменений набором разнородных технологических новелл либо проявлением единой закономерности, затрагивающей публичную финансовую деятельность как целостное правовое явление.

Выдвигаемый тезис состоит в том, что цифровые институты публичных финансов порождают общий для всех блоков публичной финансовой деятельности круг правовых проблем, ядром которого выступает отсутствие правового режима алгоритмической оценки. Доказательство этого тезиса требует последовательного рассмотрения всех четырёх составляющих публичной финансовой деятельности — общетеоретической, бюджетно-правовой, налогово-правовой и валютно-правовой — и завершается анализом контрольного блока, где эта проблема видна острее всего.

Цифровая трансформация публичной финансовой деятельности: понятие и пределы изменений

Действующее законодательство не содержит легального определения цифровой трансформации применительно к сфере публичных финансов. Стратегические документы [Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203, 2017; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309, 2024] оперируют этим понятием как целевым ориентиром, не раскрывая его юридического содержания, вследствие чего правовое регулирование выстраивается вокруг категории, не определённой в терминах права.

С учётом изложенного предлагается следующее определение. Цифровая трансформация публичной финансовой деятельности — это качественное, системное преобразование властной деятельности уполномоченных государственных и муниципальных органов по формированию, распределению и использованию публичных денежных фондов и осуществлению финансового контроля, реализуемое посредством глубокой цифровизации и перепроектирования управленческих процессов, институциональных структур и компетентностной среды на основе технологий нового поколения (искусственного интеллекта, больших данных, цифровых

платформ и иных), направленное на повышение прозрачности, результативности и инклюзивности принятия финансовых решений, а также на вовлечение общественности в бюджетный процесс в целях достижения публичного интереса. Предлагаемое определение сознательно отграничивает цифровую трансформацию от оцифровки: последняя означает перевод существующих процессов в электронную форму без изменения их содержания, тогда как трансформация предполагает перепроектирование самих процессов.

Ключевым является вопрос о пределах происходящих изменений. В литературе получило распространение представление о цифровизации как о факторе, меняющем парадигму финансовой деятельности государства. Эта позиция представляется неточной. Классическое учение о финансовой деятельности государства, разработанное Э. Д. Соколовой и Ю. Л. Смирниковой [Соколова, 2008; Смирникова, 2012], выделяет в качестве её конституирующих признаков публично-властный характер, целевую направленность на реализацию публичного интереса, системность и плановость, денежный характер и нормативную опосредованность. Проверка каждого из них в цифровой среде не обнаруживает утраты ни одного: деятельность по аккумулированию, распределению и использованию публичных денежных фондов сохраняет характер деятельности, осуществляемой от имени и в интересах публично-правового образования, а её плановая основа не только сохраняется, но и усиливается — паспорта государственных программ переведены в машиночитаемый формат [Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786, 2021] и приобрели свойства исполнимого в информационной системе объекта.

Следовательно, речь идёт не о смене парадигмы, а о качественной трансформации параметров публичной финансовой деятельности, которая может быть сведена к четырём позициям.

Во-первых, изменяется субъектный состав. К органам публичной власти добавились операторы цифровых платформ и государственных информационных систем: на них возлагают публично-правовые обязанности, им передают отдельные публичные полномочия. Показательнее всего здесь статус Банка России как оператора платформы цифрового рубля и статус кредитных организаций — участников платформы. Последовательного решения о правовой природе такого участия законодательство не даёт: оно не укладывается ни в делегирование публичных полномочий, ни в возложение публичной обязанности на частный субъект.

Во-вторых, расширяется круг объектов финансово-правовых отношений. В него вошли цифровые финансовые активы [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, 2020], а также цифровой рубль — третья форма национальной валюты, чей государственно-правовой статус задан императивными нормами финансового права [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, 2023; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ, 2023].

В-третьих, изменяется инструментарий правореализации: смарт-контракты, алгоритмические решения и автоматизированные процедуры начисления и взыскания обязательных платежей замещают традиционные формы, основанные на документарном волеизъявлении. Юридическая значимость электронных документов обеспечена законодательно [Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ, 2011], однако правовая квалификация автоматически генерируемых решений остаётся неопределённой — и именно здесь возникает проблема, сквозная для всей статьи.

В-четвёртых, трансформируются принципы правового регулирования и формируется технологический уровень правового воздействия. Наряду с классическими финансово-

правовыми методами появляются технологические регуляторы — обязательные требования к информационным системам, форматам данных, алгоритмам и платформам. Развивая наблюдение Е. Г. Беликова о трансформации финансово-правовых принципов в цифровой экономике [Беликов, 2020], следует уточнить: изменяются не только принципы, но и способ их нормативного выражения — принцип начинает реализовываться через техническое требование к системе. Это порождает самостоятельную проблему соотношения подзаконного технического регулирования с законодательными гарантиями прав участников финансовых правоотношений; к ней статья возвращается в разделах 4 и 6.

Промежуточный вывод: цифровая трансформация не изменяет публично-правовую сущность финансовой деятельности государства, но качественно преобразует её параметры. Методологическое значение этого вывода состоит в том, что возникающие цифровые институты подлежат оценке по критериям, выработанным наукой финансового права, а не по автономным основаниям.

Экспериментальные правовые режимы: пределы пригодности института для финансовой сферы

Цифровая трансформация ставит законодателя перед типичной дилеммой: преждевременное закрепление незрелой технологии консервирует неоптимальное решение, а запоздалое оставляет отношения без правовой основы. Институциональным ответом стали экспериментальные правовые режимы (далее — ЭПР) [Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ, 2020].

Чаще всего ЭПР описывают в доктрине через категорию «регулятивной песочницы». Их соотношение с базовым регулированием О. А. Тарасенко определяет так: «по отношению к базовому правовому регулированию экспериментальный правовой режим имеет надстроечный характер, поскольку он характеризуется неполнотой качественных характеристик» [Тарасенко, 2023]. Характеристика точная, но неполная: надстроечность свойственна и специальным правовым режимам, а они при высокой нормативной определённости по общему правилу отступления от общеобязательных предписаний не предполагают. Видовое отличие ЭПР даёт как раз допустимость такого отступления, а не надстроечность сама по себе.

С учётом сказанного предлагается выделять совокупность квалифицирующих признаков ЭПР: 1) временный и территориально или субъектно ограниченный характер действия; 2) допустимость отступления от отдельных норм публичного финансового законодательства; 3) плановый, а не кризисный характер введения, целенаправленный на последующую нормотворческую инкорпорацию апробированных норм; 4) обязательный надзор уполномоченного органа и мониторинг результатов как условие признания эксперимента состоявшимся. Содержание последнего признака раскрывает Н. А. Дмитрик, указывая, что надзор предполагает не просто административный контроль, но активную обратную связь и возможность корректировать экспериментальные правила в ходе их применения [Дмитрик, 2020]. Совокупность названных признаков позволяет квалифицировать ЭПР как особую организационно-правовую форму управления нормотворческими рисками, отличную от экстраординарного законодательства (плановым характером и отсутствием чрезвычайного основания), от правового эксперимента в широком смысле (обязательностью надзорного сопровождения) и от специальных правовых режимов (допустимостью отступления). Сопоставление ЭПР со смежными правовыми институтами по каждому из названных признаков

приведено в таблице 1.

Таблица 1 - Разграничение экспериментального правового режима и смежных правовых институтов

Признак	Экспериментальный правовой режим	Специальный правовой режим	Экстраординарное законодательство	Правовой эксперимент (в широком смысле)
Срок действия	Ограничен, устанавливается программой режима	Как правило, не ограничен	Ограничен периодом действия чрезвычайных обстоятельств	Может быть ограничен условиями эксперимента
Круг субъектов и территория	Ограничен участниками режима и (или) территорией его действия	Определён общими признаками субъектов	Определён территорией действия особого положения	Определён условиями эксперимента
Отступление от норм законодательства	Допускается при наличии закона-спутника	По общему правилу не допускается	Допускается	Не предполагается
Основание введения	Плановое, в целях апробации регулирования	Плановое, в целях постоянного специального регулирования	Кризисное — наступление чрезвычайных обстоятельств	Плановое, в целях проверки научной гипотезы
Надзор и мониторинг результатов	Обязательны; условие признания эксперимента состоявшимся	Не являются конституирующим признаком	Не являются конституирующим признаком	Возможны, но не обязательны
Целевая направленность	Нормотворческая инкорпорация апробированных норм	Постоянное регулирование обособленной сферы	Преодоление кризисной ситуации	Получение научного результата

Практика применения Федерального закона № 258-ФЗ раскрыла системные ограничения. Первоначальная редакция распространяла режим только на цифровые инновации, что мешало унифицировать подход, а механизм «закона-спутника» [Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ, 2021] ставил изменение или исключение норм федерального законодательства в рамках программы ЭПР в зависимость от отдельного федерального закона — оперативность режима от этого резко падала. Не было и стабилизационной оговорки: сохранение условий реализации ЭПР при принятии противоречащих актов закон не гарантировал. Наконец, после доработки инициаторы подавали весь пакет документов заново, а при числе инициаторов свыше двадцати это уже существенная нагрузка. Федеральный закон от 8 июля 2024 г. № 169-ФЗ часть этих недоработок устранил.

Для сферы публичной финансовой деятельности сохраняется принципиальная проблема: ни Федеральный закон № 258-ФЗ, ни Бюджетный кодекс Российской Федерации не определяют допустимые пределы отступления от норм бюджетного и налогового законодательства в рамках ЭПР. Показательно, что два наиболее значимых финансовых эксперимента последних лет реализованы вне правового поля данного закона: специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ, 2018] введён самостоятельным федеральным законом об эксперименте, а эксперимент по партнёрскому финансированию [Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ, 2023] — отдельным правовым

актом, что отмечает Г. Ф. Ручкина [Ручкина, 2024]. Систематическое уклонение законодателя от использования общего механизма ЭПР в финансовой сфере следует расценивать не как случайность, а как признак его недостаточной пригодности для отношений, объектом которых выступают средства публичных денежных фондов.

Вывод: институт ЭПР нуждается в специализации. Целесообразно закрепить в Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации перечень институтов, в отношении которых допускается установление экспериментальных правовых режимов, а также обязательные требования к содержанию программы эксперимента в части защиты публичного имущественного интереса — прежде всего предельный объём средств, вовлекаемых в эксперимент, и порядок возмещения потерь бюджета при его неудачном завершении.

«Электронный бюджет»: от информационной системы к источнику юридически значимых данных

Государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» [Бюджетный кодекс РФ, ст. 165; Постановление Правительства РФ от 30.06.2015 № 658, 2015] прошла путь от вспомогательного учётного инструмента до среды, в которой бюджетный процесс фактически осуществляется; введение единых стандартов информационного обмена [Федеральный закон от 03.08.2018 № 158-ФЗ, 2018] ознаменовало переход к качественно новому уровню интеграции бюджетных процедур.

В функциональном отношении в системе выделяются информационно-учётные, контрольно-надзорные, координационные и программно-плановые правовые функции. Масштаб реализуемого через неё контрольного потенциала характеризуется данными Официального портала государственного и муниципального финансового аудита: в 2024 году проведено 3 423 контрольных мероприятия, выявлено 9 666 нарушений на сумму 189 млрд руб [Официальный портал государственного и муниципального финансового аудита, 2026].

О. В. Болтинова рассматривает цифровизацию бюджета преимущественно в аспекте повышения эффективности бюджетного процесса [Болтинова, 2021], К. И. Брыкин — в аспекте реализации принципа прозрачности [Брыкин, 2018], Г. В. Морунова, В. А. Федосов и А. С. Салтыков — в аспекте развития информационных систем бюджетного процесса [Морунова, Федосов, Салтыков, 2025]. Каждый из этих подходов верен, но все они рассматривают систему как инструмент. Представляется, что произошло качественное изменение: «Электронный бюджет» приобрёл статус официального источника юридически значимых данных бюджетного процесса, порождающего новые субъективные права и юридические обязанности его участников — обязанность постоянного ведения учёта в цифровой среде и расширенные полномочия органов финансового контроля по дистанционному мониторингу. Данные системы приобретают доказательственное значение при разрешении бюджетных споров, что качественно отличает их от сведений вспомогательных информационных ресурсов. Одновременно система придаёт базовым принципам бюджетного права — единству бюджетной системы, гласности, достоверности бюджета — технологически обусловленное содержание, превращая их из преимущественно декларативных установок в действующие стандарты онлайн-управления публичными финансами.

Правовое регулирование, однако, за этим изменением не последовало. С. А. Савостьянова обоснованно указывает на необходимость совершенствования бюджетного законодательства путём его дополнения положениями, регламентирующими цифровизацию бюджетной

экосистемы [Савостьянова, 2025]. Соглашаясь с постановкой вопроса, следует, тем не менее, возразить против ограничения задачи регламентацией процедур: проблема не в отсутствии описания процедур, а в неопределённости правового статуса данных. Анализ позволяет выделить четыре нормативных дефицита.

Дефицит обязательности: Бюджетный кодекс Российской Федерации не содержит нормы, прямо устанавливающей, что совершение бюджетной операции вне «Электронного бюджета» не влечёт правовых последствий, вследствие чего юридическая сила данных системы выводится из подзаконных актов.

Дефицит безопасности: требования к защите обрабатываемой информации устанавливаются на основании законодательства об информации [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, 2006], однако специальные гарантии сохранности юридически значимых бюджетных данных — порядок восстановления сведений при технологическом сбое и распределение ответственности за их утрату — в бюджетном законодательстве отсутствуют.

Дефицит интеграции: правовое обеспечение взаимодействия «Электронного бюджета» с налоговыми информационными системами, единой информационной системой в сфере закупок и платформой цифрового рубля носит фрагментарный характер.

Дефицит технологического регулирования: правовой статус результатов автоматизированной обработки данных, права участников бюджетного процесса на их проверку и оспаривание, а также требования к алгоритмам нормативно не определены. Этот дефицит — частное проявление сквозной проблемы статьи.

Преодоление названных дефицитов требует включения в Бюджетный кодекс Российской Федерации самостоятельной главы «Информационное обеспечение бюджетного процесса», закрепляющей правовой статус государственных информационных систем в бюджетной сфере, юридическую силу содержащихся в них данных, обязательность их использования при совершении бюджетных операций и гарантии прав участников бюджетного процесса при технологических сбоях и автоматизированной обработке данных.

Цифровые платформы в фискальном администрировании: «алгоритмически опосредованный» контроль

Налоговое администрирование — сфера, в которой цифровые платформы получили наиболее полное внедрение. Система автоматизированного контроля налога на добавленную стоимость, механизм онлайн-передачи фискальных данных [Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ, 2003], мобильное приложение «Мой налог» в рамках специального налогового режима, единый налоговый счёт образуют взаимосвязанную инфраструктуру. Её масштаб: по состоянию на апрель 2025 года зафиксировано свыше 3,7 млн аппаратов контрольно-кассовой техники, через которые ежедневно проводится более 220 млн операций; в рамках налога на профессиональный доход в 2023 году уплачено 63 млрд руб. при совокупной выручке самозанятых 1,3 трлн руб., а в 2025 году их совокупный доход превысил 3 трлн руб., увеличившись на 38,6 %; применение информационных систем Федеральной налоговой службы позволило предотвратить потерю 83 млрд руб. бюджетных доходов.

Эти показатели служат основанием для преимущественно позитивных оценок цифровизации фискального администрирования, характерных как для отечественной [Алимбекова, Меньков, 2023], так и для зарубежной литературы: в докладе Международного валютного фонда «Digital Revolutions in Public Finance» рост налоговых поступлений от

обязательного электронного декларирования оценивается в среднем до 5 % ВВП [Digital Revolutions in Public Finance, 2017]. Существенно, что в том же докладе подчёркивается: цифровизация сама по себе не гарантирует роста поступлений без сопутствующих институциональных преобразований и обеспечения правовых гарантий. Отечественная дискуссия эту часть вывода в основном обходит, сосредоточиваясь на показателях собираемости.

Для юридической квалификации складывающихся отношений нужна самостоятельная категория. Предлагается называть их «алгоритмически опосредованным» фискальным контролем — особым типом налогово-контрольных отношений, где юридически значимое воздействие на налогоплательщика идёт через результат работы алгоритма, а не через непосредственный властный акт должностного лица. От традиционного налогового контроля эта конструкция отличается рассредоточенностью властного волеизъявления: решение о контрольном мероприятии принимает должностное лицо, но фактическим основанием служит машинно сформированный индикатор риска, юридический статус которого не определён.

Механизм двойствен. Технологически он эффективен: контроль масштабируется, транзакционные издержки снижаются, собираемость обязательных платежей растёт, а дистанционный анализ сокращает объём выездных проверок. Институционально и нормативно он, напротив, не определён — и неопределённость эта проявляется в трёх аспектах.

Первый — фактический перенос бремени доказывания на налогоплательщика посредством алгоритмически генерируемых индикаторов риска. Получив автоматически сформированное требование о представлении пояснений, обязанное лицо вынуждено опровергать вывод системы, тогда как основания его формирования ему недоступны. Это вступает в напряжение с презумпцией добросовестности налогоплательщика и с правилом пункта 5 статьи 82 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которому доказывание обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 54.1 Кодекса, производится налоговым органом [Налоговый кодекс РФ, п. 5 ст. 82, 2017].

Второй — придание ненормативным технологическим решениям правозначимых последствий. Порядок работы конкретных модулей информационных систем устанавливается постановлениями Правительства Российской Федерации и приказами Федеральной налоговой службы, которые определяют технологию, но не правовой статус формируемых ею результатов, права субъектов на ознакомление с ними и порядок их оспаривания.

Третий — отсутствие процессуальных гарантий при автоматизированном принятии решений, в том числе права на пересмотр алгоритмического результата с участием должностного лица. Здесь уместно указать на сравнительно-правовой ориентир: законодательство о персональных данных Европейского союза закрепляет право лица не быть объектом решения, основанного исключительно на автоматизированной обработке, и право требовать участия человека в его принятии [Регламент (ЕС) 2016/679, ст. 22, 2016]. Российское финансовое законодательство аналогичной гарантии не содержит, хотя объём автоматизированного воздействия на налогоплательщика в отечественной практике существенно выше.

Отмеченные проблемы носят не технический, а конституционно-правовой характер, поскольку затрагивают гарантии государственной и судебной защиты прав (статьи 45, 46 Конституции Российской Федерации). Их разрешение предполагает закрепление в Налоговом кодексе Российской Федерации: понятия автоматизированной контрольной процедуры и перечня её видов; правового статуса результата автоматизированной обработки данных как

сведения, подлежащего проверке, но не обладающего преюдициальным значением; права налогоплательщика на получение информации об основаниях отнесения его к категории риска и на пересмотр автоматизированного решения должностным лицом налогового органа.

Цифровой рубль и цифровые платёжные системы: спор о правовой природе и его практические следствия

Введение цифрового рубля [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, 2023; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ, 2023] и последующее развитие его правового режима [Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П, 2023; Указание Банка России от 12.07.2024, 2024] образуют наиболее значимую новеллу валютно-правового блока. Ключевые параметры режима: цифровой рубль отнесён к форме национальной валюты наряду с наличными и безналичными денежными средствами; оператором платформы выступает Банк России; участие в платформе опосредуется кредитными организациями.

Правовая природа цифрового рубля — предмет активной дискуссии. Е. Б. Лаутс указывает на неправомерность его отождествления с «цифровой валютой» в понимании Федерального закона 2020 года и на правовые риски отнесения его к безналичным денежным средствам [Лаутс, 2024]. Ю. В. Леднева обращает внимание на специфику режима, обусловленную прямым обязательственным характером требований к Центральному банку, что отличает цифровой рубль от безналичных денежных средств [Леднева, 2024]. Ю. А. Крохина обосновывает классификационный критерий разграничения цифровых форм денег [Крохина, 2024], Н. Г. Андрианова квалифицирует цифровой рубль как вид цифровой валюты центрального банка [Андрианова, 2024], Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов приходят к выводу о незавершённости его правового регулирования [Рождественская, Гузнов, 2024]. Общим для перечисленных позиций является то, что все они разрешают вопрос в системе координат «форма денег»: спор ведётся о том, к какой разновидности денежных средств относится цифровой рубль.

Представляется, что эта система координат недостаточна. Цифровой рубль выступает не только как форма национальной валюты, но и как инструмент публичной финансовой деятельности, используемый для реализации фискальных, контрольных и бюджетно-управленческих задач государства. Технологические свойства цифрового рубля — программируемость и прослеживаемость — имеют прямое финансово-правовое значение: они позволяют обеспечить целевое расходование бюджетных средств на уровне самой денежной единицы, а не посредством последующего контроля. Именно этот аспект, а не отраслевая принадлежность конструкции, определяет его значение для публичной финансовой деятельности. Близкую по направленности мысль высказывает А. А. Недров, отмечая, что реализация бюджетно-финансового потенциала цифровой валюты требует не технической интеграции, а нормативно предписанного перехода от формального учёта [Недров, 2026].

Нормативное оформление этого потенциала уже началось. Федеральным законом от 31 июля 2025 г. Банк России наделён полномочиями по обслуживанию счёта цифрового рубля Федерального казначейства и предоставлению услуг на платформе без взимания платы; с 1 января 2026 года расходы федерального бюджета могут осуществляться с использованием цифрового рубля без ограничения конкретным перечнем [Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ, 2025]; в июне 2026 года утверждён порядок информационного взаимодействия оператора платформы и кредитных организаций с налоговыми органами в целях исполнения

поручений о взыскании задолженности, чем завершено встраивание цифрового рубля в механизм принудительного исполнения налоговой обязанности.

Правовое обеспечение при этом не завершено и межотраслево рассогласовано: нормы о статусе цифрового рубля, порядке работы платформы и особенностях его применения в налоговых и бюджетных правоотношениях разбросаны по разным актам и во внутренне согласованный режим не складываются. Больше всего недостаёт регулирования смарт-контрактов применительно к бюджетным правоотношениям — не определены ни правовая природа смарт-контракта как формы исполнения бюджетного обязательства, ни порядок его изменения и расторжения, ни последствия некорректного исполнения. По сути это та же проблема, что и с алгоритмической оценкой: программный код порождает юридические последствия, не имея правового статуса.

Правовое регулирование цифровых платёжных систем [Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ, 2011; Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ, 2002] отражает становление особого межотраслевого механизма цифрового денежного обращения. Его масштаб: по итогам 2024 года через Систему быстрых платежей совершено более 13,4 млрд операций на сумму 69,5 трлн руб.; общий объём выпусков цифровых прав за 2022–2025 годы составил 2,31 трлн руб. Развивая выводы Е. Г. Хоменко о финансово-правовом регулировании национальной платёжной системы [Хоменко, 2017] и Л. Г. Ефимовой о цифровых банковских расчётах [Ефимова, 2025], следует заключить, что платёжная инфраструктура перестаёт быть вспомогательным техническим элементом банковского рынка и приобретает качество самостоятельной юридически значимой среды реализации как частных имущественных обязательств, так и публичной финансовой деятельности государства. Механизм этот соединяет банковское, платёжное, информационное и надзорное регулирование, институционально замкнут на Банк России, сводит государственные, банковские и небанковские платёжные сервисы в единое цифровое пространство расчётов и обслуживает разные по правовой природе модели движения денежных средств, включая специальные режимы партнёрского финансирования. Публично-правовое измерение этой среды усиливается антиотмывочным регулированием [Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ, 2001]: законодатель рассматривает платёжную инфраструктуру как объект публичного финансового надзора, а не только как сферу частноправовых расчётов. Здесь наиболее отчётливо проявляется соотношение публично-правового и частноправового регулирования — одна и та же технологическая среда одновременно обслуживает исполнение гражданско-правовых денежных обязательств и реализацию властных полномочий государства.

Государственный финансовый контроль: риск-ориентированный подход и проблема алгоритмической оценки

Финансовый контроль замыкает контур публичной финансовой деятельности, и цифровая трансформация меняет здесь саму модель правового регулирования. Под контроль попадает теперь не только движение денежных средств и материальных активов, но и массивы цифровых данных. Рядом с органами публичной власти в роли субъектов контроля оказываются информационные системы и алгоритмы, которым делегированы сбор, обработка и анализ финансовой информации, а предметом регулирования становятся дистанционный мониторинг, автоматизированный анализ рисков и предиктивная аналитика; к методу правового воздействия добавляются технологические регуляторы. Инфраструктура получила и бюджетное содействие — на цифровую платформу внешнего государственного аудита и рабочее место «Цифрового

инспектора» выделено 2,9 млрд руб.

Литература оценивает цифровизацию финансового контроля положительно [Булетова, Золотько, Гаджигороев, 2025]; И. О. Антропцева видит в ней самостоятельное направление развития публичного финансового контроля [Антропцева, 2024]. Оценка обоснованна, но нуждается в одном уточнении: классические формы контрольного вмешательства — проверки, ревизии, обследования — цифровизация не подменяет, а переориентирует на риск-ориентированный мониторинг и превентивное выявление нарушений. Целевое состояние точнее всего сформулировал Э. А. Исаев: «госфинконтроль должен перейти от наказания к предупреждению нарушений» [Исаев, 2022].

Совокупность этих изменений позволяет говорить о новой модели правового обеспечения контрольной деятельности, основанной на цифровизации контрольных процедур и риск-ориентированном мониторинге. Складывается она из больших массивов данных, предиктивной аналитики и алгоритмов машинного обучения; электронный документооборот как основная форма контрольного взаимодействия; превентивная, а не репрессивная направленность контроля. Нормативно состоятельной эта модель станет лишь при последовательной конкретизации цифровых процедур, критериев оценки и гарантий защиты прав контролируемых субъектов. В центре складывающейся модели — риск-ориентированный подход. Литература видит в нём преимущественно методический инструмент планирования контрольной деятельности: Е. Е. Матвеева обосновывает использование карт рисков [Матвеева, 2018], Г. И. Большакова — создание единой концепции управления рисками [Большакова, 2022], А. И. Лукашов — расширение критериев риск-ориентированного планирования [Лукашов, 2023]. Такая квалификация, как представляется, занижает нормативное значение подхода. Признать его самостоятельным принципом организации государственного (муниципального) финансового контроля позволяют два обстоятельства: он нормативно закреплён — в системе федеральных стандартов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и в концептуальных документах органов внешнего государственного аудита — и содержательно определён, поскольку объекты и предметы контроля обязательно дифференцируются по категориям риска при формировании плана контрольных мероприятий, а результаты риск-анализа задают глубину, объём и содержание контрольных процедур. У методического инструмента таких свойств нет — он правоприменителя не обязывает и не связывает.

Различие здесь не терминологическое: квалификация риск-ориентированного подхода как принципа влечёт три практических следствия. Потребуется единый федеральный стандарт его применения в деятельности органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля — сейчас методики контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации существенно расходятся, и результаты становятся несопоставимы; на смежную проблему, неудовлетворительную синхронизацию внутреннего финансового контроля, внутреннего финансового аудита, бюджетного мониторинга и государственного финансового контроля, обоснованно указывает А. И. Лукашов [Лукашов, 2023]. Далее, подход придётся закрепить в главе 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации — это придаст ему нормативную обязательность за рамками ведомственного регулирования. И самое существенное: понадобятся гарантии прав контролируемых субъектов при отнесении их к категории высокого риска, включая право ознакомиться с основаниями такого отнесения и оспорить его.

Именно третье следствие возвращает к сквозному тезису статьи. Попав в категорию

высокого риска, объект получает вполне определённые обременения — повышенные частоту и глубину контрольных мероприятий, — но актом, подлежащим обжалованию, это не оформляется. Структурно перед нами та же конструкция, что алгоритмически генерируемый индикатор налогового риска из раздела 4 и смарт-контракт на платформе цифрового рубля из раздела 5: программно сформированный результат порождает юридические последствия, не имея правового статуса. Разрозненность проявлений скрывает их общую природу, оттого и решают их до сих пор порознь — в налоговом, бюджетном и валютном законодательстве. Структурное тождество трёх названных проявлений сведено в таблице 2.

Таблица 2 — Проявления алгоритмической оценки в публичной финансовой деятельности

Сфера публичной финансовой деятельности	Программно сформированный результат	Последствие для обязанного лица	Нормативное оформление результата	Форма оспаривания
Налоговое администрирование (раздел 4)	Алгоритмически генерируемый индикатор налогового риска	Требование о представлении пояснений; фактический перенос бремени доказывания	Акты ФНС России определяют технологию; статус результата не установлен	Отсутствует
Государственный (муниципальный) финансовый контроль (раздел 6)	Отнесение объекта контроля к категории риска	Повышенные частота, глубина и объём контрольных мероприятий	Федеральные стандарты внутреннего ГМФК и ведомственные методики	Отсутствует: не оформляется как обжалуемый акт
Бюджетные правоотношения с использованием цифрового рубля (раздел 5)	Исполнение смарт-контракта на платформе цифрового рубля	Изменение имущественного положения получателя бюджетных средств	Правовая природа смарт-контракта не определена	Отсутствует: последствия сбоя не урегулированы

Появляется самостоятельная задача финансово-правовой науки: разработка общего правового режима алгоритмической оценки в публичной финансовой деятельности. Его минимальное содержание должно включать четыре элемента: определение результата алгоритмической обработки как юридического факта особого рода, не обладающего преюдициальным значением; обязанность органа раскрыть обязанному лицу основания отнесения его к категории риска; право на пересмотр алгоритмического результата с участием должностного лица; ответственность оператора информационной системы за недостоверность результата. Закрепление этих элементов возможно как в отраслевых кодексах, так и в форме общих положений законодательства о государственных информационных системах [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, 2006].

Заключение

Проведённый анализ подтверждает исходный тезис: цифровые институты публичных финансов образуют единое правовое явление, а не совокупность обособленных технологических новелл. Выводы состоят в следующем.

1. Цифровая трансформация публичной финансовой деятельности не изменяет её публично-

правовую сущность, но качественно преобразует параметры — субъектный состав, объекты, инструменты и принципы правового регулирования; представление о цифровизации как о смене парадигмы финансовой деятельности государства не находит подтверждения при проверке её конституирующих признаков.

2. Экспериментальные правовые режимы представляют собой особую организационно-правовую форму управления нормотворческими рисками, видовым признаком которой выступает допустимость отступления от норм публичного финансового законодательства; систематическая реализация финансовых экспериментов вне механизма Федерального закона № 258-ФЗ свидетельствует о необходимости его специализации.

3. Государственная информационная система «Электронный бюджет» приобрела статус официального источника юридически значимых данных бюджетного процесса; выявленные дефициты обязательности, безопасности, интеграции и технологического регулирования требуют законодательного преодоления.

4. Использование цифровых платформ при реализации фискальных полномочий образует «алгоритмически опосредованный» фискальный контроль, в котором властное волеизъявление рассредоточено между должностным лицом и машинно сформированным индикатором риска.

5. Цифровой рубль требует оценки не только в системе координат «форма денег», но и как инструмент публичной финансовой деятельности; цифровые платёжные системы приобретают качество самостоятельной юридически значимой среды реализации частных имущественных обязательств и публичной финансовой деятельности государства.

6. Риск-ориентированный подход обладает свойствами самостоятельного принципа организации государственного (муниципального) финансового контроля, а не методического инструмента планирования.

7. Сквозной проблемой всех рассмотренных блоков выступает отсутствие правового режима алгоритмической оценки: программно сформированный результат порождает юридические последствия, не имея правового статуса и процессуальной формы оспаривания.

Практическая реализация предполагает: дополнение Бюджетного кодекса Российской Федерации главой «Информационное обеспечение бюджетного процесса»; закрепление в главе 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации риск-ориентированного подхода в качестве принципа организации государственного (муниципального) финансового контроля; дополнение Налогового кодекса Российской Федерации положениями об автоматизированных контрольных процедурах и гарантиях прав налогоплательщика при алгоритмической оценке риска; принятие единого федерального стандарта применения риск-ориентированного подхода в деятельности органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля; нормативное определение правового режима смарт-контрактов, используемых на платформе цифрового рубля, применительно к бюджетным правоотношениям; закрепление в Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации пределов отступления от норм финансового законодательства в рамках экспериментальных правовых режимов.

Библиография

1. Алимбекова А. С., Меньков В. В. Влияние цифровизации на повышение эффективности бюджетного контроля // Журнал юридических исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 45–49.
2. Андрианова Н. Г. Финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка // Банковское право. 2024. № 3. С. 24–32. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-24-32.
3. Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля: монография. Москва: Статут, 2024. 182 с.

4. Беликов Е. Г. Развитие финансово-правовых принципов в условиях цифровой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9(73). С. 39–45. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.039-045.
5. Болтинова О. В. Бюджет в условиях цифровой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9(85). С. 48–55. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.85.9.048-055.
6. Большакова Г. И. Проблемы управления рисками в государственном управлении: зарубежный и российский опыт // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 11(150). С. 142–146.
7. Брыкин К. И. Блокчейн как средство реализации принципа прозрачности (открытости) в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2018. № 4. С. 39–42.
8. Булетова Н. Е., Золотько Т. А., Гаджигороев Г. Ш. Цифровая трансформация государственного финансового контроля в России // Финансы и кредит. 2025. Т. 31, № 6. С. 77–96.
9. Дмитрик Н. А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–72.
10. Ефимова Л. Г. Цифровое банковское право. Теоретические проблемы цифрового банковского права. Цифровые банковские расчёты и счета. Москва: Проспект, 2025.
11. Исаев Э. А. Актуальные вопросы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере // Вестник университета. 2022. № 8. С. 139–144. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-139-144.
12. Крохина Ю. А. Электронные и цифровые деньги: новые вызовы для правового регулирования // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9, № 2. С. 159–164. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-2-159-164.
13. Лаутс Е. Б. Цифровой рубль: дискуссия о правовой природе и перспективах внедрения // Закон. 2024. № 9. С. 17–25.
14. Леднева Ю. В. Цифровой рубль в финансово-правовом пространстве // Финансовое право. 2024. № 9. С. 21–24.
15. Лукашов А. И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 20–38.
16. Лукашов А. И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Т. 17, № 4. С. 6–15.
17. Матвеева Е. Е. Применение риск-ориентированного подхода в сфере государственного финансового контроля // Экономический журнал. 2018. № 1(49). С. 41–56.
18. Морунова Г. В., Федосов В. А., Салтыков А. С. Информационные системы бюджетного процесса в России: современное состояние и перспективы развития // Финансовый журнал. 2025. Т. 17, № 4. С. 44–61. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-4-44-61.
19. Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2026. 162 с.
20. Поветкина Н. А., Артюхин Р. Е., Демидов А. Ю. Новые институты бюджетного права в условиях цифровой революции: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2021.
21. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1. С. 48–55. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.
22. Ручкина Г. Ф. Партнерское финансирование в России: проведение эксперимента по установлению специального регулирования // Банковское право. 2024. № 1. С. 7–13. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-1-7-13.
23. Савостьянова С. А. К вопросу о цифровизации российской бюджетной экосистемы // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 3. С. 17–22.
24. Смирникова Ю. Л. Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2012.
25. Соколова Э. Д. Теоретические аспекты правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2008.
26. Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1. С. 40–55. DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.
27. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И. А. Цинделиани. Москва: Проспект, 2019.
28. Хоменко Е. Г. Финансово-правовое регулирование создания и функционирования национальной платёжной системы России: монография. Москва: Проспект, 2017. 252 с.
29. Цифровой контур публичных финансов и право: научно-практическое пособие / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, О. А. Акопян [и др.]. Москва: Юриспруденция, 2022. 232 с.
30. Digital Revolutions in Public Finance / eds. S. Gupta, M. Keen, A. Shah, G. Verdier. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2017. 362 p.

Legal Regulation of Public Financial Activity of the Russian Federation in the Context of Digital Transformation: The Problem of the Systemic Nature of the Legal Regime

Daniil V. Shakhov

Postgraduate Student,
Department of International and Public Law of the Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: d.shakhov@example.ru

Abstract

Digital institutions of public finance — state information systems of the budget process, digital platforms of fiscal administration, the digital ruble, digital payment systems, automated procedures of financial control — are considered in the article not as a set of heterogeneous technological novelties, but as a single legal phenomenon with a common range of problems for all blocks of public financial activity. The view widespread in the literature of digitalization as a paradigm shift in the financial activity of the state is contrasted with the thesis of the preservation of its public-law essence: the parameters — the subject composition, objects, instruments, and principles of legal regulation — are changing qualitatively. The author's definitions of the digital transformation of public financial activity and of "algorithmically mediated" fiscal control are given. The problem of the legal regime of algorithmic assessment remains cross-cutting and still unresolved: both in tax administration and in budget control, the result of the algorithm's operation entails unfavorable consequences for the obligated person, while there is no procedural form for challenging it. The article concludes with a set of proposals for improving budget, tax, and information legislation.

For citation

Shakhov D.V. (2026) Pravovoe regulirovanie publichnoy finansovoy deyatel'nosti Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: problema sistemnosti pravovogo rezhima [Legal Regulation of Public Financial Activity of the Russian Federation in the Context of Digital Transformation: The Problem of the Systemic Nature of the Legal Regime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 282-298. DOI: 10.34670/AR.2026.78.63.067

Keywords

Public financial activity, digital transformation, financial law, experimental legal regimes, "Electronic Budget", digital platforms, fiscal administration, digital ruble, national payment system, state financial control, risk-oriented approach, algorithmic assessment.

References

1. Alimbekova, A. S., Menkov, V. V. (2023). Vliyanie tsifrovizatsii na povyshenie effektivnosti byudzhetnogo kontrolya [The Impact of Digitalisation on Improving the Efficiency of Budgetary Control]. Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy [Journal of Legal Research], vol. 8, no. 2, pp. 45–49.
2. Andrianova, N. G. (2024). Finansovo-pravovye osobennosti tsifrovogo rublya kak vida tsifrovoy valyuty tsentralnogo

banka [Financial and Legal Features of the Digital Rouble as a Type of Central Bank Digital Currency]. Bankovskoe pravo [Banking Law], no. 3, pp. 24–32. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-24-32.
3. Antropceva, I. O. (2024). Tsifrovizatsiya publichnogo finansovogo kontrolya [Digitalisation of Public Financial Control]: monograph. Moscow: Statut, 182 p.
4. Belikov, E. G. (2020). Razvitie finansovo-pravovykh printsipov v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Development of Financial and Legal Principles in the Digital Economy]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], no. 9(73), pp. 39–45. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.039-045.
5. Boltinova, O. V. (2021). Byudzhet v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [The Budget in the Digital Economy]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], no. 9(85), pp. 48–55. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.85.9.048-055.
6. Bolshakova, G. I. (2022). Problemy upravleniya riskami v gosudarstvennom upravlenii: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt [Problems of Risk Management in Public Administration: Foreign and Russian Experience]. Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], no. 11(150), pp. 142–146.
7. Brykin, K. I. (2018). Blokcheyn kak sredstvo realizatsii printsipa prozrachnosti (otkrytosti) v sfere publichnykh finansov [Blockchain as a Means of Implementing the Principle of Transparency (Openness) in the Sphere of Public Finance]. Finansovoe pravo [Financial Law], no. 4, pp. 39–42.
8. Buletova, N. E., Zolotko, T. A., Gadzhigoroev, G. Sh. (2025). Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossii [Digital Transformation of State Financial Control in Russia]. Finansy i kredit [Finance and Credit], vol. 31, no. 6, pp. 77–96.
9. Dmitrik, N. A. (2020). Eksperimentalnye pravovye rezhimy: teoretiko-pravovoy aspekt [Experimental Legal Regimes: Theoretical and Legal Aspect]. Zakon [Law], no. 6, pp. 64–72.
10. Efimova, L. G. (2025). Tsifrovoe bankovskoe pravo. Teoreticheskie problemy tsifrovogo bankovskogo prava. Tsifrovye bankovskie raschety i scheta [Digital Banking Law. Theoretical Problems of Digital Banking Law. Digital Banking Settlements and Accounts]. Moscow: Prospekt.
11. Isaev, E. A. (2022). Aktualnye voprosy k tsifrovizatsii kontrolya v finansovo-byudzhetnoy sfere [Current Issues of Digitalisation of Control in the Financial and Budgetary Sphere]. Vestnik universiteta [University Bulletin], no. 8, pp. 139–144. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-139-144.
12. Khomenko, E. G. (2017). Finansovo-pravovoe regulirovanie sozdaniya i funktsionirovaniya natsionalnoy platezhnoy sistemy Rossii [Financial and Legal Regulation of the Creation and Functioning of the National Payment System of Russia]: monograph. Moscow: Prospekt, 252 p.
13. Krokhina, Yu. A. (2024). Elektronnye i tsifrovye dengi: novye vyzovy dlya pravovogo regulirovaniya [Electronic and Digital Money: New Challenges for Legal Regulation]. Ekonomika. Pravo. Obshchestvo [Economics. Law. Society], vol. 9, no. 2, pp. 159–164. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-2-159-164.
14. Lauts, E. B. (2024). Tsifrovoy rubl: diskussiya o pravovoy prirode i perspektivakh vnedreniya [The Digital Rouble: Discussion on the Legal Nature and Prospects of Introduction]. Zakon [Law], no. 9, pp. 17–25.
15. Ledneva, Yu. V. (2024). Tsifrovoy rubl v finansovo-pravovom prostranstve [The Digital Rouble in the Financial and Legal Space]. Finansovoe pravo [Financial Law], no. 9, pp. 21–24.
16. Lukashov, A. I. (2023). Gosudarstvennyy finansovyy kontrol: sovremennye vyzovy i napravleniya sovershenstvovaniya [State Financial Control: Modern Challenges and Directions of Improvement]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues], no. 1, pp. 20–38.
17. Lukashov, A. I. (2023). Tekushchee sostoyanie i perspektivy tsifrovizatsii organov gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii [Current State and Prospects of Digitalisation of State Financial Control Bodies in the Russian Federation]. Mir novoy ekonomiki [The World of the New Economy], vol. 17, no. 4, pp. 6–15.
18. Matveeva, E. E. (2018). Primenenie risk-orientirovannogo podkhoda v sfere gosudarstvennogo finansovogo kontrolya [Application of the Risk-Oriented Approach in the Sphere of State Financial Control]. Ekonomicheskiy zhurnal [Economic Journal], no. 1(49), pp. 41–56.
19. Morunova, G. V., Fedosov, V. A., Saltykov, A. S. (2025). Informatsionnye sistemy byudzhetnogo protsessa v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Information Systems of the Budgetary Process in Russia: Current State and Development Prospects]. Finansovyy zhurnal [Financial Journal], vol. 17, no. 4, pp. 44–61. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-4-44-61.
20. Nedrov, A. A. (2026) Publichno-pravovoy rezhim vypuska i obrashcheniya tsifrovykh valyut tsentralnykh bankov [Public-Law Regime of Issuance and Circulation of Central Bank Digital Currencies]: Cand. Sci. (Law) dissertation: 5.1.2. Moscow, 162 p.
21. Povetkina, N. A., Artyukhin, R. E., Demidov, A. Yu. (2021). Novye instituty byudzhetnogo prava v usloviyakh tsifrovoy revolyutsii [New Institutes of Budgetary Law in the Context of the Digital Revolution]: monograph. Moscow: Norma: Infra-M.
22. Rozhdestvenskaya, T. E., Guznov, A. G. (2024). Pravovoe regulirovanie tsifrovogo rublya [Legal Regulation of the

Digital Rouble]. Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law], vol. 19, no. 1, pp. 48–55. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.

23. Ruchkina, G. F. (2024). Partnerskoe finansirovanie v Rossii: provedenie eksperimenta po ustanovleniyu spetsialnogo regulirovaniya [Partner Financing in Russia: Conducting an Experiment on Establishing Special Regulation]. Bankovskoe pravo [Banking Law], no. 1, pp. 7–13. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-1-7-13.
24. Savostyanova, S. A. (2025). K voprosu o tsifrovizatsii rossiyskoy byudzhetnoy ekosistemy [On the Digitalisation of the Russian Budgetary Ecosystem]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki [Problems of Economics and Legal Practice], vol. 21, no. 3, pp. 17–22.
25. Smirnikova, Yu. L. (2012). Regulyativnaya funktsiya finansovogo prava: sistemnyy podkhod i realizatsiya [The Regulatory Function of Financial Law: A Systemic Approach and Implementation]: Dr. Sci. (Law) dissertation: 12.00.14. Moscow.
26. Sokolova, E. D. (2008). Teoreticheskie aspekty pravovogo regulirovaniya finansovoy deyatelnosti gosudarstva i munitsipalnykh obrazovaniy [Theoretical Aspects of Legal Regulation of the Financial Activity of the State and Municipal Entities]: Dr. Sci. (Law) dissertation: 12.00.14. Moscow.
27. Tarasenko, O. A. (2023). Eksperimentalnyy pravovoy rezhim — poligon dlya innovatsiy i regulirovaniya [Experimental Legal Regime — A Testing Ground for Innovation and Regulation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Law], vol. 14, no. 1, pp. 40–55. DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.
28. Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Financial Law in the Context of the Development of the Digital Economy]: monograph / ed. by I. A. Tsindeliani. Moscow: Prospekt, 2019.
29. Tsifrovoy kontur publichnykh finansov i pravo [The Digital Contour of Public Finance and Law]: scientific and practical guide / I. I. Kucherov, N. A. Povetkina, O. A. Akopyan [et al.]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2022, 232 p.
30. Digital Revolutions in Public Finance / eds. S. Gupta, M. Keen, A. Shah, G. Verdier. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2017, 362 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.41 **DOI: 10.34670/AR.2026.39.97.013**

Значение института конституционного контроля в правовой охране Конституции Российской Федерации

Зарецкая Марина Гаруновна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Мамишева Зара Аскарбиевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Тхаркахо Марина Меджидовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Аннотация

В статье авторы исследуют роль и значение института конституционного контроля в системе правовой охраны Конституции Российской Федерации. Рассматриваются теоретические подходы к определению понятия «конституционный контроль», разграничение понятий «институт конституционного контроля» и «судебный конституционный контроль», а также классификация моделей конституционного контроля (американская, европейская, смешанная). Обосновывается близость российской модели к европейской (континентальной) модели. Прослеживается историческая эволюция института — от первых закреплений в советский период до создания современной системы на основе Конституции РФ 1993 г. и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Анализируется практическая деятельность Конституционного Суда РФ по выявлению и преодолению конституционно

значимых дефектов законодательства. Особое внимание уделено расширению компетенции Конституционного Суда РФ в результате конституционных поправок 2020 г., в том числе наделению его полномочиями по осуществлению предварительного конституционного контроля: отмечаются как преимущества этого механизма (раннее предотвращение неконституционности актов, укрепление системы сдержек и противовесов), так и потенциальные риски (оценка нормы до её практического применения, возможность последующего пересмотра решения). Делается вывод о необходимости дальнейшего всестороннего исследования эффективности института конституционного контроля и разработки направлений его совершенствования в контексте построения правового государства в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Зарецкая М.Г., Мамишева З.А., Тхаркахо М.М. Значение института конституционного контроля в правовой охране Конституции Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 299-306. DOI: 10.34670/AR.2026.39.97.013

Ключевые слова

Конституционный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, правовая охрана Конституции, судебный конституционный контроль, европейская модель контроля, предварительный конституционный контроль, конституционные поправки, верховенство права, конституционная законность, правовое государство.

Введение

Конституционный контроль является неотъемлемой составляющей всей системы конституционного устройства любого современного демократического государства, в том числе и Российской Федерации.

Правовой институт служит действенным инструментом охраны Основного закона и неотъемлемой составляющей системы защиты конституционных прав и свобод. Его специфика состоит в том, что он обеспечивает не только соблюдение конституционной законности, но и поддержание правопорядка в государстве в целом».

Основная часть

«Неэффективный конституционный контроль либо вообще его отсутствие обуславливают превращение Основного закона государства в сборник общих правил поведения»[Драчевский, 2018], что может привести к разрушению всей системы государственного управления и системы защиты прав и свобод граждан.

По мнению А. Бланкенагель, «конституционный контроль представляет собой деятельность по ограничению власти и разрешению конфликтов» [Бланкенагель, 1989, с.102].

Становление института конституционного контроля стало отправной точкой для формирования механизма самоограничения публичной власти и её подчинения принципам верховенства права. Идея особой защиты основного закона, зародившаяся ещё в античную эпоху, сохраняет свою значимость и сегодня: в современных демократиях судебный конституционный контроль выступает в качестве одного из базовых элементов государственного устройства»

«Целенаправленное установление ограничений деятельности публичной власти посредством осуществления конституционного контроля способствует ликвидации возможных рисков злоупотребления властными полномочиями. Основной подобного контроля выступает необходимость защиты правовой демократией системы институциональных и ценностных основ» [Методологические аспекты конституционного контроля, 2021].

Некоторыми зарубежными авторами рассматриваемый институт признается в качестве эффективного средства обеспечения верховенства основного закона, и потому деятельность по его осуществлению принято определять как «контроль конституционности законов» либо как «контроль конституционности права» [Пирбудагова, 2003, с.10].

Важно разграничивать понятия «институт конституционного контроля» и «судебный конституционный контроль», рассматривая второе как компонент первого. Сравнительно-правовой анализ показывает неоднородность подходов: в части европейских государств органы конституционного контроля выведены за рамки судебной системы и не отражены в её конституционном регулировании, тогда как в иных юрисдикциях их принадлежность к судебной системе прямо закреплена на конституционном уровне

Таким образом, орган конституционного контроля может быть как частью судебной системы, так и отдельной государственной структурой. Однако это никак не влияет на его статус и необходимость того, чтобы он выполнял свою главную задачу – поддерживал верховенство Конституции и компетентно толковал ее положения. В таком контексте, несмотря на то, что в некоторых странах отсутствуют законодательные нормы по интеграции конституционных судов в их судебную систему, данные суды все равно занимают высшие места в иерархии судебных органов этих стран, что представляется вполне рациональным и обоснованным.

Учеными предлагаются классификации моделей конституционного контроля, состоящие либо из двух – американской и европейской «(континентальной, концентрированной, кельзеновской, централизованной)» [Абдулхаликова, 2017], либо из трех моделей, включающих наряду с вышеупомянутыми еще и «смешанную форму» [Мами, 2022, с.4].

Анализ сформировавшейся в России модели судебного конституционного контроля позволяет сделать вывод о ее близости именно к европейской модели ввиду наличия Конституционного Суда Российской Федерации как специфического органа конституционного контроля, который сам указывает на свою принадлежность к централизованной модели, составляющей «неотъемлемое достояние континентальной семьи права и европейской цивилизации в целом» [Методологические аспекты конституционного контроля, 2021].

При этом конституционный контроль – это не новаторство Конституции России 1993 г. [Конституция РФ, 1993/2020], а скорее видоизменный правовой институт, который впервые был закреплен еще в Конституции РСФСР 1918 г. и в последующем прошел несколько этапов развития вместе с эволюцией советской государственной модели.

Однако фактически реальное состояние советской системы конституционного контроля в конце 1980-х гг. не отвечало вызовам времени. Разрешение подобной проблемы выступало в качестве одной из задач перестройки, так как создание эффективной модели конституционного контроля представлялось в качестве одного из важнейших условий формирования правового государства [Шульженко, 2022, с.19]. Именно для достижения подобной цели и была поэтапно проведена реформа, результатом которой стало создание четырехуровневой системы органов конституционного контроля в лице: Съезда народных депу татов СССР, Верховного Совета СССР, Комитета конституционного надзора СССР и Президента СССР.

Основой современной модели конституционного контроля в России служат Конституция Российской Федерации и принятый более 30 лет назад Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ, 1994]. Однако, несмотря на время, прошедшее с момента его принятия, в российском конституционном праве так и не сложи лось единой концепции в определении термина «конституционный контроль».

Например, ряд российских правоведов склонны определять конституционный контроль в качестве государственного механизма[Гоглева, 2022], в то время как другие ученые рассматривают его как «деятельность органов государственной власти» и даже «общественных объединений», третьи – «в качестве специфической функции уполномоченных органов государственной власти» [Смоленский, Колюшкина, Маркина, 2021, с.36].

Большинство определений сходно в наличии такого признака, как осуществление конституционного контроля специфическим субъектом права. «Различия в сформулированных определениях касаются преимущественно содержательной части подобной деятельности».

Так, Р. Н. Волков рассматривает конституционный контроль, с одной стороны, как «деятельность Конституционного Суда Российской Федерации» [Волков, 2016, с.81], а с другой – как «специфический вид социальной деятельности» [Митусова, 2022, с.9].

Представляется оправданной точка зрения В. Е. Чиркина, который определяет «конституционный контроль в качестве особой формы контроля в системе контрольной ветви государственной власти ввиду его специфичной значимости в жизни обществ» [Чиркин, 2008, с. 194].

Действительно, «роль Конституционного Суда Российской Федерации в проводимой совместно с законодательными органами работе, направленной на совершенствование положений законодательства, выражается главным образом в выявлении тех или иных законодательных конституционно значимых дефектов: пробелов, противоречий и проявлений правовой неопределенности».

Важным результатом осуществления Конституционным Судом Российской Федерации конституционного контроля выступает преодоление дефектов регулирования, которое, по сути, не является главной целью его деятельности. Подобный вывод вытекает прежде всего из возложения базовым федеральным конституционным законом на государственные органы и должностных лиц обязанности привести соответствующие законы и иные нормативно-правовые акты в соответствие с нормами Конституции России в связи с вынесенным решением Конституционного Суда РФ, поэтому ввиду отсутствия у данного органа конституционного контроля полномочий по самостоятельному устранению выявленных конституционно значимых дефектов он вынужден прибегнуть в целях его преодоления к использованию цело го комплекса предусмотренных законом правовых средств [Зорькин, 2023, с.87].

В этой связи вопросы совершенствования мер реализации конституционного контроля не теряют своей актуальности, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Например, в результате принятия поправок к Конституции РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования в 2020 г., была значительно расширена компетенция Конституционного Суда РФ.

Важную роль в усилении статуса Конституционного Суда РФ как органа конституционной юстиции сыграло наделение его полномочиями по осуществлению предварительного конституционного контроля, что стало результатом использования в том числе и опыта конституционного контроля советского периода.

Безусловно, у подобной практики есть ряд явных преимуществ, к которым следует отнести, например, возможность на самой ранней стадии ликвидировать несоответствие Конституции

России проекта нормативно-правового акта еще до момента его принятия и тем более до вступления его в силу. «Перспективность и эффективность подобного механизма выражается и в том, что он является основой для функционирования системы сдержек и противовесов в полном соответствии с важнейшим конституционным принципом разделения властей».

Однако, с другой стороны, «Конституционный Суд РФ уже изначально вынужден оценивать правовую норму того или иного нормативного акта в отсутствие результатов ее возможной реализации, в то время как в большинстве случаев выявление факта противоречия Конституции РФ определяется уже после применения соответствующей нормы».

Может возникнуть и другая коллизия, ставящая под сомнение законность и обоснованность судебного решения: например, если «в ходе предвари тельного конституционного контроля какая-либо норма или нормы будут признаны соответствующими Конституции России, а в дальнейшем в ходе осуществления последующего конституционного контроля (при наличии, конечно же, оснований для его реализации) они же могут быть признаны уже неконституционными».

Заключение

Таким образом, в контексте проведенных конституционных преобразований последующее развитие института конституционного контроля остается важным вопросом, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В этой связи необходимо проводить всестороннее исследование эффективности деятельности данного института, уделяя особое внимание разрешению спорных ситуаций и разработке направлений его дальнейшего совершенствования.

По своему содержанию институт конституционного контроля является важным средством обеспечения единого нормативного пространства в контексте построения правового государства в России.

Библиография

1. Абдулхаликова В.А. Конституционный контроль // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-kontrol-1
2. Бланкенагель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102.
3. Волков Р.Н. Понятие конституционного контроля в современной российской науке // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 81–89.
4. Гоглева К.Ю. Конституционный надзор и конституционный контроль как специфические виды государственной контрольной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2022. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-nadzor-i-konstitutsionnyy-kontrol-kak-spetsificheskie-vidy-gosudarstvennoy-kontrolnoy-deyatelnosti
5. Драчевский Д.А. Конституционный судебный контроль // Юридическая наука. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sudebnyy-kontrol
6. Зорькин В.Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 86–102.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://www.pravo.gov.ru
8. Мами К.А. Конституционный контроль — действенное средство укрепления правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 4–9.
9. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : информация Конституционного Суда РФ (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). URL: http://www.ksrf.ru/
10. Митусова И.А. Влияние конституционной реформы 2020 г. на конституционный контроль в России // Мировой судья. 2022. № 12. С. 8–10.

11. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // Российская газета. 1994. № 138–139.
12. Пирбудагова Д.Ш. Институт конституционного контроля и охрана конституционной законности в Республике Дагестан: вопросы истории, теории и практики : монография. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 10.
13. Смоленский М.Б., Колюшкина Л.Ю., Маркина Е.В. Конституционное право России : учебник. М.: КноРус, 2021. С. 36.
14. Чиркин В.Е. Контрольная власть. М.: Юристъ, 2008. С. 194.
15. Шульженко Ю.Л. Реформа конституционного контроля в СССР периода перестройки (1985–1991 гг.) // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 19.

The Significance of the Institution of Constitutional Control in the Legal Protection of the Constitution of the Russian Federation

Marina G. Zaretskaya

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Administrative and Criminal Law,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Zara A. Mamisheva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Marina M. Tkharkakho

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Abstract

In the article, the authors examine the role and significance of the institution of constitutional control in the system of legal protection of the Constitution of the Russian Federation. Theoretical approaches to defining the concept of "constitutional control", the distinction between the concepts of "institution of constitutional control" and "judicial constitutional control", as well as the classification of models of constitutional control (American, European, mixed) are considered. The proximity of the Russian model to the European (continental) model is substantiated. The historical

evolution of the institution is traced – from its first consolidations in the Soviet period to the creation of the modern system on the basis of the Constitution of the Russian Federation of 1993 and the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation". The practical activity of the Constitutional Court of the Russian Federation in identifying and overcoming constitutionally significant defects in legislation is analyzed. Particular attention is paid to the expansion of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation as a result of the constitutional amendments of 2020, including granting it powers to exercise preliminary constitutional control: both the advantages of this mechanism (early prevention of the unconstitutionality of acts, strengthening of the system of checks and balances) and potential risks (assessment of a norm before its practical application, the possibility of subsequent revision of the decision) are noted. A conclusion is drawn about the need for further comprehensive research into the effectiveness of the institution of constitutional control and the development of directions for its improvement in the context of building a rule-of-law state in Russia.

For citation

Zaretskaya M.G., Mamisheva Z.A., Tkharkakho M.M. (2026) Znachenie instituta konstitutsionnogo kontrolya v pravovoy okhrane Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [The Significance of the Institution of Constitutional Control in the Legal Protection of the Constitution of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 299-306. DOI: 10.34670/AR.2026.39.97.013

Keywords

Constitutional control, Constitutional Court of the Russian Federation, legal protection of the Constitution, judicial constitutional control, European model of control, preliminary constitutional control, constitutional amendments, rule of law, constitutional legality, rule-of-law state.

References

1. Abdulkhalikova, V. A. (2017). Konstitutsionnyy kontrol [Constitutional Review]. *Evraziyskiy nauchnyy zhurnal* [Eurasian Scientific Journal], (2). https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-kontrol-1
2. Blankenagel, A. (1989). Teoriya i praktika konstitutsionnogo kontrolya v FRG [Theory and Practice of Constitutional Control in Germany]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], (1), 102.
3. Chirkin, V. E. (2008). *Kontrol'naya vlast'* [Control Power]. Moscow: Yurist.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). http://www.pravo.gov.ru
5. Drachevsky, D. A. (2018). Konstitutsionnyy sudebnyy kontrol [Constitutional Judicial Review]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], (4). https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sudebnyy-kontrol
6. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" of 21.07.1994 (as amended on 31.07.2023). (1994). *Rossiyskaya gazeta*, (138–139).
7. Gogleva, K. Yu. (2022). Konstitutsionnyy nadzor i konstitutsionnyy kontrol kak spetsificheskiye vidy gosudarstvennoy kontrol'noy deyatel'nosti [Constitutional Supervision and Constitutional Review as Specific Types of State Control Activities]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. Series: Law], (5). https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-nadzor-i-konstitutsionnyy-kontrol-kak-spetsificheskie-vidy-gosudarstvennoy-kontrolnoy-deyatelnosti
8. Mami, K. A. (2022). Konstitutsionnyy kontrol — deystvennoye sredstvo ukrepleniya pravovogo gosudarstva [Constitutional Review — An Effective Means of Strengthening the Rule of Law]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and Municipal Law], (1), 4–9.
9. Methodological aspects of constitutional control (on the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation). (2021). Information of the Constitutional Court of the Russian Federation (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.10.2021). http://www.ksrf.ru/
10. Mitussova I.A. (2022) Vliyaniye konstitutsionnoy reformy 2020 g. na konstitutsionnyy kontrol v Rossii [The Impact of the 2020 Constitutional Reform on Constitutional Review in Russia]. *Mirovoy sud'ya* [Justice of the Peace], (12), 8-10.

11. Pirbudagova, D. Sh. (2003). *Institut konstitutsionnogo kontrolya i okhrana konstitutsionnoy zakonnosti v Respublike Dagestan: voprosy istorii, teorii i praktiki* [The Institute of Constitutional Review and the Protection of Constitutional Legality in the Republic of Dagestan: Issues of History, Theory and Practice]. Makhachkala: CPI DSU.
12. Shulzhenko, Yu. L. (2022). Reforma konstitutsionnogo kontrolya v SSSR perioda perestroyki (1985–1991 gg.) [The Reform of Constitutional Control in the USSR during Perestroika (1985–1991)]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], (7), 19.
13. Smolensky, M. B., Kolyushkina, L. Yu., & Markina, E. V. (2021). *Konstitutsionnoye pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow: KnoRus.
14. Volkov, R. N. (2016). Ponyatiye konstitutsionnogo kontrolya v sovremennoy rossiyskoy nauke [The Concept of Constitutional Review in Modern Russian Science]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve* [Legality and Law and Order in Modern Society], (29), 81–89.
15. Zorkin, V. D. (2023). Konstitutsionnyy kontrol kak faktor sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva [Constitutional Review as a Factor in Improving Russian Legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], (5), 86–102.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.918 **DOI: 10.34670/AR.2026.90.38.032**

Негосударственное регулирование блокчейн-арбитража

Смолков Константин Викторович

Магистр,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: kostya.smolkov.2002@gmail.com

Аннотация

Блокчейн-арбитраж является одной из форм онлайн-арбитража, характерной чертой которой является направленность на разрешение споров, вытекающих из смарт-контрактов, а также специфическая форма арбитражного соглашения, встроенного непосредственно в код. Важно отметить, что источником регулирования блокчейн-арбитража являются преимущественно не международные соглашения и национальное законодательство, а цифровые и договорные механизмы, разработанные частными компаниями. Анализ практики разрешения споров, вытекающих из смарт-контрактов, позволяет выделить две группы проектов, различающихся степенью интеграции процедуры разрешения спора и исполнения решения в блокчейн-протокол. К первой группе относятся так называемые «гибридные» проекты (Cryptonomica, Mattereum, Juris, SAMBA), предполагающие создание специализированного арбитража, сочетающего элементы международного коммерческого арбитража и технологии блокчейн. Ко второй – проекты, ориентированные на формирование децентрализованных квазисудебных систем (Aragon, Confideal, Jur, Kleros, Oath). В статье анализируются правовые особенности функционирования указанных платформ, выявляются ключевые проблемы негосударственного регулирования блокчейн-арбитража (отсутствие места арбитража, юридическая уязвимость решений, недостаточность процессуальных гарантий) и обосновывается вывод о том, что гибридные модели, сочетающие блокчейн-инфраструктуру с процессуальными гарантиями и применимым правом, обладают существенно большей правовой устойчивостью, чем полностью децентрализованные системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Смолков К.В. Негосударственное регулирование блокчейн-арбитража // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 307-313. DOI: 10.34670/AR.2026.90.38.032

Ключевые слова

Блокчейн-арбитраж, смарт-контракты, децентрализованные квазисудебные системы, гибридные проекты, негосударственное регулирование, криптоарбитраж, онлайн-арбитраж, признание и приведение в исполнение арбитражных решений.

Введение

Блокчейн-арбитраж является одной из форм онлайн-арбитража, характерной чертой которой является направленность на разрешение споров, вытекающих из смарт-контрактов, а также специфическая форма арбитражного соглашения, встроенного непосредственно в код.

Важно отметить, что источником регулирования блокчейн-арбитража являются преимущественно не международные соглашения и национальное законодательство, а цифровые и договорные механизмы, разработанные частными компаниями.

Основная часть

Анализ практики разрешения споров, вытекающих из смарт-контрактов, позволяет выделить две группы проектов, различающихся степенью интеграции процедуры разрешения спора и исполнения решения в блокчейн-протокол.

К первой группе относятся так называемые «гибридные» проекты (Cryptonomica, Mattereum, Juris, SAMBA), предполагающие создание специализированного арбитража, сочетающего элементы международного коммерческого арбитража и технологии блокчейн. Ко второй – проекты, ориентированные на формирование децентрализованных квазисудебных систем (Aragon, Confideal, Jur, Kleros, Oath) [Засемкова, 2020].

К числу проектов первой группы относится, в частности, Mattereum, представляющий собой комплексную инфраструктуру, объединяющую правовые, технологические и коммерческие ешения, направленные на управление и передачу прав на материальные, нематериальные и цифровые активы в рамках распределенного реестра. Существенной особенностью данной модели является использование «рикардианских контрактов» (Ricardian Contracts), представляющих собой криптографически удостоверенные документы, доступные как в машиночитаемой, так и в текстовой форме и подписанные цифровой подписью. Указанные контракты предусматривают передачу полномочий одновременно смарт-контракту и арбитражному механизму, в который передаются споры между сторонами [Working Paper. Smart Contracts. Real Property, 2020].

Процедура разрешения споров в рамках Mattereum регламентируется Правилами UKJT, что подчеркивает ее связь с английским арбитражным законодательством [Digital Dispute Resolution Rules, 2026]. Среди признаков, сближающих блокчейн-арбитраж по Правилам UKJT с классическим международным арбитражем, необходимо выделить следующие: установление юридического места проведения блокчейн-арбитража и применимого права – Англия и Уэльс (ст. 16); соблюдение базовых гарантий принципа надлежащей процедуры, выражающихся в праве сторон участвовать в формировании состава арбитража и представлять свои доводы и доказательства в ходе разбирательства (ст.ст. 8–10); структурированный порядок рассмотрения спора, включающий подачу требований, обмен позициями сторон и вынесение решения в письменной форме, в том числе электронной (ст.ст. 6–7, 12); а также обязательный и окончательный характер арбитражного решения, принимаемого арбитром (арбитрами) (ст. 16). Проектом предусмотрена возможность признания и приведения в исполнение арбитражных решений в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г. [How it works // Mattereum, 2026].

По схожей процедуре реализован разработанный Центром международного арбитража и криптографии проект Cryptonomica.

Его деятельность регулируется Арбитражным регламентом (Cryptonomica Arbitration Rules), разработанным на основе Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ с изменениями,

необходимыми для адаптации к рассмотрению споров в режиме онлайн [Cryptonomica Arbitration Rules, 2026]. Согласно данному документу Cryptonomica представляет собой постоянно действующий арбитражный институт, зарегистрированный в Великобритании и предполагающий разрешение споров под ее юрисдикцией. Процесс разрешения споров во многом воспроизводит традиционный арбитраж: сторона направляет запрос на адрес registrar@international-arbitration.org.uk с указанием «Cryptonomica» и ссылкой на его Регламент. Запрос должен содержать сведения о сторонах спора (наименование и контактные данные); об арбитражной оговорке и контракте, в связи с которым возник спор; о доказательствах; об испрашиваемых средствах правовой защиты; о количестве арбитров (1 или 3), языке и месте арбитража (если это не было согласовано ранее); а также подтверждение направления копии иска ответчику (ст. 3 Арбитражного регламента). Оплата арбитражного сбора осуществляется в биткоинах. После заслушивания сторон арбитры утверждают процессуальный график. Заседания проходят посредством видео-конференц-связи, все документы направляются в электронном виде с удостоверением электронной подписью и электронными ключами, верифицированными арбитражем. В части доказательств арбитраж руководствуется Правилами Международной ассоциации юристов по получению доказательств в международном арбитраже 2010 г. (IBA Rules of Evidence) (ст. 25 Арбитражного регламента). Спор рассматривается на основе принципов «добра и справедливости» (ex aequo et bono), если только стороны не договорились об ином, а также исходя из условий контракта и применимых к нему обычаев (ст. 33 Арбитражного регламента). Решение выносится в письменной форме, является окончательным для сторон и при отсутствии соглашения об ином может быть опубликовано на платформах github.com или cryptonomica.net (ст.ст. 32, 42 Арбитражного регламента).

На принципиально иных началах основаны проекты, реализующие децентрализованный блокчейн-арбитраж.

Примером таковых служит проект Oath, функционирующий на платформе Ethereum и основанный на модели, близкой к суду присяжных. При заключении смарт-контракта стороны вправе заранее включить в него специальный протокол разрешения споров (Smart Arbitration Plan), который в случае конфликта трансформируется в процедуру рассмотрения конкретного дела (Smart Arbitration Case) [Cryptonomica Arbitration Rules, 2026]. Стороны самостоятельно определяют параметры разбирательства, включая количество арбитров (нечетное число в установленном диапазоне) и требуемое большинство голосов для принятия решения. «Присяжные» отбираются случайным образом из числа пользователей платформы, а решение выносится на основе оценки условий контракта, представленных доказательств и принципа разумности. Проектом предусмотрена возможность обжалования решения в краткий срок путем повторного рассмотрения спора иным составом: процесс запускается заново с другими присяжными, не осведомленными о ранее вынесенном решении. При несогласии и с этим решением сторона вправе обжаловать его еще раз, однако решение, принятое по итогам третьего разбирательства, является окончательным и обжалованию не подлежит [Cryptonomica Arbitration Rules, 2026].

Схожую модель реализует проект Kleros, ориентированный на использование краудсорсинга в разрешении споров. Стороны заранее указывают Kleros в качестве арбитражного органа в смарт-контракте, а также определяют параметры разбирательства — тип специализированного «суда» и количество арбитров. В качестве членов жюри могут выступать лишь зарегистрированные в системе пользователи, располагающие токенами (pinakion – PNK); вероятность их назначения определяется пропорционально объему токенов, размещенных на депозите, тогда как окончательный отбор осуществляется случайным образом [Lesaege, Ast,

2026].

При возникновении спора формируется коллегия из случайно выбранных участников, обладающих соответствующей экспертизой; они анализируют представленные доказательства и выносят решение посредством голосования, при этом взаимодействие между арбитрами ограничено, а каждое решение подлежит мотивировке. Исполнение вынесенного решения осуществляется автоматически смарт-контрактом без необходимости обращения к каким-либо государственным механизмам принуждения [Lesaege, Ast, 2026]. Присяжные, проголосовавшие в соответствии с решением большинства, получают вознаграждение и часть токенов, утраченных присяжными меньшинства. Любая из сторон вправе обжаловать вынесенное решение, при этом каждый новый раунд апелляции предполагает удвоенный состав присяжных и соответственно возросший размер арбитражного сбора [Lesaege, Ast, 2026].

В доктрине отмечается, что практика децентрализованного блокчейн-арбитража уже получила ограниченное признание на уровне национальных правопорядков. В частности, в Мексике (государстве, являющемся участником Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и имплементировавшем положения Типового закона о МТА во внутреннее законодательство) имел место случай, в котором стороны договора аренды недвижимости включили арбитражную оговорку, подчиненную мексиканскому праву, а впоследствии, уже после возникновения спора, поручили арбитру передать его разрешение на платформу Kleros.

После рассмотрения дела коллегией из трех арбитров (присяжных) было вынесено решение, которое назначенный арбитр юридически оформил и представил в мексиканский суд для признания и приведения в исполнение – ходатайство было удовлетворено [Budhijanto, Amalia, Shiddiq, 2025]. Вместе с тем важно подчеркнуть, что в данном случае совместимость решения, вынесенного децентрализованной платформой, с действующим законодательством была достигнута ценой отказа от децентрализации, составляющей саму суть данной модели блокчейн-арбитража.

С учетом приведенной практики представляется возможным обозначить ряд проблем, которые по-прежнему не получили разрешения в рамках существующих блокчейн-арбитражных проектов.

Во-первых, нерешенным остается вопрос о месте арбитража, от которого зависят выбор применимого процессуального законодательства, определение компетентного форума для оспаривания решения и ряд иных процессуальных последствий. Решение данного вопроса лежит в плоскости выбора платформами универсального места блокчейн-арбитража среди пула юрисдикций с наиболее развитым законодательством о смарт-контрактах и блокчейне. В доктрине к таким относят американские штаты Теннеси, Аризона и Дэлавер [Shehata, 2026], а также Сингапур [Hochgürtel, 2026].

Во-вторых, решение децентрализованного блокчейн-арбитража исполняется автоматически, однако не гарантирует, что такое решение будет препятствовать повторному рассмотрению спора государственным судом (res judicata). Одновременно проигравшая сторона лишена возможности ходатайствовать об отмене арбитражного решения в порядке, предусмотренном ст. 34 Типового закона о МТА. В результате победившая в споре сторона получает технически исполнимое, но юридически уязвимое решение, не защищенное от параллельного оспаривания в государственном суде. При этом при рассмотрении дела de novo судья не будет связан выводами арбитров (жюри).

Наконец, несмотря на очевидные преимущества блокчейн-арбитража, выражающиеся в оперативности и эффективности разрешения споров, в рамках подобных процедур нередко

остаются без должного внимания ключевые гарантии справедливого разбирательства: прозрачность формирования состава арбитров (жюри) в условиях анонимности участников, наличие у них надлежащей квалификации, а также полноценная реализация права сторон быть заслушанными и представлять доказательства.

Нарушение базовых принципов справедливого и объективного разбирательства в блокчейн-арбитраже способно служить основанием для отказа в признании и приведении в исполнение его решения ввиду противоречия публичному порядку.

В частности, Апелляционный суд Амстердама отказал в признании и приведении в исполнение трех арбитражных решений, вынесенных в отношении займов в биткоинах, заключенных через онлайн-платформу.

По условиям платформы арбитраж автоматически инициировался при невыполнении обязательств по кредиту по истечении 90 дней, и должник, который хотел защитить себя в арбитраже, должен был по собственной инициативе отправить запрос по электронной почте в течение 7 дней после получения уведомления о неисполнении обязательств. Суд установил, что ответчик был лишен надлежащей возможности представить возражения против требований, понесенных в арбитражных решениях, или, по крайней мере, сообщить свою позицию по делу в нарушение публичного порядка [Amsterdam Court of Appeal, 2019].

Заключение

Можно заключить, что перспективы блокчейн-арбитража связаны не с полным отказом от государственно признанных арбитражных механизмов, а с их технологической модернизацией. Автоматизированное исполнение решения смарт-контрактом обеспечивает его фактическую реализуемость в цифровой среде, но не заменяет юридического признания, судебного контроля и гарантий справедливого разбирательства. Вследствие этого гибридные модели, сочетающие блокчейн-инфраструктуру с определенным местом арбитража, применимым правом и процессуальными гарантиями сторон, обладают существенно большей правовой устойчивостью, чем полностью децентрализованные системы. Последние могут рассматриваться как эффективный частный механизм разрешения споров в киберпространстве, однако их квалификация в качестве международного арбитража и возможность признания и приведение в исполнение их решений остаются обусловленными соблюдением требований национального права и Нью-Йоркской конвенции 1958 г.

Библиография

16. Засемкова О.Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex Russica. 2020. № 4 (161). С. 9-19.
17. Amsterdam Court of Appeal. Judgment of 29 Jan. 2019. ECLI:NL:GHAMS:2019:192. URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:GHAMS:2019:192.
18. Budhijanto D., Amalia P., Shiddiq N.A. Blockchain arbitration: roadmap to recognition and enforcement of arbitral award // Cogent Social Sciences. 2025. P. 1-19.
19. Cryptonomica Arbitration Rules. URL: https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#place-of-arbitration.
20. Digital Dispute Resolution Rules / UK Jurisdiction Taskforce. URL: https://mattereum.com/wp-content/uploads/docs/UKJT-Digital-Dispute-Resolution-Rules.pdf.
21. Hochgürtel A.-S. "Take a Seat": Overcoming the Enforceability Challenges of Crowdsourced Blockchain Arbitration // Journal of Dispute Resolution. 2026. P. 27-58.
22. How it works // Mattereum. URL: https://mattereum.com/how-it-works/.

23. Lesaege C., Ast F. Kleros: Short Paper v1.0.5. URL: https://kleros.io/assets/whitepaper.pdf.
24. OATH Protocol. Blockchain Alternative Dispute Resolution Protocol. Version 2.6.0. URL: https://oaths.io/files/OATH-Whitepaper-EN.pdf.
25. Shehata I. Smart Contracts & International Arbitration. URL: https://www.researchgate.net/publication/330251560_Smart_Contracts_International_Arbitration.
26. Working Paper. Smart Contracts. Real Property. URL: https://mattereum.com/wp-content/uploads/2020/02/mattereum_workingpaper.pdf.

Non-State Regulation of Blockchain Arbitration

Konstantin V. Smolkov

Master's Degree Holder,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kostya.smolkov.2002@gmail.com

Abstract

Blockchain arbitration is one of the forms of online arbitration, the characteristic feature of which is its focus on resolving disputes arising from smart contracts, as well as a specific form of arbitration agreement embedded directly in the code. It is important to note that the source of regulation of blockchain arbitration is predominantly not international agreements and national legislation, but digital and contractual mechanisms developed by private companies. The analysis of the practice of resolving disputes arising from smart contracts makes it possible to distinguish two groups of projects differing in the degree of integration of the dispute resolution procedure and the enforcement of the decision into the blockchain protocol. The first group includes the so-called "hybrid" projects (Cryptonomica, Mattereum, Juris, SAMBA), which envisage the creation of specialized arbitration combining elements of international commercial arbitration and blockchain technology. The second group includes projects focused on the formation of decentralized quasi-judicial systems (Aragon, Confideal, Jur, Kleros, Oath). The article analyzes the legal features of the functioning of these platforms, identifies the key problems of non-state regulation of blockchain arbitration (the absence of the seat of arbitration, the legal vulnerability of decisions, the insufficiency of procedural guarantees), and substantiates the conclusion that hybrid models combining blockchain infrastructure with procedural guarantees and applicable law possess significantly greater legal stability than fully decentralized systems.

For citation

Smolkov K.V. (2026) Negosudarstvennoe regulirovanie blokcheyn-arbitrazha [Non-State Regulation of Blockchain Arbitration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 307-313. DOI: 10.34670/AR.2026.90.38.032

Keywords

Blockchain arbitration, smart contracts, decentralized quasi-judicial systems, hybrid projects, non-state regulation, crypto arbitration, online arbitration, recognition and enforcement of arbitral awards.

References

1. Amsterdam Court of Appeal (2019). Judgment of 29 Jan. 2019. ECLI:NL:GHAMS:2019:192. Available at: https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:GHAMS:2019:192.
2. Budhijanto D., Amalia P., Shiddiq N.A. (2025). Blockchain arbitration: roadmap to recognition and enforcement of arbitral award. *Cogent Social Sciences*, pp. 1-19.
3. *Cryptonomica Arbitration Rules*. Available at: https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#place-of-arbitration.
4. *Digital Dispute Resolution Rules*. UK Jurisdiction Taskforce. Available at: https://mattereum.com/wp-content/uploads/docs/UKJT-Digital-Dispute-Resolution-Rules.pdf.
5. Hochgürtel A.-S. (2026) "Take a Seat": Overcoming the Enforceability Challenges of Crowdsourced Blockchain Arbitration. *Journal of Dispute Resolution*, pp. 27-58.
6. *How it works*. Mattereum. Available at: https://mattereum.com/how-it-works/.
7. Lesaege C., Ast F. (2026) *Kleros: Short Paper v1.0.5*. Available at: https://kleros.io/assets/whitepaper.pdf.
8. *OATH Protocol. Blockchain Alternative Dispute Resolution Protocol*. Version 2.6.0. Available at: https://oaths.io/files/OATH-Whitepaper-EN.pdf.
9. Shehata I. (2019). *Smart Contracts & International Arbitration*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330251560_Smart_Contracts_International_Arbitration.
10. *Working Paper. Smart Contracts. Real Property*. Available at: https://mattereum.com/wp-content/uploads/2020/02/mattereum_workingpaper.pdf.
11. Zasemkova O.F. (2020). O sposobakh razresheniya sporov, voznikayushchikh iz smart-kontraktov [On methods of resolving disputes arising from smart contracts]. *Lex Russica*, (4(161)), pp. 9-19.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.61/.64 **DOI: 10.34670/AR.2026.89.66.033**

Эмоциональное оставление ребенка в российском семейном праве: проблемы квалификации и правовые последствия

Загорских Светлана Анатольевна

Старший преподаватель,
кафедра гражданского права,
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: pelageya82@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена «эмоционального оставления» (психического отвержения) ребенка в контексте российского семейного права. Анализируются нормативные основания привлечения родителей к ответственности за психическое насилие и эмоциональное пренебрежение, рассматриваются актуальные тенденции судебной практики, в том числе квалификация систематического «необщения» как самостоятельного основания для лишения родительских прав. Особое внимание уделено проблемам доказывания эмоционального оставления и необходимости совершенствования законодательства в данной сфере. Автором обосновывается вывод о том, что эмоциональное оставление, несмотря на отсутствие прямого упоминания в Семейном кодексе РФ, подлежит правовой квалификации через институты психического насилия, уклонения от воспитания и злоупотребления родительскими правами, а судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию чисто психологического отвержения самостоятельным основанием для применения самых суровых мер семейно-правовой ответственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Загорских С.А. Эмоциональное оставление ребенка в российском семейном праве: проблемы квалификации и правовые последствия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 314-329. DOI: 10.34670/AR.2026.89.66.033

Ключевые слова

Эмоциональное оставление, психическое насилие, лишение родительских прав, ограничение родительских прав, уклонение от воспитания, необщение с ребенком, семейное право, жестокое обращение с детьми, эмоциональное пренебрежение.

Введение

На международном и национальном уровнях закреплено право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями и воспитание ими. Осуществление родительских прав не должно причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Однако в современной правовой доктрине все более остро ставится проблема так называемого "эмоционального оставления" (emotional neglect, affective abandonment) - ситуации, при которой родители формально сохраняют права и нередко выполняют материальные обязательства, но систематически игнорируют эмоциональные потребности ребенка, лишая его необходимой психологической поддержки, заботы и участия в жизни.

В отечественной доктрине семейного права традиционно исследуются такие формы нарушения прав ребенка, как физическое насилие, жестокое обращение, уклонение от исполнения родительских обязанностей. Категория "эмоциональное оставление" остается практически не разработанной: отсутствует ее легальное определение, не выработаны критерии, позволяющие отграничить ее от смежных правовых явлений, что порождает неопределенность в правоприменительной практике.

Отдельные аспекты защиты детей от психологического насилия рассматривались в работах А.М. Нечаевой [Андреянова, 2025], Н.Н. Тарусиной [Тарусина, 2024] и других. Однако категория "эмоциональное оставление" как самостоятельная форма нарушения прав ребенка в российской науке семейного права практически не исследована.

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, нарастающая дестабилизация семьи и семейных устоев приводит к росту случаев эмоционального отвержения детей, в том числе во внешне благополучных семьях. Во-вторых, действующее семейное законодательство не содержит прямого понятия "эмоциональное оставление", что порождает трудности правовой квалификации и доказывания. В-третьих, судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию оснований лишения и ограничения родительских прав, что требует системного научного осмысления.

Цель настоящей статьи - на основе анализа нормативных правовых актов, доктринальных источников и судебной практики определить правовую природу эмоционального оставления ребенка, выявить проблемы его квалификации и предложить пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Понятие и сущность эмоционального оставления

В психологической науке эмоциональное оставление (эмоциональное отвержение) рассматривается как форма психического насилия, выражающаяся в систематическом игнорировании родителями эмоциональных потребностей ребенка, отсутствии эмоциональной теплоты, заботы и участия в его жизни, а также в применении недопустимых способов воспитания, унижающих человеческое достоинство. В юридической литературе данное явление все чаще анализируется в контексте неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, однако единого правового подхода к его содержанию не выработано.

Представляется возможным определить эмоциональное оставление ребенка как

систематическое (не менее трех месяцев подряд) уклонение родителя (лица, его заменяющего) от выполнения обязанностей по эмоциональной заботе о ребенке, выражающееся в отсутствии должного внимания, участия в жизни ребенка, эмоциональной поддержки, не обусловленное материальными трудностями, если такое уклонение подтверждено заключением судебно-психологической экспертизы как причиняющее вред психическому здоровью или нравственному развитию ребенка. Эмоциональное оставление представляет собой форму неисполнения родительских обязанностей по воспитанию и создает угрозу психическому благополучию ребенка.

Из данного определения вытекают следующие сущностные признаки эмоционального оставления:

– систематичность - разовое проявление холодности или отстраненности, как правило, не образует рассматриваемого явления; необходимо длящееся, повторяющееся поведение (бездействие);
– пассивная форма - эмоциональное оставление выражается преимущественно в бездействии, отказе от эмоционального контакта, а не в активных насильственных действиях, что отличает его от психического насилия в узком смысле (оскорбления, угрозы, унижения);
– отсутствие материальной обусловленности - родители могут надлежащим образом исполнять имущественные обязанности (содержать ребенка, оплачивать обучение, лечение), что не исключает эмоционального оставления;
– реальная угроза психическому здоровью и развитию - игнорирование эмоциональных потребностей приводит к деформации личности, эмоциональной депривации, трудностям социализации, что подтверждается данными возрастной психологии и детской психиатрии.

Эмоциональное оставление необходимо отграничивать от смежных правовых категорий. Психическое насилие (ст. 69 СК РФ) предполагает прежде всего активные действия - угрозы, запугивание, унижение, грубое обращение, тогда как эмоциональное оставление - это преимущественно бездействие, хотя в ряде случаев они могут сочетаться. Жестокое обращение (ст. 156 УК РФ) охватывает как физическое, так и психическое насилие, но в правоприменительной практике оно чаще связывается с явными, внешне выраженными формами. Уклонение от выполнения родительских обязанностей (ст. 69 СК РФ) традиционно толкуется как неисполнение всего комплекса обязанностей, включая материальное содержание и заботу о здоровье; эмоциональное оставление представляет собой специфическую разновидность такого уклонения, когда при формальном выполнении части обязанностей полностью игнорируется эмоционально-воспитательная составляющая.

Действующее семейное законодательство не содержит легального термина "эмоциональное оставление", однако его признаки могут быть квалифицированы через ряд норм. Согласно ст. 69 СК РФ, родители могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей или жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют психическое насилие над ними [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что уклонение от родительских обязанностей может выражаться в отсутствии заботы о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка, а также в уклонении от его воспитания и обучения [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44, 2017]. Таким образом, систематическое игнорирование эмоциональных потребностей ребенка, отказ от общения с ним,

демонстративное безразличие к его переживаниям могут быть оценены как уклонение от воспитания либо как психическое насилие в форме пренебрежения.

Ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ) применимо, если оставление ребенка с родителем опасно для него вследствие поведения родителя, но достаточные основания для лишения прав отсутствуют [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Эмоциональное оставление, не достигшее степени злостного уклонения или жестокого обращения, но создающее угрозу психическому здоровью ребенка, может служить основанием для ограничения родительских прав.

Уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996]. Эмоциональное оставление само по себе, без признаков жестокости, обычно не образует состава данного преступления, что порождает пробел в уголовно-правовой охране прав ребенка.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эмоциональное оставление ребенка представляет собой самостоятельную форму нарушения права ребенка на заботу и воспитание, которая не сводится ни к одному из закрепленных в законе оснований ответственности родителей, хотя и может быть частично охвачена ими. Это обусловливает необходимость дальнейшей разработки доктринального понятия и критериев квалификации эмоционального оставления, а также постановки вопроса о его возможном легальном закреплении в семейном законодательстве.

"Необщение" как самостоятельное основание для лишения родительских прав

Одной из наиболее значимых тенденций современной судебной практики по спорам о воспитании детей является признание систематического уклонения родителя от личного общения с ребенком самостоятельным и достаточным основанием для лишения родительских прав. Несмотря на то, что Семейный кодекс РФ в ст. 69 прямо не выделяет "необщение" в качестве отдельного основания, суды правомерно квалифицируют такое поведение как форму уклонения от выполнения родительских обязанностей, а именно от обязанности по воспитанию ребенка (ст. 63 СК РФ) [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Подобная квалификация отражает содержательное наполнение родительских прав и обязанностей, которые не исчерпываются материальным содержанием, а включают личное участие в жизни ребенка, заботу о его физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

Для целей правового анализа под "необщением" следует понимать систематическое, продолжающееся без уважительных причин уклонение родителя от любых форм личного контакта с ребенком (встреч, телефонных разговоров, переписки, совместного проведения досуга), повлекшее утрату или существенное ослабление эмоциональной связи между ними. Данное поведение представляет собой разновидность эмоционального оставления, поскольку родитель, сохраняя юридическую связь с ребенком и нередко исполняя имущественные обязанности, сознательно устраняется от межличностного взаимодействия, необходимого для нормального психоэмоционального развития несовершеннолетнего.

Правовую основу квалификации "необщения" образуют следующие нормативные положения. Во-первых, ст. 63 СК РФ возлагает на родителей обязанность воспитывать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном

развитии. Во-вторых, ст. 66 СК РФ, регулируя осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, закрепляет его право на общение с ребенком и участие в его воспитании. При этом, как обоснованно отмечается в юридической литературе, реализация данного права не может быть произвольной: она подчинена интересам ребенка и одновременно является формой исполнения родительской обязанности по воспитанию [Тарусина, 2024]. Следовательно, отказ от общения без уважительных причин, длящийся во времени, свидетельствует о неисполнении этой обязанности. В-третьих, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 "О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав" раскрывает понятие уклонения от выполнения родительских обязанностей, относя к нему, в частности, отсутствие заботы о психическом, духовном и нравственном развитии детей, уклонение от их воспитания и обучения [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44, 2017]. Систематическое необщение родителя с ребенком, при котором родитель не проявляет интереса к его жизни, не участвует в воспитании, не оказывает эмоциональной поддержки, полностью охватывается данным разъяснением.

Анализ судебной практики показывает, что для признания "необщения" достаточным основанием для лишения родительских прав суды устанавливают совокупность следующих юридически значимых обстоятельств: 1) длительность и систематичность уклонения от контактов (как правило, не менее нескольких месяцев или лет); 2) отсутствие уважительных причин, объективно препятствующих общению (тяжелая болезнь родителя, отдаленность проживания при доказанной невозможности приезда, противоправное поведение второго родителя, создающего препятствия); 3) наличие у родителя реальной возможности поддерживать связь с ребенком; 4) отношение второго родителя (не препятствовал ли он общению); 5) последствия для ребенка (утрата привязанности, эмоциональное отчуждение, негативные изменения в поведении и развитии). При этом суды исходят из того, что надлежащее исполнение обязанности по материальному содержанию, включая регулярную уплату алиментов, не компенсирует отсутствие личного участия в воспитании и не является основанием для отказа в лишении родительских прав.

Показательной в этом отношении является сложившаяся судебная практика: суды, руководствуясь ст. 63, 66, 69 СК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, квалифицируют систематическое необщение родителя с ребенком, отсутствие интереса к его жизни, здоровью и развитию как уклонение от воспитания и применяют крайнюю меру – лишение родительских прав. Данный подход отражает устойчивую позицию, согласно которой эмоциональное оставление, выражающееся в длительном «необщении», является формой неисполнения родительских обязанностей и влечет применение крайней меры семейно-правовой ответственности. Аналогичные подходы встречаются и в других судебных решениях (например, № 2-2061/2025 [Решение Щелковского городского суда от 03.03.2025 по делу № 2-2061/2025, 2025], № 2-788/2025 [Решение Петушинского районного суда от 24.06.2025 по делу № 2-788/2025, 2025], № 2-8642/2025 [Решение Подольского городского суда от 04.09.2025 по делу № 2-8642/2025, 2025]), что свидетельствует о сформировавшейся тенденции.

Вместе с тем следует отметить ряд проблем, возникающих при доказывании и правовой квалификации "необщения". Во-первых, отсутствие легального определения и четких критериев порождает риск неоднородной практики: суды по-разному оценивают продолжительность и причины отсутствия контактов. Во-вторых, существует вероятность злоупотребления правом со

стороны родителя, с которым проживает ребенок, который может намеренно препятствовать общению, а затем использовать факт длительного отсутствия контактов для инициирования лишения родительских прав другого родителя. Для предотвращения подобных ситуаций судам необходимо тщательно исследовать обстоятельства, связанные с реализацией права на общение, в том числе устанавливать, предпринимал ли отдельно проживающий родитель попытки к общению, обращался ли в органы опеки или суд за защитой своего права, не чинились ли ему препятствия. В-третьих, при квалификации "необщения" как уклонения от воспитания необходимо учитывать возраст ребенка и его отношение к родителю, поскольку для ребенка раннего возраста разрыв контакта может быть особенно травматичным, тогда как подросток вправе самостоятельно определять желание общаться.

Таким образом, "необщение" родителя с ребенком, приобретающее систематический и безосновательный характер, следует рассматривать как проявление эмоционального оставления и форму уклонения от выполнения родительских обязанностей по воспитанию. Действующее правовое регулирование позволяет квалифицировать такое поведение в рамках ст. 69 СК РФ без внесения изменений в закон, однако для обеспечения единообразия судебной практики целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснением о том, что систематическое уклонение родителя от личного общения с ребенком без уважительных причин, повлекшее утрату эмоциональной связи, относится к уклонению от воспитания и может служить основанием для лишения родительских прав. Такой подход отвечает принципу наилучших интересов ребенка и способствует защите его права на полноценное семейное воспитание, включающее не только материальное обеспечение, но и эмоциональную близость, заботу и участие в жизни.

Межличностный конфликт как основание ограничения родительских прав

Ограничение родительских прав представляет собой меру семейно-правовой ответственности, применяемую в случаях, когда оставление ребенка с родителем (одним из них) опасно для него, однако достаточные основания для лишения родительских прав отсутствуют (ст. 73 СК РФ). В науке семейного права обоснованно отмечается, что опасность для ребенка может выражаться не только в физической угрозе, но и в стойком негативном отношении ребенка к родителю, обусловленном длительным межличностным конфликтом между ними [Андреянова, 2025]. Такой конфликт, сопровождающийся эмоциональным отчуждением, страхом, отказом от общения, способен причинить существенный вред психическому здоровью и нормальному развитию несовершеннолетнего, что ставит вопрос о допустимости ограничения родительских прав именно по данному основанию.

Правовая природа ограничения родительских прав вследствие межличностного конфликта определяется двойственным характером оснований, предусмотренных ст. 73 СК РФ. Как справедливо указывает М.С. Андреянова, путем сравнительного анализа правовых норм можно выделить два основания ограничения родительских прав: опасность оставления ребенка с родителем по обстоятельствам, не зависящим от родителя (психическое расстройство, иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств), и опасность, возникшая вследствие виновного поведения родителя (злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение, уклонение от воспитания) [Андреянова, 2025, с. 195]. Межличностный конфликт может иметь как виновную, так и невиновную природу. Виновная форма выражается в

систематическом эмоциональном отвержении ребенка, унижении, игнорировании его потребностей, что провоцирует ответную негативную реакцию ребенка и устойчивое отчуждение. Невиновная форма может быть обусловлена объективными обстоятельствами, например длительной разлукой, повлекшей утрату эмоциональной связи, либо влиянием третьих лиц, настраивающих ребенка против родителя. В обоих случаях результатом становится невозможность совместного проживания без угрозы психическому благополучию ребенка.

Для признания межличностного конфликта достаточным основанием ограничения родительских прав суду необходимо установить совокупность юридически значимых обстоятельств. Во-первых, длительность и устойчивость конфликта: кратковременные разногласия, обусловленные возрастными особенностями или конкретной ситуацией, не могут служить основанием для ограничения прав. Во-вторых, характер отношения ребенка к родителю: наличие страха, стойкого нежелания общаться, негативных эмоциональных реакций, подтвержденных заключением психолога. В-третьих, причины возникновения конфликта, в том числе поведение самого родителя (проявлял ли он заботу, предпринимал ли попытки наладить контакт, не допускал ли насилия или пренебрежения), а также поведение второго родителя (не препятствовал ли общению, не формировал ли у ребенка негативный образ другого родителя). В-четвертых, мнение органов опеки и попечительства, которые обязаны дать заключение о целесообразности ограничения родительских прав с учетом интересов ребенка. В-пятых, заключение психолого-психиатрической экспертизы, позволяющее оценить влияние конфликта на психическое состояние ребенка и прогноз его развития [Андреянова, 2025, с. 199-200].

Проблемы доказывания по данной категории дел связаны с необходимостью разграничения виновного и невиновного поведения родителя, а также с риском злоупотребления правом со стороны родителя, с которым проживает ребенок. Последний может сознательно создавать условия для формирования у ребенка негативного отношения к другому родителю, ограничивать общение, а затем использовать возникший конфликт как основание для ограничения родительских прав. В таких ситуациях суду следует особенно тщательно исследовать историю взаимоотношений, устанавливать, имели ли место препятствия к общению, обращался ли родитель за защитой своего права на общение в органы опеки или суд. Существенное значение приобретает также возраст ребенка и его способность к самостоятельному формированию мнения: для ребенка раннего возраста конфликт с родителем чаще всего является отражением конфликта между взрослыми либо следствием поведения самого родителя, тогда как подросток вправе выражать собственное отношение, которое, однако, также должно оцениваться критически с учетом возможного влияния заинтересованных лиц.

Судебная практика последних лет демонстрирует признание межличностного конфликта в качестве обстоятельства, свидетельствующего об опасности оставления ребенка с родителем. Суды, как правило, удовлетворяют требования об ограничении родительских прав, если установлено, что конфликт носит затяжной характер, негативно влияет на эмоциональное состояние ребенка, а родитель не предпринимает реальных мер к восстановлению отношений либо сам провоцирует отчуждение своим поведением. При этом материальное содержание ребенка, как и в случае с "необщением", не компенсирует отсутствие эмоционального контакта и не исключает ограничения родительских прав. В то же время, если конфликт вызван исключительно действиями второго родителя, суды отказывают в ограничении прав, усматривая в этом попытку неправомерного лишения родителя возможности участвовать в воспитании.

Следует учитывать, что ограничение родительских прав по рассматриваемому основанию является временной мерой: согласно п. 2 ст. 76 СК РФ, если основания, в силу которых родитель был ограничен в правах, отпали, суд по иску родителя может вынести решение о возвращении ребенка и отмене ограничений. Поэтому межличностный конфликт не должен рассматриваться как необратимое основание; напротив, его квалификация в качестве юридического факта предполагает возможность восстановления детско-родительских отношений при условии устранения причин отчуждения, в том числе посредством психологической помощи, семейной медиации.

Таким образом, межличностный конфликт между родителем и ребенком, достигающий такой степени, при которой совместное проживание становится опасным для психического здоровья и развития несовершеннолетнего, может выступать основанием ограничения родительских прав. Однако его применение требует установления совокупности обстоятельств, исключающих как необоснованное вторжение в сферу родительских прав, так и злоупотребление правом со стороны другого родителя. Для обеспечения единообразного подхода целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснением о том, что длительный межличностный конфликт, подтвержденный заключением психолого-педагогической экспертизы и повлекший существенное нарушение эмоциональной связи, может рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее об опасности оставления ребенка с родителем применительно к ст. 73 СК РФ. Это позволит более эффективно защищать право ребенка на благоприятную семейную среду и одновременно гарантировать родителю возможность восстановления родительских прав при изменении ситуации.

Проблемы доказывания эмоционального оставления

Ключевая особенность эмоционального оставления как правового явления состоит в том, что оно представляет собой длящееся бездействие, не оставляющее очевидных материальных следов. Если физическое насилие может быть подтверждено медицинскими документами, свидетельскими показаниями о видимых повреждениях, то отсутствие эмоциональной связи, заботы и участия проявляется главным образом в психологическом состоянии ребенка и характере детско-родительских отношений. Это обусловливает необходимость использования комплекса косвенных доказательств и специальных знаний, а также порождает ряд процессуальных трудностей, требующих системного анализа.

В судебной практике для установления факта эмоционального отвержения используются различные средства доказывания. Центральное место среди них занимает заключение судебной психолого-педагогической экспертизы, которая позволяет оценить эмоциональную связь между родителем и ребенком, наличие или отсутствие привязанности, психологическое состояние несовершеннолетнего. Вместе с тем доказательственная ценность такого заключения не абсолютна: результаты экспертизы во многом зависят от квалификации эксперта, применяемых методик и полноты представленных материалов. Отсутствие единых стандартов проведения подобных исследований в делах о семейных спорах порождает риск противоречивых выводов, что снижает предсказуемость судебных решений.

Ключевым и обязательным доказательством по делам об эмоциональном оставлении является заключение судебной психолого-педагогической экспертизы, которая должна подтвердить наличие вреда психическому здоровью или нравственному развитию ребенка, а

также причинно-следственную связь между поведением родителя и этим вредом. Без такого заключения факт эмоционального оставления не может считаться установленным. Иные доказательства (показания свидетелей, акты органов опеки, наблюдения педагогов) имеют вспомогательное значение и подлежат оценке в совокупности с экспертным заключением.

Заключение врачебной психиатрической комиссии в отношении родителя, позволяющее оценить его психическое здоровье и способность к адекватному эмоциональному реагированию, также может иметь значение, однако оно далеко не всегда отражает реальную способность к установлению и поддержанию эмоционального контакта. Психическое расстройство само по себе не является безусловным доказательством эмоционального оставления, если оно не проявляется в конкретном поведении родителя.

Акты обследования материально-бытовых условий и характеризующие материалы, как правило, фиксируют лишь внешние, формальные аспекты жизни семьи и не позволяют оценить качество эмоциональных отношений. Аналогичным образом заключения органов опеки и попечительства, хотя и обязательны по данной категории дел, нередко носят общий характер и не содержат глубокого анализа психологической составляющей.

Особую сложность представляет использование показаний ребенка. Согласно ст. 57 СК РФ, мнение ребенка, достигшего десяти лет, обязательно учитывается, а в ряде случаев его согласие является необходимым. Однако эмоциональное оставление чаще всего затрагивает детей младшего возраста, которые не могут адекватно сформулировать свое отношение. Кроме того, ребенок может находиться под влиянием одного из родителей, что искажает его показания. Поэтому показания ребенка должны оцениваться в совокупности с другими доказательствами, в том числе с наблюдениями педагогов, психологов, результатами бесед, зафиксированными в письменных заключениях.

Бремя доказывания по делам о лишении или ограничении родительских прав лежит на истце, которым обычно выступает орган опеки и попечительства, прокурор или другой родитель. В случае эмоционального оставления заявитель сталкивается с объективной трудностью: необходимо доказать длящееся бездействие, то есть отсутствие действий, которые трудно зафиксировать. В отличие от единичного акта физического насилия, эмоциональное оставление проявляется в повседневном поведении, часто скрытом от посторонних. Суды вынуждены опираться на косвенные доказательства: свидетельские показания родственников, педагогов, соседей; переписку и записи телефонных разговоров; данные из социальных сетей; медицинские и психологические документы. Однако их допустимость и достоверность нередко оспариваются, особенно в части аудио- и видеозаписей, полученных без согласия сторон.

Значительная проблема состоит в разграничении действительного эмоционального оставления и ситуации, когда второй родитель умышленно создает препятствия к общению, формируя у ребенка негативный образ другого родителя. В таких случаях отсутствие контакта может быть вызвано не бездействием родителя, а активным противодействием противоположной стороны. Ранее уже отмечалось, что суду необходимо исследовать, предпринимал ли родитель попытки к общению, обращался ли за защитой своего права. С доказательственной точки зрения это означает необходимость установления причинно-следственной связи между поведением родителя и возникшим отчуждением. Если родитель докажет, что он систематически предпринимал меры к восстановлению общения (обращения в органы опеки, суд, письменные обращения), но встретил препятствия, его бездействие не должно квалифицироваться как эмоциональное оставление.

Судебная практика признает активное психическое насилие (например, психологическое давление на ребенка, манипуляции, запугивание) достаточным основанием для лишения родительских прав (например, дела № 2-1429/2024 [Решение Кировского районного суда г. Волгограда от 08.07.2024 по делу № 2-1429/2024, 2024], № 2-687/2024 [Решение Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 18.11.2024 по делу № 2-687/2024, 2024], № 2-6090/2023 [Решение Химкинского городского суда Московской области от 22.10.2023 по делу № 2-6090/2023, 2023], № 33-21443/2024 [Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2024 по делу № 33-21443/2024, 2024]). В подобных случаях, как правило, имеются объективные доказательства: изменение поведения ребенка после контактов с родителем, его замкнутость, подавленность, тревожность, зафиксированные специалистами (педагогами, психологами, органами опеки). Однако в делах о пассивном эмоциональном оставлении, когда родитель просто не проявляет инициативы к общению, не интересуется жизнью, здоровьем и развитием ребенка, доказать такое поведение значительно сложнее. Отсутствие действий само по себе не фиксируется каким-либо актом, и судам приходится опираться на косвенные доказательства: длительность периода без контакта, отсутствие попыток восстановить общение, неиспользование доступных средств связи, а также показания свидетелей и заключения органов опеки. Именно поэтому в практике выработаны более строгие требования к доказательственной базе по делам о пассивном оставлении, что отличает их от случаев с доказанным психическим насилием.

Таким образом, эффективное доказывание эмоционального оставления требует комплексного подхода, включающего совокупность согласующихся между собой доказательств: заключений экспертов, свидетельских показаний, данных о поведении ребенка, материалов органов опеки. Для повышения единообразия практики целесообразно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснить, что факт эмоционального оставления может быть установлен на основании совокупности косвенных доказательств, если они в своей взаимосвязи достаточно и достоверно свидетельствуют о систематическом уклонении родителя от эмоционального контакта. Кроме того, необходимо сформулировать требования к содержанию судебной психолого-педагогической экспертизы, обязав экспертов указывать конкретные методики и обосновывать выводы об отсутствии привязанности. Это позволит снизить субъективность оценки и повысить защищенность прав детей от эмоционального отвержения.

Направления совершенствования законодательства

Проведенный анализ нормативной базы, доктринальных источников и судебной практики позволяет констатировать, что действующее семейное законодательство содержит лишь фрагментарные механизмы противодействия эмоциональному оставлению детей. Существующие правовые категории (уклонение от воспитания, психическое насилие, жестокое обращение) не в полной мере охватывают ситуации, при которых родитель формально сохраняет правовую связь с ребенком, но систематически игнорирует его эмоциональные потребности, не причиняя при этом явного физического вреда. Это обусловливает необходимость комплексного совершенствования законодательства по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Первое направление связано с легализацией понятия "отказ от ребенка" (child abandonment),

которое охватывало бы как физическое, так и эмоциональное оставление. В зарубежных правопорядках данный институт используется для квалификации случаев, когда родитель сознательно устраняется от выполнения родительских обязанностей, включая заботу, воспитание и эмоциональную поддержку, независимо от того, сопровождается ли это физическим оставлением. Например, в ряде штатов США под child abandonment понимается не только оставление ребенка без попечения, но и длительное отсутствие контакта и поддержки, что служит самостоятельным основанием для лишения родительских прав [Child Abuse Prevention and Treatment Act (CAPTA), 2026]. В Германии аналогичные ситуации охватываются понятием "грубое пренебрежение обязанностями по воспитанию" (§ 1666 BGB) [Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 1666, 2026], которое включает и эмоциональное пренебрежение. Введение в Семейный кодекс РФ категории "отказ от ребенка" либо "эмоциональное оставление" позволило бы устранить неопределенность при квалификации и создать единое правовое основание, объединяющее различные формы уклонения от воспитания. При этом следует учитывать, что расширение оснований ответственности родителей сопряжено с риском злоупотреблений со стороны второго родителя и чрезмерного вмешательства государства в семейные отношения. Поэтому введение нового понятия должно сопровождаться четкими критериями: систематичность, отсутствие уважительных причин, реальная возможность выполнения обязанностей, а также обязательная оценка последствий для ребенка. Предлагается дополнить ст. 69 СК РФ пунктом следующего содержания: "систематическое уклонение родителя от личного общения с ребенком, выражающееся в отказе от воспитания, эмоциональной поддержки и участия в жизни ребенка без уважительных причин, если это повлекло утрату или существенное нарушение эмоциональной связи между родителем и ребенком".

Второе направление состоит в законодательном закреплении обязанности родителей обеспечивать не только физическое, но и психическое и эмоциональное благополучие ребенка. Действующая редакция ст. 63 СК РФ возлагает на родителей обязанность заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей, однако понятие "эмоциональное благополучие" прямо не упоминается. Судебная практика, как показано в предыдущих разделах, вынуждена восполнять этот пробел путем расширительного толкования уклонения от воспитания. Целесообразно дополнить ст. 63 СК РФ указанием на то, что родители обязаны обеспечивать эмоциональное благополучие ребенка, включая проявление заботы, любви, внимания и уважения к его личности, создание условий для формирования и поддержания эмоциональной привязанности. Такое уточнение позволит судам более последовательно квалифицировать эмоциональное пренебрежение как нарушение родительских обязанностей, а также станет правовой основой для разграничения виновного и невиновного поведения родителя.

Третье направление касается совершенствования процедуры доказывания эмоционального оставления. Как отмечалось ранее, ключевая сложность заключается в отсутствии объективных критериев оценки эмоциональной связи между родителем и ребенком и единых стандартов проведения судебных психолого-педагогических экспертиз. Представляется необходимым на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делам данной категории, и разъяснить, что эмоциональное оставление может быть установлено на основании совокупности косвенных доказательств (заключений экспертов, свидетельских показаний, данных о поведении ребенка, материалов

органов опеки), если они в своей взаимосвязи достаточно и достоверно свидетельствуют о систематическом уклонении родителя от эмоционального контакта. Кроме того, следует сформулировать требования к содержанию экспертного заключения: эксперт обязан указать примененные методики, обосновать выводы об отсутствии или нарушении привязанности, оценить психологическое состояние ребенка и влияние на него поведения родителя. Разработка единых методических рекомендаций для экспертов, утвержденных Министерством юстиции РФ или иным уполномоченным органом, способствовала бы повышению объективности и сопоставимости экспертных выводов.

Четвертое направление связано с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 16 июля 2026 г. № 49-П [Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2026 № 49-П, 2026]. В указанном решении КС РФ признал, что в случае совершения родителем в отношении ребенка преступления, являющегося основанием для лишения родительских прав, сохранение помимо воли ребенка, достигшего восемнадцати лет, его правовой связи с этим родителем затрагивает достоинство личности и ставит под сомнение эффективность судебной защиты. Суд отметил, что юридическая связь между родителем и ребенком не может сохраняться исключительно в силу формального родства, если она причиняет страдания и противоречит воле ребенка. Хотя данное постановление принято в контексте преступлений против половой неприкосновенности, его правовая логика может быть распространена и на случаи длительного эмоционального насилия или оставления, повлекших стойкую утрату эмоциональной связи. Представляется целесообразным закрепить в семейном законодательстве механизм, позволяющий совершеннолетнему ребенку в судебном порядке прекратить правовую связь с родителем, который систематически уклонялся от выполнения родительских обязанностей, включая эмоциональное оставление. Это обеспечит защиту достоинства личности и права на уважение частной и семейной жизни, гарантированных ст. 21, 23 Конституции РФ и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Наряду с применением крайних мер (лишение и ограничение родительских прав) представляется обоснованным введение промежуточной меры ответственности за эмоциональное оставление, не требующей немедленного разрыва детско-родительских отношений. Предлагается дополнить Семейный кодекс РФ статьей 69.1, устанавливающей ответственность в виде компенсации морального вреда, причиненного ребенку, с обязательным прохождением родителем курса психологической коррекции. При повторном (в течение двух лет) эмоциональном оставлении это может служить основанием для ограничения или лишения родительских прав. Такой подход позволит судам применять соразмерные меры и стимулировать родителей к восстановлению эмоционального контакта.

При этом предлагается установить, что повторное (в течение двух лет после вступления в силу судебного акта о компенсации морального вреда) эмоциональное оставление может служить основанием для ограничения или лишения родительских прав в порядке, предусмотренном статьями 73 и 69 СК РФ.

Таким образом, совершенствование законодательства в сфере противодействия эмоциональному оставлению детей должно носить комплексный характер и включать: уточнение понятийного аппарата семейного права, закрепление обязанности родителей обеспечивать эмоциональное благополучие ребенка, разработку единых критериев доказывания и методик экспертной оценки, а также расширение правовых последствий для родителей, систематически нарушающих эмоциональную связь с ребенком. Предложенные меры позволят

более эффективно защищать право ребенка на полноценное семейное воспитание и одновременно обеспечат соблюдение прав и законных интересов всех участников семейных правоотношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Эмоциональное оставление ребенка представляет собой самостоятельную форму нарушения права ребенка на заботу и воспитание, не сводящуюся к традиционным категориям физического насилия или уклонения от материального содержания. Его следует определить как систематическое неисполнение родителем (лицом, его заменяющим) обязанности по обеспечению эмоционального благополучия ребенка, выражающееся в бездействии - игнорировании потребностей ребенка в любви, заботе, принятии, общении и эмоциональной поддержке, не обусловленное материальными трудностями и создающее угрозу психическому здоровью и нормальному развитию ребенка. Сущностными признаками данного явления выступают систематичность, пассивная форма (бездействие), отсутствие материальной обусловленности и реальная угроза психическому благополучию. Эмоциональное оставление необходимо отграничивать от психического насилия в узком смысле (активных действий - угроз, унижений, запугивания) и жестокого обращения, однако в ряде случаев они могут сочетаться.

Действующее семейное законодательство, не закрепляя легального термина "эмоциональное оставление", тем не менее содержит правовые механизмы, позволяющие дать ему юридическую оценку через категории уклонения от выполнения родительских обязанностей (ст. 69 СК РФ), ограничения родительских прав (ст. 73 СК РФ) и злоупотребления родительскими правами. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию указанных оснований. Наиболее показательны две категории дел: во-первых, дела о систематическом "необщении" родителя с ребенком, которое суды квалифицируют как уклонение от воспитания, даже при условии надлежащего материального содержания, и признают достаточным основанием для лишения родительских прав; во-вторых, дела о межличностном конфликте между родителем и ребенком, который при определенной длительности и степени выраженности может служить основанием для ограничения родительских прав как мера защиты от опасности, создаваемой совместным проживанием.

Ключевая проблема правовой квалификации эмоционального оставления связана с доказыванием. Отсутствие видимых следов, длящийся характер бездействия, закрытость семейной сферы и риск злоупотребления правом со стороны второго родителя обусловливают необходимость использования комплекса косвенных доказательств: заключений судебных психолого-педагогических экспертиз, показаний свидетелей, данных о поведении ребенка, материалов органов опеки и попечительства. Вместе с тем отсутствие единых критериев оценки эмоциональной связи и стандартов проведения экспертиз порождает неоднородность судебной практики и снижает предсказуемость решений.

Для совершенствования правового регулирования представляется целесообразным реализовать следующие меры. Во-первых, дополнить ст. 69 СК РФ указанием на систематическое уклонение родителя от личного общения с ребенком, выражающееся в отказе от воспитания, эмоциональной поддержки и участия в жизни ребенка без уважительных причин, если это повлекло утрату или существенное нарушение эмоциональной связи. Во-вторых,

уточнить ст. 63 СК РФ, закрепив обязанность родителей обеспечивать не только физическое, психическое, духовное и нравственное развитие, но и эмоциональное благополучие ребенка. В-третьих, на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делам об эмоциональном оставлении, и разъяснить допустимость доказывания на основе совокупности косвенных доказательств, а также сформулировать требования к содержанию экспертных заключений. В-четвертых, с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 16 июля 2026 г. № 49-П, необходимо рассмотреть возможность закрепления в семейном законодательстве механизма прекращения правовой связи между совершеннолетним ребенком и родителем, систематически уклонявшимся от выполнения родительских обязанностей, включая эмоциональное оставление.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной доктрине семейного права сформулировано авторское определение эмоционального оставления ребенка, выделены его сущностные признаки, проведено отграничение от смежных правовых категорий, а также обоснована необходимость квалификации "необщения" и межличностного конфликта как форм проявления данного явления. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в законотворческой деятельности, судебной практике, работе органов опеки и попечительства, а также при подготовке методических рекомендаций по проведению судебных психолого-педагогических экспертиз.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются сравнительно-правовой анализ регулирования эмоционального оставления в зарубежных правопорядках, разработка критериев оценки эмоционального благополучия ребенка как самостоятельного объекта судебной защиты, а также изучение возможностей применения альтернативных мер воздействия (семейная медиация, психологическая помощь) для восстановления детско-родительских отношений до применения крайних мер семейно-правовой ответственности.

Таким образом, эмоциональное оставление ребенка, будучи латентной, но крайне опасной формой нарушения прав несовершеннолетних, требует системного правового реагирования. Предложенные меры позволят обеспечить более эффективную защиту права ребенка на полноценное семейное воспитание, включающее не только материальное содержание, но и эмоциональную близость, заботу и участие в жизни, при одновременном соблюдении баланса интересов всех участников семейных правоотношений.

Библиография

1. Андреянова М.С. Межличностный конфликт ребенка и родителя как основание ограничения родительских прав // Психология и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 193–205. DOI: 10.17759/psylaw.2025150313.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2024 по делу № 33-21443/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2023. 412 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2026 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Республики Узбекистан А.» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 (ред. от 2025) «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
6. Решение Кировского районного суда г. Волгограда от 8 июля 2024 г. по делу № 2-1429/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LKtM9t1fmKdn/
7. Решение Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 18 ноября 2024 г. по делу № 2-687/2024.

URL: https://sudact.ru/regular/doc/ysl2Z3Ngy5Wj/
8. Решение Петушинского районного суда от 24 июня 2025 г. по делу № 2-788/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/YhvDHUtQPYUv/
9. Решение Подольского городского суда от 4 сентября 2025 г. по делу № 2-8642/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uYta5bKCBlxu/
10. Решение Химкинского городского суда Московской области от 22 октября 2023 г. по делу № 2-6090/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1PjSEya5dKoQ/
11. Решение Щелковского городского суда от 3 марта 2025 г. по делу № 2-2061/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RjapoXgaFPYH/
12. Рузакова О.А. Приемная семья в Российской Федерации как механизм разрешения проблемы социального сиротства и «отказа от ребенка» // Семейное и жилищное право. 2023. № 2. С. 23–28.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
14. Тарусина Н.Н. Семейное право: учебник. М.: Проспект, 2024. 368 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.06.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Emotional Abandonment of a Child in Russian Family Law: Problems of Qualification and Legal Consequences

Svetlana A. Zagorskikh

Senior Lecturer,
Department of Civil Law,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pelageya82@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the phenomenon of "emotional abandonment" (mental rejection) of a child in the context of Russian family law. The normative grounds for holding parents liable for mental violence and emotional neglect are analyzed, and current trends in judicial practice are examined, including the qualification of systematic "non-communication" as an independent ground for deprivation of parental rights. Particular attention is paid to the problems of proving emotional abandonment and the need to improve legislation in this area. The author substantiates the conclusion that emotional abandonment, despite the absence of direct mention in the Family Code of the Russian Federation, is subject to legal qualification through the institutions of mental violence, evasion of upbringing, and abuse of parental rights, and judicial practice of recent years demonstrates a stable tendency to recognize purely psychological rejection as an independent ground for applying the most severe measures of family-law liability.

For citation

Zagorskikh S.A. (2026) Emotsional'noe ostavlenie rebenka v rossiyskom semeynom prave: problemy kvalifikatsii i pravovye posledstviya [Emotional Abandonment of a Child in Russian Family Law: Problems of Qualification and Legal Consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 314-329. DOI: 10.34670/AR.2026.89.66.033

Keywords

Emotional abandonment, mental violence, deprivation of parental rights, restriction of parental rights, evasion of upbringing, non-communication with the child, family law, child abuse, emotional neglect.

References

1. Andreyanova, M. S. (2025). Mezhlichnostnyy konflikt rebenka i roditelya kak osnovaniye ogranicheniya roditelskikh prav [Interpersonal conflict between a child and a parent as a ground for restriction of parental rights]. *Psikhologiya i pravo*, *15*(3), 193–205. DOI: 10.17759/psylaw.2025150313.
2. Appellate Ruling of the Moscow City Court of June 18, 2024 in Case No. 33-21443/2024. (2024). Legal Reference System "ConsultantPlus".
3. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 1666 – Kindeswohlgefährdung [German Civil Code, § 1666 – Endangerment of the Child's Welfare]. (2026)
4. Child Abuse Prevention and Treatment Act (CAPTA), 42 U.S.C. § 5101 et seq. (2026)
5. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on June 28, 2026). (1996). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 25, Art. 2954.
6. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on March 23, 2026). (1996). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 1, Art. 16.
7. Judgment of the Khimki City Court of Moscow Region of October 22, 2023 in Case No. 2-6090/2023. (2023). https://sudact.ru/regular/doc/1PjSEya5dKoQ/
8. Judgment of the Kirovsky District Court of Volgograd of July 8, 2024 in Case No. 2-1429/2024. (2024). https://sudact.ru/regular/doc/LKtM9t1fmKdn/
9. Judgment of the Nizhnetavdinsky District Court of Tyumen Region of November 18, 2024 in Case No. 2-687/2024. (2024). https://sudact.ru/regular/doc/ysl2Z3Ngy5Wj/
10. Judgment of the Petushinsky District Court of June 24, 2025 in Case No. 2-788/2025. (2025). https://sudact.ru/regular/doc/YhvDHUtQPYUv/
11. Judgment of the Podolsk City Court of September 4, 2025 in Case No. 2-8642/2025. (2025). https://sudact.ru/regular/doc/uYta5bKCBlxu/
12. Judgment of the Shchelkovo City Court of March 3, 2025 in Case No. 2-2061/2025. (2025). https://sudact.ru/regular/doc/RjapoXgaFPYH/
13. Nechaeva, A. M. (2023). *Semeynoye pravo: aktualnyye problemy teorii i praktiki* [Family law: Current problems of theory and practice]. Yurait.
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 49-P of July 16, 2026 "On the Case concerning the Review of the Constitutionality of Paragraph 1 of Article 54, Paragraph 2 of Article 61 and Article 69 of the Family Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen of the Republic of Uzbekistan A." (2026) Legal Reference System "ConsultantPlus".
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44 of November 14, 2017 (as amended in 2025) "On the Practice of Application by Courts of Legislation in Resolving Disputes Related to the Protection of the Rights and Legitimate Interests of a Child in the Event of an Immediate Threat to His or Her Life or Health, as well as in Restriction or Deprivation of Parental Rights". (2018). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, No. 1.
16. Ruzakova, O. A. (2023). Priyomnaya semya v Rossiyskoy Federatsii kak mekhanizm razresheniya problemy sotsialnogo sirotstva i "otkaza ot rebenka" [Foster family in the Russian Federation as a mechanism for resolving the problem of social orphanhood and "child abandonment"]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*, (2), 23–28.
17. Tarusina, N. N. (2024). *Semeynoye pravo* [Family law]. Prospekt.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.44 **DOI: 10.34670/AR.2026.64.20.034**

К вопросу об установлении слабой стороны договора при разрешении гражданско-правовых споров

Каменев Арсений Юрьевич

Аспирант,
кафедра гражданского права и процесса,
Академия труда и социальных отношений,
119049, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинский пр-т, 90;
e-mail: kamenevarseniy@vk.com

Аннотация

В статье рассматривается категория слабой стороны договора на основе анализа теоретических исследований и практики применения судами действующего законодательства. Автор констатирует, что понятие слабой стороны договора в российском правопорядке используется с формальной (нормативной) и договорной позиций. Формальная (нормативная) позиция относительно определения слабой стороны договора заключается в том, что таковой признается конкретный субъект, прямо поименованный в законе и (или) которому предоставлены особые специальные средства защиты от неправомерных действий контрагентов. Применение договорной позиции к пониманию слабой стороны договора характерно при разрешении гражданско-правовых споров судами в рамках договорных правоотношений. Руководствуясь данным подходом, в российской судебной практике при определении слабой стороны договора используются прямой и косвенный способы. Суды анализируют признаки и положение не только потенциальной слабой стороны (прямой), но и противоположного контрагента (косвенный). В заключении автором констатировано, что категория слабой стороны договора является относительной, поскольку какой-либо фактор экономического, организационного или иного характера ее не предопределяет. Такой вывод может быть сделан лишь на основании анализа совокупности условий договора, обстоятельств его заключения и характеристик сторон договора.

Для цитирования в научных исследованиях

Каменев А.Ю. К вопросу об установлении слабой стороны договора при разрешении гражданско-правовых споров // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 330-336. DOI: 10.34670/AR.2026.64.20.034

Ключевые слова

Слабая сторона договора, неравенство переговорных возможностей, условия договора, заключение договора, экономические и организационные факторы, асимметрия профессионализма, свобода договора, защита прав.

Введение

Для защиты субъектов гражданского оборота судебная практика выработала особую категорию «слабой» стороны договорных правоотношений. В то же время критерии наделения той или иной стороны договора подобным статусом различны, поскольку исчерпывающий перечень таковых не зафиксирован и остается в зоне судейского усмотрения. В связи с этим сегодня актуальным является вопрос рассмотрения и систематизации признаков понятия слабой стороны договорных правоотношений.

Основная часть

В доктрине нет единого подхода к определению «слабой» стороны договорных правоотношений. Так, Д.В. Славецкий предложил определять слабую сторону договора через совокупность ряд признаков (например, повышенной заинтересованности в заключении договора, отсутствии информации у контрагента и т.д.) [Славецкий, 2004, с. 87].

Иной более широкий подход к определению обозначенной категории предложил Е.В. Вавилин. Автор считает, что понятие слабой стороны договора может раскрываться через призму четырех позиций:

– *номинативной (лексической)*, в рамках которой слабой является должник в обязательстве, которые несет бремя совершения каких-либо действий в пользу третьего лица;
– *формальной (нормативной)*, где слабой стороной является кредитор, наделенный правомочиями по защите своих прав;
– *договорная*, по которой слабой стороной является участник правоотношений, обладающий меньшими ресурсными возможностями по сравнению в контрагентом;
– *организационная*, в рамках которой слабая сторона – это та сторона, которая обладает субъективным правом, но имеет сложности в его реализации вследствие несовершенства форм, способов и механизма осуществления, предусмотренных нормативно-правовыми актами [Вавилин, 2009, с. 12].

Рассматривая данные позиции, нельзя однозначно заключить, что отечественный законодатель и суды используют категорию слабой стороны договора лишь с точки зрения одной из указанных позиций. В частности, формальная (нормативная) позиция понимания слабой стороны договора находит отражение в специальном законодательстве, посвященном особым категориям субъектов права. Исходя из норм Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» слабой стороной в договоре является любое лицо, подпадающее под определение категории потребитель. Об этом свидетельствуют повышенные гарантии и правомочия по защите прав, предоставленные потребителю указанным нормативным правовым актом. Более того, суды при толковании норм действующего законодательства прямо указывают, что потребитель является слабой стороной договора. Так, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что гражданин является экономически более слабой стороной, что является основанием для предоставления ему особой защиты его прав и соответствующего ограничения свободы договора для другой стороны (постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 29 Федерального закона от 03.02.1996 "О банках и банковской деятельности" в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко»). И с течением времени позиция не потеряла своей актуальности, поскольку орган конституционного контроля в своих постановлениях периодически обозначает

необходимость рассмотрения потребителя именно как экономически слабую и зависимую сторону.

Отражение формальной позиции понимания слабой стороны договора можно найти и в иных нормативных правовых актах. Так, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.04.2026) «О защите конкуренции» определяет понятие доминирующего положения хозяйствующего субъекта и устанавливает ограничения его деятельности (ст. 5, 10 Закона о защите конкуренции). Соответственно, лицо, вступившее во взаимоотношения с таким субъектом, является слабой стороной. Такой подход нашел отражение в практике Верховного Суда РФ (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2017 № 310-КГ17-12130 по делу № А64-2941/2016).

В действующих правовых реалиях формальная (нормативная) позиция относительно определения слабой стороны договора заключается в том, что таковой признается конкретный субъект, прямо поименованный в законе и (или) которому предоставлены особые специальные средства защиты от неправомерных действий контрагентов. То есть с формальной точки зрения, которая находит частичное отражение в российском законодательстве, слабая сторона – это та сторона договора, которая прямо или косвенно признана таковой в положениях нормативных правовых актов.

Вторая точка зрения, которая была принята российским правопорядком, в соответствии с которой слабой стороной договора является участник правоотношений, обладающий меньшими ресурсными возможностями по сравнению с контрагентом. В этом случае определение положения слабой стороны осуществляется на основе анализ совокупности признаков. Некоторые авторы в своих исследованиях делают попытки по их систематизации. Так, Е.П. Волос на основе анализа российской и зарубежной практики заключил, что суды могут определять положение слабой стороны в договорных правоотношениях путем прямого или косвенного подходов. В такой классификации прямой подход характеризуется анализом признаков именно слабой стороны (отсутствие опыта или компетенции, слабая переговорная позиция и т.д.), а косвенный подход применяется в случае обратного анализа – выявлении признаков сильной стороны [Волос, 2022, с. 99]. Представляется, что при разрешении споров в сфере договорных правоотношений положение слабой стороны договора устанавливается через анализ всей совокупности конкретных условий договора и объективных характеристик обеих контрагентов.

В подтверждение данной позиции необходимо привести ряд теоретических и практических аргументов. В правовых исследованиях нет однозначной позиции относительно признаков слабой стороны договора. Так, определение слабой стороны договора через анализ признаков сильного субъекта был заложен еще в дореволюционных отечественных исследованиях. И.Б. Новицкий прямо заключил, что слабой стороной является тот участник правоотношений, который подвергается «безудержному эгоизму» другой стороны, имеющей возможность вкладывать в договор абсолютно любое содержание [Новицкий, 1916, с. 131]. То есть в данном случае слабая сторона, по мнению автора, определяется через анализ признаков сильной стороны – наличие у нее возможности в силу каких-либо факторов навязывать свою волю контрагенту. Этот критерий используется современной судебной практикой. В частности, слабой стороной на практике при наличии совокупности иных признаков признают контрагента стороны, которая является профессионалом в конкретной сфере экономических отношений, с которой связан предмет гражданско-правового соглашения (постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2024 № Ф05-2809/2024 по делу № А40-24692/2023; постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2026 № Ф05-21811/2025 по делу № А40-

314071/2024 и др.).

На признаках слабой стороны договора, лежащих в основе прямого подхода, также акцентируется внимание авторов. В частности, Д.С. Дерхо заключил, что слабой стороной договора возможно признать контрагента, который по сравнению в другой стороной договора был информационно ограничен [Дерхо, 2026]. Действительно, в определенных случаях сторона может не обладать полной информацией о предмете договора (недостатках, обременениях и т.д.). Такой подход фигурирует и в практике Верховного Суда РФ. Высшая судебная инстанция обозначила позицию о том, что «слабая» сторона договора может не иметь информации о реальных последствиях заключения гражданско-правового соглашения (в частности, наличии потерь, которые «слабая» сторона должна возместить «сильной», при отклонении от ожидавшегося исполнения договорных условий) (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 305-ЭС23-11168 по делу № А40-101929/2022).

Из изложенного следует, что в российской судебной практике при определении слабой стороны договора используется как прямой, так и косвенный способы. Суды анализируют признаки и положение не только потенциальной слабой стороны, но и противоположного контрагента.

В продолжении дискуссии о критериях определения слабой стороны договора, стоит отметить, что в рамках российского законодательства и практики его применения приоритетными при определении соответствующего положения стороны являются негативные последствия, а не причины. Это отражается в авторских определениях слабой стороны договора (например, в определении В.А. Белова [Белов, 2018, с. 41]). В качестве сущностного признака понятия В.А. Белов выделяет порок в осознании негативных последствий правоотношений. Представляется, такой подход задает верное направление в части определения ключевого признака понятия слабой стороны договора, смещая акцент с причин на последствия соответствующего положения. Еще в дореволюционных исследованиях отмечали, что защита экономически слабой стороны необходима от эксплуатации ее неопытности, легкомыслия, нужды, злоупотребления доверием и тяжелой жизненной ситуацией [Покровский, 1899, с. 65-66]. Более того, зачастую сторона осознает определенные негативные последствия договорного правоотношения, которые ей навязываются другой стороной, но в силу различных факторов не может препятствовать контрагенту в определении условий договора.

Следовательно, ключевой признак слабой стороны договора – это отсутствие реальных возможностей влиять и определять условия гражданско-правового соглашения в процессе переговоров. В свою очередь, порок в осознании последствий является лишь частным проявлением указанного признака. Данная позиция нашла отражение и в действующем гражданском законодательстве в п. 3 ст. 428 ГК РФ. Из абз. 3 п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16, 2014] следует, что применительно к п. 3 ст. 428 ГК РФ слабой стороной договора является сторона, которая поставлена в «положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора». Слабой стороной является та сторона, которая лишена возможности влиять на определение условий гражданско-правового соглашения.

При определении слабой стороны договора суды не ограничены в мотивировке своего вывода о том, что конкретный контрагент не имел реальных возможностей влиять на условия гражданско-правового соглашения и определять их в процессе переговоров. Вследствие широкой свободы судейского усмотрения в данном вопросе в науке существуют дискуссии относительно возможности признания субъекта предпринимательской деятельности слабой

стороной договора ввиду конкретных факторов. Например, А.Г. Карапетов и Р.С. Бевзенко считают, что основанием для вывода о «слабости» стороны договора в рамках предпринимательских правоотношений может выступать и асимметрия профессионализма сторон [Карапетов, Бевзенко, 2014, с. 94-95]. Но в науке имеются и обратные позиции по данному вопросу. Так, А.Ю. Лисицкая представила позицию о том, что предприниматель не может признаваться слабой стороной договора в случае асимметрии профессионализма сторон [Лисицкая, 2017, с. 329]. Позиция последнего автора не является безосновательной, поскольку предпринимательская деятельность осуществляется на свой риск, носит профессиональный характер (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Асимметрия профессионализма сторон может являться фактором, указывающим на то, что один из контрагентов-предпринимателей является слабой стороной договора. При оценке влияния указанного фактора на данное положение стороны договора необходимо оценивать сферу деятельности контрагентов. Так, один предприниматель может быть профессионалом в одной сфере, но не иметь какого-либо опыта в другой сфере. При заключении договора не из его профессиональной сферы такой предприниматель может быть признан слабой стороной договора ввиду асимметрии профессионализма. Иная ситуация, когда оба контрагента являются профессионалами в конкретной сфере деятельности (например, в сфере строительства). В таком случае отсутствует дисбаланс профессиональной компетенции, что также констатируется судами (например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.04.2025 № Ф06-500/2025 по делу № А57-21507/2023).

То есть какой-либо фактор экономического, организационного или иного характера не предопределяет наличие положения слабой стороны договора. Такой вывод может быть сделан лишь на основании анализа совокупности условий договора, обстоятельств его заключения и характеристик сторон договора. Исключением из указанного правила является ситуация, когда слабой стороной договора признается конкретный участник гражданских правоотношений в силу статуса, предопределенного буквой закона (например, статуса потребителя по Закону о защите прав потребителя).

Заключение

Таким образом, на основании изложенного следует заключить, что статус слабой стороны договора является относительной категорией. Положение «слабой стороны договорных правоотношений» не может быть установлено абстрактно и вне связи с конкретными договорными правоотношениями: одно и то же лицо в одном договоре может выступать «сильной» стороной, в другом – «слабой». При разрешении данного вопроса судам необходимо анализировать условия и природу гражданско-правового соглашения и характеристики его сторон, учитывая при этом положения закона, презюмирующие статус «слабой» стороны в определенной договорной конструкции.

Библиография

1. Белов В.А. Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона» в гражданских правоотношениях // Lex Russica. 2018. № 6 (139). С. 26–44.
2. Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2009. 55 с.
3. Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9 (142). С. 94–101.
4. Дерхо Д.С. Понятие «слабой» стороны в гражданских правоотношениях // СПС «КонсультантПлюс».

5. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 8. С. 4–97.
6. Лисицкая А.Ю. Понятие «слабая сторона договора» // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 4 (41). С. 327–331.
7. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 125–181.
8. Покровский И.А. Справедливость, усмотрение суда и судебная опека // Вестник права. 1899. № 10. С. 59–88.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Самара, 2004. 24 с.

On the Issue of Establishing the Weak Party to a Contract in the Resolution of Civil Law Disputes

Arsenii Yu. Kamenev

Postgraduate Student,
Department of Civil Law and Procedure,
Academy of Labour and Social Relations,
119049, 90, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kamenevarseniy@vk.com

Abstract

The article examines the category of the weak party to a contract on the basis of an analysis of theoretical research and the practice of courts applying current legislation. The author states that the concept of the weak party to a contract in the Russian legal order is used from formal (normative) and contractual standpoints. The formal (normative) standpoint regarding the determination of the weak party to a contract consists in the fact that such a party is recognized as a specific subject directly named in the law and (or) granted special means of protection against the unlawful actions of the counterparty. The application of the contractual standpoint to the understanding of the weak party to a contract is characteristic in the resolution of civil law disputes by courts within the framework of contractual legal relations. Guided by this approach, in Russian judicial practice, direct and indirect methods are used in determining the weak party to a contract. Courts analyze the characteristics and position not only of the potential weak party (direct) but also of the opposite counterparty (indirect). In conclusion, the author states that the category of the weak party to a contract is relative, since no single factor of an economic, organizational, or other nature predetermines it. Such a conclusion can be made only on the basis of an analysis of the totality of the terms of the contract, the circumstances of its conclusion, and the characteristics of the parties to the contract.

For citation

Kamenev A.Yu. (2026) K voprosu ob ustanovlenii slaboy storony dogovora pri razreshenii grazhdansko-pravovykh sporov [On the Issue of Establishing the Weak Party to a Contract in the Resolution of Civil Law Disputes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 330-336. DOI: 10.34670/AR.2026.64.20.034

Keywords

Weak party to a contract, inequality of bargaining power, terms of the contract, conclusion of the contract, economic and organizational factors, asymmetry of professionalism, freedom of contract, protection of rights.

References

1. Belov, V. A. (2018). Pravovaya sushchnost ponyatiy "potrebitel" i "slabaya storona" v grazhdanskikh pravootnosheniyakh [The legal essence of the concepts of "consumer" and "weak side" in civil law relations]. Lex Russica, (6/139), 26–44.
2. Derkho, D. S. (2026) Ponyatiye "slaboy" storony v grazhdanskikh pravootnosheniyakh [The concept of a "weak" party in civil legal relations]. Legal Reference System "ConsultantPlus".
3. Karapetov, A. G., & Bevzenko, R. S. (2014). Kommentariy k normam Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otdelnykh vidakh dogovorov v kontekste Postanovleniya Plenuma VAS RF "O svobode dogovora i yeye predelakh" [Commentary on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on certain types of contracts in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation "On Freedom of Contract and Its Limits"]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, (8), 4–97.
4. Lisitskaya, A. Yu. (2017). Ponyatiye "slabaya storona dogovora" [The concept of a "weak party to a contract"]. Biznes. Obrazovaniye. Pravo, (4/41), 327–331.
5. Novitsky, I. B. (1916). Printsip dobroy sovesti v proyekte obyazatelstvennogo prava [The principle of good faith in the draft of the law of obligations]. Vestnik grazhdanskogo prava, (6), 125–181.
6. Pokrovsky, I. A. (1899). Spravedlivost, usmotreniye suda i sudebnaya opeka [Justice, judicial discretion, and judicial guardianship]. Vestnik prava, (10), 59–88.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16 of March 14, 2014 "On Freedom of Contract and Its Limits". (2014). Legal Reference System "ConsultantPlus".
8. Slavetsky, D. V. (2004). Printsip zashchity slaboy storony grazhdansko-pravovogo dogovora [The principle of protecting the weak side of a civil law contract] [Candidate's dissertation abstract]. Samara.
9. Vavilin, E. V. (2009). Mekhanizm osushchestvleniya grazhdanskikh prav i ispolneniya obyazannostey [The mechanism of exercising civil rights and fulfilling duties] [Doctoral dissertation abstract]. Moscow.
10. Volos, E. P. (2022). Priznaki slaboy storony v grazhdanskom pravootnoshenii v sovremennykh ekonomiko-pravovykh usloviyakh [Signs of a weak party in a civil legal relationship in modern economic and legal conditions]. Aktualnyye problemy rossiyskogo prava, *17*(9/142), 94–101.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.16 **DOI: 10.34670/AR.2026.15.13.035**

Иммунитеты межправительственных финансовых организаций: судебная юрисдикция, обеспечительные меры и принудительное исполнение в Российской Федерации

Гордюшкин Игорь Германович

Аспирант,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: igorgord@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена определению пределов судебной юрисдикции, применения обеспечительных мер и принудительного исполнения в отношении межправительственных финансовых организаций в российском правопорядке. Исследование проведено на основе системного и сравнительного анализа актуальных редакций учредительных актов Международного банка экономического сотрудничества, Международного инвестиционного банка и Межгосударственного банка, а также соглашений, регулирующих их пребывание в Российской Федерации. Выделены две договорные модели разграничения судебной юрисдикции, обеспечительных мер и принудительного исполнения — модели МБЭС и МИБ — и самостоятельная модель широкого имущественного иммунитета Межгосударственного банка. В отношении МБЭС международным договором предусмотрен отказ от судебного иммунитета при вступлении Банка как юридического лица в гражданские правоотношения, тогда как обеспечение иска и принудительное исполнение требуют прямо выраженного согласия Банка. В отношении МИБ привлечение Банка к участию в деле, обеспечительные меры и принудительное исполнение допускаются при наличии определенно выраженного согласия. Соглашение с Межгосударственным банком не устанавливает общий судебный иммунитет в прямой форме, но закрепляет неприкосновенность помещений, широкий иммунитет имущества от исполнительных, административных, судебных и иных форм вмешательства, специальные исключения и компетенцию Совета Банка отказаться от иммунитета. Обосновано, что для МБЭС и МИБ отказ от судебного иммунитета либо согласие на участие в разбирательстве не распространяются на обеспечительные меры и принудительное исполнение без прямого нормативного основания или волеизъявления, охватывающего соответствующую меру. Применительно к Межгосударственному банку допустимость воздействия на имущество определяется объемом имущественного иммунитета, предусмотренными исключениями и наличием решения Совета Банка об отказе от иммунитета.

Для цитирования в научных исследованиях

Гордюшкин И.Г. Иммунитеты межправительственных финансовых организаций: судебная юрисдикция, обеспечительные меры и принудительное исполнение в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 337-352. DOI: 10.34670/AR.2026.15.13.035

Ключевые слова

Межправительственные финансовые организации, судебная юрисдикция, судебный иммунитет, иммунитет от обеспечительных мер, иммунитет от принудительного исполнения, соглашение о местопребывании, отказ от иммунитета, согласие международной организации, международное право, международные финансовые институты.

Введение

Межправительственные финансовые организации (далее — МПФО) самостоятельно участвуют в имущественных отношениях, заключают договоры, приобретают права и принимают на себя обязанности. Вместе с тем пределы осуществления национальной юрисдикции в отношении таких организаций определяются не только нормами, регулирующими соответствующее гражданское отношение, но и учредительными актами МПФО и специальными соглашениями с государством пребывания. Поэтому наличие материально-правового требования к МПФО само по себе не разрешает вопрос о допустимости его рассмотрения национальным судом, применения обеспечительных мер и последующего принудительного исполнения.

В настоящей статье понятие «межправительственная финансовая организация» используется для обозначения международной организации, учрежденной государствами на основании международного договора, наделенной финансовыми функциями и самостоятельно участвующей в имущественных отношениях. Такое определение позволяет отграничить МПФО от национальных кредитных организаций, коммерческих юридических лиц с государственным участием и международных неправительственных организаций. Для целей исследования значение имеет влияние специального статуса МПФО на допустимость судебной юрисдикции, обеспечительных мер и принудительного исполнения [Раджабов, 2013; Туманов, 2016; Чувахин, 2023; Чувахин, 2022].

Правосубъектность, правоспособность и иммунитет характеризуют разные стороны правового положения МПФО. Правосубъектность выражает самостоятельность организации как носителя прав и обязанностей. Правоспособность определяет установленный учредительными актами объем прав и обязанностей, которыми организация может обладать для выполнения своих функций. Иммунитет не входит в содержание правоспособности, а устанавливает пределы применения к организации и ее имуществу национальной судебной и исполнительной юрисдикции. Поэтому признание за МПФО права заключать сделки, распоряжаться имуществом и выступать в суде само по себе не означает согласия на рассмотрение предъявленного к ней требования или применение мер к ее имуществу [Ратушный, 2022; Седова, 2001; Суменков, 2002].

Объектом исследования являются имущественные отношения с участием МПФО, в которых возможность принудительной защиты права зависит от специального иммунитетного режима организации. Предмет исследования составляют нормы учредительных актов МБЭС, МИБ и Межгосударственного банка, положения соглашений, регулирующих их пребывание в Российской Федерации, а также три судебных акта: постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2005 г. по налоговому спору с МИБ, определение судьи Московского городского суда от 20 декабря 2010 г. по заявлению МБЭС об оспаривании

возбуждения исполнительного производства и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2012 г. по требованию Козырь Н.К. о выплатах за задержку исполнения решения о восстановлении на работе. Цель статьи состоит в определении последовательности юридической проверки допустимости судебной юрисдикции, обеспечительных мер и принудительного исполнения.

Научный результат исследования состоит в выявлении двух договорных моделей разграничения судебной юрисдикции, обеспечительных мер и принудительного исполнения — моделей МБЭС и МИБ — и самостоятельной модели широкого имущественного иммунитета Межгосударственного банка. В отношении МБЭС и МИБ обосновано, что отказ от судебного иммунитета либо согласие на участие в разбирательстве не распространяются на обеспечительные меры и принудительное исполнение без прямого нормативного основания или волеизъявления, охватывающего соответствующую меру. Применительно к Межгосударственному банку предложена иная последовательность проверки: определение объекта и содержания предполагаемой меры, установление ее охвата имущественным иммунитетом, проверка предусмотренных статьей 4 исключений и наличия решения Совета Банка об отказе от иммунитета в соответствии со статьей 12 Соглашения.

Исследование проведено с использованием формально-юридического, системного и сравнительного методов. Под соглашениями о местопребывании понимаются специальные соглашения организации с государством пребывания независимо от различий в их официальных названиях. Учредительный акт и такое соглашение рассматриваются во взаимосвязи с учетом предмета регулирующей нормы. Судебные акты используются только в пределах непосредственно разрешенных в них вопросов. Постановление по спору с МИБ применяется для анализа функциональных пределов исследованной судом налоговой привилегии. Определение судьи Московского городского суда от 20 декабря 2010 г. используется для анализа проведенного судом разграничения возбуждения исполнительного производства и последующих мер принудительного исполнения. Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2012 г. применяется для характеристики трудоправовых последствий задержки исполнения решения о восстановлении на работе. Ни один из названных актов не рассматривается как основание для вывода о допустимости ареста, обращения взыскания либо иной конкретной меры принудительного исполнения без согласия, предусмотренного пунктом 2 статьи II Соглашения 1977 г.

Источники и содержание иммунитетов МПФО

Иммунитет не определяет объем гражданской правоспособности МПФО и сам по себе не прекращает ее обязательства. Его назначение состоит в установлении пределов применения к организации и ее имуществу судебных, обеспечительных и исполнительных мер. Поэтому необходимо различать существование материально-правового требования, допустимость его рассмотрения национальным судом и возможность принудительной реализации принятого решения.

Объем иммунитета определяется системой источников. Учредительный акт закрепляет правосубъектность, компетенцию и общий режим организации и ее имущества. Специальное соглашение с государством пребывания устанавливает территориальный режим реализации этого статуса и может определять пределы судебной юрисдикции, обеспечительных мер и принудительного исполнения. Соответствующие положения подлежат системному толкованию

с учетом их предмета. Общая норма учредительного акта не должна применяться изолированно, если специальное соглашение содержит правило, непосредственно относящееся к спорной мере.

Применительно к МБЭС статья VI Соглашения об организации и деятельности Банка признает МБЭС юридическим лицом и закрепляет правоспособность, необходимую для выполнения его функций и достижения целей. В той же статье указано, что Банк и его должностные лица пользуются привилегиями и иммунитетами, определяемыми Уставом, а отношения между Банком и государством пребывания регулируются специальным соглашением. Статья 2 Устава предоставляет Банку право заключать сделки, приобретать и отчуждать имущество, искать и отвечать в суде и арбитраже; пункт 3 той же статьи устанавливает ответственность МБЭС по обязательствам в пределах принадлежащего ему имущества. Одновременно пункт 1 статьи 32 Устава закрепляет иммунитет имущества, активов, документов и операций Банка от любой формы административного и судебного вмешательства, кроме случаев, когда Банк сам отказывается от иммунитета [Соглашение об организации и деятельности МБЭС и Устав, 1963/2014].

Специальное правило для государства пребывания содержится в пункте 2 статьи II Соглашения между МБЭС и Правительством СССР от 23 декабря 1977 г. Согласно этой норме Банк отказывается от принадлежащего ему судебного иммунитета во всех случаях, когда как юридическое лицо вступает в гражданские правоотношения на территории государства пребывания. По связанным с такой деятельностью требованиям Банк отвечает в судах и арбитражах. Однако обеспечение иска и принудительное исполнение судебного или арбитражного решения допускаются только при наличии прямо выраженного согласия МБЭС [Соглашение между МБЭС и Правительством СССР, 1977]. Следовательно, договорный отказ от судебного иммунитета не образует согласия на обеспечительную или исполнительную меру.

Учредительные документы МИБ используют иную конструкцию. Статья 11 Соглашения об образовании МИБ признает Банк международной организацией, закрепляет его полную правосубъектность и правоспособность, а также устанавливает, что Банк отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом. Пункт 1 статьи 13 предусматривает иммунитет Банка, его имущества, активов, архивов, документов и операций от любой формы административного и судебного вмешательства, кроме случаев, когда Банк сам отказывается от иммунитета [Соглашение об образовании МИБ и Устав, 1971/2020]. Таким образом, материальная ответственность МИБ и иммунитет его имущества существуют одновременно и регулируют разные вопросы.

Статья 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации и МИБ от 11 февраля 2020 г. закрепляет право Банка совершать сделки, распоряжаться имуществом и выступать во всех судах судебной системы Российской Федерации, третейских судах и международном коммерческом арбитраже. Статья 3 развивает общий режим иммунитета. Ее пункт 1 устанавливает иммунитет Банка, его отделений и представительств, имущества, активов, архивов, документов и операций от любой формы административного и судебного вмешательства, кроме случаев определенного отказа Банка от иммунитета. Пункт 2 запрещает обыск, арест, реквизицию, конфискацию, экспроприацию и иные формы вмешательства в отношении имущества и активов. Пункт 4 допускает привлечение МИБ в качестве ответчика или третьего лица, наложение ареста и иные обеспечительные меры только при наличии определенно выраженного согласия Банка. Пункт 5 ставит принудительное исполнение судебных актов и актов других государственных органов и должностных лиц в зависимость от такого же согласия [Соглашение между Правительством РФ и МИБ, 2020].

Учредительные документы Межгосударственного банка прямо отсылают к соглашению с государством пребывания. Статья 2 Соглашения об учреждении признает Банк юридическим лицом и устанавливает, что отношения между Банком и страной его пребывания, включая привилегии и иммунитеты, определяются соответствующим соглашением. Пункты 2, 3 и 5 статьи 1 Устава соответственно определяют Межгосударственный банк как международное расчетное и кредитно-финансовое учреждение, признают его юридическим лицом и предусматривают, что отношения между Банком и государством пребывания, включая его привилегии и иммунитеты, регулируются специальным соглашением [Соглашение об учреждении Межгосударственного банка и Устав, 1993].

Статья 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Межгосударственным банком от 30 июля 1996 г. признает за Банком международную правоспособность и права юридического лица. Банк вправе заключать соглашения и сделки, приобретать, арендовать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, распоряжаться им и выступать от своего имени либо по поручению в судебных и арбитражных органах. За Банком признаются процессуальные права, закрепленные российским законодательством за юридическими лицами [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996]. Эта норма подтверждает способность Межгосударственного банка участвовать в разбирательстве, но сама по себе не устанавливает общий судебный иммунитет и не определяет условия привлечения Банка в качестве ответчика.

Основной имущественный иммунитет Межгосударственного банка закреплен в статье 4 Соглашения 1996 г. Понятие «имущество Банка» раскрыто в статье 1 широко и охватывает все активы Банка независимо от места и лица, в распоряжении которого они находятся, включая денежные средства, доходы и права, принадлежащие Банку либо управляемые им или от его имени. Помещения и имущество Банка объявлены неприкосновенными. Имущество, находящееся в Российской Федерации, обладает иммунитетом от обыска, реквизиции, экспроприации, конфискации и любой иной формы вмешательства посредством исполнительных, административных, судебных или иных действий [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996].

В той же статье 4 предусмотрены два прямо сформулированных исключения: гражданский иск о возмещении ущерба, связанного с происшествием, вызванным транспортным средством Банка или его должностного лица, если ущерб не возмещается страховой выплатой, и гражданский иск о возмещении вреда жизни и здоровью, причиненного действием или бездействием Банка либо его должностного лица. Эти исключения не создают общего отказа от иммунитета по иным требованиям и должны толковаться в пределах названных категорий. Статья 7 отдельно закрепляет неприкосновенность архивов и документов Банка, а статья 9 освобождает имущество от ограничений, предписаний, контроля и мораториев в той степени, в какой это необходимо для достижения целей и выполнения функций Банка [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996].

Особое значение имеет статья 12 Соглашения 1996 г. Совет Межгосударственного банка вправе отказаться в установленной им степени и на определенных им условиях от любых иммунитетов, привилегий и льгот, предоставленных Соглашением, если такая мера, по мнению Совета, соответствует интересам Банка [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996]. В отличие от документов МБЭС и МИБ, исследованные положения которых не называют орган, компетентный отказаться от иммунитета самого Банка, Соглашение с Межгосударственным банком прямо закрепляет такую компетенцию за Советом

Банка.

Сопоставление источников показывает, что исследуемые организации не подчиняются единой модели. Для МБЭС предусмотрен договорный отказ от судебного иммунитета в гражданских правоотношениях при сохранении требования прямо выраженного согласия на обеспечение и исполнение. Для МИБ установлены общий иммунитет и необходимость определенно выраженного согласия на привлечение к делу, обеспечительные меры и исполнение. Для Межгосударственного банка прямо урегулирован прежде всего имущественный иммунитет, включая его объекты, формы вмешательства, исключения и компетенцию на отказ. Поэтому содержание иммунитета должно устанавливаться по документам конкретной организации.

Судебная юрисдикция в отношении МПФО

Судебный иммунитет МПФО представляет собой установленное применимым источником ограничение принудительного осуществления национальным судом юрисдикции в отношении организации. Его объем может определяться общим правилом об иммунитете и последующим отказом, заранее установленным ограничением иммунитета для определенных отношений либо требованием согласия организации на привлечение к участию в деле. Поэтому допустимость рассмотрения требования должна устанавливаться по нормам, регулирующим статус конкретной МПФО.

В модели МБЭС отказ от судебного иммунитета установлен самим международным договором. Пункт 2 статьи II Соглашения 1977 г. связывает его с вступлением Банка как юридического лица в гражданские правоотношения на территории государства пребывания [Соглашение между МБЭС и Правительством СССР, 1977]. Это означает, что для рассмотрения требования, возникшего из такой деятельности, не требуется выводить отказ из поведения Банка или искать отдельное согласие применительно к конкретному делу. Вместе с тем предмет отказа ограничен судебным иммунитетом и не охватывает обеспечение иска и исполнение.

В модели МИБ право Банка выступать в судах отделено от условий его привлечения к участию в деле. Статья 2 Соглашения 2020 г. закрепляет процессуальные возможности МИБ, однако пункт 4 статьи 3 допускает привлечение Банка в качестве ответчика или третьего лица только при наличии определенно выраженного согласия [Соглашение между Правительством РФ и МИБ, 2020]. Следовательно, самостоятельное обращение МИБ в суд и принудительное вовлечение Банка в разбирательство по инициативе другого лица являются разными юридическими ситуациями.

Соглашение с Межгосударственным банком прямо признает право Банка выступать в судебных и арбитражных органах, но не содержит отдельной нормы, устанавливающей общий иммунитет от рассмотрения предъявленных к нему требований. Статья 4 регулирует неприкосновенность помещений и имущества и защищает имущество от вмешательства посредством судебных и иных действий. Такая формулировка имеет значение для мер, направленных на имущество, но не дает достаточного основания для вывода, что любой иск к Банку может рассматриваться только после отказа от судебного иммунитета. Исключения, предусмотренные для двух категорий гражданских исков, также не должны превращаться в основание для обратного вывода о наличии общего судебного иммунитета по всем иным спорам.

Юридическое значение заключения договора зависит от применимой модели. Для МБЭС вступление в гражданское правоотношение влечет предусмотренный Соглашением отказ от судебного иммунитета. В отношении МИБ одного факта заключения договора недостаточно: необходимо установить определенно выраженное согласие на привлечение Банка к участию в деле. Для Межгосударственного банка договорная оговорка должна оцениваться с учетом того, что учредительные документы и статья 2 Соглашения 1996 г. признают его способность выступать в суде, тогда как статья 4 и иные положения устанавливают самостоятельную защиту имущества.

Оговорка о выборе государственного суда или арбитража не во всех случаях равнозначна отказу от иммунитета. Она определяет согласованный способ разрешения спора, однако вопрос об иммунитете требует установить, охватывает ли текст оговорки привлечение МПФО к участию в деле и исходит ли волеизъявление от компетентного лица или органа. Объем отказа определяется применимым соглашением и содержанием конкретного условия. Согласие на рассмотрение споров из одного договора или определенной категории отношений не должно распространяться на иные требования, если более широкий объем прямо не следует из источника или текста согласия.

Судебный иммунитет относится к допустимости осуществления национальной юрисдикции и сам по себе не разрешает материально-правовой вопрос о существовании обязательства или ответственности МПФО. Требование контрагента может быть обоснованным по существу, однако возможность его рассмотрения государственным судом определяется специальным договорным режимом организации. Равным образом участие Банка в разбирательстве не решает автоматически вопрос о допустимости воздействия на его имущество.

Судебная практика с участием МИБ и МБЭС

Для сопоставления нормативных выводов используются три судебных акта различного предмета: постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2005 г. № КА-А40/8428-05 по налоговому спору с МИБ, определение судьи Московского городского суда А.А. Князева от 20 декабря 2010 г. № 4г/2-9403/10 по заявлению МБЭС об оспаривании действий подразделения службы судебных приставов и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации Б.А. Горохова от 29 марта 2012 г. по делу № 5-В12-14 об отказе в передаче надзорной жалобы МБЭС. Первый акт относится к налоговой привилегии МИБ, второй — к возбуждению исполнительного производства по решению о восстановлении работника, третий — к трудоправовым последствиям задержки исполнения этого решения. Каждый акт используется только в пределах непосредственно разрешенных в нем вопросов.

Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2005 г. № КА-А40/8428-05 оставлены без изменения решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 апреля 2005 г. и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2005 г. по делу № А40-65100/04-90-685. МИБ оспаривал решения и требование налоговых органов, связанные с начислением налога на добавленную стоимость, пеней и штрафа в отношении выручки от сдачи помещений в аренду. Требования Банка были удовлетворены только в части штрафа; в признании незаконными начисления налога и пеней, проведения зачета и требования об уплате налога было отказано [Постановление ФАС МО от 29.09.2005 № КА-А40/8428-05].

Суд кассационной инстанции исходил из того, что применявшиеся в спорные периоды

привилегии и иммунитеты МИБ были обусловлены выполнением функций и достижением целей, предусмотренных Соглашением и Уставом Банка. Сдача помещений в аренду не была отнесена судом к деятельности по выполнению таких функций, вследствие чего МИБ был обязан исчислить и уплатить налог на добавленную стоимость. Вместе с тем письменное разъяснение налогового органа было признано обстоятельством, исключавшим вину Банка на основании подпункта 3 пункта 1 статьи 111 НК РФ, что повлекло исключение штрафа, но не недоимки и пеней.

Правовое значение постановления 2005 г. для настоящего исследования ограничено его налоговым предметом. Суд применял Конвенцию о правовом статусе, привилегиях и иммунитетах межгосударственных экономических организаций 1980 г., Соглашение об образовании МИБ, Устав Банка и Соглашение о местопребывании МИБ 1977 г. Постановление не толкует Соглашение между Правительством Российской Федерации и МИБ от 11 февраля 2020 г. и не содержит выводов о согласии на привлечение Банка в качестве ответчика или третьего лица, обеспечительных мерах либо принудительном исполнении. Поэтому оно подтверждает только применение функционального критерия к исследованной судом налоговой привилегии и не может использоваться как судебное толкование пунктов 4 и 5 статьи 3 Соглашения 2020 г.

Судебная практика по спору Козырь Н.К. с МБЭС включает два самостоятельных производства, имеющих различный предмет. Первое связано с оспариванием Банком действий судебного пристава-исполнителя по возбуждению исполнительного производства на основании решения о восстановлении работника. Второе касается взыскания с МБЭС среднего заработка и иных выплат вследствие задержки исполнения этого решения.

Определение судьи Московского городского суда А.А. Князева от 20 декабря 2010 г. № 4г/2-9403/10 принято по надзорной жалобе МБЭС на решение Мещанского районного суда г. Москвы от 23 декабря 2009 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 сентября 2010 г. МБЭС оспаривал действия подразделения службы судебных приставов, возбудившего 20 апреля 2009 г. исполнительное производство на основании исполнительного листа о восстановлении Козырь Н.К. на работе. В передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Московского городского суда было отказано [Определение судьи Мосгорсуда от 20.12.2010 № 4г/2-9403/10].

Судья Московского городского суда сослался на статью 5 Соглашения об организации и деятельности МБЭС и статью 32 Устава МБЭС и истолковал предусмотренный ими иммунитет как функциональный. В определении указано, что иммунитет распространяется на деятельность, связанную с осуществлением целей, функций и полномочий Банка. Поскольку трудовые отношения между МБЭС и его работником не были отнесены судом к основным функциям Банка, ссылка на иммунитет от судебного разбирательства была отклонена. Эта позиция должна использоваться как мотивировка конкретного судебного акта и не заменяет специального регулирования обеспечительных и исполнительных мер пунктом 2 статьи II Соглашения 1977 г.

Рассматривая ссылку МБЭС на пункт 2 статьи II Соглашения 1977 г., судья Московского городского суда разграничил возбуждение исполнительного производства и собственно принудительное исполнение. В определении указано, что постановление о возбуждении исполнительного производства само по себе не является принудительным исполнением, поскольку устанавливает срок для добровольного исполнения требования исполнительного

документа. Возможность последующего применения принудительных мер возникает при неисполнении должником требования в установленный срок.

Таким образом, определение от 20 декабря 2010 г. подтверждает более узкий вывод: по позиции судьи Московского городского суда возбуждение исполнительного производства и предоставление срока для добровольного исполнения не тождественны конкретной мере принудительного исполнения. В акте не исследовались арест имущества, списание денежных средств, обращение взыскания или иные меры воздействия на имущество Банка. Поэтому он не устраняет предусмотренного пунктом 2 статьи II Соглашения 1977 г. требования прямо выраженного согласия применительно к таким мерам. Процессуальное значение акта также ограничено тем, что он вынесен судьей единолично по результатам предварительного изучения надзорной жалобы и не является постановлением Президиума Московского городского суда либо определением его судебной коллегии.

Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации Б.А. Горохова от 29 марта 2012 г. по делу № 5-В12-14 относится к последующему спору о денежных последствиях задержки исполнения решения о восстановлении на работе. Козырь Н.К. требовала взыскать средний заработок за задержку исполнения ранее принятого решения, компенсацию за несвоевременную выплату заработной платы и компенсацию морального вреда. Решением Мещанского районного суда г. Москвы от 16 февраля 2011 г. иск был удовлетворен, а определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 сентября 2011 г. решение изменено только в части размера среднего заработка [Определение судьи ВС РФ от 29.03.2012 № 5-В12-14].

Отказывая в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, судья указал, что работодатель не исполнил решение о восстановлении Козырь Н.К. на работе. Довод МБЭС о прекращении срочного трудового договора был отклонен, поскольку Банк не представил доказательств соблюдения предусмотренного статьей 79 ТК РФ порядка его прекращения. С учетом немедленного исполнения решения о восстановлении на работе, предусмотренного статьей 211 ГПК РФ, возложение на МБЭС обязанности выплатить средний заработок за время задержки исполнения было признано соответствующим статье 396 ТК РФ.

Определение по делу № 5-В12-14 не содержит анализа иммунитетов МБЭС. В нем не рассматриваются пункт 2 статьи II Соглашения 1977 г., допустимость привлечения Банка к участию в деле, обеспечительные меры, возбуждение исполнительного производства или обращение взыскания на имущество МБЭС. Поэтому этот акт подтверждает только правомерность применения к МБЭС трудоправовых последствий задержки исполнения решения о восстановлении на работе в рассмотренном споре и не подтверждает допустимость принудительного исполнения денежного взыскания без прямо выраженного согласия Банка.

В совокупности два определения по спорам Козырь Н.К. позволяют разграничить три юридических вопроса: возложение на МБЭС материально-правовой обязанности, возбуждение исполнительного производства с предоставлением срока для добровольного исполнения и применение конкретных мер принудительного исполнения. Первые два вопроса были предметом судебной оценки, тогда как допустимость ареста, списания денежных средств или обращения взыскания на имущество МБЭС в представленных актах непосредственно не разрешалась. Постановление по МИБ и определения по спорам Козырь подтверждают возможность применения к международной организации норм национального материального

права в пределах конкретного спора, но не заменяют самостоятельного нормативного анализа судебного, обеспечительного и исполнительного иммунитетов.

Иммунитет от обеспечительных мер и принудительного исполнения

Иммунитет от обеспечительных мер и иммунитет от принудительного исполнения относятся к самостоятельным видам воздействия на организацию и ее имущество. Обеспечительные меры имеют временный характер и направлены на сохранение возможности исполнения будущего решения либо существующего положения до разрешения спора. Принудительное исполнение применяется на основании акта, подлежащего исполнению, и направлено на фактическое удовлетворение присужденного требования. Различие назначения и правовых последствий этих мер требует самостоятельного основания для каждой из них.

В отношении МБЭС пункт 2 статьи II Соглашения 1977 г. прямо отделяет отказ от судебного иммунитета от обеспечения иска и принудительного исполнения. Последние допускаются только при наличии прямо выраженного согласия Банка [Соглашение между МБЭС и Правительством СССР, 1977]. Поэтому вступление МБЭС в гражданское правоотношение, рассмотрение требования судом и вынесение решения не могут сами по себе рассматриваться как согласие на обеспечительную или исполнительную меру.

В отношении МИБ статья 3 Соглашения 2020 г. формулирует защиту еще подробнее. Пункт 2 устанавливает общий запрет обыска, ареста, реквизиции, конфискации, экспроприации и иных форм вмешательства в имущество и активы Банка. Пункт 4 отдельно связывает арест и иные меры по обеспечению иска с определенно выраженным согласием МИБ. Пункт 5 устанавливает то же условие для принудительного исполнения судебных актов и актов других государственных органов и должностных лиц в отношении имущества, активов, архивов и документов [Соглашение между Правительством РФ и МИБ, 2020]. Согласие на участие в разбирательстве не должно признаваться согласием на обеспечение или исполнение только потому, что все действия относятся к одному спору.

В режиме Межгосударственного банка основное значение имеет не формула согласия на отдельную процессуальную меру, а широкий предмет имущественного иммунитета. Статья 1 Соглашения 1996 г. относит к имуществу Банка все его активы, включая денежные средства, доходы и права, независимо от места нахождения и лица, в распоряжении которого они находятся. Поэтому защита не ограничивается недвижимостью или имуществом, находящимся в помещениях Банка, и может распространяться, в частности, на денежные средства и имущественные права, если они принадлежат Банку или управляются им либо от его имени [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996].

Статья 4 Соглашения защищает имущество Межгосударственного банка от любой формы вмешательства посредством исполнительных, административных, судебных или иных действий. Такая конструкция охватывает как временные меры, ограничивающие распоряжение имуществом, так и действия, направленные на его изъятие или использование для удовлетворения требования. При этом норма не содержит раздельных терминов «обеспечение иска» и «принудительное исполнение». Квалификация конкретной меры должна осуществляться по ее фактическому содержанию: если она представляет вмешательство в имущество, требуется проверить действие иммунитета, предусмотренное исключение либо отказ Банка.

Два исключения из статьи 4 сформулированы исчерпывающе применительно к названным категориям гражданских исков. Первое связано с ущербом, причиненным транспортным средством Банка или его должностного лица, если ущерб не покрывается страховой выплатой. Второе относится к вреду жизни или здоровью гражданина, причиненному действием или бездействием Банка либо его должностного лица [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996]. Текст нормы позволяет не применять имущественный иммунитет в указанных случаях, однако не дает основания распространять исключения на договорные, трудовые, налоговые или иные требования.

Неприкосновенность помещений Межгосударственного банка имеет самостоятельное значение. Любые действия по решению российских властей могут совершаться в помещениях Банка только с согласия президента Банка, его заместителя или иного уполномоченного должностного лица. Это правило ограничивает не только изъятие имущества, но и доступ представителей власти в помещения для совершения процессуальных или исполнительных действий. Статья 7 дополнительно устанавливает неприкосновенность архивов и всех документов, принадлежащих Банку либо находящихся у него [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996].

Статья 9 Соглашения 1996 г. освобождает имущество Межгосударственного банка от ограничений, предписаний, контроля и мораториев в той степени, в какой это необходимо для достижения целей и выполнения функций Банка. Эта норма имеет функциональную оговорку и не должна толковаться как безусловное изъятие имущества из любого регулирования. Для ее применения необходимо установить связь конкретного ограничения с возможностью Банка выполнять уставные функции.

Отказ Межгосударственного банка от иммунитета регулируется статьей 12 Соглашения 1996 г. Совет Банка вправе определить степень и условия отказа от иммунитетов, привилегий и льгот, если считает такой отказ соответствующим интересам Банка [Соглашение между Правительством РФ и Межгосударственным банком, 1996]. Следовательно, отказ от иммунитета самого Банка должен быть основан на решении Совета Банка. Возможность передачи этой компетенции другому органу или должностному лицу из текста Соглашения не следует и без анализа внутренних актов Банка утверждаться не может.

Для МБЭС и МИБ исследованные соглашения используют формулы «прямо выраженное согласие» и «определенно выраженное согласие». Эти формулировки требуют, чтобы из волеизъявления можно было установить охватываемый вид воздействия. Общая фраза об отказе от иммунитетов может служить основанием конкретной меры только в том случае, если из ее содержания ясно следует распространение отказа на обеспечительные меры или принудительное исполнение и такой отказ допускается применимым источником.

Иммунитет от принудительного исполнения сам по себе не прекращает материально-правовое обязательство МПФО. Наличие вступившего в силу судебного акта, подтверждающего существование и размер требования, также не устраняет специальный режим имущества организации. При этом необходимо различать возбуждение исполнительного производства, предоставление срока для добровольного исполнения и применение конкретных принудительных мер. В определении от 20 декабря 2010 г. судья Московского городского суда признал, что постановление о возбуждении исполнительного производства в отношении МБЭС само по себе не являлось принудительным исполнением, поскольку предоставляло Банку возможность добровольно исполнить решение [Определение судьи Мосгорсуда от 20.12.2010 № 4г/2-9403/10]. Однако данный акт не разрешает вопрос о допустимости ареста, списания

денежных средств, обращения взыскания либо иных мер принудительного воздействия без прямо выраженного согласия МБЭС. Определение от 29 марта 2012 г. подтверждает правомерность взыскания среднего заработка за задержку исполнения решения о восстановлении на работе, но также не содержит позиции о допустимости конкретных исполнительных мер [Определение судьи ВС РФ от 29.03.2012 № 5-В12-14].

Если согласие выражено представителем или органом МПФО, необходимо установить, охватывают ли его полномочия отказ от соответствующего иммунитета либо согласие на конкретную меру. Для Межгосударственного банка компетентный орган прямо назван в статье 12 Соглашения. В отношении МБЭС и МИБ исследованные положения закрепляют отказ или согласие самого Банка, но не определяют исчерпывающим образом внутренний порядок принятия такого решения. Поэтому полномочия должны устанавливаться по учредительным актам, внутренним правилам и документам о представительстве.

Последовательность определения применимого иммунитета

Проверка иммунитета включает несколько последовательных вопросов. Вначале устанавливаются учредительные и специальные договорные нормы, применимые к конкретной организации. Затем определяется вид предполагаемого воздействия: осуществление судебной юрисдикции, обеспечительная мера или принудительное исполнение. После этого выясняется, охватывает ли соответствующий иммунитет спорное отношение, конкретное имущество и избранную меру, предусмотрено ли исключение и требуется ли согласие МПФО.

На следующем этапе определяется содержание согласия или отказа. Необходимо установить, относится ли волеизъявление только к рассмотрению спора либо также к обеспечению и исполнению, ограничено ли оно конкретным договором, требованием, имуществом или способом воздействия. Если источник предусматривает специальный орган, как статья 12 Соглашения с Межгосударственным банком, проверяется решение этого органа. В остальных случаях оцениваются нормы о представительстве и документы о полномочиях.

Результат проверки одного вида иммунитета не предрешает допустимость другой меры. Возможность рассмотрения требования не означает допустимости обеспечения иска; применение обеспечительной меры не устраняет самостоятельной проверки иммунитета от принудительного исполнения; вступление решения в силу не прекращает такой иммунитет. Самостоятельность согласия на судебное рассмотрение, обеспечение и принудительное исполнение прямо следует из договорных моделей МБЭС и МИБ. В отношении Межгосударственного банка применяется иной порядок: необходимо установить, охватывает ли конкретная мера общий имущественный иммунитет, закрепленный статьей 4 Соглашения, действует ли одно из предусмотренных этой статьей исключений либо имеется решение Совета Банка об отказе от иммунитета в соответствии со статьей 12.

Применительно к стадии исполнения дополнительно необходимо определить юридическую природу конкретного действия судебного пристава или иного компетентного органа. Возбуждение исполнительного производства и установление срока для добровольного исполнения не должны автоматически отождествляться с арестом, изъятием имущества, списанием денежных средств или обращением взыскания. Вместе с тем процессуальное начало исполнительного производства не устраняет необходимости самостоятельной проверки иммунитета перед применением каждой последующей принудительной меры. Такое разграничение отражено в определении судьи Московского городского суда от 20 декабря 2010 г. № 4г/2-9403/10, но пределы данной позиции ограничены отсутствием в деле конкретной меры

воздействия на имущество МБЭС [Определение судьи Мосгорсуда от 20.12.2010 № 4г/2-9403/10].

Наличие иммунитета не препятствует добровольному исполнению обязательства или согласованному урегулированию спора. Оно имеет значение для допустимости мер государственного принуждения. Такое разграничение позволяет отделить материально-правовое содержание обязательства от способов его принудительной реализации и не превращать иммунитет в основание отрицания самого требования.

Если применимый учредительный акт или соглашение допускает выражение согласия в договоре, условие о разрешении споров должно ясно разграничивать подчинение судебной или арбитражной юрисдикции, обеспечительные меры и принудительное исполнение. Такая формулировка сама по себе не устраняет иммунитет, но позволяет установить предмет и пределы волеизъявления МПФО и сопоставить их с требованиями специального источника.

Предложенная последовательность имеет прикладное значение, поскольку позволяет суду и участникам отношения разграничить источник иммунитета, предмет предполагаемой меры, наличие исключения и объем согласия МПФО. Ее применение снижает риск толкования согласия на один вид воздействия как безусловного отказа от иных иммунитетов, а также риск необоснованного распространения иммунитета на отношения и объекты, которые соответствующий договор не охватывает.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что иммунитеты МПФО не образуют единого освобождения от национальной юрисдикции. Судебный иммунитет, иммунитет от обеспечительных мер и иммунитет от принудительного исполнения относятся к самостоятельным видам правового воздействия. Их содержание определяется применимыми учредительными актами и специальными соглашениями конкретной организации. Признание за МПФО права заключать сделки, распоряжаться имуществом и выступать в суде не устраняет ограничений на меры государственного принуждения.

В отношении МБЭС пункт 2 статьи II Соглашения 1977 г. предусматривает отказ от судебного иммунитета при вступлении Банка как юридического лица в гражданские правоотношения и одновременно связывает обеспечение иска и принудительное исполнение с прямо выраженным согласием МБЭС. В отношении МИБ статья 3 Соглашения 2020 г. требует определенно выраженного согласия, охватывающего соответственно привлечение Банка к участию в деле, обеспечительные меры или принудительное исполнение.

Соглашение с Межгосударственным банком закрепляет самостоятельную модель. Оно признает право Банка выступать в судебных и арбитражных органах, но не формулирует общий судебный иммунитет в прямой форме. Одновременно статья 4 устанавливает широкий иммунитет имущества от вмешательства посредством исполнительных, административных, судебных и иных действий, определяет два исключения, а статья 12 предоставляет Совету Банка право отказаться от иммунитета в установленной им степени и на определенных им условиях. Поэтому применительно к Межгосударственному банку необходимо отдельно анализировать допустимость рассмотрения требования и допустимость мер, направленных на имущество.

Судебная практика с участием исследуемых организаций подтверждает необходимость ограничивать выводы предметом конкретного дела. Постановление по налоговому спору с МИБ от 29 сентября 2005 г. отражает функциональный подход к пределам исследованной судом налоговой привилегии, но не толкует Соглашение 2020 г. Определение судьи Московского

городского суда от 20 декабря 2010 г. № 4г/2-9403/10 разграничивает возбуждение исполнительного производства, предусматривающее возможность добровольного исполнения, и последующие меры принудительного исполнения. Однако оно не подтверждает допустимость ареста, обращения взыскания или иных конкретных мер без прямо выраженного согласия МБЭС. Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2012 г. по делу № 5-В12-14 подтверждает правомерность взыскания среднего заработка вследствие задержки исполнения решения о восстановлении на работе, но также не разрешает вопрос об исполнительном иммунитете Банка.

Основной результат исследования состоит в обосновании предметной самостоятельности отказа от судебного иммунитета и согласия на отдельные виды юрисдикционного воздействия в договорных моделях МБЭС и МИБ. Отказ от судебного иммунитета либо согласие на участие в разбирательстве не охватывают обеспечительные меры и принудительное исполнение, если такой объем прямо не следует из применимого источника или волеизъявления организации. Применительно к Межгосударственному банку самостоятельный результат состоит в разграничении права Банка участвовать в судебном разбирательстве и широкого иммунитета его имущества, который действует с учетом исключений, прямо предусмотренных статьей 4 Соглашения, и права Совета Банка отказаться от иммунитета в соответствии со статьей 12. Во всех трех случаях материально-правовое требование и возможность его принудительной реализации должны оцениваться раздельно.

Библиография

1. Раджабов, М. Н. Статус международных межгосударственных организаций: частноправовой аспект / М. Н. Раджабов // Журнал международного частного права. – 2013. – № 1 (79). – С. 22–27.
2. Ратушный, М. В. Договор международного займа с участием публичных субъектов: юрисдикционные иммунитеты и особенности коллизионного регулирования / М. В. Ратушный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 4. – С. 210–235.
3. Седова, Ж. И. Международное юридическое лицо как субъект международного частного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Седова Жанна Игоревна. – М., 2001. – 170 с.
4. Суменков, С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Суменков Сергей Юрьевич. – Саратов, 2002. – 187 с.
5. Туманов, С. Н. Международные межправительственные организации: понятие и функциональная характеристика / С. Н. Туманов // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 11А. – С. 3–16.
6. Чувахин, П. И. Международная правосубъектность многосторонних банков развития / П. И. Чувахин // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 4А. – С. 513–521.
7. Чувахин, П. И. Международно-правовой статус многосторонних банков развития : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Чувахин Павел Иванович. – М., 2022. – 223 с.
8. Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации Б.А. Горохова от 29 марта 2012 г. по делу № 5-В12-14 об отказе в передаче надзорной жалобы Международного банка экономического сотрудничества для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. – Электронная копия судебного акта.
9. Определение судьи Московского городского суда А.А. Князева от 20 декабря 2010 г. № 4г/2-9403/10 об отказе в передаче надзорной жалобы Международного банка экономического сотрудничества для рассмотрения в судебном заседании Президиума Московского городского суда. – Электронная копия судебного акта.
10. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2005 г. № КА-А40/8428-05 по делу № А40-65100/04-90-685. – Извлечение. – СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5084882/ (дата обращения: 17.05.2026.
11. Соглашение между Международным банком экономического сотрудничества и Правительством Союза Советских Социалистических Республик об урегулировании вопросов, связанных с местопребыванием в СССР Международного банка экономического сотрудничества : заключено в г. Москве 23 декабря 1977 г. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/63282/ .
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным инвестиционным банком об

условиях пребывания Международного инвестиционного банка на территории Российской Федерации : подписано в г. Москве 11 февраля 2020 г. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102522976 .
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Межгосударственным банком об условиях пребывания Межгосударственного банка на территории Российской Федерации : заключено в г. Москве 30 июля 1996 г. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011661 .
14. Соглашение об образовании Международного инвестиционного банка и Устав Международного инвестиционного банка : заключены в г. Москве 10 июля 1971 г. (в редакции Протокола от 25 ноября 2020 г.). – URL: https://iib.int/attachments/uchreditel_nye_dokumenty_1.pdf .
15. Соглашение об организации и деятельности Международного банка экономического сотрудничества и Устав МБЭС : заключены в г. Москве 22 октября 1963 г. (с изменениями, внесенными Протоколами от 18 декабря 1970 г., 23 ноября 1977 г., 18 декабря 1990 г. и 25 ноября 2014 г.). – URL: https://ibec.int/upload/uf/664/RU_Agreement_and_Statutes_2014.pdf .
16. Соглашение об учреждении Межгосударственного банка и Устав Межгосударственного банка : заключены в г. Минске 22 января 1993 г. – URL: https://eccis.org/document/183 .

Immunities of Intergovernmental Financial Organizations: Judicial Jurisdiction, Interim Measures, and Enforcement in the Russian Federation

Igor' G. Gordyushkin

Postgraduate Student,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: igorgord@mail.ru

Abstract

The article is devoted to determining the limits of judicial jurisdiction, the application of interim measures, and enforcement in relation to intergovernmental financial organizations in the Russian legal order. The study was conducted on the basis of a systemic and comparative analysis of the current versions of the constituent acts of the International Bank for Economic Co-operation, the International Investment Bank, and the Interstate Bank, as well as the agreements regulating their presence in the Russian Federation. Two treaty models of delimitation of judicial jurisdiction, interim measures, and enforcement are identified – the IBEC and IIB models – and a separate model of broad property immunity of the Interstate Bank. With regard to the IBEC, an international treaty provides for a waiver of judicial immunity when the Bank enters civil legal relations as a legal entity, whereas securing a claim and enforcement require the expressly expressed consent of the Bank. With regard to the IIB, the involvement of the Bank in a case, interim measures, and enforcement are permitted in the presence of definitely expressed consent. The agreement with the Interstate Bank does not establish general judicial immunity in direct form, but enshrines the inviolability of premises, broad immunity of property from executive, administrative, judicial, and other forms of interference, special exceptions, and the competence of the Bank's Council to waive immunity. It is substantiated that for the IBEC and the IIB, the waiver of judicial immunity or consent to participate in proceedings do not extend to interim measures and enforcement without a direct normative basis or an expression of will covering the relevant measure. With regard to the Interstate Bank, the admissibility of affecting property is determined by the scope of property immunity, the provided exceptions, and the presence of a decision of the Bank's Council to waive immunity.

For citation

Gordyushkin I.G. (2026) Immunitety mezhpravitel'stvennykh finansovykh organizatsiy: sudebnaya yurisdiktsiya, obespechitel'nye mery i prinuditel'noe ispolnenie v Rossiyskoy Federatsii [Immunities of Intergovernmental Financial Organizations: Judicial Jurisdiction, Interim Measures, and Enforcement in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 337-352. DOI: 10.34670/AR.2026.15.13.035

Keywords

Intergovernmental financial organizations, judicial jurisdiction, judicial immunity, immunity from interim measures, immunity from enforcement, headquarters agreement, waiver of immunity, consent of an international organization, international law, international financial institutions.

References

1. Chuvakhin, P. I. (2022). *Mezhdunarodno-pravovoy status mnogostoronnikh bankov razvitiya* [International legal status of multilateral development banks] [Doctoral dissertation, Moscow State Institute of International Relations].
2. Chuvakhin, P. I. (2023). Mezhdunarodnaya pravosub"yektnost' mnogostoronnikh bankov razvitiya [International legal personality of multilateral development banks]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, *13*(4A), 513–521.
3. *Determination of the Judge of the Moscow City Court A.A. Knyazev of 20 December 2010 No. 4g/2-9403/10*. (2010). Electronic copy of the judicial act.
4. *Determination of the Judge of the Supreme Court of the Russian Federation B.A. Gorokhov of 29 March 2012 in Case No. 5-V12-14*. (2012). Electronic copy of the judicial act.
5. *Host State Agreement between the International Bank for Economic Cooperation and the Government of the USSR of 23 December 1977*. (1977). https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/63282/
6. *Host State Agreement between the Government of the Russian Federation and the International Investment Bank of 11 February 2020*. (2020). http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102522976
7. *Host State Agreement between the Government of the Russian Federation and the Interstate Bank of 30 July 1996*. (1996). http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011661
8. *Institution Agreement and Statute of the Interstate Bank of 22 January 1993*. (1993). https://eccis.org/document/183
9. *Institution Agreement and Statute of the International Investment Bank of 10 July 1971 (as amended by the Protocol of 25 November 2020)*. (1971/2020). https://iib.int/attachments/uchreditel_nye_dokumenty_1.pdf
10. *Organization Agreement and Statute of the International Bank for Economic Cooperation of 22 October 1963 (as amended by the Protocols of 18 December 1970, 23 November 1977, 18 December 1990 and 25 November 2014)*. (1963/2014). https://ibec.int/upload/uf/664/RU_Agreement_and_Statutes_2014.pdf
11. Radzhabov, M. N. (2013). Status mezhdunarodnykh mezhgosudarstvennykh organizatsiy: chastnopravovoy aspekt [Status of international intergovernmental organizations: private law aspect]. *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava*, (1), 22–27.
12. Ratushny, M. V. (2022). Dogovor mezhdunarodnogo zayma s uchastiyem publichnykh sub"yektov: yurisdiktsionnyye immunitety i osobennosti kollizionnogo regulirovaniya [International loan agreement with public entities: jurisdictional immunities and choice-of-law issues]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, (4), 210–235.
13. *Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of 29 September 2005 No. KA-A40/8428-05 in Case No. A40-65100/04-90-685*. (2005). https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5084882/
14. Sedova, Zh. I. (2001). *Mezhdunarodnoye yuridicheskoye litso kak sub"yekt mezhdunarodnogo chastnogo prava* [International legal entity as a subject of private international law] [Candidate's dissertation, Moscow State University].
15. Sumenkov, S. Yu. (2002). *Privilegii i immunitety kak obshchepravovyye kategorii* [Privileges and immunities as general legal categories] [Candidate's dissertation, Saratov State Academy of Law].
16. Tumanov, S. N. (2016). Mezhdunarodnyye mezhpravitel'stvennyye organizatsii: ponyatiye i funktsional'naya kharakteristika [International intergovernmental organizations: concept and functional characteristics]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, *6*(11A), 3–16.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.2:796 **DOI: 10.34670/AR.2026.62.76.036**

Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров, в том числе в области физической культуры и спорта

Хаджалдиева Екатерина Александровна

Старший преподаватель,
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма,
350015, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. Будённого, 161;
e-mail: riannon86@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы рассмотрения индивидуальных трудовых споров в России с акцентом на спортивную сферу. Анализируются механизмы защиты прав работников и работодателей, включая самозащиту, обращение в профсоюзы, инспекции и суд. Особое внимание уделяется новым правилам рассмотрения трудовых споров спортсменов через Национальный центр спортивного арбитража. Исследуются преимущества данного способа разрешения конфликтов, включая сроки рассмотрения и стоимость услуг. Автор выявляет основные тенденции развития правового регулирования трудовых отношений в спорте.

Для цитирования в научных исследованиях

Хаджалдиева Е.А. Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров, в том числе в области физической культуры и спорта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 353-360. DOI: 10.34670/AR.2026.62.76.036

Ключевые слова

Трудовые споры, индивидуальное трудовое право, физическая культура, спорт, спортивный арбитраж, защита трудовых прав, третейское разбирательство, трудовые отношения, трудовое право.

Введение

В настоящее время практически все правовые отношения имеют законодательный базис и соответствующие методы для реализации прав сторон в таких отношениях. Большинство трудоспособного населения состоят в трудовых отношениях, которые могут иметь легальный или нелегальный характер. Тенденция к сокрытию тех или иных правовых отношений (гражданско-правовые, трудовые, экономические и др.) в последнее время замедляется, но не исчезает полностью. Главным образом, этому (замедлению – прим. автора) способствовали выгодные условия ведения бизнеса в форме самозанятости (простота оформления патента, сумма налогового вычета, процентная ставка и т.д.), а также увеличившееся число сервисов сопровождения бухгалтерского, кадрового и отчетного направлений у участников бизнес-процессов.

Стоит признать, что сокрытие установившихся трудовых отношений – одно из самых популярных правонарушений, стороны которых идут на нарушение добровольно, зачастую в форме бездействия и несопротивления. И если официально оформленные трудовые отношения легче проверить на правомерное применение тех или иных законодательных инструментов и норм внутренних локальных актов организации, то отношения «теневого» характера значительно сужают количество и качество механизмов восстановления справедливости. Современные механизмы защиты прав работника и работодателя имеют выражение в нескольких формах, закрепленных в ст. 352 Трудового кодекса РФ:

- самозащита;

-обращение в специализированные коллегиальные органы (профессиональные союзы);

-участие специализированных государственных органов, осуществляющих контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства (государственные трудовые инспекции);

- судебная защита прав работника.

Основная часть

В реальности трудовых правоотношений, большинство споров, возникающих между работником и работодателем, разрешается еще до обращения в суд или государственный орган надзора. Способы самозащиты, предоставляемые работнику трудовым законодательством, не отличаются многообразием. Статья 379 Трудового кодекса предоставляет возможность отказаться от выполнения неустановленной в договоре трудовой функции, но лишь при письменном уведомлении работодателя. Применительно к выполнению трудовой функции спортсменами и тренерами, подобный алгоритм действий представляется малоэффективным. Главным образом в силу того, что она весьма специфично выражена во временном и качественном критерии. Спортсмен является работником с четким периодическим планированием действий и прогнозируемых результатов. К тому же, за достаточно короткий срок набор профессиональных действий, содержащихся в трудовой функции, может не единожды меняться. Это зависит, главным образом, от этапа подготовки, на котором в данный момент находится спортсмен (начальная подготовка, совершенствование спортивного мастерства, этап высшего спортивного мастерства), характера запланированных соревнований, стартов и т.д. В период с января по август, 27 спортсменам, относящимся к трем различным спортивным федерациям регионального уровня, на анонимной основе, были заданы следующие

вопросы: «Готовы ли Вы отстаивать свои трудовые права?», «Готовы ли Вы заявить о нарушении своих прав в надзорный орган?», «Готовы ли Вы приостановить выполнение своей трудовой функции до полного восстановления нарушенных прав?». Результаты выразились в следующем:

1. Готовы отстаивать свои права 24 из 27 спортсменов (**88,9**%)
2. Обратиться в надзорный орган готовы 21 из 27 спортсменов (**77,8**%)
3. Прервать работу с письменным уведомлением работодателя готовы лишь 9 человек из 27 (**33,3**%)

То есть, иными словами, наблюдается готовность восстановить справедливость в трудовых правоотношениях, но не посредством прекращения на некоторое время спортивной подготовки и участия в контрольных соревновательных мероприятиях. К тому же, содержание трудового договора между работодателем и спортсменом/тренером зачастую содержит положения о недопустимости прерывания учебно-тренировочного процесса. Обращение в надзорные органы, со слов респондентов, более предпочтительно, поскольку позволяет делегировать необходимость изучения специфической нормативной части, имеющихся обстоятельств спора, и применения действующих норм законодательства профессиональному участнику государственно-правовых отношений в части трудового права.

Если возникшие разногласия между работником и работодателем не удается урегулировать посредством самозащиты трудовых прав либо путем обращения в органы государственного контроля (надзора), они приобретают характер индивидуального трудового спора.

Согласно статье 381 Трудового кодекса Российской Федерации индивидуальный трудовой спор обладает двумя ключевыми признаками. Во-первых, он возникает в связи с применением норм трудового законодательства, а также иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. Во-вторых, возникшие между сторонами неурегулированные разногласия должны быть переданы на рассмотрение компетентного органа, уполномоченного разрешать индивидуальные трудовые споры.

Как правило, первоначальное рассмотрение таких споров осуществляется комиссиями по трудовым спорам (КТС), создаваемыми у работодателя. В соответствии со статьями 382 и 390 Трудового кодекса Российской Федерации комиссия обязана рассмотреть поступившее заявление в течение десяти дней со дня его подачи. Правовое регулирование данной процедуры осуществляется положениями Трудового кодекса Российской Федерации, а при передаче спора на рассмотрение суда — также нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Инициировать судебное рассмотрение индивидуального трудового спора вправе прежде всего работник либо представляющая его интересы профессиональная союзная организация. Кроме того, прокурор вправе обратиться в суд, если ему стали известны факты нарушения трудовых прав либо выявлено несоответствие решения комиссии по трудовым спорам требованиям законодательства.

Статья 391 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает, что в судебном порядке рассматриваются индивидуальные трудовые споры, связанные:

– с восстановлением на работе независимо от основания прекращения трудового договора;
– с изменением даты увольнения и формулировки его причины;
– с переводом на другую работу;
– с оплатой времени вынужденного прогула либо взысканием разницы в заработной плате

за период выполнения нижеоплачиваемой работы;

– с неправомерными действиями (бездействием) работодателя при обработке и защите персональных данных работника;

– с взысканием компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) работодателя.

Указанный общегражданский порядок разрешения индивидуальных трудовых споров сохраняет свое действие и в настоящее время. Вместе с тем в 2025 году произошли существенные изменения в регулировании подведомственности индивидуальных трудовых споров в сфере спорта.

Общие особенности регулирования труда спортсменов и тренеров закреплены в главе 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации. Существенное значение также имеет Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 18 апреля 2025 г. № 310 «О внесении изменений в Общие требования к содержанию положений (регламентов) о межрегиональных и всероссийских официальных физкультурных мероприятиях и спортивных соревнованиях, предусматривающих особенности отдельных видов спорта, утвержденные приказом Министерства спорта Российской Федерации от 1 июля 2013 г. № 504». Указанный нормативный акт предоставил спортивным организациям различных уровней право закреплять в своих локальных актах приоритет рассмотрения отдельных категорий спортивных споров в Национальном центре спортивного арбитража (далее — НЦСА) перед государственными судами общей юрисдикции.

Тем самым законодатель сформировал предпосылки для унификации порядка разрешения спортивных споров, включая индивидуальные трудовые споры, посредством их передачи на рассмотрение Национального центра спортивного арбитража, действующего при Автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата» (АНО «САП»), расположенной в городе Москве.

Правовую основу деятельности НЦСА составляют:

– Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»;

– Устав Автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата»;

– Положение о НЦСА, правила арбитража и иные локальные нормативные акты Центра.

В результате спортивные федерации получили возможность самостоятельно определять порядок рассмотрения возникающих профессиональных споров, закрепляя соответствующие процедуры в своих нормативных документах.

Согласно Положению о НЦСА к компетенции Центра относятся:

– администрирование спортивного арбитража ad hoc;

– организационно-техническое обеспечение деятельности спортивного арбитража;

– обеспечение процедуры формирования состава третейского суда;

– рассмотрение заявлений об отводе арбитров и прекращении их полномочий, а также принятие решений по данным вопросам;

– организация взаимодействия между третейским судом, сторонами арбитражного разбирательства, третьими лицами и иными участниками процесса;

– организация сбора, учета и распределения арбитражных сборов и иных расходов;
– рассмотрение обращений юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, самозанятых граждан и иных субъектов.

Перечень полномочий Национального центра спортивного арбитража (НЦСА) носит открытый характер. Это означает, что стороны вправе предусмотреть в арбитражном соглашении дополнительные основания для администрирования арбитражного разбирательства при условии их соответствия положениям локальных нормативных актов Центра, включая Положение, Правила арбитража и иные регламентирующие документы.

Одним из наиболее значимых организационных нововведений стало исключение возможности одновременного рассмотрения одного и того же спортивного спора на национальном и международном уровнях. В настоящее время споры, отнесенные к компетенции НЦСА либо судов общей юрисдикции Российской Федерации, подлежат рассмотрению исключительно в рамках национальной юрисдикции. Такой подход направлен на предотвращение конфликта юрисдикций и исключение параллельного рассмотрения одного дела различными судебными или арбитражными органами. Это обусловлено тем, что наличие арбитражной оговорки в договоре с участием иностранного спортсмена или тренера само по себе не предопределяет ее приоритет перед императивными нормами российского законодательства. Аналогичный принцип применяется и иностранными государствами при разрешении споров с участием российских субъектов.

Обращение в Международный спортивный арбитражный суд (CAS, г. Лозанна) допускается лишь в отношении наиболее сложных категорий споров, когда возможности их урегулирования на национальном уровне, включая арбитражное разбирательство и альтернативные способы разрешения споров, в частности медиацию, уже исчерпаны.

Порядок участия сторон в третейском разбирательстве в целом остается неизменным. Обязательным условием передачи спора в арбитраж является наличие соглашения сторон о рассмотрении возможных разногласий в порядке третейского разбирательства. Такое соглашение может быть заключено как одновременно с трудовым договором, так и на любой стадии его действия.

Если индивидуальный трудовой спор первоначально был передан на рассмотрение суда первой инстанции, стороны вправе по взаимному согласию передать его на разрешение арбитража путем заключения соответствующего арбитражного соглашения. При этом принципиальное значение имеет момент заключения такого соглашения: передача спора в третейский суд возможна только до вынесения судом первой инстанции решения по существу дела.

Расходы, связанные с проведением третейского разбирательства, как правило, возлагаются на истца. Вместе с тем иные участники процесса несут дополнительные расходы в случаях, когда по их инициативе осуществляется совершение отдельных процессуальных действий, например назначение экспертизы, вызов специалиста, проведение опроса свидетелей или выполнение иных процедур, требующих финансового обеспечения.

Весомым аргументом для передачи индивидуальных трудовых споров (равно как и иных случаев, подпадающих под компетенцию Центра) на рассмотрение в НЦСА является стоимость услуг. А именно: для спортсменов, тренеров и спортивных врачей, выступающих как физические лица, стоимость рассмотрения может сложиться только из суммы регистрационного сбора – 10 000 руб. Статья 6 Положения об арбитражных сборах и расходах (Приложение к

Регламенту арбитража споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений АНО «САП») содержит перечень оснований для освобождения от оплаты арбитражного сбора. В частности, освобождаются от уплаты спортсмены, тренеры, спортивные судьи и спортивные врачи в профессиональном спорте и спорте высших достижений. Помимо этого, участники третейского разбирательства – физические лица при подаче иска, носящего неимущественный характер (восстановление прав, изменение условия договора и т.д.), также освобождаются от уплаты арбитражного сбора. Данное положение закреплено в Статье 4 Положения.

Заключение

Резюмируя приведенные тезисы, можно отметить возрастающий уровень правовой регламентации профессиональной спортивной сферы. Это является, в том числе, ответом на внешнеполитические особенности современного мира, коснувшиеся всех направлений деятельности государства, юридических лиц и граждан. Применительно к решению индивидуальных трудовых споров, мы обозначили следующие ключевые положения:

– Общее правило Трудового кодекса РФ – работник/работодатель может избрать способ защиты своих трудовых прав соответственно имеющимся обстоятельствам: самозащита, коллективная зашита, обращение в государственные органы контроля (надзора).
– Частное правило Трудового кодекса РФ (Глава 54.1) – спортсмены, тренеры, спортивные врачи могут выбрать форму третейского разбирательства, помимо предложенных выше способов.
– В большинстве случаев рассмотрение индивидуальных трудовых споров в области профессионального спорта и спорта высшего мастерства предпочтительнее в Национальном центре спортивного арбитража при Автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата». Этому способствуют такие факторы, как: время рассмотрения – до 60 дней; стоимость разбирательства - 10 000руб. (регистрационный сбор с истца), и арбитражный сбор - 0 руб. для физических лиц, заявивших неимущественные требования.

Выстраиваемая унификация нормативно-правовой базы в области физической культуры и спорта позволит более оперативно и предметно реагировать на запросы, требующие скорых и эффективных решений.

Библиография

1. Бредихин, А. А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров в сфере спорта: состояние и тенденции / А. А. Бредихин // Вестник ВГУ. – 2021. – № 1. – С. 112–117.
2. Положение об арбитражных сборах и расходах : приложение к Регламенту арбитража споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений / утв. Распоряжением Министерства юстиции РФ от 01.11.2025 № 1453-р. – URL: https://sportarbitrage.ru/wp-content/uploads/2025/11/arbitration-fee-regulations-2025.pdf .
3. Ржепик, Я. Н. Механизм рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Ржепик Яна Николаевна. – М., 2025. – 196 с.
4. Ржепик, Я. Н. Проблемы рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в юрисдикционных органах спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг / Я. Н. Ржепик // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 2 (16). – С. 106–112.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ .
6. Якимова, К. С. К вопросу о разрешении органами спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг

индивидуальных трудовых споров со спортсменами / К. С. Якимова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 53–55.

Specific Features of the Consideration of Individual Labor Disputes, Including in the Field of Physical Culture and Sports

Ekaterina A. Khadzhaldieva

Senior Lecturer,
Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
350015, 161, im. Budennogo str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: riannon86@mail.ru

Abstract

The article examines current issues of the consideration of individual labor disputes in Russia with an emphasis on the sports sphere. The mechanisms for protecting the rights of employees and employers are analyzed, including self-defense, recourse to trade unions, inspections, and court. Particular attention is paid to the new rules for the consideration of labor disputes of athletes through the National Center for Sports Arbitration. The advantages of this method of conflict resolution are studied, including the timeframes for consideration and the cost of services. The author identifies the main trends in the development of legal regulation of labor relations in sports.

For citation

Khadzhaldieva E.A. (2026) Osobennosti rassmotreniya individual'nykh trudovykh sporov, v tom chisle v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta [Specific Features of the Consideration of Individual Labor Disputes, Including in the Field of Physical Culture and Sports]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 353-360. DOI: 10.34670/AR.2026.62.76.036

Keywords

Labor disputes, individual labor law, physical culture, sports, sports arbitration, protection of labor rights, arbitration proceedings, labor relations, labor law.

References

1. Bredikhin, A. A. (2021). Dosudebnyy poryadok razresheniya individual'nykh trudovykh sporov v sfere sporta: sostoyaniye i tendentsii [Pre-trial procedure for resolving individual labor disputes in the sports sector: status and trends]. *Vestnik VGU*, (1), 112–117.
2. *Labor Code of the Russian Federation*: Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
3. *Regulations on Arbitration Fees and Expenses*: Appendix to the Arbitration Regulations for Disputes in Professional Sports and Sports of Higher Achievements. Approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 1453-r dated November 1, 2025. https://sportarbitrage.ru/wp-content/uploads/2025/11/arbitration-fee-regulations-2025.pdf
4. Rzhepik, Ya. N. (2023). Problemy rassmotreniya individual'nykh trudovykh sporov sportsmenov i trenerov v yurisdiktsionnykh organakh sportivnykh federatsiy i professional'nykh sportivnykh lig [Problems of resolving individual labor disputes of athletes and coaches in jurisdictional bodies of sports federations and professional sports leagues]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, (2), 106–112.

5. Rzhepik, Ya. N. (2025). *Mekhanizm rassmotreniya individual'nykh trudovykh sporov sportsmenov i trenerov* [Mechanism for resolving individual labor disputes of athletes and coaches] [Candidate's dissertation, Moscow].
6. Yakimova, K. S. (2021). K voprosu o razreshenii organami sportivnykh federatsiy i professional'nykh sportivnykh lig individual'nykh trudovykh sporov so sportsmenami [On the resolution of individual labor disputes with athletes by sports federations and professional sports leagues]. *Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom*, (3), 53–55.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.91 **DOI: 10.34670/AR.2026.54.85.037**

Роль судебного примирителя и медиатора в арбитражном процессе

Есиева Фатима Казбековна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра частно-правовых дисциплин,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46;
e-mail: fa2007@narod.ru

Газзаева Мадина Тотрбековна

Кандидат педагогических наук, ,
кафедра частно-правовых дисциплин,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46;
e-mail: gazzaevam@bk.ru

Аннотация

В статье исследуется роль судебного примирителя и медиатора в арбитражном процессе как инструментов досудебного урегулирования споров. Анализируются нормативно-правовая база (АПК РФ, Федеральный закон от 27.07.2010 № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)») и современные практики применения медиативных процедур. Цель работы — выявить функции, правовой статус и практическую эффективность этих институтов для повышения доступности и оперативности урегулирования споров без затяжных судебных разбирательств. Особое внимание уделяется сравнению функций судебного примирителя и медиатора, а также их взаимодействию с арбитражным судом. Методология исследования основана на сравнительно-правовом анализе норм Арбитражного процессуального кодекса РФ (ст. 150 АПК РФ), Федерального закона от 27.07.2010 № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», а также практики применения альтернативных способов разрешения споров. Основные результаты включают детальное описание судебного примирителя как процессуального участника, назначаемого судом для содействия примирению в рамках арбитражного дела (организация переговоров, консультации, составление мирового соглашения с утверждением судом), и медиатора как независимого специалиста, обеспечивающего конфиденциальную процедуру на любой стадии (до, во время или после процесса), с акцентом на нейтральность и добровольность. Выявлены ключевые различия: формализованный статус примирителя — автономность медиатора, ограниченная — полная конфиденциальность, а также проблемы внедрения — низкая осведомленность сторон, недостаточная квалификация медиаторов и слабая интеграция в судебную практику. Результаты применимы в арбитражной практике для бизнеса и юридического

сообщества, способствуя экономии ресурсов, сохранению деловых отношений и снижению нагрузки на суды в сферах коммерческих споров. Выводы подчеркивают необходимость реформ: внесение изменений в АПК РФ и Закон о медиации, создание единого реестра медиаторов с ужесточением сертификации, проведение информационных кампаний и активное стимулирование судов к использованию АРС для системного повышения эффективности правосудия.

Для цитирования в научных исследованиях

Есиева Ф.К., Газзаева М.Т. Роль судебного примирителя и медиатора в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 361-369. DOI: 10.34670/AR.2026.54.85.037

Ключевые слова

Судебный примиритель, медиатор, арбитражный процесс, альтернативные способы разрешения споров, АПК РФ, Закон о медиации, мировое соглашение, примирительные процедуры, конфиденциальность медиации, правовой статус, функции медиатора, эффективность АРС, проблемы внедрения, реформа правосудия, урегулирование споров.

Введение

Арбитражный процесс в современной России переживает этап модернизации, направленный на повышение эффективности и доступности правосудия. Одной из ключевых тенденций является развитие альтернативных способов разрешения споров (АРС), включая медиацию и примирительные процедуры. Судебный примиритель и медиатор играют важную роль в арбитражном процессе, способствуя урегулированию споров без длительных и дорогостоящих судебных разбирательств. Целью данного исследования является анализ роли судебного примирителя и медиатора в арбитражном процессе, их функций, правового статуса и практической эффективности.

Главной задачей примирительных процедур является «урегулирование спора на основе добровольного волеизъявления самих спорящих сторон (при активном содействии арбитражного суда, который принимает меры для примирения сторон, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства в арбитражных судах)» [Падин, 2021, с. 84]. В самом общем виде «процессуальные примирительные процедуры можно определить как проводимые по инициативе сторон или суда на основании определения суда действия сторон и третьих лиц, направленные на разрешение правового спора самими спорящими сторонами на взаимоприемлемых для них условиях, не противоречащих закону и не нарушающих права и законные интересы других лиц» [Бортникова, 2021].

Таким образом, законодательное или доктринальное определение процессуальных примирительных процедур очерчивает их ключевую роль как инструмента добровольного урегулирования конфликтов в рамках судебного процесса. Несмотря на некоторую вариативность формулировок, большинство исследователей сходится в понимании их сущности как механизма, ориентированного на самостоятельное достижение сторонами устраивающего их результата. Именно в русле этого консенсуса следует рассмотреть и конкретные научные трактовки данного института. Так, Е. В. Буянова определяет рассматриваемый институт как «...правомерные способы урегулирования субъектами права возникших между ними споров на взаимоприемлемых условиях в соответствии с их экономическими и иными интересами, с

возможностью привлечения нейтральных третьих лиц (посредника)» [Буянова, 2017, с. 46]. Схожей точки зрения придерживаются и И.Э. Мартыненко [Мартыненко, 2009, с. 132-133], О.С. Мрастьева и С.П. Казакова [Мрастьева, Казакова, 2016, с. 150], С. А. Семикина и А. Н. Юсупова [Семикина, Юсупова, 2016, с. 59], О. А. Мачучина [Мачучина, 2017, с. 56], а также З.Н. Зин и Е.В. Шаров, утверждающие, что «примирительные процедуры, включенные в российское законодательство на протяжении всего существования государства, представляют собой установленный порядок добровольного урегулирования споров между сторонами с учетом их интересов. Этот порядок основан на использовании правовых возможностей и решении спора путем выработки взаимоприемлемого результата» [Зин, Шаров, 2023, с. 81] и ряд других ученых.

Основная часть

Идея применения альтернативных способов урегулирования споров, в том числе примирительных процедур, заключается в том, что их использование при разрешении экономических споров будет способствовать снижению нагрузки на судей, экономии бюджетных средств, развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота, повышении доступности правосудия и оптимизации отправления правосудия в арбитражных судах.

Статьей 2 АПК РФ одной из задач арбитражного судопроизводства названо содействие мирному урегулированию споров. Новая редакция статьи 4 АПК РФ предусматривает, что стороны после обращения в арбитражный суд вправе использовать примирительные процедуры для урегулирования спора.

Статьей 138 АПК РФ определено, что арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь интересами сторон и задачами судопроизводства в арбитражных судах.

Примирительная процедура должна быть завершена в срок, установленный судом в определении. По ходатайству сторон этот срок может быть продлен арбитражным судом. Если стороны не достигли примирения или отказались от проведения примирительных процедур либо истек срок их проведения, то арбитражный суд возобновляет судебное разбирательство в порядке, установленном ч. 10 статьи 158 АПК РФ.

В качестве необходимых мер к развитию институтов примирения сторон в рекомендации Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» предлагается включить в судебную политику задачу содействия примирению сторон как вне судебной системы, так и до или в ходе судебного разбирательства. С этой целью рекомендовалось возложить на судей в качестве одной из основных обязанностей добиваться примирения сторон и заключения ими мирового соглашения по всем обстоятельствам спора до или в ходе судебного разбирательства. Данные рекомендации нашли свое отражение в отечественном процессуальном законодательстве и судебной практике. Так, согласно разъяснениям, изложенными в п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству», судья на стадии подготовки дела к судебному разбирательству принимает меры к примирению сторон, разъясняет им не только их право заключить мировое соглашение, передать дело на рассмотрение третейского суда, обратиться за содействием к посреднику, но и существо и преимущества примирительных процедур, а также правовые последствия этих действий. Также в соответствии с ч. 1 ст. 138.1 АПК РФ арбитражный суд наделен правом инициативы в отношении урегулирования между сторонами

правового спора при помощи примирительных процедур. Арбитражный суд может зафиксировать свое предложение сторонам о проведении примирительных процедур в определении о принятии искового заявления (заявления) к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству или в ином определении по делу. Помимо письменного предложения судом может сделано предложение сторонам о передачи дела на урегулирование в рамках примирительных процедур в устной форме во время судебного заседания. При этом арбитражный суд может объявить перерыв в судебном заседании для рассмотрения сторонами вопроса о возможности использовать примирительные процедуры.

Судебный примиритель – это лицо, привлекаемое судом для содействия в урегулировании спора на стадии арбитражного процесса. Правовой статус судебного примирителя определяется статьей 150 АПК РФ, которая предоставляет арбитражному суду право привлекать для участия в процессе лиц, способных оказать содействие в примирении сторон.

При этом «не вправе выступать в качестве судебного примирителя судья, который хотя и пребывает в отставке, но был привлечен к осуществлению правосудия. Также судебным примирителем не может выступать судья в отставке, который работает в органах государственной или муниципальной власти, государственных и муниципальных учреждениях, профсоюзных и иных общественных объединениях, является помощником депутата органов законодательной власти Российской Федерации или субъектов Российской Федерации, является уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг» [Нехтий, 2025, с. 245]. Следовательно, прямо запрещено одновременно заниматься судебным примирением и работа в публичной сфере. Это ограничение выглядит вполне логичным, поскольку оно направлено на то, чтобы максимально отделить роль судебного примирителя от влияния государственных структур, что вполне соответствует его позиции как нейтрального посредника между спорящими сторонами. Ведь основная задача такого специалиста – не в том, чтобы авторитарно устанавливать «правду», а в выработке компромисса, который удовлетворит всех участников конфликта, пусть даже решение суда в итоге могло бы оказаться совсем другим. Кроме того, нельзя игнорировать пересечения между ролью судебного примирителя и судьи, ведущего процесс: они взаимодействуют через определенные права и обязательства, но эта взаимосвязь не подразумевает подчинения одного другому. Примиритель не зависит от судьи, хотя у последнего гораздо шире полномочия для принудительного влияния на участников, а судья, в свою очередь, не подчиняется примирителю, несмотря на то что обычно примиритель обладает большим практическим опытом в юриспруденции. Именно поэтому «вопрос статуса судебного примирителя и обеспечения баланса его полномочий, прав и обязанностей в отношениях с судьей и сторонами спора является краеугольным камнем для развития данного института» [Нехтий, 2025, с. 246].

Квалификационные стандарты для роли судебного посредника остаются крайне слабыми: здесь не предусмотрено никаких конкретных показателей для ключевых качеств, таких как длительность профессионального опыта, уровень подготовки (включая психологическую или специализированную на урегулировании споров через переговоры), а также нет норм по доле успешно завершенных кейсов, чьи исходы устояли в апелляционных судах без корректировок. В связи с этим, при определении формы примирения участникам конфликта выгоднее будет выбрать внешнего медиатора или аналогичного специалиста, ведь о его фоне можно собрать данные заблаговременно и без труда. К примеру, независимые медиаторы часто делятся на личных веб-ресурсах сведениями о своей квалификации, областях экспертизы и цифрами по улаженным ситуациям, что позволяет заранее оценить перспективы от сессии примирения. В случае с судебными примирителями подобную прозрачность обеспечить нельзя, поскольку они

не ведут индивидуальные онлайн-платформы. В этой ситуации разумным шагом выглядит разработка единой платформы для всех судебных примирителей, где будет представлена полная информация об их деятельности, в том числе данные о количестве решенных дел с классификацией по типам разногласий.

К полномочиям судебного примирителя «относится ведение переговоров с лицами, участвующими в деле, изучение материалов дела и дополнительно представленных лицами документов, рекомендации участникам в целях ускоренного урегулирования спора и сохранения между сторонами деловых отношений» [Воронов, 2019, с. 48]. В некоторых ситуациях «судебный примиритель не просто имеет право — он обязан предлагать сторонам свое видение разрешения конфликта, оказывать на стороны волевое психологическое воздействие» [Жуйков, 2019, с. 28]. В плане авторитета судебного примирителя стоит подчеркнуть, что эта роль выполняется бывшим судьей, который является профессиональным специалистом в области права — это качество не всегда присуще участникам медиации или иным формам урегулирования конфликтов. Именно юрист с четким правовым мышлением в состоянии оценить преимущества и недостатки аргументов участников, различить эмоциональные, финансовые и общественные факторы влияния от подлинной юридической опасности для интересов сторон. Также «судебный примиритель может указывать на эффективность или неэффективность выбранного сторонами способа защиты права» [Трезубов, 2020, с. 88].

Правовой статус медиатора регулируется Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193. В отличие от судебного примирителя, медиатор работает в рамках самостоятельной процедуры медиации, которую стороны могут инициировать как до начала арбитражного процесса, так и после его запуска.

Среди ключевых функций медиатора выделяется организация и проведение медиативной процедуры, в ходе которой создаются условия для доверительного обсуждения спора. Медиатор строго соблюдает принципы нейтральности и беспристрастности, не выражая предпочтений ни одной из сторон и не имея права навязывать свое решение. Медиатор оказывает активную поддержку сторонам в формулировании взаимоприемлемого разрешения, предлагая разнообразные стратегии разрешения противоречий, которые могут затрагивать не только правовые, но и экономические, а также психоэмоциональные компоненты. Более того, весь процесс медиации подкрепляется принципом конфиденциальности, что усиливает доверие участников и способствует развитию продуктивного обмена мнениями.

Вовлечение медиатора допустимо на любом этапе разрешения конфликта: от досудебной до активного хода арбитражного производства, включая даже стадию принудительного исполнения судебного акта. В соответствии с законодательством о медиации, кандидаты на роль медиатора должны соответствовать жестким критериям — обладать дипломом о высшем образовании, пройти специализированное обучение в области медиации, а также быть свободными от любых обстоятельств, способных вызвать конфликт интересов, с целью обеспечения беспристрастности и продуктивности всего механизма.

Хотя и судебный примиритель, и медиатор преследуют единую задачу — разрешение разногласий, — они существенно отличаются по правовому статусу, спектру полномочий и месту в процессуальной структуре. Судебный примиритель назначается на основании определения арбитражного суда в соответствии со статьей 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в то время как медиатор привлекается исключительно по соглашению сторон в рамках Закона о медиации. В процессуальном плане судебный

примиритель выступает как полноценный участник арбитражного процесса, интегрированный в его структуру, тогда как медиатор остается независимым лицом, не связанным с судебной процедурой.

Внедрение института судебного примирителя предполагает возможность инициирования данного процесса как со стороны суда, так и по инициативе участников конфликтной ситуации, что обуславливает повышенную степень формализации и контроля за его деятельностью. В противоположность этому, привлечение медиатора осуществляется исключительно на основе согласования заинтересованных сторон, без какого-либо участия судебных органов, что акцентирует добровольный и саморегулируемый аспект медиационного механизма. Кроме того, зона применения этих правовых инструментов существенно различается: деятельность судебного примирителя ограничена пределами конкретного арбитражного производства, где он способствует достижению компромисса на этапе его проведения. В свою очередь, процедура медиации характеризуется повышенной гибкостью, поскольку она способна применяться на предварительной досудебной фазе, в ходе одновременного судебного рассмотрения дела либо даже на пострегистрационной стадии после оглашения судебного решения, что в итоге расширяет спектр опций для разрешения конфликта.

В рамках нормативно-правового поля конфиденциальность примирительной процедуры с привлечением судебного примирителя обладает частичным статусом: судебная инстанция наделена компетенцией запрашивать данные о ходе примирительных действий, обеспечивая тем самым баланс прозрачности в системе арбитражного процесса. Что касается роли медиатора, то здесь конфиденциальность трактуется как императивная императивная норма, с отступлениями лишь в строго регламентированных законом случаях, что создает предпосылки для свободного циркулирования защищенной информации среди сторон без риска ее дальнейшей публичной огласки. Помимо этого, конечные результаты их деятельности существенно дифференцируются по критериям оформления и путей имплементации: усилия примирителя ориентированы на разработку мирового соглашения, подлежащего судебному утверждению и обретению императивной силы прямо в рамках текущего процесса разбирательства. Медиативное соглашение, в свою очередь, характеризуется добровольной природой и подразумевает самостоятельное исполнение обязательствами сторонами, хотя в случае необходимости оно может быть инициировано в суде для обеспечения принудительного соблюдения. Указанные различия акцентируют роль судебного примирителя как органического элемента судебной инфраструктуры, в то время как медиатор позиционируется как внешняя альтернатива, фокусирующаяся на автономном разрешении конфликта.

Заключение

Итак, интеграция института судебного примирителя и медиатора в арбитражное судопроизводство раскрывает существенный резерв для оптимизации темпов урегулирования спорных ситуаций. Такой метод позволяет контрагентам формировать паритетные договоренности, избегая протяжных судебных процедур, что не только минимизирует расходуемые временные и материальные ресурсы, но и способствует поддержанию партнерских связей в бизнес-среде. Независимо от различий в их правовом положении и функциональных обязанностях, оба института ориентированы на формирование консенсуальных решений, выгодных для сторон. Улучшение их эффективности предполагает модернизацию правовой базы, прогрессивное развитие кадрового потенциала медиаторов и усиление осведомленности участников спора относительно альтернативных способов разрешения споров.

Библиография

1. Бортникова, Н. А. Понятие примирительных процедур / Н. А. Бортникова // СПС «КонсультантПлюс». – 2021.
2. Буянова, Е. В. Медиация и мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе: проблемы соотношения / Е. В. Буянова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (31). – С. 46–53.
3. Воронов, А. Ф. О совершенствовании примирительных процедур / А. Ф. Воронов // Право в Вооруженных Силах: Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 10 (267). – С. 47–55.
4. Жуйков, В. М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам / В. М. Жуйков // Российский судья. – 2019. – № 9. – С. 24–30.
5. Зин, Н. В. К вопросу о примирительных процедурах в рамках арбитражного процесса / Н. В. Зин, Е. В. Шаров // Ученые записки. – 2023. – № 4(48). – С. 76–82.
6. Мартыненко, И. Э. Опыт Республики Беларусь по урегулированию хозяйственных споров в порядке посредничества / И. Э. Мартыненко // Современное право. – 2009. – № 6. – С. 132–135.
7. Мачучина, О. А. Основные составляющие примирительных процедур / О. А. Мачучина // Наука. Общество. Государство. – 2017. – № 3 (19). – С. 53–57.
8. Мрастьева, О. С. Примирительные процедуры в арбитражном процессе / О. С. Мрастьева, С. П. Казакова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 24-2. – С. 149–154.
9. Нехтий, О. Р. Судебный примиритель. Требования, предъявляемые к судебному примирителю в гражданском процессе / О. Р. Нехтий // XVII итоговая студенческая научная конференция : сборник статей конференции. В 4-х томах, Санкт-Петербург, 02 апреля 2025 года. – СПб. : Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. – С. 243–248.
10. Падин, А. Э. Примирительные процедуры в арбитражном процессе: проблемы реализации / А. Э. Падин // Юридическая наука. – 2021. – № 3. – С. 84–87.
11. Семикина, С. А. Применение примирительных процедур в арбитражном процессе России / С. А. Семикина, А. Н. Юсупова // Право. Законодательство. Личность. – 2016. – № 1 (22). – С. 59–63.
12. Трезубов, Е. С. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России / Е. С. Трезубов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 1 (13). – С. 88–94.

The Role of the Judicial Conciliator and Mediator in Arbitration Proceedings

Fatima K. Esieva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Private Law Disciplines,
K.L. Khetagurov North Ossetian State University,
362025, 44–46, Vatutina str., Vladikavkaz, Russian Federation;
e-mail: fa2007@narod.ru

Madina T. Gazzaeva

PhD in Pedagogy,
Department of Private Law Disciplines,
K.L. Khetagurov North Ossetian State University,
362025, 44–46, Vatutina str., Vladikavkaz, Russian Federation;
e-mail: gazzaevam@bk.ru

Abstract

The article examines the role of the judicial conciliator and mediator in arbitration proceedings as instruments of pre-trial dispute settlement. The regulatory and legal framework (the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, Federal Law No. 193 of 27.07.2010 "On the Alternative Procedure for Dispute Settlement with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)") and modern practices of applying mediation procedures are analyzed. The objective of the work is to identify the functions, legal status, and practical effectiveness of these institutions for enhancing the accessibility and efficiency of dispute settlement without protracted court proceedings. Particular attention is paid to comparing the functions of the judicial conciliator and the mediator, as well as their interaction with the arbitration court. The methodology of the research is based on a comparative legal analysis of the norms of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (Article 150 of the APC of the Russian Federation), Federal Law No. 193 of 27.07.2010 "On the Alternative Procedure for Dispute Settlement with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)", as well as the practice of applying alternative dispute resolution methods. The main results include a detailed description of the judicial conciliator as a procedural participant appointed by the court to facilitate conciliation within the framework of an arbitration case (organization of negotiations, consultations, drafting of a settlement agreement subject to court approval), and the mediator as an independent specialist providing a confidential procedure at any stage (before, during, or after the proceedings), with an emphasis on neutrality and voluntariness. Key differences are identified: the formalized status of the conciliator versus the autonomy of the mediator, limited versus full confidentiality, as well as implementation problems – low awareness of the parties, insufficient qualification of mediators, and weak integration into judicial practice. The results are applicable in arbitration practice for business and the legal community, contributing to resource savings, preservation of business relations, and reduction of the burden on courts in the sphere of commercial disputes. The conclusions emphasize the need for reforms: introducing amendments to the APC of the Russian Federation and the Law on Mediation, creating a unified register of mediators with stricter certification, conducting information campaigns, and actively encouraging courts to use ADR for the systemic enhancement of the effectiveness of justice.

For citation

Esieva F.K., Gazzaeva M.T. (2026) Rol' sudebnogo primiritelya i mediatora v arbitrazhnom protsesse [The Role of the Judicial Conciliator and Mediator in Arbitration Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 361-369. DOI: 10.34670/AR.2026.54.85.037

Keywords

Judicial conciliator, mediator, arbitration process, alternative dispute resolution methods, Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, Law on Mediation, settlement agreement, conciliation procedures, confidentiality of mediation, legal status, functions of the mediator, effectiveness of ADR, implementation problems, reform of justice, dispute settlement.

References

1. Bortnikova, N. A. (2021). Ponyatiye primiritel'nykh protsedur [The concept of conciliation procedures]. ConsultantPlus.
2. Buyanova, E. V. (2017). Mediatciya i mirovoye soglasheniye v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: problemy sootnosheniya [Mediation and settlement agreement in civil and arbitration proceedings: problems of correlation]. Trudy

Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, (1), 46–53.
3. Martynenko, I. E. (2009). Opyt Respubliki Belarus' po uregulirovaniyu khozyaystvennykh sporov v poryadke posrednichestva [Experience of the Republic of Belarus in settling economic disputes through mediation]. Sovremennoye pravo, (6), 132–135.
4. Machuchina, O. A. (2017). Osnovnyye sostavlyayushchiye primiritel'nykh protsedur [Main components of conciliation procedures]. Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo, (3), 53–57.
5. Mrastyeva, O. S., & Kazakova, S. P. (2016). Primiritel'nyye protsedury v arbitrazhnom protsesse [Conciliation procedures in arbitration proceedings]. Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike, (24-2), 149–154.
6. Nekhtiy, O. R. (2025). Sudebnyy primiritel'. Trebovaniya, pred"yavlyayemyye k sudebnomu primiritelyu v grazhdanskom protsesse [Judicial conciliator. Requirements for a judicial conciliator in civil proceedings]. In XVII itogovaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya: Sbornik statey konferentsii (pp. 243–248). All-Russian State University of Justice.
7. Padin, A. E. (2021). Primiritel'nyye protsedury v arbitrazhnom protsesse: problemy realizatsii [Conciliation procedures in arbitration proceedings: problems of implementation]. Yuridicheskaya nauka, (3), 84–87.
8. Semikina, S. A., & Yusupova, A. N. (2016). Primeneniye primiritel'nykh protsedur v arbitrazhnom protsesse Rossii [Application of conciliation procedures in the arbitration process of Russia]. Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost', (1), 59–63.
9. Trezubov, E. S. (2020). Novelly sudebnogo primireniya v kontekste sudebno-pravovoy politiki sovremennoy Rossii [Novelties of judicial reconciliation in the context of judicial and legal policy of modern Russia]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki, (1), 88–94.
10. Voronov, A. F. (2019). O sovershenstvovanii primiritel'nykh protsedur [On improving conciliation procedures]. Pravo v Vooruzhennykh Silakh: Voyenno-pravovoye obozreniye, (10), 47–55.
11. Zin, N. V., & Sharov, E. V. (2023). K voprosu o primiritel'nykh protsedurakh v ramkakh arbitrazhnogo protsessa [On the issue of conciliation procedures within the arbitration process]. Uchenyye zapiski, (4), 76–82.
12. Zhuykov, V. M. (2019). Rol' suda v primirenii storon po grazhdanskim delam [The role of the court in reconciling parties in civil cases]. Rossiyskiy sud'ya, (9), 24–30.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.44 **DOI: 10.34670/AR.2026.99.65.039**

Особенности опционных соглашений в сделках с долями (акциями) хозяйственных обществ

Смоляков Данила Максимович

Магистр,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 82;
e-mail: Danila.Smolyakov@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности применения опциона на заключение договора и опционного договора в сделках с долями (акциями) хозяйственных обществ. Актуальность исследования обусловлена востребованностью опционных конструкций в инвестиционных и корпоративных отношениях при сохраняющейся неопределенности отдельных вопросов их регулирования и неоднородности судебной практики. На основе анализа законодательства, доктринальных подходов и судебной практики автором исследуются правовая природа опционных соглашений, сроки и условия их реализации, разграничение опционной премии и покупной цены, а также предлагаются способы защиты интересов сторон до перехода прав на доли (акции).

Для цитирования в научных исследованиях

Смоляков Д.М. Особенности опционных соглашений в сделках с долями (акциями) хозяйственных обществ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 370-378. DOI: 10.34670/AR.2026.99.65.039

Ключевые слова

Опцион на заключение договора, опционный договор, доли в уставном капитале, акции, опционная премия, ст. 429.2 ГК РФ, ст. 429.3 ГК РФ, корпоративные правоотношения, сделки M&A.

Введение

Соглашения, позволяющие сторонам совершать сделки с возможностью отложить момент заключения или исполнения договора, а также поставить его под определенные условия, получили широкое распространение в сфере корпоративных правоотношений. Аналогичные соглашения, именуемые опционами, активно использовались в деловой практике представителями зарубежного бизнеса в Российской Федерации, которые привнесли на рынок практики, основанные на механизмах, известных праву США, Англии и некоторых иных европейских правопорядков [Юнусова, 2017, с. 246]. В России же регулирование опционов основывалось на принципе свободы договора согласно п. 1, 2 ст. 421 Гражданского кодекса [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), 1994] (далее - ГК РФ), что позволяло сторонам самостоятельно определять условия и порядок исполнения таких договоров.

Основная часть

В российское законодательство опционные договорные конструкции были внедрены в результате реформы Гражданского кодекса РФ в 2015 посредством закрепления в ст. 429.2 ГК РФ «Опцион на заключение договора» и ст. 429.3 ГК РФ «Опционный договор» (далее – опционные соглашения). Законодательное закрепление опционных соглашений стало предметом дискуссий ученых-правоведов относительно их правовой природы, месте их в классификации договоров, а также порядка их заключения и реализации. Новый этап развития использования опционных соглашений начался в 2020-х годах после массового ухода иностранного бизнеса из России. Такие соглашения предусматривали возможность иностранных владельцев бизнеса выкупить его обратно и вернуться на российский рынок с сохранением производственных мощностей, сети продаж и иной инфраструктуры.

В настоящий момент опционные соглашения продолжают активно использоваться в сделках с долями и акциями хозяйственных обществ, позволяя реализовать различные структуры инвестиционных стратегий и корпоративного управления. Тем не менее вопросы доктринального осмысления опционных конструкций и способов их применения в коммерческой практике остаются непроработанными в достаточной степени. В судебной практике также отсутствует однозначный подход к разрешению споров, связанных с исполнением опционных соглашений, определением покупной цены и условий их реализации.

Витрянский В.В. относит опционные соглашения к специальным договорным конструкциям, для которых характерна возможность применения практически к любым видам договорных обязательств, обладающих необходимым набором признаков [Витрянский, 2019, с. 137]. Такая специфика позволяет отделять опционные соглашения от поименованных в ГК РФ видов договоров, а также использовать их во взаимосвязи.

Согласно п. 1 ст. 429.2 ГК РФ опцион на заключение договора позволяет одной стороне посредством безотзывной оферты, предоставленной другой стороной, заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом (далее – опцион). Севеева К.В. отмечает, что опцион на заключение договора предоставляет стороне право выбора между заключением и незаключением основного договора [Севеева, 2023, с. 35]. Это позволяет стороне акцептовать оферту в любой момент действия опциона, в том числе при наступлении наиболее благоприятных коммерческих условий.

В коммерческой практике при сделках купли-продажи акций (долей) используются две модели опционных конструкций – put и call [Корпоративное право: учебный курс, 2017, с. 395]. Put-опцион позволяет акцептанту, являющемуся продавцом, продать акции (доли) оференту, являющегося покупателем. Call-опцион дает право акцептанту, являющемуся покупателем, купить акции (доли) у оферента (продавца). А.Г. Карапетов также указывает на возможность сочетания опционов put и call в так называемом «двустороннем опционе» [Договорное право (общая часть): постатейный комментарий, 2020, с. 415]. По такому опциону обе стороны – покупатель и продавец - имеют право требовать исполнения.

Опционный договор имеет иной механизм применения. Так, согласно п. 1 ст. 429.3 ГК РФ по опционному договору одна сторона вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий. Ключевое отличие опционного договора от опциона в том, что основной договор уже заключен, однако право требовать его исполнения отложено на срок, определенный условиями опционного договора. А.Г. Карапетов подчеркивает, что опционный договор не является самостоятельным типом договора, а лишь предоставляет стороне секундарное право востребовать исполнение договора [Карапетов, 2016, с. 68]. По мнению Д.Р. Мурдалова, опционный договор устанавливает специальный правовой режим обязанности исполнить договор, который зависит от воли стороны, имеющей соответствующее право требования [Мурдалов, 2025, с. 97].

Отдельными вопросами реализации опционных соглашений являются срок их действия и условия реализации. Статьи 429.2 и 429.3 ГК РФ предусматривают, что опционные соглашения действуют в течение определенного срока, который определяется сторонами. Так, стороны имеют полную свободу в определении момента начала течения срока и его продолжительности для реализации права требования.

Наиболее часто встречаются опционные соглашения, которые действуют определенный период времени с момента их заключения. Например, в п. 2 ст. 429.2 ГК РФ указано, что такой срок по умолчанию составляет один год, если стороны не определили иное. Нормы ГК РФ об опционном договоре не содержат аналогичных положений о сроке его действия.

В таком случае при отсутствии специальных положений о сроке действия основного поименованного в ГК договора применительно к опционному договору следовало бы исходить из аналогии закона. Тем не менее суды не всегда соглашаются с таким подходом и признают опционный договор незаключенным при отсутствии срока его действия [Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2018 по делу № А41-60107/16, 2018]. Наиболее целесообразным видится закрепление в ст. 429.3 ГК РФ положения о том, что срок действия опционного договора составляет один год, если сторонами не согласовано иное. Это позволит унифицировать нормы об опционных соглашениях, которые используются сторонами в схожих по своей природе правоотношениях.

Однако стороны могут поставить момент начала течения срока под определенное условие, которое может как зависеть от воли стороны, так и не зависеть (ст. 157 и ст. 327.1 ГК РФ). Наступление такого условия может как служить началом течения срока действия опционного соглашения, так и вести к его прекращению.

В сделках с акциями (долями) хозяйственных обществ начало срока действия опционного соглашения, например, может быть поставлено в зависимость от перехода прав на доли или акции к продавцу. Момент начала течения срока действия опционного соглашения может быть связан с государственной регистрацией прав на доли или внесением регистратором записи в реестре в отношении правообладателя акций. Такая ситуация может возникнуть, если на момент

заключения опционного соглашения права собственности на доли (акции) еще не перешли, но должны перейти в обозримом будущем. Например, это может быть уместно в сделках купли-продажи бизнеса с параллельным заключением опциона с правом на обратный выкуп. Такие сделки получили активное распространение в период ухода иностранного бизнеса из РФ в 2020-х годах [Иванов, Акопов, 2023, с. 70]. Опционы на обратный выкуп предоставляют иностранному бизнесу право вернуться на российский рынок в течение определенного срока.

Нормативное регулирование опционного договора в п. 1 ст. 429.3 ГК РФ устанавливает возможность предусмотреть, что при наступлении определенного условия требование будет считаться заявленным. Например, таким условием может быть определено вступление в силу решения суда, от которого зависит экономическая целесообразность заключения договора купли-продажи долей (акций).

Отдельного внимания также требуют плата за предоставление прав по опционному соглашению и цена основного договора, опосредованного опционным соглашением.

По общему правилу цена за предоставление прав по опционному соглашению, именуемая некоторыми авторами опционной премией, является опциональной (п. 1 ст. 429.2 ГК РФ, п. 2 ст. 429.3 ГК РФ) [Гриб, Кузнецов, 2023, с. 158]. Стороны могут установить ее в значительном или в символическом размере либо не устанавливать вовсе. Зачастую опционные соглашения носят безвозмездный характер, что обусловлено сложностями в определении рыночной цены [Договорное право (общая часть): постатейный комментарий, 2020, с. 415]. В отличие от цены на доли (акции) хозяйственных обществ, определить рыночную стоимость опционной премии сложно, так как она не фиксирует оценку бизнеса в конкретный момент времени. Опционная премия предоставляет право выкупить или продать долю этого бизнеса в течение определенного периода времени, что сложно поддается объективной оценке. Тем не менее размер опционной премии может носить компенсационной характер – быть направленным на возмещение расходов или издержек стороны, предоставившей права по опционному соглашению.

Однако в судебной практике встречаются случаи, демонстрирующие необходимость избирательно подходить к условиям о размере и порядке уплаты опционной премии. Так, в одном из судебных дел, рассмотренных Верховым Судом РФ, опционная премия по опциону в отношении 100% долей составляла 50 000 000 рублей [Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2024 № 306-ЭС24-9013 по делу № А55-5139/2023, 2024]. По условиям опционного соглашения она уплачивалась в момент заключения и не подлежала возврату в случае, если акцептант не направит акцепт в течение срока действия соглашения. В случае неисполнения оферентом определенных обязательств он обязался вернуть опционную премию и заплатить штраф в размере 50 000 000 рублей. Такие условия опциона были признаны судом несоразмерными нарушению. Суд обязал оферента вернуть опционную премию, заплатить проценты за пользование чужими денежными средствами и снизил размер штрафа до 100 000 рублей. Указанный случай показывает, что более рационально предусматривать более гибкие механизмы возмещения убытков какой-либо из сторон, а также не включать цену доли в опционную премию.

Цена, по которой отчуждаются доли (акции) по опционным соглашениям, является одним из ключевых условий сделки по купле-продаже бизнеса или его части. С.Ю. Филиппова и И.С. Шиткина отмечают, что порядок определения цены по таким договорам должен быть максимально определенным [Филиппова, Шиткина, 2019, с. 109]. Могут быть предусмотрены два способа определения покупной цена долей (акций): фиксированная денежная сумма или механизм корректировки цены в зависимости от различных факторов на момент реализации

опциона. Фиксированная цена наиболее приемлема, когда стороны согласовали конечную цену, по которой опционное соглашение может быть реализовано в течение непродолжительного периода времени. Также фиксированная цена может использоваться в целях разрешения корпоративных конфликтов или «тупиковых ситуаций», установления опционных программ для сотрудников.

Тем не менее, если опционное соглашение заключено на срок более года, до момента его реализации рыночная цена долей (акций) может существенно измениться. Увеличение цены может быть обусловлено различными коммерческими факторами: увеличением объема продаж, выходом на новые рынки, запуском новой линейки продуктов и т.д. Механизм корректировки цены на момент реализации опционного соглашения призван учитывать все эти факторы с целью защиты прав обеих сторон. Такой механизм может уберечь одну из сторон от заключения заведомо невыгодной сделки и (или) учесть ее возможные издержки, которые могут быть обусловлены обстоятельствами, возникшими с момента заключения опционного соглашения.

В.З. Мамагеишвили отмечает, что «на практике однозначно можно встретить разнообразные комбинации перечисленных в настоящей статье и иных механизмов, направленных на корректировку покупной цены, исходя из специфики конкретного бизнеса, отрасли, в которой осуществляется деятельность, или коммерческих договоренностей сторон по определенной сделке» [Мамагеишвили, 2019, с. 26]. Например, механизмами корректировки цены на момент реализации могут выступать: проведение оценки рыночной стоимости бизнеса; использование различных мультипликаторов; использование формул, связанных с текущими финансово-экономическими показателями.

При заключении опционных соглашений также стоит учитывать, что на стороны могут быть возложены обязательства совершить до осуществления акцепта (предъявления требования об исполнении договора) определенные действия или воздержаться от их совершения. Такие обязательства могут выражаться в получении корпоративного одобрения сделки купли-продажи долей (акций), согласия Федеральной антимонопольной службы или иных компетентных органов.

Например, получение согласия Федеральной антимонопольной службы на основании ст. 28 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», 2006] может быть призвано обеспечить соблюдение антимонопольного законодательства на момент совершения сделки [Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2025 по делу № А40-307437/2023, 2025]. В ином случае возникают риски наложения административных штрафов или оспаривания сделки в судебном порядке со стороны антимонопольных органов. Наступление таких обстоятельств может привести к убыткам и иным существенным рискам для обеих сторон.

Корпоративное одобрение, например, может требоваться на основании ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», 1998] или на основании иных уставных или законодательных ограничений. Отсутствие такого одобрения может повлечь оспаривание сделки со стороны иных участников хозяйственного общества. Также внешние инвесторы или контрагенты в дальнейшем при заключении сделок с обществом, собственники долей (акций) которого получили их без соответствующего одобрения, могут видеть в этом определенные риски.

Для минимизации указанных рисков сторонам рекомендуется предусмотреть заверения об

обстоятельствах в порядке ст. 431.2 ГК РФ или предусмотреть обязательства до совершения акцепта (заявления требований об исполнении договора) по соблюдению всех законодательных или корпоративных ограничений. Как упоминалось ранее, опционное соглашение может быть поставлено под условие в порядке ст. 157 и ст. 327.1 ГК РФ. Указанные механизмы могут быть использованы и в совокупности, особенно в сделках с существенными по цене или значению активами.

Также важно в опционных соглашениях устанавливать обязательства по воздержанию от совершения определенных действий. Такие действия могут выражаться в отчуждении доли (акций), являющейся предметом опционного соглашения, третьим лицам. Доли (акции) в период до перехода прав владения на них к одной из сторон могут быть обременены, например, переданы в залог третьему лицу. Кроме того, действия владельца долей (акций) в период до реализации опционного соглашения могут привести к умалению прав другой стороны.

Например, в одном из судебных дел стороны заключили опцион, предметом которого являлась контрольная доля участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в размере 51%. До момента реализации опциона единственный участник общества внес в устав изменения. Согласно этим изменениям в устав были внесены положения, согласно которым для принятия решений общим собранием участников требуется единогласие. Доля в размере 51 % уставного капитала перестала иметь свое практическое значение в корпоративном управлении обществом и более не давала покупателю по опциону решающего голоса. Суды признали такие действия недобросовестными и встали на сторону покупателя [Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.03.2026 по делу № А68-3280/2025, 2026].

Приведенные примеры показывает, насколько важно предусмотреть в опционных соглашениях обязательства сторон, которые они должны исполнить перед реализацией соглашения. В ином случае в результате недобросовестного поведения сторон сделка может не состояться или одна из сторон может понести существенные потери. Подход к составлению договорной документации по сделкам с долями (акциями) требует особого прагматичного и осмотрительного подхода. Условия опционных соглашений должны предусматривать механизмы, позволяющие защитить каждую из сторон, не умаляя при этом прав другой стороны.

Заключение

Таким образом, опционные соглашения позволяют учитывать инвестиционные и корпоративные интересы сторон сделок с долями (акциями) хозяйственных обществ посредством предоставления широких прав по определению особенностей их реализации. Вместе с тем эффективность данных конструкций зависит как от законодательного регулирования, так и от согласованных сторонами договорных условий.

Для устранения неопределенности, возникающей при отсутствии в опционном договоре срока предъявления требования, целесообразно дополнить ст. 429.3 ГК РФ нормой, которая устанавливает, что срок действия опционного договора составляет один год с момента его заключения. При согласовании условий опционных соглашений сторонам необходимо действовать осмотрительно и добросовестно, обеспечивая баланс взаимных интересов. Особого внимания требуют размер и порядок уплаты опционной премии, определение покупной цены долей (акций) и механизма ее корректировки. Для защиты прав сторон следует предусматривать

обязанности сторон совершить определенные действия до реализации опционного соглашения. В том числе для защиты прав сторон необходимо включать заверения об обстоятельствах, ограничения на отчуждение и обременение долей (акций), а также на иные действия, способные умалить права сторон с момента заключения опционного соглашения до его исполнения.

Библиография

1. Витрянский В.В. Общие положения о договоре // Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гриб В.Г., Кузнецов С.А. Правовая природа опционного договора в российском законодательстве // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 158–163.
4. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
5. Иванов В.В., Акопов В.Б. Моделирование стратегий транснациональных компаний на рынках слияний и поглощений // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 70–75.
6. Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49–72.
7. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 976 с.
8. Мамагеишвили В.З. Определение покупной цены бизнеса, ее фиксация и корректировка в сделках M&A // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С. 20–29.
9. Мурдалов Д.Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора // Право и политика. 2025. № 10. С. 92–98.
10. Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2024 № 306-ЭС24-9013 по делу № А55-5139/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2018 по делу № А41-60107/16 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2025 по делу № А40-307437/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/
13. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.03.2026 по делу № А68-3280/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/
14. Севеева К.В. Опционные соглашения в корпоративном праве: дис. ... канд. юр. наук. М., 2023. 235 с.
15. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
16. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
17. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: Монография. М.: Статут, 2019. 194 с.
18. Юнусова А.Н. Развитие института опционного договора за рубежом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 1. С. 246–254.

Specific Features of Option Agreements in Transactions with Shares (Stocks) of Business Companies

Danila M. Smolyakov

Master's Degree Holder,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Danila.Smolyakov@list.ru

Abstract

The article examines the specific features of applying an option to conclude a contract and an option contract in transactions with shares (stocks) of business companies. The relevance of the research is conditioned by the demand for option structures in investment and corporate relations amid the persisting uncertainty of certain issues of their regulation and the heterogeneity of judicial practice. Based on the analysis of legislation, doctrinal approaches, and judicial practice, the author studies the legal nature of option agreements, the terms and conditions of their exercise, the delimitation of the option premium and the purchase price, and also proposes ways to protect the interests of the parties before the transfer of rights to shares (stocks).

For citation

Smolyakov D.M. (2026) Osobennosti optsionnykh soglasheniy v sdelkakh s dolyami (aktsiyami) khozyaystvennykh obshchestv [Specific Features of Option Agreements in Transactions with Shares (Stocks) of Business Companies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 370-378. DOI: 10.34670/AR.2026.99.65.039

Keywords

Option to conclude a contract, option contract, shares in the charter capital, stocks, option premium, Art. 429.2 of the Civil Code of the Russian Federation, Art. 429.3 of the Civil Code of the Russian Federation, corporate legal relations, M&A transactions.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ. (1994). *Collected Legislation of the Russian Federation*, No. 32, Art. 3301.
2. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 "On Limited Liability Companies" (as amended). (1998). *Collected Legislation of the Russian Federation*, No. 7, Art. 785.
3. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition". (2006). *Collected Legislation of the Russian Federation*, No. 31 (pt. 1), Art. 3434.
4. Filippova, S. Yu., & Shitkina, I. S. (2019). *Prodazha ili priobreteniye biznesa: pravovoye soprovozhdeniye sdelki* [Sale or acquisition of a business: Legal support of the transaction]. Statut.
5. Grib, V. G., & Kuznetsov, S. A. (2023). Pravovaya priroda optsionnogo dogovora v rossiyskom zakonodatelstve [The legal nature of the option contract in Russian legislation]. *Yuridicheskaya nauka*, (7), 158–163.
6. Ivanov, V. V., & Akopov, V. B. (2023). Modelirovaniye strategiy transnatsionalnykh kompaniy na rynkakh sliyaniy i pogloshcheniy [Modelling strategies of transnational companies in the markets of mergers and acquisitions]. *Innovatsii i investitsii*, (4), 70–75.
7. Karapetov, A. G. (2016). Optsion na zaklyucheniye dogovora i optsionnyy dogovor soglasno novoy redaktsii GK RF [Option to conclude a contract and option contract under the new version of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, (3), 49–72.
8. Karapetov, A. G. (Ed.). (2020). *Dogovornoye pravo (obshchaya chast): postateynyy kommentariy k statyam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contract law (general part): Article-by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation] (2.0 ed.). M-Logos.
9. Mamageishvili, V. Z. (2019). Opredeleniye pokupnoy tseny biznesa, eye fiksatsiya i korrektirovka v sdelkakh M&A [Determination of the purchase price of a business, its fixing and adjustment in M&A transactions]. *Predprinimatelskoye pravo. Prilozheniye "Pravo i Biznes"*, (2), 20–29.
10. Murdalov, D. R. (2025). Pravovaya priroda optsiona na zaklyucheniye dogovora i optsionnogo dogovora [The legal nature of the option to conclude a contract and the option contract]. *Pravo i politika*, (10), 92–98.
11. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of March 16, 2026 in Case No. A68-3280/2025. (2026) *Case File of Arbitration Courts*. https://kad.arbitr.ru/
12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of June 6, 2018 in Case No. A41-60107/16. (2018). *Case File of Arbitration Courts*. https://kad.arbitr.ru/

13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 19, 2025 in Case No. A40-307437/2023. (2025). *Case File of Arbitration Courts*. https://kad.arbitr.ru/
14. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of June 24, 2024 No. 306-ES24-9013 in Case No. A55-5139/2023. (2024). *Case File of Arbitration Courts*. https://kad.arbitr.ru/
15. Severeva, K. V. (2023). *Optsionnyye soglasheniya v korporativnom prave* [Option agreements in corporate law] [Candidate's dissertation]. Moscow State University.
16. Shitkina, I. S. (Ed.). (2017). *Korporativnoye pravo: uchebnyy kurs* [Corporate law: A course of study] (Vol. 1). Statut.
17. Vitryansky, V. V. (2019). Obshchiye polozheniya o dogovore [General provisions on the contract]. In D. A. Medvedev (Ed.), *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2019* [Codification of Russian private law 2019] (pp. 137–492). Statut.
18. Yunusova, A. N. (2017). Razvitiye instituta optsionnogo dogovora za rubezhom [Development of the institution of the option contract abroad]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki*, (1), 246–254.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.94 **DOI: 10.34670/AR.2026.23.17.040**

Вопросы использования электронных (цифровых) доказательств в арбитражном процессе

Федоренко Наталия Владимировна

Доктор социологических наук, кандидат юридических наук, ,
кафедра процессуального права,
Ростовский государственный экономический университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69;
e-mail: gr_process38@mail.ru

Левина Юлия Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра процессуального права,
Ростовский государственный экономический университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69;
e-mail: kochurau@gmail.com

Аннотация

Предметом настоящего исследования является правовая природа электронных (цифровых) доказательств в арбитражном процессе, а равно комплекс вопросов, связанных с их судебным исследованием, удостоверением и допустимостью использования при разрешении конкретного спора по существу. Авторы последовательно раскрывают специфику доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, осуществляемой посредством электронных документов, переписки в мессенджерах, снимков экрана ЭВМ, а также аудио- и видеозаписей, размещенных на цифровых носителях информации. В работе обосновывается, что при рассмотрении дела арбитражный суд обязан установить не только источник цифровых сведений, но и достоверно подтвердить их неизменность, а также надлежащую принадлежность конкретному участнику спорного правоотношения. Отмечается, что действующее арбитражное процессуальное законодательство пока не содержит самостоятельной категории электронного доказательства, также отсутствует единое понятие (дефиниция), что порождает противоречивость правоприменительной практики. По итогам анализа сформулирован вывод о целесообразности выработки единых процессуальных стандартов исследования и оценки цифровых доказательств, а также о необходимости дальнейшего совершенствования нормативного регулирования в условиях повсеместной цифровизации экономического оборота и перехода деловой активности в электронную среду.

Для цитирования в научных исследованиях

Федоренко Н.В., Левина Ю.В. Вопросы использования электронных (цифровых) доказательств в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 379-386. DOI: 10.34670/AR.2026.23.17.040

Ключевые слова

Арбитражный процесс, электронные доказательства, доказательства в цифровой форме, цифровизация, судебное доказывание, допустимость доказательств, электронный документ.

Введение

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, а также их внедрение в большинство сфер и институтов общественной жизни, обусловливает влияние цифровизации на процесс судебного доказывания. Значительная часть юридически значимой информации на сегодня представлена в электронной форме, например: деловая переписка ведется по электронной почте и в мессенджерах, сделки заключаются посредством электронного документооборота и подписываются электронной цифровой подписью (ЭЦП), внутрикорпоративное взаимодействие осуществляется через цифровые платформы, а большая часть информации размещаются в сети Интернет.

В этой связи арбитражный процесс уже невозможно представить без электронных доказательств. Более того, во многих категориях споров именно они становятся ключевыми средствами доказывания, включая корпоративные споры, споры о поставке товаров, споры в сфере интеллектуальной собственности, рекламы и недобросовестной конкуренции.

Однако одновременно с расширением сферы использования электронных доказательств возникает и большое количество процессуальных проблем. Практика их принятия, исследования, удостоверения и оценки до настоящего времени остается неоднородной и во многом противоречивой.

Как справедливо отмечает Уманцев М. Д., правоприменение, связанное с данным направлением, достаточно противоречивое и неустойчивое, что позволяет говорить о наличии дискуссий в теории и практике удостоверения и истребования электронных доказательств [Уманцев, 2020].

Именно поэтому тема электронных доказательств сегодня является не просто актуальной, а системно значимой для всего арбитражного процесса.

Как уже было отмечено, актуальность данной темы обусловлена цифровизацией экономики, поскольку большинство реальных деловых процессов перешло в цифровую среду.

Поэтому электронные доказательства становятся не дополнительным, а зачастую основным источником информации по делу. Очень часто именно переписка в мессенджере, электронное письмо, скриншот сайта или аудиозапись позволяют установить действительную волю сторон.

С учетом сегодняшних реалий, российское процессуальное законодательство оказалось вынуждено адаптироваться к новым условиям процесса доказывания.

Арбитражный процессуальный закон относит к письменным доказательствам по делу электронные документы, а также документы, передаваемые с использованием дистанционных средств связи и иных информационно-телекоммуникационных каналов [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002].

Кроме того, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет электронный документ как документированную информацию, представленную в электронной форме [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006].

Таким образом, законодатель фактически признал цифровую форму информации фактически существующей и юридически значимой.

Вместе с тем, в настоящее время в процессуальном законодательстве отсутствует полноценный самостоятельный институт электронных доказательств.

В АПК РФ отсутствует даже самостоятельная категория «электронное доказательство». Суд вынужден квалифицировать их либо как письменные доказательства, либо как вещественные доказательства, либо как аудио- и видеозаписи.

Именно отсюда возникает главный практический конфликт современной судебной практики: цифровая реальность уже изменилась, а процессуальные механизмы продолжают опираться на традиционное представление о доказательстве как об объекте материального мира.

Результаты

Электронные доказательства стали неотъемлемым элементом современной системы арбитражного доказывания, однако действующее регулирование и судебная практика пока не обеспечивают единообразных критериев их оценки и допустимости.

Еще в конце XX века процессуалисты обращали внимание на неизбежность трансформации доказательственного права под влиянием цифровых технологий. Так, например, Молчанов В. В. указывал, что проблема подтверждения электронного документооборота включает не только дистанционную передачу документов, но также и вопрос наличия обязательных реквизитов, позволяющих достоверного определить автора, дату создания и содержание документа. Фактически В. В. Молчанов еще до активной цифровизации судебного процесса сформулировал ключевой принцип современного института электронных доказательств: юридическое значение имеет не материальная форма документа, а возможность достоверной идентификации источника информации и подтверждения ее неизменности [Молчанов, 1997, с. 155-156; Треушников, 2004, с. 216].

Полностью разделяем указанный подход, который и сегодня остается фундаментальным для оценки электронных доказательств в арбитражном процессе.

В настоящее время электронные доказательства фактически выполняют те же функции, что и традиционные письменные доказательства:

- подтверждают волеизъявление сторон;
- фиксируют исполнение обязательств;
- удостоверяют юридически значимые обстоятельства;
- позволяют установить фактические действия участников спора.

Более того, в ряде случаев именно электронные доказательства являются наиболее достоверными.

Например, электронная переписка позволяет восстановить реальный смысл и содержание переговоров сторон. Сообщения в мессенджерах отражают последовательность действий участников сделки. Свойства электронных документов сохраняют цифровой след и позволяют установить дату их создания, автора изменений и время передачи и получения информации.

Не случайно сегодня активно развивается в качестве частной теории направление электронного форензика, представляющее собой самостоятельное научно-практическое направление, связанное с выявлением, сбором, исследованием и использованием электронной информации, включая ее цифровые носители. Формирование данной теории обусловлено масштабной цифровизацией общественных отношений и необходимостью адаптации

правоохранительной и судебной деятельности к новым способам фиксации и передачи информации [Лебедков, Яковлев, 2021].

В этой связи особенно важным является вывод, сделанный Президиум ВАС РФ о том, что «электронная информация не является электронным документом как таковым, поэтому отсутствие электронной подписи само по себе не исключает возможность признания электронного документа одним из доказательств по делу».

В этой связи юридическая значимость информации определяется не формой ее существования, а возможностью установить ее происхождение, достоверность и связь с обстоятельствами спора.

Однако существует и противоположная точка зрения, которая заключается в том, что электронные доказательства по-прежнему вызывают у судов высокую степень недоверия.

Полагаем, что причина кроется в нескольких обстоятельствах.

Прежде всего, электронная информация технически легко изменяема. Скриншоты экрана можно отредактировать, переписку – удалить, электронные письма – сфальсифицировать, а видеозаписи – изменить путем монтажа.

Именно поэтому суды часто требуют дополнительные гарантии достоверности:

- нотариальное удостоверение скриншота сайта;
- наличие электронной подписи цифрового документа;
- подтверждение метаданных и сохранение информации о носителе;
- наличие иных доказательств, подтверждающих содержание цифровой информации.

На практике это приводит к неоднозначности судебных подходов.

С одной стороны, суды принимают электронную переписку и сообщения мессенджеров как доказательства.

Например, Арбитражный суд Кемеровской области в деле № А27-13467/2022 суд признал переписку в мессенджере допустимым доказательством, указав, что переписка в мессенджере носила постоянный характер общения и содержание сообщений позволяют установить волеизъявление сторон [Дело № А27-13467/2022, www.kad.arbitr.ru].

С другой стороны, существует противоположная практика.

Так, Десятый арбитражный апелляционный суд [Дело № А27-13467/2022, www.kad.arbitr.ru] отказал в признании электронных писем надлежащими доказательствами, поскольку в нарушение требований действующего законодательства стороны прямо не согласовали условие об электронном документообороте в заключенном договоре и документы не были подписаны электронной цифровой подписью [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006].

Основной проблемой современного этапа развития института электронных доказательств остается отсутствие единообразного подхода к их применению в судебной практике. В результате одни и те же электронные сведения могут быть признаны судом допустимыми доказательствами, тогда как в другом деле аналогичная информация исключается из числа доказательств по делу.

Особенно это касается такой электронной информации, как переписка в мессенджерах WhatsApp и Telegram, скриншоты сайтов, аудиозаписи.

Фактически оценка электронных доказательств нередко зависит не столько от закона, сколько от внутреннего убеждения конкретного суда.

На наш взгляд, основная проблема электронных доказательств заключается не в возможности их использования, а в сложности подтверждения их достоверности, неизменности и принадлежности конкретному лицу. В отличие от традиционных письменных документов цифровая информация подвержена рискам редактирования, удаления и фальсификации, что

порождает для суда необходимость разрешения двух ключевых вопросов: действительно ли сведения исходят от конкретного лица и сохранилось ли содержание доказательства в первоначальном виде. Особенно остро данная проблема проявляется в случаях, когда стороны заранее не согласовали адреса электронной почты, номера телефонов или иные средства цифровой коммуникации для юридически значимого взаимодействия [Вагидов, 2025, с. 68.].

Как справедливо отмечает автор, электронная форма доказательства не изменяет сущности письменного доказательства, а лишь трансформирует способ его существования и передачи в цифровую форму, для хранения, передачи и воспроизведения которой необходимо использование технических и программных средств. При этом такой документ должен содержать данные, позволяющие установить источник происхождения информации и подтвердить ее достоверность. В этой связи представляется обоснованным законодательное закрепление как самого понятия электронного документа, так и системы электронных доказательств в арбитражном процессе [Обертяева, Чугурова, 2020].

Президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации в рамках конкретного дела указал, что простые распечатки интернет-страниц без подтверждения их происхождения не обладают доказательственной силой [Дело № А40-7557/2011, www.kad.arbitr.ru].

Выводы

Проведенный анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, электронные доказательства уже окончательно вошли в систему доказывания в арбитражном процессе.

Во-вторых, электронная форма письменного доказательства не меняет его правовой сущности, а лишь заменяет традиционный бумажный носитель цифровым способом фиксации информации. Поэтому электронный документ должен рассматриваться как самостоятельное доказательство при условии возможности идентификации его источника и соблюдения процессуального порядка получения».

В-третьих, судебная практика признает допустимость подтверждения существенных для дела обстоятельств посредством предоставления сторонами электронных документов и иных цифровых доказательств.

Установлено, что основной проблемой остается не сам факт допустимости электронного доказательства, а подтверждение его достоверности, что достигается посредством нотариального осмотра сайта, использования электронной подписи для удостоверения электронных документов, одновременной фиксацией всех метаданных, закреплением условия о возможности электронного документооборота в письменном договоре.

Судебная практика постепенно формирует подход, согласно которому юридическое значение имеет не форма существования информации, а возможность достоверно установить ее связь с обстоятельствами спора. Это свидетельствует о постепенной адаптации арбитражного процесса к условиям цифровой экономики и трансформации традиционных представлений о доказательствах.

При этом главная задача современного процессуального права заключается уже не в признании самой возможности использования цифровых доказательств, а в выработке единых стандартов их оценки, проверки и удостоверения.

Как справедливо отмечал прокуратурой Тульской области, судебная система должна научиться работать не только с бумажным документом, но и с цифровым следом человеческой

деятельности [Прокуратура Тульской области, www.epp.genproc.gov.ru].

Поэтому развитие института электронных доказательств – это не просто технологическая модернизация процесса. Это необходимое условие эффективной судебной защиты прав участников современного экономического оборота.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС КонсультантПлюс.
2. Вагидов А. Н. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: правовая природа и проблемы применения // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. № 23. С. 68.
3. Дело № А27-13467/2022 // Картотека арбитражных дел. Официальный сайт Арбитражного суда Кемеровской области. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/7ea70a64-3af8-427e-8e54-073b000e49d5
4. Дело № А27-13467/2022 // Картотека арбитражных дел. Официальный сайт Десятого арбитражного апелляционного суда. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1e77e609-dfda-472d-a6ea-499a0724fc3b
5. Дело № А40-7557/2011 // Картотека арбитражных дел. Официальный сайт Арбитражного суда г. Москвы. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/5d1ad80c-b4fd-4194-82f5-b9fc819352b1
6. Дело № А47-7950/2011 // Картотека арбитражных дел. Официальный сайт Арбитражного суда Оренбургской области. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c9713add-d75c-4649-b8dc-a63b52788803
7. Лебедков С. В., Яковлев Д. Е. Сущность и природа «Форензики» // Научные междисциплинарные исследования. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-priroda-forenziki
8. Молчанов В. В. Доказывание и доказательства // Арбитражный процесс: учебник / Под ред. М. К. Треушникова. М., 1997. Гл. 8. С. 155–156.
9. Обертяева Д. А., Чугурова Т. В. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе // Скиф. 2020. № 5-2 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse
10. Прокуратура Тульской области. Разъяснения законодательства. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_71/activity/legal-education/explain/e8443608/
11. Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2004. 216 с.
12. Уманцев М. Д. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Вестник экономики и права. 2020. № 50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-arbitrazhnom-protsesse-1
13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс.

Issues of Using Electronic (Digital) Evidence in Arbitration Proceedings

Nataliya V. Fedorenko

Doctor of Sociology, PhD in Law,
Department of Procedural Law,
Rostov State University of Economics,
344002, 69, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: gr_process38@mail.ru

Yuliya V. Levina

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Procedural Law,
Rostov State University of Economics,
344002, 69, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: kochurau@gmail.com

Abstract

The subject of this study is the legal nature of electronic (digital) evidence in arbitration proceedings, as well as the complex of issues related to its judicial examination, authentication, and admissibility of use in resolving a specific dispute on the merits. The authors consistently reveal the specifics of the evidentiary activity of persons participating in the case, carried out by means of electronic documents, messaging app correspondence, computer screen captures, as well as audio and video recordings placed on digital information carriers. The work substantiates that when considering a case, the arbitration court is obliged to establish not only the source of digital information, but also to reliably confirm its immutability, as well as its proper belonging to a specific participant in the disputed legal relationship. It is noted that the current arbitration procedural legislation does not yet contain an independent category of electronic evidence, nor is there a unified concept (definition), which gives rise to inconsistency in law enforcement practice. Based on the results of the analysis, a conclusion is formulated on the expediency of developing unified procedural standards for the examination and assessment of digital evidence, as well as on the need for further improvement of regulatory regulation in the context of the widespread digitalization of economic turnover and the transition of business activity to the electronic environment.

For citation

Fedorenko N.V., Levina Yu.V. (2026) Voprosy ispol'zovaniya elektronnykh (tsifrovykh) dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse [Issues of Using Electronic (Digital) Evidence in Arbitration Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 379-386. DOI: 10.34670/AR.2026.23.17.040

Keywords

Arbitration process, electronic evidence, evidence in digital form, digitalization, judicial proof, admissibility of evidence, electronic document.

References

1. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation] No. 95-FZ of 24.07.2002 (as amended on 15.12.2025) (with amendments and additions, effective from 01.01.2026). *Reference Legal System ConsultantPlus*.
2. Case No. A27-13467/2022. *Card Index of Arbitration Cases*. Official website of the Arbitration Court of the Kemerovo Region. https://kad.arbitr.ru/Card/7ea70a64-3af8-427e-8e54-073b000e49d5
3. Case No. A27-13467/2022. *Card Index of Arbitration Cases*. Official website of the Tenth Arbitration Court of Appeal. https://kad.arbitr.ru/Card/1e77e609-dfda-472d-a6ea-499a0724fc3b
4. Case No. A40-7557/2011. *Card Index of Arbitration Cases*. Official website of the Arbitration Court of Moscow. https://kad.arbitr.ru/Card/5d1ad80c-b4fd-4194-82f5-b9fc819352b1
5. Case No. A47-7950/2011. *Card Index of Arbitration Cases*. Official website of the Arbitration Court of the Orenburg Region. https://kad.arbitr.ru/Card/c9713add-d75c-4649-b8dc-a63b52788803
6. Federal'nyy zakon "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" [Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection"] No. 149-FZ of 27.07.2006. *Reference Legal System ConsultantPlus*.
7. Lebedkov, S. V., & Yakovlev, D. E. (2021). Sushchnost' i priroda "ForeNZIKI" [The Essence and Nature of "Forensics"]. *Nauchnyye mezhdistsiplinarnyye issledovaniya* [Scientific Interdisciplinary Research], (4). https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-priroda-forenziki
8. Molchanov, V. V. (1997). Dokazyvaniye i dokazatel'stva [Proof and Evidence]. In M. K. Treushnikov (Ed.), *Arbitrazhnyy protsess: uchebnik* [Arbitration Proceedings: Textbook] (Ch. 8, pp. 155–156). Moscow.
9. Obertyaeva, D. A., & Chugurova, T. V. (2020). Problemy primeneniya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse [Problems of the Use of Electronic Evidence in Civil Proceedings]. *Skif*, (5-2/45). https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse

10. Prosecutor's Office of the Tula Region. Explanations of Legislation. https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_71/activity/legal-education/explain/e8443608/
11. Treushnikov, M. K. (2004). *Sudebnyye dokazatel'stva* [Judicial Evidence]. Moscow: Gorodets.
12. Umantsev, M. D. (2020). Elektronnyye dokazatel'stva v arbitrazhnom protsesse [Electronic Evidence in Arbitration Proceedings]. *Vestnik ekonomiki i prava* [Bulletin of Economics and Law], (50). https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-arbitrazhnom-protsesse-1
13. Vagidov, A. N. (2025). Elektronnyye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve: pravovaya priroda i problemy primeneniya [Electronic Evidence in Civil Proceedings: Legal Nature and Problems of Application]. *Nauchno-prakticheskiy zhurnal "Dialog"* [Scientific and Practical Journal "Dialog"], (23), 68.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.4 **DOI: 10.34670/AR.2026.25.71.041**

Упущенная возможность как негативный интерес: стандарт обоснованной претензии и начисление мораторных процентов

Самодумов Денис Александрович

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34;
e-mail: denis.samodumov1@mail.ru

Аннотация

Статья рассматривает упущенную возможность как элемент негативного интереса при недобросовестных переговорах о заключении договора. Выявлена коллизия: вероятностная природа убытков и высокий стандарт доказывания позволяют должнику блокировать начисление мораторных процентов по ст. 395 ГК РФ до решения суда, что поощряет затягивание процесса. Предлагается стандарт «обоснованной вероятностной претензии» с расчётом коэффициента вероятности и перераспределением бремени доказывания. Получив претензию, должник обязан представить контррасчёт, иначе проценты начисляются с досудебной стадии.

Для цитирования в научных исследованиях

Самодумов Д.А. Упущенная возможность как негативный интерес: стандарт обоснованной претензии и начисление мораторных процентов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 387-395. DOI: 10.34670/AR.2026.25.71.041

Ключевые слова

Упущенная возможность, негативный интерес, мораторные проценты, culpa in contrahendo, стандарт обоснованной претензии, доказывание убытков, временная стоимость денег, корректирующая справедливость.

Введение

Данная статья посвящена институту упущенной возможности, а именно утраты возможности заключить договор с третьими лицами в результате недобросовестного поведения одной из сторон уже заключенного договора. Данный институт закреплен в п. 3 ст. 434.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации [Гражданский кодекс РФ, часть первая, 1994] (далее – ГК РФ) и нашедший свое применение в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 7 [Постановление Пленума ВС РФ № 7, 2016]. Закрепление данного института позволяет говорить о необходимости защиты стороны на преддоговорной стадии. Однако в существующей правоприменительной практике достаточно затруднительно использовать данный институт из-за наличия фундаментальных как процессуальных, так и материальных барьеров. В первую очередь необходимо отметить существование уже устоявшегося стандарта «разумной степени достоверности», используемого при доказывании убытков и применяемого в соответствии с п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 25 [Постановление Пленума ВС РФ № 25, 2015]. При этом длительные судебные разбирательства, которые могут идти годами и направлены также на преодоление скептической оценки возникновения требуемых убытков, создают для кредитора имущественные потери, связанные с инфляционными процессами. Как результат кредитор сталкивается одновременно с двумя материальными потерями, которые возникают как в результате потери альтернативного добросовестного контрагента из-за доверия к недобросовестному переговорщику, так и из-за того, что его убытки, заявленные в начале судебного процесса, подвергаются инфляционным процессам.

Существующая доктрина обосновывает тезис о том, что охранительное обязательство по возмещению убытков возникает в момент их причинения, а не в момент вынесения судебного акта. Следовательно, для защиты кредитора необходимо изучить перспективу применения ст. 395 Гражданского Кодекса Российской Федерации для начисления мораторных процентов и соответственно достижения двух целей: 1) защита кредитора от инфляционных рисков; 2) пресечения стимулов по затягиванию судебного процесса. Достижение этих двух целей возможно через начисление процентов с момента направления должнику обоснованной претензии с расчетом убытков. В свою очередь продолжает стоять вопрос относительно того, что у должника возникают обоснованные и правомерные основания для того, чтобы сомневаться в размере и факте наличия убытков, это происходит из-за того, что сделки в реальности не существует у кредитора с его контрагентом и соответственно проверка условий сделки не является тривиальной задачей.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы разработать стандарт «обоснованной претензии» для данного типа указанных вероятностных убытков на основе упущенной возможности.

Правовая природа упущенной возможности: разграничение с классической упущенной выгодой

Для того, чтобы определить момент возникновения права на мораторные проценты необходимо определить правовую природу используемых институтов «упущенной возможности» и «упущенной выгоды». Существующее недопонимание в применении данных институтов, как правило, приводит к отказу во взыскании убытков на основании ст. 395 ГК РФ.

Опираясь на классификации моделей возмещения убытков [Карапетов, 2014] необходимо

провести разграничительную линию между позитивным и негативным интересами. Классическое представление упущенной выгоды (expectation interest) как неполученного дохода от договора, который был бы заключен, призвана поставить кредитора в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство с должником было исполнено надлежащим образом. Таким образом, позитивный интерес упущенной выгоды состоит в получении неполученного дохода от самого договора.

Институт упущенной возможности по ст. 434.1 ГК РФ не может быть в данном случае квалифицирован как позитивный интерес, в связи с тем, что основной договор с должником либо не был заключен, либо был сорван на стадии переговоров. Существующие доктринальные подходы к упущенной возможности определяют ее как «квинтэссенцию» негативного интереса (reliance interest) [Macaulay, 1991]. Из-за этого необходимо сделать следующий вывод, который важен для понимания целей введения института упущенной возможности, упущенная возможность – это не «неполученный доход» от должника, это альтернативные издержки (opportunity costs) кредитора [Перемена лиц в обязательстве, 2022]. Кредитор, который доверился заверениям или поведению должника, отказался от других договорных правоотношений, пренебрег мерами предосторожности, а также упустил шанс получить предоставление от третьего лица. В таком случае специфика негативного интереса заключается в упущенной возможности и изначальной неопределенности. В отличие от реальных затрат на ведение переговоров, которые могут быть задокументированы, выгода от гипотетической сделки с третьим лицом не будет являться фактом объективности реальности.

Текущие позиции относительно данного вида негативных убытков вызывают критические замечания в связи с тем, что они являются «эфемерными» [Смаков, 2024; Wonnell, 2020], трудно доказуемыми и, в частности, у них отсутствует явно выраженная причинно-следственная связь. В данном случае В.М. Смаков предлагает следующее решение в части применения расчетов к данным негативным убыткам, а именно «следует умножать на вероятность получения кредитором соответствующей выгоды, если бы договор не был заключен» [Смаков, 2024, с. 132]. Данную модель расчета убытков можно сформулировать не как возмещение всей предполагаемой прибыли, а как математическое ожидание. То есть итоговая сумма убытка будет определяться путем умножения потенциальной выгоды от сделки с третьим лицом на коэффициент вероятности наступления данного события (например, с учетом стадии переговоров с третьим лицом, наличия подписанного протокола разногласий или намерений, а также исторической статистики закрытия данного вида сделок).

Главное препятствие в применении данного вида расчета состоит в том, чтобы определить необходимый коэффициент, который позволил бы установить «обоснованность претензии» при ее расчете и направлении должнику. Основное правило, как было показано ранее, состоит в том, чтобы определить убытки с разумной степенью достоверности, но при этом должник всегда может указать, что указанный коэффициент, например, 70 % является завышенным. Как итог возникает необходимость соблюдения баланса между «обоснованной претензией» и разумными сомнениями должника относительно полученной «обоснованной претензии». В этой ситуации исчисление процентов по ст. 395 ГК РФ ставится на паузу и фактически блокируется до момента пока суд или судебная экспертиза не снимают эту неопределенность.

Таким образом, вероятностная природа упущенной возможности объективно превращает ее в «щит» для недобросовестного должника, позволяя ему бесплатно пользоваться денежными средствами кредитора до момента пока разбирательство не будет завершено.

Существующая коллизия временной стоимости денег и стандарта доказывания

Как справедливо отмечает А.Г. Карапетов [Перемена лиц в обязательстве, 2022; Карапетов, 2021], Н.В. Тололаева и М.А. Церковников [Тололаева, Церковников, 2023], А.А. Ягельницкий [Ягельницкий, 2025] существует объективная необходимость в допущении начисления процентов на убытки за период до вынесения решения о взыскании убытков. Данный тезис поддерживается существующей необходимостью в том, что охранительное обязательство по компенсации имущественных потерь возникает объективно в момент причинения вреда или нарушения договора, а не в момент вынесения судебного акта. В связи с этим отказ в начислении процентов по ст. 395 ГК РФ за период с момента причинения убытков до вступления в силу решения суда в законную силу оставляет кредитора без защиты от риска обесценения денег.

Более того, существующая правоприменительная практика приводит к следующему результату – должнику выгодно затягивать рассмотрение судебного процесса, так как уклонение от возмещения убытков становится для него экономически выгодным. Нарушитель обретает возможность бесплатно пользоваться денежными средствами, фактически извлекая выгоду из своего недобросовестного поведения, что идет вразрез с п. 4 ст. 1 ГК РФ, которая устанавливает, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [Гражданский кодекс РФ, часть первая, 1994]. Для пресечения таких злоупотреблений необходимо на основе принципа корректирующей справедливости обосновать необходимость начисления процентов с момента, когда должник получает от кредитора «обоснованную претензию» о возмещении убытков, а должник впадает в просрочку по охранительному обязательству.

В то же время существующая необходимость начисления процентов в результате возникновения упущенной возможности также сталкивается со ст. 406 ГК РФ, которая призвана, в свою очередь, установить определенный стандарт информационной обязанности кредитора по расчету убытков и освобождает должника от просрочки при отсутствии такой информации. В данном случае необходимо уделить отдельное внимание тому, что должник не считается впавшим в просрочку, в случаях существования разумных сомнений в отношении «обоснованной претензии». Такая ситуация как было ранее отмечено возникает при расчете того самого коэффициента вероятности. У кредитора в такой ситуации стоит задача предоставить необходимый расчет, калькуляции и доказательства, которые способны убедить должника в корректности проведенных расчетов, либо он сталкивается с риском объективно высокой степени неопределенности, которая уже будет требовать разрешения спора в суде. Как следствие, такая ситуация опять приведет к блокировке возможности возмещения убытков до момента вступления в силу судебного решения.

Описанная ситуация приводит к уже известному догматическому парадоксу, который возникает при применении института упущенной возможности. В.М. Смаков отмечает, что упущенная возможность является центральной проблемой при применении модели расчета убытков по негативному интересу и носит сугубо вероятностный характер. В такой ситуации встает вопрос о том, что в силу объективной «эфемерности» и вероятностной природы упущенной возможности у должника всегда будут возникать разумные сомнения в части обоснованной претензии. В случае утвердительного ответа на данный вопрос мы сталкиваемся с ситуацией, при которой применение ст. 395 ГК РФ и возможность получения мораторных процентов будут связаны только с моментом вступления в силу судебного решения. Данная

логика преимущественно обосновывается существованием именно «разумности сомнений».

В свою очередь ранее указанный утвердительный ответ на вопрос приводит к фундаментальной несправедливости и несоблюдению принципа корректирующей справедливости. Во-первых, кредитор уже понес имущественные потери (expenses), отказавшись от реальных договорных правоотношений и доверившись недобросовестному переговорщику. Во-вторых, бремя доказывания вероятностного убытка по модели негативного интереса уже изначально крайне высоко: суды относятся к требованиям об упущенной возможности с высокой долей скепсика, что вынуждает кредитора проходить через длительные судебные тяжбы и как следствие, нести высокие транзакционные издержки на разрешение спора. Должник, совершивший culpa in contrahendo (недобросовестное поведение) в переговорах, продолжает использовать предоставленные ему разумные сомнения и стандарт необходимости информирования со стороны кредитора по ст. 406 ГК РФ. Как итог возникает высокий негативный интерес в связи с тем, что инфляционные процессы неумолимо обесценивают номинал и без того труднопредсказуемой компенсации.

Существующий анализ доказывает, что вероятностная природа убытков, возникающих при упущенном шансе, не должна приводить к нарушению принципов корректирующей справедливости и блокировать механизм мораторных процентов. В этом случае необоснованное экстраполирование правила о «разумных сомнениях» на возмещение убытков при негативном интересе разрушает саму превентивную и компенсационную функцию гражданско-правовой ответственности. В результате, это приводит к необходимости создания стандарта «обоснованной претензии» для вероятностных убытков, который позволил бы адаптировать существующую концепцию временной стоимости денег к реалиям упущенной возможности, не нарушая при этом законных прав должника.

Формирование стандарта «обоснованной претензии» для вероятностных убытков

Существующая коллизия между вероятностной природой негативного интереса и необходимости защиты кредитора от инфляционных потерь видится в формировании решения, связанного с существованием «обоснованной претензии». Правило ст. 395 ГК РФ должно запускаться с момента, когда «должник по обязательству, который должен возместить убытки, получает от кредитора информацию об их типе и размере, претензию об их погашении, и нарушитель считается впавшим в просрочку по исполнению этого обязательства по выплате возмещения» [Карапетов, 2025]. В контексте упущенной возможности данный стандарт должен быть также признан решением, кредитор должен представить должнику не голословное требование о возмещении убытков или гипотетической прибыли, а структурированный расчет ожидаемой ценности, который основан на объективных данных и снимает определенную информационную асимметрию, которая возникает при заключении договоров, обсуждении конкретных условий и финансовых результатов, которые должны быть достигнуты при заключении сделки.

Такой расчет должен содержать следующие базовые элементы:

– Документальное подтверждение реальности альтернативной сделки с третьим лицом на момент срыва переговоров;
– Обоснование размера потенциальной выгоды от данной сделки;
– Коэффициент вероятности заключения и исполнения альтернативной сделки, в качестве подтверждения расчетов может использоваться историческая статистика заключения

подобных сделок, стадия переговоров с потенциальным контрагентом, его вовлечённость в финализацию договора, а также независимый финансовый анализ.

При соблюдении данных критериев к стандарту «обоснованной претензии», исчисление убытков в размере утраченного шанса путем умножения потенциальной выгоды на вероятность ее получения коррелирует со стандартом «разумной степени достоверности», а также с разумными сомнениями должника [Смаков, 2024, с. 132]. Как итог эфемерные ожидания перетекают в плоскость доказуемых денежных притязаний, а также представление такого расчета трансформирует абстрактное притязание в конкретное охранительное правопритязание, дающее должнику возможность верифицировать и подтвердить притязания кредитора до обращения в суд.

Особый интерес представляет порядок доказывания данных убытков в случае судебного разбирательства, а именно перераспределение бремени доказывания. В соответствии с правилами ст. 65 АПК РФ [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002] и ст. 56 ГПК РФ[Гражданский процессуальный кодекс РФ, 2002], лицо, ссылающееся на обстоятельства, обязано их доказать. Однако специфика взыскания убытков по модели негативного интереса требует применения презумпции добросовестности кредитора при формировании и направлении претензии. В случае если кредитор представил претензию, которая отвечает критериям разумности и достоверности, а также подкреплена первичными доказательствами, подтверждающими намерения третьего лица, то в данном случае бремя доказывания переходит должнику. В указанном случае «разумные сомнения» должника должны блокировать начисление убытков по модели негативного интереса, пока неопределенность носит объективный характер и не может быть устранена без судебного вмешательства. Получив детализированный и обоснованный расчет, должник лишается права ссылаться на абстрактную «эфемерность» упущенной возможности. Для того чтобы приостановить начисление убытков по модели негативного интереса, должнику необходимо представить обоснованный контррасчет, указав какие конкретно факты снижают коэффицент вероятности. К таким фактам можно отнести неплатежеспособность третьего лица, наличие объективных препятствий в исполнении договора третьим лицом, фундаментальные расхождения в существенных условиях. В случае же молчания должника, которое направлено на формальную отписку или безосновательное оспаривание начисления убытков следует считать неосновательным уклонением от исполнения охранительного обязательства. Должнику для соблюдения принципов корректирующей справедливости необходимо предоставить разумный период времени для формирования своей позиции по расчету (по аналогии со ст. 314 ГК РФ).

Предлагаемый процессуальный подход должен стать определенным фильтром, который должен пресечь недобросовестное затягивание процесса и избежать ситуации, при которой должник будет безосновательно пользоваться денежными средствами, при этом забирать всю выгоду себе. Как итог, внедрение стандарта «обоснованной вероятностной претензии» позволяет гармонизировать временную стоимость денег с моделью взыскания негативного интереса, обеспечивая защиту кредитора от обесценения компенсации и сохраняя право должника на защиту от спекулятивных требований.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что институт упущенной возможности (lost opportunity), являясь ядром модели защиты негативного интереса, сталкивается с фундаментальными проблемами правоприменения из-за своей вероятностной природы.

Существующая судебная практика[Постановление Пленума ВС РФ № 7, 2016], блокирующая начисление мораторных процентов по ст. 395 ГК РФ на сумму убытков до момента вступления в силу решения суда, создает для недобросовестных должников превратный стимул: они получают возможность затягивать спор и извлекать выгоду из своего неправомерного поведения, фактически получая беспроцентное кредитование за счет альтернативных издержек кредитора.

Вероятностный характер упущенной возможности не должен служить индульгенцией для нарушителя и блокировать механизм защиты кредитора от инфляционных потерь. Опираясь на доктрину временной стоимости денег и концепцию утраченного шанса, в статье обоснована необходимость внедрения специального стандарта «обоснованной вероятностной претензии». Предоставление должнику детализированного расчета ожидаемой ценности с подтвержденным коэффициентом вероятности снимает первоначальную информационную асимметрию и перекладывает бремя опровержения на должника. Игнорирование такого расчета или отсутствие мотивированного контррасчета должно квалифицироваться как просрочка должника, влекущая начисление процентов с момента досудебной стадии.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
4. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80; № 12. С. 24–73.
5. Карапетов А.Г. Начисление процентов на сумму договорных или деликтных убытков // О частном праве: сборник статей к 50-летию профессора С.В. Третьякова. Москва: МГУ, 2025. С. 298–325.
6. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / рук. авт. колл. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 3.
7. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1582 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
10. Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвящённый юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (с аудиоприложением) / отв. ред. Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2021. 420 с.
11. Смаков В.М. Возмещение убытков по моделям защиты позитивного и негативного интереса: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. МГУ. Москва, 2024. 243 с.
12. Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 153–199; № 6. С. 133–197.
13. Ягельницкий А.А. Преодоление правила о неначислении процентов на внедоговорные убытки в судебной практике // Закон. 2025. № 6. С. 159–165.
14. Macaulay S. The Reliance Interest and the World Outside the Law Schools' Doors // Wisconsin Law Review. 1991. No. 2. Pp. 247–292.
15. Wonnell Chr.T. Expectation, Reliance, and the Two Contractual Wrongs // San Diego Law Review. 2020. Vol. 38. Pp. 53–136.

Lost Opportunity as Negative Interest: The Standard of a Reasonable Claim and the Accrual of Moratorium Interest

Denis A. Samodumov

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: denis.samodumov1@mail.ru

Abstract

The article examines lost opportunity as an element of negative interest in unfair negotiations on the conclusion of a contract. A collision is identified: the probabilistic nature of damages and the high standard of proof allow the debtor to block the accrual of moratorium interest under Art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation until a court decision, which encourages the prolongation of the process. A standard of a "reasonable probabilistic claim" is proposed, with the calculation of a probability coefficient and the redistribution of the burden of proof. Having received a claim, the debtor is obliged to submit a counter-calculation; otherwise, interest is accrued from the pre-trial stage.

For citation

Samodumov D.A. (2026) Upushchennaya vozmozhnost' kak negativnyy interes: standart obosnovannoy pretenzii i nachislenie moratornykh protsentov [Lost Opportunity as Negative Interest: The Standard of a Reasonable Claim and the Accrual of Moratorium Interest]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 387-395. DOI: 10.34670/AR.2026.25.71.041

Keywords

Lost opportunity, negative interest, moratorium interest, culpa in contrahendo, standard of a reasonable claim, proof of damages, time value of money, corrective justice.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on December 15, 2025). (2002).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026). (1994).
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002. (2002).
4. Karapetov, A.G. (2014). Modeli zashchity grazhdanskikh prav: ekonomicheskiy vzglyad [Models of protection of civil rights: an economic view]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, (11), 24–80; (12), 24–73.
5. Karapetov, A.G. (2025). Nachislenie protsentov na summu dogovornykh ili deliktnykh ubytkov [Accrual of interest on the amount of contractual or tort damages]. In O chastnom prave: sbornik statey k 50-letiyu professora S.V. Tret'yakova (pp. 298–325). Moscow: MGU.
6. Macaulay, S. (1991). The Reliance Interest and the World Outside the Law Schools' Doors. Wisconsin Law Review, (2), 247–292.
7. Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey [Experiences of civil law research: a collection of articles] (n.d.). A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov (Eds.), Issue 3.

8. Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva: kommentariy k stat'yam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Change of persons in an obligation and liability for breach of obligation: commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation] (2022). A.G. Karapetov (Ed.), 2nd ed. Moscow: M-Logos.
9. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 No. 7 (red. ot 22.06.2021) "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 (as amended on June 22, 2021) "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations"]. (2016).
10. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 No. 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. (2015).
11. Problemy grazhdanskogo prava v sudebnoy praktike i zakonodatel'stve: sbornik statey, posvyashchennyy yubileyu professora Vasiliya Vladimirovicha Vitryanskogo [Problems of civil law in judicial practice and legislation: a collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Vasily Vladimirovich Vitryansky] (2021). E.A. Sukhanov (Ed.). Moscow: Statut.
12. Smakov, V.M. (2024). Vozmeshchenie ubytkov po modelyam zashchity pozitivnogo i negativnogo interesa [Compensation of damages under models of protection of positive and negative interest] (Candidate of Law dissertation). Moscow: MGU.
13. Tololaeva, N.V., & Tserkovnikov, M.A. (2023). Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 marta 2016 g. No. 7 "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv" [Scientific and practical commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations"]. Vestnik grazhdanskogo prava, (5), 153–199; (6), 133–197.
14. Wonnell, Chr.T. (2020). Expectation, Reliance, and the Two Contractual Wrongs. San Diego Law Review, 38, 53–136.
15. Yagel'nitskiy, A.A. (2025). Preodolenie pravila o nenachislenii protsentov na vnedogovornye ubytki v sudebnoy praktike [Overcoming the rule on non-accrual of interest on non-contractual damages in judicial practice]. Zakon, (6), 159–165.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77 **DOI: 10.34670/AR.2026.91.75.042**

Правовое регулирование охраны селекционных достижений при создании новых сортов в России (на примере гороха и кукурузы)

Ковардинова-Мкртумян Нина Владимировна

Кандидат экономических наук,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
117279, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а;
e-mail: n.kovardinova-mkrtumyan@corpfintech.ru

Ермаков Андрей Вячеславович

Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
117279, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а;
e-mail: gppois@inbox.ru

Статья выполнена в рамках государственного задания на выполнение прикладных научно-исследовательских работ для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (НИР 10-ГЗ-2025).

Аннотация

При подготовке к патентованию нового сорта высокая урожайность и различия между ДНК-профилями могут дать селекционеру неполное представление о доказательствах, необходимых для охраны нового сорта. В статье рассматриваются правовые последствия на примере гороха и кукурузы. Цель работы — определить границы использования биологических данных при оценке охраноспособности и планировании коммерциализации. На основе анализа российского законодательства и сравнения методик испытаний разграничиваются правовая новизна, общеизвестность и отличимость. Обсуждаются история передачи семян, сравнение с несколькими аналогами и сведения о родительских линиях гибрида. Обоснована необходимость отдельно проверять охраноспособность результата и возможность его использования без нарушения чужих прав. Научная новизна состоит в объединении этих проверок в прикладной подход к правовой оценке селекционной разработки. Показано, какие вопросы остаются нерешёнными при наличии ДНК-профиля, положительных результатов испытаний либо записи в одном из государственных реестров.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковардинова-Мкртумян Н.В., Ермаков А.В. Правовое регулирование охраны селекционных достижений при создании новых сортов в России (на примере гороха и кукурузы) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 396-404. DOI: 10.34670/AR.2026.91.75.042

Ключевые слова

Селекционные достижения, горох, кукуруза, новизна, отличимость, молекулярные маркеры, семеноводство, охраноспособность, патентное право.

Введение

Получение нового сорта не завершает работу селекционера. До начала продажи семян ему предстоит установить, что именно можно защитить, кому принадлежит право на подачу заявки и какие действия потребуют согласия обладателей ранее возникших прав. Для гороха и кукурузы эти вопросы имеют прямое хозяйственное значение: разработка предназначена для воспроизводства, а передача семян одновременно открывает рынок и меняет обстоятельства, которые затем будут оцениваться при патентовании.

Пороговый показатель обеспеченности семенами основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции в Доктрине продовольственной безопасности составляет не менее 75 % [Указ Президента РФ № 20, 2020]. Поддержка исследований способствует достижению этой цели, но не снимает вопроса об охране полученных результатов. Необходимо установить, каким требованиям должен отвечать биологический результат для признания охраняемым объектом. Расходы на выведение сорта, его происхождение и ожидаемая прибавка урожая характеризуют разные стороны разработки; ни один из этих показателей в отдельности не определяет возможность выдачи патента.

Понятия селекционной деятельности и селекционного достижения исследуются Е. А. Летовой [Летова, 2022, с. 140–159], условия охраноспособности — Л. В. Ладочкиной [Ладочкина, 2018, с. 105–108]. При обращении к практике подготовки заявки возникает более узкий вопрос: какое обстоятельство доказывает каждый из собранных материалов? Например, генетическое различие двух образцов ещё ничего не сообщает о дате продажи семян. Напротив, сохранённый договор поставки позволяет выяснить обстоятельства оборота, но не заменяет сравнение растений.

Цель настоящей работы — определить границы использования биологических данных при правовой оценке новых сортов гороха и кукурузы. Для этого необходимо разграничить новизну и отличимость по статье 1413 ГК РФ [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006], рассмотреть роль ДНК-анализа и выяснить, какие вопросы остаются открытыми после получения патента. Такое построение сохраняет связь с задачей селекционера: подготовить материал к охране и законному использованию, не принимая успех отдельной проверки за завершение всей процедуры.

Методы

Исследование основано на толковании норм российского права и сравнении документов, применяемых при испытании сортов. В главе 73 ГК РФ проанализированы определения сорта, условия охраноспособности, содержание исключительного права и его ограничения. Положения Закона № 454-ФЗ «О семеноводстве» рассмотрены в части, необходимой для разграничения патентной охраны и требований к реализации семян [Федеральный закон № 454-ФЗ, 2021]. Материалы конкретных заявок и собственные полевые измерения в работе не использовались.

Сначала для каждого условия охраны определялся юридически значимый факт. Затем

устанавливалось, какие сведения могут его подтвердить: документы о передаче семян, описание признаков, результаты сравнения или наблюдения за воспроизводством. Различия между этими группами проверялись на условных ситуациях, в которых один вид сведений имеется, а другой отсутствует. Такие ситуации используются далее как примеры толкования норм; они не описывают реальные сорта или результаты проведённых авторами опытов.

Российская методика испытаний на отличимость, однородность и стабильность (ООС), утверждённая приказом Минсельхоза России № 631 [Приказ Минсельхоза России № 631, 2020], сопоставлялась с руководствами UPOV TG/7/10 Rev. 3 для гороха и TG/2/7 Rev. 2 для кукурузы [UPOV TG/7/10 Rev. 3; UPOV TG/2/7 Rev. 2, www.upov.int]. Рассматривались назначение признаков и организация сравнения. Отдельно изучались допустимые способы использования молекулярных маркеров по документу UPOV/INF/18/1 [UPOV TG/7/10 Rev. 3; UPOV TG/2/7 Rev. 2, www.upov.int]. Международные руководства привлекаются как методический материал, а не как основание для переноса зарубежной регистрационной процедуры в российское право.

Заключительная часть анализа посвящена последствиям выбранного способа охраны. Сопоставлены права на сорт и на связанные с ним результаты, а также запись в реестре охраняемых селекционных достижений и включение сорта в реестр допущенных к использованию. На этой основе сформулированы выводы о пределах каждой проверки и о документах, которые целесообразно сохранять в ходе селекционной работы.

Результаты

Отправной точкой служит определение объекта. Статья 1412 ГК РФ допускает охрану сорта в таких категориях, как клон, линия, гибрид первого поколения и популяция [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Поэтому выражение «новая кукуруза» недостаточно для подготовки заявки: нужно установить, идёт ли речь о линии или гибриде и какой материал будет предъявлен для испытаний. Аналогично характеристика гороха как более урожайного описывает полезность результата, но не определяет его границы как сорта.

Новизна в смысле пункта 3 статьи 1413 ГК РФ зависит от продажи или иной передачи семян селекционером, его правопреемником либо с их согласия другим лицам для использования достижения. Для рассматриваемых культур применяются сроки один год в России и четыре года за её пределами до подачи заявки [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Значит, проверка требует установить участников, цель и дату передачи. Безвозмездность сама по себе вопрос не решает: закон учитывает не только продажу. Утверждать, что опытные образцы никогда не влияют на новизну, также нельзя без изучения условий их передачи.

Публикацию описания следует оценивать отдельно. Для юридической новизны важны названные в законе обстоятельства передачи материала, тогда как точное опубликованное описание учитывается при установлении общеизвестности сорта по пункту 4 статьи 1413 ГК РФ. Следовательно, публичность сведений и утрата новизны не совпадают. Это различие существенно при подготовке научных публикаций и демонстраций: требуется выяснить, только ли сообщались результаты или одновременно передавались семена. ДНК-профиль не позволяет восстановить такую историю.

Отличимость требует сравнения кандидата с общеизвестными сортами. Рассмотрим условный пример. Предположим, кандидат гороха отличается от сорта А по признаку стебля, а от сорта Б — по признаку прилистника. Само наличие разных оснований сравнения не препятствует обоснованию отличимости. Каждый вывод должен относиться к одному и тому

же кандидату, а выявленные различия должны отвечать требованиям применимой методики. Нельзя составить описание из удачных признаков разных растений и без проверки приписать эту совокупность всему сорту.

Руководство UPOV для гороха показывает, насколько конкретным должно быть наблюдение. Например, при оценке ряда размеров прилистника предписывается исследовать отделённый и расправленный прилистник [UPOV TG/7/10 Rev. 3, с. 25]. Фотография растения без указания способа наблюдения не всегда даёт сопоставимый результат. Практическая рекомендация состоит в том, чтобы вместе со значением признака сохранять сведения о том, где и как он измерен. Иначе при повторной проверке может оказаться неясно, обусловлено различие свойствами материала или различиями в наблюдении.

Для кукурузы руководство TG/2/7 Rev. 2 предусматривает возможность предварительного сравнения гибридов на основе родительских линий и формулы гибрида. После описания линий и сопоставления формул сохраняется оценка отличимости на уровне самого гибрида [UPOV TG/2/7 Rev. 2, с. 4–5]. Это препятствует упрощённому выводу: различающиеся родительские компоненты ещё не освобождают от проверки заявленного результата. Сведения о происхождении помогают организовать сравнение, но их назначение нужно отличать от доказательства признаков гибрида.

Однородность и стабильность ограничивают возможность опираться на отдельное удачное растение. В первом случае оценивается изменчивость внутри сорта с учётом способа размножения, во втором — сохранение основных признаков при воспроизводстве. В соответствии с определением стабильности в статье 1413 ГК РФ для особого цикла размножения значим результат в конце каждого цикла [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Поэтому документы о гибриде должны позволять понять, какой цикл проверялся. Подмена его произвольно выбранным последующим поколением меняет предмет оценки.

Таблица 1 обобщает различия между этими доказательственными задачами. Она предназначена для предварительной проверки полноты материалов и не является перечнем обязательных приложений к заявке.

Таблица 1 - Назначение доказательств при проверке охраноспособности

Что проверяется	Какие сведения нужны	Что остаётся за пределами проверки
Новизна	Дата, территория и условия передачи семян	Признаки, отличающие кандидата от известных сортов
Отличимость	Сопоставление признаков кандидата и аналогов	Соблюдение сроков передачи семян
Однородность	Изменчивость внутри исследуемого материала	Сохранение признаков в последующих циклах
Стабильность	Сохранение признаков при воспроизводстве	Разрешения на использование чужого материала

Урожайность заслуживает самостоятельной оценки. Даже если в опыте получена прибавка, из одного числового результата нельзя установить, какое свойство кандидата её обусловило и будет ли оно воспроизводиться в других наблюдениях. Для заявления об отличимости требуется связать результат с проверяемым признаком. Иначе показатель, значимый при хозяйственной оценке, получает юридическое значение без достаточного основания. Это не исключает использования данных об урожайности; оно требует объяснить, что именно такими данными доказывается.

Сходное ограничение действует в отношении молекулярных маркеров. UPOV допускает их использование при надёжной связи с оцениваемым признаком, а также при отборе сортов для сравнения при соблюдении установленных условий [UPOV/INF/18/1, www.upov.int]. Эти варианты предполагают разные задачи. В первом случае необходимо обосновать связь маркера и признака; во втором — показать, что отбор не исключил сорт, с которым кандидат следовало сравнить. Сообщения о различии двух ДНК-профилей для этого недостаточно.

После подготовки биологических материалов остаётся проверить, что именно даст выбранная охрана. Патент на сорт связан с использованием селекционного достижения. Патент на техническое решение, конфиденциальность производственных сведений и товарный знак имеют другие предметы. Для изобретений действует исключение пункта 6 статьи 1350 ГК РФ, охватывающее сорта растений и биологические способы их получения, полностью состоящие из скрещивания и отбора [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Поэтому наименование разработки «технологией селекции» не позволяет обойти вопрос о её действительном содержании.

Таблица 2 - Охрана результатов селекционного проекта

Результат	Возможный способ охраны	Предел охраны
Сорт, линия, гибрид первого поколения	Патент на селекционное достижение	Право на охраняемое достижение в пределах закона
Технический способ или состав	Патент на изобретение при выполнении его условий	Техническое решение, определяемое формулой изобретения
Сведения о технологии	Секрет производства при соблюдении требований закона	Сведения, а не исключительное право на сам сорт
Обозначение продукции	Товарный знак при возможности регистрации	Индивидуализация товара, а не признаки растения

Включение гороха посевного и кукурузы в перечень, утверждённый распоряжением Правительства РФ № 3835-р [Распоряжение Правительства РФ № 3835-р, 2022], означает необходимость учитывать требования Закона № 454-ФЗ к реализации семян соответствующих культур и предусмотренные им исключения [Федеральный закон № 454-ФЗ, 2021]. Реестр допущенных к использованию служит этим задачам. Реестр охраняемых селекционных достижений фиксирует патентную регистрацию. Если имеется только запись о допуске, нельзя заключить, что продавец получил исключительное право; если имеется патент, из него не следует выполнение всех требований к реализации семенной партии.

Правовая проверка не заканчивается выдачей патента. Статья 1440 ГК РФ возлагает на патентообладателя обязанность сохранять признаки, указанные в описании сорта, и предоставлять материал для контрольных испытаний по запросу уполномоченного органа [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Следовательно, образцы и записи нужны не только для первоначального решения. Их сохранение позволяет в дальнейшем соотнести воспроизводимый материал с тем объектом, на который предоставлена охрана.

Обсуждение

Л. В. Ладочкина приходит к выводу, что содержание понятия селекционного достижения может быть раскрыто через статьи 1412 и 1413 ГК РФ [Ладочкина, 2018, с. 105–108]. Применительно к рассмотренной задаче это позволяет сосредоточиться на применении уже существующих требований. Трудность состоит не в отсутствии четырёх критериев, а в переносе доказательства одного критерия на другой. Так, документ о происхождении материала может

быть полезен, но из него нельзя без дополнительных сведений вывести ни соблюдение сроков передачи семян, ни результат сравнения с общеизвестным сортом.

J.-K. Yu и Y.-S. Chung в обзоре способов охраны сортов обсуждают как потенциал молекулярных методов, так и трудности их применения при испытании ООС [Yu, Chung, 2021]. Для российского правового анализа значим вопрос, который остаётся после установления генетического различия: отвечает ли обнаруженное различие требованиям юридической отличимости? Совпадение целей лабораторной идентификации и патентной экспертизы здесь лишь частичное. Лаборатория исследует образец определённым методом; для решения по заявке требуется оценить объект и весь набор условий охраны. Поэтому расширение набора измерений без объяснения их назначения не устраняет пробел в обосновании заявки.

Разграничение патентной и селекционной защиты рассматривает Л. В. Щербачева [Щербачева, 2020, с. 48–52]. В связи с исходной задачей необходимо дополнить выбор режима проверкой чужих прав. Охраноспособность собственного результата не означает, что для его производства можно беспрепятственно использовать любой исходный материал. В частности, пункт 4 статьи 1421 ГК РФ распространяет право на случаи, когда производство семян требует неоднократного использования охраняемого сорта [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Для гибрида кукурузы это делает существенным правовой статус родительских линий, даже если сам гибрид отвечает условиям предоставления охраны.

Селекционное исключение также нельзя понимать как разрешение на любое дальнейшее использование. Статья 1422 ГК РФ допускает использование охраняемого достижения в качестве исходного материала при создании других сортов, но отсылает к ограничениям пункта 4 статьи 1421 [Гражданский кодекс РФ, часть четвёртая, 2006]. Поэтому исследовательское использование линии и производство семян гибрида с её неоднократным участием требуют раздельной оценки. Такой разбор возвращает правовую подготовку к хозяйственной цели проекта: получить воспроизводимый результат, который можно законно производить, а не только зарегистрировать.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в совместной постановке двух вопросов: достаточно ли данных для охраны результата и достаточно ли правовых оснований для его предполагаемого использования. Применительно к гороху и кукурузе показано, где эти проверки расходятся. История передачи семян, признаки кандидата, статус родительского материала и допуск к использованию относятся к одной разработке, но требуют разных доказательств. Это вывод из анализа норм и методик, а не утверждение об эффективности подхода, измеренной на практике. Проверка на материалах конкретных заявок могла бы показать, какие из выявленных пробелов встречаются чаще; таких данных в настоящем исследовании нет.

Заключение

Правовая подготовка селекционной разработки должна следовать за теми обстоятельствами, которые предстоит установить. Для новизны необходимо восстановить историю передачи семян; для отличимости — обосновать сравнение с общеизвестными сортами; для однородности и стабильности — подтвердить свойства материала при надлежащем наблюдении и воспроизводстве. ДНК-профиль и показатель урожайности полезны в пределах конкретной доказательственной задачи. Они не дают универсального ответа на вопрос об охраноспособности.

Разбор гороха показывает значение сопоставимых наблюдений и сравнения одного

кандидата с несколькими аналогами. Для кукурузы дополнительно существенны сведения о родительских линиях и цикле воспроизводства гибрида. Из этих различий следует практическое требование: описание материала, условия опытов и документы о его передаче нужно связывать между собой уже в ходе селекционной работы. При подготовке заявки исправить отсутствие таких сведений бывает невозможно одним дополнительным исследованием.

Научный вклад работы состоит в обосновании раздельной проверки охраноспособности и правовых условий использования результата в рамках одной селекционной разработки. Полученный патент не заменяет согласия на использование охраняемого родительского материала в случаях, установленных законом, и не подтверждает сам по себе соблюдение требований к реализации семян. Именно эти остающиеся вопросы определяют содержание дальнейшей правовой работы после положительных испытаний и регистрации сорта.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
2. Ладочкина Л.В. Понятие и условия охраноспособности селекционных достижений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 105–108.
3. Летова Е.А. Понятия «селекционные достижения» и «селекционная деятельность» в российском праве интеллектуальной собственности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 6. С. 140–159. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-6-letova.
4. Приказ Минсельхоза России от 27.10.2020 № 631 «Об утверждении методики и сроков проведения испытаний селекционного достижения (нового сорта растений) на отличимость, однородность и стабильность» // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372055/
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2022 № 3835-р (ред. от 03.08.2023) // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433832/
6. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Президент России: официальный сайт. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/45106
7. Федеральный закон от 30.12.2021 № 454-ФЗ «О семеноводстве» (ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405425/
8. Щербачева Л.В. Патентная и селекционная защита растений // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 48–52. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10082.
9. Guidelines for the Conduct of Tests for Distinctness, Uniformity and Stability: Maize (Zea mays L.). TG/2/7 Rev. 2 // UPOV: official website. URL: https://www.upov.int/edocs/tgdocs/en/tg002.pdf
10. Guidelines for the Conduct of Tests for Distinctness, Uniformity and Stability: Pea (Pisum sativum L.). TG/7/10 Rev. 3 // UPOV: official website. URL: https://www.upov.int/edocs/tgdocs/en/tg007.pdf
11. Possible Use of Molecular Markers in the Examination of Distinctness, Uniformity and Stability (DUS). UPOV/INF/18/1 // UPOV: official website. URL: https://www.upov.int/edocs/infdocs/en/upov_inf_18.pdf
12. Yu J.-K., Chung Y.-S. Plant Variety Protection: Current Practices and Insights // Genes. 2021. Vol. 12, no. 8. Art. 1127. DOI: 10.3390/genes12081127.

Legal Regulation of the Protection of Breeding Achievements in the Creation of New Varieties in Russia (on the Example of Peas and Maize)

Nina V. Kovardinova-Mkrtumyan

PhD in Economics,
Russian State Academy of Intellectual Property,
117279, 55a, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: n.kovardinova-mkrtumyan@corpfintech.ru

Andrei V. Ermakov

PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property,
117279, 55a, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gppois@inbox.ru

Abstract

When preparing to patent a new variety, high yield and differences between DNA profiles may give the breeder an incomplete understanding of the evidence required for the protection of a new variety. The article examines the legal consequences on the example of peas and maize. The objective of the work is to determine the boundaries of the use of biological data in assessing protectability and planning commercialization. Based on the analysis of Russian legislation and a comparison of testing methodologies, legal novelty, common knowledge, and distinctness are delineated. The history of seed transfer, comparison with several analogues, and information on the parental lines of a hybrid are discussed. The necessity of separately verifying the protectability of the result and the possibility of its use without infringing the rights of others is substantiated. The scientific novelty consists in combining these verifications into an applied approach to the legal assessment of a breeding development. It is shown which questions remain unresolved in the presence of a DNA profile, positive test results, or an entry in one of the state registers.

For citation

Kovardinova-Mkrtumyan N.V., Ermakov A.V. (2026) Pravovoe regulirovanie okhrany selektsionnykh dostizheniy pri sozdanii novykh sortov v Rossii (na primere gorokha i kukuruzy) [Legal Regulation of the Protection of Breeding Achievements in the Creation of New Varieties in Russia (on the Example of Peas and Maize)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 396-404. DOI: 10.34670/AR.2026.91.75.042

Keywords

Breeding achievements, peas, maize, novelty, distinctness, molecular markers, seed production, protectability, patent law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four), Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006. (2006). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 20 of January 21, 2020, On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation. (2020). https://www.kremlin.ru/acts/bank/45106
3. Federal Law No. 454-FZ of December 30, 2021, On Seed Production (as amended on December 28, 2025). (2021). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405425/
4. Ladochkina, L.V. (2018). Ponyatie i usloviya okhranosposobnosti selekcionnykh dostizheniy [The concept and conditions of protectability of breeding achievements]. *Saratov State Law Academy Bulletin*, (5(124)), 105–108.
5. Letova, E.A. (2022). Ponyatiya “selektsionnye dostizheniya” i “selektsionnaya deyatel’nost’” v rossiyskom prave intellektual’noy sobstvennosti [The concepts of “breeding achievements” and “breeding activities” in Russian intellectual property law]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 17(6), 140–159. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-6-letova
6. Order of the Government of the Russian Federation No. 3835-r of December 8, 2022 (as amended on August 3, 2023).

(2022). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433832/
7. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 631 of October 27, 2020, On Approval of the Methods and Time Limits for Testing a Breeding Achievement (New Plant Variety) for Distinctness, Uniformity and Stability. (2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372055/
8. Shcherbacheva, L.V. (2020). Patentnaya i selektsionnaya zashchita rasteniy [Patent and breeding protection of plants]. *Economic Security Bulletin*, (2), 48–52. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10082
9. UPOV. (n.d.). *Guidelines for the Conduct of Tests for Distinctness, Uniformity and Stability: Maize (Zea mays L.). TG/2/7 Rev. 2*. https://www.upov.int/edocs/tgdocs/en/tg002.pdf
10. UPOV. (n.d.). *Guidelines for the Conduct of Tests for Distinctness, Uniformity and Stability: Pea (Pisum sativum L.). TG/7/10 Rev. 3*. https://www.upov.int/edocs/tgdocs/en/tg007.pdf
11. UPOV. (n.d.). *Possible Use of Molecular Markers in the Examination of Distinctness, Uniformity and Stability (DUS). UPOV/INF/18/1*. https://www.upov.int/edocs/infdocs/en/upov_inf_18.pdf
12. Yu, J.-K., & Chung, Y.-S. (2021). Plant Variety Protection: Current Practices and Insights. *Genes*, 12(8), 1127. DOI: 10.3390/genes12081127

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.944.92 **DOI: 10.34670/AR.2026.14.79.043**

Признание факта как результат примирительных процедур: мировое соглашение

Тряпочкин Никита Андреевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: tryapochkin_na@usue.ru

Кулюшин Евгений Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: kulyushin_en@usue.ru

Аннотация

Судебное признание факта в гражданском и арбитражном процессе (далее — цивилистический процесс) является далеко не новым явлением в российском процессуальном праве. Оно стало его неотъемлемой частью почти два века назад. Однако степень разработанности научной теории по данной теме порой заставляет задуматься: правильно ли теоретики, практики и законодатель понимают правовую природу этого механизма освобождения сторон дела от дальнейшего доказывания ранее признанных фактов? Одним из наиболее сложных аспектов судебного признания является его трактовка как результата примирительных процедур. Почему-то именно так определил законодатель в действующих процессуальных кодексах, что вызвало соответствующий вопрос о единстве признания с другими процессуальными институтами, например, заключением тяжущимися мирового соглашения. Отсюда мы попытаемся сейчас найти ответы на два следующих вопроса: Может ли признание факта быть результатом примирительных процедур? Если да, то может ли оно быть, например, составной частью мирового соглашения?

Для цитирования в научных исследованиях

Тряпочкин Н.А., Кулюшин Е.Н. Признание факта как результат примирительных процедур: мировое соглашение // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 405-415. DOI: 10.34670/AR.2026.14.79.043

Ключевые слова

Признание фактов, освобождение от доказывания, мировое соглашение, цивилистический процесс, примирение сторон, процессуальная экономия, доказательственное право.

Введение

Признание факта, в цивилистическом процессе, является неотъемлемой частью российского процессуального права на протяжении двух веков. Проведя рецепцию последнего из западноевропейского правового пространства, отечественный законотворец привнес нам механизм, направленный на существенное сокращение процессуальных издержек лиц, участвующих в деле, и суда, руководящего соответствующей процедурой. Однако, как ни прискорбно это признавать, развитие анализируемого процессуального института, несмотря на довольно продолжительный период его применения, по-прежнему оставляет желать лучшего.

Так, например, обращаясь к действующим процессуальным законам – гражданскому процессуальному кодексу (далее – ГПК РФ) и арбитражному процессуальному кодексу (далее – АПК РФ) можно заметить, что законодатель весьма посредственно занимается вопросами его совершенствования, если, конечно, смотреть на картину в целом. Проблемы, связанные с таким явлением, как признание «завязаны» не только на его правовой природе (в контексте теории, определяющей его сущность – доказательственной, распорядительной или смешанной), но и в части соотношения механизма его реализации при одновременном применении других процессуальных норм. Сказанное непосредственно относится к вопросу появлении таких норм, как 153.7 ГПК РФ и 138.6 АПК РФ, где содержатся положения о признании факта, как результате примирительных процедур.

Само по себе признание факта, если не углубляться в историю его развития и продолжать полагать, что законодатель до конца верно осознает суть распорядительной теории о его правовой природе (это, кстати, тоже спорный вопрос) представляет из себя процедуру, когда лицо, участвующее в деле, положим ответчик, подтверждает истинный характер отдельно взятого обстоятельства (или группы), на которое (-ые) в своих (-ем) утверждениях (-ии) суду ссылается его процессуальный оппонент [Тряпочкин, 2024, с. 59]. Как результат этого события следует освобождение, в нашем примере, истца от обязанности в дальнейшем доказывать конкретный факт (или группу). Да, при этом суду необходимо установить в заявлении ответчика отсутствие пороков воли или волеизъявления, попытки скрыть действительные обстоятельства дела и т.д., однако, это нас сейчас не интересует.

Обсуждение

Не так давно в ГПК РФ и АПК РФ были внесены изменения, согласно которым признание факта, а равно и соглашение по обстоятельствам дела для АПК РФ, стали определяться как результаты примирительных процедур.

Здесь-то и возникают те вопросы, которые обозначены в аннотации к данной работе.

1. *Может ли признание факта быть результатом примирительных процедур?*

При ответе на данный вопрос, сразу же важно заметить, что подобного рода «идея» об определении признания факта, как результата примирения тяжущихся возникла исключительно недавно, в указанный выше период. До этого, ни один ученый, занимающийся анализом механизма заявления суду о признании фактов, не предлагал подобных идей.

Так, например, первопроходец в контексте изучения института признания фактов – проф. М. И. Малинин, хотя и исследовал вопрос соотношения признания и мировой сделки, однако, никогда не касался вопроса о том, что первое может быть результатом или составной частью второго. «Признание, как согласное заявление тяжущихся сторон о данных обстоятельствах

спорного дела, имеет сходство с процессуальной мировой сделкой. Но существенное различие заключается в том, что мировая сделка не есть согласное понятие тяжущихся о существовавших или существующих обстоятельствах спорного дела; к ней неприменимо то существенное положение признания, по которому стороны делают согласное заявление непременно о действительных обстоятельствах дела (хотя, на самом деле, нередко эта действительность обстоятельств не более как фикция)» – писал ученый [Малинин, 1878, с. 10].

Таким образом, еще в самом начале «пути» развития учения о признании фактов, дореволюционный процессуалист настаивал на том, что хотя эти явления и похожи между собой, однако, общего между ними гораздо меньше, чем частного. Не говоря уже о том, чтобы рассматривать признание, как часть мирового соглашения.

Советская процессуальная школа, хотя и отбросила все идеи своих предшественников, под предлогом запрета на распространение буржуазных идей в отечественном научном пространстве, в вопросе соотношения признания факта с другими процессуальными институтами продолжила стоять на том же самом – общие черты у сопоставляемых явлений имеются, но их удельной «массы» недостаточно для последующего теоретического и практического отождествления.

Обратимся, к слову, к труду известного советского процессуалиста проф. А. Ф. Клейнмана, который, как и его предшественник, упомянутый выше, касался в своих исследованиях связи мировой сделки и признания.

«Судебное признание иска и мировая сделка связаны с принципом диспозитивности, а признание фактов и документов – с принципом состязательности» - утверждает профессор [Клейнман, 1950, с. 63].

Тем самым, ученый ясно дает понять, что сам базис сопоставляемых процессуальных институтов - принципы, на которых они основываются - совершенно разные, не говоря уже о том, чтобы один из них поглощал другой, пусть и частично.

Современные процессуальные школы, вне зависимости от их непосредственного расположения (в плане регионов), в своих научных трудах, составленных специально для высших учебных заведений, хотя и упоминают о существовании признания фактов, однако, просто ограничиваются его описанием.

Безусловно, содержание представленной информации для студенческого сообщества более чем исчерпывающее, не говоря уже о высококачественном научном слоге любого такого источника, однако, странно, что вопрос о соотношении признания фактов и других процессуальных институтов, хотя бы в части подчинения одного другим, нигде при этом, за последние пятнадцать лет, так и не был поднят [Курс доказательственного права, 2014, с. 258–260; Арбитражный процесс, 2017, с. 190]. В том числе, надо заметить, и после появления ст. 153.7 ГПК РФ и ст. 138.6 АПК РФ.

Отсюда, мы делаем вывод, что мысль о сопоставлении признания факта и результатов других примирительных процедур – это исключительно результат деятельности законодателя, но никак не отечественного научного сообщества. Верным будет упомянуть, что в момент рецепции анализируемого процессуального института, из той же немецкой классической процессуальной литературы, также не было высказано никаких идей, подобно анализируемой здесь [Schneider, 1842, p. 404; Bethmann-Hollweg, 1827, p. 375].

Возвращаясь к нашим реалиям, необходимо отметить и тот факт, что каких-либо разъяснений, относительно того, как следует толковать положения двух упомянутых ранее статей ГПК РФ и АПК РФ от высших судебных инстанций также, на сегодня, не поступало. Как

будто бы для законодателя и судей этот вопрос остается самоочевидным, хотя, на наш взгляд, это далеко не так.

Итак, есть ли препятствия для того, чтобы считать признание факта примирительной процедурой само по себе? Если рассматривать его в отрыве от существования соглашения по обстоятельствам дела, которое будет проанализировано нами в отдельной работе, не совсем понятно, в чем же состоит примирение. Стадия исследования доказательств, истец заявляет утверждение, ответчик подтверждает достоверный характер упомянутого события, что влечет освобождение процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретный факт. Где, собственно, здесь примирение? Стороны выражают согласие в отношении отдельно взятого факта, не более того.

Отдельно, важно заметить, законодатель, на протяжении долгого времени игнорировал такой вид признания, как заявленное с корыстным мотивом. Однако, оно существует – например, в той же ч. 3 ст. 68 ГПК РФ, где сказано про «сокрытие действительных обстоятельств дела». Другой вопрос, что механизм выявления такого рода изъянов признания, а равно и пороков воли или волеизъявления, как не был описан за два с половиной века, так и остался без разъяснений. Что до ученого сообщества, то оно вообще о нем не упоминает, за исключением отдельно взятых работ [Тряпочкин, 2024, с. 78–79]. Классические научные труды, посвященные вопросу классификации признаний, также не рассматривают конструкции заявления признания, как попытки «увести» суд в сторону, от изучения отдельно взятых вопросов [Гольмстен, 1913, с. 198–202].

Тем не менее, возвращаясь к вопросу о существовании признания, как результата примирительных процедур, заключим, что само по себе признание, в отрыве от других институтов, самостоятельно, никаким примирением не является, поскольку подтверждение отдельного факта в пользу процессуального оппонента, возражая относительно всего остального, очевидно, улаживанием разногласий не является. Компромиссом это тоже считать нельзя, поскольку тот предполагает взаимные уступки, а здесь, на лицо, одностороннее действие одного из лиц, участвующих в деле.

Кроме того, подтверждение сказанному можно найти и в трудах наших классиков, например, тот же М. А. Гурвич утверждал, что «…только признание, представляющее собой отказ от права на возражение, можно быть бы признать процессуальным действием в узком смысле этого слова, так как такое признание является волеизъявлением» [Гурвич, 1950, с. 120].

Таким образом, мы точно исключаем признание факта, как самостоятельную примирительную процедуру, поскольку утверждение об истинном характере обстоятельств, на которые ссылается процессуальный оппонент, не имеет ничего общего с примирением, а является лишь отказом на право возражения.

Однако, интересно то, что несмотря на сказанное выше, ничего не мешает признанию факта, как бы абсурдно, на первый взгляд, это не выглядело, быть частью других примирительных процедур. Ни одна из присущих ему качественных характеристик – предмет, адресат, субъектный состав и прочие, не ведут к прямому запрету, например, к помещению признания фактов в состав, например, мирового соглашения.

2. *Признание факта, как элемент содержания примирительных процедур.*

Итак, переходя ко второму вопросу, сразу же заявим, что в целом, помещение признания факта в содержание указанного акта, заключаемого по результатам примирительной процедуры, видится нам, хотя и возможным, однако абсолютно бессмысленным.

Причин для этого несколько:

а) признание факта обладает имманентно присущим свойством дезавуирования [Тряпочкин, 2024, С. 50-53]. Впоследствии, будучи помещенным в состав акта, заключаемого тяжущимися, а позднее приведшего к окончанию судебной процедуры, это свойство у него напрочь перестает существовать – невозможно отозвать признание в том же самом процессе;

б) казалось бы, есть у признания и другое свойство – оспоримости, однако, и его реализация при помещении признания в содержание того же мирового соглашения видоизменяется [Тряпочкин, 2024, с. 52]. Во-первых, его невозможно оспорить отдельно от соглашения. Во-вторых, его теперь нельзя оспорить в апелляции, поскольку результаты мирового соглашения подлежат пересмотру только в кассационной инстанции;

в) в продолжении предыдущего пункта – можно ли утверждать, что отдельно взятый элемент мирового соглашения может быть порочен в отношении остальных? Проще говоря, можно ли оспаривать результаты примирения, основываясь лишь на том, что, например, суд не установил пороки воли или волеизъявления в том утверждении, которое было вписано в соглашение? При условии, положим, что все остальное в порядке – уступки равноценные, не нарушены материальные и процессуальные нормы, права и законные интересы третьих лиц не нарушены и защищены. Согласитесь, это весьма странно, тем более что все положения ст.ст. 153.10 ГПК РФ и 141 АПК РФ соблюдены. Однако, следуя логике ст.ст. 68 ГПК РФ и 70 АПК РФ суд должен был, в свое время, установить наличие пороков и отказать в утверждении заявления о признании факта. Как быть теперь? С одной стороны, права тяжущихся и третьих лиц не нарушены, с другой, чтобы затянуть, например, с исполнением соглашения, есть вариант пойти в кассацию и посудиться в отношении ранее заявленного признания. Где же тут сокращение процессуальных издержек? Напротив, усматривается ситуация, которая, пусть пока и исключительно теоретическая, когда есть возможность злоупотребления правом со стороны, например, бывшего ответчика;

г) какой вообще смысл удостоверять, если можно так выразиться, достоверный характер отдельно взятого факта (или группы)? Статья 153.9 ГПК РФ и ст. 140 АПК РФ содержат четкий перечень условий, выдвигаемых к содержанию соглашения. Да и, собственно, куда прописывать о признании факта? К уступкам? К срокам реализации обязанностей? Куда угодно? Эти маленькие, казалось бы, вопросы также порождают неопределенности, хотя бы в деятельности суда, которому подлежит оценивать соответствующий проект соглашения. Тем не менее, если не вдаваться в такого рода подробности, разницы-то особо и нет, поскольку четкой структуры содержания соглашения (1, 2, 3…) закон не называет. В принципе, можно вписать о признании факта куда заблагорассудится, но вопрос в другом – зачем утяжелять официальный, впоследствии, индивидуально определенный акт лишней информацией? Должны же, логично предположить, существовать какие-то разумные рамки для составления тех же проектов мировых соглашений;

д) как быть с квалифицированными признаниями [Тряпочкин, 2024, С. 50-53] – т.е. теми, которые содержат оговорку? В науке до сих пор нет единого мнения кто должен ее доказывать, не говоря уже о том, что случится, если поместить такого рода признание в состав мирового соглашения [Попов, 1905, с. 77–97; Гордон, 1867, с. 40–42]. Думается, что пока не решен вопрос с доказыванием недопустимо рассуждать над тем, чтобы создавать внутри мировой сделки искусственную неопределенность, пускай, возможно, и не влекущую за собой ущемление чьих-либо прав или нарушения баланса в части уступок.

Резюмируя сказанное, признание факта само по себе результатом примирения, очевидно, не является. Однако, следуя правилам действующих процессуальных норм, поместить его в состав,

например, мирового соглашения все-таки можно. Впрочем, зачем это делать – так до конца и не ясно.

Однако, для уяснения понимания процессуальных институтов признания факта и мировых соглашений в цивилистическом процессе, в первую очередь, следует провести чёткое разграничение данных процессуальных институтов с учётом роли каждого из них в отдельности и совместно друг с другом в ходе судебного разбирательства.

Основаниями проведения подобного разграничения являются положения, выработанные в доктрине цивилистического процесса, прежде всего, во французской и немецкой процессуальной доктринах, оказавших значительное влияние на дореволюционную российскую процессуальную доктрину и отечественное процессуальное законодательство [Яблочков, 1914, с. 604–637].

Возникновение судебного разбирательства зависит от воли истца, который посредством искового заявления «производит» возбуждение процессуальной деятельности суда с целью разрешения правового спора между ним и ответчиком по делу (Nemo judex sine actore).

Тем самым предметом деятельности суда является гражданское правоотношение, которое возникло между сторонами процесса до обращения в суд и существует в форме нарушенного правоотношения [Малинин, 1878, с. 2].

Разрешение данного правоотношения судом предполагает инициативную деятельность сторон в предоставлении доказательственного материала для удовлетворения заявленных требований или возражений (Onus probandi - бремя доказывания требований и возражений, сформулированы в ст. 56 АПК РФ, ст. 65 ГПК РФ в качестве общего правила для сторон судебного разбирательства).

Из общего правила имеются исключения, одним из которых, является признание о факте, которое совершается стороной в процессе рассмотрения дела, последствием которого, является освобождение противной стороны от доказывания данного факта в общем порядке [Яблочков, 1915, с. 5–6].

Общее правило о бремени доказывания (Onus probandi) действует для сторон, если они не заявляют признание о факте или группе фактов. В таком случае суд обязан действовать в соответствии с общим процессуальным регламентом о распределении бремени доказывания.

В связи с чем суду следует осуществлять полномочия по материальному руководству процессом. Эти полномочия включают в себя:

– определение обстоятельств, входящих в предмет доказывания в отношении спорных правоотношений сторон;
– установление доказательств, подтверждающих требования и возражения сторон спорных правоотношений;
– сбор, исследование, оценку доказательств, подтверждающих и опровергающих факт или группу фактов;
– определение правовой квалификации спорных правоотношений [Лазарев, 2022, с. 61].

Тем самым признанный факт не требует дальнейших доказательств со стороны процессуального оппонента [Малинин, 1878, с. 6], а также освобождает суд от обязанности исследовать данный факт.

Применительно к деятельности сторон в судебном процессе роль признания факта преследует цель придать ясность и чёткость в регулировании имеющегося (текущего) правоотношения путем подтверждения его действительного характера в судебном решении («сохранении действительного правоотношения в первоначальном виде, констатации его

действительности») [Малинин, 1878, С. 7-8].

Следовательно, суду следует принять судебное решение, которое должно соответствовать содержанию признания [Савиньи, 2016, с. 305], поскольку суд преследует задачу в виде установления (констатации) спорного правоотношения в том числе путём учёта заявленных сторонами признаний фактов.

Последствием признания факта по отношению к спорному правоотношению является его бесспорность между сторонами, отсутствие необходимости в совершении сторонами «затратных» процессуальных действий в виду наличия общего правила о распределении бремени доказывания на каждой из сторон спора требований или возражений при отсутствии заявленных признаний о фактах, сокращение времени работы суда над представленным сторонами материалом («действие принципа процессуальной экономии).

Институт признания фактов тем самым сокращает путь и для сторон, и суда к достижению правового результата в виде вынесения справедливого судебного решения.

Здесь следует согласиться с Т.М. Яблочковым в том, что признание факта как процессуальное действие позволяет суду разобраться в содержании фактических отношений, лежащих в основании спора и достигнуть цели судопроизводства путём вынесения итогового судебного решения, установив истинный характер спорных правоотношений («установление действительного характера спорного правоотношения») [Яблочков, 1914, с. 478–479].

Таким образом, процессуальный эффект признания факта состоит:

1) в освобождении от бремени доказывания данного факта процессуальным оппонентом, так как признание является отказом от права на возражения в суде;

2) в сокращении работы суда в отношении установления характера спорных правоотношений, а также самих сторон спора;

3) в обеспечении сохранения действительного правоотношения в первоначальном виде, констатации его действительности в судебном решении при осознанном поведении сторон в процессе [Малинин, 1878, с. 93];

4) в использовании в качестве способа установления действительного характера существовавших и существующих правоотношений сторон [Малинин, 1878, с .2].

Процессуальная роль мирового соглашения заключается в том, что оно содержит в себе иное начало, отражающее поведение сторон в отношении регулирования спорного правоотношения.

Здесь предполагается, что между сторонами спорного правоотношения отсутствуют согласованные заявления о фактических обстоятельствах спорного дела, существовавших или существующих между сторонами до возникновения судебного разбирательства («допроцессуальные материально-правовые отношения»).

Отсутствие согласованных заявлений сторон о фактических обстоятельствах спорных правоотношений, возникших до судебного разбирательства, могут быть обусловлены:

1) различного рода сомнениями в части окончательного исхода судебного разбирательства («исход судебного процесса не может быть приблизительно известен»);

2) затруднениями сторон при ведении дела в суде (в части предоставления доказательственного материала в подтверждение факта или группы фактов).

При вышеуказанных условиях и применимо мировое соглашение, которое обеспечит выравнивание в регулировании спорного правоотношения по воли самих тяжущихся («обеспечение баланса в регулировании спорных правоотношений»).

Здесь следует согласиться с точкой зрения М.И. Малинина, который указывал о том, что основным началом мирового соглашения служит договорное начало, которое обеспечит

сторонам возможность самостоятельно устранить сомнительное и неизвестное по своему исходу спорное правоотношение [Малинин, 1878, с. 10].

Тем самым мировое соглашение имеет своей целью «создать» вместо спорного текущего правоотношения, новое правоотношение, которое будет соответствовать взаимному соглашению тяжущихся и устранит имеющиеся сомнения в отношении правоотношения («преобразование правоотношения»).

Аналогичное понимание правовой природы мирового соглашения заложено в текущем регулировании института мирового соглашения в немецком законодательстве. Мировое соглашение определяется в качестве договора, посредством которого правовой спор или сомнения сторон по поводу правоотношения разрешаются путём взаимных уступок. Следовательно, отличительным признаком мирового соглашения является устранение правового спора между сторонами или сомнений в отношении правоотношения. В мировом соглашении неопределенность сторон устраняется путём взаимных уступок друг другу [Шмагин, 2019, с. 5].

Данный подход нашёл своё отражение в практике судов РФ, в котором о мировом соглашении сформулировано, что оно является соглашением сторон, которое направлено на прекращение спора на основе взаимных уступок.

Очевидно, что к числу уступок относятся условия о содержании, размеров и сроков исполнения обязательств сторон применительно к спорному правоотношению. Поэтому стороны могут «наполнять» мировое соглашение теми фактами, которые будут иметь отношение к регулированию спорного правоотношения [Тряпочкин, 2022, с. 81], в том числе фактами, имевшими место в допроцессуальных отношениях.

В отечественной процессуальной доктрине ввиду многообразия условий, определяемых в качестве содержания мировых соглашений в качестве одного из видов мировых соглашений выделяются подтверждающие мировые соглашения. Сущность подтверждающих мировых соглашений заключается в констатации правоотношений существовавших в «прошлом виде» («допроцессуальные материальные правоотношения»), которые при вынесении утверждении мирового соглашения становятся для сторон бесспорными и определенными» [Ватаманюк, 2021, с. 34].

Тем самым признание факта можно поместить в содержание мирового соглашения, однако для достижения эффективности действия подтверждающих мировых соглашений можно признать приемлемым опыт правового регулирования оспаривания мировых соглашений, по которым если кто-либо из сторон изъявляет желание признать мировое соглашение недействительным или отзыве своего волеизъявления, то данная сторона обращается в тот же суд, в котором было заключено соглашение с ходатайством о продолжении спора.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ сущности признания и мирового соглашения привел к выводу о том, что признание факта можно поместить в состав мирового соглашения, но при этом следует обеспечить детальное регулирование институтов признания фактов и мирового соглашения, и их разновидностей в действующем материальном и процессуальном законодательстве на основе положений немецкого доктрины, обеспечив согласованность регулирования правовых институтов.

Библиография

1. Арбитражный процесс: учеб. пособие / отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2017. 752 с.
2. Ватаманюк В. О. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2021. 291 с.
3. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1913. 411 с.
4. Гордон А. И. Юридические заметки: признание и удовлетворение // Журнал Министерства юстиции. 1867. № 1.
5. Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Москва, 1950. 199 с.
6. Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 72 с.
7. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс: учеб. пособие / под ред. М. А. Фокиной. Москва: Статут, 2014. 496 с.
8. Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. Москва: Статут, 2022. 330 с.
9. Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. 135 с.
10. Попов Б. В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе: критико-догматическое исследование. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и С-вья, 1905. 389 с.
11. Савиньи Ф. Ф. Система современного римского права: В 8 т. Т. IV: монография / Савиньи фон Фридрих Карл; пер. с нем. Г. Г. Жигулина; под ред. О. Д. Кутателадзе, В. М. Зубаря, Г. Г. Жигулина. Москва: Статут, 2016. 480 с.
12. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дисс. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2022. 158 с.
13. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. Москва: Статут, 2024. 122 с.
14. Шмагин Александр, адвокат (ФРГ), юрист (СПбГУ), адвокатское бюро «Дерра, Мейер и партнеры», Берлин, Германия «Разойтись с миром. О проблемах исполнения мировых соглашений российских судов в Германии» // Адвокатская газета. № 4 (285) от 18.02.2019.
15. Яблочков Т. М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеем. 1914. Вып. III (XXI). С. 462–482.
16. Яблочков Т. М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеем. Ярославль, 1914. Вып. IV (XXII). С. 604–637.
17. Яблочков Т. М. «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения) / Проф. Т.М. Яблочков. Петроград: тип. т-ва «Обществ. польза», 1915. 20 с.
18. Bethmann-Hollweg M.A. Versuche über einzelne Theile der Theorie des Civilprozesses. Berlin, Stettin, 1827. P. 375.
19. Schneider, Ernst Christian Gottlieb. Vollständige Lehre vom rechtlichen Beweise in bürgerlichen Rechtssachen. Giessen: Georg Friedrich Heyer, 1842. P. 404.

Recognition of a Fact as a Result of Conciliation Procedures: A Settlement Agreement

Nikita A. Tryapochkin

PhD in Law, Associate Professor,
Ural State University of Economics,
620144, 62, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: tryapochkin_na@usue.ru

Evgenii N. Kulyushin

PhD in Law, Associate Professor,
Ural State University of Economics,
620144, 62, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: kulyushin_en@usue.ru

Abstract

Judicial recognition of a fact in civil and arbitration proceedings (hereinafter referred to as civil procedure) is far from a new phenomenon in Russian procedural law. It became an integral part of it almost two centuries ago. However, the degree of elaboration of scientific theory on this topic sometimes makes one wonder: do theorists, practitioners, and the legislator correctly understand the legal nature of this mechanism for releasing the parties to a case from further proof of previously recognized facts? One of the most complex aspects of judicial recognition is its interpretation as a result of conciliation procedures. For some reason, this is exactly how the legislator defined it in the current procedural codes, which gave rise to a corresponding question about the unity of recognition with other procedural institutions, for example, the conclusion of a settlement agreement by the litigants. Hence, we will now attempt to find answers to the following two questions: Can recognition of a fact be a result of conciliation procedures? If so, can it be, for example, an integral part of a settlement agreement?

For citation

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N. (2026) Priznanie fakta kak rezul'tat primiritel'nykh protsedur: mirovoe soglashenie [Recognition of a Fact as a Result of Conciliation Procedures: A Settlement Agreement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 405-415. DOI: 10.34670/AR.2026.14.79.043

Keywords

Recognition of facts, exemption from proof, settlement agreement, civil procedure, conciliation of the parties, procedural economy, law of evidence.

References

1. Arbitration Process: Textbook / Ed. V. V. Yarkov. 7th ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2017. 752 p.
2. Bethmann-Hollweg, M. A. (1827). *Versuche über einzelne Theile der Theorie des Civilprozesses*. Berlin, Stettin, p. 375.
3. Golmsten, A. Kh. (1913). *Textbook of Russian Civil Procedure*. 5th ed., revised and enlarged. St. Petersburg: M. Merkushev Printing House, 411 p.
4. Gordon, A. I. (1867). Legal Notes: Admission and Satisfaction. *Journal of the Ministry of Justice*, no. 1.
5. Gurvich, M. A. (1950). *Lectures on Soviet Civil Procedure*. Moscow, 199 p.
6. Kleinman, A. F. (1950). *Basic Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 72 p.
7. *Course in Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure: Textbook* / edited by M. A. Fokina. Moscow: Statut, 2014, 496 p.
8. Lazarev, S. V. (2022). *Judicial Management of Case Movement*. Moscow: Statut, 330 p.
9. Malinin, M. I. (1878). *Judicial Admission in Civil Cases*. 2nd ed., suppl. Odessa: L. Nitsche Printing House, 135 p.
10. Popov, B. V. (1905). *Distribution of Evidence Between the Parties in Civil Proceedings: A Critical and Dogmatic Study*. Kharkov: M. Zilberberg i S-vya Printing House, 389 p.
11. Savigny, F. F. (2016). *The System of Modern Roman Law*: In 8 volumes. Vol. IV: monograph / Savigny von Friedrich Karl; trans. from German by G. G. Zhigulin; edited by O. D. Kutateladze, V. M. Zubar, G. G. Zhigulin. Moscow: Statut, 480 p.

12. Schneider, Ernst Christian Gottlieb. (1842). *Vollständige Lehre vom rechtlichen Beweise in bürgerlichen Rechtssachen*. Giessen: Georg Friedrich Heyer, p. 404.
13. Shmagin, Aleksandr, attorney (Germany), attorney (St. Petersburg State University), Derra, Meyer & Partners Law Firm, Berlin, Germany. (2019). Parting in Peace. On the Problems of Enforcing Settlement Agreements of Russian Courts in Germany. *Advocate Newspaper*, no. 4 (285), February 18, 2019.
14. Tryapochkin, N. A. (2022). *Judicial Admission in Civil Proceedings: Theoretical Problems*: diss. ... Cand. of Law: 5.1.3. Yekaterinburg, 158 p.
15. Tryapochkin, N. A. (2024). *Judicial Admission in Civil Procedure: Theoretical Problems*: [monograph] / N. A. Tryapochkin; Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Department of Civil Procedure. Moscow: Statut, 122 p.
16. Vatamanyuk, V. O. (2021). *Settlement Agreement in Civil Proceedings*: diss. ... Cand. of Law: 12.00.15. Moscow, 291 p.
17. Yablochkov, T. M. (1914). Formal Features of the Concept of Judicial Admission in Civil Procedure. *Legal Notes Published by the Demidov Law Lyceum*, Issue III (XXI), pp. 462–482.
18. Yablochkov, T. M. (1914). Formal Features of the Concept of Judicial Admission in Civil Proceedings. *Legal Notes, published by the Demidov Law Lyceum*. Yaroslavl, Issue IV (XXII), pp. 604–637.
19. Yablochkov, T. M. (1915). *"Insufficient Substantiation" of a Claim (Claim or Objection)* / Prof. T. M. Yablochkov. Petrograd: Printing House of the "Public Benefit" Society, 20 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9.01 **DOI: 10.34670/AR.2026.19.49.044**

Криминологические причины и последствия некоторых форм деструктивного поведения подростков на примере квадробинга

Кара Игорь Степанович

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
теории и истории государства и права,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: kara-igor2009@yandex.ru

Аннотация

Проведено исследование причин распространения в современном российском обществе среди подростков субкультуры квадроберов и возможных мер по преодолению увлечённости этой и иными подобными субкультурами. По мнению ряда специалистов, увлечение подростков какой-либо субкультурой вызвано стремлением к самоидентификации, свидетельствует о том, что они не знают, как жить и выражать свои эмоции по-человечески. Возникает опасность растормаживания сферы эмпатии, притупления чувства самоидентичности, игнорирования правовых и социальных норм жизни, их «расчеловечивания». Следовательно, квадробинг является разновидностью молодёжных субкультур деструктивного воздействия. Причина приобщения к таким субкультурам кроется в стремлении приобщиться к какой-либо активности в отсутствие реальной возможности подросткам проявить свою «взрослость», незаурядность, социальную значимость иным социально приемлемым образом. Признание квадробинга на законодательном уровне деструктивной молодёжной субкультурой проблемы распространения не решит. Гораздо перспективнее вовлечь подростков в социально признаваемую, социально одобряемую деятельность, в которой подросток сможет проявить себя, осознавая свою приобщённость к чему-то общественно значимому, ощутить отношение к себе как к взрослому человеку, например вовлечение в волонтёрское движение, в иные виды социальной активности, при тесном сотрудничестве их со взрослыми. Тогда у подростка отпадёт желание поиска возможности самоутверждения в молодёжной субкультуре асоциального, деструктивного характера.

Для цитирования в научных исследованиях

Кара И.С. Криминологические причины и последствия некоторых форм деструктивного поведения подростков на примере квадробинга // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 416-426. DOI: 10.34670/AR.2026.19.49.044

Ключевые слова

Квадробинг, деструктивная субкультура, кризис подросткового возраста, самоутверждение, период взросления, профилактика девиантного поведения, социализация подростков.

Введение

Мир современных подростков, как и в прочем и взрослых людей, наполнен различными противоречиями. В наше время у детей есть доступ к огромному объему информации, они значительно больше стали общаться в онлайн-пространстве, соответственно, сталкиваются с новыми явлениями, демонстрирующими иное экстравагантное поведение. В поиске самовыражения, свойственному их возрасту, подростки, порой, присваивают себе, навязанное электронными средствами коммуникации, выходящее за грань приличия, экстравагантное поведение. Весной 2024 г. в российском информационном пространстве заметно возрос интерес к молодежной субкультуре, получившей название «квадроберы». Однако первые упоминания о данном явлении начали распространяться значительно раньше. Еще в 2020 г. в популярном сервисе коротких видео TikTok стали появляться публикации с хештегом «Квадробика», посвященные необычному увлечению, пришедшему из зарубежной молодежной среды. Речь шла о своеобразной физической активности, название которой образовано от латинского quattuor («четыре») и английского aerobics («аэробика») [Рудевич, www.rbc.ru]. Суть данного направления заключалась в имитации движений животных, преимущественно с передвижением на четырех конечностях.

Основная часть

В российском медиапространстве первые публикации на эту тему первоначально рассматривали подобное увлечение скорее как нестандартную спортивную активность. Так, одна из статей, посвященных «квадроберам», появилась в журнале Maxim осенью 2022 г. [Лисицына, Канаев, 2024]. В дальнейшем тема постепенно вышла за рамки обсуждения необычного хобби и стала восприниматься как новая подростковая субкультура.

Наибольшее распространение данное движение получило среди детей и подростков примерно 7–14 лет. Его участники воспроизводили повадки животных, использовали тематические элементы внешнего вида — маски, искусственные хвосты, перчатки в форме лап — и нередко передвигались на четвереньках в общественных пространствах: парках, скверах и на открытых площадках.

Массовое обсуждение темы в российских средствах массовой информации началось осенью 2024 г. Существенным поводом для роста общественного интереса стал инцидент, произошедший 31 августа на городском празднике в Надыме во время выступления певицы Mia Boyko. Во время концерта артистка обратила внимание на девочку, вышедшую на сцену в маске кошки, и поинтересовалась ее отношением к квадробингу. Услышав подтверждение увлечения данной субкультурой, певица отметила, что ребенку «не нужно быть кошечкой», поскольку она и так красива [Орлов, 2024].

После распространения видеозаписи этого эпизода в социальных сетях и новостных ресурсах началась активная общественная дискуссия. Часть представителей медиа и шоу-бизнеса критически восприняла позицию певицы, однако одновременно появились и сторонники подобного взгляда на новое подростковое увлечение. Ситуация быстро приобрела широкий общественный резонанс, а к обсуждению подключились различные группы пользователей, интерпретировавшие произошедшее в соответствии со своими интересами и ценностными установками.

Рост внимания к теме квадробинга способствовал и коммерциализации данного

направления. На электронных торговых площадках начали активно появляться специализированные товары, ориентированные на представителей данной субкультуры: тематические аксессуары из искусственного меха, наборы масок, декоративные элементы костюмов, а также иная продукция, связанная с данным молодежным движением.

В Интернет стали выкладывались видеоролики с актами поведения квадроберов, демонстративно подражавших повадкам животных: бегом на четвереньках, прыжками, поеданием корма из мисок, нападением друг на друга, на прохожих и т. п. Публичные демонстрации подростками своей увлеченности квадробингом в ответ вызвали оскорбления, акты агрессии, травли со стороны некоторых сверстников и взрослых лиц. В соцсетях начались дискуссии между сторонниками и противниками открытых для обозрения «забав» квадроберов. Оказалось, что некоторые родители квардроберов оправдывают вовлеченность своих детей в занятие такой физической активностью, стремлением поиска круга общения по интересу, и сами приобретают детям соответствующие костюмированные аксессуары, умиляются удачным копированием повадок животных [Лисицына, Канаев, 2024]. В СМИ начался активный обмен мнениями о причинах, пользе либо вреде увлечением детьми субкультурой квадробинга с привлечением к дискуссии ученных, практиков в области социологии, психологии, психиатрии, медицины, представителей различных общественных объединений. В результате оказалось, что одни считают квадробику невинным и в чем-то полезным детским увлечением, которое возникло и исчезнет, как иные, ранее существовавшие, другие видят в вовлеченности детей субкультурой квардробинга большую социальную опасность, препятствующей нормальной социализации подростков. Первые отмечают, что квадробика относится к аэробному типу физической активности включает элементы легкой атлетики, гимнастики, паркура и послужит увеличению тонуса мышц, гибкости суставов, тренировке сердечно-сосудистой системы, снижению избыточного веса и т.д. [Кириллова, 2024]. К тому же это и удачная возможность выделиться из толпы людей и завести друзей со схожими интересами. Психологи считают, что увлеченность подростка молодежной субкультурой является этапом процесса самоидентификации, взросления. В подростковом возрасте дети активно ищут себя, примеряя разные образы. «Некоторые меняют стиль одежды, другие экспериментируют с прическами, а третьи начинают отождествлять себя с любимыми персонажами [Психическая болезнь или просто игра, 2024]. В научном и общественном дискурсе отношение к распространению квадробинга среди подростков оценивается неоднозначно. Ряд специалистов рассматривает данное явление как форму игровой активности и способ самовыражения, тогда как другие указывают на возможные психологические риски при чрезмерном погружении ребенка в подобные практики.

Профессор Московский государственный психолого-педагогический университет Владимир Кудрявцев отмечает, что в отдельных случаях подобное увлечение может выполнять компенсаторную функцию, способствуя развитию физической активности и преодолению неуверенности в себе. Однако, по его мнению, ситуация приобретает тревожный характер тогда, когда подросток начинает полностью ассоциировать себя с образом животного, переносить игровые модели поведения в повседневную жизнь и утрачивать границы между реальностью и ролевой практикой. Исследователь подчеркивает важность определения границы между обычной игрой, подростковым экспериментированием и проявлениями, способными свидетельствовать о психологическом неблагополучии. По его мнению, обращение подростков к квадробике и терианству нередко связано с дефицитом внимания, недостатком признания со стороны сверстников и стремлением уйти от внутренних переживаний [Емельяненко, 2024].

Схожую позицию высказывает кандидат психологических наук Светлана Гришаева,

представляющая Государственный университет управления. Она обращает внимание на риск постепенного стирания границы между игрой и реальностью в случаях, когда ребенок значительную часть времени проводит в образе животного и начинает воспринимать такую модель поведения как естественную форму существования. По мнению исследователя, подобная трансформация может сопровождаться изменением представлений о социальных ролях и обязанностях человека [Квадроберы: кто это простыми словами, 2024].

Критические оценки новой подростковой субкультуры прозвучали и со стороны представителей Русская православная церковь. Так, Вахтанг Кипшидзе в интервью, опубликованном 14 сентября 2024 г., связал распространение подобных практик с тенденцией к снижению значения человеческой идентичности и противопоставил их традиционным религиозным представлениям о человеке [В РПЦ высказались о субкультуре квадроберов, 2024]. В свою очередь, иерей Федор Лукьянов охарактеризовал квадробинг как часть более широкого комплекса молодежных субкультур, связанных с поиском альтернативных форм идентичности. По его мнению, вовлечение подростков в подобные сообщества может сопровождаться постепенным отчуждением от традиционных социальных норм [Готовит ребенка к принятию антиценностей, 2024].

Общественная дискуссия вокруг квадробинга затронула и представителей органов государственной власти. В частности, депутат Сергей Колунов выступил с предложением ограничить распространение подобных практик, а глава комиссии Совета Федерации Алексей Пушков поддержал необходимость обсуждения данной проблемы [Грушевская, 2024]. Позднее в публичном пространстве появились сведения о подготовке законодательных инициатив, направленных на ограничение распространения информации, связанной с отказом от человеческой идентичности. Об этом, в частности, заявляла Татьяна Буцкая в интервью «РИА Новости» 20 июня 2025 г. [В ГД сообщили о подготовке проекта, 2025].

Вместе с тем специалисты подчеркивают, что распространение подростковых субкультур не может эффективно регулироваться исключительно запретительными мерами. Существенно более важным представляется анализ причин, побуждающих подростков вовлекаться в подобные сообщества, а также оказание им психологической и социальной поддержки.

Клинический психолог Евгения Глебова указывает, что элементы подражания животным являются естественной частью раннего детского развития, однако сохранение подобного поведения в более старшем возрасте может свидетельствовать о сложностях в эмоциональном самовыражении и коммуникации [Егорова, 2024]. По мнению психиатра Антонины Перекрестовой, привлекательность квадробики и сходных практик объясняется стремлением подростков компенсировать дефицит внимания, сложности общения и отсутствие возможностей для самореализации. Принадлежность к группе позволяет детям ощущать поддержку, значимость и эмоциональную защищенность [Рудевич, www.rbc.ru].

При этом ряд специалистов придерживается более нейтральной позиции. Так, психолог Александр Викулов отмечает, что само по себе подражание животным не представляет опасности для психики. Потенциальные проблемы возникают лишь тогда, когда игровое поведение начинает вытеснять реальную социальную идентичность ребенка и превращается в доминирующий образ жизни [Грушевская, 2024].

Схожую точку зрения высказывает директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирский федеральный университет Олеся Волкова. По ее мнению, обращение подростков к подобным субкультурам связано прежде всего с отсутствием возможностей для проявления собственной индивидуальности в семье, школе и социальной среде [Пономарева, www.interfax-russia.ru]. В связи с этим особое значение приобретают поддержка личностного

развития ребенка, признание его интересов и создание условий для самореализации.

Психологи также подчеркивают важность открытого диалога с подростками, вовлеченными в подобные практики. По мнению Катерины Русаковой, обсуждение с детьми вопросов самоидентификации и эмоционального состояния помогает сформировать более устойчивые способы адаптации к социальной реальности и построения полноценных межличностных отношений [Квадроберы: кто это простыми словами, 2024]. Семейный психотерапевт Лариса Беляева (Паркина) дополнительно отмечает, что наличие в семье разумного сочетания свободы, ответственности и эмоциональной поддержки существенно снижает вероятность перехода подобных увлечений в деструктивные формы [Что делать родителям с ребенком-квадробером, 2024].

Проблематика подростковой самоидентификации ранее рассматривалась и в работах академика Давид Иосифович Фельдштейн. Исследователь подчеркивал, что подростковому возрасту свойственны повышенное внимание к собственной личности, зависимость от оценки окружающих и острая потребность в понимании со стороны взрослых. Игнорирование этих возрастных особенностей, по его мнению, способно вызывать протестные формы поведения, замкнутость и отчуждение [Фельдштейн, 2004, с. 260–261].

Профессор Я.И. Гилинский отмечал, что неудовлетворенная потребность в самоутверждении приводит подростков к попыткам реализовать себя в том числе в негативных формах активности [Криминология, 2025, с. 973].

Итак, занятие квадробингом, как в прочем и многими иными молодежными субкультурами, является некой формой выражения протеста против игнорирования, непредоставления возможности подросткам проявить свою «взрослость», незаурядность, социальную значимость. Проблема не столько в специфичности субкультуры квадробинга, глубокое погружение в которую (как в прочем и иное деструктивное движение) разрушительно для формирующееся личности подростка, а в том, что в мире продолжают действовать организованные сообщества, желающие разрушить или хотя бы ослабить устои государств, общественные скрепы. Люди наиболее уязвимы в подростковом возрасте на этапе самоопределения личности, выстраивания своей траектории жизни.

По мнению доктора психологических наук, заведующего кафедрой психологии образования и педагогики, заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Андрея Ильича Подольского «кризис возраста у современного подростка происходит от того, что он хочет быть взрослым, а его во взрослые не берут» [Ученые выяснили, к чему стремятся российские подростки, 2025].

Этот возраст называют переходным из детства во взрослую жизнь. Этот возраст труден, прежде всего для самого подростка. Он не всегда может понять, что с ним происходит. При большом потенциале энергии он импульсивен: нередко сначала сделает, потом - подумает. Потому с ним трудно, но этот возраст наиболее благоприятный для воспитания, для формирования нравственной сферы личности. Он может совершить какой-то, неожиданный для всех, для себя поступок, но в состоянии оценить и осознать, что поступил плохо. Это надо учитывать взрослым воспитателям. Мы нередко подходим к подростку как существу, которому нужно бесконечно что-то объяснять, внушать –«надо», «должен», пичкать мудрыми сентенциями [Фельдштейн, 2004, с. 352]. Взрослые пытаются оградить подростка от возможных препятствий и ошибок, не замечая его взросления. Но он должен сам набивать свои шишки и учиться на собственных ошибках. Никакого роста не бывает без страданий – ни физического, ни духовного [Кара, 2023, с. 216]. Важно дать ему настоящее дело, и он сам увидит, что надо,

что должен. В идеале учебная деятельность подростков должна носить общественно значимый характер и быть связана с практической пользой. К числу таких форм активности относятся трудовая деятельность, спортивные занятия, техническое и художественное творчество, участие в коллективных проектах и иных социально ориентированных инициативах. Однако значение подобной деятельности для личностного становления подростка нередко недооценивается. В результате вместо действительно интересных и содержательных занятий подросткам зачастую предлагаются формальные мероприятия, участие в которых воспринимается как обязанность, а не как возможность самореализации. Когда деятельность организуется исключительно ради занятости детей и не имеет для них внутренней ценности, интерес к общественно полезной активности постепенно утрачивается [Фельдштейн, 2004, с. 352–353].

В подобных условиях подростки начинают искать иные способы самоутверждения, стремясь к занятиям, способным вызвать эмоциональный отклик, привлечь внимание сверстников и подчеркнуть собственную индивидуальность. Нередко предпочтение отдается необычным или эпатажным формам активности, часть которых может приобретать деструктивный либо девиантный характер и негативно отражаться на нравственном и личностном развитии.

В связи с этим особое значение приобретает не столько запретительная политика в отношении отдельных молодежных течений, сколько создание условий для позитивной социальной самореализации подростков. Важно вовлекать взрослеющих детей в социально одобряемые и общественно значимые виды деятельности, позволяющие проявить инициативу, ощутить собственную значимость и получить признание со стороны окружающих.

Подобная деятельность способствует развитию ответственности, формированию навыков взаимодействия с людьми и осознанию собственной роли в обществе. Именно в таких формах социальной активности подросток получает возможность реализовать стремление к самостоятельности и почувствовать отношение к себе как к взрослому человеку.

Одним из наиболее перспективных направлений в данной сфере является участие несовершеннолетних в волонтерских и иных общественно полезных инициативах [Герасимова, Самородова, 2025; Донец, 2026]. Добровольческая деятельность рассматривается государством как важный механизм профилактики социально опасных форм поведения, включая вовлечение подростков в деструктивные молодежные движения. Нормативное закрепление соответствующих положений содержится в законодательстве, регулирующем благотворительную и добровольческую деятельность.

Неоднократно подчеркивалась и значимость развития молодежных общественных движений на государственном уровне. Так, на заседании наблюдательного совета Движение первых 26 марта 2025 г. Владимир Путин отметил необходимость дальнейшего расширения инфраструктуры детских и молодежных объединений, их доступности по месту жительства, учебы и дополнительного образования [Заседание наблюдательного совета «Движения первых», 2025].

Существенную роль в профилактике девиантного поведения подростков способен сыграть и институт наставничества. Соответствующие изменения были закреплены в законодательстве в 2024 г [Федеральный закон № 322-ФЗ, 2024]. с целью вовлечения наставников, волонтерских организаций и молодежных объединений в работу с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении либо склонными к противоправному поведению [Пояснительная записка к проекту федерального закона, 2024].

Наставническая деятельность рассматривается как одна из форм социальной и

благотворительной поддержки подростков [Багаутдинов, 2025]. В документах стратегического характера наставничество определяется как социально-педагогическая технология сопровождения личностного и профессионального становления человека, ориентированная в том числе на формирование традиционных духовно-нравственных ценностей [Распоряжение Правительства РФ № 1264-р, 2025].

Следует учитывать, что именно в подростковом возрасте особенно значимым становится влияние авторитетного взрослого, способного выступить примером и источником поддержки. В этой связи представляется целесообразным нормативно закрепить возможность проведения наставниками индивидуальной профилактической работы не только с несовершеннолетними, уже состоящими на профилактическом учете, но и с подростками, демонстрирующими признаки девиантного поведения. Соответствующие изменения могут быть внесены в положения законодательства, регулирующего систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Федеральный закон № 120-ФЗ, 1999].

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что подростковый возраст занимает особое место в процессе формирования личности. Именно в этот период развивается способность к абстрактному мышлению, формируется самостоятельность, укрепляются эмоционально-волевые качества, складываются нравственные установки и мировоззренческие ориентиры [Фельдштейн, 2004, с. 350]. По этой причине внимание общества к проблемам подросткового развития приобретает принципиальное значение, поскольку именно данный этап во многом определяет дальнейшее становление личности человека.

Библиография

1. Багаутдинов Ф.Н. Наставник в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Законность. 2025. № 6. С. 56–58.
2. В ГД сообщили о подготовке проекта по запрету пропаганды идеологии расчеловечивания // Известия. 20.07.2025. URL: https://iz.ru/1923485/2025-07-20/v-gd-soobshchili-o-podgotovke-proekta-po-zapretu-propagandy-ideologii-raschelovechivaniia
3. В РПЦ высказались о субкультуре квадроберов // ТАСС. 2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21863135
4. Герасимова Е.Н., Самородова И.А. Волонтерство: значение и возможности в подростковой жизни // Юный ученый. 2025. № 5 (90). С. 41–43. URL: https://moluch.ru/young/archive/90/4926
5. Готовит ребенка к принятию антиценностей. Представитель РПЦ рассказал о связи квадробинга и ЛГБТ // Фонтанка.ру. 13.10.2024. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/13/74206061/
6. Грушевская В. Детки в клетках: стоит ли бояться кадроберов и кто монетизирует зверскую субкультуру // Деловой Петербург. 06.10.2024. ISSN 1606-1829. URL: https://www.dp.ru/a/2024/10/06/detki-v-kletkah-stoit-li
7. Донец Т.А. Стимулирующие факторы вовлечения современных подростков в общественно полезную деятельность // Современные проблемы науки и образования. 2026. № 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34432
8. Егорова А. «Мы не Пети и не Вовы, мы собаки и коровы...»: кто же это такие — квадроберы? // Кубанские новости. 08.10.2024. URL: https://kubnews.ru/obshchestvo/2024/10/08/my-ne-peti-i-ne-vovy-my-sobaki-i-korovy-kto-zhe-eto-takie-kvadrobery-/
9. Емельяненко В. Жить на четвереньках: Подражание детей животным — субкультура или сигнал беды? // Российская газета. 03.10.2024. № 189(9431). URL: https://rg.ru/2024/08/25/zhit-na-chetverenkah.html
10. Заседание наблюдательного совета «Движения первых» // Президент России. 26.03.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76536
11. Кара И.С. Профилактика буллинга среди несовершеннолетних в школе // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 2. С. 212–219.
12. Квадроберы: кто это простыми словами, что такое квадробика, откуда пошло движение, запрет // РИА Новости. 21.10.2024. URL: https://ria.ru/20241021/kvadrobery-1977472996.html

13. Кириллова А. Квадробика: почему дети притворяются животными и бегают на четвереньках. Как появился новый подростковый тренд // Тинькофф Журнал. 06.06.2024. URL: https://t-j.ru/quadrobics/
14. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025.
15. Лисицына М., Канаев П. Как, почему и зачем квадроберы стали «политтехнологическим случаем» // РБК. 19.10.2024. URL: https://www.rbc.ru/society/19/10/2024/67111df59a79474867f34a69
16. Орлов Ю. Взрослые и дети нападают на квадроберов — почему так много ненависти к субкультуре подростков // E1.ру. 10.09.2024. URL: https://www.e1.ru/text/family/2024/09/10/74068259/
17. Пономарева Н. Кто такие квадроберы, или зачем подростки притворяются животными? // Интерфакс-Россия. URL: https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/kto-takie-kvadrobery-ili-zachem-podrostki-pritvoryayutsya-zhivotnymi
18. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/578685-8
19. Психическая болезнь или просто игра: кто такие квадроберы и почему с ними борются в Госдуме // УРА.РУ. URL:
20. Рудевич И. Квадробика: что такое, кто придумал, запретят ли в России // РБК Life. URL: https://www.rbc.ru/life/news/664e35529a79474cead17153
21. Ученые выяснили, к чему стремятся российские подростки // РИА Новости. 11.12.2025. URL: https://ria.ru/20190726/1556881572.html
22. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. Избранные труды. 2-е изд. Москва: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004.
23. Что делать родителям с ребенком-квадробером: советы психолога // E1.ру. 13.10.2024. URL: https://www.e1.ru/text/family/2024/10/13/74197898/
24. Bagautdinov F.N. Mentor in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency. Legality, 2025, no. 6, pp. 56–58.
25. Criminology: Textbook for Universities / ed. by O.S. Kapinus. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025.
26. Donets T.A. Stimulating Factors for Involving Modern Adolescents in Socially Useful Activities. Modern Problems of Science and Education, 2026, no. 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34432
27. Egorova A. “We are not Pety and not Vovy, we are dogs and cows...”: Who are the Quadrobers? Kuban News, 08.10.2024. URL: https://kubnews.ru/obshchestvo/2024/10/08/my-ne-peti-i-ne-vovy-my-sobaki-i-korovy-kto-zhe-eto-takie-kvadrobery-/
28. Emelianenko V. Living on All Fours: Is Children’s Imitation of Animals a Subculture or a Sign of Trouble? Rossiyskaya gazeta, 03.10.2024, no. 189(9431). URL: https://rg.ru/2024/08/25/zhit-na-chetverenkah.html
29. Feldstein D.I. Psychology of Adolescence: Structural and Content Characteristics of the Process of Personal Development. Selected Works. 2nd ed. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute: Flinta, 2004.
30. Gerasimova E.N., Samorodova I.A. Volunteering: Significance and Opportunities in Teenage Life. Young Scientist, 2025, no. 5 (90), pp. 41–43. URL: https://moluch.ru/young/archive/90/4926
31. Grushevskaya V. Children in Cages: Should We Be Afraid of the Cyborgs and Who Monetizes the Brutal Subculture. Business Petersburg, 06.10.2024. ISSN 1606-1829. URL: https://www.dp.ru/a/2024/10/06/detki-v-kletkah-stoit-li
32. In the Russian Orthodox Church, they spoke about the quadrober subculture. TASS, 2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21863135
33. Kara I.S. Prevention of bullying among minors at school. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 212–219.
34. Kirillova A. Kvadrobika: why children pretend to be animals and run on all fours. How a new teenage trend appeared. Tinkoff Journal, 06.06.2024. URL: https://t-j.ru/quadrobics/
35. Kvadrobery: who is it in simple words, what is quadrobics, where did the movement come from, the ban. RIA Novosti, 21.10.2024. URL: https://ria.ru/20241021/kvadrobery-1977472996.html
36. Lisitsyna M., Kanaev P. How, Why, and Why Quadrobbers Became a “Political Technology Case”. RBC, 19.10.2024. URL: https://www.rbc.ru/society/19/10/2024/67111df59a79474867f34a69
37. Meeting of the Supervisory Board of the “Movement of the First”. President of Russia, 26.03.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76536
38. Mental illness or just a game: who are the Quadrobers and why are they being fought against in the State Duma. URA.RU. URL:
39. Orlov Yu. Adults and children are attacking quadrobers — why is there so much hatred for the subculture of teenagers. E1.ru, 10.09.2024. URL: https://www.e1.ru/text/family/2024/09/10/74068259/
40. Ponomareva N. Who are quadrobers, or why do teenagers pretend to be animals? Interfax-Russia. URL: https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/kto-takie-kvadrobery-ili-zachem-podrostki-pritvoryayutsya-zhivotnymi
41. Prepares a child for the adoption of anti-values. A representative of the Russian Orthodox Church spoke about the connection between quadrobing and LGBT. Fontanka.ru, 13.10.2024.

URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/13/74206061/
42. Rudevich I. Quadrobica: what is it, who came up with it, will it be banned in Russia. RBC Life. URL: https://www.rbc.ru/life/news/664e35529a79474cead17153
43. Scientists have found out what Russian teenagers aspire to. RIA Novosti, 11.12.2025. URL: https://ria.ru/20190726/1556881572.html
44. The State Duma announced the preparation of a project to ban propaganda of the ideology of dehumanization. Izvestia, 20.07.2025. URL: https://iz.ru/1923485/2025-07-20/v-gd-soobshchili-o-podgotovke-proekta-po-zapretu-propagandy-ideologii-raschelovechivaniia
45. What to do for parents with a child-quadrober: advice of a psychologist. E1.ru, 13.10.2024. URL: https://www.e1.ru/text/family/2024/10/13/74197898/

Criminological Causes and Consequences of Certain Forms of Destructive Behavior in Adolescents on the Example of Quadrobics

Igor' S. Kara

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines, Theory and History of State and Law,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14, Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: kara-igor2009@yandex.ru

Abstract

A study was conducted of the causes of the spread in modern Russian society among adolescents of the quadrobics subculture and possible measures to overcome the fascination with this and other similar subcultures. According to a number of specialists, adolescents' fascination with any subculture is caused by the desire for self-identification and indicates that they do not know how to live and express their emotions in a human way. There arises a danger of the disinhibition of the sphere of empathy, the blunting of the sense of self-identity, the ignoring of legal and social norms of life, and their "dehumanization." Consequently, quadrobics is a variety of youth subcultures of destructive influence. The reason for joining such subcultures lies in the desire to join some activity in the absence of a real opportunity for adolescents to manifest their "adulthood," distinctiveness, and social significance in another socially acceptable way. Recognizing quadrobics at the legislative level as a destructive youth subculture will not solve the problem of its spread. It is far more promising to involve adolescents in socially recognized, socially approved activity in which the adolescent can express himself, being aware of his involvement in something socially significant, and feel treated as an adult, for example, involvement in the volunteer movement and other types of social activity, in close cooperation with adults. Then the adolescent will lose the desire to seek opportunities for self-affirmation in a youth subculture of an asocial, destructive nature.

For citation

Kara I.S. (2026) Kriminologicheskie prichiny i posledstviya nekotorykh form destruktivnogo povedeniya podrostkov na primere kvadrobinga [Criminological Causes and Consequences of Certain Forms of Destructive Behavior in Adolescents on the Example of Quadrobics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 416-426. DOI: 10.34670/AR.2026.19.49.044

Keywords

Quadrobics, destructive subculture, adolescent crisis, self-affirmation, period of growing up, prevention of deviant behavior, socialization of adolescents.

References

1. Bagautdinov F.N. (2025). Nastavnik v sfere profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh [Mentor in the Field of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency]. Zakonnost', 6, 56-58.
2. V GD soobshchili o podgotovke proyekta po zapretu propagandy ideologii raschelovechivaniya [The State Duma Announced the Preparation of a Draft Law Banning Propaganda of the Ideology of Dehumanisation]. (2025, July 20). Izvestia. Available at: https://iz.ru/1923485/2025-07-20/v-gd-soobshchili-o-podgotovke-proekta-po-zapretu-propagandy-ideologii-raschelovechivaniia
3. V RPTs vyskazalis' o subkul'ture kvadroberov [The Russian Orthodox Church Spoke about the Quadrober Subculture]. (2024). TASS. Available at: https://tass.ru/obschestvo/21863135
4. Gerasimova E.N., Samorodova I.A. (2025). Volonterstvo: znacheniye i vozmozhnosti v podrostkovoy zhizni [Volunteering: Significance and Opportunities in Teenage Life]. Yunyy uchenyy, 5(90), 41-43. Available at: https://moluch.ru/young/archive/90/4926
5. Gotovit rebenka k prinyatiyu antitsennostey. Predstavitel' RPTs rasskazal o svyazi kvadrobinga i LGBT [Prepares a Child for the Adoption of Anti-Values. A Representative of the Russian Orthodox Church Spoke about the Connection between Quadrobing and LGBT]. (2024, October 13). Fontanka.ru. Available at: https://www.fontanka.ru/2024/10/13/74206061/
6. Grushevskaya V. (2024, October 6). Detki v kletkakh: stoit li boyat'sya kadroberov i kto monetiziruyet zverskuyu subkul'turu [Children in Cages: Should We Be Afraid of Quadrobers and Who Monetises the Brutal Subculture]. Delovoy Peterburg. ISSN 1606-1829. Available at: https://www.dp.ru/a/2024/10/06/detki-v-kletkah-stoit-li
7. Donets T.A. (2026) Stimuliruyushchiye faktory vovlecheniya sovremennykh podrostkov v obshchestvenno poleznuyu deyatel'nost' [Stimulating Factors for Involving Modern Adolescents in Socially Useful Activities]. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya, 1. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34432
8. Egorova A. (2024, October 8). "My ne Peti i ne Vovy, my sobaki i korovy...": kto zhe eto takiye — kvadrobery? ["We Are Not Petya and Not Vova, We Are Dogs and Cows...": Who Are the Quadrobers?]. Kubanskiye novosti. Available at: https://kubnews.ru/obshchestvo/2024/10/08/my-ne-peti-i-ne-vovy-my-sobaki-i-korovy-kto-zhe-eto-takie-kvadrobery-/
9. Emelyanenko V. (2024, October 3). Zhit' na chetveren'kakh: Podrazhaniye detey zhivotnym — subkul'tura ili signal bedy? [Living on All Fours: Is Children's Imitation of Animals a Subculture or a Sign of Trouble?]. Rossiyskaya gazeta, 189(9431). Available at: https://rg.ru/2024/08/25/zhit-na-chetverenkah.html
10. Zasedaniye nablyudatel'nogo soveta "Dvizheniya pervykh" [Meeting of the Supervisory Board of the "Movement of the First"]. (2025, March 26). Prezident Rossii. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76536
11. Kara I.S. (2023). Profilaktika bullinga sredi nesovershennoletnikh v shkole [Prevention of Bullying among Minors at School]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 29(2), 212-219.
12. Kvadrobery: kto eto prostymi slovami, chto takoye kvadrobika, otkuda poshlo dvizheniye, zapret [Quadrobers: Who They Are in Simple Words, What Quadrobics Is, Where the Movement Came From, the Ban]. (2024, October 21). RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/20241021/kvadrobery-1977472996.html
13. Kirillova A. (2024, June 6). Kvadrobika: pochemu deti pritvoryayutsya zhivotnymi i begayut na chetveren'kakh. Kak poyavilsya novyy podrostkovyy trend [Quadrobics: Why Children Pretend to Be Animals and Run on All Fours. How a New Teenage Trend Appeared]. Tin'koff Zhurnal. Available at: https://t-j.ru/quadrobics/
14. Kapinus O.S. (ed.) (2025). Kriminologiya [Criminology] (2nd ed.). Yurayt.
15. Lisitsyna M., Kanaev P. (2024, October 19). Kak, pochemu i zachem kvadrobery stali "polittekhnologicheskim sluchayem" [How, Why and Why Quadrobers Became a "Political Technology Case"]. RBK. Available at: https://www.rbc.ru/society/19/10/2024/67111df59a79474867f34a69
16. Orlov Yu. (2024, September 10). Vzroslyye i deti napadayut na kvadroberov — pochemu tak mnogo nenavisti k subkul'ture podrostkov [Adults and Children Attack Quadrobers — Why Is There So Much Hatred towards the Teenage Subculture]. E1.ru. Available at: https://www.e1.ru/text/family/2024/09/10/74068259/
17. Ponomareva N. Kto takiye kvadrobery, ili zachem podrostki pritvoryayutsya zhivotnymi? [Who Are Quadrobers, or Why Do Teenagers Pretend to Be Animals?]. Interfaks-Rossiya. Available at: https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/kto-takie-kvadrobery-ili-zachem-podrostki-pritvoryayutsya-zhivotnymi
18. Poyasnitel'naya zapiska k proyektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii" [Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/578685-8

19. Psikhicheskaya bolezn' ili prosto igra: kto takiye kvadrobery i pochemu s nimi boryutsya v Gosdume [Mental Illness or Just a Game: Who Are the Quadrobers and Why They Are Being Fought in the State Duma]. URA.RU. Available at:
20. Rudevich I. Kvadrobika: chto takoye, kto pridumal, zapretyat li v Rossii [Quadrobics: What It Is, Who Invented It, Will It Be Banned in Russia]. RBK Life. Available at: https://www.rbc.ru/life/news/664e35529a79474cead17153
21. Uchenyye vyyasnili, k chemu stremyatsya rossiyskiye podrostki [Scientists Have Found Out What Russian Teenagers Aspire To]. (2025, December 11). RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/20190726/1556881572.html
22. Fel'dshteyn D.I. (2004). Psikhologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel'nyye kharakteristiki protsessa razvitiya lichnosti. Izbrannyye trudy [Psychology of Growing Up: Structural and Content Characteristics of the Process of Personal Development. Selected Works] (2nd ed.). Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut: Flinta.
23. Chto delat' roditelyam s rebenkom-kvadroberom: sovety psikhologa [What Parents Should Do with a Quadrober Child: Advice from a Psychologist]. (2024, October 13). E1.ru. Available at: https://www.e1.ru/text/family/2024/10/13/74197898/
24. Bagautdinov F.N. (2025). Mentor in the Field of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency. Legality, 6, 56-58.
25. Kapinus O.S. (ed.) (2025). Criminology: Textbook for Universities (2nd ed.). Yurayt Publishing House.
26. Donets T.A. (2026) Stimulating Factors for Involving Modern Adolescents in Socially Useful Activities. Modern Problems of Science and Education, 1. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34432
27. Egorova A. (2024, October 8). "We Are Not Pety and Not Vovy, We Are Dogs and Cows...": Who Are the Quadrobers? Kuban News. Available at: https://kubnews.ru/obshchestvo/2024/10/08/my-ne-peti-i-ne-vovy-my-sobaki-i-korovy-kto-zhe-eto-takie-kvadrobery-/
28. Emelianenko V. (2024, October 3). Living on All Fours: Is Children's Imitation of Animals a Subculture or a Sign of Trouble? Rossiyskaya gazeta, 189(9431). Available at: https://rg.ru/2024/08/25/zhit-na-chetverenkah.html
29. Feldstein D.I. (2004). Psychology of Adolescence: Structural and Content Characteristics of the Process of Personal Development. Selected Works (2nd ed.). Moscow Psychological and Social Institute: Flinta.
30. Gerasimova E.N., Samorodova I.A. (2025). Volunteering: Significance and Opportunities in Teenage Life. Young Scientist, 5(90), 41-43. Available at: https://moluch.ru/young/archive/90/4926
31. Grushevskaya V. (2024, October 6). Children in Cages: Should We Be Afraid of the Quadrobers and Who Monetizes the Brutal Subculture. Business Petersburg. ISSN 1606-1829. Available at: https://www.dp.ru/a/2024/10/06/detki-v-kletkah-stoit-li
32. In the Russian Orthodox Church, They Spoke about the Quadrober Subculture. (2024). TASS. Available at: https://tass.ru/obschestvo/21863135
33. Kara I.S. (2023). Prevention of Bullying among Minors at School. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 29(2), 212-219.
34. Kirillova A. (2024, June 6). Kvadrobika: Why Children Pretend to Be Animals and Run on All Fours. How a New Teenage Trend Appeared. Tinkoff Journal. Available at: https://t-j.ru/quadrobics/
35. Kvadrobery: Who Is It in Simple Words, What Is Quadrobics, Where Did the Movement Come From, the Ban. (2024, October 21). RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/20241021/kvadrobery-1977472996.html
36. Lisitsyna M., Kanaev P. (2024, October 19). How, Why, and Why Quadrobers Became a "Political Technology Case". RBC. Available at: https://www.rbc.ru/society/19/10/2024/67111df59a79474867f34a69
37. Meeting of the Supervisory Board of the "Movement of the First". (2025, March 26). President of Russia. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76536
38. Mental Illness or Just a Game: Who Are the Quadrobers and Why Are They Being Fought against in the State Duma. URA.RU. Available at:
39. Orlov Yu. (2024, September 10). Adults and Children Are Attacking Quadrobers — Why Is There So Much Hatred for the Subculture of Teenagers. E1.ru. Available at: https://www.e1.ru/text/family/2024/09/10/74068259/
40. Ponomareva N. Who Are Quadrobers, or Why Do Teenagers Pretend to Be Animals? Interfax-Russia. Available at: https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/kto-takie-kvadrobery-ili-zachem-podrostki-pritvoryayutsya-zhivotnymi
41. Prepares a Child for the Adoption of Anti-Values. A Representative of the Russian Orthodox Church Spoke about the Connection between Quadrobing and LGBT. (2024, October 13). Fontanka.ru. Available at: https://www.fontanka.ru/2024/10/13/74206061/
42. Rudevich I. Quadrobica: What Is It, Who Came Up with It, Will It Be Banned in Russia. RBC Life. Available at: https://www.rbc.ru/life/news/664e35529a79474cead17153
43. Scientists Have Found Out What Russian Teenagers Aspire To. (2025, December 11). RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/20190726/1556881572.html
44. The State Duma Announced the Preparation of a Draft Law Banning Propaganda of the Ideology of Dehumanisation. (2025, July 20). Izvestia. Available at: https://iz.ru/1923485/2025-07-20/v-gd-soobshchili-o-podgotovke-proekta-po-zapretu-propagandy-ideologii-raschelovechivaniia
45. What to Do for Parents with a Quadrober Child: Advice from a Psychologist. (2024, October 13). E1.ru. Available at: https://www.e1.ru/text/family/2024/10/13/74197898/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.60.53.045**

О современной концепции реформирования института медиации в России

Первухина Светлана Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: time4resolve@gmail.com

Аннотация

Автором статьи проведён анализ многолетней практики применения института медиации в России; выявлены ключевые проблемы реализации данного института как эффективного способа примирения сторон; изложена перспектива и направление дальнейшего реформирования законодательства в сфере медиации. Эмпирическую основу работы составили данные официальной судебной статистики о применении примирительных процедур, а также опыт научно-практического проекта «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве», реализуемого Российским государственным университетом правосудия им. В.М. Лебедева с 2020 года: обучение профессиональных медиаторов, организация их стажировок в судах, администрирование медиаций по судебным делам. Рассмотрены обсуждаемые законодательные инициативы, касающиеся требований к медиаторам, статуса организаций, обеспечивающих проведение примирительных процедур, и саморегулирования; показано, что развитие практики примирения зависит не столько от детализации правового регулирования, сколько от формирования общественного запроса на медиацию и поддержки профессии медиатора. Предложены точечные изменения статей 4, 13, 15 и 16 Федерального закона о медиации, уточнение понятий соглашения о применении медиации и соглашения о проведении медиации, создание единого информационного портала медиаторов, корректировка налогового статуса медиатора и выделение медиации в самостоятельный вид экономической деятельности. Сделаны выводы о необходимости внесения изменений в действующее законодательство о медиации; необходимости точечного реформирования организационных основ медиации и усиления государственной поддержки института медиации и профессиональных медиаторов с целью популяризации данной процедуры среди населения.

Для цитирования в научных исследованиях

Первухина С.И. О современной концепции реформирования института медиации в России // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 427-438. DOI: 10.34670/AR.2026.60.53.045

Ключевые слова

Примирительные процедуры, медиация, суд, профессиональный медиатор, реформирование законодательства о медиации, статус медиатора.

Введение

Почти 15 лет прошло с принятия Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее - ФЗ о медиации). Сделано много попыток внедрения медиации в разные сферы правоприменительной практики. Однако приходится признать, что до сих пор эта процедура не приобрела должной популярности ни среди юристов, ни среди конфликтующих сторон правоотношений. Официальная судебная статистика свидетельствует о крайне низкой востребованности примирительных процедур. В 2024 г. всего судами общей юрисдикции в результате использования медиации и судебного примирения было прекращено 1087 гражданских дел и 12 административных дел; арбитражными судами прекращено в связи с заключением сторонами медиативного соглашения только 17 судебных производств; Судом по интеллектуальным правам – 0. Для судов общей юрисдикции данные статистики можно сравнить с 2013 г., когда такое основание как прекращение производство по делу в связи с заключением медиативного соглашения впервые было выделено в качестве отдельной строки годовых статистических отчетов; для арбитражных судов – с 2021 г.. Рост незначительный. В 2013 г. судами общей юрисдикции по итогам медиации прекращено 878 судебных производств; арбитражными судами в 2021 г. – 2 (Данные судебной статистики доступны на сайте Судебного департамента при ВС РФ https://cdep.ru/?id=79).

Стоит напомнить, что практика медиации начала складываться задолго до принятия ФЗ о медиации. Первая примирительная процедура в России была проведена еще в начале 1990-х гг [Аллахвердова, Иванова, 2007]. С тех пор разрешение разногласий между спорящими сторонами при содействии нейтрального лица без вмешательства юрисдикционных органов рассматривалось в качестве перспективного средства снижения судебной нагрузки и нормализации общественных отношений. При этом специальное правовое регулирование на тот момент отсутствовало, что расценивалось как основное препятствие широкому распространению медиации как социально-полезного института. К сожалению, в связи с принятием ФЗ о медиации кардинальных изменений в части развития практики примирения не произошло.

В научных кругах положения ФЗ о медиации не раз подвергались критике [Севастьянов, 2010]. Много слов коллегами высказывалось об отсутствие юридических гарантий для участников внесудебных примирительных процедур и слабой интеграции медиации в процессуальное законодательство. Большие сомнения у специалистов вызывала заложенная организационная модель медиации: ни раз обсуждалась необходимость создание саморегулируемой организации [Аллахвердиева, 2010], статус медиатора, в том числе смысл выделения в законе непрофессиональных медиаторов, необходимость разработки единых стандартов и программ обучения медиаторов [Морозов, 2010]. В тоже время звучали опасения об излишней юридизации института медиации [Носырева, 2010]. Оглядываясь назад, можно отметить, что многие сомнения оказались верными. Нормы ФЗ о медиации, вызывавшие протест в научных кругах, действительно слабо способствовали востребованности этой процедуры.

Попытка стимулировать развитие практики примирения была предпринята в 2019 г., когда Верховный Суд РФ выступил с инициативой о совершенствовании примирительных процедур. В результате был принят большой пакет законодательных изменений. Теперь, внесудебные медиативные соглашения могут быть удостоверены нотариально, что придает им исполнительную силу; примирение сторон выделено в качестве задачи цивилистического

процесса; суду предоставлено право инициировать примирительные процедуры; введено судебное примирение на бесплатной для участников судопроизводства основе. Казалось бы, создана необходимая и достаточная для эффективного развития примирения нормативно-правовая база, однако существенного роста популярности и количества примирительных процедур снова не произошло.

Судя по всему, следует сделать вывод, что качество правового регулирования влияет на развитие медиации, однако оказывается далеко не ключевым фактором, от которого зависит рост и развитие практики.

27 июня 2024 г. в рамках XII Петербургского международного юридического форума по инициативе Минюста России состоялось проведение сессии «Давай мириться: медиация или медитация?». Представителями Минюста России были озвучены очередные предложения, направленные на совершенствование законодательства в сфере медиации. В этот раз речь шла о минимальных требованиях к медиаторам и к статусу организаций, обеспечивающих проведение примирительных процедур, о необходимости выработки единых профессиональных стандартов, о создании реестра медиаторов и саморегулируемой организации для обеспечения доступа к профессии и осуществлении контроля деятельности практикующих медиаторов.

25 февраля 2025 г. в рамках Международной научно-практической конференции «Примирительные процедуры в Российской Федерации: актуальное состояние и перспективы развития», организованной ИГП РАН были еще раз озвучены важность и необходимость применения института медиации в качестве одного из способов урегулирования споров. В своих выступлениях докладчики вновь говорили о необходимости детализации правого регулирования института примирения, введения мер государственного контроля за деятельностью медиаторов.

Кажется, что спустя время происходит очередной вираж в развитии института примирения: констатируются те же самые проблемы, что и 15 лет назад, и предлагается аналогичный, уже испробованный подход к их решению – через принятие новых законов.

Безусловно, действующее законодательство о медиации требует доработки.

Однако взятый государством курс исключительно на построение архитектуры института медиации без конкретных мер, направленных на развитие практики, выглядит спорно.

В настоящее время запрос на медиацию со стороны частных лиц и организаций только начинает формироваться и имеет ярко выраженную региональность. Запрос со стороны органов государственной власти и публичных образований на применение медиации, по сути, отсутствует несмотря на то, что с 2019 г. законом предусмотрена возможность проведения медиации по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Учитывая социальную значимость эффектов, которые способно создать применение медиации, государство могло бы способствовать формированию запроса на медиацию через интегрирование технологий примирения в работу государственных органов, а также используя примирительные процедуры для разрешения споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений как в досудебном порядке, так и в рамках административного и арбитражного судопроизводств.

Материалы и методы исследования

С 2020 г. Российским государственным университетом правосудия им. В. М. Лебедева (далее - Университет) реализуется научно-практический проект «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве» (далее - Проект). В рамках данного

проекта Университет осуществляет обучение профессиональных медиаторов, организует их стажировки в судах разных регионов России; осуществляет обучение судей по программе повышения квалификации в области примирительных процедур; администрирует проведение медиаций. Несмотря на профессионализм задействованных в Проекте медиаторов, безвозмездность и последовательность в организации практической и информационно-методической работы в судах, стабильного потока примирительных процедур создать не удается. В общей сложности ежегодно в Проекте проводится не более 100 медиаций по судебным делам.

В качестве основной проблемы развития практики примирения на этапе судебного разбирательства судьи отмечают низкую информированность и незаинтересованность сторон, которых, в сущности, приходится уговаривать попробовать обратиться к медиатору (даже при условии безвозмездности медиации, например, в рамках Проекта). Такую проблему вряд ли можно решить за счет правового регулирования или создания новых организационных структур для медиаторов. Для этого важно задействовать СМИ и ресурсы киноиндустрии, использовать социальную рекламу и интегрировать медиацию в образовательный процесс в качестве предмета для изучения и практики регулирования конфликтов.

Важно, что судейское сообщество положительно относится к медиации как инструменту снижения нагрузки; видит перспективы развития медиации в условиях увеличения государственных пошлин, сроков судебного разбирательства и введения обязательной медиации по отдельным категориям дел.

Результаты и обсуждение

Сегодня, наиболее активно обсуждаются законодательные инициативы по трем вопросам:

1) требования к медиаторам – установление повышенного образовательного и возрастного цензов, обязательного прохождения квалификационного экзамена и включения в реестр медиаторов;

2) статус организаций, осуществляющих деятельность по проведению примирительных процедур – организационная форма и обязательность членства в СРО;

3) вопросы саморегулирования – о виде и необходимости создания единой СРО.

Все вышеперечисленные направления касаются реформирования организационных основ медиации. Представляется, что их важно совместить с минимальными шагами, направленными на поддержку медиаторов и их практики; упрощение работы суда со сторонами при инициировании примирительных процедур. Рассмотрим, какие изменения в законодательстве могут быть действительно полезны для развития медиации.

Требования, предъявляемых к медиаторам. В настоящее время деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Такой подход законодателя изначально вызывал много критики. В научной литературе даже предлагалось выделить профессионализм как один из принципов проведения процедуры медиации [Комментарий к ФЗ «Об альтернативной процедуре…», 2012].

Действительно, осуществление деятельности в области медиации требует специальной подготовки, профессионального подхода и жизненного опыта. Высокий уровень образования важен для грамотного и качественного проведения процедуры. В связи с этим следует устранить возможность проводить медиацию на непрофессиональной основе и ввести требования к уровню подготовки специалистов в области медиации.

Опыт обучения профессиональных медиаторов свидетельствует о том, что устойчивые медиативные навыки могут быть сформированы при обучении в интерактивном формате (очно либо дистанционно), при обязательном личном участии слушателей программы и выполнении заданий. Заочные формы обучения путем прослушивания лекций оказываются неэффективными. Хорошо зарекомендовали себя стажировки медиаторов в судах, когда участники образовательных программ могли применить полученные знания и навыки в работе со сторонами судопроизводства путем проведения информационных встреч и примирительных процедур под контролем и с методической поддержкой опытных медиаторов. В настоящее время на рынке представлены самые разные программы дополнительного профессионального обучения в объеме от 16 академических часов. Формально-юридически каждая из них достаточна для осуществления деятельности медиатора на профессиональной основе. Однако вряд ли такой подход оправдан. Полагаем, что сложившуюся ситуации можно скорректировать разъяснениями Минобрнауки РФ о минимальном необходимом объеме часов обучения.

Для судей в отставке, изъявивших желание осуществлять деятельность медиаторов, стоит предусмотреть аналогичные требования в части обязательного прохождения дополнительной подготовки. Несмотря на внушительный опыт в области отправления правосудия и разрешения правовых споров, для успешного проведения медиации требуется специальные знания и навыки в области управления коммуникацией и конфликтным взаимодействием сторон. В настоящее время, программы повышения квалификации судей, проводимые в РГУП им. В.М. Лебедева, предусматривают занятия по медиации и примирительным процедурам, однако их оказывается недостаточно для успешного формирования нужных в работе медиативных навыков.

Если наличие образовательного ценза не вызывает сомнений, то требования относительно минимального возраста медиатора могут быть пересмотрены. Накопленный с возрастом опыт не означает релевантный; старший возраст не всегда свидетельствует о мудрости, но иногда и об определённой степени ригидности, особенно в современном стремительно меняющемся мире. Большое количество молодежи в бизнесе делает востребованными молодых медиаторов.

Личный опыт работы со студентами свидетельствует, что навык проведения медиации успешно формируется у молодых людей в возрасте до 25 лет. Зачатую, они быстрее учатся и качественнее ведут процедуру, чем старшие по возрасту коллеги. Существующие в законе возрастные ограничения при подтвержденной квалификации и высоком уровне профессионализма выглядят спорно.

Таким образом, ключевыми требованиями к медиаторам могут являться: наличие полной дееспособности; наличие высшего образования; получение дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации с присвоением соответствующей квалификации.

Дискуссионным остаются вопросы о необходимости прохождения квалификационного экзамена и включения в специальный реестр в качестве обязательного требования для приобретения статуса медиатора.

С одной стороны, это, безусловно, поможет провести ревизию кадров, исключить недобросовестных специалистов, поддержать авторитет медиаторов и доверие к профессии среди участников гражданских правоотношений. В тоже время участники медиации самостоятельно выбирают медиатора (нет обязанности обратиться к конкретному специалисту согласно территориальной или предметной компетенции); вправе согласовать дополнительные требования к квалификации медиатора; прекратить примирительную процедуру по любой причине, в том числе из-за несоответствия квалификации медиатора ожиданиям. Введение

квалификационных экзаменов представляется сложной задачей, качественная реализация которой возможна только после разработки стандартов практики и унификации программ обучения. Для этого необходимо проведение глубокого исследования технологии проведения примирительной процедуры и разработка соответствующих методик, учитывающих отраслевую специфику в медиации. Сопоставляя преимущества введения квалификационного экзамена и усилия, необходимые для его реализации, приходится признать, что сейчас это неоправданная мера, реализация которой возможна только в долгосрочной перспективе.

Намного важнее упростить для сторон выбор медиатора. Идея создания единого реестра медиаторов привлекательна тем, что это удобно для поиска нужного специалиста, особенно в отдаленных от региональных центров местностях. Частой проблемой при разъяснении судьей участникам процесса права на медиацию является то, что при согласии сторон с примирительной процедурой у судьи нет простого ответа на вопрос, где и как найти медиатора. Единый реестр, безусловно, поможет решить эту задачу. Пожалуй, это единственное, ради чего его, действительно, стоит создать.

Очевидно, что для такой цели достаточно и единого информационного ресурса в сети Интернет о примирительных процедурах и практикующих медиаторах. Размещение информации на таком ресурсе может осуществляться медиаторами самостоятельно, в унифицированной форме, по итогам модерации администраторами платформы, проверки документов и предоставляемых сведений. При этом размещение информации может осуществляться только при предоставлении документов, подтверждающих квалификацию и прохождение профессионального обучения в определенном объеме часов согласно разъяснениям компетентных органов. Такой информационный ресурс может быть интегрирован с другими электронными сервисами, а в перспективе использоваться для проведения онлайн медиаций.

Таким образом, для целей развития практики статьи 15 и 16 ФЗ о медиации требуют минимальной корректировки: 1) исключить возможность осуществления медиации на непрофессиональной основе; 2) убрать возрастной ценз.

В качестве дополнительных мер, направленных на повышение статуса и профессионализма медиаторов компетентными органами могут быть 1) приняты разъяснения относительно объема необходимой профессиональной подготовки; 2) создан единый информационный портал профессиональных медиаторов с подтвержденной квалификацией и с возможностью поиска по специализации и регионам.

Налоговый статус медиатора. Одним из ограничений инициативной и активной работы медиаторов по развитию практики медиации на сегодняшний день является налоговый статус медиатора. На данный момент медиатор обязан встать на налоговый учет в качестве медиатора, оплачивать НДФЛ с дохода и обязательный платеж в Социальный фонд России. Фиксированный платеж в СФР при доходе менее 300 тыс. руб. в 2025 году составляет 53 658 р., уплачивается вне зависимости от наличия дохода, и воспринимается в профессиональном сообществе в качестве ежегодной платы за статус. При отсутствии стабильной практики и дохода, начинающие медиаторы не встают на налоговый учет, как результат - не стремятся развивать практику и официально вести примирительные процедуры; со временем теряют интерес к работе медиатора и уходят из профессии. В совокупности с обязательными членскими взносами и планируемым созданием СРО - быть медиатором может стать слишком дорого.

Многие виды профессиональной деятельности и работа представителей творческих или «помогающих» профессий по своей сути не являются предпринимательской (например,

психологическая помощь). Однако для целей налогообложения и организации своей работы такие специалисты используют статусы ИП, для организаций – ООО, что достаточно удобно.

В связи с изложенным, предлагается рассмотреть возможность внесения изменений в налоговое законодательство и разрешить медиаторам использовать специальный налоговый режим для самозанятых граждан, регистрировать ИП или ООО. Для этого в ФЗ о медиации предлагается внести изменения и определить деятельность медиатора как самостоятельный вид профессиональной деятельности.

Организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения медиации. В настоящее время медиацию предлагают различные по своей организационно-правовой форме юридические лица: некоммерческие - как правило, существующие за счет грантовых программ; коммерческие – существующие за счет другой доходной деятельности; адвокатские образования.

Эта картина представляется весьма закономерной в условиях отсутствия стабильного запроса на медиацию. Жить только за счет доходов от медиации невозможно, особенно за пределами Москвы и Санкт-Петербурга.

Мерой поддержки деятельности в области медиации может быть признание фактически складывающегося порядка в качестве легитимного.

Упростить, упорядочить и учесть деятельность в области медиации может помочь внесение изменений в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. На данный момент Профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)» относит медиацию к следующим видам экономической деятельности:

70.22 Консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления;

82.99 Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки;

96.09 Предоставление прочих персональных услуг, не включенных в другие группировки.

Вместо этого может быть предусмотрен один специальный ОКВЭД для осуществляя деятельности по обеспечению проведения примирительных процедур и медиации.

При этом определение «организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения медиации» можно оставить в текущей редакции закона.

Дополнительно, можно предусмотреть требования к организациям, обеспечивающим проведение примирительных процедур. Так, коммерческие организации могут осуществлять деятельность по обеспечению проведения медиации, если в их штате имеется не менее одного медиатора, соответствующего требованиям ФЗ о медиации. Некоммерческие организации могут иметь право вести реестр медиаторов, отвечающих требованиям закона. При этом вряд ли стоит ограничивать для медиаторов возможность состоять в нескольких реестрах некоммерческих организаций.

Для обеспечения деятельности в области медиации организации должны иметь возможность принимать правила проведения процедуры медиации. Для унификации локального регулирования компетентными органами могут приниматься типовые правила и регламенты, устанавливающие минимальные стандарты деятельности.

Открытым остается вопрос об осуществлении контроля деятельности таких организаций. В научных и профессиональных кругах активно обсуждается необходимость саморегулирования или создания Федеральной палаты медиаторов [Фильченко, 2010].

ФЗ о медиации допускает возможность создания СРО смешенного типа, членство в которой

на сегодняшний день не является обязательным (ст. 18 ФЗ о медиации). С 2010 годы было 4 попытки создания СРО. На данный момент действует 3 СРО медиаторов: последняя была зарегистрирована в 2025 году. Ни одна из действующих СРО пока не приобрела существенного веса.

Учитывая характер деятельности медиаторов, идея создание Федеральной палаты медиаторов выглядит более логичной, чем саморегулирование. Тем более, что за 15 лет существования ФЗ о медиации саморегулирование в сфере медиации не сложилось. Федеральная палата медиаторов могла бы осуществлять функции регулирования и контроля деятельности медиаторов и организаций, обеспечивающих проведение примирительных процедур. Однако, учитывая текущий уровень развития практики медиации, создание такой структуры видится преждевременной. Представляется, что сейчас основной и самой полезной функцией Палаты или СРО является ведение единого реестра медиаторов, задачи которого могут быть решены проще и дешевле способами, описанными выше.

Таким образом, в части определения статуса организаций, обеспечивающих проведение примирительных процедур и саморегулирования ФЗ о медиации также требует минимальных изменений. Стоит конкретизировать допустимую организационно-правовую форму организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения медиации, и включить минимальные требования к ним. Вопросы саморегулирования определены исчерпывающим образом. Создание Федеральной палаты медиаторов может рассматриваться в более отдаленной перспективе. Необходимой мерой, направленной на упорядочивание практики, является выделение медиации в качестве самостоятельного вида экономической деятельности с присвоением соответствующего кода в классификации.

Помимо организационных аспектов, есть ряд иных вопросов, требующих внимания законодателя.

1. В действующей редакции ФЗ о медиации соглашение о применении медиации и соглашение о проведении медиации частично дублируют друг друга. Исходя из легальных определений, закрепленных в ст. 2 ФЗ о медиации, оба соглашения могут заключаться сторонами после возникновения спора и выражать намерение использовать медиацию для урегулирования разногласий. Это порождает лишнюю путаницу в правоприменительной практике. Предлагается четко закрепить, что соглашение о применении выражает договорённость сторон об использовании медиации и может заключаться только до возникновения разногласий в форме самостоятельного документа либо медиативной оговорки в договоре. Соглашение о проведении медиации – договоренность о начале медиации, в том числе во исполнение соглашения о применении, которое заключается после возникновения спора.

Такой порядок отражает складывающуюся практику.

Кроме того, на данный момент соглашение о проведении процедуры медиации заключается между сторонами. При этом в нем содержатся вопросы проведения медиации и порядка оплаты процедуры, то есть урегулированы отношения между сторонами и медиатором.

На практике сложилось два подхода регулирования отношений между сторонами и медиатором:

- соглашением о проведении медиации, которое оформляется с участием медиатора и носит, по сути, трехсторонний характер;

- соглашением о проведении медиации и договором оказания услуг.

Представляется, что практика заключения соглашения о проведении медиации, которое оформляется с участием медиатора и носит трехсторонний характер, более логична и правильна.

Такими образом, формулировки определений для указанных соглашений в ФЗ законе о медиации могут выглядеть следующим образом:

соглашение о применении медиации - соглашение, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров либо условие, включённое в договор сторон (медиативная оговорка) об урегулировании с применением медиации спора или споров, которые могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением;

соглашение о проведении медиации - соглашение, заключенное сторонами и медиатором о начале применения медиации в отношении спора или споров, возникших между сторонами.

2. В соответствии с действующим законом наличие между сторонами, заключенного соглашения о применении медиации не порождает обязательного досудебного порядка (ст. 4 и ст. 7 ФЗ о процедуре медиации).

Согласно нормам Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее ППВС РФ от 22.06.2021 № 18) медиация становится обязательным досудебным урегулированием спора в случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд (часть 1 статьи 4 ФЗ о процедуре медиации) или заменили предусмотренную федеральным законом процедуру досудебного урегулирования спора на медиацию при условии, что соответствующий федеральный закон позволяет изменить порядок такого урегулирования договором (например, часть 5 статьи 4 АПК РФ).

Стоит привести в соответствие нормы ФЗ о медиации и положения, изложенные в ППВС РФ от 22.06.2021 № 18, закрепив обязанность сторон исполнить заключенное до обращения в суд соглашение о применении медиации (медиативную оговорку) и соглашение о проведение медиации. При подаче искового заявления в суд до исполнения взятой на себя обязанности по проведению медиации, суд должен иметь право возвращать исковые заявления, а если такое неисполнение выяснено после возбуждения производства по делу в суде – оставлять дело без рассмотрения. Соответствующие изменения следует внести в процессуальное законодательство.

3. ФЗ о медиации содержит явные противоречия с действующим процессуальным законодательством. Так, согласно ч. 2 ст. 4 ФЗ о медиации после возбуждения производства по делу в суде стороны могут применить процедуру медиации в любой момент до принятия решения по спору соответствующим судом или третейским судом. Таким образом, применение медиации допускается только при рассмотрении спора судом первой инстанции.

Согласно процессуальному законодательству, примирение сторон возможно на любой стадии гражданского процесса и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено соответствующим процессуальным кодексом и не противоречит федеральному закону. Иными словами, какие-либо временные ограничения возможности применения примирительных процедур как процедурной формы реализации права на примирение отсутствуют.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 4 ФЗ о медиации отложение рассмотрения дела о споре в суде или третейском суде, а также совершение иных процессуальных действий определяется процессуальным законодательством. Использование юридического термина «отложение» по отношению ко всем видам судопроизводств некорректно. Отложение как временная обновка судебного процесса для целей примирения предусмотрено в рамках АПК РФ и ГПК РФ; согласно нормам КАС РФ судья обязан приостановить производство по делу в случае использования сторонами примирительных процедур.

Требуется скорректировать нормы ФЗ о медиации и привести их в соответствие с

действующим процессуальным законодательством. Например, ч. 2 ст. 4 ФЗ о медиации может быть изложена следующим образом: «2. Если спор передан на рассмотрение суда или третейского суда, стороны могут применить медиацию на любой стадии судебного процесса или арбитража и при исполнении судебного акта или арбитражного решения, если иное не установлено федеральным законом. Совершение процессуальных действий, связанных с проведением медиации при рассмотрении дела судом или третейским судом, определяется федеральным законом».

4. Представляется необоснованным ограничение срока проведения внесудебной медиации при наличии общей нормы о том, что медиатор стремится проводить медиацию с учетом необходимости скорейшего урегулирования спора; срок может быть установлен соглашением о проведении; стороны вправе в любой момент прекратить медиацию. В ч. 3 ст. 13 ФЗ о медиации предлагается исключить ограничения срока в 180 дней для внесудебной медиации, а текст нормы изложить следующим образом: «Срок проведения медиации после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, не должен превышать шестидесяти дней».

5. Согласно процессуальному законодательству, примирительные процедуры могут проводиться по инициативе судьи при согласии сторон. На практике стороны часто оставляют решение данного вопроса на усмотрение суда. Предлагается скорректировать указанные нормы и допустить возможность проведения примирительных процедур при отсутствии мотивированных возражений сторон. Такой вариант соответствует положениям, изложенным в ППВАС от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе».

Заключение

По итогам проведенного анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и предложенной концепции реформирования института медиации, представляется важным сделать 2 вывода:

1. На сегодняшний день принят необходимый и достаточный объем правового регулирования института медиации. Действующее законодательство требует предметной, можно сказать точечной доработки для приведения в соответствие с тенденциями правоприменительной практики и устранения противоречий, возникших в ходе изменения процессуального законодательства. Каких-либо кардинальных изменений для развития института не требуется. Пожалуй, единственного, чего, действительно, не хватает для активного развития института медиации – это политической воли на популяризацию медиации, в том числе через практику использования примирительных процедур в работе органов власти.

2. При реформировании института медиации важно выбрать ведущий критерий, с которым стоит сверять планируемы нововведения. На данный момент таким критерием может быть только развитие реальной практики примирения: будет ли способствовать конкретная мера росту востребованности медиации или нет? Сейчас любые изменения в законодательстве должны быть направлены, прежде всего, на популяризацию института медиации среди населения, поддержку профессии медиатора. Работа над созданием пусть даже стройной и понятной архитектуры отрасли выглядит чрезмерной и преждевременной. Ужесточение требований для доступа к профессии рискует обернуться снижением интереса со стороны профессионального сообщества развивать институт и продолжать работать в качестве медиаторов. Действенными практико-ориентированными мерами могут стать создание единого информационного портала медиаторов, признание медиации в качестве профессиональной деятельности и самостоятельного вида экономической деятельности, упрощение налогового

режима для медиаторов, распространение социальной рекламы и другие.

Хотелось бы отметить, что востребованность медиации является индикатором уровня развития общества и существующих в нем ценностей. Медиация представляется собой осознанный и зрелый подход к решению конфликтных ситуаций, когда участники спорных правоотношений понимают свои потребности, признают значимость интересов другой стороны, готовы к совместному поиску вариантов урегулирования спора, сотрудничеству и принятию ответственности за собственные решения. Развитие практики мирного урегулирования споров путем использования медиации является недооцененным средством для решения многих задач и реализации направлений государственной политики: в области формирования крепких социальных и экономических связей, уважительного отношения к закону, власти и обязательствам; укрепления социальных институтов, прежде всего, семьи и защиты детства; повышения эффективности в управлении; снижения конфликтности в обществе и как следствие уменьшения судебной нагрузки. Взращивание общества, в котором бережное отношение к личности, доверие, открытость, креативность, ответственность, общность целей имеют неоспоримую ценность, может быть самостоятельной целью государственной политики, для реализации которой необходим комплексный подход и качественный пример.

Библиография

1. Аллахвердиева О.В. Комментарий к законопроекту // Третейский суд. 2010. № 2 (68). С. 62–64.
2. Аллахвердова О.В., Иванова Е.В. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 67. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 76.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. Москва, 2012. 272 с.
4. Морозов М.Э. Отзыв на проект Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Третейский суд. 2010. № 2 (68). С. 56–58.
5. Носырева Е.И. Специальное правовое регулирование посредничества (анализ законопроекта) // Третейский суд. 2010. № 2 (68). С. 39–44.
6. Севастьянов Г.В. Специфика законотворчества в сфере альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2010. № 2 (68). С. 6–38.
7. Фильченко Д.Г. Саморегулирование деятельности посредников: необходимость или преждевременная мера? // Третейский суд. 2010. № 2 (68). С. 74–78.

On the Modern Concept of Reforming the Institution of Mediation in Russia

Svetlana I. Pervukhina

PhD in Law, Associate Professor,
Lebedev Russian State University of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: time4resolve@gmail.com

Abstract

The author of the article has conducted an analysis of the long-term practice of applying the institution of mediation in Russia; the key problems of implementing this institution as an effective way of reconciling the parties have been identified; the prospects and direction of further reforming of legislation in the sphere of mediation have been set out. The empirical basis of the work was

composed of data from official judicial statistics on the application of conciliation procedures, as well as the experience of the scientific-practical project "Conciliation Procedures in Civil and Administrative Proceedings," implemented by the Lebedev Russian State University of Justice since 2020: training of professional mediators, organization of their internships in courts, and administration of mediations in court cases. The legislative initiatives under discussion concerning requirements for mediators, the status of organizations ensuring the conduct of conciliation procedures, and self-regulation are examined; it is shown that the development of conciliation practice depends not so much on the detailing of legal regulation as on the formation of public demand for mediation and support for the profession of mediator. Point changes to Articles 4, 13, 15, and 16 of the Federal Law on Mediation are proposed, along with clarification of the concepts of an agreement on the application of mediation and an agreement on the conduct of mediation, the creation of a unified information portal for mediators, adjustment of the tax status of a mediator, and the designation of mediation as an independent type of economic activity. Conclusions are drawn about the need to amend the current legislation on mediation; the need for point reform of the organizational foundations of mediation and the strengthening of state support for the institution of mediation and professional mediators with the aim of popularizing this procedure among the population.

For citation

Pervukhina S.I. (2026) O sovremennoy kontseptsii reformirovaniya instituta mediatsii v Rossii [On the Modern Concept of Reforming the Institution of Mediation in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 427-438. DOI: 10.34670/AR.2026.60.53.045

Keywords

Conciliation procedures, mediation, court, professional mediator, reform of mediation legislation, status of mediator.

References

1. Allakhverdieva, O.V. (2010). Kommentariy k zakonoproektu [Commentary on the draft law]. Treteyskiy sud, (2(68)), 62–64.
2. Allakhverdova, O.V., & Ivanova, E.V. (2007). Istoriya razvitiya mediatsii [The history of the development of mediation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 67, (2(II)), 76.
3. Kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)" [Commentary on the Federal Law "On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)"] (2012). S.K. Zagainova, V.V. Yarkov (Eds.). Moscow.
4. Morozov, M.E. (2010). Otzyv na proekt Federal'nogo zakona "Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)" [Review of the draft Federal Law "On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)"]. Treteyskiy sud, (2(68)), 56–58.
5. Nosyreva, E.I. (2010). Spetsial'noe pravovoe regulirovanie posrednichestva (analiz zakonoproekta) [Special legal regulation of mediation (analysis of the draft law)]. Treteyskiy sud, (2(68)), 39–44.
6. Sevast'yanov, G.V. (2010). Spetsifika zakonotvorchestva v sfere al'ternativnogo razresheniya sporov [The specifics of lawmaking in the field of alternative dispute resolution]. Treteyskiy sud, (2(68)), 6–38.
7. Fil'chenko, D.G. (2010). Samoregulirovanie deyatel'nosti posrednikov: neobkhodimost' ili prezhdevremennaya mera? [Self-regulation of the activities of mediators: a necessity or a premature measure?]. Treteyskiy sud, (2(68)), 74–78.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.75.81.046**

Являются ли ограничения в оплате регистрационного, арбитражного и иных сборов безусловным препятствием в доступе к правосудию?

Климанов Егор Игоревич

Магистр права, юрист,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: egor.klimanov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, являются ли ограничения в оплате регистрационного, арбитражного и иных сборов безусловным препятствием в доступе к правосудию в условиях санкционных ограничений. Цель исследования — разработать критерии оценки препятствий в оплате арбитражных сборов и определить условия признания арбитражного соглашения неисполнимым. Методологическую основу составили анализ ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, практики арбитражных судов и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, а также сопоставление санкционных политик ведущих арбитражных учреждений — HKIAC, ICC, LCIA, SCC и ISTAC. Рассмотрены факторы, затрудняющие оплату сборов: отключение российских банков от системы SWIFT, иностранные ограничительные меры, российское контрсанкционное и валютное регулирование, а также комплаенс-проверки банков-корреспондентов. Автором предложена концепция разграничения препятствий в оплате на невозможность оплаты и затруднения в оплате. Установлено, что невозможность оплаты влечёт признание арбитражного соглашения неисполнимым, тогда как затруднения в оплате ограничивают доступ к правосудию только при их существенности, то есть когда они создают дисбаланс между сторонами, налагая на российскую сторону несоразмерные расходы или риски. Введение санкций создаёт презумпцию ограничения доступа к правосудию, которая может быть опровергнута доказательствами возможности оплаты через альтернативные каналы. Выводы могут быть использованы судами и законодателем при совершенствовании регулирования арбитражного процесса.

Для цитирования в научных исследованиях

Климанов Е.И. Являются ли ограничения в оплате регистрационного, арбитражного и иных сборов безусловным препятствием в доступе к правосудию? // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 439-449. DOI: 10.34670/AR.2026.75.81.046

Ключевые слова

Арбитражный сбор, доступ к правосудию, неисполнимость арбитражного соглашения, санкционные ограничения, регистрационный сбор, международный коммерческий арбитраж, подсанкционное лицо.

Введение

Актуальность исследования обусловлена сохранением отключения российских банков от системы SWIFT и введением иностранных санкций в отношении Российской Федерации, что существенно затрудняет совершение международных денежных переводов. При этом большинство ведущих арбитражных учреждений расположено за пределами Российской Федерации, в том числе в странах ЕС, где действуют ограничения на принятие платежей от российских банков и подсанкционных лиц. В результате оплата регистрационных и арбитражных сборов становится либо полностью невозможной, либо существенно осложнённой, что создаёт реальные препятствия в доступе к правосудию для российских лиц в международном коммерческом арбитраже.

Несмотря на наличие ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, регулирующей вопрос о признании арбитражного соглашения неисполнимым в связи с иностранными санкциями, действующее законодательство не содержит чётких критериев оценки препятствий в оплате арбитражных сборов. В судебной практике отсутствует единый подход к определению статуса «подсанкционного лица» и разграничению случаев, когда ограничения в оплате являются безусловным препятствием в доступе к правосудию, а когда могут быть преодолены сторонами. Научная доктрина также не предлагает системной концепции оценки таких препятствий.

В связи с этим крайне актуальным представляется исследование вопроса о том, являются ли ограничения в оплате регистрационного, арбитражного и иных сборов безусловным препятствием в доступе к правосудию, а также разработка критериев для их оценки. Результаты исследования могут быть использованы судами при разрешении споров о признании арбитражных соглашений неисполнимыми, а также законодателем при совершенствовании регулирования арбитражного процесса в условиях санкционных ограничений.

Материалы и методы исследования

Арбитраж (третейское разбирательство) всегда сопряжен с несением расходов на его инициирование и ведение. Когда лицо обращается в арбитражный институт в целях получения содействия в разрешении образовавшегося спора, оно должно оплатить различные сборы, в первую очередь – регистрационный сбор (registration fee). В отсутствие подтверждения оплаты регистрационного сбора третейское разбирательство не может начинаться, что, в целом, закономерно и обусловлено самой правовой природой арбитража, но это также влечет для сторон значительные риски, связанные с потенциальной невозможностью проведения международных транзакций.

Современная геополитическая ситуация оказывает существенное влияние на рассмотрение международных коммерческих споров. Так, например, примерно в половине случаев арбитражные учреждения не могут принимать платежи от российских лиц из-за иностранных санкций [Исследование РАА, 2022]. Международные меры ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ответные российские контрсанкции существенно изменили складывавшуюся десятилетиями систему арбитражных разбирательств, в результате чего необходимо ее построить заново. В частности, крайне важным представляется разрешить вопрос о том, как влияет невозможность оплаты регистрационного или иных сборов на третейское разбирательство и корреспондирующее ему производство в государственных судах, о чем и пойдет речь в настоящей работе.

Причины наличия затруднений в проведении оплаты могут быть разнообразными: отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT; введение санкционными регламентами ЕС и иных государств запретов на принятие денежных средств от определенных категорий российских лиц; контрсанкционные ограничения, препятствующие осуществлению операций в пользу недружественных нерезидентов. Однако в любом случае оплата регистрационного и иных сборов становится либо полностью невозможной, либо существенно осложненной.

В данной ситуации возникает закономерный вопрос: что делать лицу, столкнувшемуся с указанными выше затруднениями? С одной стороны, такое лицо обязано соблюдать условия арбитражного соглашения и инициировать рассмотрение спора в рамках арбитража. Представляется, что оно также обязано предпринимать необходимые действия для исполнения соглашения. Но, с другой стороны, невозможность оплатить регистрационный сбор не позволяет инициировать третейское разбирательство, в связи с чем арбитражное соглашение является неисполнимым. В настоящее время отсутствует чёткое разграничение, где пролегает грань между обязанностью лица предпринимать дополнительные действия и искать альтернативные варианты оплаты сборов и неисполнимостью арбитражного соглашения в связи с невозможностью начала или продолжения ведения арбитража. Выявление момента, когда лицо может прекратить попытки провести оплату в связи с их безуспешностью, необходимо для соблюдения принципов равенства, справедливости и правовой определенности, а также для соблюдения баланса интересов сторон арбитражного соглашения.

Действующее законодательство прямо не регулирует данный вопрос, ограничиваясь лишь общей формулировкой о том, что при наличии иностранных ограничительных мер, которые создают лицу препятствия в доступе к правосудию, арбитражное соглашение является неисполнимым, и применяется исключительная компетенция российских государственных судов (ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ). Однако неисполнимость не всегда обязательно сопряжена с иностранными санкциями и исключительной компетенцией, поскольку под неисполнимостью понимается любая объективная невозможность исполнения арбитражного соглашения в соответствии с волей сторон [Постановление Пленума ВС РФ № 53, 2019]. Таким образом, следует различать неисполнимость по общим основаниям и неисполнимость по ст. 248.1 АПК РФ. В первом случае шире перечень условий, которые обусловливают невозможность исполнения арбитражного соглашения, во втором же перечень условий является закрытым и закреплен в ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим подробнее как соотносится второй случай с невозможностью оплаты регистрационного, арбитражного и иных сборов. Представляется, что согласно ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ обязанность лица по соблюдению условий арбитражного соглашения трансформируется в право на разрешение спора в государственном суде в момент возникновения у такого лица препятствий в доступе к правосудию в международном коммерческом арбитраже в связи с принятыми санкционными ограничениями. Из этого следует необходимость установить два юридических факта: 1) наличие иностранных мер ограничительного характера в отношении российского лица – стороны арбитражного соглашения; и 2) указанные ограничительные меры создадут лицу препятствия в доступе к правосудию, если рассматривать спор в порядке арбитража.

Первый компонент – наличие мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, возникает, когда в отношении российской стороны арбитражного соглашения введены иностранные санкции. В судебной практике отсутствует единый подход к определению статуса «подсанкционного лица», поскольку не любые санкции позволяют считать лицо подсанкционным. В связи с этим, возможны следующие варианты:

– санкции введены непосредственно против российского лица – такое лицо прямо поименовано в санкционных списках либо относится к санкционным видам деятельности. Этот вариант получил всеобщее признание, поскольку логически следует из формулировок п. 1 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ;
– санкции непосредственно связаны со спором, т.е. являются его основанием. Данный вариант также общепринят, поскольку закреплен в п. 2 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ [Постановление Девятого ААС № 09АП-87847/2022-ГК, 2023; Решение АС г. Москвы по делу № А40-294471/2022, 2023];
– санкции применяются в отношении российских компаний, которые ведут деятельность в том же экономическом секторе, что и одна из сторон спора [Решение АС г. Москвы по делу № А40-99493/2022, 2022];
– санкции применяются в отношении иных российских лиц, которые не являются участниками спора, но, по мнению суда, такие лица могут быть связаны со спором тем или иным образом [Решение АС г. Москвы по делу № А40-236609/2022, 2023];
– санкции не выступают предметом спора, но своим косвенным воздействием ограничивают одной из сторон спора доступ к правосудию [Постановление Девятого ААС № 09АП-22/2023-ГК, 2023].

Таким образом, факт отнесения российского лица к категории подсанкционных определяется на основании судейского усмотрения, поэтому не может быть установлен без предварительного обращения в государственный суд. Это, в свою очередь, может быть квалифицировано как обход арбитражного соглашения с последующим привлечением к гражданско-правовой ответственности и выдачей антиискового запрета или запрета на продолжение рассмотрения дела в государственном суде со стороны второй стороны соглашения.

Что касается второго компонента – создание санкциями препятствий в доступе к правосудию, то здесь следует руководствоваться правовой позицией, представленной Верховным Судом РФ: наличие факта введения в отношении лица иностранных санкций уже само по себе ограничивает такому лицу доступ к правосудию [Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2023), 2023]. Вследствие этого, при наличии первого компонента автоматически возникает и второй (если в рамках судебного разбирательства данные факты не будут опровергнуты предоставленными доказательствами), а значит арбитражное соглашение неисполнимо. При этом стоит отметить, что не все исследователи согласны с выводами ВС РФ: «введенные в отношении лица санкции не всегда создают препятствия для его доступа к правосудию и являются непреодолимыми» [Засемкова, 2023].

Таким образом, санкционные ограничения, препятствующие оплате регистрационного сбора, в большинстве случаев создают презумпцию препятствия в доступе к правосудию, поскольку их наличие влечёт отнесение лица к статусу подсанкционного, в связи с чем презюмируется ограничение в доступе к правосудию. Однако данная презумпция может быть опровергнута доказательствами возможности оплаты через альтернативные каналы.

Теперь, с учетом проанализированного влияния иностранных санкций, препятствующих

оплате регистрационного и иных сборов в арбитраже, вернемся к первой ситуации, а именно – неисполнимости по общим основаниям. В первую очередь стоит определить, какие внешние факторы могут влиять на способность лица совершить международный платеж (следует учитывать, что к таким факторам, в любом случае, не может относиться отсутствие денежных средств на счетах лица для совершения платежа, пропуск срока оплаты и иные обстоятельства, наступившие по вине указанного лица). Представляется, что такими факторами являются: 1) международные ограничения, не связанные с наложением на российское лицо санкций (дополнительно может рассматриваться и ситуация, когда платеж отклоняется банком-корреспондентом на основании положений внутреннего банковского контроля); и 2) российские контрсанкционные ограничения на совершение определенных операций.

К международным ограничительным мерам, не накладываемым непосредственно на российскую сторону арбитражного соглашения (косвенные ограничения), например, относится отключение крупных российских банков от системы SWIFT, из-за чего стало невозможно совершение такими банками международных транзакций. Помимо SWIFT к таким случаям суды относят и запрет Регламентом Совета (ЕС) № 833/2014 от 31.07.2014 на оказание юридических консультационных и некоторых иных услуг российским лицам [Решение АС Московской области по делу № А41-24872/2025, 2026], что может обусловливать невозможность привлечь третье лицо в качестве посредника для осуществления оплаты.

Необходимо учитывать позиции российских судов относительно возможности возникновения препятствий в доступе к правосудию при косвенных ограничениях. Арбитражные суды последовательно приходят к выводу о том, что отсутствие ограничительных мер само по себе не свидетельствует о наличии у лица доступа к правосудию [Постановление АС Московского округа № Ф05-29375/2022, 2023; Решение АС г. Москвы по делу № А40-101695/24-25-787, 2024]. Иными словами, при отсутствии статуса подсанкционного лица арбитражное соглашение все равно может признаваться неисполнимым, если из-за косвенных ограничений такое лицо лишено возможности совершить оплату сборов в пользу арбитражного института.

Частично с косвенными ограничениями связана и проверка платежа банками-корреспондентами в соответствии с положениями внутреннего контроля. Как правило, международное банковское сообщение осуществляется при помощи банков-корреспондентов, каждый из которых проверяет осуществляемый платеж. При наличии противоречий в результате комплаенс проверки банк вправе отказать в совершении платежа (иногда даже без объяснения конкретных причин). Соответственно, чем больше банков-корреспондентов в цепочке, – тем выше шанс получить отказ. На практике переводы от российских лиц, в особенности в иностранной валюте, с большой долей вероятности отклоняются в связи с наличием рисков потенциального нарушения международных санкций (и привлечения банка к ответственности за содействие в обходе ограничительных мер). Таким образом, зачастую оплата регистрационного и иных сборов ставится в зависимость от воли и действий сторонних субъектов – банков-корреспондентов.

Российское контрсанкционное регулирование также может препятствовать оплате регистрационного сбора. Например, до 08.12.2026 действовало ограничение на осуществление переводов за рубеж российскими лицами по предельным суммам платежа [Решение Банка России от 26.09.2025, 2025]. Несмотря на то, что на текущий момент это требование отменено [Решение Банка России от 05.12.2025, 2025], нельзя исключать, что в будущем переводы могут быть вновь ограничены. Кроме того, запрещаются переводы определенных категорий денежных

средств, как, например, перевод на иностранные счета дивидендов, полученных от российских акционерных обществ и распределенной прибыли от российских обществ с ограниченной ответственностью [Указ Президента РФ № 79, 2022; Указ Президента РФ № 430, 2022].

Отдельно стоит обращать внимание на положения российского валютного регулирования. В первую очередь оно связано с проведением валютных операций и может проявляться в ситуации, когда оплата регистрационного сбора осуществляется через посредника: допустим, сторона арбитражного соглашения является российским валютным резидентом, и она должна оплатить регистрационный сбор в иностранной валюте. По тем или иным причинам эта сторона привлекает посредника, также российского валютного резидента, для выполнения платежа. В таком случае данное лицо не может переводить посреднику подлежащую оплате сумму сбора напрямую в иностранной валюте, поскольку это квалифицируется как валютная операция, а валютные операции между резидентами запрещены [Федеральный закон № 173-ФЗ, 2003]. Соответственно, перевод денежных средств посреднику должен осуществляться в рублевом эквиваленте.

Также следует учитывать, что исходящие переводы за рубеж должны проходить валютный контроль со стороны российских банков (агентов валютного контроля). Это создает дополнительные риски отклонения перевода и невозможности оплатить регистрационный, арбитражный и иные сборы.

Таким образом, как следует из изложенного, на текущий момент существует значительное количество факторов, которые могут создавать препятствия в оплате сборов, связанных с арбитражным разбирательством, в пользу арбитражного учреждения. При определенных обстоятельствах такие препятствия могут ограничивать стороне доступ к правосудию, если они не смогут быть преодолены стороной. Вместе с этим, арбитражные учреждения, как правило, идут сторонам навстречу и оказывают содействие в проведении оплаты. Так, например:

– Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) в своей санкционной политике подтвердил готовность принимать платежи в иностранных валютах, в которых заинтересована сама сторона [Федеральный закон № 173-ФЗ, 2003];
– Международный арбитражный суд Международной торговой палаты (ICC) принимает платежи, совершенные третьими лицами (агентами, посредниками), если они управомочены совершать такие платежи от имени стороны [Федеральный закон № 173-ФЗ, 2003];
– Лондонский международный арбитражный суд (LCIA) получил специальную лицензию от Министерства финансов Соединенного Королевства на прием арбитражных платежей от подсанкционных лиц из России и Белоруссии без ограничений [LCIA procures a comprehensive licence, www.lcia.org];
– Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC) осуществляет координацию и поддержку при получении подсанкционным лицом разрешения от Национального совета по вопросам торговли Швеции (Kommerskollegium) на проведение платежа [Sanctions Policy, www.sccarbitrationinstitute.se];
– Стамбульский арбитражный центр (ISTAC) предусматривает оплату некоторых арбитражных сборов наличными денежными средствами [Istanbul Arbitration Centre rules on costs and fees scales, www.istac.org.tr].

Существуют также и иные способы оплатить арбитражный сбор, которые прямо не указаны в арбитражных регламентах, но соответствуют общей логике санкционных ограничений и контрсанкционных мер. К таким способам, например, относится открытие счетов в

иностранных неподсанкционных банках, учреждение иностранных филиалов (представительств) и другие.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что подсанкционным лицам доступны альтернативные варианты оплаты арбитражных сборов, однако не все из них просты в исполнении. Каждый из них накладывает на такую сторону либо дополнительные расходы (на оплату комиссии агенту, на открытие филиала и т.д.), либо дополнительные риски (отказ в совершении платежа со стороны банков или иностранных органов). Это, в свою очередь, создает дисбаланс в правах и обязанностях подсанкционной российской и иностранной сторон арбитражного соглашения. Необходимо понять, ограничивает ли такой дисбаланс доступ к правосудию у российского лица. В связи с этим автором настоящей работы предлагается следующая концепция определения наличия препятствий в доступе к правосудию при невозможности оплаты регистрационного, арбитражного и иных сборов.

Препятствия в оплате следует разделять на невозможность оплаты и затруднения в оплате. В первом случае платеж вовсе невозможно совершить, т.е. какие бы действия со своей стороны не предприняло российское лицо, оплата не сможет быть совершена в любом случае. Во втором – оплата может быть совершена, но только при выполнении дополнительных действий, которые неподсанкционным лицам выполнять не надо (получение разрешений у правительственных органов, открытие иностранных счетов, привлечение агента и др.). Соответственно, в случае невозможности оплаты арбитражного сбора, стороне ограничивается доступ к правосудию в любом случае, поскольку какие бы действия она не предпринимала, исполнить арбитражное соглашение она не сможет. Учитывая, что невозможность оплаты с наибольшей долей вероятности не может быть преодолена в будущем (т.е. крайне низок шанс отмены иностранных санкций), то такая сторона не сможет инициировать или участвовать в третейском разбирательстве. Исходя из этого, для защиты нарушенного права подсанкционного лица, которое не может быть истребовано в порядке арбитража в связи с невозможностью оплаты, необходимо обращаться в государственный суд, так как арбитражное соглашение является неисполнимым.

Применительно к затруднениям в оплате следует отметить следующее. Сами по себе затруднения в зависимости от фактических обстоятельств могут как ограничивать доступ стороны к правосудию, так не ограничивать его. Представляется целесообразным разделять затруднения на существенные и несущественные для разграничения случаев наличия препятствий в доступе к правосудию. Критерием для разграничения названных понятий выступает наличие существенных расходов или рисков, которые может понести сторона, преодолевая указанные затруднения, в сравнении с той стороной, которая расходы или риски не несет. С точки зрения принципов равенства и справедливости, правовое положение сторон в процессе должно находиться на одинаковом уровне, поэтому если одна из сторон несет несоразмерные расходы или риски по сравнению с противоположной стороной, то такие затруднения относятся к существенным (например, многократное и продолжительное взаимодействие с государственными органами по получению разрешения на совершение платежа). Если же подсанкционное лицо не должно совершать излишне затратных действий (например, такие малозатратные действия как открытие зарубежного счета), то его правовое положение сопоставимо с противоположной стороной, и затруднения не являются существенными, поскольку могут быть преодолены без лишних затрат.

Основываясь на приведенной логике, закономерно, что в случае наличия существенных затруднений в совершении оплаты стороны ставятся в неравное положение по отношению друг

с другом, соответственно, присутствует ограничение в доступе к правосудию, и арбитражное соглашение является неисполнимым. В случае несущественных затруднений соглашение сохраняет свою силу, и спор подлежит рассмотрению в порядке международного коммерческого арбитража, поскольку не нарушается принцип юридического равенства.

Заключение

Таким образом, подводя итог настоящей работы, следует отметить, что ограничения в оплате регистрационного, арбитражного и иных сборов не являются безусловным препятствием в доступе к правосудию, если в отношении российского лица не введены иностранные санкции. Ответ на вопрос, поставленный в заголовке работы, зависит от характера конкретного препятствия: невозможность оплаты (когда платеж объективно не может быть совершён при любых действиях со стороны лица) влечёт признание арбитражного соглашения неисполнимым и возможность обращения в государственный суд. Затруднения в оплате (когда платеж возможен, но требует дополнительных действий) ограничивают доступ к правосудию только в случае их существенности, то есть когда они создают дисбаланс между сторонами арбитражного соглашения, налагая на российскую сторону несоразмерные расходы или риски по сравнению с иностранной стороной.

При этом введение персональных или секторальных санкций создаёт правовую презумпцию ограничения доступа к правосудию, вне зависимости от возможности преодоления трудностей в оплате арбитражного сбора. Однако это не исключает ее опровержимости при наличии соответствующих обстоятельств. В любом случае, в рамках судебного процесса следует оценивать ограничения в оплате арбитражных сборов не формально, а с учётом фактических обстоятельств, включая наличие альтернативных способов оплаты, степени усилий, предпринятых стороной, и баланс интересов участников арбитражного соглашения. Такой подход обеспечит соблюдение принципов равенства, справедливости и правовой определённости, а также сохранит баланс между интересами сторон международного коммерческого арбитража в условиях геополитической напряжённости.

Библиография

1. Засемкова О.Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 9 (109). С. 76–85.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 3.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2023 № Ф05-29375/2022 по делу № А40-75861/2022 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/bd9200b5-c134-4dd6-8134-e76430f0b8b3
4. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 31.01.2023 № 09АП-87847/2022-ГК по делу № А40-191489/2022 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/04f0e7fd-f3b3-4123-a42a-db02514143f9
5. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 01.03.2023 № 09АП-22/2023-ГК по делу № А40-74085/2022 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/18bc9f40-a742-400b-85f9-5ce6fe30a12f
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 25.12.2019. № 291.
7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 31.10.2022 по делу № А40-99493/2022 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/9e266a6b-6990-4b02-bd98-7d2dbee9956b
8. Решение Арбитражного суда города Москвы от 19.05.2023 по делу № А40-236609/2022 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c83e3045-0a33-4223-b88a-8c21a937206a
9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 02.06.2023 по делу № А40-294471/2022 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/9531ce77-9db2-4143-b1a4-84ecdd9b5669

10. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.08.2024 по делу № А40-101695/24-25-787 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/8686f94a-658b-453e-bdf7-fd3b45b6215d
11. Решение Арбитражного суда Московской области от 17.03.2026 по делу № А41-24872/2025 // КАД Арбитр. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/af8adfae-05d0-41d0-b762-0e58af0bd157
12. Решение Банка России (информация на сайте Банка России от 26.09.2025) // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=27980
13. Решение Банка России (информация на сайте Банка России от 05.12.2025) // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=28158
14. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединённых Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.
15. Указ Президента РФ от 05.07.2022 № 430 «О репатриации резидентами — участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 28. Ст. 5083.
16. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
17. Costs and Payment Policy // International Chamber of Commerce official website. URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/costs-and-payment/
18. HKIAC Policy on Proceedings Affected by Sanctions // Hong Kong International Arbitration Centre official website. URL: https://hkiac.org/arbitration/sanctions-policy/
19. Istanbul Arbitration Centre rules on costs and fees scales // Istanbul Arbitration Centre official website. URL: https://test.istac.org.tr/wp-content/uploads/2016/02/ISTAC-RULES-on-COSTS-and-FEES-SCALES-vs-2017.pdf
20. LCIA procures a comprehensive, LCIA specific, general licence regarding the Belarus and Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations // London Court of International Arbitration official website. URL: https://www.lcia.org/News/lcia-procures-a-comprehensive-lcia-specific-general-licence-re.aspx
21. Russian Arbitration Association (RAA) 2022 Study: The impact of sanctions on commercial arbitration // Russian Arbitration Association (RAA) official website. URL: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/37b/ixea55ihan4m5dcj37s00t108tjelrpd/RAA-2022-Study-on-sanctions_rus.pdf
22. Sanctions Policy // Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce official website. URL: https://sccarbitrationinstitute.se/en/resource-library/eu-sanctions/

Are Restrictions on the Payment of Registration, Arbitration and Other Fees an Absolute Obstacle to Access to Justice?

Egor I. Klimanov

Master of Laws, Lawyer,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: egor.klimanov@mail.ru

Abstract

The article examines the question of whether restrictions on the payment of registration, arbitration and other fees are an absolute obstacle to access to justice under conditions of sanctions restrictions. The objective of the study is to develop criteria for assessing obstacles to the payment of arbitration fees and to determine the conditions for recognizing an arbitration agreement as unenforceable. The methodological basis consisted of an analysis of Part 4 of Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the practice of arbitration courts and the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as a comparison with the sanctions

policies of leading arbitration institutions – HKIAC, ICC, LCIA, SCC and ISTAC. Factors complicating the payment of fees are examined: the disconnection of Russian banks from the SWIFT system, foreign restrictive measures, Russian counter-sanctions and currency regulation, as well as compliance checks of correspondent banks. The author proposes the concept of distinguishing obstacles to payment into impossibility of payment and difficulties in payment. It is established that the impossibility of payment entails the recognition of the arbitration agreement as unenforceable, whereas difficulties in payment restrict access to justice only when they are substantial, that is, when they create an imbalance between the parties by imposing disproportionate expenses or risks on the Russian party. The introduction of sanctions creates a presumption of restriction of access to justice, which can be rebutted by evidence of the possibility of payment through alternative channels. The conclusions can be used by courts and the legislator in improving the regulation of the arbitration process.

For citation

Klimanov E.I. (2026) Yavlyayutsya li ogranicheniya v oplate registratsionnogo, arbitrazhnogo i inykh sborov bezuslovnym prepyatstviem v dostupe k pravosudiyu? [Are Restrictions on the Payment of Registration, Arbitration and Other Fees an Absolute Obstacle to Access to Justice?]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 439-449. DOI: 10.34670/AR.2026.75.81.046

Keywords

Arbitration fee, access to justice, unenforceability of an arbitration agreement, sanctions restrictions, registration fee, international commercial arbitration, sanctioned person.

References

1. Costs and Payment Policy. (n.d.). International Chamber of Commerce official website. https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/costs-and-payment/
2. Decision of the Bank of Russia (information on the website of the Bank of Russia of 26.09.2025). (2025). Official website of the Bank of Russia. https://www.cbr.ru/press/event/?id=27980
3. Decision of the Bank of Russia (information on the website of the Bank of Russia of 05.12.2025). (2025). Official website of the Bank of Russia. https://www.cbr.ru/press/event/?id=28158
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of 28.02.2022 "On the Application of Special Economic Measures in Connection with the Unfriendly Actions of the United States of America and the Foreign States and International Organizations Joining Them". (2022). Collection of Legislation of the Russian Federation, (10), Art. 1465.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 430 of 05.07.2022 "On the Repatriation by Residents – Participants of Foreign Economic Activity of Foreign Currency and the Currency of the Russian Federation". (2022). Collection of Legislation of the Russian Federation, (28), Art. 5083.
6. Federal Law No. 173-FZ of 10.12.2003 "On Currency Regulation and Currency Control". (2003). Collection of Legislation of the Russian Federation, (50), Art. 4859.
7. HKIAC Policy on Proceedings Affected by Sanctions. (n.d.). Hong Kong International Arbitration Centre official website. https://hkiac.org/arbitration/sanctions-policy/
8. Istanbul Arbitration Centre rules on costs and fees scales. (n.d.). Istanbul Arbitration Centre official website. https://test.istac.org.tr/wp-content/uploads/2016/02/ISTAC-RULES-on-COSTS-and-FEES-SCALES-vs-2017.pdf
9. LCIA procures a comprehensive, LCIA specific, general licence regarding the Belarus and Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations. (n.d.). London Court of International Arbitration official website. https://www.lcia.org/News/lcia-procures-a-comprehensive-lcia-specific-general-licence-re.aspx
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 26.01.2023 No. F05-29375/2022 in case No. A40-75861/2022. (2023). KAD Arbitr. https://kad.arbitr.ru/Card/bd9200b5-c134-4dd6-8134-e76430f0b8b3
11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 31.01.2023 No. 09AP-87847/2022-GK in case No. A40-191489/2022. (2023). KAD Arbitr. https://kad.arbitr.ru/Card/04f0e7fd-f3b3-4123-a42a-db02514143f9

12. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 01.03.2023 No. 09AP-22/2023-GK in case No. A40-74085/2022. (2023). KAD Arbitr. https://kad.arbitr.ru/Card/18bc9f40-a742-400b-85f9-5ce6fe30a12f
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of 10.12.2019 "On the Performance by the Courts of the Russian Federation of the Functions of Assistance and Control in Relation to Arbitration Proceedings and International Commercial Arbitration". (2019). Rossiyskaya Gazeta, (291).
14. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2023). (2023). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, (3).
15. Russian Arbitration Association (RAA) 2022 Study: The impact of sanctions on commercial arbitration. (2022). Russian Arbitration Association (RAA) official website. https://arbitration.ru/upload/medialibrary/37b/ixea55ihan4m5dcj37s00t108tjelrpd/RAA-2022-Study-on-sanctions_rus.pdf
16. Sanctions Policy. (n.d.). Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce official website. https://sccarbitrationinstitute.se/en/resource-library/eu-sanctions/
17. Zasemkova, O.F. (2023). Osobennosti primeneniya ch. 4 st. 248.1 APK RF v sporakh s uchastiem podsanktsionnykh lits: voprosy, postavlennye praktikoy [Specifics of the application of Part 4 of Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in disputes involving sanctioned persons: issues raised by practice]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina, (9(109)), 76–85.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.43.12.047**

Судебная неустойка как средство понуждения к голосованию по корпоративному договору

Дубровский Иван Александрович

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: mrsimla33@gmail.com

Аннотация

Обязательство голосовать определённым образом названо в п. 1 ст. 67.2 ГК РФ первым среди возможных условий корпоративного договора, оно же защищено слабее всех: решение собрания, принятое вопреки договору, как правило, устоит, убытки почти недоказуемы, а договорная неустойка переводит нарушение в деньги вместо того, чтобы обеспечить само голосование. В статье обосновывается применимость к нему судебной неустойки по п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Догма о незаместимости волеизъявления смешивает замещение воли судебным актом и косвенное воздействие на неё, тогда как внутрисистемные аналогии и опыт правопорядков, породивших астрент, говорят в пользу понуждения. Показано, что голосование не подпадает ни под одно из исключений, названных Пленумом Верховного Суда РФ: оно исполнимо юридически и фактически, лишено творческого содержания, а его личный характер исчерпывается тем, что голос подаёт сам участник. Точечные нормы кодекса о восполнении воли судебным актом (п. 4 ст. 445, п. 1 ст. 165, п. 3 ст. 551 ГК РФ) и материал французского, германского, английского и американского права используются как довод a fortiori. Очерчены пределы применения судебной неустойки: требование определённости присуждаемого голосования, приоритет длящихся и повторяющихся обязательств, соотношение с договорной неустойкой и обеспечительными мерами. Предложены разъяснение Пленума Верховного Суда РФ и изменение ст. 67.2 ГК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Дубровский И.А. Судебная неустойка как средство понуждения к голосованию по корпоративному договору // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.43.12.047

Ключевые слова

Корпоративный договор, обязательство голосовать, судебная неустойка, астрент, исполнение в натуре, незаместимость волеизъявления.

Введение

Обязательство участников голосовать определенным образом закон называет первым среди возможных условий корпоративного договора (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ). Тем заметнее парадокс: самое типичное условие оказалось наименее защищенным. Решение собрания, принятое вопреки договору, как правило, устоит - п. 6 ст. 67.2 ГК допускает его оспаривание, только если сторонами договора были все участники общества, а такие договоры редки. Убытки почти недоказуемы: имущественные последствия «неправильного» голосования опосредованы решением собрания и не поддаются денежной оценке с той разумной степенью достоверности, которой требует п. 5 ст. 393 ГК. Остается договорная неустойка, но она переводит нарушение в деньги, вместо того чтобы обеспечить само голосование. Кредитор рискует и в другом: суд вправе снизить неустойку по ст. 333 ГК, хотя в предпринимательских отношениях делает это лишь по заявлению должника и в исключительных случаях (пункт 2 ст. 333 ГК РФ, пункты 71-72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», далее - постановление № 7). Отсюда вопрос, вынесенный в заглавие: вправе ли кредитор потребовать через суд самого голосования, подкрепив требование судебной неустойкой по п. 1 ст. 308.3 ГК. К другим обязательствам из корпоративного договора - прежде всего к выкупу акций или долей - суды исполнение в натуре применяют (наиболее известный пример - решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2015 по делу № А63-9751/2014: суд обязал сторону акционерного соглашения выкупить акции истца во исполнение принятого на себя обязательства при недостижении согласованных показателей проекта), тогда как практики понуждения именно к голосованию почти нет. Статья защищает утвердительный ответ: понуждению препятствует не закон, а догма.

Материалы и методы исследования

В доктрине эту догму формулируют так: голосование есть личный, незаместимый акт участия в формировании воли юридического лица, участник свободен в своем усмотрении, а потому принудить его к голосованию нельзя ни в исковом, ни в исполнительном производстве [Ломакин, 2009; Фёдоров, 2013; Суханов, 2014]. Позиция эта чаще подразумевается, чем доказывается, и, судя по всему, она же стоит за сдержанностью судов. Между тем аргумент от незаместимости смешивает два разных вопроса: может ли суд заместить волеизъявление участника собственным актом и может ли он побудить должника изъявить волю самостоятельно. Отрицательный ответ на первый вопрос второго не предрешает - косвенное принуждение потому и называется косвенным, что воля остается волей должника.

Результаты и обсуждение

Пункт 1 ст. 308.3 ГК дает кредитору право требовать исполнения в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором либо «не вытекает из существа обязательства». Пленум Верховного Суда РФ вывел из-под понуждения лишь требования, исполнение которых объективно невозможно, и обязательства, настолько связанные с личностью должника, что принуждение задело бы его достоинство, - хрестоматийный пример с музыкантом, которого нельзя заставить сыграть концерт (пункт 23 постановления № 7). Голосование не подходит ни

под одно из исключений: оно исполнимо юридически и фактически, лишено творческого содержания, а его «личный» характер исчерпывается тем, что голос подает сам участник, - а это свойство любого обязательства совершить действие [Карапетов, 2003].

Более того, правопорядок давно допускает полную подмену волеизъявления судебным актом: суд определяет условия договора, который должник обязан, но отказывается заключить (п. 4 ст. 445 ГК), признает действительной сделку, исполненную одной из сторон, если другая уклоняется от ее нотариального удостоверения (п. 1 ст. 165 ГК), заменяет своим решением волю стороны, уклоняющейся от регистрации перехода права (п. 3 ст. 551 ГК). Нормы эти точечные, общего правила о фикции волеизъявления кодекс не знает, и все же они доказывают главное: незаместимость волеизъявления в принцип российского правопорядка не возведена. А там, где принципа нет, довод a fortiori работает без помех: меньшее вмешательство - воздействие на волю - нельзя объявлять недопустимым по природе обязательства, коль скоро в сходных ситуациях закон разрешает большее.

Показателен и сравнительный материал: в правопорядках, породивших институт, незаместимость обязательства служит основанием применения косвенного принуждения, а не отказа в нем. Французский астрент вырос в судебной практике XIX века именно на обязательствах, недоступных прямому исполнению, и ныне закреплен в ст. L. 131-1 Кодекса гражданских исполнительных процедур (Code des procédures civiles d'exécution, art. L. 131-1; кодекс введен в действие с 1 июня 2012 года) [5]. Германское право побуждает должника к незаместимому действию штрафом или арестом (§ 888 Гражданского процессуального уложения, далее - ГПУ), а волеизъявление и вовсе считает совершенным с момента вступления решения суда в силу (§ 894 ГПУ). Допустимость исков об исполнении соглашений о голосовании (Stimmbindungsverträge) Федеральный верховный суд Германии признал еще в 1967 году (BGHZ 48, 163), а принудительную реализацию таких решений господствующая доктрина строит на § 894 ГПУ [Степанов, Фогель, Шрамм, 2012]. К тому же результату приходит и общее право: в деле Puddephatt v Leith [1916] 1 Ch 200 английский суд прямым судебным приказом обязал акционера голосовать в соответствии с соглашением [Осипенко, 2016], а американское модельное законодательство объявляет соглашения о голосовании специально исполнимыми (Model Business Corporation Act в редакции 2016 года, § 7.31(b)). На этом фоне отечественная «незаместимость» выглядит не свойством обязательства, а свойством доктрины.

Достаточно развести два вида принуждения - подменяющее волю и воздействующее на нее. Судебная неустойка относится ко второму: голосует сам должник, судебный акт лишь меняет экономику его выбора, делая нарушение дороже исполнения [Договорное и обязательственное право, 2017]. В этом астрент не отличается от договорной неустойки за то же нарушение: трудно объяснить, почему частное имущественное давление на волю участника законно, а такое же давление, санкционированное судом, посягает на свободу волеизъявления. Не работает и довод от корпоративной автономии: присуждение действует в относительной связке кредитор - должник, действительности решения собрания не затрагивает и потому не колеблет ни баланс п. 6 ст. 67.2 ГК, ни права не участвующих в договоре лиц. Ссылка на свободу усмотрения еще слабее - этой свободой участник распорядился сам, когда заключал договор, а возможность связать себя на будущее есть проявление автономии воли, не ее отрицание [Кузнецов, 2017]. Единственное серьезное ограничение - требование определенности: понуждать можно к голосованию за конкретное, определимое решение, так, чтобы резолютивная часть позволяла однозначно установить факт исполнения, но не к абстрактной «согласованности»

корпоративного поведения.

Пределы применимости надо видеть трезво. Главный из них - временной: собрание обычно проходит раньше, чем завершится процесс, и для разового голосования иск о понуждении опаздывает. Реальная сфера судебной неустойки - там, где присуждение работает на будущее: обязательства длящиеся и повторяющиеся (голосование на годовых собраниях, поддержка согласованных кандидатур) и негативные обязательства воздерживаться от определенных действий. Для разовых голосований предварительной защитой остаются обеспечительные меры, хотя и здесь возможности ограничены. Запретить проведение самого собрания суд не вправе (пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров»), а принимаемые меры не должны блокировать деятельность общества (ст. 225.6 АПК РФ). С договорной неустойкой судебная не конкурирует: первая обеспечивает само обязательство, вторая стимулирует исполнение судебного акта, поэтому присуждение одной не исключает взыскания другой. Размер астрента суд определяет на началах справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения должником выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункты 28 и 32 постановления № 7).

Заключение

Догма о незаместимости волеизъявления, как видно, не находит опоры ни в тексте п. 1 ст. 308.3 ГК, ни в системе кодекса, знающей даже подмену воли судебным актом, ни в опыте правопорядков, из которых астрент заимствован. Минимально необходимый шаг - разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о применимости судебной неустойки к обязательству голосовать, принятому по корпоративному договору. Последовательнее было бы прямо указать в ст. 67.2 ГК на допустимость понуждения к исполнению таких обязательств в натуре. С германской моделью спешить не стоит: точечных норм о восполнении воли судебным актом для нее мало, нужно общее правило о фикции волеизъявления, которого российский правопорядок пока не знает, а вводить его следует, взвесив последствия для всего оборота. Пока же минимум исполнимости корпоративного договора складывается из судебной неустойки, опционных конструкций и обеспечительных мер - без них широкая свобода его содержания остается свободой без защиты.

Библиография

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2017.
2. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. Москва: Статут, 2003.
3. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. Москва: Статут, 2017.
4. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 6–26.
5. Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. Москва: Инфотропик Медиа, 2016.
6. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. С. 22–69.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. Москва: Статут, 2014.
8. Фёдоров С.И. Правовое регулирование корпоративных договоров и модернизация гражданского права России // Вестник гражданского права. 2013. № 1.
9. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2. Москва: Международные отношения, 1998.

Judicial Penalty (Astreinte) as a Means of Compelling Voting Under a Corporate Agreement

Ivan A. Dubrovskii

Postgraduate Student,
Academy of Labour and Social Relations,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mrsimla33@gmail.com

Abstract

The obligation to vote in a certain way is named in paragraph 1 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation as the first among the possible terms of a corporate agreement, yet it is the least protected of all: a meeting decision adopted contrary to the agreement will, as a rule, stand, damages are almost unprovable, and a contractual penalty converts the violation into money instead of ensuring the voting itself. The article substantiates the applicability of a judicial penalty under paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation to it. The dogma of the non-substitutability of a declaration of will confuses the substitution of will by a judicial act with indirect influence upon it, whereas intra-systemic analogies and the experience of the legal orders that gave rise to the astreinte argue in favor of compulsion. It is shown that voting falls under none of the exceptions named by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: it is enforceable legally and factually, devoid of creative content, and its personal character is exhausted by the fact that the vote is cast by the participant himself. Specific provisions of the code on the supplementation of will by a judicial act (paragraph 4 of Article 445, paragraph 1 of Article 165, paragraph 3 of Article 551 of the Civil Code of the Russian Federation) and the material of French, German, English, and American law are used as an a fortiori argument. The limits of the application of the judicial penalty are outlined: the requirement of certainty of the awarded voting, the priority for continuing and recurring obligations, and the relationship with a contractual penalty and interim measures. An explanation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and an amendment to Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation are proposed.

For citation

Dubrovskii I.A. (2026) Sudebnaya neustoyka kak sredstvo ponuzhdeniya k golosovaniyu po korporativnomu dogovoru [Judicial Penalty (Astreinte) as a Means of Compelling Voting Under a Corporate Agreement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.43.12.047

Keywords

Corporate agreement, obligation to vote, judicial penalty, astreinte, specific performance, non-substitutability of a declaration of will.

References

1. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postateynyy kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract and obligation law (general part): an article-by-article

commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation] (2017). A.G. Karapetov (Ed.). Moscow: M-Logos.
2. Fedorov, S.I. (2013). Pravovoe regulirovanie korporativnykh dogovorov i modernizatsiya grazhdanskogo prava Rossii [Legal regulation of corporate agreements and the modernization of civil law in Russia]. Vestnik grazhdanskogo prava, (1).
3. Karapetov, A.G. (2003). Isk o prisuzhdenii k ispolneniyu obyazatel'stva v nature [The claim for specific performance of an obligation]. Moscow: Statut.
4. Kuznetsov, A.A. (2017). Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk [The limits of autonomy of will in corporate law: a brief essay]. Moscow: Statut.
5. Lomakin, D.V. (2009). Dogovory ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv kak novella korporativnogo zakonodatel'stva [Agreements on the exercise of the rights of participants of business companies as a novelty of corporate legislation]. Vestnik VAS RF, (8), 6–26.
6. Osipenko, K.O. (2016). Dogovor ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv v rossiyskom i angliyskom prave [The agreement on the exercise of the rights of participants of business companies in Russian and English law]. Moscow: Infotropik Media.
7. Stepanov, D.I., Fogel', V.A., & Shramm, Kh.-I. (2012). Korporativnyy dogovor: podkhody rossiyskogo i nemetskogo prava k otdel'nym voprosam regulirovaniya [Corporate agreement: approaches of Russian and German law to certain issues of regulation]. Vestnik VAS RF, (10), 22–69.
8. Sukhanov, E.A. (2014). Sravnitel'noe korporativnoe pravo [Comparative corporate law]. Moscow: Statut.
9. Tsvaygert, K., & Ketts, Kh. (1998). Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 2 [Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77 **DOI: 10.34670/AR.2026.39.84.048**

Сравнительный анализ патентования селекционных достижений в постсоветских государствах: подходы к гармонизации

Воронцов Егор Артёмович

Аспирант,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: gladius.ej@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются теоретические основы формирования международной (региональной) системы патентования селекционных достижений на постсоветском пространстве. На основе сравнительно-правового анализа законодательства постсоветских государств выявлены общность нормативного наследия, а также существенные расхождения в объектном составе охраны, институциональной организации экспертизы и сроках действия правовой охраны. Показано, что действующие региональные механизмы носят преимущественно декларативный характер и не создают единого охранного документа. Отдельно проанализированы соглашения ЕАЭС 2017 г. об обращении семян и 2019 г. об унификации селекционно-племенной работы, унифицирующие испытания и реестры допуска, но не правовую охрану селекционных достижений. С учётом опыта Европейского союза и Евразийской патентной организации и региональной системы товарных знаков ЕАЭС обосновывается особая модель интеграции, направленная на создание единого евразийского патента, охватывающего как сорта растений, так и породы животных.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронцов Е.А. Сравнительный анализ патентования селекционных достижений в постсоветских государствах: подходы к гармонизации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 456-464. DOI: 10.34670/AR.2026.39.84.048

Ключевые слова

Селекционные достижения, правовая охрана сортов растений, Конвенция УПОВ, евразийская интеграция, гармонизация законодательства, sui generis.

Введение

Современный этап развития аграрного сектора государств постсоветского пространства характеризуется возрастающей ролью селекционных достижений (новых сортов растений и пород животных) как ключевого фактора обеспечения продовольственной безопасности, поскольку экономическая эффективность сельскохозяйственного производства во многом предопределяется результативностью селекционной деятельности [Горелько, 2012, с. 17]. Вместе с тем правовая охрана селекционных достижений в регионе остается фрагментированной: каждое государство сформировало собственную национальную систему, а интеграционные механизмы СНГ и ЕАЭС не привели к созданию единого охранного документа. Селекционер вынужден подавать самостоятельные заявки в каждое ведомство, повторно проходить экспертизу и испытания и поддерживать несколько параллельных патентов, что увеличивает издержки и сдерживает трансграничный оборот семян и племенного материала.

Настоящая статья посвящена теоретическому обоснованию возможности создания международной (региональной) системы патентования селекционных достижений на постсоветском пространстве, анализу законодательных подходов государств региона и оценке перспектив их интеграции. Как верно отмечает И.В. Шугурова, «гармонизация законодательства в области интеллектуальной собственности необходима для дальнейшей региональной экономической интеграции» [Шугурова, 2014, с. 131], что в свою очередь также предопределяет важность рассматриваемой темы.

Методологической предпосылкой исследования выступает тезис о юридической уникальности селекционного достижения: институт его охраны не является традиционным, его содержание и принципы однозначно не относятся ни к патентному, ни к авторскому праву, и большинство государств, включая членов ЕС, создали системы специальной охраны новых сортов, исключив их из сферы традиционной патентной охраны [Можаев, 2013, с. 169].

Основная часть

Специальная охрана, предоставляемая этому объекту в законодательствах целого ряда государств, подтверждает невозможность его «растворения» в смежных институтах [Можаев, 2013, с. 172]. Э.П. Гаврилов и В.Н. Синельникова подчеркивают, что российская система охраны селекционных достижений лишь внешне повторяет патентное право, частью которого не является [Гаврилов, Синельникова, 2015, с. 52]. Специфика объекта состоит в том, что охрана предоставляется зафиксированным в описании признакам растений или животных (нематериальный элемент), воспроизведенным в отдельных особях (материальный элемент), причем нематериальный элемент неразрывно связан с материальным [Ветрова, 2012, с. 231]: вне материальных носителей селекционные достижения не существуют, тогда как произведения и изобретения мыслимы и вне связи с ними [Синельникова, 2016, с. 14]. Эта двойственная природа выступает одновременно и главным препятствием, и главным аргументом в пользу региональной интеграции охранных систем.

Эволюция правового регулирования данного объекта подтверждает данный тезис. Парижская конвенция 1883 г. придала термину «промышленная собственность» широкое содержание, охватывающее в том числе и сельскохозяйственное производство [Горелько, 2012, с. 17], однако и с принятием в 1967 г. ее Стокгольмской редакции сорта растений не нашли отражения в перечне объектов промышленной собственности [Ветрова, 2012, с. 229].

Принятая в 1961 г. Конвенция УПОВ (в редакциях 1972, 1978 и 1991 гг.), выступая базовым соглашением в рассматриваемой сфере, предписывает минимальный объем прав селекционеров и единые критерии охраны – новизну, отличимость, однородность, стабильность. Международный опыт демонстрирует, что Конвенция стала компромиссом между стремлением селекционных компаний к патентной монополии и биологической спецификой сортов, потребовавшей системы sui generis.

Пункт 3 (b) статьи 27 Соглашения ТРИПС обязал членов ВТО охранять сорта патентами, эффективной системой sui generis либо их сочетанием, причем эффективной признается именно система, базирующаяся на Конвенции УПОВ. Данное обстоятельство привело к существованию принципиально разных подходов к правовой охране достижений в области селекции: например, в США существуют сразу несколько форм правовой охраны, которые в своей сущности гарантируют право на вновь созданный результат разными способами. В то же время можно говорить о том, что мировой опыт демонстрирует два пути региональной интеграции: гармонизацию законодательств на основе УПОВ и создание единой наднациональной системы: например, на территории Европейского союза Регламентом Совета ЕС № 2100/94 учреждено Ведомство Сообщества по сортам растений (CPVO) [Еременко, 2014, с. 1].

Первой предпосылкой интеграции на постсоветском пространстве является общее правовое наследие. Пункт 22 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 г. приравнивал селекционные достижения по охране к изобретениям, хотя на них выдавались авторские свидетельства Министерства сельского хозяйства СССР [Ветрова, 2012, с. 230].

Разработанный к 1989 г. проект закона СССР «Об охране прав селекционеров», ориентированный на вступление в УПОВ, не вступил в силу из-за распада Союза, но стал основой национальных законов региона, прежде всего Закона РФ от 6 августа 1993 г. № 5605-I «О селекционных достижениях» [Синельникова, 2016, с. 7]. Национальные системы выросли из единого корня, восприняв общую терминологию (само понятие «селекционное достижение» не имеет прямого аналога в Конвенции УПОВ [Горелько, 2012, с. 17]), общую институциональную модель с экспертизой в ведении аграрных ведомств и общую двухреестровую конструкцию, различающую охраняемые и допущенные к использованию достижения [Гаврилов, Синельникова, 2015, с. 53]. Этой структурной общности были лишены государства Европы при создании собственной системы правовой охраны, что существенно снижает издержки евразийской гармонизации.

Вторая предпосылка – почти повсеместное участие в Конвенции УПОВ: Россия, как и Молдова, присоединилась к Конвенции в 1998 г., Кыргызстан – в 2000 г., Беларусь – в 2003 г., Узбекистан и Азербайджан – в 2004 г., Грузия – с 2008 г., Армения – в 2024 г. Казахстан и Таджикистан инициировали присоединение и получили положительные заключения Совета УПОВ о соответствии законодательства Акту УПОВ 1991 г.

Аргументом в пользу интеграции на постсоветском пространстве также можно назвать агроклиматическую сопряженность территорий постсоветских государств: так, например, в России выделяются 12 регионов допуска и 7 световых зон, что в свою очередь делает результаты испытаний репрезентативными для сопредельных территорий со сходными агроклиматическими условиями.

В то же время нельзя не упомянуть и о взаимозависимости семенных и племенных рынков в рамках ЕАЭС, что в условиях возрастающего экономического взаимодействия его государств-участников будет способствовать открытию новых возможностей для их развития. Данная

взаимозависимость получила и нормативное оформление в развитие раздела XXV Договора о ЕАЭС: заключены Соглашение об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках ЕАЭС от 7 ноября 2017 г. (далее – Соглашение 2017 г.) и Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках ЕАЭС, от 25 октября 2019 г. (далее – Соглашение 2019 г.), которые, как будет показано ниже, формируют общий рынок семян и племенной продукции, не затрагивая правовой охраны селекционных достижений.

Наконец, создание единой системы патентования селекционных достижений позволит применить уникальный опыт бывших стран СССР в сфере охраны результатов селекционной деятельности в области животноводства: поскольку международной системы охраны пород животных не существует, а Россия и Казахстан располагают национальным опытом такой охраны, евразийская система могла бы стать первой в мире, охватывающей и сорта, и породы, причем унификацию охраны пород целесообразно осуществлять именно в рамках региональных объединений, учитывая большую эффективность регионального механизма по сравнению с универсальным.

Сравнительный анализ позволяет установить и существенные расхождения. Первое касается круга объектов: глава 73 ГК РФ распространила охрану не только на сорта растений, но и на породы животных, воспользовавшись правом предоставлять селекционерам более широкий объем прав. Аналогичен подход Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 422-I «Об охране селекционных достижений», предусматривающего две государственные комиссии – по сортоиспытанию культур и по апробации пород. Напротив, Беларусь (Закон от 13 апреля 1995 г. № 3725-XII «О патентах на сорта растений») и Молдова охраняют лишь сорта растений, в связи с чем, например, в белорусской доктрине обосновывается необходимость акта о патентовании пород животных [Горелько, 2012, с. 18]. Асимметрия отражает мировую ситуацию: единого подхода к охране пород животных не существует, а статья 27 (3) (b) ТРИПС допускает исключение животных из патентования.

Второе расхождение институционально: в России регистрацию осуществляет Минсельхоз через ФГБУ «Госсорткомиссия», в Казахстане – аграрный уполномоченный орган, в Беларуси – патентный орган при участии государственной инспекции по испытанию сортов. Третье касается сроков: при конвенционном минимуме 20 лет (25 – для винограда и деревьев) в России патент действует 30 лет, а для винограда, древесных, плодовых и лесных культур – 35 лет, в Беларуси – 25 лет. Различается и объем изъятий, включая фермерскую льготу, после 1991 г. утратившую автоматический характер при распространении монополии селекционера на урожай и продукты его переработки.

Учета требуют и иные принципиально важные положения законодательств постсоветских государств. Говоря о российском опыте, важно отметить, что законодатель вслед за Конвенцией УПОВ признал автором селекционера, чьим трудом достижение не только создано или выведено, но и выявлено (ст. 1410 ГК РФ), хотя находка в природе близка к открытию, интеллектуальной собственностью не признаваемому. Подобное положение есть, например, и в Законе Кыргызской Республики от 13 июня 1998 года № 79 «О правовой охране селекционных достижений», и Законе Республики Узбекистан от 30.08.1996 г. № 270-I «О селекционных достижениях». В то же время значима и проблема отсутствия легального определения селекционного достижения в анализируемых правопорядках. При этом данный пробел восполняется лишь доктринально: например, дефиницией В.Н. Синельниковой, данной через признаки творческого создания, уникальности генетических признаков, охраноспособности и

регистрации [Синельникова, 2016, с. 11].

Отсюда следует, что первоочередной теоретической задачей региональной системы является выработка единого понятийного аппарата, возможная, в том числе, на базе постсоветской доктрины селекционного права – трудов В.Н. Синельниковой [Шугурова, 2014], А.П. Сергеева [Сергеев, 2004], О.А. Городова [Городов, 2011], Н.Г. Кузьминой [Кузьмина, 2004], Ю.Ю. Русинова [Русинов, 2003], О.Ф. Оноприенко [Оноприенко, 2018] и других ученых.

В то же время анализ нормативно-правовой документации позволяет говорить, что региональная инфраструктура интеграции существует лишь в зачаточном, фрагментарном виде. На уровне СНГ существуют Соглашение о многосторонней межгосударственной специализации производства и поставок сортовых и гибридных семян сельскохозяйственных культур от 9 октября 1992 г., соглашения по вопросам агропромышленного комплекса 1993 г., о генетических ресурсах культурных растений 1999 г. и о правовой охране сортов растений от 16 марта 2001 г.

Наиболее раннее из них – Соглашение 1992 г. – было направлено на сохранение межгосударственной специализации в производстве и поставках семян, а для координации его исполнения Решением Совета глав правительств СНГ от 18 октября 1996 г. создан Межправительственный координационный совет по вопросам семеноводства СНГ. Однако конкретных механизмов унифицированной международно-правовой охраны селекционных достижений с единым охранным документом и централизованными процедурами этими актами не предусматривается, а компетенция названного Совета ограничена координацией производства и поставок семян. Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС, которое признает селекционные достижения охраняемыми объектами, также не предусматривает для них никакого специального механизма унифицированной международно-правовой охраны.

Иначе построены отраслевые соглашения ЕАЭС. Соглашение 2017 г. допускает обращение семян в рамках Союза при наличии документов об их сортовых и посевных (посадочных) качествах, признаваемых другими государствами-членами по перечню, утверждаемому Евразийской экономической комиссией (ст. 3).

Комиссия формирует единый реестр сортов сельскохозяйственных растений на основании сведений национальных реестров (ст. 4), государства-члены применяют единые методы сортовой идентификации и определения качеств семян, определяемые Советом Комиссии (ст. 5), и унифицируют законодательство об испытании сортов и семеноводстве по перечню и в сроки, устанавливаемые Высшим Евразийским экономическим советом (ст. 6). Показательно, что дефиниция сорта в ст. 1 Соглашения текстуально близка к Конвенции УПОВ в редакции 1991 г. и п. 2 ст. 1412 ГК РФ, а «испытание сорта» включает установление признаков отличимости, однородности и стабильности – однако лишь «с целью включения его в национальный реестр», то есть в реестр сортов, допущенных к использованию. Иными словами, Соглашение унифицирует второй элемент упомянутой выше двухреестровой конструкции – допуск к использованию, оставляя первый – предоставление исключительного права – в национальной компетенции.

Соглашение 2019 г. воспроизводит ту же модель применительно к животноводству: оно вводит единые понятия племенного животного, племенной продукции и племенной ценности (ст. 2) и предусматривает унификацию апробации созданных новых типов, линий (пород) и кроссов сельскохозяйственных животных, молекулярной генетической экспертизы племенной продукции, определения породы животных, полученных при использовании родственных пород, и оценки племенной ценности по порядкам и методикам, утверждаемым Комиссией (ст.

3); координация и аналитическое обеспечение селекционно-племенной работы возлагаются на действующие учреждения государств-членов, определяемые Евразийским межправительственным советом (ст. 4); государства-члены обмениваются сведениями о племенных животных и селекционных достижениях (ст. 5). Соответствующие порядки, методики и правила ведения общей базы данных утверждены решениями Коллегии ЕЭК 2020-2022 гг.

Особенно значимо, что право ЕАЭС здесь прямо оперирует понятием «селекционное достижение» применительно к породам, типам, линиям и кроссам: тем самым терминология, восходящая к советскому законодательству и не имеющая аналога в Конвенции УПОВ, впервые закреплена в наднациональном акте, а апробация новых пород унифицирована в масштабе интеграционного объединения.

Таким образом, оба соглашения унифицируют материально-техническую основу селекционного дела – методики испытаний и апробации, реестры допуска, информационный обмен, – но не рассматривают селекционное достижение как объект интеллектуальных прав: ни единого охранного документа, ни взаимного признания результатов экспертизы охраноспособности они не создают. Вместе с тем именно эти акты создают инфраструктуру, без которой невозможна региональная система любого типа: взаимное признание документов о качествах семян (п. 2 ст. 3 Соглашения 2017 г.) и опора на действующие национальные учреждения (ст. 4 Соглашения 2019 г.) воспроизводят, пусть и за пределами права интеллектуальной собственности, модель децентрализации испытаний при централизации правового регулирования, лежащую, как будет показано ниже, в основе европейского опыта.

Важно отметить, что успешный опыт совместной работы государств на постсоветском пространстве в области совместной охраны объектов интеллектуальных прав уже существует: Евразийская патентная конвенция 1994 г. (ЕАПК) создала рабочую модель получения регионального патента на изобретение (единая заявка, экспертиза, патент), эффективность и способность к предметному расширению которой впоследствии были доказаны принятием в 2019 г. Протокола об охране промышленных образцов.

В рамках самого ЕАЭС сходная конструкция реализована Договором о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС от 3 февраля 2020 г., заключенным в развитие Приложения № 26: заявка подается в национальное патентное ведомство одного из государств-членов (ст. 4), сведения о регистрации вносятся в единые реестры Союза, состоящие из национальных разделов (ст. 2), а регистрация имеет в каждом государстве-члене силу национальной (п. 3 ст. 1). Тем самым модель, подразумевающая наличие децентрализованной подачи, единого реестра и охраны на территориях всех государств-членов, уже разработана Союзом применительно к средствам индивидуализации, а Приложение № 26, не содержащее специального механизма для селекционных достижений, послужило основой для создания такого механизма в отношении иного объекта.

Теоретическое моделирование международной системы патентования селекционных достижений предполагает выбор между тремя типами интеграции: гармонизационным (модельные законы, единые методики, присоединение к Акту 1991 г. при сохранении национальных документов), процедурно-централизованным (единая региональная заявка и экспертиза по образцу ЕАПК или Договора о товарных знаках ЕАЭС 2020 г.) и унитарным (единое наднациональное право по модели Регламента ЕС № 2100/94). Европейский опыт при этом обладает рядом преимуществ: единое право ЕС сосуществует с национальными системами, испытания сортов растений поручаются уполномоченным национальным

учреждениям с признанием их результатов всеми государствами, а ведомство финансируется пошлинами. Именно децентрализация испытаний при централизации правового регулирования позволяет преодолеть одно из ключевых препятствий на пути установления региональной системы – отсутствие у наднационального органа собственной испытательной сети.

Сопоставление перечисленных особенностей существующего правового регулирования предоставления охраны достижениям во области селекции среди постсоветских государств позволяет говорить об оптимальности создания международной системы патентования селекционных достижений путем последовательных этапов интеграции.

Первым этапом должна стать постепенная гармонизация: прежде всего, целесообразно завершение присоединения государств региона к Акту УПОВ 1991 г., а также принятие отдельного модельного соглашения, которое бы закрепило единое определение селекционного достижения, пределы и критерии охраны новых пород животных, а также различные административные аспекты деятельности государств (например, создание единых реестров и административных процедур).

Опыт модельного законотворчества в смежной сфере в регионе имеется: Модельный закон «О семенах», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 4 декабря 2004 г. № 24-10, содержит нормы о государственном сортоиспытании и оперирует понятиями оригинатора сорта и государственного реестра селекционных достижений, допущенных к использованию, но предоставление правовой охраны не регулирует, что лишь подтверждает необходимость специального модельного акта. Нормативной опорой для него в рамках ЕАЭС может служить ст. 6 Соглашения 2017 г.: перечень мер по унификации законодательства об испытании сортов, определяемый Высшим Евразийским экономическим советом, целесообразно дополнить сближением норм о правовой охране селекционных достижений, включая критерии охраны пород.

Заключение

На процедурном этапе ключевым шагом станет достижение государствами соглашения о взаимном признании результатов испытаний селекционных достижений в уполномоченных учреждениях государств-участников, а также введение централизованной подачи заявок через единое окно. Такой механизм не придется создавать с нуля: взаимное признание документов о качествах семян (п. 2 ст. 3 Соглашения 2017 г.) и единые порядки апробации пород (ст. 3 Соглашения 2019 г.) могут быть распространены на результаты испытаний на отличимость, однородность и стабильность, а единый реестр сортов (ст. 4 Соглашения 2017 г.) и база данных о племенных животных и селекционных достижениях – дополнены сведениями об охраняемых селекционных достижениях, объединив тем самым оба реестра в едином ресурсе Союза.

И, наконец, на третьем этапе можно говорить о создании полноценных международного соглашения, заключение которого осуществимо как на уровне всех стран СНГ, так и на уровне стран-участниц ЕАПК, либо по образцу Договора о товарных знаках 2020 г. в рамках ЕАЭС, и соответственно приведет к учреждению международной евразийской организации по патентованию селекционных достижений. В данной связи учет опыта деятельности государств в рамках ЕАПК и региональной системы товарных знаков ЕАЭС представляется наиболее ценным и соответствующим экономическим и политическим реалиям, существующим на евразийском пространстве сегодня.

Библиография

1. Ветрова И.Ф. Правовое регулирование селекции в российской и зарубежной практике // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 227–231.
2. Гаврилов Э.П. О правовой охране селекционных достижений // Хозяйство и право. 2011. № 1. С. 3–11.
3. Гаврилов Э.П., Синельникова В.Н. Право на селекционное достижение в общем контексте права интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2015. № 2. С. 50–81.
4. Городов О.А. Право промышленной собственности: учебник. Москва: Статут, 2011. 942 с.
5. Горелько А.В. Некоторые аспекты международно-правовой охраны селекционных достижений // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 17–22.
6. Еременко В.И. Единая система правовой охраны сортов растений Европейского союза // Биржа интеллектуальной собственности. 2014. № 2. С. 1–7.
7. Кузьмина Н.Г. Правовое регулирование селекционной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. 223 с.
8. Можаев М.С. Принципы предоставления охраны селекционному достижению: опыт сравнительного правоведения // Власть закона. 2013. № 3 (15). С. 169–172.
9. Оноприенко О.Ф. Интеллектуальные права на селекционное достижение в растениеводстве в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. 24 с.
10. Русинов Ю.Ю. Селекционные достижения как объекты гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 172 с.
11. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ТК Велби; Проспект, 2004. 720 с.
12. Синельникова В.Н. Правовой режим элементов (частей) живой природы как объектов гражданского оборота // Хозяйство и право. 2016. Приложение к № 12. 48 с.
13. Шугурова И.В. Направления гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в государствах-участниках СНГ // Современное право. 2014. № 10. С. 131–139.

Comparative Analysis of Patenting Breeding Achievements in Post-Soviet States: Approaches to Harmonization

Egor A. Vorontsov

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gladius.ej@yandex.ru

Abstract

The article examines the theoretical foundations of the formation of an international (regional) system for patenting breeding achievements in the post-Soviet space. Based on a comparative-legal analysis of the legislation of post-Soviet states, the commonality of the normative heritage is identified, as well as significant divergences in the object composition of protection, the institutional organization of examination, and the terms of legal protection. It is shown that the existing regional mechanisms are predominantly declarative in nature and do not create a unified protection document. The EAEU agreements of 2017 on the circulation of seeds and of 2019 on the unification of breeding and pedigree work, which unify testing and admission registers but not the legal protection of breeding achievements, are analyzed separately. Taking into account the experience of the European Union and the Eurasian Patent Organization and the EAEU regional trademark system, a special model of integration is substantiated, aimed at creating a unified Eurasian patent covering

both plant varieties and animal breeds.

For citation

Vorontsov E.A. (2026) Sravnitel'nyy analiz patentovaniya selektsionnykh dostizheniy v postsovetskikh gosudarstvakh: podkhody k garmonizatsii [Comparative Analysis of Patenting Breeding Achievements in Post-Soviet States: Approaches to Harmonization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 456-464. DOI: 10.34670/AR.2026.39.84.048

Keywords

Breeding achievements, legal protection of plant varieties, UPOV Convention, Eurasian integration, harmonization of legislation, sui generis.

References

1. Eremenko, V.I. (2014). Edinaya sistema pravovoy okhrany sortov rasteniy Evropeyskogo soyuza [The unified systemof legal protection of plant varieties in the European Union]. Birzha intellektual'noy sobstvennosti, (2), 1–7.
2. Gavrilov, E.P. (2011). O pravovoy okhrane selektsionnykh dostizheniy [On the legal protection of breeding achievements]. Khozyaystvo i pravo, (1), 3–11.
3. Gavrilov, E.P., & Sinel'nikova, V.N. (2015). Pravo na selektsionnoe dostizhenie v obshchem kontekste prava intellektual'noy sobstvennosti [The right to a breeding achievement in the general context of intellectual property law]. Khozyaystvo i pravo, (2), 50–81.
4. Gorel'ko, A.V. (2012). Nekotorye aspekty mezhdunarodno-pravovoy okhrany selektsionnykh dostizheniy [Some aspects of the international legal protection of breeding achievements]. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy, (1), 17–22.
5. Gorodov, O.A. (2011). Pravo promyshlennoy sobstvennosti [Industrial property law]. Moscow: Statut.
6. Kuz'mina, N.G. (2004). Pravovoe regulirovanie selektsionnoy deyatel'nosti [Legal regulation of breeding activity] (Candidate of Law dissertation). Moscow.
7. Mozhaev, M.S. (2013). Printsipy predostavleniya okhrany selektsionnomu dostizheniyu: opyt sravnitel'nogo pravovedeniya [Principles of granting protection to a breeding achievement: the experience of comparative law]. Vlast' zakona, (3(15)), 169–172.
8. Onoprienko, O.F. (2018). Intellektual'nye prava na selektsionnoe dostizhenie v rastenievodstve v Rossiyskoy Federatsii [Intellectual rights to breeding achievements in crop production in the Russian Federation] (Author's abstract of Candidate of Law dissertation, specialty 12.00.03). Moscow.
9. Rusinov, Yu.Yu. (2003). Selektsionnye dostizheniya kak ob"ekty grazhdanskikh prav [Breeding achievements as objects of civil rights] (Candidate of Law dissertation). Volgograd.
10. Sergeev, A.P. (2004). Pravo intellektual'noy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii [Intellectual property law in the Russian Federation] (2nd ed.). Moscow: TK Velbi; Prospekt.
11. Shugurova, I.V. (2014). Napravleniya garmonizatsii zakonodatel'stva v oblasti intellektual'noy sobstvennosti v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG [Directions for the harmonisation of intellectual property legislation in the CIS member states]. Sovremennoe pravo, (10), 131–139.
12. Sinel'nikova, V.N. (2016). Pravovoy rezhim elementov (chastey) zhivoy prirody kak ob"ektov grazhdanskogo oborota [The legal regime of elements (parts) of living nature as objects of civil circulation]. Khozyaystvo i pravo, Supplement to (12).
13. Vetrova, I.F. (2012). Pravovoe regulirovanie selektsii v rossiyskoy i zarubezhnoy praktike [Legal regulation of breeding in Russian and foreign practice]. Biznes v zakone, (3), 227–231.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.45+004.89 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.36.049**

Пользовательское соглашение об использовании генеративного ИИ как смешанный договор: элементы лицензионного договора и договора оказания услуг

Баев Евгений Евгеньевич

Студент,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: baev.eug@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема определения правовой природы пользовательского соглашения как договорной конструкции, применяемой в сфере регулирования сетевых отношений, на примере условий использования технологий генеративного искусственного интеллекта. Автор анализирует основные доктринальные подходы к квалификации пользовательского соглашения. На основании сопоставления существа обязательства по лицензионному договору и договору возмездного оказания информационных услуг автор приходит к выводу о том, что пользовательское соглашение об использовании генеративного искусственного интеллекта по своей правовой природе является смешанным договором, сочетающим элемент договора оказания информационных услуг — применительно к предоставлению доступа к технологии, — и элемент лицензионного договора — применительно к регулированию прав пользователя на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые с помощью технологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Баев Е.Е. Пользовательское соглашение об использовании генеративного ИИ как смешанный договор: элементы лицензионного договора и договора оказания услуг // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 465-474. DOI: 10.34670/AR.2026.41.36.049

Ключевые слова

Пользовательское соглашение, смешанный договор, лицензионный договор, договор возмездного оказания информационных услуг, генеративный искусственный интеллект, искусственный интеллект, публичная оферта.

Введение

Помимо традиционных договорных конструкций, закрепленных в гражданском законодательстве Российской Федерации, в сфере правового регулирования «сетевых отношений» применяются «пользовательские соглашения». Появление этих договорных форм в гражданском обороте обусловлено развитием отношений информационного обмена, возникающих между участниками сетевого взаимодействия.

Проблематика определения правовой природы пользовательского соглашения

В связи с характерными особенностями подобного соглашения (размещение в информационной среде, регулирование неотчуждаемого оборота результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД), безусловное акцептование пользователем) позиции исследователей в отношении правовой природы различны, местами кардинально расходятся.

Во-первых, пользовательское соглашение рядом исследователей толкуется и квалифицируется как оферта. Авторы рассматривают пользовательское соглашение как публичную оферту (п. 2 ст. 437 ГК РФ), указывая на тождественные признаки пользовательского соглашения и публичной оферты: адресованность неопределенному кругу лиц, необходимость акцептования, размещение в открытом доступе (в информационной среде) [[Щукина, www.zakon.ru; Соколова, 2018, с. 75–76; Гаврилов, Чиркаев, Рассказов, 2023, с. 88–95; Чирков, 2024].

Во-вторых, некоторые исследователи рассматривают пользовательское соглашение как непоименованный договор, содержание которого регулируется нормами гражданского права по аналогии закона. [Гасанов, 2023].

В-третьих, исследователи квалифицируют пользовательское соглашение как договор возмездного оказания информационных услуг. Данной позиции придерживается, в частности, М.А. Рожкова, разграничивающая понятия «использование» объекта интеллектуальных прав и «пользование» информационным продуктом и предлагающая для соответствующих отношений обозначение «договор пользования информационным продуктом» как разновидности договора возмездного оказания информационных услуг [Рожкова, 2024, с. 121–133].

В-четвертых, делается вывод, что пользовательское соглашение по своей правовой природе является лицензионным договором. Суждение основано на факте, что предметом подобных соглашений является обязательство между правообладателем и пользователем по передаче права использования объекта РИД, что соответствует легальному определению лицензионного договора (п. 1 ст. 1235 ГК РФ) [Подузова, 2023, с. 71–78]. Эту позицию с существенной оговоркой развивает В.Н. Глонина, указывающая, что лицензионная конструкция применима к цифровым сервисам не универсально, а только тогда, когда пользователю предоставляются права использования конкретных объектов интеллектуальной собственности (например, право перерабатывать, воспроизводить или доводить до всеобщего сведения контент), но не в случаях, когда сервис предоставляет исключительно функциональный доступ [Глонина, 2019, с. 60].

Как видно из изложенного, позиции авторов по данному вопросу существенно расходятся. В связи с этим для определения наиболее соответствующей действительности позиции, а также для выявления фактической правовой природы пользовательского соглашения необходимо провести анализ действительного содержания пользовательских соглашений, используемых в

гражданском обороте и находящихся в открытом доступе.

Объект исследования

Чтобы придать исследованию предметный характер, были выбраны конкретные соглашения. Объектом исследования выступают два пользовательских соглашения, обладающих следующими признаками:

1) правообладателем РИД (большой функциональной модели искусственного интеллекта, далее — технологии ИИ) [Федеральный закон № 243-ФЗ, 2026], с кем вступает пользователь в правоотношения, является лицо, личным законом которого является закон Российской Федерации;

2) пользовательское соглашение в настоящий момент используется в гражданском обороте на территории Российской Федерации (релевантность);

3) находится в публичном (открытом) доступе.

В качестве таких объектов были отобраны: Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса (ЯндексGPT) [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru]; Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat (GigaChat GPT) [Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru]. В рамках исследования действительное содержание будет проанализировано по следующим элементам: предмет, порядок заключения соглашений, действительное содержание прав и обязанностей сторон, ответственность сторон за нарушение условий соглашения [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п. 2.1][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 3.1].

Анализ объекта исследования

Предмет обоих соглашений, в упрощённом виде, выражен в следующем: «Правообладатель предоставляет возможность использовать (доступ к использованию) Пользователю технологию ИИ, Пользователь обязуется осуществлять использование технологии ИИ на условиях настоящего соглашения» [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п. 2.1][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 3.1].

Также, порядок заключения обоих соглашений установлен в форме: «Пользователь, используя технологию ИИ, совершает конклюдентное действие, выраженное в полном и безоговорочном согласии (акцепте) с настоящим соглашением» [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, абз. 10 п.1.1][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 2.4].

При этом, содержание прав и обязанностей обоих соглашений, в упрощённом виде, описано как: «Правообладатель обязан предоставить право использования технологии ИИ, Правообладатель вправе без предупреждения ограничить или лишить доступа к технологии ИИ вследствие нарушения Пользователем настоящего соглашения. Пользователь обязан использовать технологию ИИ исключительно в порядке и на условиях настоящего соглашения, Пользователь вправе использовать технологию ИИ» [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, р.2][Пользовательское

соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 4].

В заключении, ответственность сторон, в упрощённом виде, устанавливается в следующем: «Правообладатель предоставляет технологию ИИ как есть (as is), то есть не гарантирует Пользователю безошибочность и бесперебойность работы технологии ИИ, а также соответствие её ожиданиям и целям Пользователя. Пользователь несёт ответственность за соответствие запросов, генерируемых новых объектов РИД законодательству Российской Федерации, правам и интересам третьих лиц» [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п. 4.2, 2.1.5][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 6.1, 6.4].

Пользовательское соглашение как публичная оферта и непоименованный договор

На основании изложенного следует, что соглашения являются двусторонней сделкой (договор), поскольку порождают для двух сторон гражданские права и юридические обязанности (ст. 153, п. 1 ст. 154, п. 1 ст. 420 ГК РФ).

Далее необходимо оценить, чем в правоотношении будет являться договор, оферта и акцепт. Договором будет являться пользовательское соглашение, поскольку оно содержит обязательство с двумя управомоченными сторонами — Пользователем и Правообладателем. Офертой будет выступать информационный продукт, позволяющий использовать технологию ИИ, — к примеру, интернет-сайт, приложение Правообладателя. Акцептом будет являться использование Пользователем технологии ИИ.

В связи с этим квалификация пользовательского соглашения как публичной оферты является некорректной применительно к его договорно-правовой сущности. Действительно, пользовательское соглашение, как указывают авторы, имеет ряд признаков публичной оферты: адресованность неопределённому кругу лиц, необходимость акцептования, размещение в открытом доступе (ст. 435, 438 ГК РФ). Однако если опустить факт, что в тексте пользовательского соглашения содержится двустороннее обязательство, в тексте не содержится основного признака оферты: предложения заключить договор (п. 1 ст. 435 ГК РФ).

Офертой в подобной конструкции корректно признавать сам факт предоставления доступа к информационному продукту, а акцептом — совершение пользователем конклюдентных действий по использованию технологии; само же пользовательское соглашение с момента акцепта становится договором, а не офертой [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п. 2.1][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 3.1].

Во второй и четвёртой частях Гражданского кодекса Российской Федерации пользовательское соглашение (условия использования) отсутствует как поименованный вид договора. Тем не менее это не делает его в силу факта (ipso facto) непоименованным и (или) смешанным договором. Для определения того, являются ли соглашения непоименованным договором, необходимо сопоставить предмет соглашений, порядок заключения, действительное содержание прав и обязанностей сторон с положениями гражданского законодательства об отдельных видах договоров (п. 2 ст. 421 ГК РФ и п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах»).

На первый взгляд, предметом соглашений является двустороннее обязательство о предоставлении права использования РИД (технологии ИИ) одним лицом, которому

принадлежит РИД на исключительном праве, другому лицу, которое не определено в соглашении. Действительное содержание прав и обязанностей по соглашениям корреспондирует предмету соглашений. Соглашения содержат указание на акцепт — непосредственное использование технологии ИИ как конклюдентное действие пользователя.

Предварительный анализ предмета и порядка заключения соглашений мог бы указывать на то, что пользовательские соглашения подобного вида являются лицензионным договором, поскольку предмет и действительное содержание внешне соответствуют легальному определению лицензионного договора (п. 1 ст. 1235 ГК РФ): в частности, соглашения содержат указание на способы использования РИД, запреты определенных способов использования, а также сохранение за правообладателем права отзыва при нарушении пользователем условий соглашения (абз. 2 п. 5 ст. 1286, пп. 1 п. 1 ст. 1236, п. 4 ст. 1286.1 ГК РФ).

Тем не менее, в дальнейшем необходимо сопоставить с договором возмездного оказания информационных услуг, поскольку одного лишь формального сходства предмета соглашения с легальным определением лицензионного договора недостаточно для итоговой правовой квалификации [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, абз. 6 п. 1.1][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 1.7].

Следовательно, можно предварительно заключить, что позиция, согласно которой пользовательское соглашение является непоименованным договором, является неверной: пользовательские соглашения, содержащие обязательство подобного вида, обнаруживают явные признаки поименованных договорных конструкций — как лицензионного договора, так и договора возмездного оказания услуг, что будет обосновано далее. Окончательный вывод о том, что пользовательское соглашение является исключительно лицензионным договором, представляется преждевременным и требует дальнейшей проверки через анализ существа обязательства [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п. 2.3][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 4.1.2].

Природа обязательства по лицензионному договора и договору возмездного оказанию информационных услуг

Безусловно, в связи с предметом соглашения, положения части четвёртой ГК РФ будут применимы к правоотношениям, но это не означает, что соглашения не содержат признаков иных поименованных договоров — в частности, признаков договора возмездного оказания информационных услуг (ст. 783.1 ГК РФ). Для однозначного определения необходимо рассмотреть существо обязательства по соглашению — непосредственные общественные отношения, урегулированные соглашением.

Перед анализом существа обязательства на предмет наличия признаков договора возмездного оказания информационных услуг необходимо разграничить существо обязательства по лицензионному договору и договору возмездного оказания информационных услуг.

При предоставлении права использования РИД оно, как правило, передается совместно с каким-либо материальным носителем, на котором находится копия РИД (предмет материального мира либо информационный продукт). Такое представление является необходимым постольку, поскольку надлежащим образом обеспечивает цель лицензиата по лицензионному договору — обеспечение самостоятельной возможности использовать чужой

РИД для решения собственных задач.

Данное умозаключение подкрепляется тем, что в случае с облачными и SaaS-сервисами самостоятельная, то есть автономная возможность использования чужого РИД объективно не обеспечивается. Самостоятельность (автономность) использования означает, что после исполнения обязательства со стороны лицензиара лицензиат вправе по своей воле использовать РИД как угодно для своих целей при соблюдении своих обязанностей. Применительно к облачным ИИ-сервисам подобная автономность объективно невозможна, поскольку в любой момент право использования может прекратиться не по воле и не по вине пользователя, а исключительно по усмотрению правообладателя, сохраняющего полный контроль над инфраструктурой, на которой функционирует технология [Глонина, 2019, с. 60–62].

Технология ИИ является по своей природе программой для ЭВМ и большой функциональной моделью искусственного интеллекта (пп. 2 п. 1 ст. 1225 ГК РФ, пп. 2 п. 3 ст. 2 Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ,). Однако из этого не следует автоматически, что любая передача права использования такой программы сопряжена с передачей ее копии пользователю: в случае с современными генеративными ИИ-моделями исполнение обязательства технически происходит на серверах правообладателя, а пользователю копия самой технологии не передается ни в каком виде — он лишь направляет запросы и получает результат обработки. Это принципиально отличает такие отношения от классического оборота программ для ЭВМ и указывает на то, что в части доступа к самой технологии существо обязательства значительно ближе к оказанию услуги, чем к предоставлению права использования РИД в его традиционном лицензионном понимании.

Совершенно иной характер присущ договору возмездного оказания информационных услуг.

По договору возмездного оказания информационных услуг возможно предоставление доступа к информационному продукту, который может являться РИД, в том числе программой для ЭВМ. Подобный доступ на практике осуществляется через информационный продукт (онлайн- или облачные платформы, подобные интернет-сайту). В данном случае говорить о самостоятельности (автономности) заказчика в получении каких-либо благ от информационной услуги нельзя, поскольку за исполнителем остается право отказа от оказания услуги в любой момент независимо от обстоятельств (п. 2 ст. 782 ГК РФ).

Из анализа особенностей обязательства по лицензионному договору и договору возмездного оказания информационных услуг следует, что по лицензионному договору при предоставлении права использования РИД, как правило, предоставляется копия РИД; по договору возмездного оказания информационных услуг может предоставляться лишь доступ к РИД с помощью информационного продукта без передачи копии.

Пользовательское соглашение как договор по возмездному оказанию информационных услуг и лицензионный договор

Теперь необходимо рассмотреть действительное содержание пользовательских соглашений ещё раз, но сквозь призму предшествующего анализа — с учётом того, что применительно к генеративным ИИ-сервисам копия технологии пользователю не передаётся, а исполнение происходит на инфраструктуре правообладателя.

Если возвратиться к предмету соглашений, следует подробнее остановиться на формулировке: «Правообладатель предоставляет возможность использовать (доступ к использованию) Пользователю технологию ИИ».

Понятие «возможность» отражено в обоих соглашениях. В связи с использованием

подобной дефиниции однозначно трактовать предмет соглашений как предмет исключительно лицензионного договора либо исключительно договора возмездного оказания информационных услуг нельзя. В случае толкования «возможности» как меры возможного поведения пользователя, то есть его субъективного права использования РИД, подобный предмет соглашения следует к предмету лицензионного договора. В случае толкования «возможности» как предоставления пользователю доступа к технологии ИИ через инфраструктуру правообладателя без передачи копии самой технологии, подобный предмет соглашения следует к предмету договора возмездного оказания информационных услуг. Существенно, что оба толкования не исключают друг друга, а описывают разные, объективно существующие грани одного и того же комплексного обязательства.

Наряду с этим содержанием соглашений отражены способы использования технологии ИИ как объем передаваемого права использования. В соглашениях прямо указан запрет на использование технологии ИИ определёнными способами. Однако при более внимательном рассмотрении данное условие в действительности регулирует не столько доступ к самой технологии, сколько допустимые способы использования результатов, создаваемых с её помощью (сгенерированных текстов, изображений и иных объектов), — то есть объектов, которые создает сам пользователь при использовании услуги. Это принципиально важное уточнение: элементом лицензионного регулирования в подобных соглашениях выступает не доступ к технологии ИИ как таковой, а права на результаты её работы [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru].

Также содержанием соглашений отражён характер предоставления технологии ИИ, в частности предоставление технологии ИИ как есть (as is) и отказ от гарантий и заверений относительно безошибочности и бесперебойности работы технологии ИИ, а также соответствия её ожиданиям и целям пользователя. Подобная оговорка типична и для лицензионного договора (в части ограничения ответственности лицензиара), и для договора возмездного оказания услуг (в части объема ответственности исполнителя, не гарантирующего результат в отсутствие возможности контролировать содержание запроса заказчика) [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п. 4.2][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 6.1].

Помимо этого, технология ИИ предоставляется через информационный продукт — облачную онлайн-платформу правообладателя посредством интернет-сайта и приложений. Подобный способ предоставления доступа без передачи копии технологии характерен именно для договора возмездного оказания информационных услуг и прямо противоречит классической конструкции лицензионного договора, предполагающей предоставление лицензиату самостоятельной, автономной от лицензиара возможности использования РИД [Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса, www.yandex.ru, п.2.4][Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat, www.sber.ru, п. 3.1].

Пользовательское соглашение как смешанный договор

Пользовательские соглашения подобного вида обладают одновременно и признаками лицензионного договора, и признаками договора возмездного оказания информационных услуг, однако эти признаки распределяются не произвольно, а применительно к различным частям соглашения. В части предоставления доступа к самой технологии ИИ через облачную

инфраструктуру правообладателя (без передачи пользователю копии технологии и без предоставления ему автономной, не зависящей от воли правообладателя возможности использования РИД) пользовательское соглашение содержит элемент договора возмездного оказания информационных услуг (ст. 779, 783.1 ГК РФ). В частности, правообладатель совершает действие (обработку запроса и предоставление доступа к функциональности), а не передаёт объект интеллектуальных прав во владение или пользование в лицензионном смысле.

В части регулирования прав пользователя на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые с использованием технологии ИИ (сгенерированный контент), а также в части определения допустимых и запрещенных способов использования такого контента, пользовательское соглашение содержит элемент лицензионного договора либо иной договорной конструкции распоряжения исключительным правом (в зависимости от того, кому принадлежат права на сгенерированный результат согласно условиям конкретного соглашения) [Подузова, 2023].

Пользовательское соглашение об использовании технологий генеративного искусственного интеллекта по своей правовой природе является смешанным договором (п. 3 ст. 421 ГК РФ), сочетающим:

1) элемент договора возмездного оказания информационных услуг — в части предоставления доступа к функциональности технологии ИИ через облачную платформу правообладателя, включая условия об одностороннем отказе от предоставления доступа (по аналогии с п. 1–2 ст. 782 ГК РФ) и об отсутствии гарантий безошибочности и бесперебойности работы технологии;

2) элемент лицензионного договора (либо иной конструкции распоряжения исключительным правом) — в части регулирования способов использования РИД, создаваемого пользователем с помощью технологии, включая ограничения и запреты на определенные способы использования такого контента.

К отношениям сторон в соответствующих частях подлежат применению правила о договорах, элементы которых содержатся в пользовательском соглашении (п. 3 ст. 421 ГК РФ), если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора. Практическое значение подобной квалификации заключается в том, что к части соглашения, регулирующей доступ к технологии, подлежат применению императивные и диспозитивные нормы главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг (в частности, о праве сторон на односторонний отказ от исполнения — ст. 782 ГК РФ, и о применимости законодательства о защите прав потребителей при возмездном характере доступа), тогда как к части соглашения, регулирующей права на сгенерированный контент, подлежат применению нормы части четвертой ГК РФ об интеллектуальных правах, включая правила о лицензионных договорах в той мере, в какой это соответствует существу конкретного условия.

Заключение

Предложенная квалификация в наибольшей степени соответствует действительному экономико-правовому содержанию отношений, складывающихся при использовании генеративных ИИ-сервисов, поскольку не игнорирует ни технологическую специфику облачного исполнения (что исключает чисто лицензионную квалификацию всего соглашения целиком), ни правовую значимость возникающих в процессе использования технологии результатов интеллектуальной деятельности (что исключает сведение соглашения исключительно к договору возмездного оказания услуг).

Также квалификация полностью соответствует императивному требованию к Правообладателю в определении им правового режима сгенерированного контента Технологией ИИ (пп. 1 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ). Подобное определение режима возможно исключительно в рамках лицензионного договора, поскольку определяются интеллектуальные права.

Библиография

1. Гаврилов В.Н., Чиркаев С.А., Рассказов А.А. Правовое регулирование пользовательского соглашения в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 88–95.
2. Гасанов А.Я. Гражданско-правовое регулирование технологий. Москва: Юрлитинформ, 2023. 216 с.
3. Глонина В.Н. Не всё то лицензия, что ею зовётся: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 4. С. 58–66.
4. Подузова Е.Б. Пользовательское соглашение, соглашение о конфиденциальности: особенности содержания в контексте использования технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 71–78.
5. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat. URL: https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat/agreement
6. Рожкова М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 121–133.
7. Соколова А. Особенности заключения и использования click-wrap соглашений в российском гражданском праве // Правовое регулирование общественных отношений на земле и в космическом пространстве: материалы международной научно-практической молодёжной конференции. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2018. С. 75–76.
8. Условия использования технологий генеративного искусственного интеллекта Яндекса. URL: https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/ru/
9. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ.
10. Чирков А.Д. Вопросы юридической силы click-wrap и browse-wrap соглашений // Образование и право. 2024. № 7. С. 233–238.
11. Щукина А.Е. Пользовательское соглашение: лицензионный договор vs договор оказания услуг. URL: https://zakon.ru/blog/2020/6/18/polzovatelskoe_soglashenie_licenzionnyj_dogovor_vs_dogovor_okazaniya_uslug

The User Agreement on the Use of Generative AI as a Mixed Contract: Elements of a License Agreement and a Service Agreement

Evgenii E. Baev

Student,
National Research Tomsk State University,
634050, 36, Lenina ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: baev.eug@gmail.com

Abstract

The article examines the problem of determining the legal nature of a user agreement as a contractual construct applied in the sphere of regulating network relations, using the example of the terms of use of generative artificial intelligence technologies. The author analyzes the main doctrinal approaches to the qualification of a user agreement. Based on a comparison of the essence of the obligation under a license agreement and a contract for the paid provision of information services,

the author comes to the conclusion that the user agreement on the use of generative artificial intelligence is, by its legal nature, a mixed contract combining an element of a contract for the provision of information services — in relation to granting access to the technology — and an element of a license agreement — in relation to regulating the user's rights to the results of intellectual activity created with the help of the technology.

For citation

Baev E.E. (2026) Pol'zovatel'skoe soglashenie ob ispol'zovanii generativnogo II kak smeshannyy dogovor: elementy litsenzionnogo dogovora i dogovora okazaniya uslug [The User Agreement on the Use of Generative AI as a Mixed Contract: Elements of a License Agreement and a Service Agreement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 465-474. DOI: 10.34670/AR.2026.41.36.049

Keywords

User agreement, mixed contract, license agreement, contract for the paid provision of information services, generative artificial intelligence, artificial intelligence, public offer.

References

1. Chirkov, A.D. (2024). Voprosy yuridicheskoy sily click-wrap i browse-wrap soglasheniy [Issues concerning the legal validity of clickwrap and browsewrap agreements]. Obrazovanie i pravo, (7), 233–238.
2. Federal Law No. 243-FZ of 26.07.2026. (2026)
3. Gasanov, A.Ya. (2023). Grazhdansko-pravovoe regulirovanie tekhnologiy [Civil law regulation of technologies]. Moscow: Yurlitinform.
4. Gavrilov, V.N., Chirkaev, S.A., & Rasskazov, A.A. (2023). Pravovoe regulirovanie pol'zovatel'skogo soglasheniya v Rossii [Legal regulation of user agreements in Russia]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, (5(154)), 88–95.
5. Glonina, V.N. (2019). Ne vse to litsenziya, chto eyu zovetsya: problemnye aspekty pravovogo regulirovaniya otnosheniy mezhdu pol'zovatelyami i tsifrovymi servisami [Not everything called a licence is a licence: problematic aspects of the legal regulation of relations between users and digital services]. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam, (4), 58–66.
6. Poduzova, E.B. (2023). Pol'zovatel'skoe soglashenie, soglashenie o konfidentsial'nosti: osobennosti soderzhaniya v kontekste ispol'zovaniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [User agreement and confidentiality agreement: features of their content in the context of artificial intelligence technologies]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 18(2), 71–78.
7. Pol'zovatel'skoe soglashenie ob ispol'zovanii Servisa GigaChat [User Agreement for the Use of the GigaChat Service]. (n.d.). https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat/agreement
8. Rozhkova, M.A. (2024). O razlichiyakh mezhdu litsenzionnym dogovorom i pol'zovatel'skim soglasheniem [On the differences between a licence agreement and a user agreement]. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam, (4(46)), 121–133.
9. Shchukina, A.E. (2020). Pol'zovatel'skoe soglashenie: litsenzionnyy dogovor vs dogovor okazaniya uslug [User agreement: licence agreement vs. services agreement]. https://zakon.ru/blog/2020/6/18/polzovatelskoe_soglashenie_licenzionnyj_dogovor_vs_dogovor_okazaniya_uslug
10. Sokolova, A. (2018). Osobennosti zaklyucheniya i ispol'zovaniya click-wrap soglasheniy v rossiyskom grazhdanskom prave [Specific features of concluding and using clickwrap agreements in Russian civil law]. In Pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy na zemle i v kosmicheskom prostranstve: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy molodezhnoy konferentsii (pp. 75–76). Samara: Izd-vo "Samarskiy universitet".
11. Usloviya ispol'zovaniya tekhnologiy generativnogo iskusstvennogo intellekta Yandeksa [Terms of Use for Yandex Generative Artificial Intelligence Technologies]. (n.d.). https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/ru/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.736 **DOI: 10.34670/AR.2026.38.18.068**

Критерии квалификации недобросовестного поведения гражданина-должника при решении вопроса об освобождении от обязательств

Соколов Максим Владимирович

Магистр,
Московский университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: maxim.sokoloff2010@gmail.com

Аннотация

Пункт 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве перечисляет случаи, в которых суд не применяет правило об освобождении гражданина от обязательств, но не раскрывает признаков недобросовестного поведения, из-за чего сходные обстоятельства получают в практике несовпадающую оценку. Работа выделяет проверяемые критерии такой квалификации и устанавливает зависимость объёма отказа от того, какой критерий сработал. Изучены п. 3–6 ст. 213.28 и п. 2 ст. 223.6 названного закона в редакции, действующей на 14 сентября 2026 г., п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, разъяснения п. 45 и 46 постановления Пленума ВС РФ № 45, тезисы раздела VI Обзора Президиума ВС РФ от 18 июня 2025 г. и четыре определения ВС РФ; применены формально-юридический анализ, систематическое и телеологическое толкование, сравнение судебной и внесудебной процедур. Выделены пять критериев, которыми служат адресат нарушенной обязанности и момент её нарушения, умышленный характер действия, исключительность сведений, находившихся у должника, связь поведения с возникновением требования или с формированием конкурсной массы, существенность искажения для решения кредитора либо для хода процедуры. Совокупность критериев отделяет недобросовестность от неосмотрительности при принятии долговых обязательств и обосновывает сохранение непогашенным лишь того требования, в отношениях с которым установлено умышленное незаконное действие.

Для цитирования в научных исследованиях

Соколов М.В. Критерии квалификации недобросовестного поведения гражданина-должника при решении вопроса об освобождении от обязательств // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 475-482. DOI: 10.34670/AR.2026.38.18.068

Ключевые слова

Банкротство гражданина, освобождение от обязательств, недобросовестное поведение, заведомо ложные сведения, злоупотребление правом, конкурсный кредитор, судебное толкование.

Введение

Освобождение гражданина от дальнейшего исполнения требований кредиторов завершает процедуру реализации имущества и определяет её итоговый смысл для должника. Пункт 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» перечисляет случаи, когда суд это правило не применяет, однако признаков недобросовестного поведения норма не раскрывает. Закон называет отдельные действия, среди которых сокрытие имущества, предоставление кредитору заведомо ложных сведений при получении кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, и оставляет их оценку суду. Поэтому рост числа кредитов перед обращением в суд, неточность анкетных данных или отчуждение имущества накануне возбуждения дела получают в практике несовпадающую оценку [Шайхутдинов, 2020; Мубинов, 2025].

Требование добросовестности закреплено в п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ как общее начало осуществления прав, а его содержание раскрывается через поведение, ожидаемое от участника оборота [Коновалов, 2016]. Абстрактность этого начала допускает разное наполнение в зависимости от института, к которому оно применяется [Зайцева, 2020]; на несовпадение недобросовестности с составом гражданского правонарушения обращает внимание А.В. Яровой [Яровой, 2025]. Для дела о банкротстве гражданина различие существенно. Общее начало служит ориентиром толкования, а отказ в освобождении от обязательств [Надежин, 2026] образует специальное последствие с описанным в законе составом. Смешение двух уровней ведёт к тому, что суд оценивает добросовестность должника в целом, минуя проверку конкретного состава.

Отсюда исследовательский вопрос: какие признаки поведения гражданина-должника закон и сложившееся судебное толкование связывают с отказом в освобождении от обязательств и чем эти признаки отличаются от неосмотрительности при принятии долговых обязательств. Задача работы состоит в том, чтобы выделить такие признаки в виде системы критериев, проверить их по правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации и показать, как сработавший критерий предопределяет объём отказа.

Материалы и методы исследования

Нормативную основу работы образуют п. 3–6 ст. 213.28 и п. 2 ст. 223.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ в редакции, действующей на 14 сентября 2026 г., а также п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ. К ним добавлены разъяснения, данные в п. 45 и 46 постановления Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 (в редакции от 17 декабря 2024 г.), и тезисы п. 55, 56, 59, 60, 62 и 63 раздела VI Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённого Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г. Использованы также четыре определения ВС РФ, которыми пересматривались акты о применении либо неприменении правила об освобождении. Единицей анализа выступает отдельное нормативное предписание либо выраженная судом правовая позиция о поведении должника. Судебные акты взяты при выполнении двух условий. Предметом спора служит применение п. 4 ст. 213.28, а позиция выражена коллегией ВС РФ. Реквизиты каждого акта сверены по его официальному тексту.

Применён формально-юридический анализ диспозиций с последующим систематическим и телеологическим толкованием норм, дополненный сравнением судебной и внесудебной процедур по объёму оснований отказа. Порядок операций был следующим. Сначала абзацы

второй–четвёртый п. 4 ст. 213.28 разложены по трём признакам, которыми служат адресат нарушенной обязанности, момент совершения действия и описанная в диспозиции форма вины. Затем полученное разграничение соотнесено с общим требованием добросовестности, чтобы установить, создаёт ли оно самостоятельное основание отказа. Далее каждый признак сверен с разъяснениями Пленума, тезисами Обзора и мотивами отобранных определений. Расхождение между признаком и позицией суда потребовало бы отказаться от признака. Наконец, система критериев применена к двум спорным ситуациям – последовательному наращиванию кредиторской задолженности и завышению сведений о доходе в кредитной анкете, – чтобы проверить, даёт ли она различающий результат. Приёмы доказывания недобросовестности, описанные в процессуальной науке [Борисова, 2023], использованы при определении того, какая сторона несёт риск недоказанности признака.

Результаты и обсуждение

Пункт 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ устанавливает три самостоятельных основания отказа, которые различаются не тяжестью поведения, а юридической конструкцией состава. Абзац второй требует вступившего в законную силу судебного акта о привлечении гражданина к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное либо фиктивное банкротство, причём совершённые в том же деле; здесь суд не оценивает поведение заново, а опирается на состоявшуюся ранее квалификацию. Абзац третий описывает непредоставление необходимых сведений или предоставление заведомо недостоверных сведений финансовому управляющему либо арбитражному суду. Абзац четвёртый охватывает незаконные действия при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор основывал своё требование [Шайхутдинов, 2020].

Три состава обращены к разным лицам и к разным моментам. Отсюда первый критерий: кому адресована нарушенная обязанность и когда она нарушена. Абзац третий описывает процедурную недобросовестность, где обязанность раскрыть сведения существует перед финансовым управляющим и судом внутри дела о банкротстве. Абзац четвёртый относится к доконкурсному поведению, где обязанность не вводить контрагента в заблуждение существует перед конкретным кредитором и нарушается до возбуждения дела. Системное подтверждение даёт норма о внесудебном порядке. Пункт 2 ст. 223.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ применяет к завершённой внесудебной процедуре только абзацы второй и четвёртый п. 4 ст. 213.28, оставляя абзац третий за пределами отсылки. Законодатель исключил из внесудебного порядка то основание, которое предполагает отношения с финансовым управляющим и арбитражным судом, а таких отношений в этой процедуре нет [Шайхутдинов, 2023]. Разграничение по адресату, следовательно, не является доктринальным допущением и прямо заложено в тексте закона.

Второй критерий – форма вины, описанная в диспозиции. Абзацы третий и четвёртый построены на признаках заведомости и умысла. Закон говорит о заведомо недостоверных сведениях, о заведомо ложных сведениях при получении кредита, о злостном уклонении и об умышленном уничтожении имущества. Неосторожное искажение в эти формулировки не укладывается. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 301-ЭС24-13995 квалификация поведения должника как незаконного поставлена в зависимость от умышленного характера действий, а сообщение недостоверных сведений без признака заведомой ложности признано не отвечающим этому условию. Тот же подход выражен в

определении Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-25685, где суд потребовал устанавливать направленность воли должника и не ограничиваться констатацией объективной противоправности. Пункт 59 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г. добавляет, что неполнота или противоречивость сведений, сообщённых кредитору при возникновении обязательства, сами по себе основанием для отказа не служат. Недобросовестность здесь не совпадает с составом гражданского правонарушения, и умысел устанавливается отдельно [Яровой, 2025].

Третий критерий – доступность сведений кредитору. Заведомо ложное сообщение приобретает правовое значение тогда, когда контрагент не мог проверить сведения доступными ему средствами. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 305-ЭС18-26429 признаёт последовательное наращивание кредиторской задолженности недобросовестным поведением лишь в случаях сокрытия сведений или сообщения недостоверной информации, тогда как необъективная оценка гражданином собственных финансовых возможностей препятствием к освобождению не является. Обоснование опирается на положение кредитной организации как профессионального участника рынка, располагающего средствами проверки платёжеспособности заёмщика. Пункт 55 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г. продолжает эту линию: использование кредита на отличающиеся от договорных цели само по себе о недобросовестности не свидетельствует, а целевое назначение поддаётся контролю кредитора. Распределение риска недоказанности следует за доступностью сведений. Кредитор доказывает заведомость [Борисова, 2023], а должник раскрывает то, что мог раскрыть только он.

Четвёртый критерий – функциональная связь поведения с возникновением требования либо с состоянием конкурсной массы. Абзац четвёртый прямо привязывает незаконное действие к возникновению или исполнению того обязательства, на котором основано требование; абзац третий – к возможности установить имущественное положение гражданина в процедуре, поскольку сохранность конкурсной массы зависит от раскрытия сведений самим должником [Пыльнев, 2026]. Пункт 56 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г. подтверждает необходимость такой связи, поскольку длительное неудовлетворение требований кредитора злостным уклонением само по себе не признаётся. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013 к должнику предъявлены повышенные требования добросовестности, включающие честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами и раскрытие источников дохода.

Пятый критерий – значимость искажения, то есть его способность повлиять на решение кредитора о предоставлении средств либо на ход процедуры. Пункт 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 разрешает устанавливать обстоятельства неосвобождения в рамках любого обособленного спора, а п. 46 того же постановления допускает пересмотр определения о завершении реализации имущества, если такие обстоятельства выявлены позднее. Процессуальная широта проверки делает содержательный отбор значимых искажений необходимым, иначе любое расхождение в анкете становится поводом вернуться к завершённому делу.

Соотношение выведенных критериев с общим началом требует отдельного пояснения. Пределы осуществления прав закреплены в ст. 10 ГК РФ, которая определяет запрет заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав и действий в обход закона с противоправной целью, а последствием называет отказ в защите права полностью или частично. Пункт 4 ст. 213.28 регулирует тот же вопрос применительно к завершению банкротства гражданина и описывает составы с большей степенью определённости. Из соотношения общей

и специальной норм следует, что ссылка на ст. 10 ГК РФ не создаёт шестого, самостоятельного основания отказа. Она объясняет цель специальных составов и помогает толковать признак заведомости [Коновалов, 2016], не заменяя его установление [Зайцева, 2020]. Обобщённая формула о недобросовестности должника, не привязанная к абзацу п. 4, оставляет вывод суда непроверяемым и лишает институт освобождения предсказуемости, без которой баланс интересов должника и кредиторов [Коротаев, 2024] не поддерживается. Судебное толкование выполняет здесь восполняющую функцию [Фокин, 2026] и потому нуждается в устойчивых опорах [Бояринова, 2025].

Из различия адресатов вытекает правило выбора последствия. Основания абзацев второго и третьего обращены к процедуре в целом, поэтому установленное по ним нарушение исключает освобождение от всех обязательств. Основание абзаца четвёртого привязано к обязательству конкретного кредитора, и его логика допускает сохранение долга только перед этим кредитором; такую возможность подтверждает п. 63 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г., признающий частичное освобождение допустимым, тогда как п. 62 относит к безусловным случаям принятие обязательств без намерения их исполнять.

Проверка на спорных ситуациях подтверждает различающую силу критериев. Последовательное наращивание задолженности само по себе состава не образует, поскольку отсутствуют заведомо ложное сообщение, исключительное владение сведениями и связь с конкретным обязательством, а неосмотрительность заёмщика к недобросовестности не приравнивается. Различие в природе долгов гражданина отмечает и Е.М. Шайхутдинов [Шайхутдинов, 2023]. Завышение дохода в кредитной анкете, напротив, состав образует, но лишь при доказанной заведомости, недоступности действительных сведений для банка и значимости искажения для решения о выдаче кредита, а последствием служит сохранение требования этого банка, не отказ в освобождении от всех долгов. Предложенное разграничение опровергалось бы, если бы суды отказывали в освобождении при неосторожном искажении сведений либо распространяли последствие абзаца четвёртого на требования всех кредиторов; действующие позиции Верховного Суда Российской Федерации такого прочтения не дают. Сходную технику показывает институт исковой давности, где недобросовестность стороны влечёт отказ в применении выгодного ей правила [Власов, Двалишвили, 2021] без общего поражения в правах. В правопорядках Европейского союза списание долгов также увязывается с добросовестностью заявителя, и различие проводится по характеру поведения, а не по размеру непогашенного долга [Jokubauskas, 2023].

Заключение

Толкование п. 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ, соотнесённое с п. 2 ст. 223.6 того же закона, ст. 10 ГК РФ, разъяснениями Пленума и тезисами Обзора 2025 года, даёт пять признаков недобросовестного поведения гражданина-должника, а их состав таков. Это круг лиц, перед которыми нарушена обязанность, и время нарушения; умысел, выраженный признаком заведомости; недоступность сведений для кредитора; функциональная связь действия с требованием либо с конкурсной массой; значимость искажения. Признаки проверяются последовательно, и отсутствие любого из них означает, что состав не установлен.

Первый признак определяет и объём последствия. Нарушение обязанностей перед судом и финансовым управляющим исключает освобождение полностью, а незаконное действие в отношениях с отдельным кредитором оставляет непогашенным только его требование. Применение системы к наращиванию задолженности и к завышению дохода в кредитной анкете

даёт различающий результат. Первая ситуация состава не образует, вторая образует его при доказанных умысле, недоступности сведений и значимости искажения. Предложенный порядок проверки позволяет мотивировать отказ в освобождении через конкретный абзац нормы, а не через общую оценку добросовестности должника.

Библиография

1. Борисова Л.В. О доказывании недобросовестности должника и защите прав и законных интересов кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 38–41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41
2. Бояринова В.И. Презумпция неплатежеспособности в свете новых разъяснений Верховного Суда РФ // Юрист. 2025. № 4. С. 51–56. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-4-51-56
3. Власов А.А., Двалишвили Л.З. Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 1056–1068. DOI: 10.21638/spbu14.2021.415
4. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 476–501. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501
5. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.4.14
6. Коротаев Р.А. Дефиниция понятия баланса интересов кредиторов и должника в деле о несостоятельности (банкротстве) // Российский судья. 2024. № 9. С. 2–4. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-9-2-4
7. Мубинов Д.Д. Правовые аспекты отказа в освобождении гражданина-банкрота от исполнения обязательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 40–44. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-7-40-44
8. Надежин Н.Н. Освобождение гражданина от обязательств при банкротстве: стандарт добросовестного поведения // Хозяйство и право. 2026. № 9. С. 25–35. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-9-25-35
9. Пыльнев Ю.А. Должник и кредиторы как гражданско-правовое сообщество: к вопросу о моделях ответственности в банкротстве // Российский судья. 2026. № 2. С. 17–22. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-2-17-22
10. Фокин Е.А. Судебные доктрины в сфере банкротства // Lex russica. 2026. Т. 79. № 8. С. 137–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156
11. Шайхутдинов Е.М. Актуальные проблемы правового регулирования внесудебного банкротства гражданина // Юрист. 2023. № 11. С. 47–51. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-11-47-51
12. Шайхутдинов Е.М. О необходимости дифференцированного подхода к долгам гражданина-банкрота // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 44–53. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-7-44-53
13. Шайхутдинов Е.М. Отказ в освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 65–71. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.065-071
14. Яровой А.В. Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 7. С. 83–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093
15. Jokubauskas R. The concept of a fresh start in the discharge of debt procedure in European Union insolvency law // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2023. Vol. 30. No. 5. Pp. 597–622. DOI: 10.1177/1023263X231217107

Criteria for Qualifying the Bad-Faith Behavior of a Citizen-Debtor When Deciding on Release from Obligations

Maksim V. Sokolov

Master,
Moscow University "Synergy",
129090, 9/14, Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: maxim.sokoloff2010@gmail.com

Abstract

Paragraph 4 of Art. 213.28 of the Bankruptcy Law lists the cases in which the court does not apply the rule on releasing a citizen from obligations, but does not disclose the attributes of bad-faith behavior, which is why similar circumstances receive inconsistent assessment in practice. The work identifies verifiable criteria for such qualification and establishes the dependence of the scope of refusal on which criterion was triggered. Paragraphs 3–6 of Art. 213.28 and para. 2 of Art. 223.6 of the said law in the version in force as of September 14, 2026, para. 3 of Art. 1 and Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation, the explanations of paras. 45 and 46 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45, the theses of Section VI of the Review of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 18, 2025, and four rulings of the Supreme Court of the Russian Federation have been studied; formal-legal analysis, systematic and teleological interpretation, and comparison of judicial and extrajudicial procedures have been applied. Five criteria are identified, which are the addressee of the violated obligation and the moment of its violation, the intentional nature of the action, the exclusivity of the information held by the debtor, the connection of the behavior with the emergence of the claim or with the formation of the bankruptcy estate, and the materiality of the distortion for the creditor's decision or for the course of the procedure. The set of criteria separates bad faith from imprudence in assuming debt obligations and substantiates the retention as unrepaid of only that claim in relations with which an intentional unlawful action has been established.

For citation

Sokolov M.V. (2026) Kriterii kvalifikatsii nedobrosovestnogo povedeniya grazhdanina-dolzhnika pri reshenii voprosa ob osvobozhdenii ot obyazatel'stv [Criteria for Qualifying the Bad-Faith Behavior of a Citizen-Debtor When Deciding on Release from Obligations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 475-482. DOI: 10.34670/AR.2026.38.18.068

Keywords

Citizen's bankruptcy, release from obligations, bad-faith behavior, knowingly false information, abuse of right, competing creditor, judicial interpretation.

References

1. Borisova, L. V. (2023). On Proving the Bad Faith of a Debtor and the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Creditors in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Citizens. Arbitrazh and Civil Procedure, no. 8, pp. 38–41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41
2. Boyarinova, V. I. (2025). Presumption of Insolvency in Light of New Clarifications from the Russian Supreme Court. Jurist, no. 4, pp. 51–56. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-4-51-56
3. Fokin, E. A. (2026) Judicial Doctrines in the Field of Bankruptcy. Lex russica, vol. 79, no. 8, pp. 137–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156
4. Jokubauskas, R. (2023). The Concept of a Fresh Start in the Discharge of Debt Procedure in European Union Insolvency Law. Maastricht Journal of European and Comparative Law, vol. 30, no. 5, pp. 597–622. DOI: 10.1177/1023263X231217107
5. Konovalov, A. V. (2016). Bona Fides Principle in the Updated Russian Federation Civil Code and in Judicial Practice. Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 4, pp. 4–14. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.4.14
6. Korotaev, R. A. (2024). Definition of the Concept of Balance of Interests of Creditors and Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings. Russian Judge, no. 9, pp. 2–4. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-9-2-4
7. Mubinov, D. D. (2025). Legal Aspects of the Refusal to Discharge a Bankrupt Citizen from the Performance of Obligations. Arbitrazh and Civil Procedure, no. 7, pp. 40–44. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-7-40-44

8. Nadezhin, N. N. (2026) Release of a Citizen from Obligations in Bankruptcy: The Standard of Good Faith Conduct. Economy and Law, no. 9, pp. 25–35. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-9-25-35
9. Pylnev, Yu. A. (2026) The Debtor and Creditors as a Civil Law Community: On the Issue of Liability Models in Bankruptcy. Russian Judge, no. 2, pp. 17–22. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-2-17-22
10. Shaykhutdinov, E. M. (2020). Refusal to Discharge of Obligations upon Completion of Bankruptcy Proceedings. Actual Problems of Russian Law, vol. 15, no. 10, pp. 65–71. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.065-071
11. Shaykhutdinov, E. M. (2023). On the Need for a Differentiated Approach to the Debts of a Bankrupt Citizen. Economy and Law, no. 7, pp. 44–53. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-7-44-53
12. Shaykhutdinov, E. M. (2023). Topical Issues of the Legal Regulation of Out-of-Court Bankruptcy of a Citizen. Jurist, no. 11, pp. 47–51. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-11-47-51
13. Vlasov, A. A., Dvalishvili, L. Z. (2021). Defendant's Bad Faith as a Basis for the Court's Non-Application of Limitation of Action. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, vol. 12, no. 4, pp. 1056–1068. DOI: 10.21638/spbu14.2021.415
14. Yarovoy, A. V. (2025). Good Faith: Issues of Doctrinal Definition and Practical Application. Actual Problems of Russian Law, vol. 20, no. 7, pp. 83–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093
15. Zaytseva, N. V. (2020). The Principle of Good Faith and Its Impact on the Qualification of Legal Relations. Perm University Herald. Juridical Sciences, no. 3, pp. 476–501. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343 **DOI: 10.34670/AR.2026.36.38.050**

Уголовная политика в сфере обеспечения цифрового суверенитета

Пекарева Виктория Владимировна

Магистрант,
юридический факультет,
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

Аннотация

Особая значимость цифровой среды, в частности сети «Интернет», как объекта уголовно-правовой охраны предопределяется исключительным социально-стратегическим статусом, а также специфическими техническими характеристиками. Исследование направлено на демонстрацию и доказательность того, что «соблазнительный» и справедливо отстаиваемый многими учеными, в контексте рассмотрения образующих понятийного аппарата цифрового суверенитета, баланс между механизмами государственного контроля для обеспечения национальной безопасности, устойчивости к внешним и внутренним дестабилизирующим воздействиям и открытостью, свободой выбора веб-ресурсов гражданами, их пользованием ими, выглядит как утопическая идея и стремление к идеалу, однако вполне возможен, хоть и вопреки всему трудно реализуем. Любая попытка зафиксировать эту точку равновесия неизбежно сталкивается с очевидным противоречием между трансграничной, децентрализованной природой самой сети «Интернет» (цифровая среда развивается по принципу самоорганизации, сетевых эффектов и постоянного технологического усложнения, совершенствуясь) и классическими механизмами государственно-правового регулирования. Однако в научной работе не просто рассматривается упомянутый компромисс и его значение, что характеризует цифровой суверенитет в одной из идеальных форм, но и отстаивается мнение о достижении равновесия через защиту функционального целого информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без ущерба правам, интересам граждан. Отрицание необходимости подобного свидетельствует не о стремлении к свободе, а о безответственном отношении к реализации концепции, в особенности, уголовно-правовой, охраны цифровой дееспособности государства и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Пекарева В.В. Уголовная политика в сфере обеспечения цифрового суверенитета // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 483-491. DOI: 10.34670/AR.2026.36.38.050

Ключевые слова

Цифровой суверенитет, интернет, устойчивость, целостность, конфиденциальность, информационная безопасность, уголовно-правовая охрана, цифровая среда, информационно-телекоммуникационная сеть, суверенизация интернета, преступления в сфере компьютерной информации.

Введение

Пока есть государство, нет свободы.

Когда будет свобода, не будет государства.

Владимир Ленин

С одной стороны, уголовный закон призван обеспечивать стабильность правопорядка, системность и предсказуемость правоприменения (его единообразие). С другой стороны, под воздействием динамично меняющихся общественных отношений, медийного, политического дискурса, мультипликативной в своем положительном и негативном развитии цифровой среды, а также актуальных государственных запросов уголовно-правовые институты нередко подвергаются точечным преобразованиям.

Описанное характеризует часть того, из чего складывается уголовная политика. При всей ее парадоксальности в сфере гарантии информационной и обеспечении национальной безопасности она выступает универсальным инструментарием, выстраивающем свои методологические корни на интегративном и междисплинарном подходе, что значительно расширяет возможность противодействия киберпреступности. Однако невозможно не учесть излишний субъективизм, приводящий к оценочным суждениям, искажая объективный смысл уголовно-правовой охраны, заложенный реальными потребностями защиты информационного пространства.

Основная часть

В актуальной юридической парадигме информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» перестает рассматриваться исключительно в качестве нейтрального коммуникационного пространства или прикладного инструмента обмена данными. В современных реалиях она справедливо представляет собой специфическую сложно структурированную децентрализованную техническую среду и экосистему социотехнических отношений, где цифровые возможности выступают одновременно детерминантой общественного прогресса и пространством потенциальной криминальной экспансии, ввиду чего проблема её защиты неразрывно связывается с вопросами цифрового суверенитета и обеспечения национальной безопасности. П.Н. Астапенко вносит существенный вклад в понимание текущей «картины» того, что из себя представляет интернет-пространство, а именно это та среда, по его обоснованному мнению, которая по своей роли и значению не уступает реальному пространству, в отношении которого действуют принципы и правила государственного суверенитета. Оно не имеет физических границ, однако де-факто поделено между социальными сетями, мессенджерами, сервисами и другими интернет-ресурсами. Каждый интернет-ресурс имеет собственную власть, роль которой, без преувеличения,

аналогична публичной власти, реализующей свое суверенное право на конкретной территории, квази-суверенитет [Астапенко, 2022]. В данном контексте исследовательский фокус смещается с единичных эпизодов хищений или частных случаев мошенничества на качественную трансформацию преступности, адаптирующей сетевое пространство в качестве способа собственного функционирования, воспроизводства и эскалации. Подобный процесс создает угрозу для устойчивости функционирования веб-ресурсов, их доступности, стабильных информационных обменов, конфиденциальности сведений компаний и граждан, безопасности критической информационной инфраструктуры, что подрывает доверие к цифровым ресурсам и техническим средствам, а также дестабилизирует управляемость социальных процессов в целом. Неспроста С.И.Коданева заостряет внимание на технический аспект, а именно на сложность цифровой среды, которая является многослойной и включает в себя физическую инфраструктуру, технические стандарты, программы (алгоритмы), включая платформы, и размещаемый на них или с их помощью контент, что эти слои могут контролироваться различными субъектами, что создаёт проблемы юрисдикции: пакет данных из ЕС, передаваемый по подводному кабелю, принадлежащему американской компании, обрабатывается в индийском дата-центре с помощью платформы, принадлежащей Китаю [Коданева, 2025].

С технологической точки зрения неспроста В. А. Никонов подчеркивает необходимость развития национальной цифровой инфраструктуры и внедрения передовых технологий, включая разработку национальных операционных систем и инструментов для работы с большими данными, затрагивая вопросы защиты национальной информационной среды от внешних угроз, таких как кибератаки и цифровой шпионаж [Никонов и др., 2021]. Нельзя не признать справедливость тезиса авторов - О.А. Кожевниковой и А.В. Нечкина о том, что «каждое государство, объявляя себя суверенным, стремится любыми доступными способами в рамках норм международного и национального права защитить свой суверенитет от какого-либо влияния со стороны других государств, потому как в противном случае оно рискует лишиться той или иной части своих суверенных прав, что ведет к изменению его правового статуса» [Кожевников, Нечкин, 2021]. В настоящее время особую значимость приобретает новое осмысление фундаментальных понятий теории государства и права. Эволюция общественных отношений способствует накоплению и обновлению знаний о правовой действительности [Мотова, 2026]. Придерживаясь позиции исследователей Г.А. Адамяна, О.В. Биктасова, А.А.Вихрова, М.В.Сальникова, что сущность суверенитета - это прежде всего социально-политические и правовые отношения и это не свойство, не состояние власти, которые характеризуют лишь различные стороны качества власти и государства, что они выражают и характер, и качество политико-правовых отношений, которые составляют внутреннюю стержневую основу любого общества, государства и любой власти, их сущность [Вихров и др., 2005], приступим к рассмотрению цифрового суверенитета, прежде чем перейти к его непосредственному анализу в контексте уголовно-правовых отношений.

Очевидно, что рассмотрения вопроса о том, как правильно выстраивать государственный механизм в области цифрового суверенитета, и выбора в определении понятия «цифровой суверенитет» преимущественного предпочтения из двух крайностей между приоритетом порядка и безопасности, ассоциируемых с суверенитетом, и проявлением субъектной воли, выраженным в категории свободы было чем-то невозможным. Этому и уделено внимание в мысли, отраженной в эпиграфе исследования. Однако с полным пониманием неизбежности упоминания ключевой дискуссии многих ученых, отстаивающих ту или иную позицию,

эпиграф, который обычно формирует смысловое наполнение содержания текста или его части, отражая субъектную позицию автора по отношению к последующему изложению, представляло собой всего лишь диалектическим приемом, который мгновенно трансформирует проблематику суверенитета из области рутинного политологического анализа в контекст напряженного дискурса относительно приоритетности институциональной безопасности и порядка перед концептом свободной воли. Использованный маневр носил исключительно вводный характер, имея своей целью привлечение внимания к корректной интерпретации сути вопроса о том, какой именно, по нашему мнению, цифровой суверенитет защищаем и чем он является. Это не только инструмент защиты, но и ресурс долгосрочной устойчивости и культурного влияния. В рамках подобных рассуждений произнесённые слова министром цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Максутом Шадаевым в ходе международного форума по практической кибербезопасности «Positive Hack Days» 2025 года играют по-другому, наделяясь специфической семантической значимостью: «Цифровой суверенитет - это прежде всего способность государства обеспечить защиту интересов своих граждан и собственной информационной инфраструктуры независимо от внешнеполитических обстоятельств и санкционного давления». Концепция цифрового суверенитета, развиваемая на национальном уровне, является объективной реакцией на неспособность международного права защитить государства от гибридных угроз [Шарафиев, 2026].

Соответствующее понимание, основанное на публично-правовых аспектах и предложенное А.С.Агафоновым, позволяет сложить верное впечатление о сущности цифровой суверенности государства (цифрового суверенитета) как способности государства самостоятельно создавать и использовать в различных сферах деятельности собственные средства вычислительной техники, программы для электронных вычислительных машин и базы данных, которые являются критически важными для обеспечения благосостояния населения государства, его национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики, а также возможность государства определять и проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику в информационной сфере [Агафонов, 2026]. Охранительное воздействие уголовно-правовых норм должно быть направлено не на ограничение свободной цифровой активности правомерных субъектов, а на криминализацию и наказание деяний, сопряжённых с деструктивным вмешательством в функционирование цифровых систем и ресурсов, нарушающим их целостность, устойчивость, конфиденциальность и доступность, что создает угрозу национальной безопасности и суверенитету в цифровом пространстве, а также представляет потенциальную опасность для ценностных ориентиров и социокультурной идентичности каждого гражданина. Данная модель полностью сообразуется с пониманием цифрового суверенитета как способности государства суверенно регулировать цифровые ресурсы, гарантируя их защищенность от внешних посягательств и внутренних деструктивных факторов.

Относительно недавними нововведениями в уголовное законодательство были нормы, закрепленные в статьях 274.3, 274.4 и 274.5 УК РФ, представляющие собой составляющие единой уголовно-правовой политики в плане недопущения неправомерной эксплуатации абонентских терминалов маршрутизации трафика или виртуальных телефонных станций, равно как и организации деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением установленных регламентов либо сведений, необходимых для идентификации и аутентификации пользователей при получении доступа к функционалу информационных ресурсов. Наряду с этим, пополнен и список отягчающих обстоятельств п.ф ст.63 УК РФ

(совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен)). Многообразие платформ и сервисов IP-телефонии обусловливает необходимость обладания специализированными знаниями и применения соответствующих инструментов при проведении оперативно-розыскных мероприятий. VoIP, GSM-шлюзы и SIM-банки представляют собой полезные технологические решения для интеграции сетей VoIP и GSM, которые превращаются в мощный инструмент реализации преступных схем. Однако не всегда вносимые изменения как корректирующие, так и вводимые нечто новое в УК РФ способны совершенствовать механизмы правового регулирования в информационной сфере. Русскевич Е. А., комментируя одну из новелл уголовного права, объективно замечает, что предложенная законодательная модель ответственности представителей операторов связи за нарушения в области эксплуатации технических средств противодействия угрозам (ст. 274.2 УК РФ) не представляется оптимальной: уязвимым является подход к описанию административно-преюдициальных признаков состава; возможность уголовно-правовой реакции на конкретный инцидент появляется не в связи с наступлением тех или иных общественно опасных последствий, а лишь при третьем задокументированном нарушении [Русскевич, 2023]. По мнению Русскевича Е. А., в данной норме УК РФ законодатель допускает не вполне удачное использование терминологии [Русскевич, 2023].

Несмотря на то, что правовое регулирование информационной безопасности, в частности, привлечение к уголовной ответственности за преступления в информационной сфере, в последнее время претерпело значительные улучшения, оно по-прежнему не удовлетворяет потребностям времени и на сегодняшний день существует немало пробелов в законодательстве, регулирующем вопросы привлечения к уголовной ответственности в сфере информации [Вепренцева, 2025]. Кроме того, заметно, что уголовный закон использует конструкции, заимствованные из информационного, административного и гражданского права, без их адаптации к уголовно-правовому контексту, требующему повышенной точности и определенности. Это противоречит принципу формальной определенности уголовного закона. Также, обращает на себя особое внимание технологическая нейтральность формулировок, изначально рассматриваемая многими как достоинство, оборачивается неопределенностью и несоответствием действительности, сложностями правоприменения. Под одно понятие могут подпадать принципиально разные с технической и социальной точки зрения явления. Отсутствие легальных дефиниций или наличие их в устаревшем виде (компьютерная информация тому одно из очевидных доказательств), а также их чрезмерная общность перекладывает бремя толкования на правоприменителя, который не всегда обладает необходимыми техническими знаниями и возможностями [Пекарева, 2026].

Наряду с прямым внесением изменений в основополагающий источник уголовного права, его нормы, в частности, объективную сторону закрепленных составов преступлений, детализируются посредством иных нормативно-правовых актов, что обязывает для установления факта совершения преступления, а также для уголовно-правовой оценки противоправного поведения в области устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационой сети «Интернет» и сетей связи обратиться к правилам и требованиям, без которых перечисленное не представляется возможным. Речь идет в первую очередь об относительно недавно изменившихся и принятых следующих нормативно-правовых актах:

- Постановление РФ от 30.08.2025 №1333, которым обновлены и установлены обязательные правила установки, эксплуатации и модернизации технических средств противодействия

угрозам для обеспечения целостности, безопасности и устойчивости работы сети «Интернет» и сети связи общего пользования операторами связи;

- Постановление Правительства РФ от 15.01.2024 №4, регулирующее установку, эксплуатацию и модернизацию технических средств противодействия угрозам в точках обмена трафиком: за эти процессы отвечают радиочастотная служба и владельцы точек обмена трафиком. В постановлении прописан порядок взаимного обмена и обновления информации между ними (подача и ответ на запросы, сроки и форма взаимодействия), требования к техническим характеристикам средств, строгие сроки для обмена информацией и уведомления о событиях (установка, модернизация, изменения подключения), а также оформление актов передачи и возврата технических средств.

Нужно при этом учесть, что это не единичные нормативно-правовые акты, к которым необходимо обращаться при квалификации содеянного или разбора уголовно-правовых норм, поскольку составы преступлений, закрепленные в главе 28 УК РФ, преимущественно бланкетного характера, в особенности, все новеллы, появляющиеся в последнее время, при анализе которых обойтись без сторонних законов и подзаконных актов кроме уголовного кодекса никоим образом не возможно, да и нецелесообразно. Несмотря на очевидные результаты в развитии законодательства, регулирующего ответственность за компьютерные преступления, по-прежнему способствуют стремительному развитию безнаказанной противоправной деятельности современных компьютерных злоумышленников. В то же время, оправдываются прогнозы многих ученых о том, что рост преступлений, связанных с компьютерной информацией, будет продолжаться, в связи с чем особое значение имеет готовность внутригосударственного уголовного законодательства к активному совершенствованию современной преступной деятельности [Берова, 2020].

Е.В.Кунц своими рассуждениями замечает справедливую взаимосвязь, которая не раз подчеркивалась в статье, а именно, что пока все опции исполнения и интерпретации национального законодательства не будут полностью использованы, трудно определить, на какие средства нужно соглашаться на международном уровне. Принцип территориальности дает возможность странам навязывать свой суверенитет информационной инфраструктуре, находящейся в пределах их территории, или действовать в соответствии с их юрисдикцией. Ответственность государства за безопасность своих сетей поддерживается принятыми международными принципами невмешательства и суверенитета [Кунц, 2025].

Министерством цифрового развития Российской Федерации представило проект доктрины, направленной на пресечение преступлений и иных правонарушений, совершаемых с применением информационных технологий. Стратегический документ рассчитан на период до 2035 года и вынесен на публичное обсуждение, закрепляя понятийно-категориальный аппарат, определяющий технологический и нормативно-правовой инструментарий государственной политики. В нормативный оборот вводятся дефиниции «антифрод-мер» как совокупности правовых, технических и организационных механизмов выявления и предотвращения правонарушений, «антифрод-системы», «Платформа» (Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. №41-ФЗ и Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2026 г. №200) в качестве специализированной государственной информационной системы, а также концепты «цифрового следа» и «электронного (цифрового) доказательства», составляющие основу процессуальной деятельности. Кроме того, нормативный акт оперирует понятиями «цифровая гигиена», «цифровая грамотность» и «противоправная инфраструктура». Ключевым элементом создаваемой архитектуры становится Платформа, функционирующая с 1 марта 2026 года:

данный институт объединяет правоохранительные органы, Банк России, финансовые организации, операторов связи и цифровые платформы в единую интеграционную среду, обеспечивающую формирование так называемого «цифрового иммунитета». Формирование последнего у государства и общества предполагает смещение уголовно-правового фокуса с репрессивного реагирования на упреждающую нейтрализацию системных угроз. Уголовно-правовая политика в рассматриваемой области будет выступать не инструментом карательного воздействия, а механизмом селективного сдерживания, строго ориентированным на нейтрализацию деструктивных цифровых факторов. Базовым ориентиром данного подхода является формирование системы цифровой защищенности, а не установление надзора, в силу чего заметна направленность в большей степени на блокирование конкретных угроз, а не на введение всеобщих запретов.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, ключевым становится тезис, что при стремлении к достижению безупречной своевременной охраны информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», ее пользователей, компаний, государства, обеспечения стабильности и устойчивости интернет-ресурсов, противодействия реализации противоправного поведения в сети и связанных с ней преступлений, а также защиты разноплановой информации во всех сферах жизнедеятельности граждан не должно сопровождаться обесцениванием свободы доступа к веб-платформам, их пользованием, не противоречащим отечественным законодательством, права на публикацию, поиск сведений, равно как и приводить к положению, при котором государство и отдельный гражданин, в частности, становится объектом чужой воли, навязанной иностранными механизмами, пренебрегая уже не просто своими ценностями, но и независимостью. Кроме того, необходимо внимательно относиться к техническим характеристикам внедряемых инструментов, решений, административных и уголовных норм права, а также учитывать, что избыточные или недостаточно проработанные ограничения способны не только снизить эффективность проводимой политики, но и вызвать отторжение у пользователей, подтолкнув их к использованию альтернативных каналов и обходных технологий.

Библиография

1. Агафонов, А. С. Цифровая суверенность государства в российском праве / А. С. Агафонов // Сибирское юридическое обозрение. – 2026. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-suverennost-gosudarstva-v-rossiyskom-prave-1 .
2. Астапенко, П. Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху / П. Н. Астапенко // Закон и право. – 2022. – № 9. – С. 27–33. – DOI 10.24412/20733313_2022_9_27.
3. Берова, Д. М. Правовое регулирование ответственности за преступления в сфере компьютерной информации: проблемы и перспективы развития / Д. М. Берова // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. XIII, № 3. – С. 121–123.
4. Вепренцева, Т. А. Информационное право. Ответственность в информационной сфере : учебное пособие / Т. А. Вепренцева. – Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. – 131 с.
5. Вихров, А. А. Понятие и сущность суверенитета / А. А. Вихров, М. В. Сальников, Г. А. Адамян, О. В. Биктасов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-suvereniteta .
6. Кожевников, О. А. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ / О. А. Кожевников, А. В. Нечкин // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 242–249.
7. Коданева, С. И. Цифровой суверенитет как новая правовая концепция / С. И. Коданева // Московский юридический журнал. – 2025. – № 4. – С. 14–28. – DOI 10.18384/2949-513X-2025-4-14-28.

8. Кунц, Е. В. Противодействие современным киберпреступлениям / Е. В. Кунц // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1. – С. 97–104. – DOI 10.14258/ralj(2025)1.15.
9. Мотова, Е. А. Правовая природа технологического суверенитета в условиях новой социальной реальности / Е. А. Мотова // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2(104). – С. 271–279. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).271-279.
10. Никонов, В. А. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В. А. Никонов, А. С. Воронов, В. А. Сажина, С. В. Володенков, М. В. Рыбакова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206–216.
11. Пекарева, В. В. Понятийный аппарат в уголовно-правовой охране информационной безопасности: содержание и проблемы толкования / В. В. Пекарева // Вопросы российского и международного права. – 2026. – Т. 16, № 2-1. – С. 591–597. – DOI 10.34670/AR.2026.68.49.067.
12. Русскевич, Е. А. Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам информационной безопасности / Е. А. Русскевич // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1(3). – С. 650–672. – DOI 10.21202/jdtl.2023.28.
13. Шарафиев, К. И. Правовые и политические аспекты обеспечения национальной безопасности в условиях гибридных угроз / К. И. Шарафиев // Гуманитарный научный вестник. – 2026. – № 4. – С. 102–109. – DOI 10.5281/zenodo.19734915.

Criminal Policy in the Sphere of Ensuring Digital Sovereignty

Viktoriya V. Pekareva

Master's Student,
Faculty of Law,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moyki river embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

Abstract

The particular significance of the digital environment, in particular the Internet, as an object of criminal law protection is predetermined by its exceptional social-strategic status, as well as by specific technical characteristics. The study is aimed at demonstrating and proving that the "seductive" and justly defended by many scholars, in the context of considering the constituent conceptual apparatus of digital sovereignty, balance between the mechanisms of state control for ensuring national security, resilience to external and internal destabilizing influences, and openness, citizens' freedom to choose web resources and their use of them, looks like a utopian idea and a striving for an ideal, yet is quite possible, although contrary to everything difficult to implement. Any attempt to fix this point of equilibrium inevitably encounters an obvious contradiction between the transborder, decentralized nature of the Internet itself (the digital environment develops according to the principle of self-organization, network effects, and constant technological complication, improving itself) and the classical mechanisms of state-legal regulation. However, the scientific work not only examines the aforementioned compromise and its significance, which characterizes digital sovereignty in one of its ideal forms, but also defends the opinion that equilibrium is achievable through the protection of the functional whole of the information and telecommunications network "Internet" without prejudice to the rights and interests of citizens. The denial of the necessity of such protection testifies not to a striving for freedom, but to an irresponsible attitude toward the implementation of the concept, especially the criminal law protection, of the digital capability of the state and society.

For citation

Pekareva V.V. (2026) Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya tsifrovogo suvereniteta [Criminal Policy in the Sphere of Ensuring Digital Sovereignty]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 483-491. DOI: 10.34670/AR.2026.36.38.050

Keywords

Digital sovereignty, Internet, resilience, integrity, confidentiality, information security, criminal law protection, digital environment, information and telecommunications network, sovereignization of the Internet, computer information crimes.

References

1. Agafonov, A. S. (2026) Tsifrovaya suverennost' gosudarstva v rossiyskom prave [Digital sovereignty of the state in Russian law]. *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye*, (2). https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-suverennost-gosudarstva-v-rossiyskom-prave-1
2. Astapenko, P. N. (2022). Tsifrovoy suverenitet kak usloviye realizatsii gosudarstvennogo suvereniteta v internet-epokhu [Digital sovereignty as a condition for the implementation of state sovereignty in the Internet era]. *Zakon i pravo*, (9), 27–33. https://doi.org/10.24412/20733313_2022_9_27
3. Berova, D. M. (2020). Pravovoye regulirovaniye otvetstvennosti za prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: problemy i perspektivy razvitiya [Legal regulation of liability for crimes in the field of computer information: problems and prospects of development]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, *13*(3), 121–123.
4. Kodaneva, S. I. (2025). Tsifrovoy suverenitet kak novaya pravovaya kontseptsiya [Digital sovereignty as a new legal concept]. *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal*, (4), 14–28. https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-14-28
5. Kozhevnikov, O. A., & Nechkin, A. V. (2021). Nekommercheskiye organizatsii – inostrannyye agenty: opyt Rossii i drugikh gosudarstv SNG [Non-profit organizations – foreign agents: the experience of Russia and other CIS countries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (471), 242–249.
6. Kunts, E. V. (2025). Protivodeystviye sovremennym kiberprestupleniyam [Countering modern cybercrimes]. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal*, (1), 97–104. https://doi.org/10.14258/ralj(2025)1.15
7. Motova, E. A. (2026) Pravovaya priroda tekhnologicheskogo suvereniteta v usloviyakh novoy sotsial'noy real'nosti [The legal nature of technological sovereignty in the conditions of a new social reality]. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal*, *27*(2), 271–279. https://doi.org/10.17150/1819-0928.2026.27(2).271-279
8. Nikonov, V. A., Voronov, A. S., Sazhina, V. A., Volodenkov, S. V., & Rybakova, M. V. (2021). Tsifrovoy suverenitet sovremennogo gosudarstva: soderzhaniye i strukturnyye komponenty [Digital sovereignty of the modern state: content and structural components]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (60), 206–216.
9. Pekareva, V. V. (2026) Ponyatiynyy apparat v ugolovno-pravovoy okhrane informatsionnoy bezopasnosti: soderzhaniye i problemy tolkovaniya [Conceptual apparatus in the criminal law protection of information security: content and problems of interpretation]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, *16*(2-1), 591–597. https://doi.org/10.34670/AR.2026.68.49.067
10. Russkevich, E. A. (2023). Narusheniye pravil tsentralizovannogo upravleniya tekhnicheskimi sredstvami protivodeystviya ugrozam informatsionnoy bezopasnosti [Violation of the rules of centralized management of technical means of countering information security threats]. *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(3), 650–672. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.28
11. Sharafiev, K. I. (2026) Pravovyye i politicheskiye aspekty obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v usloviyakh gibridnykh ugroz [Legal and political aspects of ensuring national security in the context of hybrid threats]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, (4), 102–109. https://doi.org/10.5281/zenodo.19734915
12. Veprentseva, T. A. (2025). *Informatsionnoye pravo. Otvetstvennost' v informatsionnoy sfere* [Information law. Responsibility in the information sphere]. Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice.
13. Vikhrov, A. A., Salnikov, M. V., Adamyan, G. A., & Biktasov, O. V. (2005). Ponyatiye i sushchnost' suvereniteta [The concept and essence of sovereignty]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (3). https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-suvereniteta

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9.01 **DOI: 10.34670/AR.2026.59.68.051**

Аддитивность генетической предрасположенности к делинквентности

Гомонов Николай Дмитриевич

Доктор юридических наук, профессор,
кафедра юриспруденции,
Мурманский арктический университет,
183010, Российская Федерация, Мурманск, ул. Спортивная, 13;
e-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович

Кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории,
ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области,
184355, Российская Федерация, пос. Мурмаши, ул. Зеленая, 14-а;
e-mail: krist56@mail.ru

Рашева Наталья Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра юриспруденции,
Мурманский арктический университет,
183010, Российская Федерация, Мурманск, ул. Спортивная, 13;
e-mail: anyta_us@mail.ru

Аннотация

В данной статье авторы проводят анализ феномена аддитивности генетической предрасположенности к делинквентности. Отмечается, что генетическую дисперсию разделяют на аддитивные и неаддитивные элементы. Утверждается, что наиболее продуктивным является системный анализ совокупности внутренних биологических факторов и внешних средовых условий преступности. В этой сфере криминология входит в тесный контакт с наукой поведенческой генетики. Авторы констатировали наличие ряда доказательств методологических недостатков исследований наследуемости преступного поведения. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование исследовательского криминологического аппарата, направленного на изучение интерактивности и двунаправленности связи между социальными и генетическими факторами. Междисциплинарный подход дает возможность более глубокого понимания генезиса преступности.

Для цитирования в научных исследованиях

Гомонов Н.Д., Труш В.М., Рашева Н.Ю. Аддитивность генетической предрасположенности к делинквентности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 492-499. DOI: 10.34670/AR.2026.59.68.051

Ключевые слова

Криминология, преступность, аддитивность, поведенческая генетика, наследуемость, социальные факторы, делинквентность, предрасположенность, нейрокриминология, биосоциальный подход.

Введение

В отечественной криминологии изучение личности преступника и генезиса преступного поведения осуществляется с использованием различных методологических подходов. Мы считаем, что наиболее продуктивным является системный анализ совокупности внутренних биологических факторов и внешних средовых условий в их сукцессивной и симультанной взаимообусловленности, влияющих на формирование криминогенной личности, обладающей потенциалом к преступной деятельности [Гомонов и др., 2021, с. 32-33]. В криминологической среде сегодня, практически, никто не сомневается в феномене влияния генов на поведение, в том числе, на преступное. Вопросы возникают, по большей части, о механизмах такого воздействия, его объеме и посредниках. Необходимо отметить, что в этой сфере криминология входит в тесный контакт с наукой поведенческой генетики, которая изучает особенности взаимодействия генетики и среды в формировании поведенческих реакций. Следовательно, необходимо продолжать исследования аддитивной генетической предрасположенности к делинквентности, точнее, к проявлениям преступного поведения.

Основная часть

Под аддитивным эффектом (лат. additivus - добавочный) генетической предрасположенности к делинквентности понимают интегральную характеристику в виде суммы эффектов воздействия генов на поведение. В то же время следует понимать, что поведение обусловлено не только аддитивными эффектами. Как нам представляется, превалируют как раз именно неаддитивные сложные генетические эффекты. Необходимо отметить, что фактор аддитивности оказывает влияние на точность оценки наследуемости поведенческих реакций. Дискуссии об аддитивности как генетических, так и средовых влияний на поведение не утихают до настоящего времени. Стороны приводят интересную и довольно серьезную аргументацию.

Целесообразно и логично генетическую дисперсию разделить на аддитивные и неаддитивные элементы. Аддитивный компонент, как мы предполагаем, можно представить в виде результата проявлений комбинаторных эффектов генов, когда конечный результат обеспечивается суммарным воздействием определенного количества генов. Неаддитивный же элемент обеспечен сложным взаимодействием генов, которое не всегда характеризуется синергизмом. Поэтому общий эффект здесь не равен простой сумме отдельных генетических влияний [Гомонов и др., 2025, с. 392-409]. Исследователи выделяют два вида неаддитивной изменчивости: эпистатическую и доминантную.

Фактор доминантности проявляется, когда аллели взаимодействуют, обусловливая схожую форму противоправного поведения, характерную для одного из родителей. В данном случае наблюдается доминантно-рецессивный вариант наследования. Об эпистазе можно говорить тогда, когда аллели в разных локусах, взаимодействуя, создают поведенческие реакции, мало

схожие с родительскими. Сегодня ученые не располагают методиками, позволяющими получить точные сведения о количественных критериях неаддитивной генетической наследственности делинквентности. Однако мы абсолютно уверены в том, что наследственность проявляется в процессах детерминации сложных поведенческих реакций, включая преступное поведение [Turkheimer, 1991]. Категорическое отрицание роли генетического влияния, без сомнения, приведет к неправильным трактовкам генезиса делинквентности.

В этом отношении необходимо привести результаты известного исследования D.A. Grayson показавшие, что зачастую при проведении исследований недостаточный учет неаддитивной генетической изменчивости приводит к гиперболизации влияния наследственности и приуменьшает роль окружающей среды. Генетическая корреляция у близких родственников по признаку аддитивных генетических влияний составляет порядка 0,5, а неаддитивные, в свою очередь, – 0,25. Если же неаддитивность обусловлена эпистазом, наблюдается, практически, нулевая генетическая корреляция [Grayson, 1989, с. 593-604]. Следовательно, снижение результатов генетической корреляции будет свидетельствовать об увеличении доли генетической неаддитивности.

Данные современной науки говорят о том, что моногенные фенотипические признаки встречаются исключительно редко. Следовательно, фенотипические признаки, как правило, формируются большей или меньшей совокупностью генов. Игнорирование явления аддитивности приводят к максимизации потенциальной роли генетических влияний и минимизации вклада внешней среды. С другой стороны, анализ эпистатических взаимодействий на основании учета степени родства до настоящего времени не получил эффективного и достоверного методологического инструментария [Eaves, 1988, с. 27-33].

В отношении неаддитивности в научной среде сформировалась точка зрения, согласно которой указанные эффекты существенно усложняют создание модели из-за огромного разнообразия форм, в которых можно наблюдать их проявления. В рамках криминологических исследований чаще оценивалась совокупность аддитивных и средовых влияний, но они не содержали указания оснований отнесения признаков к категории аддитивных, что не позволяло количественно оценить возникающие искажения результатов.

Следует отметить, что допущение возможности применения результатов аналогичных показателей наследуемости признаков криминального поведения на других статистических выборках представляется нам не совсем корректным. Однако представленные оценки наследуемости в криминологии, к сожалению, зачастую основываются на таких данных. Это приводит к ошибкам в оценках степени наследуемости виктимизации, делинквентности, самоконтроля и других показателей [Boisvert et al., 2013, с. 262-272; Boisvert et al., 2014, с. 58-74]. Мы считаем, что воспроизведение результатов наследуемости на других массивах данных обусловлено тем, что криминологи еще не обладают методологией, дающей возможность получения достоверных и надежных оценок.

Следующий повод подвергнуть сомнению криминологические результаты аддитивной наследуемости делинквентности дает тот факт, что в исследованиях применяются большие доверительные интервалы, что является причиной неточных оценок. Кроме того, возникают вопросы и по поводу интерпретации полученных результатов, практически, нивелирующей влияние внешней среды. Так, K.M. Beaver, B.B. Boutwell, et al., приходят к парадоксальному выводу об отсутствии влияния родителей на формирование самоконтроля у их детей [Beaver et

al., 2009, с. 41-60]. Констатация полного отсутствия влияния указанного компонента внешней среды на делинквентность (что противоречит здравому смыслу) не означает в действительности такое отсутствие. Эту ситуацию также можно объяснить недостатками исследовательского аппарата. Ведь давно известно, что воспитание оказывает значительное влияние на формирование поведенческих реакций [Труш, Гомонов, 2016, с. 95-99].

Исследования аддитивности генетических влияний приемных детей и сравнение их со средовыми давно находятся в локусе интересов современных криминологов. Внимание концентрируется на анализе корреляции делинквентности приемных детей и их биологических родителей в сравнении с приемными родителями. Применяют несколько методов исследования генетических влияний с использованием сравнительной модели приемных и биологических родителей. Основной тезис состоит в том, что корреляции проявлений делинквентности усыновленных и их биологических родителей объясняются генетическим влиянием, а корреляции усыновленных и приемных родителей – влиянием окружающей среды.

На первый взгляд, вполне логично изложенный выше тезис, тем не менее, имеет существенный недостаток. Усыновленные дети тоже находятся под влиянием внешней среды, которое нельзя не учитывать. В этой ситуации количественно разделить генетическое и социальное воздействия не представляется возможным. Следовательно, и определение аддитивности/неаддитивности генетических влияний в этом случае весьма проблематично. До недавнего времени криминологи были уверены в том, что исследование усыновления безусловно подтверждает значительный генетический вклад в проявления делинквентности [Joseph, 2004]. Однако необходимо также обращать внимание на низкую репрезентативность выборки, степень интенсивности влияния новой семьи, характер пренатальных и постнатальных влияний и т.д., наблюдаемых в ходе таких исследований, и делающих результаты неточными и сомнительными.

Сам факт усыновления оказывает значительное стрессорное влияние на ребенка. Деструктивное влияние более выражено, если усыновление происходит на фоне сформировавшихся привязанностей. Новый социальный статус усыновленного, практически всегда, является мощным источником фрустрации. Кроме того, к кандидатам на усыновление ребенка предъявляется ряд требований. В результате для усыновляемого создается комфортная среда, которая не соответствует среднестатистическим социальным показателям общества, что, в свою очередь, не дает возможность в полной мере оценить степень социальных влияний. Так, M. Stoolmiller отметил, что около 60% населения с низкими социальными показателями семьи фактически выпадают из исследований усыновления [Stoolmiller, 1998, с. 429-441].

Поиск «подходящих» родителей для усыновления фактически исключает социально и экономически неблагополучные семьи. Установленные «фильтры» отсеивают представителей семей малообеспеченных, с низким образовательным уровнем, с посредственными жилищными условиями. Следовательно, влияние окружающей среды не отражает объективной картины реально существующего социума. Качество окружающей среды объективно завышается, что потенциально закладывает проблемы социализации усыновленного в будущем. Процесс усыновления предполагает тщательную проверку усыновителей. Усыновители выбирают из представленных кандидатов. Не все приемные семьи соглашаются на проведение социологических исследований, особенно, имеющие конфликтные отношения с усыновленными детьми. Указанные факторы обусловливают низкую достоверность результатов сравнительных исследований [Miles, Carey, 1997, с. 207-217].

Такое ограничение диапазона исследований приводит к снижению показателей корреляции между приемными родителями и детьми, уменьшая результаты влияния окружающей среды и увеличивая генетические оценки. Возникают необоснованные выводы о незначительном влиянии окружающего мира при проведении поведенческо-генетических исследований. Но эти же недочеты могут объяснить, почему результаты групповых и индивидуальных исследований существенно различаются. При проведении групповых исследований было обнаружено более благоприятное влияние на усыновляемых при помещении их в семьи с лучшими социальными показателями [Stoolmiller, 1999, с. 392-405], где отмечалось более выраженное снижение проявлений делинквентности у детей.

Искажение влияние среды и наследственности наблюдается, если усыновленные дети, родители которых были минимально склонны к преступности, были помещены в семьи с такими же минимальными склонностями. В этом случае будет наблюдаться завышение генетических эффектов [Joseph, 2010, с. 557-625]. Следовательно, вполне понятная попытка социальных служб гомогенизировать сходство биологических и приемных семей для улучшения адаптационных процессов у приемных детей, является аспектом, отрицательно влияющим на результаты исследования.

Еще одним элементом, влияющим на точность и достоверность исследований аддитивности генетической предрасположенности к делинквентности являются пренатальные влияния [Plomin et al., 2016, с. 172-175]. Так, дефекты акушерской помощи, хронические интоксикации, стрессы, плохое питание и т.д. выступают существенными детерминантами, обусловливающими последующую делинквентность. Социальные факторы, связанные с преступностью, могут оказывать самостоятельное влияние на формирование поведенческих реакций несовершеннолетних. Следовательно, сходство и различия с биологическим родителями и детьми могут быть вызваны сложной совокупностью генетических и средовых факторов [Plomin et al., 2012, с. 3-23]. Бедность, употребление наркотиков и никотина, интоксикации и т.д. теснейшим образом связаны с проявлениями преступного поведения как в пренатальном, так и постнатальном периодах. Отсюда возникает более высокий риск совершения преступлений по причинам, не связанным с генетикой [Raine, 2002, с. 311-326].

Заключение

Таким образом, в процессе исследования наследуемости поведенческих реакций, в частности, предрасположенности к делинквентному поведению, выделяют отдельные аддитивные влияния - геномные и средовые эффекты. Оценка наследуемости предполагает достаточно четкое разделение генетических и социальных влияний. Не возражая в целом против такого подхода, мы обращаем внимание на комплекс сложностей, возникающих в процессе получения научной информации. Существует ряд доказательств методологических недостатков проведенных исследований наследуемости социальных стереотипов преступного поведения. Такие недостатки не позволяют получить точные результаты и установить степень релевантности социальных факторов. Следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование исследовательского криминологического аппарата, направленного на изучение интерактивности и двунаправленности связи между социальными и генетическими факторами, обусловливающими преступное поведение. Междисциплинарный подход, использование достижений в области поведенческой генетики и нейрокриминологии дают возможность более глубокого понимания генезиса преступности.

Библиография

1. Гомонов, Н. Д. Нейрокриминология: прогнозирование и предупреждение насильственной преступности / Н. Д. Гомонов, В. М. Труш, В. П. Тимохов // Юридическая наука. – 2021. – № 4. – С. 95–99.
2. Гомонов, Н. Д. Пренатальная интоксикация плода как предиктор преступности несовершеннолетних / Н. Д. Гомонов, В. М. Труш, В. П. Тимохов // Юридическая наука. – 2025. – № 1. – С. 172–175.
3. Труш, В. М. Методологические и психологические аспекты исследования криминогенности личности преступника: монография / В. М. Труш, Н. Д. Гомонов. Мурманск: Рекламный центр «Тритон ДеЛюкс», 2016. 226 с.
4. Beaver, K. M. Genetic and environmental influences on levels of self-control and delinquent peer affiliation: Results from a longitudinal sample of adolescent twins / K. M. Beaver, J. Eagle Schutt, B. B. Boutwell, M. Ratchford, K. Roberts, J. C. Barnes // Criminal Justice and Behavior. – 2009. – Vol. 36, No. 1. – P. 41–60.
5. Boisvert, D. Genetic and environmental influences underlying the relationship between low self-control and substance use. D. Boisvert, B. B. Boutwell, J. C. Barnes, J. Vaske // Journal of Criminal Justice. 2013. Vol. 41, No. 4. P. 262-272.
6. Boisvert, D. Genetic and environmental overlap between delinquent peer association and delinquency in adolescence / D. Boisvert, B. B. Boutwell, J. Vaske, J. Newsome // Criminal Justice and Behavior. 2014. Vol. 41, No. 1. P. 58–74.
7. Eaves, L. J. Dominance alone is not enough / L. J. Eaves // Behavior Genetics. – 1988. – Vol. 18, No. 1. – P. 27–33.
8. Grayson, D. A. Twins reared together: Minimizing shared environmental effects / D. A. Grayson // Behavior Genetics. – 1989. – Vol. 19, No. 4. – P. 593–604.
9. Joseph, J. Genetic research in psychiatry and psychology: A critical overview / J. Joseph // Handbook of developmental science, behavior, and genetics. – 2010. – P. 557–625.
10. Joseph, J. The gene illusion: Genetic research in psychiatry and psychology under the microscope / J. Joseph. – New York: Algora Publishing, 2004.
11. Miles, D. R. Genetic and environmental architecture on human aggression / D. R. Miles, G. Carey // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 72, No. 1. – P. 207–217.
12. Plomin, R. Behavioral Genetics / R. Plomin, J. C. DeFries, V. S. Knopik, J. M. Neiderhiser. – 6th ed. – New York: Worth, 2012.
13. Plomin, R. Top 10 replicated findings from behavioral genetics / R. Plomin, J. C. DeFries, V. S. Knopik, J. M. Neiderhiser // Perspectives on Psychological Science. – 2016. – Vol. 11, No. 1. – P. 3–23.
14. Raine, A. Biosocial studies of antisocial and violent behavior in children and adults: A review / A. Raine // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2002. – Vol. 30, No. 4. – P. 311–326.
15. Stoolmiller, M. Correcting estimates of shared environmental variance for range restriction in adoption studies using a truncated multivariate normal model / M. Stoolmiller // Behavior Genetics. – 1998. – Vol. 28, No. 6. – P. 429–441.
16. Stoolmiller, M. Implications of the restricted range of family environments for estimates of heritability and nonshared environment in behavior-genetic adoption studies / M. Stoolmiller // Psychological Bulletin. – 1999. – Vol. 125, No. 4. P. 392–409.
17. Turkheimer, E. Individual and group differences in adoption studies of IQ / E. Turkheimer // Psychological Bulletin. – 1991. – Vol. 110, No. 3. – P. 392–405.

Additivity of Genetic Predisposition to Delinquency

Nikolai D. Gomonov

Doctor of Law, Professor, Department of Jurisprudence,
Murmansk Arctic University,
183010, 13, Sportivnaya str., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Vladimir M. Trush

PhD in Psychology, Psychologist of the Psychological Laboratory,
FKU IK-16 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Murmansk Region,
184355, 14-a, Zelenaya str., Murmashi settlement, Russian Federation;
e-mail: krist56@mail.ru

Natal'ya Yu. Rasheva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Jurisprudence,
Murmansk Arctic University,
183010, 13, Sportivnaya str., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: anyta_us@mail.ru

Abstract

In this article, the authors analyze the phenomenon of the additivity of genetic predisposition to delinquency. It is noted that genetic dispersion is divided into additive and non-additive elements. It is argued that the most productive approach is a systematic analysis of the totality of internal biological factors and external environmental conditions of crime. In this sphere, criminology comes into close contact with the science of behavioral genetics. The authors have stated the presence of a number of evidences of methodological shortcomings in studies of the heritability of criminal behavior. Therefore, further improvement of the research criminological apparatus aimed at studying the interactivity and bidirectionality of the connection between social and genetic factors is necessary. An interdisciplinary approach enables a deeper understanding of the genesis of crime.

For citation

Gomonov N.D., Trush V.M., Rasheva N.Yu. (2026) Additivnost' geneticheskoy predraspolozhennosti k delinkventnosti [Additivity of Genetic Predisposition to Delinquency]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 492-499. DOI: 10.34670/AR.2026.59.68.051

Keywords

Criminology, crime, additivity, behavioral genetics, heritability, social factors, delinquency, predisposition, neurocriminology, biosocial approach.

References

1. Beaver, K. M., Eagle Schutt, J., Boutwell, B. B., Ratchford, M., Roberts, K., & Barnes, J. C. (2009). Genetic and environmental influences on levels of self-control and delinquent peer affiliation: Results from a longitudinal sample of adolescent twins. Criminal Justice and Behavior, *36*(1), 41–60.
2. Boisvert, D., Boutwell, B. B., Barnes, J. C., & Vaske, J. (2013). Genetic and environmental influences underlying the relationship between low self-control and substance use. Journal of Criminal Justice, *41*(4), 262–272.
3. Boisvert, D., Boutwell, B. B., Vaske, J., & Newsome, J. (2014). Genetic and environmental overlap between delinquent peer association and delinquency in adolescence. Criminal Justice and Behavior, *41*(1), 58–74.
4. Eaves, L. J. (1988). Dominance alone is not enough. Behavior Genetics, *18*(1), 27–33.
5. Gomonov, N. D., & Trush, V. M. (2016). Metodologicheskiye i psikhologicheskiye aspekty issledovaniya kriminogennosti lichnosti prestupnika [Methodological and psychological aspects of the study of criminogenicity of the criminal's personality]. Reklamnyy tsentr «Triton DeLyuks».
6. Gomonov, N. D., Trush, V. M., & Timokhov, V. P. (2021). Neyrokriminologiya: prognozirovaniye i preduprezhdeniye nasil'stvennoy prestupnosti [Neurocriminology: forecasting and prevention of violent crime]. Yuridicheskaya nauka, (4), 95–99.
7. Gomonov, N. D., Trush, V. M., & Timokhov, V. P. (2025). Prenatal'naya intoksikatsiya ploda kak prediktor prestupnosti nesovershennoletnikh [Prenatal intoxication of the fetus as a predictor of juvenile delinquency]. Yuridicheskaya nauka, (1), 172–175.
8. Grayson, D. A. (1989). Twins reared together: Minimizing shared environmental effects. Behavior Genetics, *19*(4), 593–604.

9. Joseph, J. (2004). The gene illusion: Genetic research in psychiatry and psychology under the microscope. Algora Publishing.
10. Joseph, J. (2010). Genetic research in psychiatry and psychology: A critical overview. In Handbook of developmental science, behavior, and genetics (pp. 557–625).
11. Miles, D. R., & Carey, G. (1997). Genetic and environmental architecture on human aggression. Journal of Personality and Social Psychology, *72*(1), 207–217.
12. Plomin, R., DeFries, J. C., Knopik, V. S., & Neiderhiser, J. M. (2012). Behavioral Genetics (6th ed.). Worth.
13. Plomin, R., DeFries, J. C., Knopik, V. S., & Neiderhiser, J. M. (2016). Top 10 replicated findings from behavioral genetics. Perspectives on Psychological Science, *11*(1), 3–23.
14. Raine, A. (2002). Biosocial studies of antisocial and violent behavior in children and adults: A review. Journal of Abnormal Child Psychology, *30*(4), 311–326.
15. Stoolmiller, M. (1998). Correcting estimates of shared environmental variance for range restriction in adoption studies using a truncated multivariate normal model. Behavior Genetics, *28*(6), 429–441.
16. Stoolmiller, M. (1999). Implications of the restricted range of family environments for estimates of heritability and nonshared environment in behavior-genetic adoption studies. Psychological Bulletin, *125*(4), 392–409.
17. Turkheimer, E. (1991). Individual and group differences in adoption studies of IQ. Psychological Bulletin, *110*(3), 392–405.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.99 **DOI: 10.34670/AR.2026.66.39.052**

К вопросу о научном обосновании криминального профиля личности

Белоусов Анатолий Валерьевич

Старший преподаватель, аспирант,
кафедра общей и клинической психологии,
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: av-belousov@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка анализа и переосмысления проблемы преступного поведения личности с точки зрения криминального профиля. Отмечается, что преступность как социальное явление существовала во все времена. Разные периоды отечественной истории характеризовались как ростом, так и спадом определённых категорий преступлений, но всегда существовали предпосылки преступного поведения, неразрывно связанные как с социальными факторами, так и внутри- и внешнеполитическими процессами в стране. Проведен анализ правоприменительной практики по городу Улан-Удэ и Республике Бурятия, в ходе которого было выявлено, что подавляющее большинство преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, явились результатом внутренних процессов, а именно, сложного механизма взаимодействия личности и внешней среды. Предлагается типология преступников, основанная на характере совершённого преступления.

Для цитирования в научных исследованиях

Белоусов А.В. К вопросу о научном обосновании криминального профиля личности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 500-513. DOI: 10.34670/AR.2026.66.39.052

Ключевые слова

Криминальный профиль, психологический портрет, типичный профиль преступника, предпосылки преступного поведения, профайлинг, юридическая психология, криминалистика.

Введение

Криминальный профиль на сегодняшний день является одним из эффективных инструментов для раскрытия и предотвращения преступлений. Представляет собой процесс установления личности преступника в рамках расследования преступления, базирующийся на основе психологического анализа места преступления. В отечественной правоприменительной практике утвердилось понятие криминалистической характеристики неизвестного преступника. В России общепринятым считается термин «психологический портрет», в США – «психологический профиль», но, по сути, в его основе лежит криминалистическая модель, представляющая собой систему сведений о психологических признаках розыскиваемого преступника. Наибольшая эффективность его зафиксирована в расследовании серийно совершаемых особо тяжких преступлений. Это обусловлено тем, что психологические особенности личности преступника всегда находят своё отражение в механизме преступления, и, соответственно, в каждом последующем преступлении более чётко проявляются поведенческие идентификаторы. Необходимо отметить, что сам выбор совершенного преступления и его способ несут информативную нагрузку. Поэтому в основе поискового психологического портрета преступника лежат психологические принципы анализа преступления, то есть криминалистическая характеристика преступления и личности преступника рассматривается сквозь призму психологических принципов.

Основная часть

Разработанная в ФБР процедура составления криминального профиля состоит из 5 этапов. Первый этап связан с глубоким изучением и анализом преступления и лиц, ранее привлекаемых к ответственности за аналогичные преступления (психолого-психиатрическая типология). Второй этап представляет собой детальный анализ места преступления (происшествия). Третий этап связан с углубленным изучением личности жертвы преступления (окружения, занятий, увлечений) и подозреваемого. Четвертый этап - выявление возможных мотивов всех задействованных в расследовании лиц, прежде всего, свидетелей и очевидцев преступления. Пятый этап заключается в составлении описания преступника на основе внешних поведенческих проявлений отражаемых в механизме преступления.

Соответственно для составления криминального профиля используют следующие материалы: данные, полученные в ходе применения средств фото и видео фиксации (фотографии, видеозаписи, в том числе выполненные с помощью беспилотных летательных аппаратов); материалы, полученные в результате вскрытия трупа и судебно-медицинского исследования; схема перемещений жертвы преступления до смерти; информация о личности жертвы; данные полученные в результате реконструкции преступления и механизма содеянного (криминалистического моделирования) [Образцов, Богомолова, 2002]. Вместе с тем, на наш взгляд, на современном этапе развития профайлинга этот перечень не является исчерпывающим.

Так, в США, где было создано первое в мире подобное подразделение, – это отделы поведенческого анализа (в настоящее время их пять) Национального центра анализа насильственных преступлений ФБР, в Австрии – Криминально-психологическая служба Федерального ведомства криминальной полиции, в Германии– Отдел анализа преступлений Федерального ведомства криминальной полиции и соответствующие отделы криминальной

полиции земель, в Великобритании – Отдел криминалистическогоанализа Национального агентства совершенствования полицейской деятельности, в ЮАР – Отдел следственной психологии Департамента полиции. В России – это Научно-исследовательский отдел №1 НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательскогоинститута МВД. При этом, всё же отдавать первенство в вопросе разработки криминального профиля США будет не совсем правильно. Известно, что в СССР фундаментальное изучение данного вопроса началось в 70-е годы. Одним из первых в Советском Союзе, кто взялся за решение проблемы совершенствования деятельности по раскрытию неочевидных убийств, был известный ученый-криминалист Леонид Георгиевич Видонов. Он вел записи по делам о раскрытых убийствах, совершенных без очевидцев, фиксируя сведения о месте и времени, орудии и способе преступления, о потерпевших, а также о преступниках, вычисляя количественное соотношение отдельных показателей. Результатом этой работы стало издание в 1977 году методического пособия «Альбом типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев». В США, в это время, только начиналась работа по методическому сопровождению и научному обоснованию профайлинга. Иными словами, надо отметить, что в то время, когда американские специалисты только стояли у истоков научного обоснования криминального профайлинга, Л.Г. Видонов [Видонов, 1978]. выдвинул предположение о существовании закономерных связей между местом преступления, личностью потерпевшего, с одной стороны, и обстоятельствами, относящимися к преступнику – с другой, временем, способом совершения. По сути, Л.Г.Видонов уже к середине 70-х годов прошлого века подошел к идее разработки поискового профиля преступника и разработал алгоритм проведения профилирования по уголовным делам об убийстве. В дальнейшем работа продолжалась и, как результат, были созданы типовые модели поискового портрета. В частности, А.А. Протасевич предложил свою типовую модель поискового портрета преступника, состоящую из трех блоков. Первый блок - это признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.). Второй блок - тип связей и отношений (отношений преступника к потерпевшему, похищенному имуществу, к местности, на которой расположено место происшествия и т.д.). Третий блок - признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе следообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на теле, одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т.д.) [Протасевич, 1998].

Выдающийся ученый в области юридической психологии, профессор Столяренко А.М. [Столяренко, 2001].пришел к убеждению о том, что на стыке двух наук, криминалистики и юридической психологии, формируется новое научное направление – психотрасология. Анализ данных, полученных в ходе проведения следственных действий и экспертных заключений, направлен на получение сведений, позволяющих создать вероятный портрет преступника с характерными индивидуально-психологическими признаками, способствующими его идентификации.

В зависимости от характера и содержания информации поисковый психологический портрет устанавливаемого преступника может содержать общую характеристику личности и мотивацию поведения, привычки, склонности, навыки и другие индивидуальные признаки личности, возраст, район проживания, места работы, службы, учебы, уровень образования и профессиональной деятельности, а также особенности происхождения и личная жизнь.

Необходимо отметить, что вышеуказанные данные носят ориентирующий характер. Часто общие выводы делаются на основании эмпирических и статистических данных. Ярким

примером может служить классический типичный портрет серийного убийцы. Это мужчина, европеец 25-35 лет, образование не ниже среднего, не женат, из не полной семьи, занят физическим трудом. Важную роль играет исследование деталей конкретного преступления, позволяющее делать выводы о личности преступника. К примеру, есть отдельные преступления, совершение которых свойственно только мужчинам. Также необходимо учитывать как до, так и постпреступное поведение субъекта. По орудию убийства, характеру и локализации ранений (глубине и частоте повреждений или порезов) можно предположить примерный возраст преступника и опыт совершения преступлений в прошлом. По месту обнаружения трупа и манипуляций с телом (времени, месту совершения преступления, способу сокрытия преступления, если оно предпринималось) можно предположить примерное место жительства субъекта.

Необходимо отметить, что составление криминального профиля в отечественной правоприменительной практике имеет рад отличий. В организации проведения исследования предлагается четкое распределение функций, объектов и предметов исследований в зависимости от сферы специальных знаний специалиста, который входит в состав рабочей группы (криминалиста, судебно-медицинского эксперта, психолога, психиатра). Также в работе при координирующем и контролирующем участии специалиста-криминалиста (который может исходя из обнаруженных следов моделировать версию развития событий) следует проверять представленные специалистами версии и мнения, оценивать выявленные поисковые признаки и направлять работу на их установление.

Методика составления психолого-криминалистического портрета включает в себя ряд последовательных задач: работу специалиста-криминалиста с материалами уголовного дела и составление на их основе систематизированной таблицы, включающей в себя значимую информацию о личности жертвы преступления, событии преступления, механизмах и способах совершения преступления, личности предполагаемого преступника с последующим установлением криминалистических характеристик, возможного рода деятельности, профессии и др. На данном этапе возможно привлечение специалистов разного профиля: специалиста в области судебной медицины; специалиста-психолога по установлению на основании проведенной криминалистом систематизации материалов уголовного дела индивидуально-психологических особенностей личности преступника, его мотивационной и поведенческой сферы, возраста, семейного положения и т.п.; специалиста-психиатра, определяющего на основе данных криминалиста и психолога психотип предполагаемого преступника, патологические особенности его личности, мотивацию при выборе жертв и иные значимые поисковые признаки; формирование специалистами под руководством специалиста криминалиста целостного психолого-криминалистического облика преступника и следственных (оперативно-розыскных) рекомендаций.

Несмотря на то, что и в отечественном, и в западном профайлинге фигурируют, как правило, одни и те же принципы, результаты исследований могут существенно различаться. Это связано с тем, что в установлении связи между признаками преступления и преступника имеют место два подхода, статистический и аналитико-психологический. Таким образом, западные шаблоны и унифицированные разработки не всегда в полной мере отражают Российскую действительность. В частности по мнению западных специалистов, большинство серийных убийц выбирают свои жертвы из представителей одной с ними расы, но анализ уголовных дел позволяет сделать выводы о том, в России данное утверждение не находит подтверждения. Это связано с тем, что Российская Федерация по факту многонациональная

страна, при этом нет чёткого деления по расовым признакам, если конечно у преступника нет выраженной виктимологии, то есть явных предпочтений в выборе жертвы, в том числе по расовому признаку. Более того, если сравнивать виктимологию и modusoperandi (способ совершения преступления) серийных преступников, то они наиболее чётко выражены у западных представителей. Такое различие объясняется рядом основных психологических факторов: когнитивным, социальным, экономическим. Другими словами, это те основные факторы, которые образуют национальную идентичность. Исходя из этого, можно сделать вывод, что национальная идентичность субъекта, при составлении поискового психологического портрета, играет заметную роль. Отметим, что решающим является не столько этнический (расовый) аспект, сколько географический (место проживания).

При разработке психологического портрета также необходимо учитывать, что при совершении преступления преступник имеет высокую мотивацию (особенно это ярко проявляется при совершении серийных преступлений) и делает всё возможное для достижения преступного результата, но все его действия ограничены двумя основными факторами: интеллектом и опытом. Где к первому фактору необходимо отнести не только непосредственно сам уровень интеллекта, но способность анализировать и просчитывать ситуацию (возможно имея багаж определённых знаний, в том числе специально приобретённых), а второй составит жизненный опыт, навыки и умения, привычки. Таким образом, формулу преступления можно записать так: мотив + интеллект + опыт. При этом важно учитывать характер преступления: какое именно преступление совершено, определение предмета посягательства, а так же определение направления вектора умысла, то есть на что был направлен умысел совершённого преступления. Иными словами, как именно было совершено преступление, какой был способ совершения преступления, какие особенности действий были направлены на достижение преступного результата, а также с какой целью совершено преступление и определение истинного мотива преступления.

Личность преступника представляет собой совокупность специфических психологических свойств, характерных для лиц совершивших преступление. В настоящий момент существует множество исследований личности преступника. Исходя из ранее проведённых исследований, можно сделать вывод о том, что преступники более фаталистичны, они отрицательно оценивают жизненные перспективы, у них снижена потребность в саморегуляции, а также то, что к ведущим особенностям личности преступника можно отнести импульсивность, агрессивность, социальную отчуждённость, тревожность.

В ходе исследования нами была выявлена ценностная система личности преступника и ряд характеристик, свойственных лицам, совершившим преступления. Были выявлены психологические особенности преступников в зависимости от отдельных категорий преступлений. Проанализированы материалы уголовных дел, следственная и судебная практика, а так же проведены психолого-диагностические мероприятия в отношении лиц, осужденных за общеуголовные преступления совместно с сотрудниками УФСИН России по РБ.

В работе с осужденными использовались следующие методики: методика исследования акцентуаций характера Смишека, методика склонности к отклоняющемуся поведению, тесты – опросники: СОП-М, СОП-Ж, проективные методики Люшера, Сонди и метод интервью, направленные на выяснение мотива преступления и деталей его совершения. Также использовалась методика многостороннего исследования личности. Необходимо отметить, что вышеперечисленные методики являются своеобразным минимумом при работе с осужденными

и при проведении психо-коррекционных мероприятий и диагностики. С помощью программного обеспечения PsychometricExpert, которое в свою очередь позволяет оценить надёжность, валидность, дискриминативность психодиагностических методик, провести подробный item-анализ теста, провести факторный, кластерный анализ исходной матрицы ответов для выявления латентных характеристик и связи между ними.

Далее мы подробно остановимся на результатах, полученных в ходе исследование с использованием ММИЛ. Для интерпретации исследования с использованием методики многостороннего исследования личности оценка полученных данных производится в Т-баллах от 20 до 120. Нормой является профиль в пределах 0-65 Т-баллов. Шкалы, имеющие пики в пределах 65-75 Т-баллов, указывают на наличие акцентуаций, а свыше 75- баллов, неврозов, реактивных состояний или психопатий. В ММИЛ - 13 шкал , 3 - оценочных, 10 - основных. Оценочные шкалы L, Fи К были введены в оригинальный вариант теста MMPI с целью исследования отношения испытуемого к тестированию и суждения о достоверности результатов исследования. Оценочные шкалы: 1) Шкала L: шкала отражающая тенденцию исследуемого представить себя в возможно более выгодном свете. Повышение на этой шкале может свидетельствовать о нарочитой демонстрации очень строгого соблюдения социальных норм; 2) Шкала F: шкала, с помощью которой учитывается стремление к преувеличению тяжести имеющейся симптоматики и стремление привлечь к ней внимание. Повышение на этой шкале указывает на случайное или намеренное искажение результатов исследования; 3) Шкала К: шкала, позволяющая корригировать чрезмерную открытость испытуемого или его стремление, нередко неосознанное, смягчить имеющуюся симптоматику. Индекс F-К. имеет существенное значение для определения установки испытуемого в момент исследования и суждения о достоверности полученного результата. При этом необходимо рассматривать не только показания по отдельным шкалам, но и сочетания различных показателей профиля.

Как отмечалось выше, лица, совершившие общественно опасные деяния, обладают рядом психологических особенностей. Более того, по нашему мнению можно выделить психологические особенности среди преступников, в зависимости от совершённого деяния. Так, в ходе исследования установлено, что профиля преступника характерно повышение показателей по шкалам L, Sc, Pa, Pd, в пределах от 53 до 74 Т-баллов. Данный профиль свидетельствует об относительной однородности по психологическим особенностям обследованной группы. Верхние показатели на шкалах Pd, Pa, Sc и Ma связаны с устойчивыми характерологическими особенностями, а не с актуальным психическим состоянием. В свою очередь повышение шкал L, Pd, Pa, Sc до 70 Т-баллов могут свидетельствовать также о недостаточной способности субъекта приспосабливаться к социальным условиям, серьезных нарушениях межличностных контактов обусловленные эгоизмом, подозрительностью и неискренностью. Опираясь на результаты исследования, мы можем утверждать, что преступники характеризуются выраженными устойчивыми психологическими особенностями, отражаемыми значительным повышением по шкалам Pd, Pa, Sc. Психологические свойства, отраженные в пиках по шкалам Pd, Pa, Sc относятся к числу фундаментальных. Они формируются в процессе социализации на достаточно раннем этапе, что подтверждается наличием у подростков, склонных к совершению преступления, аналогичных данных. Сочетание высоких значений по шкалам Pd, Pa, Sc встречается у большинства преступников, вне зависимости от совершённого деяния. Значительное повышение на шкале Pd связано с такими свойствами, как импульсивность, отсутствие критического отношения к своим поступкам, неприятие социально-правовых норм. Повышение по шкале Pa усиливает все вышеописанные тенденции, они становятся постоянной

линией поведения. Повышение по шкале Pa отражает неспособность субъекта корректировать собственную деятельность в соответствии с социально-правовыми нормами, высокий уровень агрессии, наличие неосознанных психологических состояний, основанных на прошлом негативном опыте; отсутствие понимания эмоционального состояния другого человека, в некоторых случаях можно говорить об отсутствии эмпатии и не способности к формированию привязанности. Таким образом, повышение по шкале Pa отражает степень управления поведением, а повышение по шкале Pd - насколько субъект считается с социально-правовыми нормами при реализации своих желаний.

Для того что бы говорить об устойчивом преступном поведении, необходим подъем по шкале Pa в сочетании с подъемом на шкале Pd. Повышение по шкале Sc выявляет особенности установок и суждений, социальной отчуждённости. Отличия преступников по показателям шкал Pd, Pa, Sc и их сочетаниям наглядно представлены на рисунке 1.

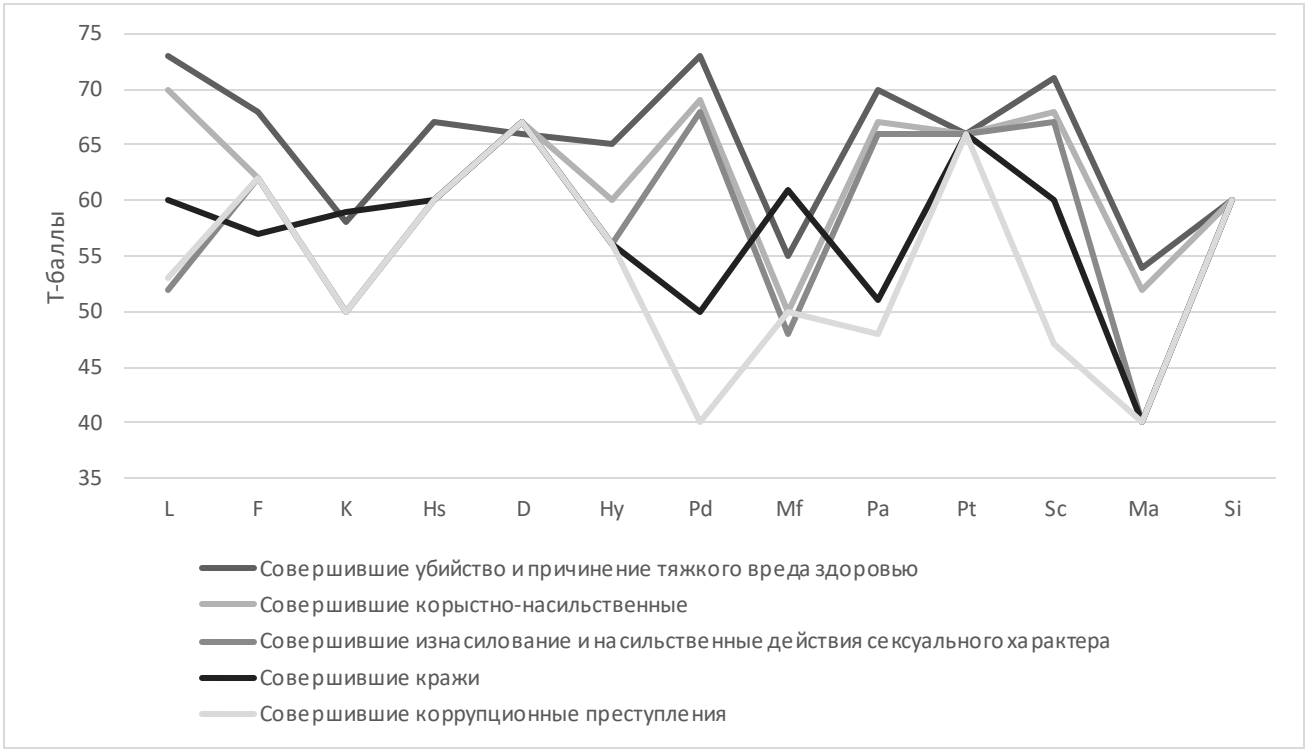

Рисунок 1 - Личностные отличительные особенности преступников по показателям шкал ММИЛ

Психологические особенности, выявленные с помощью данных шкал, носят устойчивый характер и не определяются условиями изоляции от общества. Данное утверждение косвенно подтверждается тем, что среди осужденных за коррупционные преступления доля характеризующихся повышениями по шкалам Pd, Pa, Sc значительно меньше, чем среди других преступников, а усредненный профиль осужденных за коррупционные преступления вообще не отличается выраженными повышениями. Это наглядно видно на рисунке 2.

Это можно объяснить тем, что в последнее время в обществе сложилась высокая толерантность к коррупционным проявлениям и не воспринимаются как что-то ужасное или противоправное, особенно в сравнении с другими преступлениями.

Прослеживается статистическая связь между видом преступления и особенностями

личности преступника, выявленными в ходе исследования. Можно сказать, что наиболее типичные по психологическим особенностям преступники встречаются среди лиц, совершивших насильственные преступления грабежи, разбои, изнасилования, убийства. Психологически менее типичными являются лица, совершившие ненасильственные преступления кражи и коррупционные преступления.

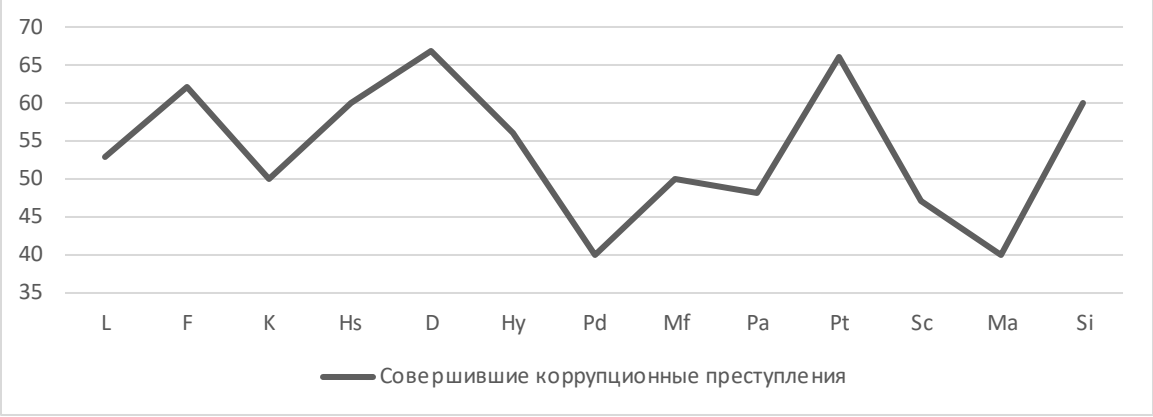

Рисунок 2 - Значения по шкалам Pd, Pa, Sc лиц, осужденных за коррупционные преступления

Таким образом, можно считать установленным, что преступники отличаются существенными психологическими особенностями, что обуславливает выбор преступления. Полученные нами результаты позволяют составить психологический профиль преступников и выделить основные особенности личности, присущие большинству преступников. Социально-правовые нормы не оказывают на их поведение существенного влияния, а социально-психологические часто барьеры отсутствуют. Наблюдается так же нарушение эмоционального контакта, о чем свидетельствует сочетание подъема на шкале Sc и снижения на шкале Mf. Это способствует возникновению представлений о враждебности со стороны социума. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как замкнутость, отдалённость от социума.

Основными факторами, способствующими совершению насильственных преступлений, являются дефекты нарушения социальной адаптации и низкий уровень правосознания. Другими словами лица совершившие преступления являются своего рода уникальными по своим психолого-личностным характеристикам.

Рассмотренные выше личностные черты преступников свойственны различным их категориям не в равной мере. Мы можем наблюдать чёткий критерий разделения насильственных и не насильственных преступлений. При этом необходимо отметить, что профили убийц и грабителей расположены выше, чем суммарный профиль преступников, то есть определенные психологические свойства у этих категорий преступников выражены сильнее, а у лиц, осужденных за совершение краж слабее. Это наглядно демонстрирует рисунок 3.

Особое место среди преступников по своим психологическим свойствам занимают лица, осужденные за коррупционные преступления, которые, по данным нашего исследования, существенно отличаются от всех остальных категорий преступников, как по расположению профиля, так и по его конфигурации и по степени их выраженности. По сравнению с другими

преступниками лица, осужденные, за коррупционные преступления являются, более адаптированными, то есть более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям. Данная категория преступников лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Коррупционерам не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения.

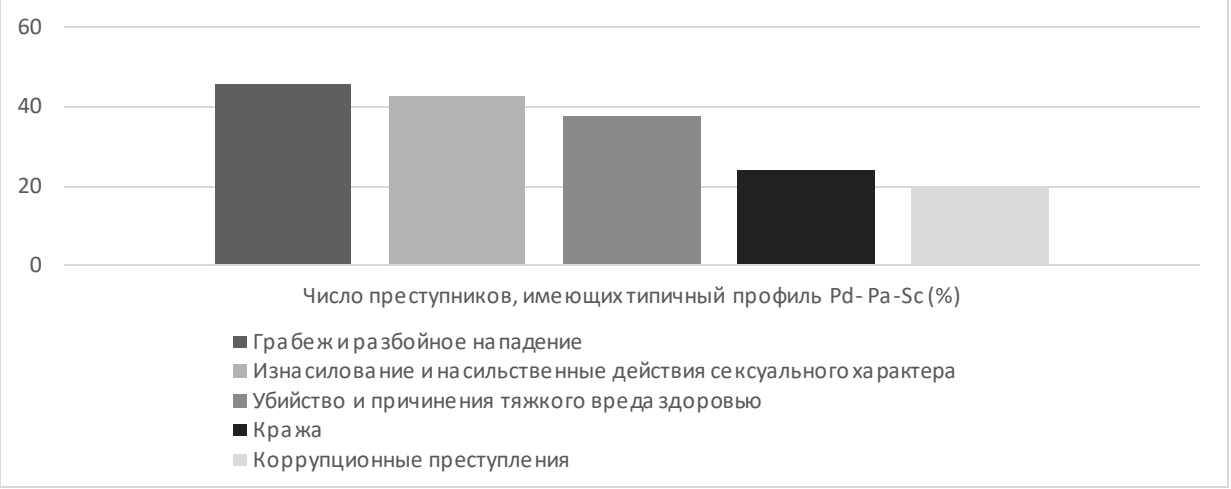

Рисунок 3 - Типичный криминальный профиль преступника

Профиль убийц имеет достоверное отличие $p < 0,05$ от усредненного профиля всех преступников по шкалам L, F, K, Hy, Mf, Pa, Pt, Sc, Ma, Si, то есть по одиннадцати из тринадцати показателей методики. Надо отметить, несмотря на сходство конфигураций, у убийц обнаружены выраженные однородные личностные свойства, которые определяются, прежде всего, пиками по шкалам F, Pa, Sc . Это отчетливо видно на рисунке 4.

У убийц прослеживается эмоциональные нарушения и социальная отчуждённость, о чём свидетельствует значительное повышение по шкалам F и Sc. Так же их отличает от всех других категорий преступников, прежде всего чрезмерная стойкость аффекта и возможность возникновения реакций, острых реакций, пик на шкале Hy.

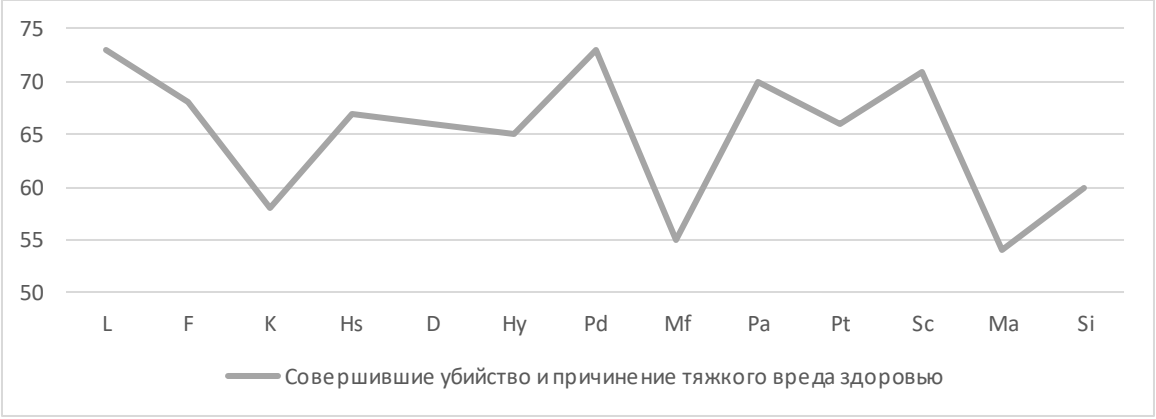

Рисунок 4 - Значения по шкалам Pd, Pa, Sc лиц осужденных за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью

Близко к убийцам находятся лица совершающие грабежи и разбойные нападения преступники, их отличает показатели по шкалам Hs ,Hy ,Pd, Ma, Si , $p < 0,05$ в сторону увеличения степени выраженности психологических свойств. Рисунок 5.

Рисунок 5 - Значения по шкалам Pd, Pa, Sc лиц осужденных за грабежи и разбойные нападения

Профиль воров определяется повышением по тем же шкалам, что и других категорий преступников, кроме коррупционеров, то есть F, Pd, Pa,Sc, Ma. Однако у воров эти показатели имеют меньшую степень выраженности в сочетании с возможностью более высокого контроля своего поведения, подъем по шкале К и общее снижение профиля. Наглядно демонстрируется на рисунке 6.

Они социально адаптированы, менее импульсивны, у них мене выражена когнитивная негибкость и стойкость аффекта, более лабильны и подвижны, у них меньше выражена тревога. Их уровень агрессии значительно ниже, они могут контролировать свое поведение.

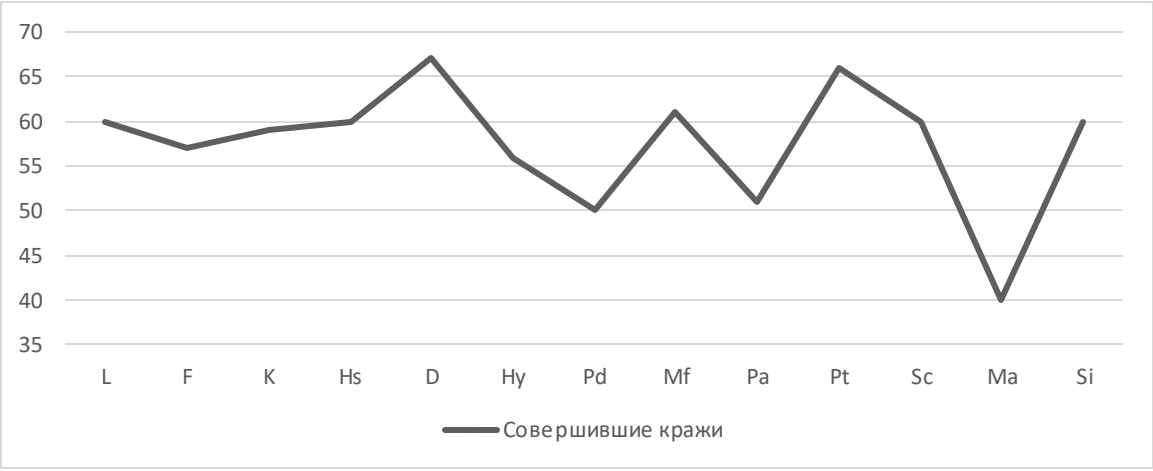

Рисунок 6 - Значения по шкалам Pd, Pa, Sc лиц осужденных за кражи

Вызывают интерес данные нашего исследования в отношении лиц, совершивших изнасилование и насильственные действия сексуального характера. Их профиль полностью совпадает с усредненным профилем всех преступников, за исключением более низких значений

по шкалам L и Mf. Эти данные свидетельствуют о наличии таких свойств, как склонность к доминированию и преодолению препятствий, снижение чувствительности по отношению к другим людям и возможность рефлексии. Рисунок 7.

Рисунок 7 - Значения по шкалам Pd, Pa, Sc лиц осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера

Соответственно зависимости от совершённого преступления преступники обладают определёнными отличительными чертами.

Таблица 1 - Отличительные признаки категорий преступников

Распределение характерных отличительных черт среди преступников	
Категории преступников	**Отличительные черты**
Совершившие убийство и причинение тяжкого вреда здоровью	Чувствительность к межличностным взаимодействиям.
Совершившие корыстно-насильственные	Высокая импульсивность при низком контроле. Пренебрежение правовыми нормами.
Совершившие изнасилование и насильственные действия сексуального характера	Низкая чувствительность в межличностных отношениях при низком контроле поведения.
Совершившие кражи	Низкий уровень тревоги, гибкость поведения.
Совершившие коррупционные преступления	Наиболее адаптированы, высокий самоконтроль, хорошо ориентируются в социально-правовых нормах и требованиях.

В таблице 4 показаны наиболее отличительные черты той или иной категории преступников, что позволяет в свою очередь выделить типичные психологические особенности личности преступника, в зависимости от вида совершённого преступления и определить степень выраженности. Исходя из этого, мы можем выделить характерные черты присущие преступникам. Это чувствительность к межличностным взаимодействиям, пренебрежение правовыми нормами, низкая чувствительность в межличностных отношениях и высокая импульсивность при низком контроле поведения.

Психологические особенности личности преступников можно рассматривать как свойства индивида, позволяющие преодолеть социально-психологический барьер. Данная конфигурация подтверждает правильность нашего предположения о целесообразности введения типологии преступников основанной на объективной (внешней) стороне и категории преступления.

Предполагаемая типология преступников отражает степень выраженности типичных психологических особенностей преступника, в зависимости от вида совершаемого преступления. Соответственно данную типологию можно считать подтверждённой и имеющей следующий вид:

1) Насильственный тип: а) опасный и б) корыстный;

2) Ненасильственный тип.

Таким образом, предложенную нами типологию можно считать подтверждённой и обоснованной. Ярко выраженные психологические особенности личности преступника несут информационную нагрузку позволяющие решать широкий перечень задач, одной из которых является составление психологического профиля (криминального профиля).

Исходя из этого, мы можем представить классификацию преступников для систематизации и упрощения составления криминального профиля неизвестного преступника. Выделяем два типа, исходя из поведенческих проявлений и степени взаимодействия с потерпевшим (жертвой преступления): насильственный тип и ненасильственный тип. К насильственному типу мы относим преступников, связанных с прямым взаимодействием с потерпевшим, к ним можно отнести грабёж, разбойное нападение, побои, убийство, изнасилование. Соответственно ненасильственный тип – это тип преступников не вступающий в прямое взаимодействие с потерпевшим, например лица совершающие кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества. В свою очередь, насильственный тип, для более точной классификации, можно разделить на опасный и корыстный, где опасный тип это лица, непосредственно посягающие на здоровье, жизнь и половую неприкосновенность, например убийство, изнасилование, умышленное причинение вреда здоровью. К корыстному типу преступника можно отнести лиц совершающих преступления против собственности, но активно взаимодействуя с потерпевшим, например грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества, или разбойное нападение, т.е. нападение с целью завладения чужим имуществом, где целью является завладение имуществом потерпевшего.

Таким образом, типология основана на особенностях поведенческих проявлений, начиная от выбора преступления и заканчивая способом его совершения. Обладая информацией о совершённом преступлении, мы получаем научное обоснование криминального профиля, опираясь на знания процесса и механизма формирования характерных черт, присущих преступникам. Необходимо так же отметить, что в случае серийных сексуальных преступлений к формуле следует добавить фазу фантазии, свойственную как западным, так и отечественным серийным преступникам. Фаза фантазии так же является обязательной составляющей шестиэтапного поведения большинства серийных убийц наряду с фазами сталкинга (поиска), похищения, убийства, размещение трупа (фаза характерна не для всех убийц), депрессии. Важно учесть, что российский поисковый психологический портрет составляется криминалистами и, по сути своей, представляет собой криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника, иногда привлекаются специалисты различных отраслей, как правило, психиатры, сексологи, психологи не связанные с правоохранительной деятельностью. Наиболее удачным нам представляется опыт ФБР, США. В Куантико функционирует отдел анализа поведения — FBI Behavioral Sciences Unit, BSU, где составлением криминального профиля занимаются сотрудники, имеющие практический опыт психологической и следственной деятельности.

Заключение

Доминирующим вопросом в формировании преступного поведения является вопрос социализации субъекта, а именно те негативные факторы, которые детерминируют преступное поведение личности. В ходе социализации субъект приобретает определенные негативные личностные особенности, что даёт нам основание утверждать, что в обществе имеются условия, формирующие данные черты. Исходя из сложившихся установок личности и психологических особенностей, субъект преступно реагирует на внешнюю ситуацию. В каждом конкретном случае поисковый психологический портрет является результатом комплексного и всестороннего анализа, отраженного в материалах уголовного дела. Разрабатываясь на основе внешних поведенческий проявлений, являющихся отражением психологических особенностей личности преступника, поисковый психологический портрет является достаточно эффективным инструментом при расследовании особо тяжких преступлений. Анализ правоприменительной практики показал, что подавляющее большинство преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, являются результатом как внутренних процессов, так и сложного механизма взаимодействия личности с внешней средой. Предложенная типология преступников основана на характере совершённого преступления и криминального профиля личности.

Библиография

1. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2011. 312 с.
2. Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997. 304 с.
3. Ахмедшин Р.Л. К вопросу о доказательственном статусе заключения об установлении психологического портрета неизвестного преступника // Проблема познания в уголовном судопроизводстве. Иркутстк, 2000.
4. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. Горький, 1978.
5. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. М.: Юнити-Дана, 2002. 447 с.
6. Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск, 1998. 108 с.
7. Столяренко А.М. и др. Прикладная юридическая психология. Учебное пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2001.
8. Тележникова В.Н. Построение и использование психологического портрета преступника в раскрытии серийных преступлений против личности // Серийные убийства и социальная агрессия: Материалы 2-й международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1998.
9. Burgess A., Douglas J., Hartman C. et al. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. 1986. Vol. I, Jfe 3 Sept.
10. Douglas J., Munn C. Violent Crime Scene Analysis: Modus Operandi, Signature and Staging // FBI Law Enforcement Bulletin. 1992. № 2.
11. Geberth V.J. The serial killer // Law and Order. 1990. № 38. P. 74.

On the Scientific Substantiation of the Criminal Profile of Personality

Anatolii V. Belousov

Senior Lecturer, Postgraduate Student,
Department of General and Clinical Psychology,
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov,
670000, 24a, Smolina str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: av-belousov@yandex.ru

Abstract

The article attempts to analyze and rethink the problem of criminal behavior of personality from the point of view of the criminal profile. It is noted that crime as a social phenomenon has existed at all times. Different periods of Russian history were characterized by both an increase and a decline in certain categories of crimes, but prerequisites for criminal behavior always existed, inextricably linked both to social factors and to internal and external political processes in the country. An analysis of law enforcement practice in the city of Ulan-Ude and the Republic of Buryatia was carried out, during which it was revealed that the overwhelming majority of crimes, including grave and especially grave ones, were the result of internal processes, namely, the complex mechanism of interaction between personality and the external environment. A typology of criminals based on the nature of the committed crime is proposed.

For citation

Belousov A.V. (2026) K voprosu o nauchnom obosnovanii kriminal'nogo profilya lichnosti [On the Scientific Substantiation of the Criminal Profile of Personality]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 500-513. DOI: 10.34670/AR.2026.66.39.052

Keywords

Criminal profile, psychological portrait, typical profile of a criminal, prerequisites for criminal behavior, profiling, legal psychology, criminalistics.

References

1. Akhmedshin, R. L. (2000). K voprosu o dokazatel'stvennom statuse zaklyucheniya ob ustanovlenii psikhologicheskogo portreta neizvestnogo prestupnika [On the Evidentiary Status of the Conclusion on Establishing the Psychological Portrait of an Unknown Criminal]. In Problema poznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve [The Problem of Cognition in Criminal Proceedings]. Irkutsk.
2. Antonyan, Yu. M. (1997). Psikhologiya ubiystva [Psychology of Murder]. Moscow: Yurist.
3. Antonyan, Yu. M. (2011). Osobo opasnyy prestupnik [Especially Dangerous Criminal]. Moscow: Prospect.
4. Burgess, A., Douglas, J., Hartman, C., et al. (1986). Sexual Homicide: A Motivational Model. Journal of Interpersonal Violence, Vol. I, Jfe 3 Sept.
5. Douglas, J., & Munn, C. (1992). Violent Crime Scene Analysis: Modus Operandi, Signature and Staging. FBI Law Enforcement Bulletin, (2).
6. Geberth, V. J. (1990). The Serial Killer. Law and Order, (38), 74.
7. Obraztsov, V. A., & Bogomolova, S. N. (2002). Kriminalisticheskaya psikhologiya: metody, rekomendatsii, praktika raskrytiya prestupleniy [Forensic Psychology: Methods, Recommendations, and Practice of Solving Crimes]. Moscow: Unity-Dana.
8. Protasevich, A. A. (1998). Poiskovyy portret prestupnika kak integrativnaya sistema [Search Portrait of a Criminal as an Integrative System]. Irkutsk.
9. Stolyarenko, A. M., et al. (2001). Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology]. Moscow: Unity-Dana.
10. Telezhnikova, V. N. (1998). Postroyeniye i ispol'zovaniye psikhologicheskogo portreta prestupnika v raskrytii seriynykh prestupleniy protiv lichnosti [Construction and Use of a Psychological Portrait of a Criminal in Solving Serial Crimes against the Individual]. In Seriynyye ubiystva i sotsial'naya agressiya: Materialy 2-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Serial Murders and Social Aggression: Proceedings of the 2nd International Scientific Conference]. Rostov-on-Don.
11. Vidonov, L. G. (1978). Kriminalisticheskiye kharakteristiki ubiystv i sistemy tipovykh versiy o litsakh, sovershivshikh ubiystva bez ochevidtsev [Forensic Characteristics of Murders and Systems of Typical Versions about Persons Who Committed Murders Without Eyewitnesses]. Gorky.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.36.67.053**

Сравнительно-правовой анализ института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

Денисенко Евгений Владимирович

Преподаватель,
кафедра уголовного права,
Северо-Западный институт управления
— филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43;
e-mail: denisenko.e.v.spb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному компаративистскому исследованию правового института необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Автором проводится детальный сопоставительный анализ нормативно-правовой регламентации оснований, пределов и условий правомерности причинения вреда посягающему лицу в обеих правовых системах. В рамках исследования детально рассматриваются статьи 20 Уголовного кодекса КНР и статьи 37 Уголовного кодекса РФ, исследуется специфика материально-правового закрепления эксцесса обороны, а также критерии оценки соразмерности оборонительных действий. Особое внимание уделяется китайскому институту «абсолютной (неограниченной) обороны» и его отличиям от российских презумпций правомерности защиты при посягательствах, сопряженных с насилием, опасным для жизни. На основе анализа руководящих разъяснений Верховного Суда РФ и Верховного народного суда КНР выявляются ключевые концептуальные сходства и различия в подходах российского и китайского правоприменителей. По результатам исследования сформулированы научно обоснованные предложения по модернизации отечественного уголовного законодательства с учетом положительного опыта КНР.

Для цитирования в научных исследованиях

Денисенко Е.В. Сравнительно-правовой анализ института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 514-522. DOI: 10.34670/AR.2026.36.67.053

Ключевые слова

Необходимая оборона, эксцесс обороны, сравнительное правоведение, уголовное право Китая, уголовное право России, пределы правомерности, абсолютная оборона, квалификация преступлений, Верховный народный суд КНР, правоприменение.

Введение

Институт необходимой обороны выступает одним из ключевых материально-правовых инструментов, гарантирующих реализацию естественного права граждан на защиту от противоправных посягательств, а также обеспечивающих баланс интересов личности, общества и государства в правовом поле. В условиях динамично развивающихся межгосударственных связей, укрепления геополитического союза и стратегического партнерства между Российской Федерацией (далее - РФ) и Китайской Народной Республикой (далее - КНР) особый научно-практический интерес приобретает компаративный анализ фундаментальных институтов уголовного права двух стран. Несмотря на схожесть базовых материально-правовых конструкций, обусловленную сильным историческим влиянием советской доктрины на уголовное право Китая в середине XX века, современное уголовное законодательство КНР демонстрирует уникальные, высоко прагматичные подходы к регламентации пределов правомерности защиты. Модернизация Уголовного кодекса КНР 1997 года, а также принятие в последние годы Верховным народным судом КНР специализированных руководящих разъяснений сформировали специфическую модель «абсолютной обороны», которая заслуживает детального теоретического осмысления. Проведение сравнительно-правового анализа в данном направлении позволяет не только глубже понять специфику азиатской модели уголовного права, развивающейся в рамках социалистической правовой семьи с китайской спецификой, но и выявить латентный потенциал для разрешения хронических проблем отечественного правоприменения, связанных со статьей 37 Уголовного кодекса РФ.

Основная часть

Материально-правовая природа института необходимой обороны как универсального обстоятельства, декриминализирующего причинение вреда при защите правоохраняемых интересов, традиционно выступает объектом глубоких теоретических дискуссий в континентальной и социалистической правовых доктринах. Центральной проблемой юридической техники при конструировании норм уголовных законов Российской Федерации и Китайской Народной Республики является поиск оптимального баланса между обеспечением правовой автономии обороняющегося субъекта и недопущением несоразмерного причинения вреда.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ, защита признается правомерной, если она направлена против общественно опасного посягательства, независимо от того, привлечено ли посягающее лицо к уголовной ответственности и обладает ли оно признаками субъекта преступления. Российское законодательство дифференцирует посягательства по признаку их объективной опасности на сопряженные с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1), и посягательства, не сопряженные с указанными признаками (ч. 2).

В свою очередь, абзац 1 статьи 20 Уголовного кодекса КНР закрепляет следующую диспозицию: *«Деяние, совершенное для защиты государства, общественных интересов, личности, имущества или иных интересов обороняющегося или других лиц от незаконных посягательств и причинившее ущерб посягающему лицу, является необходимой обороной и не влечет уголовной ответственности».* При сопоставлении данных диспозиций обнаруживаются важные идеологические и технико-юридические нюансы.

В то время как Уголовный кодекс РФ фокусируется на делении посягательств по признаку их потенциальной опасности для биологического существования личности, УК КНР непосредственно перечисляет иерархию объектов защиты, ставя на приоритетное место «государственные и общественные интересы» [Меркурьев, Тараканов, 2025]. Данный нормативный конструкт отражает специфику китайской социалистической правовой доктрины, в которой коллективные и публичные интересы пользуются повышенной защитой со стороны государства. Гражданин КНР, пресекающий посягательство на государственную собственность или общественный порядок, наделен теми же преференциями правового института необходимой обороны, что и лицо, защищающее собственную жизнь. В Российской Федерации защита государственной собственности или общественного порядка формально подпадает под действие ч. 2 ст. 37 УК РФ, что существенно ограничивает обороняющегося в выборе средств и интенсивности противодействия под угрозой последующего вменения эксцесса обороны. Условия правомерности, относящиеся к посягательству, в обеих правовых системах совпадают: оно должно характеризоваться реальностью, наличностью и незавершенностью. Однако специфика их доктринального толкования наиболее ярко проявляется при переходе к анализу правовых последствий дефектов этих условий, порождающих феномен превышения пределов обороны.

Проблема эксцесса необходимой обороны представляет собой одну из наиболее сложных задач для квалификации и правоприменения как в российской, так и в китайской следственно-судебной практике. В Российской Федерации на основании ч. 2 ст. 37 УК РФ превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Отечественная судебная практика на протяжении длительного времени страдала уклоном в сторону установления «механистической соразмерности», при которой правоприменитель ретроспективно сопоставлял объем вреда, который мог быть причинен, с вредом, фактически причиненным нападающему субъекту. В целях нивелирования данной негативной тенденции законодатель дополнил статью частью 2^1, согласно которой не являются превышением пределов действия обороняющегося лица, если оно вследствие неожиданности нападения не могло объективно оценить степень и характер опасности посягательства. В Китайской Народной Республике законодатель подошел к определению материальных признаков эксцесса более прагматично. Абзац 2 статьи 20 УК КНР устанавливает: «*Если оборонительные действия явно превысили необходимый предел и причинили существенный вред, то уголовная ответственность наступает; однако следует назначить наказание ниже низшего предела санкции или освободить от наказания».*

Развивая доктринальные положения Э. Ф. Побегайло о недопустимости механистического сопоставления вреда при оценке соразмерности защиты, отечественные исследователи последовательно указывают на деструктивность укоренившегося судейского консерватизма при вменении эксцесса обороны. В совместных исследованиях С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко обосновывается тезис о том, что российский уголовный закон нуждается в системной модернизации в части расширения прав обороняющегося субъекта и исключения оценочных категорий. При этом, как справедливо отмечает А. В. Никуленко в своих трудах, данная проблема приобретает особую остроту при оценке действий сотрудников силовых ведомств, для которых защита правоохраняемых интересов выступает не только субъективным правом, но и профессиональным долгом. Необходимость минимизации рисков ретроспективной оценки психоэмоционального состояния лиц, исполняющих служебные обязанности, обусловливает обращение к прагматичному опыту правовой системы КНР, внедрившей метод «ситуационного

погружения» правоприменителя в динамику момента нападения.

Китайская уголовно-правовая доктрина разделяет понятия «явное превосходство пределов» (объективно-количественный критерий) и «причинение существенного вреда» (результативный критерий). Для констатации эксцесса суду КНР необходимо доказать кумулятивное наличие обоих условий. Если действия обороняющегося незначительно превосходили интенсивность нападения, но привели к тяжким последствиям ввиду стечения случайных обстоятельств, эксцесс не признается. Более того, Верховный народный суд КНР совместно с Верховной народной прокуратурой КНР в своих Руководящих указаниях по делам о необходимой обороне прямо предписали нижестоящим судам отказаться от формального подхода «оценивать правомерность деяния исключительно по наступившему результату [Милюков, Зуева, 2021]. Китайский правоприменитель обязан использовать метод «ситуационного погружения», предполагающий оценку обстановки сквозь призму восприятия ее обороняющимся субъектом в динамике момента нападения, с учетом дефицита времени, психологического напряжения, страха, паники и замешательства. Если в данном психоэмоциональном состоянии лицо не могло точно дозировать интенсивность контрударов, его действия признаются правомерными. В РФ аналогичный подход декларируется через призму ч. $2^{1.}$ ст. 37 УК РФ, однако сфера его применения нормативно ограничена исключительно ситуациями неожиданности нападения, в то время как в Китае учитывается интегральное стрессовое состояние субъекта, даже если нападение было ожидаемым.

Логическим завершением концепции защиты прав обороняющегося лица и преодоления трудностей верификации эксцесса в КНР стало нормативное закрепление института так назывательной «абсолютной» (неограниченной) необходимой обороны. Данный материально-правовой конструкт, зафиксированный в абзаце 3 статьи 20 УК КНР, определяет: *«Если лицо осуществляет оборону против совершаемых в данный момент убийства, грабежа, изнасилования, похищения человека и других насильственных преступлений, серьезно угрожающих личной безопасности граждан, и наносит урон, повлекший смерть или ранение лица, осуществляющего незаконное посягательство, это не является превышением пределов необходимой обороны, и уголовная ответственность не наступает».*

В Российской Федерации схожий по своей правовой природе механизм содержится в части 1 статьи 37 УК РФ, исключающей уголовную ответственность за эксцесс, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни, или с непосредственной угрозой применения такого насилия. Однако между оценочным подходом российской нормы и комбинированным (формально-перечневым) методом китайского законодателя существуют принципиальные различия. Преимущества китайского формально-перечневого подхода очевидны с позиции нормотворческой методологии.

Органам предварительного расследования и суду в КНР нет необходимости проводить сложные судебно-медицинские экспертизы с целью детерминации того, являлось ли насилие в начальной стадии грабежа или похищения «опасным для жизни». Сам факт совершения преступных деяний, прямо указанных в уголовном законе, автоматически легитимирует применение любых оборонительных средств.

Жертва посягательства четко осознает границы дозволенного и защищенность своей правовой позиции.

В Российской Федерации гражданин, осуществляющий защиту, например, от квалифицированного квартирного грабежа без визуально идентифицируемого оружия в руках нападающего, вынужден балансировать на грани ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ, неся высокие

латентные риски последующего привлечения к уголовной ответственности по ст. 108 или ст. 114 УК РФ.

При этом формулировка абз. 3 ст. 20 УК КНР - «и других насильственных преступлений, представляющих серьезную опасность для личности,» - оставляет данную норму относительно открытой, позволяя высшим судебным органам распространять презумпцию абсолютной правомерности на смежные категории особо опасных деяний [Меркурьев, Тараканов, 2025]. Эффективность функционирования данной презумпции подтверждается практикой высших судебных инстанций.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить глубокие процедурные и методологические различия в подходах следственно-судебных органов России и Китая. В Российской Федерации ключевым регулятором судебной практики выступает Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27.09.2012 г. № 19. Данный документ содержит ряд прогрессивных разъяснений (в частности, о том, что переход оружия к обороняющемуся лицу не означает автоматического окончания нападения). Тем не менее, как фиксирует Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) и текущая практика судов субъектов РФ, в нижестоящих судебных инстанциях сохраняется латентный обвинительный уклон по делам данной категории. Суды зачастую игнорируют или ограничительно толкуют положения ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, признавая действия граждан превышением пределов, если вред был причинен с использованием предметов бытового назначения против физически превосходящих, но не имеющих оружия нападающих.

В КНР коренной перелом в правоприменительной практике произошел в результате рассмотрения резонансного «Дела Куньшань» (2018 г.). Гражданин Юй Хаймин в ходе дорожного конфликта подвергся физическому избиению со стороны Лю Хайлуна, применившего холодное оружие (мачете). В динамике столкновения оружие выскочило из рук нападавшего, после чего Юй Хаймин подобрал его и нанес противнику смертельные ранения, преследуя его в направлении транспортного средства. Несмотря на первоначальную квалификацию действий Юй Хаймина местными правоохранительными органами как превышения пределов обороны ввиду изменения вектора движения нападавшего, Верховный народный суд КНР и органы прокуратуры признали его действия полностью правомерными в рамках абз. 3 ст. 20 УК КНР (абсолютная оборона). Суд указал, что потеря оружия нападавшим и его движение к автомобилю не означали гарантированного и очевидного прекращения угрозы, так как в салоне машины могли находиться иные поражающие предметы, а психоэмоциональное состояние обороняющегося не позволяло ему мгновенно оценить изменение обстановки. Данный прецедент лег в основу консолидированных Руководящих указаний Верховного народного суда КНР, Верховной народной прокуратуры КНР и Министерства общественной безопасности КНР от 3 сентября 2020 года. Посредством этого акта судебного толкования китайский высший судебный орган закрепил императивные принципы, реформировавшие правоприменительную систему страны: принцип презумпции поощрения справедливости (при соответствии действий общему духу защиты судам запрещено проявлять избыточный формализм при оценке соразмерности); презумпция непрерывности нападения (при временном отступлении нападающего, сохраняющего агрессивное поведение или доступ к оружию, состояние обороны признается длящимся); а также прямой запрет на ретроспективную оценку содеянного [Малкин, 2023]. Данный опыт КНР наглядно демонстрирует, как регулятивная позиция высшей судебной инстанции способна

деконструировать консервативную обвинительную тенденцию правоохранительной системы.

Заключение

Проведенное компаративистское исследование нормативного регулирования и правоприменительной практики правового института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике позволяет сформулировать следующие теоретические и научно-практические выводы:

– Родовая близость уголовно-правовых систем РФ и КНР обусловливает сопоставимость их доктринальных институтов. При этом китайская модель демонстрирует более прагматичный и детализированный подход к конструированию уголовно-правовых диспозиций, смещая акцент с абстрактно-оценочных категорий на формально-перечневые критерии правомерности защиты.

– Закрепленный в абз. 3 статьи 20 УК КНР институт «абсолютной обороны» посредством императивного перечисления конкретных составов преступлений (убийство, грабеж, изнасилование, похищение человека) обеспечивает более высокий уровень правовой определенности и защищенности обороняющегося лица по сравнению с сугубо оценочным критерием «насилия, опасного для жизни», содержащимся в части 1 статьи 37 УК РФ.

– В целях модернизации отечественного уголовного законодательства, унификации следственно-судебной практики и минимизации латентного обвинительного уклона правоприменителя представляется целесообразным имплементировать положительные элементы юридической техники КНР. Предлагается дополнить диспозицию части 1 статьи 37 УК РФ фиксированным перечнем особо опасных насильственных преступлений (включая разбой, захват заложников и террористический акт), совершение которых априори исключает уголовную ответственность за любой причиненный посягающему вред.

– Перспективным направлением рецепции является также внедрение в отечественную доктрину разработанного Верховным народным судом КНР методологического подхода к оценке психоэмоционального состояния обороняющегося субъекта. Требуется нормативно запретить ретроспективный анализ соразмерности защиты, закрепив презумпцию правомерности действий лица, совершенных в состоянии страха, испуга или замешательства, вызванных противоправным посягательством.

Библиография

1. Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. 2019. № 1. С. 16–20.
2. Аркавенко Н. А., Фурсов В. С. К вопросу об особенностях реализации необходимой обороны // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 308–312.
3. Дресслер Дж. Понимание уголовного права = Understanding Criminal Law. 9-е изд. Нью-Йорк: СУНИ Пресс, 2020. 620 с. URL: https://archive.org/details/understandingcri0000dres_03ed
4. Капица В. С., Калабекова М. В., Смирнов С. В. Превышение пределов необходимой обороны: анализ теоретических и практических аспектов // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 90–94.
5. Лао Дунъянь. Новая доктрина необходимой обороны в судебной практике Китая // Журнал китайского правоведения. 2021. № 4. С. 45–62. URL: https://e-

univers.ru/upload/iblock/6c1/6c1f214e731265f0d46ab30525550c80.pdf
6. Малкин В. Р. Пределы необходимой обороны. Законодательная регламентация и правоприменительная практика // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 135–143.
7. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Необходимая оборона: проблема оценки правомерности действий по защите себя и других лиц от общественно опасного посягательства // Виктимология. 2025. Т. 12, № 4. С. 554–563. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-554-563.
8. Милюков С. Ф., Зуева Ю. В. Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты (доктрина, практика, техника): монография. М.: Проспект, 2021. 144 с.
9. Никуленко А. В. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2023. 480 с.
10. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Необходимая оборона против действий сотрудников правоохранительных органов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 74–90. DOI: 10.21869/2223-1501-2026-16-1-74-90.
11. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 101–112. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112.
12. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1080 с.
13. Пучнин А. В., Прохонов В. С., Сысолина Н. С. Проблемы установления превышения пределов необходимой обороны // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 4. С. 246–249.
14. Роксин К. Уголовное право. Общая часть. Том 1: Основания преступления = Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1. Мюнхен: С.Х. Бек, 2006. 1010 с. URL: https://lawcat.berkeley.edu/record/499624
15. Савельев А. В. Социально-правовая характеристика института необходимой обороны // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 453–458.

Comparative Legal Analysis of the Institution of Necessary Defense in the Russian Federation and the People's Republic of China

Evgenii V. Denisenko

Lecturer,
Department of Criminal Law,
North-West Institute of Management
— Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Sredniy pr. V.O., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: denisenko.e.v.spb@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive comparative study of the legal institution of necessary defense in the criminal law of the Russian Federation and the People's Republic of China. The author conducts a detailed comparative analysis of the normative-legal regulation of the grounds, limits, and conditions of the lawfulness of causing harm to the person encroaching in both legal systems. Within the framework of the study, Article 20 of the Criminal Code of the PRC and Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation are examined in detail, the specifics of the substantive-legal consolidation of the excess of defense are investigated, as well as the criteria for assessing the proportionality of defensive actions. Particular attention is paid to the Chinese institution of "absolute (unlimited) defense" and its differences from the Russian presumptions of the lawfulness of defense in cases of encroachments involving violence dangerous to life. Based on the analysis of

the guiding explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme People's Court of the PRC, key conceptual similarities and differences in the approaches of Russian and Chinese law enforcers are identified. Based on the results of the study, scientifically substantiated proposals for the modernization of domestic criminal legislation are formulated, taking into account the positive experience of the PRC.

For citation

Denisenko E.V. (2026) Sravnitel'no-pravovoy analiz instituta neobkhodimoy oborony v Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respublike [Comparative Legal Analysis of the Institution of Necessary Defense in the Russian Federation and the People's Republic of China]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 514-522. DOI: 10.34670/AR.2026.36.67.053

Keywords

Necessary defense, excess of defense, comparative law, criminal law of China, criminal law of Russia, limits of lawfulness, absolute defense, qualification of crimes, Supreme People's Court of the PRC, law enforcement.

References

1. Arkavenko, N. A., & Fursov, V. S. (2023). K voprosu ob osobennostyakh realizatsii neobkhodimoy oborony [On the Issue of the Specifics of the Implementation of Necessary Defense]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], (23), 308–312.
2. Avdeeva, E. V. (2019). Neobkhodimaya oborona: aktual'nyye voprosy zakonodatel'noy reglamentatsii i pravoprimeneniya [Necessary Defense: Current Issues of Legislative Regulation and Law Enforcement]. *Rossiyskiy sud'ya* [The Russian Judge], (1), 16–20.
3. Dressler, J. (2020). *Understanding Criminal Law* (9th ed.). New York: SUNY Press. https://archive.org/details/understandingcri0000dres_03ed
4. Kapitsa, V. S., Kalabekova, M. V., & Smirnov, S. V. (2025). Prevysheniye predelov neobkhodimoy oborony: analiz teoreticheskikh i prakticheskikh aspektov [Exceeding the Limits of Necessary Defense: An Analysis of Theoretical and Practical Aspects]. In *Yurisprudentsiya i sovremennaya pravovaya sistema: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Jurisprudence and the Modern Legal System: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference] (pp. 90–94). Penza: Nauka i Prosveshcheniye.
5. Lao, D. (2021). Novaya doktrina neobkhodimoy oborony v sudebnoy praktike Kitaya [The New Doctrine of Necessary Defense in Chinese Judicial Practice]. *Zhurnal kitayskogo pravovedeniya* [Journal of Chinese Jurisprudence], (4), 45–62. https://e-univers.ru/upload/iblock/6c1/6c1f214e731265f0d46ab30525550c80.pdf
6. Malkin, V. R. (2023). Predely neobkhodimoy oborony. Zakonodatel'naya reglamentatsiya i pravoprimenitel'naya praktika [The Limits of Necessary Defense. Legislative Regulation and Law Enforcement Practice]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], (2/95), 135–143.
7. Merkuryev, V. V., & Tarakanov, I. A. (2025). Neobkhodimaya oborona: problema otsenki pravomernosti deystviy po zashchite sebya i drugikh lits ot obshchestvenno opasnogo posyagatel'stva [Necessary Defense: The Problem of Assessing the Legality of Actions to Protect Oneself and Others from Socially Dangerous Attacks]. *Viktimologiya* [Victimology], 12(4), 554–563. https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-4-554-563
8. Milyukov, S. F., & Zueva, Yu. V. (2021). *Neobkhodimaya oborona v sisteme mul'tipravovogo instituta samozashchity (doktrina, praktika, tekhnika)* [Necessary Defense in the System of the Multi-Legal Institute of Self-Defense (Doctrine, Practice, Technique)]. Moscow: Prospekt.
9. Nikulenko, A. V. (2023). *Institut neobkhodimoy oborony v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov* [The Institute of Necessary Defense in the Activities of Law Enforcement Officers]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
10. Nikulenko, A. V., & Smirnov, M. A. (2023). Sudebnoye tolkovaniye priznakov obshchestvenno opasnogo posyagatel'stva pri neobkhodimoy oborone [Judicial Interpretation of Signs of Socially Dangerous Encroachment with Necessary Defense]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Izvestiya of

the South-Western State University. Series: History and Law], 13(5), 101–112. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112

11. Nikulenko, A. V., & Smirnov, M. A. (2026) Neobkhodimaya oborona protiv deystviy sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Necessary Defense against the Actions of Law Enforcement Officers]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Izvestiya of the South-Western State University. Series: History and Law], 16(1), 74–90. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-1-74-90
12. Pobegailo, E. F. (2008). *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
13. Puchnin, A. V., Prokhonov, V. S., & Sysolina, N. S. (2022). Problemy ustanovleniya prevysheniya predelov neobkhodimoy oborony [Problems of Establishing Exceeding the Limits of Necessary Defense]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], (4), 246–249.
14. Roksin, K. (2006). *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'. Tom 1: Osnovaniya prestupleniya* [Criminal Law. The General Part. Volume 1: The Foundations of Crime] (Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1). Munich: S.H. Beck. https://lawcat.berkeley.edu/record/499624
15. Savelyev, A. V. (2020). Sotsial'no-pravovaya kharakteristika instituta neobkhodimoy oborony [Socio-Legal Characteristics of the Institute of Necessary Defense]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], (8), 453–458.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.25.61.054**

Правовая неопределённость при квалификации кибератак по статьям 272 и 273 УК РФ

Милаева Майя Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5/ 1;
e-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Колмакова Милена Владимировна

Студент,
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5/ 1;
e-mail: kolmakovamv@student.bmstu.ru

Аннотация

В работе рассматривается проблема правовой неопределённости при квалификации кибератак по статьям 272 и 273 Уголовного кодекса Российской Федерации. Утверждается, что сложность уголовно-правовой оценки соответствующих деяний обусловлена комплексным характером и технической неоднородностью кибератак, при которых вредоносное программное обеспечение может одновременно выступать как самостоятельный элемент преступного поведения и как средство неправомерного доступа к компьютерной информации. Анализируются положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позиции исследователей, представленные в научной литературе, а также отдельные материалы судебной практики. На основе статистических данных показано преобладание преступлений, квалифицируемых по статье 272 УК РФ, при сравнительно низкой доле применения статьи 273 УК РФ. Зафиксирован рост числа преступлений в сфере компьютерной информации и в особенности тех, что совершены с использованием вредоносного программного обеспечения. Сделан вывод о необходимости дополнительной конкретизации подходов к квалификации кибератак, в том числе посредством нормативного определения их понятия и учёта роли специальных знаний при правоприменении. Предлагаются дополнения статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Милаева М.Ю., Колмакова М.В. Правовая неопределённость при квалификации кибератак по статьям 272 и 273 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 523-533. DOI: 10.34670/AR.2026.25.61.054

Ключевые слова

Компьютерная атака, вредоносное программное обеспечение, неправомерный доступ к информации, преступления в сфере компьютерной информации, уголовно-правовая квалификация, кибербезопасность, специальные знания.

Введение

Современные кибератаки (или же компьютерные атаки) нередко носят комплексный характер и включают в себя несколько взаимосвязанных действий: разработку вредоносного программного обеспечения (далее – вредоносное ПО), его распространение, получение неправомерного доступа к информационным системам, а также последующее извлечение, модификацию или блокирование данных. В связи с этим возникает вопрос о правильной уголовно-правовой квалификации таких действий.

В законодательстве уголовная ответственность за указанные деяния предусмотрена статьями «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (272 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996]) и «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» (273 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996]). При этом в практике Верховный Суд РФ рекомендует применять идеальную совокупность для одного фактического деяния, чтобы учесть все аспекты преступного поведения несмотря на то, что оно является единой атакой с использованием одного инструмента. По мнению Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина [Бастрыкин, 2026], сложности расследования преступлений в сфере компьютерной информации во многом обусловлены их трансграничным характером.

В действующем российском праве отсутствует закрепленное на законодательном уровне определение «киберпреступности» – вместо этого в законе использована категория «преступления в сфере компьютерной информации». В научной литературе неоднократно отмечалось, что отсутствие единого понятийного аппарата осложняет как теоретическое осмысление соответствующих деяний, так и их квалификацию в правоприменительной практике [Суслов, Милаева, 2026].

Как видно из рисунка 1, составленной на основе данных открытых статистических источников [Уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании, www.anip-precc.рф], в отличие от стабильно растущей динамики осужденных по ст. 272 УК РФ, показатели по ст. 273 УК РФ с каждым годом снижаются. Это позволяет предположить, что деяния, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения, в правоприменительной практике нередко оцениваются преимущественно через призму неправомерного доступа к компьютерной информации.

Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается и статистикой издания «ТАдвизер» («TAdviser») [Число киберпреступлений в России, www.tadviser.ru]: в 2025 году в сфере компьютерной информации зарегистрировано 61137 преступлений, из которых 58782 эпизода связаны с неправомерным доступом к компьютерной информации. Одновременно отмечается существенный рост преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением компьютерным программ: их количество увеличилось на 96,4% и достигло 607 эпизодов.

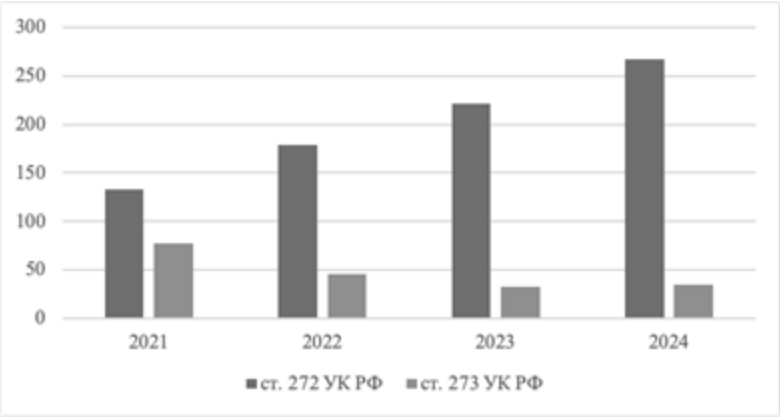

Рисунок 1- Динамика роста осуждённых по статьям 272 и 273 УК РФ в 2021-2024 гг.

Существенное преобладание преступлений, квалифицируемых по статье 272 УК РФ, при относительно небольшом числе деяний, попадающих под признаки статьи 273 УК РФ, может свидетельствовать о том, что использование вредоносного программного обеспечения в ряде случаев воспринимается правоприменителем преимущественно как способ совершения неправомерного доступа, а не как самостоятельное преступление.

На основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 №37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37, 2022], судам следует учитывать, что, в случае использования вредоносной компьютерной программы для осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации, повлекшего наступление последствий, предусмотренных ст. 272 УК РФ, действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 272 и 273 УК РФ (согласно пункту 15 Постановления Пленума). Однако такой подход подвергается критике в научной, поскольку не всегда учитывает роль вредоносного ПО в механизме преступления и приводит к неверной квалификации содеянного. Исследователи склоняются к мнению, что кибератаки следует квалифицировать преимущественно по ст. 273 УК РФ, однако нам представляется более обоснованным подход Пленума Верховного Суда РФ, поскольку он позволяет более полно оценить их правовую природу.

Настоящее исследование посвящено анализу квалификационных сложностей при разграничении составов, предусмотренных ст. 272 и 273 УК РФ, в условиях стремительного развития компьютерных атак, а также разработке предложений по унификации правоприменительной практики.

Основная часть

Несмотря на наличие официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, практика свидетельствует о сохраняющихся трудностях как в применении института идеальной совокупности, так и при разграничении ст. 272 и 273 УК РФ.

В большинстве случаев неправомерный доступ к компьютерной информации осуществляется с использованием вредоносного программного обеспечения – согласно анализу

экспертов «Группы Позитив» («Positive Technologies») [CODE RED 2026, www.ptsecurity.com], проведённому в 2025 году, до 71% киберпреступлений. В таком случае вредоносное ПО выступает не только самостоятельным объектом уголовно-правовой оценки, но и инструментом получения доступа к компьютерной информации. В результате возникает вопрос: подлежит рассматривать содеянное как единое преступление и квалифицировать по статье 273 УК РФ или как совокупность преступлений, предусмотренных статьями 272 УК РФ и 273 УК РФ, что совпадает с разъяснением Пленума.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть особенности компьютерных атак как формы преступного деяния. Анализ их внутренней структуры, характера и роли вредоносного ПО в механизме совершения преступления позволит точнее определить причины возникающих трудностей.

Особенности компьютерных атак как формы преступного деяния

В отличие от часто встречаемых в практике преступлений, объективная сторона которых зачастую выражается в одном действии, компьютерные атаки, как правило, включают совокупность взаимосвязанных действий, направленных на неправомерное воздействие на компьютерную информацию, информационные системы и средства их защиты, а также создание самого способа доступа к этим структурам и данным – вредоносного программного обеспечения. При этом отдельные этапы кибератак могут осуществляться как одним лицом, так и группой лиц, а также совпадать по времени, что дополнительно усложняет их уголовно-правовую оценку.

Ключевым элементом механизма компьютерной атаки выступает вредоносное программное обеспечение, которое в одних случаях выступает как самостоятельный объект уголовно-правовой оценки, образуя состав преступления по ст. 273 УК РФ, в иных – инструментом получения неправомерного доступа к компьютерной информации. Указанная двойственность обусловливает ключевую особенность кибератак: одно фактическое деяние может одновременно содержать признаки нескольких составов преступлений. При этом разграничение зависит от роли вредоносного ПО в механизме атаки, которая не всегда очевидна для правоприменителя.

Дополнительно следует учитывать, что атаки всё чаще реализуются в условиях высокой автоматизации и распределённости. Распространение моделей «вредоносного ПО как сервиса» (RaaS), использование ботнетов и облачных инфраструктур приводит к тому, что отдельные стадии атаки могут выполняться различными субъектами, зачастую находящимися в разных юрисдикциях. Это затрудняет установление роли каждого участника и усложняет квалификацию деяния в рамках классических конструкций уголовного права, ориентированных на индивидуализированное поведение субъекта.

Исследование кибератак не должно ограничиваться исключительно анализом действий виновного лица. В криминологии обоснованно указывается, что изучение личности и поведения потерпевшего позволяет глубже понять причины и условия совершения преступлений, а также разработать более эффективные меры их предупреждения [Карасева, 2007]. Применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации это означает необходимость учитывать ещё и уровень защищённости информационной системы, соблюдение требований информационной безопасности и действий пользователей, которые могли способствовать реализации преступного умысла.

Следовательно, специфика компьютерных атак как формы преступного деяния требует не только описания их технического механизма, но и анализа уголовно-правовых подходов.

Сравнение позиции Верховного Суда РФ и научного подхода

В пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации» конкретизируется, что, когда вредоносная компьютерная программа использовалась для осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации и это повлекло наступление последствий, предусмотренных частью 1 статьи 272 УК РФ, действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 272 и 273 УК РФ.

Позиция Верховного Суда РФ исходит из разграничения объектов охраны и различий в юридической конструкции составов преступлений: статья 272 УК РФ защищает порядок доступа к информации, в то время как статья 273 УК РФ предотвращает распространение вредоносных программ. В результате использование вредоносного ПО для получения доступа к информации рассматривается как два самостоятельных преступления, каждое из которых подлежит отдельной правовой оценке.

В научной литературе данная позиция оценивается неоднозначно. Ряд исследователей указывает на риск избыточного применения совокупности преступлений, поскольку в условиях реальных кибератак вредоносное ПО нередко выступает способом реализации неправомерного доступа.

В.Ф. Щепельков, анализируя Постановление Пленума Верховного Суда РФ [Щепельков, 2023] отмечает, что применение идеальной совокупности может приводить к избыточной уголовно-правовой оценке одного фактического деяния, и квалификация должна осуществляться по одной из статей: преимущественно по 272 УК РФ, так как основное значение имеет неправомерный доступ к компьютерной информации.

Исследуя особенности состава компьютерных преступлений, И.А. Клепицкий указывает на запутанность в определении способов и последствий таких деяний и толковании признаков «правомерности» в ст. 272 УК РФ и «несанкционированности» в ст. 273 УК РФ [Клепицкий, 2025]. В ряде случаев, рассмотренных автором, к компьютерным преступлениям относились действия, не представляющие реальной общественной опасности (например, вмешательство в программное обеспечение с согласия владельца), что свидетельствует о риске расширительного толкования уголовно-правовых норм. В связи с этим, предлагается чётко определить критерии вреда и квалифицировать деяния по ст. 273 УК РФ в отдельных случаях.

Определяющим критерием разграничения составов преступлений должен быть способ проникновения в информационную систему – такую позицию высказывает Р.С. Поздышев [Поздышев, 2023]. В случае, если доступ осуществляется без использования вредоносного ПО (например, с применением полученных учетных данных), содеянное подлежит квалификации по части 2 статьи 272 УК РФ. В случае, когда доступ к информации осуществляется посредством использования программы, предназначенной для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты, то деяние попадает под признаки части 2 статьи 273 УК РФ. В подобных ситуациях вредоносная ПО выступает ключевым инструментом совершения преступления, и потому данная норма должна иметь приоритетное значение при квалификации деяния. Автор отмечает, что использование вредоносного ПО нередко приводит к наступлению последствий, указанных в ст. 272 УК РФ – в таком случае возможно применение совокупности преступлений как дополнительной уголовно-правовой оценки.

Обзор научной литературы свидетельствует, что сложности квалификации обусловлены не

только конструкцией статей 272 и 273 УК РФ, но и отсутствием единых подходов к определению самих преступлений в сфере компьютерной информации. В исследованиях отмечается необходимость законодательного закрепления соответствующего понятийного аппарата, что позволило бы обеспечить более последовательное разграничение смежных составов преступлений [Миронов, Милаева, 2024].

Вместе с тем позиция Верховного Суда Российской Федерации в целом является обоснованной, поскольку учитывает сложный характер рассматриваемых деяний. Однако её применение на практике требует рассмотрения технической специфики компьютерных атак, в частности роли вредоносного ПО в механизме их совершения. Универсальное применение конструкции совокупности без анализа указанных обстоятельств может приводить к формальному подходу к квалификации и нивелировать различия между способом совершения преступления и самостоятельным преступным деянием.

Анализ судебной практики

При квалификации преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации и использованием вредоносного ПО, суды сталкиваются с рядом сложностей. Несмотря на разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37, единообразие правоприменительной практики в данной сфере пока не достигнуто.

В подтверждение изложенных выводов обратимся к материалам уголовного дела, рассмотренного Владимирским областным судом в апелляционном порядке от 9 сентября 2025 года [Апелляционное постановление Владимирского областного суда, 2025]. В суде первой инстанции осужденный был признан виновным по ч. 1 ст. 272 УК РФ, а также в покушении на распространение и использование компьютерной информации, предназначенной для нейтрализации средств защиты (ч. 1 ст. 273 УК РФ).

Содержание дела сводится к неправомерному модифицированных смарт-карт для доступа к спутниковому телевидению, содержащих изменённые сведения о подписках и сроках их действия, что позволяло получать доступ к закрытым пакетам телеканалов без внесения абонентской платы. Проведённые экспертизы установили, что содержащаяся на картах информация позволяла нейтрализовать средства защиты и осуществлять копирование данных, необходимых для дешифрования спутникового канала.

Первоначально органами предварительного расследования действия обвиняемого были квалифицированы по более тяжким составам преступлений, предусмотренным ч. 2 ст. 272 и ч. 2 ст. 273 УК РФ, однако в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель переквалифицировал действия подсудимого, смягчив обвинение. Апелляционная инстанция указала на неполноту исследования обстоятельств дела и признала такое изменение необоснованным. Приговор был отменён, а дело направлено на новое рассмотрение. Этот случай наглядно демонстрирует, что суд и сторона обвинения испытывают затруднения при определении уголовно-правовой оценки подобных действий.

Различия в квалификации на разных стадиях уголовного судопроизводства, а также вмешательство апелляционной инстанции подтверждает, что существующие правовые конструкции требуют дополнительного разъяснения с учётом технической специфики компьютерных атак.

Показательным также является Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации №77-УД25-1-К1 от 17 апреля 2025 года [Кассационное определение Верховного Суда РФ № 77-УД25-1-К1, 2025], в рамках которого действия виновного лица были

квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 272 и частью 1 статьи 273 УК РФ. Судом установлено, что лицо осуществляло неправомерный доступ к компьютерной информации с использованием программных средств, направленных на преодоление механизмов защиты. Рассмотренное дело содержит системную проблему правоприменения в сфере компьютерных преступлений, где одно фактическое деяние требует квалификации по совокупности статей, учитывая использование вредоносного ПО как инструмента совершения преступления.

Существенное значение при рассмотрении дела имели результаты судебной компьютерно-технической экспертизы: определение функций примененных программных средств и указание на наличие признаков вредоносного ПО, что выходит за пределы общеправовой оценки. Анализ содержания судебного акта показывает, что квалификация содеянного не носила формальный характер и требовала от суда детального исследования технической стороны совершённого деяния. Указанные сложности объясняются также особенностями законодательной конструкции составов преступлений в сфере компьютерной информации. Как отмечается в научной литературе, многие уголовно-правовые нормы данной группы обладают сходными признаками объективной стороны, вследствие чего без установления их особенностей корректная квалификация деяния существенно затрудняется [Суслов, Милаева, 2026].

Таким образом, если неправомерный доступ к компьютерной информации совершен средствами с признаки вредоносного ПО, то действия лица подлежат рассмотрению по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 272 и 273 УК РФ. В случае отсутствия таковых признаков квалификация может ограничиваться только статьей 272 УК РФ. Указанная правовая позиция соответствует разъяснениям, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37. Вместе с тем сам факт необходимости привлечения специальных знаний и проведения экспертизы свидетельствует о сложности правовой оценки подобных деяний и отсутствии очевидных критериев разграничения составов преступлений.

Анализ судебной практики указывает на необходимость разработки предложений, направленных на уточнение и адаптацию законодательства к особенностям современных компьютерных атак. В этой связи представляется обоснованным рассмотреть возможные направления совершенствования квалификации соответствующих деяний.

Направления совершенствования уголовно-правовой квалификации кибератак

Представляется целесообразным дополнить действующие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 года.

Во-первых, следует ввести примечание к ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», которое будет предусматривать освобождение от уголовной ответственности лиц, предотвративших последствия неправомерного доступа к информации. Такое решение будет основываться на принципе справедливости и направлено на поощрение активных действий, предотвращающих причинённый ущерб. Это позволит стимулировать инициативность и готовность лиц, допустивших неправомерный доступ к информации, принимать меры для устранения последствий своих действий.

Примечания. <…> 1. Лицо, предотвратившее последствия неправомерного доступа к компьютерной информации, освобождается от уголовной ответственности, если это не противоречит общественным интересам, в том числе принципу справедливости.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 273 УК РФ следует уточнить, что именно *вредоносные* компьютерные

программы являются объектом уголовной ответственности. Это позволит чётко разграничить преступления, связанные с созданием и распространением программ, наносящих вред информационным системам. Кроме того, предлагается увеличить штрафы и предусмотреть лишение свободы до 8 лет за указанные деяния, чтобы повысить санкции за преступления, связанные с нарушением информационной безопасности.

Далее, в ч. 2 ст. 273 УК РФ целесообразно усилить санкции за крупный ущерб, сговор и совершение деяний организованной группой, чтобы усилить ответственность за совершение преступлений, имеющих широкие последствия для функционирования систем и скоординированных действий преступников. Также предлагается повысить штрафы и продлить сроки лишения свободы до 10 лет.

Кроме того, целесообразно дополнить санкции ст. 273 УК РФ наказанием в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью для лиц, виновных в создании, использовании и распространении вредоносных программ.

Основным предложением является закрепление на нормативном уровне понятия компьютерной атаки (кибератаки). Логичным является включение соответствующего определения в примечание к ст. 273 УК РФ, что будет способствовать более точному толкованию в правоприменительной практике, а также позволит отразить многоэтапность современных кибератак.

Примечания. 1. Под компьютерной атакой (кибератакой) в настоящей статье понимается совокупность взаимосвязанных действий, направленных на неправомерное воздействие на компьютерную информацию, информационные системы либо на средства их защиты, включающая создание, использование или распространение вредоносного программного обеспечения, а также получение, изменение, блокирование, уничтожение или копирование компьютерной информации.

В-третьих, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 года предлагаем дополнить следующим разъяснением:

Если деяние, совершённое с использованием вредоносного ПО, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 272 и 273 УК РФ, то при проведении судебной компьютерно-технической экспертизы, которая подтверждает отсутствие признаков использования вредоносного ПО, деяние подлежит квалификации исключительно по статье 272 УК РФ.

Представляется, что реализация указанных предложений упростит квалификацию, обеспечит единообразие правоприменительной практики и будет учитывать специфику современных компьютерных атак без изменения базовой конструкции действующего уголовного законодательства.

Заключение

В ходе исследования была проанализирована проблема правовой неопределённости при квалификации деяний, связанных с кибератаками, по статьям 272 и 273 УК РФ. Рассмотрены существующие подходы в судебной практике и доктрине, что позволило выявить основные трудности, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации подобных преступлений.

Важным результатом работы является предложение о дополнении статей уголовного законодательства, в частности, закрепление понятия компьютерной атаки (кибератаки). Кроме

того, предложены изменения в статью 273 УК РФ, касающиеся увеличения санкций, включая штрафы и срок лишения свободы, и последствия для лиц, использующих своё служебное положение для совершения преступлений с вредоносными программами. Значимым для судебной практики является уточнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ о применении совокупности преступлений, а также дополнение примечания в статью 272 УК РФ, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности в случае, если лицо самостоятельно предотвратило последствия неправомерного доступа к информации.

Представляется, что данные изменения позволят обеспечить единообразие практики, связанной с кибератаки и поможет более эффективно бороться с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Следует учитывать, что развитие технологий и усложнение моделей совершения подобных преступных деяний опережают темпы адаптации уголовного законодательства, что усиливает выявленные проблемы квалификации и требует их системного осмысления в рамках как правоприменительной, так и научной деятельности.

Библиография

1. Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 9 сентября 2025 г. № 22-1795/2025 по делу № 1-109/2024 // СудАкт. URL: sudact.ru/regular/doc/TUxuN6ASZwxs/
2. Бастрыкин А.И. Преступность перетекает в онлайн, но следствие к этому готово: интервью // Следственный комитет Российской Федерации. 2026. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/2062124/
3. Карасева М.Ю. Криминологическая характеристика потерпевшего // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1 (4). С. 549–554.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2025 г. № 77-УД25-1-К1. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2457588
5. Клепицкий И.А. Компьютерные преступления: вопросы юридической техники // Вектор юридической науки. 2025. № 5. С. 48–57. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.048-057.
6. Миронов Б.А., Милаева М.Ю. Современный взгляд на понятие преступления в сфере компьютерной информации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 10 (98). С. 248–254.
7. Поздышев Р.С. Вопросы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 105–112. DOI: 10.36511/2078-5356-2023-1-105-112.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. URL: https://rg.ru/documents/2022/12/28/document-postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda.html
9. Суслов Т.В., Милаева М.Ю. Криминологический анализ личности киберпреступника как феномен современного общества // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2026. № 1 (113). С. 145–151.
10. Уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // АПИ-Пресс. URL: https://stat.anip-precc.рф/stats/ug/t/14/s/17
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026 № 164-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891
12. Число киберпреступлений в России // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России
13. Щепельков В.Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовное право. 2023. № 6. С. 70–79.
14. CODE RED 2026: Актуальные киберугрозы для российских организаций // Positive Technologies. URL: https://ptsecurity.com/research/analytics/russia-cyberthreat-landscape-2026/#id3

Legal Uncertainty in the Qualification of Cyberattacks under Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation

Maiya Yu. Milaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of "Security in the Digital World",
Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
105005, 5/1, 2-ya Baumanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Milena V. Kolmakova

Student,
Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
105005, 5/1, 2-ya Baumanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kolmakovamv@student.bmstu.ru

Abstract

The paper examines the problem of legal uncertainty in the qualification of cyberattacks under Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is argued that the complexity of the criminal law assessment of the relevant acts is due to the complex nature and technical heterogeneity of cyberattacks, in which malicious software can simultaneously act as an independent element of criminal behavior and as a means of unlawful access to computer information. The provisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the positions of researchers presented in scientific literature, as well as certain materials of judicial practice are analyzed. Based on statistical data, the predominance of crimes qualified under Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation is shown, with a comparatively low share of the application of Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. An increase in the number of crimes in the sphere of computer information, and in particular those committed using malicious software, is recorded. A conclusion is made about the need for further concretization of approaches to the qualification of cyberattacks, including by means of a normative definition of their concept and taking into account the role of special knowledge in law enforcement. Amendments to the articles of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

For citation

Milaeva M.Yu., Kolmakova M.V. (2026) Pravovaya neopredelennost' pri kvalifikatsii kiberatak po stat'yam 272 i 273 UK RF [Legal Uncertainty in the Qualification of Cyberattacks under Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 523-533. DOI: 10.34670/AR.2026.25.61.054

Keywords

Computer attack, malicious software, unlawful access to information, crimes in the sphere of computer information, criminal law qualification, cybersecurity, special knowledge.

References

1. Appellate ruling of the Vladimir Regional Court dated September 9, 2025, No. 22-1795/2025 in case No. 1-109/2024. (2025). *SudAct*. sudact.ru/regular/doc/TUxuN6ASZwxs/
2. Bastrykin, A.I. (2026) Crime is moving online, but investigators are ready for it: interview. *Investigative Committee of the Russian Federation*. https://sledcom.ru/press/interview/item/2062124/
3. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 17, 2025, No. 77-UD25-1-K1. (2025). https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2457588
4. CODE RED 2026: Current Cyber Threats to Russian Organizations. (2026) *Positive Technologies*. https://ptsecurity.com/research/analytics/russia-cyberthreat-landscape-2026/#id3
5. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on June 10, 2026, No. 164-FZ). (1996). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891
6. Karaseva, M.Yu. (2007). Kriminologicheskaya kharakteristika poterpevshego [Criminological characteristics of the victim]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, (1(4)), 549–554.
7. Klepitsky, I.A. (2025). Komp'yuternye prestupleniya: voprosy yuridicheskoy tekhniki [Computer crimes: issues of legal drafting]. *Vektor yuridicheskoy nauki*, (5), 48–57. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.048-057
8. Mironov, B.A., & Milaeva, M.Yu. (2024). Sovremennyy vzglyad na ponyatie prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii [A modern view of the concept of computer-related crime]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*, (10(98)), 248–254.
9. Number of cybercrimes in Russia. (2026) *TAdviser*. https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Number_of_cybercrimes_in_Russia
10. Pozdyshev, R.S. (2023). Voprosy kvalifikatsii prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii [Issues of qualification of crimes in the sphere of computer information]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, (1(61)), 105–112. DOI: 10.36511/2078-5356-2023-1-105-112
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 dated December 15, 2022, "On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunication Networks, Including the Internet". (2022). *Rossiyskaya Gazeta Internet Portal*. https://rg.ru/documents/2022/12/28/document-postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda.html
12. Shchepelkov, V.F. (2023). O kvalifikatsii prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii (v svete raz"yasneniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF) [On the qualification of crimes in the sphere of computer information (in light of the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo*, (6), 70–79.
13. Suslov, T.V., & Milaeva, M.Yu. (2026) Kriminologicheskiy analiz lichnosti kiberprestupnika kak fenomen sovremennogo obshchestva [Criminological analysis of the personality of a cybercriminal as a phenomenon of modern society]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*, (1(113)), 145–151.
14. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: dannye o naznachennom nakazanii po stat'yam UK RF [Criminal proceedings: data on sentences imposed under articles of the Criminal Code of the Russian Federation]. (2026) *API-Press*. https://stat.anip-precc.pф/stats/ug/t/14/s/17

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.72.15.055**

Проблемы привлечения к ответственности судебно-медицинского эксперта

Ершова Ирина Владимировна

Кандидат медицинских наук, доцент,
кафедра общей хирургии,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: ershova-13@yandex.ru

Аннотация

В статье автор исследует проблемы привлечения судебно-медицинских экспертов к ответственности за ошибки, недобросовестное исполнение обязанностей и нарушение этических норм. Отмечается, что развитие процессуального законодательства РФ трансформирует правовой статус судебного эксперта, однако нормативно-правовая база, регулирующая ответственность специалистов в области судебной медицины, остаётся недостаточно полной и не учитывает отраслевую специфику. Рассматриваются основания уголовной ответственности эксперта по статьям 307 и 310 УК РФ, при этом подчёркивается практическая сложность доказывания умысла при даче заведомо ложного заключения: эксперт может сослаться на добросовестное заблуждение или неумышленную ошибку, что существенно снижает вероятность привлечения к уголовной ответственности. Анализируются также проблемы отсутствия унифицированных стандартов оценки качества экспертизы, слабой регламентации процедур привлечения к ответственности, недостаточной правовой защиты самих экспертов от давления со стороны участников процесса и нехватки координации между контролирующими органами. Приводятся статистические данные о числе дисциплинарных взысканий в отношении судебно-медицинских экспертов, свидетельствующие о разрыве между количеством выявленных нарушений и реальными мерами ответственности. Автор делает вывод о необходимости совершенствования законодательства, разработки единых критериев оценки профессиональной деятельности экспертов, усиления механизмов внутреннего и внешнего контроля и повышения прозрачности процедур привлечения к ответственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ершова И.В. Проблемы привлечения к ответственности судебно-медицинского эксперта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 534-540. DOI: 10.34670/AR.2026.72.15.055

Ключевые слова

Судебно-медицинская экспертиза, судебный эксперт, правовой статус эксперта, заведомо ложное заключение, уголовная ответственность, дисциплинарная ответственность, профессиональная ошибка эксперта, этические нормы, контроль качества экспертизы.

Введение

В современном правовом пространстве судебно-медицинская экспертиза занимает важное место, являясь неотъемлемым элементом установления истины по делам, связанным с причинением вреда здоровью, смертью граждан, а также при расследовании преступлений, связанных с насилием и травмами.

Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью судебно-медицинской экспертизы в судебной системе, а также существующими проблемами в обеспечении ответственности экспертов за возможные ошибки, недобросовестное выполнение своих обязанностей или нарушение этических норм.

Основная часть

В условиях развития процессуального права Российской Федерации наблюдается изменение правового статуса судебного эксперта, что представляет собой значимое направление модернизации процессуального законодательства.

Современное законодательство не содержит понятия СМЭ, в связи с чем следует обратиться к ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», носящей общий характер: «судебная экспертиза – предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [Федеральный закон № 73-ФЗ, 2001]. Налицо прямая отсылка к процессуальным законам: согласно ч. 1 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ, заключение эксперта – это «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами» [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001].

Порядок проведения экспертизы, в т. ч. СМЭ, установлен гл. 27 УПК РФ. Что касается вопроса ответственности, которую может нести судебно-медицинский эксперт, необходимо отметить, что эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также за разглашение данных предварительного расследования по статье 310 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996].

Вероятность привлечения эксперта к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ крайне мала. Если впоследствии удастся установить, что заключение эксперта явно ошибочное, он всегда может сослаться на неумышленную ошибку либо добро совестное заблуждение, и тем самым, избежать уголовной ответственности. Это приводит к тому, что в последние годы уровень доверия к институту судебной экспертизы в юридическом сообществе снижается.

При анализе практики сложно найти примеры привлечения судебно-медицинского эксперта к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения [https://news.rambler.ru/other/37941746..., www.rambler.ru].

Как полагает Епихин А.Ю. «ложное заключение судебного эксперта препятствует законному получению важной по делу доказательственной информации, которая необходима для решения процессуальных вопросов и ставит под угрозу искажение представления лица, ведущего производство по делу об истинной ситуации, что, в свою очередь, может повлечь за собой судебную ошибку» [Епихин, 2014, с. 89]. Эксперт даёт заведомо ложное заключение,

когда его ответы на значимые для дела вопросы не соответствуют действительности.

Сомнения в достоверности и обоснованности заключения эксперта могут возникать при контроле проведения экспертизы, которые осуществляет руководитель экспертного учреждения, а также при оценке заключения эксперта следователем, судом(судьей), прокурором, защитником, представителем потерпевшего.

В первую очередь, требования к экспертам включают наличие соответствующей профессиональной подготовки, опыта и квалификации. В большинстве случаев это предполагает наличие высшего медицинского образования, специализации в области судебной медицины, а также прохождение специализированных курсов и переаттестации. В некоторых регионах действуют дополнительные требования, связанные с подтверждением квалификации через профессиональные ассоциации или государственные органы. Важным аспектом является также отсутствие у эксперта конфликтов интересов, что предполагает его независимость и беспристрастность. Для этого существуют процедуры проверки, в том числе декларации о доходах и имущественном положении, а также системы внутреннего контроля в экспертных учреждениях.

Процедура экспертизы включает этапы, начиная от направления дела и определения объема исследования, до составления экспертного заключения и его представления в суд или правоохранительные органы. В нормативных актах четко регламентированы порядок назначения эксперта, сроки проведения экспертизы, а также требования к оформлению заключения. Важным элементом является соблюдение стандартов методики проведения экспертизы, что обеспечивает ее объективность и воспроизводимость. В процессе экспертизы эксперт обязан руководствоваться действующими нормативными актами, руководствами и методическими рекомендациями, а также придерживаться этических стандартов, закрепленных в профессиональных кодексах.

Особое внимание уделяется вопросам конфиденциальности и защиты данных, полученных в ходе экспертизы. Эксперт обязан соблюдать тайну, не разглашать сведения, полученные в ходе работы, и обеспечивать их сохранность. В случае выявления ошибок или недостатков в проведенной экспертизе существует возможность проведения повторной экспертизы или ревизии заключения, что способствует повышению надежности экспертных выводов.

Контроль за соблюдением требований к экспертам и процедуре экспертизы осуществляется как со стороны государственных органов, так и профессиональных ассоциаций. В частности, проводится проверка деятельности экспертных учреждений, ревизии экспертных заключений, а также расследование случаев неправомерных действий или ошибок экспертов. В случае выявления нарушений могут применяться меры дисциплинарной ответственности, вплоть до лишения права заниматься экспертной деятельностью или уголовного преследования за дачу ложных заключений или злоупотребление полномочиями.

Таким образом, требования к экспертам и процедура экспертизы формируют систему гарантий объективности, надежности и профессионализма в судебно-медицинской экспертизе. Соблюдение этих требований обеспечивает доверие участников судебного процесса к экспертным заключениям, способствует справедливому разрешению дел и повышает эффективность правосудия. Важной задачей является постоянное совершенствование нормативной базы, повышение квалификации экспертов и развитие механизмов контроля, что позволит минимизировать риски ошибок и злоупотреблений, а также повысить уровень профессиональной ответственности специалистов в области судебной медицины.

Одной из основных проблем, затрудняющих привлечение судебно-медицинских экспертов

к ответственности, является недостаточная четкость и полнота нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность и ответственность. В большинстве случаев действующее законодательство содержит общие положения, которые не учитывают специфику судебно-медицинской экспертизы, что создает пробелы в регулировании ответственности экспертов за неправомерные действия или ошибки. В результате возникают ситуации, когда сложно определить конкретные основания для привлечения эксперта к ответственности, а также установить степень его вины или злоупотреблений.

Еще одной важной проблемой является отсутствие унифицированных стандартов и критериев оценки профессиональной деятельности экспертов. В законодательных актах зачастую отсутствуют четкие требования к квалификации, порядку проведения экспертизы и критериям оценки ее качества. Это приводит к разночтениям в практике, а также к возможностям злоупотреблений или неправильного применения законодательства. В результате возникают ситуации, когда эксперты, допустившие ошибки или нарушившие профессиональные стандарты, остаются без должного наказания, а пострадавшие стороны сталкиваются с трудностями в защите своих прав.

Также значительной проблемой является недостаточная регламентация процедур привлечения экспертов к ответственности. В большинстве случаев процесс выявления нарушений, проведения расследований и применения мер дисциплинарной ответственности осуществляется на основе внутренних правил и процедур, которые не всегда имеют юридическую силу или соответствуют современным требованиям. Это создает препятствия для оперативного и эффективного реагирования на случаи неправомерных действий экспертов, а также снижает уровень ответственности специалистов.

Еще одним важным аспектом является слабая правовая защита экспертов. В некоторых случаях эксперты сталкиваются с угрозами, давлением или даже преследованием за свои заключения, особенно если они расходятся с интересами сторон или государственных органов. Законодательство зачастую не предусматривает достаточных гарантий защиты экспертов от неправомерных действий со стороны участников процесса или иных субъектов. Это способствует тому, что некоторые эксперты могут избегать ответственности за свои ошибки или злоупотребления, опасаясь последствий.

Кроме того, существует проблема недостаточной ответственности за неправомерные действия или злоупотребления со стороны руководителей экспертных учреждений или государственных органов, осуществляющих контроль за деятельностью экспертов. В большинстве случаев ответственность за нарушения лежит на самих экспертах, а руководители или контролирующие органы могут оставаться безнаказанными, что снижает уровень ответственности и способствует безнаказанности в сфере судебно-медицинской экспертизы.

Также важным аспектом является недостаточная юридическая регламентация вопросов ответственности за неправомерные заключения, которые могут привести к ошибочным судебным решениям и нарушению прав граждан. В большинстве случаев ответственность за такие ошибки носит исключительно профессиональный или дисциплинарный характер, а уголовная ответственность применяется лишь в крайних случаях. Это создает риск безнаказанности и снижает мотивацию экспертов к соблюдению высоких стандартов профессионализма.

Наконец, существенной проблемой является недостаточная координация между различными государственными органами, регулирующими деятельность судебных экспертов, и отсутствия единой системы контроля и ответственности. В результате возникают ситуации,

когда нарушения остаются без внимания, а ответственность за них не наступает, что негативно сказывается на доверии к судебно-медицинской экспертизе и системе правосудия в целом.

Все перечисленные проблемы свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательства, разработки четких нормативных актов и процедур, а также создания системы эффективного контроля и ответственности за деятельность судебных экспертов. Только при наличии четких правил и гарантий можно обеспечить высокое качество экспертизы, повысить уровень ответственности специалистов и укрепить доверие общества к судебной системе.

Статистика случаев привлечения к ответственности судебно-медицинских экспертов является важным индикатором эффективности системы контроля и регулирования деятельности специалистов в данной области. Анализ данных показывает, что несмотря на существующие нормативные акты и механизмы дисциплинарной ответственности, количество случаев привлечения экспертов к ответственности остается относительно низким по сравнению с числом выявленных нарушений. Это свидетельствует о наличии системных проблем, связанных с недостаточной прозрачностью и эффективностью процедур привлечения к ответственности, а также с возможными препятствиями, мешающими своевременному реагированию на нарушения.

За последние несколько лет в стране было зарегистрировано около нескольких сотен случаев дисциплинарных взысканий в отношении судебно-медицинских экспертов. Однако реальные показатели могут быть значительно выше, поскольку не все случаи нарушений фиксируются или доводятся до сведения компетентных органов. В большинстве случаев ответственность за ошибки или злоупотребления несут сами эксперты, а случаи привлечения к уголовной ответственности – редки и зачастую связаны с грубыми нарушениями, такими как фальсификация данных, коррупционные схемы или преднамеренные искажения результатов экспертизы.

Статистика показывает, что наиболее часто выявляемыми нарушениями являются профессиональные ошибки, связанные с неправильной оценкой ситуации, недостаточной подготовкой или невнимательностью. В таких случаях обычно применяются дисциплинарные меры – предупреждения, выговоры или временное отстранение от работы. Однако уголовные дела возбуждаются крайне редко, что обусловлено сложностью доказательства умысла или грубого нарушения закона. В результате, большинство экспертов, допустивших ошибку, продолжают свою деятельность без существенных последствий, что снижает мотивацию к повышению профессиональной ответственности.

Также стоит отметить, что среди случаев привлечения к ответственности значительную долю занимают ситуации, связанные с нарушениями этических норм или конфликтами интересов. В некоторых случаях эксперты могут быть привлечены к ответственности за неправомерные действия, связанные с коррупцией или получением неправомерных выгод. Однако такие случаи составляют меньшую часть и требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов и профессиональных сообществ.

Заключение

Уровень привлечения к ответственности существенно зависит от региона и уровня развития системы контроля. В некоторых регионах количество случаев привлечения экспертов к ответственности значительно выше, что связано с более активной позицией правоохранительных органов и специализированных комиссий. В то же время, в других

регионах наблюдается тенденция к замалчиванию нарушений или их недостаточной фиксации, что негативно сказывается на общем уровне ответственности.

В целом, статистика свидетельствует о необходимости усиления механизмов контроля и ответственности в сфере судебно-медицинской экспертизы. Необходимы более прозрачные процедуры выявления нарушений, повышение уровня профессиональной этики и ответственности экспертов, а также развитие системы внутреннего и внешнего контроля. Только так можно повысить доверие общества к судебной системе и обеспечить высокое качество экспертизы, что является залогом справедливого и объективного правосудия.

Библиография

1. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации состава преступления заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или неправильного перевода (ст. 307 УК РФ) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 октября 2014 г. Ч. 1. Сыктывкар, 2014. С. 89–96.
2. О государственной судебно-экспертной деятельности: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2001. № 106.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Российская газета. 2001. № 249.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. https://news.rambler.ru/other/37941746-poyavilis-rezultaty-ekspertizy-po-delu-pyanogo-malchika/

Problems of Holding a Forensic Medical Expert Accountable

Irina V. Ershova

PhD in Medicine, Associate Professor,
Department of General Surgery,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: ershova-13@yandex.ru

Abstract

In the article, the author examines the problems of holding forensic medical experts accountable for errors, unscrupulous performance of duties, and violation of ethical norms. It is noted that the development of the procedural legislation of the Russian Federation transforms the legal status of a forensic expert; however, the regulatory framework governing the liability of specialists in the field of forensic medicine remains insufficiently complete and does not take into account industry specifics. The grounds for criminal liability of an expert under Articles 307 and 310 of the Criminal Code of the Russian Federation are examined, while the practical difficulty of proving intent in giving a knowingly false conclusion is emphasized: the expert may refer to good-faith delusion or an unintentional error, which significantly reduces the likelihood of criminal liability. The problems of the absence of unified standards for assessing the quality of expertise, weak regulation of accountability procedures, insufficient legal protection of experts themselves from pressure on the part of participants in the process, and the lack of coordination between supervisory authorities are also analyzed. Statistical data are provided on the number of disciplinary sanctions imposed on

forensic medical experts, indicating a gap between the number of detected violations and the actual measures of liability. The author concludes that there is a need to improve legislation, develop unified criteria for assessing the professional activity of experts, strengthen mechanisms of internal and external control, and increase the transparency of accountability procedures.

For citation

Ershova I.V. (2026) Problemy privlecheniya k otvetstvennosti sudebno-meditsinskogo eksperta [Problems of Holding a Forensic Medical Expert Accountable]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 534-540. DOI: 10.34670/AR.2026.72.15.055

Keywords

Forensic medical examination, forensic expert, legal status of an expert, knowingly false conclusion, criminal liability, disciplinary liability, professional error of an expert, ethical norms, quality control of expertise.

References

1. Epikhin, A.Yu. (2014). Mezhotraslevye problemy kvalifikatsii sostava prestupleniya zavedomo lozhnykh pokazaniy, zaklyucheniya eksperta, spetsialista ili nepravil'nogo perevoda (st. 307 UK RF) [Intersectoral problems in qualifying the elements of the crime of knowingly giving false testimony, providing expert or specialist conclusions, or making an incorrect translation (Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. In *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23–24 oktyabrya 2014 g. Ch. 1* (pp. 89–96). Syktyvkar.
2. Federal Law No. 73-FZ dated May 31, 2001 "On State Forensic Expert Activities" (as amended on July 22, 2024). (2001). *Rossiyskaya Gazeta*, (106).https://news.rambler.ru/other/37941746-poyavilis-rezultaty-ekspertizy-po-delu-pyanogo-malchika/
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on July 26, 2026). (2001). *Rossiyskaya Gazeta*, (249).
4. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on August 4, 2026). (1996). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (25), Art. 2954.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.49.61.056**

Хищение криптовалюты и цифровых финансовых активов: квалификация в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ

Тедети Георгий Вячеславович

Бакалавр, студент магистратуры,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: tedetigeorgy@gmail.com

Аннотация

Настоящая статья анализирует проблемы квалификации хищения цифровой валюты и цифровых финансовых активов в свете принятых в 2026 году законодательных изменений и разъяснений высшей судебной инстанции. В статье прослежена эволюция правоприменительной практики — от первого признания криптовалюты имуществом в деле о банкротстве 2018 года до включения цифровой валюты в состав имущества для целей статьи 104.1 УК РФ и последующего обновления Пленумом Верховного Суда РФ постановления о краже, грабеже и разбое. Материалом исследования послужили действующие редакции уголовного закона и постановлений Пленума Верховного Суда РФ, опубликованная судебная практика по делам о хищении криптовалюты, а также доктринальные работы по уголовно-правовой охране цифровых активов. Цифровая валюта как «иное имущество» разграничена с цифровыми финансовыми активами как имущественным правом, что предопределяет выбор применимых норм главы 21 УК РФ. Показано, что посягательство, которое начинается с завладения физическим носителем доступа к счёту цифровых финансовых активов и завершается переоформлением прав в информационной системе оператора, требует квалификации по совокупности. Отдельно рассмотрены квалификация сложносоставных деяний, соотношение хищения цифровых активов с преступлениями в сфере компьютерной информации и с легализацией преступных доходов, момент окончания хищения при дистанционном изъятии и определение размера ущерба в условиях волатильности курса криптовалют. Сделан вывод, что состоявшаяся реформа сняла вопрос об охраноспособности цифровых активов уголовным законом, однако решает проблему их квалификации лишь в первом приближении и требует дальнейших разъяснений высшей судебной инстанции, а также официальной методики оценки цифровой валюты для целей уголовного судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Тедети Г.В. Хищение криптовалюты и цифровых финансовых активов: квалификация в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 541-550. DOI: 10.34670/AR.2026.49.61.056

Ключевые слова

Цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, хищение, мошенничество, квалификация преступлений, статья 104.1 УК РФ.

Введение

Цифровизация экономических отношений тянет за собой цифровизацию преступности: чем шире криптовалюта и цифровые финансовые активы входят в повседневный оборот, тем чаще они становятся целью преступных посягательств. Аналитическая компания Chainalysis оценила общий объем криптовалюты, полученной преступным путем в мире в 2023 году, в 24,2 млрд долларов США, из которых на мошенничество пришлось 8,9 млрд, а на вымогательство – более 1 млрд [Illicit crypto addresses received at least $24.2 billion in 2023, www.reuters.com]. В России счет тоже идет не на единицы: на конец 2023 года криптовалютой владели свыше 8,5 млн российских граждан [Cryptocurrency across the world, www.triple-a.io], а годовой (за 2021 г.) объем их операций с цифровыми активами Банк России оценивал в порядка 5 млрд долларов США [Криптовалюты: тренды, риски, меры, www.cbr.ru]. За прошедшие годы эти цифры, скорее всего, выросли.

Первое признание криптовалюты имуществом состоялось в России еще в 2018 году, когда Девятый арбитражный апелляционный суд включил криптовалюту должника (BTC – биткоины) в конкурсную массу, указав, что любое обладающее экономической ценностью для кредиторов имущество нельзя произвольно из нее исключить [Постановление Девятого ААС № 09АП-16416/2018, 2018]. В уголовном праве, однако, дело долго обстояло иначе, так законодатель не отвечал прямо на вопрос, является ли цифровая валюта предметом хищения, а практика складывалась разрозненно и противоречиво. Суды одного региона по похожим фабулам вполне себе могли приходить к противоположным выводам, так в одном деле похищенную криптовалюту включили в объем хищения наряду с найденным у потерпевшего физическим носителем информации [Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-2616/2022, 2022], в другом деле суд прямо указал, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, поскольку не имеет статуса платежного средства в России, а значит не может быть предметом преступления [Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-95/2020, 2020; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-5295/2020, 2020].

Ситуация изменилась в 2026 году, причем дважды за короткий срок. Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ дополнил примечание к статье 104.1 УК РФ пунктом 2: «цифровая валюта признается имуществом для целей этой статьи и других статей УК РФ»; норма вступила в силу 3 марта 2026 года [Уголовный кодекс РФ, 1996]. Менее чем через четыре месяца, 16 июня 2026 года, Пленум Верховного Суда РФ обновил постановление от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и, в частности, добавил пункт 1(1). Опираясь на примечание к статье 158 УК РФ, пункт 2 примечания к статье 104.1 УК РФ и статью 128 ГК РФ, Пленум отнес к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения чужого имущества, помимо вещей и наличных денег, также безналичные денежные средства (включая цифровые рубли), бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту [Постановление Пленума ВС РФ № 29, 2002]. Спор о принципиальной допустимости уголовно-правовой охраны цифровых активов на этом можно было бы считать закрытым.

Большинство научных работ были опубликованы до принятия названных законодательных изменений и постановления Пленума либо же, в лучшем случае, еще во время обсуждения соответствующего законопроекта – их итоговое содержание большая часть авторов объективно не могли учесть, а состоявшиеся изменения решают проблему лишь в первом приближении: разъяснения Пленума называют предметом хищения «цифровую валюту» и «цифровые права», но не воспроизводят выработанное в доктрине разграничение цифровой валюты и цифровых финансовых активов, а вопросы оценки ущерба при волатильном курсе криптовалют и квалификации сложносоставных деяний остаются за рамками постановления. В этом и заключается научная новизна настоящего исследования, опираясь на актуальную редакцию закона и постановления Пленума, оно впервые системно осмысляет, какие из выявленных доктриной проблем квалификации хищения цифровых активов состоявшиеся изменения решили, а какие требуют дальнейшей проработки.

Материалы и методы исследования

Цель настоящей статьи – выработать предложения по единообразной квалификации хищений цифровой валюты и цифровых финансовых активов с учетом обновленного законодательства и судебной практики, для этого необходимо, во-первых, проследить, как складывалась правоприменительная практика до анализируемых изменений и в чем заключалось ее расхождение; во-вторых, разграничить цифровую валюту и цифровые финансовые активы как предметы хищения и определить, какие нормы главы 21 УК РФ применимы к каждому из них; в-третьих, рассмотреть проблемы квалификации сложносоставных посягательств на цифровые активы и предложить пути их решения.

Результаты и обсуждение

Практика, накопленная за годы правового вакуума, показывает, что без специальной нормы суды и следствие были вынуждены «подгонять» хищения цифровых активов под уже существующие составы главы 21 УК РФ, причем статью выбирали не столько по правовой природе предмета посягательства, сколько по внешней канве способа его совершения. Обманное завладение криптовалютой на P2P-площадках традиционно квалифицировали как мошенничество, так, одно лицо договорилось о покупке криптовалюты, заведомо не собираясь ее оплачивать, и отправило продавцу поддельное SMS-уведомление о зачислении средств, имитирующее сообщение сервиса «Мобильный банк» – так продавец безвозмездно передал криптовалюту [Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова по делу № 1-134/2019, 2019]. По статье 159 УК РФ квалифицировали и другие эпизоды обманного завладения криптовалютой [Приговор Сургутского городского суда по делу № 1-762/2017, 2017; Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары по делу № 1-58/2019, 2019; Приговор Кировского районного суда г. Казани по делу № 1-37/2019, 2019], а также вовлечение граждан в криптовалютные «финансовые пирамиды» [Приговор Кировского районного суда г. Омска по делу № 1-482/2020, 2020]. Иначе решался вопрос, когда цифровые активы находились в правомерном ведении виновного по его должности, так, по сообщениям СМИ, администратор одной из криптовалютных бирж ограничил пользователям доступ к их счетам и обратил вверенные бирже криптоактивы в свою пользу; на стадии предварительного расследования его привлекали по признакам присвоения или растраты, то есть по статье 160 УК РФ [Дело о хищении $450 млн с

биржи WEX, www.rbc.ru].

Внутреннюю противоречивость такой практики нагляднее всего показывает пара решений Санкт-Петербургского городского суда, вынесенных с разницей чуть больше полутора лет. В 2020 году по делу о вымогательстве криптовалюты суд переквалифицировал действия виновных со статьи 163 на часть 3 статьи 161 УК РФ. При этом в особо крупный размер хищения он включил только переданные потерпевшим наличные – 5 млн рублей: криптовалюту на сумму около 55 млн рублей суд предметом преступления не признал, указав, что она «не является средством платежа на территории Российской Федерации» [Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-95/2020, 2020; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-5295/2020, 2020]. Уже в мае 2022 года тот же суд по другому делу пришел к обратному выводу. Там виновные похитили у потерпевшего телефон с данными учетной записи криптобиржи и перевели криптовалюту на свои счета; суд без оговорок признал похищенную криптовалюту «иным имуществом» и включил ее стоимость в объем грабежа [Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-2616/2022, 2022]. Отдельную сложность весь этот период создавали случаи хищения криптовалюты через взлом криптовалютных бирж. Такое посягательство сопряжено с неправомерным воздействием на компьютерную информацию, и доктрина предлагала квалифицировать его по статье 159.6 УК РФ, хотя убедительной отечественной практики по таким делам на момент подготовки статьи не сложилось, соответствующие эпизоды известны в основном по инцидентам на зарубежных площадках.

Устранить эту разнородность и была призвана реформа 2026 года. Обновленный пункт 1(1) постановления № 29 снимает вопрос о принципиальной применимости норм о краже, грабеже и разбое к цифровым активам, теперь цифровая валюта, цифровые права и цифровые рубли прямо названы предметом хищения, а значит, позиция, которую в 2020 году занял Санкт-Петербургский городской суд, больше не может считаться обоснованной. То же постановление уточнило момент окончания хищения безналичных средств при дистанционном изъятии – это отдельно важно для случаев хищения криптовалюты, и мы вернемся к этому вопросу далее [Постановление Пленума ВС РФ № 29, 2002]. Но снятие вопроса о принципиальной охраноспособности цифровых активов – только первый шаг. Оно ничего не говорит о том, по какой статье главы 21 УК РФ квалифицировать посягательство, если его предмет – не цифровая валюта, а цифровой финансовый актив с принципиально иной правовой природой.

Ключ к этому вопросу кроется в различной правовой природе цифровой валюты и цифровых финансовых активов, заложенной еще Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Этот закон определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, которые можно принять в качестве средства платежа, но которые не составляют денежную единицу ни России, ни иностранного государства, ни международную расчетную единицу. С точки зрения статьи 128 ГК РФ она – «иное имущество», а не имущественное право. Цифровые финансовые активы устроены иначе: это цифровые права – денежные требования, возможность осуществлять права по эмиссионным ценным бумагам, право участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. По юридической конструкции это не «иное имущество», а имущественное право в смысле статей 128 и 141.1 ГК РФ [Шейхмагомедов, 2025; Князьков, Пухов, 2025].

Это различие напрямую влияет на выбор статьи главы 21 УК РФ при квалификации. Хищение вещей и наличных денег статьями о краже, грабеже и разбое исторически связывали

с физическим изъятием предмета посягательства, посягательство же на имущественные права, напротив, традиционно признавали только применительно к мошенничеству, а также поскольку вверенное имущество может существовать и в форме права к присвоению и растрате: это следует из пунктов 1 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Постановление Пленума ВС РФ № 48, 2017]. Отсюда и разница в квалификации. Цифровая валюта в статусе «иного имущества» в принципе может быть предметом хищения по широкому кругу статей – это и подтверждает разнобой судебной практики, разобранный выше. Цифровой финансовый актив как чистое имущественное право реалистично похитить только обманом или злоупотреблением доверием, то есть по статье 159 УК РФ (а при вмешательстве в информационную систему по статье 159.6 УК РФ), либо, если он вверен виновному, по статье 160 УК РФ. Нормы о краже, грабеже и разбое к цифровым финансовым активам применить сложнее, так как их оборот устроен по-другому, централизованно. Регистрацию прав на цифровой финансовый актив и переход этих прав фиксирует оператор информационной системы, аккредитованный Банком России, а для приобретения актива нужна идентификация приобретателя. Поэтому простое завладение устройством, с которого был доступ к счету цифровых финансовых активов, само по себе не дает виновному прав на эти активы, необходимо еще ввести оператора информационной системы в заблуждение относительно личности обращающегося.

Отсюда наш вывод, если посягательство начинается с завладения физическим носителем – телефоном или иным устройством, с которого был доступ к счету цифрового финансового актива, а заканчивается переоформлением прав на актив в информационной системе оператора, квалифицировать его нужно по совокупности. Это статья о краже, грабеже или разбое (смотря как завладели устройством) и статья 159 УК РФ – за обман оператора информационной системы, который привел к неправомерному переходу прав [Шейхмагомедов, 2025; Князьков, Пухов, 2025]. Единый умысел на доступ именно к цифровому финансовому активу совокупности не исключает, виновный последовательно совершает два юридически самостоятельных деяния, которые посягают на разные объекты. Верно и обратное. Хищение цифровых финансовых активов нельзя квалифицировать по статьям о преступлениях с ценными бумагами (статьи 185, 186 УК РФ), хотя цифровые финансовые активы могут удостоверять права по эмиссионным ценным бумагам, сами по себе ценными бумагами в смысле главы 7 ГК РФ они не являются [Шейхмагомедов, 2025; Князьков, Пухов, 2025].

Вернемся к обновленному постановлению № 29, оно перечисляет среди предметов хищения «цифровые права» и «цифровую валюту» через запятую, наряду с иным имуществом и ценными бумагами, но само по себе не воспроизводит описанное разграничение и не отвечает прямо на вопрос, можно ли квалифицировать хищение цифровых финансовых активов по статьям о краже, грабеже и разбое. Этот перечень стоит читать не как основание механически распространять любую из перечисленных статей на любой цифровой объект, а как подтверждение того, что все перечисленные категории в принципе охраняются уголовным законом, а выбор конкретной нормы, как и раньше, определяет объективная сторона деяния и юридическая природа предмета посягательства.

Помимо выбора базовой статьи о хищении, практика сталкивается с рядом сквозных проблем, и они не зависят от того, идет ли речь о цифровой валюте или о цифровом финансовом активе. Первая из них – соотношение хищения цифровых активов с преступлениями в сфере компьютерной информации. А.П. Перетолчин обоснованно указывает: хищение криптовалюты

путем взлома кошелька с использованием вредоносного программного обеспечения требует одновременного применения статьи 159.6 и статьи 272 УК РФ [Перетолчин, 2025]. Это утверждение, впрочем, нуждается в уточнении. Объективная сторона мошенничества в сфере компьютерной информации сама состоит во «вводе, удалении, блокировании, модификации компьютерной информации либо ином вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации» – значит, дополнительно вменять тот же самый акт неправомерного доступа по статье 272 УК РФ означало бы дважды учитывать одни и те же обстоятельства. К.В. Ображиев справедливо связывает выбор квалификации прежде всего с объектом посягательства, собственностью, а воздействию на компьютерную информацию отводит роль лишь способа хищения [Ображиев, 2021]. Совокупность со статьями 272 или 273 УК РФ поэтому оправданна, только когда неправомерный доступ или создание вредоносной программы выходят за рамки необходимого для самого хищения, например, если вредоносное программное обеспечение создавали и распространяли раньше и независимо от конкретного эпизода хищения.

Уточнения требует и вопрос о соотношении хищения криптовалюты с ее последующей легализацией. Пленум Верховного Суда РФ установил: предметом преступлений по статьям 174 и 174.1 УК РФ могут выступать денежные средства, в которые были преобразованы полученные преступным путем виртуальные активы [Постановление Пленума ВС РФ № 32, 2015]. Значит, предметом легализации выступает не сама похищенная криптовалюта, а результат ее конвертации, с этим согласуется и позиция множества теоретиков, в частности С.М. Кочои [Кочои, 2021]. Но не всякая конвертация образует самостоятельный состав. Статья 174.1 УК РФ требует специальной цели – придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению похищенным имуществом, а простой обмен похищенной криптовалюты на фиатные деньги для личных нужд виновного такой цели, как правило, не преследует. Иначе обстоит дело с сервисами смешивания транзакций (миксерами), поскольку их единственное разумное назначение – запутать источник происхождения активов, поэтому их использование способно подтверждать умысел на легализацию и обосновывать совокупность хищения и статьи 174.1 УК РФ.

Третья проблема заключается в моменте окончания хищения при дистанционном изъятии цифровых активов. Обновленное постановление № 29 распространило на цифровую валюту правило, которое раньше выработали для безналичных денежных средств: хищение окончено с момента списания средств со счета или кошелька потерпевшего, поскольку уже тогда виновный получает возможность ими распорядиться [Постановление Пленума ВС РФ № 29, 2002]. Для хищения криптовалюты это значит, что дальнейшая судьба переведенных активов (конвертация, вывод через биржу, неудачная попытка обналичить) на квалификацию оконченного состава не влияет. Но это правило рассчитано на модель банковского перевода и не учитывает вероятностный характер подтверждения блокчейн-транзакций. Наступает ли изъятие в момент, когда транзакция попадает в сеть, или только когда она набирает нужное число подтверждений, постановление прямо не решает, на наш взгляд, этот вопрос требует отдельного разъяснения.

Наконец, острой остается проблема размера ущерба в условиях волатильного курса криптовалют. Официальной методики оценки цифровой валюты для целей уголовного судопроизводства в России нет, поэтому суды почти всегда опираются на заключение судебной экспертизы, а без него дело могут вернуть прокурору [Долгиева, 2023]. Единого подхода к самой методике оценки при этом не выработано. М.А. Филатова предлагает устанавливать

минимальную и максимальную стоимость криптовалюты за период хищения и брать за основу наименьшее значение – по аналогии с толкованием сомнений в пользу обвиняемого [Филатова, 2022]. Альтернативный подход определяет среднюю стоимость по котировкам нескольких крупнейших криптобирж, по аналогии с тем, как определяют рыночную стоимость недвижимости [Долгиева, 2023].

Заключение

Реформа 2026 года – дополнение примечания к статье 104.1 УК РФ и обновление постановления Пленума Верховного Суда РФ о краже, грабеже и разбое впервые за годы правового вакуума сняла принципиальный вопрос об охраноспособности цифровых активов уголовным законом. Тем самым исчезло и основание для решений вроде того, что в 2020 году принял Санкт-Петербургский городской суд, исключив криптовалюту из объема похищенного, но, как показало исследование, эти изменения решают проблему квалификации лишь в первом приближении.

Во-первых, постановление Пленума не воспроизводит выработанное в доктрине разграничение цифровой валюты как «иного имущества» и цифровых финансовых активов как имущественного права, а значит это разграничение сохраняет самостоятельное значение для практики. Применять к цифровым финансовым активам статьи о краже, грабеже и разбое, в отличие от цифровой валюты, необоснованно из-за их особой централизованной модели оборота. Во-вторых, за рамками состоявшегося регулирования остался ряд сквозных вопросов, например, соотношение хищения со смежными составами о неправомерном доступе к компьютерной информации и о легализации преступных доходов, момент окончания хищения применительно к вероятностной природе блокчейн-подтверждений, методика оценки ущерба в условиях волатильности курса. Эти вопросы требуют либо дальнейших разъяснений высшей судебной инстанции, либо прямого законодательного решения, в частности, официальной методики оценки цифровой валюты для целей уголовного судопроизводства.

Проведенная реформа, при всей ее значимости, только начинает формировать непротиворечивую практику квалификации хищений цифровых активов, а ее дальнейшее развитие должно учитывать разграничения, предложенные в этой статье.

Библиография

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.05.2022 по делу № 22-2616/2022.
2. Долгиева М.М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 206–211.
3. Князьков А.А., Пухов А.А. Цифровые финансовые активы как предмет преступления: понятие, виды, особенности незаконного оборота // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 352–355.
4. Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica. 2021. № 6. С. 108–117.
5. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf
6. Ображиев К.В. Хищение цифровой валюты (криптовалюты): проблемы квалификации // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 9 июня 2021 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 74–85.
7. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием криптовалют // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 167–180.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-

124668/2017.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
12. Приговор Кировского районного суда г. Казани от 25.04.2019 по делу № 1-37/2019.
13. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 16.07.2020 по делу № 1-482/2020.
14. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 07.03.2019 по делу № 1-58/2019.
15. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15.02.2019 по делу № 1-134/2019.
16. Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30.06.2020 по делу № 1-95/2020; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 № 22-5295/2020.
17. Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.11.2017 по делу № 1-762/2017.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 20.02.2026 № 38-ФЗ). Примечание к ст. 104.1.
19. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
20. Филатова М.А. Проблемы установления размера и ущерба при квалификации посягательств на цифровую валюту // Уголовное право. 2022. № 1. С. 65–72.
21. Шейхмагомедов Д.Ш. Уголовно-правовая характеристика хищения цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Закон и право. 2025. № 6. С. 274–282.
22. Cryptocurrency across the world // Triple-A. URL: https://triple-a.io/crypto-ownership/
23. Illicit crypto addresses received at least $24.2 billion in 2023 – report // Reuters. 18.01.2024. URL: https://www.reuters.com/technology/illicit-crypto-addresses-received-least-242-bln-2023-report-2024-01-18/

Theft of Cryptocurrency and Digital Financial Assets: Qualification in the Light of New Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

Georgii V. Tedeti

Bachelor, Master's Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tedetigeorgy@gmail.com

Abstract

This article analyzes the problems of qualifying the theft of digital currency and digital financial assets in the light of the legislative changes and explanations of the highest judicial instance adopted in 2026. The article traces the evolution of law enforcement practice — from the first recognition of cryptocurrency as property in a 2018 bankruptcy case to the inclusion of digital currency in the composition of property for the purposes of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the subsequent updating by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the resolution on theft, robbery, and assault. The material of the study consisted of the current versions of the criminal law and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, published judicial practice in cases of cryptocurrency theft, as well as doctrinal

works on the criminal-legal protection of digital assets. Digital currency as "other property" is delineated from digital financial assets as a property right, which predetermines the choice of applicable norms of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is shown that an encroachment that begins with the taking possession of a physical carrier of access to a digital financial asset account and ends with the re-registration of rights in the operator's information system requires qualification by cumulation. Separately examined are the qualification of complex composite acts, the relationship of theft of digital assets with crimes in the sphere of computer information and with the legalization of criminal proceeds, the moment of completion of theft during remote seizure, and the determination of the amount of damage under conditions of cryptocurrency exchange rate volatility. It is concluded that the accomplished reform has removed the question of the protectability of digital assets by criminal law, but resolves the problem of their qualification only in a first approximation and requires further explanations of the highest judicial instance, as well as an official methodology for assessing digital currency for the purposes of criminal proceedings.

For citation

Tedeti G.V. (2026) Khishchenie kriptovalyuty i tsifrovykh finansovykh aktivov: kvalifikatsiya v svete novykh raz"yasneniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF [Theft of Cryptocurrency and Digital Financial Assets: Qualification in the Light of New Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 541-550. DOI: 10.34670/AR.2026.49.61.056

Keywords

Digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, theft, fraud, qualification of crimes, Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Appellate ruling of the St. Petersburg City Court of 16.05.2022 in case No. 22-2616/2022.
2. Cryptocurrency across the world. Triple-A. Retrieved from https://triple-a.io/crypto-ownership/
3. Dolgieva, M. M. (2023). Tsifrovoy ushcherb ot prestupleniya: prakticheskie voprosy [Digital Damage Caused by a Crime: Practical Issues]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], no. 487, pp. 206–211.
4. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, 2020, no. 31 (part I), art. 5018.
5. Filatova, M. A. (2022). Problemy ustanovleniya razmera ushcherba pri kvalifikatsii posyagatelstv na tsifrovuyu valyutu [Problems of Establishing the Amount and the Damage When Qualifying Encroachments on Digital Currency]. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], no. 1, pp. 65–72.
6. Illicit crypto addresses received at least $24.2 billion in 2023 – report. Reuters, 18.01.2024. Retrieved from https://www.reuters.com/technology/illicit-crypto-addresses-received-least-242-bln-2023-report-2024-01-18/
7. Knyazkov, A. A., Pukhov, A. A. (2025). Tsifrovye finansovye aktivy kak predmet prestupleniya: ponyatie, vidy, osobennosti nezakonnogo oborota [Digital Financial Assets as a Subject of Crime: Concept, Types, Features of Illicit Circulation]. Agrarnoe i zemelnoe pravo [Agrarian and Land Law], no. 3, pp. 352–355.
8. Kochoi, S. M. (2021). Doktrina i pravovye pozitsii, vyrabotannye sudami po delam o khishchenii chuzhogo imushchestva [Doctrine and Legal Positions Developed by the Courts in Cases of Theft of Another's Property]. Lex Russica, no. 6, pp. 108–117.
9. Kriptovalyuty: trendy, riski, mery. Doklad dlya obshchestvennykh konsultatsiy [Cryptocurrencies: Trends, Risks, Measures. Report for Public Consultations]. Central Bank of the Russian Federation. Retrieved from https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf
10. Obrazhiev, K. V. (2021). Khishchenie tsifrovoy valyuty (kriptovalyuty): problemy kvalifikatsii [Theft of Digital

Currency (Cryptocurrency): Problems of Qualification]. In Ugolovnyy zakon v epokhu iskusstvennogo intellekta i tsifrovizatsii: sbornik trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Saratov, 9 iyunya 2021 goda [Criminal Law in the Era of Artificial Intelligence and Digitalization: Collection of Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Saratov, 9 June 2021]. Saratov: Saratov State Law Academy, pp. 74–85.

11. Peretolchin, A. P. (2025). Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya, sovershaemye s ispolzovaniem kriptovalyut [Criminal Liability for Crimes Committed with the Use of Cryptocurrencies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 4 (115), pp. 167–180.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.07.2015 No. 32 "On Judicial Practice in Cases of Legalization (Laundering) of Monetary Funds or Other Property Acquired by Criminal Means, and on the Acquisition or Sale of Property Knowingly Obtained by Criminal Means" (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.02.2019 No. 1).
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Aggravated Robbery" (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.06.2026).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Misappropriation and Embezzlement". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2018, no. 1.
15. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 15.05.2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017.
16. Sheikhmagomedov, D. Sh. (2025). Ugolovno-pravovaya kharakteristika khishcheniya tsifrovykh finansovykh aktivov i tsifrovoy valyuty [Criminal Law Characteristics of the Theft of Digital Financial Assets and Digital Currency]. Zakon i pravo [Law and Right], no. 6, pp. 274–282.
17. The case of the theft of $450 million from the WEX exchange. The alleged administrator has been detained. RBC Crypto. Retrieved from https://www.rbc.ru/crypto/news/643d1c259a7947996232a555
18. Verdict of the Kirovsky District Court of Kazan of 25.04.2019 in case No. 1-37/2019.
19. Verdict of the Kirovsky District Court of Omsk of 16.07.2020 in case No. 1-482/2020.
20. Verdict of the Leninsky District Court of Cheboksary of 07.03.2019 in case No. 1-58/2019.
21. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Tambov of 15.02.2019 in case No. 1-134/2019.
22. Verdict of the Petrogradsky District Court of St. Petersburg of 30.06.2020 in case No. 1-95/2020; appellate ruling of the St. Petersburg City Court of 23.11.2020 No. 22-5295/2020.
23. Verdict of the Surgut City Court of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra of 13.11.2017 in case No. 1-762/2017.
24. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by Federal Law of 20.02.2026 No. 38-FZ). Note to Article 104.1.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.79.95.057**

Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации распространения экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта

Парфёнов Константин Иванович

Старший преподаватель,
кафедрыа информационного обеспечения органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: russia.pki@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются проблемы уголовно-правовой характеристики и квалификации деяний, связанных с распространением экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Анализируется вопрос о том, может ли контент, сгенерированный нейросетью, быть признан экстремистским материалом в том значении, которое придаётся этому понятию Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». На основе анализа законодательной дефиниции выделены содержательный и целевой признаки экстремистского материала, обосновывается вывод о том, что экстремистский характер представляет собой свойство содержания, а не обстоятельство происхождения материала. Выявляются затруднения, обусловленные стохастической природой генеративных нейросетей, способных создавать неограниченное число уникальных вариаций контента, и обосновывается необходимость перехода от текстуального к содержательному критерию идентификации экстремистских материалов. Особое внимание уделяется проблемам установления субъективной стороны преступления: автором выделены и последовательно проанализированы типичные ситуации, различающиеся по характеру взаимодействия лица с нейросетью и по содержанию умысла. Рассматривается вопрос о разграничении создания и распространения экстремистского материала применительно к нейросетевому контенту, предлагается дифференцированный подход, основанный на оценке степени содержательного контроля лица над результатом генерации. Даётся оценка общественной опасности целенаправленного обучения нейросетей на массивах экстремистских материалов, обосновывается вывод о наличии пробела в уголовном законодательстве. Анализируется вопрос о целесообразности введения уголовной ответственности разработчиков и операторов генеративных нейросетей.

Для цитирования в научных исследованиях

Парфёнов К.И. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации распространения экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 551-563. DOI: 10.34670/AR.2026.79.95.057

Ключевые слова

Экстремистские материалы, генеративные нейросети, искусственный интеллект, уголовно-правовая квалификация, распространение экстремистских материалов, субъективная сторона преступления, создание экстремистских материалов, нейросетевой контент, противодействие экстремизму.

Введение

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта в последние годы привело к возникновению ряда проблем, которые до настоящего времени не получили должного осмысления в уголовно-правовой доктрине. Современные генеративные нейросети, среди которых большие языковые модели и модели генерации изображений, позволяют в течение нескольких секунд создавать текстовый, графический, аудио- и видеоконтент, который по своему качеству практически неотличим от контента, созданного человеком. Данное обстоятельство порождает новые возможности для автоматизированного создания материалов экстремистского содержания, масштабного их тиражирования и распространения в информационно-телекоммуникационных сетях. Между тем нормы действующего уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за преступления экстремистской направленности, формировались в условиях, когда единственным субъектом создания информационного контента являлся человек. Появление генеративных нейросетей как инструмента создания экстремистских материалов ставит перед наукой уголовного права и правоприменительной практикой вопросы, которые не имеют однозначного решения и требуют самостоятельного научного анализа.

Прежде чем перейти к существу, оговорим терминологию. Технологии искусственного интеллекта - понятие более широкое, нежели генеративные нейросети; последние представляют собой лишь один, хотя и наиболее значимый для настоящего исследования, класс таких технологий. Именно генеративные модели способны самостоятельно порождать новый информационный контент, тогда как иные системы искусственного интеллекта (например, классифицирующие или рекомендательные) подобной функцией не обладают. По этой причине предметом анализа в настоящей статье выступает преимущественно нейросетевой контент, то есть результат работы генеративных нейросетей.

Общие вопросы уголовно-правового противодействия экстремизму достаточно глубоко разработаны в трудах С.В. Борисова, П.А. Кабанова, А.Г. Хлебушкина, А.С. Ахметшина и ряда других исследователей [Борисов, Жеребченко, 2011; Кабанов, 2008; Хлебушкин, 2007]. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, также получили значительное внимание в научной литературе [Русскевич, 2022; Ахметшин, 2023]. Отдельные аспекты данной проблематики затрагиваются в работах, посвященных правовому регулированию искусственного интеллекта [Морхат, 2017; Мансуров, Головизнин, 2022]. Вместе с тем вопрос о специфике уголовно-правовой оценки деяний, связанных с распространением экстремистских материалов, сгенерированных нейросетями, остается практически неисследованным, а комплексный уголовно-правовой анализ до настоящего времени не проводился.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ проблем уголовно-правовой характеристики и квалификации распространения экстремистских материалов, созданных с

использованием технологий искусственного интеллекта, а также выработка научно обоснованных предложений по их разрешению.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, использованный при анализе законодательных дефиниций и норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; сравнительно-правовой метод, примененный при обращении к зарубежным доктринальным конструкциям; а также метод юридического моделирования типовых ситуаций взаимодействия лица с генеративной нейросетью, посредством которого выделяются и разграничиваются варианты, различающиеся по содержанию субъективной стороны. Необходимо учитывать, что на момент подготовки настоящей работы самостоятельная судебная практика по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных именно с использованием генеративных нейросетей, в Российской Федерации фактически отсутствует, что объясняется новизной самой технологии. По этой причине анализ опирается преимущественно на сложившуюся практику применения ст. 280 и 282 УК РФ к материалам, распространяемым в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также на метод юридического моделирования. Подходы, выработанные судами применительно к «обычному» интернет-контенту, используются в качестве отправной точки с последующим выявлением тех аспектов, в которых специфика нейросетевой генерации делает их недостаточными.

Результаты и обсуждение

Прежде всего необходимо определить, может ли контент, сгенерированный нейросетью, рассматриваться в качестве экстремистского материала в том значении, которое придается этому понятию действующим законодательством. Постановка данного вопроса обусловлена тем, что генеративная нейросеть по своей природе не является субъектом осмысленной деятельности. Нейросеть не понимает значения генерируемого ею контента, не осознает его социальной опасности и не преследует цели побуждения кого-либо к совершению противоправных действий. Она представляет собой математическую модель, которая на основе статистических закономерностей, извлеченных из массива обучающих данных, генерирует последовательности символов, пикселей или звуковых сигналов, наиболее вероятные с точки зрения заданных параметров. Возникает вопрос о том, может ли продукт деятельности такой модели быть квалифицирован как материал, «призывающий к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающий или оправдывающий необходимость осуществления такой деятельности», как это сформулировано в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон № 114-ФЗ, 2002].

Анализ приведенной законодательной дефиниции позволяет выделить два признака экстремистского материала: содержательный и целевой. Содержательный признак выражается в том, что материал призывает к экстремистской деятельности, обосновывает или оправдывает ее необходимость. Целевой признак состоит в предназначенности материала для распространения или публичной демонстрации.

Содержательный признак, как представляется, имеет объективную природу. Призыв к экстремистской деятельности, обоснование или оправдание ее необходимости - это

характеристики содержания материала, которые могут быть установлены путем анализа текста, изображения, аудио- или видеозаписи безотносительно к тому, кем и каким способом данный материал был создан. Призыв остается призывом независимо от того, сформулирован ли он человеком, сгенерирован нейросетью или получен иным техническим способом. Как отмечается в научной литературе, общественная опасность экстремистского материала определяется не личностью его автора, а тем воздействием, которое он способен оказать на сознание и поведение лиц, воспринимающих этот материал. Текст, содержащий призыв к насилию по признаку расовой, национальной или религиозной принадлежности, оказывает одинаковое воздействие на читателя вне зависимости от того, написан ли он человеком или сгенерирован нейросетью. С этой точки зрения способ создания материала не влияет на наличие или отсутствие содержательного признака экстремистского материала.

Мы полагаем, что данный вывод имеет принципиальное значение и должен быть четко зафиксирован в доктрине: экстремистский характер материала - это свойство его содержания, а не обстоятельство его происхождения. Любая попытка увязать признание материала экстремистским с личностью или природой его создателя привела бы к неоправданному сужению сферы действия антиэкстремистского законодательства и создала бы лазейку, позволяющую избежать ответственности путем использования автоматизированных средств генерации контента. Заметим, что данный тезис не является самоочевидным и допускает возражение: можно утверждать, что социальная опасность экстремистского высказывания неотделима от стоящей за ним человеческой воли, а текст, порожденный лишенной сознания моделью, не несет в себе той идеологической интенции, которая и составляет существо экстремизма. Этот довод заслуживает внимания, однако, по нашему мнению, он смешивает два разных уровня анализа - уровень содержания материала и уровень виновности лица. Отсутствие воли у самой нейросети значимо для оценки субъективной стороны деяния конкретного человека, но не для определения того, является ли материал экстремистским по своему содержанию. Воздействие текста на аудиторию не зависит от того, осознавал ли его смысл порождающий его алгоритм.

Что касается целевого признака - предназначенности для распространения или публичной демонстрации, - то его наличие определяется не свойствами самого материала, а действиями лица, которое осуществляет или намеревается осуществить распространение. Нейросеть не может «предназначить» сгенерированный контент для распространения - эту функцию выполняет человек, который принимает решение о публикации, рассылке или ином доведении материала до третьих лиц. Целевой признак экстремистского материала, следовательно, также не зависит от способа создания контента. Более того, материал, сгенерированный нейросетью и оставшийся исключительно в памяти устройства пользователя, не доведенный до иных лиц, целевым признаком не обладает, что само по себе исключает его признание экстремистским материалом в полном смысле этого понятия.

Вместе с тем, признавая принципиальную возможность квалификации нейросетевого контента в качестве экстремистского материала, мы не можем не обратить внимание на серьезные практические затруднения, которые возникают при применении этого вывода.

Наиболее существенное из них связано с процедурой признания материалов экстремистскими. В соответствии со ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» информационные материалы признаются экстремистскими судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или

при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Признанные экстремистскими материалы включаются в Федеральный список экстремистских материалов, ведение которого осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации.

Указанная процедура была разработана в расчете на материалы, имеющие фиксированное содержание: конкретную книгу, брошюру, листовку, видеозапись, интернет-публикацию. Каждый такой материал является индивидуально определенным объектом, который может быть точно идентифицирован и включен в Федеральный список экстремистских материалов с указанием его реквизитов, позволяющих отличить его от всех иных материалов.

Нейросетевой контент принципиально отличается от «традиционного» экстремистского материала именно в этом отношении. Генеративная нейросеть при каждом обращении к ней создает уникальный результат. Даже при тождественном запросе (промте) нейросеть генерирует текст, который отличается от предыдущего по формулировкам, структуре, выбору аргументов, хотя и может совпадать по общей смысловой направленности. Это свойство обусловлено стохастической (вероятностной) природой процесса генерации и является имманентной характеристикой генеративных нейросетей как класса технологий. Практическое следствие данного свойства для правоприменения весьма значимо. Признание судом экстремистским одного конкретного текста, сгенерированного нейросетью, не влечет автоматического признания экстремистскими иных текстов, сгенерированных той же нейросетью по аналогичному или даже тождественному запросу, поскольку каждый результат генерации является самостоятельным информационным объектом, формально подлежащим самостоятельной правовой оценке.

Масштаб данной проблемы трудно переоценить. Современные генеративные нейросети позволяют создавать значительное число текстов экстремистского содержания за непродолжительное время. При существующем подходе к идентификации экстремистских материалов, основанном на точном совпадении текста с текстом, включенным в Федеральный список, подавляющее большинство таких текстов формально не будут считаться «ранее признанными экстремистскими», несмотря на то что по своему содержанию они могут быть тождественны по смыслу ранее признанным.

Данная проблема, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости корректировки самого подхода к идентификации экстремистских материалов. Мы полагаем, что применительно к нейросетевому контенту критерием идентификации экстремистского материала должно выступать не текстуальное (буквальное) тождество с ранее признанным экстремистским материалом, а содержательное (смысловое) соответствие - совпадение смысловой направленности, характера призывов, идеологических установок. Подобный подход не является беспрецедентным для российского права. Так, в практике применения законодательства о защите интеллектуальной собственности давно используется критерий «сходства до степени смешения», позволяющий признать нарушением использование не только тождественного, но и существенно сходного обозначения. Аналогичная логика, адаптированная к специфике антиэкстремистского законодательства, могла бы быть применена и в рассматриваемой сфере.

Безусловно, реализация такого подхода сопряжена со значительными трудностями. Оценка содержательного соответствия неизбежно предполагает определенную степень усмотрения правоприменителя, что создает риски произвольного расширительного толкования. Эти риски нельзя недооценивать: чрезмерно широкое понимание смыслового соответствия способно

привести к тому, что экстремистским будет признаваться любой материал, лишь затрагивающий определенную тематику, что недопустимо и противоречило бы принципу правовой определенности. Для минимизации этих рисков необходима разработка четких критериев содержательного соответствия, что может быть осуществлено как на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так и на уровне методических рекомендаций для экспертных учреждений. По нашему мнению, такие критерии должны опираться на совпадение не темы материала, а конкретной экстремистской смысловой направленности - характера призывов, объекта ненависти или вражды, обосновываемых идеологических установок. Детальная разработка таких критериев выходит за рамки настоящей статьи, однако мы считаем необходимым обозначить данную проблему и указать направление ее возможного решения.

Обратимся теперь к проблеме, которую мы считаем наиболее сложной и наименее разработанной в контексте рассматриваемой темы, - к проблеме установления субъективной стороны преступления при использовании генеративных нейросетей для создания и распространения экстремистского контента.

Статьи 280, 280.1 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс РФ, 1996], составляющие нормативную основу уголовно-правового противодействия распространению экстремистских материалов, предполагают наличие у виновного прямого умысла. Данное положение является общепризнанным в доктрине уголовного права и подтверждено судебной практикой. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 8 постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Постановление Пленума ВС РФ № 11, 2011] указал, что преступления, предусмотренные ст. 280 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом и направленностью действий на нарушение основ конституционного строя и безопасности государства. Аналогичный подход применяется и в отношении преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ.

Применительно к «традиционным» преступлениям данной категории, при которых экстремистский материал создается непосредственно человеком, установление умысла, хотя и представляет определенную сложность, осуществляется по устоявшимся правилам. Следствие и суд оценивают содержание распространенного материала, обстоятельства его создания и распространения, личность обвиняемого, его взгляды и убеждения, наличие или отсутствие экстремистской мотивации. Между намерением лица и конечным результатом - экстремистским материалом - существует прямая и непосредственная связь: лицо само формулирует текст, подбирает изображения, монтирует видеозапись. Содержание материала в полной мере отражает замысел его создателя.

Использование генеративной нейросети как инструмента создания экстремистского контента существенно усложняет эту картину. Между намерением лица и конечным результатом появляется промежуточное звено - нейросеть, которая обладает значительной степенью автономности в формировании выходных данных. Пользователь формулирует запрос, но конкретное содержание ответа определяется нейросетью самостоятельно, на основе статистических закономерностей, извлеченных из обучающей выборки. Пользователь не может с абсолютной точностью предсказать, какой именно текст будет сгенерирован в ответ на его запрос. Это обстоятельство порождает целый спектр ситуаций, существенно различающихся между собой по содержанию субъективной стороны и, следовательно, требующих дифференцированной уголовно-правовой оценки.

Мы считаем необходимым выделить и последовательно проанализировать эти ситуации, поскольку именно через их разграничение может быть выработан научно обоснованный подход к квалификации рассматриваемой категории деяний.

Первая ситуация является наиболее простой с точки зрения уголовно-правовой оценки. Она характеризуется тем, что лицо целенаправленно формулирует запрос к нейросети, прямо направленный на получение контента экстремистского содержания, получает такой контент и осознанно распространяет его. Примером может служить ситуация, при которой лицо вводит запрос с прямым требованием создать текст, призывающий к насилию в отношении представителей определенной национальности, получает соответствующий текст и размещает его в социальной сети. В подобном случае нейросеть выступает не более чем техническим средством, орудием совершения преступления, подобно тому как текстовый редактор или графическая программа являются орудиями при создании экстремистского материала «вручную». Умысел лица здесь очевиден и охватывает как содержание создаваемого материала, так и факт его последующего распространения. Лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления. Квалификация подобного деяния не вызывает принципиальных затруднений и должна осуществляться по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации на общих основаниях. Тот факт, что непосредственным «исполнителем» текста выступила нейросеть, не влияет на оценку субъективной стороны, поскольку использование нейросети охватывалось умыслом виновного и являлось избранным им способом достижения преступного результата.

Вторая ситуация существенно сложнее. Она возникает тогда, когда лицо формулирует запрос, прямо не направленный на получение экстремистского контента, однако в силу содержания запроса или особенностей нейросети получает результат, содержащий признаки экстремистского материала. Предположим, лицо обращается к нейросети с просьбой подготовить эмоциональный текст о некотором межнациональном конфликте, не имея явного намерения получить именно экстремистский материал, а нейросеть генерирует текст, содержащий призывы к насилию. Если лицо, осознав экстремистский характер полученного результата, тем не менее распространяет его, возникает вопрос о содержании умысла на момент распространения. Полагаем, что в подобной ситуации определяющим является психическое отношение лица к материалу именно в момент его распространения, а не в момент формулирования запроса. Если лицо осознавало экстремистский характер материала и желало его распространить, налицо прямой умысел на распространение экстремистского материала, и деяние подлежит квалификации на общих основаниях. Способ получения материала и первоначальная направленность запроса в данном случае значения для квалификации не имеют, хотя и могут учитываться при характеристике личности виновного и назначении наказания.

Третья ситуация представляет, на наш взгляд, наибольшую теоретическую сложность. Она характеризуется тем, что лицо распространяет сгенерированный нейросетью контент, не осознавая его экстремистского характера. Подобное возможно, например, в случаях, когда экстремистский смысл материала является неочевидным, замаскированным, требующим специальных познаний для своего выявления, либо когда лицо в силу невнимательности не ознакомилось должным образом с содержанием сгенерированного материала перед его распространением. Поскольку рассматриваемые составы преступлений предполагают прямой умысел, отсутствие осознания лицом экстремистского характера распространяемого материала исключает уголовную ответственность. Деяние, совершенное по неосторожности либо при

отсутствии вины в отношении экстремистского характера материала, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 280 или 282 УК РФ. Данный вывод закономерно вытекает из принципа субъективного вменения, закрепленного в ст. 5 УК РФ, согласно которой лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Вместе с тем практическая реализация этого положения сопряжена со значительными трудностями доказательственного характера, поскольку разграничение действительного отсутствия осознания и ссылки на такое отсутствие как на способ защиты требует тщательной оценки всей совокупности обстоятельств дела. Подробное рассмотрение этих доказательственных аспектов выходит за рамки уголовно-правовой характеристики деяния и составляет самостоятельный предмет исследования.

Четвертая ситуация связана с так называемым косвенным умыслом и сознательным допущением. Она возникает, когда лицо, формулируя запрос к нейросети, предвидит возможность получения экстремистского контента и сознательно допускает такую возможность либо относится к ней безразлично, после чего распространяет полученный результат. Сложность данной ситуации обусловлена тем, что, как отмечалось выше, рассматриваемые составы преступлений предполагают наличие прямого умысла, тогда как при косвенном умысле лицо не желает, а лишь сознательно допускает наступление общественно опасных последствий. Формально-юридический анализ приводит к выводу о том, что при распространении экстремистского материала с косвенным умыслом состав преступления, предусмотренного ст. 280 или 282 УК РФ, отсутствует. Однако такой вывод порождает очевидное противоречие с потребностями практики. Лицо, которое многократно обращается к нейросети с провокационными запросами, заведомо способными повлечь генерацию экстремистского контента, и распространяет полученные результаты, относясь безразлично к их характеру, представляет несомненную общественную опасность, но при буквальном толковании закона может избежать уголовной ответственности. Данное противоречие, по нашему мнению, отражает более общую проблему недостаточной приспособленности действующего уголовного законодательства к реалиям использования технологий искусственного интеллекта и заслуживает самостоятельного законодательного решения.

Анализ зарубежной доктрины обнаруживает институт, который мог бы оказаться полезным при осмыслении третьей и четвертой ситуаций, - концепцию «намеренного неведения» (willful blindness), известную уголовному праву ряда стран англо-американской правовой семьи. Сущность данной концепции состоит в том, что лицо, сознательно уклоняющееся от получения сведений об обстоятельствах, делающих его поведение противоправным, приравнивается к лицу, осведомленному о таких обстоятельствах. В отечественной доктрине идея, близкая по смыслу, обсуждается в связи с проблемой разграничения форм вины; так, А.И. Рарог подробно анализирует содержание интеллектуального и волевого моментов умысла и критерии их установления [Рарог, 2003]. Прямое заимствование конструкции «намеренного неведения» в российское уголовное право представляется нам сомнительным, поскольку оно вступило бы в противоречие с устоявшимся учением о формах вины и принципом субъективного вменения. Тем не менее сама постановка проблемы - о юридической оценке поведения лица, сознательно уклоняющегося от ознакомления с содержанием распространяемого им контента, - сохраняет актуальность и применительно к российскому правопорядку.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о разграничении создания и распространения экстремистского материала применительно к нейросетевому контенту. В «традиционной»

ситуации создание и распространение экстремистского материала представляют собой относительно самостоятельные деяния, граница между которыми достаточно очевидна. Создание материала - это его изготовление, придание ему законченной формы; распространение - доведение материала до сведения третьих лиц. Применительно к нейросетевому контенту разграничение этих деяний приобретает новые грани.

Возникает вопрос: кого следует считать создателем экстремистского материала, сгенерированного нейросетью? Формально материал создан нейросетью, однако нейросеть, как уже отмечалось, не является субъектом права и не может нести юридической ответственности. Лицо, сформулировавшее запрос, инициировало процесс создания материала, но не определяло его конкретное содержание во всех деталях. На наш взгляд, при решении данного вопроса следует исходить из степени содержательного контроля лица над результатом генерации. Если лицо посредством детализированного запроса, корректировки промежуточных результатов, целенаправленного отбора из нескольких вариантов фактически определило содержание итогового материала, есть основания рассматривать его как создателя этого материала. Если же роль лица свелась к формулированию общего запроса, а конкретное содержание было полностью определено нейросетью, квалификация деяния как создания экстремистского материала становится сомнительной, и на первый план выходит оценка действий лица по распространению такого материала. Предложенный критерий степени содержательного контроля носит, разумеется, оценочный характер и требует дальнейшей разработки, однако он, как нам представляется, позволяет наметить разумную границу между двумя формами преступного поведения.

Наконец, нельзя обойти вниманием вопрос об общественной опасности целенаправленного обучения и дообучения (файнтюнинга) нейросетей на массивах экстремистских материалов. Современные технологии позволяют дообучить общедоступную нейросеть на специально подобранной выборке текстов экстремистского содержания, в результате чего нейросеть приобретает устойчивую способность генерировать экстремистский контент даже в ответ на нейтральные запросы. Лицо, осуществившее такое дообучение, создает, по существу, инструмент массового производства экстремистских материалов. Общественная опасность подобных действий, на наш взгляд, чрезвычайно высока и в ряде случаев превосходит опасность создания отдельного экстремистского материала, поскольку речь идет о создании средства неограниченного тиражирования такого контента. Между тем действующее уголовное законодательство не содержит нормы, прямо предусматривающей ответственность за подобные действия. Само по себе дообучение нейросети, не сопровождающееся распространением конкретных экстремистских материалов, не охватывается диспозициями ст. 280 и 282 УК РФ. Налицо, по нашему мнению, пробел в уголовно-правовом регулировании, который требует законодательного устранения. Возможным направлением решения могло бы стать дополнение Уголовного кодекса нормой об ответственности за создание программных средств, заведомо предназначенных для генерации экстремистских материалов, по аналогии с уже существующей в ст. 273 УК РФ конструкцией ответственности за создание вредоносных компьютерных программ. Мы сознаем дискуссионность такого предложения и не настаиваем на его безусловном принятии, однако полагаем, что обозначенный пробел не может быть оставлен без внимания законодателя.

С рассмотренной проблемой тесно связан и вопрос о возможной уголовной ответственности разработчиков и операторов генеративных нейросетей за создание их моделями экстремистского контента. Данный вопрос приобретает особую остроту в связи с обсуждением

в зарубежной литературе и правоприменительной практике общих подходов к ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. Применительно к российскому уголовному праву постановка вопроса об ответственности разработчика или оператора нейросети за сгенерированный ею экстремистский контент наталкивается на фундаментальное препятствие в виде принципа личной и виновной ответственности. Разработчик, создавший нейросеть общего назначения и принявший разумные меры для предотвращения генерации противоправного контента, не может нести ответственность за то, что пользователь посредством специально подобранных запросов обошел установленные ограничения и добился создания экстремистского материала. В подобной ситуации отсутствует вина разработчика в отношении конкретного экстремистского материала. Иной подход означал бы возложение на разработчика объективного вменения, что противоречит основополагающим принципам уголовного права. Вместе с тем вопрос о пределах ответственности оператора нейросети, который, будучи осведомленным о систематической генерации его моделью экстремистского контента, не принимает мер к устранению этой возможности, представляется менее однозначным и заслуживает дальнейшего исследования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, контент, сгенерированный нейросетью, может быть признан экстремистским материалом по действующему законодательству, поскольку закон не устанавливает требований к способу создания экстремистского материала, а экстремистский характер является свойством содержания, а не обстоятельством происхождения материала. Способ создания контента (человеком либо нейросетью) не влияет ни на содержательный, ни на целевой признак экстремистского материала.

Во-вторых, стохастическая природа генеративных нейросетей, способных создавать практически неограниченное число уникальных вариаций контента сходной смысловой направленности, делает малоэффективной существующую процедуру идентификации экстремистских материалов, основанную на текстуальном тождестве с записью в Федеральном списке экстремистских материалов. Применительно к нейросетевому контенту критерием идентификации целесообразно признать содержательное (смысловое) соответствие ранее признанному экстремистским материалу.

В-третьих, установление субъективной стороны преступления при использовании генеративных нейросетей требует дифференцированного подхода в зависимости от характера взаимодействия лица с нейросетью и содержания его умысла. Определяющим для квалификации является психическое отношение лица к материалу в момент его распространения. Отсутствие осознания лицом экстремистского характера распространяемого материала исключает уголовную ответственность по ст. 280 и 282 УК РФ, а распространение такого материала с косвенным умыслом при буквальном толковании закона не образует состава соответствующего преступления, что обнаруживает недостаточную приспособленность действующего законодательства к реалиям использования технологий искусственного интеллекта.

В-четвертых, разграничение создания и распространения экстремистского материала применительно к нейросетевому контенту целесообразно проводить на основе критерия степени содержательного контроля лица над результатом генерации.

В-пятых, целенаправленное обучение нейросетей на массивах экстремистских материалов обладает высокой общественной опасностью, однако не охватывается действующими нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, что свидетельствует о наличии пробела в уголовно-правовом регулировании, требующего законодательного устранения.

Изложенное свидетельствует о том, что распространение технологий генеративного искусственного интеллекта требует переосмысления ряда базовых для уголовно-правового противодействия экстремизму положений. Сформулированные в настоящей статье выводы относительно содержания экстремистского материала, критериев его идентификации и особенностей субъективной стороны деяния образуют необходимую материально-правовую основу для последующего исследования процессуальных и криминалистических особенностей доказывания по уголовным делам рассматриваемой категории.

Библиография

1. Ахметшин А.С. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2 (52). С. 158–165.
2. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие. Москва: Волтерс Клувер, 2011. 304 с.
3. Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2008. 60 с.
4. Мансуров Г.З., Головизнин А.В. Робоправо: правовые основы искусственного интеллекта. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. 117 с.
5. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Москва: Буки Веди, 2017. 257 с.
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.
8. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. 304 с.
9. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. 2-е изд. Москва: ИНФРА-М, 2022. 351 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. 159 с.

Criminal-Legal Characterization and Problems of Qualifying the Distribution of Extremist Materials Created Using Artificial Intelligence Technologies

Konstantin I. Parfenov

Senior Lecturer,
Department of Information Support of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: russia.pki@gmail.com

Abstract

The article examines the problems of the criminal-legal characterization and qualification of acts related to the distribution of extremist materials created using artificial intelligence technologies. The question is analyzed of whether content generated by a neural network can be recognized as extremist material in the meaning given to this concept by the Federal Law "On Countering Extremist Activity." Based on the analysis of the legislative definition, the substantive and purposive features of extremist material are identified, and the conclusion is substantiated that an extremist character represents a property of the content, rather than a circumstance of the material's origin. Difficulties are identified that are caused by the stochastic nature of generative neural networks, capable of creating an unlimited number of unique variations of content, and the necessity of transitioning from a textual to a substantive criterion for identifying extremist materials is substantiated. Particular attention is paid to the problems of establishing the subjective element of the crime: the author identifies and consistently analyzes typical situations that differ in the nature of the person's interaction with the neural network and in the content of intent. The question of distinguishing between the creation and distribution of extremist material in relation to neural network content is examined, and a differentiated approach is proposed based on assessing the degree of the person's substantive control over the result of generation. An assessment is given of the public danger of purposefully training neural networks on arrays of extremist materials, and the conclusion is substantiated that there is a gap in criminal legislation. The question of the expediency of introducing criminal liability for developers and operators of generative neural networks is analyzed.

For citation

Parfenov K.I. (2026) Ugolovno-pravovaya kharakteristika i problemy kvalifikatsii rasprostraneniya ekstremistskikh materialov, sozdannykh s ispol'zovaniem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Criminal-Legal Characterization and Problems of Qualifying the Distribution of Extremist Materials Created Using Artificial Intelligence Technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 551-563. DOI: 10.34670/AR.2026.79.95.057

Keywords

Extremist materials, generative neural networks, artificial intelligence, criminal-legal qualification, distribution of extremist materials, subjective element of a crime, creation of extremist materials, neural network content, countering extremism.

References

1. Akhmetchin, A.S. (2023). Ugolovno-pravovoe protivodeystvie prestupleniyam s priznakami ekstremistskoy deyatel’nosti, sovershaemym s ispol’zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey, v tom chisle seti Internet [Criminal law counteraction to crimes with signs of extremist activity committed with the use of information and telecommunication networks, including the Internet]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, (2(52)), 158–165.
2. Borisov, S.V., & Zherebchenko, A.V. (2011). Kvalifikatsiya prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti [Qualification of extremist crimes]. Moscow: Volters Kluver.
3. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 “On Countering Extremist Activity”. (2002). Collection of Legislation of the Russian Federation, (30), Art. 3031.
4. Kabanov, P.A. (2008). Politicheskaya prestupnost’: ponyatie, sushchnost’, vidy, prichiny, lichnost’ politicheskogo prestupnika, mery protivodeystviya (kriminologicheskoe issledovanie) [Political crime: concept, essence, types, causes,

the personality of a political criminal, countermeasures (a criminological study)] (Author's abstract of Doctor of Law dissertation). Yekaterinburg.
5. Khlebushkin, A.G. (2007). Ekstremizm: ugolovno-pravovoy i ugolovno-politicheskiy analiz [Extremism: a criminal law and criminal policy analysis]. Saratov: Saratovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii.
6. Mansurov, G.Z., & Goloviznin, A.V. (2022). Robopravo: pravovye osnovy iskusstvennogo intellekta [Robot law: the legal foundations of artificial intelligence]. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet.
7. Morkhat, P.M. (2017). Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad [Artificial intelligence: a legal view]. Moscow: Buki Vedi.
8. Rarog, A.I. (2003). Kvalifikatsiya prestupleniy po sub"ektivnym priznakam [Qualification of crimes on subjective grounds]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011 "On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes of an Extremist Nature". (2011). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, (8).
10. Russkevich, E.A. (2022). Ugolovnoe pravo i "tsifrovaya prestupnost'": problemy i resheniya [Criminal law and "digital crime": problems and solutions] (2nd ed.). Moscow: INFRA-M.
11. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. (1996). Collection of Legislation of the Russian Federation, (25), Art. 2954.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.12.21.058**

Предмет доказывания и цифровые следы по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта

Парфёнов Константин Иванович

Старший преподаватель,
кафедра информационного обеспечения органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: russia.pki@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются особенности предмета и пределов доказывания, а также системы цифровых следов по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Обосновывается тезис о том, что предмет доказывания по делам данной категории расширяется за счёт включения обстоятельств, характеризующих происхождение материала, степень участия лица в его создании и характер взаимодействия лица с генеративной нейросетью. Анализируется специфика установления субъективной стороны как центрального и наиболее сложного элемента предмета доказывания, а также рассматривается дискуссия о допустимых пределах вывода о форме вины на основании объективных цифровых данных. Раскрывается понятие цифрового следа применительно к нейросетевому контенту, анализируются доктринальные разногласия относительно содержания понятия электронного доказательства, предлагается классификация цифровых следов на следы взаимодействия пользователя с нейросетью, следы самого процесса генерации и следы распространения материала. Особое внимание уделяется доказательственному значению промта как зафиксированного выражения воли пользователя, а также метаданных, журналов обращений к сервису и иных производных данных. Рассматриваются процессуальные формы закрепления цифровых следов и проблемы, обусловленные нахождением значительной части таких следов под контролем третьих лиц — операторов нейросетевых сервисов, в том числе иностранных, а также трансграничным характером хранения данных. Формулируется вывод о том, что специфика предмета доказывания и системы цифровых следов по делам рассматриваемой категории требует выработки самостоятельных методических подходов к собиранию и проверке доказательств.

Для цитирования в научных исследованиях

Парфёнов К.И. Предмет доказывания и цифровые следы по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 564-575. DOI: 10.34670/AR.2026.12.21.058

Ключевые слова

Предмет доказывания, пределы доказывания, цифровые следы, электронные доказательства, экстремистские материалы, генеративные нейросети, искусственный интеллект, промт, метаданные, трансграничный доступ к данным.

Введение

Уголовно-правовая характеристика деяний, связанных с распространением экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, образует лишь исходную основу для решения главной практической задачи - доказывания обстоятельств таких деяний в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Если материально-правовая оценка позволяет ответить на вопрос о том, какие признаки деяния подлежат установлению, то именно процессуальная плоскость определяет, каким образом эти признаки могут быть установлены при помощи допустимых, относимых и достоверных доказательств. Применительно к рассматриваемой категории уголовных дел эта задача приобретает особую остроту, поскольку появление между волей человека и противоправным результатом промежуточного звена в виде генеративной нейросети меняет как состав обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и саму природу следов, в которых отражается событие преступления.

Проблематика доказывания по уголовным делам, сопряженным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в последние годы привлекает устойчивое внимание исследователей. Общие вопросы теории доказывания разработаны в трудах В.А. Лазаревой, С.А. Шейфера и многих других процессуалистов. Криминалистические аспекты работы с электронной информацией исследуются в работах В.Б. Вехова, Е.Р. Россинской и иных представителей криминалистической науки [Лазарева, 2018; Шейфер, 2014; Вехов, 2016; Россинская, Рябцев, 2019]. Вместе с тем вопрос о специфике предмета доказывания и системы цифровых следов применительно к деяниям, при которых противоправный материал создается не человеком непосредственно, а генеративной нейросетью по инициативе человека, в процессуальной и криминалистической литературе самостоятельно не рассматривался. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот пробел в той части, которая относится к материально-процессуальной основе доказывания, то есть к определению круга подлежащих установлению обстоятельств и характеристике отражающих их следов.

Материалы и методы исследования

Необходимо сразу оговорить методологические ограничения исследования. Самостоятельная судебная практика по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных именно с использованием генеративных нейросетей, в Российской Федерации на момент подготовки работы фактически отсутствует, что объясняется новизной технологии и кратким периодом ее массового распространения. По этой причине выводы статьи опираются, во-первых, на сложившуюся практику доказывания по делам о распространении экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», взятую в качестве отправной точки, и, во-вторых, на метод юридического моделирования типовых следственных ситуаций, посредством которого выявляются обстоятельства, не находящие аналога в практике расследования «традиционных» преступлений данной группы.

Такой подход не позволяет претендовать на исчерпывающие эмпирически подтвержденные обобщения, однако дает возможность заблаговременно обозначить проблемы, с которыми правоприменитель неизбежно столкнется по мере распространения соответствующих деяний.

Результаты и обсуждение

Предмет доказывания по уголовному делу определяется ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001] и включает в себя событие преступления, виновность лица, форму его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также иные обстоятельства, перечисленные в данной норме. Этот перечень носит общий характер и подлежит конкретизации применительно к отдельным категориям уголовных дел с учетом особенностей соответствующих составов преступлений. В теории уголовного процесса прочно утвердилось представление о том, что предмет доказывания, оставаясь единым в своей нормативной основе, наполняется специфическим содержанием в зависимости от вида расследуемого преступления [Лазарева, 2018; Шейфер, 2014]. Распространение экстремистских материалов, созданных нейросетью, представляет собой именно такую категорию, при расследовании которой общие положения о предмете доказывания требуют существенной конкретизации.

Прежде всего необходимо отметить, что событие преступления по делам рассматриваемой категории приобретает усложненную структуру. При распространении «традиционного» экстремистского материала событие преступления охватывает создание материала и его доведение до сведения третьих лиц, причем оба эти действия совершаются непосредственно человеком. При использовании генеративной нейросети в структуре события появляется дополнительный элемент - процесс машинной генерации контента, опосредующий связь между действиями лица и возникновением материала. Установлению, таким образом, подлежит не только факт распространения материала, но и факт его создания именно посредством нейросети, а также характер участия лица в этом процессе. Без выяснения этих обстоятельств невозможно дать правильную уголовно-правовую оценку деянию, в частности разграничить создание и распространение материала, о чем подробно говорилось нами в предшествующем исследовании.

Из сказанного следует, что предмет доказывания по делам данной категории расширяется за счет включения в него ряда специфических обстоятельств, не свойственных делам о распространении экстремистских материалов, созданных без использования технологий искусственного интеллекта. К числу таких обстоятельств мы относим прежде всего факт создания распространенного материала с использованием генеративной нейросети, что само по себе нуждается в доказывании и не может презюмироваться. Не менее важна идентификация конкретной нейросети, то есть программного средства или сервиса, посредством которого был создан материал. Подлежит установлению и содержание запроса (промта), на основании которого был сгенерирован материал, поскольку именно запрос отражает направленность воли пользователя. Наконец, доказыванию подлежит степень содержательного контроля лица над результатом генерации, позволяющая определить, выступает ли лицо создателем материала или только его распространителем. Каждое из перечисленных обстоятельств обладает самостоятельным доказательственным значением и требует установления при помощи определенной совокупности доказательств.

Расширение предмета доказывания затрагивает не только событие преступления, но и иные

элементы, перечисленные в ст. 73 УПК РФ. Так, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, по делам данной категории включают в себя сведения о его навыках работы с технологиями искусственного интеллекта, об опыте использования конкретных нейросетевых сервисов, о наличии или отсутствии у него специальных познаний, позволяющих целенаправленно обходить установленные в нейросетях ограничения на генерацию противоправного контента. Эти сведения значимы не только для индивидуализации ответственности, но и для оценки достоверности доводов лица о случайном или непреднамеренном характере полученного результата. Лицо, систематически и со знанием дела взаимодействующее с нейросетью, и лицо, впервые обратившееся к подобному сервису, находятся в принципиально разном положении с точки зрения возможности предвидеть характер генерируемого контента.

Особое место в предмете доказывания по делам рассматриваемой категории занимает субъективная сторона преступления. Как было показано ранее, психическое отношение лица к экстремистскому характеру распространяемого материала является решающим для квалификации, а возможные варианты этого отношения варьируются от прямого умысла до невиновного распространения. Доказывание субъективной стороны по делам данной категории осложняется тем обстоятельством, что подозреваемый или обвиняемый получает удобную линию защиты, ссылаясь на отсутствие осознания экстремистского характера материала, сгенерированного нейросетью, либо на то, что экстремистский результат явился неожиданным и нежелательным для него следствием нейтрального запроса. Опровержение или подтверждение подобных доводов невозможно без обращения к объективным данным, отражающим реальный характер взаимодействия лица с нейросетью. Именно здесь предмет доказывания смыкается с проблематикой цифровых следов, поскольку только зафиксированные следы такого взаимодействия способны дать объективную картину направленности умысла лица.

Здесь уместно обозначить и более общее теоретическое затруднение, относительно которого в науке нет единства. Речь идет о допустимых пределах использования объективных данных для вывода о субъективной стороне деяния. Одни исследователи исходят из того, что содержание запросов и характер действий лица позволяют с достаточной надежностью реконструировать направленность его умысла, тогда как другие предостерегают от подмены доказывания вины формальной оценкой внешней стороны поведения. Мы разделяем ту позицию, согласно которой объективные цифровые следы являются необходимым, но не самодостаточным средством доказывания субъективной стороны: они подлежат оценке в совокупности с иными доказательствами, характеризующими личность лица, его осведомленность и реальные намерения. Абсолютизация любого отдельно взятого следа, будь то текст запроса или факт многократного обращения к нейросети, способна привести к ошибочным выводам о форме вины. Особую осторожность следует проявлять в ситуациях, когда содержание запроса допускает несколько толкований, а характер последующего распространения материала не позволяет однозначно судить о том, осознавал ли пользователь экстремистский смысл сгенерированного контента.

Пределы доказывания, под которыми в теории уголовного процесса понимается необходимая и достаточная совокупность доказательств, обеспечивающая достоверное установление обстоятельств предмета доказывания, по делам рассматриваемой категории также обладают известной спецификой. С одной стороны, расширение предмета доказывания за счет специфических обстоятельств влечет за собой и расширение круга доказательств, подлежащих

собиранию. С другой стороны, значительная часть относимых доказательств имеет цифровую природу и сосредоточена в инфраструктуре, находящейся вне непосредственного контроля органов предварительного расследования, что объективно затрудняет достижение необходимой полноты доказывания. Определение момента, когда совокупность собранных доказательств может считаться достаточной, по делам данной категории осложняется тем, что отсутствие отдельных цифровых следов далеко не всегда свидетельствует об их изначальном отсутствии и может быть результатом их уничтожения, недоступности либо нахождения на серверах, расположенных за пределами юрисдикции Российской Федерации. Следователь, таким образом, нередко вынужден формировать вывод о доказанности обстоятельств дела в условиях заведомо неполного доступа к существующим, но недостижимым следам, что предъявляет повышенные требования к надежности тех доказательств, которые объективно доступны.

Переходя к рассмотрению цифровых следов как элемента доказательственной базы, необходимо прежде всего определить содержание самого этого понятия применительно к рассматриваемой категории дел. Следует отметить, что в теории уголовного процесса и криминалистике до настоящего времени не сложилось единого понимания природы доказательств, имеющих электронную форму. В литературе используются различные обозначения - «электронные доказательства», «цифровые доказательства», «электронные следы», «цифровые следы», - причем за терминологическими расхождениями стоят и содержательные разногласия. Часть исследователей рассматривает электронную информацию как самостоятельный вид доказательств, не укладывающийся в существующую систему источников доказательств, закрепленную в ст. 74 УПК РФ, и предлагает дополнить эту систему соответствующим самостоятельным видом. Другие авторы исходят из того, что электронная информация не образует нового вида доказательств, а лишь приобретает значение доказательства, будучи облеченной в одну из предусмотренных законом процессуальных форм - чаще всего в форму вещественного доказательства или иного документа. Этот спор имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку от его разрешения зависит порядок собирания, проверки и оценки соответствующих сведений.

Не вступая в развернутую полемику, выходящую за рамки темы, отметим, что, на наш взгляд, более убедительной является позиция, согласно которой цифровые следы как таковые не образуют самостоятельного вида доказательств, а служат материальным субстратом, из которого доказательство формируется в результате его процессуального закрепления. В этом смысле понятие цифрового следа является скорее криминалистическим, нежели строго процессуальным: оно описывает объективно существующую информацию до и независимо от того, придана ли ей процессуальная форма. Применительно к настоящему исследованию мы используем понятие цифрового следа в указанном криминалистическом значении, понимая под ним имеющую значение для дела информацию, зафиксированную в электронно-цифровой форме на материальном носителе и образующуюся в результате действий с использованием электронных устройств и информационно-телекоммуникационных технологий [Вехов, 2016; Россинская, Рябцев, 2019]. Применительно к распространению нейросетевого экстремистского контента понятие цифрового следа охватывает совокупность данных, отражающих как процесс создания материала посредством нейросети, так и процесс его последующего распространения.

Специфика цифровых следов по делам рассматриваемой категории состоит в том, что они образуются на нескольких относительно самостоятельных стадиях и в нескольких местах одновременно. Это обстоятельство, на наш взгляд, обусловливает необходимость их классификации, которая имела бы не только теоретическое, но и прикладное значение,

ориентируя следователя на поиск следов в каждой из соответствующих точек их образования. Мы предлагаем классифицировать цифровые следы по делам рассматриваемой категории на три основные группы в зависимости от стадии, на которой они образуются.

Первую группу составляют следы взаимодействия пользователя с нейросетью. К ним относятся прежде всего запросы (промты), которые пользователь направлял нейросети, а также полученные от нее ответы. Сюда же следует отнести историю диалога с нейросетью, сохраняемую как на устройстве пользователя, так и на стороне сервиса, данные об учетной записи, использованной для доступа к сервису, а также сведения о времени и продолжительности сеансов взаимодействия. Эта группа следов имеет ключевое значение для установления направленности воли пользователя и степени его участия в создании материала.

Вторую группу образуют следы самого процесса генерации, формирующиеся на стороне нейросетевого сервиса. К ним относятся технические записи (журналы, логи) об обращениях к модели, параметры генерации, идентификаторы запросов, а в ряде случаев и сведения о версии модели, использованной для создания контента. Доступ к этой группе следов, как правило, наиболее затруднен, поскольку они находятся под исключительным контролем оператора сервиса. Между тем именно эти следы способны подтвердить или опровергнуть факт создания конкретного материала конкретной моделью в конкретный момент времени, а потому их доказательственная ценность весьма высока.

Третью группу составляют следы распространения материала. Они образуются в момент и в результате доведения сгенерированного материала до сведения третьих лиц и включают в себя данные о публикации материала в социальной сети, мессенджере или ином сетевом ресурсе, сведения об аккаунте, с которого осуществлено распространение, данные о просмотрах и иных формах взаимодействия аудитории с материалом, а также метаданные распространенного файла. Эта группа следов в наибольшей степени сходна с цифровыми следами по «обычным» делам о распространении экстремистских материалов в сети и устанавливается по сравнительно отработанным методикам.

Предложенная классификация позволяет наглядно увидеть принципиальное отличие дел рассматриваемой категории от «традиционных». При распространении созданного человеком материала первые две группы следов попросту отсутствуют, поскольку отсутствует и сам этап машинной генерации; доказательственная деятельность сосредотачивается на следах распространения. При использовании же нейросети центр тяжести смещается к первым двум группам, и именно они, как правило, оказываются решающими для правильной квалификации деяния и установления формы вины. Тем самым классификация не только описывает структуру следовой картины, но и указывает следователю направления поиска доказательств, которые в практике расследования «обычных» дел этой группы вообще не возникали.

Центральное место среди всех перечисленных цифровых следов занимает, по нашему убеждению, промт - текстовый запрос, посредством которого пользователь инициировал генерацию материала. Доказательственное значение промта определяется тем, что он представляет собой зафиксированное в цифровой форме выражение воли пользователя, непосредственно предшествующее возникновению материала и определяющее его содержание. Если содержание сгенерированного материала отражает результат работы нейросети, то содержание промта отражает намерение человека. Именно поэтому промт способен выступать важнейшим источником сведений о субъективной стороне деяния. Запрос, прямо требующий создания контента экстремистского содержания, свидетельствует о целенаправленности действий лица; нейтральный запрос, повлекший неожиданную генерацию экстремистского

материала, может, напротив, указывать на отсутствие соответствующего умысла. Анализ совокупности запросов, направленных пользователем, позволяет проследить динамику его взаимодействия с нейросетью и выявить, например, целенаправленные попытки обойти установленные в нейросети ограничения путем последовательного переформулирования запросов.

Особую доказательственную ценность приобретает именно последовательность запросов, рассматриваемая как единое целое. Если разработчики нейросети предусмотрели ограничения, препятствующие генерации противоправного контента, то получение такого контента нередко требует от пользователя неоднократных попыток, направленных на обход этих ограничений. Зафиксированная история подобных попыток, в которой видно, как пользователь шаг за шагом переформулирует запрос, добиваясь нужного результата, способна служить весомым доказательством целенаправленности его действий и, следовательно, наличия умысла. И напротив, единичный нейтральный запрос, повлекший непредвиденный результат, подкрепляет версию о невиновном характере действий лица. Таким образом, доказательственное значение имеет не только содержание отдельного промта, но и вся структура диалога пользователя с нейросетью.

Вместе с тем доказательственное использование промта сопряжено с рядом проблем, которые требуют осмысления. Первая из них состоит в том, что промт далеко не всегда сохраняется в доступном для органов расследования виде. Если пользователь взаимодействовал с нейросетью через веб-интерфейс без сохранения истории либо целенаправленно удалил историю диалога, восстановление содержания запросов на стороне пользовательского устройства может оказаться невозможным. В подобных случаях единственным источником сведений о содержании промта остаются данные на стороне оператора сервиса, доступ к которым, как уже отмечалось, существенно затруднен. Вторая проблема связана с установлением достоверной связи между конкретным промтом и конкретным сгенерированным материалом. Сам по себе факт обнаружения на устройстве пользователя некоторого запроса экстремистского содержания еще не доказывает, что именно этот запрос повлек создание именно того материала, который был впоследствии распространен. Установление такой связи требует сопоставления содержания запроса и результата генерации, что в силу стохастической природы нейросетей далеко не всегда может быть осуществлено с категорической достоверностью. Указанная проблема имеет преимущественно экспертный характер и подробно рассматривается нами в рамках самостоятельного исследования, посвященного судебным экспертизам по делам данной категории.

Существенное доказательственное значение наряду с промтом имеют метаданные сгенерированного материала. Под метаданными понимаются сведения, описывающие характеристики файла и сопутствующие обстоятельства его создания. Применительно к нейросетевому контенту метаданные могут содержать указание на программное средство, при помощи которого создан файл, дату и время его создания, а в отдельных случаях - специальные маркеры, проставляемые некоторыми сервисами при генерации контента. В последние годы ряд разработчиков внедряет технологии нанесения на сгенерированный контент скрытых либо явных признаков машинного происхождения, в том числе посредством цифровых водяных знаков. Обнаружение подобных маркеров способно служить весомым доказательством машинного происхождения распространенного материала. Следует, однако, учитывать, что метаданные сравнительно легко поддаются изменению или удалению, а отсутствие маркеров машинного происхождения само по себе не свидетельствует о том, что материал создан

человеком. Поэтому метаданные, при всей их значимости, не могут рассматриваться как самодостаточное доказательство и подлежат оценке в совокупности с иными данными.

Помимо содержания самих цифровых следов, самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о процессуальных формах их закрепления. Объективно существующая цифровая информация приобретает значение доказательства лишь тогда, когда она зафиксирована в установленном законом порядке и облечена в одну из предусмотренных процессуальных форм. Применительно к цифровым следам по делам рассматриваемой категории основными процессуальными способами их закрепления выступают осмотр электронных носителей информации и интернет-страниц, выемка и изъятие электронных носителей, получение информации у владельцев информационных ресурсов, а также назначение судебных экспертиз. Каждый из этих способов имеет свои особенности применительно к нейросетевому контенту. Так, осмотр интернет-страницы, на которой размещен распространенный материал, фиксирует лишь следы распространения, но не следы создания материала; для закрепления последних требуется доступ к устройству пользователя либо к данным оператора сервиса. Это означает, что полнота закрепления следовой картины напрямую зависит от того, насколько своевременно и тактически грамотно органы расследования получили доступ к соответствующим носителям, поскольку цифровые следы отличаются повышенной уязвимостью и могут быть уничтожены или изменены в короткие сроки.

Особое внимание следует обратить на необходимость обеспечения неизменности цифровых следов с момента их обнаружения и до момента исследования. Доказательственная ценность цифрового следа напрямую зависит от того, может ли быть подтверждена его аутентичность, то есть тождество исследуемой информации той, что была обнаружена при производстве следственного действия. Применительно к нейросетевому контенту это требование приобретает дополнительное измерение, поскольку защита может ставить под сомнение не только подлинность распространенного материала, но и подлинность зафиксированных запросов и истории взаимодействия с нейросетью. Обеспечение проверяемости и неизменности этих данных, в том числе посредством фиксации их контрольных сумм и подробного документирования процесса изъятия, становится необходимым условием признания соответствующих доказательств допустимыми. Подробное рассмотрение тактических приемов, обеспечивающих решение этой задачи, выходит за пределы настоящей статьи и относится к области криминалистической тактики.

Отдельного внимания заслуживает проблема, которая, как нам представляется, является ключевой для всей системы доказывания по делам рассматриваемой категории. Речь идет о том, что значительная, а зачастую и наиболее важная часть цифровых следов находится не под контролем лица, привлекаемого к ответственности, и не в распоряжении органов расследования, а под контролем третьих лиц - операторов нейросетевых сервисов. В отличие от «традиционного» создания экстремистского материала, при котором весь процесс протекает в пределах устройств, доступных для изъятия и исследования, создание материала посредством нейросетевого сервиса предполагает, что существенная часть процесса протекает на удаленных серверах оператора. Следы взаимодействия пользователя с нейросетью и следы самого процесса генерации формируются и хранятся в инфраструктуре оператора, доступ к которой возможен лишь при условии его содействия либо в порядке, предусмотренном для получения сведений у владельцев информационных ресурсов.

Эта проблема многократно усугубляется в тех случаях, когда оператором нейросетевого сервиса выступает иностранное юридическое лицо, а серверы расположены за пределами территории Российской Федерации. Получение цифровых следов, хранящихся в иностранной

юрисдикции, требует обращения к механизмам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, предусмотренным частью пятой УПК РФ и соответствующими международными договорами. Эффективность этих механизмов применительно к данным операторов искусственного интеллекта на сегодняшний день остается невысокой. Сроки исполнения запросов о правовой помощи несопоставимы со сроками предварительного расследования, а в ряде случаев операторы, находящиеся в недружественных юрисдикциях, попросту отказывают в предоставлении сведений либо такие запросы остаются без ответа. Складывается ситуация, при которой доказательства, объективно существующие и имеющие решающее значение для установления обстоятельств дела, фактически оказываются недоступными для органов расследования.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, представляет собой одну из наиболее серьезных проблем доказывания по делам рассматриваемой категории, и ее разрешение лежит сразу в нескольких плоскостях. С одной стороны, оно связано с совершенствованием процессуальных механизмов получения данных, хранящихся за рубежом, и развитием международного сотрудничества, что в современных условиях представляется задачей долгосрочной и не всегда выполнимой. С другой стороны, и это, на наш взгляд, более перспективное направление, разрешение проблемы связано с развитием национальной инфраструктуры искусственного интеллекта, операторы которой находились бы в пределах российской юрисдикции и были бы обязаны хранить соответствующие данные на территории Российской Федерации и предоставлять их по запросам органов расследования в установленном порядке. По мере того как отечественные нейросетевые сервисы будут занимать все большую долю на внутреннем рынке, доля цифровых следов, доступных для органов расследования, будет соответственно возрастать.

Из сказанного следует важный для практики вывод: в условиях затрудненного доступа к цифровым следам, хранящимся на стороне оператора, особое значение приобретают цифровые следы, обнаруживаемые на устройствах самого пользователя. История взаимодействия с нейросетью, сохраненная в памяти устройства, кэшированные данные веб-браузера, сохраненные файлы сгенерированного контента, сведения приложений-клиентов нейросетевых сервисов нередко становятся единственным реально доступным источником сведений о процессе создания материала. Это обстоятельство, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к своевременности и тактической грамотности изъятия и исследования устройств пользователя, что составляет предмет криминалистической тактики и выходит за рамки настоящей статьи.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, мы можем сформулировать следующие выводы.

Предмет доказывания по уголовным делам о распространении экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, расширяется по сравнению с делами о распространении материалов, созданных без использования таких технологий. В него дополнительно включаются обстоятельства, характеризующие факт создания материала посредством нейросети, идентификацию конкретной нейросети, содержание запроса пользователя и степень его содержательного контроля над результатом генерации, а также сведения о навыках и опыте лица в работе с технологиями искусственного интеллекта.

Центральным и наиболее сложным элементом предмета доказывания по делам данной

категории остается субъективная сторона деяния, установление которой невозможно без обращения к объективным цифровым следам взаимодействия лица с нейросетью. При этом цифровые следы являются необходимым, но не самодостаточным средством доказывания субъективной стороны и подлежат оценке в совокупности с иными доказательствами.

Цифровые следы по делам рассматриваемой категории целесообразно классифицировать на следы взаимодействия пользователя с нейросетью, следы процесса генерации и следы распространения материала, что имеет прикладное значение, ориентируя следователя на поиск следов в каждой из соответствующих точек их образования и наглядно демонстрируя отличие следовой картины этих дел от следовой картины «традиционных» преступлений данной группы.

Ключевое доказательственное значение среди цифровых следов имеет промт как зафиксированное в цифровой форме выражение воли пользователя, непосредственно предшествующее возникновению материала. При этом доказательственную ценность представляет не только содержание отдельного запроса, но и вся последовательность запросов, отражающая динамику взаимодействия пользователя с нейросетью. Доказательственное использование промта осложняется проблемами его сохранности и установления достоверной связи между конкретным запросом и конкретным результатом генерации.

Наиболее серьезной проблемой доказывания по делам данной категории является нахождение значительной части цифровых следов под контролем третьих лиц - операторов нейросетевых сервисов, в том числе иностранных, а также трансграничный характер хранения таких данных. В этих условиях возрастает доказательственное значение цифровых следов, обнаруживаемых на устройствах самого пользователя, а перспективным направлением разрешения проблемы выступает развитие национальной инфраструктуры искусственного интеллекта.

В целом проведенное исследование показывает, что специфика предмета доказывания и системы цифровых следов по делам о распространении экстремистских материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, носит качественный, а не только количественный характер и не сводится к простому добавлению новых обстоятельств к традиционному предмету доказывания. Появление генеративной нейросети как промежуточного звена между волей человека и противоправным результатом меняет саму структуру доказательственной деятельности, перемещая ее центр тяжести в цифровую среду и ставя ее в зависимость от доступности данных, контролируемых третьими лицами. Сформулированные положения о предмете доказывания и системе цифровых следов образуют теоретическую основу для последующей разработки процессуальных и криминалистических особенностей собирания и проверки доказательств по делам рассматриваемой категории, в том числе тактики производства следственных действий и назначения судебных экспертиз, что составляет предмет дальнейшего исследования.

Библиография

1. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46–50.
2. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2018. 359 с.
3. Россинская Е.Р., Рябцев И.А. Концептуальные основы теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 224–239.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2014. 240 с.

The Subject of Proof and Digital Traces in Criminal Cases on the Distribution of Extremist Materials Created Using Artificial Intelligence Technologies

Konstantin I. Parfenov

Senior Lecturer,
Department of Information Support of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: russia.pki@gmail.com

Abstract

The article examines the specific features of the subject and limits of proof, as well as the system of digital traces in criminal cases on the distribution of extremist materials created using artificial intelligence technologies. The thesis is substantiated that the subject of proof in cases of this category is expanded by including circumstances characterizing the origin of the material, the degree of the person's participation in its creation, and the nature of the person's interaction with the generative neural network. The specificity of establishing the subjective element as the central and most complex element of the subject of proof is analyzed, and the discussion on the permissible limits of inferring the form of guilt on the basis of objective digital data is examined. The concept of a digital trace is revealed in relation to neural network content, doctrinal disagreements regarding the content of the concept of electronic evidence are analyzed, and a classification of digital traces is proposed into traces of the user's interaction with the neural network, traces of the generation process itself, and traces of the distribution of the material. Particular attention is paid to the evidentiary significance of the prompt as a recorded expression of the user's will, as well as metadata, service access logs, and other derivative data. The procedural forms of securing digital traces and the problems caused by the fact that a significant part of such traces is under the control of third parties — operators of neural network services, including foreign ones — as well as the transborder nature of data storage, are examined. A conclusion is formulated that the specificity of the subject of proof and the system of digital traces in cases of the category under consideration requires the development of independent methodological approaches to the collection and verification of evidence.

For citation

Parfenov K.I. (2026) Predmet dokazyvaniya i tsifrovye sledy po ugolovnym delam o rasprostranenii ekstremistskikh materialov, sozdannykh s ispol'zovaniem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [The Subject of Proof and Digital Traces in Criminal Cases on the Distribution of Extremist Materials Created Using Artificial Intelligence Technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 564-575. DOI: 10.34670/AR.2026.12.21.058

Keywords

Subject of proof, limits of proof, digital traces, electronic evidence, extremist materials, generative neural networks, artificial intelligence, prompt, metadata, transborder access to data.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ. (2001). Collection of Legislation of the Russian Federation, (52(1)), Art. 4921.
2. Lazareva, V.A. (2018). Dokazyvanie v ugolovnom protsesse [Proving in criminal proceedings] (6th ed.). Moscow: Yurayt.
3. Rossinskaya, E.R., & Ryabtsev, I.A. (2019). Kontseptual'nye osnovy teorii informatsionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoy deyatel'nosti [Conceptual foundations of the theory of information and computer support of forensic activity]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 10(2), 224–239.
4. Sheifer, S.A. (2014). Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma: INFRA-M.
5. Vekhov, V.B. (2016). Elektronnye dokazatel'stva: problemy teorii i praktiki [Electronic evidence: problems of theory and practice]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika, (4(11)), 46–50.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.0 **DOI: 10.34670/AR.2026.55.37.059**

Применение беспилотных летательных аппаратов при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий по розыску без вести пропавших лиц

Демченко Виктория Викторовна

Кандидат юридических наук, подполковник полиции, доцент,
кафедра оперативно-розыскной деятельности и специальной техники,
Луганский филиал Воронежского
института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
91000, Российская Федерация, Луганск, ул. Лутугинская, 89;
e-mail: vika.dvv77@yandex.ru

Аннотация

Оснащение оперативных подразделений беспилотными воздушными судами с видео- и тепловизионной аппаратурой опередило нормативное описание того, в каком правовом качестве такой полёт входит в систему оперативно-розыскных мероприятий, закрытый перечень которых изменяется только федеральным законом. Работа направлена на установление правовой природы аэровидеофиксации при розыске безвестно исчезнувших и условий, при которых её результаты сохраняют доказательственное значение. Материалом послужили предписания Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Воздушного кодекса Российской Федерации, правил использования воздушного пространства, межведомственной инструкции о рассмотрении сообщений о безвестном исчезновении лиц и законодательства о персональных данных, взятые в редакции, действующей на сентябрь 2026 года; применены формально-юридический метод, логический анализ нормативных конструкций и систематическое толкование, единицей анализа выступило отдельное нормативное предписание. Полёт беспилотного воздушного судна квалифицирован как технический способ исполнения мероприятий «наблюдение» и «обследование участков местности»; выведена триада условий правомерности; предложен критерий, отделяющий съёмку общедоступной территории от проникающей фиксации; установлено, что п. 114 названных Правил не называет розыск безвестно исчезнувших среди случаев безразрешительного полёта. Выявленное рассогласование объясняет затруднения оперативных подразделений при проверке сообщения о безвестном исчезновении, в котором признаки преступления отсутствуют, и обосновывает дополнение п. 114 самостоятельным подпунктом, а также три требования к оформлению аэровидеоматериала.

Для цитирования в научных исследованиях

Демченко В.В. Применение беспилотных летательных аппаратов при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий по розыску без вести пропавших лиц // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 576-584. DOI: 10.34670/AR.2026.55.37.059

Ключевые слова

Оперативно-розыскные мероприятия, беспилотное воздушное судно, розыск без вести пропавших лиц, наблюдение, обследование участков местности, использование воздушного пространства, аэровидеофиксация, допустимость результатов оперативно-розыскной деятельности.

Введение

Розыск без вести пропавших назван среди задач оперативно-розыскной деятельности в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а сведения о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов образуют самостоятельное основание проведения оперативно-розыскных мероприятий по подп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7 того же Закона. Пункт 12 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» относит розыск лиц, пропавших без вести, к обязанностям полиции. Оперативные подразделения получили беспилотные воздушные суда с видео- и тепловизионной аппаратурой раньше, чем законодатель описал правовое качество такого полёта. Перечень оперативно-розыскных мероприятий, приведённый в ст. 6 названного Закона, закрыт и может быть изменён или дополнен только федеральным законом. Отсюда исследовательский вопрос: какое из перечисленных мероприятий исполняется, когда оперативный сотрудник поднимает беспилотное воздушное судно над участком местности, и какие условия делают такой полёт и его результат правомерными.

Вопрос возникает из рассогласования двух групп предписаний. Пункт 114 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138, освобождает от разрешения на использование воздушного пространства в классах A и C случаи пресечения и раскрытия преступлений, оказания помощи при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, а также поиска и спасания пассажиров и экипажей воздушных судов, терпящих или потерпевших бедствие. Розыск без вести пропавшего лица в этом перечне отсутствует. Между тем п. 8 Инструкции, утверждённой приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5, прямо предусматривает проверку сообщения о безвестном исчезновении лица, в котором обстоятельства, указывающие на преступление, не усматриваются, и поручает её сотруднику оперативного подразделения. Задача работы состоит в установлении правовой природы аэровидеофиксации в этой ситуации, выведении условий её правомерности и определении требований, при которых полученный материал сохраняет доказательственное значение.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на нормативном материале трёх отраслей, взятом в редакции, действующей на сентябрь 2026 года. Оперативно-розыскной блок образуют ст. 2, 5, 6, 7, 8, 10 и 11 Федерального закона № 144-ФЗ; воздушно-правовой блок – п. 5 и 6 ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации, а также п. 48, 49, 52, 52(3), 114 и 115 Федеральных правил использования воздушного пространства; блок защиты персональных данных – ч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Ведомственный уровень представлен

межведомственной Инструкцией от 16 января 2015 г. № 38/14/5. Единицей анализа выступает отдельное нормативное предписание – норма, её часть или пункт – в соотношении с признаком оперативно-розыскного мероприятия.

Применены формально-юридический метод, логический анализ нормативных конструкций, систематическое и телеологическое толкование норм, а также юридическая квалификация. Последовательность операций такова. Признаки фактического действия – подъём аппарата, маршрутный облёт, видеофиксация – сопоставляются с признаками мероприятий закрытого перечня; из трёх нормативных блоков выводятся условия правомерности и проверяется их совместимость; по трём признакам разграничиваются два режима съёмки; результат проверяется контрпримером и сопоставлением оснований п. 114 Федеральных правил с основаниями ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 144-ФЗ. Судебная практика привлечена в части правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, относящихся к пределам судебного контроля за мероприятиями и к процессуальному значению их результатов.

Результаты и обсуждение

Первый полученный вывод состоит в том, что полёт беспилотного воздушного судна самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия не образует. Норма ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что приведённый в ней перечень мероприятий изменяется или дополняется только федеральным законом, и одновременно относит видео- и аудиозапись, кино- и фотосъёмку и другие технические средства к средствам, используемым в ходе мероприятий. Квалификация даёт однозначный результат: аппарат и установленная на нём аппаратура находятся на стороне средства, а не мероприятия. В работе [Королева, 2020] ведомственная практика оснащения беспилотных воздушных судов приборами видео- и фотофиксации и тепловизорами описана применительно к учреждениям уголовно-исполнительной системы, и правовая форма такого оснащения от отраслевой принадлежности органа не меняется.

Второй вывод разграничивает два мероприятия, между которыми распределяется аэровидеофиксация. Наблюдение (п. 6 ст. 6) предполагает длящееся восприятие поведения лица или развития обстановки, тогда как обследование участков местности (п. 8 той же нормы) направлено на обнаружение объектов и следов в границах определённой территории. Розыск без вести пропавшего чаще требует второго, поскольку предметом поиска выступают человек, его вещи или следы движения, а не линия поведения известного лица. Содержание обследования как мероприятия, охватывающего участки местности наравне с помещениями и транспортными средствами, раскрыто в оперативно-розыскной литературе [Бережнова, 2024]. Разграничение определяет содержание оперативно-служебного документа: при обследовании фиксируется пространственный результат облёта, при наблюдении – динамика; требования к доказыванию и оценке полученных таким образом электронных данных раскрыты в литературе о цифровизации правоприменительной деятельности [Шахбанова, 2026].

Третий вывод объединяет условия правомерности в триаду, каждый элемент которой опирается на собственный нормативный блок. Первым элементом выступает оперативно-розыскное основание, закреплённое в подп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, вместе с делом оперативного учёта по правилам ст. 10 того же Закона; в розыскной работе ему соответствует розыскное дело, заводимое согласно п. 16 Инструкции, утверждённой приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной

прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5. Нормативные противоречия в регулировании розыска отдельных категорий безвестно исчезнувших несовершеннолетних показаны в отраслевой литературе [Кудра, 2022], а организация проверочных и поисковых мероприятий при их исчезновении – с позиций взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений [Алехин, 2025]. Ограничение конституционных прав при розыске до возбуждения уголовного дела остаётся самостоятельной проблемой правоприменения [Карякин, 2020].

Второй элемент триады – воздушно-правовое условие. Беспилотное воздушное судно определено п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации как воздушное судно, управляемое и контролируемое в полёте внешним пилотом, а комплекс с ним – п. 6 той же нормы как беспилотная авиационная система. Пункт 52 Федеральных правил требует плана полёта и разрешения на использование воздушного пространства в классах A, C и G; п. 52(3) выводит из-под этого требования визуальные полёты аппаратов массой до 30 кг в пределах прямой видимости на высотах менее 150 метров при удалении от аэродромов и вне зон ограничений; п. 49 обязывает получить разрешение органа местного самоуправления для полётов над населёнными пунктами. Полномочия федеральных органов исполнительной власти в обеспечении общественной безопасности при использовании беспилотных воздушных судов описаны отдельно [Соколов, 2024], а региональные запреты и ограничения полётов, введённые в обход федерального регулирования, в работе [Черных, Акулов, 2024] оценены как препятствие для правомерной эксплуатации.

Сопоставление оснований п. 114 Федеральных правил с основаниями ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 144-ФЗ обнаруживает несовпадение объёмов. Пункт 114 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138, предусматривает безразрешительный режим для пресечения и раскрытия преступлений, для помощи при чрезвычайных ситуациях и для поиска и спасания пассажиров и экипажей воздушных судов, но розыск без вести пропавшего лица как самостоятельное оперативно-розыскное основание в этот ряд не включён. Пункт 48 тех же Правил, разрешающий полёты над населёнными пунктами на высоте, обеспечивающей реализацию мероприятий по спасанию жизни и охране здоровья людей, а также пресечению и раскрытию преступлений, построен по тому же кругу целей. Пока сообщение о безвестном исчезновении проверяется в порядке п. 8 межведомственной Инструкции и признаки преступления не установлены, ни одно из названных оснований к ситуации не подходит, а обязанность немедленного уведомления центров Единой системы организации воздушного движения по п. 115 сохраняется. Устранение дефекта достигается дополнением п. 114 подпунктом о розыске без вести пропавших лиц, что приводит воздушно-правовой режим в соответствие с подп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 144-ФЗ.

Третий элемент триады образует условие соблюдения конституционных прав. Часть 1 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ устанавливает обязанность обеспечивать неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции, а ч. 2 ст. 8 того же Закона связывает требование судебного решения с замкнутым кругом прав – тайной сообщений и переговоров и неприкосновенностью жилища. Аэровидеофиксация в этот круг не входит, и расширить его толкованием нельзя. Судебная проверка законности мероприятия поэтому смещается на более позднюю стадию: согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 2792-О,

вопрос о законности и обоснованности оперативно-розыскных мероприятий разрешается судом в рамках производства по уголовному делу. Порядок обжалования мероприятий, ограничивающих конституционные права, обсуждается как незавершённый [Чупилкин, 2021]; в работе [Железняк, 2024] состояние судебного контроля в оперативно-розыскной сфере охарактеризовано как область, нормативная регламентация которой отстаёт.

Четвёртый вывод предлагает критерий, разграничивающий два режима аэровидеофиксации. Режим внешнего наблюдения открытой местности характеризуется тремя совпадающими признаками. Объект съёмки доступен визуальному восприятию с мест общего пользования; траектория и продолжительность облёта подчинены поиску конкретного лица; оптическое приближение не превышает того, что необходимо для различения фигуры человека на фоне местности. Отсутствие любого признака переводит съёмку в режим проникающей фиксации. Границу конструкции показывает контрпример. Полёт над огороженным домовладением, куда предположительно мог зайти пропавший, сохраняет оперативно-розыскное основание, однако фиксирует обстановку внутри придомовой территории и сведения о частной жизни проживающих, которые объектом розыска не выступают. Физического нарушения жилища здесь нет, и ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 144-ФЗ такой случай не охватывает; создать для него новое мероприятие мешает закрытость перечня. Сопоставимая проблема описана в зарубежном правопорядке, где аэронаблюдение с беспилотных аппаратов рассматривается через конструкцию неправомерного использования воздушного пространства над земельным участком [Khalil, 2023]. Приведённая конструкция утратит силу, если законодатель отнесёт аэровидеофиксацию к мероприятиям ч. 2 ст. 8.

Пятый вывод касается оформления материала. Конституционный Суд Российской Федерации признал, что результаты оперативно-розыскных мероприятий образуют не доказательства, а сведения об источниках фактов, приобретающие доказательственное значение только после закрепления процессуальным путём; эта позиция выражена в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О. Отсюда следуют три требования к аэровидеоматериалу. Запись сопровождается оперативно-служебным документом с указанием типа беспилотного воздушного судна, времени взлёта и посадки, координат зоны облёта и лица, управлявшего аппаратом. Исходный файл сохраняется без монтажа вместе с метаданными о времени и координатах. Передача осуществляется в порядке ст. 11 Федерального закона № 144-ФЗ. Изображение лица, попавшего в кадр, относится к сведениям, характеризующим физиологические особенности человека, по ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ, а ч. 2 той же нормы допускает их обработку без согласия в случаях, предусмотренных законодательством об оперативно-розыскной деятельности, чем и снимается вопрос о согласии посторонних лиц. Цифровизация оперативно-розыскной деятельности обсуждается при этом не как новая теория, а как развитие средств и методов [Шаров, 2025]. Организационную сторону образуют распределение зон ответственности между оперативными подразделениями и добровольческими поисково-спасательными отрядами [Пономарева, Сизых, 2024]; при выходе поиска за пределы страны к ней добавляется порядок исполнения запросов, рассмотренный в работе [Смирнова, 2020]. Сопоставление ручного и автоматизированного просмотра массивов аэроснимков при поиске людей проведено в исследовании беспилотных авиационных систем поисково-спасательного назначения [Weldon, Hupy, 2020], что подтверждает практическую значимость требования сохранять исходные файлы.

Заключение

Применение беспилотных воздушных судов при розыске безвестно исчезнувших укладывается в действующий перечень оперативно-розыскных мероприятий как технический способ исполнения наблюдения либо обследования участков местности, и различие между ними определяется предметом фиксации – динамикой поведения либо пространственным результатом облёта. Правомерность такого применения обеспечивается одновременным соблюдением трёх условий. Это оперативно-розыскное основание по подп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 144-ФЗ, воздушно-правовой режим по Федеральным правилам использования воздушного пространства и требования ст. 5 того же Закона о неприкосновенности частной жизни и жилища.

Сопоставление п. 114 Федеральных правил с ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 144-ФЗ показало, что поиск безвестно исчезнувшего не отнесён к случаям безразрешительного полёта, при том что проверка сообщения о безвестном исчезновении без признаков преступления прямо возложена на оперативное подразделение п. 8 межведомственной Инструкции от 16 января 2015 г. № 38/14/5. Дополнение п. 114 самостоятельным подпунктом устраняет это рассогласование. Разграничение режима внешнего наблюдения открытой местности и режима проникающей фиксации по трём признакам – доступности объекта визуальному восприятию, подчинённости маршрута поиску конкретного лица и умеренности оптического приближения – задаёт предел правомерной съёмки, а три требования к оформлению аэровидеоматериала обеспечивают его пригодность для последующего процессуального закрепления.

Библиография

1. Алехин Д.В. Об организации проверочных и поисковых мероприятий при розыске без вести пропавших несовершеннолетних // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 1 (43). С. 111–116. DOI: 10.54217/2588-0136.2025.43.1.013.
2. Бережнова Н.А. Организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 3. С. 6–11. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-6-11.
3. Железняк И.Н. Оперативно-розыскное судопроизводство: неоконченная история // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 133–143. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.24.012.
4. Карякин А.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях розыска лиц, пропавших без вести // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2. С. 158–164. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-158-164.
5. Королева А.Н. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в уголовно-исполнительной системе // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 3 (39). С. 29–36. DOI: 10.37523/sui.2020.39.3.004.
6. Кудра Д.М. Некоторые аспекты нормативного правового регулирования розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 204–214. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.82.67.018.
7. Пономарева Н.С., Сизых А.Д. Отдельные вопросы взаимодействия добровольческих поисково-спасательных отрядов со следственными органами Следственного комитета России при организации поиска без вести пропавших граждан // Современное право. 2024. № 11. С. 132–135. DOI: 10.25799/Ni.2024.32.46.021.
8. Смирнова Ю.А. О проблемах международного полицейского сотрудничества по вопросам розыска без вести пропавших лиц // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2. С. 160–163. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-2-160-163.
9. Соколов Д.В. Обеспечение общественной безопасности в процессе использования беспилотных воздушных судов // Транспортное право. 2024. № 2. С. 10–13. DOI: 10.18572/1812-3937-2024-2-10-13.
10. Черных Г.С., Акулов А.О. Правовые проблемы использования беспилотных воздушных судов в условиях

административных ограничений, вводимых в 2022–2024 гг. // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 5. С. 147–157. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-147-157.
11. Чупилкин Ю.Б. Судебный порядок рассмотрения жалоб на проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 52–54. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-2-52-54.
12. Шаров В.И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 171–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-3-171-178.
13. Шахбанова Х.М. Проблемы доказывания и оценки электронных доказательств в уголовном процессе Российской Федерации в условиях цифровизации правоприменительной деятельности // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 2. С. 64–74.
14. Khalil R.F. Aerial Trespass and the Fourth Amendment // Michigan Law Review. 2023. Vol. 121. No. 7. Pp. 1269–1299. DOI: 10.36644/mlr.121.7.aerial.
15. Weldon W.T., Hupy J. Investigating Methods for Integrating Unmanned Aerial Systems in Search and Rescue Operations // Drones. 2020. Vol. 4. No. 3. DOI: 10.3390/drones4030038.

The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Conducting Operational-Investigative Measures for the Search of Missing Persons

Viktoriya V. Demchenko

PhD in Law, Police Lieutenant Colonel, Associate Professor,
Department of Operational-Investigative Activity and Special Technology,
Lugansk Branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
91000, 89, Lutuginskaya str., Lugansk, Russian Federation;
e-mail: vika.dvv77@yandex.ru

Abstract

The equipping of operational units with unmanned aerial vehicles with video and thermal imaging equipment has outpaced the normative description of the legal capacity in which such a flight enters the system of operational-investigative measures, the closed list of which is amended only by federal law. The work is aimed at establishing the legal nature of aerial video recording in the search for missing persons and the conditions under which its results retain evidentiary value. The material was constituted by the provisions of the Federal Law "On Operational-Investigative Activity," the Air Code of the Russian Federation, the rules for the use of airspace, the interdepartmental instruction on the consideration of reports of the disappearance of persons, and legislation on personal data, taken in the version in force as of September 2026; the formal-legal method, logical analysis of normative constructions, and systematic interpretation were applied, and a separate normative provision served as the unit of analysis. The flight of an unmanned aerial vehicle is qualified as a technical method of executing the measures "surveillance" and "inspection of terrain areas"; a triad of conditions of lawfulness is deduced; a criterion is proposed that separates the filming of publicly accessible territory from penetrating recording; and it is established that paragraph 114 of the said Rules does not name the search for missing persons among the cases of flight without permission. The identified inconsistency explains the difficulties of operational units in verifying a report of a disappearance in which there are no signs of a crime, and substantiates the supplementation of paragraph 114 with an independent subparagraph, as well as three requirements

for the processing of aerial video material.

For citation

Demchenko V.V. (2026) Primenenie bespilotnykh letatel'nykh apparatov pri osushchestvlenii operativno-rozysknykh meropriyatiy po rozysku bez vesti propavshikh lits [The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Conducting Operational-Investigative Measures for the Search of Missing Persons]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 576-584. DOI: 10.34670/AR.2026.55.37.059

Keywords

Operational-investigative measures, unmanned aerial vehicle, search for missing persons, surveillance, inspection of terrain areas, use of airspace, aerial video recording, admissibility of the results of operational-investigative activity.

References

1. Alekhin, D.V. (2025). Ob organizatsii proverochnykh i poiskovykh meropriyatiy pri rozyske bez vesti propavshikh nesovershennoletnikh [On the organisation of verification and search activities in the search for missing minors]. Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, (1(43)), 111–116. DOI: 10.54217/2588-0136.2025.43.1.013
2. Berezhnova, N.A. (2024). Organizatsionno-pravovye aspekty provedeniya operativno-rozysknogo meropriyatiya "Obsledovanie pomeshcheniy, zdaniy, sooruzheniy, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv" pri vyyavlenii i raskrytii prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym sbytomnarkotikov [Organisational and legal aspects of carrying out the operational-search measure "Examination of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles" in detecting and solving crimes related to illegal drug trafficking]. International Law Journal, 7(3), 6–11. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-6-11
3. Chernykh, G.S., & Akulov, A.O. (2024). Pravovye problemy ispol'zovaniya bespilotnykh vozdushnykh sudov v usloviyakh administrativnykh ogranicheniy, vvodimykh v 2022–2024 gg. [Legal problems of the use of unmanned aircraft under the administrative restrictions introduced in 2022–2024]. International Law Journal, 7(5), 147–157. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-147-157
4. Chupilkin, Yu.B. (2021). Sudebnyy poryadok rassmotreniya zhalob na provedenie operativno-razysknykh meropriyatiy, ogranichivayushchikh konstitutsionnye prava grazhdan [Judicial procedure for considering complaints about operational-search measures restricting the constitutional rights of citizens]. Rossiyskaya yustitsiya, (2), 52–54. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-2-52-54
5. Karyakin, A.M. (2020). Osobennosti provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatiy v tselyakh rozyska lits, propavshikh bez vesti [Special features of conducting operational-search measures for the search of missing persons]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, (2), 158–164. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-158-164
6. Khalil, R.F. (2023). Aerial Trespass and the Fourth Amendment. Michigan Law Review, 121(7), 1269–1299. DOI: 10.36644/mlr.121.7.aerial
7. Koroleva, A.N. (2020). Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh vozdushnykh sudov v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme [Legal regulation of the use of unmanned aircraft in the penal system]. Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta, (3(39)), 29–36. DOI: 10.37523/sui.2020.39.3.004
8. Kudra, D.M. (2022). Nekotorye aspekty normativnogo pravovogo regulirovaniya rozyska nesovershennoletnikh, propavshikh bez vesti i samovol'no ushedshikh iz semey ili spetsializirovannykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy [Some aspects of the normative legal regulation of the search for minors who went missing or arbitrarily left families or specialised state institutions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, (3(102)), 204–214. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.82.67.018
9. Ponomareva, N.S., & Sizykh, A.D. (2024). Otdel'nye voprosy vzaimodeystviya dobrovol'cheskikh poiskovo-spasatel'nykh otryadov so sledstvennymi organami Sledstvennogo komiteta Rossii pri organizatsii poiska bez vesti propavshikh grazhdan [Selected issues of interaction between volunteer search and rescue teams and the investigative bodies of the Investigative Committee of Russia in organising the search for missing citizens]. Sovremennoe pravo, (11), 132–135. DOI: 10.25799/ni.2024.32.46.021
10. Shakhbanova, Kh.M. (2026) Problemy dokazyvaniya i otsenki elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh tsifrovizatsii pravoprimenitel'noy deyatel'nosti [Problems of proving and evaluating

electronic evidence in the criminal procedure of the Russian Federation under the digitalisation of law enforcement]. Voprosy prirodopol'zovaniya, 5(2), 64–74.

11. Sharov, V.I. (2025). "Tsifrovaya operativno-rozysknaya deyatel'nost'" i tsifrovizatsiya protivodeystviya prestupleniyam ["Digital operational-search activity" and the digitalisation of counteracting crimes]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, (3), 171–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-3-171-178
12. Smirnova, Yu.A. (2020). O problemakh mezhdunarodnogo politseyskogo sotrudnichestva po voprosam rozyska bez vesti propavshikh lits [On the problems of international police cooperation in the search for missing persons]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii, (2), 160–163. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-2-160-163
13. Sokolov, D.V. (2024). Obespechenie obshchestvennoy bezopasnosti v protsesse ispol'zovaniya bespilotnykh vozdushnykh sudov [Assurance of public security in the use of unmanned aircraft]. Transportnoe pravo, (2), 10–13. DOI: 10.18572/1812-3937-2024-2-10-13
14. Weldon, W.T., & Hupy, J. (2020). Investigating Methods for Integrating Unmanned Aerial Systems in Search and Rescue Operations. Drones, 4(3). DOI: 10.3390/drones4030038
15. Zheleznyak, I.N. (2024). Operativno-rozysknoye sudoproizvodstvo: neokonchennaya istoriya [Operational-search proceedings: an unfinished story]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, (2(109)), 133–143. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.24.012

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.34 **DOI: 10.34670/AR.2026.76.87.060**

К вопросу отграничения составов правонарушений членов экстремистского движения «АУЕ»

Кузнецов Феликс Андреевич

Аспирант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: fietfel@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются теоретические и практические проблемы отграничения составов правонарушений, совершаемых членами запрещённого экстремистского движения «АУЕ» [Запрещенная в России экстремистская организация]. Анализируются сложности выявления признаков приверженности правонарушителей к данной субкультуре по уголовным и административным составам в условиях высокой латентности движения. Автором обосновывается необходимость разграничения идеологической приверженности криминальной субкультуре и активного участия в деятельности экстремистской организации. Такая необходимость обуславливается рядом объективных критериев, в числе которых организационная и правовая сущность экстремистского движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], характеризующаяся отсутствием чёткой иерархии, обладанием фундаментальными признаками молодёжной субкультуры в духе постмодерна, высокой латентностью противоправной деятельности членов движения, а также слабой степенью сформированности единообразной судебно-следственной практики по делам о правонарушениях и преступлениях, связанных с деятельностью движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]. На основе анализа правоприменительной практики предлагаются критерии дифференциации уголовной и административной ответственности, а также пути совершенствования методики выявления и доказывания признаков принадлежности к движению «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ].

Для цитирования в научных исследованиях

Кузнецов Ф.А. К вопросу отграничения составов правонарушений членов экстремистского движения «АУЕ» // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 585-593. DOI: 10.34670/AR.2026.76.87.060

Ключевые слова

«АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], экстремистская деятельность, латентная преступность, разграничение составов, уголовная ответственность, административная ответственность, криминальная субкультура, квалификация преступлений, профилактика правонарушений, молодёжная субкультура.

Введение

В системе современных угроз национальной безопасности Российской Федерации экстремизм трансформируется из сугубо политического и религиозного феномена в комплексную социально-структурную проблему. Особое место в структуре экстремистских угроз занимает деструктивная идеология международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], которое решением Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 года признано экстремистской организацией, а его деятельность на территории России запрещена.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, спецификой самого движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], которое характеризуется отсутствием жесткой иерархии, формального членства, единого координирующего центра и программных документов [Анциферова, 2026, с. 279]. Это создает принципиальные трудности для правовой квалификации деяний его приверженцев, поскольку объект правового воздействия представляет собой не классическую организацию, а нечеткую субкультуру, наделенную признаками экстремистского сообщества [Шаликова, 2018, с. 107; Рябков, Полякова, 2018, с. 125; Эпова, 2018, с. 142; Бочкарёва, 2019, с. 149]. Во-вторых, высокой степенью латентности преступлений и административных правонарушений, совершаемых членами и сторонниками данного движения. В-третьих, отсутствием единообразной судебно-следственной практики по делам данной категории, что обусловлено сложностью разграничения уголовно наказуемого участия в экстремистской организации и административно наказуемой пропаганды либо демонстрации ее символики.

Основная часть

Проблемы противодействия экстремистской деятельности, в том числе связанной с движением «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], исследуются в работах А.М. Плешакова, Г.С. Шкабина, Е.В. Анциферовой и других авторов [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 45]. Однако вопросы отграничения составов правонарушений применительно к специфике данного движения представляются недостаточно разработанными.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года (дело № АКПИ20-514С) международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ, А.У.Е.) [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] признано экстремистской организацией. Дополнительным решением от 2 октября 2020 года были уточнены отдельные аспекты запрета деятельности данной структуры.

Правовая природа движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] характеризуется следующими признаками:

– Отсутствие формального членства и организационно-правовой формы. В отличие от классических экстремистских организаций, «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] не имеет устава, программы, руководящих органов в традиционном понимании. Это сетевой феномен, существующий преимущественно в виртуальном пространстве и пенитенциарной среде [Анциферова, 2026, с. 280].

– Идеологическая основа движения базируется на криминальной субкультуре, романтизации «воровских законов» и «тюремных понятий» [Громов, 2025, с. 45]. Как

отмечают исследователи, приверженцы данной идеологии пропагандируют создание «воровской» власти, применение «тюремных понятий», отрицание общепризнанных моральных принципов [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 46].

– Целевая аудитория — преимущественно несовершеннолетние и молодежь. По данным психологических исследований, численность лиц, состоящих в группах «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] в социальных сетях, составляет более 620 тыс. человек, из которых около 40% — несовершеннолетние [Громов, 2025, с. 78].
– Специфика деятельности проявляется в сборе средств в так называемый «общак», контроле над отдельными территориями или учреждениями уголовно-исполнительной системы через назначение «смотрящих», вовлечении новых участников, пропаганде криминальной идеологии [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 48].

С точки зрения права, признание движения экстремистским влечет запрет на его деятельность на территории Российской Федерации. Соответственно, любые действия, связанные с продолжением или возобновлением деятельности «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], образуют состав преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»), а пропаганда и публичное демонстрирование его символики влекут административную ответственность по ст. 20.3 КоАП РФ.

Латентность преступлений и административных правонарушений, совершаемых членами движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], обусловлена комплексом объективных и субъективных факторов [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 49].

Объективные факторы латентности:

– Сетевая структура организации. Отсутствие формального членства и иерархии в классическом понимании делает невозможным применение традиционных методов выявления организованных преступных групп. Как отмечает Е.В. Анциферова, специфика данного движения характеризуется отсутствием жесткой иерархии, фиксированного членства и программных документов [Анциферова, 2026, с. 280].
– Симбиоз виртуальной и реальной активности. Основная коммуникация приверженцев движения осуществляется через закрытые группы в социальных сетях и мессенджерах, что затрудняет оперативное выявление противоправной деятельности [Громов, 2025, с. 112].
– Кодекс молчания, принятый в среде приверженцев криминальной субкультуры. По «понятиям», посвящение посторонних в дела «братства» не допускается, что минимизирует возможность получения свидетельских показаний [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 50].
– Романтизация криминального образа жизни в подростковой среде. Для несовершеннолетних приверженность «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] часто выступает формой самоутверждения, а не осознанным участием в экстремистской деятельности, что затрудняет квалификацию их действий как противоправных [Громов, 2025, с. 134].

Субъективные факторы латентности связаны с правоприменительными проблемами:

– Отсутствие единых методик выявления признаков принадлежности к движению «АУЕ»

[признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]. Правоприменители испытывают трудности при оценке татуировок, граффити, символики на предмет их отнесения к экстремистской символике организации [Анциферова, 2026, с. 281].

– Сложность доказывания умысла на участие в деятельности запрещенной организации. Как справедливо отмечается в научной литературе, граница между «приверженностью» (следованием воровским традициям) и «участием в деятельности запрещенной организации» остается размытой [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 51].
– Недостаточная подготовка сотрудников правоприменительных органов к выявлению признаков экстремистской деятельности в среде неформальных молодежных объединений [Громов, 2025, с. 156].

Примером сложности выявления признаков может служить дело жителя г. Облучье, который на своей странице в социальной сети «Одноклассники» разместил изображение с надписью «А.У.Е.» и восьмиконечными звездами [Анциферова, 2026, с. 281]. В судебном заседании правонарушитель отрицал свою принадлежность к сообществу «А.У.Е» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], объяснить значение изображений не смог, указав, что разместил их без какой-либо цели. Данный случай демонстрирует типичную ситуацию, когда лицо либо действительно не осознает значения размещаемой символики, либо намеренно скрывает свою приверженность экстремистской идеологии.

Система правовых запретов, связанных с деятельностью движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], включает как уголовно-правовые, так и административно-правовые нормы. Правильная квалификация деяния требует разграничения следующих составов, среди которых, соответственно, уголовно-правовые и административные. В частности:

– Ст. 282.2 УК РФ (ч. 1 — организация деятельности экстремистской организации; ч. 2 — участие в деятельности экстремистской организации).
– Ст. 282.3 УК РФ (финансирование экстремистской деятельности).
– Ст. 282.4 УК РФ (неоднократное публичное демонстрирование символики экстремистской организации) — данная норма была введена Федеральным законом от 30.12.2020 № 525-ФЗ и предусматривает ответственность за деяние, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ.
– Ст. 20.3 КоАП РФ (ч. 1 — пропаганда либо публичное демонстрирование символики экстремистской организации).
– Ст. 20.29 КоАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов).
– Ч. 2 ст. 13.15 КоАП РФ (распространение информации о деятельности запрещенной организации без указания на запрет).

Ключевой проблемой является разграничение состава, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (участие в деятельности экстремистской организации), и состава, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ (пропаганда либо публичное демонстрирование символики). Для решения этой проблемы необходимо обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

В соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2

УК РФ, является формальной и признается оконченной с момента совершения действий, свидетельствующих о продолжении функционирования запрещенной организации.

Критерии разграничения могут быть представлены в виде таблицы:

Таблица 1 – Критерии разграничения участия в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) и пропаганды либо демонстрации символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ)

Критерий	Участие в деятельности организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ)	Пропаганда/демонстрация символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ)
Направленность умысла	Продолжение/возобновление функционирования организации	Публичное выражение приверженности идеологии
Характер действий	Систематическое участие, выполнение функциональных обязанностей	Единичные акты демонстрации символики
Объективная сторона	Вовлечение новых членов, сбор средств, координация, планирование	Размещение изображений, ношение символики
Субъект	Лицо, осведомленное о запрете деятельности организации	Любое лицо
Последствия	Создание угрозы общественной безопасности	Формирование положительного образа организации

Особого внимания заслуживает разграничение составов с учетом признака неоднократности. Федеральным законом от 30.12.2020 № 525-ФЗ в УК РФ введена ст. 282.4, предусматривающая уголовную ответственность за публичное демонстрирование символики экстремистской организации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ. Таким образом, законодатель установил «ступенчатую» ответственность: первое нарушение влечет административную ответственность, повторное — уголовную [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 52].

Примером применения данной нормы может служить уголовное дело, направленное Мценским межрайонным прокурором в суд в апреле 2025 года. Осужденный, отбывающий наказание в исправительном учреждении, демонстрировал другим осужденным татуировки с символикой, сходной до степени смешения с символикой «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]. Ранее он уже привлекался к административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3 КоАП РФ.

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные сложности, возникающие при выявлении и доказывании признаков приверженности к движению «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ].

Прежде всего, одной из основных сложностей, возникающих в процессе производства по уголовным делам, а также делам об административных правонарушениях, связанных с деятельностью «АУЕ», является оценка символики на предмет сходства до степени смешения [Шиханов, 2021, с. 69].

В рамках психолого-лингвистической экспертизы необходимо установить, позиционирует ли себя владелец страницы в социальных сетях как участник экстремистской группы [Громов, 2025, с. 167]. Однако единых критериев оценки символики «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] не существует [Анциферова, 2026, с. 282]. К символике, ассоциируемой с движением, относят: аббревиатуру «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], «А.У.Е.»; восьмиконечные звезды («воровские звезды»); изображения, сочетающие аббревиатуру с криминальной

атрибутикой (короны, перстни, надписи «вор в законе» и т.п.) [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 53].

Во-вторых, актуальной проблемой правоприменения является доказывание цели совершаемых противоправных деяний. Для квалификации по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ необходимо установить, что лицо совершало действия именно с целью продолжения или возобновления деятельности запрещенной организации. В то же время размещение символики может быть продиктовано иными мотивами: непониманием значения, желанием выглядеть «круто» в глазах сверстников, подражанием [Громов, 2025, с. 189].

Как отмечает Д.В. Громов в своем исследовании, явление «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] стало заметным медийным событием во многом благодаря конструированию «бренда страха перед преступностью» [Громов, 2025, с. 23]. При этом за аббревиатурой не всегда стоит реальная криминальная активность — часто речь идет о подростковом подражании и романтизации тюремной романтики [Громов, 2025, с. 24].

В-третьих, ввиду высокой степени латентности деятельности движения, сложной задачей остается выявление иерархических связей, а также установления факта занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 54]. Материалы правоприменительной практики указывают на острую необходимость производства оперативно-розыскных мероприятий, включая наблюдение, снятие информации с каналов связи, опросы, наведение справок.

Наиболее острая проблема квалификации — разграничение пассивной идеологической приверженности криминальной субкультуре и активного участия в деятельности запрещенной организации [Анциферова, 2026, с. 282]. Приверженность сама по себе находится вне рамок уголовно-правового регулирования, пока она не выражается в конкретных актах поведения, направленных на дестабилизацию общественной безопасности.

Анализ практики привлечения к ответственности участников «АУЕ» в исправительных учреждениях (например, дело 11 заключенных колонии с. Среднебелая Амурской области) показывает, что суды квалифицируют как уголовно наказуемое деяние создание устойчивой группы, навязывание другим заключенным соблюдения «воровских законов», сбор денег в «общак» [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 55]. При этом пассивное следование традициям криминальной субкультуры без активных действий по ее пропаганде и распространению, как правило, не влечет уголовной ответственности [Анциферова, 2026, с. 283].

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования практики выявления и квалификации правонарушений, совершаемых членами движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 56-57].

Прежде всего, актуальным вопросом остается совершенствование нормативной базы, в частности, разработка ведомственных методических рекомендаций по выявлению признаков приверженности движению «АУЕ», [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]включающих: перечень символики, используемой движением; критерии ее оценки; типичные способы коммуникации приверженцев; признаки вовлечения несовершеннолетних [Анциферова, 2026, с. 283].

Помимо прочего, обоснованным представляется унификация подходов к назначению и проведению психолого-лингвистических экспертиз по делам об экстремизме, а также иных преступлений, связанных с «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] [Громов, 2025, с. 234].

Практическую эффективность продемонстрирует и формирование единой судебной практики по вопросам квалификации деяний, связанных с деятельностью «АУЕ» [признано

экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], путем обобщения и опубликования обзоров судебной практики Верховным Судом РФ.

Перспективным направлением для развития механизмов правоприменения представляется и разработка алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов при выявлении фактов пропаганды «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] в сети Интернет, включая порядок фиксации и изъятия цифровых доказательств [Громов, 2025, с. 241].

Вместе с тем, необходимо отметить, что поскольку противодействие преступности является задачей как правоохранительных органов, так и гражданского общества, в связи с чем, актуальными остаются вопросы профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений, связанных с деятельностью движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ].

Среди перспективных профилактических мер следует обозначить проведение разъяснительной работы среди несовершеннолетних и их родителей о противоправном характере деятельности «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] и последствиях участия в нем [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 57].

Ввиду высокой степени распространенности идеологии движения в подростковой среде, обладает актуальностью и организация психологической помощи подросткам, попавшим под влияние криминальной субкультуры, с целью их ресоциализации и отказа от деструктивной идеологии [Громов, 2025, с. 256].

Заключение

Таким образом, движение «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]представляет собой специфический феномен, сочетающий признаки экстремистской организации и криминальной субкультуры [Анциферова, 2026, с. 279]. Отсутствие формального членства, жесткой иерархии и программных документов создает принципиальные трудности для его правовой квалификации в качестве экстремистского сообщества.

Латентность правонарушений, совершаемых членами «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], обусловлена сетевой структурой организации, кодексом молчания, принятым в криминальной среде, а также недостаточностью методического обеспечения деятельности правоприменительных органов по выявлению данного феномена [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 49; Громов, 2025, с. 112].

Ключевой проблемой отграничения составов является разграничение уголовно наказуемого участия в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) и административно наказуемой пропаганды либо демонстрации символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ). Критериями разграничения выступают: направленность умысла, характер и систематичность действий, наличие организационной функции [Альфимов, 2022, с. 142, с. 142].

Введение в УК РФ ст. 282.4, предусматривающей уголовную ответственность за неоднократное публичное демонстрирование символики экстремистской организации, создало «ступенчатую» систему ответственности, позволяющую более гибко реагировать на различные степени общественной опасности деяний.

Перспективными направлениями совершенствования практики противодействия деятельности «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] являются: разработка методических рекомендаций по выявлению признаков движения;

унификация подходов к судебно-экспертной оценке символики; формирование единой судебной практики; активизация профилактической работы среди несовершеннолетних.

Библиография

1. Альфимов Н.Г. Особенности расследования преступлений экстремистской направленности // Наука молодых: вызовы и перспективы: сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции в рамках мероприятий «Дни науки — 2022 год», Великий Новгород, 11–15 апреля 2022 года. Великий Новгород, 2022. С. 142–146.
2. Анциферова Е.В. Актуальные вопросы разграничения идеологической приверженности и участия в деятельности экстремистской организации АУЕ // Молодой учёный. 2026. № 3 (606). С. 279–282.
3. Бочкарёва Е.В. Распространение криминальной антикультуры в молодёжной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 144–150.
4. Громов Д.В. АУЕ: криминализация молодёжи и моральная паника. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 312 с.
5. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Участие в деятельности АУЕ в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 5. С. 45–52.
6. Рябков Н.С., Полякова А.Е. Особенности становления и развития криминальной субкультуры АУЕ // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 122–128.
7. Шаликова Н.И. АУЕ как современная молодёжная криминальная субкультура: постановка проблемы // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 103–109.
8. Шиханов В.Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 69–70.
9. Эпова А.В. АУЕ как современное направление криминальной субкультуры: причины и способы противодействия // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 142–148.

On the Issue of Distinguishing the Elements of Offenses Committed by Members of the Extremist Movement "AUE"

Feliks A. Kuznetsov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Baikal State University,
664003, 11, Lenina str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: fietfel@yandex.ru

Abstract

The article examines theoretical and practical problems of distinguishing the elements of offenses committed by members of the banned extremist movement "AUE" [a banned extremist organization in Russia]. The difficulties of identifying signs of offenders' adherence to this subculture under criminal and administrative elements in conditions of the high latency of the movement are analyzed. The author substantiates the necessity of distinguishing ideological adherence to the criminal subculture from active participation in the activities of an extremist organization. Such necessity is conditioned by a number of objective criteria, including the organizational and legal essence of the extremist movement "AUE" [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation], characterized by the absence of a clear hierarchy, the possession of fundamental features of a youth subculture in the spirit of

postmodernity, the high latency of the unlawful activity of the movement's members, as well as the weak degree of formation of uniform judicial and investigative practice in cases of offenses and crimes related to the activities of the "AUE" movement [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation]. Based on the analysis of law enforcement practice, criteria for differentiating criminal and administrative liability are proposed, as well as ways to improve the methodology for identifying and proving signs of belonging to the "AUE" movement [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation].

For citation

Kuznetsov F.A. (2026) K voprosu otgranicheniya sostavov pravonarusheniy chlenov ekstremistskogo dvizheniya "AUE" [On the Issue of Distinguishing the Elements of Offenses Committed by Members of the Extremist Movement "AUE"]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 585-593. DOI: 10.34670/AR.2026.76.87.060

Keywords

"AUE" [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation], extremist activity, latent crime, distinction of elements of offenses, criminal liability, administrative liability, criminal subculture, qualification of crimes, prevention of offenses, youth subculture.

References

1. Alfimov, N.G. (2022). Osobennosti rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti [Features of the investigation of extremist crimes]. In Nauka molodykh: vyzovy i perspektivy: sbornik materialov Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh meropriyatiy “Dni nauki — 2022 god” (pp. 142–146). Veliky Novgorod.
2. Antsiferova, E.V. (2026) Aktual’nye voprosy razgranicheniya ideologicheskoy priverzhennosti i uchastiya v deyatel’nosti ekstremistskoy organizatsii AUE [Actual issues of distinguishing ideological commitment and participation in the activities of the extremist organization AUE]. Molodoy uchenyy, (3(606)), 279–282.
3. Bochkareva, E.V. (2019). Rasprostranenie kriminal’noy antikul’tury v molodezhnoy srede [The spread of criminal anti-culture among young people]. Aktual’nye problemy rossiyskogo prava, (8), 144–150.
4. Epova, A.V. (2018). AUE kak sovremennoe napravlenie kriminal’noy subkul’tury: prichiny i sposoby protivodeystviya [AUE as a modern trend of criminal subculture: causes and methods of counteraction]. In Problemy protivodeystviya kriminal’noy subkul’ture (pp. 142–148). Moscow: Yurisprudentsiya.
5. Gromov, D.V. (2025). AUE: kriminalizatsiya molodezhi i moral’naya panika [AUE: criminalization of youth and moral panic]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Pleshakov, A.M., & Shkabin, G.S. (2024). Uchastie v deyatel’nosti AUE v uchrezhdeniyakh, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva: problemy kvalifikatsii [Participation in the activities of AUE in institutions providing isolation from society: problems of qualification]. Ugolovnoe pravo, (5), 45–52.
7. Ryabkov, N.S., & Polyakova, A.E. (2018). Osobennosti stanovleniya i razvitiya kriminal’noy subkul’tury AUE [Features of the formation and development of the criminal subculture of AUE]. In Problemy protivodeystviya kriminal’noy subkul’ture (pp. 122–128). Moscow: Yurisprudentsiya.
8. Shalikova, N.I. (2018). AUE kak sovremennaya molodezhnaya kriminal’naya subkul’tura: postanovka problemy [AUE as a modern youth criminal subculture: problem statement]. In Problemy protivodeystviya kriminal’noy subkul’ture (pp. 103–109). Moscow: Yurisprudentsiya.
9. Shikhanov, V.N. (2021). Kriminalizatsiya AUE: podvodnye kamni realizatsii politiko-pravovogo resheniya [Criminalization of AUE: the pitfalls of implementing a political and legal solution]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik, (1(92)), 69–70.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.77.50.061**

Правовые ограничения применения систем поведенческой оценки в пенитенциарной среде в зарубежных странах

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется применение иерархических систем поведенческой оценки (поведенческих уровней) в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран как инструмента управления поведением осуждённых. На основе синтеза данных пенитенциарной социологии, социальной психологии закрытых институтов и теории оперантного обусловливания раскрываются функциональные парадоксы таких систем: трансформация стимулирующей модели в преимущественно негативный контроль, эффект депривации, субъективность оценки и институциональная предвзятость, нерелевантность структуры привилегий для индивидуальных мотивационных профилей. Особое внимание уделяется правовым ограничениям их применения: соответствию систем принципам законности, пропорциональности, правовой определённости и уважения достоинства личности, закреплённым в международных актах (правила Нельсона Манделы) и национальных законодательствах зарубежных государств. Анализируются риски нарушения принципа равенства, отсутствие эффективных механизмов обжалования и проблема дискриминации уязвимых категорий (лиц с нейроотличиями). На основе эмпирических данных о неоднозначной эффективности поведенческих программ обосновывается необходимость перехода от парадигмы контроля через ограничение к парадигме вовлечения через развитие, а также усиления правовых гарантий, судебного контроля и психологической компетентности персонала. Делается вывод, что институциональная среда, сформированная на формально рациональных, но дефектных поведенческих моделях, может выступать не фактором ресоциализации, а закрепления дезадаптивных паттернов, что требует выработки единых международных правовых стандартов оценки таких систем.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Правовые ограничения применения систем поведенческой оценки в пенитенциарной среде в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 594-601. DOI: 10.34670/AR.2026.77.50.061

Ключевые слова

Пенитенциарная среда, поведенческие уровни, иерархические системы оценки, дезадаптация, негативный контроль, субъективизм оценки, принцип пропорциональности, правила Нельсона Манделы, уголовно-исполнительное законодательство, ресоциализация, дискреционные полномочия, судебный контроль, зарубежный опыт, правовые ограничения.

Введение

Феномен пенитенциарного учреждения как социального института на протяжении длительного времени остаётся предметом научного анализа, преимущественно в аспекте социологии девиантного поведения, социальной психологии закрытых групп и криминологии [Clifford, 2019; Hesselink-Louw, 2004]. Эмпирические исследования, составившие основу современной пенитенциарной науки, демонстрируют, что управленческие стратегии и материальные условия содержания выступают не нейтральными или второстепенными факторами, но непосредственными детерминантами социального климата учреждения, предопределяющими частоту и интенсивность деструктивных проявлений [Ross, 2026; Deambrogio, 2025].

Данный вывод приобретает критическое значение для обоснования институциональных преобразований, направленных на пересмотр устоявшихся подходов к организации пенитенциарной среды [Lösel, 2001; Clifford, 2019]. Требуется смещение вектора управленческих воздействий на стратегии, учитывающие психосоциальные потребности индивидов и ориентированные на создание стабильной, предсказуемой и более безопасной атмосферы [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026]. Однако осмысление этого исследовательского наследия требует выхода за рамки простой констатации корреляционных связей и углублённого анализа конкретных управленческих инструментов [Walton, Elliott, 2025].

Одним из наиболее сложных и противоречивых аспектов современной пенитенциарной практики выступает применение иерархических систем поведенческой оценки (поведенческих уровней), призванных стимулировать правопослушное поведение, но в реальной реализации нередко возникают эффекты, прямо противоположные заявленным целям [Ross, 2026; Deambrogio, 2025].

Основная часть

Системы поведенческих уровней, широко распространённые в практике зарубежных пенитенциарных учреждений (особенно в США и Великобритании), представляют собой иерархически выстроенные структуры, в которых объём доступных привилегий и степень режимных ограничений ставятся в прямую зависимость от актуальной поведенческой оценки индивида [Walton, Elliott, 2025; Ross, 2026]. Внешне такая модель выглядит эффективной в своей логической простоте и управленческой целесообразности: соблюдение порядка и участие в реабилитационных программах становятся причиной восходящей траектории с расширением благ и ослаблением ограничений, тогда как отклонения от предписанных норм оперативно становятся причиной понижения статуса с ужесточением условий содержания [Clifford, 2019].

Данная схема апеллирует к фундаментальным принципам бихевиористской психологии, в частности к теории оперантного обусловливания Б. Ф. Скиннера, предполагающей, что

подкрепление желательных паттернов и наказание нежелательных способны эффективно модифицировать поведение в заданном направлении [Lösel, 2001; Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012]. Отдельные количественные оценки эффективности подобных интервенций демонстрируют положительные сдвиги, выражающиеся в снижении частоты агрессивных проявлений и нарушений режимных требований [Walton, Elliott, 2025]. Однако более критический анализ, опирающийся на методологию социологии девиантного поведения и социальной психологии закрытых институтов, позволяет выявить принципиальные ограничения и скрытые дисфункции этой модели [Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012; McMurran, 1994].

Наиболее значимое противоречие обнаруживается в том обстоятельстве, что система, целью которой является формирование механизма позитивного стимулирования, на практике с высокой вероятностью трансформируется в инструмент преимущественно негативного контроля [Deambrogio, 2025]. Эмпирические наблюдения, накопленные в рамках пенитенциарной социологии, свидетельствуют, что в практике исправительных учреждений единственным систематически применяемым инструментом поведенческого регулирования становится изъятие ранее предоставленных привилегий или материальных благ с целью снижения частоты нежелательных действий [Ross, 2026; Albertson, 2026]. Соблюдение режима и демонстрация просоциальных паттернов, напротив, часто остаются без должного позитивного подкрепления [Lösel, 2001].

С позиций теории подкрепления, отсутствие систематического поощрения за желательное поведение может привести к постепенному угасанию этих просоциальных паттернов, поскольку индивид не получает достаточных оснований для их воспроизводства [Lösel, 2001; McMurran, 1994]. Такая асимметрия создаёт демотивирующую институциональную среду, в которой пассивное принятие режимных требований воспринимается не как достижение, достойное вознаграждения, а как статус-кво, не приносящий ощутимых выгод [Clifford, 2019]. В результате подрывается потенциал внутренней мотивации личности к самоизменению, а взаимодействие индивида с институциональной системой редуцируется до стратегии избегания негативных санкций [Deambrogio, 2025].

С правовой точки зрения, такая практика ставит вопрос о соблюдении принципа пропорциональности: применение негативных санкций должно быть соразмерно тяжести нарушения и не должно приводить к неоправданному лишению осуждённого основных благ, гарантированных законом (питание, медицинская помощь, свидания, переписка) [Ross, 2026; Prins, 1995]. В противном случае возникают основания для квалификации таких мер как не соответствующих ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) [Ross, 2026].

Противоречие обретает особую остроту в ситуациях, когда индивид в силу различных обстоятельств оказывается на нижних уровнях иерархической лестницы и лишается всех доступных привилегий [Clifford, 2019]. В этом состоянии, которое может быть охарактеризовано как ситуация депривации, логика поведенческого контроля через систему негативных санкций утрачивает свою эффективность [Hesselink-Louw, 2004]. Индивид, у которого уже изъяты все возможные блага, перестаёт воспринимать угрозу дальнейших санкций как значимый сдерживающий фактор, поскольку его положение не может быть ухудшено в сколько-нибудь существенной степени [Prins, 1995; McMurran, 1994].

Напротив, подобное состояние может порождать ощущение безысходности, отчуждения и фрустрации, при которых отсутствие позитивных стимулов лишь укрепляет привычные

деструктивные способы реагирования на стрессовые обстоятельства [Hesselink-Louw, 2004; Clifford, 2019]. Для личности с продолжительной историей конфликтного взаимодействия с социальным окружением и склонностью к импульсивным или агрессивным реакциям подобная институциональная среда может стать катализатором, усугубляющим дезадаптивные паттерны [McMurran, 1994; Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012]. Таким образом, система, замысленная как инструмент превентивного сдерживания и коррекции, парадоксальным образом создаёт условия, в которых эскалация деструктивных проявлений становится институционально предопределённой, особенно среди категории лиц с наибольшей степенью социально-психологической дезадаптированности [Walton, Elliott, 2025; Lösel, 2001].

Следующий критический аспект связан с неизбежной субъективностью и сопряжённым с ней риском институциональной предвзятости при применении поведенческих уровней на практике [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026]. Принципы объективности, прозрачности и единообразия в оценке поведения вступают в противоречие с тем фундаментальным обстоятельством, что реализация любой системы оценок в закрытом учреждении опирается на дискреционные полномочия и субъективное восприятие сотрудников, непосредственно взаимодействующих с индивидами [Clifford, 2019]. Именно эти сотрудники выступают в роли первичных агентов оценки, интерпретируя поведенческие проявления и принимая решения о применении поощрений или санкций [Albertson, 2026].

Данное субъективное звено вносит в функционирование системы существенный элемент неопределённости и становится потенциальным источником несправедливости, способной подорвать легитимность всего институционального порядка в глазах подчинённого населения [Deambrogio, 2025]. Многочисленные исследования в области организационной психологии и социологии права неоднократно демонстрировали, что восприятие справедливости применяемых процедур и общий моральный климат учреждения являются ключевыми предикторами уровня благополучия индивидов и их готовности к добровольному соблюдению правил [Deambrogio, 2025; Clifford, 2019]. Когда процедурные нормы применяются непоследовательно или воспринимаются как нечувствительные к индивидуальным особенностям, легитимность властных отношений в глазах осуждённых неизбежно разрушается [Albertson, 2026].

Особую остроту проблема субъективной предвзятости приобретает применительно к уязвимым категориям, в частности, к лицам с нейроотличиями (расстройства аутистического спектра, синдром дефицита внимания и гиперактивности, иные когнитивные и эмоциональные особенности развития) [Prins, 1995; McMurran, 1994]. Традиционные критерии оценки поведения ориентированы на внешне наблюдаемые проявления сотрудничества, коммуникативной компетентности, эмоциональной стабильности и готовности к безусловному принятию авторитета [Clifford, 2019]. Между тем, индивиды с нейроотличиями могут испытывать трудности в социальном взаимодействии, демонстрировать нестандартные поведенческие реакции на стресс или авторитарные требования [Hesselink-Louw, 2004].

Отсутствие у персонала специализированных знаний о природе нейроотличий создаёт высокий риск ошибочной интерпретации таких особенностей как актов сознательного неподчинения [Prins, 1995; Albertson, 2026]. Это не только создаёт для указанных лиц несправедливые препятствия в продвижении по поведенческим уровням, но и существенно усугубляет их психологический дистресс и социальную изоляцию [Clifford, 2019]. Такой подход противоречит международным стандартам обращения с заключёнными с особыми потребностями (в частности, Руководящим принципам ООН по вопросам отправления правосудия в отношении детей-инвалидов и лиц с нарушениями развития) [Ross, 2026].

Дополнительным фактором, снижающим эффективность систем поведенческих уровней, выступает нерелевантность структуры привилегий для значительной части индивидов [Hesselink-Louw, 2004; Lösel, 2001]. Принцип, согласно которому доступ к благам служит универсальным мотиватором, оказывается несостоятельным перед лицом индивидуального многообразия потребностей, ценностных ориентаций и жизненных обстоятельств [Clifford, 2019]. Для индивида, у которого отсутствуют семейные связи или который не заинтересован в доступе к досуговым мероприятиям, данные классические привилегии теряют стимулирующую силу, поскольку не затрагивают актуальной мотивационной сферы [Lösel, 2001].

В ситуациях, когда индивид в силу дисциплинарного статуса лишается доступа к образовательным или трудовым программам (которые потенциально могли бы стать для него значимыми), он попадает в ситуацию объективного дефицита возможностей для позитивной поведенческой активности [Walton, Elliott, 2025]. Это приводит к институциональной консервации его положения на низших уровнях [Clifford, 2019]. Отсутствие доступа к деятельностным опциям, открывающим путь к привилегиям, только закрепляет статус дезадаптированного [Hesselink-Louw, 2004]. Таким образом, универсалистский подход к конструированию системы стимулов, игнорирующий принципы индивидуализации, неизбежно порождает «зоны институциональной слепоты», где формально стимулирующая система перестаёт выполнять мотивирующую функцию [McMurran, 1994; Lösel, 2001].

Масштабные исследования эффективности поведенческих программ в закрытых учреждениях дают неоднозначные и зачастую противоречивые результаты [Walton, Elliott, 2025; Lösel, 2001]. Количественный анализ официальных записей о нарушениях и применении дисциплинарных мер часто выявляет отсутствие статистически значимых различий между контрольными группами и группами, прошедшими через структурированные поведенческие программы, а в некоторых случаях фиксируется даже неблагоприятный эффект (рост числа инцидентов после завершения программы) [Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012]. Эти данные, полученные с использованием квазиэкспериментальных дизайнов и дополненные качественными интервью с участниками и персоналом, позволяют предположить, что сама по себе формальная структура не является гарантией позитивного результата и может при определённых условиях оказывать криминогенное воздействие [Walton, Elliott, 2025; McMurran, 1994].

Этот вывод представляет вызов для управленческой практики, поскольку он указывает на то, что благие намерения реформаторов и техническая проработанность процедур не могут компенсировать фундаментальные недостатки поведенческой философии, положенной в основу таких программ [Lösel, 2001]. Эффективность вмешательства определяется не столько его внешней структурой, сколько качеством межличностного взаимодействия, психологической компетентностью персонала и степенью индивидуализации подхода [Clifford, 2019; Deambrogio, 2025]. Успешные примеры применения функционального анализа и поведенческих контрактов для адресной работы с проблемными моделями подтверждают, что ключевым элементом успеха выступает не система внешнего контроля, а установление доверительных отношений и создание условий, в которых индивид обучается альтернативным, социально приемлемым способам удовлетворения потребностей [McMurran, 1994; Hesselink-Louw, 2004].

С правовой точки зрения, внедрение программ, не имеющих подтверждённой эффективности, ставит вопрос об обоснованности вмешательства в права осуждённых [Ross, 2026]. Согласно принципу минимальной достаточности ограничений, любые меры, затрагивающие права и свободы осуждённых, должны быть не только законными, но и целесообразными с точки зрения достижения целей наказания [Prins, 1995]. Отсутствие

доказанной эффективности систем поведенческих уровней может рассматриваться как основание для пересмотра их правовой регламентации и, возможно, для ограничения их применения в пользу более гуманных и научно обоснованных альтернатив [Ross, 2026; Deambrogio, 2025].

В свете вышеизложенного особую значимость приобретает анализ соответствия систем поведенческих уровней современным международно-правовым стандартам [Ross, 2026]. Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными (правила Нельсона Манделы, 2015) закрепляют принцип, согласно которому режим содержания должен быть направлен на ресоциализацию и не должен усугублять страдания, не обусловленные лишением свободы (правило 3) [Ross, 2026]. Правило 25 устанавливает, что дисциплинарные меры должны применяться только в соответствии с законом и не должны включать жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения [Ross, 2026; Prins, 1995]. Системы поведенческих уровней, которые фактически превращаются в инструмент постоянного негативного контроля и субъективной дискреции, могут не соответствовать этим требованиям, особенно в части, касающейся пропорциональности и предсказуемости санкций [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026].

Перспективным направлением видится внедрение механизмов, сочетающих формализованные критерии оценки с элементами индивидуального подхода, а также усиление роли психологической службы и института уполномоченных по правам человека в мониторинге применения поведенческих уровней [Deambrogio, 2025; Clifford, 2019]. Такой подход согласуется с рекомендациями Европейского комитета по предотвращению пыток (CPT), который неоднократно указывал на необходимость прозрачных процедур перевода осуждённых на более строгие условия содержания [Ross, 2026].

Заключение

Критическое осмысление систем поведенческих уровней в контексте фундаментальных положений пенитенциарной науки приводит к необходимости пересмотра философии управления поведением в местах изоляции [Lösel, 2001; Deambrogio, 2025]. Научный анализ требует признания того факта, что модели, основанные на бихевиористских принципах внешнего подкрепления и негативного контроля, будучи перенесёнными в сложную социальную среду закрытого учреждения, подвергаются существенной трансформации и дают непредвиденные, зачастую деструктивные эффекты [Walton, Elliott, 2025; McMurran, 1994].

Иерархические системы оценки поведения чреваты рисками субъективизма и институциональной несправедливости, которые подрывают их легитимность и снижают реальную эффективность как инструментов управления [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026]. Для того чтобы институциональная среда могла стать конструктивным инструментом формирования просоциальных установок, необходим переход от управленческой парадигмы, ориентированной на контроль через ограничение и негативное подкрепление, к парадигме, основанной на вовлечении через развитие и создание значимых перспектив [Clifford, 2019; Lösel, 2001].

Это предполагает смещение акцента на систематическое применение позитивного подкрепления, адаптацию стимулирующих программ к индивидуальным потребностям и мотивационным профилям, а также критическую ревизию критериев оценки «хорошего» поведения [Hesselink-Louw, 2004; McMurran, 1994]. Устойчивая трансформация поведенческих паттернов достигается не столько через внешнее принуждение, сколько через внутреннюю

перестройку ценностно-смысловой сферы личности, которая может быть стимулирована созданием условий для развития самоуважения, ответственности и социально компетентных навыков решения проблем [Deambrogio, 2025; Clifford, 2019].

Библиография

1. Albertson K. Conceptualising service-user engagement in the criminal justice systemas infrastructure: A prison council case study //Criminology & Criminal Justice. – 2026. – С. 17488958261454459.
2. Clifford D. Social Assessment Theory and Practice: A multi-disciplinary framework. – Routledge, 2019.
3. Deambrogio C. Procedural justice and prison legitimacy: Towards a democratic model of inmate participation //Oxford Journal of Legal Studies. – 2025. – Т. 45. – №. 3. – С. 801-820.
4. Dixon L., Archer J., Graham-Kevan N. Perpetrator programmes for partner violence: Are they based on ideology or evidence? //Legal and Criminological Psychology. – 2012. – Т. 17. – №. 2. – С. 196-215.
5. Hesselink-Louw A. M. E. Criminological assessment of prison inmates: A constructive mechanism towards offender rehabilitation. – University of South Africa (South Africa), 2004.
6. Lösel F. Evaluating the effectiveness of correctional programs: Bridging the gap between research and practice //Offender rehabilitation in practice: Implementing and evaluating effective programs. – 2001. – С. 67-92.
7. McMurran M. Assessment of criminal behaviours of clients in secure settings //Psychology, Crime and Law. – 1994. – Т. 1. – №. 2. – С. 187-191.
8. Prins H. 'I've Got a Little List'(Koko: Mikado). But is it Any Use? Comments on the Forensic Aspects of 'Supervision Registers' for the Mentally Ill //Medicine, Science and the Law. – 1995. – Т. 35. – №. 3. – С. 218-224.
9. Ross J. I. Do the Conditions inside the United States Federal Bureau of Prisons Facilities Violate the Nelson Mandela Rules on detention? //The Prison Journal. – 2026. – Т. 106. – №. 3. – С. 292-316.
10. Walton J. S., Elliott I. A. A review of general cognitive-behavioral programs in English and Welsh prisons and probation services: Three decades of quasi-experimental evaluations //American Psychologist. – 2025. – Т. 80. – №. 6. – С. 910.

Legal Restrictions on the Use of Behavioral Assessment Systems in the Penitentiary Environment in Foreign Countries

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article analyzes the use of hierarchical behavioral assessment systems (behavioral levels) in penitentiary institutions of foreign countries as a tool for managing the behavior of convicted persons. Based on the synthesis of data from penitentiary sociology, social psychology of closed institutions, and the theory of operant conditioning, the functional paradoxes of such systems are revealed: the transformation of a stimulating model into predominantly negative control, the deprivation effect, subjectivity of assessment and institutional bias, and the irrelevance of the privilege structure for individual motivational profiles. Particular attention is paid to the legal restrictions on their use: compliance of the systems with the principles of legality, proportionality,

legal certainty, and respect for personal dignity, enshrined in international acts (the Nelson Mandela Rules) and the national legislations of foreign states. The risks of violating the principle of equality, the absence of effective appeal mechanisms, and the problem of discrimination against vulnerable categories (persons with neurodivergence) are analyzed. Based on empirical data on the ambiguous effectiveness of behavioral programs, the necessity of transitioning from the paradigm of control through restriction to the paradigm of engagement through development, as well as strengthening legal guarantees, judicial control, and the psychological competence of staff, is substantiated. It is concluded that an institutional environment formed on formally rational but defective behavioral models may act not as a factor of resocialization but as a factor of consolidating maladaptive patterns, which requires the development of unified international legal standards for assessing such systems.

For citation

Novikov A.V. (2026) Pravovye ogranicheniya primeneniya sistem povedencheskoy otsenki v penitentsiarnoy srede v zarubezhnykh stranakh [Legal Restrictions on the Use of Behavioral Assessment Systems in the Penitentiary Environment in Foreign Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 594-601. DOI: 10.34670/AR.2026.77.50.061

Keywords

Penitentiary environment, behavioral levels, hierarchical assessment systems, maladaptation, negative control, subjectivism of assessment, principle of proportionality, Nelson Mandela Rules, penal enforcement legislation, resocialization, discretionary powers, judicial control, foreign experience, legal restrictions.

References

1. Albertson K. (2026) Conceptualising service-user engagement in the criminal justice system as infrastructure: A prison council case study. *Criminology & Criminal Justice*, 17488958261454459.
2. Clifford D. (2019). *Social Assessment Theory and Practice: A Multi-disciplinary Framework*. Routledge.
3. Deambrogio C. (2025). Procedural justice and prison legitimacy: Towards a democratic model of inmate participation. *Oxford Journal of Legal Studies*, 45(3), 801-820.
4. Dixon L., Archer J., Graham-Kevan N. (2012). Perpetrator programmes for partner violence: Are they based on ideology or evidence? *Legal and Criminological Psychology*, 17(2), 196-215.
5. Hesselink-Louw A.M.E. (2004). *Criminological Assessment of Prison Inmates: A Constructive Mechanism towards Offender Rehabilitation*. University of South Africa.
6. Lösel F. (2001). Evaluating the effectiveness of correctional programs: Bridging the gap between research and practice. In *Offender Rehabilitation in Practice: Implementing and Evaluating Effective Programs* (pp. 67-92).
7. McMurran M. (1994). Assessment of criminal behaviours of clients in secure settings. *Psychology, Crime and Law*, 1(2), 187-191.
8. Prins H. (1995). 'I've Got a Little List' (Koko: Mikado). But is it Any Use? Comments on the Forensic Aspects of 'Supervision Registers' for the Mentally Ill. *Medicine, Science and the Law*, 35(3), 218-224.
9. Ross J.I. (2026) Do the Conditions inside the United States Federal Bureau of Prisons Facilities Violate the Nelson Mandela Rules on Detention? *The Prison Journal*, 106(3), 292-316.
10. Walton J.S., Elliott I.A. (2025). A review of general cognitive-behavioral programs in English and Welsh prisons and probation services: Three decades of quasi-experimental evaluations. *American Psychologist*, 80(6), 910.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.99.20.062**

Эволюция института пенитенциарной системы США 2010-2025 годы: аспекты трансформации парадигмы оценки эффективности

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье предпринят комплексный анализ эволюции пенитенциарной системы Соединенных Штатов в период с 2010 по 2025 год. В работе критически пересматривается традиционная парадигма оценки эффективности исправительных институтов через призму бинарных показателей рецидива, предлагая сместить фокус на многомерные индексы успешной реинтеграции (трудоустройство, жилье, психическое здоровье и социальная идентичность). На основе данных Бюро статистики юстиции (BJS) и отчетов исследовательских центров (Vera Institute of Justice) показано, что нисходящий тренд численности спецконтингента, зафиксированный в 2014 году, оказался неустойчивым. Эффект временного сокращения в период пандемии COVID-19 сменился возобновлением роста и усилением региональной дивергенции: на фоне успешных примеров декарцерации в одних штатах (Мичиган) в других наблюдается стремительное увеличение тюремного населения вследствие принятия жестких законодательных актов (Теннесси). Особое внимание уделяется структурным диспропорциям, сохранившимся с 2014 года: расовому неравенству, феномену ускоренного старения контингента и высокому уровню досудебного заключения, что превращает систему в механизм воспроизводства социального неравенства. В статье анализируется ограниченное влияние федерального реформаторского законодательства (First Step Act) в условиях институциональной раздробленности, кадрового кризиса и бюрократической инерции. С применением долгосрочного прогностического подхода (STEEP) авторы обосновывают необходимость переосмысления философии наказания и перехода к междисциплинарному анализу для адаптации системы к демографическим, технологическим и климатическим изменениям, прогнозируемым к 2040 году.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Эволюция института пенитенциарной системы США 2010-2025 годы: аспекты трансформации парадигмы оценки эффективности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 611-612. DOI: 10.34670/AR.2026.99.20.062

Ключевые слова

Пенитенциарная система США, декарцерация, структурная фрагментация, рецидивизм, реинтеграция, расовое неравенство, старение тюремного населения, досудебное заключение, First Step Act, институциональная инерция, кадровый кризис, уголовная политика штатов, социальная справедливость, реформа уголовного правосудия, методология STEEP.

Введение

Анализ эволюции пенитенциарной системы Соединённых Штатов требует методологического переосмысления критериев, по которым оценивается эффективность исправительных институтов [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Традиционная парадигма, акцентирующая внимание на бинарных показателях рецидива, где, согласно отчётам Бюро статистики юстиции (BJS), пятилетний интервал демонстрирует вариативность от 72% повторных арестов до 47% повторного лишения свободы, оказывается недостаточной для отражения сложной, многофакторной и зачастую ступенчатой траектории отказа от противоправного поведения [Kaeble et al., 2018; U.S. GAO, 2026]. Данный процесс включает в себя не только юридический, но и социальный и психологический аспекты, такие как стабильное трудоустройство, обретение жилья, восстановление психического здоровья и трансформацию самоидентичности, что выводит исследовательскую повестку за рамки упрощённой дихотомии успеха или провала [Mott, Solomon, 2025; King et al., 2025]. Современная академическая мысль предлагает сместить фокус с констатации неудач на многомерную оценку реинтеграции, что особенно актуально в свете высокого уровня психических расстройств среди лиц, попадающих в исправительные учреждения (около 44% ежегодно), и позволяет трансформировать представление об эффективности реабилитационных программ [Vera Institute of Justice, 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025]. Перспективный анализ долгосрочных сценариев развития системы, осуществляемый с применением методологии STEEP (Social, Technological, Economic, Environmental, Political), прогнозирует к 2040 году изменения, обусловленные старением населения, урбанизацией, автоматизацией и климатической миграцией, что требует выхода за пределы традиционной криминологии и формирования междисциплинарного подхода для оценки устойчивости текущих реформаторских усилий [Vera Institute of Justice, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026].

Основная часть

Исторический рубеж, зафиксированный в отчёте BJS «Correctional Populations in the United States, 2014», ознаменовал собой переход от десятилетий неуклонного роста к фазе сокращения, которая, однако, с самого начала несла в себе признаки внутренней противоречивости [Kaeble et al., 2018]. На конец 2014 года под надзором взрослых исправительных систем находилось приблизительно 6,85 миллиона человек, что означало, что каждый тридцать шестой взрослый житель страны пребывал в той или иной форме взаимодействия с системой уголовной юстиции, при этом данный показатель являлся самым низким с 1996 года [Kaeble et al., 2018; Vera Institute of Justice, 2025]. Снижение общей численности на 52 200 человек по сравнению с 2013 годом продолжило тренд, начавшийся в 2007 году, когда под давлением финансового бремени и растущего осознания неэффективности политики войны с преступностью тридцать один штат

инициировал законодательные реформы в рамках Инициативы по реинвестированию в правосудие [Kaeble et al., 2018; Brazeal, 2025]. Тем не менее, уже тогда отчёт фиксировал зарождающуюся дивергенцию: сокращение происходило исключительно за счёт контингента, находящегося под надзором в обществе, в то время как число лиц, содержащихся в изоляторах и исправительных учреждениях закрытого типа, незначительно увеличилось, что указывало на разнонаправленные векторы внутри единой системы и предвещало будущие структурные конфликты [Kaeble et al., 2018; Walton, Lobao, Dube, 2026].

Пандемия COVID-19 выступила в роли экзогенного шока, который кардинально изменил траекторию развития пенитенциарной инфраструктуры и временно усилил декарцерационные тенденции, однако этот эффект оказался непродолжительным [Vera Institute of Justice, 2025]. Экстренные меры, предпринятые федеральными властями и властями штатов для предотвращения распространения инфекции в местах принудительной изоляции, привели к беспрецедентному сокращению контингента в 2020–2021 годах, когда совокупное число содержащихся под стражей уменьшилось примерно на 250 000 человек по сравнению с допандемийным периодом [Vera Institute of Justice, 2025; U.S. DOJ OIG, 2023]. Несмотря на значительность, этот спад, как показывают данные за 2023–2024 годы, оказался временным и не привёл к структурной перестройке системы [Vera Institute of Justice, 2025]. Отчёты Vera Institute of Justice и BJS за 2023–2025 годы свидетельствуют о возобновлении роста: число содержащихся в учреждениях штатов и федеральной системы выросло на два процента в период с осени 2022 по весну 2024 года, а общая численность пенитенциарного контингента на конец 2023 года составила 1 254 200 человек, что на 24 100 человек больше, чем в 2022 году [Vera Institute of Justice, 2025; U.S. GAO, 2026]. Данная динамика демонстрирует, что эффект пандемии исчерпал себя, и система возвращается к прежним трендам, обусловленным прежде всего политическими решениями и криминологической ситуацией на уровне отдельных штатов [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026].

Наиболее характерно это возвращение к прежним паттернам проявляется в усиливающейся региональной дивергенции, которая была лишь намечена в отчёте 2014 года и стала доминирующей характеристикой современного этапа [Walton, Lobao, Dube, 2026; Brazeal, 2025]. В то время как одни субъекты федерации демонстрируют значительный прогресс в сокращении численности спецконтингента, другие, напротив, переживают его стремительный рост, обусловленный принятием более жёстких законодательных актов [Walton, Lobao, Dube, 2026]. Показательным примером успешной декарцерации является Мичиган, где число лиц, лишённых свободы, на конец 2024 года составило 32 778 человек, что на 36 процентов ниже пикового значения 2007 года, а уровень рецидивизма достиг 22,7 процента, являясь вторым самым низким показателем в истории штата [Vera Institute of Justice, 2025; U.S. GAO, 2026]. Успех Мичигана связывается с внедрением программ профессионального обучения и высшего образования в исправительных учреждениях, а также с пересмотром практик условно-досрочного освобождения [Brown, Noss, Javdani, 2025; King et al., 2025]. Эта положительная динамика контрастирует с ситуацией в таких штатах, как Теннесси, Арканзас, Монтана и Висконсин, где наблюдается устойчивый рост числа содержащихся под стражей [Walton, Lobao, Dube, 2026; Brazeal, 2025]. В Теннесси пенитенциарное население увеличилось на восемь процентов в 2022 году и продолжило расти в 2023–2024 годах, что эксперты напрямую связывают с вступлением в силу закона «truth in sentencing», требующего отбывания 100 процентов срока для ряда тяжких деяний, что лишает осуждённых возможности досрочного освобождения за хорошее поведение [Walton, Lobao, Dube, 2026; Vera Institute of Justice, 2025].

На фоне этой региональной фрагментации важнейшим фактором, продолжающим оказывать системное влияние на федеральную пенитенциарную систему, остаётся принятый в

2018 году Закон First Step Act, который представляет собой наиболее значимую реформу за последние десятилетия, хотя его воздействие ограничено юрисдикцией центрального правительства [U.S. DOJ OIG, 2023; U.S. GAO, 2026]. Отчёты Бюро статистики юстиции, выпускаемые в рамках имплементации этого закона, в частности «Federal Prisoner Statistics Collected Under the First Step Act, 2024», свидетельствуют о планомерной работе по внедрению программ реинтеграции и расширению кредитов за хорошее поведение [U.S. DOJ OIG, 2023]. Закон предусматривает не только сбор детализированных данных о демографическом составе осуждённых, их образовательном уровне, медицинских показателях и участии в лечебных программах, но и мониторинг случаев агрессии в отношении персонала и нарушений правил, ведущих к сокращению льгот на досрочное освобождение [U.S. DOJ OIG, 2023; U.S. GAO, 2026]. Эта институционализация сбора данных создаёт эмпирическую базу для оценки эффективности реформ, однако её влияние пока ограничено федеральной системой, которая, хотя и является значимой, составляет лишь часть общего контингента страны [U.S. GAO, 2026]. В штатах, где отсутствуют аналогичные законодательные инициативы, наблюдается противоположная тенденция, что подтверждается строительством новых учреждений даже при снижении численности спецконтингента в некоторых регионах, что подчёркивает институциональную раздробленность американской исправительной модели [Walton, Lobao, Dube, 2026; Brazeal, 2025].

Помимо региональной и институциональной дифференциации, современный период характеризуется структурными сдвигами в демографическом составе спецконтингента, которые с очевидностью свидетельствуют о сохранении и даже усилении диспропорций, ранее зафиксированных в 2014 году, что превращает систему в механизм воспроизводства социального неравенства [Vera Institute of Justice, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Одновременно с этим исправительная система сталкивается с феноменом ускоренного старения контингента, что является прямым следствием политики длительных сроков, практиковавшейся в эпоху войны с наркотиками и законов «трёх ошибок» [Vera Institute of Justice, 2025]. В период с 2020 по 2023 год общее число взрослых в местных изоляторах увеличилось на 21%, тогда как возрастная группа 65 лет и старше выросла непропорционально высокими темпами — на 78 процентов [Vera Institute of Justice, 2025]. Общее число лиц старше 55 лет, содержащихся в учреждениях закрытого типа, достигло в 2022 году 254 900 человек, что делает данный сегмент наиболее быстрорастущим в системе [Vera Institute of Justice, 2025; U.S. GAO, 2026]. Эксперты Vera Institute связывают это явление с длительным эффектом законов, принятых в 1970–90-х годах, которые сделали возможным нахождение в заключении до самой смерти для многих осуждённых, указывая на низкую общественную пользу от содержания пожилых людей под стражей, поскольку статистика свидетельствует о крайне низком уровне рецидива среди них [Vera Institute of Justice, 2025]. Сохранение высокого уровня предварительного заключения, когда почти 70 процентов из примерно 660 000 человек в местных изоляторах ожидают суда, часто из-за невозможности внести залог, ставит под сомнение гуманитарную обоснованность текущей модели [Vera Institute of Justice, 2025; Dwyer Emory, 2026].

В этом контексте приобретает особую значимость исследование институциональных барьеров на пути реформ, в частности кадрового кризиса в исправительных учреждениях, который напрямую влияет на атмосферу в местах лишения свободы и качество программ ресоциализации [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Условия работы персонала, характеризующиеся высоким уровнем стресса, профессионального выгорания и текучести кадров, особенно в сфере социальной работы и управления случаями, могут снижать эффективность законодательных инициатив, так как именно служащие являются ключевым проводником изменений на местах [Brazeal, 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025]. Недостаток

квалифицированных сотрудников приводит к тому, что даже при наличии прогрессивных законов их имплементация сталкивается с непреодолимыми препятствиями, поскольку реабилитационные программы требуют индивидуального подхода и длительного сопровождения, что невозможно в условиях хронической нехватки ресурсов и перегруженности учреждений [King et al., 2025; U.S. DOJ OIG, 2023]. Данный кадровый дефицит усугубляется демографическими изменениями внутри самого персонала, старением рабочей силы и отсутствием привлекательных условий труда [Brazeal, 2025].

Современная академическая дискуссия о путях реформирования пенитенциарной системы всё чаще обращается к концепции «декарцерации» как альтернативе традиционной парадигме, основанной на изоляции и принуждении [Brown, Noss, Javdani, 2025; Mott, Solomon, 2025]. Однако, как показывает анализ, декарцерация не является единообразным процессом и не сводится исключительно к сокращению численности спецконтингента [Brown, Noss, Javdani, 2025]. Напротив, она представляет собой комплексное явление, включающее пересмотр судебных практик, расширение программ альтернативного надзора, инвестиции в реабилитационную инфраструктуру и трансформацию общественного восприятия лиц, совершивших правонарушения [Mott, Solomon, 2025; King et al., 2025]. В этом контексте практика некоторых штатов, демонстрирующих устойчивое снижение числа содержащихся под стражей, может служить моделями для других юрисдикций, однако их имплементация требует учёта местных социально-экономических и политических условий, что осложняет унификацию подходов на национальном уровне [Vera Institute of Justice, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Институциональная раздробленность, при которой каждый штат обладает широкой автономией в определении уголовной политики, приводит к тому, что федеральные инициативы, такие как First Step Act, не могут обеспечить системных изменений в масштабах всей страны [U.S. GAO, 2026; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Таким образом, успех декарцерационных усилий оказывается зависимым не столько от федеральных законодательных актов, сколько от готовности региональных властей к проведению реформ и от наличия у них необходимых ресурсов [Brazeal, 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025].

Одним из наиболее сложных аспектов реформирования пенитенциарной системы является преодоление институциональной инерции, укоренённой как в законодательных нормах, так и в профессиональной культуре сотрудников исправительных учреждений [Brazeal, 2025; U.S. DOJ OIG, 2023]. Многие реформы, направленные на гуманизацию условий содержания и расширение реабилитационных программ, сталкиваются с сопротивлением со стороны бюрократических структур, заинтересованных в сохранении существующего порядка вещей [Brazeal, 2025]. Данная инерция особенно заметна в контексте финансирования: даже в периоды общего сокращения численности спецконтингента бюджеты на содержание учреждений закрытого типа сокращаются медленнее, чем следовало бы ожидать, что свидетельствует о наличии экономических и политических интересов, препятствующих перераспределению ресурсов в пользу программ альтернативного надзора и реинтеграции [Walton, Lobao, Dube, 2026; Brazeal, 2025]. Более того, строительство новых учреждений в ряде регионов при одновременном снижении численности содержащихся под стражей в других регионах указывает на то, что система реагирует не столько на реальные криминологические потребности, сколько на политические сигналы и интересы индустрии, что делает реформы особенно уязвимыми для популистских воздействий [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026].

Длительная практика применения длительных сроков лишения свободы, особенно в рамках политики войны с наркотиками, привела к тому, что значительная часть современного контингента исправительных учреждений составляют лица, совершившие правонарушения десятилетия назад и не представляющие общественной опасности в силу возраста и состояния

здоровья [Vera Institute of Justice, 2025; U.S. GAO, 2026]. Проблема старения спецконтингента выходит далеко за рамки гуманитарных соображений и имеет значительные экономические последствия, поскольку содержание пожилых лиц требует значительно больших расходов на медицинское обслуживание, включая дорогостоящую терапию хронических заболеваний и паллиативную помощь [Vera Institute of Justice, 2025]. При крайне низком уровне рецидивизма среди данной возрастной группы экономическая нецелесообразность их содержания под стражей становится очевидной, однако политика досрочного освобождения для пожилых осуждённых остаётся крайне ограниченной во многих юрисдикциях [U.S. GAO, 2026; Vera Institute of Justice, 2025].

Ещё одним ключевым аспектом современного этапа эволюции пенитенциарной системы является взаимосвязь между содержанием под стражей до суда и конечными судебными решениями [Dwyer Emory, 2026; Vera Institute of Justice, 2025]. Высокий уровень предварительного заключения, обусловленный невозможностью внесения залога, создаёт ситуацию, в которой социально-экономический статус обвиняемого становится определяющим фактором его нахождения под стражей, независимо от тяжести инкриминируемого деяния [Dwyer Emory, 2026]. Данная практика не только усиливает социальное неравенство, но и оказывает негативное влияние на исходы судебных процессов, поскольку лица, содержащиеся под стражей до суда, чаще соглашаются на сделки с обвинением и реже добиваются оправдательных приговоров [Dwyer Emory, 2026; Vera Institute of Justice, 2025].

В свете этих системных проблем особую актуальность приобретают исследования, анализирующие эффективность реабилитационных программ, реализуемых в исправительных учреждениях [King et al., 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025]. Традиционный подход к оценке таких программ, основанный на бинарном показателе рецидива, подвергается критике за упрощение, поскольку он не учитывает ни сложности процессов отказа от противоправного поведения, ни качественных изменений в жизни бывших осуждённых [Mott, Solomon, 2025; U.S. GAO, 2026]. Современная методология предлагает использовать многомерные индексы, включающие показатели трудоустройства, стабильности жилья, состояния психического здоровья и социальной интеграции, что позволяет получить более полную картину эффективности реабилитационных усилий [Mott, Solomon, 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025].

Старение населения в целом, урбанизация и связанные с ней изменения в структуре преступности, автоматизация, ведущая к трансформации рынка труда, а также климатическая миграция — все эти факторы будут оказывать влияние на состав контингента исправительных учреждений и на потребности в реинтеграционных программах [Vera Institute of Justice, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. В частности, старение населения может привести к дальнейшему росту числа пожилых лиц, содержащихся под стражей, если не будут пересмотрены практики назначения наказаний и досрочного освобождения [Vera Institute of Justice, 2025]. Автоматизация, сокращающая число рабочих мест, требующих низкой квалификации, может затруднить трудоустройство бывших осуждённых и тем самым увеличить риск рецидивизма [Mott, Solomon, 2025; U.S. GAO, 2026]. Климатическая миграция может изменить региональное распределение населения и, соответственно, криминологическую ситуацию в различных штатах, требуя пересмотра ресурсного обеспечения исправительных учреждений [Walton, Lobao, Dube, 2026]. Все эти факторы указывают на необходимость выхода за пределы традиционной криминологии и формирования междисциплинарного подхода к анализу пенитенциарной системы, учитывающего социальные, экономические и технологические изменения в долгосрочной перспективе [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026].

Необходимо также отметить, что международный контекст и сравнительные исследования пенитенциарных систем оказывают всё большее влияние на дискуссии о реформах в

Соединённых Штатах [U.S. GAO, 2026; Brazeal, 2025]. Опыт европейских стран, характеризующихся значительно более низкими показателями содержания под стражей и более высокими инвестициями в реабилитацию, часто приводится в качестве ориентира для реформирования американской системы [U.S. GAO, 2026]. Однако прямой перенос институциональных моделей без учёта культурных, политических и правовых особенностей Соединённых Штатов оказывается затруднительным, что требует выработки адаптированных подходов, учитывающих специфику американской системы управления и правовой традиции [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. В частности, федеративное устройство, подразумевающее широкую автономию штатов в уголовной политике, создаёт дополнительные сложности для имплементации единообразных реформ, что делает сравнительный анализ особенно ценным для выявления лучших практик и их адаптации к местным условиям [Walton, Lobao, Dube, 2026; Brazeal, 2025].

Значительный прогресс, достигнутый в некоторых штатах, демонстрирует, что системные изменения возможны даже в условиях сохраняющихся структурных ограничений [Vera Institute of Justice, 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025]. Опыт Мичигана, где удалось существенно сократить численность спецконтингента при одновременном снижении уровня рецидивизма, свидетельствует о том, что сочетание пересмотра практик условно-досрочного освобождения, инвестиций в образование и профессиональное обучение, а также изменение судебных практик назначения наказаний может привести к устойчивым позитивным результатам [Brown, Noss, Javdani, 2025; King et al., 2025]. Этот успех контрастирует с тенденциями в других штатах, но даёт основания для оптимизма и указывает на направление, в котором следует развивать реформаторские усилия [Vera Institute of Justice, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Однако даже в наиболее успешных юрисдикциях сохраняются проблемы, связанные с расовым неравенством, высоким уровнем предварительного заключения и кадровым кризисом, что свидетельствует о необходимости продолжения системных преобразований [Vera Institute of Justice, 2025; Dwyer Emory, 2026].

Заключение

Критическая рефлексия над эволюцией пенитенциарной системы Соединённых Штатов от рубежного 2014 года к современности позволяет утверждать, что данный процесс представляет собой не линейное движение к декарцерации [Kaeble et al., 2018; Vera Institute of Justice, 2025]. Нисходящий тренд, зафиксированный более десяти лет назад, не только не увенчался устойчивым сокращением, но и сменился этапом реверсивной динамики, характеризующейся региональной дифференциацией и возобновлением роста, что демонстрирует ограниченность федеральных инициатив перед лицом суверенной политики штатов [Vera Institute of Justice, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Пандемия COVID-19, выступив в роли катализатора временного сокращения, обнажила хрупкость достигнутых успехов, которые оказались неспособны противостоять возвращению существующим практикам в ряде юрисдикций, где возобладали популистские лозунги, приводящие к увеличению сроков и росту числа содержащихся под стражей, как это демонстрирует пример Теннесси [Vera Institute of Justice, 2025; Brazeal, 2025]. Прогрессивные реформы, такие как First Step Act, продолжают оказывать влияние на федеральную систему, но их эффект нивелируется разнонаправленной политикой на уровне субъектов федерации, а также глубокими структурными диспропорциями [U.S. DOJ OIG, 2023; U.S. GAO, 2026].

Современная исследовательская повестка, смещающая фокус с бинарного показателя рецидива на многомерную оценку успешной реинтеграции, а также анализ долгосрочных

макроэкономических и социальных сдвигов, указывают на необходимость выхода за рамки традиционной криминологии и применения междисциплинарного подхода для оценки адаптивности реформаторских усилий в долгосрочной перспективе [Mott, Solomon, 2025; Brown, Noss, Javdani, 2025]. Институциональная раздробленность, кадровый кризис и глубокие структурные диспропорции создают комплекс препятствий, преодоление которых требует не только законодательных изменений, но и трансформации профессиональной культуры, пересмотра приоритетов финансирования и изменения общественного восприятия лиц, совершивших правонарушения [Brazeal, 2025; Walton, Lobao, Dube, 2026]. Успешные примеры отдельных штатов демонстрируют, что системные преобразования возможны, однако их масштабирование требует учёта местных условий и координации усилий на различных уровнях управления [Vera Institute of Justice, 2025; U.S. GAO, 2026].

Библиография

1. Brazeal G. Rural Mass Incarceration and the Politics of Punitiveness //Md. L. Rev. – 2025. – Т. 85. – С. 642.
2. Brown D., Noss K., Javdani S. Introduction to special issue: Abolitionist praxis and education across prison walls //VUE (Voices in Urban Education). – 2025. – Т. 53. – №. 1.
3. Dwyer Emory A. Navigating the Situation: Family Experiences of Jail Incarceration in Rural America //Social Problems. 2026. – Т. 73. – №. 2. – С. 646-662.
4. Kaeble D. et al. Correctional populations in the United States, 2016 //Bureau of Justice Statistics. – 2018. – С. 1-14.
5. King S. et al. Themes from currently incarcerated individuals about how to close the school-to-prison pipeline //The Prison Journal. – 2025. – Т. 105. – №. 1. – С. 84-108.
6. Mott C., Solomon L. H. Undoing harm: The communicative content of action-oriented and person-oriented punishment // Journal of Experimental Social Psychology. – 2025. – Т. 119. – С. 104749.
7. Tadros E., Fahmy C., Ramadan A. The relationship between incarcerated fathers and their children: Perceptions of fatherhood attitudes and parenting skills //The Family Journal. – 2026. – С. 10664807251411456.
8. U.S. Department of Justice, Office of the Inspector General. Review of the Federal Bureau of Prisons' Implementation of the First Step Act / DOJ OIG. — Washington, D.C. : DOJ, 2023. — (Report No. 23-085).
9. U.S. Government Accountability Office. Federal Prisons: Improvements Needed to the System Used to Assess and Mitigate Incarcerated People's Recidivism Risk / U.S. GAO. — Washington, D.C. : GAO, 2026. — (GAO-26-107268).
10. Vera Institute of Justice. Incarceration Trends Dataset / Vera Institute of Justice. — New York : Vera Institute of Justice, 2025. — Version 3.1.
11. Walton S., Lobao L., Dube M. Jail incarceration across the US: The role of the local state and place-based punishment vulnerability //Punishment & Society. – 2026. – Т. 28. – №. 2. – С. 409-429.

Evolution of the Institution of the US Penitentiary System, 2010–2025: Aspects of the Transformation of the Paradigm for Assessing Effectiveness

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article undertakes a comprehensive analysis of the evolution of the penitentiary system of the United States in the period from 2010 to 2025. The work critically revisits the traditional paradigm for assessing the effectiveness of correctional institutions through the prism of binary recidivism indicators, proposing to shift the focus to multidimensional indices of successful reintegration (employment, housing, mental health, and social identity). Based on data from the Bureau of Justice Statistics (BJS) and reports of research centers (Vera Institute of Justice), it is shown that the downward trend in the size of the inmate population, recorded in 2014, proved to be unstable. The effect of the temporary reduction during the COVID-19 pandemic was replaced by a resumption of growth and increased regional divergence: against the background of successful examples of decarceration in some states (Michigan), in others there is a rapid increase in the prison population due to the adoption of harsh legislative acts (Tennessee). Particular attention is paid to the structural disproportions that have persisted since 2014: racial inequality, the phenomenon of accelerated aging of the contingent, and the high level of pretrial detention, which turns the system into a mechanism for reproducing social inequality. The article analyzes the limited influence of federal reform legislation (the First Step Act) in the context of institutional fragmentation, a personnel crisis, and bureaucratic inertia. Using a long-term forecasting approach (STEEP), the authors substantiate the necessity of rethinking the philosophy of punishment and transitioning to interdisciplinary analysis in order to adapt the system to the demographic, technological, and climatic changes projected by 2040.

For citation

Novikov A.V. (2026) Evolyutsiya instituta penitentsiarnoy sistemy SShA 2010–2025 gody: aspekty transformatsii paradigmy otsenki effektivnosti [Evolution of the Institution of the US Penitentiary System, 2010–2025: Aspects of the Transformation of the Paradigm for Assessing Effectiveness]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 611-612. DOI: 10.34670/AR.2026.99.20.062

Keywords

US penitentiary system, decarceration, structural fragmentation, recidivism, reintegration, racial inequality, aging of the prison population, pretrial detention, First Step Act, institutional inertia, personnel crisis, state criminal policy, social justice, criminal justice reform, STEEP methodology.

References

1. Brazeal G. (2025). Rural Mass Incarceration and the Politics of Punitiveness. *Maryland Law Review*, 85, 642.
2. Brown D., Noss K., Javdani S. (2025). Introduction to special issue: Abolitionist praxis and education across prison walls. *VUE (Voices in Urban Education)*, 53(1).
3. Dwyer Emory A. (2026) Navigating the Situation: Family Experiences of Jail Incarceration in Rural America. *Social Problems*, 73(2), 646-662.
4. Kaeble D. et al. (2018). Correctional populations in the United States, 2016. *Bureau of Justice Statistics*, 1-14.
5. King S. et al. (2025). Themes from currently incarcerated individuals about how to close the school-to-prison pipeline. *The Prison Journal*, 105(1), 84-108.
6. Mott C., Solomon L.H. (2025). Undoing harm: The communicative content of action-oriented and person-oriented punishment. *Journal of Experimental Social Psychology*, 119, 104749.
7. Tadros E., Fahmy C., Ramadan A. (2026) The relationship between incarcerated fathers and their children: Perceptions of fatherhood attitudes and parenting skills. *The Family Journal*, 10664807251411456.
8. U.S. Department of Justice, Office of the Inspector General. (2023). *Review of the Federal Bureau of Prisons' Implementation of the First Step Act* (Report No. 23-085). DOJ.

9. U.S. Government Accountability Office. (2026) *Federal Prisons: Improvements Needed to the System Used to Assess and Mitigate Incarcerated People's Recidivism Risk* (GAO-26-107268). GAO.
10. Vera Institute of Justice. (2025). *Incarceration Trends Dataset* (Version 3.1). Vera Institute of Justice.
11. Walton S., Lobao L., Dube M. (2026) Jail incarceration across the US: The role of the local state and place-based punishment vulnerability. *Punishment & Society*, 28(2), 409-429.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063**

О социально-демографической характеристики осужденных, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы: сравнительный анализ

Лебешев Иван Сергеевич

Начальник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности УИС,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Шульц Евгений Вячеславович

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Проблема рецидивной преступности остается одной из наиболее острых в современной российской криминологии и уголовно-исполнительной практике. Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на гуманизацию уголовной политики, модернизацию пенитенциарной системы и развитие альтернативных лишению свободы видов наказаний, статистика свидетельствует о том, что определенная часть лиц, однажды отбывших наказание в местах лишения свободы, вновь совершает преступления и возвращается в исправительные учреждения. В представленном материале рассматриваются ключевые параметры личности повторно осужденных: возрастная структура, образовательный уровень, семейное положение, трудовая занятость до осуждения, наличие судимостей и динамика изменений этих показателей в сравнении с данными прошлых лет. Характеристика лиц, повторно отбывающих лишение свободы, содержит обобщенные сведения о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристиках 5514 осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях УИС (аналогичный период прошлого года (далее – АППГ) – около 4500 осужденных) и проанкетированных в текущем году. На основе статистических материалов выявляются устойчивые тенденции, характерные для данной категории лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Лебешев И.С., Шульц Е.В., Слабкая Д.Н. О социально-демографической характеристике осуждённых, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 612-624. DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063

Ключевые слова

Преступность, уголовно-исполнительная система, личность рецидивиста, лишения свободы, социально-демографическая характеристика, осужденные.

Введение

Основу настоящего исследования составляет сравнительный анализ характеристик личности осужденных в динамике относительно АППГ. Сопоставление показателей текущего и предшествующего периодов позволяет выявить устойчивые тенденции, фиксировать значимые изменения в структуре исследуемого спецконтингента.

В тех случаях, когда сравнение с АППГ в тексте отсутствует, это свидетельствует не об упущении, а о том, что соответствующая характеристика вводится в научный оборот данного исследования впервые, и ее анализ носит базовый, описательный характер, формируя точку отсчета для последующих сравнительных измерений.

Социально-демографическая характеристика осужденного представляет собой эмпирическую информацию о социальном статусе личности и о многих социальных ролях, которые определяют преступника как объекта и субъекта общественных отношений.

В рамках настоящего исследования, основу которого составляют результаты мониторинга повторной преступности за 2025 год, произведен анализ тех же характеристик, что и в рамках мониторинга повторной преступности за 2024 год, что позволяет исследовать динамику изменений.

Основная часть

Долевое распределение осужденных по возрастам выглядит следующим образом: 18-19 лет – 1,5%; 20-24 года – 5,7%; 25-30 лет – 14,6%; 30-39 лет – 29,5%; 40-49 лет – 29,6%; 50-54 года – 9,8%; 55-59 лет – 4,6%; 60 и более лет – 4,9%.

АППГ: 18-19 лет – 1%; 20-24 года – 4%; 25-30 лет – 13%; 30-39 лет – 31%; 40-49 лет – 29%; 50-54 года – 10%; 55-59 лет – 6%; 60 и более лет – 8%.

Следует заметить, что в целом возрастное распределение не претерпело существенных изменений, при этом в рамках рассмотрения конкретных возрастных групп возможно обнаружить отдельные тенденции.

Например, по сравнению с АППГ, наблюдается общее снижение численности наиболее возрастных категорий осужденных, и увеличение численности более молодых категорий соответственно.

Так, численность осужденных старше 50 лет по итогам 2025 года сократилась почти на 5% (с 24% до 19,3%).

При этом основная доля исследуемой категории осужденных по-прежнему находится в возрасте от 30 до 49 лет.

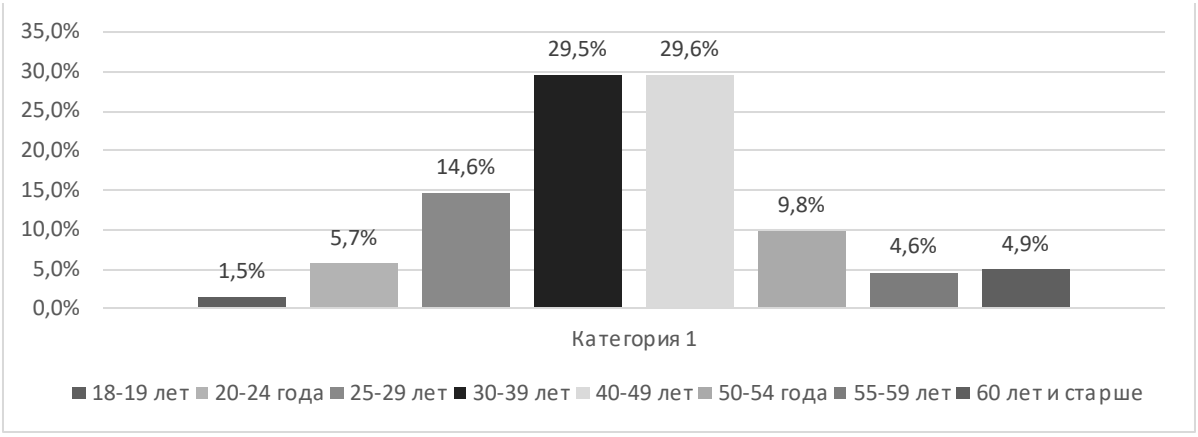

Рисунок 1 – Распределение доли осужденных по возрастным категориям

Семья в криминологии традиционно рассматривается как один из ключевых антикриминогенных факторов, обеспечивающих первичную социализацию личности [Тимошина, 2008, с. 5; Финаева, 2012, с.4]. Именно в семейной среде закладываются базовые поведенческие установки, формируются представления о допустимом и недопустимом, усваиваются нормы права и морали. Стабильные внутрисемейные отношения, эмоциональная поддержка и последовательное воспитательное воздействие способствуют развитию самоконтроля, ответственности и способности к эмпатии, что существенно снижает вероятность девиантного и преступного поведения.

Кроме того, семья выполняет компенсаторную и защитную функции, снижая воздействие внешних криминогенных факторов. В условиях неблагоприятной социальной среды именно семья может выступать буфером, предотвращающим вовлечение в преступные группы, девиантные субкультуры и иные формы асоциального поведения [Смоленский и др., 2025]. Таким образом, благополучная семья не только формирует правопослушное поведение, но и обеспечивает устойчивость личности к криминогенным влияниям окружающей среды.

Так, в рамках проведенного исследования в официальном браке состояло 26,7% опрошенных (АППГ – 26%), разведены – 23,1% (АППГ – 21%) и, наконец, холосты – 50,2% (АППГ – 51%). Таким образом, по сравнению с АППГ существенных изменений в семейном положении осужденных-рецидивистов не наблюдается.

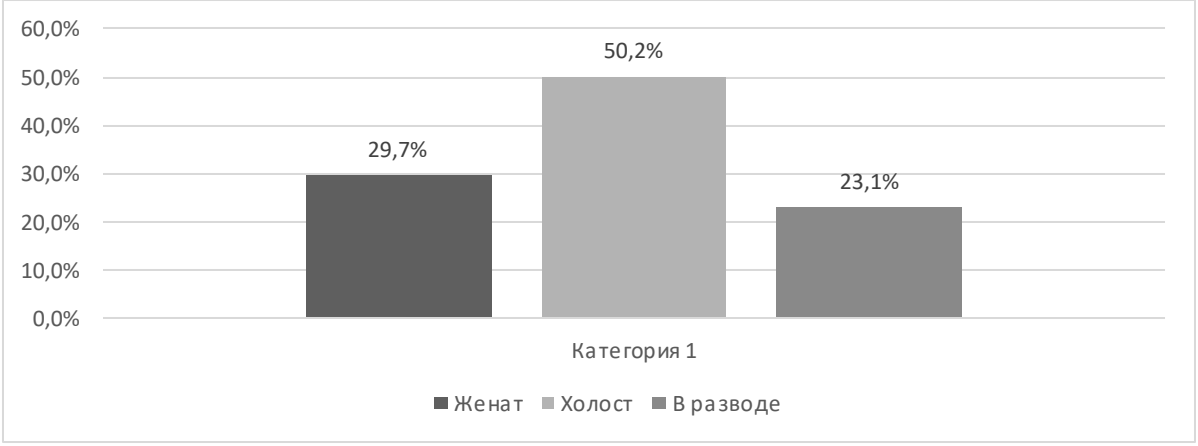

Рисунок 2 – Характеристика семейного положения

На момент первого осуждения 52,8% (АППГ – 46%) в браке не состояли, 34% (АППГ – 35%) состояли в браке, при этом у 17,7% (АППГ – 20%) от общего числа опрошенных семья сохранилась после осуждения, у 16,3% (АППГ – 15%) – распалась.

В официально незарегистрированных отношениях (гражданский брак) состояли 11,7% (АППГ – 16%), где отношения продолжились после осуждения у 6,7% (АППГ – 6%) от общего количества респондентов, а у 5% (АППГ – 10%) семья распалась.

1,5% (АППГ – 4%) заключили брак в период отбывания наказания.

Анализ указанных данных позволяет обнаружить, что по сравнению с АППГ увеличилось доля лиц, не состоящих в браке на момент первого осуждения (-6,7%), одновременно с этим значительно снизилась численность опрошенных, заключивших брак в период отбывания наказания.

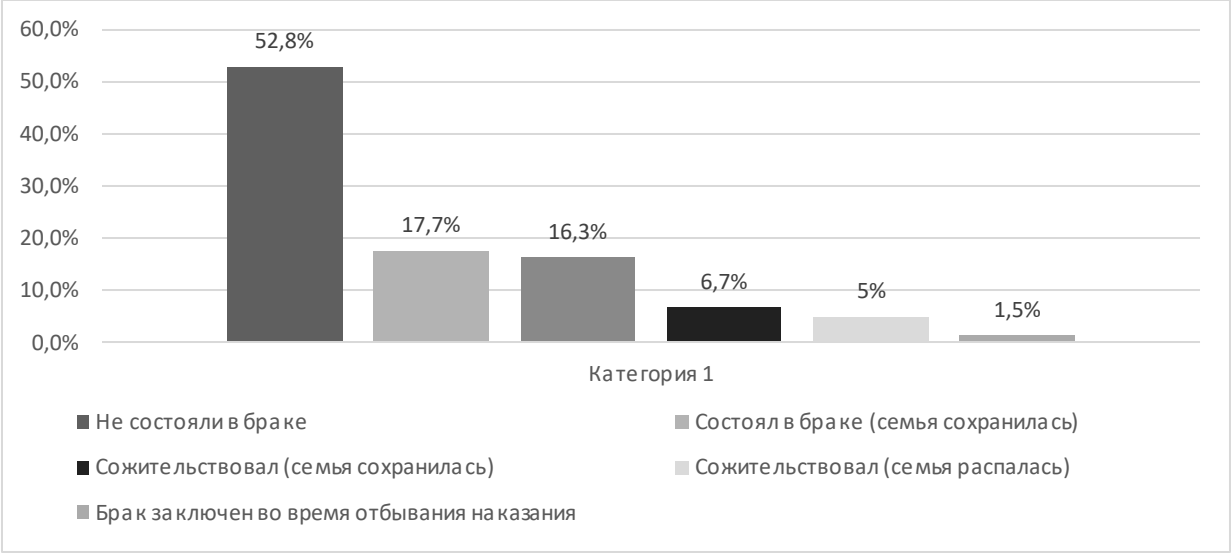

Рисунок 3 – Характеристика семейных отношений

Далее представляет интерес продолжительность брака среди осужденных-рецидивистов, состоящих в таких отношениях.

Акцентируем внимание, что 52,8% не состояли в браке, менее года состояли в браке 9,1% (АППГ – 6%), от 1 года до 3 лет – 9,3% (АППГ – 14%), от 3 до 5 лет – 9,2% (АППГ – 12%), от 5 до 10 лет – 9,8% (АППГ – 9%), свыше 10 лет – 9,8% (АППГ – 8%).

Немаловажно в контексте рассмотрения семейных отношений исследовать вопрос наличия детей у опрашиваемой категории осужденных-рецидивистов, поскольку указанное обстоятельство выступает дополнительным антикриминогенным фактором, усиливая степень имеющейся у осужденных ответственности.

Родительский надзор, вовлеченность в жизнь ребенка, а также наличие доверительных отношений создают условия, при которых отклоняющееся поведение своевременно выявляется и корректируется. Согласно постулатам теории социального контроля прочные социальные связи (в том числе семейные) уменьшают склонность к правонарушениям, поскольку индивид не заинтересован в утрате значимых отношений и социального одобрения.

Полученные данные свидетельствуют, что большинство осужденных рецидивистов имеют детей 57,2% (АППГ – 51%), из них одного ребенка – 29,5% (АППГ – 30%), двоих детей – 19,7% (АППГ – 16%), троих и более – 8% (АППГ – 5%).

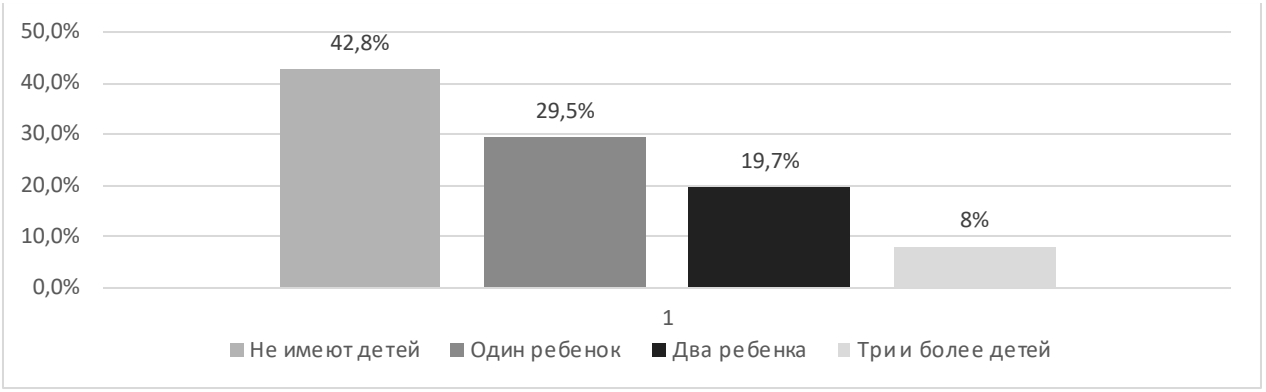

Рисунок 4 – Численность осужденных, имеющих детей, %

Таким образом, по сравнению с АППГ, наблюдается рост численности осужденных-рецидивистов, имеющих детей, при этом наибольший рост демонстрируют группы осужденных с двумя и более детьми.

Исследование семейного положения осужденных-рецидивистов было бы неполным без рассмотрения основополагающего фактора – взаимоотношений с близкими, поскольку в условиях отсутствия поддержания связи семья не может быть признана действенным антикриминогенным фактором [Росина, Круцик, 2026].

По результатам исследования, подавляющие большинство опрошенных осужденных поддерживают тем или иным способом отношения с семьей, близкими родственниками 81,3% (АППГ – 83%), при этом:

23,4% (АППГ – 17%) поддерживали отношения путем переписки;

21,3% (АППГ – 24%) – путем свиданий;

36,6% (АППГ – 42%)- путем телефонных переговоров.

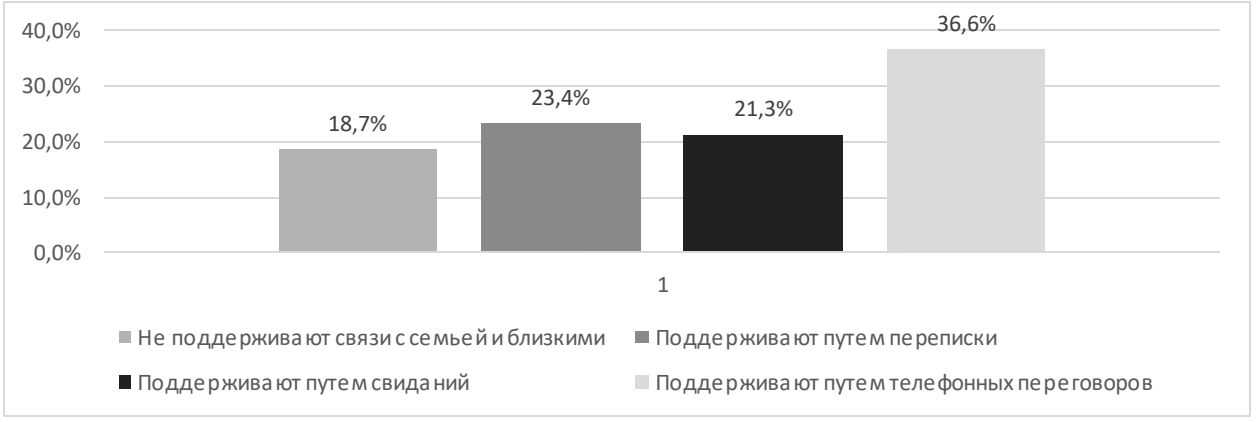

Рисунок 5 – Сведения о взаимоотношениях с семьей, близкими родственниками

В рамках исследования следующей социально-демографической характеристики рассматривается уровень образования. Связь между уровнем образования и преступным поведением достаточно подробно изучена в работах российских исследователей [Цветкова, 2012; Семенова, Авдевнина, 2023]. Однозначно можно сделать вывод о том, что чем выше уровень образования, тем ниже преступное поведение. Указанное обстоятельство не представляется спорным.

Рассматривая основные мотивы совершения преступлений (будут проанализированы далее в исследовании), замечаем, что лица с более высоким уровнем образования при прочих равных условиях способны не испытывать существенных затруднений в удовлетворении базовых потребностей, имея возможности для заработка и, что немаловажно, дальнейшего карьерного развития, благоприятствующего дальнейшему увеличению дохода.

Кроме того, высокий уровень образования сопряжен с культурным и нравственным развитием, что также позволяет не прибегать к преступному поведению, как способу решения проблем для удовлетворения потребностей.

По результатам проведенного исследования начальное образование имели 10,4% опрошенных (АППГ – 8%), основное общее (неполное среднее) – 20,9% (АППГ – 16%); среднее полное общее – 23,1% (АППГ – 28%); среднее профессиональное (среднее техническое, специальное, незаконченное высшее) – 40,4% (АППГ – 45%), высшее – 5,2% (АППГ – 3%).

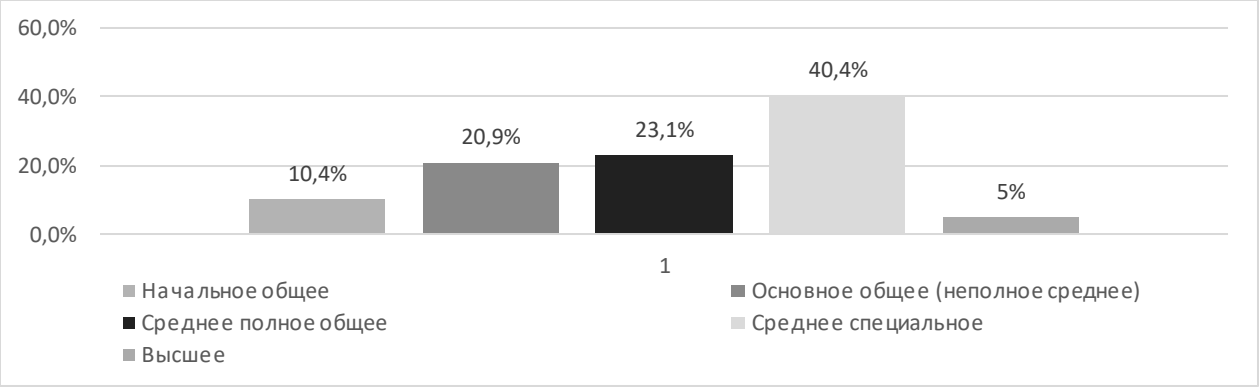

Рисунок 6 – Уровень образования

Таким образом, результаты исследования подтверждают тезис о том, что высокий уровень образования соответствует меньшей криминогенности индивида – доля осужденных-рецидивистов с высшим образованием минимальна и не превышает порог (5%).

Сравнение с АППГ свидетельствует о том, что в целом разделение осужденных по образовательным группам не претерпело существенных изменений, однако обращает на себя внимание, что доля осужденных с основным общим (неполным средним) образованием увеличилась на 4,9% с одновременным уменьшением на такой же процент доли осужденных со средним полным общим образованием.

Далее важно рассмотреть вопрос отношения осужденных к религии.

Религия выступает антикриминогенным фактором прежде всего через формирование устойчивых морально-нравственных установок [Новиков, 2023]. Религиозные системы закрепляют в сознании индивида базовые запреты, которые при должном усвоении, могут выполнять функцию внутренних регуляторов поведения.

В отличие от внешнего правового контроля, религиозные нормы действуют на уровне совести, формируя самоконтроль и снижая вероятность девиантных и преступных поступков даже в условиях отсутствия внешнего надзора.

Немаловажно, что конфессиональные (религиозные) общины создают плотные социальные связи, в рамках которых поведение индивида находится под наблюдением значимой группы. Страх утраты репутации, осуждения или исключения из религиозного сообщества также выполняет функцию неформального санкционирования.

Однако, следует отметить, что антикриминогенный потенциал религии в наибольшей степени реализуется в рамках социально признанных религиозных организаций. Так называемые «традиционные» или «официальные» религии, как правило, интегрированы в социальную структуру общества, поддерживают правопорядок и транслируют ценности, коррелирующие с действующими нормами права, морали и нравственности.

В противоположность этому, нетрадиционные культы и секты нередко могут обладать выраженным криминогенным, экстремистским потенциалом.

В этой связи следует согласиться с мнением авторитетных исследователей о том, что значение религии как антикриминогенного фактора стоит признавать, но не следует переоценивать.

Исходя из полученных данных, большинство опрошенных осужденных отнесли себя к православным (68,4%), 14,7% определили себя неверующими, 10% – мусульмане, 2,8% – буддисты, 4% – имеют иные религиозные убеждения.

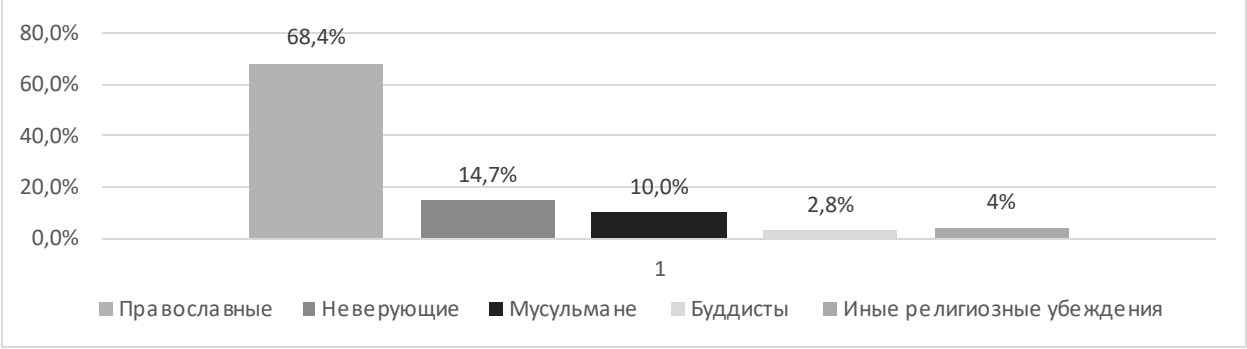

Рисунок 7 – Распределение осужденных в зависимости от религиозных убеждений

Вывод о том, что основная масса осужденных-рецидивистов демонстрирует противоправное поведение уже в достаточно молодом возрасте остается актуальным. Например, 52,4% опрошенных имели приводы в полицию до момента совершения первого преступления (АППГ – 51,6%). Кроме того, в свое первое преступление абсолютное большинство совершили в возрасте до 30 лет – 90,8% (АППГ – 89,9%).

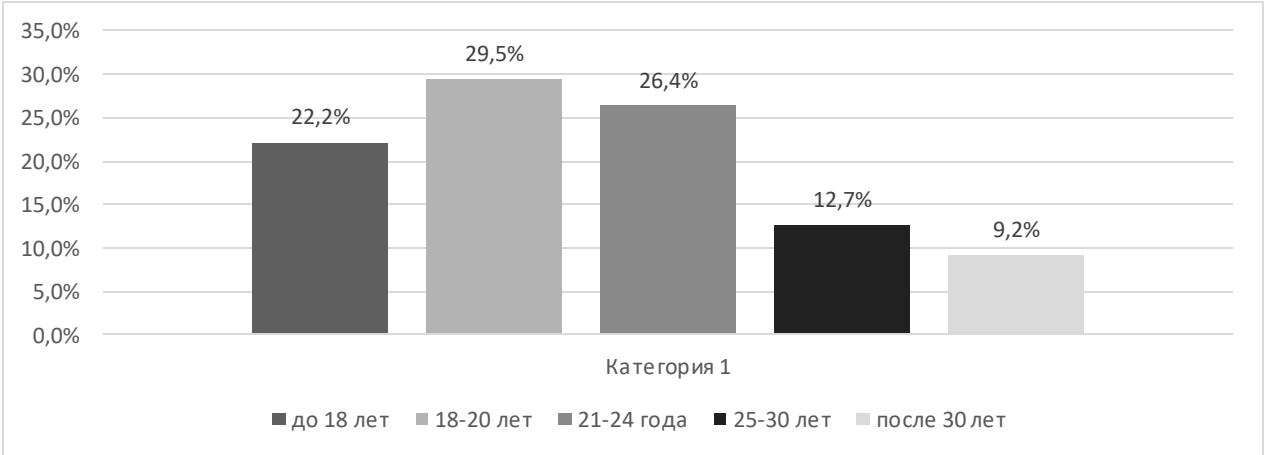

Рисунок 8 – Распределение осужденных в зависимости от возраста совершения первого преступления

Долевое распределение осужденных в зависимости от возраста совершения последующих преступление выглядит следующим образом:

до 18 лет – 7,2%, 19-20 лет – 16,3%, 21-24 года – 11%, 25-30 лет – 30,1%, после 30 лет – 35,4% (АППГ: 6,9%, 15,5%, 13,3%, 31,5%, 32,8%).

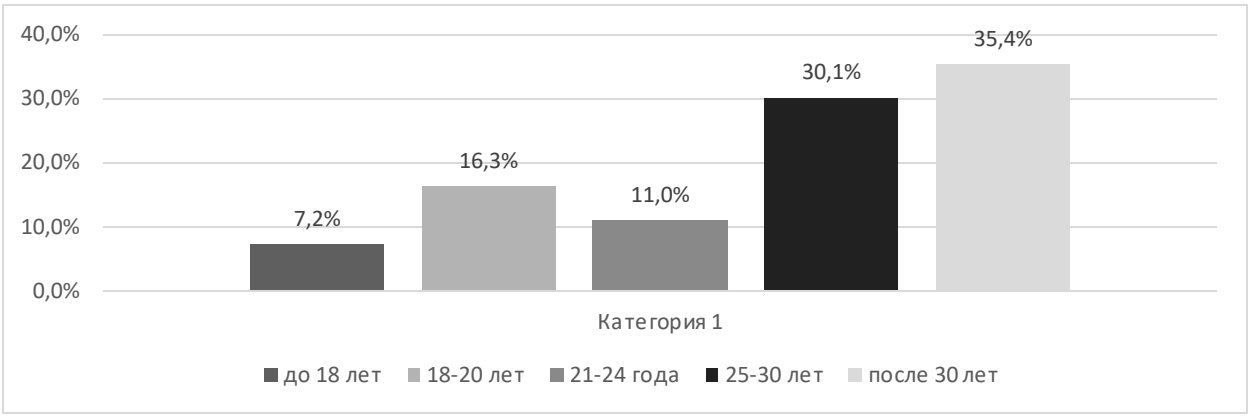

Рисунок 9 – Распределение осужденных в зависимости от возраста совершения последующих преступлений

При этом период, прошедший между совершенными преступлениями, составил:

менее 6 месяцев – 11,9%, от 6 месяцев до 1 года – 20,4%, от 1 года до 3 лет – 30,4%, от 3 лет до 5 лет – 16,7%, от 5 лет до 10 лет – 13,1%, от 10 лет до 20 лет – 5,7%, более 20 лет – 1,8% (АППГ: 10,9%, 19,8%, 32%, 15,5%, 13,4%, 5%, 3,4%).

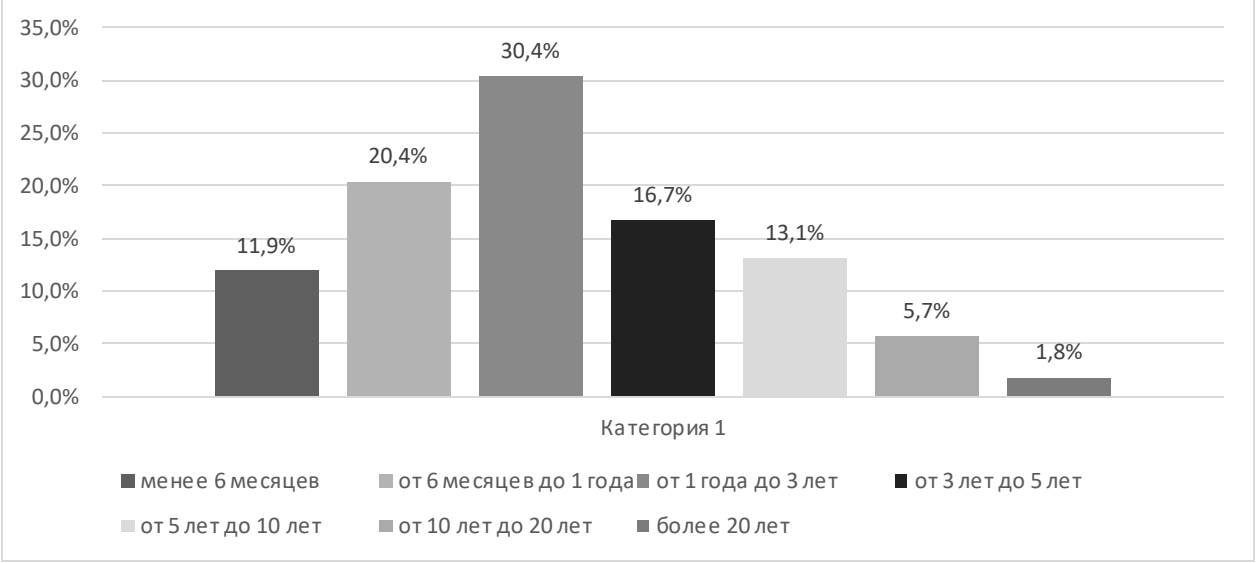

Рисунок 9 – Распределение осужденных в зависимости от периода, прошедшего между совершенными преступлениями

Заключение

Таким образом, следует констатировать, что склонность к противоправному поведению, характерная для осужденных рецидивистов, в целом остается на уровне АППГ. При этом, как и

в случае с возрастным распределением, отдельные из вышерассмотренных групповых показателей отличаются наибольшей динамикой изменений.

Так, рассматривая долевое распределение осужденных в зависимости от возраста совершения последующих преступлений, замечаем снижение доли лиц, совершивших повторное преступление в возрасте от 20 до 24 лет и от 25 до 30 лет (-2,3% и 1,4% по сравнению с АППГ соответственно), одновременно с этим на 2,6% увеличилась по сравнению с АППГ численность лиц, совершивших повторное преступление в возрасте после 30 лет.

Анализируя показатели периода, прошедшего между совершенными преступлениями, констатируем:

– снижение по сравнению с АППГ численности осужденных-рецидивистов, совершивших повторное преступление в период от 1 года до 3 лет и более 20 лет (-1,6% в обоих случаях);
– увеличение по сравнению с АППГ на 1,2% численности осужденных-рецидивистов, совершивших повторное преступление в период от 3 лет до 5 лет.

Проведенное исследование социально-демографических характеристик осужденных, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы, позволяет сформулировать целостное представление о природе, масштабах и ключевых детерминантах рецидивной преступности в современном российском обществе. Сравнительный анализ, охватывающий возрастные, образовательные, семейные параметры, демонстрирует, что феномен повторного отбывания наказания не является случайным стечением обстоятельств или следствием индивидуальных моральных дефектов отдельных правонарушителей, а представляет собой устойчивый социальный паттерн. Молодые люди, впервые осужденные в возрасте 18–25 лет, с высокой вероятностью возвращаются в места лишения свободы уже в зрелом возрасте, пройдя через многолетний цикл «преступление – наказание – освобождение – рецидив».

Образовательные и профессиональные характеристики повторно осужденных демонстрируют прямую корреляцию между уровнем человеческого капитала и вероятностью возврата к преступной деятельности. Отсутствие востребованной профессии, низкая квалификация и многолетний разрыв с легальным рынком труда делают эту категорию граждан практически неконкурентоспособной при трудоустройстве. не способны обеспечить осуждённых современными востребованными специальностями, что воспроизводит их профессиональную непригодность после освобождения.

Итак, подводя итог анализа социально-демографических характеристик личности осужденных-рецидивистов, можно сделать следующие выводы:

1. Основную возрастную группу осужденных-рецидивистов составляют лица в возрасте от 30 до 49 лет (в совокупности 59,1%), что свидетельствует о преимущественно зрелом возрасте исследуемой категории. Вместе с тем по сравнению с АППГ фиксируется «омоложение» рецидивного контингента: доля осужденных старше 50 лет сократилась почти на 5% (с 24% до 19,3%), тогда как численность более молодых возрастных групп возросла.

2. Большинство осужденных-рецидивистов никогда не состояли в официальном браке (50,2%), что указывает на слабость семейных связей как антикриминогенного фактора для данной категории.

3. Большинство осужденных-рецидивистов имеют детей (57,2%), при этом по сравнению с АППГ (51%) данный показатель вырос.

4. Подавляющее большинство осужденных-рецидивистов поддерживают связь с семьей и близкими родственниками (81,3%), преимущественно посредством телефонных переговоров

(36,6%) и переписки (23,4%). Вместе с тем по сравнению с АППГ доля лиц, поддерживающих отношения путем личных свиданий и телефонных переговоров, несколько снизилась, что может косвенно свидетельствовать об ослаблении реального качества семейных контактов.

5. Наиболее распространенным уровнем образования среди осужденных-рецидивистов является среднее профессиональное (40,4%), тогда как доля лиц с высшим образованием минимальна (5,2%), что соответствует общей криминологической закономерности об обратной зависимости между уровнем образования и криминогенностью личности. По сравнению с АППГ фиксируется прирост доли осужденных с основным общим (неполным средним) образованием на 4,9%, что может свидетельствовать о нарастании образовательной депривации в рецидивном контингенте.

6. По самооценке религиозных убеждений большинство осужденных-рецидивистов относят себя к православным (68,4%), 14,7% определяют себя как неверующих. Криминологическое значение данного показателя ограничено в связи с тем, что декларируемая религиозная принадлежность не всегда коррелирует с реальным усвоением нравственно-регулятивных норм.

Библиография

1. Бесчастнова О.В., Шульц Е.В., Слабкая Д.Н. Актуальность состояния социально-демографической характеристики лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, ранее совершавших преступления // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9-1. С. 297-304. DOI: 10.34670/AR.2025.44.81.039
2. Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Новиков А.В. Актуальное состояние рецидива преступности среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 388-397. DOI: 10.34670/AR.2023.25.62.051
3. Новиков, А. В. Меры уголовно-правового поощрения правопослушного поведения осужденных, отбывающих наказание в виде лишение свободы / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 11-1. – С. 442-449.
4. Новиков, А. В. Повторные (рецидивные) преступления в уголовном праве России / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 7-1. – С. 314-320. – DOI 10.34670/AR.2023.28.92.036.
5. Опокин, А. Б. Состояние и тенденции развития современной рецидивной преступности, её место в современной преступности / А. Б. Опокин, А. Т. Мовсисян, А. А. Кислухина // Новое в науке и образовании : сборник трудов Международной ежегодной научно-практической конференции, Москва, 04 апреля 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2024. – С. 140-145.
6. Репьева, А. М. Рецидивная преступность: современное состояние и направления предупреждения / А. М. Репьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2026. – № 1(76). – С. 59-70.
7. Росина Ю. С., Круцик М. С. Социально-психологический портрет осужденных рецидивистов и факторы, препятствующие их социальной интеграции // Векторы психолого-педагогических исследований. 2026. № 1(10). С. 117–126.
8. Смоленский Д. В., Кузнецова И. А., Шилова И. М. Особенности установок семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 428–432. https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2025-4103-428-432
9. Семенова, В. В., Авдевнина, Д. С. Влияние уровня образования и формы трудоустройства на количество совершаемых преступлений / В. В. Семенова, Д. С. Авдевнина // Журнал социологических исследований. – 2023. – №. 2. – С. 67-73.
10. Тимошина, Е. М. Криминологическое изучение семьи как антикриминогенного фактора в предупреждении отклоняющегося поведения детей : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. М. Тимошина // Московский университет МВД России. – Москва, 2008. – 26 с.
11. Филиппова, О. В. Социально-психологические детерминанты рецидивной преступности / О. В. Филиппова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 265-269. – DOI 10.17223/15617793/468/31.
12. Финаева, А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного : автореф. дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / А. Г. Финаева // Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. – Саратов, 2012. – 19 с.

13. Цветкова, Е. В. Некоторые особенности преступности несовершеннолетних и факторы, влияющие на формирование личности несовершеннолетнего преступника / Е. В. Цветкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 4(25). – С. 137–142;
14. Характеристика осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы : по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года / В. И. Селиверстов, А. Н. Баламут, П. Н. Посмаков ; под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Проспект, 2024. – 101 с.

On the Socio-Demographic Characteristics of Convicts Serving Sentences Repeatedly in Places of Deprivation of Liberty: A Comparative Analysis

Ivan S. Lebeshev

Head of the Department for Research on Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penitentiary System,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Evgenii V. Shul'ts

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The problem of recidivist crime remains one of the most acute in modern Russian criminology and penal practice. Despite the measures taken by the state aimed at humanizing criminal policy, modernizing the penitentiary system, and developing types of punishment alternative to deprivation of liberty, statistics indicate that a certain portion of persons who have once served a sentence in places of deprivation of liberty again commit crimes and return to correctional institutions. The presented material examines the key parameters of the personality of repeatedly convicted persons: age structure, educational level, marital status, employment before conviction, the presence of criminal records, and the dynamics of changes in these indicators in comparison with data from previous years. The characteristics of persons serving deprivation of liberty repeatedly contain generalized information on the socio-demographic, criminal-law, and penal characteristics of 5,514 convicts held in correctional institutions of the penitentiary system (the analogous period of last year (hereinafter referred to as APPG) – about 4,500 convicts) and surveyed in the current year. On the basis of statistical materials, stable trends characteristic of this category of persons are identified.

For citation

Lebeshev I.S., Shul'ts E.V., Slabkaya D.N. (2026) O sotsial'no-demograficheskoy kharakteristike osuzhdennykh, povtorno otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody: sravnitel'nyy analiz [On the Socio-Demographic Characteristics of Convicts Serving Sentences Repeatedly in Places of Deprivation of Liberty: A Comparative Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 612-624. DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063

Keywords

Crime, penal system, personality of the recidivist, deprivation of liberty, socio-demographic characteristics, convicts.

References

1. Beschastnova O.V., Shults E.V., Slabkaya D.N. (2025). Aktual'nost' sostoyaniya sotsial'no-demograficheskoy kharakteristiki lits, sostoyashchikh na uchete ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy, raneye sovershavshikh prestupleniya [Relevance of the State of Socio-Demographic Characteristics of Persons Registered with Criminal-Executive Inspections Who Previously Committed Crimes]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 15(9-1), 297-304. DOI: 10.34670/AR.2025.44.81.039.
2. Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Novikov A.V. (2023). Aktual'noye sostoyaniye retsidiva prestupnosti sredi lits, otbyvayushchikh nakazaniye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh strogogo rezhima [Current State of Recidivism among Persons Serving Sentences in Strict Regime Correctional Institutions]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(1A-2A), 388-397. DOI: 10.34670/AR.2023.25.62.051.
3. Novikov A.V. (2024). Mery ugolovno-pravovogo pooshchreniya pravoposlushnogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniye v vide lisheniya svobody [Measures of Criminal-Law Encouragement of Law-Abiding Behaviour of Convicts Serving Sentences in the Form of Deprivation of Liberty]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 14(11-1), 442-449.
4. Novikov A.V. (2023). Povtornyye (retsidivnyye) prestupleniya v ugolovnom prave Rossii [Repeat (Recidivist) Crimes in Russian Criminal Law]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(7-1), 314-320. DOI: 10.34670/AR.2023.28.92.036.
5. Opokin A.B., Movsisyan A.T., Kislukhina A.A. (2024). Sostoyaniye i tendentsii razvitiya sovremennoy retsidivnoy prestupnosti, yeyo mesto v sovremennoy prestupnosti [State and Development Trends of Modern Recidivist Crime, Its Place in Modern Crime]. In *Novoye v nauke i obrazovanii: sbornik trudov Mezhdunarodnoy yezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [New in Science and Education: Collection of Proceedings of the International Annual Scientific-Practical Conference] (pp. 140-145). OOO "Izdatel'stvo "Manuskript".
6. Repieva A.M. (2026) Retsidivnaya prestupnost': sovremennoye sostoyaniye i napravleniya preduprezhdeniya [Recidivist Crime: Current State and Directions of Prevention]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 1(76), 59-70.
7. Rosina Yu.S., Krutsik M.S. (2026) Sotsial'no-psikhologicheskiy portret osuzhdennykh retsidivistov i faktory, prepyatstvuyushchiye ikh sotsial'noy integratsii [Socio-Psychological Portrait of Recidivist Convicts and Factors Hindering Their Social Integration]. *Vektory psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy*, 1(10), 117-126.
8. Smolensky D.V., Kuznetsova I.A., Shilova I.M. (2025). Osobennosti ustanovok semeynykh otnosheniy u neodnokratno osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Peculiarities of Family Relationship Attitudes in Persons Repeatedly Sentenced to Deprivation of Liberty]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 30(4), 428-432. DOI: 10.24412/1999-6241-2025-4103-428-432.
9. Semenova V.V., Avdevnina D.S. (2023). Vliyaniye urovnya obrazovaniya i formy trudoustroystva na kolichestvo sovershayemykh prestupleniy [The Influence of Education Level and Form of Employment on the Number of Crimes Committed]. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy*, 2, 67-73.
10. Timoshina E.M. (2008). *Kriminologicheskoye izucheniye sem'i kak antikriminogennogo faktora v preduprezhdenii otklonyayushchegosya povedeniya detey* [Criminological Study of the Family as an Anti-Criminogenic Factor in the Prevention of Deviant Behaviour of Children] (Author's abstract of Candidate of Law dissertation, 12.00.08; Moscow University of the MVD of Russia). Moscow.
11. Filippova O.V. (2021). Sotsial'no-psikhologicheskiye determinanty retsidivnoy prestupnosti [Socio-Psychological Determinants of Recidivist Crime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 468, 265-269. DOI: 10.17223/15617793/468/31.
12. Finaeva A.G. (2012). *Resotsializatsionnyy potentsial sem'i osuzhdennogo* [Resocialisation Potential of the Convict's Family] (Author's abstract of Candidate of Sociological Sciences dissertation, 22.00.04; Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.). Saratov.

13. Tsvetkova E.V. (2012). Nekotoryye osobennosti prestupnosti nesovershennoletnikh i faktory, vliyayushchiye na formirovaniye lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Some Peculiarities of Juvenile Delinquency and Factors Influencing the Formation of the Personality of a Juvenile Offender]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 4(25), 137-142.
14. Seliverstov V.I., Balamut A.N., Posmakov P.N. (2024). *Kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh pozhiznennoye lisheniye svobody: po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhey, dekabr' 2022 goda* [Characteristics of Convicts Serving Life Imprisonment: Based on the Materials of the Special Census of Convicts and Persons in Custody, December 2022] (V.I. Seliverstov, ed.). Prospekt.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.99.92.064**

Совершенствование работы организаций по обеспечению международной безопасности

Дзыбова Саида Гиссовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Сташ Зарема Кималовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: stashzk@mail.ru

Марков Петр Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: markov.petr.1977@mail.ru

Аннотация

В статье авторы рассматривают актуальные проблемы и направления совершенствования международного сотрудничества в сфере обеспечения глобальной безопасности. Проанализированы ключевые механизмы взаимодействия государств через многосторонние институты (ООН, ЕС, АТЭС и др.), роль международных договоров и соглашений, а также значение обмена информацией и технологиями для противодействия современным угрозам – от терроризма и киберпреступности до экологических катастроф и пандемий. Особое внимание уделено развитию механизмов оперативного реагирования на кризисы, внедрению инновационных технологий (искусственный интеллект, большие данные, робототехника), повышению эффективности дипломатических усилий и укреплению доверия между государствами. Обосновывается вывод о том, что только системный и скоординированный подход, сочетающий технологическую модернизацию, развитие многосторонних форматов диалога и стратегическое планирование, способен

обеспечить устойчивость системы международной безопасности в условиях усложняющейся геополитической ситуации.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзыбова С.Г., Сташ З.К., Марков П.Н. Совершенствование работы организаций по обеспечению международной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 625-632. DOI: 10.34670/AR.2026.99.92.064

Ключевые слова

Международное сотрудничество, международная безопасности, многосторонняя дипломатия, кибербезопасность, механизмы реагирования на угрозы, международные организации, глобальные вызовы, инновационные технологии, доверие между государствами, предотвращение конфликтов.

Введение

Укрепление международного сотрудничества является одним из ключевых аспектов обеспечения глобальной стабильности и безопасности в современном мире. В условиях глобализации страны все больше взаимодействуют друг с другом, сталкиваются с общими вызовами и угрозами, такими как изменение климата, миграционные кризисы, распространение терроризма, киберпреступность и пандемии. Эти проблемы требуют совместных усилий, объединения ресурсов и знаний для поиска эффективных решений. Поэтому развитие и укрепление международного сотрудничества становится приоритетом для государств, международных организаций и региональных объединений.

Основная часть

Одним из важнейших механизмов международного сотрудничества является создание многосторонних институтов, таких как Организация Объединённых Наций, Европейский союз, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество и другие региональные и глобальные структуры. Эти организации служат платформой для диалога, согласования позиций и координации действий государств по решению актуальных проблем. Они позволяют формировать общие стандарты, разрабатывать совместные программы и реализовывать международные инициативы, направленные на укрепление мира, развитие экономики и защиту прав человека.

Особое значение имеет развитие международных договоров и соглашений, регулирующих различные сферы взаимодействия. Такие документы создают правовую основу для сотрудничества, обеспечивают соблюдение обязательств и способствуют снижению риска конфликтов. Важным аспектом является также обмен информацией и технологиями, что позволяет более эффективно бороться с глобальными угрозами. Например, международное сотрудничество в области кибербезопасности включает обмен разведданными, совместные учения и разработку стандартов защиты информационных систем. Автор П.Н. Кобец отмечает, что «кибербезопасность отдельных сфер и интересов не может быть обеспечена в одной стране изолированно от всего мирового сообщества и поэтому должна рассматриваться в корреляции с деятельностью всех глобальных телекоммуникационных сетей, а также социально-

экономическими выгодами с точки зрения экономических и социальных возможностей, предлагаемых цифровизацией» [Кобец, 2023, с.83].

Кроме того, укрепление международного сотрудничества требует активного участия не только государств, но и неправительственных организаций, научных учреждений, бизнеса и гражданского общества. Эти субъекты вносят важный вклад в разработку инновационных решений, распространение лучших практик и повышение уровня гражданской ответственности. Взаимодействие между различными секторами способствует созданию более устойчивых и инклюзивных систем управления, способных реагировать на современные вызовы.

Особое значение имеет развитие международных программ и инициатив, направленных на содействие развитию и устранение причин конфликтов. Например, программы по борьбе с бедностью, образованию, здравоохранению и экологической устойчивости помогают снизить социальное напряжение и предотвратить возникновение конфликтных ситуаций. В этом контексте важна координация усилий на международном уровне для достижения целей устойчивого развития, которые требуют совместных действий всех стран.

Однако, несмотря на наличие множества механизмов и институтов, существует ряд проблем, мешающих эффективному международному сотрудничеству. Среди них – национальные интересы, разногласия по вопросам суверенитета, отсутствие доверия между странами и различия в правовых системах. Эти препятствия требуют поиска компромиссных решений, развития доверия и укрепления диалога. Важным инструментом является дипломатия, которая должна играть ведущую роль в разрешении разногласий и создании условий для взаимовыгодного сотрудничества.

По мнению авторов А.М. Шаповаловой и Столбун Е.Е. «межгосударственное сотрудничество выступает самым перспективным способом достижения результата, имея при этом постоянно развивающуюся институциональную и правовую базу, которая дает экономическую и политическую обоснованность. Поэтому в современных условиях международное сотрудничество является важным и одним их эффективных механизмов взаимодействия между государствами. В случае начала конфликта, даже с применением военной силы, межгосударственной сотрудничество создает условия для его предупреждения, а при обострении - решение конфликта на взаимовыгодных условиях» [Шаповалова, Столбун, 2018, с.153].

В условиях современных вызовов важно также учитывать роль новых технологий и цифровых платформ, которые могут значительно ускорить обмен информацией и упростить взаимодействие. Онлайн-платформы, международные базы данных и системы совместного мониторинга позволяют оперативно реагировать на угрозы и координировать действия в реальном времени. В то же время, использование технологий требует обеспечения безопасности и защиты данных, что становится важной задачей международного сообщества.

Развитие механизмов реагирования на угрозы является ключевым аспектом обеспечения международной безопасности в условиях современного мира, характеризующегося быстрыми изменениями, новыми вызовами и усложнением глобальной ситуации. В современную эпоху угрозы приобретают многообразный характер: от традиционных военных конфликтов и терроризма до киберпреступности, экологических катастроф и распространения опасных заболеваний. Гулак, А. М. полагает, что «государства и международные организации также играют важную роль в обеспечении кибербезопасности. Они должны разрабатывать соответствующие законы и политики для защиты данных и борьбы с киберпреступностью. Также важно, чтобы они сотрудничали в этой области и обменивались информацией о новых

угрозах безопасности в сети» [Гулак, 2022, с.45].

В связи с этим возникает необходимость постоянного совершенствования существующих механизмов реагирования и разработки новых подходов, способных обеспечить своевременное и эффективное противодействие этим вызовам.

Одним из важнейших направлений развития является укрепление международных институтов и создание новых структур, способных быстро реагировать на кризисные ситуации. Например, Организация Объединённых Наций играет центральную роль в координации усилий государств по поддержанию мира и безопасности, а специализированные агентства, такие как Всемирная организация здравоохранения или Международная организация гражданской обороны, занимаются реагированием на эпидемии и природные катастрофы. В последние годы усилия сосредоточены на создании оперативных центров мониторинга и быстрого реагирования, которые используют современные технологии для своевременного обнаружения угроз и координации действий международных и региональных структур.

Особое значение приобретает развитие систем информационного обмена и совместных платформ, позволяющих оперативно делиться данными и координировать усилия. В эпоху цифровых технологий обмен информацией становится быстрее и эффективнее, что существенно повышает шансы на своевременное реагирование. Международные базы данных, системы совместного мониторинга и аналитические платформы позволяют отслеживать развитие угроз в реальном времени, прогнозировать возможные сценарии развития событий и принимать меры по их предотвращению или минимизации последствий. В этом контексте важным аспектом является обеспечение безопасности и защиты данных, чтобы исключить возможность их использования злоумышленниками или для целей шпионажа.

Развитие механизмов реагирования также включает в себя подготовку и обучение специалистов, создание международных команд быстрого реагирования, а также развитие технологий и средств для проведения операций по ликвидации угроз. Например, международные миссии по борьбе с терроризмом или спасательные операции в случае природных катастроф требуют высокой координации, наличия специальных навыков и современных технических средств. Важным аспектом является также развитие правовых рамок, которые регулируют действия международных структур и государств в условиях кризиса, чтобы обеспечить легитимность и эффективность предпринимаемых мер.

Кроме того, необходимо учитывать роль превентивных мер, направленных на снижение вероятности возникновения угроз. Это включает в себя работу по предотвращению конфликтов, устранению причин их возникновения, развитию программ по укреплению устойчивости государств и обществ. В этом контексте важна международная кооперация в области разведки, аналитики и профилактики, а также проведение совместных учений и тренировок, позволяющих отработать сценарии реагирования и повысить уровень готовности.

Важной составляющей развития механизмов реагирования является также использование инновационных технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, дроны и робототехника. Эти средства позволяют автоматизировать процессы обнаружения угроз, ускорить принятие решений и повысить эффективность операций. Например, системы искусственного интеллекта могут анализировать огромные объемы информации для выявления подозрительных активностей или предсказания возможных кризисных ситуаций, что значительно повышает оперативность реагирования.

Несмотря на все достижения, существует ряд проблем, мешающих развитию эффективных механизмов реагирования. Среди них – недостаточная международная координация, разногласия между государствами, нехватка ресурсов и технологий, а также сложности в

обеспечении правовой базы для проведения совместных операций. В связи с этим важным направлением является укрепление доверия между странами, развитие диалога и согласование стандартов и процедур реагирования. Только совместными усилиями можно создать надежную систему, способную противостоять современным угрозам и обеспечивать безопасность на глобальном уровне.

В целом, развитие механизмов реагирования на угрозы требует постоянных инвестиций в технологии, подготовку кадров, совершенствование правовых и организационных основ. Это долгосрочный процесс, который предполагает активное участие всех субъектов международного сообщества. Только системный и скоординированный подход, основанный на использовании современных технологий и укреплении международного сотрудничества, позволит своевременно и эффективно противостоять вызовам современности, обеспечивая безопасность и стабильность в глобальном масштабе.

Повышение эффективности дипломатических усилий является ключевым аспектом укрепления международной безопасности и стабильности. В современном мире, характеризующемся быстрыми изменениями, глобальными вызовами и сложной многосторонней системой отношений, традиционные методы дипломатии требуют модернизации и адаптации к новым условиям. Эффективная дипломатия должна опираться на комплексный подход, включающий использование современных технологий, развитие межгосударственного диалога, укрепление доверия и совершенствование механизмов взаимодействия.

Дипломатия и внешняя политика всегда существовали, продолжают существовать и, вероятно, останутся важнейшими аспектами государственного управления. Как отмечает Гарольд Никольсон, «первая принимает различные формы, такие как двусторонняя, многосторонняя и институциональная дипломатия, и это лишь некоторые из них» [Киссинджер, 1994].

Одним из важнейших факторов повышения эффективности дипломатии является внедрение информационных технологий и цифровых платформ. В эпоху цифровизации обмен информацией стал быстрее и доступнее, что позволяет дипломатам оперативно реагировать на возникающие ситуации, проводить консультации и согласовывать позиции в реальном времени. Использование видеоконференций, онлайн-платформ для обмена документами и аналитическими данными значительно сокращает временные затраты и повышает гибкость дипломатического процесса. Кроме того, автоматизация рутинных задач и аналитика больших данных помогают выявлять тенденции, прогнозировать возможные кризисы и разрабатывать превентивные меры.

Развитие многосторонних форматов взаимодействия также способствует повышению эффективности дипломатии. Международные организации, такие как ООН, ЕС, Азиатский и Африканский союзы, создают платформы для диалога между государствами, что способствует снижению напряженности и поиску компромиссных решений. В рамках таких структур происходит обмен опытом, согласование позиций и выработка совместных стратегий по решению глобальных проблем, таких как изменение климата, терроризм, распространение оружия массового уничтожения. Эффективность этих механизмов зависит от уровня доверия между участниками, поэтому важным аспектом является развитие прозрачности и взаимного уважения.

Ключевым элементом повышения эффективности дипломатии является также развитие навыков и компетенций дипломатического корпуса. Современные дипломаты должны обладать не только глубокими знаниями в области международных отношений, но и навыками

межкультурной коммуникации, переговоров, анализа информации и использования новых технологий. Постоянное обучение, обмен опытом и участие в международных тренингах позволяют дипломатам быть более подготовленными к сложным ситуациям и находить эффективные решения в условиях многополярного мира.

Еще одним важным аспектом является укрепление доверия между государствами. В условиях растущей конкуренции и геополитической напряженности доверие становится основой для конструктивного диалога и поиска компромиссов. Для этого необходимо соблюдать принципы прозрачности, честности и уважения в межгосударственных отношениях, а также реализовывать программы взаимного обмена информацией и культурного сотрудничества. Развитие доверительных отношений способствует снижению рисков конфликтов и создает благоприятную среду для реализации совместных инициатив.

Немаловажную роль играет также формирование и реализация долгосрочных стратегий дипломатического развития. Такой подход позволяет систематизировать усилия, определить приоритетные направления и ресурсы, а также обеспечить согласованность действий различных ведомств и институтов. В рамках стратегического планирования важно учитывать глобальные тренды, новые вызовы и возможности, а также адаптировать дипломатическую политику к меняющейся международной ситуации.

В целом, повышение эффективности дипломатических усилий требует системного подхода, включающего использование современных технологий, развитие многосторонних форматов взаимодействия, укрепление доверия и профессиональное развитие дипломатического корпуса. Только при условии активного и скоординированного взаимодействия всех участников международного процесса можно добиться более высокой результативности дипломатии, что, в свою очередь, способствует укреплению мира, безопасности и стабильности на глобальном уровне. В условиях сложных вызовов современности дипломатия должна становиться более гибкой, инновационной и ориентированной на долгосрочные результаты, что позволит успешно противостоять новым угрозам и реализовать интересы государств и народов.

Заключение

Таким образом, укрепление международного сотрудничества является необходимым условием для решения глобальных проблем и обеспечения мира и стабильности. Это требует постоянных усилий, развития новых форм взаимодействия и повышения уровня доверия между странами. Только совместными усилиями можно создать условия для устойчивого развития, преодоления кризисов и построения более справедливого и безопасного мира для будущих поколений.

Только скоординированные и активные действия всех участников международного процесса, основанные на принципах прозрачности, доверия и стратегического планирования, способны обеспечить устойчивое развитие систем международной безопасности. В условиях сложных вызовов современности дипломатия должна становиться более гибкой, инновационной и ориентированной на долгосрочные результаты. Это позволит успешно противостоять новым угрозам, реализовать национальные и международные интересы, а также способствовать созданию условий для мира и стабильности в глобальном масштабе. Таким образом, достигнутые результаты свидетельствуют о необходимости постоянного совершенствования механизмов международного сотрудничества, внедрения инновационных решений и укрепления доверия между государствами для обеспечения эффективной системы международной безопасности в условиях современной геополитической ситуации.

Библиография

1. Гулак А.М. О влиянии GDPR на состояние кибербезопасности в Великобритании // Матрица научного познания. 2022. № 6-1. С. 45–47.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 1994. 912 с.
3. Кобец П.Н. Совершенствование межгосударственного сотрудничества в сфере информационной безопасности: основа противодействия международной киберпреступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 83–89.
4. Шаповалова А.М., Столбун Е.Е. Межгосударственное сотрудничество в целях обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 152–161.

Improving the Work of Organizations for Ensuring International Security

Saida G. Dzybova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Zarema K. Stash

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: stashzk@mail.ru

Petr N. Markov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: markov.petr.1977@mail.ru

Abstract

In the article, the authors examine current problems and directions for improving international cooperation in the sphere of ensuring global security. The key mechanisms of interaction between states through multilateral institutions (the UN, the EU, APEC, etc.), the role of international treaties and agreements, as well as the importance of information and technology exchange for countering modern threats – from terrorism and cybercrime to environmental catastrophes and pandemics – are

analyzed. Particular attention is paid to the development of mechanisms for rapid response to crises, the introduction of innovative technologies (artificial intelligence, big data, robotics), improving the effectiveness of diplomatic efforts, and strengthening trust between states. The conclusion is substantiated that only a systematic and coordinated approach, combining technological modernization, the development of multilateral dialogue formats, and strategic planning, is capable of ensuring the resilience of the international security system in the context of an increasingly complex geopolitical situation.

For citation

Dzybova S.G., Stash Z.K., Markov P.N. (2026) Sovershenstvovanie raboty organizatsiy po obespecheniyu mezhdunarodnoy bezopasnosti [Improving the Work of Organizations for Ensuring International Security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 625-632. DOI: 10.34670/AR.2026.99.92.064

Keywords

International cooperation, international security, multilateral diplomacy, cybersecurity, mechanisms for responding to threats, international organizations, global challenges, innovative technologies, trust between states, conflict prevention.

References

1. Gulak, A. M. (2022). O vliyanii GDPR na sostoyaniye kiberbezopasnosti v Velikobritanii [On the impact of GDPR on the state of cybersecurity in the UK]. Matritsa nauchnogo poznaniya, (6-1), 45–47.
2. Kissinger, H. (1994). Diplomacy. Simon and Schuster.
3. Kobets, P. N. (2023). Sovershenstvovaniye mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v sfere informatsionnoy bezopasnosti: osnova protivodeystviya mezhdunarodnoy kiberprestupnosti [Improving interstate cooperation in the field of information security: The foundation for countering international cybercrime]. Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina, (1), 83–89.
4. Shapovalova, A. M., & Stolbun, E. E. (2018). Mezhgosudarstvennoye sotrudnichestvo v tselyakh obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti [Interstate cooperation to ensure national security]. Sotsialno-gumanitarnyye znaniya, (7), 152–161.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 346.7:502.131.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.22.74.065**

Борьба с гринвошингом в системе ESG-рейтингования: правовые и экономические механизмы обеспечения достоверности экологической отчётности

Подтоптанный Александр Александрович

Студент,
Владивостокский филиал Российской таможенной академии,
690034, Российская Федерация, Владивосток, ул. Стрелковая, 14а;
e-mail: sayrex48@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются правовые и экономические механизмы противодействия гринвошингу (зелёному камуфляжу) в системе ESG-рейтингования, сложившиеся в праве Европейского Союза. Исследование сосредоточено на трёх ключевых элементах формирующегося регуляторного режима: Директиве о корпоративной отчётности в области устойчивого развития (CSRD), Регламенте о раскрытии информации в сфере устойчивого финансирования (SFDR) и Регламенте о прозрачности и добросовестности ESG-рейтинговой деятельности (2024/3005). Рассматриваются доктринальные подходы к квалификации гринвошинга, анализируются выводы Европейского управления по ценным бумагам и рынкам (ESMA), Европейского банковского управления (EBA) и Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO) о рисках недостоверности ESG-рейтингов, а также обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего правовые императивы с экономическими стимулами для обеспечения достоверности экологической отчётности.

Для цитирования в научных исследованиях

Подтоптанный А.А. Борьба с гринвошингом в системе ESG-рейтингования: правовые и экономические механизмы обеспечения достоверности экологической отчётности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 633-639. DOI: 10.34670/AR.2026.22.74.065

Ключевые слова

Гринвошинг, ESG-рейтинг, устойчивое финансирование, CSRD, SFDR, Регламент ESG-рейтингов, достоверность отчётности, зелёный камуфляж, ESMA, IOSCO, управление рисками, государственная политика.

Введение

Рост интереса инвесторов к устойчивому развитию привёл к стремительному увеличению числа финансовых продуктов, позиционируемых как «зелёные» или «устойчивые», и, соответственно, к многократному росту влияния ESG-рейтингов и поставщиков данных в области устойчивого развития на финансовые рынки [OSCO, 2021]. По данным Принципов ответственного инвестирования ООН (PRI), по состоянию на март 2025 года число подписантов превысило 5 200 организаций, управляющих активами около 140 трлн долларов США [PRI, 2025]. Однако столь стремительное развитие рынка сопряжено с системными рисками: ESG-рейтинги и продукты, основанные на них, всё чаще становятся инструментом не столько отражения реальной устойчивости компаний, сколько объектом манипуляций. Именно эта проблема лежит в основе феномена гринвошинга - практики, при которой заявления, декларации или коммуникации в области устойчивого развития не отражают чётко и справедливо реальный профиль устойчивости хозяйствующего субъекта, финансового продукта или услуги [ESMA, 2024]. Гринвошинг подрывает доверие к устойчивому финансированию в целом [IOSCO, 2023], искажает распределение капитала и создаёт недобросовестные конкурентные преимущества для компаний, прибегающих к введению инвесторов в заблуждение. В этих условиях формирование эффективных правовых и экономических механизмов обеспечения достоверности экологической отчётности становится одной из центральных задач современного регуляторного права.

Основная часть

Правовая архитектура противодействия гринвошингу в Европейском Союзе представляет собой трехуровневую систему, последовательно охватывающую все звенья инвестиционной цепочки создания стоимости в сфере устойчивого финансирования. Первый уровень - это требования к корпоративной отчётности, второй - требования к раскрытию информации финансовыми посредниками, третий - требования к деятельности поставщиков ESG-рейтингов и данных, выступающих ключевыми «инфомедиаторами» (информационными посредниками) устойчивого финансирования.

Отправной точкой системы является Директива (ЕС) 2022/2464 о корпоративной отчётности в области устойчивого развития (Corporate Sustainability Reporting Directive - CSRD) [Directive (EU) 2022/2464, 2022]. Принятая 14 декабря 2022 года в рамках Европейского зелёного курса, CSRD кардинально пересматривает подход к нефинансовой отчётности, заменив действовавшую ранее Директиву о нефинансовой отчётности (NFRD). CSRD вводит обязательную детализированную отчётность по устойчивому развитию для всех крупных компаний и компаний, ценные бумаги которых обращаются на регулируемых рынках ЕС. Отчётность должна составляться в соответствии с Европейскими стандартами отчётности в области устойчивого развития (ESRS) и подлежать обязательному аудиту (ограниченному объёму уверенности) [Directive (EU) 2022/2464, 2022, с. 8–9]. Именно обязательный внешний аудит, как отмечается в доктрине, призван не только повысить достоверность публикуемой информации, но и напрямую препятствовать практике гринвошинга, поскольку компании несут ответственность за достоверность раскрываемых данных. Таким образом, CSRD формирует фундамент всей системы - достоверную и верифицируемую информацию о корпоративной устойчивости, без которой невозможно ни принятие обоснованных инвестиционных решений,

ни качественное ESG-рейтингование.

Второй уровень представлен Регламентом (ЕС) 2019/2088 о раскрытии информации в сфере устойчивого финансирования (Sustainable Finance Disclosure Regulation - SFDR) [Regulation (EU) 2019/2088, 2019]. SFDR устанавливает требования к раскрытию информации для участников финансового рынка и финансовых консультантов в отношении их инвестиционных решений с учётом факторов устойчивости. Регламент вводит категоризацию финансовых продуктов по степени их устойчивости (статьи 8 и 9) и обязывает раскрывать информацию о том, как учитываются риски устойчивости и как инвестиции соответствуют экологическим или социальным характеристикам. В ноябре 2025 года Европейская комиссия опубликовала предложение по масштабному пересмотру SFDR (так называемый SFDR 2.0) - COM(2025) 841 final, направленное на дальнейшее усиление защиты инвесторов, сокращение гринвошинга и восстановление сопоставимости на финансовых рынках ЕС [European Commission, 2025, с. 4]. Среди ключевых изменений - введение более строгих правил именования продуктов и ограничений на маркетинг, а также усиление требований к веб-сайтам в части раскрытия информации об ESG-рейтингах [European Commission, 2025, с. 9–10]. По оценке европейских регуляторов, SFDR 2.0 призван устранить системный недостаток текущей версии - отсутствие чётких критериев для отнесения продуктов к «устойчивым», что создавало почву для недобросовестных практик [European Commission, 2025, с. 30–33].

Третий, наиболее важный для целей настоящего исследования уровень - Регламент (ЕС) 2024/3005 Европейского парламента и Совета от 27 ноября 2024 года о прозрачности и добросовестности деятельности по ESG-рейтингованию, вносящий изменения в Регламенты (ЕС) 2019/2088 и (ЕС) 2023/2859 [Regulation (EU) 2024/3005, 2024]. До принятия данного Регламента деятельность по ESG-рейтингованию не подлежала какому-либо общеевропейскому регулированию, что создавало существенные расхождения в методологиях и риски гринвошинга [IOSCO, 2021; ESMA, 2025]. Регламент 2024/3005 устанавливает единые правила, призванные сделать ESG-рейтинги более заслуживающими доверия, прозрачными и сопоставимыми. Ключевые положения Регламента включают: во-первых, обязательную регистрацию и надзор за провайдерами ESG-рейтингов со стороны ESMA; во-вторых, требования к прозрачности методологий, источников данных и моделей рейтингования; в-третьих, правила предотвращения конфликтов интересов, включая требование операционного разделения деятельности по предоставлению ESG-рейтингов и консультационных услуг для рейтингуемых компаний; в-четвёртых, разделение видов деятельности (ESG-рейтингование и иные услуги) для обеспечения независимости. Регламент применяется с 2 июля 2026 года. Важно подчеркнуть, что Регламент 2024/3005 вносит изменения и в SFDR, обязывая участников финансового рынка раскрывать информацию об использовании ESG-рейтингов в маркетинговых коммуникациях с указанной даты.

Взаимосвязь трёх указанных актов образует комплексный правовой механизм, в котором каждый элемент выполняет строго определённую функцию. CSRD обеспечивает достоверность первичной информации на уровне компаний-эмитентов. SFDR (и особенно его новая редакция) регулирует раскрытие информации на уровне финансовых посредников, обеспечивая инвесторов сопоставимыми данными об устойчивости продуктов. Регламент 2024/3005 устанавливает правила для «инфомедиаторов» - поставщиков ESG-рейтингов и данных, агрегирующих и интерпретирующих информацию для рынка. Именно в этой тройственной системе, как обоснованно отмечается в доктрине, формируется новый тип регулирования - «принуждение через посредников» (coercion through gatekeepers), дополняющее рыночные

механизмы «выхода» (exit) и «голоса» (voice).

Роль ESG-рейтингов в обеспечении достоверности экологической отчётности не сводится к простому агрегированию данных. Рейтинги выполняют три ключевые функции. Во-первых, они являются механизмом рыночной дисциплины, поскольку низкий рейтинг может привести к оттоку капитала и росту стоимости заимствований. Во-вторых, они выступают инструментом сравнительного анализа, позволяя инвесторам сопоставлять компании в отсутствие унифицированных стандартов отчётности. В-третьих, они служат сигналом для регуляторов, указывая на потенциальные области несоответствия или риски. Однако каждая из этих функций может быть искажена при отсутствии должного регулирования. Как показало исследование IOSCO, проведённое в 2021 году, ESG-рейтинги страдают от ряда системных недостатков: отсутствие ясности и согласованности в определениях; непрозрачность методологий; неравномерное покрытие компаний (определённые отрасли и географические регионы получают больше внимания, чем другие); риски конфликта интересов; недостаточная коммуникация с рейтингуемыми компаниями [IOSCO, 2021].

Экономический аспект проблемы заключается в том, что гринвошинг через ESG-рейтинги создаёт негативные экстерналии (внешние эффекты). Недобросовестная компания, получившая завышенный рейтинг, привлекает капитал по более низкой цене, вытесняя с рынка добросовестных конкурентов, которые несут реальные издержки на обеспечение устойчивости. Это классический пример неблагоприятного отбора (adverse selection), когда рынок наказывает «хороших» игроков и поощряет «плохих». Экономический анализ права позволяет предложить оптимальные инструменты противодействия этому эффекту. Во-первых, штрафы за гринвошинг должны быть структурированы не как фиксированные суммы, а как функция от полученной выгоды (disgorgement of profits) и нанесённого ущерба, чтобы обеспечить должный сдерживающий эффект (optimal deterrence). Во-вторых, введение обязательного аудита ESG-отчётности (как это предусмотрено CSRD) создаёт дополнительную верификационную нагрузку, которая, однако, должна быть сбалансирована с издержками на соблюдение требований. В-третьих, признание ESG-рейтинговых агентств «инфомедиаторами» с фидуциарными обязанностями перед рынком (как это предусмотрено Регламентом 2024/3005) создаёт правовые основания для исков со стороны инвесторов, понёсших убытки из-за недостоверных рейтингов.

Практика правоприменения в рассматриваемой области только начинает складываться. Европейские надзорные органы (ESMA, EBA, EIOPA) в июне 2024 года опубликовали совместные итоговые доклады по гринвошингу в финансовом секторе, в которых обобщили опыт национальных компетентных органов (НКО) и наметили пути совершенствования надзора [ESMA, 2024]. Согласно докладу Европейского банковского управления (EBA), общее количество предполагаемых случаев гринвошинга увеличилось на 21,1 % во всех регионах и на 26,1 % в ЕС по сравнению с 2022 годом [EBA, 2024]. При этом НКО сообщили о 45 случаях гринвошинга среди эмитентов, связанных с отчётностью по устойчивому развитию или раскрытием информации в проспектах и accompanying advertising [ESMA, 2024]. Важно, что ESMA отмечает необходимость риск-ориентированного подхода к надзору с концентрацией ресурсов на наиболее значимых рисках [ESMA, 2024]. В июле 2025 года ESMA опубликовала тематическую записку для участников рынка, содержащую четыре ключевых принципа для заявлений в области устойчивого развития: они должны быть точными, доступными, обоснованными и актуальными (Accurate, Accessible, Substantiated and Up to Date) [ESMA, 2025]. Эта записка, хотя и не вводит новых требований, формирует ориентиры для добросовестного

поведения в отсутствие исчерпывающих правовых норм.

На глобальном уровне Международная организация комиссий по ценным бумагам (IOSCO) в декабре 2023 года опубликовала Итоговый доклад о надзорных практиках по противодействию гринвошингу, в котором обобщила опыт регуляторов разных стран и предложила ряд рекомендаций [IOSCO, 2023]. IOSCO прямо указывает, что гринвошинг остаётся фундаментальной проблемой рыночного поведения, создающей риски как для защиты инвесторов, так и для целостности рынка. Среди вызовов, требующих внимания, IOSCO выделяет пробелы в данных на корпоративном уровне; проблемы с прозрачностью, качеством и надёжностью ESG-рейтингов и поставщиков данных; отсутствие единообразия в терминологии, маркировке и классификации продуктов; недостаток квалификации и опыта; а также эволюционирующие регуляторные подходы [IOSCO, 2023].

Таким образом, формирующийся в праве Европейского Союза режим противодействия гринвошингу представляет собой комплексный межотраслевой институт, сочетающий императивные требования к раскрытию информации, надзор за деятельностью ключевых посредников (ESG-рейтинговые агентства) и экономические стимулы для добросовестного поведения. Его эффективность будет зависеть от трёх факторов. Первый - способность регуляторов обеспечить реальную (а не формальную) верификацию ESG-данных, что требует не только расширения полномочий надзорных органов, но и развития их экспертного потенциала. Второй - согласованность требований на разных уровнях: CSRD, SFDR и Регламент 2024/3005 должны образовывать непротиворечивую систему, а не набор разрозненных обязательств. Третий - глобальная координация, поскольку ESG-рейтинги и устойчивое финансирование по своей природе трансграничны, и фрагментация регуляторных режимов создаёт возможности для арбитража и ослабляет общий эффект. IOSCO в этой связи подчёркивает необходимость согласованного подхода на международном уровне [IOSCO, 2023].

С практической точки зрения укреплению правовой определённости в рассматриваемой сфере способствовало бы принятие унифицированных стандартов ответственности ESG-рейтинговых агентств за достоверность предоставляемой информации, включая возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности инвесторов, понёсших убытки из-за недостоверных рейтингов. Кроме того, развитие института «второго мнения» (second-party opinion) и независимой верификации ESG-заявлений могло бы стать дополнительным рыночным механизмом, дополняющим государственное регулирование. Наконец, важным направлением является гармонизация требований к раскрытию информации на уровне международных стандартов (в частности, стандартов ISSB), что позволило бы снизить издержки на соблюдение требований для транснациональных компаний и повысить сопоставимость данных.

Заключение

Проблема противодействия гринвошингу в системе ESG-рейтингования не может быть решена исключительно правовыми или исключительно экономическими средствами. Необходим синтез подходов: императивные требования к раскрытию информации и надзор за посредниками (правовой аспект) должны сочетаться с экономическими стимулами - созданием рыночных механизмов, вознаграждающих достоверность и наказывающих недостоверность. Только в таком комплексном виде возможно формирование устойчивой системы,

обеспечивающей доверие инвесторов и эффективное распределение капитала в интересах достижения целей Парижского соглашения и устойчивого развития.

Библиография

1. Директива (ЕС) 2022/2464 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 г., вносящая изменения в Регламент (ЕС) № 537/2014, Директиву 2004/109/ЕС, Директиву 2006/43/ЕС и Директиву 2013/34/ЕС в части корпоративной отчётности в области устойчивого развития // Официальный журнал Европейского союза. L 322. 16.12.2022. С. 15–80.
2. Регламент (ЕС) 2019/2088 Европейского парламента и Совета от 27 ноября 2019 г. о раскрытии информации, связанной с устойчивым развитием, в секторе финансовых услуг // Официальный журнал Европейского союза. L 317. 09.12.2019. С. 1–16.
3. Регламент (ЕС) 2024/3005 Европейского парламента и Совета от 27 ноября 2024 г. о прозрачности и добросовестности деятельности по экологическому, социальному и управленческому (ESG) рейтингованию, вносящий изменения в Регламенты (ЕС) 2019/2088 и (ЕС) 2023/2859 // Официальный журнал Европейского союза. L 2024/3005. 12.12.2024.
4. EBA. Final Report on Greenwashing. Response to the European Commission's request for input on "greenwashing risks and the supervision of sustainable finance policies". EBA/REP/2024/12. 4 June 2024. URL: https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/2024-05/a12e5087-8fd2-451f-8005-6d45dc838ffd/Report%20on%20greenwashing%20monitoring%20and%20supervision.pdf
5. ESMA. Final Report on Greenwashing. Response to the European Commission's request for input on "greenwashing risks and the supervision of sustainable finance policies". ESMA36-287652198-2699. 4 June 2024. URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/2024-06/ESMA36-287652198-2699_Final_Report_on_Greenwashing.pdf
6. ESMA. Thematic note on sustainability-related claims used in non-regulatory communications. ESMA36-429234738-154. 1 July 2025. URL: https://www.esma.europa.eu/document/thematic-notes-clear-fair-and-not-misleading-sustainability-related-claims
7. European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2019/2088 as regards sustainability-related disclosures in the financial services sector (SFDR 2.0). Brussels, 20.11.2025. COM(2025) 841 final.
8. IOSCO. Environmental, Social and Governance (ESG) Ratings and Data Products Providers. Final Report. FR09/21. November 2021. URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD690.pdf
9. IOSCO. Supervisory Practices to Address Greenwashing. Final Report. FR12/23. December 2023. URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD750.pdf
10. Principles for Responsible Investment (PRI). Annual Report 2025. URL: https://www.unpri.org/annual-report-2025

Combating Greenwashing in the ESG Rating System: Legal and Economic Mechanisms for Ensuring the Reliability of Environmental Reporting

Aleksandr A. Podtoptannyi

Student,
Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy,
690034, 14a, Strelkovaya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: sayrex48@gmail.com

Abstract

The article analyzes the legal and economic mechanisms for countering greenwashing (green camouflage) in the ESG rating system that have developed in the law of the European Union. The study focuses on three key elements of the emerging regulatory regime: the Corporate Sustainability Reporting Directive (CSRD), the Sustainable Finance Disclosure Regulation (SFDR), and the

Regulation on the transparency and integrity of ESG rating activities (2024/3005). Doctrinal approaches to the qualification of greenwashing are examined, the conclusions of the European Securities and Markets Authority (ESMA), the European Banking Authority (EBA), and the International Organization of Securities Commissions (IOSCO) on the risks of unreliability of ESG ratings are analyzed, and the necessity of an integrated approach combining legal imperatives with economic incentives to ensure the reliability of environmental reporting is substantiated.

For citation

Podtoptannyi A.A. (2026) Bor'ba s grinvoshingom v sisteme ESG-reytingovaniya: pravovye i ekonomicheskie mekhanizmy obespecheniya dostovernosti ekologicheskoy otchetnosti [Combating Greenwashing in the ESG Rating System: Legal and Economic Mechanisms for Ensuring the Reliability of Environmental Reporting]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 633-639. DOI: 10.34670/AR.2026.22.74.065

Keywords

Greenwashing, ESG rating, sustainable finance, CSRD, SFDR, ESG Rating Regulation, reliability of reporting, green camouflage, ESMA, IOSCO, risk management, state policy.

References

1. Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 amending Regulation (EU) No 537/2014, Directive 2004/109/EC, Directive 2006/43/EC and Directive 2013/34/EU, as regards corporate sustainability reporting. (2022). *Official Journal of the European Union*, L 322, 15–80.
2. EBA. (2024). *Final Report on Greenwashing. Response to the European Commission's request for input on "greenwashing risks and the supervision of sustainable finance policies"* (EBA/REP/2024/12). https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/2024-05/a12e5087-8fd2-451f-8005-6d45dc838ffd/Report%20on%20greenwashing%20monitoring%20and%20supervision.pdf
3. ESMA. (2024). *Final Report on Greenwashing. Response to the European Commission's request for input on "greenwashing risks and the supervision of sustainable finance policies"* (ESMA36-287652198-2699). https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/2024-06/ESMA36-287652198-2699_Final_Report_on_Greenwashing.pdf
4. ESMA. (2025). *Thematic note on sustainability-related claims used in non-regulatory communications* (ESMA36-429234738-154). https://www.esma.europa.eu/document/thematic-notes-clear-fair-and-not-misleading-sustainability-related-claims
5. European Commission. (2025). *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2019/2088 as regards sustainability-related disclosures in the financial services sector (SFDR 2.0)* (COM(2025) 841 final). Brussels.
6. IOSCO. (2021). *Environmental, Social and Governance (ESG) Ratings and Data Products Providers. Final Report* (FR09/21). https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD690.pdf
7. IOSCO. (2023). *Supervisory Practices to Address Greenwashing. Final Report* (FR12/23). https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD750.pdf
8. Principles for Responsible Investment (PRI). (2025). *Annual Report 2025*. https://www.unpri.org/annual-report-2025
9. Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector. (2019). *Official Journal of the European Union*, L 317, 1–16.
10. Regulation (EU) 2024/3005 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2024 on the transparency and integrity of Environmental, Social and Governance (ESG) rating activities, and amending Regulations (EU) 2019/2088 and (EU) 2023/2859. (2024). *Official Journal of the European Union*, L 2024/3005, 12.12.2024.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.